

84/2Рос. = Др. 1/

С 16

НИКЪ „НИВЫ“

1905

ПРОМЪ

І

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
М.Е. САЛТЫКОВА-
(ШЕДРИНА)

КНИГА

ИЗДАНИЕ
А.Р.МАРКСА

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

МАТЕРИАЛЫ

для

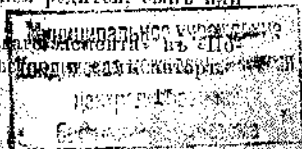
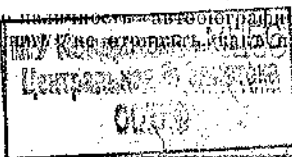
БИОГРАФИИ М. Е. САЛТЫКОВА.

I.

15-го января 1826 г.—12-го февраля 1856 г.

«15-го января 1826 года,—писалъ Салтыковъ 14-го января 1887 г. одному изъ своихъ близкихъ знакомыхъ,— у колесжскаго совѣтника Евграфа Васильевича и жены его Ольги Михайловны Салтыковыхъ родился сынъ Михаилъ. Принимала бабка-товитишка Уляна Ивановна, калязинская мѣщанка. Крестилъ священникъ села Спасъ-Уголь Иванъ Яковлевъ Новоселовъ; юперіемниками были: угличскій мѣщанинъ Дмитрій Михайловъ Турбатовъ и дѣвица Марья Васильевна Салтыкова. При крещеніи Турбатовъ пророчествовалъ: «сей младенецъ будетъ разгонникъ женскій». По этому случаю приглашается вы съ фамиліей завтра въ четвергъ вечеромъ для присутствованія при всеобщемъ бѣдніи въ домъ № 62, на Литейной». Это письмо интересно, между прочимъ, потому, что сообщаемы въ немъ данныя совпадаютъ съ рассказомъ о рожденіи и крещеніи Никанора Затрапезнаго*). Новитишка, его принимавшая, такъ и именуется Уляной Ивановой; прозвище крестнаго отца немного измѣнено, онъ названъ Дмитріемъ Никоновымъ Бархатовымъ. Попалъ онъ въ воспріемники къ дворянскому сыну, очевидно, потому, что славился своею публичностью и «прозорливостью». «На вопросъ матушки,—повѣствуетъ Никаноръ Затрапезный,—что у нея родители, сынъ иди

*) Нѣкоторую часть этого автографическаго материала составилъ въ «Полномъ Сводѣ законовъ» 1856 г. Никаноръ Затрапезный, который былъ тогда въ Омскѣ.

64665-1-

дочь, онъ зацѣль пѣтухомъ и сказалъ: «пѣтушокъ, пѣтушокъ, достѣтъ поготовкѣ!» Кромя того, онъ предсказалъ и будущую судьбу мою, что я многихъ супостатовъ покорою и буду *обычнымъ разонникомъ*. Не разъ я выдалъ выслѣдствіи моего крестнаго отца, идущаго, съ посохомъ въ рукахъ, въ толпѣ народа, за крестнымъ ходомъ. Но познакомиться мнѣ съ нимъ и называть его шалыганомъ». Этими не ограничиваются бесспорныя точки соприкосновенія между дѣтствомъ Салтыкова и дѣтствомъ Никанора Затрапезнаго. Въ пятой главѣ «Помехонской Старины» приведены французскіе стихи, заученные Никаноромъ ко дню именинъ отца и матери; между бумагами Салтыкова нашлись эти самые стихи, написанные дѣтскимъ почеркомъ и подписанные такъ: «*béni par votre très humble fils Michel Soltoukoff, le 16 octobre 1832*» (когда мальчику не было еще, слѣдовательно, и семи лѣтъ). Въ біографическомъ очеркѣ, напечатанномъ, съ вѣдома М. Е. Салтыкова, въ VIII выпускѣ «Русской Библіотеки» (1878 г.), сказано, что первымъ учителемъ Салтыкова былъ крѣпостной человекъ его родителей, живописецъ Навель, а потомъ съ нимъ занимался, между прочимъ, старшая его сестра (Надежда Енграфова) и священникъ одного изъ сѣбскихъ селъ (Иванъ Васильевичъ); то же самое рассказываетъ о себѣ и Никаноръ Затрапезный. Едва ли, въ виду всего этого, можно сомнѣваться въ томъ, что «Помехонская Старина» даетъ вѣрную картину умственного и нравственнаго развитія Салтыкова, доведенную, въ сожалѣнію, только до окончанія домашняго воспитанія, т. е. до десятилѣтняго возраста. Значеніе этой картины громадно; она бросаетъ яркій свѣтъ на всю послѣдующую жизнь Салтыкова. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть чудесныя страницы, изображающія первое знакомство ребенка съ евангельскими разсказами. Мы напомнимъ лишь заключительныя ихъ строки: «въ призваніи человѣческаго образа тамъ, гдѣ, по силѣ обществѣннаго убѣжденія, существовалъ только поруганный образъ раба, состоялъ главный и существенный результатъ, вынесенный мною изъ тѣхъ попытокъ самообученія, которыми я предавался въ теченіе года». Въ связи съ этимъ получаются настоящій свой смыслъ и слѣдующія слова Затрапезнаго-Салтыкова: «крѣпостное право сближало меня съ подневольною массой. Это можетъ показаться страннымъ, но я и теперь еще сознаю, что крѣпостное право играло громадную роль въ моей жизни, и что только переживъ все его фазисы, и могъ придти къ полному, сознательному и страстному отрицанію его».

Кромѣ сестры и священника, съ Салтыковымъ занимался

губернанта Авдотья Петровна Василевская (окончившая курсъ, вмѣстѣ съ Надеждой Енграфовой, въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ) и студентъ московской духовной академіи Матвій Петровичъ Салмппъ, котораго пригласили на лѣтнія вакаціи два года ерду. Первоначальное обученіе мальчика оказалось настолько удовлетворительнымъ, что въ августѣ 1836 г. онъ могъ быть принятъ въ третій классъ шестикласснаго московскаго дворянскаго института. Но малолѣтству, однако, онъ оставался въ этомъ классѣ два года. Въ 1838 г. Салтыковъ былъ переведенъ въ харьковскій лицей, въ силу преимуществъ, которыми пользовался московскій дворянскій институтъ опредѣлять, каждые полтора года, двоихъ отличнѣйшихъ учениковъ въ лицей, казеннокоштными воспитанниками. Въ лицей Салтыковъ ушелъ въ младшемъ классѣ почувствовавъ влеченіе къ литературѣ и сталъ писать стихи. За это и за чтеніе книгъ онъ терпѣлъ всевозможныя преслѣдованія какъ со стороны губернаторовъ, такъ и въ особенности со стороны учителя русскаго языка Грѣдова. Салтыковъ вынужденъ былъ прятать стихи — особенно тѣ, которые были «неодобрительнаго» содержанія — въ рукава куртки и даже въ саногы; но контрабанда была найдена и тамъ и оказывала сильное вліяніе на отбѣтки «изъ поведенія». Въ теченіе всего времени пребыванія въ лицей онъ почти не получалъ, при полныхъ 12 баллахъ, свыше девяти. Въ аттестатѣ, данномъ Салтыкову по окончанія курса, поведеніе его названо довольно хорошимъ; а это значитъ, что средній баллъ въ поведеніи за послѣдніе годы былъ ниже восьми. И все это началось со стиховъ, къ которымъ выслѣдствіи присоединились «грубоствы», т. е. разстегнутая пуговица на курткѣ или мундирѣ, пошленіе треуголки съ поля, а не по формѣ (что было необыкновенно трудно и составляло цѣлую науку), куреніе табаку и иные школьныя преступленія. Какое воспоминаніе Салтыковъ сохранилъ о своихъ лицейскихъ годахъ, объ этомъ даютъ новыя слѣдующія слова, написанныя имъ лѣтъ десять спустя послѣ выпуска: «цѣлну я школу, но какъ-то угрюмо и непривѣтливо воскресаетъ она въ моемъ воображеніи... Пѣтъ, и сегодня настроенъ такъ мягко, что все хочу видѣть въ розовомъ свѣтѣ... прочь школу!» («Слука», въ «Губернскихъ Очеркахъ»).

Начиная со втораго класса въ лицей дозволялось воспитанникамъ выписывать журналы на свой счетъ. При Салтыковѣ получались, такимъ образомъ, «Отечественныя Записки», «Библіотека для Чтенія», «Сынъ Отечества», «Маякъ», «Revue Étrangère». Журналы читались воспитанниками съ жадностью; въ особенности сильно было вліяніе «Отечественныхъ Записокъ»,

благодаря критикѣ Бѣлинскаго, повѣстямъ Панаева, Кудрявцева и друг. Вліяніе литературы было тогда вообще очень сильно въ лицей; воспоминаніе о Пушкинѣ какъ-будто обязывало, и въ каждомъ курсѣ предполагался продолжатель Пушкина. Такъ, въ XI курсѣ (1841 г.) товарищи указывали на В. Р. Зотова, номѣщавшаго стихи въ «Маякѣ», редакторъ котораго, Бурачекъ, провозгласилъ его вторымъ Пушкинымъ*). Въ XII курсѣ на пушкинскую вакансію номѣщали Н. П. Семенова (сенаторъ, бывший членъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, авторъ сочиненія объ этой эпохѣ, сотрудникъ «Русскаго Вѣстника»); въ XIII — Салтыкова; въ XIV — Виктора Павловича Гавскаго (недавно умершаго, автора статей о Дельвигѣ и Пушкинѣ; много лѣтъ бывшаго председателемъ литературнаго фонда). Первое стихотвореніе Салтыкова «Лира», было напечатано въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1841 года (т. 45-й, стр. 105—6), за подписью: С—въ. Въ слѣдующемъ 1842 году появилась въ томъ же журналѣ (т. 50, стр. 10) другая его пьеса: «Двѣ жинны», номѣщенная только первой буквой его фамиліи. Приводимъ обѣ пьесы исполнѣ, какъ матеріаль для характеристички молодого, пятнадцатилѣтняго автора:

Л И Р А.

На русскомъ Парнаскѣ есть лира
Струнами ей — солнца лучи,
Ихъ звукамъ внимаютъ полміра;
Предъ ними самъ громъ замолчи!
И въ черную тучу главою
Небрежно уперлась она;
Могучій утесъ — нога стноюю,
У ногъ его стонетъ волна.
Два мужа на лирѣ гремѣли,
Гремѣли могучей рукою;
Къ нимъ звуки отъ неба слетѣли
И приняли образъ земной.
Одинъ былъ старинъ величавый;
Онъ мощно на лирѣ бряцалъ.
Вънцомъ немерцающей славы
Поэта міръ хладный въичалъ.
Другой былъ любимый сынъ Феба;

*) Одинадцатому курсу принадлежатъ и другой «продолжатель Пушкина», имѣвшій гораздо больше правъ на этотъ титулъ — Л. А. Мей (переведенный въ лицей, подобно Салтыкову, изъ московскаго дворянскаго института). Изъ біографіи его, написанной В. Р. Зотовымъ, мы узнаемъ, что онъ писалъ стихи и до вступленія въ лицей, и въ лицей. Какъ и Салтыковъ, онъ былъ восторженнымъ шарунгителемъ лицейскихъ правилъ и получалъ дурные баллы «изъ поведенія».

Онъ ибеси долѣть не успѣлъ,
И въ свѣтлой обители неба
Ужъ исповѣдь сердца долѣть.
Ибвѣсь тотъ былъ славень и молодъ,
Онъ ибвѣнею смертныхъ увлечь
И міра безжизненный холоду
Въ волшебные звуки облечь.
Угасли въ святыхъ селеняхъ
Умчавшися, съ собою унесли
И алру, одно утѣшеніе
Средь бурь и волненій земли!..

Д В Ъ Ж И З Н И .

Жизнь сладостна и даръ небесъ безцѣнный
Тому, кто вкрывалъ въ Звиздители вселенной;
Кто юности и счастьемъ прошлыхъ дней
Возможеть отслужить съ улыбкой ясной тривогу;
Поднять покровъ съ картинъ весны своей
Кто можеть смѣлою рукой, безъ укоризны;
Кто, полный мыслию, умѣлъ блаженно жить,
Роскошно чувствовать и истинно любить;
Въ чьемъ духѣ бодрственомъ, не тяжкимъ страдаши,
Остали сладки еще воспоминаши;
На жизненномъ пути кто безъ горючихъ слезъ,
Безъ боли крестъ заботъ житейскихъ несетъ,
И, вѣнчанный вѣнкомъ изъ розановъ душистыхъ,
Спокойно отойдетъ въ обитель тѣней чистыхъ.

Но жизнь безрадостна и тяжела тому,
Кто сердца не нашель отъвѣтнаго ему;
Кто, символомъ ничтожества покрытый,
Людми и всѣмъ, что въ мірѣ, позабытый,
Страстей земныхъ измученный борьбой,
Какимъ-то странникомъ блуждая одинокимъ,
Напрасно силится смѣяться надъ судьбой
И сбросить гора иль въ убжищѣ далекомъ.
Кто странную себя анаоому прочтеть
Въ весобценомъ, тягостномъ, убйственомъ забвѣннѣ,
И трупомъ проклятымъ, въ отчаяннѣ, умереть
Безъ слезъ напутственныхъ, безъ погребеннѣ,
Священнаго лишеть поминовеннѣ!..

Во времени пребывания въ лицѣѣ относятся и всѣ остальные стихотворенія Салтыкова, хотя они появились въ «Современникѣ», выходившемъ тогда подъ редакціею Плетнева, — уже послѣ выпуска его изъ лицей, въ 1844 и 1845 гг. Напечатаны они не въ томъ порядкѣ, въ какомъ написаны. Въ 34-мъ томѣ «Современника», за 1844 годъ, помѣщены (стр. 231 и 341) два стихотворенія, написанныя, какъ видно изъ помѣтокъ автора, въ февралѣ и мартѣ того же года^{*)}: «Нашъ ильтъ» и «Весна». Въ 35-мъ томѣ, также 1844 г., помѣщены (стр. 100 и 105)

^{*)} Салтыковъ окончилъ курсъ въ мавъ 1844 г.

два перевода, изъ Гейне («Рыбачкъ») и Байрона, относящиеся первый—къ 1841 г., второй—къ 1842 г., т. е. одновременные съ стихотвореніями, напечатанными въ «Библіотекѣ для Чтенія». Въ томѣ 37-мъ, за 1845 г., помѣщены (стр. 119 и 377) два стихотворенія: «Зимняя элегія» и «Вечерь», изъ которыхъ послѣднее помѣчено 1842 г., первое—1843-мъ; въ томѣ 39-мъ, также за 1845 г.—одно стихотвореніе (стр. 212), написанное въ 1843 г. «Музыка» *). Подъ всеми этими стихотвореніями подпись: «М. Салтыковъ». Приведемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

РЫБАЧКЪ (изъ Гейне).

О, милая дѣвочка! быстро
 Челнокъ свой направи ты ко мнѣ!
 Сядь рядомъ со мною и тихо
 Бесѣдовать будемъ во тьмѣ.
 И въ сердцу страдальца ты вѣрно
 Голову младую прижми—
 Вѣдь морю себя ты выкриешь
 И въ бурю, и въ ясные дни.
 А сердце мое то же море—
 Буря пусть оно и вихрь.
 И много сопровищи бездѣльныхъ
 На дѣй своемъ вѣномъ хранить **).

ИЗЪ БАЙРОНА.

Разбитъ мой талисманъ, печально упоенье!
 Такъ вѣчно должно намъ здѣсь плакать и страдать;
 Мы жизнь свою влечемъ въ вѣномъ самозабвенья
 И улыбаемся, когда-бъ должны рыдать.
 И всякій свѣтлый мигъ покажетъ, что страданье,
 Одно страданіе насъ въ жизни нашей ждетъ,
 И тотъ, кто здѣсь живетъ, далеко земныхъ желаній,—
 Какъ мученикъ живетъ ***).

*) Въ оглавленіи 39-го тома показано еще одно стихотвореніе Салтыкова: «Изъ Байрона», но на стран. 318, на которую сдѣлана ссылка, напечатано совсѣмъ другое стихотвореніе, озаглавленное: «21 июля 1845» и подписанное Д. Кошгевымъ, имя котораго встрѣчается въ тогдашнемъ «Современникѣ» довольно часто.

**) Вотъ, для сравненія, подлинникъ: Du, schönes Fischermädchen, treibe den Kahn an's Land; komm zu mir und setze dich nieder, wir kosen Hand in Hand. Leg' an mein Herz dein Köpfchen, und fürchte dich nicht so sehr; vertraust du dich doch sorglos täglich dem wilden Meer. Mein Herz gleicht ganz dem Meere, hat Sturm und Ebb' und Fluth, und manche schöne Perle in seiner Tiefe ruht.

***) The spell is broke, the charm is flown! thus is it with life's fitful fever: we madly smile when we should groan; delirium is our best deceiver. Each lucid interval of thought recalls the woes of Nature's charter; and he who acts as wise men ought, but lives, as saints have died, a martyr.

В Е Ч Е Р Ь.

Заря вечерняя на небѣ догораетъ;
Прохладой дышитъ все, день знойный убываетъ;
Безсонный соловей одинъ вдали поетъ.
Весенній вечеръ тихъ; клубится и встаетъ
Надъ озеромъ туманъ; межъ листьями играй,
Чуть дышитъ майскій вѣтеръ, ридь бѣлыхъ волнъ качай;
Спитъ тихо озеро. Къ крутымъ его брегамъ
Безмолвно прихожу, и тамъ, склонясь къ водамъ,
Сажуся въ тишинѣ, отъ всѣхъ уединенный.
Наяды рѣзвыя играютъ предо мной—
И любо мнѣ смотрѣть на кругъ ихъ оживленный,
Какъ, на поверхности любасмы душой,
Наяды рѣзвыя нагя вышдываютъ,
И долго хохоть ихъ утесы повторяютъ.

М У З Ы К А.

Я помню вечера: ты играла,
Я звукала съ ужасомъ внимала.
Луна кровавая мерцала,
И мрачень былъ старинный залъ.
Твой мертвый ликъ, твои страданья,
Могильный блескъ твоихъ очей,
И усть холодное дыханье,
И трепетаніе грудей—
Все мрачный холод навѣвало.
Играла ты... я весь дрожалъ,
А эхо звуки повторило,
И страшень былъ старинный залъ...
Играй, играй: пускай терзанье
Наполнитъ душу мнѣ тоской;
Моя любовь живеть страданьемъ
И страшень ей порой!

В П М Н Я Я Э Л Е Г І Я.

Какъ скучно мнѣ! Безъ жизни, безъ движенья
Лежать поля, снѣгъ хлопьями лежить;
Безмолвно все; лишь грустно въ отдаленны
Пѣсьнъ запоздалая звучитъ.
Мнѣ тяжело; уныло поухаетъ
Холодный дѣвъ за дальнею горой.
Что душу мнѣ волнуеть и смущаетъ?
Мнѣ грустно; больна я душой!
И здѣсь одинъ: тяжелое томленье
Сжимаетъ грудь; ряды нестройныхъ думъ
Меня тѣснить; молчить воображенье,
Панемогаеть слабый умъ!
И мнитса мнѣ, что близко, близко время—
И я умру въ разгарѣ юныхъ силъ...
Да! эта мысль мнѣ тягостна, какъ бремя:
Я жизнь такъ вѣкогда любилъ!

Да! тяжело намъ съ жизнью разставаться...
Но близокъ онъ, нашъ грозный, смертный часъ;
Сомнѣнья тяжкія намъ на душу ложатся:
Богъ вѣсть, что ждетъ за гробомъ насъ!

Н А Ш Ь В Ъ Б Ъ.

Въ нашъ странный вѣкъ все грустью поражаетъ.
Немудрено: привыкли мы встрѣчать
Работой каждый день; все налагаетъ
Намъ на душу особую печать.
Мы жить спѣшимъ. Безъ цѣли, безъ значенія
Жизнь тинется, проходитъ день за днемъ—
Куда, въ чему? Не знаемъ мы о томъ.
Вся наша жизнь есть смутный рядъ сомнѣнья.
Мы въ тяжкій сонъ живемъ погружены.
Какъ скучно все: младенческія грѣзы
Какой-то тайной грустью полны,
И шутка какъ-то сказана сновъ слезы!
И зра наша вездѣ за жизнью вѣсть
Ужасной пустотою: тяжело!
Усталый умъ безпрерывно коснѣетъ,
И чувство въ немъ молчитъ, усилено.
Что-жь въ жизни есть веселая? Невольно
Нѣмая скорбь на душу набѣжитъ
И тѣнь сомнѣнья сердце омрачать...
Щесть, право, жить и грустно, да и больно!..

В Е С Н А.

(Назъ мошъ отрывковъ).

У—ву въ воспоминаніе прошлаго.

Люблю весну я: все благоухаетъ
И сморить такъ привѣтаиво-свѣтло.
Она нашъ духъ унылый пробуждаетъ;
Блится солнце—на сердцѣ тепло!
Толнятся мысли быстрой чередою.
Ни облачка на небѣ—чудный день!
Скажите же, 'ужель печали тѣнь
Васъ омрачить? Чудесной тишиною
Объять весь міръ; чуть слышно, какъ поетъ
Надъ быстрой рѣчкой вольга уныло...
Весною вновь все дышитъ и живетъ
И чувствуетъ невѣдомыя силы.
И часто мы съ тобой вдвоемъ встрѣчали
Весною солнце раннею порой;
Любили мы смотреть, какъ убѣгали
Почвы тѣни; скоро за горой
И солнце появилось; видъ предѣстный!
Чуть дышитъ тихій вѣтеръ; все молчитъ;
Вдали село обято сномъ, лежитъ
И рѣчка вьется; свѣжестью чудесной
Проникнуть воздухъ чистый; надъ рѣчкой
Стаицы птицъ, кружась, летаютъ; поле

Стадами покрывается; душой
 Все вновь живет и просит сердце волн.
 А вечера весенние?..

Таковы стихотворения Салтыкова. Судя по тому, что гостеприимствам «современника» онъ пользовался раньше — для позднѣйшихъ, позже — для болѣе раннихъ произведеній, нужно предположить, что послѣ выпуска изъ лицей онъ вовсе пересталъ сочинять стихи: въ противномъ случаѣ, онъ отдавалъ бы въ печать вновь написанное, а не залежавшееся въ его портфель. «Въ стѣнахъ лицей, — говоритъ г. Скабичевскій *) — Салтыковъ оставилъ свои мечты сдѣлаться вторымъ Пушкинымъ. Впоследствии онъ даже не любилъ, когда кто-либо напоминалъ ему о стихотворныхъ грѣхахъ его молодости, краснѣя, хмурясь при этомъ случаѣ и стараясь всячески замѣять разговоръ. Однажды онъ высказалъ даже о поэтахъ парадоксъ, что всѣ они, по его мнѣнью, сумасшедшіе люди. — «Помилуйте, — объяснилъ онъ: — развѣ это не сумасшествіе, но цѣлымъ часамъ ломать голову, чтобы живую, естественную человѣческую рѣчь втискивать, во что бы то ни стало, въ размѣренные, рифмованныя строчки! Это все равно, что кто-нибудь вздумалъ бы вдругъ ходить не иначе, какъ по разостланной веревочкѣ, да непременно еще на каждомъ шагѣ прыгать». — Конечно, это была не больше какъ одна изъ сатирическихъ гиперболъ великаго юмориста, потому что на самомъ дѣлѣ онъ былъ тонкій знатокъ и цѣнитель хорошихъ стиховъ, и Некрасовъ постоянно ему одному изъ первыхъ читалъ свои новыя стихотворенія». Въ подтвержденіе того, что Салтыковъ рано и безповоротливо пересталъ писать стихи, можно привести еще то мѣсто изъ его первой повѣсти «Противорѣчія», гдѣ герой повѣсти, рекомендуемый новому знакомому какъ поэтъ, замѣчаетъ: «эта рекомендація нѣсколько смутила меня, потому что я довольно давно уже не предаюся никакому разврату». Тотъ же герой пишетъ своему молодому другу: «неужели всю жизнь сочинять стихотворенія, и не пора ли заговорить простою, здоровою прозою?»

Извѣстно, что Тургеневъ также не любилъ вспоминать о своихъ стихотвореніяхъ, хотя писалъ въ стихахъ гораздо больше и дольше, чѣмъ Салтыковъ. Разница между ними, съ этой точки зрѣнія, заключается въ томъ, что Салтыковъ почти вовсе не обладалъ даромъ стихотворной рѣчи, тогда какъ Тургеневъ владѣлъ имъ въ довольно высокой степени. Въ Тургеневѣ стремленіе забыть и заставить забыть о своихъ стихотвореніяхъ вызывалось крайнею требовательностью къ самому себѣ. Сознвая, что

*) «Новости», 1889 г., № 116.

въ прозѣ онъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ стихахъ, что въ одной лишь первой коренится истинная его оригинальность, онъ не хотѣлъ и думать о попыткахъ, наполнившихъ первые годы его творчества; онъ казался ему неудачными уже потому, что не были *ополни* удачны. Въ глазахъ Салтыкова лицейскія стихотворенія очень скоро должны были сдѣлаться не чѣмъ инымъ, какъ пробой пера, интуитива своей дороги. Какъ только отъ него отстѣпалъ первый юношескій идеализмъ, онъ не могъ не понять, что у него вовсе нѣтъ поэтическаго таланта. Въ самомъ дѣлѣ, въ формѣ его стихотвореній не замѣтно никакого движенія впередъ; въ восемнадцать лѣтъ онъ писалъ съ внѣшней стороны, не лучше, чѣмъ въ пятнадцать. Переводъ гейнелевой «Рыбачки» очень хорошъ и только немногимъ уступаетъ переводу той же пьесы, сдѣланному впоследствии А. Н. Плещеевымъ; переводъ изъ Байрона гораздо слабѣе и менѣе близокъ къ подлиннику. Въ «Нашемъ вѣкѣ» меньше удачныхъ стиховъ, чѣмъ въ «Духѣ жизни». Чѣмъ дальше, тѣмъ больше встрѣчается у Салтыкова слогъ, введенный въ пьесу исключительно для соблюденія размѣра. Авторъ не столько описываетъ свои чувства, сколько *называетъ* ихъ («какъ скучно мнѣ! мнѣ тяжело! мнѣ грустно! болитъ я душой!»)—все эти восклицанія взяты нами изъ одной только «Зимней элегій». Повторяются и мотивы стихотвореній (например, тишина— въ «Вечерѣ» и въ «Веснѣ»), и даже самыя выраженія («чуть дышитъ вѣтеръ»). Многιά пьесы производятъ впечатлѣнныя варіаціи на давно знакомыя темы; въ «Музыкѣ» слышится Бенедиктовъ, въ «Вечерѣ»—А. Майковъ, въ «Нашемъ вѣкѣ»—Дерматовъ. И все-таки стихотворенія Салтыкова интересны, какъ выраженіе душевной жизни молодого лицаэта. Если «Лира», похожа еще на ученическое упражненіе, то въ «Духѣ жизни» чувствуется уже настроеніе автора,—настроеніе, отчасти замаскированное, навѣянное извнѣ, но быстро привившееся къ натурѣ Салтыкова. Меланхолическая нота звучитъ въ немъ искренно и сердечно*). Жизнь кажется ему, по

*) Вотъ что говоритъ о Салтыковъ-лицействѣ А. Я. Головачева (см. «Воспоминанія» ея въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1889 г., № 11, стр. 272—273): «я видѣла его въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ домѣ М. А. Языкова. Онъ и тогда не отличался веселымъ выраженіемъ лица. Его большіе свѣрые глаза сурово смотрѣли на всѣхъ и онъ всегда молчалъ. Онъ всегда сидѣлъ не въ той комнатѣ, гдѣ сидѣли все гости, а помѣщался въ другой, противъ дверей, и оттуда внимательно слушала разговоры». Улыбка «мрачнаго лицаэта» считалась чудомъ. По словамъ Языкова, Салтыковъ ходилъ къ нему, чтобы посмотрѣть на литераторовъ».

временамъ, тяжелымъ бременемъ, хотя ему и страшень призракъ смерти. Успокоительно дѣйствуетъ на него только пейзажъ—русскій сѣверный пейзажъ, обаянію котораго поддавались Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Некрасовъ. Если, кромѣ природы, все остальное «поражало его грустью», то это не удивительно; въ эпоху, которую переживало тогда русское общество, печальныхъ картинъ на каждомъ шагу представлялось слишкомъ много. Чтобы видѣть и понимать ихъ, не нужно было долго жить на свѣтѣ; достаточно было присмотреться поближе къ «нонешонскимъ» порядкамъ и потомъ сравнить ихъ непроглядную тьму съ ослѣпительнымъ свѣтомъ, очагомъ котораго служила тогдашняя Франція. И о томъ, и о другомъ мы имѣемъ подлинныя свѣдѣтельства Салтыкова. Какія чувства зарождала въ немъ тьма—это мы уже знаемъ; напоминаю теперь, что онъ говоритъ объ источникѣ свѣта.

«Съ представленіемъ о Франціи и Парижѣ,—читаемъ мы въ четвертой главѣ «За рубежомъ»,—для меня неразрывно связывается воспоминаніе о моемъ юности, то-есть о сороковыхъ годахъ. Да и не только для меня лично, но и для всѣхъ насъ, сверстниковъ, въ этихъ двухъ словахъ заключалось что лучезарное, свѣтоносное, что согрѣвало нашу жизнь и въ извѣстномъ смыслѣ даже опредѣляло ея содержаніе. Какъ извѣстно, въ сороковыхъ годахъ русская литература (а за нею, конечно, и молодая читающая публика) подѣлялась на два лагеря: западниковъ и славянофиловъ. Былъ еще третій лагерь, въ которомъ копошились Кугларины, Бранты, Кукольники и т. п., но этотъ лагерь уже не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на подрастающее поколѣніе, и мы знали его лишь настолько, насколько онъ являлъ себя прикосновеннымъ къ вѣдомству управы благочинія. Я въ то время только что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Вѣлинскаго, естественно примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ (единственно авторитетному тогда въ литературѣ), которое занималось популяризироваціею положеній нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прильнулъ къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Лув-Филлина и Гизо, а къ Франціи Сень-Симона, Кабе, Фурье, Лув-Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человечество, отсюда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное шло отсюда. Въ Россіи,—впрочемъ, не столько въ Россіи, сколько спеціально въ Петербургѣ,—мы существовали лишь фактически или, какъ въ то время говорилось, имѣли

образъ жизни. Ходили на службу въ соответствующія канцелярии, писали письма къ родителямъ, питались въ ресторанахъ, а чаще всего въ кухмистерскихъ, собирались другъ у друга для собесѣдованія и т. д. Но духовно мы жили во Франціи. Россія представляла собой область, какъ бы застланную туманомъ, въ которой даже такое дѣло, какъ опубликованіе «Собранія русскихъ повѣстей», являлось прихотливымъ и предосудительнымъ; напротивъ того, во Франціи все было ясно, какъ день, несмотря на то, что газеты доходили до насъ съ вырѣзками и помарками. Такъ что когда министеръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій началъ издавать таксы на мисо и хлѣбъ, то и это заинтересовало насъ только въ качествѣ анекдота, о которомъ слѣдуетъ говорить съ осмотрительностью. Напротивъ, всякій эпизодъ изъ общественно-политической жизни Франціи затрагивалъ насъ за живое, заставлялъ и радоваться, и страдать. Въ Россіи все казалось оконченнымъ, законченнымъ и за пятью печатями спаяннымъ на почту для выдачи адресату, котораго заранее предположено не размѣкивать; во Франціи все какъ будто только что начиналось. И не только теперь, въ эту минуту, а больше подустолятія сряду все начиналось, и опять, и опять начиналось, и не замѣлило ни малѣйшаго желанія кончиться... Въ особенности снивати въ Франціи обострились около 1848 г. Мы съ неподѣльнымъ волненіемъ слѣдили за перипетіями драмы послѣднихъ двухъ лѣтъ царствованія Луи-Филиппа и съ уносіемъ зачитывались «Исторіей десятилѣтія» Луи-Блана, Луи-Филиппъ, и Гизо, и Дюшатель, и Тьеръ,—все это были какъ бы личные враги (право, даже болѣе опасные, чѣмъ Л. В. Дуббельтъ), уснѣхъ которыхъ огорчали, неуспѣхъ—радовали. Процессъ министра Теста, агитация въ пользу избирательной реформы, высокомѣрныя рѣчи Гизо по этому поводу, февральскіе банкеты,—все это и теперь такъ живо встаетъ въ моей памяти, какъ-будто происходило вчера... Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что настроеніе, описанное въ этихъ строкахъ, зародилось въ Салтыковѣ еще во время бытности его въ лицѣ. Даже въ концѣ сороковыхъ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, послѣ грозы 1848 г., послѣ дѣла Петраншевецъ, въ которомъ не случайно оказались замѣшанными многіе изъ бывшихъ лиценцовъ (Петраншевикій, Свѣшневъ, Кашкинъ, Европеусъ), между воспитанниками лица бродили еще идеи, вдохновлявшія юношу-Салтыкова: Многіе изъ нихъ читали Фурье, Сень-Симона, Луи-Блана и знакомили своихъ младшихъ товарищей съ содержаніемъ запретныхъ книгъ, которыя въ училищѣ правовѣдѣнія (да вѣроятно и въ другихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ того же времени) едва ли были извѣстны даже по

имени *). Само собою разумеется, что, ставъ на ноги, освободившись от школьнаго контроля, Салтыковъ отдался съ полнымъ еще жаромъ изученію французской политической и экономической литературы.

Изъ лицъ выходивъ въ то время — какъ и теперь — съ чиномъ девятого, десятого или двѣнадцатаго класса, смотря по успѣхамъ въ наукахъ и болѣе или менѣе одобрительному «поведенію». Салтыковъ, какъ мы уже знаемъ, получалъ плохіе баллы «изъ поведенія», и вышелъ поэтому съ чиномъ десятого класса, семнадцатымъ по списку. Всего выдвинуто было въ 1844 г. двѣнадцать учениковъ: двѣнадцать — девятымъ классомъ, пять — десятымъ, пять — двѣнадцатымъ **). Съ чиномъ десятого класса вышли изъ лицъ, какъ извѣстно, и Пункинъ, и Дельвицъ, и Мей. Между товарищами Салтыкова никто не составилъ себѣ имени въ литературѣ или въ общественной дѣятельности; высокихъ положеній по службѣ достигли гг. А. В. Лобановъ-Ростовскій (посоль въ Вѣнѣ) и гр. А. П. Вобринскій (бывшій московскій губернскій предводитель дворянства, умершій недавно членомъ государственнаго совѣта). Сохранилъ ли Салтыковъ близкія отношенія къ кому-либо изъ своихъ товарищей — не знаемъ; некакъ между ними того, кому посвящена «Весна», нельзя, потому что ни одинъ изъ нихъ не носилъ фамиліи, начинающейся съ буквы У. О службѣ Салтыкова въ Петербургѣ мы знаемъ только то, что онъ 23-го августа 1844 г. былъ зачисленъ въ канцелярію военнаго министра, а два года спустя, 8-го августа 1846 г., получилъ тамъ мѣсто помощника секретаря. По словамъ г. Скабичевскаго, первые три года по выходѣ изъ лицъ Салтыковъ, подобно Пункинцу, провелъ очень бурно и разсеянно справляя «спрадавки жизни, молодости и гуды». «По своей етрасти все представлять въ комическомъ видѣ, не щадя и самого себя, Салтыковъ, — продолжаетъ г. Скабичевскій, — рассказывалъ о себѣ нѣсколько анекдотовъ изъ этого періода своей жизни, которые, по своей крайней курьезности, вполне совпадаютъ съ жанромъ его сатиры». Съ достовѣрностью можно сказать поза только одно: Салтыкова продолжали тянуть къ литературѣ, больше, чѣмъ когда-либо, привле-

*) Пункинъ эти строки самъ поступилъ въ училище правовѣдѣнія въ 1849 г. и, имѣвъ родственниковъ и знакомыхъ въ лицѣ, говорить объ этомъ на основаніи собственныхъ воспоминаній.

***) Эти цифры, не вполне совпадающія со свѣдѣніями биографическаго очерка «Русской Библіотеки», заимствованы нами изъ официального источника — памятной записки Александровскаго лиція на 1855—1856 г.

кашей къ себѣ въ то время всѣхъ лучшихъ представителей нашей интеллигенціи. Оставивъ стихи, онъ скоро сталъ пробовать свои силы въ прозѣ. До сихъ поръ предполагалось, что первымъ прозаическимъ опытомъ Салтыкова была повѣсть: «Противорѣчія», напечатанная въ ноябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г. Оказывается, однако, что онъ уже раньше сталъ помѣщать въ томъ же журналѣ, въ отдѣлѣ «Библиографической Хроники», рецензіи на нѣкоторые вновь выходящія русскія книги. До 1846 г. этимъ отдѣломъ завѣдывалъ Бѣлинскій; потомъ, до лѣта 1847 г., главную роль игралъ въ немъ Валеріанъ Майковъ. Послѣ смерти Майкова веденіе «Библиографической Хроники» стало, повидимому, дѣломъ коллективнымъ. Салтыкову приходилось писать болышую часть объ учебникахъ и книгахъ для дѣтскаго чтенія. Изъ рецензій, черновья которыхъ, собственноручно написанныя Салтыковымъ, находятся передъ нашими глазами, къ этой рубрикѣ относятся пять (о семи книгахъ); только одна касается брошюры Н. Лебедева: «Нѣсколько словъ о военномъ краспорѣчій», по этой рецензій, нужно думать, осталась напечатанною, потому что во второй части т. 55-го «Отечественныхъ Записокъ» (стр. 103), а брошюра Лебедева имѣется вмѣстѣ другая замѣтка, гораздо менѣе благоприятная для автора, чѣмъ составленная Салтыковымъ. Въ томъ же 55-мъ томѣ (стр. 21), по въ другой, первой, его части *) напечатана замѣтка Салтыкова о «Логикѣ» Зубовскаго, профессора моголевской семинаріи. «И въ наше время,—такъ начинается рецензія,—существуютъ еще люди съ наивнымъ убѣжденіемъ, что логика можетъ научить мыслить... Никому не придетъ въ голову назвать смѣшнымъ стремленіе познать самого себя, привести въ ясное сознаніе тѣ законы, по которымъ человекъ мыслитъ; но учить мыслить... трудную задачу вы взяли на себя, г. Зубовскій!» Дальше Салтыковъ возражаетъ противъ преувеличеннаго значенія, придаваемаго, въ заурядной логикѣ, силлогизмамъ; онъ замѣчаетъ, что силлогизмъ—не что иное, какъ «безконечный, безвыходный кругъ, въ которомъ общее предложеніе доказывается частнымъ и потомъ, въ свою очередь, доказываетъ частное». «Намъ случилось слышать, — восклицаетъ рецензентъ: — какъ одинъ господинъ весьма серьезно увѣрялъ другого, весьма почтенной наружности, но помирнѣе, что тотъ долженъ ему повиноваться, дѣлая слѣдующій силлогизмъ: «я человекъ, ты человекъ; следовательно ты рабъ мой». И смирный господинъ повѣрилъ (такова еще

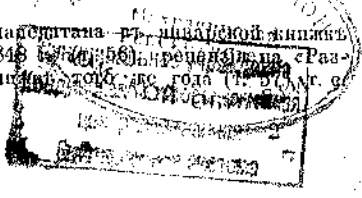
*) Это та самая ноябрьская книжка 1847 г., въ которой напечатана первая повѣсть Салтыкова «Противорѣчія».

ломляющая сила силлогизма!), и отдалъ тому господству все, что у него было: и жену, и дѣтей, и самого себя, и вдобавокъ остался даже очень доволенъ собою». Эти слова направлены, очевидно, не противъ «Логикъ» Зубовскаго, а противъ модной, по тогдашнему времени, крѣпостнической логики.

Въ разборѣ дѣтскихъ книгъ и учебниковъ, предназначенныхъ для дѣтей—«Географія въ астампахъ» Ришона и Вангольда, «Курса физической географіи» Петровскаго, «Руководства къ первоначальному изученію всеобщей исторіи» Фолькера, «Разказовъ дѣтямъ изъ древняго міра» Беккера, «Потемкина», исторической повѣсти Фурмана, «Альманаха для дѣтей» *),—Салтыковъ возстаетъ съ особенною силой противъ пропущенной морали, противъ неуклюжаго подчеркиванія нравственныхъ сентенцій, противъ обремененія памяти массой мелочныхъ подробностей и сухихъ фактовъ. Многія изъ его разсужденій не потеряли своей цѣны и въ наше время. «Странная, право, участь дѣтей!—говоритъ онъ, напрямь въ, въ замѣткѣ о «Руководствѣ къ первоначальному изученію всеобщей исторіи».—«Чему не учать ихъ, какіе методы не употребляютъ при преподаваніи! Одно только забываютъ объяснить дѣтямъ мудрые наставники—именно то, что наиболѣе занимаетъ пытливыи умъ ребенка: то, что находится у него безпрестанно подъ руками, тѣ предметы физическаго міра, въ кругу которыхъ онъ вращается. Отъ этого-то именно и происходитъ, что человѣкъ, сошедшій со школьной скамьи, насытившійся вдоволь и греками, и римлянами, узнавшій въ концѣ все свойства души, воли и другихъ невѣсомыхъ, которыми кишитъ жизнь бѣднаго школьника, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью оказывается совершенно несостоятельнымъ, при первомъ несчастіи упадетъ духомъ, и если ему по какому-нибудь случаю любезные родители не приготовили ни души, которая могла бы прокормить вѣчнаго младенца, ни сердобольныхъ родственниковъ, нашъ философъ умираетъ съ голоду, именно отъ того, что любезные родители никакъ не могли предвидѣть подобный пассажъ. Но-настоящему, слѣдовало бы подстергать натуру ребенка, уловить его акционности, не навязывать ему такой науки, которая напаканатчна, или не по дѣтамъ ему. Какъ это возможно! а на что же существуютъ возлюбленные родители? Въ ихъ умѣ ужъ заранѣе начертаны все занятія, все судьбы юнаго рожденія ихъ:

*) Рецензія на повѣсть Фурмана надслана въ издательскую контору «Отечественныхъ Записокъ» за 1848 г. (№ 66) и рецензена въ «Разсказы Беккера» въ апрѣльской книжкѣ за 1848 г. (№ 5) и уже подъ заглавіемъ: «Дѣла» С.

Сривленіа М. Б. Салтыковъ Т.
Центральный архив
СОЮЗ

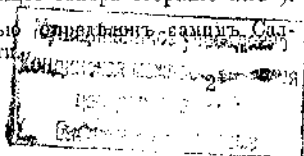
04665 - 1 -

на то они их рождение, их *собственное* рождение, чтобы они могли по произволу располагать пмъ. Юноши, въ которыхъ эта система постепеннаго ошеломленія (совершенно уже салтыковское «словоцкво») не совсѣмъ еще утушила энергію пытливаго духа, обыкновенно начинаютъ, по выходѣ изъ школы, образованіе совершенно сызнова, но и тутъ, въ борьбѣ съ безпрестанно возстающими недоразумѣніями, болѣею частью падаютъ подъ бременемъ своего тяжелаго перевоспитанія. Что касается до остальныхъ, — а этихъ остальныхъ болѣе девяти десятыхъ, — то они, разъ подвергнутые *разслабляющей ваннѣ энциклопедическаго образованія*, уже навсегда пребываютъ въ состояніи совершеннаго нравственнаго одурѣнія». Много мѣткихъ замѣчаній разсѣяно и въ другихъ рецензіяхъ Салтыкова. «Ошибка дѣтскихъ писателей заключается въ томъ, что они непременно хотѣтъ бесѣдовать съ дѣтьми не какъ съ людьми, а какъ съ низшими организмами, немного чѣмъ повыше минераловъ»... «Почему же вы думаете, что если взрослому покажется дивнымъ, что десятилѣтній Грisha, не хуже любого сентиментальнаго патриота-офицера, вѣжливо жметъ руку матери отъ умвленія при видѣ Москвиты, то еще болѣею дикостью не покажется это ребенку?...» «Ребенокъ видитъ въ саду цвѣтокъ; онъ хотѣтъ знать его составныя части, хотѣтъ добиться до законовъ его питанія. Увы! тутъ стоитъ величавая фигура педагога, кланяющаяся ему, что это все вадоръ, а вотъ пооди да возьми въ руки исторію Фолькера; тамъ ты узнаешь, что Кекропекъ, и т. д. (въ наше время на мѣсто учебника исторіи явился бы, по всей вѣроятности, учебникъ латинскаго или греческаго языка). Въ замѣткѣ о «Географіи въ эстампахъ» очень забавно осыпана обычная манера правнучительныхъ разсказовъ. Въ одномъ изъ нихъ выведена на сцену дѣвочка, недавняя милостыню тремъ бѣднякамъ; первый, велѣвъ затѣмъ, защищаетъ ее противъ разбойниковъ; второй предохраняетъ ее искусство отъ пожара; третій спасаетъ ее отъ укушенія бѣшеною собакой. «Мораль этого разсказа, — восклицаетъ рецензентъ, — можетъ быть выражена такъ: быть добрымъ никогда не мѣшаетъ, потому что это даетъ чловѣку случай снуклироваться на услугу въ его разъ болѣею со стороны благодѣлительствованнаго субъекта. Впрочемъ, можно, съ равной достовѣрностью, предположить и то, что если благодѣлительная дѣвушка, не давши заранѣе бѣдному мальчику нять еу, опять встрѣтится съ бѣшеною собакой, то бѣдвий мальчикъ, по смыслу поивести, не поспѣшитъ уже къ ней на помощь. Отсюда мораль: не подариши заранѣе нять еу бѣдному мальчику, нужно избѣгать встрѣчи съ бѣшеными собаками»...

Въ рецензїи на книгу Беккера: «Разсказы дѣтямъ изъ древняго міра», Салтыковъ преклоняется передъ Гомеромъ, «однѣ стихъ котораго часто дастъ намъ болѣе ясное понятіе о древнемъ мірѣ, нежели цѣлыя томы ученыхъ изысканій»; но именно потому онъ протестуетъ противъ искаженій, производимыхъ надъ «Иліадою» и «Одиссеей» подъ предлогомъ приспособленія ихъ къ дѣтскому или юношескому возрасту. Онъ желалъ бы, чтобы въ руки юношества былъ данъ полный гифидичевскій переводъ «Иліады», снабженный только дѣльными предисловіемъ, въ которомъ было бы объяснено все необходимое для правильного пониманія великой поэмы. Что касается до дѣтей, то для нихъ Гомеръ, въ настоящемъ своемъ видѣ, недоступенъ, а «приноровленіе его къ дѣтскимъ понятіямъ» Салтыковъ считаетъ не только бесполезнымъ, но прямо вреднымъ. «Въ основѣ поэмъ Гомера, — говоритъ онъ, — лежитъ чудесное. Поставленное на своемъ мѣстѣ, обставленное извѣстными обстоятельствомъ, понимаемое какъ выраженіе духа страны и времени, чудесное принимаетъ должныя размѣры и, наконецъ, дѣлается весьма и весьма объяснимымъ. Но не такъ бываетъ это съ дѣтьми. Умъ ихъ, по природѣ наклонный къ чудесному, на немъ одномъ только и останавливается съ охотою, и все сверхъестественное принимаетъ за паличную монету, такъ что изъ всей поэмы Гомера, можетъ-быть, одно оно только и привяжется къ себѣ ребенка. Отсюда наклонность къ мечтательности, которую надобно было бы сдерживать въ разумныхъ границахъ, приобретаетъ, напротивъ того, самыя гигантскіе размѣры, и ребенокъ, сдѣлавшись вноствѣтвіи мужемъ, является человѣкомъ неспособнымъ заниматься интересами близкими и дѣйствительными и цѣлый вѣкъ блуждаетъ мыслью въ мечтательныхъ мірахъ, созданныхъ его болною фантазіей. И пусть не обвиняютъ насъ въ преувеличеніи: зло, о которомъ мы говоримъ, такъ тонко, такъ незамѣтно, что его не увидишь сразу; оно издалека и медленно подкрадывается и сосетъ все существованіе ребенка, но, тѣмъ не менѣе, глубоко пагубны и разрушительны будутъ его результаты».

Мысли, выраженныя Салтыковымъ въ его рецензіяхъ, занимаи его, очевидно, чрезвычайно сильно; онъ встрѣчается и въ первой повѣсти его: «Противорѣчїя», напечатанной, какъ мы уже сказали, въ петербургской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1847 г. (т. 35, ч. I, стр. 1—106), подписанной: «М. Непановъ», и не включенной Салтыковымъ ни въ прежніе выпуски его произведеній, ни въ выходящее теперь собраніе ихъ*).

* Составъ этого изданія съ точностью опредѣляютъ самиздъ Салтыковъ, за нѣсколько недѣль до смерти.

«Пожирающая насъ жажда привязанности, — говорить герой повѣсти, Нагибинъ: — не имѣть предметомъ чего-либо дѣйствительнаго; напротивъ, мы съ какою-то презрѣннѣею отвращаемся отъ той среды, въ которой живемъ, и создаемъ себѣ особый мечтательный мѣръ, который населяемъ призраками, своего воображенія... Все это объясняется воспитаніемъ, болѣе наклоннымъ къ пустой мечтательности, нежели къ трезвому взгляду на жизнь, и кругомъ занятій нашихъ, которыя ограничиваются только спекулятивными науками, такъ что человѣкъ, въѣсто того, чтобы изучать науку съ начала, изучаетъ ее съ конца, и потому и жалуется, что ничего новаго не можетъ въ этомъ вавилонскомъ столпотвореніи. Такое воспитаніе совершенно губитъ насъ; истощенный безпрестаннымъ умственнымъ развратомъ, человѣкъ уже теряетъ смѣлость взглянуть въ глаза дѣйствительности. не имѣть довольно энергіи, чтобы обладать сокровенными дружинами и объяснить себѣ кажущіяся противорѣчія ея». Въ концѣ повѣсти Нагибинъ опять возвращается къ той же темѣ. Жалуясь на нравственную свою дряхлость, съ горечью оглядываясь на «развалины своего бесполезнаго прошедшаго», онъ спрашиваетъ себя: отчего все это?—и отвѣчаетъ: «оттого, что мнѣ не дано практическаго пониманія дѣйствительности, оттого, что умъ мой воспитанъ мечтаніями, не дали ему окрѣпнуть, отрезвиться, и пустыли наудачу по столбовой дорогѣ жизни... Что было въ моей прежней жизни?—Сомнѣнія! Что въ настоящемъ моемъ?—Сомнѣнія! Что въ будущемъ?—Сомнѣнія! Что въ томъ, что я много наблюдалъ, многому выучился? Все это знаніе больше ничего, какъ слова, слова, слова!.. Да и вся моя жизнь—не болѣе какъ противорѣчія, противорѣчія, противорѣчія!..» Если Салтыковъ вложилъ, такимъ образомъ, въ уста Нагибина нѣкоторыя изъ своихъ задушевныхъ убѣжденій, то отсюда не слѣдуетъ еще, конечно, чтобы онъ изобразилъ въ немъ самого себя. Внутренняя жизнь Салтыкова отразилась на героѣ «Противорѣчій» развѣ настолько, насколько внутренняя жизнь Гёте — въ Вертерѣ или Клариссѣ. И тамъ, и тутъ нѣкоторыя черты берутся изъ душевнаго мѣра самого автора, но такія черты, съ которыми онъ борется, отъ которыхъ хочетъ отрѣшиться. Онъ доводится, въ разсказѣ или драмѣ, до своего послѣдняго развитія, до своего логическаго конца, и въ этомъ объективированіи ихъ авторъ находитъ желанную свободу. Нагибинъ—это одинъ изъ первыхъ, въ хронологическомъ порядкѣ, «лишнихъ людей», «заѣденныхъ рефлексій»; это—родной братъ героя «Аси», это—«русскій человѣкъ на rendez-vous», десятью годами позже, именно по поводу «Аси», изображенный Черны-

шевейскъ Герояня «Противорвчій», Тая. также напоминает Асю — несколько бѣдный абрисъ можетъ напоминать художественно-заключенную картину. Тая беретъ на себя инициативу, на которую неспособенъ Нагибницъ; она первая говоритъ ему о любви, первая зоветъ его на свиданье; она упрекаетъ его въ трусости, какъ Рудина Наталья. Нагибницъ беззащитенъ идти за нею. безсиленъ и оставить ее, пока гордичный узелъ не разбьется грубою рукою родителей Тая. Выходъ изъ «противорвчій», не находимый Нагибницымъ, но безмолвно указываемый авторомъ, — это признаніе правъ жизни и страсти, тѣхъ правъ, за которыя съ такимъ блескомъ, десятью или пятнадцатью годами раньше, ратовала Ж.-Зандъ. На это намекаетъ и эпиграфъ повѣсти, заимствованный изъ Сенеки: «*natura ducere utendum est; hanc ratio observat, hanc consilii; idem est ergo beate vivere, et secundum naturam*» (вождемъ человека должна быть природа; ей слѣдуетъ съ ней совѣтоваться разумъ; жить блаженно — значитъ жить согласно съ требованіями природы).

Изложеніе сюжета первой повѣсти Салтыкова, равно какъ и критическая ея оценка, не входятъ въ составъ нашей задачи; мы беремъ изъ нея только то, что имѣетъ сколько-нибудь автобіографическій характеръ. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія еще слѣдующія слова Нагибнипа: «будущее обѣщаетъ мнѣ только горестный рядъ преслѣдованій и лишеній, лишеній ничтожныхъ и мелкихъ, если хотите, но, тѣмъ не менѣе, безпрестанныхъ и безотвязныхъ, съ которыми пельзы борются — до того они неуловимы, до того ничтожны. Еще если-бъ меня ждало какое-нибудь сильное несчастье, но нѣтъ, меня ждутъ умѣренность и аккуратность, добъ большія добродѣтели, коли хотите, но въ которыхъ скорѣе слышится отрицаніе жизни, нежели жизнь». Страхъ передъ «мелочами жизни», боязнь понасть подъ иго «умѣренности и аккуратности» — это первая форма глубокаго отвращенія къ нимъ, проникающаго позднѣйшую дѣятельность Салтыкова. Съ отголосками того же страха мы встрѣчаемся еще разъ много лѣтъ спустя, когда Салтыковъ, уѣзжая изъ Вятки, съ ужасомъ говоритъ объ ожидающихъ его «новыхъ хлопотахъ, новыхъ некаательствахъ», когда ему кажется, что «въ сердцѣ его царствуетъ преступная вялость» («Губернскіе Очерки» — «Дорога»). Примиреніе съ будничной «тайной», погруженіе въ омутъ мелкихъ житейскихъ дрязгъ — вотъ, очевидно, кошмаръ, путавшій Салтыкова, пока въ немъ не окрѣпла вѣра въ самого себя. И здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго: на его глазахъ тысячи людей, обезсиленныхъ тепличнымъ воспитаніемъ и беззащитныхъ противъ вліяній среды,

говули въ этомъ омутѣ, погрязали въ этой тинѣ... Въ другомъ мѣстѣ Нагибинъ сокрушается о томъ, что, забывъ настоящую дѣйствительность и парисовавъ себя образъ нвой, будущей дѣйствительности — «не только возможной, но непременно имѣющей быть», — онъ однаково неспособенъ найти утѣшеніе какъ въ той, такъ и въ другой. «Не сопоставляй я этихъ двухъ несовмѣстныхъ другъ съ другомъ противоположностей, существуй для меня одно какое-нибудь изъ двухъ представленій дѣйствительности, я былъ бы вполне счастливъ; былъ бы или педантомъ утопствомъ, въ родѣ новѣйшихъ социаллистовъ, или прижимистымъ консерваторомъ — во всякомъ случаѣ я былъ бы доволенъ собою. Но я именно по средѣ стою между тѣмъ и другимъ пониманіемъ жизни; я не утопствую, потому что утопію свою вывожу изъ историческаго развитія дѣйствительности, потому что населю ее не мертвыми призраками, а живыми людьми, и не консерваторъ *quand même*, потому что не хочу застою, а требую жизни, требую движенія впередъ». И въ этихъ словахъ, быть-можетъ, отразилась одна изъ сторонъ тогдашняго настроенія Салтыкова. Въ слѣдующей повѣсти его — «Запутанномъ дѣлѣ» — есть дѣйствующія лица (Александръ и Беобахтеръ), несомнѣнно находяція на «истѣнныхъ утонистовъ», а общая мысль повѣсти меньше всего отзывается «консерватизмомъ *quand même*» или расположеніемъ къ «застою»... Укажемъ, въ заключеніе, на несомнѣнное сходство между супругами Крошными въ «Противорѣчіяхъ» и родителями Никанора Затрапезнаго въ «Пошехонской Старинѣ»; особенно много общаго между Марьей Ивановной Крошиной и Анной Павловной Затрапезной. Марья Ивановна — «женщина-кулакъ», типъ, встрѣчающійся весьма часто, и особенно въ провинціяхъ, гдѣ жизнь женщины исключительно сосредоточена въ узкихъ рамкахъ семейныхъ ея отношеній... Вокругъ нея все тихо, все умерло. Надо же какъ-нибудь доканать, добить это несносно-тянущееся время, потому что праздность душитъ человѣка; вотъ она и погрязаетъ по уши въ своей семейной грязи, и нѣтъ мѣры обмѣриваньямъ, обмѣриваньямъ, сплетнямъ и тому подобнымъ дрягамъ! И по совѣти нельзя сказать, чтобы она на волосъ во всемъ этомъ была виновата: Окружите ее средою, и вся физіономія ея внезапно переизмѣнится. Тутъ просто фатумъ, и она безвильна противъ него». Все это можно было бы сказать и объ Аннѣ Павловнѣ Затрапезной.

«Противорѣчія» посвящены В. А. Милютину (родному брату Николая и Дмитрія Алексѣевичей). Это былъ талантливый молодой писатель, такъ же много обмѣщавшій въ области полити-

чeskиx и социальных наукъ, какъ сверстникъ его, Валеріанъ Майковъ—въ области критики. Оба они умерли слишкомъ рано; продолжателемъ ихъ обоихъ явился Н. Г. Чернышевскій. Дружба съ В. А. Милютинымъ служить, до извѣстной степени, указаніемъ на то, въ какомъ направленіи работала тогда мысль Салтыкова; еще явнѣе свидѣлствуютъ о немъ воспоминанія Салтыкова, приведенныя нами выше. Если въ «Противорѣчіяхъ» чувствуется вліяніе первыхъ романовъ Ж.-Занда («Indiana», «Valentine», «Jaques»), то слѣдующая затѣмъ повѣсть Салтыкова: «Залутанное дѣло», напечатанная въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1848 г. (т. 57), за подписью «М. С.», ввухена отчасти второю—соціалетическою—полосою дѣятельности Ж.-Занда, отчасти прямо чтеніемъ авторовъ, подъ обаяніемъ которыхъ находилась въ то время французская интеллигенція, отчасти, наконецъ, «Шинелью» Гоголя и «Бѣдными людьми» Достоевскаго^{*)}. Господствующая нота «Залутаннаго дѣла» — сочувствіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ; отсюда только одинъ шагъ до несочувствія къ общественному строю, подъ сѣнью котораго благоденствуютъ унижающіе и оскорбляющіе. На бѣду для Салтыкова, первое сколько-нибудь открытое выраженіе его взглядовъ совпало съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на наши высшія сферы февральской революціей во Франціи и мартовскимъ движеніемъ въ Германіи. «Я былъ утормъ, на масляной, въ итальянской оперѣ, — разсказываетъ Салтыковъ («За рубежомъ», т. VI, стр. 89—90, въ изд. 1889 г.), — какъ вдругъ, словно элѣктрическая искра, всю публику пронизала вѣсть: министерство Гизо пало. Какое-то неясное, но жуткое чувство внезапно овладѣло всѣми. Именно всѣми, потому что хотя тутъ было множество людей самыхъ противоположныхъ воззрѣній, но навѣрно не было такихъ, которые отнеслись бы къ событію съ тѣмъ жвачнымъ равнодушіемъ, которое впоследствии сдѣлалось какъ бы нормальною окраской русской интеллигенціи. Молодежь едва сдерживала безкорыстные восторги. Помнитея, къ концу спектакля пало уже и министерство Тьера (тогда подобнаго рода извѣстія доходили до публики какъ-то неуравильно и по секрету). Затѣмъ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ дней, пало регентство, оказалось несостоятельнымъ эфемерное министерство Одилона Барро и, въ заключеніе, сбжалъ самъ Луи-Филиппъ. Провозглашена была республика, съ временнымъ правительствомъ во главѣ, по-

^{*)} Эта мысль развита нами болѣе подробно въ нашей статьѣ: «Русская общественная жизнь въ сатиры Салтыкова» («В. Европа», 1883 г. янв.—май).

лились рѣчи, какъ изъ рога избыли... Громадность событій на все набрасывала покровъ волшебства. Франція казалась странною чудесъ. Можно ли было, имѣя въ груди молодое сердце, не плѣняться этою непостижимостью жизненнаго творчества, которое, вдобавокъ, отнюдь не соглашалось сосредоточиться въ опредѣленныхъ границахъ, а рвалось захватить все дальше и дальше? И точно, мы не только плѣнялись, но даже не особенно некусно скрывали свои восторги отъ глазъ бодрствующаго начальства. И вотъ, вслѣдъ за возникновеніемъ движенія во Франціи, произошло соответствующее движеніе и у насъ: учреждена была негласный комитетъ для разсмотрѣнія злокозненностей русской литературы». Въ этомъ комитетѣ, по словамъ біографическаго очерка «Русской Библіотеки», «было обращено особое вниманіе на докетъ Салтыкова, хотя онъ и былъ пропущенъ цензурою». «Въ мартѣ мѣсяцѣ, — читаемъ мы все въ той же главѣ «За рубежомъ», — я написалъ повѣсть («Залутанное дѣло»), а въ маѣ уже былъ зачисленъ въ штатъ витекаго губернскаго правленія». Сопоставленіе этихъ отзывовъ, изъ которыхъ одинъ идетъ прямо отъ Салтыкова, а другой имъ просмотрѣвъ и одобренъ, доказываетъ несомнѣнно, что инициатива административной кары противъ молодого писателя принадлежала, — по крайней мѣрѣ, по убѣжденію самого Салтыкова, — «неславному» (Вутурлинскому) комитету по дѣламъ печати; не совсѣмъ ясно только одно — послужила ли новодошъ къ ней одна вторая повѣсть Салтыкова, или обѣ. Всего вѣроятнѣе, что въ «соображеніи» были приняты обѣ, но главные обвинительные пункты были почерпнуты изъ второй. Нѣсколько иначе разсказанъ ходъ дѣла г. Скабичевскимъ, въ статьѣ, на которую мы уже ссылались. «Надо было случиться, — говоритъ г. Скабичевскій, — чтобы однимъ изъ первыхъ распоряженій Вутурлинскаго комитета было строгое замѣчаніе, данное военному министру, гр. Чернышеву, за цензурныя несправности въ «Русскомъ Иназидѣ». Это обстоятельство вооружило гр. Чернышева противъ литераторовъ, и, какъ нарочно, въ то время, какъ гр. Чернышевъ находился еще подъ впечатлѣніемъ полученнаго имъ замѣчанія, явился къ нему Салтыковъ, какъ подчиненный, просить въ отъездъ. Дѣло было подъ Рождество, и Салтыковъ намѣревался провести праздники на свободѣ, вѣроятно, у родныхъ. Упустивши совершенно изъ виду, что чиновникъ его занимается литературой, гр. Чернышевъ тутъ только вспомнилъ объ этомъ. «Вы, кажется, въ журналахъ пишете?» — спросилъ онъ Салтыкова. На утвердительный отвѣтъ послѣдняго гр. Чернышевъ потребовалъ, чтобы онъ представилъ ему свои сочи-

неція. «Тогда-мы и посмотримъ, можно ли васъ отпустить»,— прибавилъ онъ къ этому. Салтыковъ представилъ министру свои два разсказа; министр поручилъ Н. Кукольнику написать ему о нихъ докладъ. Закрытый врагъ натуральной школы, Н. Кукольникъ представилъ докладъ министру въ такомъ родѣ, что гр. Чернышевъ только ужаснулся, что такой опасный человѣкъ, какъ Салтыковъ, служить въ его министерствѣ,— и тотчасъ же препроводилъ докладъ Кукольника въ Бутурлинскій комитетъ, а Салтыкова уволилъ изъ министерства. Бутурлинскій комитетъ препроводилъ докладъ Кукольника въ третье отдѣленіе — и вотъ, въ одинъ прекрасный день, передъ квартирой Салтыкова остановилась ямская тройка съ жандармомъ и объявлено было ему повелѣніе тотчасъ же ѣхать въ Вятку. Все это было сдѣлано такъ поспѣшно, что Салтыковъ едва успѣлъ сложить въ чемоданъ свои пожитки и долженъ былъ сѣсть на тройку въ легкой шубенѣ, едва достаточной для петербургскаго обихода. Лишь по снисходительности жандарма брату Салтыкова было дозволено, приобрести на скорую руку шубу, шлояніе годную для далекаго путешествія на перекладныхъ, нагнать путешественника уже за швейцбургской заставой и избавить его отъ опасности «замерзнуть дорогою». Въ этомъ разсказѣ есть одна явная ошибка или опяка: дѣло не могло происходить «подъ Рождество», потому что «Залутанное дѣло» появилось въ печати только въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Рѣчь идетъ, очевидно, о Пасхѣ, которая, дѣйствительно, была близка. Вынужденный отъѣздъ Салтыкова изъ Петербурга состоялся 28-го апрѣля 1848 г.—ровно за сорокъ одинъ годъ до его смерти.

О служебной дѣятельности Салтыкова въ Вяткѣ извѣстно, до сихъ поръ, очень мало. Онъ былъ зачисленъ сначала (3-го іюля 1848 г.) въ канцелярскіе чиновники при губернскомъ правленіи, т. е. повышенъ по службѣ, поставленъ въ самые послѣдніе ряды губернской административной іерархіи; но уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же 1848 года служебное положеніе его улучшилось—онъ былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при вятскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Губернаторомъ въ Вяткѣ былъ тогда Середъ, бывшій прежде правителемъ канцеляріи у оренбургскаго военнаго губернатора Перовскаго *). Какъ человѣкъ честный, онъ не могъ не оценить молодого чи-

*) См. статью г. Михайлова: «Щедритъ, какъ чиновникъ», въ «Одесскомъ Листѣ» (выдержки изъ пел. лѣ № 213 «Новостей», 5-го августа 1889 г.).

новатка, резко выдѣлявшася изъ среды провинціальной бюрократіи. Салтыковъ два раза исправлялъ при немъ должность правителя губернаторской канцеляріи (съ мая по августъ 1849 и въ іюнь 1850 г.); сверхъ того, ему было поручено составленіе по городамъ Вятской губерніи шведгарей, недвижимыхъ имуществъ, статистическихъ описаній и сообщеній о мѣрахъ къ лучшему устройству общественныхъ и хозяйственныхъ городовъ дѣль. 5-го августа 1850 г. Салтыковъ былъ назначенъ совѣтникомъ вятскаго губернскаго правленія: Было ли это при Середѣ, или при его преемникѣ Семеновѣ—не можемъ сказать съ точностью. Въ статьѣ г. Михайлова назначеніе Салтыкова приписывается Семенову, но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ сообщаетъ, что Середѣ оставилъ Вятку въ 1851 г. (онъ былъ переведенъ, по просьбѣ оренбургскаго генералъ-губернатора Перовскаго, наказнымъ атаманомъ оренбургскаго казачьяго войска), а Салтыковъ, какъ видно изъ формулярнаго его описка, получилъ должность совѣтника въ 1850 г. Какъ бы то ни было, дѣятельность Салтыкова при новомъ губернаторѣ становится еще болѣе разнообразной. Продолжая работы по описанію и изученію городовъ, онъ состоитъ дѣлопроизводителемъ въ трехъ комитетахъ: о рабочемъ и смирительномъ домахъ, о новомъ порядкѣ отдачи въ арсенное содержаніе почтовыхъ станцій и о выставкѣ сельскихъ произведеній въ Петербургъ. На него возлагается также распоряженіе вятской очередной выставкой сельскихъ произведеній (дѣль за пятнадцать передъ тѣмъ дѣятельную роль по устройству выставки въ той же Вяткѣ игралъ Герценъ; таковы, видно, были удѣль «опальныхъ» или «ссылныхъ» чиновниковъ, какъ наиболее энергичныхъ и интеллигентныхъ). Въ 1853 г. Салтыковъ получаетъ командировку въ Нолінекъ, для обрешиванія дѣлопроизводства тамошняго земскаго суда. Всѣ эти порученія, — какъ и многія другія, не оставшія слѣдовъ въ формулярномъ опискѣ Салтыкова, — послужили большою службою русской литературѣ; они увеличили запасъ матеріала, изъ котораго создались «Губернскіе Очерки». Одной изъ служебныхъ командировокъ Салтыкова мы обязаны, быть-можетъ, нѣкоторыми сценами «Въ острогѣ», другой — разговоромъ: «Что такое коммерція», третьей — «Святоточнымъ разговоромъ».

Въ бумагахъ Салтыкова уцѣлѣла, къ счастью, копія съ донесенія, представленнаго имъ губернатору, въ ноябрѣ 1852 г., по весьма интересному дѣлу. Будучи совѣтникомъ губернскаго правленія, Салтыковъ былъ посланъ губернаторомъ, вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ, въ Слободской уѣздъ для принятія мѣръ къ прекращенію беспорядковъ, возникшихъ между госу-

дарственными крестьянами двух сельских обществ (Путейскаго и Нельсовскаго) Трушниковской волости. Поводъ къ безпорядкамъ былъ слѣдующій: въ соеѣствѣ съ землей вышеназванныхъ сельскихъ обществъ находилась казенная оброчная статья, поспыная наименованіе *каменской*. Числилась въ ней 1.846 десятинъ, но съ точностью размѣры ея и границы, при первой сдачѣ ея въ арендное содержаніе (въ 1836 г.), опредѣлены не были. Первый содержатель ея внеслъ за нее въ казну только 120 рублей ассигнаціями въ годъ. Плата столь ничтожную сумму, онъ не имѣлъ надобности стѣснять крестьянъ требованіемъ обременительнаго для нихъ оброка за лѣсные поляны, которыми они пользовались съ давняго времени безоброчно. Источникомъ дохода для этого арендатора служили только посямы дуга по рѣкѣ Камѣ, которые онъ сдавалъ по участкамъ мѣщанамъ заштатнаго города Кая и наиболее зажиточнымъ крестьянамъ Трушниковской волости. Въ 1841 году оброчная статья переходитъ въ содержаніе самихъ крестьянъ Путейскаго и Нельсовскаго обществъ, платящихъ за нее 320 рублей въ годъ. Въ 1844 г. преемникомъ ихъ становится каменскій мѣщанинъ Дмитрій Гудинъ, съ платою по 332 рубля. Въ вводномъ листѣ, выданномъ ему въ 1845 г., не было показано ни число десятинъ, входящихъ въ составъ оброчной статьи, ни положеніе ея. Вслѣдъ за этимъ начинаются споры крестьянъ съ содержателемъ каменской статьи. Послѣдній предъявляетъ претензію на полученіе съ крестьянъ арендной платы за пользованіе починками (лѣсными полянами); крестьяне обязываются къ тому подпиской, но не исполняютъ обязательства, потому что считаютъ починки не входящими въ составъ оброчной статьи. Пререканія между обѣими сторонами не прекращаются во все время аренды Дмитрія Гудина, продолжавшейся до 1847 г. При новомъ арендаторѣ, крестьянинѣ Трушниковѣ (платившемъ по 339 рублей въ годъ), наступаетъ затихіе; арендаторъ никакихъ требованій къ соеѣдамъ-крестьянамъ не предъявляетъ. Въ контрактѣ, заключенномъ съ Трушниковымъ, пространство оброчной статьи опредѣляется попрежнему въ 1.846 десятинъ, но въ подробной описи, выданной арендатору, количество земли показано только въ 720 десятинъ съ сажеными. Въ 1849 г. мѣстный лѣсничій доноситъ палатѣ государственныхъ имуществъ, что каменская оброчная статья заросла во многихъ мѣстахъ порослью и не имѣетъ межесвыхъ признаковъ. Это не мѣшаетъ тому же лѣсничему выдать новому (съ 1850 г.) арендатору каменской статьи, мѣщанину Ивану Гудину (сыну Дмитрія), опись существенно отличную отъ

прежней; десятины, входящихъ въ составъ оброчной статьи, показано здѣсь уже 991, и въ такихъ, между прочимъ, мѣстахъ, которыя на самомъ дѣлѣ въ пользованіи предшествовавшаго арендатора вовсе не состояли. Крестьяне, очевидно, сохраняютъ за собою фактическое владѣніе землею, которою безпрестанно пользовались при Трушинковѣ; противъ этого протестуютъ новый арендаторъ, требуя возвращенія хлѣба и сѣна свезенныхъ крестьянами съ лѣсныхъ полей. Между тѣмъ границы оброчной статьи попрежнему остаются неопредѣленными; землемѣръ, еще зимою 1849—50 г. получившій предписаніе возобновить межевые признаки, отказывается, полтора года спустя, подъ неосновательнымъ предлогомъ, отъ исполненія этого порученія, а другой землемѣръ, прибывъ на мѣсто лѣтомъ 1851 г., ничего не предпринимаетъ, въ видѣ нежеланія понятыхъ указать границы оброчной статьи. Крестьяне то даютъ подписку о согласіи своемъ платить Гуднину оброкъ, то берутъ назадъ это согласіе; Гуднинъ отказывается, наконецъ, отъ дальнѣйшаго содержанія камской статьи; палата предписываетъ лѣсничему принять ее въ хозяйственное распоряженіе, но лѣсничій, вмѣсто того, возобновляетъ перенеску о изысканіи съ крестьянъ. Въ непокорныя деревни является временное отдѣленіе земскаго суда; крестьяне не только отказываются отъ платежа взыскиваемыхъ денегъ, но вынуждаютъ стапового пристава, помощника опружного начальника и самого арендатора дать подписку, оправдывающую ихъ образъ дѣйствій. При такомъ положеніи дѣла прибѣгають на мѣсто Салтыкова. Изъ разспроса крестьянъ онъ узнаетъ еще новое обстоятельство, объясняющее ихъ «упорство»: въ 1844 г. спорная земля была наръзана нѣмъ землемѣромъ по числу душъ, т. е. предназначена къ включенію въ составъ земельного нѣмъ надѣла. Правда, эта наръзка была только предварительною; требованіе еще утвержденія начальства; но крестьянамъ мало понятны такія юридическія различія, и они настаиваютъ на своемъ, несмотря на все старанія Салтыкова убѣдить ихъ въ необходимости исполненія предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Больше уступчивыми крестьяне дѣлаются только тогда, когда трехъ изъ нихъ, считавшихся подстрекателями, берутъ подъ стражу и отсылаютъ въ уѣздный городъ. Арендаторъ, съ своей стороны, соглашается разсрочить взысканіе, даже вовсе отказывается отъ своихъ претензій къ бѣднѣйшимъ крестьянамъ. Дѣло, такимъ образомъ, оканчивается миролюбиво, еще до прибытія вытребованной военной команды.

Заурядный чиновникъ тогдашняго — да и не только тогдашняго — времени счелъ бы свою задачу исполненной и спокойно

возвратился бы къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Не такъ отнесся къ дѣлу Салтыковъ. Онъ не только раскрылъ всѣ обстоятельства, вызвавшія «неповиновеніе» крестьянъ, но подумалъ и о томъ, какъ предупредить повтореніе подобныхъ явленій. Вотъ что онъ пишетъ въ концѣ рапорта: «Крестьяне (данной мѣстности) всѣ вообще находятся въ самомъ бѣдномъ положеніи, и хотя и есть между ними довольно зажиточные, но и они кажутся таковыми только сравнительно съ другими, которые не имѣютъ почти никакихъ средствъ къ существованію. Землю на чело душъ 8-й ревизіи крестьяне до сихъ поръ не надѣлены; нынѣшній надѣлъ произведенъ еще по генеральному межеванію и тогда, конечно, былъ достаточенъ, но, въ настоящее время въ нѣкоторыхъ селеніяхъ едва-едва приходится на душу отъ двухъ до трехъ десятинъ удобной земли. Это, вѣроятно, и поудило крестьянъ дѣлать въ свободныхъ казенныхъ земляхъ расчистки, которыя внаслідствіи были введены въ составъ казенной оброчной статьи. Земля, находящаяся во владѣніи крестьянъ, самаго посредственнаго качества; хлѣба родится едва-едва самъ-третій, а большею частью самъ-другъ и самъ-другъ съ половиной. Сѣнокосовъ хорошихъ нѣтъ вовсе, ибо всѣ крестьянскіе сѣнокосы лежатъ на болотистыхъ мѣстахъ, а лучшіе дуга, понимаемые весеннимъ разливомъ р. Камы, введены въ составъ оброчной статьи и пазъ пользованія крестьянъ изъяты. Само собою разумѣется, что при недостаткѣ дуговъ скотоводство крестьянъ находится въ самомъ жалкомъ положеніи, а отъ этого необходимо должно страдать и самое хлѣбопашество. Промыслы, которыми занимаются крестьяне для заработка денегъ, потребныхъ на уплату податей, заключаются въ выработкѣ и поставкѣ угля для сошедшихъ желѣзнодорожныхъ заводовъ, въ поставкѣ дровъ для солеваренныхъ заводовъ Пермской губерніи и въ занятіи бурлачествомъ по рѣкѣ Камѣ. Выгоды, приобретаемыя этими промыслами, такъ незначительны, что вырабатываемыхъ денегъ едва достаточно на уплату государственныхъ податей за семейства, состояція перѣдко изъ трехъ и четырехъ душъ при одномъ работникѣ, на прокормленіе самихъ работниковъ во время отсутствія изъ дома и на покупку самыхъ необходимыхъ домашнихъ потребностей, какъ-то соли и пр. Соображая все объясненное выше, я, съ своей стороны, нахожу, что причины, побудившія крестьянъ къ возмуненію, заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ самомъ положеніи крестьянъ, которое, дѣйствительно, представляется столь бѣдственнымъ, что съ перваго взгляда обращаетъ на себя особенное вниманіе, и 2) въ томъ недоразумѣніи, которое возникло между крестьянами

отъ неограниченія и неприведенія въ извѣстность камовой статьи. Крестьяне, видя, что при одномъ содержателѣ статья сей въ составъ ея входитъ болѣе, при другомъ — менѣе пространства, легко могли заподозрить въ этомъ дѣлѣ произволъ какъ со стороны содержателя, такъ и со стороны лица, введившаго его во владѣніе статью *). Хотя въ настоящее время безпорядки претрачены и бунтовщики приведены въ надлежащее повиновеніе, я не могу, однакоже, не сказать, что, по моему мнѣнію, единственный способъ водворить между крестьянами прочный порядокъ и тишину заключается въ скорѣйшемъ надѣленіи ихъ землею по числу душъ восьмой ревизіи, при чемъ, такъ какъ почти всѣ свободныя казенныя земли этого края таковы, что нарѣзка ихъ крестьянамъ несколько не послужитъ къ улучшенію ихъ быта, а, напротивъ того, потребуетъ отъ нихъ же значительнаго труда и издержекъ, которые могутъ вознаградиться развѣ черезъ весьма долгое время, то я полагаю бы въ число земель, предлагаемыхъ къ надѣлу крестьянамъ по восьмой ревизіи, включить и камскую статью, въ полномъ ея составѣ. Тѣмъ болѣе, по мнѣнію моему, предложеніе это заслуживаетъ уваженія, что статья ея составила изъ дѣсныхъ полей, на расчистку которыхъ этими же крестьянами употреблено не одинъ десятокъ лѣтъ).

Исторія камской оброчной статьи представляетъ прекрасный образчикъ экономическxъ отношеній и служебныхъ нравовъ, съ которыми на каждомъ шагѣ приходилось встрѣчаться Салтыкову. Съ одной стороны — бѣдность, граничащая съ нищетою, тяжелый трудъ изъ-за насущнаго хлѣба, незнаніе и непониманіе закона; съ другой стороны — бездушное бумагомараніе, игнорированіе самыхъ вопиющихъ народныхъ нуждъ, безконечная канцелярская волокита. Въ продолженіе шестнадцати лѣтъ учрежденія, завѣдующія государственными имуществами, не могутъ установить съ точностію ни пространства, ни границъ земельного участка, нѣсколько разъ переходящаго изъ однихъ рукъ въ другія. Содержателю оброчной статьи дается пѣчато неопредѣленное, безпрестанно измѣняющееся въ объемѣ. Крестьянъ точно драмятъ, то отнимая, то возвращая необходимую

*) Въ первоначальномъ наброскѣ бумаги за этими двумя пунктами слѣдовали еще два, впоследствии зачеркнутые Салтыковымъ. Въ одномъ изъ нихъ указывалось на бездѣйствіе палаты государственныхъ имуществъ, ограничивавшейся «отпиской» и ни разу не потрудившейся серьезно выслушать въ положеніе крестьянъ, а въ другомъ — на заключеніе палатой съ Гудинными такого контракта, который свидѣтельствовалъ о совершенномъ ея незнакомствѣ съ предметомъ сделки.

ить землю, многолѣтнимъ нхъ трудомъ отвоеванную пзъ-подъ дѣса. Виноватыми являются, очевидно, не однѣ только лѣвные или недобросовѣстные исполнители; значительная доля отвѣтственности падаетъ на систему, при которой двѣнадцативрублевая прибавка къ арендной платѣ признается достаточнымъ основаниемъ къ отобранію земли отъ крестьянскихъ обществъ, не могущихъ существовать безъ нея, и къ передачѣ ея частному лицу, дѣлающему пзъ нея предметъ аферы. Эта система пережила эпоху реформъ и поколебалась лишь недавно, когда крестьянскимъ обществамъ предоставлено было преимущественное право на арендованіе свободныхъ казенныхъ земель. Наставшая на передачѣ казенной оброчной статьи сосѣднимъ крестьянскимъ обществамъ, Салтыковъ предугадалъ тотъ путь, на который наше законодательство вступило, и то не вполнѣ, только по прошествіи трехъ десятилѣтій. Бумага, написанная Салтыковымъ въ 1852 году, составляетъ какъ бы приступъ къ позднѣйшей борьбѣ противъ крестьянскаго малоземелья. Онъ не побоялся предложить отдачу крестьянамъ именно той земли, пзъ-за которой возникли безпорядки. Ему могли сказать, что удовлетвореніе «бутовщиковъ» было бы равносильно поощренію «бунта», а при его положеніи въ губерніи такое толкованіе его словъ было бы далеко не безосновно. Не останавливаясь передъ личными соображеніями, онъ выразилъ свое мнѣніе съ некрепностью и силою, необычными въ до-реформенномъ административномъ мірѣ. Само собою разумѣется, что онъ не скрылъ при этомъ многочисленныхъ упущеній, допущенныхъ въ дѣлѣ о казенной оброчной статьѣ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ. Чѣмъ было тогда это вѣдомство въ провинціи— живымъ памятникомъ тому служить «Губернскіе Очерки» (принятымъ «озорника» или «чиновниковъ хозяйственнаго управленія» въ «Неприятномъ посѣщеніи»), а также въ «Тяжелый годъ» въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ». Герой послѣдняго разсказа, Владимиръ Онуфриевичъ Удодовъ—второй экземпляръ или продолженіе «озорника»—стоитъ во главѣ губернскаго управленія государственными имуществами.

По словамъ г. Михайлова, на статью котораго мы уже ссылались, между вятскими сослуживцами Салтыкова было нѣсколько хорошихъ людей, съ которыми можно было «по-человѣчески переговорить». Одного изъ нихъ, А. П. Тиховидова, Салтыковъ рекомендовалъ Муравьеву (сыну извѣстнаго министра и генералъ-губернатора), когда послѣдній, уже послѣ возвращенія Салтыкова пзъ ссылки, былъ назначенъ вятскимъ губернаторомъ²⁹⁾.

²⁹⁾ Если вѣрить г. Михайлову, указавшаго Салтыкова слѣдуетъ

Тиховидовъ, окончивъ курсъ въ казанскомъ университетѣ, былъ учителемъ въ вятской гимназiи и преподавалъ, между прочимъ, риторикъ и цитику. Замѣтивъ въ Тиховидовѣ выдающiяся способности, Салтыковъ посоветовалъ ему оставить преподаванiе «искусства, какъ изъ песка веревку вѣтъ», и вступить въ гражданскую службу. Тиховидовъ послѣдовалъ этому совѣту и сдѣлался уѣзднымъ судьей, а потомъ совѣтникомъ уголовной палаты. Во всякомъ случаѣ, Тиховидовъ принадлежалъ къ числу исключенiй, и исключенiй рѣдкихъ. Вятскiй чиновный мiръ пятидесятыхъ годовъ состоялъ, болышею частью, изъ оригиналовъ портретной галлерей, наполняющей «Губернскiе Очерки». Съ настоящимъ ихъ соедѣствомъ Салтыковъ примириться никакъ не могъ. Яркую картину настроенiя, овладѣвшаго имъ черезъ нѣсколько лѣтъ вятской жизни, мы находимъ въ «Скукѣ» («Губернскiе Очерки»). «Когда я вѣхалъ въ Крутогорскъ (т.-е. въ Вятку), то мнѣ казалось, что я долженъ на дѣлѣ принести хоть частичку той пользы, которую каждый гражданинъ обязанъ положить на алтарь отечества. Думалось мнѣ, что въ самой случайности, брошенной меня въ этотъ край, скрывается своего рода предопредѣленiе... Ювенискiя мечты, тщетныя мечты!.. Что же я сдѣлалъ, какiе подвиги совершилъ?.. О, провинцiя! ты растлываешь людей, ты истребляешь всякую самостоятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать!.. Какая возможность развиваться, когда горизонтъ мышленiя такъ обидно суживается? Какая возможность мыслить, когда кругомъ лѣтъ ничего вызывающаго на мысль?.. Да, жалко, попетить жалко положенiе молодого человѣка, заброшеннаго въ провинцiю! Незамѣтно, мало-по-малу, погружается онъ въ тину мелочей и, увлекаясь легкостью этой жизни, которая не имѣетъ ни вчерашняго, ни завтрашняго дня, самъ безсознательно дѣлается молчаливымъ наборникомъ ея. А тамъ подвредается матушка-лѣтъ и такъ крѣпко связываетъ въ своихъ объятiяхъ новобранца, что и очнуться некогда». Эта участь не постигла Салтыкова, но его страшила ея призракъ, его мучила мысль о возможности успокоенiя и усыпленiя. Съ такими будильниками, какъ дѣло о камешной оброчной статьѣ, до-реформенный чиновникъ встрѣчался, безъ сомнѣнiя, крайне рѣдко; не даромъ же между бумагами Салтыкова нашлась только одна относящаяся къ его вятской службѣ...

Точекъ опоры для того, чтобы устоять противъ засасывающего дѣйствiя провинциальной «тины», Салтыковъ искалъ; по-приписать большую часть опредѣленiй и увольненiй, послѣдовавшихъ въ Вятской губернии при губернаторѣ Муравьевѣ.

видимому, въ своихъ воспоминавіяхъ о прошедшемъ и въ литературно-научныхъ занятіяхъ. О характерѣ первыхъ свидѣтельствъ въ несомнѣнно тотъ же очеркъ («Скула»), на который мы только что ссылались. «Были у меня инныя времена, окружали меня инныя люди, все иное! Были глубокія вѣровавія, горячія убѣжденія, была страсть къ добру!.. Гдѣ-то вы, друзья и товарищи моей молодости?.. Помню я долгіе зныціе вечера и наши дружескія, скромныя бесѣды, заходившія далеко за полночь. Какъ легко жилось въ это время, какая глубокая вѣра въ будущее, какое сноподушіе надеждъ и мыслей оживляло всѣхъ насъ! Помню я и тебя, многолибный незабвенный другъ и учитель нашъ! Гдѣ ты теперь? Какая желѣзная рука сковала твои уста, изъ которыхъ лились на насъ слова любви и упованія?» Недостатокъ живой бесѣды съ снопомышленниками-друзьями Салтыковъ старался пополнить чтеніемъ. Въ его бумагахъ сохранились замѣтки, озаглавленныя: «Объ идеѣ правъ»; сохранился также претупъ къ біографіи Беккаріи; и то, и другое написано на бланкахъ «свѣтлица вятскаго губернскаго правленія». Въ бланкъ, на которомъ начата біографія Беккаріи, вложены листы бумаги съ нѣсколькими выписками изъ этого писателя; къ одной изъ нихъ присоединено возраженіе Салтыкова. «Люди,—говоритъ Беккаріа,—согласились, молчаливымъ контрактомъ, пожертвовать частью своей свободы, чтобы пользоваться остальнымъ спокойно и чтобы воздерживать постоянныя усилія отдѣльныхъ лицъ къ восстановленію полной свободы». Нельзя себѣ представить,—замѣчаетъ по этому поводу Салтыковъ,—чтобы человѣкъ могъ добровольно отказаться отъ части свободы, да и жить въ томъ никакой необходимости». Замѣтки «объ идеѣ права» также, по-видимому, внушены чтеніемъ Беккаріи; по, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, онѣ принадлежатъ, всецѣло или болѣею частью, самому Салтыкову. Мы приведемъ изъ нихъ все болѣе существенное. Начинаются онѣ указаніемъ на важность сравнительнаго изученія уголовныхъ законовъ, въ которыхъ «отражается, со всѣми ся безобразными или симпатическими сторонами, внутренняя и вѣшняя жизнь народовъ. Если права народа мягки, если въ сознаніи народномъ живетъ идея правды, то законодатель является по исключительнымъ запретителемъ или равнодушнымъ карателемъ пзвѣстной категоріи дѣйствій, называемыхъ преступленіями. Случаясь въ глубочайшіе тайники природы человеческой, онъ приходитъ если не къ полному признанію ея слабостей и заблужденій, то, по крайней мѣрѣ, къ тому полному любви и снпехожденія взгляду, при которомъ пзвѣстное дѣйствіе является не столько преступленіемъ, сколько результатомъ не-

нормального, болѣзненнаго состоянія челоуѣка. Напротивъ того, если дикость и необузданность составляютъ главную черту народнаго характера, уголовный кодексъ его является полнымъ жестокости и исключительности, принимаетъ формы отрицательныя, не хочетъ имѣть дѣла ни съ побудительными причинами дѣйствій, ни съ ихъ послѣдствіями. Рѣдко случается такъ, что уголовный кодексъ является не продуктомъ народной жизни, а чѣмъ-то случайнымъ, вышнимъ, примѣненнымъ къ народу безъ всякой живой съ нимъ связи. Такіе факты никогда не проходятъ даромъ: рано или поздно народъ разобьетъ это Прокрустово ложе, которое лишь бесполезно мучило его. Какъ бы ни быть младенчески неразвитъ народъ (а гдѣ же онъ развитъ?), онъ все-таки никогда не хочетъ улезть въ тѣсныя рамки искусственно задуманной административной формы». За этимъ общимъ изступленіемъ, — не лишенимъ, думается намъ, внутренней связи съ служебнымъ опытомъ Салтыкова *), — идутъ отдѣльныя замѣчанія, изъ которыхъ, повидимому, должно было, вносясь въ время, сложиться нѣчто цѣлое. «Что такое преступленіе? Не есть ли это дѣйствіе воли челоуѣка, направленное къ увеличенію суммы личнаго благосостоянія, дѣйствіе вполнѣ законное, если оно направлено такъ, что не приноситъ ущерба другимъ, и преступное, если оно влечетъ этотъ ущербъ»... «Причины, имѣющія вліяніе на мѣру наказанія — образованность; чувствительность, предразсудки касты и т. п., — такъ неуловимы, что не могутъ быть принимаемы въ расчетъ. Притомъ къ самой грубой кастѣ могутъ быть исключенія; почему же это исключеніе понесетъ на себѣ инфамію, сопряженную съ идеей всей касты? Поэтому самое лучшее тутъ — обследовать всю жизнь преступника». Чтобы понять мысль Салтыкова объ «инфаміи, сопряженной съ идеей касты», нужно припомнить, что для лицъ непривилегированныхъ сословій наказаніе плетью и наложеніе клейма служило *прибавкой* къ главному наказанію (ссылка въ какую нибудь пачу на поселеніе), которому они подвергались наравнѣ съ лицами привилегированными... «Есть преступленія прямо противъ естественнаго права, противъ личности; есть преступленія противъ гражданскаго (несуущественнаго) права, по которому такъ срослось съ нами, что принадлежить къ первой категоріи (пре-

*) Чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ и совѣтникъ губернскаго правленія часто являлись, въ до-реформенное время, чѣмъ-то въ родѣ судебныхъ слѣдователей по особенно важнымъ дѣламъ. Что Салтыковъ не избѣгъ этой участи — доказательствъ тому въ «Губернскихъ Очеркахъ» немало. Отсюда неизбежно проистекало знакомство съ уложеніемъ о наказаніяхъ.

ступленія противъ собственности, противъ чести и т. д.); накопленъ; есть преступленія, принадлежащія исключительно духу времени (политическія). Первые для всѣхъ запрещены, вторыя — только для тѣхъ, которые достаточно развиты... *Развить это* *). Первые не требуютъ подробнаго указанія въ законѣ; вторыя и особенно третья должны быть указаны до мельчайшей подробности». Несмотря на всю отрывочность всѣхъ этихъ вышеприведенныхъ нами замѣчаній, они показываютъ съ достаточною ясностью, въ какомъ направленіи работала мысль Салтыкова. На другомъ листѣ, относящемся, судя по почерку и бумагѣ, приблизительно къ тому же времени, начато, повидимому, разсужденіе о томъ, имѣетъ ли всякій членъ общества право требовать отъ него насущнаго хлѣба. На этотъ вопросъ дается отрицательный отвѣтъ, но въ такихъ выраженіяхъ, которыя едва ли заключаютъ въ себѣ настоящую мысль автора: «Уеть всякій въ этомъ мірѣ отвѣчать за себя и для себя! Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые считаютъ лишними на землѣ! Слишкомъ много было бы хлопотъ, если бы нужно было давать хлѣба всѣмъ воліющимъ о голодѣ!.. Такъ какъ населеніе безпрестанно стремится превзойти средства къ существованію, то милосердіе есть безуміе, есть поощреніе къ нищенству». Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что Салтыковъ хотѣлъ выставить въ самомъ яркомъ свѣтѣ крайности малягузіанства — и затѣмъ перейти къ его опроверженію... Между бумагами Салтыкова оказалось еще нѣсколько страницъ выписокъ, въ русскомъ переводѣ, изъ Токвиля («De la démocratie en Amérique»), Вивьена («Etudes administratives») и Шерюеля («Histoire de l'administration monarchique en France»), также, кажется, сдѣланныхъ въ Вяткѣ или вкорѣ послѣ выѣзда оттуда. И здѣсь можно найти нѣкоторыя указанія не только на то, что занимало Салтыкова, но и на то, что ему пришло въ голову, напримѣръ, что онъ выписываетъ изъ Токвиля и Вивьена: «Центральная власть, какъ бы ни была просвѣщенная, не можетъ объять всѣ подробности жизни великаго народа; когда она хочетъ своими средствами управлять многоразличными дружными народною жизнью, она истощается въ безплодныхъ усиліяхъ... «Предупредительный элементъ ослабляетъ правительство. Оно дѣлается отвѣтственнымъ за все, дѣлается причиною всѣхъ золъ и порождаетъ къ себѣ ненависть. Съ другой стороны, граждане теряютъ всякую самостоятельность»...

*) Этой оговоркой объясняется кажущаяся парадоксальность некоторыхъ изъ числа вышеприведенныхъ замѣтокъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло, очевидно, только съ бѣглыми набросками мыслей, занимавшихъ и волновавшихъ Салтыкова.

Въ вятскомъ періоду жизни Салтыкова относится, законспѣ, составленіе для сестеръ Е. А. и А. А. Болтинныхъ, изъ которыхъ одной суждено было сдѣлаться его женою *), «Краткой исторіи Россіи». Нависанная, какъ сказано въ заглавіи, по разнымъ источникамъ и доведенная до Петра Великаго, она заключаетъ въ себѣ сорокъ довольно мелко написанныхъ листовъ, и стоила Салтыкову, очевидно, не малаго труда. Характеристичнаго въ ней немного, сходнаго съ будущей «Петріей одного города» — ровно ничего. Это объясняется, конечно, самымъ назначеніемъ рукописи — служить какъ бы учебникомъ для молодыхъ дѣвушекъ, почти дѣвочекъ. Въ самомъ способѣ изложенія ничто не напоминаетъ позитивную манеру автора. Приведемъ нѣсколько выписокъ только для того, чтобы показать, какъ мало Салтыковского въ этомъ юническомъ произведеніи Салтыкова. «Дичность сына Василія Темнаго — одна изъ самыхъ замѣчательныхъ въ русской исторіи. Иоаннъ Третій является довершителемъ намѣреній и политики своихъ предковъ, и довершителемъ не только счастливымъ, но и въ высшей степени благоразумнымъ»... «До Федора Ивановича крестьяне обыкновенно переходили отъ одного помѣщика къ другому. Обыкновеніемъ этимъ болѣе всего пользовались богатые помѣщики, имѣвшіе обширныя земли. Они имѣли въ средства принимать крестьянъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели помѣщики бѣдные, и потому земли послѣднихъ почти всегда оставались необработанными. Для пресѣченія этого зла, постановлено было, чтобы крестьяне отнынѣ навсегда оставались на тѣхъ земляхъ, на которыхъ застало ихъ царское повелѣніе» (болѣе о закрѣпощеніи крестьянъ не сказано ни слова)... «Уложеніе царя Алексѣя Михайловича — сводъ законоположеній по различнымъ частямъ государственнаго управленія, разсмотрѣнный и одобренный выборными чинами изъ всѣхъ сословій. Главнѣйшею мыслью его было равенство суда для всѣхъ лицъ и званій; смягчены были также многія наказанія» (этимъ нечерпывается отбика Уложенія)... «Язвою русскаго государства былъ етаровѣры. Секта эта возникла по случаю исправленія церковныхъ книгъ. Нѣкоторые изъ исправителей издали имѣвшіеся у нихъ въ рукахъ списки не только безъ исправленій, но даже съ ложными толкованіями. Патріархъ Никонъ жестоко преслѣдовалъ

*) Отецъ Е. А. и А. А. Болтинныхъ былъ вятскимъ вице-губернаторомъ; въ его домѣ Салтыковъ скоро сталъ своимъ членомъ. «Краткая исторія Россіи» написана Салтыковымъ въ тверской его деревнѣ, куда онъ получалъ позволеніе съѣздить въ 1838 или 1864 г. Онъ присылалъ ее оттуда листами, чтобы напомнить о себѣ своимъ добрымъ знакомымъ.

таких ересiarховъ и высылать ихъ изъ Москвы. Возникла ересь, распространившаяся съ необычайной быстротой. Дерзость старовѣровъ дошла до того, что они не устыдился окружить Успенскій соборъ во время патриаршаго служенія и настойчиво требовали публичнаго пренія». Заслуживаетъ вниманія, самъ по себѣ, только взглядъ Салтыкова на Иоанна Грознаго, почти всецѣло совпадающій съ мнѣшемъ Кавелина *). «Ничто не укрывалось отъ взора Иоанна,—говоритъ Салтыковъ, характеризуя лучшую эпоху его царствованія (1548—60);—вездѣ, во всѣхъ припятыхъ мѣрахъ, видно непосредственное участіе его, всё онъ отмѣчено его гениемъ». Грозному царю ставится въ заслугу борьба съ боярствомъ, въ особенности на почвѣ мѣстнаго управленія: упоминается объ учрежденіи судебныхъ старостъ и цѣловальниковъ, призванныхъ къ тому, «чтобы лишить областныхъ правителей возможности грабить народъ». Съ этой же точки зрѣнія одобряется значеніе, данное дьякамъ, а также введеніе въ думу «начала личныхъ заслугъ», установленіемъ званія думныхъ дворянъ. Пережѣна, проведшая въ Иоаннъ, объясняется «тѣмъ: неудачамъ, тѣмъ постояннымъ противодействіемъ, которое Иоаннъ встрѣчалъ со стороны всѣхъ окружавшихъ его для приведенія въ исполненіе своихъ реформъ». Упрекъ въ корыстолюбіи, въ «непониманіи государственныхъ интересовъ», распространяется и на тѣхъ «незнатныхъ людей», которыми Иоаннъ думалъ замѣнить бояръ. Россія—такое заключеніе автора—«была еще недостаточно развита» для реформъ, задуманныхъ Иоанномъ. Даже учрежденіе опричнины оправдывается тѣмъ, что оно, «свидѣмому, имѣло цѣлью осуществленіе данной мысли Иоанна: создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество». Неудачу опричнины Салтыковъ приписываетъ опять-таки «недостаточной развитости» Россіи; «люди, которыхъ Иоаннъ удостоивалъ своею довѣренностью, отнюдь не оправдывали ее, а, напротивъ того, употребляли ее во зло, возмущая душу царя разными наветами и клеветами». О злодѣяствахъ Иоанна Салтыковъ не говоритъ почти вовсе, щадя, можетъ-быть, чувствительность своихъ ученицъ, а можетъ-быть—и репутацію своего любимца. Чѣмъ вызывалось снисходительное отношеніе Салтыкова къ Иоанну Грозному—это, въ виду приведенныхъ нами выпп-

*) Мнѣше Кавелина объ Иоаннѣ Грозномъ было выражено въ статьѣ «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи». Эта статья, впоследствии вошедшая въ составъ «Сочиненій» Кавелина (изд. 1859 г., т. I, смотри въ особенности стр. 355—363), была напечатана въ «Современникѣ» 1847 г. и, следовательно, была известна Салтыкову, который несомнѣнно руководствовался ею.

совъ, не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій. Салтыкову, какъ и Кавелину, было симпатично общее направленіе внутреннихъ реформъ грознаго царя.

Настала, наконецъ, моментъ освобожденія Салтыкова изъ семилѣтняго вятскаго плѣна. Считѣмъ съ него полицейскаго надзора онъ былъ обязанъ, по словамъ г. Михайлова, новому вятскому губернатору, Ланскому. Вскорѣ послѣ того, 12-го февраля 1856 г., онъ былъ уволенъ отъ должности совѣтника вятскаго губернскаго правленія, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Выѣхалъ онъ изъ Вятки еще раньше, въ ноябрѣ, «по первому свѣту» («Губернскіе Очерки» «Дорога»). «Я оставилъ Крутогорскъ окончательно, — пишетъ Салтыковъ въ той же «Дорогѣ», — передо мною растворяются двери новой жизни, той полной жизни, о которой я мечталъ, въ которой устремлялся всеми силами души своей... И между тѣмъ внутри меня совершается странное явленіе. Я слышу, я чувствую, что какое-то неизъяснимое, тайное горе сосетъ мое сердце... Я огорченъ, я подавленъ и уничтоженъ... Мнѣ кажется, что меня тяжело оскорбля, что внезапно погибло все, что я любилъ, чѣмъ былъ счастливъ, что я неожиданно очутился одинъ, отгорюченный отъ всего живого... Ужель я въ Крутогорскѣ оставилъ часть самого себя? Да! не могъ же я жить даромъ столько лѣтъ, не могъ не оставить послѣ себя никакого слѣда! И безсознательная былинка не живетъ даромъ, и та своей жизнью, хоть незамѣтно, но непремѣнно воздействуетъ на окружающую природу... ужель же я ниже, ничтожнѣ этой былинки? Или, быть-можетъ, я сожалѣю о напрасно прожитыхъ лучшихъ годахъ моей жизни? Быть-можетъ, ржавчина привычки до того пронизала мое сердце, что я боюсь переменъ жизни, которая предстоить мнѣ? И въ самомъ дѣлѣ, что ждать меня впереди? Новая борьба, новыя хлопоты, новыя негательства? А я такъ усталъ уже, такъ разбитъ жизнью, какъ разбита почтовая лошадь ежедневной вѣдой по каменстой дорогѣ! И не то чтобы я, въ самомъ дѣлѣ, много жилъ, много извѣдалъ, много выстрадалъ... Нѣтъ, я чувствую, что въ этомъ отношеніи я еще свѣжъ и непороченъ, какъ дѣвственница, и между тѣмъ сознаю, что душа моя дѣйствительно огрубѣла, а въ сердцѣ царствуетъ преступная власть. Ужель же я погибну, не живши? — спрашиваю я себя, и вдругъ чувствую нестерпимый приливъ крови въ жилахъ. Мнѣ хочется бѣжать, бѣжать, кричать, кричать... Но вмѣстѣ съ тѣмъ я, какъ выздоравливающей больнои, ощущаю, что мнѣ сильный моціонъ не по силамъ, что одно желаніе моціона порождаетъ уже расслабленіе и усталость во всѣхъ моихъ членахъ»...

«Выздоровление» Салтыкова совершилось, какъ известно, весьма быстро—или, лучше сказать, самая болѣзнь его была только кажущаяся. Представимъ себѣ богатыря, много лѣтъ просидѣвшаго со связанными руками, въ небольшой тюремной кельѣ. Внезапно освобожденный, онъ не сразу чувствуетъ въ себѣ присутствие дремавшей силы; пробѣжать пѣсковыя времена, прежде чѣмъ онъ расправитъ могучія руки и опять двинется впередъ исполненными шагами. У Салтыкова переходный періодъ былъ тѣмъ болѣе неизбеженъ, что судьба бросила его въ Вятку молодымъ, едва испробовавшимъ свое дарованіе и наклонностямъ, какъ мы уже видѣли, въ сомнѣнію въ самомъ себѣ. Въ центрѣ Россіи, куда онъ возвращался, многое, вдобавокъ, переѣнилось: наступила другая эпоха, пока заявившая себя, но позднѣйшему выраженію Салтыкова, только «замѣной мундирныхъ фраковъ мундирными полукафтанами», но обѣщавшая иѣчто иное, гораздо большее... Салтыкову силалась въ дорогѣ погребальная процессія «прошлыхъ временъ»; но въ голосѣ того, кто объяснялъ ему ея значеніе, слышалась «болѣзненная прошія». Надежды на будущее смѣшивались съ опасеніями, основанными на близкомъ знакомствѣ съ прошедшимъ,—прошедшимъ, олицетвореніемъ котораго служилъ для Салтыкова чиновный Крутогорскъ.

За чиновнымъ, официальнымъ Крутогорскомъ разстилался, однако, иѣблизкій крутогорскій край, «далекій и иѣкъмъ петропугній, просторный и простодушный» (см. Введеніе къ «Губернскимъ Очеркамъ»). Этотъ край былъ милъ Салтыкову; о немъ онъ жалѣлъ, даже вырывался на волю. Здѣсь Салтыковъ въ первый разъ почувствовалъ свою близость къ той «пошехонской странѣ», которая оставалась ему «родственной и достолюбезной» до самой смерти. «Дороги мнѣ и зыбучіе ея пески, и болота, и хвойные лѣса; но въ особенности милъ населяющій ее людъ, простодушный, смиренный, слегка упылый, или, лучше сказать, какъ бы задумавшійся надъ разрѣшеніемъ какой-то непосильной задачи. Вѣдна эта страна—ее надо любить» *). Эти слова написаны почти тридцать лѣтъ спустя послѣ возвращенія Салтыкова изъ ссылки; но основная ихъ нота звучитъ уже въ «Губернскихъ Очеркахъ». Она запала въ душу Салтыкова еще въ его «Крутогорскѣ».

II.

12-го февраля 1856 г.—26-го апрѣля 1889 г.

Въ 1856 году надворный совѣтникъ Салтыковъ былъ переведенъ изъ Вятки въ Петербургъ, и въ томъ же году «надворный

*) «Пошехонскіе рассказы», т. VII, стр. 454 (изд. 1889 г.).

совѣтникъ Щедринъ» помѣтилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» — первые изъ своихъ «Губернскихъ Очерковъ», сразу доставившихъ ему громкую извѣстность. Къ тому же году относится и женитьба Салтыкова на Е. А. Болтиной, такъ что это въ годъ во всѣхъ отношеніяхъ представляется поворотнымъ пунктомъ въ жизни нашего писателя.

Сначала привлеченный къ министерству внутреннихъ дѣлъ, Салтыковъ вѣкоръ (20-го іюня 1856 года) былъ назначенъ, въ томъ же министерствѣ,правляющимъ должность чиновника особыхъ порученій VI-го класса. Еще раньше (12-го мая) на него было возложено составленіе свода распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ, касающихся войны 1853—56 года. 5-го августа онъ былъ командированъ въ губерніи Тверскую и Владимирскую для обозрѣнія на мѣстѣ писемнаго дѣлопроизводства губернскихъ комитетовъ ополченія. Результатомъ этихъ порученій явилась обширная записка о государственномъ ополченіи, черновая рукопись которой сохранилась въ бумагахъ Салтыкова. Изложивъ, въ главныхъ чертахъ, содержаніе положеній о государственномъ ополченіи, Высочайше утвержденнаго 29-го января 1855 года, Салтыковъ переходитъ къ главной своей задачѣ — къ обозрѣнію распоряженій, состоявшихся въ дополненіе и поясненіе положенія о государственномъ ополченіи, а также способа исполненія этихъ распоряженій. Онъ говоритъ сначала объ инспекторской части (т. е. о численномъ составѣ ополченія и о назначеніи начальствующихъ лицъ), потомъ о хозяйственной части, о врачебной части и, наконецъ, о роспускѣ ополченія. Въ отдѣлѣ, посвященномъ инспекторской части, нѣкоторый интересъ представляютъ, въ настоящее время, лишь немногіе факты, относящіеся къ избранію офицеровъ ополченія. Во Владимирской губерніи допущена была, вопреки закону, замѣна однихъ лицъ другими, по добровольному между ними соглашенію, т. е., какъ выражается Салтыковъ, нѣчто въ родѣ личнаго пайма. Въ Московской губерніи половина офицеровъ оказалась избранною изъ оставшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ зазорнаго поведенія, недостойныхъ офицерскаго званія. виновниками такого набора были признаны нѣкоторые уѣздные предводители дворянства, оставшіеся вполне равнодушными къ устройству ополченія. Офицеры, избранные въ тверское ополченіе, поволнну не явились къ своимъ мѣстамъ, вслѣдствіе чего пришлось грозить имъ преданіемъ военному суду. О неблагонадежности нѣкоторыхъ офицеровъ ярославскаго и костромскаго ополченій понадобилось провозвести слѣдствіе. Переходя къ обзору хозяйственной части, Салтыковъ замѣчаетъ, прежде всего, что губернскіе комитеты опол-

ченія, въ составъ которыхъ, вмѣстѣ съ высшими должностными лицами губерній, входили и представители сословій,—обмундировали ополченіе, въ большинствѣ случаевъ, не только весьма дорого, но и весьма недоброкачественно. Покупка сукна и другихъ принадлежностей для несатѣливаго костюма ополченцевъ производилась, большею частью, въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, особо командированными чиновниками или комиссіонерами, что влекло за собою усиленный расходъ и на прогоны, и на провозъ матеріала. Въ Калужской губерніи обмундировка ратниковъ оказалась дурною, сапоги—сдѣланными изъ конины, а подошвы—изъ дубковъ; нѣчто подобное было найдено и при осмотрѣ костромскаго ополченія. Вообще слухи о дѣйствіяхъ губернскихъ комитетовъ были таковы, что для ихъ проверки министерство внутреннихъ дѣлъ нашло вынужденнымъ командировать въ нѣкоторыя губерніи особыхъ чиновниковъ. Результатомъ этой мѣры явилось обнаруженіе многихъ злоупотребленій или, по меньшей мѣрѣ, крайней нераспорядительности, особенно по Саратовской губерніи. Въ Тверской губерніи комитетъ ополченія постановилъ, въ предупрежденіе возвышенія цѣны, неизбежнаго при общемъ занедраждѣ произвести заготовку одежды въ каждомъ уѣздѣ отдѣльно, черезъ посредство уѣздныхъ предводителей; но велѣдъ за этимъ большинство предводителей (участвовавшихъ въ постановленіи комитета), а также тверская палата государственныхъ имуществъ, едвали заготовку одному и тому же лицу—купцу Ветонкину. За обмундированіе каждаго ратника Ветонкину платилось 14 руб. 22 коп.; между тѣмъ какъ за тѣ же вещи для кадровыхъ нижнихъ чиновъ тотъ же Ветонкинъ, въ то же самое время, получалъ по 9 р. 95½ к., т. е. почти въ полтора раза меньше. А эта послѣдняя цѣна была назначена комиссаріатскимъ департаментомъ, репутація котораго, какъ охранителя казенныхъ интересовъ, слишкомъ хорошо известна. Затѣмъ губерскій комитетъ вообще—и предсѣдатель его, губернаторъ, въ особенности—являются ревнивыми защитниками Ветонкина. Для разбора жалобъ на Ветонкина, приносимыхъ начальникомъ огашиковской дружины, посылаются губернаторомъ комиссіи, оправдывающія подрядчика; въ концѣ концовъ, губернаторъ отвѣчаетъ начальнику дружины, что назначеніе новой комиссіи, въ виду безрезультатности прежнихъ, представляется ненужнымъ. Начальникъ одной изъ кашинскихъ дружинъ отказывается принять ополченіе армяки, какъ сдѣланные изъ коровьей шерсти; губернаторъ отвѣчаетъ, что это быть не можетъ, потому что армяки сдѣланы изъ армейскаго сукна (доказаннымъ, другими словами, признается именно то, что еще слѣдовало доказать). Начальникъ бѣжецкой

дружины доносятъ, что полушубки для кадровыхъ нижнихъ чиновъ сдѣланы не изъ русскихъ, а изъ ордынскихъ овчины; губернаторъ отвѣчаетъ, что ордынскія овчины—тѣ же русскія. Ничто подобное происходитъ и во Владимирской губернии, гдѣ обмундировку всего ополченія беретъ на себя, безъ торговъ, купецъ Никитинъ, городской голова и членъ губернскаго комитета ополченія. Цѣны, ему платимыя, также превышаютъ въ полтора раза цѣнность обмундирования мѣстныхъ кадровыхъ нижнихъ чиновъ... Въ снаряженіи ополченія злоупотребленій было меньше, потому что максимальныя цѣны были назначены здѣсь комиссаріатскимъ департаментомъ. Вотъ, однако, что мы читаемъ въ запискѣ Салтыкова о подвигахъ все того же тверскаго кунца Вестошкина. Начальникъ новоторжской дружины доноситъ, что поставленные Вестошкинымъ ранцы и патронтаны негодны; губернаторъ отвѣчаетъ, что они сдѣланы въ Москвѣ, и подрядчикъ долженъ былъ принять ихъ тамъ отъ настоящего ихъ видѣ, въ опасенія ничего не получить. Начальникъ карчевской дружины сообщаетъ, что дерево на патронныхъ ящикахъ дало щели и краска отстала; губернаторъ предлагаетъ начальнику дружины заплата щели и окрасить ящики на счетъ экономическихъ суммъ дружины. Начальникъ бѣжецкой дружины доноситъ, что патронные ящики не имѣютъ замковъ и лопасти для штыковыхъ ноженъ сдѣланы изъ горькой кожи. Губернаторъ отвѣчаетъ, что замки нужно приготовить на счетъ экономическихъ суммъ дружины, а лопасти слѣдуетъ принять, потому что онѣ были свидѣтельствованы комитетомъ и найдены хорошими... Но въ медицинской части достаточно отмѣтить слѣдующее общее заключеніе Салтыкова: «несмотря на принятія правительствомъ мѣры, медицинская часть въ ополченіи почти не существовала».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ нѣкоторыми заупущенными сторонами снаряженія и обмундирования ополченческихъ дружинъ Салтыковъ имѣлъ случай познакомиться еще въ Вяткѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только прочесть «Тяжелый годъ», написанный во время послѣдней восточной войны, но относящійся къ эпохѣ крымской кампаніи («Влагоднамѣренный рѣшн», т. V, стр. 590, изд. 1889 г.). Мы видимъ здѣсь картину захолустья, въ верхнихъ слояхъ котораго народное бѣдствіе отражается все болѣе и болѣе обостреніемъ хищническихъ аппетитовъ. Пока дѣло ограничивается учащенными рекрутскими наборами, около него хлопочутъ и грѣбютъ руки предсѣдатель казенной палаты, управляющій палатой государственныхъ имуществъ, командиръ батальона внутренней стражи, совѣтникъ ревизскаго отдѣленія; когда приходится вѣсть о созывѣ государ-

ственного ополченія, движеніе захватываетъ самого губернскаго «патріарха», до тѣхъ поръ довольствовавшагося добровольными даяніями, въ видѣ рыбы, шкуры, миндаля, пшено и т. п. «Патріархъ прозрѣлъ окончательно. Прежде всего его поразила цифра. Всего, всего тутъ было много: и холета, и сушня, и саложиныхъ подметокъ, не говоря уже о людяхъ. Ядреная, вкусная, сочная; эта цифра разомъ разрѣшила связывавшія его узы.— Ни безпокойныхъ людей, ни критиковъ я не потеряю,—сказала она.— Критики вообще вредны, а у насъ въ особенности. Государство у насъ обширно, а потому и операций въ немъ обширныя. И притомъ въ самоскорѣйшемъ времени. Слѣдовательно, если выслушивать критики, то для одного разсмотрѣнія ихъ придется учредить особую комиссію (припомнимъ мѣсяце тверскаго губернатора о безполезности комиссій). А ополченіе тѣмъ временемъ будетъ безъ сапога (припомнимъ, почему начальнику новоторжской дружины рекомендовалось принять никуда негодныя рапцы и патрон-таны). Не критиковать надобно, а памятовать, что въ мірѣ все подвержено тлѣнію, а амуничныя вещи въ особенности. Одинъ ратничій сапогъ дойдетъ до Севастополя, другой—до первой станицы (припомнимъ калужскія подметки изъ лубковъ). Никакая критика въ этомъ не поможетъ, потому что достоинство сапога зависитъ не отъ критики, а отъ саложиныка. Законъ это предвидѣть, и потому ни въ какомъ вѣдомствѣ критика не установитъ». Правда, вѣдѣнія крутогорскаго «патріарха» остались втунѣ, но это произошло совершенно независимо отъ его воли, просто потому, что нашелся другой ханчикъ, болѣе смѣлый и болѣе ловкій (управляющій казатою государственныхъ имуществъ). «Песляханничья оргія взволновала нашъ скромный городъ. Весь мало-мальски смысленный людъ заволновался. Всякій сибирякъ какъ-нибудь поближе пріютится около шпрога, чтобы нѣчто урвать, утаить, ушить, укромить и вообще, по силѣ возможности, накласть въ загорбокъ любезному отечеству. Лица выгнулись, глаза помутились, уста осклапнись. Нашъ тихій городъ словно ошалѣлъ. Обѣды, балы слѣдовали другъ за другомъ, съ патриотическими тостами, съ пѣніемъ моднаго тогдашняго романса о воеводѣ Пальмерстонѣ. Безосознательно, но, тѣмъ не менѣе, безнадежно, отечество продавалось всюду и за всякую цѣну. Кто не могъ ничего урвать, тотъ продавалъ самого себя. Все, что было въ прпеуответственныхъ мѣстахъ няяеньяго, неспособнаго, лѣниваго,— все потянулось въ ополченіе» (припомнимъ «лучшій насель» — по владимирскомъ ополченіи, составѣ офицеровъ — въ московскомъ). Какъ глубоко зашло въ душу Салтыкова печальное зрѣище толпы, обезвоатрирующей государственную неязоду, объ

этомъ можно судить и по слѣдующему отрывку изъ «Отголосковъ», также написанному во время послѣдней восточной войны («Въ средѣ умѣренности и аккуратности», т. III, стр. 483, изд. 1889 г.): «Я помню отецъ много, и, между прочимъ, 1853 — 55 годы. Помню ликующихъ жуликовъ, помню людей, одоlvаемыхъ протѣимъ должызичемъ, в людей, пользовавшихся должызичемъ какъ подходящимъ средствомъ, чтобы запускать руку въ карманъ банкиро или казны. Мало того: я помню, что этихъ людей называли тогда благопамѣренными, несмотря на то, что ихъ аганье было шито бѣлыми нитками. И что всего ужаснѣе: не только не представлялось возможности обличить ихъ, но даже устранить, уйти отъ нихъ было нельзя...» На дощца,—гласить поговорка,—и зѣбрь бѣжалтъ; первое порученіе, данное Салтыкову по возвращеніи его изъ ссылки, показало ему наглядно, что «крутогорскіе» обычаи и права существуютъ повсемѣстно; что «дворянскія» губерніи вичѣмъ, въ этомъ отношеніи, не отличаются отъ «не-дворянскихъ». Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что это усладило интенсивность щедрннской сатиры. Печатая «Губернскіе Очерки», Салтыковъ не только догадывался — онъ *зналъ*, что ведетъ борьбу съ общимъ всероссійскимъ зломъ, глубоко проникшимъ въ чиновную и сословную почву.

Кромѣ свода распоряженій по призыву государственнаго ополченія, въ послужномъ спискѣ Салтыкова упомянуто только одно занятіе, возложенное на него (въ октябрь 1856 года), какъ на чиновника особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *): это — составленіе предположеній объ улучшеніи устройства земскихъ повинностей. Въ чемъ состояли эти предположенія — мы не знаемъ. На самомъ дѣлѣ, Салтыковъ исполнялъ, по всей вѣроятности, и другія служебныя работы. Между его бумагъ нашлась черновая записка объ устройствѣ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ, относящаяся, очевидно, именно ко времени бытности его чиновникомъ особыхъ порученій. Основная мысль этой записки, написанной отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ, заключается въ томъ, что поужденіе помѣщиковъ западнаго края къ постройкѣ или исправленію православныхъ храмовъ было бы несовмѣстно съ достоинствомъ правительства и православной церкви; увеличеніе числа храмовъ и введепіе ихъ въ надлежащій видъ можетъ быть достигнуто только воззваніемъ къ добровольнымъ жертвователямъ изъ среды всего православнаго народа и устройствомъ, для сбора пожертвованій и распоряженій ими, особаго общества, съ центральнымъ управленіемъ въ Петер-

*) Онъ былъ утвержденъ въ этой должности 6-го ноября 1857 г.

буртъ и отдѣленіямъ въ Москвѣ и во всѣхъ губернскихъ городахъ имперіи. Гораздо болѣе обширна и болѣе замѣчательна другая служебная записка, также сохранившаяся въ бумагахъ Салтыкова: объ устройствѣ градскихъ и земскихъ полицій. Съ содержаніемъ ея необходимо познакомиться подробно.

«Въ Россіи, — такъ начинается Салтыковъ, — *благотворное дѣйствіе полиціи почти незамѣтно; что касается до ея злоупотребленій и сопряженныхъ съ всеобщимъ ущербомъ вмѣшательствъ въ частные интересы, то они не только замѣтны, но оставляютъ по себѣ несомнѣнно весьма вредное впечатлѣніе. Всякій, кто не праздно жилъ въ провинціи и всматривался въ окружающія явленія, безъ труда пойметъ справедливость этого замѣчанія. Въ провинціи существуетъ не *дѣйствіе*, а произволъ полицейской власти, совершенно убѣжденной, что не она существуетъ для народа, а народъ для нея». После этого характеристичнаго вступленія, иллюстраціей которому можетъ служить любая страница «Губернскихъ Очерковъ», Салтыковъ подчеркиваетъ различіе между полиціей въ обширномъ смыслѣ, обнимающей собою всю сумму дѣйствія центральной власти на народъ, и полиціей въ тѣсномъ смыслѣ, составляющей особую отрасль государственной администраціи. Понимаемая въ обширномъ смыслѣ, полиція не поддается точному опредѣленію; она стремится подчинять себѣ всякое проявленіе жизни и не признаетъ законности ни въ чемъ, развивающемся самобытно. Понимаемая въ тѣсномъ смыслѣ, полиція имѣетъ задачей преслѣдованіе правонарушеній, въ сферѣ государственной, общественной и частной; ея характеръ — чисто репрессивный: она не законяетъ собою самобытной дѣятельности гражданъ, а, напротивъ, является къ ней на помощь, въ особенности если осуществленіе дѣйствія полиціи возложено на самихъ гражданъ. Область полицейской власти расширяется тамъ, гдѣ господствуетъ централизація, суживается тамъ, гдѣ преобладаетъ противоположное начало. Въ поясненіе этой мысли Салтыковъ ссылается на примѣры Франціи и Англіи. Во Франціи правительство постоянно стремилось подчинить своему вліянію какъ частные, такъ и общинные интересы народа. «Это не помѣшало ей, однакоже, въ теченіе 60 лѣтъ, вознороваться революціями. Мало того: можно безъ преувеличенія сказать, что централизація власти весьма сильно способствовала тому возненію умовъ, которое и донныѣ во Франціи не прекращается. Въ Англіи, гдѣ правительство ограничивается наблюденіемъ народной жизни, государственный организмъ развивается безъ всякихъ потрясеній». Могутъ возразить, что это объясняется развитіемъ въ англій-*

скомъ народѣ чувства законности и консерватизма. Но чѣмъ же воспиталось это чувство? Не тѣмъ ли, что народъ всегда признавалъ свою личность, свое право, что онъ никогда не былъ тѣмъ бездушнымъ и безсмысленнымъ субъектомъ, который правительство могло гнуть въ ту или другую сторону по усмотрѣнію? «Азбука вѣковой системы администраціи, — продолжаетъ Салтыковъ, — гласитъ, что предметомъ ея должно быть благо народное. Но понятіе объ этомъ благѣ, особливо въ государствахъ обширныхъ, весьма относительно и размѣняется сообразно съ условіями мѣстности, обычаемъ и т. д. Претензія подчинить все мѣстности однимъ и тѣмъ же началамъ не значила ли бы то же, что уложить все личности на Прокрустово ложе?» Въ особенности сильно значеніе мѣстнаго элемента проявляется въ обсужденіи интересовъ «земства»*), составляющихъ плоть и кровь мѣстности, касающихся каждаго ея обитателя. Правительство, по мнѣнію Салтыкова, не имѣетъ надобности навязывать земству такіе-то и такіе-то интересы, а не тѣ, которые стоятъ на первомъ планѣ у самаго земства. Задача правительства ограничивается согласованіемъ мѣстныхъ интересовъ съ общегосударственными. Разительный примѣръ преобладанія центральной власти въ дѣлахъ чисто домашняго свойства представляетъ наше законодательство по вопросу о переложеніи натуральныхъ повинностей въ денежные. Это переложеніе допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія высшей центральной власти. Почему? Потому, что правительству извѣстна склонность бюрократіи выискивать во всякомъ предписаніи закона такую сторону, которая давала бы пищу для злоупотребленій, а злоупотребленіямъ денежная повинность поддается еще легче, чѣмъ натуральная. Въ бытность Салтыкова, въ 1854 г., въ Пермской губерніи (по дѣламъ службы), онъ имѣлъ случай удостовѣриться, что сборъ съ казенныхъ крестьянъ денегъ на отправленіе ямской гоньбы, взаимѣнъ натуральной повинности, простирался, въ нѣкоторыхъ волостяхъ, до ужасной цифры 90 коп. сер. съ души*) — и за

*) Выраженіе *земство* можетъ возбудить мысль, что излагаемая нами записка Салтыкова составлена уже послѣ введенія земскихъ учреждений. Опроверженіемъ этой мысли служатъ все содержаніе записки. Понятіе о *земствѣ* существовало у насъ и тогда, когда не было еще рѣчи о земскихъ учрежденіяхъ. Въ упомянутой выше запискѣ Салтыкова о православныхъ храмахъ въ западныхъ губерніяхъ цѣль рѣчь о *земствѣ* этихъ губерній, въ которыхъ, какъ извѣстно, земскихъ учреждений никогда не было и нѣтъ въ настоящее время.

*) Чтобы повнѣе значеніе этой дѣйствительно «ужасной» цифры, необходимо припомнить, что болѣею частью ее не превышала

всѣмъ тѣмъ лошади все-таки выставлялись натурой, потому что подрядчикъ, пользуясь покровительствомъ начальства, содержалъ количество лошадей недостаточное. Гдѣ же, однако, петличникъ подобныхъ явленій? Не въ томъ ли, что чиновники совершенно чужды интересамъ земства, на которое они смотрятъ какъ на рауэ соnquís, какъ на средство покормиться? Совсѣмъ иной оборотъ приняло бы дѣло, если бы забота о лучшемъ устройствѣ интересовъ земства лежала на немъ самомъ. Оно было бы заинтересовано въ бережливомъ отношеніи къ собственнымъ силамъ, а излишняя бережливость или скупость могла бы быть предупреждена внимательствомъ центральной власти. «Какая, напримѣръ, надобность требовать въ Вятской губерніи, чтобы земскія лошади имѣли не менѣе 2 арш. 2 верш. роста, если мѣстная порода лошадей, славящаяся во всей имперіи своею крѣпостью и выносливостью, представляетъ такой ростъ лишь какъ исключеніе? И отчего сотскій или разсыльный земскаго суда или окружнаго начальника, и даже сами эти вельможи, не могутъ ѣхать въ легкомъ плащепомъ тарантасикѣ, имѣющемъ у cadaго крестьянина, а должны трестись въ обширной телѣгѣ, окрашенной зеленою краскою?.. Какая существующая надобность государству знать, какъ я хозяйствую у себя, дома, если я въ точности исполняю всѣ обязанности, лежащія на мнѣ, какъ на гражданинѣ? То же замѣчаніе въ такой же степени вѣрно и по отношенію къ земству, съ тою только разницею, что хозяйство послѣдняго пропеходить, такъ сказать, при открытыхъ дверяхъ, и слѣдовательно не только правительству, но и всякому частному человѣку представляется полная возможность контроля...» Дальше Салтыковъ перечисляетъ главные неудобства административной централизаціи. Первое изъ нихъ — солидарность между высшимъ правительствомъ и его агентами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ между министромъ внутреннихъ дѣлъ и какимъ-нибудь станowymъ ириветомъ нѣтъ ничего общаго. Отсюда безпрестанныя жалобы на правительство, которое будто бы не имѣетъ надзора за своими агентами, будто бы не преслѣдуетъ злоупотребленій и не печется объ искорененіи ихъ. Второе неудобство централизаціи заключается въ томъ, что она какъ бы стираетъ всѣ личности, составляющія государство. Внимаясь во всѣ мелочныя отправленія народной жизни, принимая на себя регламентацію частныхъ интересовъ, правительство тѣмъ самымъ какъ бы освобождаетъ гражданъ отъ

теперешній земскій сборъ, удовлетворяющій столь многочисленнымъ и разнообразнымъ потребностямъ крестьянскаго населенія.

велькой самобытной дѣятельности. Третьимъ неудобствомъ централизаціи Салтыковъ признаеть обусловливаемое ею «существованіе массы чиновниковъ, чуждыхъ населенію и по духу, и по стремленіямъ, не связаннымъ съ ними никакими общими интересами, безсильныхъ на добро, но въ области зла являющихся страшной, развѣдающей силой. Гарантіей противъ злоупотребленій не можетъ служить даже матеріальная обезпеченность чиновниковъ. Многіе ли изъ губернаторовъ, напрямѣръ, не пользуются такъ-называемыми безгрѣшными доходами? Положительно можно сказать, что такіе губернаторы извѣстны по имени не только правительству, но и всей Россіи. Важно не содержаніе—важенъ произволъ, который слѣдуетъ, по нельзя обуздать, пока въ государствѣ существуетъ особый видъ пролетаріата, послѣдній официальное имя чиновничества». Четвертое зло, производимое централизаціей, есть то невѣдѣніе народныхъ нуждъ, въ которое она погружаетъ правительство. «Репорты о благополучіи» — необходимая принадлежность чиновничества, чуждаго населенію и равнодушнаго къ его потребностямъ. Исключеніе дѣлается только для тѣхъ предметовъ, которые, какъ извѣстно чиновникамъ, обращаютъ на себя особое вниманіе правительства. Примѣръ: раскольники. Въ отношеніи къ этимъ предметамъ все «неблагополучно». «Пишутся донесенія, отъ чтенія которыхъ становится страшно: подумаешь, что приблизь послѣдній часъ для государства. А ларчикъ открывається весьма просто: чиновнику нужно отличиться — онъ описываетъ все, какъ ему хочется».

Покончивъ съ централизаціей, «составляющей въ настоящемъ дѣлѣ главный вопросъ», Салтыковъ переходитъ къ слѣдующимъ вопросамъ «второстепенной важности»: 1) должно ли устройство полиціи быть коллегіальнымъ; 2) слѣдуетъ ли подвергать агентовъ полиціи какимъ-либо требованіямъ и испытаніямъ въ отношеніи къ способностямъ ихъ и знанію дѣла; 3) возможно ли допустить въ самомъ духѣ полицейскихъ учреждений элементъ предупредительный, или же слѣдуетъ дать ихъ дѣйствіямъ исключительно репрессивный характеръ, и 4) какія должны быть самыя формы, въ которыхъ являеться дѣйствіе полиціи? *По первому вопросу* Салтыковъ находитъ, что и коллегія, и единоличная власть имѣютъ свои выгоды, и свои невыгоды. Самая лучшая система—та, которая соединяеть хорошую сторону обохъ порядковъ: но такое соединеніе возможно только при децентрализаціи, когда коллегія является принадлежностью земства, а принципъ единаго агента—принадлежностью центральной власти. *По второму вопросу* Салтыковъ признаеть

необходимымъ и теорическое, и практическое испытаніе полицейскихъ чиновниковъ. Замѣною теорическаго испытанія служить дипломъ учебнаго заведенія; степени образованія, удостоверяемой дипломомъ, должно соответствовать п право на получение той или другой должности въ административной іерархіи. Обойтись безъ теоретической подготовки могутъ только высшіе полицейскіе чиновники. Практическимъ испытаніемъ должны быть безвозмездная служба, ограниченная опредѣленнымъ срокомъ. Чѣмъ шире роль, предоставленная земству, тѣмъ меньше чиновниковъ — тѣмъ легче, слѣдовательно, для правительства убѣждаться въ ихъ способности и благонадѣжности. *По третьему вопросу* Салтыковъ высказывается за необходимость предупредительнаго элемента въ полицейской дѣятельности, но лишь подъ условіемъ децентрализаціи. Чиновникъ, живущій въ постоянномъ отдаленіи отъ народа, не имѣетъ ни средствъ, ни даже охоты заботиться о предупрежденіи правонарушеній. Мѣстность, которую онъ завѣдуетъ, извѣстна ему лишь поверхностно, въ общихъ чертахъ; сегодня онъ здѣсь, завтра — тамъ, и чѣмъ онъ способнѣе, тѣмъ быстрее переходитъ съ одного мѣста на другое. Расширеніе полицейской дѣятельности, при господствѣ централизаціи, представляется не только непрактичнымъ, но и нежелательнымъ, потому что всякому агенту централизованной власти, даже при полной добросовѣстности его, свойственно стремленіе къ произволу. Здѣсь Салтыковъ затрагиваетъ попутно вопросъ о судѣ и является защитникомъ *суда общиннаго*, разумѣя подъ этимъ именемъ пѣчто весьма похожее на судъ присяжныхъ. Общественнымъ началомъ въ судѣ онъ дорожитъ до такой степени, что высказывается даже противъ предлагаемаго въ то время вѣянія уѣздныхъ судовъ съ городскими магистратами *). *По четвертому вопросу*, наконецъ, Салтыковъ требуетъ возможно большаго ограниченія письменной полицейской процедуры, возможно большаго развитія *материальной* дѣятельности, т. е. реальной, а не бумажной охраны интересовъ, внутреннихъ заботливости полицейскихъ учреждений. Въ концѣ этого отдѣла занески авторъ еще разъ предпринимаетъ *en charge à fond* противъ централизаціи, сравнивая ее идею съ идеей учрежденія іезуитскаго ордена. «И тамъ, и тутъ, — восклицаетъ онъ, — царствуютъ общее недовѣріе и пастьрей къ паствѣ, и пастьрей между собою. И тамъ, и тутъ все до такой степени искусственно, что не знаешь, чему болѣе удивляться: терпѣнію ли людей, которые придумали призрачную машину, не

*) Уѣзднымъ судамъ, составленнымъ изъ представителей дворянства и крестьянства, было подсудно уѣздное населеніе; городо-

имеющую никаких корней въ природѣ человеческой, или долговѣщности этой машины, которая, несмотря на всю свою противорѣчивость, продолжаетъ и до днесь существовать и пользоваться правами гражданственности».

Въ Россіи торжество централизаціи при Петрѣ Великомъ очень скоро привело горькіе плоды и вызвало реакцію, признаки которой Салтыковъ видитъ уже въ преобразованіяхъ Екатерины. Чтобы смягчить крайности централизаціи, императрица предоставила извѣстныя права купечеству и дворянству, но это не привело къ желанной рѣли. «Дворянство, въ основномъ его значеніи, уже не существовало: оно слилось съ чиновничествомъ и приняло все его формы». О серьезномъ значеніи купечества гдѣзъ болѣе не могло быть и рѣчи. Развитію административныхъ мѣръ Екатерины много препятствовало и то обстоятельство, что онѣ были самымъ исключительно сословныя. Преемники Екатерины не продолжили начатаго ею дѣла, и оно заглохло въ тѣни постепенно расширяющейся централизаціи. «Настоящее положеніе полицейскаго управленія въ Россіи представляетъ поучительную, но крайне грустную картину. Это какое-то странное смѣшеніе произвола и дисциплины, хаоса и регламентаціи». Истинной централизаціи въ Россіи нѣтъ, потому что она предполагаетъ ясно сознаванную государственную идею, а у насъ интересы государства неопытны не только для стеновыхъ представителей, но даже и для многихъ губернаторовъ. Въ Россіи существуютъ лишь попытки къ централизаціи, выражающіяся въ преобладаніи произвола и въ невозможности самообъятнаго развитія народныхъ силъ. Кругъ дѣйствій полиціи несообразно великъ и выветъ съ гдѣзъ не опредѣленъ съ достаточною ясностью; общая полиція безпрестано сталкивается съ специальными (въ примѣръ этому Салтыковъ приводитъ дорожное дѣло: общая полиція настаиваетъ на немедленномъ исправленіи дороги, не принимая въ расчетъ никакихъ побочныхъ обстоятельствъ; окружной начальникъ, облеченный полицейскою властью по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ, противопоставляетъ этому требованію хозяйственныя нужды крестьянъ, въ данную минуту не оставляющія имъ досуга для починки дороги). Наши коллегіальныя присутственныя мѣста (губернскія правленія, земскіе суды) представляютъ собою пародіи на коллегію въ невинномъ смыслѣ этого слова; все зависитъ здѣсь отъ усмотрѣнія одного лица, «наставленія» котораго равносильны предписаніямъ. Отдѣльные агенты правительства сплошь и рядомъ вымъ магистратамъ, члены которыхъ выбирался горожанамъ,—городское населеніе.

могутъ быть названы его врагами, потому что ежечасно подрываютъ довѣріе къ нему народа. Въ видѣ иллюстраціи, Салтыковъ ссылается на положеніе слѣдственной части, отличительная черта которой — необузданный произволъ слѣдователя. «Бюрократія, — восклицаетъ онъ, — до того уже охватила всѣ формы русской жизни, что благонастроенному чиновнику ничего не остается болѣе дѣлать, какъ записаться перепискою бумага». Другое зло нашей административной жизни — это крайнее размноженіе переписки. Салтыковъ объясняетъ его двумя главными причинами: раздробленіемъ властей, изъ которыхъ каждая, считая себя чѣмъ-то независимымъ, стремится защищать свой взглядъ и отстаивать свои мнимыя права, и несообразностью штатовъ съ числомъ и значеніемъ предметовъ, входящихъ въ кругъ дѣйствій публичнаго мѣста или лица. Если штатъ слишкомъ великъ, чиновники стараются доказать свою необходимость и напрасно плодить переписку; если штатъ слишкомъ малъ, они ищутъ для того, чтобы сбросить съ себя часть непосильнаго бремени, записавъ какъ можно больше дѣлъ за постороннимъ вѣдомствомъ. Основываясь на собственномъ опытѣ, Салтыковъ осмѣиваетъ практику ревизіонныхъ столовъ губернскихъ правленій, рассылающихъ ежегодно десятки тысячъ никому не нужныхъ и ни къ чему не ведущихъ подтвержденій. «Что дѣлаютъ совѣтники губернскаго правленія? А если совѣтники дѣльные, то чѣмъ занимаются секретари нухъ отдѣленій? По большей части или тѣ, или другіе, а часто и оба вмѣстѣ — люди древніе, доживающіе свой вѣкъ подъ сѣнью коллегіи, дающей имъ возможность, ничего не дѣлая, состоять на службѣ. Надобно прочесть любой журналъ губернскаго правленія, чтобы убѣдиться въ томъ, что весь онъ — результатъ работы писца, его перебѣляющаго. Работа столоначальника заключается въ томъ только, что онъ на подлинныхъ бумагахъ обозначаетъ, съ которыхъ поръ до которыхъ слѣдуетъ переписать. Изъ этого проистекаетъ галиматья неопытанная. Встрѣчаются мѣста, которыхъ никакими силами почитать нельзя, а *приказали*, т. е. то мѣсто, въ которомъ должна выразиться самостоятельная дѣятельность коллегіи, бываетъ, по выраженію народному, короче утиного носа и обыкновенно выражается въ словахъ *о содержаніи справки дать знанъ такому-то*; или: *предписать такому-то, чтобы поступить на законномъ основаніи*».

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше фактовъ и соображеній Салтыковъ выводитъ заключеніе о необходимости общаго переустройства и губернской, и уѣздной администраціи, но, оставаясь въ предѣлахъ возложенной на него задачи, онъ говоритъ болѣе

подробно только о преобразованіи полиціи. Прежде всего, ему кажется излишнимъ обособленіе полиціи земскою (т. е. уѣздной) отъ полиціи городской; отдѣльная городская полиція должна быть оставлена только въ большихъ городахъ. Дальше онъ предлагаетъ совершенно отдѣлить полицію исполнительную отъ судной и съдѣственной и передать первую въ вѣдѣніе земства. Организацию земства Салтыковъ представляетъ себѣ такъ. Образуетея уѣздный земскій совѣтъ, изъ девяти членовъ: трехъ—по выбору дворянства, трехъ—по выбору городского сословія, трехъ—по выбору казенныхъ крестьянъ (припомнимъ, что занека Салтыкова относится ко времени, предшествующему отмѣнѣ крѣпостного права). Этотъ сословный составъ совѣта рекомендуется Салтыковымъ не какъ наилучшій (наоборотъ, сословная организація кажется ему противорѣчащей интересамъ массы), а какъ наиболѣе соответствующій тогдашней дѣятельности; на этомъ же основаніи предѣлительство въ совѣтѣ возлагается имъ на уѣзднаго предводителя дворянства. Характеръ зачатій совѣта не долженъ быть исключительно полицейскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже преимущественно, административный; совѣтъ долженъ замѣнить собою всѣ нынѣ существующія уѣздныя административныя учрежденія. Ему должно принадлежать обсужденіе всѣхъ мѣръ по общему управленію уѣздомъ и городомъ, по устройству повинностей, развитію торговли и промышленности, наблюденію за правильнымъ ихъ производствомъ, *учрежденію школы*, охраненію тишины и спокойствія и т. п. Разъѣздовъ члены совѣта не должны предпринимать, и общее присутствіе совѣта должно быть созываемо только извѣстное число разъ въ году, когда это не можетъ быть для членовъ совѣта обременительнымъ. Въ прочее время года совѣтъ можетъ дѣйствовать въ уменьшенномъ составѣ. Содержаніе, изъшая цифра котораго должна быть определена закономъ, члены совѣта получаютъ отъ своихъ сословій. Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ постановленія совѣта исполняются волостными и сельскими управленіями; что касается до помѣщичьихъ имѣній, то они раздѣляются на группы, и для каждой группы избирается дворянами особый полицейскій начальникъ; исполняющій постановленія совѣта и производящій судно-полицейское разбирательство. Городъ раздѣляется на участки, и въ каждый участокъ опредѣляется полицейскій начальникъ, по выбору городского общества. Правительство, съ своей стороны, назначаетъ въ каждый уѣздъ стряпчаго и нѣсколькихъ его помощниковъ; первый присутствуетъ въ засѣданіяхъ совѣта, послѣдніе производятъ съдѣствія, при участіи депутата отъ сословія, къ которому принадлежитъ обвиняемый. По дѣламъ, касающимся

интересовъ государства, голосъ стряпчяго обязательнъ для совѣта; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ его мнѣнiя имѣютъ только «руководительное» значенiе. Права и обязанности земскаго совѣта, а также подчиненныхъ ему мѣстъ и лицъ, должны быть со всею точностью опредѣлены закономъ. Протоколы и резолюцiя земскаго совѣта (протоколы—по общимъ вопросамъ, резолюцiи—по частнымъ дѣламъ) должны быть излагаемы просто и ясно. «Справки должны быть въ головѣ у присутствующихъ, и потому нѣтъ надобности наполнять ими дѣлае десятки листовъ». Сношенiя стряпчяго съ совѣтомъ проходятъ на словахъ. У полицейскихъ начальниковъ переписка должна быть самая вычужденная. Заключивается записка такъ: «Предположенiя, высказанныя здѣсь лишь въ общихъ чертахъ, необходимо должны уясниться при болѣе подробномъ развитiи ихъ. Порученiе, возложенное на меня, сопряжено съ большимъ трудомъ и требуетъ много самыхъ разнообразныхъ работъ и разысканiй. По мнѣнiю моему, оно должно обнять слѣдующiя главныя части: 1) Обзорiе всѣхъ предположенiй, собранныхъ по настоящее время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по этому предмету. Эти предположенiя составить четырнадцать огромныхъ томовъ. 2) Обзорiе, по петочникамъ, отечественнаго законодательства, какъ по самому устройству полицiи, такъ и по опредѣленiю ихъ обязанностей. Обзорiе сiе должно быть сдѣлано во всей подробности и снабжено критическимъ взглядомъ. Для достиженiя сей послѣдней цѣли представляется необходимымъ изъ ревнiи нѣкоторыхъ земскихъ судовъ и градекихъ полицiй убѣдиться практически, каковыя образцы приводятся въ исполненiе на мѣстахъ предписанiя закона. 3) Критическiй обзоръ законодательства главнѣйшихъ государствъ Европы по этому дѣлу. Эта часть труда необходима не для того, чтобы рабски слѣдовать въ пономъ уставъ примѣру иностранныхъ государствъ, но для того, чтобы при сообщенiи сему дѣлу дальнѣйшаго хода, оно могло отбичать на все вопросы. 4) Наконецъ, самый проектъ полицейскаго устава, который долженъ быть, безъ сомнѣнiя, не что иное, какъ логическiй результатъ предшествующихъ трехъ частей труда».

Такова любознательная записка, представляющая Салтыкова въ новой для насъ роли административнаго реформатора. Мы предполагали сначала, что она составлена въ 1860 г., когда Салтыковъ, будучи рязанскимъ вице-губернаторомъ (онъ назначенъ на эту должность 6-го марта 1858 г.), участвовалъ, какъ видно изъ формулярнаго его синева, въ занятiяхъ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссiи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденiяхъ. Ближайшее знакомство съ запискою при-

зело насъ къ другому заключенію; мы думаемъ, что она написана rapidly, еще въ бытность Салтыкова чиновникомъ особыхъ порученій. Въ ней нѣтъ и намѣка на предстоящее освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ,—а это едва ли было бы возможно въ 1860 г., накануне отмены крѣпостного права; нѣтъ также никакихъ указаній на преобразование слѣдственной части, состоявшейся въ 1860 г. (учрежденіе судебныхъ слѣдователей). Вездѣ, гдѣ Салтыковъ ссылается на собственный свой служебный опытъ, онъ говоритъ только о Вятской губерніи, только о должности совѣтника губернскаго правленія; о Рязанской губерніи въ запискѣ вовсе нѣтъ рѣчи; о должности вице-губернатора сказано лишь нѣсколько словъ. Работу, предназначенную для комиссіи *о губернскихъ и уездныхъ учрежденіяхъ*, Салтыкову нечѣмъ было бы, наконецъ, неуместно замыкать въ тѣсныя рамки вопроса о земскихъ и градскихъ полиціяхъ. Если наша догадка о времени составленія записки основательна, то этимъ объясняется многое въ ея содержаніи—напрямѣрь, соединеніе полицейской и судебной власти, по отношенію къ помѣщичьимъ имѣніямъ, въ рукахъ полицейскаго начальника, избираемаго дворянствомъ. При существованіи крѣпостного права такое учрежденіе было бы несомнѣннымъ шагомъ впередъ, потому что замѣнило бы, до нѣкоторой степени, произволъ помѣщика болѣе или менѣе правомѣрною дѣятельностью должностнаго лица, подчиненнаго всеобщему земскому совету... Чѣмъ раньше составлена записка, тѣмъ больше она заслуживаетъ удивленія. И въ 1860 году немного было должностныхъ лицъ, способныхъ и готовыхъ говорить, въ формальной служебной бумагѣ, такъ рѣшительно и такъ откровенно, какъ говоритъ авторъ записки. Еще меньше, конечно, ихъ было за два или три года передъ тѣмъ, когда только что начиналась новая эра. Безпристрастнаго анализа системы, едва поколебленной и официально еще не осужденной, всего труднѣе было ожидать отъ молодого чиновника, только что вернушагося изъ продолжительной ссылки и занимавшаго весьма скромное положеніе въ административномъ мѣрѣ. Салтыковъ не остановился передъ соображеніями личной безопасности и личной выгоды; получивъ возможность высказаться, онъ воспользовался ею широко и смѣло. Оружіемъ ему послужили и личный служебный опытъ, и теоретическія знанія, приобретенныя имъ во время вынужденныхъ вятскихъ досуговъ. Первый помогъ ему прорисовать вѣрную картину дѣйствительности; въ послѣднихъ онъ почерпнулъ масштабъ для критики и исходную точку для преобразовательнаго плана. Разсужденія о вредѣ административной централизаціи, конечно, не составляютъ автор-

своей собственности Салтыкова, но ему принадлежать честь приписания ихъ въ русской жизни, подтвержденія ихъ данными, взятыми изъ прошедшаго и настоящаго Россіи. Многое въ запискѣ Салтыкова не устарѣло до сихъ поръ, какъ потому, что уцѣлели нѣкоторыя изъ тогдашнихъ учрежденій (напримѣръ— губернскія правленія), нѣкоторыя изъ тогдашнихъ обществъ (канцелярскія отписки, доклады, составляемыя съ помощію отписокъ: отъ А до Б), такъ и потому, что далеко не во всемъ измѣнился общій духъ администраціи... Въ самомъ проектѣ реформы, набросанномъ Салтыковымъ, есть, конечно, очевидныя ошибки,— очевидныя *тешеры*, при свѣтъ всего совершеннѣшаго въ предложеніе трехъ послѣднихъ десятилѣтій; но въ главномъ, общемъ, цѣли и пути указаны Салтыковымъ совершенно вѣрно, и рано или поздно могутъ осуществиться нѣкоторыя изъ его желаній. Къ ошибкамъ слѣдуетъ отнести, какъ намъ кажется, предположенія Салтыкова о составѣ земскаго совѣта, слишкомъ малочисленномъ для учрежденія обсуждающаго, слишкомъ многочисленномъ для учрежденія исполняющаго. Земскій совѣтъ, проектируемый Салтыковымъ,—это въ одно и то же время и земское собраніе, и земская управа; именно потому онъ не могъ бы быть какъ слѣдуетъ ни тѣмъ, ни другимъ. Не только это и послѣдовательно установлено также у Салтыкова различіе между полиціей благоустройства и полиціей безопасности. Чрезвычайно плодотворной является зато мысль объ объединеніи всего уѣзднаго управленія, совершенно уцѣлѣвшая изъ виду въ эпоху великихъ реформъ, всплывшая наверхъ въ земскихъ проектахъ воемидесятихъ годовъ, но до сихъ поръ не проведенная въ дѣйствительность. Не менѣе цѣнно и то, что это объединеніе приурочивалось Салтыковымъ къ *земской* почвѣ; отношеніе между земствомъ и центральной властью понималось имъ именно такъ, какъ оно рисуется лучшими представителями современнаго государственнаго права.

Мы уже сказали, что въ мартѣ 1858 г. Салтыковъ былъ назначенъ рязанскимъ вице-губернаторомъ. 3-го апрѣля 1860 г. онъ былъ переведенъ на ту же должность въ Тверь и нѣсколько разъ исполнял тамъ обязанности губернатора. Служебная дѣятельность не мѣшала Салтыкову отдавать много времени литературѣ. Въ 1857 г. окончилось появленіе «Губернскихъ Очерковъ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и вслѣдъ затѣмъ онъ выплылъ въ свѣтъ особой книжкой: въ томъ же году Салтыковъ напечаталъ еще нѣсколько произведеній, отчасти вошедшихъ, отчасти не вошедшихъ въ полное собраніе его сочиненій. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ: комедія «Смерть Пазухина». («Русскій

«Вѣстникъ», № 19) и «Женихъ», картина провинціальнаго нравовъ («Современникъ», № 10). Въ 1858 и 1859 г. произведенія Салтыкова появлялись въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Атенѣ», «Современникѣ», «Библиотекѣ для Чтенія» и «Московскомъ Вѣстникѣ»; почти все написанное имъ за это время вошло въ составъ «Певниныхъ разсказовъ». Съ 1860 г. Салтыковъ становится постояннымъ сотрудникомъ «Современника»; изъ другихъ ежемѣсячныхъ журналовъ только «Время» (1862 г., №№ 4 и 9) получаетъ отъ него нѣсколько сценъ и разсказовъ, перепечатанныхъ впоследствии въ «Сатирахъ въ прозѣ». Совершенно забыты, въ настоящее время, небольшія публицистическія статьи, помѣщенные Салтыковымъ за его подписью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 г. (редакторомъ этой газеты былъ въ то время В. Ф. Корниѣ, двумя годами позже сдѣлавшійся редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»; онъ не вошелъ въ «Библиографическій очеркъ литературной дѣятельности Салтыкова», помѣщенный въ № 7 «Русской Мысли» 1889 г. А между тѣмъ онъ заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Мы позволимъ содер-
 жаніе ихъ по находящимся въ нашихъ рукахъ черновымъ рукописямъ Салтыкова. Первая изъ нихъ, въ рукописи озаглавленная: «Къ крестьянскому дѣлу», въ печати—«Объ петлинномъ значеніи недоразумѣній по крестьянскому дѣлу», появилась въ свѣтъ весьма скоро послѣ обнародованія положеній 19-го февраля. Она имѣетъ двоякую цѣль: раскрыть главный источникъ замѣшательства и волненій, неизбежныхъ въ началѣ новаго фазиса народной жизни, и указать лучшее средство къ ихъ предупрежденію. «Представьте себѣ,—такъ начинается авторъ:—бѣднаго петербургскаго чиновника, который въ теченіе тридцати и болѣе лѣтъ своей службы ежедневно прохаживался изъ Галерной Гавани въ тотъ департаментъ, гдѣ имѣлъ честь состоять инспекторъ, и который давнымъ-давно забылъ мечтать о томъ, что есть па свѣтъ мѣста помощниковъ столоначальника, дающія возможность износить въ годъ лишнюю пару сапоговъ; предположите, что этотъ забытый и запозванный судьбою человекъ совсѣмъ неожиданно получаетъ извѣстіе о доставшемся ему миллионномъ наследствѣ. Какъ поступитъ, какъ поведетъ себя нашъ труженикъ? Прежде всего, думаю я, онъ не повѣритъ полученному извѣстію, и сомнѣнія его разскочатъ уже тогда, когда объявляющій ему эту вѣсть кварталный поручикъ назоветъ его сѣятельствомъ и похваляетъ у него руку. Потомъ онъ сочтетъ первымъ долгомъ нагробить своему столоначальнику и не встать съ мѣста при явленіи начальника отдѣленія. Потомъ онъ примется переписывать брошенную ему на столъ бумагу, а работа будетъ идти

худо. И не споро, и оны, не кончивъ ея, сбѣжить изъ департамента въ свою любезную Гавань. Тамъ оны закричатъ благимъ матомъ, созоветь товарищей своего прежняго безотраднато существованія и уличить дебошъ. И даже не прочь отъ мысли, что оны напоятся пьянъ и что-нибудь панаскудить мимоходомъ». Безспорно, было бы лучше, если бы счастливцевъ поступилъ иначе — сходилъ къ храму Божіи, потомъ въ баню, испросилъ у добрыхъ начальниковъ отпускъ для устройства домашнихъ дѣлъ, и т. д. но вѣдь въ жилахъ его течеть кровь, сердце у него заиграло отъ радостной вѣсти, а въ тѣлахъ настроеніи естественно и даже закононо «подпрыгнуть до потолка и показать, въ некоторомъ родѣ, языкъ своему прошедшему». Съ положеніемъ внезапно разбогатѣвшаго чиновника имѣеть много общаго положеніе крестьянъ, только что выслушавшихъ добрую вѣсть о свободѣ. Возможно ли, чтобы эта вѣсть не потрясла ихъ до глубины души, чтобы при полученіи ея они сохранили все благоразуміе, все хладнокровіе? Конечно, было бы весьма пріятно слышать, что они, одѣвшись въ світлыя армяки или праздничныя сарафаны, вышли на улицу и стали кроткимъ маперомъ играть хороводы, а потомъ спокойно разошлись по домамъ, съ тѣмъ, чтобы на другой день благоуравно приняться за исполненіе старыхъ обязанностей. Но — увы! — какъ ли соблазнительна подобнаго рода идиллія, она едва ли возможна. Великій благоразумный помѣщикъ пойметъ, что крестьянину, преисполненному помыслъ для него чувствомъ свободы и довольства, трудно воздержаться отъ того, чтобы даже не попривередничать малость». А между тѣмъ, вытекаютъ люди, предъявляющіе къ крестьянамъ непосильныя требованія. Они ужасно волнуются при мысли, что душою крестьянина чувство благодарности за дарованныя права владѣть не всецѣло. Отсюда тѣ дикіе вопли, которые перѣдко слышатея въ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ; отсюда пенетовыя воззванія къ насилию, какъ единственному убѣжищу противъ черной неблагодарности и единственному средству для насажденія надлежалщихъ чувствъ въ чертовой душѣ крестьянина. Обычнымъ орудіемъ такого насилія являютя «помѣщескія мѣры» — и именно противъ нихъ съ особенною силой возстають Салтыковъ. Оны желать бы, чтобы въ «недоразумѣнія» между помѣщиками и крестьянами вовсе не вмѣшивалась полиція, предоставляя разрѣшеніе ихъ исключительно помыслъ крестьянскимъ учрежденіямъ. Отъ послѣднихъ Салтыковъ ожидаетъ образа дѣйствій, свободнаго отъ старыхъ административныхъ традицій. «Не на завладѣніе ферузой, а на исторженіе ея изъ рукъ прочихъ административныхъ мѣсть и на преданіе ея всеародно сожженію должно быть обращено

ревнивое вниманіе крестьянскихъ учреждений». Главная ихъ задача— «толковое и терпѣливое разъясненіе крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей»; необходимо также устраничь «позиншія и стѣнительныя для крестьянъ требованія помещиковъ», запрещенныя закономъ даже во времена крѣпостного права и еще менѣе допустимыя послѣ освобожденія крестьянъ. На степенъ безпорядка, неповиновенія, противодѣйствія слишкомъ часто притомъ возводятся такіе поступки крестьянъ, которые вовсе не имѣютъ этого характера. «Какая-нибудь ключница Мавра донесетъ барынь, что дядя Корнѣй, лежа на печи, бормочетъ: вы-ста, да мы-ста— вотъ ужъ и злоумышленіе. Какой-нибудь староста Анимъ подольститъ къ барынь, что у насъ-де, сударыня, дачеца Васыла-скотъ на всю сходку оралъ—а пойдемъ-ка, братцы, къ барынь, пускай она водки намъ поднесетъ!— вотъ ужъ и бунтъ. Васыла-скотъ летитъ въ станovou квартиру, а дядя Корнѣй замасывается въ книжечку, какъ будущій зачинщикъ и подстрекатель. Кетати о зачинщикахъ. Одна дама спрашивала нѣкотораго глубокомысленнаго администратора, хвалившагося, что онъ въ такомъ-то случаѣ взялъ столько-то зачинщиковъ и поступилъ съ ними по всей строгости (есть такіи плохородныя головы, которыя и этимъ хвалятся!):— скажите, пожалуйста, какимъ образомъ вы умѣете отличить зачинщиковъ?— Администраторъ вытаращилъ глаза и, повидимому, изумился, какъ это ему никогда не приходило въ голову подобный вопросъ. — Вы, можетъ-быть, отличаете ихъ по волосамъ: одинъ разъ зачинщики-- блѣдкурые, другой разъ--брюнеты?— Администраторъ побавровѣлъ отъ злости, но удовлетворительнаго отвѣта не далъ. Увы! и и самъ до сихъ поръ не знаю, какіе отличительныя наружныя признаки зачинщика. Мнѣ все едается, что зачинщикъ—время, и что его-то именно и слѣдуетъ подвергнуть полицейскому изысканію. Очень можетъ быть, что и ошибаюсь»... Возможность неключительныхъ случаевъ, вызывающихъ полицейскія мѣры, Салтыковъ признаетъ, но думаетъ, что они почти всегда могли бы быть предупреждены своевременнымъ увѣщаніемъ и соглашеніемъ. Въ самомъ своемъ началѣ безпорядокъ можетъ быть прекращенъ гораздо легче, чѣмъ тогда, когда онъ уже успѣлъ, такъ сказать, организовать. Конечно, услѣдить за чуть приметными зачатками безпокойства довольно трудно; но власть не для того существуетъ, чтобы дѣйствовать спустя рукава. Ответственности за безпорядки должны подлежать, поэтому, не только крестьяне, но и учрежденія или лица, допустившія развитіе безпорядковъ. Салтыковъ вполне убѣжденъ, что даже и въ серьезныхъ случаяхъ мѣры, по выходанія изъ предѣловъ законности, принесутъ пользу несравненно

болѣе дѣйствительную и прочную, чѣмъ мѣры «экстренныя». Впечатлѣнія, вызванныя употребленіемъ силы, болѣе интенсивны, но менѣе продолжительны. Самая медленность законной процедуры имѣетъ свою хорошую сторону, потому что даетъ раздраженію время притупиться, а лицу, дѣйствующему противъ этого раздраженія, позволяетъ оглядѣться и притупить къ искорененію зла съ полнымъ знаніемъ его сущности... Въ заключеніе Салтыковъ высказывается за гласность засѣданій губервскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и за доведеніе особыхъ мѣръ, подаваемыхъ членамъ этихъ присутствій, до свѣдѣнія центральной власти.

Непосредственнымъ продолженіемъ этой статьи является небольшая замѣтка, посвященная специально членамъ отъ дворянства въ губервскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствійхъ^{*)}. На нихъ въ особенности рассчитываетъ Салтыковъ для достиженія цѣлей, указанныхъ имъ раньше — для разъясненія крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей и для предупрежденія «недоразумѣній», изъ которыхъ возникаютъ «беззаконія». Въ появленіи ихъ на мѣсть Салтыковъ видитъ одну изъ гарантій противъ неважныхъ ему полицейскихъ мѣръ. «Дѣйствіе полиціи, какъ оно до сихъ поръ представлялось въ понятіяхъ народа, есть нѣчто не успокаивающее, но даже производящее результаты совершенно противоположныя... То, въ чемъ полицейская власть видитъ неповиновеніе или сопротивленіе закону, въ глазахъ добросовѣстнаго члена губернскаго правленія можетъ принять характеръ событія, косяго основа лежитъ, быть-можетъ, въ неленомъ пониманіи обязанностей съ одной стороны, а быть-можетъ и въ стараніи удержаться на прежней почвѣ произвола — съ другой».

Слѣдующая замѣтка Салтыкова «Объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ», помѣщенная въ № 91 «Московскихъ Вѣдомостей» (все за тотъ же 1861 г.), написана по поводу статьи Ржевскаго (довольно извѣстнаго, въ свое время, сторонника консервативно-дворянскаго партіи): «Нѣсколько словъ о дворянствѣ», напечатанной въ № 11 «Нашего Времени». Статья Ржевскаго, насколько она касалась мировыхъ посредниковъ, была пропущена добрымъ, безграничнымъ оптимизмомъ. Авторъ не сомнѣвался въ безусловной пригодности новыхъ должностныхъ лицъ къ возложенному на нихъ дѣлу; онъ не допускалъ даже и мысли, чтобы кто-нибудь изъ нихъ могъ употребить во зло независимое положеніе, предоставленное имъ закономъ. Салтыковъ не раз-

^{*)} Такихъ членовъ въ каждомъ губервскомъ присутствіи было четыре, двое — по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, двое — по выбору собранія губернскаго и уѣздныхъ предсѣдателей.

дѣлать этого прекраснѣе. Онъ напоминаетъ, что въ Россіи еще слишкомъ крѣпка привычка смотрѣть на всякую должность не столько съ точки зрѣнія обязанностей, сколько съ точки зрѣнія доставляемыхъ ею личныхъ выгодъ. Слишкомъ мало распространена въ средѣ дворянства подготовка къ серьезному труду, къ пониманію крестьянскихъ интересовъ. Но даромъ наша литература изображала помѣщиковъ либо самодурами, либо неумными мечтателями; соединеніе добрыхъ наклонностей съ умѣньемъ проводить ихъ въ жизнь встрѣчается у насъ весьма рѣдко; помѣщики въ родѣ Костанжого существуютъ только на бумагѣ. Слишкомъ велико, наконецъ, значеніе «рекомендацій», слишкомъ много рекомендующихъ и рекомендуемыхъ. «Не дремлетъ Матрена Ивановна, не дремлетъ статскій совѣтникъ Стрекоза — и та, и другой неустанно строчатъ рекомендательныя письма. Первая рекомендуетъ своего protégé по принципѣ *сони и фау*, второй своего — за скромность. Матрена Ивановна — хорошая женщина, отличные подаетъ у нея пироги за обѣдомъ; Стрекоза припоминать въ письмѣ о пріятныхъ минуткахъ, тогда-то выѣзды проведенныхъ. Согласитесь, что какъ-то трудно, человекъ отвѣчать отказомъ на такое въ душу лѣзущее приставанье». Въ виду всего этого трудно думать, чтобы выборы въ мировые посредники всегда и вездѣ были безупречны. И у нихъ могутъ быть слабости, коррективомъ которыхъ должна служить строгая отвѣтственность. Независимому положенію мировыхъ посредниковъ Салтыковъ сочувствуетъ вполне, но протестуетъ противъ смѣшенія независимости съ без отвѣтственностью. Законъ «оградилъ мировыхъ посредниковъ отъ придирчивости мѣстной власти на дѣйствія ихъ и убѣжденія, но не снялъ съ нихъ отвѣтственности за послѣдствія тѣхъ и другихъ». Иначе въ дѣятельности мировыхъ посредниковъ сталъ бы господствовать тотъ же произволъ, какимъ отличалась у насъ до тѣхъ поръ вся дѣятельность администраціи. Правда, привлечь мирового посредника къ отвѣту можетъ только сенатъ, но возбудить вопросъ о такомъ привлеченіи завенять отъ губернскаго начальства, и если оно не помалуетея, въ случаѣ надобности, своимъ правомъ, то въ этомъ заключается явное нарушеніе обязанности. Салтыковъ разсчитываетъ, впрочемъ, не на одну только служебную отвѣтственность посредниковъ. Онъ предлагаетъ организацію ежегодныхъ губернскихъ съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, замѣчая, что нѣчто подобное было устроено въ одной изъ внутреннихъ губерній (вѣроятно, Тверской) по отношенію къ судейнымъ сѣдователямъ. На съѣздѣ, по его мнѣнію, мировымъ посредникамъ сѣдовало бы не только обмѣливатъя мыслями и

совѣщаться о возникающихъ въ нихъ практикѣ вопросахъ, но и представлять отчетъ о всей своей дѣятельности. Журналы посредниковъ одного уѣзда могли быть повѣрены посредникамъ другого уѣзда. Кромѣ посредниковъ, участіе въ губернскомъ сѣздѣ должны были бы принимать члены губернскаго крестьянскаго присутствія и правительственные члены уѣздныхъ мировыхъ сѣздовъ. Результаты совѣщаній сѣзда и повѣрки отчетовъ сѣдывало бы публиковать въ мѣстнахъ губернскихъ вѣдомостяхъ. «Мы убѣждены, — говоритъ Салтыковъ: — что одна мысль о возможности взаимной повѣрки дѣятвій мировыхъ посредниковъ много оживитъ этотъ рождающійся у насъ институтъ. Надъ нею задумается не одинъ изъ сторонниковъ идеи самоуправления, переложенаго на русскіе нравы; не одинъ изъ тѣхъ, которые въ юношескомъ восторгѣ повторяли другъ другу: *non cher, nous sommes indépendants!* оставить свою затѣю и уѣхать во-свои-насти русскіе. Но зато тѣ, которые останутся, будутъ дѣйствительно хорошими и полезными мировыми посредниками».

Почти одновременно съ статьей объ ответственности мировыхъ посредниковъ писателя Салтыковыхъ статья: «Гдѣ истинные интересы дворянства». Она также начинается возраженіемъ Ржевскому. «Повуда г. Ржевскій приглашаетъ дворянъ воспользоваться какимъ-то единственнымъ въ исторіи случаемъ, чтобы утвердить свое политическое преобладаніе надъ прочими сословіями, благоразумнѣйшіе и образованнѣйшіе изъ дворянъ помышляютъ не о преобладаніи и даже не о томъ, чтобы удержаться, такъ сказать, на поверхности возникающаго въ Россіи земства, а о томъ, чтобы просто-на-просто сдѣлаться членами этого земства—членами не случайными, признающими за собой только право, а не обязанности, но дѣйствительными членами, связанными съ земствомъ всей совокупностью условій, налагаемыхъ этимъ званіемъ. И это весьма понятно. Какими бы правами ни пользовалось извѣстное сословіе, дѣйствительная сила свободнаго государства держитъ въ земствѣ. Тамъ источникъ матеріальнаго его благосостоянія; тамъ же залюги дальнѣйшаго его политическаго и умственнаго развитія. Оторваться отъ всего этого — значило бы оторваться отъ общей жизни государства, значило бы стать въ классъ бобылей, тотъ самый классъ, въ который нѣкоторые благодѣтели человѣческаго рода такъ усердно хлопотали пристроить крестьянъ». Въ Россіи необходимость дружной, единопутной работы всѣхъ общественныхъ силъ понималась до сихъ поръ довольно слабо; помѣхи и преграды такая работа встрѣчала со всѣхъ сторонъ. «Тутъ сословія, тамъ вѣ-

домства, тутъ чины, тамъ гильдіи и разряды; все топорщится, все представляетъ свои особенныя права, ни къ чему нельзя приспособиться, не сдѣлавши напередъ особеннаго и совершенно безсмысленнаго маневра. Однако, русскій человѣкъ покладаетъ, привыкаетъ ко всему. Привыкъ и къ маневрамъ, — такъ привыкъ, что безъ нихъ ему и жизнь не въ жизнь: все равно, что безъ клоповъ спать и безъ таракановъ щипать хлѣбать. И если бы расплодившіеся въ Петербургѣ комиссіи не доказали намъ фактически, что мы ежедневно приносимъ въ жертву наши интересы некоторому чудовищу, именуемому гильію, то мы и до сихъ поръ были бы вполне довольны своей судьбой». Искусственныя дробленія, созданныя администраціей, ею же могутъ быть и уничтожены. Съ этимъ уничтоженіемъ не легко примириться большинству, а между тѣмъ, примиреніе необходимо. Съ отнятіемъ крѣпостнаго права сословные интересы дворянства потеряли прежнее значеніе. «Напрасно толпа (увы! въ каждомъ сословіи, какъ бы высоко оно ни было поставлено, есть своя толпа) старается удержаться за немногія крохи, упавшія съ пашкудной трапезы крѣпостнаго права и несметенныя лишь по недоразумѣнію; напрасно философы и юристы этой толпы усиливается экзампировать благотвительныя послѣдствія реформы, придумывая новыя, обьяняющія только зрѣніе формы для упроченія того же крѣпостнаго права. Усилія эти останутся бесплодными уже потому, что они ставятъ дворянство внѣ общей жизни государства, а ему необходимо войти въ самое сердце этой жизни. Констатировавъ признаки увеличивающагося сближенія между народомъ и дворянствомъ, Салтыковъ указываетъ на единственное средство упрочить это сближеніе, сдѣлать его дѣйствительнымъ и дѣятельнымъ: помѣщикъ долженъ стать членомъ сельскаго общества и волости. Законъ этого не требуетъ, но и не воспрещаетъ, предоставляя разработку вопроса времени и общественному мнѣнію. Разрѣшеніе его въ утвердительномъ смыслѣ было бы одинаково полезно и для помѣщиковъ, и для крестьянъ, подъ однимъ только условіемъ: чтобы сближеніе было искренне. Крестьяне сумѣютъ различить волка отъ сторожевого пса, и дѣло, невсворченное однимъ, долго не поправится даже при соединенныхъ усиліяхъ многихъ. Помѣщикъ, желающій вступить въ составъ сельскаго общества и волости, долженъ предварительно окончить, путемъ выкупной сдѣлки, все расчеты съ бывшими своими крестьянами, и затѣмъ участвовать, лавируя съ прочими членами общества, въ платежѣ податей и повинностей, лежащихъ на обществѣ.

Статья Салтыкова вызвала возраженіе Ржевскаго (въ «Рус-

скомъ Вьетинкѣ); на которое, въ свою очередь, отвѣчалъ Салтыковъ. На личной сторонѣ спора, принявшаго довольно желчный характеръ, мы останавливаться не будемъ; для насъ важно въ немъ только то, что способствуетъ разъясненію мысли Салтыкова. Ржевскій назвалъ Салтыкова *бюрократамъ*. «Навѣтню мнѣ,—говорить по этому поводу Салтыковъ:— что въ глазахъ Собакевичей и Мансиловыхъ это ужасно ругательное слово, все равно, что *моветонъ* въ глазахъ Земляники и Липкина-Тяпкина. Служать, какъ разсуждаютъ эти господа о централизаци и бюрократіи, бывають поистинѣ уморительно. Одинъ доказываетъ, что децентрализаци заключается въ учрежденіи сатрапій; другой мнитъ, что децентрализаци въ томъ состоитъ, чтобы водку во всякое время пить. Что такое бюрократъ?—спрашивается Милухевъ.—А вотъ, братецъ,—объясняетъ Ноздревъ:—хочу я, напримѣръ, теперь водки выпить—амъ тутъ бюрократъ: стой, говоритъ, водку велѣно пить въ двѣнадцать часовъ, а не теперь... Меня, однакожь, это слово отнюдь не пугаетъ; во первыхъ, оно выражаетъ собою принципъ, котораго участіе въ жизненныхъ отправленияхъ государства столь же необходимо, какъ и участіе земства, а, во-вторыхъ, я сомнѣваюсь, чтобы даже наилучшіе изъ Ноздревыхъ могли удовлетворительно объяснить, какое отношеніе имѣеть понятіе о бюрократіи собственно къ русской почвѣ. Гдѣ взяли, откуда вывели эти господа русскую бюрократію, отдѣльную отъ русскаго дворянства—это тайна, разгадка которой слѣдуетъ искать въ трупобахъ сердецъ ноздревскихъ. Быть-можетъ, ихъ сбilo съ толку наше водъчество; но оно представляетъ собою не бюрократію, а скръе пародію на адвокатуру, и стоитъ въ самомъ чиновничествѣ (дворянство тоже) такимъ особнякомъ, что служить для него предметомъ постоянныхъ потѣхъ и насмѣшекъ. Называя меня бюрократомъ, г. Ржевскій, очевидно, не сознавалъ, что употребляетъ выраженіе, которому въ русской жизни нѣтъ соответствующаго понятія. Въ Россіи, какъ между служащими дворянствомъ, такъ и между вестужащими (но служившими) могутъ быть ералашисты, могутъ быть преферансисты, могутъ быть даже люди весьма серьезные и начитанные, но бюрократіи, какъ корпорации дисциплинированной, служащей опредѣленнымъ цѣлямъ, нѣтъ и быть не можетъ, по той естественной причинѣ, что нѣтъ еще въ виду земства. Ужели гоголевскій губернаторъ, отлично вышивающій во канѣ, можетъ быть названъ бюрократомъ? Нѣтъ. воля ваша, это совѣтъ не бюрократъ, это патриархъ, бесѣдующій съ пасомымъ имъ етадомъ въ халатѣ, запросто, и только въ указанные дни натягивающій на

себя досадный мундиръ... Имелуя Салтыкова адвокатомъ благоусмотрѣнія начальствующихъ лицъ, Ржевскій обвинялъ его въ томъ, что онъ хлопочетъ о распространеніи на мировыхъ посредниковъ *неделикатныхъ отношеній*, на которыя губерскія власти имѣютъ право во всемъ касающемся неправиковъ и ставовыхъ. «Отвращеніе, которое я питаю къ *неделикатнымъ* отношеніямъ, — отвѣчаетъ на это Салтыковъ: — достаточно доказывается всей моею литературною дѣятельностью, которая почти исключительно направлена къ обнаруженію ихъ нецѣлности». Намекать Ржевскій и на то, что Салтыковъ «увлекается направлеиемъ известной школы реформаторовъ, желающихъ во что бы то они стало благодѣтельствовать низшимъ классамъ». Салтыковъ, приводя эти слова, сопровождается ихъ комментариемъ: «вотъ оно, истинное-то значеніе слова *бюрократъ!*» Заключеніе отвѣтной статьи Салтыкова посвящено подробному развитію мысли о губерскихъ съѣздахъ мировыхъ посредниковъ. Ржевскій старался осѣять эту мысль, представляя ее въ такомъ видѣ, что одни мировые посредники, повѣряя другихъ, будутъ просить ихъ «быть старательные, писать четче, не качать чернилами и т. п.». Не смущаясь этими претензіями на остроуміе, Салтыковъ пояснилъ свой проектъ цѣлымъ рядомъ наглядныхъ примѣровъ. «Вообразите себѣ, — говоритъ онъ: — что такой-то посредникъ замѣчается въ извѣстномъ пристрастіи къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Губерскій съѣздъ, свѣдавъ о подобномъ явленіи, можетъ однимъ молчаніемъ своимъ весьма краснорѣчиво выразить свое неодобреніе подобному пристрастію. Другой посредникъ слишкомъ часто прибѣгаетъ для разрѣшенія недоразумѣній къ внимательству полиціи; губерскій съѣздъ можетъ сдѣлать только: *ам!* и, конечно, посредникъ, о которомъ идетъ рѣчь, хорошо пойметъ значеніе этого *ам!*». Салтыковъ не желаетъ, чтобы мысль о губерскихъ съѣздахъ была осуществлена приказаніемъ свыше; ему хотѣлось бы, чтобы она была принята посредниками *motu proprio* безъ всякаго принужденія.

Последняя замѣтка Салтыкова направлена противъ новаго отвѣта, напечатаннаго Ржевскимъ въ № 30 «Современной Летописи» (такъ называлось тогда ежедневное прибавленіе къ «Русскому Вѣстнику»). Въ этомъ отвѣтѣ Ржевскимъ было дано слѣдующее опредѣленіе бюрократіи: «безпрерывная регламентація, безпрерывное внимательство въ частную жизнь, стремленіе замѣнить не только жизнь, но и самую совѣсть предписаніями начальства». «Гораздо справедливѣе и проще было бы сказать, — возражаетъ Салтыковъ: — что бюрократія представляетъ собою въ государствѣ органъ центральной власти, которая, въ свою

очередь, служить представительницей интересов и целей государственных... Г. Ржевский напрасно берет на себя труд формулировать мою мысль так: вездѣ, гдѣ нѣтъ земства, господствует бюрократія. Нѣтъ, я сказалъ и желалъ сказать: гдѣ нѣтъ земства, тамъ нѣтъ и бюрократіи, а есть чепуха, сеть безконечная путаница понятій и отношеній, при существованіи которыхъ всякій отдѣльный общественный дѣятель получаетъ возможность играть въ свою собственную дудку»... Ржевскій обвинялъ Салтыкова въ неуваженіи къ общественному мнѣнію. Отвѣщая это обвиненіе, Салтыковъ замѣчаетъ, что и по отношенію къ общественному мнѣнію не всегда подобаешь играть роль Мвлчанина. «Бываютъ общества, гдѣ эксплуатация членѣкъ человѣкомъ, бѣшеніе по зубамъ и пр. считаются не только обыденнымъ дѣломъ, но даже разсматриваются жѣсткими философами и юристами съ точки зрѣнія права. Благоговѣть передъ мнѣніями такихъ обществъ было бы не только безразумно, но и бессмысленно».

Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ по поводу шести вѣрнѣ изложенныхъ нами Салтыкова, замѣтить, что вопросъ о значеніи административной власти, о ея правахъ и обязанностяхъ, объ отношеніяхъ ея къ обществу и земству не переставалъ интересоватъ Салтыкова и много лѣтъ спустя, когда онъ окончательно оставилъ службу и всецѣлю посвятить себя литературѣ. Въ его бумагахъ нашлось нѣсколько номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Современной Лѣтописи» 1870 г., въ которыхъ напечатана замѣтка о губернаторахъ, по поводу тогдашняго проекта административной реформы. Свѣдѣнія, заключавшіяся въ этой замѣткѣ, должны были, очевидно, послужить Салтыкову матеріаломъ для статьи, отъ которой сохранилось въ рукописи только начало имѣть съ наброскомъ программы дальнѣйшаго изложенія. Основная мысль статьи, предназначавшейся, вѣроятно, для «Отечественныхъ Записокъ», заключалась, повидимому, въ томъ, что губернаторская власть подлежитъ не усиленію (какъ тогда предполагалось), а введенію въ законныя предѣлы. «Власть губернаторовъ,—говоритъ Салтыковъ:—въ настоящее время настолько обширна, что усилить ее нѣтъ возможности. Какъ расширить то, что уже само по себѣ не имѣетъ точныхъ границъ? Когда все дано, то трудно себѣ представить, чтобы существовало что-нибудь такое, что было бы болѣе этого всего».

Публицистическія статьи Салтыкова, напечатанныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 г., замѣчательны, прежде всего, уже тѣмъ, что появились въ свѣтъ за полную его подписью. Онъ

не считая пужнымъ скрѣться даже подъ прозрачнымъ псевдонимомъ Щедрина, къ которому такъ часто прибѣгалъ въ другихъ случаяхъ. Онъ не могъ не знать, что его статьи многими раздражаютъ, многихъ несутаютъ, подвергнуты заслуженнымъ перетолкованіямъ, — и несмотря на то, или именно потому, выступилъ на сцену съ подвѣстной забраломъ. Это было почти равносильно отказу отъ дальнейшей административной карьеры *). Въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ служилъ тогда Салтыковъ, охлажденіе къ только что совершившейся реформѣ наступило весьма быстро, и горячая ея защита не могла явиться властью имущимъ лицамъ. Когда Салтыковъ утверждалъ, что «недоразумѣніи» между помещиками и крестьянами почти всегда могутъ быть покончены миролюбиво, путемъ увѣщаній и соглашеній, его слова должны были показаться ковеннымъ осужденіемъ «экстренныхъ мѣропріятій», которыми была такъ богата 1861 годъ. Когда онъ предлагалъ устройство губернскихъ съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, его могли обвинить въ стремленіи поставить общественный контроль на мѣсто или выше правительственнаго надзора. Когда онъ рекомендовалъ дворянамъ вступленіе въ составъ сельскаго общества и волости, его могли заподозрить въ ультра-демократическихъ тенденціяхъ, въ непризнаніи границъ, установленныхъ обычаями и законами. Не оставившись передъ подобными соображеніями, Салтыковъ рѣшился высказать, по возможности, все то, что накопилось у него на душѣ во время службы въ двухъ центральныхъ губерніяхъ. Онъ видѣлъ, какую массу дурныхъ чувствъ возбудило освобожденіе крестьянъ, какими опасностями и затрудненіями окружено новое дѣло. Онъ знаетъ, что все огорченные и обиженные реформой стоятъ на стражѣ «недоразумѣній», чтобы тотчасъ же закричать о необходимости экстренныхъ полицейскихъ мѣръ, а потому, изъ самаго факта принятія этихъ мѣръ вывести заключеніе о преждевременности освобожденій. Наставивъ на миролюбивомъ прекращеніи «недоразумѣній», Салтыковъ касался именно того вопроса, который имѣлъ тогда наибольшую важность: онъ указывалъ тотъ единственный путь, на которомъ было возможно безостановочное и безпрепятственное движеніе впередъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что многіе изъ крестьянскихъ «бунтовъ», омрачившихъ великій 1861 годъ, могли быть предупреждены своевременнымъ, *третьихъ* разьясненіемъ новыхъ земельныхъ и личныхъ отношеній, а чѣмъ меньше было бы

*) Комическое впечатлѣніе производить, поэтому, намеки Ржевскаго на желаніе Салтыкова сдѣлаться «крутогорскимъ» губернаторомъ.

бунтовъ, тѣмъ меньше было бы матеріаловъ для реакціи, первые признаки которой замѣчаются уже въ 1862 году.

Обвиненіе Салтыкова въ бюрократизмъ возбуждаетъ involuntary улыбку, въ особенности теперь, когда заниска объ устройствѣ полиціи познакомилъ насъ съ взглядами Салтыкова на задачи и приемы управленія. И тогда, впрочемъ, не трудно было понять, что защитникъ гласности и общественнаго контроля, систематическій противникъ «экстренныхъ» мѣръ не имѣетъ ничего общаго съ бюрократомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ это слово оппонентъ Салтыкова—Ржевскій. Отличительный признакъ истаго бюрократа—это недовѣріе къ суду и къ обществу, а Салтыковъ требовалъ формальной отвѣтственности посредниковъ передъ судомъ, нравственной отвѣтственности ихъ передъ обществомъ. Огражденію мировыхъ посредниковъ отъ административнаго усмотрѣнія онъ сочувствовалъ вполне; онъ хотѣлъ только, чтобы надзоръ еснага не былъ пустымъ словомъ и чтобы къ нему присоединился надзоръ товарищей, соединяемыхъ этимъ самымъ въ одну крѣпко сцепленную корпорацію. Какимъ же образомъ могло случиться, что къ Салтыкову была применена столь мало подходящая къ нему кличка бюрократа? Объясняется это, какъ намъ кажется, довольно просто. Мировые посредники, какъ извѣстно, могли быть избираемы только изъ числа дворянъ-землевлдѣльцевъ, т. е. изъ числа бывшихъ помѣщичьихъ. Естественно было предполагать, что они будутъ дѣйствовать, болышею частью, въ интересахъ своего сословія. Кто желалъ этого, тотъ настанывалъ, подобно Ржевскому, на возможно болышей независимости мировыхъ посредниковъ, на возможно болышемъ нейтралитетѣ представителей власти, лично не заинтересованныхъ въ дѣлѣ переустройства аграрныхъ отношеній и потому сравнительно безпристрастныхъ. Кто, наоборотъ, опасался односторонняго покровительства помѣщичьихъ интересовъ, тотъ, подобно Салтыкову, искалъ гарантій противъ посредническаго произвола и паходилъ ихъ въ разныхъ формахъ отвѣтственности. Открыть свои карты сторонникамъ помѣщичьихъ интересовъ была не совѣмъ удобно, и вотъ, зная недовѣріе тогдашняго общества къ администраціи, перенесеніе къ принципу правительственнаго внимательства, они пускаютъ въ ходъ страшное словечко: *бюрократы*. Бюрократами слыли тогда, въ извѣстныхъ сферахъ, Николай Милютинъ, Яковъ Соловьевъ и другіе дѣятеля редакціонныхъ комиссій; не удивительно, что къ тому же соопу оказалась сопричисленнымъ и Салтыковъ, и столь же понятно, что онъ отнесся довольно хладнокровно къ этому сопричисленію. Истинный его смыслъ сдѣлается для насъ совершенно понятнымъ, если мы припомнимъ,

что Салтыков изобличался одновременно въ бюрократизмъ и въ сочувствіи «извѣстной школѣ реформаторовъ, желающихъ во что бы то ни стало благодѣтельствовать низшимъ классамъ населенія... Слабымъ пунктомъ въ полемикѣ Салтыкова противъ Ржевскаго кажется намъ одно лишь теоретическое опредѣленіе бюрократіи и противопоставленіе ея земству. Администрація, представляющая земству широкую свободу въ завѣдываніи мѣстными дѣлами и удерживающая за собою, въ общегосударственныхъ интересахъ, только общій контроль надъ дѣятельностью земства, едва ли можетъ быть названа бюрократіей. Характеристическіе признаки бюрократіи совѣтъ другіе: это—высокомѣрное отношеніе къ «ограниченному уму» простыхъ гражданъ, стремленіе къ несдѣлчивости и всевластію чиновничества, безусловная вѣра въ спасительную силу запрещеній и предписаній. Господство бюрократіи, съ этой точки зрѣнія, вполнѣ возможно и тамъ, гдѣ нѣтъ земства. Въ до-реформенной Россіи преобладала бюрократія, грубая, первобытная, неулыблая, но все-таки бюрократія, къ которой принадлежали, до извѣстной степени, и «даровые полицеймейстеры», т. е. помѣщики, какъ начальники надъ своими крестьянами. Ошибка Салтыкова заключалась, впрочемъ, неключительно въ неправильномъ выборѣ термина. Въ своихъ газетныхъ статьяхъ, какъ и въ запискѣ о переустройствѣ полиціи, онъ неходилъ изъ совершенно правильнаго пониманія взаимныхъ отношеній администраціи и земства. Мысли его по этому предмету и въ послѣдующее время—можно сказать—сохранили всю свою цѣну и далеко не утратили прежней своей силы.

Намъ могутъ замѣтить, что дѣятельность мировыхъ посредниковъ перваго призыва, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не давала повода къ подозрѣніямъ, съ которыми относился къ ней Салтыковъ. Совершенно справедливо; но изъ того, что мы это видимъ *теперь*, еще не слѣдуетъ, что это должны были видѣть и современники. Надежды крайностниковъ оказались тщетными, но это еще не значитъ, что онѣ не существовали. Уже одно то обстоятельство, что за возможно бѣдную безотвѣтственность посредниковъ стояли такіе публицисты, какъ Ржевскій, оправдываетъ недобѣрчивость Салтыкова. Въ первой половинѣ 1861 года, къ которой относится его статья, нельзя было еще предугадать общій характеръ дѣятельности новыхъ учреждений, а отдѣльные случаи злоупотребленій или бездѣйствія власти, подъ влияніемъ которыхъ, очевидно, писалъ Салтыковъ, позволяли опасаться широкаго развитія подобныхъ явленій. Въ чемъ Салтыковъ былъ правъ безусловно—это въ проповѣди сближенія между помѣщиками и крестьянами и въ указаніи путей, къ нему ведущихъ. Обязатель-

ное включение помещиковъ въ составъ сельскаго общества и волости, если оно состоялось влѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, принесло бы болѣе вреда, чѣмъ пользы; крестьяне, привыкшіе виноватиться, слишкомъ легко могли бы подпасть подъ влечительное вліяніе своихъ недавнихъ господъ. Другое дѣло—добровольное присоединеніе помещика, окончившаго все расчесть съ бывшими крѣпостными. Оно дадо бы сельскимъ обществамъ и волостямъ дружественныхъ совѣтниковъ и руководителей, въ которыхъ они тогда такъ нуждались, и послужило бы естественнымъ переходомъ къ сознанію настоящей всеобщей волости, своевременное осуществленіе которой послужило бы залогомъ правильнаго развитія нашей государственной и общественной жизни.

9-го февраля 1862 г. Салтыковъ въ первый разъ вышелъ изъ отставки. Сначала онъ хотѣлъ поселиться въ Москвѣ и основать тамъ двухнедѣльный журналъ; но когда ему это, какъ мы увидимъ, не удалось, онъ переехалъ въ Петербургъ и съ начала 1863 г. сдѣлался, *de facto*, однимъ изъ редакторовъ «Современника». Несколько раньше—повидимому, въ концѣ 1862 г.—онъ написалъ «Замѣчанія на проектъ устава о книгопечатаніи», составленный въ это время особой комиссіей при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ предѣлательствомъ князя Д. А. Оболенскаго (впоследствии этотъ проектъ былъ пересмотрѣнъ другой комиссіей, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и послужилъ основаніемъ закона 6-го апрѣля 1865 г.). Замѣчанія на проектъ — черновая рукопись ихъ сохранилась въ бумагахъ Салтыкова—начинается съ указанія на общіе его недостатки. По мнѣнію Салтыкова, она заключается въ слѣдующемъ: 1) Проектъ направленъ исключительно къ огражденію отъ злоупотребленія печатнымъ словомъ. Въ этомъ убѣждала его та предусмотрительность, съ которою цензура вооружалась не столько для преслѣдованія преступленій совершившихся, сколько для предупрежденія преступленій воображаемыхъ. Такая предусмотрительность,—писалъ онъ:—можетъ быть умѣстной только во Франціи, гдѣ вся внутренняя политика устремлена исключительно къ охраненію династическихъ интересовъ Наполеона III, или въ странахъ накоренныхъ и потому находившихся на военномъ положеніи. 2) Не представляя ничего существенно новаго, проектъ замѣняетъ лишь произволъ безпорядочный, существовавшій доселѣ, произволомъ систематическимъ и формально узаконеннымъ (право высшей администраціи разрѣшать или не разрѣшать періодическое изданіе, принимать или не принимать мнѣніе главнаго управленія относительно адми-

интегральных высканій или преданіе суду). Коррективомъ произвола, дѣйствовавшаго безъ правилъ и даже безъ права, могли служить личныя послабленія; на будущее время нельзя рассчитывать даже на этотъ коррективъ. 3) Предварительная цензура, оставляемая въ силѣ для многихъ произведеній печати, будетъ строже, чѣмъ прежде, потому что дозволенная цензурой книга все-таки можетъ быть запрещена, съ ответственностью цензора за убытки, понесенные издателемъ или авторомъ. 4) Проектъ имѣетъ видъ сколка съ французскаго (наполеонскаго) законодательства о печати. Хотя коммисія изучила даже бразильское законодательство, по сердцу ея, очевидно, лежало къ французскому. «При существующемъ въ публикѣ мнѣніи насчетъ зависимыхъ отношеній нашего правительства къ французскому, — говоритъ Салтыковъ: — едва ли было бы желательнымъ, чтобы законодательство о книгопечатаніи представляло подтвержденіе этой мысли» *). 5) Коммисія не должна забывать, что въ публикѣ ожидается законъ, облегчающій свободу слова, а не такой, который регламентируетъ лишь способы стѣсненія ея. Не должно скрывать отъ себя также, что въ публикѣ и безъ того ходятъ преувеличенные слухи о вліяніи правительства на направленіе литературы: не лишнее было бы, чтобы новое законодательство ослабило эту мысль, принявъ за исходный пунктъ возможность существованія въ Россіи самостоятельной литературы. Подобное признаніе произведетъ впечатлѣніе выгодное и для самого правительства, которое не настолько слабо, чтобы публично сознаваться въ неимѣніи другихъ средствъ защиты.

Отъ обычныхъ замѣчаній на весь проектъ Салтыковъ переходитъ къ разбору отдѣльных его статей, а также нѣкоторыхъ изъ числа соображеній, которыми руководилась составлявшая его коммисія. Необходимость особенно строгихъ предупредительныхъ мѣръ по отношенію къ періодическимъ изданіямъ коммисія мотивировала, между прочимъ, тѣмъ, что эти изданія дѣйствуютъ непрерывно, систематически, образуютъ цѣлое направленіе, безусловное для преслѣдованія. «Что это за направленіе, — спрашиваетъ Салтыковъ: — которое все чувствуютъ, но уловить не могутъ? Положительно можно сказать, что такихъ направлений быть и быть не можетъ, преимущественно въ журналахъ и газетахъ. Журналы и газеты имѣютъ дѣло съ фактомъ, съ

*) Салтыковъ намекаетъ здѣсь, вѣроятно, на упорно державшіеся въ обществѣ, хотя и явно нелѣпый, слухъ о вліяніи французскаго правительства на освобожденіе крестьянъ. Предположеніемъ о «зависимости» положили конецъ знаменитыя апрѣльскія ноты кн. Горчакова (1863 г.) по польскому вопросу.

подробностями общественной жизни; связанные этим, они волею или неволею должны высказываться определенно, такъ какъ въ противномъ случаѣ потеряютъ всякое значеніе для публики». Дѣйствовать посредствомъ напавленія, выражающагося въ умолчаніи, въ неясныхъ намекахъ, можетъ только цензурная, неспособная печать; при свободѣ печати кто же станетъ подписываться на изданіе, потчующее *направленіемъ*, тогда какъ рядомъ съ нимъ другой органъ печати обсуждаетъ жизненные факты ясно и безобидно?.. Комиссія опасалась далѣе, что журналамъ и газетамъ удастся утомить преслѣдующую власть, выходя за предѣлы дозволеннаго безпрестанно, но не слишкомъ далеко и не слишкомъ замѣтно. «Неужели, — возражаетъ на это Салтыковъ: — наша литература имѣетъ такое громадное развитіе, что можетъ даже утомить силы преслѣдующей власти? И что же такое эта преслѣдующая власть, которая такъ скоро утомляется? Не имѣетъ никакихъ основаній, но имѣнію Салтыкова, право администраціи освобождать или не освобождать періодическое изданіе отъ предварительной цензуры. Вели и смѣрять на слово какъ на вѣчто въ родѣ смертоноснаго орудія, «что все-таки нельзя отнимать у писателей право, которымъ обладаетъ всякій разбойникъ: право подвергать себя наказанію за совершенное преступленіе». Право автора и издателя таковыхъ произведеній, которыхъ освобождены отъ предварительной цензуры, подчиниться ей добровольно — Салтыкову кажется извинимымъ. «Какая надобность правительству предлагать свою опеку для всѣхъ пишущихъ душой? Вѣдь не учреждаетъ же оно особой палаты для управленія тѣми имѣніями, владѣльцы которыхъ не умѣютъ извлечь изъ нихъ всѣхъ выгодъ». Во-вторыхъ, благонамѣренные издатели могутъ, если встрѣтятъ сомнѣніе въ своей благонамѣренности, посоветоваться съ своими пріятелями, а не затруднять правительство. Въ-третьихъ, наконецъ, проектируемый порядокъ можетъ породить въ литературѣ «дурныя привычки»; могутъ найтись люди, подчиняющіеся цензурѣ съ цѣлью заявить о своей благонамѣренности. Чѣмъ больше наберется такихъ людей, тѣмъ болѣе подозрительными будутъ казаться неслѣдующіе ихъ примѣру... Отъ перехода цензуры въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ Салтыковъ не ожидаетъ пользы для литературы. Литература — одинъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ народнаго просвѣщенія; слѣдовательно ей и приличнѣе было бы оставаться въ вѣдомствѣ того министерства, которое заведуетъ просвѣщеніемъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ что-нибудь сдѣлать къ огражденію интересовъ науки и литературы. «Что сдѣлано въ этомъ отношеніи проектомъ? — спрашиваетъ Салтыковъ. — Предположено

учредить при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ совѣтъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Изъ кого онъ долженъ состоять? Изъ предсѣдателя и членовъ, назначаемыхъ министромъ. Какія права членовъ? Право представлять министру свои замѣчанія и видѣть ихъ оставленными безъ вниманія... Гораздо цѣлесообразнѣе было бы «наблюдательное учрежденіе», пользующееся извѣстною степенью независимости и самостоятельности, — другими словами, избираемое самими литераторами. Противъ такого избранія Салтыковъ предвѣдѣтъ два возраженія: *первое* — что литераторы стали судьями въ собственномъ дѣлѣ, *второе* — что нѣтъ литературной корпораціи, которой могло бы быть поручено производство выборовъ. Первое изъ этихъ возраженій Салтыковъ опровергаетъ тѣмъ, что «литература нигдѣ и ни въ какія времена не составляетъ однороднаго цѣлаго; напротивъ, въ ней имѣются самыя разнообразныя отѣнки, начиная отъ крайне консервативнаго до крайне оппозиціоннаго. Нѣтъ никакого основанія думать, чтобы изъ выборовъ вышли люди крайностей, по той простой причинѣ, что крайняя партія прежде всего опасается торжества партіи ей противоположной. Отсюда вѣроятность соглашенія на чемъ-либо среднемъ, представляющемъ болѣешия гарантіи безпристрастія. Подтвержденіе этого предположенія Салтыковъ видитъ въ составѣ комитета литературнаго фонда. Что касается до втораго возраженія, то Салтыковъ считаетъ весьма возможнымъ созвать представителей отъ существующихъ органовъ русскаго слова — по два отъ большихъ и по одному отъ менѣе значительныхъ. Составленный такимъ образомъ совѣтъ пользовался бы безусловнымъ довѣріемъ литературы и былъ бы въ то же время соединяющимъ звеномъ между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ.

Возражая противъ той статьи проекта, которою разрѣшеніе или неразрѣшеніе новыхъ періодическихъ изданій ставилось въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи, Салтыковъ считаетъ ее, прежде всего, излишней, въ виду другихъ предупредительныхъ и репрессивныхъ мѣръ, устанавливаемыхъ проектомъ. Каждое новое изданіе увеличиваетъ количество труда, лежащаго на министерствѣ; отсюда вѣроятность неосновательныхъ отказовъ, а, между тѣмъ, отказъ равносильно соприсуденію преслѣдателя къ разряду людей неблагонамѣренныхъ. «Иниціей эти строки, — продолжаетъ Салтыковъ: — на себѣ испытавъ неудобство такого порядка вещей. Въ апрѣлѣ настоящаго (очевидно, 1862) года онъ просилъ, черезъ московскій цензурный комитетъ, разрѣшенія на изданіе въ Москвѣ двухнедѣльнаго журнала, но г. министръ народнаго просвѣщенія не считая нужнымъ дать просимое разрѣшеніе на томъ

основани, что такъ какъ разсматриваются новыя законоположенія о книгопечатаніи, то и принято за правило до окончанія этого дѣла не разрѣшать новыхъ журналовъ. Законоположенія эти до сихъ поръ не разсмотрѣны, а между тѣмъ съ тѣхъ поръ разрѣшено не мало-таки новыхъ журналовъ. Что означаетъ этотъ фактъ? Не то ли, что просто-на-просто хотѣли отказать въ изданіи журнала именно Салтыкову; но почему же Салтыкову, который четырнадцать лѣтъ служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, и изъ нихъ четыре года былъ вице-губернаторомъ? Салтыковъ могъ, на основаніи законномъ основаніи, принести жалобу сенату; почему же онъ не воспользовался этимъ правомъ? А потому, просто, что въ то время, когда вынесъ отказъ, онъ думалъ, что и въ самомъ дѣлѣ существуетъ какое-то правило о временномъ неразрѣшеніи журналовъ; когда же онъ вносѣдствіи убѣдился, что такого правила нѣтъ или что оно нарушается, то срокъ на подачу жалобы прошелъ». Возможность такихъ фактовъ заставляетъ Салтыкова отдать предпочтеніе австрійской системѣ, требующей отъ редактора только одного условія: безукоризненной нравственности. Чтобы отказать въ разрѣшеніи на издавіе, правительство, при этой системѣ, должно доказать претенденту на редакторство его безнравственность. «Если оно докажетъ это — ну, и съ Богомъ; но крайней мѣрѣ и то утѣшительно, что въ Австрій разговариваютъ, а то такъ, безъ разговоровъ... Это ужъ слишкомъ легко!» Остальныя замѣчанія Салтыкова, мотивированныя гораздо короче, направлены противъ требованія залога отъ подписурныхъ изданій, противъ проектировавшаго порядка разрѣшенія типографій и повѣрки производимыхъ въ типографіи работъ и противъ безаналляціонности административныхъ взиманій, налагаемыхъ на органы печати. Были ли представляемы кому-либо замѣчанія Салтыкова на проектъ устава о книгопечатаніи, и если были, то кому именно — не знаемъ. По всей вѣроятности, они не были оставлены имъ подъ сундукъ и являлись въ виду при дальнейшей разработкѣ проекта. Весьма любопытно, что они не содержатъ въ себѣ ни слова противъ личной отвѣтственности писателей, противъ которой такъ сильно ратовалъ Салтыковъ въ 1880 г., когда ожидается пересмотръ законодательства о печати («За рубескомъ»). Замѣну административныхъ каръ, направленныхъ противъ *изданія*, карами судебными, направленными противъ *автора*, Салтыковъ признаетъ дѣлелъ желательною только подл слѣдующими условіями: 1) чтобы процедура преданія суду сопровождалась не сверхъестественнымъ, а обыкновеннымъ порядкомъ; 2) чтобы суды были тоже не сверхъестественные, а обыкновенные, такіе

- 1864 — Чужая вина, комедія О. Устрелова (разборъ, безъ подписи), стр. 57—59.
- » Книга 8-я.—«Она еще едва умѣетъ лепетать». П. Шедрина, стр. 343—368.
- Ролла, поэма Мюссе (разборъ, безъ подписи), стр. 201—207.
- » Книга 10-я.—Въ своемъ краю. Романъ К. П. Леоптвева, стр. 177—183 (разборъ, безъ подписи).
- » Книга 12-я.—Письмо въ редакцію М. Салтыкова, стр. 176.

Къ началу тѣхъ же шестидесятихъ годовъ относится характеристика Салтыкова, встрѣчающаяся въ «Воспоминаніяхъ» госпожи Головачевой *). «Сумрачное выраженіе лица, — которое госпожа Головачева замѣчала въ Салтыковѣ-лиценствѣ, — еще болѣе усилилось. Я замѣтила, что у него появилось первое движеніе шеи, точно онъ желалъ высвободить ее отъ туго завязаннаго галстука. Изъ молчаливаго онъ сдѣлался очень говорливъ... Я была однажды свидѣтельницей страшнаго раздраженія Салтыкова противъ литературы. Не могу припомнить названія его очерка или разсказа, запрещеннаго цензурою. Это запрещеніе было очень непріятно и Некрасову, потому что нужно было дать набирать вновь что-нибудь другое, ичего нумеръ журнала долженъ былъ очень заноздать. Салтыковъ явился въ редакцію въ страшномъ раздраженіи и нещадно сталъ бранить русскую литературу, говоря, что можно покатѣть съ голоду, если писатель разсчитываетъ жить литературнымъ трудомъ, что одни дураки могутъ посвящать себя литературному труду при такихъ условіяхъ, когда какой-нибудь вислоухій камергеръ имѣетъ власть не только исказить, но запретить печатать умственный трудъ литератора, что чиновничья служба имѣетъ передъ литературой хоть то преимущество, что человека не грабятъ. Салтыковъ увѣрилъ, что онъ навсегда прощается съ литературой, и набросился на Некрасова, который, усмѣхнувшись, ему замѣтилъ, что не вѣрится этому». Весьма можетъ быть, что въ одномъ изъ такихъ настроеній Салтыковъ рѣшился оставить литературу или, по крайней мѣрѣ, журналистику и вновь поступить на службу. Были дѣлаемы попытки объявить его выходъ изъ «Современника» размовкой съ редакціею, вызванной, будто бы, надеждами на Салтыкова со стороны «Эпохи» и въ особенности «Русскаго Слова»; но это опровергается свидѣтельствомъ А. Н. Пыпина **) и самымъ фактомъ продолжавшагося сотрудничества Салтыкова въ «Современникѣ», продолжавшейся близости его къ Некрасову. Какъ бы те ни было, 6-го ноябрю 1864 г., че-

*) См. «Историческій Вѣстникъ», 1889 г., № 11, стр. 273—4.

**) См. «Вѣстникъ Европы» 1889 г., № 11, стр. 228—228

резь два года и девять месяцев послѣ перваго выхода въ отставку, Салтыковъ былъ назначенъ предѣдителемъ пензенской казенной палаты. Два года спустя, 2-го ноября 1866 г., онъ былъ переведенъ на ту же должность въ Тулу, а въ октябрѣ 1867 г. — въ Рязань. Время службы Салтыкова въ ведомствѣ министерства финансовъ было временемъ наименьшей дѣятельности его въ области литературы. Въ продолженіе трехъ лѣтъ (1865, 1866 и 1867 г.) напечатана, сколько намъ извѣстно, только одна его статья (исслѣдованіе вошедшая въ составъ сборника: «Признаки времени»): «Завѣщаніе моимъ дѣтямъ» («Современникъ» 1866 г., № 1). Очевидно, Салтыковъ хотѣлъ-было познакомиться съ литературой; но влеченіе его къ ней было слишкомъ слабо. Когда Некрасовъ пригласилъ Салтыкова къ участію въ преобразованныхъ (съ 1-го января 1868 г.) «Отечественныхъ Запискахъ», Салтыковъ сразу сталъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ этого журнала^{*)}, а 14-го іюня 1868 г. окончательно вышелъ въ отставку, поселившись въ Петербургѣ и сдѣлавшись, фактически, однимъ изъ редакторовъ «Отечественныхъ Записокъ». Въ 1877 г., послѣ смерти Некрасова, онъ былъ утвержденъ редакторомъ журнала и руководить имъ до самаго его запрещенія (въ апрѣлѣ 1884 г.). По единогласному отзыву бывшихъ его сотрудниковъ (Ш. К. Михайловскаго, А. М. Скабичевскаго, Я. В. Абрамова и др.), онъ работалъ, какъ редакторъ, чрезвычайно много. Въ рукописяхъ, особенно безастриническихкихъ, онъ часто дѣлалъ большія сокращенія и вымѣненія, значительно поднимавшія достоинство произведеній и способствовавшія ихъ успѣху. По свидѣтельству тѣхъ же лицъ, подъ суровою внѣшностью и рѣзкими манерами у него скрывалась величайшая доброта, дѣлавшая его дорогимъ для всѣхъ имѣвшихъ случай узнать его поближе. Понятно, что запрещеніе журнала должно было оставить большой пробѣлъ въ жизни Салтыкова, хотя возможность продолжать литературную дѣятельность представлялась для него весьма скоро. Въ бумагахъ его нашлось начало «сравнительной записки» слѣдующаго содержанія: «Я никогда не могъ похвалиться ни хорошимъ здоровьемъ, ни физическою силой, но съ 1875 г. не проходило почти ни одного дня, въ который я могъ бы сказать, что чувствую себя изрядно. Цѣлостныя болѣзненные припадки и мучительная восприимчивость, съ которою я всегда относился къ современности, положили начало тому

^{*)} Изъ числа шести первыхъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ» 1868 г., вошедшихъ до отставки Салтыкова, его статей цѣль только въ двухъ (3-й и 6-й); во второй книжкѣ помѣщены, зато, двѣ его статьи.

злomu недугу, съ которымъ я сейду и въ могилу. Не могу также пройти молчаніемъ и непрерывнаго труда: могу сказать смѣло, что до послѣднихъ минутъ вся моя жизнь прошла въ трудѣ, и только когда мнѣ становилось уже очень тяжело, я бросалъ перо и впадалъ въ мучительное забытiе. Наконецъ, закрытіе «Отечественныхъ Записокъ» и болѣзнь сына окончательно сломили меня. Недугъ охватывалъ меня со всѣхъ сторонъ и едѣлаея главнымъ факторомъ моей жизни»...

Нескандальныхъ или мало извѣстныхъ матеріаловъ, которые относились бы къ послѣднимъ двадцати пяти годамъ жизни Салтыкова, въ нашихъ рукахъ нѣтъ почти вовсе. Намъ доставлено лишь нѣсколько писемъ Салтыкова къ его дѣтямъ, и одно письмо, отъ 2-го января 1881 г., къ писателю, только что передъ тѣмъ напечатанному разборъ одного изъ произведеній Салтыкова («Круглаго года»). Это послѣднее письмо очень интересно, но, къ сожалѣнію, напечатаніе его вполнѣ было бы еще преждевременно, а потому мы ограничимся однимъ отрывкомъ. «Мнѣ кажется, — пишетъ Салтыковъ: — что писатель, имѣющій въ виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые изстари волнуютъ человечество. А именно: свобода, равноправность и справедливость. Что же касается до практическихъ идеаловъ, то они такъ разнообразны, что останавливаться на этихъ стадіяхъ — значитъ добровольно стѣснить себя. Я положительно увѣренъ, что большее или меньшее совершенство этихъ идеаловъ зависитъ отъ большаго или меньшаго усвоенія челоукомъ тайнъ природы и происходящаго отсюда успѣха прикладныхъ наукъ... Устраняться въ подробностяхъ, отстаивать одни и разрушать другія — дѣло публицистовъ. Читая романъ Чернышевскаго: «Что дѣлать», я пришелъ къ заключенію, что ошибка его заключалась именно въ томъ, что онъ черезчуръ задался практическими идеалами. Кто знаетъ, будетъ ли оно такъ? И можно ли назвать указываемыя въ романѣ формы жизни окончательными? Вѣдь и Фурье былъ великій мыслитель, а вся прикладная часть его теорій оказывается болѣе или менѣе несостоятельною и остаются только неумирающія общія положенія. Это дало мнѣ поводъ задаться болѣе скромною миссіей, а именно спасти идеалъ свободнаго изслѣдованія, какъ неотъемлемаго права всякаго челоука, и обратиться къ тѣмъ современнымъ *основамъ*, во имя которыхъ эта свобода изслѣдованія попирается»...

Письма Салтыкова къ дѣтямъ — сыну Константину и дочери Елизаветѣ — написаны всеюю и лѣтомъ 1880 и 1881 г., когда семья Салтыкова находилась за границей, а онъ самъ временно оставался въ Петербургѣ. Сыну его было въ 1880 г. около де-

вяти, дочери—около семи лѣтъ. «Допишу вамъ,—пишетъ Салтыковъ въ первомъ письмѣ (12-го мая 1880 г.):—что безъ васъ скучно и пусто. Когда вы были тутъ, то бѣгали и притались въ моей комнатѣ, а теперь такая тишина, что странно. И еще допишу, что куклы ваши здоровы и въ цѣлости. Имъ тоже скучно, что никто ихъ не ломаетъ. А еще допишу, что сегодня Аранка (только что оперившаяся канарейка, очевидно—большая любимица маленькихъ Салтыковыхъ), когда я вошелъ въ игральную, сѣлъ сначала мнѣ на плечо, а потомъ забрался на голову, и не успѣлъ я оглянуться, какъ онъ уже сходилъ. Вотъ такъ сюрризы! Что же касается до Крылатки (также канарейка), то она еще совсѣмъ маленькая, но мать начинаетъ уже лезть отъ нея. Ни конфетъ, ни апельсинавъ поелъ вашего отбѣда въ Петербургѣ уже нѣтъ; всѣ уѣхали слѣдомъ за вами въ Ваденъ. Я думаю, что вы ужь возобновили съ ними знакомство. Будьте умники и учитесь. Пишите ко мнѣ, что задумаете, но непременно пишите. Я буду прятать ваши письма, и когда вы будете большіе, мы станемъ вмѣстѣ ихъ перечитывать. Цѣлую васъ обонхъ крѣико-на-крѣико. Какъ только можно будетъ, прилечу. Не забывайте маму». Это письмо мы привели почти цѣнымъ; изъ другихъ заимствуемъ только отрывки. «Дѣла наши въ томъ же положеніи. Вуколка лежитъ въ кровати и почиваетъ; Аранка летаетъ совсѣмъ какъ большой; Венка (отецъ канареечнаго семейства) обходится съ нимъ какъ съ товарищемъ... А я все кашляю, и все на старій манеръ, даже новаго ничего выдумать не могу. И скучно мнѣ очень, что не слышу больше вашего дѣтскаго милого шума» (№ 2, 17-го мая). «Совѣтую тебѣ (дочери) писать по линейкамъ. Ты еще маленькая, и надо привыкать писать прямо. Попроси маму, чтобы она васъ по-нѣмецки говорить пріучала; теперь вы легко научитесь, а потомъ будетъ очень трудно. Я всѣ дни сижу дома и скучаю. И дѣлать ничего не хочется. Птицы тоже скучаютъ безъ васъ и одичали. Аранка совсѣмъ дикій сдѣлался и даже не поцуетъ въ клеткѣ, а забирется на карнизъ на печку» (№ 3, 20-го мая). «Имѣю честь доложить вамъ, что Крылатка вышла изъ гнѣзда, а мадамъ (канарейка-мать) опять начала нести яйца. Крылатка—премиленькій, весь въ Бенку; жолтенькій, съ сѣрымъ хохолкомъ и сѣрыми крылушками. Лизина кукла все почиваетъ; никакъ разбудить нельзя» (№ 4, безъ числа)... «Кости! перестала ли ты вертѣться? Смотри, пріѣду, увижу, что ты вертнись — и заплачу. Мадамъ уже три дня какъ сидитъ на яйцахъ, но сколько яицъ — не знаю, потому что какъ ни придеши, а она все сидитъ. Скучно она, бѣдная, лѣто проводить» (№ 5, безъ числа).

«Скорее падение, нежели одного маленького, и другое либо еще больше, какъ называетъ покровительствую? Я предлагаю назвать Милдой или Голубицкой». А впрочемъ, какъ прикажете, такъ и будетъ, поверь твоей силе, Лиза, будь и спрячь отъ меня; ты можешь быть спокойна. Я очень радъ, что ты сама, безъ дозволенія, пишешь. Такъ и впередъ дѣлай. Мнѣ хочется знать, что ты думаешь? (№ 8, 9—10 июня). «Я скоро приѣду и буду часъ полтора кататься въ паркъ и заниматься съ вами. Выку, что вы изволиваетесь безъ меня и лично вѣсь не выказывать. А и буду съ вами ходить и погулять, ягода и покормить птицъ... вы мнѣ пишете? Какъ и могу какъ прикажете отсюда—не лучше ли купить тамъ или въ Парижѣ, съ булки и восточнаго, и зюваре. Я думаю, что вы и сами, подумавши, согласитесь съ этимъ. Дѣлай ты хоть и не подымай меня въ шельмъ, но и знай, что это не нарочно случилось, и что ты несправедливо считаешь же объ этомъ вводимая и лично подымаю меня. И я тебѣ, дурачокъ, вѣрнее скажу» (№ 10, безъ числа). Другимъ три письма отписаны къ 1881 году. Въ первомъ, отъ 22-го мая, Салтыковъ проситъ сына обратиться въ контору, «Была у тебя выложить деньги, съ поканами и поканими. Надо лучше сказать, потому что одну антрепренерскую фонду безъ этого сказать не могу, потому что дѣла пошлою цѣнкою мнѣ писать, и надо ее доложить. Очень и радъ, подумавши, что вы хорошо живете. Удаче и подучитесь случаемъ, чтобы не-привычки научился. Научитесь—будете родителемъ за границей выучитъ, потому что родители наши по-прежнему не могутъ говорить. А мнѣ зафѣсь очень случило, вѣдь для на сказать мнѣ силу и все могу или каково». Въ двухъ другихъ письмахъ разсказываются дѣла въ связи объ удивительныхъ поканихъ канареекъ—Велики, поступившихъ въ столицу, Арапки, вышедшей замужъ за чика, и т. п. Вой эта переписка не требуетъ комментариевъ; единичныя слова, сами по себѣ, символическая орта, которая она представляетъ въ образъ Салтыкова. Его отношение къ режиссѣ объясняется особенно рельефно въ предшествующемъ письмѣ къ сыну: «станъ же рельефно, какъ и вѣрно, иже его въ антрепренеру. Вотъ полный текстъ этого письма, отрывки изъ котораго были напечатаны въ газетахъ восточной смерти Салтыкова: «Милый Костя, такъ какъ я каждый день могу умереть, то вотъ тебѣ мой заветъ: люби мать и беречь ее; выучишь то же и сестру. Познать, что слезы вы не берете ее, то вы сами раскисаете, потому что до совершенства мнѣя вѣднго еще очень-очень далеко. Старайся хорошо учиться

и будъ безудельно честенъ въ жизни. Вотъ все. Довольно тебѣ отъ...—Вно: наче всего люби родную литературу; и дайте антрепренера предочинять вѣскому другу». —

Вне въ октябрѣ 1887 г., вѣроятно, въ виду увеличившихся притязаній братьевъ, М. Е. Салтыковъ началъ обдумывать въ первый разъ описаніе банкротства смерти и приготовить письмо къ В. П. Диничеву (на конвертѣ написано: «срочно по смерти»). «Скакъ къ будущему почитать?»—говорится въ письмѣ—«это несомнѣнно-обязательныхъ дѣтей. Съ провозражномъ отсутствиемъ покойной старшей тогда предвидѣть въ, что, по его дѣвину, можно бы оправдать его дѣтей, въ ихъ бѣднотѣ вѣрнѣе, отъ всякихъ случайностей, и въ своемъ заблуждѣннѣ доходить до таквихъ подобиюостей, что не забыть упомянуть и о томъ, какъ устроятъ банку-институтъ его предшественникъ-институтъ въ томъ числѣ, если бы его семья понаторило дѣломъ отправиться за границу. «Возможне, и возможно,—писать отъ въ заключеніе письма.—обратитъ внимание на мое письмо». Возвращаюсь опять къ заблуждѣннѣ о сынѣ, М. Е. Салтыковъ прибавляетъ: «Я бы желалъ, чтобы отъ, по выхотѣ изъ лица, поспѣвать на службу; будите ты, не-искоумены, почитать» смъ...»

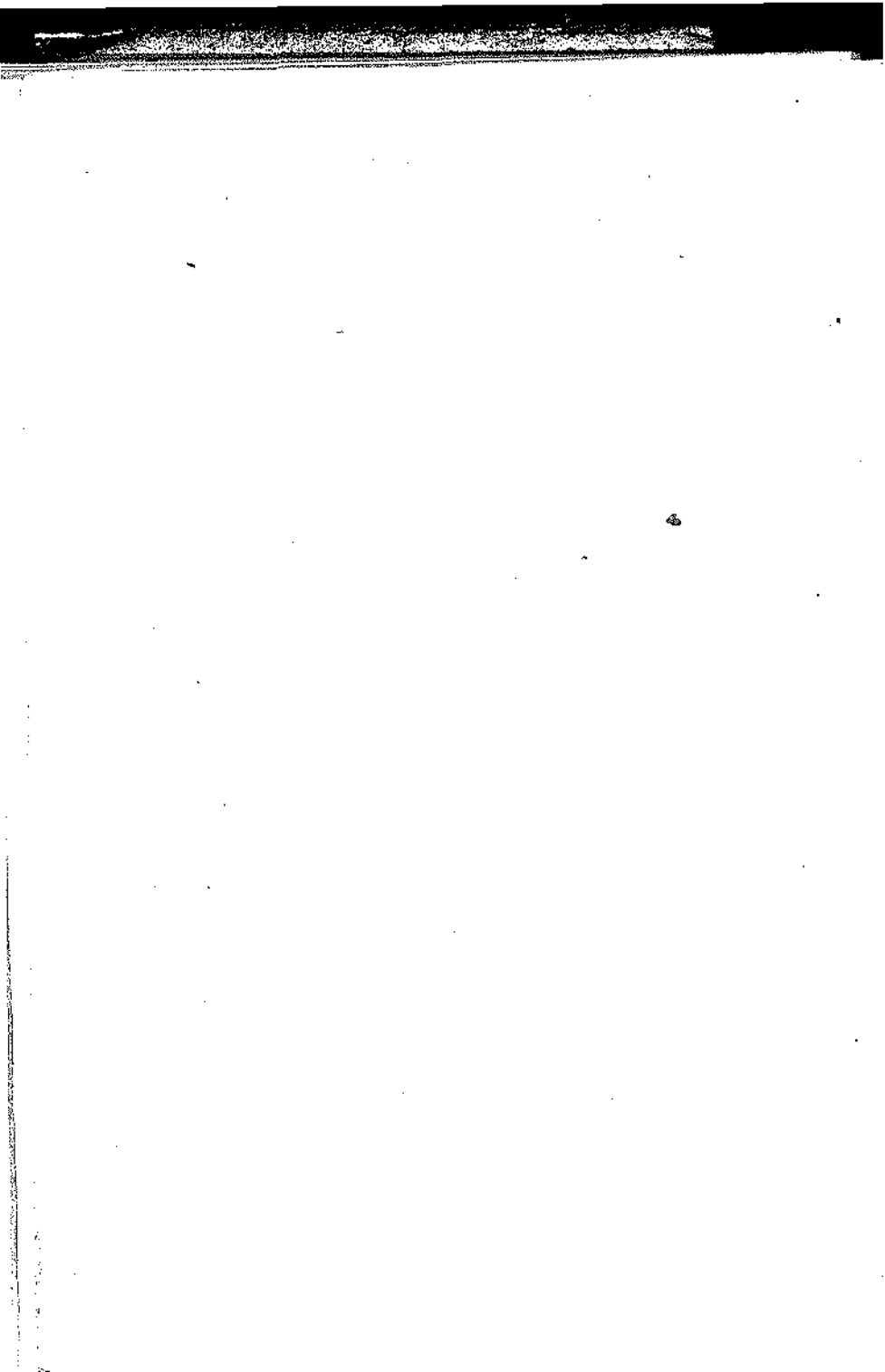
Въ послѣдній годъ жизни покойный, очевидно, подъ вліяніемъ нес бодре и бодре увеличившихся притязаній, началъ дѣлать распоряженія, касавшіяся уже его самого лично, почитаемому; отъ дѣлать планамъ тѣмъ распоряженіемъ на какой-либо бумаги, поправившихъ ему подъ руку, иногда перомъ, иногда карандашомъ, и складывать ихъ въ свой бумажъ на письменномъ столѣ, восторженныя же владѣли въ это выхотѣ на отбѣлкомъ листѣ, бодре тѣмъ-самымъ перомъ-перомъ, и озаглавила: «Предсмертныя желанія». Въ числѣ таковыхъ желаній на первомъ листѣ стояло определеніе суммы расходовъ на его похороны, причесть отъ не забыть пришедшихъ: «если не будутъ напечатаны деньги, то продать изъ бумаги: дайте сказать, не только указавъ, въ какихъ именно газетѣхъ помѣстить объявленіе къ той же смерти, но и самой содержаніе объявленія: «Такое-то число и мѣсяца, такъ-то, скончался М. Е. Салтыковъ (Шерингу) похороненъ такъ-то». После говорится: «Будено бытъ похороненымъ на Волковомъ кладбищѣ, если можно, около Тургенца; желанъ, чтобы тѣло мое было *неулучшено* (подчеркнуто авторомъ) вѣдромъ; на памятникѣ поставитъ бюстъ Беренштейна, Фроловыхъ» (словами въ квадратѣ покойнаго). Въ заключеніи своихъ «предсмертныхъ желаній» М. Е. Салтыковъ говоритъ: «Прошу продать мои сочиненія»—и тутъ же прибавляетъ, что С— въ дѣлать смъ.

50.000 рублей; «можно согласиться, — пишет Салтыков:— только чтобы немедленно же печатать съ капиталомъ за сочиненія поступить, какъ сказано въ завѣщаніи».

Послѣдній пунктъ даетъ возможность нѣсколько болѣе точно опредѣлить время составленія самихъ «предсмертныхъ желаній»: это могло быть не позже декабря 1888 года, когда переговоры между покойнымъ и другими новыми покупателями еще продолжались, и только въ февраль 1889 г. были окончательно прерваны, несмотря на то, что, какъ говорятъ, ему предлагали увеличить дѣлу до 60.000 рублей, но съ такими условіями, которыя онъ считалъ тяжелыми въ другихъ отношеніяхъ, такъ какъ дорожить болѣе литературными, чѣмъ финансовыми выгодами, а именно желалъ имѣть право издать его сочиненія съ такими сокращеніями, какія найдетъ издатель необходимыми. Это послѣднее обстоятельство и заставило, главнымъ образомъ, М. Е. Салтыкова взять на самого себя изданіе своихъ сочиненій, которое разошлось въ числѣ 6.500 экземпляровъ гораздо прежде, нежели успѣлъ завершить годъ послѣ кончины автора.

К. К. Арсеньевъ.

ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ.

I.—Семейный судъ.

Однажды бурмистръ изъ дальней вотчины, Антошъ Васильевъ, окончивъ барышъ Аришъ Петровишъ Головлевой докладъ о своей повъздкѣ въ Москву для сбора оброковъ съ проживающихъ по паспортамъ крестьянъ и уже получивъ отъ нея разрѣшеніе идти въ людскую, вдругъ какъ-то таинственно замаялъ на мѣстѣ, словно бы за нимъ было еще какое-то слово и дѣло, о которомъ онъ и рѣшался, и не рѣшался доложить.

Арина Петровна, которая насквозь понимала не только малѣйшія тѣлодвиженія, но и тайные помыслы своихъ приближенныхъ людей, немедленно обезпокоилась.

— Что еще?—спросила она, смотря на бургомистра въ упоръ.

— Все-съ, — попробоваль-было отвиливать Антошъ Васильевъ.

— Не ври, еще есть! По глазамъ вижу!

Антошъ Васильевъ, однакожь, не рѣшался отвѣтить и продолжалъ переступать съ ноги на ногу.

— Сказывай, какое еще дѣло за тобой есть? — рѣшительнымъ голосомъ прикрикнула на него Арина Петровна. — Говори! не вилай хвостомъ... сумъ переметная!

Арина Петровна любила давать прозвища людямъ, составившимъ ся администрациивый и домашній персоналъ. Антоша Васильева она прозвала переметной сумой не за то, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ когда-нибудь замѣченъ въ предательствѣ, а за то, что былъ слабъ на языкъ. Ишкіе, которымъ онъ управлялъ, имѣло своимъ центромъ значительное торговое село, въ которомъ было большое число трактировъ. Антошъ Васильевъ любилъ поить чайку въ трактирѣ, похвастаться всемогуществомъ своей барышни и во время этого хвастовства незамѣтнымъ образомъ про-

вирался. А такъ какъ у Арины Петровны постоянно были въ ходу различныя тяжбы, то частенько случалось, что болативость добреннаго человѣка выводила наружу барынины военныя хитрости прежде, нежели онѣ могли быть приведены въ исполненіе.

— Есть, дѣйствительно...— пробормотала, наконецъ, Антонъ Васильевичъ.

— Что? Что такое?— возволилась Арина Петровна.

Какъ женщина властная и притомъ въ сильной степени одаренная творчествомъ, она въ одну минуту нарисовала себѣ картину всевозможныхъ противорѣчій и противодѣйствій и сразу такъ усвоила себѣ эту мысль, что даже поблѣдилась и вскочила съ кресла.

— Стенанъ Владиміровичъ домъ-то въ Москвѣ продалъ...— доложили бургомистръ съ разстановкой.

— Ну?

— Продали-съ.

— Почему? Какъ? Не мнѣ, сказывай!

— За долги... такъ нужно полагать! Известно, за хорошія дѣла продавать не станутъ.

— Стало-быть, полиція продала? Судь?

— Стало-быть, что такъ. Сказываютъ, въ восемь тысячъ съ аукціона домъ-то пошелъ.

Арина Петровна грузно опустилась въ кресло и уставилась глазами въ окно. Въ верныя минуты извѣстіе это, по-видимому, огибло у нея сознаніе. Если-бъ ей сказали, что Стенанъ Владиміровичъ кого-нибудь убилъ, что головулевскіе мужики взбунтовались и отказываются идти на барыню, или что крѣпостное право рушилось—и тутъ она не была бы до такой степени поражена. Губы ея шевелились, глаза смотрѣли куда-то вдаль, но ничего не видѣли. Она не приѣхала даже, что въ это самое время дѣвчонка Дулянка ринулась-было съ разбѣга мимо окна, закрывая что-то передникомъ, и вдругъ, замѣдивъ барыню, на мгновеніе закружилась на одномъ мѣстѣ и тихимъ нагономъ повернула назадъ (въ другое время этотъ поступокъ вызвалъ бы цѣлое слѣдствіе): Наконецъ, она, однако, ошамитовалась и произнесла:

— Какова потѣха!

Послѣ чего опять послѣдовало нѣсколько минутъ прозого молчанія.

— Такъ ты говоришь, полиція за восемь тысячъ домъ-то продала?—переспросила она.

— Такъ точно.

— Это—родительское-то благословеніе!.. Хорошъ... мерзавецъ!

Арина Петровна чувствовала, что въ виду полученнаго извѣстія ей необходимо принять немедленное рѣшеніе, но ничего придумать не могла, потому что мысли ея путались въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны думалось: «Полиція продала! Вѣдь не въ одну же минуту она продала! Чай, опись была, оцѣнка, вызовы къ торгамъ? Прдала за восемь тысячъ, тогда какъ она за этотъ самый домъ, два года тому назадъ, собственными руками двѣнадцать тысячъ, какъ одну конейку, выложила! Кабы знать да видать, можно бы и самой за восемь-то тысячъ съ аукціона приобрести!» Съ другой стороны приходило на мысль и то: «Полиція за восемь тысячъ продала! Это—родительское-то благословеніе! Мерзавецъ! За восемь тысячъ родительское благословеніе спустился!»

— Отъ когъ слышала?—спросила, наконецъ, она, озабочательно остановившись на мысли, что домъ уже проданъ и что, слѣдовательно, надежда приобрести его за дешевую цѣну утрачена для нея навсегда.

— Иванъ Михайловъ, траггирицкъ, сказывать.

— А почему онъ въ-время меня не предупредилъ?

— Поопѣсился, стало-быть.

— Поопѣсился! Вотъ я ему покажу «поопѣсился»! Вызвать его изъ Москвы, и какъ зываетъ—сейчасъ же въ рекрутское присутствіе и лобъ забрить! «Поопѣсился»!

Хотя крѣпостное право было уже на исходѣ, но еще существовало. Не разъ случалось Антону Васильеву выслушивать отъ барыни самыя своеобразныя приказанія, но настоящее рѣшеніе было до того неожиданно, что даже и ему сдѣлалось не совсемъ ловко. Прозвище «сумѣ переметная» невольно ему при этомъ вспомнилось. Иванъ Михайловъ былъ мужикъ обстоятельный, о которомъ и въ голову не могло придти, чтобъ надъ нимъ могла стрястись какая-нибудь бѣда. Сверхъ того, это былъ его пріятель и кумъ—и вдругъ его въ солдаты, ради того только, что онъ, Антонъ Васильевъ, какъ сумѣ переметная, не сумѣлъ языкъ за зубами попридержать.

— Простите... Ивана-то Михайлыча!—заступился-было онъ.

— Стунай... потащикъ!—прикрикнула на него Арина

Петровна, по такимъ голосомъ, что онъ и не подумалъ упротестовать въ дальнѣйшей защитѣ Ивана Михайлова.

Но прежде нежели продолжать мой разсказъ, я попрошу читателя поближе познакомиться съ Ариной Петровной Головлевою и семейнымъ ея положеніемъ.

Арина Петровна—женщина лѣтъ шестидесяти, но еще бодрая и привыкшая жить на всей своей волѣ. Держить онъ себя грозно; единолично и безконтрольно управляетъ обширнымъ Головлевскимъ имѣніемъ, живетъ уединенно, расчетливо, почти скупо, съ сосѣдами дружбы не водить, мѣстнымъ властямъ доброхотствуетъ, а отъ дѣтей требуетъ, чтобъ они были въ такомъ у нея послушаніи, чтобы при каждомъ поступкѣ спрашивали себя: что-то объ этомъ маменька скажетъ? Вообще имѣетъ характеръ самостоятельный, непреклонный и отчасти строптивый, чему, впрочемъ, не мало способствуетъ и то, что во всемъ Головлевскомъ семействѣ нѣтъ ни одного человѣка, со стороны котораго она могла бы встрѣтить себѣ противодѣйствіе. Мужъ у нея—человѣкъ легкомысленный и пьянелый (Арина Петровна охотно говоритъ о себѣ, что она—ни вдова, ни мужнина жена); дѣти частью служатъ въ Петербургѣ, частью пошли въ отца и, въ качествѣ «носылыхъ», не допускаются ни до какихъ семейныхъ дѣлъ. При этихъ условіяхъ Арина Петровна рано почувствовала себя одинокою, такъ что, говоря по правдѣ, даже отъ семейной жизни совсѣмъ отвыкла, хотя слово «семья» не сходитъ съ ея языка, и, по наружности, всѣми ея дѣйствіями исключительно руководить непрестанная забота объ устройствѣ семейныхъ дѣлъ.

Глава семейства, Владиміръ Михайлычъ Головлевъ, еще смолоду былъ извѣстенъ своимъ безалабернымъ и озорнымъ характеромъ, и для Арины Петровны, всегда отличавшейся серьезностью и дѣловитостью, никогда ничего симпатичнаго не представлялъ. Онъ велъ жизнь праздную и бездѣльную, чаще всего запирался у себя въ кабинетъ, подражалъ ибнью скворцовъ, ибтуховъ и т. д. и занимался сочиненіемъ такъ-называемыхъ «вольныхъ стиховъ». Въ минуты откровенныхъ изліяній онъ хвастался тѣмъ, что былъ другомъ Баркова и что послѣдній, будто бы, даже благословилъ его на одрѣ смерти. Арина Петровна сразу не любила стиховъ своего мужа, называла ихъ наскудствомъ и палепочаньемъ, а такъ какъ Владиміръ Михай-

лечь собственно для того и женился, чтобы имѣть всегда подъ рукой слушателя для своихъ стиховъ, то понятно, что размовки не заставили долго ждать себя. Постепенно разрастаясь и ожесточаясь, размовки эти кончились со стороны жены полнымъ и презрительнымъ равнодушіемъ къ мужу-шуту, со стороны мужа — искреннею ненавистью къ женѣ, ненавистью, въ которую, однакожь, входила значительная доля трусости. Мужъ называлъ жену «вѣдьмою» и «чортомъ», жена называла мужа «вѣтряною мельницей» и «безструнной балаалайкой». Находясь въ такихъ отношеніяхъ, они пользовались совмѣстною жизнью въ продолженіе слишкомъ сорока лѣтъ, и никогда ни тому, ни другой не приходило въ голову, чтобы подобная жизнь заключала въ себѣ что-либо противостественное. Съ теченіемъ времени озорливость Владиміра Михайлыча не уменьшилась, но даже приобрѣла еще болѣе злостный характеръ. Независимо отъ стихотворныхъ упрямствъ въ Барковскомъ духѣ, онъ началъ поживать и охотно подкарауливалъ въ коридорѣ горничныхъ дѣвокъ. Сначала Арина Петровна отнеслась къ этому новому занятію своего мужа брезгливо и даже съ волненіемъ (въ которомъ, однакожь, больше играла роль привычка властности, нежели прямая ревность), но потомъ махнула рукой и наблюдала только за тѣмъ, чтобы дѣвки-поганки не носили барищу ерофенча. Съ тѣхъ поръ, сказавши себѣ разъ навсегда, что мужъ ея не товарищъ, она все вниманіе свое устремляла исключительно на одинъ предметъ: — на округленіе имѣнія, и дѣйствительно, въ теченіе сорокалѣтней супружеской жизни, успѣла удешевить свое состояніе. Съ изумительнымъ терпѣніемъ и зоркостью подкарауливала она дальнія и ближнія деревни, разузнавала по секрету объ отношеніяхъ ихъ владѣльцевъ къ есикунскому совету и всегда, какъ сѣтъ на голову, являлась на аукціонахъ. Въ круговоротѣ этой фантастической погони за благопріобрѣтеніемъ Владиміръ Михайлычъ все дальше и дальше уходилъ на задній планъ, а наконецъ и совсѣмъ одичалъ. Въ минуту, когда начинается этотъ расказъ, это былъ уже дряхлый старикъ, который почти не оставлялъ постели, а ежели изрѣдка и выходилъ изъ спальни, то единственно для того, чтобы просунуть голову въ полурасстворенную дверь женной комнаты, крикнуть: «чорт!» — и опять скрыться.

Немного болѣе счастлива была Арина Петровна и въ дѣтяхъ. У нея была слишкомъ независимая, такъ сказать,

холостая натура, чтобы она могла видѣть въ дѣтихъ что-нибудь, кромѣ лишней обуви. Она только тогда дышала свободно, когда была одна со своими счетами и хозяйственными предпріятіями, когда никто не мѣшалъ ей дѣловымъ разговорамъ съ бурмистрами, старостами, ключницами и т. д. Въ ея глазахъ дѣти были одною изъ тѣхъ фаталистическихъ жизненныхъ обстановокъ, противъ совокупности которыхъ она не считала себя въ правѣ протестовать, по которымъ, тѣмъ не менѣе, не затрагивали ни одной струны ея внутреннего существа, всецѣло отдававшегося безчисленнымъ подробностямъ жизнестроительства. Дѣтей было четверо: три сына и дочь. О старшемъ сынѣ и о дочери она даже говорить не любила; къ младшему сыну была болѣе или менѣе равнодушна и только среднего, Порфишу, не то чтобы любила, а словно побанвалась.

Степанъ Владимырьчъ, старшій сынъ, о которомъ преимущественно идетъ рѣчь въ настоящемъ разсказѣ, слылъ въ семействѣ подъ именемъ Степки-балбеса и Стенки-озорника. Онъ очень рано поналъ въ число «ностылыхъ» и съ дѣтскихъ лѣтъ игралъ въ домѣ роль не то парія, не то шута. Къ несчастью, это былъ даровитый малый, слишкомъ охотно и быстро воспринимавшій впечатлѣнія, которыя вырабатывала окружающая среда. Отъ отца онъ перенялъ неустойчивую проказливость, отъ матери—способность быстро угадывать слабыя стороны людей. Благодаря первому качеству, онъ скоро сдѣлался любимцемъ отца, что еще больше усилало нелюбовь къ нему матери. Часто, во время отлучекъ Арины Петровны по хозяйству, отецъ и подростокъ-сынъ удалялись въ кабинетъ, украшенный портретомъ Баркова, читали стихи вольнаго содержания и судачили, при чемъ въ особенности доставалось «вѣдьмѣ», т. е. Ариинѣ Петровнѣ. Но «вѣдьма» словно чужьей угадывала ихъ занятія; несмысленно подѣзжала она къ крыльцу, подходила на цыпочкахъ къ кабинетной двери и подслушивала веселыя рѣчи. Затѣмъ слѣдовало немедленное и жестокое избиеніе Степки-балбеса. Но Стенка не унимался; онъ былъ нечувствителенъ ни къ побоямъ, ни къ упріщаніямъ и черезъ полчаса опять принимался куралесить. То косынку у дѣвки Анютки изрѣжетъ въ куски, то сошкой Васютѣ мухъ въ ротъ папуститъ, то заберется на кухню и стянетъ тамъ пирогъ (Арина Петровна, изъ экономіи, держала дѣтей впроголодь), который, впрочемъ, тутъ же раздѣлитъ съ братьями.

— Убить тебя надо! — постоянно твердила ему Арина Петровна. — Убью и не отвѣчу! И царь меня не накажетъ за это!

Такое постоянное приниженіе, встрѣчая почву мягкую, легко забывающую, не прошло даромъ. Оно имѣло въ результатъ не озлобленіе, не протестъ, а образовало характеръ рабскій, невадливый до бѣдственности, не знающій чувства мѣры и лишенный всякой предусмотрительности. Такія личности охотно поддаются всякому влиянію и могутъ сдѣлаться чѣмъ угодно: пропойцами, попрошайками, шутами и даже преступниками.

Двадцати лѣтъ Стенантъ Головлевъ кончилъ курсъ въ одной изъ московскихъ гимназій и поступилъ въ университетъ. Но студенчество его было горькое. Во-первыхъ, мать давала ему денегъ ровно столько, сколько требовалось, чтобъ не пропасть съ голода; во-вторыхъ, въ немъ не оказывалось ни малѣйшаго позыва къ труду, а взамѣстъ того гнѣздилась проклятая талантливость, выражавшаяся преимущественно въ способности къ передразниванью; въ-третьихъ, онъ постоянно страдалъ потребностью общества и ни на минуту не могъ оставаться наединѣ съ самимъ собою. Поэтому онъ остановился на легкой роли приживальщика и *rique-assiète*'а и, благодаря своей податливости на всякую шутку, скоро сдѣлался фаворитомъ богатенькихъ студентовъ. Но богатенькіе, допуская его въ свою среду, все-таки разумѣли, что онъ имъ не пара, что онъ только шутъ, и въ этомъ именно смыслъ установилась его репутация. Ставши однажды на эту почву, онъ естественно тяготѣлъ все ниже и ниже, такъ что къ концу четвертаго курса вышутился окончательно. Тѣмъ не менѣе, благодаря способности быстро схватывать и запоминать слышанное, онъ выдержалъ экзаментъ съ успѣхомъ и получилъ степенъ кандидата.

Когда онъ явился къ матери съ дипломомъ, Арина Петровна только пожала плечами и промолвила: «дивнись!» Затѣмъ, продержавъ съ мѣсяць въ деревнѣ, отправила его въ Петербургъ, назначивъ на прожитое по сту рублей ассигнаціями въ мѣсяць. Начались скитанія по департаментамъ и канцеляріямъ. Протекціи у него не было, охоты пробить дорогу личнымъ трудомъ — никакой. Праздная мысль молодого человѣка до того отвыкла сосредоточиваться, что даже бюрократическія испытанія, въ родѣ докладныхъ записокъ и экстрактовъ изъ дѣлъ, оказывались для нея непосильными. Четыре года бился Головлевъ въ Петербургѣ

и, наконецъ, долженъ былъ сказать себѣ, что надежда устроиться когда-нибудь выше канцелярскаго чиновника для него не существуетъ. Въ отвѣтъ на его сътованія Арина Петровна написала грозное письмо, начинавшееся словами: «я зараньше въ семь была увѣрена» и кончавшееся приказаніемъ явиться въ Москву. Тамъ, въ совѣтѣ излюбленныхъ крестьянъ, было рѣшено: опредѣлить Стенку-балбеса въ надворный судъ, поручивъ его надзору подъячаго, который изстари ходатайствовалъ по Головлевымъ дѣламъ. Что дѣлать и какъ велѣть себя Стенанъ Владиміръчъ въ надворномъ судѣ—неизвѣстно, но черезъ три года его ужъ тамъ не было. Тогда Арина Петровна рѣшилась на крайнюю мѣру: она «выбросила сыну кусокъ», который, впрочемъ, въ то же время долженъ былъ изображать собою и «родительское благословеніе». Кусокъ этотъ состоялъ изъ дома въ Москвѣ, за который Арина Петровна заплатила двѣнадцать тысячъ рублей.

Въ первый разъ въ жизни Стенанъ Головлевъ вздохнулъ свободно. Домъ обѣщали давать тысячу рублей серебромъ дохода, и сравнительно съ прежнимъ эта сумма представлялась ему чѣмъ-то въ родѣ заправскаго благосостоянія. Онъ съ увлеченіемъ поцѣловалъ у маменьки ручку («то-то же, смотри у меня, балбесъ! не жди больше ничего!»—молвила при этомъ Арина Петровна) и обѣщали оправдать оказанную ему милость. Ну—увви!—онъ такъ мало привыкъ обращаться съ деньгами, такъ неумно понимать размѣры дѣйствительной жизни, что сказочной годовой тысячей рублей достало очень не надолго. Въ какія-нибудь четыре-пять лѣтъ онъ прогорѣлъ окончательно и былъ радъ-радѣхонекъ поступить, въ качествѣ замѣстителя, въ ополченіе, которое въ это время формировалось. Ополченіе, впрочемъ, дошло только до Харькова, какъ былъ заключенъ миръ, и Головлевъ опять вернулся въ Москву. Его домъ былъ уже въ это время проданъ. На немъ былъ ополченскій мундиръ, довольно, однакожъ, потертый, на ногахъ—сапоги на выпускъ и въ карманѣ—сто рублей денегъ. Съ этимъ капиталомъ онъ поднялся-было на спекуляцію, то-есть сталъ играть въ карты, и невдолгѣ проигралъ все. Тогда онъ принялся ходить по зажиточнымъ крестьянамъ матери, жившимъ въ Москвѣ своимъ хозяйствомъ; у кого обѣдалъ, у кого выпрашивалъ четверку табаку, у кого по мелочи занималъ. Но, наконецъ, наступила минута, когда онъ, такъ сказать, очутился лицомъ къ лицу съ глухой стѣной. Ему

было уже подь сорокъ, и онъ вынужденъ былъ сознаться, что дальнѣйшее бродячее существованіе для него не по силамъ. Оставался одинъ путь—въ Головлево.

Послѣ Степана Владиміровича, старшимъ членомъ Головлевскаго семейства была дочь, Анна Владиміровна, о которой Арина Петровна тоже не любила говорить.

Дѣло въ томъ, что на Аннушку Арина Петровна имѣла виды, а Аннушка не только не оправдала ея надеждъ, но вмѣсто того на весь уѣздъ учинила скандалъ. Когда дочь вышла изъ института, Арина Петровна поселила ее въ деревнѣ, въ чайникъ сдѣлать изъ нея дарового домашнего секретаря и бухгалтера, а вмѣсто того Аннушка, въ одну прекрасную ночь, бѣжала изъ Головлева съ корнетомъ Улановымъ и повѣчалась съ нимъ.

— Такъ, безъ родительскаго благословенія, какъ собаки, и повѣчалась!—сѣтовала по этому случаю Арина Петровна. Да хорошо еще, что кругомъ налей-то муженькъ обвелъ! Другой бы попользовался—да и былъ таковъ! Ницъ его потомъ да свинцъ!

И съ дочерью Арина Петровна поступила столь же рѣшительно, какъ и съ постылымъ сыномъ: взяла и «выбросила ей кусокъ». Она отдѣлила ей капиталъ въ пять тысячъ и деревнюшку въ тридцать душъ съ усадьбою, въ которой изъ всѣхъ оконъ дуло и не было ни одной живой половинны. Годъ черезъ два молодежь капиталъ прожили и корнетъ неизвѣстно куда бѣжалъ, оставивъ Анну Владиміровну съ двумя дочерьми-близнецами: Аннишкой и Любинькой. Затѣмъ и сама Анна Владиміровна, черезъ три мѣсяца, скончалась, и Арина Петровна волею-неволею должна была принять круглыхъ сиротъ у себя,—что она и исполнила, помѣстивъ малютку въ фангелъ и приставивъ къ нимъ кривую старуху Паланку.

— У Бога милостей много,—говорила она при этомъ:—сиротки хлѣба не Богъ знаетъ что съѣдятъ, а мнѣ на старости лѣтъ—утѣшеніе! Одну дочку Богъ взялъ—двухъ далъ!

И въ то же время писала къ сыну Порфирію Владиміровичу: «какъ жила твоя сестрица безвѣстно, такъ и умерла, покинуть мнѣ на шею своихъ двухъ щенковъ»...

Вообще, какъ ни циничнымъ можетъ показаться это замѣчаніе, по справедливости требуетъ сознаться, что оба эти случая, по поводу которыхъ произошло «выбрасываніе кусковъ», не только не произвели ущерба въ финансахъ Арины Петровны, но косвеннымъ образомъ даже способ-

и, наконецъ, долженъ былъ сказать себѣ, что надежда устроиться когда-нибудь выше канцелярскаго чиновника для него не существуетъ. Въ отвѣтъ на его свѣтованія Арина Петровна написала грозное письмо, начинавшееся словами: «я раньше въ семь была увѣрена» и кончавшееся приказаніемъ явиться въ Москву. Тамъ, въ совѣтѣ излюбленныхъ крестьянъ, было рѣшено: опредѣлить Стенку-балбеса въ надворный судъ, поручить его надзору подъячаго, который истари ходатайствовалъ по Головлевскимъ дѣламъ. Что дѣлалъ и какъ велъ себя Стенанъ Владиміръ въ надворномъ судѣ—неизвѣстно, но черезъ три года его ужъ тамъ не было. Тогда Арина Петровна рѣшилась на крайнюю мѣру: она «выбросила сыну кусокъ», который, впрочемъ, въ то же время долженъ былъ изображать собою и «родительское благословеніе». Кусокъ этотъ состоялъ изъ дома въ Москвѣ, за который Арина Петровна заплатила двѣнадцать тысячъ рублей.

Въ первый разъ въ жизни Стенанъ Головлевъ вздохнулъ свободно. Домъ обѣщалъ давать тысячу рублей серебромъ дохода, и сравнительно съ прежнимъ эта сумма представлялась ему тѣмъ-то въ родѣ заправскаго благосостоянія. Онъ съ увлеченіемъ поцѣловалъ у маменьки ручку («то-то же, смотри у меня, балбестъ! не жди больше ничего!»—говорила при этомъ Арина Петровна) и обѣщалъ оправдать оказанную ему милость. Ну—увъ!—онъ такъ мало привыкъ обращаться съ деньгами, такъ нелѣпо понималъ размѣры дѣйствительной жизни, что сказочной годовой тысячей рублей достало очень не надолго. Въ какія-нибудь четыре-пять лѣтъ онъ прогорѣлъ окончательно и былъ радъ-радѣхонекъ поступить, въ качествѣ замѣстителя, въ ополченіе, которое въ это время формировалось. Ополченіе, впрочемъ, дошло только до Харькова, какъ былъ заключенъ миръ, и Головлевъ опять вернулся въ Москву. Его домъ былъ уже въ это время проданъ. На немъ былъ ополченскій мундиръ, довольно, однакожь, потертый, на ногахъ—сапоги на вынискъ и въ карманѣ—сто рублей денегъ. Съ этимъ капиталомъ онъ поднялся—было на спекуляцію, то-есть сталъ играть въ карты, и невдолгѣ проигралъ все. Тогда онъ принялся ходить по зажиточнымъ крестьянамъ матери, жившимъ въ Москвѣ своимъ хозяйствомъ; у кого обѣдалъ, у кого выпрашивалъ четверку табаку, у кого по мелочи занималъ. Но, наконецъ, наступила минута, когда онъ, такъ сказать, очутился лицомъ къ лицу съ глухой стѣной. Ему

было уже подь сорокъ, и онъ вынужденъ былъ сознаться, что дальнѣйшее бродячее существованіе для него не по силамъ. Оставался одинъ путь—въ Головлево.

Послѣ Степана Владимірыча, стариннѣмъ членомъ Головлеваго семейства была дочь, Аниа Владиміровна, о которой Арина Петровна тоже не любила говорить.

Дѣло въ томъ, что на Аннушку Арина Петровна имѣла виды, а Аннушка не только не оправдала ея надежды, но вмѣсто того на весь уѣздъ учинила скандалъ. Когда дочь вышла изъ института, Арина Петровна поселила ее въ деревнѣ, въ чаяннѣ сдѣлать изъ нея дарового домашняго секретаря и бухгалтера, а вмѣсто того Аннушка, въ одну прекрасную почъ, бѣжала изъ Головлева съ корнетомъ Улановымъ и повѣчалась съ нимъ.

— Такъ, безъ родительскаго благословенія, какъ собаки, и повѣчалась!—сѣтовала по этому случаю Арина Петровна.— Да хорошо еще, что кругомъ малая-то муженѣкъ обвелъ! Другой бы попользовался—да и былъ таковъ! Ницъ его потомъ да свищи!

И съ дочерью Арина Петровна поступила столь же рѣшительно, какъ и съ посылнымъ сыномъ: взяла и «выбросила ей кусокъ». Она отдѣлила ей капиталъ въ пять тысячъ и деревнюшку въ тридцать душъ съ уналою усадьбой, въ которой изъ всѣхъ оконъ дуло и не было ни одной живой половини. Года черезъ два молодые капиталъ прожили и вернегъ неизвѣстно куда бѣжали, оставивъ Анну Владиміровну съ двумя дочерьми-близнецами: Аннишкой и Любичкой. Затѣмъ и сама Аниа Владиміровна, черезъ три мѣсяца, скончалась, и Арина Петровна волей-неволей должна была пріютить круглыхъ сиротъ у себя,—что она и исполнила, помѣстивъ малютки во флигель и приставивъ къ нимъ кривую старуху Палашку.

— У Бога милостей много,—говорила она при этомъ:—сироты хлѣба не Богъ знаетъ что съѣдятъ, а мнѣ на старости лѣтъ—утѣшеніе! Одну дочку Богъ взялъ—двухъ далъ!

И въ то же время писала къ сыну Порфирию Владимірычу: «какъ жила твоя сестрица безвѣстно, такъ и умерла, покинувъ мнѣ на шею своихъ двухъ щенковъ»...

Вообще, какъ ни циничнымъ можетъ показаться это замѣчаніе, но справедливость требуетъ сознаться, что оба эти случая, по поводу которыхъ произошло «выбрасываніе кусковъ», не только не произвели ущерба въ финансахъ Арины Петровны, но косвеннымъ образомъ даже способ-

ствоваши округленію Головлевскаго имѣнія, сокращая число майщиковъ въ немъ. Ибо Арина Петровна была женщина строгихъ правилъ и, разѣ «выбросивши кусокъ», уже считала поконченными все обязанности относительно посылныхъ дѣтей. Даже при мысли о сиротахъ-внукахъ ей никогда не представлялось, что со временемъ придется что-нибудь удѣлать имъ. Она старалась только какъ можно больше выжать изъ маленькаго имѣнія, отдѣленнаго покойной Аниѣ Владиміровнѣ, и откладывать выжатое въ олекунскій сѣвѣтъ, при чемъ говорила:

— Вотъ и для сиротъ денежки прикалываю, а что онѣ прокормленіемъ да уходомъ стоятъ—ничего ужъ съ нихъ не беру! За мою хлѣбъ-соль, видно, Богъ мнѣ заплатитъ!

Наконецъ, младшія дѣти, Порфирій и Навель Владимірычи, находились на службѣ въ Петербургѣ: первый—по гражданской части, второй—по военной. Порфирій былъ женатъ. Навель холостой.

Порфирій Владимірычъ извѣстенъ былъ въ семействѣ подѣ тремя именами: Гудушки, кровинушки и откровеннаго мальчика, каковыя прозвища еще въ дѣтствѣ были ему даны Степкой-балабесомъ. Съ младенческихъ лѣтъ любилъ онъ приластаться къ милому другу маминкѣ, украдкой поцѣловать ее въ щечку, а иногда и слегка полаушничать. Нелюбозвучно створить, бывало, дверь маминкиной комнаты, нелюбозвучно прокрадется въ уголокъ, сядетъ и, словно очарованный, не сводитъ глазъ съ маминки, покада она шинеть или возится со счетами. Но Арина Петровна уже и тогда съ какою-то подозрительностью относилась къ этимъ сыновинѣмъ занскиваньямъ. И тогда этотъ пристально устремленный на нее взглядъ казался ей загадочнымъ, и тогда она не могла опредѣлить себѣ, что именно онъ источникъ изъ себя: ядъ или сыновнюю почтительность.

— И сама понять не могу, что у него за глаза такіе,— разсуждала она иногда сама съ собою:— взглянуть — ну, словно вотъ петлю закидываетъ. Такъ вотъ и ползываетъ ядомъ, такъ и подманываетъ!

И припомнились ей при этомъ многозначительная подробность того времени, когда она еще была «тяжела» Порфиріемъ. Жилъ у нихъ тогда въ домѣ пѣкоторый благочестивый и прозорливый старикъ, котораго называли Порфиріемъ-блаженнымъ и къ которому она всегда обращалась, когда желала что-либо провидѣть въ будущемъ. И вотъ этотъ-то самый старецъ, когда она спросила его, скоро ли

послѣдуютъ роды и кого-то Богъ дастъ ей, сына или дочь—ничего прямо ей не отвѣтилъ, но три раза прокричалъ шбухохъ и велѣлъ затѣмъ пробормотать:

— Шбухохъ, шбухохъ, восгѣрь поготокъ! Шбухъ кричить, пасѣдкѣ грозить; пасѣдка — кудахъ-тахъ-тахъ, да поздно будетъ!

И только. Но черезъ три дня (вотъ оно — три раза-то прокричалъ) она родила сына (вотъ оно шбухохъ-шбухохъ!), котораго и назвали Порфиріемъ, въ честь старца-пророчда...

Первая словенна пророчества исполнилась; но что могли означать таинственные слова «пасѣдка — кудахъ-тахъ-тахъ, да поздно будетъ?»—вотъ объ этомъ-то и задумывалась Арина Петровна, взглядывая изъ-подъ руки на Порфишу, покуда тотъ сидѣлъ въ своей углу и смотрѣлъ на нее своимъ загадочнымъ взглядомъ.

А Порфиша продолжать себѣ сидѣть крѣтко и безшумно и все смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ до того пристально, что широко раскрытые и неподвижные глаза его подергивались слезою. Онъ какъ бы провидѣлъ сомнѣнія, невеличкія въ душѣ матери, и велъ себя съ такимъ расчетомъ, что самая придирчивая подозрительность—и ты должна признать себя безоружною передъ его кротостью. Даже рискуя надобѣть матери, онъ постоянно вертѣлся у нея на глазахъ, словно говорилъ: «смотри на меня! и ничего не утаиваю! я весь послушность и преданность, и при томъ послушность не только за страхъ, но и за совѣсть». И какъ ни сильно говорила въ ней увѣренность, что Порфишка-подлецъ только хвостомъ лебезить, а глазами все-таки петлю накидываетъ, но въ виду такой беззащитности и ея сердце не выдерживало. И невольна рука ея искала лучшаго куска на блюдѣ, чтобъ передать его ласковому сыну, несмотря на то, что одинъ видъ этого сына поднималъ въ ея сердцѣ смутную тревогу чего-то загадочнаго, недобраго.

Совершенною противоположностью съ Порфиріемъ Владиміричемъ представлялъ братъ его, Павелъ Владиміричъ. Это было полнѣйшее олицетвореніе человѣка, лишенаго какихъ бы то ни было поступковъ. Еще мальчикомъ онъ не выказывалъ ни малѣйшей склонности ни къ ученью, ни къ играмъ, ни къ общительности, не любилъ жить особенно, въ отчужденіи отъ людей. Забылся, бывало, въ уголь, надуется и начнетъ фантазировать. Представляется ему, что онъ толкни нался, что отъ этого поти у него

топенькия, и онъ не учится. Или—что онъ не Павелъ-дворянскій сынъ, а Давыдка-пастухъ, что на лбу у него выросла борода, какъ у Давыдки, что онъ арашиникомъ щелкаетъ, и не учится. Поглядить-поглядить, бывало, на него Арна Петровна и такъ и раскипятится ея материнское сердце.

— Ты что, какъ мышь на круну, надулся!—не утерпять, прикрикнетъ она на него:—или ужъ съ этихъ поръ въ тебѣ ядъ-то дѣйствуетъ! Идти того, чтобы къ матери подойти: маменька, молю, приласкайте меня, душенька!

Павлуша покидалъ свой уголокъ и медленными шагами, словно его въ спину толкали, приближался къ матери.

— Маменька, молю,—повторялъ онъ какимъ-то неестественнымъ для ребенка басомъ:—приласкайте меня, душенька!

— Пошелъ съ моихъ глазъ... тихоня! Ты думаешь, что забьешься въ уголь, такъ я и не понимаю—пасъвозъ тебя понимаю, голубчикъ! Всѣ твои плапы-проекты какъ на ладоши вижу!

И Павелъ тѣмъ же медленнымъ шагомъ отправлялся назадъ и забивался опять въ свой уголь.

Шли годы, и изъ Павла Владимірыча постепенно образовывалась та аматичная и загадочно-угрюмая личность, изъ которой, въ конечномъ результатѣ, получается человѣкъ, лишенный поступковъ. Можетъ-быть, онъ былъ добръ, но никому добра не сдѣлалъ; можетъ-быть, былъ и неслучъ, но во всю жизнь ни одного умнаго поступка не совершилъ. Онъ былъ гостепріименъ, но никто не льстился на него гостепріимство; онъ охотно тратилъ деньги, но ни полезнаго, ни пріятнаго результата отъ этихъ тратъ ни для кого никогда не происходило; онъ никого никогда не обидѣлъ, но никто этого не вѣдѣвалъ ему въ достоинство; онъ былъ честенъ, но не слышали, чтобы кто-нибудь сказалъ: «какъ честно поступилъ въ такомъ-то случаѣ Павелъ Гололовъ!» Въ довершеніе всего, онъ нередко огрызался противъ матери и въ то же время боялся ея, какъ огня. Повторяю: это былъ человѣкъ угрюмый, но за его угрюмостью скрывалось отсутствіе поступковъ—и ничего больше.

Въ зрѣломъ возрастѣ различіе характеровъ обоихъ братьевъ всего рѣче высказалось въ ихъ отношеніяхъ къ матери. Иудушку каждую педѣлю аккуратно слать къ маменькѣ обширное посланіе, въ которомъ пространно увѣдомлялъ ее о всѣхъ подробностяхъ петербургской жизни

и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ увѣрилъ въ бескорыстной сыновней преданности. Павелъ писалъ рѣдко и кратко, а иногда даже загадочно, словно клещами вытаскивалъ изъ себя каждое слово. «Деньги столько-то и на такой-то срокъ, безцѣнный другъ маменька, отъ довѣреннаго нашего, крестьянина Ерощева, получилъ, — увѣдомлялъ, напимѣрь, Порфирій Владимірычъ: — а за посылку оныхъ, для употребленія на мое содержаніе, согласно вашему, милая маменька, соизволенію, приношу чувствительнѣйшую благодарность и съ величѣйшою сыновнею преданностью цѣлую ваши ручки. Объ одномъ только грущу и сомнѣиємъ мучусь: не слишкомъ ли утруждаете вы драгоценное ваше здоровье непрерывными заботами объ удовлетвореніи не только пуждъ, но и прихотей нашихъ? Не знаю, какъ братъ, а я... и т. д. А Павелъ по тому же поводу выражался. «Деньги столько-то на такой-то срокъ, дражайшая родительница, получилъ, и, по моему расчету, слѣдуетъ мнѣ еще шесть съ половиной дополчить, въ чемъ и прошу васъ меня почтеннѣйше извинить». Когда Арина Петровна посылала дѣтямъ выговоры за мотовство (это случалось нерѣдко, хотя серьезныхъ поводовъ и не было), то Порфиріи всегда съ смиреніемъ покорялся этимъ замѣчаніямъ и писалъ: «Знаю, милый дружокъ маменька, что вы несете непосильныя тяготы ради насъ, недостойныхъ дѣтей вашихъ; знаю, что мы очень часто своимъ поведеніемъ не оправдываемъ вашихъ материнскихъ объ насъ попеченій, и, что всего хуже, по свойственному человѣкамъ заблужденію, даже забываемъ о семъ, въ чемъ и приношу вамъ искреннее сыновнее извиненіе, надѣясь со временемъ отъ порока сего избавиться, и быть, въ употребленіи присылаемыхъ вамъ, безцѣнный другъ маменька, на содержаніе и прочіе расходы денегъ, осмотрительнымъ». А Павелъ отвѣчалъ такъ: «Дражайшая родительница! хотя вы долговъ за меня еще не платили, но выговоры въ названіи меня востомъ безпрепятственно принимаю, въ чемъ и прошу чувствительнѣйше принять увѣреніе». Даже на письмо Арины Петровны съ извѣщеніемъ о смерти сестрицы Анны Владиміровны оба брата отзывались различно. Порфирій Владимірычъ писалъ: «Извѣстіе о кончинѣ любезной сестрицы и доброй подруги дѣтства Анны Владиміровны поразило мое сердце скорбію, каковая скорбь еще болѣе усилится при мысли, что вамъ, милый другъ маменька, посылается еще новый крестъ, въ лицѣ двухъ

сиротъ-малятокъ. Ужели еще не достаточно, что вы, общая наша благодѣтельница, во всемъ собѣ отказываете и, не забота своего здоровья, всѣ силы къ тому направляете дабы обезпечить свое семейство не только нужнымъ, но излишнимъ? Право, хоть и грѣшно, но иногда невольно поронишь. И единственное, по моему мнѣнію, для васъ, родная моя, въ настоящемъ случаѣ убожище—это сколько можно чаще принимать, что вытерпѣвъ Самъ Христосъ». Навель же писала: «Извѣстіе о кончинѣ сестры, погубившей жертвою, получила. Впрочемъ, надѣюсь, что Всемилостивій устроитъ ее въ Своихъ снѣгахъ, хотя сіе и неизвѣстно».

Перечитывала Арина Петровна эти письма сыновей и все старалась угадать, который изъ нихъ ей злодѣемъ будетъ. Прочтешь письмо Порфирія Владимірыча, и кажется, что вотъ онъ-то и есть самый злодѣй.

— Ишь вѣдь какъ пишеть! ишь какъ языкомъ-то вертитъ!—воскликнула она.—Не даромъ Стенка-балбесъ Тудушкой его прозвать! Ни одного-то вѣдь слова вѣрнаго пѣтъ! Все-то онъ лжеть: и «милый дружокъ мамонька», и про тягости-то мои, и про крестъ-то мой... ничего онъ этого не чувствуетъ!

Потомъ приметя за письмо Павла Владимірыча, и опять чудится, что вотъ онъ-то и есть будущій злодѣй.

— Глупъ-глупъ, а смотри, какъ исподтишка мать козыряеть! «Въ чемъ и прошу чувствительнѣйше принять увѣреніе...» Милостя просимъ! Вотъ я тебѣ покажу, что значитъ «чувствительнѣйше принимать увѣреніе!» Выброшу тебѣ кусокъ, какъ Стенкѣ-балбесу—вотъ ты и узнаешь тогда, какъ я понимаю твои «увѣренія»!

И въ заключеніе изъ ся материнской груди выпривался констиянъ трагической вопль:

— И для кого я всю эту прорву конлю! Для кого я припасамъ! Ночей не досыпаю, куска не дождаю... Для кого?! Таково было семейное положеніе Головлевыхъ въ ту минуту, когда бурмистръ Антонъ Васильевъ доложилъ Аринѣ Петровнѣ о промотаніи Стенкой-балбесомъ «выброшеннаго куска», который, въ виду дешевой его продажи, получалъ уже сугубое значеніе «родительскаго благословенія».

Арина Петровна сидѣла въ спальной и не могла придти въ себя. Что-то такое шевелялось у нея внутри, въ чемъ она не могла отдать себѣ яснаго отчета. Участвовала ли тутъ какимъ-то чудомъ явившаяся жалость къ посыльному,

тонен
ряней
росла
касть
Арин
серд

при
идъ

мам

И

сло

сва

ше

зас

по

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

за

но все-таки сыну, или говорило одно такое чувство оскорбленного самовластия—этого не могъ бы опредѣлить самый опытный психологъ; до такой степени перенутывались и быстро смѣнялись въ ней всё чувства и ощущенія. Наконецъ, изъ общей массы накопившихся представленій дѣлать другихъ видѣлось опасеніе, что «нестылый» опять сядетъ ей на шею.

«Анютка щенковъ своихъ паязала, да вотъ еще балбесъ»...—разсчитывала она мысленно.

Долго просидѣла она такимъ образомъ, не молвивъ ни слова и смотря въ окно въ одну точку. Принесли обѣдъ, до котораго она почти не коснулась; пришли сказать: «барину водки пожалуйте!»—она, не глядя, повернула ключъ отъ кладовой. Послѣ обѣда она ушла въ образную, велѣла засвѣтить всё лампадки и затворилась, предварительно заставъ истонить баню. Все это были признаки, которые несомнѣнно доказывали, что барыня «грибвается», и потому въ домъ все вдругъ смолкло, словно умерло. Горничныя ходили на цыпочкахъ; ключница Акулина совалась, какъ помѣшанная: назначено было послѣ обѣда варенье варить, и вотъ пришло время, ягоды вымыты, готовы, а отъ барыни ни приказа, ни отказа нѣтъ; садовникъ Матвѣй пришелъ—было съ вопросомъ, не пора ли персики обирать, но въ дѣвичьей такъ на него цыкнули, что онъ немедленно отрегировался.

Помолвившись Богу и вымывшись въ банькѣ, Арина Петровна почувствовала себя нѣсколько умиротворенною и вновь потребовала Антона Васильева къ отвѣту.

- Ну, а что же балбесъ дѣлаетъ?—спросила она.
- Москва велика—и въ годъ ее всю не исходить!
- Да вѣдь, чай, пить-ѣсть надо?
- Около своихъ мужичковъ прокармливаются. У кого пообѣдаютъ, у кого на табакъ гривенничекъ выростятъ.
- А кто позволять давать?
- Пожалуйте, сударыня! Мужички развѣ обижаются! Чужимъ немущимъ подаютъ, а ужъ своимъ господамъ отказать!
- Вотъ я имъ ужъ... подавальщикамъ! Соплю балбеса въ тебѣ въ встачину и содержите его всѣмъ обществомъ на свой счетъ!
- Вся ваша власть, сударыня.
- Что? что ты такое сказалъ?

✓ Вся, моль, вава власть, сударыня. Прикажете, такъ и прокормимъ!

— То-то... прокормимъ! Ты у меня говори, да не заговаривайся!

Молчаніе. На Антонъ Васильевъ не даромъ получить отъ барыни прозвище переметной сумы. Онъ не вытерпѣлъ и вновь начинать толкаться на мѣстѣ, споря желаніемъ что-то доложить.

— Да еще какой прокураты!—наконецъ, прозносится онъ:—сказываютъ, какъ изъ похода-то воротился, сто рублей денегъ съ собой принесъ. Не велики денъги сто рублей, а и на нихъ бы сколько-нибудь прожить можно...

— Ну?

— Поправиться, вишь, полагать, въ аферу пустился...

— Говори, по миш!

— Въ немецкое, чу, собраніе свезъ. Думалъ дурака найти, въ карты обыграть, анъ, замѣсто того, самъ на умнаго попался. Онъ-было и на-утекъ, да въ прихожей, сказываютъ, задержали. Что было денегъ—все обрала!

— Чай, и бекамъ досталось?

— Было всего. На другой день приходитъ къ Ивану Михайлычу, да самъ же и рассказываетъ. И даже удивительно это: смѣется... веселый, словно бы его по головкѣ погладили!

— Ништо ему! Лишь бы ко мнѣ на глаза не показывался!

— А надо полагать, что такъ будетъ.

— Что ты! да я его на порогъ къ себѣ не пушчу!

— Не иначе, что такъ будетъ!—повторяетъ Антонъ Васильевъ. И Иванъ Михайлычъ сказывалъ, что онъ проговорился: «шабашъ, говоритъ, пойду къ старухѣ хлѣбъ въ сухомятку феть!» Да ему, сударыня, коли по правдѣ сказать, и дѣваться-то, окромя здѣшняго мѣста, некуда. По своимъ мужичкамъ долго въ Москвѣ не находится. Одежа тоже нужна, спокой...

Вотъ этого-то именно и боялась Арина Петровна; это-то именно и составляло суть того неяснаго представленія, которое безсознательно тревожило ее. «Да, онъ явится, ему некуда больше идти—этого не миновать! Онъ будетъ здѣсь, вѣчно у нея на глазахъ, клятой, постылый, забытый! Для чего же она выдворила ему въ то время «кусочекъ»? Она думала, что, получивши «что слѣдуетъ», онъ кануль въ вѣчность—анъ онъ возрождается! Онъ придетъ, будетъ

требовать, будетъ всёма моголить глаза своимъ нищенскимъ видомъ. И надо будетъ удовлетворять его требованіямъ, потому что онъ—человѣкъ наглый, готовый на всякое буйство. «Его» не спрячешь подъ замкъ; «онъ» способенъ и при чужихъ явиться въ отребъ, способенъ произвести добошь, бѣжать къ сестрамъ и рассказать имъ вся сокровенная Головлевскихъ дѣлъ. Созвать его развѣ въ Суздаль-монастырь? Но кто-жь его знаетъ, полно, есть ли еще этотъ Суздаль-монастырь, и въ самомъ ли дѣлѣ онъ для того существуетъ, чтобъ освободить огорченныхъ родителей отъ лицемерія строгивыхъ дѣтей? Сказываютъ еще, что смиренный домъ есть... Да вѣдь смиренный домъ—ну, какъ ты его туда, экого сорокалѣтняго жеребца, приведешь?» Однимъ словомъ, Арина Петровна совсѣмъ растерялась при одной мысли о тѣхъ невгодахъ, которыя грозятъ избудоражить ея мирное существованіе съ приходомъ Стенки-балбеса.

— И его къ тебѣ въ вотчину пришло! Корми на свой счетъ!—пригрозила она буряистру:—но на вотчинный счетъ, а на собственный свой!

— За чтѣ такъ, сударыня?

— А за то, что не каркай! Кра-кра! «Не иначе, что такъ будетъ»... Помель съ моихъ глазъ долой... ворона!

Антонъ Васильевъ повернуть-было шатъво кругомъ, но Арина Петровна вновь остановила его.

— Стой! погоди! Такъ это вѣрно, что онъ въ Головлево лыжи наострилъ?—спросила она.

— Стану ли я, сударыня, агаты! Вѣрно говорилъ: «къ старухѣ пойду хлѣбъ въ сухомытку ѣсть!»

— Вотъ я ему покажу ужѣ, какой для него у старухи хлѣбъ припасенъ!

— Да чтѣ, сударыня, не долго онъ у васъ наживетъ!

— А чтѣ такое?

— Да кашляетъ очень сильно... за лѣвую грудь все хватается... Не заживется!

— Этако-то, любезный, еще долго жить! И насъ всёхъ переживетъ! Кашляетъ да кашляетъ—чтѣ ему, жеребцу долговязому, дѣлается! Ну, да тамъ посмотримъ. Ступай теперь! Мнѣ нужно распоряженіе сдѣлать.

Весь вечеръ Арина Петровна думала и наконецъ-таки подумала: созвать семейный совѣтъ для рѣшенія балбесовой участи. Подобныя конституціонныя замашки не были въ оя нравахъ, но на этотъ разъ она рѣшилась отступить

отъ преданій самовластия, дабы рѣшеніемъ всей семьи оградить себя отъ нареканій добрыхъ людей. Въ исходѣ предстоящаго совѣщанія она, впрочемъ, не сомнѣвалась, и потому съ легкимъ духомъ сѣла за письма, которыми предписывалось Порфирію и Павлу Владимірычамъ немедленно прибыть въ Головлево.

Покуда все это происходило, виновникъ кутерьмы, Степка-балбестъ, ужъ подвигался изъ Москвы по направленію къ Головлеву. Онь сѣлъ въ Москвѣ, у Рогожской, въ одинъ изъ такъ-называемыхъ «делсжановъ», въ которыхъ, въ былое время, ѣзжали, да и теперь еще кое-гдѣ ѣздятъ, мелкие купцы и торгующіе крестьяне, направляясь въ свое мѣсто въ побывку. «Делсжанъ» ѣхалъ по направленію къ Владиміру, и тотъ же сердобольный трактирщикъ Иванъ Михайлычъ везъ на свой счетъ Степана Владимірыча, взявши для него мѣсто и уплачивая за его харчи въ продолженіе всей дороги.

— Такъ ужъ вы, Степанъ Владимірычъ, такъ и сдѣлайте: на поворотѣ слѣзьте, да пѣшкомъ, какъ есть въ костюмѣ—такъ и отъявитесь къ маменькѣ!—условливался съ нимъ Иванъ Михайлычъ.

— Такъ, такъ, такъ!—подтверждалъ и Степанъ Владимірычъ.—Много ли отъ повороты—пятнадцать верстъ пѣшкомъ пройти! Многомъ отхватаю! Въ пыли, въ навозѣ—такъ и явлюсь!

— Увидитъ маменька въ костюмѣ-то—можетъ, и пожалѣетъ!

— Пожалѣетъ! Какъ не пожалѣетъ! Мать—вѣдь она старуха добрая!

Степану Головлеву лѣтъ еще сорока лѣтъ, но по наружности ему никакъ нельзя дать меньше пятидесяти. Жизнь до такой степени истренила его, что не оставила на немъ никакого признака дворянскаго сына, ни малѣйшаго слѣда того, что и онъ былъ когда-то въ университетъ и что и къ нему тоже было обращено воспитательное слово науки. Это—чрезмѣрно длинный, печесанный, почти немый мальиш, худой отъ недостатка питанія, съ впалой грудью, съ длинными, загребистыми руками. Лицо у него распухшее, волосы на головѣ и бородѣ растрепанные, съ сильною просѣдью, голосъ громкій, но слабый, простуженный, глаза на выкатѣ и воспаленные, частью отъ непомѣрнаго употребленія водки, частью отъ постоянного нахождения на

вбзру. На немъ ветхая и совершенно затасканная сѣрая ополченка, галуны съ которой содраны и проданы на выжигу; на ногахъ—стопащныя, порожьные и заплатаемые сапоги на-выпускъ; изъ-за распахнутой ополченки виднѣется рубашка, почти черная, словно вымазанная сажей,—рубашка, которую онъ съ истинно-ополченскимъ цинизмомъ самъ называетъ «блонницею». Смотритъ онъ исподлобья, угрюмо, но эта угрюмость не выражаетъ внутренняго недовольства, а есть слѣдствіе какого-то смутнаго беспокойства, что вотъ-вотъ еще минута, и онъ, какъ червякъ, подохнетъ съ голоду.

Говоритъ онъ безъ умолку, безъ связи, перескакивая съ одного предмета на другой; говоритъ и тогда, когда Иванъ Михайлычъ слушаетъ его, и тогда, когда послѣдній засыпаетъ подъ музыку его поера. Ему ужасно неловко сидѣть. Въ «делезангѣ» помѣстилось четыре человѣка, а потому приходится сидѣть, скрючивши ноги, что уже на протяжении трехъ-четырехъ верстѣ производитъ невыносимую боль въ колѣнкахъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на боль, онъ постоянно говоритъ. Облака пыли врываются въ боковыя отверстія повозки; но временамъ заползаютъ туда косые лучи солнца, и вдругъ, словно полыемъ, обожгутъ всю внутренность «делезана», а онъ все говоритъ.

— Да, братъ, тянулъ-таки я на своемъ вѣку гору,—разсказываетъ онъ:—нора и на боковую! Но объѣмъ же вѣдь я ее, а куска-то хлѣба, чай, какъ не набѣтисы! Ты какъ, Иванъ Михайлычъ, объ этомъ думаешь?

— У маменьки вашей много кусковъ!

— Только не про меня—такъ, что ли, ты хочешь сказать? Да, дружище, деньжищъ у нея—цѣлая прорва, а для меня питака мѣднаго жалы! И вѣдь всегда-то она меня, вѣдьма, ненавидѣла! За что? Ну, да теперь, братъ, шалишь, съ меня взятки-то гладки, я и за горю возьму! Выгнать меня вадумаешь—не пойду! Бѣтъ не дасть—самъ возьму! И, братъ, отчеству послужилъ—теперь мнѣ всякій помѣчь обязанъ! Одного боюсь: табаку не будетъ давать—скверности!

— Да, ужъ съ табачкомъ, видно, проститься придется!

— Такъ я бурмистра за бока! Можетъ, лысый чертъ и подаритъ барину!

— Подаритъ отчего не подаритъ! А ну, какъ она, маменька-то ваша, и бурмистру запретитъ?

— Ну, тогда я ужъ—совсѣмъ мать; только одна роскошь

начинает подкрадываться къ кунцу рукой, чтобы привести своей планѣ въ исполненіе, но на половинѣ пути что-то припоминаетъ и останавливается.

— Нѣтъ, полно проказничать — баста! Сните, други, и почивайте! А я покуда... и куда это онъ полштофъ засунулъ? Ва! вотъ онъ, голубчикъ! Полѣзай, полѣзай сюда! Спа-си, Го-о-споди, люди Твоя!—запѣваетъ онъ въ полголоса, вынимая посудину изъ холщевой сумки, прикрѣпленной сбоку кибитки и прикладывая ко рту горлышко.—Ну, вотъ, теперь ладно! тепло сдѣлалось! Или еще? Нѣтъ, ладно... до станціи-то версты двадцать еще будетъ, уснѣю натенькаться... Или еще? Ахъ, прахъ ее побери, эту водку! Увидишь полштофъ—такъ и подманиваетъ! Нитъ скверно, да и не пить нельзя—потому сна нѣтъ! Хотя бы она, чортъ ее возьми, сморила меня!

Будькнувъ еще нѣсколько глотковъ изъ горлышка, онъ засовываетъ полштофъ на прежнее мѣсто и начинаетъ пивать трубку.

— Важно, — говорить онъ: — сперва выпили, а теперь трубочки покуримъ! Не дастъ, вѣдьма, мнѣ табаку, не дастъ—это онъ вѣрно сказалъ. Беть-то дастъ ли? Обѣдки, чай, какіе-нибудь со стола послыпать будетъ! Эхма! были и у насъ денежки—и нѣтъ ихъ! Выль-человѣкъ—и нѣтъ его! Такъ-то вотъ и все на семь свѣтъ: сегодня ты и сытъ, и пьянъ, живешь въ свое удовольствіе, трубочку покуриваешь...

А завтра—гдѣ ты, человѣкъ?

Однако, надо бы и закусить что-нибудь. Пьешь-пьешь, словно бочка съ изьяномъ, а закусить путемъ не закусишь. А доктора сказываютъ, что питье тогда на пользу, когда при немъ и закуска благотворная есть, какъ говорилъ преосвященный Смарагда, когда мы черезъ Обоянь проходили. Черезъ Обоянь ли? А чортъ его знаетъ, можетъ и черезъ Кромь! Не въ томъ, впрочемъ, дѣло, а какъ бы закуски теперь добыть. Помнится, что онъ въ мѣшочекъ колбасу и три французскихъ хлѣба положилъ! Небось, икорки пожалѣлъ кунитъ! Ишь вѣдь какъ спитъ, какія нѣсни носомъ выводитъ! Чай, и провинцію-то подъ себя сбросилъ!

Онъ шаритъ кругомъ себя и ничего не пашириваетъ.

— Иванъ Михайлычъ! А, Иванъ Михайлычъ!—окликаетъ онъ.

Иванъ Михайлычъ просынается и съ минуты словно по

понимаетъ, какимъ образомъ онъ очутился vis-à-vis съ баринкомъ.

— А меня только что было сонъ заводить началъ!—наконецъ говорить онъ.

— Ничего, другъ, спи! Я только спросить, гдѣ у насъ тутъ мѣшокъ съ привидѣйей спрятанъ?

— Побѣсть захотѣлось? Да вѣдь преледе, чай, выпить надо!

— И то дѣло! Идѣ у тебя колитофъ-то?

Выпивши, Степанъ Владиміръчъ принимается за колбасу, которая оказывается твердою, какъ камень, соленою, какъ сама соль, и облеченною въ такой прочный пузырь, что нужно прибѣгнуть къ острому концу ножа, чтобы проткнуть его.

— Бѣлорыбцы бы теперь хорошо,—говоритъ онъ.

— Ужъ извините, сударь, совсемъ изъ памяти вопъ. Все утро помнилъ, даже женѣ говорилъ: безпрѣменно напосми о бѣлорыбцѣхъ и—вотъ словно грѣхъ случился!

— Ничего, и колбасы побѣдимъ. Походома шли—по то фдали. Вотъ палецька разсказывалъ: англичанинъ съ англичаниномъ объ закладъ побился, что дохлую конку съѣсть—и съѣлъ!

— Тсс... съѣлъ?

— Съѣлъ. Только тошпило его послѣ. Ромомъ выфѣчился. Двѣ бугылки залпомъ выпилъ—какъ рукой сняло. А то еще одилъ англичанинъ объ закладъ бился, что цѣлый годъ однимъ сахаромъ питаться будетъ.

— Выиграли?

— Нѣтъ, двухъ сутокъ до году не дожиль—околѣлы! Да ты что-жъ самъ-то водочки бы долбанулъ?

— Съ роду не пивалъ.

— Чаемаъ однимъ наливаеешся? Нехорошо, братъ; оттого и брюхо у тебя растеть. Съ чаемаъ подобно тоже осторожно; чашку выней, а сверху рюмочкой прикрой. Чай мокроту накопляетъ, а водка разбиваетъ. Такъ, что ли?

— Не знаю; вы—люди ученые, вамъ лучше знать.

— То-то. Мы какъ походома шли—съ чайми да съ кофеями намъ некогда было возиться. А водка—святое дѣло: отвинтилъ манерку, налилъ, выпилъ—и шабашъ. Скоро ужъ больно насъ въ ту пору гнала, такъ скоро, что я дкей десять не мывились быть!

— Много вы, сударь трудовъ приняли!

— Много не много, а попробуй, поинтнруй-ко по столбовой! Ну, да всередь-то идти все-таки нешто было: жер-

твуютъ, обѣдами кормить, вина вволю. А вотъ какъ на-
задѣ идти—чувствовать-то ужъ и перестали!

Головлевъ съ усиліемъ грызетъ колбасу и наконецъ про-
жониваетъ одинъ кусокъ.

— Солоненька, братъ, колбаса-то!—говоритъ онъ.—Виро-
чемъ, не прихотливъ! Мать-то вѣдь тоже разносолами пот-
чивать не станеть: щецъ тарелку да кашни чашку—вотъ
и все!

— Богъ милостивъ! Можетъ, и пирожка въ праздничекъ
покалуется!

— Ни чаю, ни табаку, ни водки—это ты вѣрно ска-
заль. Говорятъ, она нынче въ дураки играть любить ста-
ла—вотъ развѣ это? Ну, позоветь играть и напоить чай-
комъ. А ужъ насчетъ прочаго—ау, братъ!

На станціи остановился часа на четыре кормить лоша-
дей. Головлевъ успѣлъ покончить съ полуштофомъ и его
разбирала сильный голодь. Пассажиры ушли въ избу и
расположились обѣдать.

Побродивъ по двору, заглянувъ на задворки и въ ясли
къ лошадямъ, вспутнувши голубой и даже непробовавши
заснуть, Степанъ Владимірычъ, наконецъ, убѣждается, что
самое лучшее для него—это послѣдовать за прочими пас-
сажирями въ избу. Тамъ на столѣ уже дымятся щи, а въ
сторонкѣ, на деревянномъ лоткѣ, лежитъ большой кусъ
говядины, которую Иванъ Михайлычъ крошитъ на мел-
кію куски. Головлевъ садится нѣсколько поодаль, заку-
риваетъ трубку и долгое время не знаетъ, какъ посту-
пить относительно своего насыщенія.

— Хлѣбъ да соль, господа!—наконецъ, говоритъ онъ:—
щи-то, кажется, жирныя?

— Ничего щи!—отмывается Иванъ Михайлычъ.—Да вы
бы, сударь, и собѣ спросили!

— Нѣтъ, я только къ слову, сытъ я!

— Чего сытъ! Колбасы кусокъ съѣли, а съ ея, съ про-
клятой, еще нунде животъ пучить. Кушайте-ка. Вотъ я
везу въ сторонкѣ для васъ столикъ накрытъ—кушайте
на здоровье! Хозяюшка! накрой барину въ сторонкѣ—
вотъ такъ!

Пассажиры молча приступаютъ къ ѣдѣ и только зага-
донно переглядываются между собой. Головлевъ догады-
вается, что его «прѣцикли», хотя онъ не безъ нахаль-
ства всю дорогу разыгрывалъ барина и называлъ Ивана
Михайлыча своимъ казначею. Брови у него насуплены;

табачный дымъ такъ и валить изо рта. Онъ готовъ отка-
заться отъ бды, но требованія голода до того настоятельны,
что онъ какъ-то хищно набрасывается на поставленную
передъ нимъ чашку щей и мгновенно опоражниваетъ ее.
Выбѣвъ съ сытостью возвращается къ нему и самоуверен-
ность, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, говоритъ, обра-
щаясь къ Ивану Михайлычу:

— Ну, братъ-казначей, ты ужь и расплачивайся за
меня, а я пойду на сѣноваль съ Храповицкимъ пого-
ворить!

Переваливаясь, отирается онъ на сѣвникъ, и на
этотъ разъ, такъ какъ желудокъ у него обремененъ, за-
сынасть богатырскимъ сномъ. Въ пять часовъ онъ опять
уже на ногахъ. Видя, что лошади стоятъ у пустыхъ ясель
и чешутся мордами о края ихъ, онъ начинаетъ будить
ямщика.

— Дрыхнетъ, казачья!—кричитъ онъ.—Намъ къ сѣбху,
а онъ приятные сны видитъ!

Такъ идетъ дѣло до станціи, съ которой дорога повер-
тывается на Головлево. Только тутъ Степанъ Владимірычъ
нѣсколько остепеняется. Онъ явно упадаетъ духомъ и
дѣлается молчаливымъ. На этотъ разъ ужь Иванъ Ми-
хайлычъ ободряетъ его и наче всего убѣждаетъ бросить
трубку.

— Вы, сударь, какъ будете къ усадьбѣ подходить,
трубку-то въ краниву бросьте, послѣ найдете!

Наконецъ, лошади, долженствующія везти Ивана Ми-
хайлыча дальше, готовы. Наступаетъ моментъ расста-
ванія.

— Прощай, братъ! — говоритъ Головлевъ дрогнувшимъ
голосомъ, цѣлуя Ивана Михайлыча:—забѣсть она меня!

— Богъ милостивъ, вы тоже не слишкомъ пугайтесь!

— Забѣсть! — повторяетъ Степанъ Владимірычъ такимъ
убѣжденнымъ тономъ, что Иванъ Михайлычъ невольно
опускаетъ глаза.

Сказавши это, Головлевъ круто поворачиваетъ по на-
правленію прѣселка и начинаетъ знагать, опираясь на
суковатую палку, которую онъ передъ тѣмъ сѣзгалъ отъ
дерева.

Иванъ Михайлычъ нѣкоторое время слѣдитъ за нимъ и
потомъ бросается ему вдогонку.

— Вотъ что, баринъ!—говоритъ онъ, нагоняя его:—да-
веча, какъ онодченку вашу чистилъ, такъ три цѣлковень-

кихъ въ боковомъ карманѣ видѣлъ—не обронито какъ-нибудь неваракомъ!

Степанъ Владимірычъ видимо колеблется и не знаетъ, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ. Наконецъ, онъ протягиваетъ Ивану Михайлычу руку и говоритъ сквозь слезы:

— Понимаю... служивому на табакъ... благодарю! А что касается до того... забѣть она меня, другъ любезный! Вотъ помини мое слово—забѣть!

Головлевъ окончательно поворачивается лицомъ къ проселку, и черезъ пять минутъ уже далеко мелькаетъ его сѣрый ополченскій картузь, то исчезая, то вдругъ появляясь изъ-за чащи лѣсной поросли. Времени стоитъ еще ранисо, шестой часъ въ началѣ; золотистый утренній туманъ вьется надъ проселкомъ, едва пропуская лучи только что показавшагося на горизонтѣ солнца; трава блеститъ; воздухъ напоенъ запахами ели, грибовъ и ягодъ; дорога идетъ зигзагами по низменности, въ которой кишатъ безчисленные стада птицъ. Но Степанъ Владимірычъ ничего не замѣчаетъ: все легкомысліе вдругъ соскочило съ него, и онъ идетъ словно на страшный судъ. Одна мысль до краевъ переполняетъ все его существо: еще три-четыре часа—и дальнѣе идти уже некуда. Онъ припоминаетъ свою старую Головлевскую жизнь, и ему кажется, что передъ нимъ растворяются двери сырого подвала, что какъ только онъ перешагнетъ за порогъ этихъ дверей, такъ онъ сейчасъ захлопнется—и тогда все кончено. Припоминаются и другія подробности, хотя непосредственно до него не касающіяся, но несомнѣнно характеризующія Головлевскіе порядки. Вотъ дяденька Михаилъ Петровичъ (въ просторѣчій «Мишка-бульнъ»), который тоже принадлежитъ къ числу «костыляхъ» и котораго дѣдушка Пестръ Иванычъ заточилъ къ дочери въ Головлево, гдѣ онъ жилъ въ людской и ѣлъ изъ одной чашки съ собакой Трезоркой. Вотъ тетенька Вѣра Михайловна, которая изъ милости жила въ Головлевской усадьбѣ у брата Владиміра Михайлыча и которая умерла «отъ умѣренности», потому что Арипа Петровна корила ее каждымъ кускомъ, съѣдаемымъ за обѣдомъ, и каждымъ полѣномъ дровъ, употребляемымъ для отопленія ея комнаты. То же самое, приблизительно, предстоитъ пережить и ему. Въ воображеніи его мелькаетъ безконечный рядъ безразсвѣтныхъ дней, утопающихъ въ какой-то зіяющей сѣрой пронасти, и онъ невольно закры-

засть глаза. Отнынѣ оиъ будеть одинъ-на-одинъ съ злою старухою, и даже не злою, а только одиѣнѣвшею въ алатин властности. Эта старуха заѣсть его, заѣсть не мучительствомъ, а забвеніемъ. Но съ кѣмъ молвить слова, некуда бѣжать—вездѣ она, властная, цѣнящая, презирающая. Мысль объ этомъ неотразимомъ будущемъ до такой степени всего его наполнила тоской, что оиъ остановился около дерева и нѣсколько времени бился о него головой. Вся его жизнь, исполненная кривлянья, бездѣльничества, буфонства, вдругъ словно освѣтилась передъ его умственнымъ окомъ. Оиъ идетъ теперь въ Головлево, оиъ знаетъ; что ожидаетъ тамъ его — и все-таки идетъ, и не можетъ не идти. Нѣтъ у него другой дороги. Самый послѣдній изъ людей можетъ что-нибудь для себя сдѣлать, можетъ добыть себѣ хлѣба—оиъ одинъ ничего не можетъ. Эта мысль словно впервые проснулась въ немъ. И прежде ему случалось думать о будущемъ и рисовать себѣ всякаго рода перспективы, но это были всегда перспективы дарового доволства и никогда — перспективы труда. И вотъ теперь ему предстала распахата за тогъ угарь, въ которомъ безслѣдно потонуло его прошлое. Распахата горькая, вырававшаяся въ одномъ уласномъ словѣ: «заѣсть!»

Было около девяти часовъ утра, когда изъ-за лѣса показалась бѣлая Головлевакая колокольня.

Лицо Степана Владимірыча поблѣднѣло, руки затряслись; оиъ снялъ картузь и перекрестился. Вспомнилась ему евангельская притча о блудномъ сынѣ, возвращающемся домой, но оиъ тотчасъ же понялъ, что въ примѣненіи къ нему подобныя воспоминанія составляютъ только одно обольщеніе. Наконецъ, оиъ отыскалъ глазами поставленный близъ дороги межсвой столбъ и очутился на Головлевской землѣ, на той постылой землѣ, которая родила его постылымъ, вспорнула постылымъ, выпустила постылымъ на все четыре стороны и теперь, постылаго же, вновь принимаетъ его въ свое лоно. Солнце стояло уже высоко и беспощадно палило безконечныя Головлевскія поля. Но оиъ блѣднѣлъ все больше и больше и чувствовалъ, что его начинаютъ знобить.

Наконецъ, оиъ дошелъ до погоста, и тутъ бодрость окончательно оставила его. Барская усадьба смотрѣла изъ-за деревьевъ такъ мирно, словно въ ней не происходило ничего особеннаго; но на него ея видъ произвелъ дѣйствіе Медузиной головы. Тамъ чудился ему гробъ. «Гробы! гробы!

гробы!»—повторялъ опять безсознательно про себя. И не рѣшился-таки идти прямо въ усадьбу, а зашелъ прежде къ священнику и послалъ его извѣстить о своемъ приходѣ и узнать, приметъ ли его мамонька.

Попадя при видѣ его закручинилась и захлопотала объ личницѣ; деревенскіе мальчишки столпились вокругъ него и смотрѣли на барина изумленными глазами; мужики, проходя мимо, молча снимали шапки и какъ-то загадочно взглядывали на него; какой-то старикъ-дворовый даже подбѣжалъ и попросилъ у барина ручку поцѣловать. Всѣ понимали, что передъ ними постылый, который пришелъ въ постылое мѣсто, пришелъ навсегда, и нѣтъ для него отсюда выхода, кромѣ какъ ногами впередъ на погостъ. И всѣмъ дѣлалось въ одно и то же время и жалко, и жутко.

Наконецъ, негъ пришелъ и сказалъ, что «мамонька готова принять» Степана Владимірыча. Черезъ десять минутъ онъ былъ уже тамъ. Арина Петровна встрѣтила его торжественно-строغو и смѣрила съ ногъ до головы ледянымъ взглядомъ, но никакихъ безпоясныхъ упрековъ не позволила себѣ. И въ комнату не допустила, а такъ, на дѣвичьемъ крыльцѣ, свидѣлась и разсталась, приказавъ проводить молодого барина черезъ другое крыльцо къ палаткѣ. Старикъ дремалъ въ постели, покрытой бѣлымъ одеяломъ, въ бѣломъ колпакѣ, весь бѣлый, словно мертвецъ. Увидѣвши его, онъ преснулся и пѣтотски захохоталъ.

— Чтѣ, голубчикъ, попался къ вѣдьмѣ въ лапы!—крикнулъ онъ, покуда Степанъ Владимірычъ цѣловалъ его руку. Потомъ крикнувъ нѣтухомъ, опять захохоталъ и нѣсколько разъ сряду повторилъ:—Свѣты! свѣты! свѣты!

«Свѣты!» словно эхо, откликнулось и въ его душѣ.

Предвидѣнія его оправдались. Его помѣстили въ особой комнатѣ того флигеля, въ которомъ помѣщалась и коворка. Туда принесли ему бѣлье изъ домашнего холста и старый напечкинъ халатъ, въ который онъ и облачился немедленно. Двери склера растворились, пропустили его и — захлопнулись.

Потянулся рядъ вялыхъ, безобразныхъ дней, одинъ за другимъ утопающихъ въ сѣрой, зябущей безднѣ времени. Арина Петровна не принимала его; къ отцу его тоже не допускали. Дня черезъ три бурмистръ Финогей Ипатьичъ объявилъ ему отъ мамоньки «воложеніе»; заключавшееся въ томъ, что онъ будетъ получать стoль и одѣжу, и сверхъ

того по фунту Фалера *) въ мѣсяць. Отъ выслушать маленькую волю и только замѣтить:

— Инь, пѣдь, старая! Пронюхала, что Жуковъ два рубля, а Фалеръ рубль девятисто стѣить — и тутъ десять конесчекъ ассигнаціями въ мѣсяць утанула! Вѣрно пивцу на мой счетъ подать собиралась!

Признаки нравственнаго отрезвленія, появившіеся-было въ тѣ часы, покуда онъ приближался проселкомъ въ Геловлеву, вновь куди-то исчезли. Легкомысліе опять вступило въ свои права, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало и примирненіе съ «мамевыиъ положеніемъ». Будущее, безнадежное и безвыходное, однажды бессиливше его уму и непониманіе его трестомъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше заволакивалось туманомъ и наконецъ совсѣмъ перестало существовать. На сцену выступилъ насущный день, съ его цинической наготою, и выступилъ такъ нагло и такъ, что всецѣло заполонилъ все помыслы, все существо. Да и какую роль можетъ играть мысль о будущемъ, когда теченіе всей жизни безповоротно и въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ уже рѣшено въ умѣ Арипы Петровны?

Цѣлыми днями шагала онъ взадъ и впередъ по отвѣдной комнатѣ, не выпуская трубки изъ рта и напѣвая кой-какіе обрывки пѣсень, причѣмъ церковныя напѣвы неожиданно смѣнялись разухабистыми, и наоборотъ. Когда въ конторѣ находился на лицо земскій, то онъ находилъ къ нему и высчитывать доходы, получаемыя Арипой Петровной.

— И куда она экую прорву деньжищъ дѣваетъ! — удивлялся онъ, досчитываясь до цифры сличковъ въ восемьдесятъ тысячъ на ассигнаціи. — Врѣвкамъ, я знаю, не ахти сколько посылаетъ, сама живетъ екардно, отца солеными позотками кормитъ... Въ ломбардъ, больше некуда, какъ въ ломбардъ класть!

Иногда къ контору приходилъ и самъ Финогей Ипатьчъ съ оброками, и тогда на конторскомъ столѣ раскладывались по пачкамъ тѣ самыя деньги, на которыя такъ разгоралась глаза у Степана Владимірича.

— Инь, пронасть-какая деньжищъ! — восклицала онъ: — и все-то къ ней въ хайло уйдутъ! Чѣтъ того, чтобъ сыпу

*) Известный въ то время табачный фабрикантъ, конкурировавший съ Жуковымъ.

пачечку удѣлать! На, моль, сынъ мой, въ горести находл-
ишься, вотъ тебѣ на вино и на табакъ!

И затѣмъ начинались безконечныя и исполненныя цин-
низма разговоры съ Яковомъ-земскимъ о томъ, какими бы
средствами сердце матери такъ смягчить, чтобъ она души
въ немя не чаяла.

— Въ Москвѣ у меня мѣщанинъ знакомый былъ.—раз-
сказывалъ Головлевъ:—такъ онъ «слово» знаетъ... Бывало,
какъ не захочетъ ему денегъ дать, онъ это «слово»
и скажетъ... И сейчасъ это всю ее корчить начнетъ, руки,
ноги—словомъ, все!

— Порчу, стало-быть, какую ни на-есть пущалъ!—дога-
дывался Яковъ-земскій.

— Ну, ужъ тамъ какъ хочешь разумѣй, а только истин-
ная это правда, что такое «слово» есть. А то еще одинъ
человѣкъ сказывалъ: возьми, говоритъ, живую лягушку и
положи ее въ глухую полночь въ муравейникъ; къ утру
муравьи ее всю объѣдятъ, останется одна косточка; вотъ
эту косточку ты возьми, и покуда она у тебя въ карманѣ—
что хочешь у любой бабы проси, ни въ чемъ тебѣ отказу
не будетъ.

— Что-жъ, это хоть сейчасъ сдѣлать можно!

— То-то, братъ, что сперва проклятiе на себя положить
нужно! Бабы не это... то-то бы вѣдьма мелкимъ бѣсомъ
передо мной залясала!

Цѣлые часы проводились въ подобныхъ разговорахъ, но
средствъ, все-таки, не обрѣталось. Все—либо проклятiе на
себя положить приходилось, либо душу чорту продать. Въ
результатѣ ничего другого не оставалось, какъ жить на
«маменькиномъ положенiи», поправляя его нѣкоторыми
произвольными поборами съ сельскихъ начальниковъ, ко-
торыхъ Степанъ Владимірычъ поголовно обложилъ данью
въ свою пользу, въ видѣ табаку, чаю и сахару. Кормили
его чрезвычайно плохо. Обыкновенно приносили остатки
маменькина обѣда; а такъ какъ Арина Петровна была
умѣренна до скудости, то естественно, что на его долю
оставалось немного. Это было въ особенности для него
мучительно, потому что съ тѣхъ поръ, какъ вино сдѣлалось
для него запретнымъ плодомъ, шеститъ его сильно уси-
лился. Съ утра до вечера онъ голодалъ и только о томъ
и думалъ, какъ бы насытись. Подкарауливалъ часы, когда
маменька отдыхала, бѣгалъ въ кухню, заглядывалъ даже
въ людскую, и вездѣ что-нибудь нащаривалъ. По време-

Нямъ садился у открытаго окна и поджидать, не пройдетъ, ли кто. Ежели проѣзжалъ мужикъ изъ своихъ, то останавливалъ его и облагалъ данью: яйцомъ, ватрункой и т. д.

Еще при первомъ свиданіи Арица Петровна въ короткихъ словахъ выяснила ему полную программу его житья-бытья. — «Покуда живи! — сказала она: — вотъ тебѣ уголь въ конторѣ, пить-ѣсть будешь съ моего стола, а на прочее — не погибайся, голубчикъ! Разносодовъ у меня отъ роду не бывало, а для тебя и недавно заводить не стану. Вотъ братья ужъ прѣдутъ: какое положеніе они промажутъ себя для тебя присовѣтуютъ — такъ и съ тобой и поступи. Сама на душу грѣха братъ не хочу — какъ братья рѣшатъ, такъ тому и бытъ!»

И вотъ теперь онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ прѣзда братьевъ. Но при этомъ онъ совсѣмъ не думалъ о томъ, какое вліяніе будетъ имѣть этотъ прѣздъ на дальнѣйшую его судьбу (повидному, онъ рѣшилъ, что объ этомъ и думать нечего), а загадывалъ только, привезетъ ли ему брать Павелъ табаку и сколько именно.

«А можетъ и денегъ отвалить! — прибавляетъ онъ мысленно: — Порфишка-кровиница — тотъ не дастъ, а Павелъ... Скажи ему: дай, братъ, служивому на вино — дасть! Какъ, чай, не дать!»

Время проходило, и онъ не замѣчалъ его. Это была абсолютная праздность, которую онъ, однако, почти не тготился. Только по вечерамъ было скучно, потому что земскій уходилъ часовъ въ восемь домой, а для него Арица Петровна не отпускала свѣчей, на томъ основаніи, что по комнатамъ взадъ и впередъ шагать и безъ свѣчей можно. Но онъ и къ этому скоро привыкъ и даже полюбилъ темноту, потому что въ темнотѣ спячѣе разыгрывалось воображеніе и уносило его далеко изъ послѣдато Головлева. Одно его тревожило: сердце у него неспокойно было и какъ-то странно трепыхалось въ груди, въ особенности когда онъ ложился спать. Иногда онъ вскакивалъ съ постели, словно ошеломленный, и бѣгалъ по комнатамъ, держась рукой за лѣвую сторону груди.

«Экъ, кабы околоты! — думалось ему при этомъ. — Итъ, вѣдь не околоты! А можетъ-быть...»

Но когда, однажды утромъ, земскій таинственно доложилъ ему, что ночью братья прѣехали, онъ невольнo вздрогнулъ и намѣнился въ лицѣ. Что-то ребяческое вдругъ въ немъ проснулось: хотѣлось бѣжать поскорѣе въ домъ, взгля-

путь, какъ они одѣты, какія постыланы имъ постели и есть ли у нихъ такіе же дорожные пессеры, какіе онъ видѣлъ у одного ополченскаго капитана; хотѣлось послушать, какъ они будутъ говорить съ маменькой, посмотрѣть, что будутъ имъ подавать на обѣдомъ. Словомъ сказать, хотѣлось и еще разъ приобщиться къ той жизни, которая такъ упорно отмстала его отъ себя, брѣсется къ матери въ ноги, вымолить ей прощеніе, и потомъ, на радостяхъ, пожалуй, съѣсть и убитаго телца. Еще въ домѣ было все тихо, а онъ ужъ сбѣгалъ къ повару на кухню и узналъ, что къ обѣду заказано: на горячее—щи изъ свѣжей капусты, небольшой горюкъ, да вчерашній супъ разогрѣть вслѣдно, на холодное — полотокъ соленый да сбоку двѣ пары котлеточекъ, на жаркое—баранину да сбоку четыре бекасика, на пирожное—малиновый пирогъ со сливками.

— Вчерашній супъ, полотокъ и баранина — это, братъ, постылому!—сказалъ онъ повару.—Широга, я полагаю, мнѣ тоже не дадутъ!

— Это—какъ будетъ угодно маменькѣ, сударь.

— Эхма! А было время, что и я дунелей фдаль, тдаль, братецъ! Однажды съ поручикомъ Гремячимъ даже на пари побился, что сряду пятнадцать дунелей съѣмъ — и выигралъ! Только постъ этого цѣлый мѣсяць смотрѣть безъ отвращенія на шнхъ не могъ!

— А теперь опять бы покушали?

— Не дасть! А чего бы, кажется, жалѣть! Дунель — птица вольная: ни кормить ее, ни смотрѣть за ней—сама на свой счетъ живетъ! И дунель некупленный, и баранъ некупленный, а вотъ поди-жь ты! Знаешь, вѣдьма, что дунель вкуснѣе баранины — ну, и не дасть! Сгнонтъ, а не дасть! А на завтракъ, что заказано?

— Печѣнка заказана, грибы въ сметанѣ, сочни.

— Ты бы хоть соченька мнѣ прислать.. постарайся, братъ?

— Надо постараться. А вы вотъ что, сударь. Ужѣ, какъ завтракать братцы едутъ, привилите сюда земскаго: онъ вамъ барочку соченьковъ за пазухой принесетъ.

Все утро прождалъ Степанъ Владимыръчъ, не придуть ли братцы, но братцы не шли. Наконецъ, часовъ около одиннадцати, принесъ земскій два обѣщанныхъ сочня и доложилъ, что братцы сейчасъ отзавтракали и заперлись съ маменькой въ спальнѣй.

Арина Петровна встрѣтила сыновей торжественно, удрученнаи горемъ. Двѣ дѣвки поддерживали ее подъ руки; сѣдые волосы придами выбились изъ-подъ бѣлаго чепца, голова понурилась и покачивалась изъ стороны въ сторону, ноги едва волочились. Вообще она любила въ глазахъ дѣтей разогрѣть роль почитенной и удрученной матери, и въ этихъ случаяхъ съ трудомъ волочила ноги и требовала, чтобы ее поддерживали подъ руки дѣвки. Стенка-бабабесъ называла такіе торжественные приемы—архіерейскими служебнѣмъ, мать архіерейшею, а дѣвокъ Польшку и Юльку—архіерейскими желновосницами. Но такъ какъ было уже второй часъ ночи, то свиданіе произошло безъ словъ. Молча подала она дѣткамъ руку для цѣлованія, молча перецѣловала и перекрестила ихъ, и когда Порфирій Владимірычъ изъявилъ готовность хоть весь остатокъ ночи прокалякать съ мплымъ другомъ маменькой, то махнула рукой, сказавъ:

— Слушайте, отдохните съ дороги, но до разговоровъ теперь; завтра поговоримъ.

На другой день, утромъ, оба сына отправились къ папенькѣ ручку поцѣловать, но папенька ручку не далъ. Онъ лежалъ на постели съ закрытыми глазами и, когда вошли дѣтки, крикнулъ:

— Мътаря судить прѣѣхали?.. Воить, фарисей!.. Воить!

Тѣмъ не менѣе, Порфирій Владимірычъ вылезъ изъ папенькина кабинета взволнованный и заплаканный, а Павелъ Владимірычъ, какъ «истинно-безчувственный идолъ», только ковырять пальцемъ въ носу.

— Нехорошъ оны у васъ, добрый другъ маменька! Ахъ, какъ по хорошъ! — воскликнулъ Порфирій Владимірычъ, бросаясь на грудь къ матери.

— Развѣ очень сегодня слабъ?

— Ужъ такъ слабъ, такъ слабъ! Но жалець оны у васъ!

— Ну, поскринитъ еще!

— Штъ, голубушка, штъ! И хотя ваша жизнь никогда не была особенно радостна, но какъ подумаешь, что столько ударовъ за разъ... право, даже удивляешься, какъ это вы силу имѣете переносить эти нештанія!

— Что-жь, мой другъ, и перенесешь, коли Господу Богу угодно! Знаешь, въ Инсалин-то что сказано: тяготы другъ другу носите—вотъ и выбралъ меня Оны, Ватюшко, чтобы семейству своему тяготы носить!

Арина Петровна даже глаза зажмурила: такъ это хорошо

ей показалось, что всё живуть на всемъ на готовенькомъ, у всѣхъ-то все припасено, а она одна цѣлый-то день мастер да всѣмъ тяготы посылтъ.

— Да, мой другъ, — сказала она послѣ минутнаго молчанія: — тяжеленько-таки мнѣ на старости лѣтъ! Припасла я дѣтямъ на свой чай — пора бы и отдохнуть! Шутка сказать — четыре тысячи душъ! Этакой-то махиной управлять въ мои лѣта! За всякимъ поглядомъ, всякаго услѣди, да походи, да побѣгай! Хоть бы эти бурмистры да управители наши: ты не гляди, что они тебѣ въ глаза смотрять: однимъ-то глазомъ они на тебя, а другимъ — въ хлѣбъ порывать! Самый это народъ... маловѣрный! Ну, а ты что? — прервала она вдругъ, обращаясь къ Павлу: — въ носу ковыряешь?

— Мнѣ что-жъ! — огрызнулся Павелъ Владимыръ, обозношенный въ самомъ разгарѣ своего занятія.

— Какъ что! Все же отецъ тебѣ — можно бы и пожалѣть!

— Что-жъ — отецъ! Отецъ какъ отецъ... какъ всегда! Десять лѣтъ онъ такой! Всегда въ меня притѣсняетъ!

— Зачѣмъ мнѣ тебя притѣснять, другъ мой? Я — мать тебѣ! Вотъ Порфиша! и приласкался, и пожалѣлъ — все какъ сабдѣ доброму сыну сдѣлать, а ты и на мать-то путемъ посмотрѣть не хочешь, все исподлобья, да сбоку, словно она — не мать, а ворогъ тебѣ! Не укуси, сдѣлай милости!

— Да что же я...

— Постои! помолчи минуту, дай матери слово сказать! Помнишь ли, что въ заповѣдн-то сказано: чти отца твоего и мать твою — и благо ти будетъ... Стало-быть, ты «блага»-то себѣ не хочешь?

Павелъ Владимыръ молчалъ и смотрѣлъ на мать подмигивающими глазами.

— Вотъ видишь, ты и молчишь! — продолжала Анна Петровна: — стало-быть, самъ чувствуешь, что блохи въ тобой есть. Ну, да ужъ Богъ съ тобой! Для радостнаго свиданія оставимъ этотъ разговоръ. Богъ, мой другъ, все видитъ, а я... ахъ, какъ давно я тебя насквозь понимаю! Ахъ, дѣтушки, дѣтушки! вспомните мать, какъ въ могилкѣ лежать будетъ, вспомните — да поздно ужъ будетъ!

— Маменька! — вступилъ Порфирій Владимыръ: — оставьте эти черныя мысли, оставьте!

— Умирать, мой другъ, всѣмъ придется! — сентенціозно

произнесла Арина Петровна: — не черныя эти мысли, а самыя, можно сказать... божественныя! Хирью я, дѣтушки, ахъ, какъ хирью! Ничего-то во мнѣ прежняго не осталось—слабость да хворость одна! Даже дѣвчѣ-погалки замѣтили это—и въ усъ мнѣ не дуютъ! И слово—онѣ два! а слово — онѣ десять! Одну только угрозу и имѣю на нихъ, что молодымъ господамъ, дескать, пожалуюсь! Ну, иногда и попритихнуть!

Подали чай, потомъ завтракъ, въ продолженіе которыхъ Арина Петровна все жаловалась и умилялась сама надъ собой. Послѣ завтрака она пригласила сыновей въ свою спальную.

Когда дверь была заперта на ключъ, Арина Петровна немедленно приступила къ дѣлу, по поводу котораго былъ созванъ семейный совѣтъ.

— Балбесъ-то вѣдь явился!—начала она.

— Слышали, маменька, слышали!—отозвался Порфирій Владимычъ не то съ прощаньемъ, не то съ благодушнымъ челобѣкомъ, который только что сытно покушалъ.

— Пришелъ, словно и дѣло сдѣлать, словно такъ и слѣдовало: сколько бы, молъ, я ни кутилъ, ни мутилъ, у старухи-матери всегда про меня кусокъ хлѣба пайдется! Сколько я въ своей жизни несправости отъ него видѣла! Сколько отъ однихъ его буфонствъ да каверзовъ мученія вытерпѣла! Чтò я въ ту пору трудовъ приняла, чтобъ его на службу-то втереть, — и все какъ съ гуся вода! Накопецъ, билась-билась, думаю: Господи! да коли онъ самъ объ себѣ радѣть не хочетъ—пужто я обязана изъ-за него, балбеса долговязого, жизнь свою убивать! Дай, думаю, выкину ему кусокъ, авось свой грошъ въ руки попадетъ — постепеннѣе будетъ! И выкинула. Сама и домъ-то для него высмотрѣла, сама собственными руками, какъ одну копейку, двѣнадцать тысячекъ серебромъ денегъ выложила! И что-жъ! не прошло послѣ того и трехъ лѣтъ—ахъ онъ и опять у меня на шеѣ повисъ! Долго ли мнѣ надругательства-то эти переносятъ?

Порфина вскинулъ глазами въ потолокъ и грустно покачалъ головою, словно бы говорилъ: «о-о-охъ, дѣла, дѣла! И нужно же мнѣ много друга маменьку такъ беспокоить! Сидѣли бы все смирно, ладкомъ да миркомъ — ничего бы этого не было, и маменька бы не гнѣвалась... а-а-ахъ, дѣла, дѣла!» Но Аринѣ Петровнѣ, какъ жещинѣ, не терпящей,

чтобы теленіе ея мыслей было чѣмъ бы то ни было прорываемо, движеніе Порфиши не понравилось.

— Нѣтъ, ты погоди головой-то вертѣть, — сказала она: — ты прежде выслушай! Каково мнѣ было узнать, что онъ родительское-то благословеніе, словно облюдованную кость, въ помойную яму выбросилъ? Каково мнѣ было чувствовать, что я, съ позволенія сказать, почей не досынала, куска не доѣдала, а онъ — патко! Словно вотъ взялъ, купилъ на базарѣ бирюльку — не занеболѣлась, и выкинулъ ее за окоп! Это родительское-то благословеніе!

— Ахъ, маменька! Это такой поступокъ, такой поступокъ! — сначала было Порфирій Владимірычъ, но Арпа Петровна опять остановила его.

— Стой! погоди, когда я прикажу, тогда свое мнѣніе скажешь! И хоть бы онъ меня, мерзавецъ, предупредилъ! Виноватъ, молъ, маменька, такъ и такъ — не воздержался! И вѣдь и сама, когда въ-время, сумѣла бы за безцѣнокъ домъ-то приобрести! Не сумѣлъ недостойный сынъ пользоваться — пусть пользуются достойныя дѣти! Вѣдь онъ, шутя-шутя, домъ-то, пятнадцать процентовъ въ годъ нигересу принесетъ! Можетъ-быть, я бы ему за это еще тысячку рублей на бѣдность выкинула! А то — патко! Силу здѣсь, ни спомъ, ни духомъ не вижу, а онъ ужъ и распорядился! Дѣвнадцать тысячъ собственными руками за долгъ выложила, а онъ его съ аукціона въ восьми тысячахъ спустилъ!

— А главное, маменька, что онъ съ родительскимъ благословеніемъ такъ низко поступилъ! — побѣдилъ скороговоркой прибавить Порфирій Владимірычъ, словно она-саясь, чтобъ маменька вновь не прервала его.

— И это, мой другъ, да и то. У меня, голубчикъ, деньги-то не шальные; я не танцами да курантами приобрѣла ихъ, а хрѣбомъ да потомъ. И какъ богачество-то достигала? Какъ за маленьку-то я шла, у него только и было, что Головлево, сто одна душа, да въ дальнихъ мѣстахъ гдѣ двадцать, гдѣ тридцать — дунь съ полтораста набралось! А у меня, у самой-то — и всего ничего! И куда, при такихъ-то средствахъ, какую машину выстроила! Четыре-то тысячи дунь — ихъ вѣдь не скроешь! И хотѣла бы въ могилку съ собой унести, да нельзя! Какъ ты думаешь, легко мнѣ онъ, эти четыре тысячи дунь, достались? Нѣтъ, другъ мой любезный, такъ нелегко, такъ нелегко, что, бывало, ночью не спишь — все тебѣ мерещится, какъ бы такъ дешево и такъ обдѣлать, чтобъ до времени плато и продохать объ немъ

не могъ! Да чтобы кто-нибудь не перебилъ, да чтобы копеечки лишнейкой не истратить! И чего я ни попробовала: и слякоть-то, и распутицу-то, и гололедицу-то—всего отвѣдала! Это ужъ въ послѣднее время и въ тарантасахъ-то роскошничать начала, а въ первое-то время соберутъ, бывало, телѣконку крестьянскую, кибиточку кой-какую на нее навязнуть, пару лошадей запрягутъ—и и плетусь трюхъ-трюхъ до Москвы! Плетусь, а сама все думаю: а ну, какъ кто-нибудь извѣнье-то у меня перебьетъ! Да и въ Москву прѣдешь, у Рогожской на постояломъ остановишься, вони да грязь—все я, друзья мои, вытерѣла! На извозчика, бывало, гривенника жалъ—на своихъ на двоихъ отъ Рогожской до Солянки иру! Даже дворника—и тѣ двилется: «барыня, говорить, ты молоденькая и съ достаткомъ, а такіе труды на себя принимаешь!» А я все молчу да терплю. И денегъ-то у меня въ первый разъ всего тридцать тысячъ на ассигнаціи было—нашепканы кусочки дамыи, дунгъ со сто продала,—да съ этою-то суммой и пустилась я, шутка сказать, тысячу дунгъ покупать! Отслужила у Иверской молебень, да и пошла на Солянку счастья попытать. И что-жъ вѣдь! Словно видѣла Заступница мои слезы горькія—оставила-таки извѣнье за мной! И чудо какое: какъ я тридцать тысячъ, окромѣ казеннаго долга, падала, такъ словно вотъ весь аукционъ перерѣзала! Прожде и галдѣли, и горячились, а тутъ и надбавлять перестали, и стало вдругъ тихо-тихо кругомъ. Всталъ это присутствующій, поздравляетъ меня, а я ничего не понимаю! Стряпчий тутъ былъ, Иванъ Николаичъ, подошелъ ко мнѣ: «съ покупочкой, говорить, сударыня!» а я словно вотъ столбъ деревянный стою! И какъ вѣдь милость-то Божія велика! Подумайте только: если-бъ при такомъ москѣ изстуженіи вдругъ кто-нибудь на озоретво крикнулъ: «тридцать пять тысячъ даю!»—вѣдь я, пожалуй, въ безмятежнѣ-то и исъ сорокъ надавала бы! А гдѣ бы я ихъ взяла?!

Арина Петровна много разъ уже рассказывала дѣтямъ эпистою своихъ первыхъ шаговъ на аромѣ благопріобрѣтенія, но, повидимому, она и доднесь не утратила въ ихъ глазахъ интереса повизны. Порфирій Владиміръчъ слушалъ маленьку, то улыбался, то вздыхалъ, то закатывал глаза, то опускалъ ихъ, смотря по свойству черинетій, черезъ которыя она проходила. А Павелъ Владиміръчъ даже большіе глаза раскрылъ, словно ребенка, которому рассказываютъ знакомую, но никогда не надобѣющую сказку.

— А вы, чай, думаете, даромъ состояніе-то матери досталось!—продолжала Арина Петровна.—Нѣтъ, друзья мои, даромъ-то и прыщкѣ на носу не вскочить: я послѣ первой-то покупки въ горячкѣ шесть недѣль вылежала! Вотъ те-перь и судите: каково мнѣ видѣть, что послѣ такихъ-то можно сказать, истязаній, трудовыхъ мои денежки, ни дай, ни вынеси за что, въ помойную яму выброшены!

Послѣдовало минутное молчаніе. Порфирій Владиміръчъ готовъ былъ ризы на себѣ разодрать, но опасался, что въ деревнѣ, пожалуй, некому починить ихъ будетъ; Павелъ Владиміръчъ, какъ только кончилась «сказка» о благопріобрѣтеніи, сейчасъ же опустился и лицо его приняло преж-нее апатичное выраженіе.

— Такъ вотъ я за тѣмъ васъ и призвала, - вновь начала Арина Петровна:— судите вы меня съ нимъ, со злодѣемъ! Какъ вы скажете, такъ и будетъ! Его осудите—онъ будетъ виноватъ, меня осудите—я виновата буду. Только ужъ я себя злодѣю въ обиду не дамъ!—прибавила она совсѣмъ неожиданно.

Порфирій Владиміръчъ почувствовалъ, что праздникъ на его улицѣ наступилъ, и разошелся соловьемъ. Но, какъ истинный кровоинвецъ, онъ не приступить къ дѣлу прямо, а началъ съ околичностей.

— Если вы позволите мнѣ, милый другъ маменька, вы-равнить мое мнѣніе,—сказать онъ:—то вотъ оно въ двухъ словахъ: дѣти обязаны повиноваться родителямъ, слѣбно слѣ-довать указаніямъ ихъ, почитать ихъ въ старости—вотъ и все. Что такое дѣти, милая маменька? Дѣти—это любящія существа, въ которыхъ все, начиная отъ нихъ самихъ и кончая послѣдней тряпкой, которую они на себѣ имѣютъ,— все принадлежитъ родителямъ. Поэтому родители могутъ судить дѣтей; дѣти же родителей—никогда. Обязанность дѣтей—читать, а не судить. Вы говорите: «судите меня съ нимъ!» Это великодушно, милая маменька, велико-ко-лѣбно! Но можемъ ли мы безъ страха даже подумать объ этомъ, мы—отъ перваго дня рожденія облагодѣтельствованные вами съ головы до ногъ? Воля ваша, но это будетъ свято-татство, а не суды! Это будетъ такое святотатство, такое святотатство...

— Стой! погодн! Коли ты говоришь, что не можешь меня судить, такъ оправь меня, а его осуди!—прервала его Арина Петровна, которая вслушивалась и никакъ не могла

разгадать: какой такой подвохъ у Порфишки-кровопивца въ головѣ засѣлъ.

— Итъ, голубушка маменька, и этого не могу! Или, лучше сказать, не смѣю и не имѣю права. Ни оправдать, ни обвинять—вообще судить не могу. Вы — мать; вамъ одиѣмъ извѣстно, какъ съ нами, вашими дѣтьми, поступать. Заслужили мы — вознаградите насъ, провинились — накажите. Наше дѣло — невиноваться, а не критиковать. Если-бъ вамъ пришлось даже и переступить, въ минуту родительскаго гнѣва, мѣру справедливости — и тутъ мы не смѣемъ роптать, потому что пути Провидѣнія скрыты отъ насъ. Кто знаетъ? Можетъ-быть, это и нужно такъ! Такъ-то и здѣсь: братъ Степанъ поступилъ низко, даже, можно сказать, чернѣ, во опредѣнить степень возмездія, которое онъ заслуживаетъ за свой проступокъ, можете вы одиѣ!

— Стало-быть, ты отказываешься? Выпутьяйтесь, молъ, милая маменька, какъ сами знаете!

— Ахъ, маменька, маменька! И по грѣхъ это вамъ! Ахъ-ахъ-ахъ! Я говорю: какъ вамъ угодно рѣшить участь брата Степана, такъ пусть и будетъ, а вы... ахъ, какія вы черныя мысли во мнѣ предлагаете!

— Хорошо. Ну, а ты какъ? — обратилась Арина Петровна къ Павлу Владимірычу.

— Мнѣ что-жъ! Развѣ вы меня послушаетесь? — заговорилъ Павелъ Владимірычъ словно сквозь сонъ, но потомъ неожиданно захрабрился и продолжалъ: — Извѣстно, виновать... на куски рвать, въ ступѣ истолочь... Впередъ извѣстно... Мнѣ что-жъ!

Пробормотавши эти безсвязныя слова, онъ остановился и съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ на мать, словно самъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Ну, голубишъ, съ тобой — послѣ! — холодно оборвала его Арина Петровна. — Ты, я вижу, по Стѣпкинымъ слѣдамъ идти хочешь... Ахъ, не ошибись, мой другъ! Покаешься послѣ — да поздно будетъ!

— Я что-жъ! Я ничего!.. Я говорю: какъ хотите! Что же тутъ... непочтительнаго? — спассовалъ Павелъ Владимірычъ.

— Послѣ, мой другъ, послѣ съ тобой поговоримъ! Ты думаешь, что офицеръ, такъ и управы на тебя не найдется! Найдется, голубишъ, ахъ, какъ найдется! Такъ, значить, вы оба отъ судьбы отказываетесь?

— Я, милая маменька...

— И я тоже. Миѣ что! Но миѣ, пожалуй, хоть на куски...

— Да замолчи, Христа ради... недобрый ты сыноч! (Арина Петровна понимала, что имѣла право сказать «негодяй», но ради радостнаго свиданія воздержалась). Ну, ежели вы отказываетесь, то приходится миѣ ужь собственнымъ судомъ его судить. И вотъ какое мое рѣшеніе будетъ: по-пробую и еще разъ добромъ съ нимъ поступить; отдѣлю ему паненкину вологодскую деревнюшку, вею тамъ флигелечекъ небольшой поставить—и пусть себѣ живетъ, въ родѣ какъ убогаго, на прокормашин у крестьян!

Хотя Порфирій Владимірычъ и отказался отъ суда надъ братомъ, но великодушіе маменьки такъ поразило его, что онъ никакъ не рѣшился скрыть отъ нея опасныя послѣдствія, которыя наскла за собой сейчасъ высказанная мѣра.

— Маменька!—воскликнулъ онъ:—вы больше, чѣмъ великодушны! Вы видите передъ собой поступокъ... ну, самый низкій, черный поступокъ... и вдругъ все забыто, все прощено! Вели-ко-душны! Но извините меня... боюсь я, голубушка, за васъ! И какъ хотите меня судите, а на вашемъ мѣстѣ... я бы такъ не поступилъ!

— Это почему?

— Не знаю... Можетъ-быть, во миѣ нѣтъ этого великодушія... этого, такъ сказать, материнскаго чувства... Но все какъ-то сдается: а что ежели братъ Степанъ, по своейственной ему испорченности, и съ этимъ вторымъ вашимъ родительскимъ благословеніемъ поступитъ точно такъ же, какъ и съ первымъ?

Оказалось, однако, что соображеніе это ужь было въ виду у Арины Петровны, но что въ то же время существовала и другая сокровенная мысль, которую и пришлось теперь высказать.

— Вологодское-то имѣніе вѣдь паненкино, родовое,—процѣдила она сквозь зубы:—рано или поздно все-таки придется ему изъ паненкина имѣнія часть выдѣлять.

— Понимаю я это, милый другъ маменька...

— А коли понимаете, такъ, стало-быть, понимаете и то, что, выдѣляя ему вологодскую-то деревню, можно обязательство съ него требовать, что онъ отъ паненки отдѣлаетъ и всѣмъ доволенъ?

— Понимаю и это, голубушка маменька. Большую вы тогда, по добротѣ вашей, ошибку сдѣлали! Надо было тогда, когда вы домъ покупали, — тогда надо было обяза-

тельство съ него взять, что онъ въ папешынню имѣнье не вступилъ!

— Что дѣлать, не догадалась!

— Тогда онъ, на радостяхъ-то, какую угодно бумагу бы подписать! А вы, по добротѣ вальей... Ахъ, какая это ошибка была! Такая ошибка! Такая ошибка!

— «Ахъ» да «ахъ»—ты бы въ ту пору, ахало, ахалъ, какъ время было. Теперь ты все готовъ матери на голову свалить, а чуть коснется до дѣла—тутъ тебя и нѣтъ! А впрочемъ, не о бумагѣ и рѣчь: бумагу, пожалуй, я и теперь сумѣю отъ него вытребовать. Пашенька-то не сейчасъ, чай, умереть, а до тѣхъ поръ балбесу тоже нить-вѣть надо. Не выдасть бумаги—можно и на порогъ ему указать: жди пашенькиной смерти! Нѣтъ, я все-таки знать желаю: тебѣ не нравится, что я вологодскую деревнюшку хочу ему отдѣлать?

— Промотаешь онъ ее, голубушка! Домъ промотать — и деревню промотаешь!

— А промотаешь, такъ пусть на себя и пеняетъ!

— Къ вамъ же вѣдь онъ тогда придетъ!

— Ну, нѣтъ, это—дудки! И на порогъ къ себѣ его не пуцую! Не только хлѣба—воды ему, посылкому, не вышлю! И люди меня за это не осудятъ, и Богъ не накажетъ. Натко! домъ прожить, имѣнье прожить—да развѣ я крѣпостная его, чтобы всю жизнь на него одного припасать? Чай, у меня и другія дѣти есть!

— И все-таки къ вамъ онъ придетъ. Наглая вѣдь онъ, голубушка маменька!

— Говорю тебѣ: на порогъ не пуцую! Что ты, какъ со-рока, заладила: «придетъ» да «придетъ»—не пуцую!

Арина Петровна умолкла и уставилась глазами въ окно. Она и сама смутно понимала, что вологодская деревнюшка только временно освободить ее отъ «посылкого», что, въ концѣ концовъ, онъ все-таки и ее промотаешь и опять придетъ къ ней, и что, какъ мать, она не можетъ отказать ему въ углѣ; но мысль, что ся ненавистникъ останется при пей навсегда, что онъ, даже заточенный въ контору, будетъ, словно привидѣние, ежемгновенно преслѣдовать ея воображеніе—эта мысль до такой степени давила ее, что она невольно всежь тѣломъ вздрагивала.

— Ни за что!—крикнула она, наконецъ, стукнувъ кулакомъ по столу и вскакивая съ кресла.

А Порфирій Владиміръчъ смотрѣлъ на милого друга маменьку и скорбно покачивая въ тактъ головою.

— А вѣдь вы, маменька, гнѣвастесь!—наконецъ, произнесъ онъ такимъ умильнымъ голосомъ, словно собирался у маменьки брѣвнико пощекотать.

— А по-твоему, въ плясъ, что ли, я пуститься должна?

— А-а-ахъ! а что въ Писаніи насчетъ терѣвня-го сказано? Въ терѣвнѣи, сказано, стяжите души ваши! Въ терѣвнѣи—вотъ какъ! Богъ-то, вы думаете, не видитъ? Нѣтъ, Онъ все видитъ, милый другъ маменька! Мы, можетъ-быть, и не подозреваемъ ничего, сидимъ вотъ: и такъ прикинемъ, и этакъ примѣримъ, а Онъ тамъ ужъ и рѣшилъ: дай, молъ, пошла я ей испытаніе! А-а-ахъ! а я-то думалъ, что вы, маменька, гнѣвиста!

Но Арина Петровна очень хорошо поняла, что Порфириска-кровопивецъ только петлю закидываетъ, и потому окончательно рассердизась.

— Шутовку ты, что ли, изъ меня сдѣлать хочешь!—прикрикнула она на него.—Мать обѣ дѣлѣ говорить, а онъ—скоморошничаетъ! Печего зубы-то мнѣ заговаривать! Сказывай, какая твоя мысль! Въ Головлевъ, что ли, его, у атери на шеѣ, оставить хочешь?

— Точно такъ, маменька, если милость ваша будетъ. Оставить его на томъ же положеніи, какъ и теперь, да и бумагу насчетъ наследства отъ него вытребовать.

— Такъ... такъ... знала я, что ты это присовѣтуешь. Ну, хорошо. Положимъ, что сдѣлается по-твоему. Какъ ни ценноно мнѣ будетъ независимка моего всегда подлѣ себя видѣть,—ну, да видно покажутъ обо мнѣ некому. Молода была—крестъ несла, а старухѣ и подавно отъ креста отказываться не слѣдъ. Допустимъ это, будемъ теперь о другомъ говорить. Покуда мы съ маменькой живы—ну, и онъ будетъ жить въ Головлевъ, съ голоду не помретъ. А потомъ какъ?

— Маменька! другъ мой! зачѣмъ же черныя мысли?

— Черныя ли, бѣлыя ли—подумать все-таки надо. Не молоденькіе мы. Некогдаемъ оба—что съ нами тогда будетъ.

— Маменька! да поужо-жъ вы на насъ, вашихъ дѣтей, не надѣетесь? Въ такихъ ли мы правилахъ вами были воспитаны?

И Порфирій Владиміръчъ взглянулъ на нее однимъ изъ тѣхъ загадочныхъ взглядовъ, которые всегда приводили со въ смущеніе.

«Закладывает!»—откликнулось въ душѣ ея.

— Я, маменька, бѣдному-то еще съ большою радостью помогу! Богатому—что! Христось съ нимъ! У богатаго и своего довольно! А бѣдный—знаете ли, что Христось про бѣдваго-то сказалъ!

Порфирій Владимірычъ всталъ и поцѣловалъ у маменьки ручку.

— Маменька, позвольте мнѣ брату два фунта табаку подарить!—попросилъ онъ.

Арина Петровна не отиѣчала. Она смотрѣла на него и думала: «неужто онъ въ самомъ дѣлѣ такой кровошвецъ, что брата родного на улицу выгонитъ?»

— Ну, дѣлай какъ знаешь! Въ Головлевъ—такъ въ Головлевъ ему жить!—наконецъ сказала она.—Обружлятъ ты меня кругомъ, опуталъ! Началъ съ того: какъ вамъ, маменька, будетъ угодно, а подъ конецъ заставилъ-таки меня подъ свою дудку плясать! Ну, только слушай ты меня! Ненавистникъ онъ мнѣ, всю жизнь онъ меня казнилъ да позорилъ, а наконецъ и надъ родительскимъ благословеніемъ моимъ надругался, а все-таки если ты его за порогъ выгонишь или въ люди заставишь идти—нѣтъ тебѣ моего благословенія! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Ступайте теперь оба къ нему! Чай, онъ и буркалы-то свои проглядѣлъ, васъ высматриваючи!

Сыновья ушли, а Арина Петровна встала и слѣдила, какъ они, ни слова другъ другу не говоря, переходили черезъ красивый дворъ къ конторѣ. Порфирія безпрестанно снимала картузы и престаивалъ: то на церковь, бѣлѣвшуюся вдали, то на часовню, то на деревянный столбъ, къ которому была прикрѣплена кружка для подаишій. Паулуша, повидяному, не могъ оторвать глазъ отъ своихъ салоговъ, на кончикѣ которыхъ такъ и переливались лучи солнца.

— И для кого я припасала? Ночей не досынала, куска не добдала... Для кого?—вырвался изъ груди ея вопль.

Братцы уѣхали; Головлевская усадьба зануетила. Съ усиленною ревностью принялась Арина Петровна за прерванные хозяйственныя занятія; притихла стукотня новарскихъ пожей на кухнѣ, но зато удвоилась дѣятельность въ конторѣ, въ амбарахъ, кладовыхъ, погребахъ и т. д. Лѣто-припасуха приближалось къ концу; шло варенье, соленье, приготовленіе впрокъ; отовсюду стекались запасы на зиму, изъ всѣхъ вѣчныхъ возами привозилась бабья натуральная повинность:

сушеные грибы, ягоды, яйца, овощи и проч. Все это мѣрилось, принималось и присовокуплялось къ запасамъ прежнихъ годовъ. Недаромъ у Головлевской барыни была выстроена цѣлая линия погребовъ, кладовыхъ и амбаровъ; все они были познаны-полихоньки, и не мало было въ нихъ перченого матеріала, къ которому приступить нельзя было ради гнилого запаха. Весь этотъ матеріалъ сортировался къ концу лѣта, и та часть его, которая оказывалась ненадежною, сдавалась въ застольную.

— Огурчики-то еще хороши, только сверху немножко словно поослизили, принахиваютъ; ну, да ужъ пусть дворяне полакомятся!—говорила Арина Петровна, приказывая отставить то ту, то другую кадку.

Степанъ Владиміръчъ удивительно освоился со своимъ новымъ положеніемъ. По временамъ ему до страсти хотѣлось «дерябнуть», «кулинуть» и вообще «закатиться» (у него, какъ увидимъ дальнѣе, были даже деньги для этого), но онъ съ самоотверженіемъ воздерживался, словно разсчитывая, что «самое время» еще не наступило. Теперь онъ былъ ежеминутно занятъ, ибо принималъ живое и суетливое участіе въ процессѣ принасація, безкорыстно радуясь и печалясь удачамъ и неудачамъ Головлевскаго скондомства. Въ какомъ-то азартѣ пробирался онъ отъ конторы къ погребамъ, въ одномъ халатѣ, безъ шапки, хорошился отъ матери позади деревьевъ и всевозможныхъ кѣтушекъ, загромождавшихъ красный дворъ (Арина Петровна, впрочемъ, не разъ замѣчала его въ этомъ видѣ, и заключала-таки съ родительское сердце, чтобъ Степку-балбеса хорошенько осадить, но, по размышленіи, она махнула на него рукой), и тамъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдилъ, какъ разгружались подводы, приносились съ усадьбы банки, бочонки, кадунки, какъ все это сортировалось и, наконецъ, исчезало въ зыбущей безднѣ погребовъ и кладовыхъ. Въ большей части случаевъ онъ оставался доволенъ.

— Сегодня рыжиковъ изъ Дубровина привезли двѣ тележки—вотъ, братъ, такъ рыжники!—въ восхищеніи сообщалъ онъ земскому.—А мы ужъ думали, что на зиму безъ рыжиковъ останемся! Спасибо, спасибо дубровинцамъ! Молодцы дубровинцы! Выручили!

Или:

— Сегодня мать карасей въ пруду паловить велѣла—ахъ, хороши старики! Больше чѣмъ въ полъ-аршина сеты! Должно-быть, мы всю эту недѣлю карасями питаться будемъ!

Иногда, впрочемъ, и печалился.

— Огурчики-то, братъ, нынче не удалась! Корявые да съ пятнами—нѣтъ настоящаго огурца, да и шабашы! Видно, прошлагодними будемъ питаться, а нынѣшніе въ застольную, больше некуда!

Но вообще хозяйственная система Арины Петровны не удовлетворяла его.

— Сколько, братъ, она добра перепошла—страсти! Та-скали нынче, таскали: солонину, рыбу, огурцы—все въ застольную велѣла отдать! Развѣ это дѣло? Развѣ расчетъ такимъ образомъ хозяйство вести? Свѣжаго запаса пропасть, а она и не прикоснется къ нему, покуда всей старой гнили не прѣветъ!

Увѣренность Арины Петровны, что со Стенки-балбеса какую угодно бумагу безъ труда стробовать можно, оправдалась вполнѣ. Онъ не только безъ возраженій подписалъ всѣ присланныя ему матерью бумаги, но даже хвастался въ тотъ же вечеръ земскому:

— Сегодня, братъ, я все бумаги подписывалъ. Отказныя все—чистъ теперь! Ни плошки, ни ложки—ничего теперь у меня нѣтъ, да и впредь не предвидится! Успокоить старуху!

Съ братьями онъ разстался мирно и былъ въ восторгѣ, что теперь у него цѣлый запасъ табаку. Конечно, онъ не могъ воздержаться, чтобъ не обозвать Порфишу кровни-вушкой и Иудушкой, но выраженія эти совершенно неза-мѣтно утопили въ цѣломъ потокѣ болтовни, къ которой нельзя было удочить ни одной связной мысли. На прощанье братцы расщедрились и даже дали денегъ, при чемъ Порфирій Владиміръчъ сопровождалъ свой даръ слѣдую-щими словами:

— Маслина въ лампаду загодится или Богу свѣчку поставитъ захочется—ага, деньги-то и есть. Такъ-то, братъ! Живи-ко, братъ, тихо да смирно—и маменька будетъ тобой довольна, и тебѣ будетъ покойно, и всѣмъ намъ весело и радостно. Мать—вѣдь она добрая, другъ!

— Добрая-то добрая,—согласился и Стенка Владиміръчъ:—только вотъ солониной прогуклой кормитъ!

— А кто виновать? Кто надъ родительскимъ благосло-веніемъ надругался? Самъ виновать, самъ имѣйнице-то спустил! А имѣйнице-то какое было: кругленькое, прель-годное, пречудесное имѣйнице! Вотъ кабы ты повелъ себя скромненько да ладненько, вѣдь бы ты и говядину, и те-лятину, а не то такъ и соусу бы приказалъ. И всего

было бы у тебя довольно: и картофельцу, и калустки, и горошку... Такъ ли, братъ, я говорю?

Если-бъ Арина Петровна слышала этотъ діалогъ, напѣрно она не воздержалась бы, чтобъ не сказать: «ну, затарантила таранта!» Но Степка-баабестъ имѣнно тѣмъ и счастливъ былъ, что слухъ его, такъ сказать, не задерживалъ постороннихъ рѣчей. Гудушка могъ говорить сколько угодно и быть вполне увѣреннымъ, что ни одно его слово не достигнетъ по назначенію.

Однимъ словомъ, Степанъ Владиміръчъ проводилъ братьевъ дружескиюбно и не безъ самодовольства показалъ Якову-земскому двѣ двадцатипятирублевья бумажки, отившіяся въ его рукъ послѣ прощанія.

— Теперь, братъ, мнѣ надолго станеть!—сказалъ онъ.— Табакъ у насъ есть, чаемъ и сахаромъ мы обезпечены, только вина недоставало—захотимъ, и вино будетъ! Впрочемъ, покада еще придержусь—времени теперь итъ, па погребъ сбѣжать надо! Не присмотри крошечку—многю растацати! А видѣла, братъ, она меня, видѣла, вѣдьма, какъ я однажды около застойной по стѣнкѣ пробирался! Стоитъ это у окна, смотреть, чай, па меня да думаетъ: «то-то я огурцовъ не досчитываюсь,—ахъ вотъ оно чтѣ».

Но вотъ, наконецъ, и октябрь на дворѣ; полились дождя; улица почернѣла и сдѣлалась непроходимюю. Степану Владиміръчу некуда было выйти, потому что на ногахъ у него были заношенные паченькины туфли, на плечахъ старый паченькинъ халатъ. Безвыходно сидѣлъ онъ у окна въ своей комнатѣ и сквозь двойная рамы смотрѣлъ на крестьянскій поселокъ, утонувшій въ грязи. Тамъ, среди сѣрыхъ испареній осени, словно черныя точки, проворно мелькали люди, которыхъ не успѣла сломить лѣтняя страда. Страда не прекращалась, а только получила новую обстановку, въ которой лѣтніе ликующіе тоны замѣнялись непрерывающимися осенними сумерками. Овны курились за полночь; стукъ цѣповъ унылою дробью разносился по всей окрестности. Въ барскихъ ригахъ тоже шла молотба и въ конторѣ поговаривали, что врядъ ли ближе масляницы управитъ ся со всей массой господскаго хлѣба. Все гадѣло сумрачно, сонно, все говорило объ угнетеніи. Двери конторы уже не были отперты пастежь, какъ лѣтомъ, и въ самомъ ся помѣщеніи плавалъ сизый туманъ отъ испареній мокрыхъ полушубковъ.

Трудно сказать, какое впечатлѣніе производила па Сте-

пая Владимірыча картина трудовой деревенской осени, и даже сознавалъ ли онъ въ ней страду, продолжающуюся среди мѣсива грязи, подь непрерывнымъ ливнемъ дождя; но достоверно, что сѣрое, вѣчно слезливое небо осени давило его. Казалось, что оно виситъ непосредственно надъ его головой и грозитъ утопить его въ развернувшихся хлябяхъ земли. У него не было другого дѣла, какъ смотрѣть въ окно и слѣдить за грузными массами облаковъ. Съ утра, чуть брезжили свѣтъ, ужъ весь горизонтъ былъ сплошь обложенъ ими; облака стояли словно застывшія, очарованныя; проходили часы, другой, третій, а они все стояли на одномъ мѣстѣ и даже незамѣтно было ни малѣйшей перемены ни въ колерѣ, ни въ очертаніяхъ ихъ. Вотъ это облако, что пониже и почернѣе другихъ: и давеча оно имѣло разорванную форму (точно понгъ въ рясѣ съ распротертыми врозь руками), отчетливо выступавшую на бѣлосоватомъ фонѣ верхнихъ облаковъ,—и теперь, въ полдень, сохранило ту же форму. Правая рука, правда, покорооче сдѣлалась, зато лѣвая безобразно вытянулась, и лѣтъ изъ нея, лѣтъ такъ, что даже на темномъ фонѣ неба обозначилась еще болѣе темная, почти черная полоса. Вотъ и еще облако подалше: и давеча оно громаднымъ косматымъ комомъ висѣло надъ сосѣдней деревней Нагловкой и, казалось, угрожало задунить ее—и теперь тѣмъ же косматымъ комомъ на томъ же мѣстѣ виситъ, а лапы книзу протянуло, словно вотъ-вотъ прыгнуть хочетъ. Облака, облака и облака—такъ весь день. Часовъ около пяти нослѣ обѣда обратнается метаморфоза: окрестность постепенно заволакивается, заволакивается и, наконецъ, совсѣмъ пропадаетъ. Сначала облака исчезнутъ и всѣ затянутся безразличной черной пеленою; потомъ куда-то пропадетъ лѣсъ и Нагловка; за нею утонетъ церковь, часовня, ближній крестьянскій поселокъ, фруктовый садъ, и только глазъ, пристально слѣдящій за процессомъ этихъ таинственныхъ исчезновеній, еще можетъ различать стоящую въ нѣсколькихъ саженьяхъ барскую усадьбу. Въ комнатѣ ужъ совсѣмъ темно; въ конторѣ еще сумерничаютъ, не зажигаютъ огня; остается только ходить, ходить, ходить безъ конца. Болѣзненная истома сковываетъ умъ; во всемъ организмѣ, несмотря на бездѣятельность, чувствуется безпричинное, невыразимое утомленіе; одна только мысль мечется, сосетъ и давитъ—и эта мысль: гробы! гробы! гробы! Вотъ эти точки, что давеча мелькали на темномъ фонѣ грязи, около деревенскихъ гуменъ,—ихъ

эта мысль не гнететъ, и онѣ не погибнуть подъ бременемъ упыня и истомы: онѣ ежель и не борются прямо съ немощью, то по крайней мѣрѣ барахтаются, что-то устраиваютъ, ограждаютъ, ухищряютъ. Стѣдить ли ограждать и ухищривать то, надъ устройствомъ чего онѣ день и ночь выбиваются изъ силъ—это не приходило ему на умъ; но онѣ сознавать, что даже и эти безыменные точки стоятъ неизмѣримо выше его, что онѣ и барахтаться не можетъ, что ему нечего ни ограждать, ни ухищривать.

Вечера онѣ проводилъ въ конторѣ, потому что Арина Петровна попрежнему не отпускала для него свѣчей. Нѣсколько разъ просилъ онѣ черезъ бурмистра, чтобъ прислали ему сапоги и полусапожокъ, но получилъ отвѣтъ, что сапоговъ для него не припасено, а вотъ наступить заморозки, то будутъ ему выданы валенки. Очевидно, Арина Петровна намѣревалась буквально выюзнить свою программу; содержать постылаго въ такой мѣрѣ, чтобъ онѣ только не умеръ съ голоду. Сначала онѣ ругалъ мать, но потомъ словно забылъ о ней; сначала онѣ что-то припоминалъ, потомъ пересталъ и припоминать. Даже свѣтъ свѣчей, зажженныхъ въ конторѣ, и тотъ опостылялъ ему, и онѣ затворялся въ своей комнатѣ, чтобъ остаться одинъ-наодинъ съ темнотою. Впереди у него былъ только одинъ ресурсъ, котораго онѣ никуда еще боялся, но который съ неудержимою силой тянулъ его къ себѣ. Этотъ ресурсъ—напиться и позабыть. Позабыть глубоко, безвозвратно, окупиться въ волну забвенія до того, чтобъ и выкарабкаться изъ нея было нельзя. Все увлекало его въ эту сторону: и буйныя привычки прошлаго, и насильственная бездѣятельность настоящаго, и больной организмъ съ удущивымъ кашлемъ, съ несносною, ничѣмъ не вызываемою одышкой, съ постоянно усиливающимися колотьями сердца. Наконецъ, онѣ не выдержалъ.

— Сегодня, братъ, надо ночью штофъ принасти,—сказалъ онѣ однажды земскому голосомъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго.

Сегодняшній штофъ привелъ за собой цѣлый послѣдовательный рядъ новыхъ, и съ этихъ поръ онѣ аккуратно каждую ночь нашивался. Въ девять часовъ, когда въ конторѣ гасили свѣтъ и люди расходились по своимъ логовищамъ, онѣ ставилъ на столъ припасенный штофъ съ водкой и ломоть чернаго хлѣба, густо посыпанный солью. Не сразу пристуналъ онѣ къ водкѣ, а словцо подбравался

къ ней. Кругомъ все засыпало мертвымъ сномъ; только мыши скреблись за оставшими отъ стѣпъ обоями да часы назойливо чикали въ конторѣ. Снявши халатъ, въ одной рубашкѣ, сновалъ онъ изадъ и впередъ по жарко натопленной комнатѣ, по временамъ останавливался, подходить къ столу, шарилъ въ темнотѣ штофъ и вновь принимался за ходьбу. Первые рюмки онъ выпивалъ съ прибаутками, сладострастно всасывая въ себя жгучую влагу; но мало-по-малу бѣшеніе сердца учащалось, голова загоралась и языкъ начиналъ бормотать что-то несвязное. Притупленное воображеніе силлось создать какіе-то образы, помертвѣлая память пробовала прорваться въ область прошлаго; но образы выходили разорванные, бессмысленные, а прошлое не откликалось ни однимъ воспоминаніемъ, ни горькимъ, ни свѣтлымъ, словно между нимъ и настоящей минутой разъ навсегда встала плотная стѣна. Передъ нимъ было только настоящее въ формѣ наглухо замертой тюрьмы, въ которой безслѣдно потонула и идея пространства, и идея времени. Комната, печь, три окна въ наружной стѣнѣ, деревянная скрипучая кровать и на ней топкій, притонганный тюфякъ, столъ съ стоящимъ на немъ штофомъ—ни до какихъ другихъ горизонтовъ мысль не додумывалась. Но по мѣрѣ того, какъ убывало содержаніе штофа, по мѣрѣ того, какъ голова распалаялась, даже и это скудное чувство настоящего становилось не подъ силу. Бормотанье, имѣвшее вначалѣ хоть какую-нибудь форму, окончательно разлагалось; зрачки глазъ, усиливаясь различить очертанія тьмы, безмѣрно расширялись; самая тьма, наконецъ, исчезала и взамѣнъ ея являлось пространство наполненное фосфорическимъ блескомъ. Это была безконечная пустота, мертвая, не откликающаяся ни однимъ жизненнымъ звукомъ, зловѣще-лучезарная. Она слѣдовала за нимъ по пятамъ, за каждымъ оборотомъ его шаговъ. Ни стѣны, ни оконъ—ничего не существовало; одна безгранично тянущаяся, свѣтящаяся пустота. Ему становилось страшно; ему нужно было заморить въ себѣ чувство дѣйствительности до такой степени, чтобъ даже пустоты этой не было. Еще нѣсколько усилій—и онъ былъ у цѣли. Спотыкающіяся ноги изъ стороны въ сторону носили онѣмѣвшее тѣло, грудь издавала не бормотанье, а крикъ; самое существованіе какъ бы прекращалось. Наступало то страшное оцѣпенѣніе, которое, нося на себѣ всѣ признаки отсутствія сознательной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно

указывало на присутствіе какой-то особенной жизни, развивавшейся независимо отъ какихъ бы то ни было условий. Стоны за стонами вырывались изъ груди, нимаю не парущая сна; органическій недугъ продолжать свою развѣдающую работу, не причиняя, повидному, физическихъ болей.

Утромъ онъ просыпался со свѣтомъ, и вмѣстѣ съ нимъ просыпались тоска, отращеніе, ненависть. Ненависть безъ протеста, ничѣмъ необусловленная, ненависть къ чему-то неопредѣленному, не имѣющему образа. Воспаленные глаза безсмысленно останавливаются то на одномъ, то на другомъ предметѣ и долго, и пристально смотрятъ; руки и ноги дрожатъ; сердце то замретъ, словно внизъ покатится, то начнетъ колотить съ такою силой, что рука невольно хватается за грудь. Ни одной мысли, ни одного желанія. Передъ глазами пелка, и мысль до того переполняется этимъ представленіемъ, что не принимаетъ никакихъ другихъ впечатлѣній. Потомъ окно замѣнило пѣчку; окно, окно, окно... Не нужно ничего; ничего, ничего не нужно. Трубка набивается и закуривается машинально и недокуренная опять выпадаетъ изъ рукъ; языкъ что-то бормочетъ, но, очевидно, только по привычкѣ. Самое лучшее: сидѣть и молчать и смотрѣть въ одну точку. Хорошо бы онокмелиться въ такую минуту; хорошо бы настолько поднять температуру организма, чтобы хотя на короткое время ощутить присутствіе жизни, но днемъ ни за какія деньги нельзя достать водки. Нужно дожидаться ночи, чтобы опять дорваться до тѣхъ блаженныхъ минутъ, когда земли исчезаетъ изъ-подъ ногъ и вмѣсто четырехъ постылыхъ стѣнъ передъ глазами открывается безпредѣльная свѣтящаяся пустота.

Арина Петровна не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ «балбесъ» проводить время въ конторѣ. Случайный проблескъ чувства, мелькнувшій-было въ разговорѣ съ кровникомъ Порфишей, погасъ мгновенно, такъ что она и не замѣтила. Съ ея стороны не было даже систематическаго образа дѣйствія, а было простое забвеніе. Она со-всѣмъ потеряла изъ вида, что подлѣ нея, въ конторѣ, живетъ существо, связанное съ нею кровными узами, существо, которое, быть-можетъ, изнываетъ въ тоскѣ по жизни. Какъ сама она, разъ войдя въ колею жизни, почти машинально наполняла ее однимъ и тѣмъ же содержимымъ, такъ, по мнѣнію ея, должны были поступать и другіе. Ей

не приходило на мысль, что самый характер жизненного содержания изменяется сообразно съ множествомъ условий, такъ или иначе сложившихся, и что, наконецъ, для однихъ (въ томъ числѣ для нея) содержание это представляетъ нѣчто излюбленное, а для другихъ — постылое и невольное. Поэтому хотя бурмистръ неоднократно докладывала ей, что Степанъ Владиміровичъ «пехоронитъ», но доклады эти проскальзывали мимо ушей, не оставляя въ ей умѣ никакого впечатлѣнія. Много-много если она отвѣчала на нихъ стереотипною фразой:

— Небось, отдышитесь, еще насъ съ тобой переживутъ! Что ему, жеребцу долговязому, дѣлается! Капляется! Иной сряду тридцать лѣтъ капляется, и все равно что съ гуся вода!

Тѣмъ не менѣе, когда ей однажды утромъ доложили, что Степанъ Владиміровичъ почью исчезъ изъ Головлева, она вдругъ пришла въ себя. Немедленно разслала весь домъ на поиски и лично приступила къ слѣдствію, начавъ съ осмотра комнаты, въ которой жилъ постылый. Первое, что поразило ее, это стоящій на столѣ штофъ, на днѣ котораго еще плескалось немного жидкости, и который впоныхахъ не догадались убрать.

— Это что?—спросила она, какъ бы не понимая.

— Стало-быть... занимались!—отвѣчала, заминаясь, бурмистръ.

— Кто доставалъ?—начала-было она, но потомъ спохватилась и, затанувъ свой гнѣвъ, продолжала осмотръ.

Комната была грязна, черна, заслякончена такъ, что даже ей, не знавшей и не признававшей никакихъ требованій комфорта, сдѣлалось неловко. Потолокъ былъ законченъ, обои на стѣнахъ треснули и во многихъ мѣстахъ висѣли ключьями; подоконники чернѣли подъ густымъ слоемъ табачной золы; подушки валялись на полу, покрытомъ липкою грязью; на кровати лежала скомканная простыня, вся сѣрая отъ насѣвшихъ на нее нечистотъ. Въ одномъ окнѣ зимняя рама была выставлена или, лучше сказать, выдрана, и самое окно оставлено пріотвореннымъ: этимъ путемъ, очевидно, и исчезъ постылый. Арина Петровна инстинктивно взглянула на улицу и перепугалась еще больше. На дворѣ стоялъ уже ноябрь въ началѣ, и осень въ этотъ годъ была особенно продолжительна, и морозы еще не наступали. И дорога, и поля—все стояло черное, размокшее, невылазное. Какъ онъ прошелъ? Куда? И тутъ же ей вспомнилось, что на немъ ничего не было, кромѣ жа-

лага да тифель, изъ которыхъ одна была найдена подъ опломъ, и что всю прошедшую ночь, какъ на грѣхъ, не переставаячи шель дождь.

— Давненько-таки я у васъ здѣсь, голубчики, не была! — молвила она, вдыхая въ себя вмѣсто воздуха какую-то отвратительную смѣсь сивухи, тютюна и прокислыхъ овчинъ.

Весь день, покуда люди шарили по лѣсу, она простояла у окна, съ туннымъ вниманіемъ вглядываясь въ обнаженную даль. Изъ-за балбеса да такая кутерьма! Ей казалось, что это какой-то нелѣпый сонъ. Говорила тогда, что надо его въ вологодскую деревню сослать — такъ пѣть, лебезить проклятый Гудушка: «оставьте, маменька, въ Головлевы!» — вотъ и купайся теперь съ нимъ! Жить бы онъ тамъ за глазно, какъ хотѣлъ — и Христюсь бы съ нимъ! Свое дѣло сдѣлала: одинъ кусокъ промотала — другой выбросила! А другой бы промотала — ну, и не погнѣвайся, батюшка! Богъ — и тотъ на несмытую утробу не паласется! И все бы у васъ было смирно да мирно, а теперь — легко ли штуку какую удрала! Ници его по лѣсу да сниця! Хорошо еще, какъ живого въ домъ привезутъ — вѣдь съ пьяныхъ-то глазъ и къ петлю угодить недолго! Взять веревку, зацѣпить за сукъ, обмотать кругомъ шею, да и былъ таковъ! Мать ночей не досынала, куска не доѣдала, а онъ, патко, какую моду выдумалъ — вѣшаться вздумалъ! И добро бы худо ему было, вѣсть-нить бы не давали, работой бы изнуряли, а то слонялся цѣлый день взадъ и впередъ по комнатамъ, какъ оглашенный, вѣль да пилъ, вѣль да пилъ! Другой бы не зналъ, чѣмъ мать отблагодарить, а онъ вѣшаться вздумалъ — вотъ такъ одожила сыночекъ любезный!

Но на этотъ разъ предположенія Арины Петровны относительно насильственной смерти балбеса не оправдались. Къ вечеру въ виду Головлева показалась кибитка, запряженная парой крестьянскихъ лошадей, и подвезла бѣглеца къ конторѣ. Онъ находился въ полубезчувственномъ состояніи, весь избитый, порѣзанный, съ посинѣлымъ и распухшимъ лицомъ. Оказалось, что за ночь онъ дошелъ до Дубровинской усадьбы, отстоявшею въ двадцати верстахъ отъ Головлева.

Цѣлыя сутки послѣ того онъ проспалъ, на другія — проснулся. По обыкновенію онъ началъ шагать взадъ и впередъ по комнатамъ, но къ трубкѣ не прикоснулся, словно

позаблть, и на всѣ вопросы не проронилъ ни одного слова. Съ своей стороны Арина Петровна настолько восчувствовала, что чуть было не приказала перенести его изъ конторы въ барскій домъ, но потомъ успокоилась и опять оставила балбеса въ конторѣ, приказавши вымыть и почистить его комнату, переменить постельное бѣлье, повѣсить на окнахъ шторы и проч. На другой день, вечеромъ, когда ей доложили, что Степанъ Владиміръчъ проснулся, она велѣла позвать его въ домъ къ чаю и даже отыскала ласковые тоны для объясненія съ нимъ:

— Ты куда-жъ это отъ матери уходилъ?—начала она.— Знаешь ли, какъ ты мать-то обезножилъ? Хорошо еще, что папенька ни объ чемъ не узналъ—каково бы ему было при его-то положеніи?

Но Степанъ Владиміръчъ, повидимому, остался равнодушнымъ къ материнской ласкѣ и уставился неподвижными, стеклянными глазами на салную свѣчку, какъ бы слѣдя за нагаромъ, который постепенно образовывался на фитилѣ.

— Ахъ, дурачокъ, дурачокъ!—продолжала Арина Петровна все ласковѣе и ласковѣе.— Хотя бы ты подумалъ, какая черезъ тебя про мать слава пойдетъ! Вѣдь завистниковъ-то у ней—слава Богу! И нивѣсть что налетутъ! Скажутъ, что и не кормила-то, и не одѣвала-то... Ахъ, дурачокъ, дурачокъ!

То же молчаніе и тотъ же неподвижный, бессмысленно-устремленный въ одну точку взоръ.

— И чѣмъ тебѣ худо у матери стало? Одѣтъ ты и сытъ—слава Богу! И теплѣхонько тебѣ, и хорошихонько... Чего бы, кажется, пскаты! Скучно тебѣ, такъ не прогнѣвайся, другъ мой,—на то и деревня! Веселіе въ да баловъ у насъ нѣтъ—и всѣ сидимъ по угламъ да скучаемъ! Вотъ я и рада была бы поплясать да ибени понѣтъ, анъ, посмотришь на улицу—и въ церковь-то Волю въ такую мокреть бхати охоты нѣтъ!

Арина Петровна остановилась, въ ожиданіи, что балбесъ хоть что-нибудь промолвитъ; но балбесъ словно окаменѣлъ. Сердце мало-по-малу закинаеть въ ней, но она все еще сдерживается.

— А сжеля ты чѣмъ недоволенъ быть—кушанья, можетъ-быть, не достало, или изъ бѣлья тамъ—развѣ не могъ ты матери откровенно объяснить? Маленька, молъ, душевненька, прикажите печеночки или тамъ ватрушечки изго-

товить—неужто мать въ кускѣ-то отказала бы тебѣ? Или вотъ хоѣь бы и вина—пу, захотѣлось тебѣ вина, пу, и Христось съ тобой! Рюмка, двѣ рюмки—неужто матери жалко? А то натко: у раба попросить не стыдно, а матери слово молвить тяжело!

Но напраслы были всѣ льстивыя слова: Степанъ Владиміръчъ не только не расчувствовался (Арина Петровна надѣялась, что онъ ручку у нея поцѣлуетъ) и не обнаружилъ раскаянiя, но даже какъ-будто ничего не слыкалъ.

Съ этихъ поръ онъ безусловно замолчалъ. По цѣлымъ днямъ ходилъ по комнатѣ, наморщивъ угрюмо лобъ, шевеля губами и по чувствуя усталости. Временами останавливался, какъ бы желая что-то выразить, но не находилъ слова. Повидимому, онъ не утратилъ способности мыслить; но впечатлѣнiя такъ слабо задерживались въ его мозгу, что онъ тотчасъ же забывалъ ихъ. Поэтому неудача въ отысканiи нужнаго слова не вызывала въ немъ даже ностерiйныя. Арина Петровна съ своей стороны думала, что онъ непременно подождетъ усадьбу.

— Цѣлый день молчишь!—говорила она.—Вѣдь думаешь же, балбесъ, объ чемъ-нибудь, нукуда молчишь! Вотъ помините мое слово, ежели онъ усадьбы не спалитъ!

Но балбесъ просто совсѣмъ не думалъ. Казалось, онъ весь погрузился въ безразсѣтную мглу, въ которой нѣтъ мѣста не только для дѣйствительности, но и для фантазiи. Мозгъ его вырабатывалъ нѣчто, но это нѣчто не имѣло отношенiя ни къ прошедшему, ни къ настоящему, ни къ будущему. Слово черное облако окутало его съ головы до ногъ, и онъ всматривался въ него, въ него одного, слѣдилъ за его воображаемыми колебанiями и по временамъ вздрагивалъ и словно оборонялся отъ него. Въ этомъ загадочномъ облакѣ потопнулъ для него весь физическій и умственный міръ...

Въ декабрѣ того же года Порфирiй Владиміръчъ получилъ отъ Арины Петровны письмо слѣдующаго содержанiя:

«Вчера утромъ постигло насъ новое, приспослланное отъ Господа, испытанiе: сынъ мой, а твой братъ, Степанъ, скончался. Еще съ вечера наканунѣ былъ здоровъ совершенно и даже поужиналъ, а на утро найденъ въ постели мертвымъ—такова сей жизни скоротечность! И что всего для материнскаго сердца прискорбиѣе: такъ, безъ нанутствiя, и оставилъ сей суетный міръ, дабы устремиться въ область неизвѣстнаго.

«Сіе да послужить намъ всѣмъ урокомъ: кто семейными узами небрежетъ—всегда долженъ для себя такового конца ожидать. И неудачи въ сей жизни, и напрасная смерть, и вѣчныя мученія въ жизни слѣдующей—все изъ сего источника происходитъ. Ибо, какъ бы мы ни были высокоумы и даже знатны, но ежели родителей не почитаемъ, то оныя какъ разъ и высокоуміе и знатность нашу въ ничто обратятъ. Таковы правила, кои всякій живущій въ семъ мірѣ человекъ затвердить долженъ, а рабы, сверхъ того, обязаны почитать господъ».

«Впрочемъ, несмотря на сіе, всѣ почести отпущену въ вѣчность были отданы сподвижнику, яко сыну. Покровъ изъ Москвы выписали, а погребеніе совершилъ извѣстный тебѣ отецъ-архимандритъ соборне. Сорокоусты же и поминовенія и по днесь совершаются, какъ слѣдуетъ, по-христіанскому обычаю. Жаль сына, но роптать не смѣю, и вамъ, дѣти мои, не совѣтую. Ибо кто можетъ сіе знать?—мы здѣсь ропщемъ, а его душа въ горнихъ увеселится!»

II.—По-родственному.

Жаркій июльскій полдень. На Дубровинской барской усадьбѣ словно все вымерло. Не только досушіе, но рабочие люди разбрелись по угламъ и улеглись въ тѣнь. Собаки раскинулись подъ навѣсомъ громадной ивы, стоящей посреди краснаго двора, и слышно, какъ онѣ хлюпаютъ зубами, ловя въ полусгнѣ мухъ. Даже деревья стоятъ понурья и неподвижныя, точно замученныя. Всѣ окна, какъ въ барскомъ домѣ, такъ и въ людскихъ, открыты настежь. Жаръ такъ и окочиваетъ сверху горячей волной; земля, покрытая коротенькой, опазеной травой, пылаетъ; пестрый свѣтъ, словно золотистою дымкой, задернулъ окрестность, такъ что съ трудомъ можно различать предметы. И барскій домъ, когда-то выкрашенный стѣрой краской, а теперь побѣлѣвшій, и маленькій палисадникъ передъ домомъ, и березовая роща, отдѣленная отъ усадьбы проѣзжей дорожкой, и прудъ, и крестьянскій поселокъ, и ржаное поле, начинающееся сейчасъ за околницей,—все тонетъ въ свѣтящейся мглѣ. Всякіе запахи, начиная съ благоуханій цвѣтущихъ липъ и кончая миазмами скотнаго двора, густою массой стоятъ въ воздухѣ. Ни звука. Только съ кухни доносится дробное отбиваніе поварскихъ ножей, предвѣщающее неизмѣнную окрошку и битки за обѣдомъ.

Внутри господскаго дома царствуетъ безшумная тревога.

Старуха-барыня и двѣ молодыя дѣвушки сидятъ въ столовой и, не притрогиваясь къ вязанью, брошенному на столѣ, словно застали въ ожиданіи. Въ дѣвичьей двѣ женщины занимаютъ приготовленіемъ горчичниковъ и примочекъ, и мѣрное звяканье ложекъ, подобно крику сверчка, прорѣзывается сквозь общее оцѣпенѣніе. Въ коридорѣ осторожно двигаются дѣвочки на босу ногу, перебѣгая по лѣстницѣ изъ антресолей въ дѣвичью и обратно. Но временамъ сверху раздастся крикъ: «что-жь горчичники! Заснули? а?» — и вездѣ затѣмъ стрѣлой промчится дѣвочка изъ дѣвичьей. Наконецъ, слышится скрипъ тяжелыхъ шаговъ по лѣстницѣ, и въ столовую входитъ полковой докторъ. Докторъ—человѣкъ высокій, широкоплечій, съ крѣпкими, румяными щеками, которыя такъ и прыщутъ здоровьемъ. Голосъ у него звонкій, походка твердая, глаза свѣтлые и веселые, губы полныя, сочныя, видъ открытый. Это — жуиръ въ полномъ смыслѣ слова, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ,—жуиръ, который и прежде не отступалъ, и долго еще не отступить ни передъ какой попойкой, ни передъ какимъ объяденіемъ. Одѣтъ по-лѣтнему, шестолемъ, въ пиджечный сюртучокъ необычайной бѣланы, украшенный свѣтлыми гербовыми пуговицами. Онъ входитъ, причмокивая губами и присасывая языкомъ.

— Вотъ что, голубушка, принеси-ка ты намъ водочки да закусить что-нибудь!—отдаетъ онъ приказаніе, останавливаясь въ дверяхъ, ведущихъ въ коридоръ.

— Ну, что? какъ?—тревожно спрашиваетъ старуха-барыня.

— У Бога милостей безъ конца, Арина Петровна!—отвѣчаетъ докторъ.

— Какъ же это? Стало-быть...

— Да такъ же. Денька два-три протянетъ, а потомъ—шабангъ!

Докторъ дѣлаетъ многозначительный жестъ рукою и въ полголоса мурлыкаетъ: — *«Кувырколь, кувырколь, ку-выр-коль по-ле-тинъ»*.

— Какъ же это такъ? Дѣвчани-лѣвчани докторъ — и вдругъ!

— Какіе доктора?

— Земскій нашъ да вотъ городской прѣзжалъ.

— Доктора! Кабы ему мѣсяць назадъ заволочу здоровенную соорудить—быль бы живъ!

— Пеужто-жь такъ-таки ничего и нельзя?

— Сказать: у Бога милостей много, а больше ничего прибавить не могу.

— А можетъ-быть, и подѣйствуетъ?

— Что подѣйствуетъ?

— А вотъ, что теперь... горчичники эти...

— Можетъ быть-съ.

Женщина въ черномъ платьѣ и въ черномъ платьѣ при-
послать подносъ, на которомъ стоитъ графинъ съ водкой и
двѣ тарелки—съ колбасой и жирой. При появленіи ея раз-
говоръ смолкаетъ. Докторъ наливаетъ рюмку, высматриваетъ
ее на свѣтъ и щелкаетъ языкомъ.

— За ваше здоровье, маменька! — говоритъ онъ, обра-
щаясь къ старухѣ-барынѣ и проглотивая водку.

— На здоровье, батюшка!

— Вотъ отъ этого самого Павелъ Владиміръчъ и поги-
баетъ въ цвѣтъ лѣтъ—отъ водки отъ этой!—говоритъ док-
торъ, пріятно морщась и тыкая вилкой въ кружокъ колбасы.

— Да, много черезъ нее людей пропадаетъ.

— Не всякій эту жидкость вмѣститъ можетъ.—оттого! А
такъ какъ мы вмѣститъ можемъ, то и повторимъ! Ваше
здоровье, сударыни!

— Кушайте, кушайте! Вамъ—ничего!

— Мнѣ—ничего! У меня и легкія, и почки, и печенка,
и селезенка—все въ исправности! Да, бинъ, вотъ что! —
обращается онъ къ женщинѣ въ черномъ платьѣ, которая
пріостановилась у дверей, словно прислушиваясь къ бар-
скому разговору.—Что у васъ нынче къ обѣду готовлено?

— Окрошка, да битки, да щипята на жаркое, — отвѣ-
чаетъ женщина, какъ-то кисло улыбаясь.

— А рыба соленая у васъ есть?

— Какъ, сударь, рыбы не бытъ! Осетрина есть, севрю-
жина... Найдется рыбы довольно!

— Такъ скамандуй ты намъ къ обѣду ботвиньи съ осе-
трянкой... звеньинко, знаешь, да пожирить! Какъ тебя: Ули-
тушкой, что ли, звать?

— Улитой, сударь, люди зовуть.

— Ну, такъ живо, Улитушка, живо!

Улитушка уходитъ; на минуту водворяется тяжелое мол-
чаніе. Арина Петровна встаетъ съ своего мѣста и высма-
триваетъ въ дверь, точно ли Улитушка ушла.

— Насчетъ сиротокъ-то говорили ли вы ему, Андрей
Осипычъ?—спрашиваетъ она доктора.

— Разговаривалъ-съ.

— Ну, и что-жь?

— Все одно и то же-сь. «Вот как выздоровѣю, говорить, непременно и духовную, и векселя напишу».

Молчаніе, еще болѣе тяжелое, водворяется въ комнатѣ. Дѣвѣнцы берутъ со стола канвовыя работы, и руки ихъ съ замѣтной дрожью выдѣлываютъ шовъ за швомъ; Арина Петровна какъ-то безнадежно вздыхаетъ; докторъ ходитъ по комнатѣ и насвистываетъ «кувыркомъ, ку-вы-ы-ркомъ».

— Да вы бы хорошенько ему сказали!

— Чего еще лучше: подлець, говорю, будешь, ежели спреть не обезпечишь. Да, маманечка, опростоволохился вы! Кабы мѣсяць тому назадъ вы меня познали, я бы и заводу ему соорудилъ, да и насчетъ духовной постарался бы... А теперь все Гудушкѣ, законному наследнику, достанется... Непременно!

— Бабушка! что-жь это такое будетъ! — почти сквозь слезы жалуется старшая изъ дѣвѣнцъ. — Что-жь это дядя съ нами дѣлаетъ!

— Не знаю, милая, не знаю. Вотъ даже насчетъ себя не знаю. Сегодня—здѣсь, а завтра—ужъ и не знаю гдѣ... Можетъ-быть, Богъ приведетъ гдѣ-нибудь въ сарайчикѣ пошевать, а можетъ-быть, и у мужичка въ избѣ!

— Господи, какой этотъ дядя глухой! — восклицаетъ младшая изъ дѣвѣнцъ.

— А вы бы, молодая особа, язычокъ-то на привязи придержали! — замѣчаетъ докторъ и, обращаясь къ Аринѣ Петровнѣ, прибавляетъ: — Да что же вы сами, маманечка? Сами бы уговорить его попробовали!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не хочется! Даже видѣть меня не хочется! Намеднишь сунула-сь-было я къ нему: «напустествовать, что ли, меня пришли?» говорить.

— Я думаю, что это все больше Улитушка... Она его противъ васъ настраиваетъ.

— Она! именно она! И все Порфишкѣ-кровопивцу передаетъ! Сказываютъ, что у него и лошади въ хомутахъ цѣлый день стоять, на случай, ежели братъ отходить начнетъ! И представьте, на-дняхъ она даже мебель, вещи, посуду— все переписала: на случай, дескать, чтобы не пропало чего! Это она насъ-то, насъ-то воровками представить хочетъ!

— А вы бы ее по-военному... Кувыркомъ, знаете, кувыркомъ...

Но не успѣлъ докторъ развить свою мысль, какъ въ

комнату вбѣжала вся зашыхавшаяся дѣвчонка и испуганнымъ голосомъ крикнула:

— Изъ барину! Доктора баринъ требуетъ!

Семейство, которое выступаетъ на сцену въ настоящемъ разсказѣ, уже знакомо намъ. Старуха-барыня—не кто иная, какъ Арина Петровна Головлева; умирающій владѣлецъ Дубровинской усадьбы—ей сынъ, Павелъ Владиміровичъ; на-коонецъ, двѣ дѣвушки: Аннишка и Любинька—дочери покойной Анны Владиміровны Улановой, той самой, которой нѣкогда Арина Петровна «выбросила кусокъ». Прошло не больше десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли ихъ, а положеніе дѣйствующихъ лицъ до того измѣнилось, что не осталось и слѣда тѣхъ искусственныхъ связей, благодаря которымъ Головлевская семья представлялась чѣмъ-то въ родѣ непреступной крѣпости. Семейная твердыня, воздвигнутая неутомимыми руками Арины Петровны, рухнула, по рухнула до того незамѣтно, что она сама, не понимая, какъ это случилось, сдѣлалась соучастницею и даже явнымъ двигателемъ этого разрушенія, настоящей душою котораго былъ, разумеется, Порфишка-кровопивецъ.

Изъ безконтрольной и бранчивой обладательницы Головлевскихъ имѣній Арина Петровна сдѣлалась скромною приживалкою въ домѣ младшаго сына, приживалкою праздною и не имѣющею никакого голоса въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Голова ея поникла, спина сторбилась, глаза потухли, поступь сдѣлалась вялою, неряшливость движеній пронала. Отъ нечего-дѣлать она научилась, на старости лѣтъ, вязанію, но и оно не спорится у ней, потому что мысль ея постоянно гдѣ-то витаетъ. Гдѣ?—она и сама не всегда разберетъ, но, во всякомъ случаѣ, не около вязальныхъ спиць. Посидитъ, повяжетъ нѣсколько минутъ—и вдругъ руки сами собою опустятся, голова откинется на спинку кресель, и начнетъ она припоминать... Припоминаетъ-припоминаетъ, покуда старческаго дремота не охватитъ всего старческаго существа. Или встанетъ и начнетъ бродить по комнатамъ, и все чего-то ищетъ, куда-то заглядываетъ, словно женщина, которая всю жизнь была въ ключахъ и не понимаетъ, гдѣ и какъ она ихъ потеряла.

Первый ударъ власти Арины Петровны былъ нанесенъ не столько отчужденіемъ крѣпостного права, сколько тѣми приготовлениями, которыя предшествовали этой отчужденію. Сначала простые слухи, потомъ дворянскія собранія съ ихъ

адресамъ, потомъ губернскіе комитеты, потомъ редакціонныя комиссіи—все это изнуряло, поселяло смуту. Воображеніе Арины Петровны, и безъ того богатое творчествомъ, рисовало ей цѣлыя массы пустяковъ. То вдругъ вопросъ представится: «Какъ это я Агапку звать буду? Чай, Агаовишковой... а можетъ и Агаовей Федоровной величать придется!» То представится: ходить она по пустому дому, а людишки въ людской забрались и жруги! Жрать надоѣсть — подъ столъ бросаются! То покажется, что заглянула она въ погребъ, а тамъ Юлька съ Оешкой такъ-то за обѣщанья уписываютъ, такъ-то уписываютъ! Хотѣла-было она репримандъ имъ сдѣлать и поперхнулась. «Какъ ты имъ что-нибудь скажешь, теперь онѣ вольныя — па нихъ, поди, и суда нѣтъ!»

Какъ ни ничтожны такіе пустяки, но изъ нихъ постепенно соиздается цѣлая фантастическая дѣйствительность, которая втягиваетъ въ себя человѣка и совершенно парализуетъ его дѣятельность. Арина Петровна какъ-то вдругъ выпустила изъ рукъ бразды правленія и въ теченіе двухъ лѣтъ только и дѣлала, что съ утра до вечера восклицала:

— Хоть бы одно что-нибудь—пагъ или пропады! А то: первый призывъ! второй призывъ! Ни Богу свѣча, ни чорту чертга!

Въ это время, въ самый развалъ комитетовъ, умеръ и Владиміръ Михайлычъ. Умеръ примиренный, умиротворенный, отрешившись отъ Баркова и всѣхъ дѣлъ его. Послѣднія слова его были:

— Благодарю моего Бога, что не допустилъ меня, на ряду съ холодами, предстать передъ лицо Свое!

Слова эти глубоко запечатлѣлись въ воспримчивой душѣ Арины Петровны, и смерть мужа, вмѣстѣ съ фантазмами будущаго, наложила какой-то безнадежный колоритъ на весь Гололевскій обиходъ. Какъ-будто и старый Гололевскій домъ, и все живущее въ немъ—все разомъ собралось умереть.

Порфирій Владимірычъ, по немногимъ жалобамъ, влившимся въ письмахъ Арины Петровны, съ изумительною чуткостью отгадалъ сумятицу, овладѣвшую ея помыслами. Арина Петровна уже не выговаривала и не учительствовала въ письмахъ, но больше всего уповала на Божию помощь, «которая, по вышнему легковѣрному времени, и работу не оставитъ, а тѣмъ паче тѣхъ, кои, по достаткамъ своимъ, надежнѣйшей опорой для церкви и ея укра-

шенія были». Иудушка истиннѣе поняла, что ежели маменька начинаетъ уповать на Бога, то это значитъ, что въ ея существованіи кроется нѣкоторый изъянъ. И онъ воспользовался этимъ изъяномъ съ свойственною ему лукавою ловкостью.

Передъ самымъ концомъ эмансипаціоннаго дѣла онъ совсѣмъ неожиданно посетилъ Головлево и нашелъ Арину Петровну унывающею, почти измученною.

— Что? какъ? что въ Петербургѣ поговариваютъ?—былъ первый ея вопросъ по окончаніи взаимныхъ привѣтствій.

Порфиша потупился и сидѣлъ молча.

— Нѣтъ, ты въ мое положеніе войди!—продолжала Арина Петровна, понявъ изъ молчанія сына, что хорошаго ждать нечего.—Теперь у меня однихъ поганонокъ въ двѣдцѣй тридцать штукъ сидитъ—какъ съ ними поступить? Ежели онѣ на моемъ иждивеніи останутся—тѣмъ я ихъ кормить стану? Теперь у меня и капуста, и картофельцу, и хлѣбца—всего довольно, ну, и питаемся поемногу? Картофельцу нѣтъ—велишь капустки сварить; капустки нѣтъ—огурчиками извернешься! А вѣдь тогда я сама за всѣмъ на базарь побѣги, да за все денежки заплати, да купи, да подай—гдѣ на такую ораву напасешься!

Порфиша глядѣлъ милому другу маменькѣ въ глаза и горько улыбался въ знакъ сочувствія.

— Ежели же ихъ на всѣ четыре стороны выпустятъ: бѣгите-молъ, милыя, вытаращивши глаза, ну, ужъ не знаю, не знаю, не знаю, что изъ этого выйдетъ!

Порфиша ухмыльнулся, какъ-будто ему и самому очень ужъ смѣшно показалось, «что изъ этого выйдетъ».

— Нѣтъ, ты не смѣйся, мой другъ! Это дѣло такъ серьезно, такъ серьезно, что развѣ ужъ Господь ихъ разуму прибавитъ—ну, тогда... Скажу хоть бы про себя: вѣдь и я не огрызокъ; какъ-ни-какъ, а и меня пристроить вѣдь надобно. Какъ тутъ поступить? Вѣдь мы какое воспитаніе-то получили? Потанцовать, да поиграть, да гостей принять—что я безъ поганонокъ-то безъ своихъ дѣлать буду? Ни я подать, ни принять, ни приготовить для себя—ничего вѣдь я, мой другъ, не могу!

— Богъ милостивъ, маменька!

— Былъ милостивъ, мой другъ, а нынче нѣтъ! Были мы хороши—и насъ Царь Небесный жаловалъ; стали дурны—ну, и не прогнѣвайтесь! Ужъ я что думаю: не бросить ли все за добра-ума? Право! Выстрою себѣ из-

бушку около папенькиной могилки, да и буду жить да поживать!

Порфирій Владимірыч наострил уши; на губахъ его показалась слюна.

— А няѣніями кто же распоряжаться будетъ? — возразилъ онъ осторожно, словно закидывая удочку.

— Не погіѣвайтесь, и сами распорядитесь! Слава Богу, припала! Не все мнѣ одной тяготы носить...

Арина Петровна вдругъ словно спотынулася и подняла голову. Въ глаза ея бросилось ослабляющееся, слюнявое лицо Іудушки, все словно масломъ подернутое, все проникнутое какимъ-то плотояднымъ внутреннимъ сіяніемъ.

— Да ты никакъ ужъ хоронить меня собрался! — сухо замѣтила она. — Не рано ли, голубчикъ? Не ошибся!

Такимъ образомъ на первый разъ дѣло кончилось ничѣмъ. Но есть разговоры, которые, разъ начавшись, уже не прекращаются. Черезъ нѣсколько часовъ Арина Петровна вновь возвратилась къ прерванной бесѣдѣ.

— Уѣду къ Сергію-Тронцѣ, — мечтала она: — раздѣлю имѣніе, куплю на посадѣ домишекъ — и заживу!

Но Порфирій Владимірычъ, искушенный давешнимъ опытомъ, на этотъ разъ смолчалъ.

— Прошлаго года, какъ еще покойникъ папенька былъ живъ, — продолжала мечтать Арина Петровна: — сидѣла я у себя въ спальнѣ одна и вдругъ слышу, словно мнѣ кто неплечетъ: «Съѣзди къ чудотворцу!.. съѣзди къ чудотворцу!.. съѣзди къ чудотворцу!» Да вѣдь до трехъ разъ! Я этакъ, знаешь, обернулася, — нѣтъ никого! Однако, думаю: вѣдь это — видѣніе мнѣ! Что-жъ, говорю, коли моя вѣра угодна Богу — я готова! И только что я это выговорила, какъ вдругъ это въ комнатѣ... такое благоуханіе, такое благоуханіе разлилось! Разумѣется, сейчасъ же велѣла укладываться, а къ вечеру ужъ въ дорогѣ была!

У Арины Петровны даже слезы на глазахъ выступили. Іудушка воспользовался этимъ, чтобъ поцѣловать у маменьки ручку, при чемъ позволилъ себѣ даже обнять ее за талію.

— Вотъ теперь вы — панька! — сказалъ онъ. — Ахъ, хорошо, голубушка, коли кто съ Богомъ въ ладу живетъ! И онъ къ Богу съ молитвой, и Богъ къ нему съ помощью. Такъ-то, добрый другъ маменька!

— Пстой! Я еще не все досказала! Приѣзжаю я на другой день вечеромъ въ посадъ, и прямо — къ угоднику. А тамъ всеобщая; ноютъ, свѣчки горятъ, благоуханіе отъ

кадиль: и не знаю, гдѣ я—на землѣ или на небесах! Пошла я отъ всенощной къ іеромонаху Іоаннѣ и говорю: чтой-то, ваше высокопреподобіе, больно у насъ сегодня хорошо въ храмѣ? А онъ мнѣ: «Чего, сударыня! вѣдь нынче отцу Аввакуму видѣніе за всенощной было! Только что началъ онъ руки на молитву заводитъ—смотритъ, анъ, въ самомъ кумнолѣ свѣтъ, и голубь на него смотритъ!» Вотъ съ этихъ поръ и себѣ и положила: какова пора ни мѣра, а конецъ жизни у Сергія-Троицы пожить!

— А объ насъ-то кто позаботится? Объ дѣтяхъ-то вашихъ кто похлопочетъ? Ахъ, маменька, маменька!

— Ну, не маленькіе, и сами объ себѣ промыслите! А я.. удалюсь я съ Анушкиными спиротками къ чудотворцу и заживу у него подъ крылышкомъ! Можетъ-быть, и изъ нихъ у которой-нибудь явится желаніе Богу послужить, такъ тутъ и Хотьковъ рукой подать! Куплю себѣ домичекъ, огородецъ векопая; капустки, картофельцу — всего у меня довольно будетъ!

Нѣсколько дней сряду велся этотъ праздный разговоръ; нѣсколько разъ дѣлала Арина Петровна самыя смѣлыя предположенія, брала ихъ назадъ и опять дѣлала, но, наконецъ, довела дѣло до такой точки, что и отступить ужъ было нельзя. Не далье, какъ черезъ полгода послѣ Іудушкиной побывки, положеніе дѣлъ было слѣдующее: Арина Петровна не уѣхала ни къ Сергію-Троицѣ, ни въ домикъ у могилки мужа, а вмѣнѣ раздѣлила, оставивъ при себѣ только капиталъ. При этомъ Порфирію Владимірычу была выдѣлена лучшая часть, а Павлу Владимірычу — похуже.

Арина Петровна осталась попрежнему въ Головлевѣ, причесть, разумеется, не обошлось безъ семейной комедіи. Іудушка пролилъ слезы и умолилъ добраго друга маменьку управлять его имѣніемъ безотчетно, получать съ него доходы и употреблять по своему усмотрѣнію: «а что вы мнѣ, голубушка, изъ доходовъ удѣлите—я всемъ, даже малостью, буду доволенъ». Напротивъ того, Павелъ поблагодарилъ мать холодно («точно укусить хотѣлъ»), тотчасъ же вышелъ въ отставку («такъ, безъ материнскаго благословенія, какъ оглашенный, и выскочилъ на волю!») и поселился въ Дубровицѣ.

Съ этихъ поръ на Арину Петровну нашло затменіе. Тотъ внутренній образъ Порфишки-кромшца, который она когда-то съ такою рѣдкою проницательностью угады-

вала, вдругъ словно туманомъ задернулся. Казалось, она ничего больше не понимала, кромѣ того, что, несмотря на раздѣль имѣнія и освобожденіе крестьянъ, она попрежнему живетъ въ Головлевъ и попрежнему ни передъ кѣмъ не отчитывается. Тутъ же, ледъ бокомъ, живетъ другой сынъ, но какая разница! Тогда какъ Порфиша и себя, и семью—все выфрлыть маменькиному усмотрѣнію, Павелъ не только ни объ чемъ съ ней не совѣтуется, но даже при встрѣчахъ какъ-то слезою зубы говорить!

И чѣмъ больше затмевался ей разсудокъ, тѣмъ больше раскидалось въ ней сердце ревностью къ ласковому сыну. Порфирій Владимыръчъ ничего у нея не просилъ—она сама шла навстрѣчу его желаніямъ. Мало-по-малу она начала находить недостатки въ фигурѣ Головлевскихъ дачъ. Въ такомъ-то мѣстѣ чужая земля врызывалась въ дачу—хорошо было бы эту землю прикупить; въ такомъ-то мѣстѣ можно бы хуторокъ отдѣльный устроить да покосцу мало, а тутъ, по смежности, и покосецъ продажный есть—ахъ, хорошъ покосъ! Арина Петровна увлекалась и какъ мать, и какъ хозяйка, желающая выставить во всемъ блескѣ свои способности передъ ласковымъ сыномъ. Но Порфирій Владимыръчъ словно въ невронцаемую скорлупу схоронился. Напрасно Арина Петровна соблазняла его покупками—на все ея предложенія приобрести такой-то лѣсокъ или такой-то покосецъ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:—«Я, добрый другъ маменька, и тѣмъ доволенъ, что вы, по милости вашей, мнѣ пожаловали».

Отвѣты эти только разжигали Арину Петровну. Увлекалась, съ одной стороны, хозяйственными задачами, съ другой—полемическими соображеніями относительно «подлеца Павлушки», который жилъ поддѣ и знает ее не хотѣла, она совершенно утратила представление о своихъ дѣйствительныхъ отношеніяхъ къ Головлеву. Прежняя горючка приобретенія съ новою силою овладѣла всѣмъ ея существомъ, но приобретенія уже не за свой собственный счетъ, а за счетъ любимата сына. Головлевское имѣніе разрослось, округлилось и зацвѣло.

И вотъ въ ту самую минуту, когда капиталъ Аринны Петровны до того умалился, что сдѣлалось почти невозможнымъ самостоятельное существованіе на проценты съ него, Лудушка, при самомъ почтительномъ пивьмѣ, придала ей цѣлый тѣкъ формъ счетоводства, которыя должны были служить для нея руководствомъ на будущее время при

составленіи годовой отчетности. Тутъ, рядомъ съ главными предметами хозяйства, стояли: малина, крыжовникъ, грибы и т. д. По всякой статьѣ былъ особенный счетъ, приблизительно слѣдующаго содержанія:

Къ 18** году состояло кустовъ малины 00
 Къ сему поступило вновь посаженныхъ 00
 Съ наличнаго числа кустовъ собрано
 ягодъ 00 п. 00 ф. 00 зол.

Изъ сего числа:

Вами, милый другъ замечка, употреблено 00 » 00 » 00 »
 Израсходовано на варенье для дома Его
 Превосходительства Порфирія Влади-
 мѣрича Головлева 00 » 00 » 00 »
 Дано мальчику N въ награду за добро-
 нравіе — » 1 » — »
 Продано простому народу на лакомство 00 » 00 » 00 »
 Снято, по неизмѣннѣ въ виду покуп-
 щиковъ, а равно и отъ другихъ при-
 чинъ 00 » 00 » 00 »

И т. д., и т. д.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, ежели урожай отчетнаго года менше противъ прошлаго года, то здѣсь должны быть объясняемы причины сего, какъ-то: засуха, дожди, градъ и проч.

Арина Петровна такъ и ахнула. Во-первыхъ, ее поразила скупость Иудушки: она никогда и не слыхивала, чтобъ крыжовникъ могъ составлять въ Головлевѣ предметъ отчетности, а онъ, повидимому, на этомъ предметѣ всего больше и настаивалъ; во-вторыхъ, она очень хорошо поняла, что всѣ эти формы — не что иное, какъ конституція, связывающая ее съ руками и ногами.

Кончилось дѣло тѣмъ, что послѣ продолжительной полемической переписки Арина Петровна, оскорбленная и пеготуемая, перебралась въ Дубровино, а вслѣдъ за тѣмъ и Порфирій Владимѣричъ вышелъ въ отставку и поселился въ Головлевѣ.

Съ этихъ поръ для старухи начался рядъ мутныхъ дней, посвященныхъ насильственному покою. Павелъ Владимѣричъ, какъ человекъ, лишенный постыжковъ, былъ какъ-то особенно придирчивъ въ отношеніи къ матери. Онъ принималъ ее довольно сносно, т. е. общался кормить и поить ее и сиротъ-племянницъ, но подѣ двумя условіями: во-пер-

выхъ, не ходить къ нему на антресоли, а во-вторыхъ— не вмѣшиваться въ распоряженія по хозяйству. Последнее условіе въ особенности волновало Арину Петровну. Всѣмъ въ домѣ Павла Владимірыча заправляли: во-первыхъ, ключница Уланушка, женщина схищная и уличенная въ секретной перепискѣ съ кровопивцемъ Порфишкой, и, во-вторыхъ— бывший папешкинъ камердинеръ Кирушка, ничего не смыслившій въ поведѣствѣ и ежедневно читавшій Павлу Владимірычу халуейскаго свойства поученія. Оба крали немилосердно. Сколько разъ боляло сердце Арины Петровны при видѣ господствующаго въ домѣ расхищенія, сколько разъ порывалась она предупредить, раскрыть сыну глаза насчетъ чая, сахара, масла! Всего этого выходили массы, и неоднократно Уланушка, нимало не стѣняясь присутствіемъ старухи-барыни, даже въ глазахъ ея, прятала въ карманъ цѣлыя пригоршни сахара. Арина Петровна видѣла все, но должна была оставаться безмолвной свидетельницей расхищенія. Потому что едва разбѣвала она ротъ, чтобы замѣтить что-нибудь, какъ Павелъ Владимірычъ въ ту же минуту ее осаживалъ.

— Маменька! — говорилъ онъ: — надобно, чтобы кто-нибудь одинъ въ домѣ распоряжался! Это не я говорю— всѣ такъ поступаютъ. Я знаю, что мои распоряженія глупыя — ну, и пусть будутъ глупыя. А ваши распоряженія умныя — ну, и пусть будутъ умныя! Умыны вы, даже очень умны, а Гудушка, все-таки, безъ угла васъ оставилъ!

Къ довершенію всего, Арина Петровна сдѣлала ужасное открытіе: Павелъ Владимірычъ пилъ. Страсть эта въѣлась въ него крадучись, благодаря деревенскому одиночеству, и, наконецъ, получила то странное развитіе, которое должно было привести къ неизбѣжному концу. Въ первое время, когда въ домѣ поселилась мать, онъ какъ будто еще совѣстился, довольно часто сходилъ съ антресолей внизъ и разговаривалъ съ матерью. Замѣчая, какъ путается его языкъ, Арина Петровна долго думала, что это происходитъ отъ глухоты. Она не любила, когда онъ приходилъ «разговаривать», и считала эти разговоры большимъ для себя притѣсненіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ постоянно и какъ-то нелѣпо ропталъ. То дождя по цѣлымъ недѣлямъ нѣтъ, то вдругъ такой зарядитъ, словно съ цѣли сорвется; то жукъ одолѣлъ, всѣ деревья въ саду обглодалъ; то крокъ появился, всѣ луга варилъ. Все это представляло нестоящимъ источ-

никъ для ропота. Сойдетъ, бывало, съ антресолей, сядетъ противъ матери и начнетъ:

— Кругомъ тучи ходять—Головлево далеко ли? У кровопивца вчера проливной былъ, а у насъ нѣтъ да и вѣтъ! Ходять тучки, похаживаютъ кругомъ—и хоть бы те капля на нашъ пай!

Или:

— Ишь льсть-поливаетъ! Рожь только что зацвѣла, а онъ знай поливаетъ! Половину сѣна ужъ сгноили, а онъ прыскаетъ да попрыскиваетъ! Головлево далеко ли? Кровопивецъ давно съ поля убраля, а мы сиди-посиди! Придется скотину зимой гнилымъ сѣномъ кормить!

Молчитъ-молчитъ Арина Петровна, слушая глупыя рѣчи, но иногда не вытерпитъ и молвитъ:

— Ты бы побольше руки сложа сидѣлъ!

Не успѣетъ она это вымолвить, какъ Павелъ Владиміръ ужъ и взбеленился.

— А вы что-жъ мнѣ прикажете дѣлать? Въ Головлево дождикъ, что ли, перевести?

— Не дождикъ, а вообще...

— Нѣтъ, вы скажите, что, по-вашему, дѣлать мнѣ нужно? Не «вообще», а прямо... Климать, что ли, я для васъ переимѣнитъ долженъ? Вотъ въ Головлевъ: пужень былъ дождикъ—и былъ дождикъ; не пужно дождя—и нѣтъ его! Ну, и растеть тамъ все... А у насъ все напротивъ! Вотъ посмотримъ, какъ-то вы станете разговаривать, какъ вѣтъ нечего будетъ!

— Стало-быть, Божья воля такова...

— Такъ вы такъ и говорите, что Божья воля! А то «вообще»—вотъ какое объясненіе наши!

Иногда дѣло доходило до того, что онъ даже собственностью отягощался.

— И зачѣмъ только это Дубровнио мнѣ досталось?—жаловался онъ.—Что въ немъ?

— Чѣмъ же Дубровнио—не усадьба! Земля хорошая, всего довольно... И что тебѣ вдругъ вздумалось!

— А то и вздумалось, что по нынѣшнему времени совсѣмъ собственности имѣть не надо! Деньги—это такъ! Деньги взялъ, положилъ въ карманъ и удралъ съ ними! А недвижимость эта...

— Да что-жъ это за время такое за особенное, что ужъ и собственности имѣть нельзя?

— А такое время, что вы вотъ газетъ не читаете, а я

читаю: Нынче адвокаты вседѣ пошли—вотъ и понимайте. Узнаешь адвоката, что у тебя собственность есть, и почтень кружить!

— Какъ же онъ тебя кружить будетъ, коль скоро у тебя праведные документы есть?

— Такъ и будетъ кружить, какъ кружать. Или, вотъ, Порфирика-кровопивецъ: найметъ адвоката, а тотъ и будетъ тебѣ повѣстку за повѣсткой присылать!

— Что ты! Не безсудная, чай, земля!

— Оттого и будутъ повѣстки присылать, что не безсудная. Кабы безсудная была, безъ повѣстокъ бы отняли, а теперь съ повѣстками. Вотъ у товарища моего, у Горлопята, дядя умеръ, а онъ возьми да сдуру и прими послѣ него наследство! Наслѣдства-то оказалось грошъ, а долговъ—на сто тысячъ: векселя, да все фальшивые. Вотъ и судятъ его третій годъ сряду: сперва дядино имѣние обрали, а потомъ и его собственное съ аукциону продали! Вотъ тебѣ и собственности!

— Неужто такой законъ есть?

— Кабы не было закона—не продали бы. Стало-быть, всякій законъ есть. У кого совѣсти нѣтъ, для того все законы открыты; а у кого есть совѣсть, для того и законъ закрыть. Поди, отыскивай его въ книгѣ-то!

Арина Петровна всегда уступала въ этихъ спорахъ. Не разъ ее подмывало крикнуть: «вонъ съ моихъ глазъ, подлецъ!» но подумаетъ-подумаетъ да и смолчить. Только развѣ про себя проронить:

— Господи! и въ кого я этакихъ изверговъ уродила? Одинъ — кровопивецъ, другой — блаженный какой-то! Для кого я припасала, ночей не досыпала, куска не добдала... Для кого?

И чѣмъ больше овладевалъ Павломъ Владимычемъ запой, тѣмъ фантастичнѣе и, такъ сказать, внезапно становились его разговоры. Наконецъ, Арина Петровна начала замѣчать, что тутъ есть что-то неладное. Напримеръ: съ утра въ шкапчикъ, въ столовой, ставится полный графинъ водки, а къ обѣду ужъ ни капли въ немъ нѣтъ. Или: сидитъ она въ гостиной и слышитъ какой-то таинственный скрипъ, происходящій въ столовой, около завѣтнаго шкапчика; крикнетъ: «кто тамъ?» — и слышитъ, что чьи-то шаги быстро, но осторожно удаляются по направлению къ антресолямъ.

— Матушки! да никакъ онъ у васъ пьетъ? — спросила она однажды Улиушку.

— Занимаются-сь, — отвѣтила та, язвительно улыбаясь.

Убѣдившись, что мать отгадала его, Павелъ Владимірычъ окончательно пересталъ церемониться. Въ одно прекрасное утро иканчикъ совсѣмъ исчезъ изъ столовой, и на вопросъ Арины Петровны, куда онъ дѣвался, Улиушина отвѣчала:

— На антресоли перенести приказали; тамъ имъ свободнѣе заниматься будетъ.

Дѣйствительно, на антресоляхъ графинчики слѣдовали другъ за другомъ съ изумительной быстротой. Уединившись съ самимъ собой, Павелъ Владимірычъ возненавидѣлъ общество живыхъ людей и создалъ для себя особенную, фантастическую дѣйствительность. Это былъ цѣлый глухо-героническій романъ, въ которомъ главными героями были: онъ самъ и кровошвецъ Порфишкѣ. Онъ самъ не признавалъ вполнѣ, какъ глубоко залегла въ немъ ненависть къ Порфишкѣ. Онъ ненавидѣлъ его всѣми помыслами, всѣми внутренностями, ненавидѣлъ безпрестанно, ежеминутно. Слово живвой, метался передъ нимъ этотъ маскудный образъ, а въ ушахъ раздавалось слезнолицемѣрное пустословіе Иудушки — пустословіе, въ которомъ звучала какаютосухая, почти отвлеченная злоба ко всему живому, не подчиняющемуся кодексу, созданному преданіемъ лицемѣрія. Павелъ Владимірычъ пилъ и припоминалъ. Припоминалъ всѣ обиды и униженія, которыя ему приходилось вытерпѣть, благодаря претензіи Иудушки на главенство въ домѣ. Въ особенности же припоминалъ раздѣлы имѣнія, рассчитывать каждую копейку, сравнивать каждый ключокъ земли — и ненавидѣть. Въ разгоряченномъ виномъ воображеніи создавались цѣлыя драмы, въ которыхъ вымещались всѣ обиды и въ которыхъ обидчикомъ являлся уже онъ, а не Иудушка. То будто выигралъ онъ двѣсти тысячъ и прѣзжаетъ сообщить объ этомъ Порфишкѣ (цѣлая сцена съ разговорами), у котораго отъ зависти даже перекасило лицо. То будто умеръ дѣдушка (опять сцена съ разговорами, хотя никакого дѣдушки не было), ему оставилъ миллионъ, а Порфишкѣ-кровошвицу — нишкѣ. То будто онъ изобрѣлъ средство дѣлаться невидимкой и черезъ это получалъ возможность творить Порфишкѣ такія пакости, отъ которыхъ тотъ начинаетъ стонать. Въ изобрѣтеніи этихъ проказъ онъ былъ неистощимъ, и долго нехлѣбный

хочотъ оглашалъ антресоли, къ удовольствію Улитушки, слышавшей увѣдомить о происходящемъ братца Порфирія Владимірыча.

Онъ ненавидѣлъ Гудушку и въ то же время боялся его. Онъ зналъ, что глаза Гудушки источаютъ чарующій ядъ, что голосъ его, словно змѣй, заползаетъ въ душу и парализуетъ волю человѣка. Поэтому онъ рѣшительно отказался отъ свиданій съ нимъ. Иногда кровосивецъ прѣвзжалъ въ Дубровино, чтобы поцѣловать ручку у добраго друга маменьки (онъ выгналъ ее изъ дома, но почтительности не прекращалъ) — тогда Павелъ Владимірычъ запираетъ антресоли на ключъ и сидѣлъ взаперти все время, покуда Гудушка калякалъ съ маменькой.

Такимъ образомъ шли дни за днями, покуда, наконецъ, Павелъ Владимірычъ не очутился лицомъ къ лицу съ смертнымъ недугомъ.

Докторъ переночевалъ «для формы» и на другой день рано утромъ уѣхалъ въ городъ. Оставляя Дубровино, онъ высказалъ прямо, что больному остается жить не больше двухъ дней и что теперь поздно думать о какихъ-нибудь «распоряженіяхъ», потому что онъ и фамиліи путемъ подписать не можетъ.

— Подпишите онъ вамъ «обмокни» — потомъ и съ судомъ, пожалуй, не раздѣляетесь, — прибавилъ онъ. — Вѣдь Гудушка хоть и оченъ маменьку уважаетъ, а дѣло о подлогѣ все-таки начнетъ, и ежели по закону мамашеньку вѣмѣста не столь отдаленныя ушлютъ, такъ вѣдь онъ только молебень въ путь шествующимъ отслужитъ!

Арина Петровна цѣлое утро ходила какъ въ ступѣнн. Попробовала-было встать на молитву — не внушить ли что Богъ? — но и молитва на умъ не шла, даже языкъ какъ-то не слушался. Начнетъ: *«Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей»* — и вдругъ, сама не знаетъ какъ, съѣдетъ на *«онъ лукаво»*. «Очисти! очисти!» — машинально лепечетъ языкъ, а мысль такъ и летаетъ: то на антресоли заглянетъ, то на погребъ зайдетъ («сколько добра по осени было — все растащили!»), то начнетъ что-то припоминать — далекое-далекое. Все сумерки какія-то, и въ этихъ сумеркахъ люди, много людей, и все они копошатся, стараются, припасаютъ. *«Блаженъ мужъ... блаженъ мужъ... яко кадилло... научи мя... научи мя...* Но вотъ и языкъ мало-помалу смякъ, глаза смотрятъ на образа и не видятъ; ротъ

раскрыть широко, руки сложены на поясѣ, и вся она стоитъ неподвижно, словно застыла.

Наконецъ, она сѣла и заплакала. Слезы такъ и лились изъ потухшихъ глазъ по старческимъ, засохшимъ щекамъ, задерживаясь въ углубленіяхъ морщинъ и капая на замасленный воротъ старой ситцевой блузы. Это было что-то горькое, полное безнадежности и вмѣстѣ съ тѣмъ безсильно-строптивое. И старость, и немощи, и беспомощность положенія — все, казалось, призывало ее къ смерти, какъ къ единственному примиряющему исходу; но въ то же время замѣшивалось и прошлое съ его властностью, довольствомъ и просторомъ, и воспоминанія этого прошлаго такъ и высились въ нее, такъ и притягивали ее къ землѣ. «Умереть бы!» мелькало въ ея головѣ, а черезъ мгновеніе то же слово смѣнялось другимъ: «пожить бы!» Она не вспоминала ни объ Иудушкѣ, ни объ умирающемъ сынѣ—оба они словно перестали существовать для нея. Ни о комъ она не думала, ни на кого не негодовала, никого не обвиняла; она даже забыла, есть ли у нея капиталъ и достаточенъ ли онъ, чтобъ обезпечить ея старость. Тоска, смертная тоска охватила все ея существо. Точно! горько! — вотъ единственное объясненіе, которое она могла бы дать своимъ слезамъ. Эти слезы пришли издалека; капля по каплѣ копилась онѣ съ той самой минуты, какъ она выѣхала изъ Головлева и поселилась въ Дубровниѣ. Ко всему, что теперь предстояло, она была ужъ приготовлена; все она ожидала и предвидѣла; но ей никогда какъ-то не представлялось съ такою ясностью, что этому ожидаемому и предвидѣнному долженъ наступить конецъ. И вотъ, теперь, этотъ конецъ наступилъ, конецъ, полный тоски и безнадежнаго одиночества. Всю-то жизнь она что-то устраивала, надѣталась-то убивалась, а оказывается, что убивалась надъ призракомъ. Всю жизнь слово «семья» не сходило у нея съ языка; во имя семьи она однихъ казнила, другихъ награждала; во имя семьи она подвергала себя лишениямъ, истязала себя, изуродовала всю свою жизнь — и вдругъ выходитъ, что семьи-то именно у нея и нѣтъ!

— Господи! Да неужто-жъ у всѣхъ такъ?—вертелось у нея въ головѣ.

Она сидѣла, опершись головой на руку и обративъ обмеченное слезами лицо навстрѣчу поднимающемуся солнцу, какъ будто говорила ему: «виды!» Она не стонала и не кляла, а только потихоньку всхлипывала, словно захлебыва-

— Надо бы подумать объ этомъ, мой другъ! — сказала она словно мимоходомъ, не глядя на сына и разсматривая на свѣтъ руки, точно онѣ составляли въ эту минуту главный предметъ ея вниманія.

— Объ чемъ «объ этомъ»?

— А вотъ хоть бы насчетъ того, если ты не желаешь, чтобъ брату имѣние твое осталось...

Большой молчалъ. Только глаза его неестественно расширились, и лицо все больше и больше рдѣло.

— Можно бы, другъ мой, и то въ соображеніе взять, что у тебя племянницы-сироты есть—какой у нихъ капиталъ? Ну, и мать тоже!..—продолжала Арина Петровна.

— Все Гудушкѣ спустить успѣли?

— Какъ бы то ни было... знаю, что сама виновата... Да вѣдь и не Богъ знаетъ, какой грѣхъ... Думала тоже, что сынъ... Да и тебѣ бы можно не попомнить этого матери.

Молчаніе.

— Что же! Скажи хоть что-нибудь!

— А вы какъ скоро собираетесь меня хоронить?

— Не хоронить, а все-таки... И прочіе христіане... Не всѣ сейчасъ умираютъ, а вообще...

— То-то «вообще»! Вы всегда «вообще»! Думаете, что я не вижу!

— Что же ты видишь, мой другъ?

— А то и вижу, что вы меня за дурака считаете! Ну, и положимъ, что и дуракъ, и пусть буду дуракъ! Зачѣмъ же приходите къ дураку? И не приходите, и не беспокойтесь!

— Я и не беспокоюсь; я только вообще... что всякому человѣку предвѣтъ жизни положенъ...

— Ну, и ждите!

Арина Петровна понурила голову и раздумывала. Она очень хорошо видѣла, что дѣло ея стоитъ плохо, но безнадѣжность будущаго до того терзала ее, что даже очевидность не могла убѣдить въ бесплодности дальнѣйшихъ попытокъ.

— Не знаю, за что ты меня ненавидишь! — произнесла она, наконецъ.

— Нисколько... я васъ... нисколько! И даже очевъ... Помилуйте! вы насъ такъ вели... всѣхъ равно!

Онъ говорилъ это порывисто, захлебываясь; въ звукахъ голоса слышался какой-то надорванный и въ то же время торжествующій хохотъ; въ глазахъ показались искры; плечи и ноги беспокойно вздрагивали.

— Можеть, и я въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь провинилась, такъ ужь прости, Христа ради!

Арина Петровна встала и поклонилась, коснувшись рукой до земли. Павелъ Владимірычъ закрылъ глаза и не отвѣчалъ.

— Положимъ, что насчетъ недвижности... это точно что въ тенерешнемъ твоёмъ положеніи нечего и думать, чтобы распоряженіе дѣлать... Порфирій — законный наследникъ; ну, пускай ему недвижность и достается. А движимость, а капиталъ какъ? — рѣшилась прямо объясниться Арина Петровна.

Павелъ Владимірычъ вздрогнулъ, но молчалъ. Очень возможно, что при словѣ «капиталъ» онъ совсѣмъ не обинсигуацияхъ Арины Петровны помышлялъ, а просто ему подумалось: «вотъ и сентябрь на дворѣ, проценты получать надобно... шестьдесятъ семь тысячъ шестьсотъ на пять помножить, да на два потомъ раздѣлить—сколько это будетъ?»

— Ты, можеть-быть, думаешь, что я смерти твоей желаю, такъ разувѣрся, мой другъ! Ты только живи, а мнѣ, старухѣ, и горюшка мало! Чтò мнѣ! Мнѣ и теплое, и сытенко у тебя, и даже ежели изъ сладенькаго чего-нибудь захочется — все у меня есть! Я только насчетъ того говорю, что у христіанъ обычай такой есть, чтобы въ ожиданіи предбудущей жизни...

Арина Петровна остановилась, словно искала подходящаго слова.

— Присныхъ своихъ обезнечивать, — докончила она, смотря въ окно.

Павелъ Владимірычъ лежалъ неподвижно и потихоньку отказивался, ни однимъ движеніемъ не выказывая, слушаетъ онъ или нѣтъ. Повидимому, причитанія матери надобно ему.

— Капиталъ-то можно бы при жизни изъ рукъ въ руки передать, — молвила Арина Петровна, какъ бы вскользь бросая предположеніе и вновь принимаясь разсматривать на свѣтъ свои руки.

Большой чуть-чуть дрогнувъ, но Арина Петровна не замѣтила этого и продолжала:

— Капиталъ, мой другъ, и по закону къ перемѣщенію допускается. Потому это — вещь важная: вчера онъ былъ, сегодня — нѣтъ его. И никто въ немъ отчета не можеть спрашивать — кому хочю, тому и отдаю.

Павель Владимірычъ вдругъ какъ-то зло засмѣялся.
— Палочкина исторію, должно-быть, вспомнили!—аши-пѣль онъ.—Тотъ тоже *изъ рукъ въ руки* женѣ капиталъ отдалъ, а она съ любовникомъ убѣжала!

... У меня, мой другъ, любовниковъ нѣтъ!

... Такъ безъ любовника убѣжите... съ капиталомъ!

... Какъ ты, однако, меня понимаешь!

— Никакъ я васъ не понимаю... Вы на весь свѣтъ меня дуракомъ прославили — пу, и дуракъ я. И пусть буду дуракъ! Смотрите, какія штуки-фигуры придумали — капиталъ имъ *изъ рукъ въ руки* передай! А самъ что? Въ монастырь, что ли, прикажете мнѣ спастись идти, да оттуда глядѣть, какъ вы моимъ капиталомъ распорядитесь будете?

Онъ выговорилъ все это залпомъ, злобствуя и волнуясь, и затѣмъ совсѣмъ изнемогъ. Въ продолженіе по крайней мѣрѣ четверти часа послѣ того онъ каплялъ во всю мочь, такъ что было даже удивительно, что этотъ жалкій человѣческій остовъ еще заключаетъ въ себѣ столько силы. Наконецъ, онъ отдышался и закрылъ глаза.

Арина Петровна потерпнно оглядывалась кругомъ. До сихъ поръ ей все какъ-то не вѣрилось; теперь она окончательно убѣдилась, что всякая новая попытка убѣдить умирающаго можетъ только приблизить день торжества Іудушки. Іудушка такъ и мелькала передъ ея глазами. Вотъ онъ идетъ за гробомъ, вотъ отдаетъ брату послѣднее Іудино лобзаніе и двѣ наскудныя слезинки вытекли изъ его глазъ. Вотъ и гробъ опустили въ землю: «прррощай, братъ!» восклицаетъ Іудушка, подергивая губами, закатывая глаза и стараясь придать своему голосу ноту горести. и вслѣдъ затѣмъ обращается въ полъ-оборота къ Улитушкѣ и говоритъ: «кутью-то, кутью-то не забудьте въ домъ взять! Да на чистенькую скатертьцу поставьте... братца опять въ домъ помянуть!» Вотъ кончился и номинальный обѣдъ, во время котораго Іудушка безъ устали говорить съ батюшкой о добродѣтеляхъ покойнаго и встрѣчаетъ со стороны батюшки полное подтвержденіе этихъ похвалъ. «Ахъ, братъ, братъ! не захотѣлъ ты съ нами пожить!»— восклицаетъ онъ, выходя изъ-за стола и протягивая руку ладонью вверхъ подъ благословеніе батюшки. Вотъ, наконецъ, всѣ, слава Богу, наѣлись и даже выпалили послѣ обѣда; Іудушка рассказываетъ хозяиномъ по комнатамъ дома, принимаетъ венди, заноситъ въ опись и по време-

намъ подозрительно взглядынаеть на мать, ежели въ чемъ-нибудь встрѣчаетъ сомнѣніе.

Всѣ эти неизбежныя сцены будущаго такъ и метались передъ глазами Арины Петровны. И какъ живой звенѣлъ въ ея ушахъ маслянисто-пронзительный голосъ Гудушки, обращенный къ ней:

— А помните, маменька, у брата золотенькія заповоочки были... хорошенькія такія, еще онъ ихъ по праздникамъ надѣвалъ... И куда только эти заповоочки дѣвались — ума приложить не могу!

Не успѣла Арина Петровна сойти внизъ, какъ на бугрѣ у дубровинской церкви показалась коляска, запряженная четверней. Въ коляскѣ, на почетномъ мѣстѣ, возсѣдалъ Порфирій Головлевъ безъ шапки и крестился на церковь; противъ него сидѣли два его сына, Петенька и Володенька. У Арины Петровны такъ и захолонуло сердце. «Почуяла Лиса Патрикѣевна, что мертвечиной пахнетъ!» — подумалось ей. Дѣвцы тоже струсили и какъ-то безпомощно жались къ бабунинѣ. Въ домѣ, до сихъ поръ тихомъ, вдругъ поднялась тревога: захлопали двери, забѣгали люди, раздались крики: «Баринъ ѣдетъ! баринъ ѣдетъ!» — и все населеніе усадьбы разомъ высматало на крыльцо. Одни крестились, другіе просто стояли въ выжидательномъ положеніи, но всѣ, очевидно, сознавали, что тѣ, что до сихъ поръ происходило въ Дубровинѣ, было лишь временное, что только теперь наступаетъ настоящее, заправское, съ заправскимъ хозяйствомъ во главѣ. Многимъ изъ старыхъ, заслуженныхъ дворовыхъ выдавалась при «прежнемъ» баринѣ мѣсячина; многіе держали коровъ на барскомъ сѣнѣ, имѣли огороды и вообще жили «свободно»; всѣхъ, естественно, интересовалъ вопросъ, оставитъ ли «новый» баринъ старые порядки, или замѣнитъ ихъ новыми, головлевскими.

Гудушка, между тѣмъ, подѣхалъ и по сдѣланной ему встрѣчѣ уже заключилъ, что въ Дубровинѣ дѣло идетъ къ концу. Не торопясь, вышелъ онъ изъ коляски, замахать руками на дворовыхъ, брошенныхъ барину къ ручкѣ, потомъ сложилъ обѣ руки ладонями внутрь и началъ медленно взбираться по лѣстницѣ, понотомъ произнесъ молитву. Лицо его въ одно и то же время выражало и скорбь, и твердую покорность. Какъ человекъ — онъ скорбѣлъ; какъ христіанинъ — ронять не смѣивался. Онъ молился «о испосланиіи», но больше всего уповалъ и покорялся волѣ

Провидѣнія, Сынovieя, въ парѣ, шли сзади него. Вододевка передразнивала огня, т.-е. складывала руки, закатывала глаза и шевелила губами; Петенька наслаждался представлениемъ, которое давалъ братъ. За ними безмолвной гурьбой слѣдовали кортежъ дворовыхъ.

Тудушка поцѣловала маменьку въ ручку, потомъ въ губы, потомъ опять въ ручку, потомъ потрепала милого друга за талию и, грустно покачивая головою, произнесъ:

— А вы все унываете! Нехорошо это, другъ мой, охъ, какъ нехорошо! А вы бы спросили себя: что, молъ, Богъ на это скажетъ? Скажетъ: вотъ Я въ премудрости Своей все къ лучшему устрою, а она ронцетъ! Ахъ, маменька, маменька!

Потомъ перцѣловала обѣихъ племянницъ и съ тою же плѣнительною родственностью въ голосѣ сказала:

— И вы, стрекобы, туда же въ слезы! Чтобъ у меня этого не было! Позвольте сейчасъ улыбаться—и дѣло съ концомъ!

И онъ затопталъ на нихъ ногами или, лучше сказать, дѣлалъ видъ, что топаетъ, но въ сущности только благожеленно шурлитъ.

— Посмотрите на меня,—продолжалъ онъ,—какъ братъ—я скорбѣю! Не разъ, можетъ-быть, и всплакнулъ... Жаль брата, очень, даже до слезъ жаль... Всплакнешь, да и опомнишься: а Богъ-то на что? Неужто Богъ хуже нашего знаетъ, какъ и что? Поразмысливъ этакъ—и ободрись. Такъ-то и всѣмъ поступать надо! И вамъ, маменька, и вамъ, племяннушки, и вамъ... всѣмъ! — обратился онъ къ прислугѣ. —Посмотрите на меня, какимъ я молодцомъ хожу!

И онъ съ тою же плѣнительностью представилъ изъ себя «молодца», то-есть выпрямился, оставилъ одну ногу, выпятилъ грудь и откинулъ назадъ голову. Всѣ улыбнулись, но кисло какъ-то, словно всякій говорилъ себѣ: «Ну, пошелъ теперь наукъ наутину ткать!»

Окончивъ представленіе въ залѣ, Тудушка перешелъ въ гостиную и вновь поцѣловалъ у маменьки ручку.

— Такъ такъ-то, милый другъ маменька! —сказалъ онъ, усаживаясь на диванъ.—Вотъ и братъ Павелъ...

— Да, и Павелъ... — потихоньку отозвалась Арипа Петровна.

— Да, да, да... раненько бы! раненько! Вѣдь я, маменька, хоть бодрюсь, а въ дунѣ тоже... очень, очень о братѣ скорбѣю! Не любилъ меня братъ, крѣпко не любилъ—можетъ, за это Богъ и посылаетъ ему!

— Въ эту самую минуту можно бы и забыть про это! Старья-то дрязги оставить надо...

— Я, маменька, давно позабылъ! Я только къ слову говорю: не любить меня братъ, а за что — не знаю! Ужь я ли, кажется... и такъ, и сякъ, и прямо, и сторопой, и «голубинскъ», и «братецъ» — пытятся отъ меня, да и па-башь! Анъ Богъ-то взять, да невидимо къ своему предѣлу и приурочилъ!

— Говорю тебѣ: нечего поминать объ этомъ! Человѣкъ на заданъ ужь динить!

— Да, маменька, великая это тайна—смерть! Не въсе ни дня, ни часа — вотъ это какая тайна! Богъ оны все планы планировалъ, думалъ — ужь такъ высоко, такъ высоко стоитъ, что и рукой до него не достанешь, а Богъ-то разомъ, въ одно мгновение, всё его мечтанія опровергъ. Теперь бы оны, можетъ, и радъ грѣшки свои поприкрыть — ахъ, оны ужь въ книгѣ живота занисаны значатся. А изъ этой, маменька, книги, что тамъ записано, не скоро выскоблешь!

— Чай, раскаянье-то приежется!

— Желаю, отъ души брату желаю! Не любить оны меня, а я — желаю! Я всёгдѣ добра желаю: и ненавидящимъ, и обидящимъ — всёгдѣ! Несправедливъ оны быть ко мнѣ — вотъ Богъ болѣзнь ему и послать, не я, а Богъ! И много оны, маменька, страдаетъ?

— Такъ себѣ... Ничего. Докторъ былъ, даже надежду подалъ, — солгала Арина Петровна.

— Ну, вотъ какъ хорошо! Ничего, мой другъ, не огорчайтесь, можетъ-быть, и отдынитесь! Мы-то здѣсь объ немъ сокрушаемся, да на Создателя ропщемъ, а оны, можетъ-быть, сидитъ себѣ тихохонько на постелькѣ да Бога за нещленьё благодаритъ!

Эта мысль до того поправилась Гудушкѣ, что оны даже полегоньку хихикнулъ.

— А вѣдь я къ вамъ, маменька, погостить приѣхалъ, — продолжалъ оны, словно дѣлая маменькѣ приятный сюрпризъ. — Нельзя, голубушка... по-родственному! Неровень случай — все же, какъ братъ... и угѣшить, и посоветовать, и распорядиться... Вѣдь вы позволите?

— Какія я позволенія могу давать, сама здѣсь — гостья!

— Ну, такъ вотъ что, голубушка. Такъ какъ сегодня у насъ пятница, такъ ужь вы прижайте, если ваша такая милость будетъ, мнѣ постыньскаго къ обѣду изготовить.

Рыбки тамъ, что ли, солененькой, грибокъ, капустки—мнѣ вѣдь немного нужно! А я, между тѣмъ, по-родственному... на антресоли къ брату поплетусь—можетъ-быть, и успѣю. Не для тѣла, такъ для души что-нибудь полезное сдѣлаю. А въ его положеніи душа-то, пожалуй, поважнѣе. Тѣло-то мы, маменька, микстурами да припарочками подправить можемъ, а для души лѣкарства поосновательнѣе нужны.

Арина Петровна не возражала. Мысль о непредотвратимости «конца» до такой степени охватила все ея существо, что она въ какомъ-то оцѣненънн присматривалась и прислушивалась ко всему, что происходило кругомъ нея. Она видѣла, какъ Гудушка, покрывавъ, всталъ съ дивана, какъ онъ сгорбился, зашаркалъ ногами (онъ любилъ иногда притвориться немощнымъ: ему казалось, что такъ почтеннѣе); она понимала, что внезапное появленіе кровопивца на антресоляхъ должно глубоко взволновать больного и, можетъ-быть, даже ускорить развязку; но послѣ волненій этого дня на нее напала такая усталость, что она чувствовала себя точно во снѣ.

Повуда это происходило, Павелъ Владимірычъ находился въ неописанной тревогѣ. Онъ лежалъ на антресоляхъ со всѣмъ одинъ и въ то же время слышалъ, что въ домѣ происходитъ какое-то необычное движеніе. Всякое хлопанье дверьми, всякій шагъ въ коридорѣ отзывались чѣмъ-то таинственнымъ. Нѣкоторое время онъ звалъ и кричалъ во всю мочь, но, убѣдившись, что крики бесполезны, собралъ всѣ силы, приподнялся на постели и началъ прислушиваться. Послѣ общей бѣготни, послѣ громкаго говора голосовъ, вдругъ наступила мертвая тишина. Что-то незвѣстное, страшное обступило его со всѣхъ сторонъ. Дневной свѣтъ сквозь опущенныя гардины лился скупо, и такъ какъ въ углу передъ образомъ теплилась лампадка, то сумерки, наполнявшія комнату, казались еще темнѣе и гуще. Въ этотъ таинственный уголъ онъ и уставился глазами, точно въ первый разъ его поразило нѣчто въ этой глубинѣ. Образъ въ золоченомъ окладѣ, въ который непосредственно ударяли лучи лампадки, съ какою-то изумительной яркостью, словно что-то живое, выступалъ изъ тьмы; на столкѣ колебался свѣтящійся кружокъ, то вспыхивая, то блѣднѣя, по мѣрѣ того, какъ усиливалось или слабѣло пламя лампадки. Внизу господствовалъ полусвѣтъ, на общемъ фонѣ котораго дрожали тѣни. На той же стѣнѣ, около освѣ-

ценнаго угла, висѣлъ халатъ, на которомъ тоже колебались полосы свѣта и тѣни, вслѣдствіе чего казалось, что онъ движется. Павелъ Владиміръчъ всматривался-всматривался, и ему почудилось, что тамъ, въ этомъ углу, все вдругъ задвигалось. Одиночество, безпомощность, мертвая тишина — и посреди этого тѣни, цѣлый рой тѣней. Ему казалось, что эти тѣни идутъ, идутъ, идутъ... Въ неописанномъ ужасѣ, раскрывъ глаза и ротъ, онъ глядѣлъ въ таинственный уголок и не кричалъ, а стоналъ. Стоналъ глухо, порывисто, точно лаялъ. Онъ не слыхалъ ни скрипа лѣстницы, ни осторожнаго шарканья шаговъ въ первой комнатѣ — какъ вдругъ у его постели выросла ненавистная фигура Гудушки. Ему померещилось, что онъ вышелъ оттуда, изъ этой тьмы, которая сейчасъ въ его глазахъ такъ таинственно шевелилась; что тамъ есть и еще, и еще... тѣни, тѣни, тѣни безъ конца! Идутъ, идутъ...

— Зачѣмъ? откуда? кто пустилъ? — инстинктивно крикнулъ онъ, безсильно опускаясь на подушку.

Гудушка стоялъ у постели, всматривался въ больного и скорбно покачивалъ головой.

— Больно? — спросилъ онъ, сообщая своему голосу ту степень елейности, какая только была въ его средствахъ.

Павелъ Владиміръчъ молчалъ и бессмысленными глазами уставился въ него, словно усливался. понять. А Гудушка тѣмъ временемъ приблизился къ образу, всталъ на колѣни, умилился, сотворилъ три земныхъ поклона, всталъ и вновь очутился у постели.

— Ну, братъ, вставай! Богъ милости прислалъ! — сказалъ онъ, садясь въ кресло, такимъ радостнымъ тономъ, словно и въ самомъ дѣлѣ «милость» у него въ карманѣ была.

Павелъ Владиміръчъ, наконецъ, понялъ, что передъ нимъ не тѣнь, а самъ кровопиевецъ во плоти. Онъ какъ-то вдругъ съжился, какъ будто янобить его начало. Глаза Гудушки смотрѣли свѣтло, по-родственному, но больной очень хорошо видѣлъ, что въ этихъ глазахъ скрывается «петля», которая вотъ-вотъ сейчасъ выскочитъ и захлестнетъ ему горло.

— Ахъ, братъ, братъ, какая ты бяка сдѣлался! — продолжалъ подшучивать по-родственному Гудушка. — А ты возьми да и прибодрись! Встань да и побѣги! Трускомъ-трускомъ — пусть-ка, моль, маменька полюбуется, какими мы молодцами стали! Фу-ты, ну-ты!

— Иди, кровопиевецъ, вонъ! — отчаянно крикнулъ больной.

— А-а-ахъ, братъ, братъ! И въ тебѣ съ лаской да съ утѣшеніемъ, а ты... какое ты слово сказали! А-а-ахъ, грѣхъ какой! И какъ это языкъ у тебѣ, дружокъ, повернулся, чтобъ такое слово родному брату сказать! Стидно, голубчикъ, даже очень стыдно! Постои-ка, я лучше подушечку тебѣ поправлю!

Иудушка всталъ и уткнулъ въ подушку пальцемъ.

— Вотъ такъ!—продолжала онъ:—вотъ теперь славно! Лежи себѣ хоропохонько—хоть до завтра поправлять не нужно!

— Уйди... ты!

— Ахъ, какъ болѣзнь-то, однако, тебѣ испортила! Даже характеръ въ тебѣ — и тотъ какой-то строптивый сталъ! Уйди да уйди — ну, какъ я уйду! Вотъ тебѣ испить захочется — я водички подамъ; вотъ лампадка не въ неправоности — я лампадочку поправлю; мысленца деревяненькаго подамъ. Ты полежишь, я посижу; тихо да смирно — и не заметишь, какъ время пройдетъ!

— Уйди, кровонивецъ!

— Вотъ ты меня бранишь, а я за тебя Богу помолюсь. И вѣдь знаю, что ты это не отъ себя, а болѣзнь въ тебѣ говоритъ. И, братъ, привыкъ прощать — я всѣмъ прощаю. Вотъ и сегодня — йду къ тебѣ, встрѣтился по дорогѣ мужичокъ и что-то сказалъ. Ну, и что-жъ, и Христось съ нимъ! Онъ же свой языкъ осквернилъ! А я... да не только я не разсердился, а даже перекрестилъ его — право!

— Ограбилъ... мужика?..

— Кто? я-то! Нѣтъ, мой другъ, я не ограблю; это разбойники по большимъ дорогамъ грабятъ, а я — по закону действую. Лошадь его въ своемъ лугу поймалъ — ну, и ступай, голубчикъ, къ мировому! Коли скажетъ мировой, что травить чужіе луга дозволяется — и Богъ съ нимъ! А скажетъ, что травить не дозволяется — нечего дѣлать, штрафъ заплатите! По закону я, голубчикъ, по закону!

— Иуда предатель, мать пд-міру пустынь!

— И оиять-таки скажу: хочешь сердись, хочешь не сердись, а не дѣло ты говоришь! И если-бъ я не былъ христіанинъ, я бы тоже... попрепендовать за это на тебя могъ!

— Пустыль, пустыль, пустыль... мать пд-міру!

— Ну, перестань же, перестань! Вотъ я Богу помолюсь: можетъ-быть, ты и непокойнѣ будешь...

Какъ ни сдерживать себя Иудушка, по ругательства умиравшаго до того его прощали, что даже губы у него искри-

видясь и побѣждал. Тѣмъ не менѣе, январіе было до такой степени потребностью его натуры, что онъ никакъ не могъ прервать разъ начатую комедію. Съ послѣдними словами онъ дѣйствительно всталъ на колѣни и съ четверть часа воздвѣвалъ руки и шепталъ. исполнивши это, онъ возвратился къ постели умирающаго съ лицомъ уснобойнымъ, почти яснымъ.

— А вѣдь я, братъ, о дѣлѣ съ тобой поговорить приѣхалъ, — сказалъ онъ, усаживаясь въ кресло. — Ты меня вотъ бранишь, а я о душѣ твоей думаю. Скажи, пожалуйста, когда ты въ послѣдній разъ утѣшеніе принялъ?

— Господи! да что-жь это... уведите его! Улитка! Агашка! Кто тутъ есть? — стоналъ больной.

— Ну, ну, ну, успокойся, голубчикъ! Знаю, что ты объ этомъ говорить не любишь. Да, братъ, всегда ты дурнымъ христіаніемъ былъ и теперь такимъ же остаешься. А не худо бы, ахъ, какъ бы не худо въ такую минуту объ душѣ-то подумать! Вѣдь душа-то наша... ахъ, какъ съ нею осторожно обращаться нужно, мой другъ! Церковь-то что намъ предписываетъ? Приносите, говорить, моленія, благодаренія... А еще: христіанскія кончины живота нашего безболѣзненны, нестыдны, мирны — вотъ что, мой другъ! Послать бы тебѣ теперь за батюшкой, да искренно, съ раскаяніемъ... Ну, ну! не буду, не буду! А право бы такъ...

Павель Владимірычъ лежалъ весь багровый и чуть не задыхался. Если-бъ онъ могъ въ эту минуту разбить себѣ голову, онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы это.

— Вотъ и насчетъ имѣнія — можетъ-быть, ты ужъ и распорядился? — продолжалъ Идушка. — Хорошенькое, очень хорошенькое имѣніе у тебя — нечего сказать. Земля даже лучше, чѣмъ въ Головлевъ; съ несочкомъ суглиночекъ-то! Ну, и капиталъ у тебя... Я вѣдь, братъ, ничего не знаю. Знаю только, что ты крестьянъ на выкупъ отдалъ, а что и какъ — никогда я этимъ не интересовался. Вотъ и сегодня, сду къ тебѣ и говорю про себя: должно-быть, у брата Павла капиталъ есть! А, впрочемъ, думаю, если и есть у него капиталъ, такъ ужъ навѣрное онъ насчетъ его распоряженіе сдѣлалъ!

Больной отвернулся и тяжело вздыхалъ.

— Не сдѣлалъ? Ну, и тѣмъ лучше: мой другъ! По закону — оно даже справедливѣе. Вѣдь не чужимъ, а своимъ же приснымъ достанется. Я, вотъ, на что ужъ хилъ — одной ногой въ могилѣ свою, а все-таки думаю: зачѣмъ же мнѣ

распоряженіе дѣлать, коль скоро законъ за меня распорядиться можетъ. И вѣдь какъ это хорошо, голубчикъ! Ни свары, ни зависти, ни клеузъ... Законъ!

Это было ужасно. Павлу Владимірычу почудилось, что онъ зѣкнув уложенъ въ гробъ, что онъ лежитъ словно скорованный, въ летаргическомъ снѣ, не можетъ ни единымъ членомъ пошевеливать и выслушиваетъ, какъ кровопивецъ ругается надъ тѣломъ его.

— Уйди... ради Христа... уйди!— началъ онъ, наконецъ, молить своего мучителя.

— Ну, ну, ну, успокойся, уйду! Знаю, что ты меня не любишь... Стыдно, мой другъ, очень стыдно родного брата не любить! Вотъ я такъ тебя люблю! И дѣтямъ всегда говорю: хоть братъ Павелъ и виноватъ передо мной, а я его все-таки люблю! Такъ ты, значить, не дѣлалъ распоряженій — и прекрасно, мой другъ! Бываетъ, впрочемъ, иногда, что и при жизни капиталъ растащить, особенно кто безъ родныхъ, одинъ... Ну, да ужъ я поприемтрую... А? что? надоѣлъ я тебѣ? Ну, ну, такъ и быть, уйду! Дай, только Богу помолюсь!

Онъ всталъ, сложилъ ладони и наскоро пошепталъ.

— Прощай, другъ, не безпокойся! Почивай себѣ хорошохонько—можетъ, и дастъ Богъ! А мы съ маленькой потолкуемъ да поговоримъ — можетъ-быть, что и попридумаемъ! Я, братъ, постынькаго себѣ къ обѣду приготовить просилъ... рыбки солененькой, да грибовъ, да капустки—такъ ты ужъ меня извини! Что? или опять надоѣлъ? Ахъ, братъ, братъ!.. Ну, ну, уйду, уйду! Главное, мой другъ, не тревожься, не волнуй себя — спи себѣ да почивай! Хрр... хрр...—шутливо поддразнивалъ онъ въ заключеніе, рѣшаясь, наконецъ, уйти.

— Кровопивецъ!—раздалось ему вслѣдъ такимъ пронзительнымъ крикомъ, что даже онъ почувствовалъ, что его словно обожгло.

Покуда Цорфирій Владимірычъ растабариваетъ на антресоляхъ, внизу бабушка Арина Петровна собрала вокругъ себя молодежь (не безъ цѣли что-нибудь вывѣдать) и бесѣдуетъ съ нею.

— Ну, ты какъ?—обращается она къ старшему внуку, Петенькѣ.

— Ничего, бабушка; вотъ на будущій годъ въ офицеры выйду.

— Выйдешь ли? Который ужь ты годь оббцаешь! Экзамены, что ли, у вась трудные—Богь тебя знает!

— Онъ, бабушка, на послѣднихъ экзаменахъ изъ «Начатковъ» срѣзался. Батюшка спрашиваетъ: «что есть Богь?» а онъ: «Богь есть духъ... и есть духъ... и святому духу»...

— Ахъ, бѣдный ты, бѣдный! Какъ же это ты такъ? Вотъ онъ, сироты—и то, чай, знают!

— Еще бы! Богь есть духъ невидимый... — сбивить блеснуть своими познаніями Аннинька.

— Его же никто же не видѣ нигдѣ же, — перебываетъ Любинька.

— Всевѣдущій, всеблагій, всемогущій, всездѣсущій,—продолжаетъ Аннинька.

— Камо пойду отъ духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще възду на небо—тамо еси, аще сниду во адъ—тамо еси...

— Вотъ и ты бы такъ отвѣчалъ—съ зплетами теперь былъ бы. А ты, Володя, что съ собой думаешь?

Володя багровѣетъ и молчить.

— Тоже, видно: «и святому духу!» Ахъ, дѣтки, дѣтки! На видѣ какіе вы нустрые, а никакъ науку преодолѣть не можете. И добро бы отецъ у вась баловникъ былъ... Что, какъ онъ теперь съ вами?

— Все то же, бабушка.

— Колосить? А я вѣдь слышала, что онъ пересталъ драться-то?

— Меньше, а все-таки... А главное, надѣдается ужь очень.

— Этого я что-то ужь и не понимаю. Какъ это отецъ надѣдаться можетъ?

— Очень, бабушка, надѣдается. Ни уйти безъ спросу нельзя, ни взять что-нибудь... Совсѣмъ подлостью!

— А вы бы спрашивались, языкъ-то, чай, не отвалится!

— Нѣтъ ужъ. Съ нимъ только заговори — онъ потопъ и не отвяжется. Постои да погоди, потихоньку да полегоньку... Ужъ очень, бабушка, скучно онъ разговариваетъ!

— Онъ, бабушка, за нами у дверей подслушиваетъ. Только на-дняхъ его Петенька и накрылъ...

— Ахъ вы проказники! Что-жь онъ?

— Ничего. Я ему говорю: это — не дѣло, маленька, у дверей подслушивать; пожалуй, недолго и носъ вамъ раскваситъ! А онъ: «Ну, ну! ничего, ничего! Я, братъ, якотать въ носъ!»

— Онъ, бабушка, на-дняхъ яблоко въ саду поднять да

къ себѣ въ шканикъ и положить, а я взять да и съѣсть. Такъ онъ потомъ искалъ его, искалъ, всѣхъ людей къ допросу требовалъ...

— Что это, скушь, что ли, онъ очень сдѣлался?

— Пить, и не скушь, а такъ какъ-то... пустяками все занимается. Бумажки причетъ, папанцевъ пицетъ...

— Онъ всякое утро проскомидію у себя въ кабинетѣ служитъ, а потомъ намъ по кусочку просвиры даетъ... чертовой-пречертовой! Только мы однажды съ нимъ штуку сдѣлали: подемотрѣли, гдѣ у него просвиры лежатъ, надрѣзали въ просвирѣ дно, вынули мякишъ да чухонскаго масла и положили!..

— Однакожь, вы тоже... головоурызы!

— Нѣтъ, вы представьте на другой день его удивленіе! Просвира да еще съ маслом!

— Чай, на порядкахъ досталось вамъ?

— Ничего... Только цѣлый день излевался и все словно про себя говорилъ: «шельмы!» Ну, мы, разумеется, на свой счетъ не приняли. А вѣдь онъ, бабушка, васъ боится!

— Чего бояться... не пугало, чай!

— Боится—это вѣрно; думать, что вы проклянете его. Онъ этихъ проклятіевъ—страхъ какъ трусить!

Арина Петровна задумывается. Сначала ей приходитъ на мысль: «а что, ежели и въ самомъ дѣлѣ... проклянну? такъ-таки возьму да и проклянну... проклинаю!» Потомъ, на смѣну этой мысли, поступаетъ другой, болѣе насущный вопросъ: «что-то Гудушка? какія-то продѣлки онъ тамъ, наверху, продѣлываетъ? Тамъ, чай, и извивается!» Наконецъ, ее освѣяетъ счастливая мысль.

— Володя, — говоритъ она: — ты, голубчикъ, легонькій! Сходилъ бы потихоньку да подслушалъ бы, что у нихъ тамъ?

— Съ удовольствіемъ бабушка.

Володенька на цыпочкахъ направляется къ дверямъ и печаетъ въ нихъ.

— Какъ это вы къ намъ сегодня надумали? начинаеть Арина Петровна допрашивать Петеньку.

— Мы, бабушка, давно собирались, а сегодня Улитушка приехала съ нарочнымъ сказать, что докторъ былъ и что ле ныче, такъ завтра дядя непременно умереть долженъ.

— Ну, а насчетъ наследства... былъ у васъ разговоръ?

— Мы, бабушка, цѣлый день все объ наследствахъ-говоримъ. Онъ все рассказываетъ, какъ прежде, еще до дѣ-

душки было... даже Горюшкино, бабушка, помнить: «Вотъ, говорятъ, кабы у тетенки Варвары Мвхайловны дѣтей не было—намъ бы Горюшкино-то принадлежало! И дѣти-то, говорятъ, Богъ знаетъ отъ кого—ну, да не намъ другихъ судить! У ближняго сучокъ въ глазу видимъ, а у себя бровна не замѣчаемъ... Такъ-то, братъ!»

Ишь вѣдь какой! Замужемъ, чай, тетенка-то была; кози чтѣ и было—все мужъ прикрывъ!

— Право, бабушка. И всякій разъ, какъ мы мимо Горюшкина ѣдемъ, всякій-то разъ онъ эту исторію поднимаетъ! «И бабушка Наталья Владиміровна, говоритъ, изъ Горюшкина взята была—по всѣмъ бы правамъ ему въ Головлевскомъ родѣ быть должно; анъ, паненка-покойникъ за сестрою въ приданое отдалъ! А дыни, говоритъ, какія въ Горюшкинѣ росли! По двадцати фунтовъ вѣсу—свотъ какія дыни!»

— Ужъ въ двадцать фунтовъ! Чтой-то я объ такихъ не слыхивала! Ну, а насчетъ Дубровица какія его предположенія?

— Тоже въ этомъ родѣ. Арбузы да дыни... пустяки все! Въ послѣднее время, впрочемъ, все спрашивалъ: «А какъ вы, дѣтки, думаете—великъ у брата Павла капиталъ?» Онъ, бабушка, ужъ давно все вычислилъ: и выкупной ссуды сколько, и когда имѣніе въ онекуненскій совѣтъ заложено, и сколько долгу улачено... Мы и бумажку видѣли, на которой онъ вычисленія дѣлалъ, только мы се, бабушка, унесли... Мы его, бабушка, этой бумажкой чуть съ ума не свели! Онъ се въ столъ положить, а мы возьмемъ да въ шкапъ переложимъ; онъ въ шкапу на ключъ запретъ, а мы подберемъ ключъ, да въ просвири засунемъ... Разъ онъ въ баню мыться пошелъ—смотреть, а на полкѣ бумажка лежитъ!

— Веселье у васъ тамъ!

Возвращается Володенька; всѣ глаза устремляются на него.

— Ничего не слышать... сообщать онъ шепотомъ:— только и слышно, что отецъ говоритъ: «безболѣзненны, непостыдны, мирны», а дядя ему: «уйди, кровопивецъ!»

— А насчетъ «распоряженія»... не слышать?

— Кажется, было что-то, да не разобралъ... Очень ужъ, бабушка, плотно отецъ дверь захлопнулъ. Жужжить—и только. А потомъ дядя вдругъ какъ крикнетъ: «у-уй-ди!» Ну, я поскорѣй-поскорѣй, да и сюда!

— Хоть бы сиротамъ... тоскуеть въ раздумьи Арина Петровна.

— Ужъ если отцу достанется, онъ, бабушка, никому ничего не дастъ,—удостоверяеть Петенька.—Я даже такъ думаю, что онъ и насъ-то наслѣдства лишитъ.

— Не въ могилу же съ собой унесетъ!

— Нѣтъ, а какое-нибудь средство выдумаетъ. Онъ намеднисъ недаромъ съ попомъ поговариваль: «А что, говорить, батюшка, если бы вавилонскую башню выстроить—много на это денегъ потребуется!»

— Ну, это онъ такъ... можетъ, изъ любопытства...

— Нѣтъ, бабушка, проектъ у него какой-то есть. Не на вавилонскую башню, такъ въ Аонъ жертвуетъ, а ужъ намъ не дастъ!

— А большое, бабушка, у отца имѣние будетъ, когда дядя умретъ?—любопытствуетъ Володенька.

— Ну, это еще Богу известно, кто прежде кого умретъ.

— Нѣтъ, бабушка, отецъ навѣрное расчитываетъ. Да веча, только мы до дубровишской ямы доѣхали, онъ даже картузь снялъ, перекрестился: «Слава Богу, говорить, опять по своей землѣ поѣдемъ!»

— Онъ, бабушка, все ужъ распредѣлилъ. Лѣсокъ увидаль: «Вотъ, говорить, кабы на хозяина—ахъ, хорошъ бы былъ лѣсокъ!» Потомъ на покосецъ посмотрѣлъ: «Ай-да покосецъ! Смотри-ка, смотри-ка, стоговъ-то что наставлено! Тутъ прежде конный заводецъ былъ».

— Да, да... и лѣсокъ, и покосецъ—все ваше, голубчики, будетъ!—вдыхаетъ Арина Петровна.—Батюшка! да никакъ на лѣстницѣ-то скрипнуло!

— Тише, бабушка, тише! Это онъ... яко тать въ нощи... у дверей подслушиваетъ.

Наступаетъ молчаніе; но тревога оказывается ложною. Арина Петровна вздыхаетъ и шепчетъ про себя: «Ахъ, дѣтки, дѣтки!» Молодые люди въ упоръ глядятъ на сиротку, словно пожрать ихъ хотять; сиротки молчатъ и завидуютъ.

— А вы, кузина, мамзель Лотаръ видѣли?—заговариваетъ Петенька.

Авнишка и Любинька взглядывають другъ на друга точно спрашиваютъ, изъ исторіи это или изъ географіи.

— Въ «Прекрасной Еленѣ»... она на театрѣ Елену играетъ.

— Ахъ, да... Елена... это Парисъ? «Будучи прекрасенъ

и молодь, онъ разжегъ сердца богинь... Знаемъ, знаемъ!— обрадовалась Любинька.

— Это, это самое и есть. А какъ она «cas-ca-ader, ca-as-cader» выдѣлываетъ... Прелестъ!

— У насъ давеча докторъ все «кувыркомъ» пѣлъ.

— «Кувыркомъ»—эта покойная Лядова... Вотъ, кузина, прелестъ-то была! Когда умерла, такъ тысячи двѣ чело-вѣкъ за гробомъ шли... думали, что революція будетъ!

— Да ты объ театрахъ, что ли, болтаешь!—вмѣшивается Арина Петровна:—такъ имъ, мой другъ, не по театрамъ бѣдить, а въ монастырь...

— Вы, бабушка, все насъ въ монастырь похоронить хотите!—жалуется Аннинька.

— А вы, кузина, вмѣсто монастыря-то въ Петербургъ укатите! Мы вамъ тамъ все покажемъ!

— У нихъ, мой другъ, не удовольствія на умѣ должны быть, а божественное,—продолжаетъ наставительно Арина Петровна.

— Мы ихъ, бабушка, въ Сергіеву пустынь на лихамѣ прокатимъ—вотъ и божественное будетъ.

У сиротокъ даже глазки разгорѣлись и кончики носиковъ покраснѣли при этихъ словахъ.

— А какъ, говорятъ, поютъ у Сергія!—воскликаетъ Аннинька.

— Съ тѣмъ ужъ, кузина, возьмите. *Трисвятую тѣнь притѣвлюще*—даже отецъ такъ не споетъ. А потомъ мы бы васъ по всѣмъ тремъ Подъяческимъ покатали.

— Мы бы васъ, кузина, всему-всему научили! Въ Петербургѣ вѣдь такихъ, какъ вы, барышень очень много: ходятъ да каблучками постукиваютъ.

— Развѣ что этому научите!—вступается Арина Петровна.—Ужъ оставьте вы ихъ, Христа ради... учителя! Тоже учить собрались... наукамъ, должно-быть! Вотъ я съ ними, какъ Павелъ умереть, въ Хотьковъ уѣду... и такъ-то мы тамъ заживемъ!

— А вы все сквернословите?—вдругъ раздалось въ дверяхъ.

Посреди разговора никто и не слыхалъ, какъ подкрался Гудушка, яко тать въ ночи! Онъ весь въ слезахъ, голова понизла, лицо блѣдно, руки сложены на груди, губы шепчуть. Нѣкоторое время онъ ищетъ глазами образа, наконецъ находитъ и съ минуту возноситъ свой духъ.

— Плохъ! ахъ, какъ плохо!—наконецъ восклицаетъ онъ, обнимая милого друга маменьку.

— Ноужто ужъ такъ?

— Очепь, очепь дурепъ, голубушка... А помните, какимъ онъ прежде молодцомъ былъ!

— Ну, когда же молодцомъ?.. Что-то я этого не помню!

— Ахъ, нѣтъ, маменька, не говорите! Всегда онъ... я какъ сейчасъ помню, какъ онъ изъ корпуса вынестъ: стройный такой, широкоплечий, кровь съ молокомъ... Да, да! Такъ-то, мой другъ маменька! Все мы подъ Богомъ ходимъ! Сегодня и здоровы, и сильны, и пожить бы, и покуривать бы, и сладенькаго скушать, а завтра...

Онъ махнулъ рукой и умилился.

— Поговорилъ ли онъ, по крайней мѣрѣ?

— Мало, голубушка; только молвилъ: «прощай, братъ!» А вѣдь онъ, маменька, чувствуетъ! Чувствуетъ, что ему плохо приходится!

— Будешь, батюшка, чувствовать, какъ грудь-то холодно ходитъ!

— Нѣтъ, маменька, я не объ томъ. Я объ прозорливости; прозорливость, говорятъ, человеку дана; который человекъ умираетъ—всегда тотъ заранее чувствуетъ. Вотъ грѣшникамъ—тѣмъ въ этомъ утѣшенъ отказано.

— Ну, ну! Объ «распоряженіи» не говорилъ ли чего?

— Нѣтъ, маменька. Хотѣлъ онъ, что-то сказать, да и остановилъ. Нѣтъ говорю, нечего объ распоряженіяхъ разговаривать! Что ты мнѣ, братъ, по милости своей, оставишь—я всемъ буду доволенъ, а ежели и ничего не оставишь—и даромъ за упокой поману! А какъ ему, маменька, пожить-то хочется! Такъ хочется, такъ хочется!

— И всякому пожить хочется!

— Нѣтъ, маменька, вотъ я объ себѣ скажу. Ежели Господу Богу угодно призвать меня къ себѣ—хоть сейчасъ готовъ.

— Хорошо, какъ къ Богу, а ежели къ сатанѣ угодишь?

Въ такомъ духѣ разговоръ длится и до обѣда, и во время обѣда, и послѣ обѣда. Аринѣ Петровнѣ даже на стулѣ не сидится отъ истеричнаго. По мѣрѣ того, какъ Лудушка растабариваетъ, ей все чаще и чаще приходитъ на мысль: «а что ежели... проклянута?» Но Лудушка даже и не подозрѣваетъ того, что въ душѣ матери происходитъ цѣлая буря; онъ смотритъ такъ ясно и продолжаетъ себѣ потихоньку да полетоньку притѣснять милого друга маменьку своей безнадежною канителью.

«Прокляну! прокляну! прокляну!»— все рѣшительнѣе да рѣшительнѣе повторяетъ про себя Арина Петровна.

Въ комнатахъ пахнетъ ладаномъ: по дому раздается протяжное пѣніе; двери открыты настель: желающіе поклониться покойному приходятъ и уходятъ. При жизни никто не обращалъ вниманія на Павла Владимыча, со смертью его—всѣмъ сдѣлалось жалко. Припоминали, что онъ «никого не обидѣлъ», «никому грубаго слова не сказалъ», «ни на кого не взглянулъ косо». Всѣ эти качества, казавшіяся прежде отрицательными, теперь представлялись чѣмъ-то положительнымъ, и изъ неясныхъ обрывковъ обыкновеннаго похорошнаго празднества вырисовывался типъ «добраго барина». Многие въ чѣмъ-то раскаявались, что по временамъ пользовались простотою покойнаго въ ущербъ ему—да вѣдь кто же знаетъ, что этой простотѣ такъ скоро конецъ настанетъ! Жила-жила простота, думали, что ей и вѣку не будетъ, а она вдругъ... А была бы жива простота—и теперь бы ее накалывали: накалывай ребята! что дуракамъ въ зубы смотрѣть! Одинъ мужичокъ принесъ Иудушкѣ три цѣлковыхъ и сказалъ:

— Должокъ за мной покойному Павлу Владимычу былъ. Записокъ промежду насъ не было—такъ вот!

Иудушка взяла деньги, похвалилъ мужика и сказалъ, что онъ эти три цѣлковыхъ на маслицо для «неугасимой» отдастъ.

— И ты, дружокъ, будешь видѣть, и всѣ будутъ видѣть, а душа покойнаго радоваться будетъ. Можетъ, онъ что-нибудь и вымолитъ тамъ для тебя! Ты и не ждешь—ахъ, вдругъ тебѣ Богъ счастья пошлетъ!

Очень возможно, что въ мірской оцѣнкѣ качествъ покойнаго неясно участвовало и сравненіе. Иудушку не любили. Не то чтобъ его нельзя было обойти, а очень ужъ онъ пустиакъ любилъ, надобдалъ да пристаивалъ. Даже земельные участки немногіе рѣшились у него кортомить, потому что онъ сдать участокъ, да за каждый лишній запаханый или закошенный вершокъ, за каждую пропущенную минуту въ уплатѣ долга сейчасъ начнетъ съемщика по судамъ таскать. Многихъ онъ такъ-то загаскалъ и самъ ничего не выигралъ (его привычку кляузничать такъ всѣдѣ знали, что, почти не разбирая дѣлъ, отказывали въ его претензіяхъ), и народъ волокитею да прогулами разорилъ. «Не гуи двора, а буи собесѣда», говоритъ пословица, а у всѣхъ

на знати, каковъ сосѣдъ—головлевскій баринъ. Нужды нѣтъ, что мировой тебя оправитъ,—онъ тебя своимъ судомъ, сатанинскимъ, изведетъ. И такъ какъ злость (даже не злость а скорѣе нравственное окостенѣнiе), прикрытая лицемъ-рiемъ, всегда наводитъ какой-то суевѣрный страхъ, то новыя «сосѣди» (Тудушка очень прiвѣтливо называетъ ихъ «сосѣдушками») боязливо кланялись въ поясъ, проходили мимо кровопивца, который, весь въ черномъ, стоялъ у гроба съ сложенными ладонями и воздѣтыми вверхъ глазами.

Покуда покойникъ лежалъ въ домѣ, домашнiе ходили на пыпочкахъ, заглядывали въ столовую (тамъ, на обѣденномъ столѣ, былъ поставленъ гробъ), качали головами, шептались. Тудушка притворялся чуть живымъ, шаркалъ по коридору, заходилъ къ «покойничку», умилялся, поправлялъ на гробѣ покровъ и шептался съ становымъ приставомъ, который составлялъ описи и прикладывалъ печати. Пестенька и Володенька суетились около гроба, ставили и зажигали свѣчки, подавали кадило и проч. Аннинья и Любинья плакали и сквозь слезы тоненькими голосами подпѣвали дьячкамъ на панихидахъ! Дворовыя женщины, въ черныхъ коленкоровыхъ платьяхъ, утирали передниками раскраснѣвшiеся отъ слезъ носы.

Арина Петровна тотчасъ же, какъ послѣдовала смерть Павла Владимiрыча, ушла въ свою комнату и заперлась тамъ. Ей было не до слезъ, потому что она сознавала, что сейчасъ же должна была на что-нибудь рѣшиться. Оставаться въ Дубровинѣ она и не думала... «Ни за что!»—слѣдовательно предстояло одно: ѣхать въ Погорѣлку, имѣнiе сироты, то самое, которое ибкогда представляло «кусокъ», выброшенный ею непочтительной дочерью Аннѣ Владимiровнѣ. Принявши это рѣшенiе, она почувствовала себя облегченною, какъ будто Тудушка вдругъ и навсегда потерялъ всякую власть надъ нею. Спокойно пересчитала пяти-процентныя билеты (капиталу оказалось: своего пятнадцать тысячъ, да столько же сиротскаго, ею накопленнаго), и спокойно же сообразила, сколько нужно изтратить денегъ, чтобы привести погорѣлковскiй домъ въ порядокъ. Затѣмъ немедленно послала за погорѣлковскiмъ старостой, отдала нужныя приказанiя насчетъ найма плотниковъ и прислала въ Дубровино подводу за ся и сиротскими пожитками, велѣла готовить тарантасъ (въ Дубровинѣ стоялъ ся *собственный тарантасъ*), и она ишла *доказательство*, что онъ ся *собственный*) и начала увлаживать. Къ Тудушкѣ она не чув-

етвовала ни ненависти, ни расположения: ей просто сдѣлалось противно съ нимъ дѣло имѣть. Даже бѣла она воохотило и мало, потому что съ нынѣшняго дня приходилось вѣсть уже не Павлово, а Иудушкино. Нѣсколько разъ Порфирій Владиміричъ заглядывалъ въ ея комнату, чтобъ поглядѣть съ милымъ другомъ маменькой (онъ очень хорошо понималъ ея приготовленія къ отъѣзду, но дѣлать видъ, что ничего не замѣчаетъ), но Арина Петровна не допускала его.

— Ступай, мой другъ, ступай,—говорила она:—миѣ некогда.

Черезъ три дня у Арины Петровны все было уже готово къ отъѣзду. Отстояли обѣдно, отибли и схоронили Павла Владимірича. На похоронахъ все произошло точно такъ, какъ представляла себѣ Арина Петровна въ утро, какъ Иудушкѣ прѣхать въ Дубовино. Именно такъ крикнулъ Иудушка: «прощай братъ!» когда опустили гробъ въ могилу, именно такъ же обратился онъ послѣдъ затѣмъ къ Улигушкѣ и торопливо сказалъ:

— Кутью-то, кутью-то не позабудьте взять, да въ столовой на чистенькую скатертцу поставьте... Чай, и въ домѣ братца помануть придется!

Къ обѣду, который по обычаю былъ поданъ сейчасъ, какъ пришли съ похоронъ, были приглашены три священника (въ томъ числѣ отецъ благочинный) и дьячокъ. Дьячкомъ была устроена особая трапеза въ приходской. Арина Петровна и сироты вышли въ дорожномъ платьѣ, но Иудушка и тутъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ. Подойдя къ закусьѣ, Порфирій Владиміричъ попросилъ отца благочиннаго благословить яствѣ и шитѣ, затѣмъ налилъ себѣ и духовнымъ отцамъ по рюмкѣ водки, умчнулся и произнесъ:

— Новопреставленному, вѣчная память! Ахъ, братъ, братъ, оставилъ ты насъ! А кому бы, кажется, и пожить, какъ не тебѣ. Дурной ты, братъ, нехорошій!

Сказавъ перекрестился и вышелъ. Потомъ опять перекрестился и протянулъ кусочекъ некры, опять перекрестился—и балычиса отъѣдалъ.

— Кушайте, батюшка!—убѣждалъ онъ отца благочиннаго.—Все это—запасы покойнаго братца! Любилъ покойникъ покушать! И самъ хорошо кушалъ, а еще больше другихъ любилъ угостить! Ахъ, братъ, братъ! оставилъ ты насъ! Нехорошій ты, братъ, недобрый!

Словомъ сказать, такъ зарпортовался, что даже позабылъ объ маменькѣ. Только тогда вспомнилъ, какъ ужъ рижич-

ковъ зачеркнулъ и совѣмъ-было собрался ложку въ ротъ отправить.

— Маменька! голубчикъ!—вспокоился онъ.—А я-то, про-стофиля, упишываю—ахъ, грѣхъ какой! Маменька! закусочки! рьжичковъ! Дубровинскіе вѣдь рьжички-то! Знаменитые!

Но Арина Петровна только безмолвно кивнула головой въ отвѣтъ и не двинулась. Казалось, она съ любопытствомъ къ чему-то прислушивалась. Какъ будто какой-то свѣтъ пролился у нея передъ глазами, и вся эта комедія, къ повторенію которой она съ малолѣтства привыкла, въ которой сама всегда участвовала, вдругъ показалось ей совѣмъ новой, невиданною.

Обѣдъ начался съ родственныхъ пререканій. Гудушка настаивалъ, чтобы маменька на хозяйское мѣсто сѣла; Арина Петровна отказывалась.

— Нѣтъ, ты здѣсь хозяйинъ, ты и садись, куда тебѣ хочется!—сухо проговорила она.

— Вы—хозяйка! Вы, маменька, вездѣ хозяйка: и въ Гололовѣвѣ, и въ Дубровинѣ—вездѣ!—убѣждалъ Гудушка.

— Нѣтъ ужъ, садись! Гдѣ мнѣ хозяйкой Богъ приведетъ быть, такъ я и сама сяду, гдѣ вздумается. А здѣсь ты хозяйинъ—ты и садись!

— Такъ мы вотъ что сдѣлаемъ,—умилялся Гудушка:—мы хозяйскій-то приборъ незанятымъ оставимъ! Какъ будто братъ здѣсь невидимо съ нами сотрагезуетъ... Оцъ—хозяйинъ, а мы гостями будемъ!

Такъ и сдѣлали. Покуда разливали супъ, Гудушка, выбравъ приличный сюжетъ, начинаетъ бесѣду съ батюшками, преимущественно, впрочемъ, обращая рѣчь къ отцу благочинному.

— Вотъ многіе нынче въ безсмертіе души не вѣрятъ... а я вѣрю!—говоритъ онъ.

— Ужъ это развѣ отчаянныя какіе-нибудь!—отвѣтилъ отецъ благочинный.

— Нѣтъ, и не отчаянныя, а наука такая есть. Будто бы человекъ самъ собою... Живеть, это, и вдругъ—умеръ.

— Очень ужъ много этихъ наукъ нынче развелось—поубавить бы! Наукамъ вѣрять, а въ Бога не вѣрять. Даже мушкетеры—и тѣ въ ученые порываютъ.

— Да, батюшка, правда ваша. Хотятъ, хотятъ въ ученые попасть. У мѣня вотъ нагловекіе: ѣсть печего, а намеднишъ притворъ написали—училище открывать хотятъ... Ученые!

— Противъ всего нынче науки пошши. Противъ дождя—наука, противъ вѣтра—наука. Прже, бывало, попросту:

придутъ да молебень отслужатъ—и дастъ Богъ. Вѣдро нужно—вѣдро Господь пошлетъ; дождя нужно—и дождя у Бога не занимать стать. Всего у Бога довольно. А съ тѣхъ поръ какъ по наукѣ начали жить—словно вотъ отрѣзало: все пошло безо времени. Святъ нужно—засуха, косить нужно—дождикъ!

— Правда, ваша, батюшка, святая ваша правда. Прежде какъ Богу-то чаще молились, и земля лучше родила. Урожаи-то были не нынѣшніе, самъ-четверть да самъ-пять—сто-рицею давала земля. Вотъ, маменька, чай, помнитъ? Помните, маменька?—обращается Тудушка къ Аринѣ Петровнѣ съ памѣреніемъ и ее вовлечь въ разговоръ.

— Не слыхала, чтобъ въ нашей сторонѣ... Ты, можетъ, объ ханаанской землѣ читалъ—тамъ, сказываютъ, дѣйствительно это бывало,—сухо отзывается Арина Петровна.

— Да, да, да,—говоритъ Тудушка, какъ бы не слыша замѣчанія матери:—въ Бога не вѣрять, безсмертія души не признаютъ... а жрать хотять!

— Именно—только бы жрать бы, да пить бы!—вторилъ отецъ благочинный, засучивая рукава своей рясы, чтобы положить на тарелку кусокъ номинальнаго широга.

Всѣ принимаются за супъ; нѣкоторое время только и слышится, какъ лягають ложки о тарелки да фыркають попы, дуя на горячую жидкость.

— А вотъ католики,—продолжаетъ Тудушка, переставая ѣсть:—такъ тѣ хотя безсмертія души и не отвергають, но взамѣнь того говорятъ, будто бы душа не прямо въ адъ или въ рай попадаетъ, а на нѣкоторое время... въ среднее какое-то мѣсто постунаеть.

— И это опять несомнѣтельно.

— Какъ бы вамъ сказать, батюшка...—задумывается Порфирій Владиміръчъ.—Если начать говорить съ точки зрѣнія...

— Нечего объ пустякахъ говорить. Святая церковь какъ поетъ? Посты: «Въ мѣстѣ злачномъ, въ мѣстѣ прохладномъ, идѣ же мѣсть ни печали, ни въздыханія»... Объ какомъ же тутъ «среднемъ» мѣстѣ еще разговаривать!

Тудушка, однакожъ, не вполне соглашается и хочетъ кой-что возразить, но Арина Петровна, которую начинаетъ ужъ коробить отъ этихъ разговоровъ, останавливаетъ его.

— Ну, ужъ ѣшь, ѣшь... богословы! И супъ, чай, давно простылъ!—говоритъ она и, чтобы перебить разговоръ,

обращается къ отцу благочинному:— Съ рожью-то, батюшка, убрались?

— Убрались, сударыня; нынче рожь хороша, а вотъ яровые—не общаются! Овсяе зерна не успѣли порядкомъ пасть, а ужъ мѣшаться начали. Ни зерна, ни соломы ожидать нельзя.

— Вездѣ нынче на овесъ жалуются!—вздыхаетъ Арина Петровна, слѣдя за Лудушкой, какъ она вычерпываетъ ложкой остатки супа.

Подаютъ другое кушанье: ветчину съ горошкомъ. Лудушка пользуется этимъ случаемъ, чтобъ возобновить прерванный разговоръ.

— Вотъ жиды этого кушанья не ѣдятъ,—говоритъ она.

— Жиды — пакостники, — отзывается отецъ благочинный:— ихъ за это свинымъ ухомъ дразнятъ.

— Однакожь, вотъ и татары.. Какая-нибудь причина этому да есть.

— И татары тоже пакостники— вотъ и причина.

— Мы конины не ѣдимъ, а татары—свиной брезгаютъ. Вотъ въ Парижѣ, сказываютъ, крысь во время осады ѣли.

— Ну, тѣ—французы!

Такимъ образомъ идетъ весь обѣдъ. Подаютъ карасей въ сметанѣ—Лудушка объясняетъ:

— Куцайте, батюшка! Это караси особенные: покойный братецъ ихъ очень любилъ!

Подаютъ снѣжку—Лудушка говоритъ:

— Вотъ это такъ снѣжка! Въ Петербургѣ за такую снѣжку рубликъ серебромъ платить надо. Покойный братецъ самъ за нею ухаживалъ! Вотъ она, Богъ съ ней, толстая какая!

У Арины Петровны такъ и кипитъ сердце: дѣлать часъ прошелъ, а обѣдъ только въ половинѣ. Лудушка словно нарочно медлить не ѣсть, потому положить пожикъ и вилку, покалякаетъ, потомъ опять не ѣсть, и опять покалякаетъ. Сколько разъ, въ бывалое время, Арина Петровна кричала за это на него: «да ѣшь же, прости Господи, сатана!»— да, видно, онъ позабылъ маленькія наставленія. А можетъ-быть, и не позабылъ, а нарочно дѣлаетъ, мстять. А можетъ-быть, даже и не мститъ сознательно, а такъ нутро его, отъ природы ехидное, играетъ. Наконецъ, подали жаркое: въ ту самую минуту, какъ всѣ встали и отецъ дьяконъ затянулъ «о блаженномъ успеніи», въ коридорѣ

поднялась возня, послышались крики, которые совсем уничтожили эффект заукойного возгласа.

— Что тамъ за шумъ? — крикнулъ Порфирій Владимірычъ. — Въ кабакъ, что ли, забрался?

— Не кричи, сдѣлай милость! Это я... это мои сундуки перетаскиваютъ, — отозвалась Арина Петровна и не безъ пропіи прибавила: — Будешь, что ли, осматривать?

Всѣ вдругъ смолкли; даже Лудушка не навелся и поблѣднѣлъ. Онъ, впрочемъ, сейчасъ же сообразилъ, что надо какъ-нибудь замѣть неприятную анострофу матери, и, обратясь къ отцу благочинному, началъ:

— Вотъ тетереви, наиримѣрь... Въ Россіи ихъ множество, а въ другихъ странахъ...

— Да финь, Христа ради; намъ вѣдь двадцать пять верстъ ѣхать; надо засвѣтло поспѣвать, — прервала его Арина Петровна. — Петенька! потороши тамъ, голубчикъ, чтобъ пирожное подѣвали!

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Порфирій Владимірычъ живо доѣлъ свой кусокъ тетереви и сидѣлъ блѣдный, постукивая ногой въ полъ и вздрагивая губами.

— Обижаете вы меня, добрый другъ маменька! Крѣпко вы меня обижаете! — наконецъ, произносить онъ, не глядя, впрочемъ, на мать.

— Кто тебя обидитъ! И чѣмъ это я такъ... крѣпко тебя обидѣла?

— Очень, очень обидно... Такъ обидно! такъ обидно! Въ такую минуту... уѣзжать!.. Все жили да жили... и вдругъ... И, наконецъ, эти сундуки... осмотрѣть... Обидно!

— Ужъ коли ты хочешь все знать, такъ я могу и отвѣтъ дать. Жила я тутъ, покуда слытъ Павелъ былъ живъ; умеръ онъ — я и уѣзжаю. А что касается до сундуковъ, такъ Улитка давно за мной, по твоему приказанью, слѣдить. А по мнѣ, лучше прямо сказать матери, что она въ подозрѣніи состоитъ, нежели, какъ змѣя, изъ-за чужой ошны на нее шипѣть.

— Маменька! другъ мой! да вы... да я... — простоналъ Лудушка.

— Будетъ! — не дала ему продолжать Арина Петровна. — Я высказалась.

— Но чѣмъ же, другъ мой, я могъ...

— Говорю тебѣ: я высказалась — и оставь. Отпусти меня, ради Христа, съ миромъ. Тарахтась, чу, готовъ.

Дѣйствительно, па дворъ раздалась бубенчики и стукъ

подъѣжающаго экипажа. Арина Петровна первая всгала изъ-за стола; за ней поднялись и прочіе.

— Ну, теперь присядемте на минутку, да и въ путь! — сказала она, направляясь въ гостиную.

Посидѣли, помолчали, а тѣмъ временемъ Іудушка со всѣмъ ужъ успѣлъ оправиться.

— А не то пожили бы, маменька, въ Дубровинѣ... Посмотрите-ка, какъ здѣсь хорошо! — сказалъ онъ, глядя матери въ глаза съ ласковостью провинившагося пса.

— Нѣтъ, мой другъ, будетъ! Не хочу я тебѣ, на прощаніе, непріятнаго слова сказать... а нельзя мнѣ здѣсь оставаться! Не у чего! Батюшка, помолитесь!

Всѣ всгали и помолились; затѣмъ Арина Петровна со всѣмъ перецѣловалась, всѣхъ благословила, по-родственному, и, тяжело ступая погами, направилась къ двери. Порфирій Владиміръчъ, во главѣ всѣхъ домашнихъ, проводилъ ее до крыльца, но тутъ, при видѣ тарантаса, его смутилъ бѣсъ любомудрія. «А тарантасъ-то вѣдь братцевъ!» — блеснуло у него въ головѣ.

— Такъ увидимся, добрый другъ маменька! — сказалъ онъ, подсаживая мать и нескоса поглядывая на тарантасъ.

— Коли Богъ велитъ... отчего же не увидѣться!

— Ахъ, маменька, маменька, проказница вы — право! Велиге-ка тарантасъ-то отложить, да съ Богомъ на старое гнѣздышко... Право! — лебезилъ Іудушка.

Арина Петровна не отвѣчала; она со всѣмъ ужъ успѣлась и крестное знаменіе даже сотворила, но сиротки что-то медлили.

А Іудушка, между тѣмъ, поглядывать да поглядывать на тарантасъ.

— Такъ тарантасъ-то, маменька, какъ же? Вы сами доставите или прислать за нимъ прикажете? — наконецъ, не выдержать онъ.

Арина Петровна даже затряслась вся отъ негодованія.

— Тарантасъ... мой! — крикнула она такимъ болѣзненнымъ крикомъ, что всѣмъ сдѣлалось и неловко, и совѣстно. — Мой! мой! Мой тарантасъ! Я его... у меня доказательства... свидѣтели есть! А ты... а тебя... ну, да ужъ подожду... посмотрю, что дальше отъ тебя будетъ! Дѣти! долго ли?

— Помяните, маменька! я вѣдь не въ претензіи... Если-бъ даже тарантасъ былъ дубровинскій...

— Мой тарантасъ, мой! Не дубровнискій, а мой! Не смѣй говорить... Слышишь!

— Слушаю, маменька... Такъ вы, голубушка, не забывайте насъ... попросту, знаете, безъ затѣй! Мы къ вамъ, вы къ намъ... по-родственному!

— Слыи, что ли? Трогай!—крикнула Арина Петровна, едва сдерживая себя.

Тарантасъ дрогнулъ и покатился мелкой рысцою по дорогѣ. Лудушка стояла на крыльцѣ, махала платкомъ и, покуда тарантасъ не скрылся совсемъ изъ виду, кричала ему вслѣдъ:

— По-родственному! Мы къ вамъ, вы къ намъ!.. По-родственному!

III.—Семейные итоги.

Никогда не приходило Аринѣ Петровнѣ на мысль, что можетъ наступить минута, когда она будетъ представлять собой «лишній ротъ» — и вотъ эта минута подкралась именно въ такую пору, когда она въ первый разъ въ жизни практически убѣдилась, что нравственныя и физическія ея силы подорваны. Такія минуты всегда приходятъ внезапно: хотя человѣкъ, быть-можетъ, ужъ давно надломленъ, но все-таки еще перемогается и стоитъ — и вдругъ откуда-то сбоку наносится послѣдній ударъ. Подстеречь этотъ ударъ, сознать его приближеніе очень трудно; приходится просто и безмолвно покориться ему, ибо это — тотъ самый ударъ, который недавняго бодрого человѣка мгновенно и беззащитно превращаетъ въ развалину.

Тяжело было положеніе Арины Петровны, когда она, разорвавши съ Лудушкой, поселилась въ Дубровнигѣ; но тогда она, по крайней мѣрѣ, знала, что Павелъ Владиміръ хоть и косо смотритъ на ея вторженіе, но все-таки онъ человѣкъ достаточный, для котораго лишній кусокъ не много значить. Теперь дѣло приняло совсемъ иной оборотъ: она стояла во главѣ такого хозяйства, гдѣ всѣ «куски» были на счету. А она знала цѣну этимъ «кускамъ», ибо, проведя всю жизнь въ деревнѣ, въ общеніи съ крестьянскимъ людемъ, вполне усвоила себѣ крестьянское представленіе объ ущербѣ, который наноситъ «лишній ротъ» хозяйству, и безъ того уже скудному.

Тѣмъ не менѣе, первое время по переселеніи въ Погорѣлку она еще бодрилась, хлопотливо устранилась на новомъ мѣстѣ и выказывала прежнюю ясность хозяйствен-

ныхъ соображеній. Но хозяйство въ Погорѣлкѣ было суетливое, мелочное, требовало ежеминутнаго личнаго присмотра, и хотя сгоряча ей показалось, что достигнуть точнаго учета тамъ, гдѣ изъ полушекъ составляются гроши, а изъ грошей гривенники, не составлять никакой мудрости, однако, скоро она должна была сознаться, что это—убѣжденіе ошибочное. Мудрости, дѣйствительно, не было, но и не было ни прежней охоты, ни прежнихъ силъ. Къ тому же, дѣло проходило осенью, въ самый разгаръ хозяйственныхъ птоговъ, а между тѣмъ время стояло ненастное и полагало невольный предѣлъ усердію Арины Петровны. Звѣлился старческія немощи, не позволявшія выходить изъ дома: настали длинные, тоскливые осенніе вечера, осуждавшіе на фаталистическую праздность. Старуха волновалась и рвалась, но ничего не могла сдѣлать.

Съ другой стороны, она не могла не замѣтить, что и съ сиротами дѣлается что-то неладное. Онѣ вдругъ заскучили и опустили головы. Какіе-то смутные планы будущаго волновали ихъ.—планы, въ которыхъ представленія о трудѣ или вперемежку съ представленіями объ удовольствіяхъ, повечю, самаго невиннаго свойства. Тутъ были и воспоминанія объ институтѣ, въ которомъ онѣ воспитывались, и вычитанныя урывками мысли о людяхъ труда, и робкая надежда, съ помощью институтскихъ связей, ухватиться за какую-то нить и при ея пособіи войти въ свѣтлое царство человеческой жизни. Надъ всею этою смутностью, тѣмъ не менѣе, господствовала одна цѣпкая и очень опредѣленная мысль: во что бы то ни стало уйти изъ постылой Погорѣлки. И вотъ, въ одно прекрасное утро, Ашинька и Любинька объявили бабушкѣ, что долѣе оставаться въ Погорѣлкѣ не могутъ и не хотятъ. Что это ни на что не похоже, что онѣ въ Погорѣлкѣ никого не видятъ, кромѣ вопа, который къ тому же постоянно, при свиданіи съ ними, почему-то заговариваетъ о дѣвахъ, погасившихъ свои свѣтильнички, и что вообще—«такъ нельзя». Дѣвицы говорили рѣзко, ибо боялись бабушки, и тѣмъ больше напускали на себя храбрости, чѣмъ больше ждали съ ея стороны гнѣвной всыпки и отпора. Но, къ удивленію, Арина Петровна выслушала ихъ сѣтованія не только безъ гнѣва, но даже не выказавъ пополюзованія къ бесплодному поученіямъ, на который такъ таровата безсильная старость. Увы! это была ужъ не та властная женщина, которая во времена оны съ увѣренностью говаривала: «Уйду въ Хоть-

ковъ и вичувать съ собой возму». И не одно старческое безсиліе участвовало въ этой перемѣнѣ, но и пониженіе чего-то лучшаго, болѣе справедливаго. Послѣдніе удары судьбы не просто смирили ее, но еще освѣтили въ ей умственномъ кругозорѣ нѣкоторые уголки, въ которые мнѣла ее, повидимому, никогда дотошъ не заглядывала. Она поняла, что въ человѣческомъ существѣ кроются извѣстныя стремленія, которыя могутъ только дремать, но, разъ проснувшись, уже неотразимо влекутъ человѣка туда, гдѣ прѣзывается лучъ жизни, тотъ отраднѣйшій лучъ, появленіе котораго такъ давно подстергали глаза среди безнадежной мглы настоящаго. И, разъ понявъ законность подобнаго стремленія, она ужъ была безсилна противодействовать ему. Правда, она отговаривала внучекъ отъ ихъ намѣренія, но слабо, безъ убѣжденія; она безыконалась насчетъ ожидающаго ихъ будущаго, тѣмъ болѣе, что сама не имѣла никакихъ связей въ такъ-называемомъ свѣтѣ, но въ то же время чувствовала, что разлука съ дѣвушками есть дѣло должное, неизбѣжное. Что съ ними будетъ?—этотъ вопросъ вставалъ передъ ней назойливо и ежесекундно; но въѣдъ на этимъ вопросомъ, ни даже болѣе страшными—не удерживъ того, кто рвется на волю. А дѣвушки только о томъ и твердили, чтобъ вырваться изъ Погорѣлки. И дѣйствительно, послѣ немногихъ колебаній и отсрочекъ, сдѣланныхъ въ угоду бабушкѣ, уѣхали.

Съ отъѣздомъ сироты погорѣлковской домъ окунулся въ какую-то безнадежную тишину. Какъ ни сосредоточенна была Арина Цегровна по природѣ, но близость человѣческаго дыханія производила и на нее успокоительное дѣйствіе. Проводивши внучекъ, она, можетъ-быть, въ первый разъ почувствовала, что отъ ея существа что-то оторвалось и что она разомъ получила какую-то безграничную свободу, до того безграничную, что она уже ничего не видѣла передъ собой, кромѣ пустого пространства. Чтобъ какъ-нибудь скрыть въ собственныхъ глазахъ эту пустоту, она распорядилась немедленно заколотить парадныя комнаты и мезонинъ, въ которомъ жили сироты («кстати и дровъ меньше выходить будетъ»,—думала она при этомъ), а для себя отдѣлила всего двѣ комнаты, изъ которыхъ въ одной помещался большой вѣтъ съ образами, а другая представляла въ одно и то же время спальную, кабинетъ и столовую. Прислугу тоже, ради экономіи, распустила, оставивъ при себѣ только старую, едва таскающую ноги ключницу

Афимьюшку, да одноглазую солдатку Марковну, которая готовила кушанье и стирада бѣлье. Но все эти предосторожности помогли мало: ощущение пустоты не замедлило проникнуть и въ тѣ двѣ комнаты, въ которыхъ она думала отгородиться отъ него. Безпомощное одиночество и унылая праздность — вотъ два врага, съ которыми она очутилась лицомъ къ лицу и съ которыми отнынѣ обязывалась бороться свою старость. И вслѣдъ за ними не заставила себя ждать и работа физическаго и нравственнаго разрушенія, работа тѣмъ болѣе жестокая, чѣмъ меньше отпора дастъ ей праздная жизнь.

Дни чередовались днями съ тѣмъ удручающимъ однообразиемъ, которымъ такъ богата деревенская жизнь, если она не обставлена ни комфортомъ, ни хозяйственнымъ трудомъ, ни матеріаломъ, дающимъ пищу для ума. Независимо отъ внѣшнихъ причинъ, дѣлавшихъ личный хозяйственный трудъ недоступнымъ, Арипъ Петровиъ и внутренне сдѣлалась противною та грошова я суета, которая застигла ее подъ конецъ жизни. Можетъ-быть, она бы и перемогла свое отвращеніе, если-бъ была въ виду цѣль, которая оправдывала бы ея усилія, но именно цѣль-то и не было. Всею она опостыбѣла, надобла, и ей все и все оностыбѣла, надобла. Прежняя лихорадочная дѣятельность вдругъ уступила мѣсто сонливой праздности, а праздность мало-помалу развратила волю и привела за собой такія наклонности, о которыхъ, конечно, и во снѣ не снилось Арипъ Петровиъ за нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Изъ крѣпкой и сдержанной женщины, которую никто не рѣшался даже назвать старухой, получилась развалина, для которой не существовало ни прошлаго, ни будущаго, а существовала только минута, которую предстояло прожить.

Днемъ она болѣею частью дремала. Сидеть въ кресло передъ столомъ, на которомъ разложены вонючія карты, и дремать. Потомъ вздрогнетъ, проснется, взглянетъ въ окно и долго, безъ всякой сознательной мысли, не отрываетъ глазъ отъ разстилающейся безъ конца дали. Погорѣлка была печальная усадьба. Она стояла, какъ говорится, на тычкѣ, безъ сада, безъ тѣни, безъ всякихъ признаковъ какого бы то ни было комфорта. Даже насажденнаго впереди не было. Домъ былъ одноэтажный, словно придавленный, и весь почерквившій отъ времени и непогодъ; свади расположены были многочисленныя службы, тоже приходившія въ ветхость, а кругомъ стлались поля, поля безъ конца;

даже тѣсу на горизонтѣ не было видно. Но такъ какъ Арина Петровна съ дѣтства почти безвыѣздно жила въ деревнѣ, то эта бѣдная природа не только не казалась ей унылою, но даже говорила ей сердцу и пробуждала остатки чувствъ, которыя въ ней таялись. Лучшая часть ея существа жила въ этихъ нагихъ и безконечныхъ поляхъ, и взоры инстинктивно искали ихъ во всякое время. Она вглядывалась въ полевую даль; вглядывалась въ эти измокшія деревни, которыя въ видѣ черныхъ точекъ пестрѣли тамъ и сямъ на горизонтѣ; вглядывалась въ бѣлыя церкви сельскихъ погостовъ; вглядывалась въ пестрыя пятна, которыя бродячія въ лучахъ солнца облака рисовали на равнинѣ полей; вглядывалась въ этого неизвѣстнаго мужика, который шелъ между полевыхъ бороздъ, а ей казалось, что онъ словно застылъ на одномъ мѣстѣ. Но при этомъ она ни о чемъ не думала или, лучше сказать, у нея были мысли до того разорванныя, что ни на чемъ не могли остановиться на болѣе или менѣе продолжительное время. Она только глядѣла, глядѣла до тѣхъ поръ, пока старческая дремота не начинала вновь гудѣть въ ухахъ и не заволакивала туманомъ и доли, и церкви, и деревни, и бредущаго вдали мужика.

Иногда она, повидному, припомнила, но память прошлаго возвращалась безъ связи, въ формѣ обрывковъ. Вниманіе ни на чемъ не могло сосредоточиться и непрерывно перебѣгало отъ одного далекаго воспоминанія къ другому. По временамъ, однакожъ, ее поражало что-нибудь особенное, не радость—на радости прошлое ей было до жестокости скупо,—а обида кака-нибудь, горькая, не переносная. Тогда внутри ея словно загоралось, тоска заползала въ сердце и слезы подступали къ глазамъ. Она начинала плакать, плакала тяжело, съ болью, плакала такъ, какъ плачетъ жалкая старость, у которой слезы льются точно подъ тяжестью кошмара. Но покуда слезы лились, беззапательная мысль продолжала свое дѣло и незамѣтно для Арины Петровны отвлекала ее отъ источника, породившаго печальное настроеніе, такъ что черезъ нѣсколько минутъ старуха и сама съ удивленіемъ спрашивала себя, что такое случилось съ нею.

Вообще она жила, какъ бы не участвуя лично въ жизни, а единственно въ силу того, что въ этой развалинѣ еще хранились какіе-то забытые концы, которые надлежало собрать, учесть и подвести итога. Покуда эти концы были

было довольно низменнаго свойства. Все, въ чемъ она отказывала себѣ въ теченіе жизни—хорошій кусокъ, покой, бесѣда съ живыми людьми,—все это сдѣлалось предметомъ самыхъ упорныхъ помысловъ. Всѣ наклонности завязтой приживалки—празднословіе, льстивая угодливость ради подачки, прожорливость—росли съ изумительной быстротой. Она жила дома людскими щами съ несвѣжей солонинной—и съ это время мечтала о головлевскихъ запасахъ, о карасяхъ, которые водились въ дубровинскихъ прудахъ, о грибахъ, которыми нежны были головлевскіе лѣса, о птицѣ, которая откармливалась въ Головлевѣ на скотномъ дворѣ. «Сущу бы теперь съ русинымъ потрохомъ или рыжичковъ бы въ сметанѣ»,—мелькало въ ея головѣ, мелькало до того живо, что даже углы губъ у нея опускались. Ночью она ворочалась съ боку на бокъ, замирала отъ страха при каждомъ шорохѣ и думала:—«Вотъ въ Головлевѣ и заборы крѣпкіе, и сторожа вѣрные, стучать себѣ да постукиваютъ въ доску, не устаючи—сни себѣ, какъ у Христа за назушкой!» Днемъ ей по цѣлымъ часамъ не приходилось ни съ кѣмъ вымолвить слова, и во время этого невольнаго молчанія само собой приходило на умъ: «Вотъ въ Головлевѣ—тамъ людно, тамъ есть и душу съ кѣмъ отвести!» Словомъ сказать, ежеминутно припоминалось Головлево, и по мѣрѣ этихъ припоминаній оно дѣлалось чѣмъ-то въ родѣ свѣтзарнаго пункта, въ которомъ сосредоточивалось «хорошее житье».

И чѣмъ чаще смущалось воображеніе представленіемъ о Головлевѣ, тѣмъ сильнѣе возвращалась воля и тѣмъ дальше уходила въ глубь недавнія кровныя обиды. Русская женщина, по самому складу ея воспитанія и жизни, слишкомъ легко мирится съ участью приживалки, а потому и Арина Петровна не минула этой участи, хотя, казалось, все ей прошлое предостерегало и оберегало ее отъ этого нга. Не сдѣлай она «въ то время», ошибки, не отдѣли сыновей, не довѣрься Іудуикѣ, она бы была и теперь брюзгливой и требовательной старухой, которая заставляла бы всѣхъ смотрѣть изъ ея рукъ. Но такъ какъ ошибка была сдѣлана безповоротно, то переходъ отъ брюзжаній самодурства къ покорности и льстивости приживалки составлялъ только вопросъ времени. Покуда силы сохраняли остатки прежней крѣпости, переходъ не выказывался наружу, но какъ только она себя сознала безвозвратно осужденною на безпомощность и одиночество, такъ тотчасъ

же въ душу начали заползати всё поползновенія малодушія и мало-по-малу окончателно развратили и безъ того уже распатанную волю. Гудушка, который въ первое время, прѣвзая въ Погорѣлку, встрѣчалъ тамъ лишь самый холодный пріемъ, вдругъ пересталъ быть ненавистнымъ. Старыя обиды забылись какъ-то само собой, и Арина Петровна первая сдѣлала шагъ къ сближенію.

Началось съ выпрашиваній. Изъ Погорѣлки являлись къ Гудушкѣ гонцы сначала рѣдко, потомъ чаще и чаще. То рыжичковъ въ Погорѣлкѣ не родилось, то огурчики отъ дождей выжили съ нитышками, то индюшки, по нынѣшнему вольному времени, переколѣли, «да приказалъ бы ты, сердечный другъ, карасиковъ въ Дубровинѣ половить, въ коихъ и покойный сынъ Павелъ старухѣ-матери никогда не отказывалъ». Гудушка морщился, но открыто выражать неудовольствіе не рѣшался. Жаль ему было карасей, но онъ нуне всего боялся, что мать его проклянетъ. Онъ помнитъ, какъ она разъ говорила: «Пріѣду въ Головлево, прикажу открыть церковь, позову пона и закричу: проклипаю!»—и это воспоминаніе останавливало его отъ многихъ пакостей; на которыя онъ былъ великій мастеръ. Но, выполняя волю «добраго друга маменьки», онъ все-таки вскользь намекалъ своимъ окружающимъ, что всякому человѣку положено нести отъ Бога крестъ, и что это дѣлается не безъ цѣли, ибо, не имѣя креста, человѣкъ забывается и впадаетъ въ развратъ. Матери же писалъ такъ: «Огурчиковъ, добрый другъ маменька, по силѣ возможности посылаю; что же касается до индюшекъ, то, сверхъ выпущенныхъ на племя, остались одни только пѣтухи, кон для васъ, по огромности ихъ и ограниченности вашего стола, будутъ бесполезны. А не угодно ли вамъ будетъ пожаловать въ Головлево раздѣлить со мною убогую трапезу: тогда мы одного изъ сихъ тупеядцевъ (именно тупеядцы, ибо мой поваръ Матвѣй пренкусно оныхъ канлунить) велимъ зажарить и всласть съ вами, дражайшій другъ, покушаемъ».

Съ этихъ поръ Арина Петровна зачастила въ Головлево. Отвѣдывала съ Гудушкой и индюшекъ, и утокъ; спала всласть и ночью, и послѣ обѣда, и отводила душу въ безконечныхъ разговорахъ о пустякахъ, на которые Гудушка былъ тароватъ по природѣ, а она сдѣлалась тароватою вслѣдствіе старости. Даже и тогда не прекратила посѣщеній, когда до нея дошло, что Гудушка, наскучивъ

продолжительным вдовством, взявъ къ себѣ въ экономки дѣвицу изъ духовнаго званія, пменемъ Евпраксею. Напротивъ того, узнавъ объ этомъ, она тотчасъ же поѣхала въ Головлево и, не успѣвъ еще выдѣлти изъ экипажа, съ какимъ-то ребяческимъ нетерпѣніемъ кричала Тудушкѣ: «А ну-ка, ну, старый грѣхолодникъ! кажи мнѣ, кажи свою краля!» Цѣлый этотъ день она провела въ полномъ удовольствіи, потому что Евпраксеюшка сама служила ей за обѣдомъ, сама постелила для нея постель послѣ обѣда, а вечеромъ она играла съ Тудушкой и его кралей въ дураки. Тудушка тоже былъ доволенъ такой развязкой и, въ знакъ снновней благодарности, велѣлъ, при отъѣздѣ Арины Петровны въ Ногорѣлку, положить ей въ тарантасъ, между прочимъ, фунтъ икры, что было уже весьма знакомъ уваженія, ибо икра—предметъ не свой, а купленный. Этотъ поступокъ такъ тронулъ старуху, что она не вытерпѣла и сказала:

— Ну, вотъ за что спасибо. И Богъ тебя, милый дружокъ, будетъ любить за то, что мать, на старости лѣтъ, похощишь да хощишь. По крайности, приѣду ужъ въ Ногорѣлку—не скучно будетъ. Всегда я икорку любила—вотъ и теперь, по милости твоей, полакомлюсь!

Прошло лѣтъ пять со времени переселенія Арины Петровны въ Ногорѣлку. Тудушка, какъ засѣлъ въ своемъ родовомъ Головлевѣ, такъ и не двигается оттуда. Онъ значительно постарѣлъ, вылинялъ и потускнѣлъ, но шельничаетъ, лжетъ и пустословитъ еще пуще прежняго, потому что теперь у него почти постоянно подъ руками добрый другъ маменька, которая ради сладкаго старушечьяго куска сдѣлалась обязательной слушательницей его пустословія.

Не надо думать, что Тудушка былъ лицемеръ въ смыслѣ, напримеръ, Тартюфа или любого современнаго французскаго буржуа, соловьемъ разсылающагося по части общественныхъ основъ. Нѣтъ, если онъ и былъ лицемеръ, то лицемеръ чисто-русскаго пошиба, то-есть просто человекъ, лишенный всякаго нравственнаго мѣрила и не знающій иной истины, кромѣ той, которая значится въ азбучныхъ прописяхъ. Онъ былъ невѣжественъ безъ границъ, сутяга, лгуно, пустословъ и, въ довершеніе всего, боялся чорта. Все это—такія отрицательныя качества, которыя отнюдь не могутъ дать прочнаго матеріала для дѣйствительнаго лицемерія.

Во Франціи лицемѣріе вырабатывается воспитаніемъ, составляетъ; такъ сказать, принадлежность «хорошихъ матерей» и почти всегда имѣетъ яркую политическую или социальную окраску. Есть лицемѣры религіи, лицемѣры общественныхъ основъ, собственности, семейства, государственности, а въ послѣднее время пародились даже лицемѣры «порядка». Ежели этого рода лицемѣріе и нельзя назвать убѣжденіемъ, то, во всякомъ случаѣ, это—знамя, кругомъ котораго собираются люди, которые находятъ расчетъ по-лицемѣрить именно тѣмъ, а не инымъ способомъ. Они лицемѣрятъ сознательно, въ смыслъ своего знамени, то-есть и сами знаютъ, что они лицемѣры, да сверхъ того, знаютъ, что это и другимъ небезызвѣстно. Въ понятіяхъ французско-буржуа вселенная есть не что иное, какъ обширная сцена, гдѣ дается безконечное театральное представленіе, въ которомъ одинъ лицемѣръ подаетъ реплику другому. Лицемѣріе, это—приглашеніе къ приличію, къ декоруму, къ красной виѣшней обстановкѣ, и что всего важнѣе: лицемѣріе—это узда. Не для тѣхъ, конечно, которые лицемѣрятъ, плавая въ высотахъ общественныхъ амбиревъ, а для тѣхъ, которые нелицемѣрно кишатъ на днѣ общественного котла. Лицемѣріе удерживаетъ общество отъ разнузданности страстей и дѣлаетъ послѣднюю привилегіей лишь самаго ограниченнаго меньшинства. Пока разнузданность страстей не выходитъ изъ предѣловъ небольшой и плотно организованной корпораціи—она не только безопасна, но даже поддерживаетъ и читаетъ традиціи изящества. Изящное погибло бы, если-бъ не существовало извѣстнаго числа *cabinets particuliers*, въ которыхъ оно культивируется въ минуты, свободныя отъ культа официального лицемѣрія. Но разнузданность становится положительно опасною, какъ только она дѣлается общедоступною и соединяется съ предоставленіемъ каждому свободы предъявлять свои требованія и доказывать ихъ законность и естественность. Тогда возникаютъ новыя общественныя наслоенія, которые стремятся ежели не совѣмъ вытѣснить старыя, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени ограничить ихъ. Спросъ на *cabinets particuliers* до того увеличивается, что, наконецъ, возникнетъ вопросъ: не прощ ли, на будущее время, совѣмъ обходиться безъ нихъ? Вотъ отъ этихъ-то нежелательныхъ возникновеній и вопросовъ и оберегаетъ дирижирующие классы французскаго общества то систематическое лицемѣріе, которое, не довольствуясь почвою обычая, пе-

реходить на почву легальности и изъ простой черты правовъ становится закономъ, имѣющимъ характеръ принудительный.

На этомъ законѣ уваженія къ лицемѣрью основанъ, за рѣдкими исключеніями, весь современный французскій театр. Герои лучшихъ французскихъ драматическихъ произведеній, то-есть тѣхъ, которыя пользуются наибольшимъ успѣхомъ именно за необыкновенную реальность изображаемыхъ въ нихъ житейскихъ напостей, всегда улучага подь конецъ нѣсколько громкими фразами, въ которыхъ объявляется святость и сладость добродѣтели. Адель можетъ въ продолженіе четырехъ актовъ всячески осквернять супружеское ложе; но въ пятомъ она непремѣнно во всеуслышаніе заявить, что семейный очагъ есть единственное убѣжище, въ которомъ французскую женщину ожидаетъ счастье. Спросите себя: что было бы съ Аделью, если-бъ авторамъ вздумалось продолжить свою пьесу еще на пять такихъ же актовъ, и вы можете безонипбочно отвѣтить на этотъ вопросъ, что въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ актовъ Адель опять будетъ осквернять супружеское ложе, а въ пятомъ опять обратится къ публикѣ съ тѣмъ же заявленіемъ. Да и пѣтъ надобности дѣлать предположенія, а слѣдуетъ только изъ Théâtre Français отправиться въ Gymnase, оттуда въ Vaudeville или въ Variétés, чтобъ убѣдиться, что Адель вездѣ одинаково оскверняетъ супружеское ложе и вездѣ же подь конецъ объявляетъ, что это-то ложе и есть единственный алтарь, въ которомъ можетъ священнодѣйствовать честная француженка. Это до такой степени вѣлось въ правы, что никто даже не замѣчаетъ, что тутъ кроется самое дурацкое противорѣчіе, что правда жизни является рядомъ съ правдою лицемѣрія и обѣ идутъ рука объ руку, до того перепутываясь между собой, что становится затруднительнымъ сказать, которая изъ этихъ двухъ правдъ имѣетъ болѣе правъ на признаніе.

Мы, русскіе, не имѣемъ сильно окрашенныхъ системъ воспитанія. Нашъ не муштрують, изъ насъ не вырабатываютъ будущихъ наборниковъ и пропагандистовъ тѣхъ или другихъ общественныхъ основъ, а просто оставляютъ расти, какъ крапива растетъ у забора. Поэтому между нами очень мало лицемѣровъ и очень много згуновъ, пустосвятовъ и пустослововъ. Мы не имѣемъ надобности лицемѣрить ради какихъ-нибудь общественныхъ основъ, ибо никакихъ та-

ких основъ не знаемъ, и ни одна изъ нихъ не прикрываетъ насъ. Мы существуемъ совсѣмъ свободно, т. е. прозябаемъ, лжемъ и пустословимъ сами по себѣ, безъ всякихъ основъ.

Слѣдуетъ ли по этому случаю радоваться или сожалѣвать—судить объ этомъ не мое дѣло. Думаю, однакожь, что если лицемеріе можетъ внушить негодованіе и страхъ, то безпредметное лганье способно возбудить доуку и омерзѣніе. А потому самое лучшее—это, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о преимуществахъ лицемерія сознательнаго передъ безсознательнымъ или наоборотъ,—запереться и отъ лицемѣровъ, и отъ лгуновъ.

Итакъ, Иудушка—не столько лицемеръ, сколько наkostenикъ, лгунъ и пустословъ. Запершись въ деревнѣ, онъ сразу почувствовалъ себя на свободѣ, ибо нигдѣ, ни въ какой иной сферѣ, его наклонности не могли бы найти себѣ такого простора, какъ здѣсь. Въ Головлевѣ онъ ни откуда не встрѣчалъ не только прямого отпора, но даже малѣйшаго косвеннаго ограниченія, которое заставило бы его подумать: вотъ, дескать, и напакостилъ бы, да людей совѣстно. Ни чье сужденіе не беспокоило, ничей нескромный взглядъ не тревожилъ—слѣдовательно не было повода и самому себя контролировать. Безграничная перашиливость сдѣлалась господствующею чертою его отношеній къ самому себѣ. Давнымъ-давно влекла его къ себѣ эта полная свобода отъ какихъ-либо нравственныхъ ограниченій, и ежели онъ еще раньше не переѣхалъ на житье въ деревню, то единственно потому, что боялся праздности. Проведя болѣе тридцати лѣтъ въ тусклой атмосферѣ департамента, онъ приобрѣлъ всѣ привычки и вожделѣнія закоренлаго чиновника, не допускающаго, чтобы хотя одна минута его жизни оставалась свободною отъ перелачиванія изъ пустого въ порожнее. Но, взглянувъ въ дѣло пристальнѣе, онъ легко пришелъ къ убѣжденію, что міръ дѣлового бездѣлничества настолько подвиженъ, что нѣтъ ни малѣйшаго труда перенести его куда угодно, въ какую угодно сферу. И дѣйствительно, какъ только онъ поселился въ Головлевѣ, такъ тотчасъ же создалъ себѣ такую массу пустяковъ и мелочей, которую можно было, не переставая, переворачивать, безъ всякаго опасенія когда-нибудь исчерпать ее. Съ утра онъ садился за письменный столъ и принимался за занятія; во-первыхъ, усчитывалъ скотницу, ключницу, приказчика, сперва на одинъ маперъ, потомъ на другой; во-

вторыхъ, завелъ очень сложную отчетность, денежную и матеріальную: каждую копейку, каждую вещь заносилъ въ двадцати книгахъ, подводилъ итоги, то терять полкопейки, то дѣвую копейку лишнюю находилъ. Наконецъ, брался за перо и писалъ жалобы къ мировому судѣ и къ посреднику. Все это не только не оставляло ни одной минуты праздною, но даже имѣло все внѣшнія формы усидчиваго, непосильнаго труда. Не на праздность жаловался Гудушка, а на то, что не успѣвалъ всего передѣлать, хотя цѣлый день корфѣлъ въ кабинетѣ, не выходя изъ халата. Груды тщательно подиныхъ, но не обрѣзванныхъ рапортичекъ постоянно валялись на его письменномъ столѣ, и въ томъ числѣ цѣлая годовая отчетность скотницы Феклы, дѣтельность которой съ перваго раза показалась ему подозрительной и которую онъ, тѣмъ не менѣе, никакъ не могъ найти свободную минуту учестъ.

Всякая связь съ внѣшнимъ міромъ была окончательно порвана. Онъ не получалъ ни книгъ, ни газетъ, ни даже писемъ. Одинъ сынъ его, Володенька, кончилъ самоубійствомъ; съ другимъ, Петенькой, онъ переписывался коротко и лишь тогда, когда посылалъ деньги. Густая атмосфера невѣжественности, предрасудковъ и крокодилаго переливанія изъ пустого въ порожнее царилъ кругомъ него, и онъ не ощущалъ ни малѣйшаго пожеланія освободиться отъ нея. Даже о томъ, что Наполеонъ III уже не царствуетъ, онъ узналъ лишь черезъ годъ послѣ его смерти, отъ становаго пристава, но и тутъ не выразилъ никакого особеннаго ощущенія, а только перекрестился, пошепталъ: «царство небесное!» и сказалъ:

— А какъ были горды! Фу-ты, ну-ты! И то нехорошо, и другое неладно! Царя на поклонъ къ нему бѣдили, принцы въ передней дежурили! Ахъ, Богъ-то взялъ, да въ одну минуту все его мечтанія испровергы!

Собственно говоря, онъ не зналъ даже, что дѣлается у него въ хозяйствѣ, хотя съ утра до вечера только и дѣлалъ, что считалъ да учитывалъ. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ все качества закоренѣлаго департаментскаго чиновника. Представте себѣ столоначальника, которому директоръ, подъ веселую руку, сказать бы: «Любезный другъ! для моихъ соображеній необходимо знать, сколько Россія можетъ ежегодно производить картофеля—такъ потрудитесь сдѣлать подробное вычисленіе!» Всталъ ли бы вступникъ столоначальникъ передъ подобными вопросами? Задумался

ли бы онъ, по крайней мѣрѣ, надъ приемами, которые предстоитъ употребить для выполненія заказанной ему работы?— Нѣтъ, онъ поступилъ бы гораздо проще: начертилъ бы карту Россіи, раздѣливалъ бы ее на совершенно равныя квадратики, донскался бы, какое количество десятинъ представляетъ собой каждый квадратикъ, потомъ зашелъ бы въ мелочную лавочку, узналъ, сколько сѣется на каждую десятину картофеля и сколько *среднимъ числомъ* подучастся, и въ заключеніе, при помощи Вожіей и первыхъ четырехъ правилъ ариметики, пришелъ бы къ результату, что Россія, *при благоприятныхъ условіяхъ*, можетъ производить картофелю столько-то, а *при неблагоприятныхъ условіяхъ*,— столько-то. И работа эта не только удовлетворила бы его начальника, но навѣрное была бы помѣщена въ сто-второмъ томѣ какихъ-нибудь «Трудовъ».

Даже экономку онъ выбралъ себѣ какъ разъ подходящую къ той обстановкѣ, которую создалъ. Дѣвица Буираксія была дочь дьячка при церкви Николы-въ-Камельскахи и представляла во всѣхъ отношеніяхъ чистѣйшій кладъ. Она не обладала ни быстротой соображенія, ни находчивостью, ни даже расторопностью, но взамѣнъ того была работяца, безотвѣтна и не предъявляла почти никакихъ требованій. Даже тогда, когда онъ «приблизилъ» ее къ себѣ—и тутъ она спросила только: можно ли ей, когда захочется, кваску холодненькаго безъ сиросу пить?—тыги, что самъ Іудушка умилился ея безкорыстію и немедленно отдалъ въ ея распоряженіе, сверхъ кваса, двѣ кадучки моченыхъ яблоковъ, уволивъ ее отъ всякой по этимъ статьямъ отчетности. Наружность ея тоже не представляла особенной привлекательности для любителя, но въ глазахъ человѣка неприхотливаго и знающаго, что ему нужно, была вполне удовлетворительна. Лицо широкое, блѣое, лобъ узкій, обрамленный желтоватыми, вѣгустыми волосами, глаза крупныя, тусклые, носъ совершенно прямой, ротъ стертый, подернутый той загадочною, словно куда-то убагающею улыбкой, каковую можно встрѣтить на портретахъ, писанныхъ доморожденными живописцами. Вообще, ничего выдающагося, кромѣ развѣ спины, которая была до того широка и могуча, что у человѣка самаго равнодушнаго невольно поднималась рука, чтобы, какъ говорится, «дать дѣвѣ разѣ между лопатокъ». И она знала это и не обижалась, такъ, что когда Іудушка въ первый разъ слегка потрепалъ ее по жирному загривку, то она только лопатками передернула.

Среди этой тусклой обстановки дни проходили за днями, одинъ какъ другой, безъ всякихъ перемѣнъ, безъ всякой надежды на вторженіе свѣжей струи. Только прѣяда Ариня Петровна нѣсколько оживляетъ эту жизнь, и надо сказать, правду, что ежели Порфирій Владиміръчъ по началу морщился, завидѣвъ вдаль маменькину повозку, то съ теченіемъ времени онъ не только привыкъ къ ея посѣщеніямъ, но и полюбилъ ихъ. Они удовлетворяли его страсть къ пустословію, ибо ежели онъ находилъ возможнымъ пустословить одинъ на одинъ съ самимъ собою, по поводу разнообразныхъ счетовъ и отчетовъ, то пустословить съ добрымъ другомъ маменькой было для него еще повадѣе. Собравшись вмѣстѣ, они съ утра до вечера говорили и не могли наговориться. Говорили обо всемъ: о томъ, какіе прежде бывали урожан и какіе нынче бываютъ; о томъ, какъ прежде живали помѣщики и какъ нынче живутъ; о томъ, что соль, что ли, прежде лучше была, а только нѣтъ нынче прежняго огурца.

Эти разговоры имѣли то преимущество, что текли какъ вода и безъ труда забывались; следовательно ихъ можно было возобновлять безъ конца съ такимъ же интересомъ, какъ будто они только сейчасъ въ первый разъ пущены въ ходъ. При этихъ разговорахъ присутствовала и Евпраксеюшка, которую Арина Петровна такъ полюбила, что ни на шагъ не отпускала отъ себя. Иногда, наскучивъ бесѣдою, всѣ трое садилась за карты и засиживались до поздней ночи, играя въ дураки. Пробовали учить Евпраксеюшку въ вистъ съ болваномъ, но она не поняла. Громадный голловескій домъ словно оживалъ въ такіе вечера. Во всѣхъ окнахъ свѣтились огни, мелькали тѣни, такъ что пробѣзжіи могли думать, что тутъ и не вѣсть какое веселье затѣялось. Самовары, кофейники, закуски цѣлый день не сходили со стола. И сердце Арини Петровны веселилось и играло, и загацивалась она, вмѣсто одного дня, дня на три и на четыре. И даже, уѣзжая въ Погорѣлку, уже заранѣе придумывала поводъ, чтобъ какъ-нибудь поскорѣе вернуться къ соблазнамъ голловескаго «хорошаго житья».

Ноябрь въ исходѣ; земля на неоглядное пространство покрыта бѣлымъ саваномъ. На дворѣ почъ и метелица; рѣзкій, холодный вѣтеръ буровить снѣгъ, въ одно мгновеніе наметаетъ сугробы, захлестываетъ все, что попадется по пути, и всю окрѣжность наполняетъ воплемъ. Село,

церковь, ближній лѣсъ—все исчезло въ снѣжной мглѣ, крутящейся въ воздухѣ; старинный головаевскій садъ могуче гудитъ. Но въ барскомъ домѣ свѣтло, тепло и уютно. Въ столовой стоитъ самоваръ, вокругъ котораго собралась Арина Петровна, Порфирій Владиміръчъ и Евпраксеюшка. Въ сторонѣ поставленъ ломберный столъ, на которомъ брошены истертанныя карты. Изъ столовой открытыя двери ведутъ, съ одной стороны, въ образную, всю залитую огнемъ зажженныхъ лампадъ; съ другой—въ кабинетъ барина, въ которомъ тоже теплится лампадка передъ образомъ. Въ жарко нагрѣнныхъ комнатахъ душно, пахнетъ деревяннымъ масломъ и чадомъ самоварнаго угля. Евпраксея, усѣвшись противъ самовара, перемываетъ чашки и вытираетъ ихъ полотенцемъ. Самоваръ такъ и заливается: то загудитъ во всю мочь, то словно засыпать начнетъ и прозитительно всоспитъ. Клубы пара вырываются изъ-подъ крышки и окутываютъ туманомъ чайникъ, ужъ съ четверть часа стоящій на конфорѣ. Сидящіе бесѣдуютъ.

— А ну-ко сколько ты разъ сегодня душой осталась?—спрашиваетъ Арина Петровна Евпраксеюшку.

— Не осталась бы, кабы сама не поддавалась. Вамъ же удовольствіе сдѣлать хочу,—отвѣчаетъ Евпраксеюшка.

— Сказывай! Видѣла я, какое ты удовольствіе чувствовала, какъ я давеча подъ тебя тройками да пятерками подваливала. Я вѣдь не Порфирій Владиміръчъ: тотъ тебя балуетъ, все съ одной да съ одной ходитъ, а мнѣ, матушка, не изъ чего.

— Да еще бы, вы плутовали!

— Вотъ ужъ этого грѣха за мной не водится!

— А кого я давеча поймала? Кто семерку трефъ съ восьмеркой червей за пару спустить хотѣлъ? Ужъ это я сама видала, сама уличила!

Говоря это, Евпраксеюшка встаетъ, чтобъ снять съ самовара чайникъ, и поворачивается къ Аринѣ Петровнѣ спиной.

— Экъ у тебя спина какая... Богъ съ ней!—невольно вырывается у Арины Петровны.

— Да, у нея спина...—машинально отзывается Гудушка.

— Спина да спина... безстыдники! И что моя спина вамъ сдѣлала!

Евпраксеюшка смотритъ направо и налево и улыбается. Спина—это ей конекъ. Давеча даже старикъ Савольичъ, поварь, и тотъ заглядѣлся и сказалъ: «Ишь ты спина!»

ровно платя!» И она не пожаловалась на него Порфирию Владимірычу.

Чашки поочередно наливаются чаемъ и самоваръ начинаетъ утихать.

А метель разыгрывается пуце и пуце: то цѣлымъ снѣжнымъ ливнемъ ударитъ въ стекла оконъ, то какимъ-то невыразимымъ плачемъ прокатится вдоль печного бора.

— Метель-то, видно, взаправду взялась, — замѣчаетъ Арина Петровна: — визжитъ да повизгиваетъ!

— Ну, и пуцай повизгиваетъ. Она повизгиваетъ, а мы здѣсь чаекъ попиваемъ — такъ-то, другъ мой маменька! — отзывается Порфирій Владимірычъ.

— Ахъ, нехорошо теперь въ полѣ, коли кого такая милость Божья застанетъ!

— Кому нехорошо, а намъ горюшка мало. Кому тепленько да холодненько, а намъ и свѣтлехонько, и тешехонько. Сидимъ да чаекъ попиваемъ. И съ сахарцемъ, и со сливочками, и съ лимонцемъ. А захотимъ съ ромцомъ, и съ ромцомъ будемъ пить.

— Да, коли ежели теперича...

— Позвольте, маменька. Я говорю: теперича въ полѣ очень нехорошо. Ни дороги, ни тропочки — все замерло. Опять же волки. А у насъ здѣсь и свѣтленько, и уютненько, и ничего мы не боимся. Сидимъ мы здѣсь да посиживаемъ, ладкомъ да миркомъ. Въ карточки захотѣлось поиграть — въ карточки поиграемъ, чайку захотѣлось попить — чайку попьемъ. Сверхъ нужды пить не станемъ, а сколько нужно, столько и выпьемъ. А отчего это такъ? Оттого, милый другъ маменька, что милость Божья не оставляетъ насъ. Кабы не Онъ, Царь Небесный — можетъ, и мы бы теперь въ полѣ плутали, и было бы намъ и тепленько, и холодненько... Въ зипуншечкѣ какомъ-нибудь, кушачокъ плохонькой, лаптишечки...

— Чтой-то ужъ и лаптишечки! Чай, тоже въ дворянскомъ званьи родились! Какіе ни есть, а все-таки сапожнички носимъ!

— А знаете ли вы, маменька, отчего мы въ дворянскомъ званьи родились? А все оттого, что милость Божья къ намъ была. Кабы не она, и мы сидѣли бы теперь въ избушечкѣ, да горѣла бы у насъ не свѣчка, а лучинка, а ужъ насчетъ чайку да кофейку — объ этомъ и думать бы не смѣли! Сидѣли бы, я бы лаптишечки ковырять, вы бы щецъ тамъ какихъ-нибудь пустынькихъ по-

ужинать собирали, Евирасеюшка бы краснѣ ткала... А можетъ-быть, на бѣду, десятскій еще съ подводой бы выгналъ...

— Ну, и десятскій въ такую пору съ подводой не нарядить!

— Какъ знать, милый другъ маменька! А вдругъ полки идутъ! Можетъ-быть, война или возмущеніе — чтобъ были полки въ срокъ на мѣстахъ! Войтъ, намеднись, становой сказывалъ мнѣ, Наполеонъ III померъ — навѣрно теперь французы куралесить начнутъ! Патурально, наши сейчасъ впередъ—пу, и давай, мужичокъ, подводку! Да въ стыть, да въ метель, да въ бездорожицу — ни на что не посмотришь: поѣзжай, мужичокъ, коли начальство велитъ! А насъ съ вами покамѣсть еще поберегутъ, съ подводой не выгнать!

— Это что и говорить, велика для насъ милость Божія!

— А я что же говорю? Богъ, маменька, — все. Онъ намъ и дровецъ для тепла, и провизійцы для пропитанія — все Онъ. Мы-то думаемъ, что все сами, на свои деньги приобрубаемъ, какъ посмотримъ, да поглядимъ, да сообразимъ — все Онъ, все Богъ. И коли Онъ не захочетъ, ничего у насъ не будетъ. Я, вотъ, теперь хотѣлъ бы апельсинчиковъ, и самъ бы поѣлъ, и милаго дружка маменьку угощать бы, и всѣмъ бы по апельсинчику далъ, и деньги у меня есть, чтобъ апельсинчиковъ купить, взялъ бы вынулъ — давай! Ахъ Богъ говорить: тиру! вотъ я и сижу: философъ безъ огурцовъ.

Всѣ смѣются.

— Рассказывайте! — отзывается Евирасеюшка. — Войтъ у меня дяденька пономаремъ у Успенья въ Песочномъ былъ; ужъ какъ, кажется, былъ къ Богу усерденъ — могъ бы Богъ что-нибудь для него сдѣлать, — а какъ застигла его въ полѣ метелица — все равно замерзъ!

— И я про то же говорю. Коли захочетъ Богъ — замерзнетъ человекъ, не захочетъ — живъ останется. Опять и про молитву надо сказать: есть молитва угодная и есть молитва негодная. Угодная — достигается, а негодная — все равно, что она есть, что ея нѣтъ. Можетъ, дяденькина-то молитва негодная была — вотъ она и не достигла.

— Помнится, я въ двадцать-четвертомъ году въ Москву ѣздилъ — еще въ ту пору я Павломъ была тяжела, — такъ ѣхала я въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Москву...

— Позвольте, маменька. Вотъ я о молитвѣ кончу. Че-

ловѣкъ обо всѣхъ молится, потому что ему всего нужно. И маслица нужно, и капустки нужно, и огурчиковъ — ну, словомъ, всего. Иногда даже чего и не нужно, а онъ все, по слабости человѣческой, проситъ. Анъ, Богу-то сверху видите. Ты у Него маслица просишь, а Онъ тебѣ капустки либо лучку дастъ; ты о вѣдринкѣ да о тепленькой погодкѣ хлопчешь, а Онъ тебѣ дождичка да съ градцемъ пошлетъ. И долженъ ты это понимать и не роптать. Вотъ мы въ прошломъ сентябрѣ все морозцевъ у Бога просили, чтобъ озими у насъ не подопрѣли, анъ Богъ морозцу не далъ — ну, и сопрѣли наши озими.

— Еще какъ сопрѣли-то! — соболѣзнуетъ Арина Петровна: — въ Новинкахъ у мужичковъ все озимое поле хоть брось. Придется весной перенахивать да яровыкъ за-сѣвать.

— То-то вотъ и есть. Мы здѣсь мудствуемъ да лукавимъ, и такъ прикинемъ, и этакъ примѣримъ, а Богъ разомъ, въ одинъ моментъ, всѣ наши планы-соображенія въ прахъ обратить. Вы, маменька, что-то хотѣли рассказать, что съ вами въ двадцать-четвергомъ году было?

— Что такое! ништо ужъ я позабыла! Должно-быть, все о ней же, о милости Божьей. Не помню, мой другъ, не помню.

— Ну, Богъ дастъ, въ другое время вспомните. А покуда тамъ на дворѣ кутить да мутить, вы бы, милый другъ, вареньица покушали. Это — вишенки, головлевскія! Евпраксеюшка сама варила.

— И то ѣмъ. Вишенки-то мнѣ, признаться, теперь въ рѣдкость. Прежде, бывало, частенько-таки лакомливалась ими, ну, а теперь... Хороши у тебя въ Головлевѣ вишни: сочныя, крупныя! Вотъ въ Дубровинѣ, какъ ни старались разводить — все несладки выходятъ. Да ты, Евпраксеюшка, французской-то водки клала въ варенье?

— Какъ не класть! какъ вы учили, такъ и дѣлала. Да вотъ я о чемъ хотѣла спросить: вы какъ огурцы солите — кладете кардамону?

Арина Петровна на нѣкоторое время задумывается и даже руками разводитъ.

— Не помню, мой другъ; кажется, прежде и кардамону клала. Теперь — не кладу: теперь какое мое соленье! А прежде клала... даже очень хорошо помню, что клала! Да вотъ домой приѣду, въ рецептахъ пороюсь, не найду ли. Я вѣдь, какъ въ силахъ была, все примѣчала да записы-

вала. Гдѣ что понравится, я сейчасъ все выпрошу, запишу на бумажку—да дома и пробую. Я одинъ разъ такой секретъ, такой секретъ достала, что тысячу рублей давали—не открываетъ тотъ человекъ, да и дѣло съ концомъ! А я ключищѣ четвертачекъ сунула—она мнѣ все до кашли пересказала!

— Да, маменька, въ свое время вы—таки были... министры!

— Министръ не министръ, а могу Бога благодарить: не растранижила, а присоветовала! Вотъ и теперь поймаю отъ трудовъ своихъ праведныхъ: вишни-то въ Головлевъ вѣдь я развела!

— И спасибо вамъ за это, маменька, большое спасибо. Вѣчно спасибо и за себя, и за потомковъ—вотъ какъ!

Иудушка встаетъ, подходитъ къ маменькѣ и цѣлуетъ у нея ручку.

— И тебѣ спасибо, что мать побѣдишь! Да, хороши у тебя запасы, очень хороши!

— Что у насъ за запасы! Вотъ у васъ бывали запасы, такъ это такъ. Сколько однихъ погребовъ было и нигдѣ ни одного мѣстечка пустого!

— Бывали и у меня запасы—не хочу солгать, никогда не была бездомницей. А что касается до того, что погребовъ было много, такъ вѣдь тогда и колесо большое было: ртовъ-то вдесятеро противъ нынѣшняго было. Одной дворни сколько—всякому припаси да всякаго накорми. Тому огурчика, тому кваску; понемножку да помаленьку—анъ, смотришь, и многовѣкъ всего изойдетъ.

— Да, хорошее было время. Всего тогда много было. И хлѣба, и фруктовъ—всего въ изобиліи!

— Навозу копили больше—оттого и родилось.

— Нѣтъ, маменька, и не отъ этого. А было Божье благословеніе—вотъ отъ чего. Я помню, однажды папенька изъ сада яблоко апортъ принесъ, такъ всѣ даже удивились: на тарелкѣ нельзя было умѣстить.

— Этого не помню. Вообще знаю, что были яблоки хорошия, а чтобы такія были, въ тарелку величиной—этого не помню. Вотъ караса въ двадцать фунтовъ въ дубровинскомъ прудѣ въ ту коронацію изловили—это точно что было.

— И караси, и фрукты—все тогда крупное было. Я помню, арбузы Иванъ-садовникъ выводилъ—вотъ какіе!

Иудушка сначала оттопыриваетъ руки, потомъ скругляетъ ихъ, при чемъ дѣлаетъ видъ, что никакъ не можетъ обхватить.

— Бывали и арбузы. Арбузы, скажу тебѣ, другъ мой, въ году бываютъ. Иной годъ ихъ много, и они хороши; другой годъ и немного, и невкусны, а въ третій годъ и совсѣмъ ничего нѣтъ. Ну, и то еще надо сказать: что гдѣ поведется. Вонъ у Григорья Александрыча, въ Хлѣбниковѣ, ничего не родилось—ни ягодъ, ни фруктовъ, ничего. Однѣ дыни. Только ужъ и дыни бывали!

— Стало-быть, ему на дыни милость Божья была!

— Да, ужъ, конечно. Везъ Божьей милости нигдѣ не обойдешься, никуда отъ нея не убѣжишь!

Арина Петровна уже вынула двѣ чашки и начинаетъ поглядывать на ломберный столъ. Евпраксеюшка тоже такъ и горитъ нетерпѣніемъ сразиться въ дураки. Но плапы эти разстраиваются по милости самой Арины Петровны, потому что она внезапно что-то припоминаетъ.

— А вѣдь у меня новость есть, — объявляетъ она: — письмо вчера отъ сиротокъ получила.

— Молчали-молчали, да и откликнулись! Видно, туго пришлось; денегъ просить?

— Нѣтъ, не просить. Вотъ полюбуйся.

Арина Петровна достаетъ изъ кармана письмо и отдаетъ Гудушкѣ, который читаетъ:

«Вы, бабушка, больше намъ ни лядюшекъ, ни куръ не посылайте. Денегъ тоже не посылайте, а копите на проценты. Мы не въ Москвѣ, а въ Харьковѣ, поступили на сцену въ театръ, а лѣтомъ по ярмаркамъ будемъ ѣздить. Я, Аннинька, въ «Периколѣ» дебютировала, а Любинька— въ «Апютивныхъ глазахъ». Меня нѣсколько разъ вызывали, особенно послѣ сцены, гдѣ Перикола выходитъ навеселѣ и поетъ: *я гото-о-ва, готова, готова!* Любинька тоже очень понравилась. Жалованья мнѣ директоръ положилъ по сту рублей въ мѣсяцъ и бенефисъ въ Харьковѣ, а Любинькѣ — по семидесяти пяти въ мѣсяцъ и бенефисъ лѣтомъ, на ярмаркѣ. Кромѣ того, подарки бываютъ отъ офицеровъ и отъ адвокатовъ. Только адвокаты иногда фальшивыя деньги даютъ, такъ нужно быть осторожной. И вы, милая бабушка, всѣмъ въ Погорѣлкѣ пользуйтесь, а мы туда никогда не приѣдемъ и даже не понимаемъ, какъ тамъ можно жить. Вчера первый сѣтъъ выпалъ, и мы съ здѣшними адвокатами на тройкахъ ѣздили; одинъ на Плеваку похожъ — чудо, какъ хорошъ! Поставилъ на голову стаканъ съ шампанскимъ и плясалъ трепака — прелесть, какъ весело! Другой—не очень собой хорошигъ, въ родѣ не-

тербургскаго Языкова. Представьте, разстроилъ себя во-
ображеніе чтеніемъ «Собранія лучшихъ русскихъ пьесъ и
романсовъ», и до того ослабъ, что даже въ судѣ падаеть
въ обморокъ. И такъ почти каждый день проводимъ то съ
офицерами, то съ адвокатами. Катаемся, въ лучшихъ ре-
сторанахъ обѣдаемъ, ужинаемъ и ничего не платимъ. А вы,
бабушка, ничего въ Погорѣлкѣ не жалѣйте, и что тамъ
растетъ: хлѣбъ, капуста, грибы — все купайте. Мы бы и
капиталь съ удово...

«Прощайте! прѣехали наши кавалеры — опять на трой-
кахъ кататься зовутъ. Милка! божественная! прощайте!

«Динька».

«И я тоже — *Любинка».*

— Тыфу! — отплевывается Гудушка, возвращая письмо.

Арина Петровна сидитъ, задумавшись, и нѣкоторое время
не отвѣчаетъ.

— Вы имъ, маменька, ничего еще не отвѣчали?

— Нѣтъ еще, и письмо-то вчера только получила; съ
тѣмъ и поѣхала къ вамъ, чтобъ показать, да вотъ за тѣмъ
да за сѣмъ чуть было не позабыла.

— Не отвѣчайте. Лучше.

— Какъ же я не отвѣчу? Вѣдь я имъ отчетомъ обязана.
Погорѣлка-то — ихняя.

Гудушка тоже задумывается: какой-то зловѣщій планъ
мелькаетъ въ его головѣ.

— А я все объ томъ думаю, какъ онѣ себя соблюдутъ,
въ вертепѣ-то этомъ? — продолжаетъ, между тѣмъ, Арина
Петровна. — Вѣдь это такое дѣло, что тутъ только разъ осту-
пись — потомъ ужъ чести-то дѣвичьей и не воротить! Ищи
ее потомъ да свищи!

— Очень имъ она лужна! — огрызается Гудушка.

— Какъ бы то ни было!.. Для дѣвушки это даже можно
сказать — первое въ жизни сокровище... Кто потомъ этакую-
то за себя возьметъ?

— Нынче, маменька, и безъ мужа все равно, что съ
мужемъ живутъ. Нынче падъ предписаніями-то религіи
смѣются. Дошли до куста, подъ кустомъ обвѣчались — и
дѣло въ шляпѣ. Это у нихъ гражданскимъ бракомъ на-
зывается.

Гудушка вдругъ спохватывается, что вѣдь и онѣ нахо-
дятся въ блудномъ сожителствѣ съ дѣвицей духовнаго
званія.

— Конечно, иногда, по нуждѣ... — поправляется онъ: —

коли ожели человекъ въ силахъ и притомъ вдовый... По нуждѣ, и закону премѣна бываетъ!

— Что говорить! Въ нуждѣ и куликъ соловьемъ свистеть. И святые въ нуждѣ согрѣшали, не то, что мы грѣшныя!

— Такъ вотъ оно и есть. На нашемъ мѣстѣ, знаете ли, что бы я сдѣлалъ?

— Посоветуй мой другъ, скажи.

— Я бы отъ нихъ полную довѣренность на Погорѣлку вытребовать.

Арина Петровна пугливо взглядываетъ на него.

— Да у меня и то полная довѣренность на управленіе есть,—произноситъ она.

— Не на одно управленіе. А такъ, чтобы и продать, и заложить, и, словомъ, чтобъ всѣмъ можно было по своему усмотрѣнію распорядиться...

Арина Петровна опускаетъ глаза въ землю и молчитъ.

— Конечно, это такой предметъ, что надо его обдумать. Подумайте-ка, маленька!—настаиваетъ Иудушка.

Но Арина Петровна продолжаетъ молчать. Хотя, вслѣдствіе старости, сообразительность у нея значительно притупля, но ей, все-таки, какъ-то не по себѣ отъ инсинуаций Иудушки. И бонся-то она Иудушки: жаль ей тепла и простора, и изобилія, которые царствуютъ въ Головленѣ, и въ то же время сдается, что не даромъ онъ о довѣренности заговорилъ, что это онъ опять новую петлю накидываетъ. Положение дѣлается настолько натянутымъ, что она начинаетъ уже внутренне бранить себя, зачѣмъ ее дернуло показывать письмо. Къ счастью, Евпраксеюшка является на выручку.

— Что-жъ, будемъ, что ли, въ карты-то играть?—спрашиваетъ она.

— Давай, давай!—спѣшишь отвѣтить Арина Петровна и живо выскакиваетъ изъ-за чая. Но по дорогѣ къ ломберному столу ее посѣщаетъ новая мысль.

— А ты знаешь ли, какой сегодня день?—обращается она къ Порфирію Владимірычу.

— Двадцать третье ноября, маленька,—съ недоумѣніемъ отвѣчаетъ Иудушка.

— Двадцать третье-то двадцать третье, да помнишь ли ты, что двадцать третьяго-то ноября случилось? Про панихиду-то небось позабылъ?

Порфирій Владимірычъ блѣднѣетъ и крестится.

— Ахъ, Господи! вотъ такъ бѣда!—воскликаетъ онъ.— Да такъ ли? точно ли? Позвольте-ка, я въ календарѣ посмотрю.

Черезъ нѣскольکو минутъ онъ приноситъ календарь и отыскиваетъ въ немъ вкладной листъ, на которомъ написано:

«23 ноября. Память кончины милаго сына Владимира.

«Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!

«и моли Бога за твоего папу, который въ сей день будетъ неуклонно

«творить по тебѣ поминовение и съ литургіею».

— Вотъ тебѣ и па! — произноситъ Порфирій Владиміръ.— Ахъ, Володя, Володя! недобрый ты сынъ, дурной! Видно, не молился Богу за папу, что онъ даже память у него отнял! Какъ же быть-то съ этимъ, маменька?

— Не Богъ знаетъ что случилось—и завтра панихидку отслужишь. И панихидку, и обѣденку—все справимъ. Все я, старая да безпамятная, виновата. Съ тѣмъ и ѣхала, чтобы напомнить, да все дорогою и растеряла.

— Ахъ, грѣхъ какой! Хорошо еще, что лампадки въ образной зажжены. Точно вѣдь свыше что меня озарило. Ни праздниѣ у насъ сегодня, ни что — просто съ Введеньева дня лампадки зажжены,—только подходитъ ко мнѣ давеча Евпраксеюшка, спрашиваетъ: «Лампадки-то боковыя тушить что ли?» А я, точно вотъ толкнуло меня, подумалъ такъ съ минутою и говорю: не тропь! Христось съ ними, пускай погорятъ! Анъ вотъ оно что!

— И то хорошо, хоть лампадки погорѣли! И то для души облегченіе! Ты гдѣ сядишься-то? Опять что ли подь меня ходить будешь, или кралъ своей станешь мирволить?

— Да ужъ я не знаю, маменька, мнѣ можно ли...

— Чего не можно! Сядись! Богъ проститъ! Не нарочно вѣдь, не съ намѣреніемъ, а отъ забвенія. Это и съ праведниками случалось! Завтра, вотъ, чѣмъ свѣтъ встанемъ, обѣденку отстоимъ, панихидочку отслужимъ—все какъ слѣдуетъ сдѣлаемъ. И его душа будетъ радоваться, что родители да добрые люди объ немъ вспомнили, и мы будемъ покойны, что свой долгъ выполнили. Такъ-то, мой другъ. А горевать не слѣдь — это я всегда скажу: первое — гореваньемъ сына не воротишь, а второе — грѣхъ передъ Богомъ!

Гудушка урезонивается этими словами и цѣлуется у маменьки руку, говоря:

— Ахъ, маменька, маменька! золотая у васъ душа — право! Кабы не вы — ну, что бы я въ эту минуту дѣлалъ! Ну, просто пропасть бы! какъ есть растерялся бы, пропалъ!

Порфирій Владимірычъ дѣлаетъ распоряженіе насчетъ завтрашней церемоніи, и всѣ садятся за карты. Сдають разъ, сдають другой. Арinna Петровна горячится и негодуешь на Тудушку за то, что онъ ходитъ подъ Евпраксеюшку все съ одной. Въ промежуткахъ сдачь Тудушка предается воспоминаніямъ о погибшемъ сылѣ.

— Какой ласковый былъ! — говоритъ онъ. — Ничего, бывало, безъ позволенія не возьметъ. Бумажки нужно — «можно, папа, бумажки взять?» — Возьми, мой другъ! Или: «не будете ли, папа, такой добренькій, сегодня карасиковъ въ сметанѣ къ завтраку заказать?» — Изволь, мой другъ! Ахъ, Володя, Володя! Всѣмъ ты былъ папка, только тѣмъ не папка, что папку оставилъ!

Проходить еще нѣсколько туровъ; опять воспоминанія.

— И что такое съ нимъ вдругъ случилось — и самъ не понимаю! Жилъ хоропохонько да смиренхонько, жилъ да поживалъ, меня радовалъ — чего бы, кажется, лучше! Вдругъ бацъ! Вѣдь грѣхъ-то, представьте, какой! подумайте только объ этомъ, маменька, на что человѣкъ посягнулъ! На жизнь свою, на даръ Отца Небеснаго! Изъ-за чего? зачѣмъ? чего ему недоставало? Денегъ, что ли? Жалованья я, кажется, никогда не задерживаю; даже враги мои, и тѣ про меня этого не скажутъ. Ну, а ежели маловато показалось — такъ не прогнѣвайся, другъ! У папы денешки тоже воть гдѣ сидятъ! Коли мало денегъ — умѣй себя сдерживать. Не все сладенькаго, не все съ сахарцомъ — часкомъ и съ кваскомъ покушай! Такъ-то, братъ! Вотъ папа твой, и надѣялся онъ давеча денежекъ получить — анъ, приказчикъ пришелъ: «терпѣнковскіе крестьяне оброка не платятъ!» — Ну, печего дѣлать, написалъ къ мировому прошеніе! Ахъ, Володя, Володя! Нѣтъ, не папка ты! бросилъ папку! сиротой оставилъ!

И чѣмъ живѣе идетъ игра, тѣмъ обильнѣе и чувствительнѣе дѣлаются воспоминанія.

— И какой умный былъ! Помню я такой случай. Мелить онъ въ кори — лѣтъ не больше семи ему было, — только подходитъ къ нему покойница Саша, а онъ ей и говоритъ: «Мама, мама! вѣдь правда, что крылышки только у ангеловъ бываютъ?» Ну, та и говоритъ: — «Да, только у

ангеловъ». — «Отчего же, говорить, у паны, какъ онъ сюда сейчасъ входилъ, крылышки были?»

Наконецъ, разыгрывается какая-то гомерическая игра. Иудушка остается дуракомъ съ цѣлыми восемью картами на рукахъ, въ числѣ которыхъ козырные тузъ, король и дама. Поднимается хохотъ, подтруниваніе, и всему этому благосклонно вторитъ самъ Иудушка. Но среди общаго разгара веселости Арина Петровна вдругъ стихаетъ и прислушивается.

— Стойте! не шумите! кто-то ѣдетъ! — говоритъ она.

Иудушка съ Евпраксеюшкой тоже прислушиваются, но безъ результата.

— Говорю вамъ: ѣдутъ! Вона... чу! вѣтромъ сюда вдругъ подуло... Чу! ѣдетъ, и даже близко!

Вновь начинаютъ вслушиваться и, дѣйствительно, слышать какое-то далекое позвякиванье, то доносимое, то относимое вѣтромъ. Проходитъ минутъ пять, и колокольчикъ слышится уже явственно, а вслѣдъ за нимъ и голосъ на дворѣ.

— Молодой баринъ! Петръ Порфирьичъ пріѣхали! — доносится изъ передней.

Иудушка всталъ и застылъ на мѣстѣ, блѣдный, какъ полотно.

Петенька вошелъ какъ-то вяло, поцѣловалъ у отца руку, потомъ соблюлъ тотъ же церемоніаль относительно бабушки, поклонился Евпраксеюшкѣ и сѣлъ. Это былъ малый лѣтъ двадцати пяти, довольно красивой наружности, въ дорожной офицерской формѣ. Вотъ все, что можно сказать про него, да и самъ Иудушка едва ли знаетъ что-нибудь больше. Взаимныя отношенія отца и сына были таковы, что ихъ нельзя было даже назвать натянутыми! совсѣмъ какъ бы ничего не существовало. Иудушка знаетъ, что это — человѣкъ, значащійся по документамъ его сыномъ, которому онъ обязанъ въ извѣстные сроки посылать условленное, то-есть имъ же самимъ опредѣленное жалованье, и отъ котораго, взаимнъ того, онъ имѣетъ право требовать почтенія и повиновенія. Петенька, съ своей стороны, знаетъ, что есть у него отецъ, который можетъ его во всякое время притѣснить. Онъ довольно охотно ѣздилъ въ Головлево, особливо съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ офицеры, но не потому, чтобы находилъ удовольствіе бесѣдовать съ отцомъ, а просто потому, что всякаго человѣка, не отдавнаго собѣ

никакого отчета въ жизненныхъ цѣляхъ, какъ-то инстинктивно тинеть *in vacuo*. Но теперь онъ, очевидно, прибѣлъ по нуждѣ, по принужденію, вслѣдствіе чего онъ не выразилъ даже ни одного изъ тѣхъ знаковъ радостнаго недоумѣнія, которыми обыкновенно ознаменовываетъ всякій блудный дворянскій сынъ свой пріѣздъ въ родное мѣсто.

Петенька былъ неразговорчивъ. На всѣ восклицанія отца: «вотъ такъ сюрпризъ! ну, братъ, одолжилъ! а я-то сижу да думаю: кого, прости Господи, по ночамъ носить?— ахъ вотъ онъ кто!» и т. д.—онъ отвѣчалъ или молчаніемъ, или принужденною улыбкою. А на вопросъ: «и какъ это тебѣ вдругъ вздумалось?»—отвѣчалъ даже сердито: «Такъ вотъ, вздумалось и пріѣхать».

— Ну, спасибо тебѣ, спасибо, вспомнилъ про отца, обрадовалъ! Чай, и про бабушку-старушку вспомнилъ?

— И про бабушку вспомнилъ.

— Стой! да тебѣ, можетъ-быть, вспомнилось, что сегодня годовщина по братѣ Володенькѣ?

— Да, и про это вспомнилось.

Въ такомъ тонѣ разговоръ длился съ полчаса, такъ что нельзя было понять, вразумду ли отвѣчаетъ Петенька, или только отдѣлывается. Поэтому какъ ни выносили въ будуща относительно равнодушія своихъ дѣтей, однако, и онъ не выдержалъ и замѣтилъ:

— Да, братъ, неласковъ ты! Нельзя сказать, чтобъ ты ласковый сынъ былъ!

Смолчавъ на этотъ разъ Петенька, прими панелькино замѣчаніе съ кротостью, а еще лучше—поцѣлуй у панельки ручку и скажи ему: «извините меня, добрейшій панелька, я вѣдь съ дороги усталъ!»—и все бы обошлось благополучно. Но Петенька поступилъ совсѣмъ какъ неблагодарный.

— Каковъ есть!—отвѣтилъ онъ такъ грубо, словно хотѣлъ сказать: отвязись ты отъ меня, сдѣлай милость!

Тогда Порфирію Владимірычу сдѣлалось такъ больно, такъ больно, что онъ ужъ не нашелъ возможности молчать.

— Кажется, какъ я о васъ заботился!—сказалъ онъ съ горечью.—Даже и здѣсь сидишь, а все думаешь: какъ бы потучше, да поскладѣе, да чтобы все въ хорошенько да уютнѣе, безъ нужды да безъ горюшка... А вы все отъ меня прочь да прочь?

— Кто же... *ахъ?*

— Ну, ты... Впрочемъ, и покойникъ, царство ему небесное былъ такой же...

— Что-жь, я вамъ очень благодаренъ!

— Никакой я отъ васъ благодарности не вижу! Ни благодарности, ни ласки—ничего!

— Характеръ неласковый — вотъ и все. Да вы все во множественномъ говорите? Одинъ уже умеръ...

— Да, умеръ. Богъ наказалъ. Богъ некоренныхъ дѣтей наказываетъ. И все-таки я его помню. Онъ некоренъ былъ, а я его помню. Вотъ, завтра обѣденку отстоимъ и панихиду отслужимъ. Онъ меня обидѣлъ, а я все-таки свой долгъ помню. Господи ты Боже мой! да что-жь это нынче дѣлается? Сыръ къ отцу прѣхалъ, и съ перваго же слова уже фыркаетъ! Такъ ли мы въ наше время поступали! Бывало, ѣдешь въ Головлево-то, да за тридцать верстъ все твердишь: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!» Да вотъ мамзюка—живой человѣкъ: она скажетъ! А нынче—не понимаю! не понимаю!

— И я не понимаю. Прѣхалъ я смирно, нездоровался съ вами, руку поцѣловалъ, теперь спужу, васъ не трогаю, пью чай, а коли дадите ужинать — и поужинаю. Съ чего вы всю эту исторію подняли?

Арина Петровна сидитъ въ своемъ креслѣ и вслушивается. И слышитъ ей, что она все ту же знакомую повѣсть слышитъ, которая давно—и не запомнить она когда—началась. Закрылась-было совсѣмъ эта повѣсть, да вотъ и опять, итъ-итъ, возьметъ да и раскроется на той же страницѣ. Тѣмъ не менѣе, она понимаетъ, что подобная встрѣча между отцомъ и сыномъ не обѣщаетъ ничего хорошаго, и потому считаетъ долгомъ вѣшаться въ распрю и сказать примирительное слово.

— Ну, ну, итъухи индѣйскіе!—говоритъ она, стараясь придать своему поученію шутливый тонъ.—Только что свидѣлись, а ужъ и разодрались! Такъ и наскакиваютъ другъ на дружку, такъ и наскакиваютъ! Смотри, сейчасъ перья полетятъ! Ахъ-ахъ-ахъ горе какое! А вы, молодцы, смирненько посидите да ладкомъ между собою поговорите, а я, старуха, послушаю да полюбуюсь на васъ! Ты, Петенька,—уступи! Отцу, мой другъ, всегда нужно уступить, потому что онъ — отецъ. Если иной разъ и горькобько что отъ отца покажется, а ты прими съ готовностью, да съ покорностью, да съ почтеніемъ, потому что ты — сынъ! Можетъ, изъ горькаго-то да вдругъ сладкое сдѣлается — вотъ ты и въ выигрышѣ! А ты, Порфирій Владиміръчъ, — сизойди! Онъ — сынъ, человѣкъ молодой, ибженный. Онъ семьдесятъ

пять верстъ по ухабамъ да по сугробамъ проѣхаль: и усталъ, и иззябъ, и уснуть ему хочется! Вотъ чай-то ужъ кончили, вели-ка подавать ужинать, да и на покой! Такъ-то, другъ мой! Разбредемся всѣ по своимъ мѣстамъ, помолимся, анъ, сердце-то у насъ и пройдетъ. И всѣ, какія у насъ дурныя мысли были—всѣ сномъ Богъ прогонитъ! А завтра ранѣхонько встанемъ, да о покойникѣ помолимся. Обѣденку отстоимъ, панихиду отслужимъ, а потомъ, какъ воротимся домой, и побесѣдуемъ. И всякій, отдохнувши, свое дѣло по порядку, какъ слѣдуетъ, расскажетъ. Ты, Петенька, про Петербургъ, а ты, Порфирій, — про деревенское свое житье. А теперь поужинаемъ—и съ Богомъ, на боковую.

Это убѣжденіе оказываетъ свое дѣйствіе не потому, чтобы оно заключало что-нибудь дѣйствительно убѣдительное, а потому, что Іудушка и самъ видитъ, что онъ зарпортовался, что лучше какъ-нибудь миромъ покончить день. Поэтому онъ встаетъ съ своего мѣста, цѣлуетъ у маменьки ручку, благодаритъ «за науку» и приказываетъ подавать ужинать. Ужинъ проходитъ сурово и молчаливо.

Столовая опустѣла; всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Домъ мало-по-малу стихаетъ, мертвая тишина ползетъ изъ комнаты въ комнату и, наконецъ, доходитъ до послѣдняго убѣжища, въ которомъ дольше прочихъ закоулковъ упорствовала обрядовая жизнь, т. е. до кабинета головлевскаго барина. Іудушка, наконецъ, покончилъ съ поклонами, которые онъ долго-долго отсчитывалъ передъ образами, и тоже улегся въ постель.

Лежитъ Порфирій Владимырь въ постели, но не можетъ сомкнуть глазъ. Чуетъ онъ, что прїѣздъ сына предвѣщаетъ что-то не совсѣмъ обыкновенное, и уже заранѣе въ головѣ его зарождаются всевозможныя пустословныя поученія. Поученія эти имѣютъ то достоинство, что они ко всякому случаю пригодны и даже не представляютъ собой послѣдовательнаго сѣвленія мыслей. Ни грамматической, ни синтаксической формы для нихъ тоже не требуется: они накладываются въ головѣ въ видѣ отрывочныхъ афоризмовъ и появляются на свѣтъ Божій по мѣрѣ того, какъ наползаютъ на языкъ. Тѣмъ не менѣе, какъ только случится въ жизни какой-нибудь казусъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, такъ въ головѣ поднимается такая суматоха отъ наплыва афоризмовъ, что даже сонъ не можетъ умиротворить ее.

Не спится Іудушкѣ: цѣлая масса пустяковъ обступила

его изголовье и давить его. Собственно говоря, загадочный приезд Петеньки не особенно волнует его, ибо, что бы ни случилось, Иудушка уже *ко всему* готовъ заранѣе. Онъ знаетъ, что *ничто* не застанетъ его врасплохъ и *ничто* не заставитъ сдѣлать какое-нибудь отступленіе отъ той сѣти пустыхъ и насквозь прогнившихъ афоризмовъ, въ которую онъ запутался съ головы до ногъ. Для него не существуетъ ни горя, ни радости, ни невинности, ни любви. Весь міръ въ его глазахъ есть гробъ, могучій служить лишь поводомъ для безконечнаго пустословія. Уже на что было больше горя, когда Володя покончилъ съ собой, а онъ и тутъ устоялъ. Это была очень грустная исторія, продолжавшаяся цѣлыхъ два года. Цѣлыхъ два года Володя перемогался; сначала выказывалъ гордость и рѣшимость не нуждаться въ помощи отца; потомъ ослабъ, сталъ молить, доказывать, грозить... И всегда встрѣчалъ въ отвѣтъ готовый афоризмъ, который представлялъ собой камень, поданный голодному человѣку. Сознавалъ ли Иудушка, что это камень, а не хлѣбъ, или не сознавалъ—это вопросъ спорный; но во всякомъ случаѣ у него ничего другого не было, и онъ подавалъ свой камень, какъ единственное, что онъ могъ дать. Когда Володя застрѣлился, онъ отслужилъ по немъ панихиду, записалъ въ календарь день его смерти и обѣщалъ и на будущее время ежегодно 23-го ноября служить панихиду «и съ литургією». Но когда по временамъ даже и въ немъ поднимался какой-то тусклый голосъ, который бормоталъ, что все-таки разрѣшеніе семейнаго спора самоубійствомъ—вещь по малой мѣрѣ подозрительная, тогда онъ выводилъ на сцену цѣлую свиту готовыхъ афоризмовъ, въ родѣ: «Богъ непокорныхъ дѣтей наказываетъ», «гордымъ Богъ противится» и проч.—и успокаивался.

...Вотъ и теперь. Нѣтъ сомнѣнія, что съ Петенькой случилось что-то недоброе, но, что бы ни случилось—онъ, Порфирій Головаевъ, долженъ быть выше этихъ случайностей: Самъ занутился—самъ и распутывайся; умѣлъ кану заварить—умѣй и расхлѣбывать; любишь кататься—люби и саночки возить. Именно такъ; именно это самое онъ и скажетъ завтра, о чемъ бы ни сообщилъ ему сыночекъ. А что, ежели и Петенька, подобно Володѣ, откажется принять камень вмѣсто хлѣба? Что, ежели и онъ... Иудушка отплевывается отъ этой мысли и приписываетъ ее наводненію лукаваго. Онъ переворачивается съ боку на бокъ, усили-

вается уснуть и не может. Только что начнет заводить его сонъ — вдругъ: «и радъ бы до неба достать, да руки коротки!» или: «по одежкѣ протягивай ножки... вотъ я... готъ ты... притки вы очень, а знаешь пословицу: поспѣшность нужна только блохъ ловить?» Обступили кругомъ пустяки, ползуть, лѣзутъ, давятъ. И не спитъ Гудушка подъ бременемъ пустословія, которымъ онъ надѣется завтра утолить себѣ душу.

Не спится и Петенькѣ, хотя дорога порядкомъ-таки изломала его. Есть у него дѣло, которое можетъ разрѣшиться только здѣсь, въ Головлево, но такое это дѣло, что и не вѣсть какъ за него взяться. По правдѣ говоря, Петенька отлично понимаетъ, что дѣло его безнадежное, что поѣздка въ Головлево принесетъ только лишнія неприятности, но въ томъ-то и штука, что есть въ человѣкѣ какой-то темный инстинктъ самосохраненія, который пересиливаетъ всякую сознательность и который такъ и подталкиваетъ: испробуй все до послѣдняго! Вотъ онъ и пріѣхалъ, да вмѣсто того, чтобы закалить себя и быть готовымъ перенести все, чуть-было съ перваго шагу не разругался съ отцомъ. Что-то будетъ изъ этой поѣздки? Совершится ли чудо, которое должно превратить камень въ хлѣбъ, или не совершится?

Не прямо ли было бы взять револьверъ и приставить его къ виску: «Господа, я не достоинъ носить вашъ мундиръ! Я растратилъ казенныя деньги, и потому самъ себя прощально справадивый и строгій судъ!» Баць! — и все кончено. «Исключается изъ списковъ умершій поручикъ Головлево!» Да, это было бы рѣшительно н... красиво. Товарищи сказали бы: «Ты былъ несчастенъ, ты увлекался, но... ты былъ *благородный* человѣкъ!» Но онъ, вмѣсто того, чтобы сразу поступить *такимъ образомъ*, довелъ дѣло до того, что поступокъ его сталъ всеѣмъ извѣстенъ, — и вотъ его отпустили на опредѣленный срокъ, съ тѣмъ, чтобы въ течение его растрата была непременно пополнена. А потомъ — конь изъ полка. И для достиженія этой-то цѣли, въ концѣ которой стоялъ позорный исходъ только что начатой карьеры, онъ поѣхалъ въ Головлево, поѣхалъ съ полной увѣренностью получить камень вмѣсто хлѣба!

А можетъ-быть, что-нибудь и будетъ? Вѣдь случается же... Вдругъ нынѣшнее Головлево исчезнетъ, и на мѣстѣ его очутится новое Головлево, съ новою обстановкой, къ которой онъ... Не то чтобы отецъ... умереть — зачѣмъ? — а такъ... вообще, будетъ новая «обстановка»... А можетъ-

быть и бабушка — вѣдь у нея деньги есть! Узнать, что бѣда впереди — и вдругъ дать! На, скажете, поѣзжай скорѣе, побудь срокъ не прошелъ! И вотъ онъ ѣдетъ, торопить ямщиковъ, наслу поспѣваетъ на станцію — и является въ полкъ какъ разъ за два часа до срока! «Молодецъ Головлевъ!» — говорятъ товарищи. — Руку, благородный молодой человекъ, и пусть огниныя все будетъ забыто!» И онъ не только остается въ полку попрежнему, но производится сначала въ штабсъ-капитаны, потомъ въ капитаны, дѣлается полковымъ адъютантомъ (казначеемъ онъ ужъ былъ) и, наконецъ, въ день полкового юбилея...

Ахъ! поскорѣе бы эта ночь прошла! Завтра... ну, завтра пусть будетъ, что будетъ! Но что онъ долженъ будетъ завтра выслушать... ахъ, чего только онъ не выслушаетъ! Завтра... но для чего же завтра? Вѣдь есть еще цѣлый день впереди... Вѣдь онъ выговорилъ себѣ два дня собственнo для того, чтобы имѣть время убѣдить, расстрогать... Чорта съ два! убѣдишь тутъ, расстрогаешь! Иѣтъ ужъ...

Тутъ мысли его окончательно путаются и постепенно, одна за другой, утопаютъ въ сонной мглѣ. Черезъ четверть часа головлевская усадьба всецѣло погружается въ тяжкій сонъ.

На другой день рано утромъ весь домъ на ногахъ. Всѣ поѣхали въ церковь, кромѣ, впрочемъ, Петеньки, который остался дома подъ предлогомъ, что усталъ съ дороги. Наконецъ, отслужили обѣдню и панихиду и воротились домой. Петенька, по обыкновенію, подошелъ къ рукъ отца, но Гудушка подалъ руку бокомъ, и всѣ замѣтили, что онъ даже не перекрестилъ сына. Налились чаю, поѣли помпальной кутьи; Гудушка ходилъ мрачный, шаркалъ ногами, избѣгалъ разговоры, вздыхалъ, безпрестанно складывалъ руки, въ знакъ умной молитвы, и совсѣмъ не глядѣлъ на сына. Съ своей стороны и Петенька блуждалъ и молча курилъ папирску за папирской. Вчерашнее натянутое положеніе не только не улучшилось за ночь, но приняло такіе рѣзкіе тоны, что Арина Петровна серьезно обознокопалась и рѣшилась развѣдать у Евпраксеюшки, не случилось ли что-нибудь.

— Что такое случилось, — спросила она: — что они съ утра словно вороги другъ на друга смотрятъ?

— А я почему знаю! Развѣ я въ ихнія дѣла вхожу! — отрывнулася Евпраксея.

— Ужъ не ты ли? Можетъ, и внучекъ къ тебѣ пристасть?

— Чтого ко мнѣ приставать! Просто давеча подварау-
лить меня въ коридорѣ, а Порфирій Владиміръчъ и уви-
дѣли!

— И-дѣ, такъ вотъ оно что!

И дѣйствительно, несмотря на крайность своего положе-
нія, Петенька отнюдь не оставилъ присущаго ему легко-
мыслия. И онъ тоже заглядѣлся на могучую спину Евпрак-
сеюшки и рѣшился ей высказать это. Съ этою собственно-
цѣлью онъ и въ церковь не поѣхалъ, надѣясь, что и
Евпраксея, въ качествѣ экономки, останется дома. И вотъ,
когда въ домѣ все стихло, онъ накиннулъ на плечи шипецъ
и притаился въ коридорѣ. Прошла минута, другая, хлоп-
нула дверь, ведущая изъ сплеса въ дѣвичью, и въ концѣ
коридора показалась Евпраксея, держа въ рукахъ под-
носъ, на которомъ лежалъ теплый сдобный крекдесль къ
чаю. Но не успѣлъ еще Петенька вытянуть ее хорошенько
между лопатками, не успѣлъ произнести: «вотъ это такъ
спина!» — какъ дверь изъ столовой отворилась и въ ней
показался отецъ.

— Късли ты сюда пакостничать, морзавецъ, прѣхалъ,
такъ я тебя съ дѣстницы веваю сбросить! — произнесъ
Гудушка какимъ-то безконечно-злымъ голосомъ.

Разумѣется, Петенька въ одинъ моментъ ступевался.

Онъ не могъ, однакожь, не понять, что утреннее проис-
шествіе было не изъ такихъ, чтобы благопріятно подѣй-
ствовать на его фонды. Поэтому онъ рѣшился молчать и
отложить объясненіе до завтра. Но въ то же время онъ не
только ничего не дѣлалъ, чтобъ унять раздраженіе отца,
но, напротивъ того, велъ себя самымъ неосмотрительнымъ
и дурацкимъ образомъ. Не переставая, курить напираски,
не обращая никакого вниманія на то, что отецъ усленно
отмахивался отъ облаковъ дыма, которыми онъ наполнилъ
комнату. Затѣмъ номинутно кидалъ умильно-дурацкіе взоры
на Евпраксеюшку, которая подъ вліяніемъ ихъ какъ-то
вкось улыбалась, что тоже замѣчалъ Гудушка.

День потянулся вяло. Пробовала-было Арина Петровна
въ дураки съ Евпраксеюшкой сыграть, но ничего изъ этого
не вышло. Не игралось, не говорилось, даже пустяки какъ-то
не шли на умъ, хотя у всѣхъ были въ запасѣ пльые не-
початые углы этого добра. Насилу пришелъ обѣдъ, но и
за обѣдомъ всѣ молчали. Послѣ обѣда Арина Петровна со-
бралась-было въ Погорѣлку, но Гудушку даже испугало это
намѣреніе добраго друга маменьки.

— Христось съ вами, голубушка! — воскликнул онъ. — Что-жь, одного, что ли, вы меня оставить хотите съ глазу на глазъ съ этимъ... дурнымъ сыномъ? Нѣтъ, нѣтъ, и не думайте! не пуцуй!

— Да что такое, случилось, что ли, что-нибудь промежду васъ? Сказывай! — спросила она его.

— Нѣтъ, покажется еще ничего не случилось, но вы увидите... Нѣтъ, вы ужь не оставьте меня! Пусть ужь при васъ... Это -- не даромъ, не даромъ онъ прикатилъ... Такъ если что случится — ужь вы будьте свидѣтельницай!

Арина Петровна покачала головой и рѣшилась остаться.

Послѣ обѣда Порфирій Владимычъ удалился спать, услышавъ предварительно Евпраксеюшку на село къ нону; Арина Петровна, отложивъ отъѣздъ въ Погорѣнку, тоже ушла въ свою комнату и, уединившись въ кресло, дремала. Петенька считъ это время самымъ благоприятнымъ, чтобъ попытать счастья у бабушки, и отправился къ ней.

— Что ты, въ дурачки, что ли, со старухой поиграть приишь? — встрѣтила его Арина Петровна.

— Нѣтъ, бабушка, я къ вамъ за дѣломъ.

— Ну, рассказывай, говори.

Петенька съ минуту помаялся на мѣстѣ и вдругъ брякнулъ:

— Я, бабушка, казенныя деньги проигралъ.

У Арины Петровны даже въ глазахъ потемнѣло отъ неожиданности.

— И много? — спросила она перепуганнымъ голосомъ, глядя на него остановившимися глазами.

— Три тысячи.

Послѣдовала минута молчанія; Арина Петровна спокойно смотрѣла изъ стороны въ сторону, точно ждала, не явится ли откуда къ ней помощь.

— А ты знаешь ли, что за это и въ Сибирь недолго попасть? — наконецъ, произнесла она.

— Знаю.

— Ахъ, бѣдный ты, бѣдный!

— Я, бабушка, у васъ хотѣлъ взаймы попросить... Я хорошій процентъ заплачу.

Арина Петровна совсѣмъ недугалась.

— Что ты, что ты! — замстала она. — Да у меня и денегъ только на гробъ, да на поминаенье осталось! И сыга я только по милости внучекъ, да вотъ чѣмъ у сына полакомлюсь! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ты ужь меня оставь! Сдѣ-

лай милость, оставь! Знаешь что: ты бы у папеньки попросил!

— Нѣтъ, ужь что, отъ желѣзнаго лома да каменной просвирки ждать! Я, бабушка, на васъ надѣялся!

— Что ты! что ты! да я бы съ радостью, только какія же у меня деньги! И денегъ у меня такихъ нѣтъ! А ты бы къ папенькѣ обратился, да съ лаской, да съ почитаньемъ: вотъ, молъ, папенька, такъ и такъ: виновать, молъ, по молодости, проштрафился... Со смѣшкомъ, да съ улыбочкой, да ручку поцѣлуй, да на колѣни встань, да поплачь—онъ это любить,—ну, и развяжетъ папенька мою для милаго сына.

— А что вы думаете, сдѣлать развѣ? Стойте-ка, стойте! А что, бабушка, если-бъ вы ему сказали: коли не дашь денегъ—прокляну! Вѣдь онъ этого давно боится, проклятыя то вашего.

— Ну, ну, зачѣмъ проклинать! Попросятъ и такъ. Попросятъ, мой другъ! Вѣдь ежели отцу и лишній разокъ поклониться, такъ вѣдь голова не отвалится; отецъ онъ! Ну, и онъ съ своей стороны увидитъ... Сдѣлай-ка это! Правд!

Петенька ходитъ, подбоченившись, взадъ и впередъ, словно обдумываетъ; наконецъ, останавливается и говоритъ:

— Нѣтъ ужь. Все равно—не дастъ. Что бы я ни дѣлалъ, хотя бы лобъ себѣ разбилъ, кланявшись,—все одно не дастъ. Вотъ кабы вы проклятиемъ пригрозили... Такъ какъ же мнѣ быть-то, бабушка?

— Не знаю, право. Попробуй—можетъ, и смягчишь. Какъ же ты это, однакожъ, такую себѣ волю даешь: легко ли дѣло—казенныя деньги проигралъ! Научилъ тебя, что ли, кто-нибудь?

— Такъ вотъ, взялъ да и проигралъ. Ну, коли у васъ своихъ денегъ нѣтъ, такъ изъ сиротскихъ дайте!

— Что ты, опомнись! Какъ я могу сиротскія деньги давать? Нѣтъ, ужь сдѣлай милость, уваль ты меня! Не говори ты со мной объ этомъ, ради Христа!

— Такъ не хотите? Жаль. А я бы хорошій процентъ даешь. Пять процентовъ въ мѣсяць хотите? нѣтъ? Ну, черезъ годъ капиталъ на капиталъ?

— И не соблазнилъ ты меня!—замахала на него руками Арина Петровна.—Уйди ты отъ меня, ради Христа! Еще папенька неравно услышитъ, скажетъ, что я же тебя возмутила! Ахъ, ты, Господи! Я, старуха, отдохнуть хотѣла,

даже задремала совсѣмъ, а онъ вопль съ какимъ дѣломъ пришелъ!

— Ну, хорошо. Я уйду. Стало-быть, пельзя? Прекрасно-съ. По-родственному. Изъ-за трехъ тысячъ рублей впускъ въ Сибирь долженъ пойти! Папутственный-то молебень отслужить не забудьте!

Петенька хлопнула дверью и ушелъ. Одна изъ его легкомысленныхъ надеждъ лопнула—что теперь предпринять? Остается одно: во всемъ открыться отцу. А можетъ-быть... Можетъ-быть, что-нибудь...

— Пойду сейчасъ и покончу разомъ,—говорилъ онъ себѣ:— или нѣтъ! Нѣтъ, зачѣмъ же сегодня... Можетъ быть, что-нибудь... да впрочемъ, что же такое можетъ быть? Нѣтъ, лучше завтра... Все-таки, хоть нынче день... Да, лучше завтра! Скажу—и уйду.

На томъ и покочилъ, что завтра--всему конецъ...

Послѣ объясненія съ бабушкой вечеръ потянулся еще вялѣе. Даже Арина Петровна притихла, узнавши дѣйствительную причину прѣзда Петеньки. Тудунка пробовала было загрывать съ маменькой, но, видя, что она о чемъ-то задумывается, замолчала. Петенька тоже ничего не дѣлалъ, только курилъ. За ужиномъ Порфирій Владимырь обратился къ нему съ вопросомъ:

— Да скажешь ли ты, наконецъ, зачѣмъ ты сюда пожаловалъ?

— Завтра скажу,—угрюмо отвѣтилъ Петенька.

Петенька всталъ рано послѣ почти совсѣмъ безсонной ночи. Все та же раздвоенная мысль преслѣдовала его,—мысль, напичкавшаяся надеждой: «можетъ-быть, и дастъ!» и неизмѣнно кончавшаяся вопросомъ: «и зачѣмъ я сюда прѣхалъ?» Можетъ-быть, онъ не понималъ своего отца, но, во всякомъ случаѣ, онъ не зналъ за нимъ ни одного чувства, ни одной слабой струны, за которую предстояла бы возможность ухватиться и, эксплуатируя которую, можно было бы чего-нибудь достигнуть. Онъ чувствовалъ только одно: что въ присутствіи отца онъ находится лицомъ къ лицу съ чѣмъ-то неизъяснимымъ, неуловимымъ. Незнаніе, съ какого конца подойти, съ чего начать рѣчь, порождало ежели не страхъ, то, во всякомъ случаѣ, безпокойство. И такъшло съ самаго дѣтства. Всегда, съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ себя помнить, дѣло было поставлено такъ, что лучше казалось совсѣмъ отказаться отъ какого-нибудь пред-

положенія, нежели поставить его въ зависимость отъ рѣшенія отца. Таки́ было и теперь. Съ чего онъ начнетъ? какъ начнетъ? что скажетъ?.. Ахъ, зачѣмъ только онъ прѣхалъ!

Имъ овладѣла тоска. Тѣмъ не менѣе, онъ понялъ, что впереди оставалось только нѣсколько часовъ и что, слѣдовательно, надо же что-нибудь дѣлать. Набравшись напускной рѣшимости, застегнувши своргуку и пошентавши что-то на ходу, онъ довольно твердымъ шагомъ направился къ отцовскому кабинету.

Идушка стояла на молитвѣ. Онъ былъ набоженъ и каждый день охотно посвящалъ молитвѣ нѣсколько часовъ. Но онъ молился не потому, что любилъ Бога и надѣялся посредствомъ молитвы войти въ общеніе съ Нимъ, а потому, что боялся чорта, и надѣялся, что Богъ избавитъ его отъ лукаваго. Онъ зналъ множество молитвъ, и въ особенності отлично изучилъ технику молитвеннаго стоянія. То-есть знать, когда нужно шевелить губами и закатывать глаза, когда слѣдуетъ складывать руки ладонями внутрь и когда держать ихъ воздѣтыми, когда надлежитъ умизгаться и когда стоять чинно, твори умѣренныя крестныя знаменія. И глаза, и носъ его краснѣли и увлажнялись въ опредѣленныя минуты, на которыя указывала ему молитвенная практика. Но молитва не обновляла его, не просвѣтляла его чувства, не вносила никакого луча въ его тусклое существованіе. Онъ могъ молиться и продолжать все нужныя тѣлодвиженія—и въ то же время смотрѣть въ окно и замѣчать, не идетъ ли кто безъ спросу въ погребъ и т. д. Это была совершенно особенная, частная формула жизни, которая могла существовать и удовлетворять себя совсѣмъ независимо объ общей жизненной формулѣ.

Когда Петенька вошелъ въ кабинетъ, Порфирій Владиміръчъ стоялъ на колѣняхъ съ воздѣтыми руками. Онъ не перемѣнилъ своего положенія, а только подрыгалъ одной рукой въ воздухъ, въ знакъ того, что еще—не время. Петенька расположился въ столовой, гдѣ ужъ былъ накрытъ чайный приборъ, и сталъ ждать. Эти полчаса показали ему въиностью, тѣмъ болѣе, что онъ былъ увѣренъ, что отецъ заставляетъ его ждать нарочно. Напускная твердость, которою онъ вооружился, мало-по-малу стала уступать мѣсто чувству досады. Сначала онъ сидѣлъ смирно, потомъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и наконецъ сталъ что-то насвистывать. вслѣдствіе чего дверь кабинета

пріотворилась и оттуда послышался раздраженный голос Иудушки:

— Кто хочет свистать, тотъ можетъ для этого на колюшню идти.

Немного погодя, Порфирій Владиміръчъ вышелъ, одѣтый весь въ черномъ, въ чистомъ бѣльѣ, словно приготовленный къ чему-то торжественному. Лицо у него было свѣтлое, умиленное, дышащее смрениемъ и радостью, какъ будто онъ сейчасъ только «сподобился». Онъ подошелъ къ сыну, перекрестилъ и поцѣловалъ его.

— Здравствуй, другъ!—сказалъ онъ.

— Здравствуйте!

— Каково почивать? Постельку хорошо ли постлали? Клопиковъ, блошекъ не чувствовалъ ли?

— Благодарю васъ. Спалъ.

— Ну, спать, такъ и слава Богу. У родителей только и можно сладенько поспать. Это ужъ я по себѣ знаю: какъ ни хорошо, бывало, устроиться въ Петербургѣ, а никогда такъ сладко не уснешь, какъ въ Головлевѣ. Точно вотъ въ колыбелькѣ тебя покачиваетъ. Такъ какъ же мы съ тобой: попьемъ чайку, что ли, сначала, или ты сейчасъ что-нибудь сказать хочешь?

— Нѣтъ, лучше теперь поговоримъ. Мнѣ черезъ шесть часовъ уѣхать надо, такъ, можетъ-быть, и обдумать кой-что время понадобится.

— Ну, ладно. Только я, братъ, говорю прямо: никогда я не обдумываю. У меня всегда отвѣтъ готовъ. Коли ты правильнаго чего просишь—изволь, никогда я ни въ чемъ правильномъ не откажу. Хоть и труднейко иногда, и не по силамъ, а ежели правильно—не могу отказать! Натура такая. Ну, а ежели просишь неправильно—не прогнѣвайся! Хоть и жалко тебя—а откажу! У меня, братъ, выверговъ нѣтъ! Я весь тутъ, на ладони. Ну, пойдѣмъ, пойдѣмъ въ кабинетъ! Ты поговоришь, а я послушаю! Послушаемъ, послушаемъ, что такое!

Когда оба вошли въ кабинетъ, Порфирій Владиміръчъ оставилъ дверь слегка пріотворенною и затѣмъ ни самъ ее сѣлъ, ни сына не посадилъ, а началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Словно онъ инстинктивно чувствовалъ, что дѣло будетъ щекотливое и что объясняться о такихъ предметахъ на ходу гораздо свободнѣе. И выраженіе лица скрыть удобнѣе, и прекратить объясненіе, ежели оно приметъ слишкомъ непріятный оборотъ, легче. А съ

помощью притворенной двери и на свидетелей можно сослаться, потому что маменька съ Евпраксеюшкой навѣрно не замедлят явиться къ чаю въ столовую.

— Я, папенька, казенныя деньги проигралъ, — разомъ и какъ-то тупо высказался Петенька.

Иудушка ничего не сказала. Только можно было замѣтить, какъ дрогнули у него губы. И вслѣдъ затѣмъ онъ по обыкновенію началъ шептать.

— Я проигралъ три тысячи — пояснилъ Петенька: — и если послѣзавтра ихъ не внесу, то могутъ произойти очень неприятныя для меня послѣдствія.

— Что-жь, внеси! — любезно молвилъ Порфирій Владимірычъ.

Нѣсколько туровъ отецъ и сынъ сдѣлали молча. Петенька хотѣлъ объясняться дальше, но чувствовалъ, что у него захватило горло.

— Откуда же я возьму деньги? — наконецъ выговорилъ онъ.

— Я, любезный другъ, твоихъ источниковъ не знаю. На какіе ты источники рассчитывать, когда проигрываешь въ карты казенныя деньги, — изъ тѣхъ и плати.

— Вы сами хорошо знаете, что въ подобныхъ случаяхъ люди объ источникахъ забываютъ!

— Ничего я, мой другъ, не знаю. Я въ карты никогда не играю — только вѣтъ развѣ съ маменькой въ дурачки сыгрась, чтобъ потѣшить старушку. И, пожалуйста, ты меня въ эти грязныя дѣла не впутывай, а пойдемъ-ка лучше чайку попьемъ. Попьемъ да посидимъ, можетъ и поговоримъ о чемъ-нибудь, только ужъ, ради Христа, не объ этомъ.

И Иудушка направился-было къ двери, чтобы юркнуть въ столовую, но Петенька остановилъ его.

— Позвольте, однакожь, — сказалъ онъ: — надобно же мнѣ какъ-нибудь выйти изъ этого положенія!

Иудушка усмѣхнулся и посмотрѣлъ Петенькѣ въ лицо.

— Надо, голубчикъ! — согласился онъ.

— Такъ помогите же!

— А это... это ужъ другой вопросъ. Что надобно какъ-нибудь выйти изъ этого положенія — что такъ, это ты правду сказалъ. А какъ выйти — это ужъ не мое дѣло!

— Но почему же вы не хотите помочь?

— А потому, во-первыхъ, что у меня нѣтъ денегъ для покрытия твоихъ дрянныхъ дѣлъ, а во-вторыхъ — и потому,

что вообще это до меня не касается. Самъ нануталь — самъ и выпутывайся. Любишь кататься—люби и саночки возить. Такъ-то, другъ. Я вѣдь и давеча съ того началъ, что ежели ты просишь правильно...

— Знаю, знаю. Много у васъ на языкѣ словъ...

— Постой, придержи свои дерзости, дай мнѣ досказать. Что это не одни слова—это я тебѣ сейчасъ докажу... И такъ, я тебѣ давеча сказалъ: если ты будешь просить должнаго, дѣльнаго—изволь, другъ, всегда готовъ тебя удовлетворить! Но ежели ты приходишь съ просьбой недѣльной—извини, братъ! На дрянныя дѣла у меня денегъ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! И не будешь—ты это знай! И не смѣй говорить, что это—одни «слова», а понимай, что эти слова очень близко граничатъ съ дѣломъ.

— Подумайте, однакожь, что со мной будетъ!

— А что Богу угодно, то и будетъ, отвѣчала Гудушка, слегка воздвывая руки и искоса поглядывая на образъ.

Отецъ и сынъ опять сдѣлали нѣсколько туровъ по комнатѣ. Гудушка шель нѣхотя, словно жаловался, что смилъ держать его въ плѣну. Петенька, подбоченившись, слѣдовать за нимъ, кусая усы и первю уемѣхался.

— Я—последній сынъ у васъ, сказалъ онъ: — не забудьте объ этомъ.

— У Юва, мой другъ, Богъ и все взялъ, да онъ не ропталъ, а только сказалъ: Богъ далъ, Богъ и взялъ—твори, Господи, волю свою! Такъ-то, братъ.

— То Богъ взялъ, а вы сами у себя отнимаете. Володы...

— Ну, ты, кажется, пошлости начинаешь говорить!

— Нѣтъ, это не пошлости, а правда. Всемъ извѣстно, что Володы...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не хочу я твои пошлости слушать! Да и вообще—довольно. Что надо было высказать, ты высказалъ. Я тоже отвѣтъ тебѣ далъ. А теперь пойдемъ и будемъ чай пить. Посидимъ да поговоримъ, котомъ поѣдимъ, вынемъ на прощанье и съ Богомъ. Видишь, какъ Богъ дья тебѣ милостивъ! И погодка унялась, и дорожка поглаже стала. Полеголку да помаленьку, трюхъ да трюхъ—и не увидишь, какъ доплетешься до станціи!

— Послушайте, наконецъ, я прошу васъ! Ежели у васъ есть хоть канзя чувства...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не будемъ объ этомъ говорить! Пойдемъ въ столовую: маменька, лоды, давно безъ чаю соскучилась. Не годится старушку заставлять ждать.

Иудушка сдѣлала крутой поворотъ и почти бѣгомъ направилась къ двери.

— Хоть уходите, хоть не уходите, я этого разговора не оставлю!— крикнулъ ему велѣдъ Петенька. — Хуже будетъ, какъ при свидѣтеляхъ начнемъ разговаривать!

Иудушка воротилась назадъ и всталъ прямо противъ сына.

— Что тебѣ отъ меня, негодяй, нужно... сказывай?— спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Миѣ нужно, чтобы вы заплатили тѣ деньги, которыя я проигралъ.

— Никогда!

— Такъ это ваше послѣднее слово?

— Видишь,— торжественно воскликнула Иудушка, указывая пальцемъ на образъ, висѣвшій въ углу:— это видишь? Это—паленкино благословеніе... Тамъ вотъ я при немъ тебѣ говорю: никогда!

И онъ рѣшительнымъ шагомъ вышелъ изъ кабинета.

— Убийца!— пронеслось вдогонку ему.

Арина Петровна сидитъ уже за столомъ, и Евпраксеюшка дѣлаетъ всѣ приготовленія къ чаю. Старуха задумчива, молчалива и даже какъ будто стыдится Петеньки. Иудушка по обычаю подходитъ къ ея ручкѣ, и по обычаю же она машинально креститъ его. Потомъ, по обычаю, идутъ вопросы, все ли здоровы, хорошо ли почивали, на что слѣдуютъ обычные односложные отвѣты.

Уже наканунѣ вечеромъ она была скучна. Съ тѣхъ поръ, какъ Петенька спросилъ у нея денегъ и разбудилъ въ ней воспоминаніе о «проклятіи», она вдругъ впала въ какое-то загадочное безпокойство и ее неотступно начала преслѣдовать мысль: «а что, ежели прокляну?» Узнавши утромъ, что въ кабинетѣ началось объясненіе, она обратилась къ Евпраксеюшкѣ съ просьбой:

— Поди-ка, сударка, подслушай потихоньку у дверей, что они тамъ говорятъ!

Но Евпраксеюшка хотя и подслушала, но была настолько глупа, что ничего не поняла.

— Такъ промежду себя разговариваютъ! Не очень кричатъ!— объяснила она, возвратившись.

Тогда Арина Петровна не вытерпѣла и сама отправилась въ столовую, куда тѣмъ временемъ и самоваръ былъ уже поданъ. Но объясненіе уже приходило къ концу; слы-

шала она только, что Петенька возвышает голосъ, а Порфирій Владимыръчъ словно зудитъ въ отвѣтъ.

«Зудитъ, смелю зудитъ!—вертѣлось у нея въ головѣ:— вотъ и тогда онъ такъ же зудѣлъ, и какъ это я въ то время не поняла!»

Наконецъ, оба, и отецъ, и сынъ, появились въ столовую. Петенька былъ красенъ и тяжело дышалъ; глаза у него смотрѣли широко, волосы на головѣ растрепались, лобъ былъ усыпанъ мелкими каплями пота. Напротивъ, Иудушка вошелъ блѣдный и злой; хотѣлъ казаться равнодушнымъ, но, несмотря на всѣ усилія, нижняя губа его дрожала. Насилу могъ онъ выговорить обычное утреннее привѣтствие милому другу маменькѣ.

Всѣ заняли свои мѣста вокругъ стола; Петенька сѣлъ нѣсколько поодаль, отвалился на спинку стула, положилъ нога на ногу и, закуривъ папироску, иронически поглядывалъ на отца.

— Вотъ, маменька, и погодка у насъ унылась.—началь Иудушка: — какое вчера смятеніе было, аиъ, Богу стоило только захотѣть — вотъ у насъ тишь да гладь, да Божья благодать! Такъ ли, другъ мой?

— Не знаю; не выходила я изъ дому сегодня.

— А мы, кстати, дорогого гостя провожаемъ, — продолжалъ Иудушка:— я давеча еще гдѣ-гдѣ всталъ, посмотрѣлъ въ окно — аиъ, на дворѣ тихо да спокойно, точно вотъ ангелъ Божій пролетѣлъ и въ одну минуту своимъ крыломъ все это возмущеніе умирить!

Но никто даже не отвѣтилъ на ласковыя Иудушкины слова; Евпраксеюшка шумно пила съ блюдечка чай, дуя и отфыркиваясь; Арина Петровна смотрѣла въ чашку и молчала; Петенька, раскачиваясь на стулѣ, продолжалъ поглядывать на отца съ такимъ иронически-вызывающимъ видомъ, точно вотъ ему большихъ усилій стоитъ, чтобы не прыснуть со смѣха.

— Теперича, ежели Петенька и не пибко поѣдетъ, — опять началъ Порфирій Владимыръчъ: — я тутъ къ вечеру легко до станціи желѣзной дороги воспѣть. Лошади у насъ свои, не мученицы, часика два въ Муравьевѣ покормить — мигомъ домчать. А тамъ—фіюю! пошла машина погромыхивать! Ахъ, Петька, Петька! недобрый ты! Остался бы ты здѣсь съ нами, погостить бы—право! И намъ было бы веселѣе, да и ты бы—смотри, какъ бы ты здѣсь въ одну недѣлю поправился!

Но Петенька все продолжаете раскачиваться на стулѣ и поглядывать на отца.

— Ты что на меня все смотришь, — закипаетъ, наконецъ, Идушка: — узоры, что ли, видишь?

— Смотрю, жду, что еще отъ васъ будетъ.

— Ничего, братъ, не-высомотришь! Какъ сказано, такъ и будетъ. Я своего слова не измѣню!

Наступаетъ минута молчанія, въ продолженіе которой явственно-раздается шопотъ:

— Идушка!

Порфирій Владиміръчъ несомнѣнно слышалъ эту апо-строфу (онъ даже поблѣднѣлъ), но дѣлаетъ видъ, что вос-кликаніе до него не относится.

— Ахъ, дѣтки, дѣтки! — говоритъ онъ: — и жалъ васъ, и хотѣлось бы приласкать да приголубить васъ, да, видно, нечего дѣлать — не судьба! Сами вы отъ родителей обжигте свои у васъ завелись друзья-пріятели, которые дороже для васъ и отца съ матерью. Ну, и нечего дѣлать! Подумаешь-подумаешь — и покорисься. Люди вы молодые, а молодому извѣстно, пріятели съ молодыми побыть, чѣмъ со старикомъ-ворчуномъ! Вотъ и смиряешь себя, и не ронишь: только и просишь Отца Небеснаго: твори, Господи, волю свою!

— Убийца! — вновь шепчетъ Петенька, но уже такъ явственно, что Арина Петровна со страхомъ смотритъ на него. Передъ глазами ея что-то вдругъ провеслось, словно тѣнь Стѣпки-балбеса.

— Ты про кого это говоришь? — спрашиваетъ Идушка, весь дрожа отъ волненія.

— Такъ, про одного знакомаго.

— То-то! такъ ты такъ и говори! Вѣдь Богъ знаетъ, что у тебя на умѣ: можетъ-быть, ты изъ присутствующихъ кого-нибудь такъ честишь!

Всѣ смолкаютъ; стаканы съ чаемъ стоятъ нетронутыми. Идушка тоже откидывается на спинку стула и нервно покачивается. Петенька, видя, что всякая надежда потеряна, ощущаетъ что-то въ родѣ предсмертной тоски и подъ влияніемъ ся готовъ идти до крайнихъ предѣловъ. И отецъ, и сынъ съ какою-то неизъяснимою улыбкой смотрятъ другъ другу въ глаза. Какъ ли выскользнулъ себя Порфирій Владиміръчъ, но близится минута, когда онъ не въ состояніи будетъ сдерживаться.

— Ты бы лучше за добра-ума ухалъ! — наконецъ, вы-сказывается онъ. — Да!

— И то уѣду.

— Чего ждать-то! Я вижу, что ты на ссору лѣзешь, а я ни съ кѣмъ ссориться не хочу. Живемъ мы здѣсь тихо да мирно, безъ ссоръ да безъ сваръ; вотъ бабушка-старушка здѣсь сидитъ — хоть бы съ ты посовѣтился! Ну, зачѣмъ ты къ намъ прѣѣхалъ?

— Я вамъ говорилъ, зачѣмъ.

— А коли затѣмъ только, такъ напрасно трудился. Уѣзжай, братъ! Эй, кто тамъ, велите-ка для молодого барина кнѣжку закладывать. Да цыпленочка жаренаго, да буженицы, да еще тамъ чего-нибудь... яичекъ, что ли... въ пирамидку заверните. На станціи, братъ, и закусь, покуда лошадей покормятъ. Съ Богомъ!

— Нѣтъ, я еще не поѣду. Я еще въ церковь пойду попрощу панихидку по убиенномъ рабѣ Божиемъ Владимірѣ отслужить.

— По самоубійцѣ, то-естъ...

— Нѣтъ, по убиенномъ.

— Отецъ и сынъ смотрятъ другъ на друга во все глаза. Такъ и кажется, что оба сейчасъ векочатъ. Но Іудушка дѣлаетъ надъ собой нечеловѣческое усиліе и оборачивается со стуломъ лицомъ къ столу.

— Удивительно! — говоритъ онъ надорваннымъ голосомъ: — уд-ви-тель-но!

— Да, по убиенномъ! — грубо наставляетъ Петенька.

— Кто же его убилъ? — любопытствуетъ Іудушка, повидимому, все-таки, надѣясь, что сынъ опомнится.

Но Петенька, нисколько не смущаясь, выпаливаетъ какъ изъ пушки:

— Вы!

— Я!

Порфирій Владимірычъ не можетъ придти въ себя отъ изумленія. Онъ торопливо поднимается со стула, обращается лицомъ къ образу и начинаетъ молиться.

— Вы! вы! вы! — повторяетъ Петенька.

— Ну, вотъ! ну, слава Богу! Вотъ теперь полегче стало, какъ помолился! — говоритъ Іудушка, вновь присаживаясь къ столу. — Ну, стой, погоди, хоть мнѣ, какъ отцу, можно было бы и не входить съ тобой въ объясненія — ну, да ужъ пусть будетъ такъ! Стало-быть, по-твоему, я убилъ Володеньку?

— Да, вы!

— А по-моему, это не такъ. По-моему, онъ самъ себя

застрѣлилъ. И въ то время былъ здѣсь, въ Гололовскѣ, а онъ — въ Петербургѣ. При чемъ же я тутъ могъ быть? Какъ могъ я его за семьюсотъ верстъ убить?

— Уже будто вы и не понимаете?

— Не понимаю... видѣть Бога, не понимаю!

— А кто Володе безъ копейки оставилъ? Кто ему жалованье прекратилъ? кто?

— Те-те-те! такъ заикась оиъ, женился противъ желанья отца?

— Да вѣдь вы же позволили!

— Кто? я? Христовъ съ тобой! Никогда не позволялъ! Никогда!

— Ну, да, то-есть вы и тутъ по своему обыкновенію поступили. У васъ вѣдь каждое слово десять значеній имѣеть; пойдѣ, угадывай!

— Никогда я не позволялъ! Онъ мнѣ въ то время написалъ: «хочу, папа, жениться на Лидочкѣ». Понимаешь: «хочу», а не «прошу позволенія». Ну, и я ему отвѣтилъ: коли *хочешь* жениться, такъ женись, я препятствовать не могу! Только всего и было.

— Только всего и было! — поддразниваетъ Петенька. — А развѣ это — не позволеніе?

— То-то, что нѣтъ. Я что сказать? Я сказалъ: не могу препятствовать — только и всего. А позволяю или не позволяю, это — другой вопросъ. Онъ у меня позволенія не просилъ; онъ прямо написалъ: «*хочу*, папа, жениться на Лидочкѣ» — ну, и я насчетъ позволенія умолчалъ. *Хочешь* жениться — ну, и Христовъ съ тобой, женись, мой другъ, хоть на Лидочкѣ, хоть на разидочкѣ — я препятствовать не могу!

— А только безъ куска хлѣба оставить можете. Такъ вы бы такъ и писали: не нравится, дескать, мнѣ твое намѣреніе, а потому хоть я тебѣ не препятствую, но все-таки предупреждаю, чтобъ ты больше не рассчитывалъ на денежную помощь отъ меня. По крайней мѣрѣ, тогда было бы ясно.

— Нѣтъ, этого я никогда не позволю себѣ сдѣлать. Чтобъ я сталъ употреблять въ дѣло угрозы совершенно-лѣгкому сыну — никогда! У меня такое правило, что я никому не препятствую! Захотѣлъ жениться — женись! Ну, а насчетъ послѣдствій — не прогибайся! Самъ долженъ быть предусматривать — на то и умъ тебѣ отъ Бога данъ. А я, братъ, въ чужія дѣла не вмѣшиваюсь. И не только самъ.

не выѣшиваюсь, да не прошу, чтобъ и другіе въ мои дѣла вмѣшивались. Да, не прошу, не прошу, не прошу и даже... запрещаю! Слышите ли, дурной, неочтительный сынъ,— за-пре-щаю!

— Запрещайте, пожалуй, всѣмъ гробъ не замажете!

— И хоть бы онъ раскаялся! Хоть бы онъ понялъ, что отца обидѣлъ! Ну, сдѣлалъ шалость—ну, и раскайся! Попросятъ прощенья! Простите, молъ, душевнѣйка-наневнѣйка, что васъ огорчили! А то—патко!

— Да вѣдь онъ писалъ вамъ; онъ объяснилъ, что ему жить нечѣмъ, что дольше ему терпѣть нѣтъ силъ...

— Съ отцомъ не объясняются-съ. У отца прощенья просить—вотъ и все.

— И это было. Онъ такъ былъ измученъ, что и прощенья просилъ. Все было, все!

— А хоть бы и такъ — онять-таки онъ не правъ. Попросятъ разъ прощенья, видить, что папа не прощаетъ,— и въ другой разъ не проси!

— Ахъ, вы!

Сказавши это, Петенька вдругъ перестаетъ качаться на стулѣ, оборачивается къ столу и облокачивается на него обѣими руками.

— Вотъ и я...—чуть слышно произноситъ онъ.

Лицо его постепенно искажается.

— Вотъ и я...—повторяетъ онъ, раздражался истерическими рыданіями.

— А кто же вино...

Но Гудушкѣ не удалось окончить свое поученіе, ибо въ эту самую минуту случилось нѣчто совершенно неожиданное. Во время описанной сейчасъ перестрѣлки объ Ариинѣ Петровнѣ слову позабыли. Но она отнюдь не оставалась равнодушной зрительницей этой семейной сцены. Напротивъ того, съ перваго же взгляда можно было заподозрить, что въ ней происходитъ что-то не совсѣмъ обыкновенное, и что, можетъ-быть, настала минута, когда передъ умственными ея очкомъ предстали во всей полнотѣ и наготѣ итоги ея собственной жизни. Лицо ея оживилось, глаза расширились и блестѣли, губы шевелились, какъ будто хотѣли сказать какое-то слово—и не могли. И вдругъ, въ ту самую минуту, когда Петенька огласилъ столовую рыданіями, она грузно поднялась съ своего кресла, протянула впередъ руку, и изъ груди ея вырвался вопль:

— Про-кли-инаааю!

IV.—Племяннушка.

Иудушка такъ-таки и не дала Петенькѣ денегъ, хотя, какъ добрый отецъ, приказалъ въ минуту отъѣзда положить ему въ повозку и курочки, и телятинки, и пирожекъ. Затѣмъ онъ, несмотря на стужу и вѣтеръ, самолично вышелъ на крыльцо проводить сына, справился, ловко ли ему сидѣть, хорошо ли онъ закуталъ себѣ ноги, и, возвратившись въ домъ, долго крестилъ окно въ столовой, посылая заочное присутствіе повозкѣ, увозившей Петеньку. Словомъ, весь обрядъ выполнилъ какъ слѣдуетъ, по-родственному.

— Ахъ, Петька, Петька, — говорилъ онъ: — дурной ты сыночекъ, нехорошій! Вѣдь вотъ что набѣдокуришь... Ахъ-ахъ-ахъ! И что бы, кажется, жить потихоньку да цолегоньку, смиреннько да ладненько, съ папкой да съ бабушкой-старушкой—такъ жить! Фу-ты, ну-ты! У насъ свой царь въ головѣ есть, своимъ умомъ проживемъ! Вотъ и умъ твой! Ахъ, горе какое вышло!

Но ни одинъ мускулъ при этомъ не дрогнулъ на его деревянномъ лицѣ, ни одна нота въ его голосѣ не прозвучала чѣмъ-нибудь похожимъ на призывъ блудному сыну. Да, впрочемъ, никто и не слыхалъ его словъ, потому что въ комнатѣ находилась одна Арина Петровна, которая, подъ влияніемъ только что непытаннаго потрясенія, какъ-то разомъ потеряла всякую жизненную энергію и сидѣла за самоваромъ, раскрывъ ротъ, ничего не слыша и безъ всякой мысли глядя впередъ.

Затѣмъ жизнь потекла попрежнему, исполненная праздною суетою и безконечнаго пустословія...

Вопреки ожиданіямъ Петеньки, Порфирій Владиміръчъ, мансѣ материнское проклятіе довольно спокойно и ни на волосъ не отступилъ отъ тѣхъ рѣшеній, которыя, такъ сказать, всегда готовы сидѣли въ его головѣ. Правда, онъ слегка поблѣднѣлъ и бросился къ матери съ крикомъ:

— Маменька! душенька! Христось съ вами! Успокойтесь, голубушка! Богъ милостивъ, все устроится!

Но слова эти были скорѣе выраженіемъ тревоги за мать, нежели за себя. Выходка Арины Петровны была такъ внезапна, что Иудушка не догадался даже притвориться испуганнымъ. Еще наканунѣ маменька была къ нему милостива, шутила, играла съ Евпраксеюшкой въ дурачки—очевидно, стало-быть, что ей только что-нибудь на минуту

помстилось, а преднамѣренного, «настоящаго» не было ничего. Дѣйствительно, онъ очень боялся маменькина проклятія, но представлять его себѣ совершенно иначе. Въ праздномъ его умѣ на этотъ случай цѣлая обстановка сложилась: образа, зажженные свѣчи, маменька стоитъ среди комнаты, страшная, съ почеркѣвшимъ лицомъ... и проклинаетъ! Потому: громъ, свѣчи потухли, завѣса разодралась, тьма покрыла землю, а вверху, среди тучъ, видѣется разпѣванный ликъ Іеговы, освѣщенный молніями. Но такъ какъ ничего подобнаго не случилось, то значитъ, что маменька просто облажила, показалось ей что-нибудь — и больше ничего. Да и не съ чего было ей «настоящимъ образомъ» проклинать, потому что въ послѣднее время у нихъ не было даже предлоговъ для столкновенія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ заявилъ солидные начсчета принадлежности маменькѣ тарантаса (Лудунка соглашался внутренне, что тогда онъ былъ виноватъ и заслуживалъ проклятія), воды утекло много; Арина Петровна смирилась, а Порфирій Владимірычъ только и думалъ о томъ, какъ бы успокоить дорогого друга маменьку.

— Плоха старушка, ахъ, какъ плоха! Временемъ даже забываются ужъ начала! — утѣшалъ онъ себя. — Сидеть, голубушка, въ дураки играть — смотришь, аги она дремлетъ!

Справедливость требуетъ сказать, что ветхость Арини Петровны даже тревожила его. Онъ еще не приготовился къ утратѣ, ничего не думать, не успѣлъ сдѣлать надлежащія выкладки: сколько было у маменьки капитала при отъѣздѣ изъ Дубровина, сколько капиталъ этотъ могъ приносить въ годъ доходу, сколько она могла изъ этого дохода трагить и сколько присонокунить. Словомъ сказать, не продѣлалъ еще цѣлой массы пустяковъ, безъ которыхъ онъ всегда чувствовалъ себя застигнутымъ врасплохъ.

— Старушка крѣпюлька! — мечталось ему иногда. — Не прожить она *осею* — гдѣ прожить! Въ то время, какъ она насъ отдавала, хорошиі у нея капиталъ былъ! Развѣ сироткамъ чего не передала ли — да пѣтъ, и сироткамъ не много дастъ! Есть у старушки деньги, есть!

Но мечтали эти покуда еще не представляли ничего серьезнаго и увеличивались, не задерживаясь въ его мозгу. Масса обыденныхъ пустяковъ и безъ того была слишкомъ громадна, чтобъ увеличивать ее еще новыми, въ которыхъ покажется не настояла насущной потребности. Порфирій Владимірычъ все откладывалъ, да откладывалъ, и только

послѣ ввезальной сцены проклятіи спохватился, что пора начинать.

Катастрофа пастушила, впрочемъ, скорѣе, нежели онъ предполагалъ. На другой день послѣ отъѣзда Петеньки Арина Петровна уѣхала въ Погорѣлку и уже не возвращалась въ Головлево. Съ мѣсяца она провела въ совершенномъ уединеніи, не выходя изъ комнаты и рѣдко-рѣдко позволяла себѣ промолвить слово даже съ прислугой. Вставши утромъ, она по привычкѣ садилась къ письменному столу, но привычкѣ же начинала раскладывать карты, но никогда почти не доканчивала и словно застывала на мѣстѣ съ вперенными въ окно глазами. Что она думала и даже думала ли о чемъ-нибудь — этого не разглядѣть бы самый проиндѣльственный знатокъ сокровеннѣйшихъ тайнъ человеческого сердца. Казалось, она хотѣла что-то вспомнить, хоть, напримѣръ, то, какимъ образомъ она очутилась здѣсь, въ этихъ стѣнахъ,—и не могла. Встревоженная ея молчаніемъ, Афимьюшка заглядывала въ комнату, поправляла въ креслѣ подушки, которыми она была обложена, пробовала заговорить о чемъ-нибудь, но получала только односложные и нетерпѣливые отвѣты. Раза съ два въ теченіе этого времени пріѣзжалъ въ Погорѣлку Порфирій Владимырьчъ, звалъ маменьку въ Головлево, пытался распалить ее воображеніе представленіемъ о рижичкахъ, карасикахъ и прочихъ головлевскихъ соблазнахъ, но она только загадочно улыбалась на его предложенія.

Однимъ утромъ она по обыкновенію собралась встать съ постели и не могла. Она не ощущала никакой особенной боли, ни на что не жаловалась, а просто не могла встать. Ее даже не встревожило это обстоятельство, какъ будто оно было въ порядкѣ вещей. Вчера сидѣла еще у стола, была въ силахъ бродить—нынче лежить въ постели, «не можется». Ей даже покойнѣе чувствовалось. Но Афимьюшка исполнилась и потихоньку отъ барыни послала гонца къ Порфирію Владимырьчу.

Тудунка пріѣхалъ рано утромъ на другой день; Аринѣ Петровнѣ было ужъ значительно хуже. Обстоятельно разспросилъ онъ прислугу, что маменька кушала, не позволила ли себѣ чего лишенькаго, но получила отвѣтъ, что Арина Петровна ужъ съ мѣсяць почти ничего не ѣстъ, а со вчерашняго дня и вовсе отказалась отъ пищи. Потужилъ Тудунка, помахалъ руками и, какъ добрый сынъ, прежде чѣмъ войти къ матери, погрѣлся въ дѣвичьей у

печки, чтобъ не охватило большую холоднымъ воздухомъ. И кстати (у него насчетъ покойниковъ какой-то дьявольскій нюхъ былъ) тутъ же началъ распорядиться. Разспросилъ насчетъ пона, дома ли онъ, чтобъ, въ случаѣ надобности, можно было сейчасъ же за нимъ послать, справился, гдѣ стоитъ маменькинъ ящикъ съ бумагами, запертъ ли онъ, и, успокоившись насчетъ существеннаго, призвалъ курхарку и велѣлъ приготовить обѣдать для себя.

— Миѣ немного надо!—говорилъ онъ. — Курочка есть? Ну, супцу изъ курочки сварите! Можетъ-быть, солонника есть—солонинки кусочекъ приготовьте! Жарьбѣнца какого-нибудь... вотъ, я и сытъ!

Арина Петровна лежала, распростершись навзничь на постели, съ раскрытымъ ртомъ и тяжело дыша. Глаза ея смотрѣли широко; одна рука выбилась изъ-подъ заячьяго одѣяла и застыла въ воздухѣ. Очевидно, она прислушивалась къ шороху, который произвелъ прїѣздъ сына, а можетъ-быть, до нея долетали и самыя приказанія, отдаваемые Гудушкой. Благодаря опущеннымъ шторамъ, въ комнатѣ царствовали сумерки. Свѣтильни догорали на дѣй лампадокъ, и слышно было, какъ онѣ трещали отъ прикосновенія съ водой. Воздухъ былъ тяжелъ и смраденъ; духота отъ жарко натопленныхъ печей, отъ чада, распространяемаго лампадкама, и отъ миазмовъ стояла невыносимая. Порфирій Владиміръчъ, въ валенныхъ сапогахъ, словно змѣй, проскользнулъ къ постели матери; длинная и сухощавая его фигура загадочно колебалась, охваченная сумерками. Арина Петровна слѣдила за нимъ не то испуганными, не то удивленными глазами и жалась подъ одѣяломъ.

— Это я, маменька,—сказалъ онъ. — Чтѣ это, какъ вы развинутились сегодня! Ахъ-ахъ-ахъ! То-то миѣ плече не спалось; всю ночь вотъ такъ и поталкивало: дай, думаю, провѣдаю, какъ-то подгорѣловскіе друзья поживаютъ! Утромъ сегодня всталъ, сейчасъ это кибиточку, парочку лошадушекъ—и вотъ онъ-онъ!

Порфирій Владиміръчъ любезно хихикнулъ, но Арина Петровна не отвѣчала и все больше и больше жалась подъ одѣяломъ.

— Ну, Богъ милостивъ, маменька!—продолжалъ Гудушка.—Главное, въ обиду себя не давайте! Плюньте на хворость; встаньте съ постельки да пройдитеесь молодцомъ по комнатѣ!.. Вотъ такъ!

Порфирій Владимірычъ всталъ со стула и показаль, какъ молодцы прохаживаются по комнатѣ.

— Да постойте, дайте-ка я шторму подниму да посмотрю на васъ! Э! да вы молодець-молодцомъ, голубушка! Стоить только подбодриться, да Богу помолиться, да прифрантиться — хоть сейчасъ на балъ! Дай-ка, вотъ я вамъ святой водицы богоявленской привезу, откушайте-ка!

Порфирій Владимірычъ вынуть изъ кармана пузырькѣ, отыскаль на столѣ рюмку, налить и поднесъ больной. Арина Петровна сдѣлала было движеніе, чтобъ поднять голову, не могла.

— Сиротъ бы...—простонала она.

— Ну, вотъ, ужъ и сиротки понадобились! Ахъ, маменька, маменька! Какъ это вы вдругъ... вагко! Капельку прихворнули—и ужъ духомъ уцали! Все будетъ, и къ сироткамъ эстафету пошлемъ, все чередомъ сдѣлаемъ! Не къ слѣху вѣдь; мы съ вами еще проживемъ! Да еще какъ проживемъ-то! Вотъ лѣто настанетъ—въ лѣсѣ по грибы вмѣстѣ пойдемъ: по малину, по ягоду, по чѣрну смородину! А не то такъ въ Дубровинно карасей ловить пойдемъ: запряжемъ старика-савраску въ длинныя дроги, потихоньку да полегоньку, трюхъ-трюхъ, сядемъ и пойдемъ!

— Сиротъ бы...—повторила Арина Петровна тоскливо.

— Приѣдутъ и сиротки. Дайте срокъ—всѣхъ скличемъ, всѣхъ приѣдемъ. Приѣдемъ, да кругомъ васъ и обсядемъ. Вы будете пасѣдка, а мы пыплатки... Цыль-цыль-цыль! Все будетъ, коли вы будете паличка. А вотъ за это вы ужъ не паличка, что хворать вздумали. Вѣдь вотъ что, проказница, затѣяли... Ахъ-ахъ-ахъ! Чѣмъ бы другимъ прихвръ подавать, а вы вотъ какъ! Не хорошо, голубушка! Ахъ, не хорошо!

Но какъ ня старался Порфирій Владимірычъ и шуточками, и прибауточками подбодрить милого друга маменьку, силы ее падали съ каждымъ часомъ. Послали въ городъ нарочнаго за лѣкаремъ, и такъ какъ больная продолжала тосковать и звать сиротокъ, то Лудушка собственноручно написала Аннинкѣ и Любинкѣ письмо, въ которомъ сравнивалъ ихъ поведение со своимъ, себя называлъ христианиномъ, ихъ—поблагодарными. Ночью лѣкарь приѣхаль, но было уже поздно. Арину Петровну, какъ говорится, въ одинъ день «сварило». Часу въ четвертомъ ночи началась агонія, а въ шесть часовъ утра Порфирій Владимірычъ стоялъ на колѣняхъ у постели матери и вопилъ:

— Мамешка! другъ мой! благословите!

Но Арина Петровна не слыхала. Открытые глаза ея тускло смотрѣли въ пространство, словно она старалась что-то понять и не понимала.

Иудушка тоже не понимала. Онъ не понималъ, что открываясь передъ его глазами могила уносила послѣднюю связь его съ живымъ міромъ, послѣднее живое существо, съ которымъ онъ могъ дѣлать прахъ, воплощавшій его, и что отнынѣ этотъ прахъ, не находя истока, будетъ накопляться въ пемъ до тѣхъ поръ, пока окончательно не задушитъ его.

Съ обычною суетливостью окунулся онъ въ бездну мелочей, сопровождающихъ похоронный обрядъ. Служить напихавъ, заказывать сорокоусты, толковать съ пономаремъ ногами, переходя изъ комнаты въ комнату, заглядывать въ столовую, гдѣ лежала покойница, крестился, воздвѣвалъ глаза къ небу, вставалъ по ночамъ, неслышно подходилъ къ двери, вслушивался въ монотонное чтеніе монашника и проч. Причемъ былъ приятно удивленъ, что даже особенныхъ издержекъ для него по этому случаю не предстояло, потому что Арина Петровна еще при жизни отложила сумму на похороны, расписавъ очень подробно, сколько и куда слѣдуетъ употребить.

Схоронивши мать, Порфирій Владиміровичъ немедленно занялся приведеніемъ въ извѣстность ея дѣлъ. Разбирая бумажки, онъ нашелъ до десяти разныхъ завѣщаній (въ одномъ изъ нихъ она называла его «непочтительнымъ»); но все они были писаны еще въ то время, когда Арина Петровна была властною барыней, и лежали неоформленными, въ видѣ проектовъ. Поэтому Иудушка остался очень доволенъ, что ему не привелось даже покривить душой, объявляя себя единственнымъ законнымъ наследникомъ оставагося послѣ матери имущества. Имущество это состояло изъ капитала въ пятнадцать тысячъ рублей и изъ скудной движимости, въ числѣ которой былъ и знаменитый тарантасъ, едва не послужившій яблокомъ раздора между матерью и сыномъ. Арина Петровна тщательно отдѣляла свои счеы отъ онекунскихъ, такъ что сразу можно было видѣть, что принадлежатъ ей и что — сироткамъ. Иудушка немедленно заявилъ себя гдѣ слѣдуетъ наследникомъ, опечаталъ бумажки, относящіяся до опеки, роздалъ прислугѣ скудный гардеробъ матери; тарантасъ и двухъ коровъ, которыя, по описи Арины Петровны, значились подъ рубри-

кой «мой», отправилъ въ Головлево и загѣмъ, отслуживши послѣднюю панихиду, отправился во-своени.

— Ждите владѣлицъ, — говорилъ онъ людямъ, собравшимся въ сѣняхъ, чтобъ проводить его: — прѣдутъ — милости просимъ; не прѣдутъ, — какъ хотѣть! И, съ своей стороны, все сдѣлать; счета по опегѣ привести въ порядокъ, ничего не скрыть, не утаить — все у всѣхъ на глазахъ дѣлать. Капиталъ, который послѣ маменьки остался, принадлежитъ мнѣ, по закону; гарантася и двѣ коровы, которыя я въ Головлево отплавить — тоже мои, по закону. Можетъ-быть, даже кой-что изъ моего *здесь* осталось — ну, да Богъ съ нимъ, спрячкямъ и Богъ велѣтъ подавать! Жаль маменьку, добрая была старушка, печна! Вотъ и объ васъ, объ прислугѣ, позаботилася, гардеробъ свой вамъ оставила! Ахъ, маменька, маменька! нехорошо вы это, голубушка, сдѣлали, что насъ сиротами покинули! Ну, да ужъ если такъ Богу угодно, то и мы святой Его волѣ покоряться должны! Только бы вашей души было хорошо, а объ насъ... что ужъ объ насъ думать!

За первой могиллой скоро послѣдовала и другая.

Изъ исторіи сына Порфирій Владимірычъ отнесся довольно загадочно. Газетъ онъ не получалъ, ни съ кѣмъ въ перепискѣ не состоялъ, и потому свѣдѣній о процессѣ, въ которомъ фигурировалъ Петенька, ни откуда имѣть не могъ. Да вридь ли онъ и желалъ что-нибудь знать объ этомъ предметѣ. Вообще это былъ человѣкъ, который ницѣ всего сторонился отъ всякихъ тревогъ, который по уши погрязъ въ тину мелочей самаго паскуднаго самосохраненія и котораго существованіе, вслѣдствіе этого, нигдѣ и ни на чемъ не оставило послѣ себя слѣдовъ. Такихъ людей довольно на свѣтѣ, и всѣ они живутъ особнякомъ, не умѣя и не желая къ чему-нибудь пріотиться, не зная, что ожидаетъ ихъ въ слѣдующую минуту, и лопаясь подъ конецъ, какъ лопаются дождевые пузыри. Имѣтъ у нихъ дружескихъ связей, потому что для дружества необходимо существованіе общихъ интересовъ; имѣтъ и дѣловыхъ связей, потому что даже въ мертвомъ дѣлѣ бюрократизма они выказываютъ какую-то ужъ совершенно нестерпимую мертвецкую. Тридцать лѣтъ сряду Порфирій Владимірычъ толкался и мелькалъ въ департаментѣ; потомъ въ одно прекрасное утро исчезъ — и никто не замѣтилъ этого. Поэтому онъ узналъ объ участи, постигшей сына, послѣдній, когда вѣсть объ этомъ распространилась уже между дворовыми. Но и тутъ

притворился, что ничего не знает, такъ что когда Евыра-
ксеюшка занюхалась однажды упомянуть о Петенькѣ, то
Гудушка замахалъ на нее руками и сказалъ:

— Итъ, итъ, итъ! И не знаю, и не слыхалъ, и слы-
шать не хочу! Не хочу я его грязныхъ дѣлъ знать!

Но, наконецъ, узлать все-таки привелось. Пришло отъ
Петеньки письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ о своемъ
предстоящемъ отъѣздѣ въ одну изъ дальнихъ губерній и
спрашивалъ, будетъ ли папенька высылать ему содержаніе
въ новомъ его положеніи. Весь день послѣ этого Порфи-
рій Владимірычъ находился въ видномъ недоумѣніи, спо-
валъ изъ комнаты въ комнату, заглядывалъ въ образную,
крестилъ и охалъ. Къ вечеру, однако-жъ, собрался съ ду-
хомъ и написалъ:

«Преступный сынъ Петръ!»

«Какъ вѣрный подданный, обязанный чтить законы, я
не долженъ былъ бы даже отвѣчать на твое письмо. Но
какъ отецъ, причастный человѣческимъ слабостямъ, не
могу, изъ чувства состраданія, отказать въ благомъ совѣтѣ
дѣтищу, ввергнувшему себя, по собственной винѣ, въ пу-
чину золъ. Итакъ, вотъ вкратцѣ мое мнѣніе по сему пред-
мету. Наказаніе, коему ты подвергся, тяжело, но вполне
тобою заслужено—такова первая и самая главная мысль,
которая отнынѣ всегда должна тебѣ въ твоей новой жизни
сопутствовать. А все остальныя прихоти и даже воспомина-
нія объ оныхъ ты долженъ оставить, ибо въ твоемъ по-
ложеніи все сіе можетъ только раздражать и побуждать
къ ропоту. Ты уже вкусилъ отъ горькихъ плодовъ высоко-
умія—попробуй же вкусить и отъ плодовъ смиренія, тѣмъ
болѣе, что ничего другого для тебя въ будущемъ не пред-
стоитъ. Не ропщи на наказаніе, ибо начальство даже не
наказываетъ тебѣ, но преподаетъ лишь средства къ испра-
вленію. Благодарить за сіе и стараться загладить содѣянное—
вотъ объ чемъ тебѣ непрестанно думать надлежитъ, а не о
роскошномъ препровожденіи времени, коего, впрочемъ, я и
самъ, никогда не бывъ подъ судомъ, не имѣю. Послѣдуй же
сему совѣту благоразумія и возродись для новой жизни,
возродись совершенно, довольствуясь тѣмъ, что начальство
по милости своей, сочтетъ нужнымъ тебѣ назначить. А я,
съ своей стороны, буду молить Подателя всѣхъ благъ о
ниспосланіи тебѣ твердости и смиренія, и даже въ сей
самый день, какъ пишу сіи строки, былъ въ церкви и воз-

смыслать о семь торжичи мольбы. Затѣмъ благословляю тебя на новый путь и остаюсь—

«негодующій, но все еще любящій отецъ твой—»

Порфирій Головлевъ».

Неизвестно, дошло ли до Петеньки это письмо; но не дальше, какъ черезъ мѣсяць послѣ его отсылки, Порфирій Владиміричъ получилъ официальное уведомленіе, что сынъ его, не добравши до мѣста селки, слегъ въ одномъ изъ попутныхъ городовъ въ больницу и умеръ.

Иудунка очутился одинъ, по горяча, все-таки, еще не понявъ, что съ этой новой утратой онъ уже окончательно нущенъ въ пространство, лицомъ къ лицу съ однимъ своимъ пустословіемъ. Это случилось вскорѣ послѣ смерти Арины Петровны, когда онъ былъ весь поглощенъ въ счеты и выкладки. Онъ пересчитывалъ бумаги покойной, усчитывалъ всякій грошъ, отыскивалъ связь этого гроша съ опекунскими грошами, не желая, какъ онъ говорилъ, ни себѣ присвоить чужого, ни своего упустить. Среди этой сутолоки ему даже не представлялся вопросъ, для чего онъ все это дѣлаетъ и кто воспользуется плодами его суеты? Съ утра до вечера корилъ онъ за письменнымъ столомъ, критикуя распоряженія покойной и даже фантазируя, такъ что за хлопотами мало-по-малу запустилъ и счеты по собственному хозяйству.

И все въ домѣ стихло. Прислуга, и прежде предпочитавшая ютиться въ людскихъ, почти совсѣмъ бросила домъ, а являясь въ господскія комнаты, ходила на цыпочкахъ и говорила шопотомъ. Чувствовалось что-то выморочное и въ этомъ домѣ, и въ этомъ человѣкѣ, что-то такое, что наводитъ невольный и суевѣрный страхъ. Сумракамъ, которыя и безъ того окутывали Иудунку, предстояло сгущаться съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Постомъ, когда спектакли прекратились, пріѣхала въ Головлево Аннинька и объявила, что Любинька не могла ѣхать вмѣстѣ съ нею, потому что еще раньше законтраговалась на весь великій постъ, и велѣдствіе этого отправилась въ Ромны, Изюмъ, Кременчугъ, и проч., гдѣ ей предстояло давать концерты и пропѣть весь каскадный репертуаръ.

Въ теченіе короткой артистической карьеры Аннинька значительно выровнялась. Это была уже не прежняя павшая, малокровная и нѣсколько вялая дѣвушка, которая въ

Дубровинѣ и въ Погорѣлкѣ, неуклюже покачиваясь и потихоньку напѣвая, ходила изъ комнаты въ комнату, словно не зная, гдѣ найти себѣ мѣсто. Нѣтъ, это была дѣвица вполне опредѣлившаяся, съ рѣзкими и даже развязными манерами, по первому взгляду на которую можно было безъ ошибки заключить, что она за словомъ въ карманъ не ползаетъ. Наружность ея тоже измѣнилась и довольно пріятно поразила Порфирія Владимірыча. Передъ нимъ явилась рослая и статная женщина съ красивымъ румянымъ лицомъ, съ высокою, хорошо развитою грудью, съ сѣрыми глазами навязать и съ отличнѣйшей пепельной косой, которая тяжело опускалась на затылокъ,—женщина, которая, повидимому, проникнута была сознаніемъ, что она-то и есть та самая «Прекрасная Елена», по которой суждено вдыхать господамъ офицерамъ. Раннимъ утромъ пріѣхала она въ Головлево и тотчасъ же уединилась въ особенную комнату, откуда явилась въ столовую къ чаю въ великолѣпномъ шелковомъ платьѣ, шумя трѣпомъ и очень искусно маневрируя имъ среди стульевъ. Тудушка хотя и любила своего Бога паче всего, но это не мѣшало ему имѣть вкусъ къ красивымъ, а въ особенности къ крупнымъ женщинамъ. Поэтому онъ сначала перекрестилъ Анниньку, потому какъ-то особенно отчетливо подѣловалъ се въ обѣ щеки и при этомъ такъ странно скопилъ глаза на ея грудь, что Аннинька чуть замѣтно улыбнулась.

Сѣли за чай; Аннинька подняла обѣ руки вверхъ и потянулась.

— Ахъ, дядя, какъ у васъ скучно здѣсь!—начала она слегка позѣвывать.

— Вотъ-на! не успѣла повернуться—ужъ и скучно показалось! А ты поживи съ нами—тогда и увидимъ: можетъ, и весело покажется, — стѣбитъ Порфирій Владимірычъ, котораго глаза вдругъ подернулись маслянымъ отблескомъ.

— Нѣтъ, не интересно! Чтò у васъ тутъ? Сидѣть кругомъ, сосѣдей нѣтъ... Пользъ, кажется, у васъ здѣсь стоитъ?

— И пользъ стоитъ, и сосѣди есть, да, признаться, меня это не интересуетъ. А впрочемъ, ежели...

Порфирій Владимірычъ взглянулъ на нее, но не докончилъ, а только крикнулъ. Можетъ-быть, онъ и съ намѣреніемъ остановился, хотѣлъ раззадорить ея женское любопытство; во всякомъ случаѣ, прежняя, едва замѣтная улыбка вновь скользнула на ея лицѣ. Она облокотилась на

столь и довольно пристально взглянула на Евпраксеюшку, которая, вся раскрасившись, перетирала стаканы и тоже неподобно выглядывала на нее своими большими, мутными глазами.

— Это—моя новая экономка... усердная!—молвить Порфирій Владимірычъ.

Анниська чуть замѣтно кивнула головой и потихоньку замурлыкала: «Ah! ah! que j'aime... que j'aime... que j'aime... les mili-mili-mili-taires!», при чемъ поясница ея какъ-то сама собой вздрагивала.

Воцарилось молчаніе, въ продолженіе котораго Іудушка, смиренно опустивъ глаза, помаленьку прихлебывала чай изъ стакана.

— Скука!—опять зѣвнула Анниська.

— Скука, да скука, задала одно! Вотъ погоди, поживи... Ужъ великъ саночки заложить—катайся, сколько душѣ угодно.

— Дядя! отчего вы въ гусары не пошли?

— А оттого, мой другъ, что всякому человѣку свой предѣлъ отъ Бога положенъ. Одному—въ гусарахъ служить, другому—въ чиновникахъ быть, третьему—торговать, четвертому...

— Ахъ, да, четвертому, пятому, шестому... я и забыла! И все это Богъ распредѣляетъ... такъ вѣдь?

— Что-жь, и Богъ! Надъ этимъ, мой другъ, смѣяться нечего! Ты знаешь ли, что въ Писаніи-то сказано: безъ воли Божіей...

— Это насчетъ волоса? Знаю и это! Но вотъ бѣда: нынче все шиньоны носятъ, а это, кажется, не предусмотрено! Кетани, посмотрите-ка, дядя, какая у меня чудесная коса! Не правда ли, хороша?

Порфирій Владимірычъ приблизился (почему-то на цыпочкахъ) и подержалъ косу въ рукѣ. Евпраксеюшка тоже потянулась впередъ, не выпуская изъ рукъ блюдечка съ чаемъ, и, сквозь стиснутый въ зубахъ сахаръ, прощдила:

— Шиньонъ, чай?..

— Нѣтъ, не шиньонъ, а собственныя мои волосы. Я когда-нибудь ихъ передъ вами распушу, дядя!

— Да, хороша коса!—похвалилъ Іудушка и какъ-то поганю распустилъ при этомъ губы; но потомъ спохватился, что, по настоящему, отъ подобныхъ соблазновъ надобно отвлекаясь, и присовокупить:—Ахъ, егоза! егоза! все

у тебя косы да шлейфы на уаѣ, а объ настоящемъ-то, объ главномъ-то и не догадаешься! спросить.

— Да, объ бабушкѣ!.. Вѣдь она умерла?

— Скопчалась, мой другъ! И какъ еще скапчалась-то! Мирно, тихо, никто и не слышалъ! Вотъ уаѣ именно нечестыдныя кончины живота своего удостоилась! Обо вѣхъ вспомнила, вѣхъ благословила, призвала священника, причастилась... И такъ это вдругъ спокойно, такъ спокойно ей сдѣлалось! Даже сама, голубунка, это высказала—вдругъ начала вздыхать! Вдохнула разъ, другой, третій—смотришь, ея уаѣ и нѣтъ!

Тудушка всталъ, поворотился лицомъ къ образу, сложила руки ладонями внутрь и помоллся. Даже слезы у него на глазахъ выступили: такъ хорошо онъ солгалъ! Но Аннинька, повидимому, была не изъ чувствительныхъ. Правда, она задумалась на минуту, но совсѣмъ по другому поводу.

— А помните, дядя,—сказала она:—какъ она меня съ сестрой, матебныхъ, кислымъ молокомъ кормила? Не въ последнее время... въ последнее время она отличная была... а тогда, когда она еще богата была?

— Ну, ну, что старое поминать! Кислымъ молокомъ кормили, а вишь какую, Богъ съ тобой, вышопли! На могилку-то поѣдешь, что ли?

— Поѣдемъ, пожалуй!

— Только знаешь ли что: ты бы сначала очистилась!

— Какъ это... очистилась?

— Ну, все-таки... актриса... Ты думаешь, бабушкѣ это легко было? Такъ прежде, чѣмъ на могилку-то ѣхать, обѣденку бы тебѣ отстоять, очиститься бы! Вотъ я завтра пораньше велю отслужить, а потомъ и съ Богомъ!

Какъ ни нелѣпо было Тудушкино предложеніе, но Аннинька все-таки на минуту смѣшалась. Но велѣдъ затѣмъ она сдвинула сердито брови и рѣзко сказала:

— Нѣтъ, а такъ... я сейчасъ поѣду!

— Не знаю, какъ хочешь! А мой совѣтъ такой: отстояли бы завтра обѣденку, напшлись бы чайку, приказали бы пару лошадушекъ въ кибиточку заложить и покатали бы вмѣстѣ. И ты бы очистилась, и бабушкиной бы душѣ...

— Ахъ, дядя, какой вы, однако, глупенькій! Богъ знаетъ, какую чепуху несете, да еще настаиваете!

— Что, не понравилось? Ну, да ужъ не взыщи—я, братъ, напрямикъ! Неправды—не люблю, а правду—и другимъ высказую, и самъ выслушаю! Хоть и не по шерсткѣ

иногда правда, хоть и горько, — а все ее выслушаешь! И должно выслушать, потому что она — правда. Так-то, мой друг! Ты, вот, поживи-ка съ нами, да по-нашему — и сама увидишь, что так-то лучше, чѣмъ съ гитарой съ ярмарки на ярмарку перебзгать.

— Богъ знаетъ, чтѣ вы, дядя, говорите! Съ гитарой!

Ну, не съ гитарой, а около того. Съ торбаномъ, что ли. Впрочемъ, вѣдь ты меня первая обидѣла, глупыхъ назвала, а мнѣ, старику, и подавно можно правду тебѣ высказать.

— Хорошо, пусть будетъ правда; не будемъ объ этомъ говорить. Скажите, пожалуйста: послѣ бабушки осталось наследство?

— Какъ не остаться! Только законный наследникъ-то былъ на-лицо!

То-есть, вы... И чѣмъ лучше. Она у васъ здѣсь, въ Голозавѣ, похоронена?

— Нѣтъ, въ самомъ приходѣ, подлѣ Погорѣлки, у Николы-на-Волгѣ. Сама пожелала.

Такъ я поѣду. Можно у васъ, дядя, лошадей нанять?

Зачѣмъ нанимать? Свои лошади есть! Ты, чай, не чужая! Племяннушка... племяннушкой мнѣ приходишься! — вехлопоталея Порфирій Владиміровичъ, оклабляясь «по-родственному». — Клыточку... парочку лошадушекъ — слава те, Господи, не пустодомомъ живу! Да не поѣхать ли и мнѣ вмѣстѣ съ тобой? И на могилкѣ бы побывали, и въ Погорѣлку бы заѣхали! И туда бы заглянули, и тамъ бы посмотрѣли, и поговорили бы, и подумали бы — чтѣ и какъ... Хорошенькая вѣдь у васъ усадьбица, полезныя въ ней мѣстечки есть!

— Нѣтъ, я ужъ одна... зачѣмъ вамъ? Кетати, вѣдь и Петенька тоже умеръ?

— Умеръ, дружокъ, умеръ и Петенька. И жалко мнѣ его съ одной стороны, даже до слезъ жалко, а съ другой стороны — самъ виноватъ! Всегда онъ былъ къ отцу непочтительнъ — вотъ Богъ за это и наказалъ! А ужъ ежели чтѣ Богъ въ премудрости своей устроилъ, такъ намъ съ тобой передѣлывать не приходится.

— Поляное дѣло, не передѣлаемъ. Только я вотъ о чемъ думаю: какъ это вамъ, дядя, жить не страшно?

— А чего мнѣ страшиться? Видишь, сколько у меня благодати кругомъ? — Гудушка обвелъ рукою, указывая на сбрава. — И тутъ благодать, и въ кабинетѣ благодать, а въ

образной такъ настоящей рай! Вонъ сколько у меня заступниковъ.

— Все-таки... Всегда вы—однѣ... страшно!

— А страшно, такъ встану на колѣни, помолюсь—и все какъ рукой снимется! Да и чего бояться: днемъ—свѣтло, а ночью у меня вездѣ, во всѣхъ комнатахъ, лампы горятъ. Съ улицы, какъ стемнѣетъ, словно балъ кажется! А какой у меня бал! Заступники да угодили Божи—вогъ и весь мой бал!

— А знаете ли: вѣдь Петечка-то передъ смертью писалъ къ намъ.

— Что-жь, какъ родственники.. И за то спасибо, что хоть родственныя чувства не потеряли!

Да, писалъ. Ужъ послѣ суда, когда рѣшеніе вышло. Писалъ, что онъ три тысячи проигралъ, и вы ему не дали. Вѣдь вы, дядя, богатый?

— Въ чуломъ карманѣ, мой другъ, легко деньги считать. Иногда намъ кажется, что у человека золотыя горы, а взглянуть да посмотреть, такъ у него на маслице да на свѣчечку—и то не его, а Вогово!

Ну, мы, стало-быть, богаче васъ. И отъ себя сложились, и кавалеровъ нашихъ заставили подписаться—шестисотъ рублей собрали и послали ему.

— Какіе жѣ это «кавалеры»?

— Ахъ, дядя! да вѣдь мы... актрисы! Вы сами же сейчасъ предлагали мнѣ «очиститься»!

— Не люблю я, когда ты такъ говоришь!

— Что-жь дѣлать! Любите или не любите, а что сдѣлало, того не передѣлаешь. Вѣдь, по-вашему, и тутъ, Богъ!

— Не конуствуй, по крайней мѣрѣ. Все можешь говорить, а конуствовать... не позволяю! Куда же вы деньги послали?

— Не помню. Въ городокъ какой-то... Онъ самъ назначилъ.

— Не знаю. Кабы были деньги, я долженъ бы послѣ смерти ихъ получить! Не изстратилъ же онъ всѣхъ разомъ! Не знаю, вниего я не получилъ. Смотрителишки да конвойные, чай, воспользовались!

— Да вѣдь мы и не требуемъ—это такъ, къ слову сказалось. А все-таки, дядя, страшно: какъ это такъ—изъ-за трехъ тысячъ человекъ пропасть!

— То-то, что не изъ-за трехъ тысячъ. Это намъ такъ кажется, что изъ-за трехъ тысячъ—вотъ мы и твердимъ: три тысячи! три тысячи! А Богъ...

Гудушка совѣмъ ужъ было расходился, хотѣлъ объяснить во всей подробности, какъ Богъ... Провидѣніе... невидимыи путями... и все такое... Но Аннинька безцеремонно звѣнула и сказала:

— Ахъ, дядя, скука какая у васъ!

На этотъ разъ Порфирій Владимірычъ серьезно обдѣлся и замолчалъ. Долго ходили они рядомъ взадъ и впередъ по столовой; Аннинька звѣнала, Порфирій Владимірычъ въ каждомъ углу крестился. Наконецъ, доложили, что поданы лошади, и началась обичная комедія рождественныхъ проводовъ. Головлевъ надѣлъ шубу, вышелъ на крыльцо, расцѣловался съ Аннинькой, кричалъ на людей: «ноги-то, ноги-то теплѣе закутывайте!» или: «кутейки-то, кутейки-то взяли ли? Ахъ, не забыть бы!» И крестилъ при этомъ воздухъ.

Съѣздила Аннинька на могилку къ бабушкѣ, попросила волынскаго багюнску пашихиду отслужить, и когда дѣлчки уныло заткнули звѣчную память, то поплакала. Картина, среди которой совершалась церемонія, была печальная. Церковь, при которой схоронили Арину Петровну, принадлежала къ числу бѣдныхъ; штукагурка мѣстами обвалилась и обнажила большими заплатами кирпичный остовъ; колоколь звонилъ слабо и глухо; риза на священникѣ обветшала. Глубокій снѣгъ покрывалъ кладбище, такъ что нужно было разгребать дорогу лопатами, чтобы дойти до могилы; ламятинка еще не существовало, а стоялъ простой бѣлый крестъ, на которомъ даже надписи никакой не значилось. Погость стоялъ уединенно, въ сторонѣ отъ всякаго селенія; неподалеку отъ церкви ютились почернѣвшія избы священника и причетниковъ, а кругомъ во все стороны стлалась спротивная снѣжная равнина, на поверхности которой по мѣстамъ торчали какой-то хворостъ. Крѣпкій мартовскій вѣтеръ носился надъ кладбищемъ, безпрестанно захлестывая ризу на священникѣ и относя въ сторону лѣніе причетниковъ.

— И кто бы, сударыня, подумать, что подъ нимъ скромнымъ крестомъ, при бѣдной нашей церкви, нашла себѣ успокоеніе богатѣйшая нѣкогда помѣщица здѣшняго уѣзда! — сказала священникъ по окончаніи литіи.

При этихъ словахъ Аннинька и еще поплакала. Ей вспомнилось: *зды столъ былъ лѣтъ — тамъ гробъ стоить*, и слезы такъ и лились. Потомъ она пошла къ багюнскѣ въ хату, напилась чаю, побесѣдовала съ матушкой, опять

вспомнила: и блѣдна смерть на вѣкъ млыдѣть — и опять много и долго плакала.

Въ Погорѣлку не было дано знать о прѣздѣ барышни, и потому тамъ даже комната въ домѣ не истопилан. Аннинька, не снимая шубы, прошла по вѣмъ комнатамъ и остановилась на минуту только въ спальной бабушки и въ образной. Въ бабушкиной комнатѣ стояла ея постель, на которой такъ и лежала необранная грудя замасленныхъ пуховиковъ и пѣсколъко подушекъ безъ наволочекъ. На письменномъ столѣ валялись разбросанные лоскутья бумаги; полъ былъ не метенъ, а густой слой пыли покрывалъ вѣ предметы. Аннинька присѣла въ кресло, въ которомъ сидѣвала бабушка, и задумалась. Сначала являлись воспоминанія прошлаго, потомъ на смѣну имъ пришли представляющія настоящаго. Первые проходили въ видѣ обрывковъ, мимолетно и не задерживаясь; вторыя осѣдали плотнѣе. Давно ли рвалась она на волю, давно ли Погорѣлка казалась ей постылою — и вотъ теперь вдругъ въ сердце переломилось какое-то болѣзненное желаніе пожить въ этомъ постыломъ мѣстѣ. Тихо здѣсь, уютно, неприглядно, но тихо, такъ тихо, что словно все кругомъ умерло. Воздуху много и простору: вонъ оно, поле — такъ бы и побѣжала. Безъ цѣви, безъ оглядки, только чтобъ дышалось сильнѣе, чтобъ грудь саднѣло. А тамъ, въ этой полукочевой средѣ, пѣзъ которой она только что вырвалась и куда опять *должна* возвратиться, — что ее ждетъ? и что она оттуда вынесла? Воспоминаніе о прошитанныхъ вонью гостиницахъ, о вѣчномъ гвалтѣ, несущемся изъ общей столовой и изъ бильярдной, о нечесанныхъ и невымытыхъ половыхъ, о ренетичьяхъ среди царствующихъ на сценѣ сумзрекъ, среди полотяныхъ, раскрашенныхъ кулисъ, до которыхъ дотронулся гнусно, на сквозномъ вѣтру, на сырости... Вотъ и только! А потомъ: офицеры, адвокаты, циническія рѣчи, пустыя бутылки, скатерти, залитыя виномъ, облака дыма. и гвалтъ, гвалтъ, гвалтъ! И что они говорили ей! Съ какииъ цинизмомъ къ ней прикасались!. Особливо тотъ, усатый, съ охрипшимъ отъ перепоя голосомъ, съ воспаленными глазами, съ вѣчнымъ запахомъ конюшни... Ахъ, что онъ говорил! Аннинька при этомъ воспоминаніи даже вдрогнула и зажмурила глаза. Потомъ, однако-жъ, очнувшись, вдохнула и перешла въ образную. Въ кѣтѣ стояло уже вѣдного образовъ, только тѣ, которые *несомнѣнно* принадлежали ей матери, а остальные, бабушкины, были вы-

нуги и увезены Тудушкой, въ качествѣ наследника, въ Головлево. Образовавшіеся влѣдствіе этого пустынн мѣста смотрѣли словно выколотые глаза. И лампадъ не было— все взялъ Тудушка; только одинъ желтаго воена огарокъ свертливо ютился, забытый въ крохотномъ жестяномъ подвѣщникѣ.

— Они и кіотку хотѣли-было взять, все донесивались, точно ли она барышнина приданная была! — донесла Аfirmьюшка.

— Что-жь, и пусть бы брали. А что, Аfirmьюшка, бабунка долго передъ смертью мучилась?

— Не то чтобы очень, всего съ небольшимъ сутки лежали. Такъ, словно сами собой извелись. Ни болны настоящимъ манеромъ не были, ничто! Ничего почестъ и не говорили, только про васъ съ сестрицей раза съ два поминули.

Образъ-то, стало-быть, Порфирій Владимірьчъ увезъ?

— Онъ увезъ. Собственные, говоритъ, маменькины образы. И тарантасъ къ себѣ увезъ, и двухъ коровъ. Все, стало-быть, изъ барышнихъ бумагъ усмотрѣть, что не ваши были, а бабенькины. Лошадь тоже одну оттягать хотѣли, да Федулычъ не отдалъ. «Наша, говоритъ, это лошадь, старинная погорѣловская», — ну, оставилъ, побоялся.

Походила Анинька и по двору, заглянула въ службы, на гумно, на скотный дворъ. Тамъ, среди навозной топи, стоялъ «оборотный капиталъ»: штукъ двадцать топчихъ коровъ да три лошади. Велѣла принести хлѣба, сказавъ при этомъ: «Я заплачу!» — и каждой коровѣ дала по кусочку. Потомъ скотница попросила барышню въ избу, гдѣ было поставленъ на столѣ горшокъ съ молокомъ, а въ углу у печки, за низенькой перегородкой изъ досокъ, ютился новорожденный теленокъ. Анинька пошла молочка, побѣжала къ теленочку, сгоряча поцѣловала его въ морду, но сейчасъ же брезгливо вытерла губы, говоря, что морда у теленка противная, вся въ какихъ-то слюняхъ. Наконецъ, вынула изъ портъ-монэ три желтенькихъ бумажки, раздала старымъ слугамъ и стала собираться.

— Что-жь вы будете дѣлать? — спросила она, усаживаясь въ кибитку, старика Федулыча, который, въ качествѣ старосты, сѣдловалъ за барышней съ скрещенными на груди руками.

— А что намъ дѣлать! Жить будемъ. — просто отвѣтилъ Федулычъ.

Анниныхъ опять взгрустнулось: ей показалось, что слова Оедулыча звучатъ прощей. Она постояла-постояла на мѣстѣ, выдохнула и сказала:

— Ну, прощайте!

— А мы было-думали, что вы къ намъ вернетесь, съ нами поживете!—молвила Оедулычъ.

— Нѣтъ, ужъ... что! Все равно... живите!

И опять слезы ползли у нея изъ глазъ, и всѣ при этомъ тоже заплакали. Какъ-то странно это выходило: вотъ и ничего, казалось, ей не жаль, даже упомянуть нечѣмъ— а она плачетъ. Да и они: ничего не было сказано выходящаго изъ ряда будничныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, а всѣмъ сдѣлалось тяжело, «жалко». Посадили ее въ вибитку, укутали и всѣ разомъ глубоко вздохнули.

— Счастливо! — раздалось за ней, когда повозка тронулась.

Ѣхавши мимо погоста, она вновь велѣла остановиться и одна, безъ причта, пошла по расчищенной дорогѣ къ могилѣ. Уже порядкомъ стемнѣло, и въ домахъ церковниковъ засвѣтились огни. Она стояла, ухватившись одной рукой за надгробный крестъ, но не плакала, а только пошатывалась. Ничего особеннаго она не думала, никакой определенной мысли не могла формулировать, а горько ей было, всѣмъ существомъ горько. И не пасть бабушкой, а пасть самой собою горько. Безосознательно пошатываясь и наклоняясь, она простояла тутъ съ четверть часа, и вдругъ ей представилась Любинька, которая, быть-можетъ, въ эту самую минуту соловьемъ разливается въ какомъ-нибудь Кременчугѣ среди развеселой компаніи...

Ah! ah! que j'aime, que j'aime!

Que j'aime les milli-milli-milli-taires!

Она чуть не упала. Бѣгомъ добѣжала до повозки, сѣла и велѣла какъ можно скорѣе ѣхать въ Головлево.

Аннишка воротилась къ дядѣ скучная, тихая. Впрочемъ, это не мѣшало ей чувствовать себя нѣсколько голодною (дяденька, впопыхахъ, даже курочки съ ней не отпустилъ), и она была очень рада, что столъ для чая былъ ужъ накрытъ. Разумѣется, Порфирій Владимырьчъ не замедлитъ вступить въ разговоръ.

— Ну, что, побывала?

— Побывала?

— И на могилѣ помолилась? Панихиду отслужила?

— Да, и панихидку.

— Священникъ-то, стало-быть, дома былъ?

— Конечно, былъ; кто же бы панихиду служилъ!

— Да, да... И дьячки оба были? Вѣчную память про-
цѣли?

— Пропѣли.

— Да. Вѣчная память! вѣчная память покоивщѣ! Пѣч-
ная старушка, рождественная была!

Иудушка всталъ со стула, обратился лицомъ къ образамъ
и помолился.

— Ну, а въ Погорѣлкѣ какъ застала, благополучно?

— Право, не знаю. Кажется, все на своемъ мѣстѣ
стоитъ.

— То-то «кажется»! Намъ всегда «кажется», а посмо-
тришь да поглядишь—и тутъ кривенько, и тамъ гнидиль-
ко... Вотъ такъ-то мы и объ чужихъ состояніяхъ понятіе
себѣ составляемъ: «кажется»! все «кажется»! А впрочемъ,
хорошенькая у васъ усадьбица; прудовно васъ покойница-
маменька устроила, не мало даже изъ собственныхъ средствъ
на усадьбу употребила... Ну, да вѣдь сиротамъ не грѣхъ
и помочь!

Слушая эти похвалы, Аннинька не выдержала, чтобъ не
подразнить сердобольнаго дяденьку.

— А вы зачѣмъ, дядя, изъ Погорѣлки двухъ коровъ
увели?—спросила она.

— Коровъ? Какихъ это коровъ? Это Чернавку да При-
ведѣнку, чтѣ ли? Такъ вѣдь онѣ, мой другъ, маменькины
были!

— А вы—ся законный наслѣдникъ? Ну, что-жъ, и вла-
дѣйте! Хотите, я вамъ еще теленочка велю прислать?

— Вотъ-вотъ-вотъ! Ты ужъ и раскниятилася! А ты дѣло
говори. Какъ, по-твоему, чьи коровы были?

— А я почему знаю! Въ Погорѣлкѣ стояли!

— А я знаю; у меня доказательства есть, что коровы
мамезькины. Собственной ея руки я реестръ отыскалъ; тамъ
именно сказано: «моя».

— Ну, оставимъ. Не стѣбитъ объ этомъ говорить.

— Вотъ лошадь въ Погорѣлкѣ есть, лѣсенная такая—
ну, объ этой вѣрнаго сказать не могу. Кажется, будто бы
мамезькина лошадь, а впрочемъ—не знаю! А чего же
знаю, объ этомъ и говорить не могу!

— Оставьте это, дядя.

— Итъ, зачѣмъ оставлять! Я, братъ, прямикъ—я вою

кое дѣло на чистоту вести люблю! Да отчего и не погово- рить! Своего всякому жалко: и мнѣ жалко, и тебѣ жалко— ну, и поговоримъ! А коли говорить будемъ, такъ скажу тебѣ прямо: мнѣ чужого не надобно, но и своего я не отдамъ. Потому что хоть вы мнѣ и не чужія, а все-таки...

— И образъ даже взяли! — опять не воздержалась Ан- нинька.

— И образъ взялъ, и все взялъ, что мнѣ, какъ закон- ному наследнику, принадлежитъ.

— Теперь кіотъ-то весь словно въ дырахъ...

— Что-жъ дѣлать! И передъ такимъ помолось! Богу вѣдь не кіотъ, а молитва твоя пужива! Коли ты искренно приступасишь, такъ и передъ плохенькими образами молитва твоя дойдетъ! А коли ты только такъ: болты-болты, да по сторонамъ поглядѣть, да книксень съдѣлать— такъ и хорошіе образа тебя не спасутъ!

Тѣмъ не менѣе, Гудушка встала и возблагодарила Бога за то, что у него «хорошіе» образа.

— А если не нравится старый кіотъ— новый вели съдѣ- лать. Или другіе образа на мѣсто вынутыхъ поставь. Преж- ніе—маменька-покойница наживала да устраняла, а новыя ты ужъ сама наживи!

Порфирій Владимірычъ даже хихикнулъ: такъ это раз- сужденіе казалось ему резинко и просто.

— Скажите, пожалуйста, что же мнѣ теперь дѣлать пред- стоить?—спросила Аннинька.

— А вотъ погоди. Сначала отдохни, да поиѣйся, да поспи. Побесѣдуемъ да посудимъ, и такъ посмотримъ, и такъ прикинемъ—можетъ-быть, вдвоемъ что-нибудь и вы- думаемъ!

— Мы—совершеннолѣтнія, кажется?

— Да-съ, совершеннолѣтнія-съ. Можете сами и дѣй- ствіями своими, и имѣнемъ управлять!

— Слава Богу, хоть это!

— Честь имѣемъ поздравить-съ!

Порфирій Владимірычъ всталъ и полѣзъ цѣловаться.

— Ахъ, дядя, какой вы странный! все цѣлуетесь!

— Отчего же и не подѣловаться! Не чужая ты мнѣ— племянушка! Я, мой другъ, по-родственному! Я для род- ныхъ всегда готовъ! Будь хоть троюродный, хоть четвероо- родный,—я всегда...

— Вы лучше скажите, что мнѣ дѣлать? Въ городъ, что ли, надобно ѣхать? хлопотать?

— И въ городъ поѣдемъ, и похлопочемъ—все въ свое время съѣдаемъ. А прежде—отдохни, поживи! Слава Богу! не въ трактиръ, а у родного дяди живешь! И поѣсть, и чайку попить, и вареньемъ полакомиться—всего вдоволь есть! А ежели кушанье какое не понравится—другого спроси! Справивай, требуй! Щецъ не захочется—супцу подать вели! Котлеточекъ, уточки, поросеночка... Евпраксеюшку за бока беру!.. А ксати, Евпраксеюшка! вотъ я поросеночкомъ-то похвастался, а хорошенько и самъ не знаю—есть ли у насъ?

Евпраксеюшка, державшая въ это время передъ ртомъ блюдечко съ горячимъ чаемъ, утвердительно повела посомъ воздухъ.

— Ну, вотъ видишь, и поросеночекъ есть! Всего, значить, чего душевья захочеть, того и проси! Такъ-то!

Тудушка опять потянулася къ Аннинымъ и по-родственному похлопала ее рукой по колѣнискѣ, при чемъ, конечно, неспроста, слегка позамѣшкалася, такъ что сиротка инстинктивно отодвинулася.

— Но, вѣдь, мнѣ ѣхать надо!—сказала она.

— Объ томъ-то я и говорю. Потолкуемъ да поговоримъ, а потомъ и поѣдемъ. Благословися да Богу помоляся, а не такъ какъ-нибудь: прыгъ да шмыгъ! Поселѣнныя—людей наемѣнныя! Спѣснать-то на пожаръ, а у насъ, слава Богу, не горитъ! Вотъ Любиныкъ—той на ярмарку сѣлѣнныя надо, а тебѣ—что! Да вотъ я тебя еще что спрошу: ты въ Погорѣныкъ, что ли, жить будешь?

— Нѣтъ, въ Погорѣныкъ мнѣ не зачѣмъ.

— И я тоже хотѣлъ тебѣ сказать. Поселѣсь-ко у меня. Будемъ жить да поживать—еще какъ заживемъ-то!

Говоря это, Тудушка глядѣла на Аннинку такими малахольными глазами, что ей сдѣлалось неловко.

— Нѣтъ, дядя, я не поселюсь у насъ. Скучно.

— Ахъ, глушенькая, глушенькая! И что тебѣ эта скука далась! Скучно да скучно, а чѣмъ скучно—и сама, чай, не скажешь! У кого, мой другъ, дѣло есть, да кто собой управлять умѣетъ—тогда никогда скуки не знаетъ. Вотъ, я, напримеръ, не вижу, какъ время летитъ! Въ будни—по хозяйству: тамъ посмотришь, тутъ погляднѣшь, туда сходишь, побесѣдуешь, посподишь—смотришь, а въ день и прошелъ! А въ праздникъ—въ церковь! Такъ-то и ты! Поживи съ нами—и тебѣ дѣло найдется, а дѣла нѣтъ—съ Евпраксеюшкой въ дурачки садись или саночки вели возложить—батай

да покатывай! А лѣто настанетъ — по грибы въ лѣсъ по-
ѣдемъ! на травѣ чай станемъ пить!

— Нѣтъ, дядя, напрасно вы и предлагаете!

— Право бы, пожилка.

— Нѣтъ. А вотъ что: устала я съ дороги, такъ спать
нельзя ли мнѣ лечь?

— И баньки можно! И кровать у меня готова для
тебя, и все какъ слѣдуетъ! Хочется тебѣ баньки — почи-
вай, Христосъ съ тобой! А все-таки ты объ этомъ подумай:
куда бы лучше, кабы ты съ нами въ Головлевѣ осталась!

Аннинька провела ночь безпокойно. Нервная блажь, ко-
торая застигла ее въ Погорьѣлкѣ, продолжалась. Бываю
минуты, когда человекъ, который дотолѣ только *существо-*
валъ, вдругъ начинаетъ понимать, что онъ не только во-
истину *живетъ*, но что въ его жизни есть даже какаго-то
язва. Откуда она взялась, какимъ образомъ и когда именно
образовалась — въ большей ч. сти случаевъ онъ хорошо себѣ
не объясняетъ и чаще всего приписываетъ происхожденіе
язвы совсѣмъ не тѣмъ причинамъ, которыя въ дѣйстви-
тельности ее обусловили. Но для него оцѣнка факта даже
не нужна: достаточно и того, что язва существуетъ. Дѣй-
ствіе такого внезапнаго откровенія, будучи для всѣхъ оди-
наково мучительнымъ, въ дальнѣйшихъ практическихъ ре-
зультатахъ видоизмѣняется, смотря по индивидуальнымъ
темпераментамъ. Однихъ сознаніе обновляетъ, воодушевляетъ
рѣшимостью начать новую жизнь на новыхъ основаніяхъ;
на другихъ оно отражается лишь переходящею болью, ко-
торая не произведетъ въ будущемъ никакого перелома къ
лучшему, но въ настоящемъ высказывается даже болѣзнен-
нѣе, нежели въ томъ случаѣ, когда встревоженной совѣсти,
вслѣдствіе принятыхъ рѣшеній, все-таки представляются
хоть нѣкоторые просвѣты въ будущемъ.

Аннинька не принадлежала къ числу такихъ личностей,
которыя въ сознаніи своихъ язвъ находятъ поводъ для
жизненнаго обновленія, но, тѣмъ не менѣе, какъ дѣвушка
нетлущая, она отлично понимала, что между тѣми смутными
мечтами о трудовомъ хлѣбѣ, которыя послужили ей исход-
нымъ пунктомъ для того, чтобы навсегда покинуть Пого-
рьѣлку, и положеніемъ провинціальной астріи, въ кото-
ромъ она очутилась, существуетъ нѣкая бездна. Вместо ти-
хой жизни труда онашла бурное существованіе, напол-
ненное безковечными кутежами, наслымъ цинизмомъ и без-

порядочную, ни къ чему не приводящую суетою. Въмѣсто лишений и суровой вѣшной обстановки, съ которыми она когда-то примирялась, ее встрѣтило относительное довольство и роскошь, о которыхъ она, однако-жь, не могла теперь вспоминать безъ краски на лицѣ. И вся эта перестановка какъ-то незамѣтно для нея самой случилась: шла она куда-то въ хорошее мѣсто, но вмѣсто одной двери попала въ другую. Желанія ея были дѣйствительно очень скромныя. Сколько разъ, бывало, ели въ Погорѣлкѣ на мезонинѣ, она видѣла себя въ мечтахъ серьезною дѣвушкой, труднейшей, алучшей образовать себя, съ твердостью переносящей нужду и лишения ради идеи блага (правда, что слово «благо» едва ли имѣло какое-нибудь определенное значеніе); но едва она вышла на широкую дорогу самодѣятельности, какъ сама собою сложилась такая практика, которая сразу разбила въ прахъ всю мечту. Серьезный трудъ не приходитъ самъ собой, а дается только упорному исканію и подготовкѣ, ежели и не полной, то хотя до извѣстной степени помогающей исканію. Но требованіямъ этимъ не отвѣчали ни темпераментъ, ни воспитаніе Анишки. Темпераментъ ея вовсе не отличался страстностью, а только легко раздражался; матеріаль же, который далъ ей воспитаніе и съ которымъ она собралась войти въ трудовую жизнь, былъ до такой степени несостоятеленъ, что не могъ послужить основаніемъ ни для какой серьезной профессіи. Воспитаніе это было, такъ сказать, институтско-опереточное, въ которомъ перевѣсь брали едва ли не оперетка. Тутъ въ хаотическомъ безпорядкѣ перемѣшивались и задача о зетянцѣ стадѣ гусей, и пѣсь нялю, и проповѣдь Петра Цикардскаго, и продѣлки Елены Прекрасной, и ѡда къ Фелицѣ, и чувство признательности къ начальникамъ и покровителямъ благородныхъ дѣвицъ. Въ этомъ безпорядочномъ винегретѣ (виѣ котораго она съ полнымъ основаніемъ могла назвать себя *tabula rasa*) трудно было даже разобраться, а не то что исходную точку найти. Не любовь къ труду побуждала такую подготовку, а любовь къ свѣтскому обществу, желаніе быть окруженной, выслушивать любезности кавалеровъ и вообще погрузиться въ шумъ, блескъ и вихрь такъ-называемой жизни.

Если-бъ она слѣдила за собой приetailше, то даже въ Погорѣлкѣ, въ тѣ минуты, когда въ ней еще только зарождалась проекція трудовой жизни, когда она видѣла въ

нихъ нѣчто въ родѣ освобожденія изъ плѣна египетскаго— даже и тогда она могла бы изловить себя въ мечтахъ не столько работающею, сколько окруженною обществомъ единомыслящихъ людей и коротающею время въ длинныхъ разговорахъ. Конечно, и люди этихъ мечтаній были умные, и разговоры ихъ—честные и серьезные, но все-таки на сценѣ первенствовала праздничная сторона жизни. Бѣдность была опрятная, лишены свидѣтельствовали только объ отсутствіи излишества. Поэтому, когда на дѣлѣ мечта о трудовомъ хлѣбѣ разрѣшилась тѣмъ, что ей предложили занять опереточное амплуа на подмосткахъ одного изъ провинціальныхъ театровъ, то, несмотря на контрастъ, она колебалась недолго. Наскоро освѣжила она институтскія свѣдѣнія объ отношеніяхъ Елены къ Менелая, дополнила ихъ нѣкоторыми біографическими подробностями изъ жизни великолѣпнаго князя Тавриды, и рѣшила, что этого было совершенно достаточно, чтобы воспроизводить «Прекрасную Елену» и «Отрывки изъ Герцогини Герольдштейнскои» въ губернскихъ городахъ и на ярмаркахъ. При этомъ, для отчетности совѣсти, она припоминала, что одинъ студентъ, съ которымъ она познакомилась въ Москвѣ, на каждомъ шагѣ восклицалъ: «святое искусство!»—и тѣмъ охотнѣе сдѣлала эти слова девизомъ своей жизни, что онъ приличнымъ образомъ развизывалъ ей руки и придавалъ хоть какой-нибудь наружный декорумъ ея вступленію на сцену, къ которой она инстинктивно рвалась всѣмъ своимъ существомъ.

Жизнь актрисы взбудоражила ее. Одинокая, безъ руководящей подготовки, безъ сознанной цѣли, съ однимъ только темпераментомъ, жаждущимъ шума, блеска и похвалы, она скоро увидѣла себя кружащеюся въ какомъ-то хаосѣ, въ которомъ толпилось безконечное множество лицъ, безъ всякой связи смѣнявшихъ одно другое. Это были лица разнообразнѣйшихъ характеровъ и убѣждений, такъ что самыя мотивы для сближеній съ тѣмъ или другимъ отнюдь не могли быть одинаковыми. Тѣмъ не менѣе, и тотъ, и другой, и третій равно составляли ея кругъ, изъ чего должно было заключить, что тутъ, собственно говоря, не могло быть и рѣчи о мотивахъ. Ясно, стало-быть, что ея жизнь сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ възжаго дома, въ ворота котораго могъ стучаться каждый, кто сознавалъ себя веселымъ, молодымъ и обладающимъ извѣстными матеріальными средствами. Ясно, что тутъ дѣло шло совсѣмъ не о томъ, чтобы *подбирать* себя общество по душѣ, а о томъ,

чтобы примоститься къ какому бы то ни было обществу, лишь бы не изливаться въ одиночествѣ. Въ сущности, «святое искусство» привело ее въ помойную яму, но голова ея сразу такъ закружилась, что она не могла различить этого. Ни немытыя рожи коридорныхъ, ни захватанныя, покрытая слизью декорации, ни шумъ, вонь и гвалтъ гостиницы и постоялыхъ дворовъ, ни циническія выходы поклонниковъ— ничто не отрезвило ее. Она не замѣчала даже, что постоянно находится въ обществѣ однихъ мужчинъ и что между нею и другими женщинами, имѣющими *постоянное положеніе*, легла какая-то непреодолимая преграда...

Отрезвила на минуту прїѣздъ въ Головлево.

Съ утра, почти съ самой минуты прїѣзда, ее ужъ что-то мучило. Какъ дѣвушка впечатлительная, она очень быстро прониклась новыми ощущеніями и не могла быстро привыкаться къ великимъ положеніямъ. Поэтому, съ прїѣздомъ въ Головлево, она вдругъ почувствовала себя «барышней». Припомнила, что у нея есть что-то свое: свой домъ, свои могилы, и захотѣлось ей опять увидѣть прежнюю обстановку, опять подышать тѣмъ воздухомъ, изъ котораго она такъ недавно безъ оглядки бѣжала. Но впечатлѣніе это немедленно же должно было разбиться при столкновеніи съ дѣйствительностью, встрѣтившеюся въ Головлевѣ. Въ этомъ отношеніи ее можно было уподобить тому человѣку, который съ привѣтливомъ выраженіемъ лица входитъ въ общество давно невидѣнныхъ цѣль людей—и вдругъ замѣчаетъ, что къ его привѣтливости всеъ относится какъ-то загадочно. Погано сконченные на ея бѣгъ глаза Гудушки сразу напомнили ей, что позади у нея уже образовался своего рода старбъ, съ которымъ не такъ-то легко расчитаться. И когда, послѣ нанныхъ вопросовъ погорѣлковской прислуги, послѣ вазидательныхъ вздоховъ волынскаго батюшки и его пошадья и послѣ новыхъ поученій Гудушки, она осталась одна, когда она провѣрила на досугъ впечатлѣнія дня, то ей сдѣлалось уже совсѣмъ несомнѣнно, что прежняя «барышня» умерла навсегда, что отыгивъ она—только актриса жалкаго провинціального театра и что положеніе русской актрисы очень недалеко отстоитъ отъ положенія публичной женщины.

До сихъ поръ она жила какъ во снѣ. Обнажалась въ «Прекрасной Еленѣ», являлась нянюю въ «Периклѣ», цѣла всевозможныя безстыдства въ «Отрывкахъ изъ Героини Герольштейнской» и даже жалѣла, что на театраль-

нихъ подмосткахъ не принято представлять «la chose» и «l'ami», воображая себя, какъ бы она обольстительно вдрагивала поеницей и шикарно вертѣла хвостомъ. Но ей никогда не приходило въ голову вдумываться въ то, что она дѣлаетъ. Она о томъ только старалась, чтобъ все выходило у нея «мило», съ «шикомъ» и въ то же время нравилось офицерамъ расквартированного въ городѣ полка. Но что это такое и какого сорта ощущенія производить въ офицерахъ ея вдрагиванья — она объ этомъ себя не спрашивала. Офицеры представляли въ городѣ рѣшающую публику и ей было извѣстно, что отъ нихъ зависѣтъ ея успѣхъ. Они вторгались за кулисы, безцеремонно стучались въ двери ея уборной, когда она была еще полуодѣта, называли ее уменьшительными именами — и она смотрѣла на все это, какъ на простую формальность, родъ неизбѣжной обстановки ремесла, и спрашивала себя только о томъ — «мило» или «не мило» выдерживаетъ она въ этой обстановкѣ свою роль? Но ни тѣла своего, ни души она покуда еще не сознавала публичными. И вотъ теперь, когда она на минуту опять почувствовала себя «барышней», ей вдругъ сдѣлалось какъ-то невыносимо мерзко. Какъ будто съ нея сняли все покровы, до послѣдняго, и всенародно вывели ее обнаженною; какъ будто все эти подлыи дыханія, зараженные запахами вина и конюшни, разомъ охватили ее; какъ будто она на своемъ тѣлѣ почувствовала прикосновеніе потныхъ рукъ, слюнявыхъ губъ и блужданіе мутныхъ, исполненныхъ злопадной животности глазъ, которые безсмысленно скользятъ по кривой линіи ея обнаженнаго тѣла, словно требуютъ отъ него отвѣта: что такое «la chose»?

Куда идти? гдѣ оставить этотъ скарбъ, который надавливать ея плечи? — Вопросъ этотъ безнадежно метался въ ея головѣ, но именно только метался, не находя и даже не ища отвѣта. Вѣдь и это было своего рода сонъ; и прежняя жизнь была сонъ, и теперешнее пробужденіе — тоже сонъ. Огорчилась дѣвочка, расчувствовалась — вотъ и все. Пройдетъ; Бываютъ минуты хорошія, бываютъ и горькія — это въ порядкѣ вещей. Но и тѣ, и другія только скользятъ, а отнюдь не измѣняютъ однажды сложившагося хода жизни. Чтобъ дать послѣдней другое направленіе, необходимо много усилій, нужна не только нравственная, но и физическая храбрость. Это — почти то же, что самоубійство. Хотя передъ самоубійствомъ человѣкъ про-

клинасть свою жизнь, хотя онъ положительно знаетъ, что для него смерть есть свобода, но орудіе смерти все-таки дрожитъ въ его рукахъ, ножъ скользитъ по горлу, пистолеть вмѣсто того, чтобъ бить прямо въ лобъ, бьетъ ниже, уродуетъ. Такъ-то и тутъ, но еще труднѣе. И тутъ предстоитъ убить свою прежнюю жизнь, но, убивъ ее, самому остаться живымъ. То «ничто», которое въ заправскомъ самоубійствѣ достигается мгновеннымъ спускомъ курка— тутъ, въ этомъ особомъ самоубійствѣ, которое называется «обновленіемъ», достигается цѣлымъ рядомъ суровыхъ, почти аскетическихъ усилій. И достигается все-таки «ничто», потому что нельзя же назвать нормальнымъ существованіе, содержаніе котораго состоитъ изъ однихъ усилій надъ собой, изъ лишеній и воздержаній. У кого воля избѣжена, кто уже подточенъ привычкою легкаго существованія— у того голова закружится отъ одной перспективы подобнаго «обновленія». И инстинктивно, отворачивая голову и зажмуривая глаза, стыдясь и обвиняя себя въ малодушіи, онъ все-таки опять пойдетъ по утоптанной дорогѣ.

Ахъ! великая вещь—жизнь труда! Но съ нею сживаются только сильные люди, да тѣ, которыхъ осудилъ на нее какой-то проклятый прирожденный грѣхъ. Только такихъ онъ не пугаетъ. Первыхъ—потому, что, сознавая смелость и ресурсы труда, они умѣютъ отыскивать въ немъ наслажденіе; вторыхъ—потому, что для нихъ трудъ есть прежде всего прирожденное обязательство, а потомъ и привычка.

Анииньякъ даже на мысль не приходило основаться въ Погорѣлькѣ или въ Головлевѣ, и въ этомъ отношеніи ей большую помощь оказала та дѣловая почва, на которую ее поставили обстоятельства и которой она инстинктивно не покидала. Ей былъ данъ отпускъ, и она ужъ заранѣе распредѣлила все время его и назначила день отъѣзда изъ Головлева. Для людей слабохарактерныхъ тѣ вѣншія грани, которыя обставляютъ жизнь, значительно облегчаютъ бремя ея. Въ затруднительныхъ случаяхъ слабые люди инстинктивно жмутся къ этимъ гранямъ и находятъ въ нихъ для себя оправданіе. Такъ именно и поступила Анииньяка: она рѣшилась какъ можно скорѣе уѣхать изъ Головлева, и ежели дядя будетъ приставать, то оградить себя отъ этихъ приставаній необходимостью явиться въ назначенный срокъ.

Проснувшись на другой день, утромъ, она прошла по всѣмъ комнатамъ громаднаго головаевского дома. Вездѣ было пустынно, непріятно, пахло отчужденіемъ, вымороч-

ностью. Мысль поселиться въ этомъ домѣ безъ срока окончательно испугала ее. «Ни за что! — твердила она въ какомъ-то безотчетномъ волнении: — ни за что!».

Порфирій Владимыръ и на другой день встрѣтить ее съ обычной благосклонностью, въ которой никакъ нельзя было различить—хочетъ ли онъ приласкать человѣка или намбрентъ высосать изъ него кровь.

— Ну, что, торопыга, выспалась? Куда-то теперь торопиться будешь?—пошутилъ онъ.

— И то, дядя, тороплюсь; вѣдь я въ отпуску; надобно на срокъ посидѣвать.

— Это—опять скоморошничать? Не пуцуй!

— Пускайте или не пускайте—сама уѣду!

Гудушка грустно покачала головой.

— А бабушка-покойница что скажетъ? — спросилъ онъ тономъ ласковаго упрека.

— Бабушка и при жизни знала. Да что это, дядя, за выраженіе у васъ? Вчера съ гитарой меня по ярмаркамъ посылали, сегодня о скоморошничествѣ разговоръ завели? Слышите: я не хочу, чтобъ вы такъ говорили!

— Эге! видно, правда-то кусается! А вотъ я такъ люблю правду! По мнѣ, ежели правду...

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу я, не хочу! Ни правды, ни неправды мнѣ важней не надо! Слышите! не хочу я, чтобъ вы такъ выражались!

— Ну-ну! раскнѣчилась! Пойдемъ-ка, стрекоза, за добра-ума, чай пить! Самоваръ-то ужъ, чай, давно хр-хр... да зз-зз... на столѣ дѣлается.

Порфирій Владимыръ иуточкой да смѣлкомъ хотѣлъ изгладить впечатлѣніе, произведенное словомъ: «скоморошничать», и въ знакъ примиренія даже потянулся къ племянницѣ, чтобъ обнять ее за талію; но Аннинкѣ все это показалось до того глупымъ, почти гнуснымъ, что она брезгливо уклонилась отъ ожидавшей ее ласки.

— Я вамъ серьезно повторю, дядя, что мнѣ надо торопиться!—сказала она.

— А вотъ пойдемъ, сначала чайку попьемъ, а потомъ и поговоримъ!

— Да почему же непременно послѣ чаю? Почему нельзя до чаю поговорить?

— А потому что—потому. Потому, что все чередомъ дѣлать надо. Сперва одно, потомъ другое; сперва чайку по-

пьемъ да поболтаемъ, а потомъ и о дѣлѣ переговоримъ. Все успѣемъ.

Передъ такимъ непреоборимымъ пустословіемъ оставалось только покориться. Стали пить чай, при чемъ Гудушка самымъ злостнымъ образомъ дила время, помаленьку прихлебывая изъ стакана, крестясь, похлопывая себя по ляжкѣ, калякая о покойницѣ-маменькѣ и проч.

— Ну, вотъ, теперь и поговоримъ,—сказала онъ, наконецъ:—ты долго ли намъ рена у меня погостить?

— Да больше недѣли мнѣ нельзя. Въ Москвѣ еще побывать надо.

— Недѣля, мой другъ,—большое дѣло; и много дѣла можно въ недѣлю сдѣлать, и мало дѣла—какъ взяться.

— Мы, дядя, лучше больше сдѣлаемъ.

— О томъ-то я и говорю. И много можно сдѣлать, и мало. Иногда много хочешь сдѣлать, а выходитъ мало; а иногда будто и мало дѣлается, ажь, смотришь, съ Божьею помощью, всё дѣла незамѣтно прикончили. Говь ты сѣвшишь, въ Москвѣ тебѣ побывать, вишь, надо; а замѣнь, коли тебя спроситъ—ты и сама путемъ не сумѣешь отвѣтить. А по-моему, вмѣсто Москвы-то лучше бы это время на дѣло употребить.

— Въ Москву мнѣ необходимо, потому что я хочу попытать, нельзя ли намъ на тамошнюю сцену поступить. А что касается до дѣла, такъ вѣдь вы сами же говорите, что въ недѣлю можно много дѣла надѣлать.

— Смотри по тому, какъ возьмешься, мой другъ. Если возьмешься какъ слѣдуетъ—все у тебя пойдетъ и ладно, и правно; а возьмешься не такъ, какъ слѣдуетъ—ну, и застрянетъ дѣло, въ долгій ящикъ оттянется.

— Такъ вы меня поруководите, дядя!

— То-то вотъ и есть. Какъ нужно, такъ «вы меня поруководите, дядя», а ненужно—такъ и скучно у дяди, и поскорѣ бы отъ него уѣхать! Что, небось, неправда?

— Да вы только скажите, что мнѣ дѣлать нужно?

— Стой, погоди! Такъ вотъ я и говорю: какъ нужно дядя—онъ и голубчикъ, и мясенькій, и душенька; а ненужно—сейчасъ ему хвостъ покажутъ! А нѣтъ того, чтобъ спросить у дяди: какъ, молъ, вы, дяденька-голубчикъ, полагаете—можно мнѣ въ Москву съѣздить?

— Какой вы, дядя, странный! Вѣдь мнѣ въ Москвѣ необходимо быть, а вы вдругъ скажете, что нельзя?

— А скажу: нельзя—и посиди! Не посторонній сказала,

дядя сказать—можно и послушаться дядю. Ахъ, мой другъ, могъ другъ! Еще хорошо, что у васъ дядя есть—все же и пожалѣть о васъ, и остановить васъ—есть кому! А вотъ какъ у другихъ—нѣтъ никого! Ни ихъ пожалѣть, ни остановить—однѣ растутъ! Ну, и бываетъ съ ними... всякія случайности въ жизни бывають, мой другъ!

Аннинька хотѣла-было возразить, однако поняла, что это значило бы только подливать масла въ огонь, и смолчала. Она сидѣла и безнадежно смотрѣла на расходившагося Порфирія Владимірыча.

— Вотъ, я давно хотѣлъ тебѣ сказать, — продолжалъ между тѣмъ Иудушка: — не нравится мнѣ, куда какъ не нравится, что вы по этимъ... по ярмаркамъ ѣздите! Хотъ тебѣ и нелюбо, что я объ гитарахъ говорилъ, а все-таки...

— Да вѣдь мало сказать: не нравится! Надобно на какой-нибудь выходы указатъ!

— Живи у меня—вотъ тебѣ и выходы!

— Ну, нѣтъ... это... ви за что!

— Чтѣ такъ?

— А то, что нечего мнѣ здѣсь дѣлать. Чтѣ у васъ дѣлать? Утромъ встать—чай пить идти; за чаемъ думать: вотъ завтракать подадутъ; за завтракомъ—вотъ обѣдать накрывать будутъ; за обѣдомъ—скоро ли опять чай? А потомъ—ужинать и спать... Умрешь у васъ!

— И все, мой другъ, такъ дѣлають. Сперва чай пьютъ, потомъ—кто привыкъ завтракать—завтракають, а я вотъ не привыкъ завтракать—и не завтракаю; потомъ обѣдають, потомъ вечерній чай пьютъ, а наконецъ и спать ложатся. Что же! кажется; въ этомъ ни смѣшного, ни предосудительнаго нѣтъ! Вотъ, если-бъ я...

— Ничего предосудительнаго, только не по мнѣ.

— Вотъ, если-бъ я кого-нибудь обидѣлъ, или осудилъ, или дурно о комъ-нибудь высказался—ну, тогда точно, можно бы и самого себя за это осудить! А то чай пить, завтракать, обѣдать... Христось съ тобой! Да и ты, какъ ни прятка, а безъ пищи не проживешь!

— Ну, да, все это хорошо, да только не по мнѣ!

— А ты не все на своей аршинѣ мѣрай—и о старшихъ подумай! «По мнѣ» да «не по мнѣ» — развѣ можно такъ говорить! А ты говори: «по-божьему» или «не по-божьему» — вотъ это будетъ дѣльно, вотъ это будетъ такъ! Коли ежели у насъ въ Головлѣ не по-божьему, ежели мы протези Бога поступаемъ, грѣшимъ или роищемъ, или завидуемъ,

или другія дурныя дѣла дѣлаемъ — ну, тогда мы дѣйстви-
тельно виноваты и заслуживаемъ, чтобъ насъ осуждали.
Только и тутъ еще надобно доказать, что мы точно не по-
божьему поступаемъ. А то патко! «не по мнѣ!» Да скажу
теперича хоть про себя — мало ли чтѣ не по мнѣ. Не по
мнѣ вотъ, что ты такъ со мной разговариваешь да род-
ственную мою хлѣбъ-соль хлѣшь — однако, я сижу, молчу!
Дай, думаю, я ей тихимъ манеромъ почувствовать дамъ —
можетъ-быть, она и сама собой образумится! Можетъ-быть,
покуда я шуточкой да усмѣлочкой на твои выходки отвѣ-
чаю, анъ ангель-то твой хранитель и наставитъ тебя на
путь истинный! Вѣдь мнѣ не за себя, а за тебя обидно!
А-а-ахъ, мой другъ, какъ это пехоронно! И хоть бы я что-
нибудь тебѣ дурное сказалъ, или дурно противъ тебя по-
слушалъ, или обиду бы какую-нибудь ты отъ меня видѣла-
ну, тогда Богъ бы съ тобой! Хоть и велитъ Богъ отъ стар-
шого даже поученіе принять, ну, да ужъ если я тебя оби-
дѣлъ — Богъ съ тобой! Сердись на меня! А то сижу я сми-
рнѣхонько да тихохонько, сижу, ничего не говорю, только
думаю, какъ бы получше да поудобше, чтобы всекъ на
радость да на утѣшеніе — а ты: фу-ты, ну-ты! — вотъ ты на
мои ласки какой отвѣтъ даешь! А ты не сразу все выго-
варивай, другъ мой, а сначала подумай, да Богу помолись,
да попроси его вразумить себя! И вотъ, коли ежели...

Порфирій Владиміръчъ разглагольствовалъ долго, не пе-
реставая. Слова безконечно тянулись одно за другимъ, какъ
густая слона. Аннинька съ безотчетнымъ страхомъ глядѣла
на него и думала: «Какъ это онъ не захлебнется?» Однако,
такъ-таки и не сказалъ дяденька, чтѣ ей предстоитъ дѣ-
лать по случаю смерти Арины Петровны. И за обѣдомъ
пробовала она ставить этотъ вопросъ, и за вечернимъ чаемъ;
по всякій разъ Лудушка начиналъ тянуть какую-то посто-
роннюю канитель, такъ что Аннинька не рада была, что
и возбудила разговоръ, и объ одномъ только думала: «Когда
же все это кончится?»

Послѣ обѣда, когда Порфирій Владиміръчъ отправился
свать, Аннинька осталась одинъ на одинъ съ Еввираксеюн-
кой, и ей вдругъ пришла охота вступить въ разговоръ
съ дяденькиной экономкой. Ей захотѣлось узнать, почему
Еввираксеюнскіе не страшно въ Головаевѣ и чтѣ даетъ ей
силу выдерживать потоки пустошорожныхъ словъ, которые
съ утра до вечера извергали дяденькины уста.

— Случно вамъ. Еввираксеюшка, въ Головаевѣ?

— Чего намъ скучать? Мы—не господа!
— Все же... всегда вы одинъ... ни развлеченій, ни удовольствій у васъ—ничего!

— Какихъ намъ удовольствій надо! Скучно — такъ въ окошко погляжу. Я и у папеньки, у Николю-въ-Канелькахъ, жила—немного веселости-то видѣла!

— Все-таки, дома, я полагаю, вамъ было лучше. Товарики были, другъ къ другу въ гости ходили, играли...

— Что ужъ!

— А съ дядей... Говорить онъ все что-то скучное и долго какъ-то. Всегда онъ такъ?

— Всегда, цѣльный день такъ говорятъ.

— И вамъ не скучно?

— Мнѣ что! Я вѣдь не слушаю!

— Нельзя же совѣтъ не слушать. Онъ можетъ замѣтить это, обидѣться!

— А почему онъ знаетъ? Я вѣдь смотрю на него. Онъ говоритъ, а я смотрю да этимъ временемъ про свое думаю.

— О чемъ же вы думаете?

— Обо всемъ думаю. Огурцы солить надо—объ огурцахъ думаю; въ городъ на чѣхъ посылать надо—объ этомъ думаю. Что по домашности требуется—обо всемъ думаю.

— Стало-быть, вы хоть и вмѣстѣ живете, а на самомъ-то дѣлѣ, все-таки, одинъ?

— Да почтѣть что одна. Иногда развѣ вечеромъ вду-мають въ дураки играть — ну, играемъ. Да и тутъ: середь самой игры остаются, сложать карты и начнутъ говорить. А я смотрю. При покойницѣ Ариинѣ Петровнѣ веселѣе было. При ней онъ лишнее-то говорить небаивался: нѣтъ-нѣтъ да и остановитъ старуха. А вынче ни на что не похоже, какую поля надъ собою брать!

— Вотъ, видите ли, вѣдь это, Евпраксеюшка, страшно! Страшно, когда человѣкъ говоритъ и не знаетъ, зачѣмъ онъ говорить, что говорить и кончить ли когда-нибудь. Вѣдь страшно? неловко вѣдь?

Евпраксеюшка взглянула на нее, словно ее впервые озарила какой-то удивительная мысль.

— Не вы одинъ, — сказала она: — многие у насъ ихъ за это не любятъ.

— Вотъ какъ!

— Да. Хотъ бы лакей—ни одинъ долго ужиться у насъ не можетъ; почтѣсть каждый мѣсяць мѣняемъ. Приказчики—тоже. И все изъ-за этого.

— Надоѣдаетъ?

— Тиранитъ! Пьяницы—тѣ живутъ, потому что пьяница не слышитъ. Ему хоть въ трубу труби—у него все равно голова какъ горникомъ прикрыта. Такъ опять бѣда: они пьяницы не любятъ.

— Ахъ, Евпраксеюшка, Евпраксеюшка; а онъ еще меня въ Головлевъ жить уговариваетъ!

— А что-жь, барышня, вы бы и заправду съ ними по-жили! Можетъ-быть, они бы и посовѣтились при васъ!

— Ну, нѣтъ! слуга покорная! Вѣдь у меня терпѣнья недостатку въ глаза ему смотрѣть!

— Чтѣ и говоритъ вы -- господа! у васъ своя воля! Однако, чай, воли-воля, а тоже и по чужой дудочкѣ под-плясывать приходится!

— Еще какъ часто-то!

— То-то и я думала. А я вотъ еще что хотѣла васъ спросить: хорошо въ актрисахъ служить?

— Свой хлѣбъ--и то хорошо.

— А правда ли, Порфирій Владимірычъ мнѣ сказывали: будто бы актрисѣ чужіе мужчины завсе за талію держатъ?

Аннина на минуту всхлинула.

— Порфирій Владимірычъ не понимаетъ,--отвѣтила она раздражительно:--оттого и несетъ чепуху. Онъ даже того различить не можетъ, что на сценѣ происходитъ игра, а не дѣйствительность.

— Ну, однако! То-то и онъ, Порфирій-то Владимірычъ... Какъ увидѣть васъ, даже губы распустилъ! «Племяннушка» да «племяннушка!»--какъ и путный! А у самого безстыжіе глаза такъ и бѣгаютъ!

— Евпраксеюшка! зачѣмъ вы глухими говорите!

— Я-то? мнѣ--чтѣ! Поживете--сами увидите! А мнѣ--чтѣ! Откажутъ отъ мѣста--я опять къ батюшкѣ уйду. И то вѣдь скучно здѣсь; вправду вы это сказали.

— Чтѣбъ я могла здѣсь остаться, это вы напрасно даже предполагаете. А вотъ что скучно въ Головлевъ--это такъ. И чѣмъ дольше вы будете здѣсь жить, тѣмъ будетъ скучнѣе.

Евпраксеюшка слегка задумалась, потомъ звѣнула и сказала:

— Я когда у батюшки жила--тощая-претощая была. А теперь--инъ кака! нечь-нечью едѣлась! Скуча-то, стало-быть, въ прокъ идетъ!

— Все равно долго не выдержите. Вотъ помните мое слово, не выдержите.

На этомъ разговоръ кончился. Къ счастью, Порфирій Владимірычъ не слышалъ его—иначе онъ получилъ бы новую и благодарную тему, которая несомнѣнно оживила бы безконечную канитель его правоучительныхъ разговоровъ.

Цѣлыхъ два дня еще мучилъ Порфирій Владимірычъ Анниньку. Все говорили: вотъ потерпи да погоди! потихоньку да полегоныку! благословясь да Богу помолясь! и проч. Совсѣмъ ее истомилъ. Наконецъ, на пятый день собрался—таки въ городъ, хотя и тутъ нашелъ средство истерзать племянницу. Она ужъ стояла въ передней въ шубѣ, а онъ, словно на зло, цѣлый часъ проклажался. Одышался, умывался, хлопалъ себя по ляжкамъ, крестился, ходилъ, сидѣлъ, отдавалъ приказанія въ родѣ: «такъ такъ-то, братъ!» или: «такъ ты ужъ тово... смотри, братъ, какъ бы чего не было!» Вообще, поступалъ такъ, какъ бы оставлялъ Головлево не на нѣсколько часовъ, а навсегда. Замалывшъ всѣхъ—и людей, и лошадей, полтора часа стоявшихъ у подъезда, онъ, наконецъ, убѣдился, что у него самого пересохло въ горлѣ отъ пустяковъ, и рѣшился ѣхать.

Въ городѣ все дѣло покончилось, покуда лошади ѣли овесъ на постояломъ дворѣ. Порфирій Владимірычъ представилъ отчетъ, по которому оказалось, что сиротскаго капитала по день смерти Арины Петровны состояло безъ малаго двадцать тысячъ рублей въ пяти-процентныхъ бумагахъ. Загнѣмъ просьба о снятіи опеки, вмѣстѣ съ бумагами, свидѣтельствовавшими о совершеннѣйшій сиротъ, была принята, и тутъ же послѣдовало распоряженіе объ упраздненіи опекунскаго управленія и о сдачѣ имѣнія и капитала въ владѣнцамъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, Аннинька подписала всѣ бумаги и оплеки, изготовленные Порфиріемъ Владимірычемъ, и наконецъ свободно вздохнула.

Остальные дни Аннинька провела въ величайшей ажитации. Ей хотѣлось уѣхать изъ Головлева немедленно, сейчасъ же, но дядя на всѣ ея порыванія отвѣчалъ путочками, которыя, несмотря на добродушный тонъ, скрывали за собой такое дурацкое упорство, какого никакая человѣческая сила сломить не въ состояніи.

— Сама сказала, что недѣлю поживешь—пу, и поживи! — говорилъ онъ.—Что тебѣ! Не за квартиру платить—и безъ платы милости просимъ! И чайку понини, и покушать—все, чего тебѣ вздумается, все будетъ!

— Да вѣдь мнѣ, дядя, необходимо! — отирашивалась Аннинька.

— Тебѣ не сидится, а я лошадокъ не дамъ! — шутила Лудушка: — не дамъ лошадокъ, и сиди у меня въ шльну! Вотъ недѣля пройдетъ—ни слова не скажу! Отетонимъ обѣденку, поѣдимъ на дорожку, чайку попьемъ, побесѣдуемъ... наглядимся другъ на друга — и съ Богомъ! Да вотъ что! Не съѣздить ли тебѣ опять на могилку въ Волаино! Все бы съ бабушкой простилась—можетъ, покойница и благой бы совѣтъ тебѣ подала!

— Пожалуй,—согласилась Аннинька.

— Такъ мы вотъ какъ едѣлаемъ: въ среду раненько здѣсь обѣденку отелушасемъ, да на дорожку пообѣдаемъ, а потомъ мои лошадки доведутъ тебя до Погорѣлки, а оттуда до Двориковъ ужъ на своихъ, на погорѣлковскихъ лошадакъ поѣдешь. Сама помѣница! Свои лошадки есть!

Приходилось смириться. Пошласть имѣеть громадную силу; она всегда застаеть свѣжаго человѣка врасплохъ, и въ то время, какъ онъ удивляется и осматривается, она быстро онутываеть его и забираеть въ свои тиски. Велькому, вѣроятно, случалось, проходя мимо клоаки, не только зажимать носъ, но и стараться не дышать; точно такое же насиліе долженъ дѣлать надъ собой человѣкъ, когда вступаетъ въ область, насыщенную празднословіемъ и пошластью. Онъ долженъ притупить въ себѣ зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ; долженъ побѣдить всякую воспримчивость, одереветнѣть. Только тогда мязмы пошлости не задумаютъ его. Аннинька поняла это, хотя и поздно; во велькомъ случаѣ она рѣшилась предоставить дѣло своего освобожденія изъ Головлева естественному ходу вещей. Лудушка до того побѣдила ее непресоборимостью своего празднословія, что она не смѣла даже уклониться, когда онъ обнималъ ее и породетвенному гладилъ по спинѣ, приговаривая: «Вотъ теперь ты — иннинька!» Она невольно каждый разъ вздрагивала, когда чувствовала, что косящая и слегка трепещущая рука его ползеть по ея спинѣ, но отъ дальнѣйшихъ выраженій гадливости ее удерживала мысль: «Господи! хоть бы черезъ недѣлю-то отпустилъ!» Къ счастью для нея, Лудушка былъ малый небрезгливый, и хотя, быть-можетъ, замѣчалъ ея нетерпѣливыя движенія, но помалчивалъ. Очевидно, онъ придерживался той теоріи взаимныхъ отношений половъ, которая выражается пословицей: люби не люби, да почаще взглядывай!

Наконецъ, наступилъ нетерпѣливо-ожиданный день отъѣзда. Аннинька поднялась чуть не въ шесть часовъ утра,

но Тудушка все-таки упрямил ее. Онъ уже совершилъ обычное молитвенное стояніе и въ ожиданіи перваго удара церковнаго колокола, въ туфляхъ и халатномъ сюртукѣ, слонялся по комнатамъ, заглядывалъ, подслушивалъ и проч. Очевидно, онъ былъ азитированъ и при встрѣчѣ съ Аннинькой какъ-то нехотѣя взглянулъ на нее. На дворѣ уже было совсѣмъ свѣтло, но время стояло скверное. Все небо было покрыто сплошными темными облаками, изъ которыхъ слышалась весенняя изморозь — не то дождь, не то снѣгъ; на почерпнувшей дорогѣ поселка виднѣлись лужи, предвѣщавшія зазоры въ полѣ; сильный вѣтеръ дулъ съ юга, обѣщая гнилую оттепель; деревья обнажились отъ снѣга и безпорядочно покачивали изъ стороны въ сторону своими намокшими голыми верхушками; господскія саужбы почернѣли и словно ослзли. Порфирій Владиміръчъ подвѣлъ Анниньку къ окну и указалъ рукой на картину весенняго возрожденія.

— Ужъ ѣхать ли, подлю?—спросилъ онъ:—не останется ли?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—испуганно вскрикнула она:—это... это... пройдетъ!

— Врядъ ли. Если ты въ часъ выѣдешь, то врядъ ли раньше семи до Погорѣлки доѣдешь. А ночью развѣ можно въ теперешнюю ростелевъ ѣхать—все равно, придется въ Погорѣлкѣ почевать.

— Ахъ, нѣтъ, я и ночью, я сейчасъ же поѣду... я вѣдь, дядя, храбрая! Да и зачѣмъ же дожидаться до часу? Дядя голубчикъ! позвольте мнѣ теперь уѣхать!

— А бабенька что скажетъ? Скажетъ: вотъ такъ внучка! прѣехала, попрыгала и даже благословиться у меня не захотѣла!

Порфирій Владиміръчъ остановился и замолчалъ. Нѣкоторое время онъ сѣменилъ ногами на одномъ мѣстѣ и то заглядывалъ на Анниньку, то опускалъ глаза. Очевидно, онъ рѣшался и не рѣшался что-то высказать.

— Постой-ка, я тебѣ что-то покажу!—наконецъ, рѣшился онъ и, вынувъ изъ кармана свернутый листокъ почтовой бумаги, подалъ его, Аннинькѣ:—натко, прочти!

Аннинька прочла:

«Сегодня я молился и просилъ Боженку, чтобъ онъ оставилъ мнѣ мою Анниньку. И Боженка мнѣ сказалъ: возьми Анниньку за поленьскую талицу и прижми ее къ своему сердцу».

— Такъ, что ли?—спросилъ онъ, слегка поблѣднѣвъ.

— Фу, дядя, какія гадости!—отвѣтила она, растерянно смотря на него.

Порфирій Владимірычъ поблѣднѣлъ еще больше и, пропизнеся съвозъ зубовъ: «видно, намъ гусаровъ нужно!»—перекрестился и, шаркая туфлями, вышелъ изъ комнаты.

Черезъ четверть часа онъ, однакожь, возвратился какъ ни въ чемъ не бывало и ужъ шутилъ съ Аннинькой.

— Такъ какъ же?—говорилъ онъ:—въ Воинно отсюда збѣдешь? Съ старушкой-бабенькой проститься хочешь? Простись, простись, мой другъ! Это ты хорошее дѣло затѣяла, что про бабенку вспомянула! Никогда не нужно родныхъ забывать, а особливо такихъ родныхъ, которые, можно сказать, душу за насъ полагаютъ!

Отсадушали обѣдню съ панихидой, поѣли въ церкви кутьи, потомъ домой прѣехали, опять кутьи поѣли и сѣли за чай. Порфирій Владимірычъ, словно на зло, медленнѣе обыкновеннаго прихлебывалъ чай изъ стакана и мучительно растягивалъ слова, разглагольствуя въ промежуткѣ двухъ глотковъ. Къ десяти часамъ, однакожь, чай кончился, и Аннинька взмолилась:

— Дядя, теперь мнѣ можно ѣхать?

— А покушать? Отобѣдать-то на дорожку? Неуако-жь ты думала, что дядя такъ тебя и отпуститъ! И ни-ни! И не думай! Этого и въ заводѣ въ Головлевъ не бывало! Да маменька-покойница на глаза бы меня къ себѣ не пустила, если-бъ знала, что я родную племянницу безъ хлѣба-соли въ дорогу отпустить! И не думай этого, и не воображай!

Опять пришлось смириться. Прошло, однакожь, полтора часа, а на столъ и не думали накрывать. Все разбрелось; Евпраксеюшка, гремя ключами, мелькала на дворъ, между кладовой и погребомъ; Порфирій Владимірычъ толковалъ съ приказникомъ, изнуряя его безпутными приказаніями, хаюая себя по ляжкамъ и вообще ухищряясь какъ-нибудь затянуть время. Аннинька ходила одна взадъ и впередъ по столовой, поглядывая на часы, считая свои шаги, а потомъ секунды: разъ, два, три... По временамъ она смотрѣла на улицу и убѣдилась, что звуки дѣлаются все больше и больше.

Наконецъ, застучали ложки, ножи, тарелки; лакей Степанъ пришелъ въ столовую и кинулъ скатерть на столъ. Но, казалось, частица праха, наполнявшая Гудушку, перенесла и въ него. Еле-еле онъ передвигалъ тарелками, дулъ

въ стаканы, смотрѣлъ черезъ нихъ на свѣтъ. Ровно въ часъ сѣли за столъ.

— Вотъ ты и ѣдешь! — началъ Порфирій Владимірычъ разговоръ, приличествующій проводамъ.

Передъ нимъ стояла тарелка съ супомъ, но онъ не прикасался къ ней и до того умилно смотрѣлъ на Аннишку, что даже кончикъ носа у него покраснѣлъ. Аннишка торопливо глотала ложку за ложкой. Онъ тоже взялся за ложку и ужъ совсѣмъ-было погрузилъ ее въ супъ, но сей-часъ же опять положилъ на столъ.

— Ужъ ты меня, старика, прости! — зудилъ онъ: — ты вотъ на почтовыхъ супъ ела, а я — на долгихъ ѣмъ. Не люблю я съ божьимъ даромъ небрежно обращаться. Намъ хлѣбъ для поддержанія нашего данъ, а мы его зря разбрасываемъ — видишь, ты сколько накрошила! Да и вообще я все люблю основательно да осмотрѣвшись дѣлать — кричице выходить. Можетъ-быть, тебя это сердитъ, что я за столомъ черезъ обручъ, — или какъ это тамъ у васъ называется, — не прыгаю; ну, да что-жъ дѣлать! И посердишься, ежели тебѣ такъ хочется! Посердишься, посердишься, да и простишь! И ты не все молода будешь, не все черезъ обручи будешь скакать, и въ тебѣ когда-нибудь опытку прибавится — вотъ тогда ты и скажешь: а дядя-то, пожалуй, правъ былъ! Такъ-то, мой другъ. Теперь, можетъ-быть, ты слушаешь меня да думаешь: фяка—дядя! старый ворчунъ—дядя! А какъ поживешь съ мос—другое запоешь, скажешь: паи дядя! добру меня училъ!

Порфирій Владимірычъ перекрестился и проглотилъ двѣ ложки супу. Сдѣлавши это, онъ опять положилъ ложку въ тарелку и опрокинулся на спинку стула въ знакъ предстоящаго разговора.

«Кривошипца!» — такъ и вертѣлось на языкѣ у Аннишки. Но она сдержалась, быстро налила себѣ стаканъ воды и залпомъ его выпила. Гудушка словно нюхомъ отгадывала, что въ ней происходитъ.

— Что? не правится! Что-жъ, хоть и не правится, а ты, все-таки, дядю послушай! Вотъ я ужъ давно съ тобой насчетъ этой твоей поспѣшности поговорить хотѣлъ, да все недосужно было. Не люблю я въ тебѣ эту поспѣшность: легкомысліе въ ней видно, неразумительность. Вотъ и въ ту пору вы зря отъ бабушки уѣхали — и огорчить старушку не посоветились! — а зачѣмъ?

— Ахъ, дядя, замѣть вы объ этомъ вспоминаете! вѣдь это ужъ сдѣлано! Съ вашей стороны это даже нехорошо!

— Постой! Я не о томъ, хорошо или нехорошо, а о томъ, что хотя дѣло и сдѣлано, но вѣдь его я передѣлать можно. Не только мы, грѣшныя, а и Богъ свои дѣйствія перемѣняетъ: сегодня пошлетъ дождичка, а завтра — вѣтряшка дастъ! А путко! вѣдь не Богъ же знаетъ какое сопровище — театри! Нутко! рѣшишь-ка!

— Нѣтъ, дядя, оставьте это! прошу васъ!

— А еще тебѣ вотъ чтѣ скажу: нехорошо въ тебѣ твое легкомысліе; но еще больше миѣ не нравится то, что ты такъ легко въ замѣчанія старшихъ относился. Дядя добра тебѣ желаетъ, а ты говоришь: оставьте! Дядя къ тебѣ съ лаской да съ привѣтомъ, а ты на него фыркаешь! А между тѣмъ, знаешь ли ты, кто тебѣ дядю далъ? Ну-ко, скажи, кто тебѣ дядю далъ?

Аннинька взглянула на него съ недоумѣніемъ.

— Богъ тебѣ дядю далъ — вотъ кто! Богъ! Кабы не Богъ, была бы ты теперь одна, не знала бы, какъ съ собою поступить и какую просьбу подать, и куда подать, и чего на эту просьбу ожидать. Была бы ты словно въ зѣсу; одинъ бы тебя обидѣлъ, другой бы обманулъ, а третій и просто-на-просто посмѣялся бы надъ тобой! А какъ дядя-то у тебя есть, такъ мы, съ Божьей помощью, въ одинъ день все твое дѣло вокругъ пальца повернули. И въ городъ съѣздили, и въ онекъ побывали, и просьбу подали, и резолюцію получили! Такъ вотъ оно, мой другъ, чтѣ дядя-то значитъ!

— Да я благодарна вамъ, дядя!

— А коли благодарна дядѣ, такъ не фыркай на него, а слушайся. Добра тебѣ дядя желаетъ, хоть иногда тебѣ и кажется...

Аннинька едва могла владѣть собой. Оставалось еще одно средство отдѣлаться отъ дядиныхъ поученій: притвориться, что она хоть въ принципѣ принимаетъ его предложеніе остаться въ Головлеѣ.

— Хорошо, дядя, — сказала она: — я подумаю. Я сама понимаю, что жить одной, вдали отъ родныхъ, не совсѣмъ удобно... Но во всякомъ случаѣ теперь я рѣшиться ни на что не могу. Надо подумать.

— Ну, видишь ли, вотъ ты и поняла. Да чего же тутъ думать! Великъ лошадей распрячь, чемоданы твои изъ кибитки вынуть — вотъ и думанье все!

— Нѣтъ, дядя, вы забываете, что у меня есть сестра!

Неизвестно, убѣдилъ ли этотъ аргументъ Порфирія Владимірича, или вся сцена эта была ведена имъ только для прилажку, и онъ самъ хорошенько не зналъ, точно ли ему нужно, чтобъ Аннинька осталась въ Головлевѣ, или совсѣмъ это не нужно, а просто блажь въ голову на минуту забрела. Но всякомъ случаѣ обѣдь послѣ этого пошелъ поживѣе. Аннинька со всѣмъ соглашалась, на все давала такіе отвѣты, которые не допускали никакой придирки для пустословія. Тѣмъ не менѣе, часы показывали ужъ половину третьяго, когда обѣдь кончилась. Аннинька выскочила изъ-за стола, словно все время въ паровой ваннѣ выси- дѣла, и побѣжала къ дядѣ, чтобъ попрощаться съ нимъ.

Черезъ десять минутъ Тудушка, въ шубѣ и въ медвѣжьихъ сапогахъ, провожала ужъ ее на крыльцо и самолично наблюдала, какъ усаживали барышню въ кибитку.

— Съ горы-то полетче — слышишь? Да и въ Сенькинѣ на косогорѣ — смотри, не вывали! — приказывала онъ кучеру.

Наконецъ, Анниньку укутали, усадили и застегнули фартукъ у кибитки.

— А то бы осталась! — еще разъ крикнулъ ей Тудушка, желая, чтобъ и при собравшихся челядинцахъ все обошлось какъ слѣдуетъ, по-родственному. — По крайней мѣрѣ, пріѣдешь, что ли? Говори!

Но Аннинька чувствовала себя уже свободною, и ей вдругъ захотѣлось пошкольничать. Она высунулась изъ кибитки и, отчеканивая каждое слово, отвѣчала:

— Нѣтъ, дядя, не пріѣду! Страшно съ вами!

Тудушка сдѣлать видъ, что не слышитъ, но губы у него поблѣкли.

Освобожденіе изъ головлевскаго плѣна до такой степени обрадовало Анниньку, что она ни разу даже не остановилась на мысли, что позади нея въ беззвучномъ плѣну остается человекъ, для котораго, съ ея отъѣздомъ, порывается всякая связь съ міромъ живыхъ. Она думала только о себѣ: что она вырвалась и что теперь ей хорошо. Вліяніе этого ощущенія свободы было такъ сильно, что когда она вновь посѣтила волынское кладбище, то въ ней уже не замѣчалось и слѣда той нервной чувствительности, которую она обнаружила при первомъ посѣщеніи бабушкиной могилы. Спокойно оглушала она панихиду, безъ слезъ поклонилась могилѣ и довольно охотно приняла предложеніе священника откушать у него въ хатѣ чашку чая.

Обстановка, въ которой жила волынскій батюшка, была очень убогая. Въ единственной чистой комнатѣ дома, которая служила пріемною, царствовала какая-то унылая пагота; но стѣнамъ было разставлено съ дощину краше-ныхъ стульевъ, обитыхъ волосяной матеріей, мѣстами значи-тельно продранной, и стоялъ такой же диванъ съ выпяченной спинкой, словно грудь у генерала до-реформенной школы; въ одномъ изъ простѣнковъ видѣлся простой столъ, по-крытый загаженнѣмъ сукномъ, на которомъ лежали несо-вѣдныя книги прихода, и изъ-за нихъ выглядывала чер-нильница съ вонючимъ въ нее перомъ; въ восточномъ углу висѣлъ котъ съ родительскимъ благословеніемъ и съ зажженной лампадой; подъ нимъ стояли два сундука съ матушкными приданымъ, покрытые сѣрымъ, выцвѣтшимъ сукномъ. Обосевъ на стѣнахъ не было; но серединѣ одной стѣны висѣло нѣсколько полинявшихъ дагерротипныхъ пор-третовъ преосвященныхъ. Въ комнатѣ пахло какъ-то странно: словно она изавна служила кладбищемъ для таракановъ и мухъ. Самъ священникъ, хотя человекъ еще молодой, значительно потускнѣлъ въ этой обстановкѣ. Жидкіе блѣ-ватые волосы повисли на его головѣ прямыми прядями, какъ вѣтви на плакучей ивѣ; глаза, когда-то голубые, смотрѣли убито; голосъ вздрагивалъ, борода обострилась; шаловная ряска худо запахивалась спереди и висѣла, какъ на вѣшалкѣ. Попадья, женщина тоже молодая, отъ ежегодныхъ родовъ казалась еще болѣе изнуренною, не-жели мушь.

Тѣмъ не менѣе Аннишка не могла не замѣтить, что даже эти забытые, изнуренные и бѣдные люди относятся къ ней не такъ, какъ къ настоящей прихожанкѣ, а скорѣе съ сожалѣніемъ, какъ къ заблудшей овцѣ.

— У дяденьки побывали?—началъ батюшка, осторожно принимая чашку чая съ подноса у попадья.

— Да, почти съ недѣлю прожила.

— Теперь Порфирій Владиміричъ главный помѣщикъ по всей нашей округѣ сдѣлался—гѣтъ ихъ сильнѣе. Только удачи имъ въ жизни какъ будто не видится. Сперва одинъ сыночекъ померъ, потомъ и другой, а наконецъ и родитель-ница. Удивительно, какъ это они васъ не упростили въ Головлевъ поселиться.

— Дядя предлагаетъ, да я сама не осталась.

— Что-жь такъ?

— Да лучше, какъ на свободѣ живешь.

— Свобода, сударыня, конечно — дѣло не худое, но и она не безъ опасности бываетъ. А ежели при этомъ имѣть въ предметѣ, что вы Порфирію Владимірычу ближайшей родственницей, а слѣдственно и прямой всѣхъ его явнѣйшій наследницей доводите, то можно бы, мнѣ кажется, насчетъ свободы нѣсколько и поствѣснить себя.

— Нѣтъ, батюшка, свой хлѣбъ лучше. Какъ-то легче живется, какъ чувствуешь, что никому не обязанъ.

Батюшка тускло взглянулъ на нее, какъ будто хотѣлъ спросить: да ты, полно, знаешь ли, что такое «свой хлѣбъ»?—но совѣстился и только робко замахнулъ полн своей ряски.

— А много ли вы жалованья въ актрисахъ-то получаете?— вступила въ разговоръ понады.

Батюшка окончательно оробѣлъ и даже заморгать въ сторону понады. Онъ такъ и ждалъ, что Аннинька обидится. Но Аннинька не обидѣлась и безъ всякой ужимки отвѣтила:

— Теперь я получаю полтора ста рублей въ мѣсяцъ, а сестра—сто. Да бенефисы намъ даютъ. Въ годъ-то тысячь шесть обѣ получимъ.

— Что-жъ такъ сестрицѣ меньше даютъ? Достоинствомъ, что ли, онѣ хуже? — продолжала любознѣтствовать матушка.

— Нѣтъ, а жанръ у сестры другой. У меня голосъ есть, а у нея—это публикѣ больше правится, а у сестры голосъ послабѣе—она въ водевиляхъ играетъ.

— Стало-быть, и тамъ тоже: кто попомъ, кто дьякономъ, а кто и въ дьячкахъ служитъ?

— Впрочемъ, мы поровну дѣлимся; у насъ ужъ сначала такъ было условлено, чтобъ деньги пополамъ дѣлить.

— По-родственному? Чего же лучше, коли по-родственному! А сколько это, помъ, будетъ? Шесть тысячь рублей, ежели на мѣсяцъ раздѣлить, сколько это будетъ?

— По пятисотъ рѣбковыхъ въ мѣсяцъ, а на двухъ раздѣлить—по двѣсти по пятидесяти.

— Вома что деньги-то! Намъ бы и въ годъ не прожить. А что я еще хотѣла васъ спросить: правда ли, что съ актрисами обращаются, словно бы онѣ—не настоящія женщины?

Помъ совсѣмъ-было исполонился и даже полн рясъ распустилъ; но, увидѣвъ, что Аннинька относится къ вопросу довольно равнодушно, подумалъ:

«Эге! да ее, видно, и въ самомъ дѣлѣ не прошибешь!» — и усюкоплся.

— То-есть, какъ-же это: не настоящія женщины?—спросила Аннинька.

— Ну, да вотъ будто цѣлуютъ ихъ, обвиняють, что ли... Даже, будто, когда и не хочется, и тогда онѣ должны...

— Не цѣлуютъ, а дѣлають видъ, что цѣлуютъ. А о томъ, хочется или не хочется—объ этомъ и рѣчи въ этихъ случаяхъ не можетъ быть, потому что все дѣлается по пьесѣ: какъ въ пьесѣ написано, такъ и поступаютъ.

— Хоть и по пьесѣ, а все-таки... Иной съ слюнявымъ рыломъ лѣзетъ, на него и глядѣть-то претитъ, а ты губы ему подставлять должна.

Аннинька певольно заалѣлася; въ воображеніи ея вдругъ промелькнуло слюнявое лицо храбраго ротмистра Пашкова, которое именно «лѣзало», и — увы! — даже не «по пьесѣ» лѣзало.

— Вы совсѣмъ не такъ представляете себѣ, какъ оно на сценѣ происходитъ!—сказала она довольно сухо.

— Конечно, мы въ театрахъ не бывали, а все-таки, чай, со всячикою тамъ бываетъ. Частенько-таки мы съ попомъ о васъ, барышня, разговариваемъ: жалбемъ мы васъ, даже очень жалбемъ!

Аннинька молчала; священникъ сидѣлъ и пощипывалъ бороду, словно рѣшался и самъ сказать свое слово.

— Впрочемъ, сударыня, и во всякомъ званіи и пріятности, и непріятности бываютъ,—наконецъ высказался онъ:— по человѣкъ, по слабости своей, первымъ восхищается, а послѣдній старается позабыть. Для чего позабыть? А именно для того, сударыня, дабы и сего послѣдняго напоминовенія о долгѣ и добродѣтельной жизни по возможности не имѣть передъ глазами.

И потомъ, вздохнувъ, присовокупилъ:

— А главное, сударыня, сокровище свое надлежитъ соблюсти!

Батюшка учительно взглянулъ на Анниньку; матушка уныло покачала головой, какъ бы говоря: гдѣ ужъ!

— И вотъ это-то сокровище, мнитсѣ, въ актерскомъ званіи соблюсти — дѣло довольно сумнительное, — продолжать батюшка.

Аннинька не знала, что сказать на эти слова. Мало-по-малу ей начинало казаться, что разговоръ этихъ простодушныхъ людей о «сокровищѣ» совершенно одинаковаго

достоинства съ разговорами господь офицеровъ «расквартированного въ здѣшнемъ городѣ полка» о «la chose». Вообще же она увѣдилась, что и здѣсь, какъ у дяденьки, видятъ въ ней явленіе совсѣмъ особенное, къ которому хотя и можно отнестись снисходительно, но въ пѣкоторомъ отдаленіи, дабы «не замараться».

— Отчего у васъ, батюшка, церковь такая бѣдная? — спросила она, чтобъ переменить разговоръ.

— Не съ чего ей богатой быть—оттого и бѣдна. Помѣщики всё по службамъ развѣхались, а мужичкамъ подняться не изъ чего. Да ихъ и всёхъ-то съ небольшимъ двѣсти душъ въ приходѣ!

— Вотъ колоколь у насъ черзчуръ ужъ плохъ!—вздыхнула матушка.

— И колоколь, и прочее все. Колоколь-то у насъ, сударыня, всего ятнадцать пудовъ вѣситъ, да и тотъ, на грѣхъ, раскололся. Не звонитъ, а шумитъ какъ-то — даже предосудительно. Покойница Арина Петровна нообѣщались было новый соорудить, и ежели были бы онѣ живы, то и мы, всеконечно, были бы теперь при колоколѣ.

— Вы бы дядѣ сказали, что бабушка обѣщала!

— Говорилъ, сударыня, и онъ, падо правду сказать, довольно-таки благосклонно доuku мою выслушалъ. Только отвѣта удовлетворительнаго не могъ мнѣ дать: не слыхалъ, вишь, отъ маменьки ничего! Никогда, вишь, покойница объ этомъ ему не говаривала! А ежели бы, дескать, слышала, то безпрѣмѣнно бы волю ея исполнила!

— Когда, чай, не слыхать! — молвила понады: — вся округа знаетъ, а онъ не слыхалъ!

— Вотъ мы и живемъ такимъ родомъ. Приске хоть въ надеждѣ были, а нынче и совсѣмъ безъ надежды остаемся. Иногда служить нѣ на чемъ: ни просфоръ, ни краснаго вина. А о себѣ ужъ и не говоримъ.

Аннинька хотѣла встать и проститься, но на столѣ появился новой подносъ, на которомъ стояли двѣ тарелки: одна—съ рыжиками, другая— съ кусочками шквы, и бутылка мадеры.

— Посидите, не обезудьте, откушайте!

Аннинька повиновалась, пѣскоро проглотила два рыжичка, но отказалась отъ мадеры.

— Вотъ объ чемъ я еще хотѣла васъ спросить,—говорила между тѣмъ понады:—въ приходѣ у насъ двѣвушка одна есть, Лмцевскаго двороваго дочка; тащ она въ Петербургѣ

у одной актрисы въ услуженіи была. Хорошо, говорить, въ актрисахъ житье, только билетъ каждый мѣсяцъ выпрашивать надо... правда ли это?

Аннишка смотрѣла во все глаза и не понимала.

— Это для свободности, — пояснилъ батюшка: — а впрочемъ, думается, — что она неправду говоритъ. Напротивъ, и слышать, что многія актрисы даже пеней отъ казны за службу получаютъ.

Аннишка убѣдилась, что тѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и стала окончательно прощаться.

— А мы-было думали, что вы теперь изъ актрисъ-то выйдете? — продолжала приставать попадьа.

— Зачѣмъ же?

— Все-таки. Вы — барышня. Теперь совершенныя лѣта получили, имѣніе свое есть — чего лучше!

— Ну, и послѣ дяденьки вы же — прямая наследница, — присовокупилъ батюшка.

— Итъ, я здѣсь жить не буду.

— А мы-то какъ надѣялись! Все промежду себя говорили: непременно наши барышни въ Погорѣжкѣ жить будутъ! А лѣтомъ у насъ здѣсь даже очень хорошо: въ лѣсъ по грибы ходить можно! — соблазняла матушка.

— У насъ грибовъ и не въ дождливое лѣто — очень довольно, — вторилъ ей батюшка.

Наконецъ Аннишка уѣхала. По прїѣздѣ въ Погорѣжку первымъ ея словомъ было: «Лошадей! Пожалуйста, поскорѣе лошадей!» Но Федульчъ только плечами передернулъ въ отвѣтъ на эту просьбу.

— Чего «лошадей»? Мы еще и не кормили ихъ! — брюзжалъ онъ.

— Да отчего же, наконецъ? Ахъ, Боже мой! Точно все стговорились!

— Стговорились и есть. Какъ не стговориться, коли всякому видимо, что въ рощенель ночью вхать нельзя. Все равно, въ полѣ, въ закорѣ просидите — такъ, по-нашему, лучше уиъ дома!

Бабенькины апартаменты были вытоплены. Въ спальной стояла совсѣмъ приготовленная постель, а на письменномъ столѣ пыхѣлъ самоваръ; Афимьянка оскребла на днѣ старинной бабенькиной шкатулочки остатки чая, сохранившіеся послѣ Арины Петровны. Покуда настанвался чай, Федульчъ, скрестивши руки, лицомъ къ барышнѣ, держался у двери, а по обѣимъ сторонамъ стояли скотница и Мар-

ковна въ такихъ позахъ, какъ-будто сейчасъ, по первому манію руки, готовы были бѣжать, куда глаза глядятъ.

— Чай-то еще бабенкинъ, — первый началъ разговоръ Оедульчъ:—отъ покойницы на доньшкѣ остался. Порфирій Владиміръчъ и шкатулочку собрались-было увезти, да я не согласился. Можетъ-быть, барышни, говорю, придутъ, такъ чайку испить захочется, покуда своимъ разживутся. Ну, ничего, еще пошутить: «Ты, говоритъ, старый плутъ, самъ выпьешь! Смотри, говоритъ, шкатулочку-то послѣ въ Головлево доставь!» Гляди, завтра же за нею прилетятъ!

— Напрасно вы ему тогда не отдали.

— Зачѣмъ отдавать—у него и своего чаю много. А теперь, по крайности, мы послѣ васъ выпьемъ. Да вотъ что, барышня: вы насъ Порфирію Владиміръчу, что ли, препоручите?

— И не думала.

— Такъ-съ. А мы было давеча бунтовать собрались. Коли ежели, думаемъ, насъ къ головлевекому барину подъ начало отдадутъ, такъ все въ отставку проситесь будемъ.

— Что такъ? Неужто дядя такъ страшень?

— Не очень страшень, а тиранить, словъ не жалѣеть. Словами-то онъ сгноить человѣка можетъ.

Аннинька немного улыбнулась. Именно гной какой-то просачивался сквозь разлагольствія Іудушки! Не простое пустословіе это было, а язва смердящая, которая непре- рстанно точила изъ себя гной.

— Ну, а съ собой-то вы какъ же, барышня, рѣшили?— продолжалъ допытываться Оедульчъ.

— То-есть, что же я должна съ собой «рѣшить»?—слегка смѣшалась Аннинька, предчувствуя, что ей и здѣсь придется выдержать разлагольствія о «сокровищѣ».

— Такъ неужто же вы изъ ахтѣрокъ не выйдете?

— Нѣтъ... то-есть, я еще объ этомъ не думала... Но что же дурного въ томъ, что я, какъ могу, свой хлѣбъ достаю?

— Что хорошаго, по ярмаркамъ съ торбаномъ бздить, цыпичъ утѣшать! Чай, вы—барышня!

Аннинька ничего не отвѣтила, только брови насушила. Въ головѣ ея мучительно стучалъ вопросъ: «Господи! да когда же я отсюда уѣду?»

— Разумѣется вамъ лучше знать, какъ надъ собой по- ступить, а только мы было-думали, что вы къ намъ возво- ротитесь. Домъ у насъ теплый, просторный — хоть въ го- рѣлки играй! Очень хорошо покойница-бабенька его устроила

Скучно сдѣлалось—санки запряжемъ, а лѣтомъ—въ лѣсъ по грибы ходить можно.

— У насъ здѣсь всякіе грибы есть: и рыжики, и волнушки, и груздошки, и подосиновички—страсть сколько!—соблазнительно прошептала Афиньюшка.

Афинька облокотилась обѣими руками на столъ и старалась не слушать.

— Сказывала тутъ дѣвка одна, — безчеловѣчно наставляла Федулочку:— въ Петербургѣ она въ услуженья шла, такъ говорили, будто всѣ ахтерки—белогныи. Каждый мѣсяцъ должны въ части белеть представлять!

Афиньку словно обожгло: цѣлый день она все эти слова слышать!

— Федулочка!—съ крикомъ вырвалось у нея:—что я вамъ сдѣлала? Неужели вамъ доставляетъ удовольствіе оскорблять меня?!

Съ нея было довольно. Она чувствовала, что ее душитъ, что еще одно слово—и она не выдержитъ...

V.—Недозволенные семейныя радости.

Однажды, незадолго до катастрофы съ Петенькой, Арина Петровна, гости въ Головлевъ, замѣтила что Евпраксеюшка словно бы попригнула. Воспитанная въ практикѣ крѣпостного права, при которомъ беременность дворовыхъ дѣвокъ служила предметомъ подробныхъ и не лишешныхъ заимательности изслѣдованій и считалось чуть не доходною статью, Арина Петровна имѣла на этотъ счетъ взглядъ острый и безошибочный, такъ что для нея достаточно было остановить глаза на туловищѣ Евпраксеюшки, чтобы послѣдняя, безъ словъ и въ полномъ сознаніи виновности, отвернула отъ нея свое загорѣвшееся полыхомъ лицо.

— Нутка, нутка, сударка, смотри на меня! Тяжела?—допрашивала опытная старушка провинившуюся голубицу: но въ голосѣ ея не слышалось укоризны, а, напротивъ, онъ звучалъ шутливо, почти весело, словно пахнуло на нее старымъ, хорошимъ времечкомъ.

Евпраксеюшка не то стыдливо, не то самодовольно безмолвствовала, и только нуще и нуще алѣли ея щеки подъ пенитующимъ взглядомъ Арины Петровны.

— То-то еще вчера я смотрю—поднимаешься ты! Ходить, хвостомъ вертеть—словно и путѣвая! Да, вѣдь меня, братъ, хвостами-то не обманешь! Я на пять верстѣ впе-

редь ваши дѣвичьи штуки выку! Вѣтромъ, что ли, надуло? Съ которыхъ поръ? Признавайся! Сказывай!

Послѣдовать подробный допросъ и не менѣе подробное объясненіе. Когда замѣчены первые признаки? имѣется ли на примѣтъ бабушка-повитушка? знаетъ ли Порфирій Владимірычъ объ ожидающей его радости? бережетъ ли себя Евпраксеюшка, не поднимаетъ ли чего тяжелаго? и т. д. Оказалось, что Евпраксеюшка беременна ужъ пятый мѣсяць; что бабушки-повитушки на примѣтъ покуда еще нѣтъ; что Порфирію Владимірычу хотя и было докладывано, но онъ ничего не сказалъ, а только сложилъ руки ладонями внутрь, пошепталъ губами и посмотрѣлъ на образъ, въ знакъ того, что все отъ Бога, и онъ, Царь Небесный, Самъ обо всемъ промислитъ; что, наконецъ, Евпраксеюшка однажды не остереглась, подняла самоваръ и въ ту же минуту почувствовала, что внутри у нея что-то словно оборвалось.

— Однако, оглашенные вы, какъ я на васъ посмотрю! — тужила Арина Петровна, выслушивая эти признанія. — Придется, видно, мнѣ самой въ это дѣло взойти! Патко, пятый мѣсяць беременна, а у нихъ даже бабушки-повитушки на примѣтъ нѣтъ! Да ты хоть бы Улиткѣ, глупая, показала!

— И то собралась, да баринъ Улитку-то не очень...

— Вздоръ, сударыня, вздоръ! Тамъ, провинилась ли, нѣтъ ли Улитка передъ баринкомъ—это само собой, а тутъ этакій случай—а онъ пѣ-поди! Что намъ, дѣловаться, что ли, съ ней? Нѣтъ, немилучее дѣло, что мнѣ самой придется въ это дѣло вступиться!

— Арина Петровна хотѣла-было взгрустнуть, пользуясь этимъ случаемъ, что вотъ и до сихъ поръ, даже на старости лѣтъ, ей приходится тяготы носить, но предметъ разговора былъ такъ привлекателенъ, что она только губами тмокнула и продолжала:

— Ну, сударя, теперь только распосясывайся! Любо было кататься—попробуй-ка саночки повозить! Попробуй, попробуй! И вотъ трехъ сыновъ да дочку вырастила, да пятерыхъ дѣтей маленькими схоронила—я знаю! Вотъ они гдѣ у насъ, мужички-то, сидятъ!—прибавила она, ударяя себя кулакомъ по затылку.

И вдругъ ее словно озарило.

— Ватюшки! да никакъ еще подъ постный день! Постной, погоди, сосчитаю!

Начали по пальцамъ считать; сочли разъ, другой, третій—выходило именно какъ разъ подъ постный день.

— Ну, такъ, такъ! Это святой-то человѣкъ! Уждь, погоди, подразню его! Молитвенникъ-то нашъ, въ какую рюху попалъ! Подразню! Не я буду, если не подразню! — шутила старушка.

Дѣйствительно, въ тотъ же день, за вечернимъ чаемъ, Арина Петровна въ присутствіи Евпраксеюшки подшучивала надъ Иудушкой.

— Смиреникъ-го нашъ, смотри, какую штуку удрасть! Уждь и въправду не вѣтромъ ли крадь-то твоей надуло? Ну, братъ, удивить!

Иудушка сначала брезгливо пожимался при маменькиныхъ шуточкахъ, но, убѣдившись, что Арина Петровна говорить «по-родственному», «всею душой» — и самъ мало-по-малу повеселѣть.

— Проказница вы, маменька, право, проказница! — шутила и она въ свою очередь; но, впрочемъ, по своему обыкновенію, отвесилъ къ предмету семейнаго разговора уклончиво.

— Чего «проказница», серьезно объ этомъ переговорить надо! Вѣдь это — какое дѣло-го! «Тайпа» тутъ — вотъ я тебѣ чтѣ скажу! Хотя и не настоящимъ манеромъ, а все-таки... Цѣтъ, надо очень, да и какъ еще очень объ этомъ дѣлѣ поразмыслить! Ты какъ думаешь: здѣсь, что ли, ей рожать велишь, или въ городъ повезешь?

— Не знаю я, маменька, ничего я, душенька, не знаю! — уклонился Порфирій Владимырьчъ. — Проказница вы, право, проказница!

— Ну, такъ постой же, сударка! Уждь мы съ тобой на прохладѣ объ этомъ дѣлѣ потолкуемъ! И какъ, и чтѣ — все подробно опредѣлимъ! А то вѣдь эти мужички — имъ бы только прихоть свою исполнить, а потомъ отдувайся наша сестра за нихъ, какъ знаетъ!

Сдѣлавши свое открытіе, Арина Петровна почувствовала себя какъ рыба въ водѣ. Цѣлый вечеръ проговорила она съ Евпраксеюшкой и наговорилась не могла. Даже щекн у нея разгорѣлись и глаза какъ-то по-юношески заблестѣли.

— Вѣдь это, сударка, какъ бы ты думаешь? Вѣдь это... божественное! — наставала она. — Потому что хоть и не тѣмъ порядкомъ, а все-таки настоящимъ манеромъ... Только ты у меня смотри! Ежели да подѣ постный день — Боже тебя сохрани: и засмѣю тебя, и со свѣту сгоню!

Призваніи на совѣтъ и Улиткушу. Сначала о настоящемъ дѣлѣ поговорили, чтѣ и какъ, не нужно ли промы-

вафельное поставить, или моренковой мазью животъ потре-
реть, потомъ опять обратились къ излюбленной темѣ и
начали по пальцамъ разсчитывать—и все выходило именно
какъ разъ на постный день. Евыраксеюшка алѣла, какъ
маковъ цвѣтъ, но не отиѣкивалась, а ссылалась на подпе-
вольное свое положеніе.

— Миѣ что-жь,—говорила она:— мое дѣло—какъ «они»
хотятъ! Коли ежели баринъ прикажутъ—можетъ ли наша
сестра противъ ихъ приказанье съидти!

— Ну, ну, тихоня, не лебези хвостомъ!—шутила Арина
Петровна:—сама, чай...

Словомъ сказать, женщины занялись этимъ дѣломъ всасть.
Арина Петровна цѣлый рядъ случаевъ изъ своего про-
шлага воспоминала и, разумеется, не преминула повѣство-
вать о нихъ. Сначала разсказывала про свои личныя бе-
ременности. Какъ она Степкой-балбесомъ мучилась, какъ,
будучи беременной Павломъ Владимычемъ, ѣздила на це-
ркладной въ Москву, чтобъ дубровинскаго аукціона не
упустить, да потомъ изъ-за этого на тотъ свѣтъ чуть-чуть
не отправилась, и т. д., и т. д. Всѣ роды были чѣмъ-ни-
будь замѣчательны; одни только достались легко—это были
роды Гудушки.

— Просто даже вотъ не на столько тягости не чувство-
вала!—говорила она.—Сижку, бывало, и думаю: Господи! да
неужто я тяжела! И какъ настало время, прилегла я этакъ
на минуточку на кровать, и ужъ сама не знаю, какъ—вдругъ
разрѣшилась! Самый это легкій для меня сынъ былъ! Са-
мый, самый легкій!

Потомъ начались разсказы про дворовыхъ дѣвокъ: сколь-
кихъ она сама «заставала», сколькихъ выслѣживала при
помощи довѣренныхъ лицъ, и преимущественно Улигушки.
Старческая память съ изумительною отчетливостью хра-
нила эти воспоминанія. Во всемъ ея прошломъ, сѣромъ,
всегдѣ поглощенномъ мелкимъ и крупнымъ сконидомствомъ,
сосѣдствіе вожделѣющихъ дворовыхъ дѣвокъ было един-
ственнымъ романтическимъ элементомъ, затрогивавшимъ ка-
кую-то живую струну.

Это была своего рода беллетристика въ скучномъ жур-
наль, въ которомъ читатель ожидаетъ встрѣтиться съ изслѣ-
дованіями о сухихъ туманахъ и о мѣстѣ погребенія Ови-
дія—и вдругъ, вмѣсто того, читаетъ: *Вотъ мчитъя тройка
уда-а-а...* Развязки нехитрыхъ романовъ дѣвичьей обыкно-
венно бывали очень строгія и даже безчеловѣчныя (винов-

ную выдавали замужъ въ дальнюю деревню, непременно за мужика-вдовца, съ большимъ семействомъ; виновнаго, разжаловывали въ скотники или отдавали въ солдаты); по воспоминанію объ этихъ развязкахъ какъ-то стерлись (память культурныхъ людей относительно прошедшаго ихъ поведения вообще енисходительна), а самый процессъ сослѣжничанія «амурной штрифти» такъ и мелькалъ до сихъ поръ передъ глазами, словно живой. Да и немудрено! Этотъ процессъ, во времена дны, велся съ такимъ же захватывающимъ интересомъ, съ какимъ нынѣ читается фельетонный романъ, въ которомъ авторъ, вмѣсто того, чтобъ сразу увѣличать взаимное вожделѣніе героевъ, на самомъ патетическомъ мѣстѣ ставитъ точку и пишетъ: *продолженіе впереди.*

— Не мало я-таки съ ними мученьевъ приняла! — повѣствовала Арина Петровна. — Инал до послѣдней минуты перемагаеся, лебезить — все надѣется обмануть! Ну, да меня, голубушка, не перехитришь, я сама на этихъ дѣлахъ зубы съѣла! — прибавляла она почти сурово, словно грозясь кому-то.

Наконецъ, слѣдовали рассказы изъ области беременностей, такъ сказать, политическихъ, относительно которыхъ Арина Петровна являлась уже не карательницей, а укрывательницей и покровительницей.

Такъ, напримеръ, у нашенки Петра Ивановича, дряхлаго семидесятилѣтняго старика, тоже «сударка» была и тоже оказалась вдругъ съ прибылью, и нужно было, по высшимъ соображеніямъ, эту прибыль отъ старика утаить. А она, Арина Петровна, какъ на грѣхъ, была въ ту пору въ ссорѣ съ братцемъ Петромъ Петровичемъ, который, тоже ради какихъ-то политическихъ соображеній, беременность эту сослѣживалъ и хотѣлъ старику глаза насчетъ «сударки» открыть.

— И какъ бы ты думала: почти на глазахъ у нашенки мы всю эту механику выполнили! Спать, голубчикъ, у себя въ спаленкѣ, а мы рядомкомъ орудуемъ! Да шопоткомъ, да на цыпочкахъ! Сама я, собственными руками, и ротъ-то ей зажимала, чтобъ не кричала, и бѣлье-то собственными руками убирала, а сына-то ей — прехорошенькій, здоровенькій такой родился! — и того, съла на извозчика, да въ воспитательный спровадила! Такъ что братецъ, какъ черезъ пеньку узналъ, только ахнулъ: «Ну, сестра!»

Была и еще политическая беременность: съ сестрицей

Варварой Михайловной дѣло случилось. Мужъ у нея въ походъ подь турка уѣхалъ, а она возьми да и не остерегись. Прискакала, какъ угорѣлая, въ Головлево: «Спасай, сестра!»

— Ну, мы хоть въ то время въ контрахъ промежду себя были, однако, я и виду ей не подала: честь-честью ее приняла, угостила, успокоила, да подь видомъ гошенья такъ это дѣло кругленько обдѣлала, что мужъ и въ могилу ушелъ—ничего не зналъ!

Такъ повѣствовала Арина Петровна, и, надо сказать правду, рѣдкій рассказчикъ находилъ себѣ такихъ внимательныхъ слушателей. Евпраксеюшка старалась не проронить слова, какъ будто бы передъ ней проходили во-очію перипетіи какой-то удивительной волшебной сказки; что же касается до Улитушки, то она, какъ соучастница большей части рассказываемого, только углами губъ прищмыкивала.

Улитушка тоже расцвѣла и отдохнула. Тревожная была ея жизнь. Съ юныхъ лѣтъ сторала она холодецкимъ честолюбіемъ и во снѣ, и наяву бредила, какъ бы господамъ послужить да надъ своимъ братомъ кокомандовать, и все неудачно. Только что запсегъ, бывало, погу на ступеньку повыше, анъ, ее оттуда словно невидимая сила какаяд шархлетъ и ошлеть втончетъ въ самую пренеподную. Всѣми качествами полезной барской служы обладала она въ совершенствѣ: была ехидна, злоязычна и всегда готова на всякое предательство, но въ то же время страдала какою-то неудержимомъ повадливостью, которая всю ея ехидность обращала въ ничто. Въ былое время Арина Петровна охотно пользовалась ея услугой, когда нужно было секретное разслѣдованіе по дѣвичьей сдѣлать или вообще сомнительное дѣло какое-нибудь округлить, но никогда не цѣнила ея заслуги и не допускала ни до какой солидной должности. Вслѣдствіе этого Улитка и жаловалась, и языкомъ язвила; но на жалобы ея не обращалось вниманіе, потому что всѣмъ было вѣдомо, что Улитка — дѣвка злая, сейчасъ себя въ пренеподную проклинеть, а черезъ минуту—помани ее только вальцемъ—опять прибѣжнть, станеть на заднихъ лапкахъ служить. Такъ и промыкалась она, куда-то все выбиваясь и никогда ничего не успѣвая достигнуть, до тѣхъ поръ, пока исчезновеніе крѣпостного права окончательно не положило предѣла ея холопецкому честолюбію.

Въ молодости ея былъ даже случай, который подавалъ

ей надежды очень серьезныя. Въ одну изъ своихъ побывокъ въ Головлевъ Порфирій Владимірычъ свель съ ней связь и даже, какъ гласило головлевское преданіе, имѣлъ отъ нея ребенка, за что и состоялъ долгое время подъ гнѣвомъ у маменьки Арины Петровны. Поддерживалась ли эта связь впоследствии, при дальнѣйшихъ навіздахъ Іудушки въ отчий домъ—неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, когда Порфирій Владимірычъ собрался въ Головлево совсѣмъ на жительство, мечтаніямъ Улитушки пришлось рухнуть самымъ общиымъ образомъ. Немедленно по пріѣздѣ Іудушки она кинулась къ нему съ цѣлыхъ ворохомъ сплетенъ, въ которыхъ Арина Петровна обвинялась чуть не въ мошенничествѣ; но «баринъ» сплетни выслушалъ благосклонно, а на Улитку взглянулъ все-таки холодно и прежней ей «заслуги» не попомнилъ. Обманутая въ расчетахъ и обиженная, Улитушка перекинулась въ Дубровицу, гдѣ братецъ Павелъ Владимірычъ, изъ ненависти къ братцу Порфирію Владимірычу, охотно принялъ ее и даже едѣвалъ эконолкою. Тутъ ей фонды какъ будто поправились. Павелъ Владимірычъ сидѣлъ на антресоляхъ и вышивалъ рюмку за рюмкой, а она съ утра до вечера бойко бѣгала по кладовымъ и погребамъ, гремѣла ключами, громко лязгичкала и даже завела какіе-то конгры съ Ариной Петровной, которую чуть не сажла со свѣту.

Но Улитушка слишкомъ любила всякія предательства, чтобы въ тишинѣ пользоваться выпавшимъ на ея долю хорошимъ житьемъ. Это было то самое время, когда Павелъ Владимірычъ испивалъ уже настолько, что можно было съ извѣстными надеждами относиться къ исходу этого непробуднаго пьянства. Порфирій Владимірычъ понялъ, что въ такомъ положеніи дѣла Улитушка представляетъ неоцѣненный кладъ—и вновъ помянулъ ее нальцемъ. Ей было дано изъ Головлева приказаніе—не отходить ни на шагъ отъ облюбованной жертвы, ни въ чемъ ей не противорѣчить, даже въ ненависти къ братцу Порфирію Владимірычу, а только всѣми мѣрами устранивать вмѣшательство Арины Петровны. Это было одно изъ тѣхъ родственныхъ злодѣйствъ, на которыя Іудушка не то чтобъ рѣшился по зрѣломъ размысленіи, а какъ-то само собой продѣлывалъ, какъ самую обыкновенную затѣю. Излишне было бы говорить, что Улитушка выполнила порученіе въ точности. Павелъ Владимірычъ не переставалъ ненавидѣть брата, но тѣмъ больше онъ испивалъ, тѣмъ больше пилъ и тѣмъ

меньше становился способен выслушивать какія-либо замѣчанія Арины Петровны насчетъ «распоряженія». Каждое движеніе умирающаго, каждое слово немедленно дѣлалось извѣстными въ Головлевѣ, такъ что Гудушка могъ съ полнымъ знаніемъ дѣла опредѣлить минуту, когда ему слѣдуетъ выйти изъ-за кулисъ и появиться на сцену настоящимъ господиномъ созданнаго имъ положенія. И онъ воспользовался этимъ, т. е. нагрянулъ въ Дубровнио именно тогда, когда оно, такъ сказать, само отдалось ему въ руки.

За эту услугу Порфирій Владимірычъ подарилъ Улитку шестяной матеріи на платье, но до себя все-таки не допустилъ. Опять шарахнулась Улитка съ высоты величія въ преисподнюю, и на этотъ разъ, казалось, такъ, что ужъ никто на свѣтѣ ее никогда не помянетъ пальцемъ.

Въ видѣ особенной милости за то, что она «за братцемъ послѣднія минуты ходила», Гудушка отдалъ ей уголь въ избѣ, гдѣ вообще ютились оставшіеся, но упраздненіи крѣпостнаго права, заслуженные дворовые. Тамъ Улитка окончательно смирилась, такъ что когда Порфирій Владимірычъ облюбовалъ Евпраксеюшку, то она не только не выказала никакой строптивости, но даже первая пришла къ «баринной сударьшѣ» на поклонъ и поцѣловала ее въ плечико.

И вдругъ, въ ту минуту, когда она уже сама сознавала себя забытою и заброшенною, — ей опять несчастливо: Евпраксеюшка забеременѣла. Вспомнили, что гдѣ-то въ людской избѣ ютится «золотой человѣкъ» и помянули его пальцемъ. Правда, не самъ «баринъ» помянулъ, но и того ужъ достаточно, что онъ не попрепятствовалъ. Улитка ознаменовала свое вступленіе въ господскій домъ тѣмъ, что взяла у Евпраксеюшки изъ рукъ самоваръ и съ форсомъ и нѣсколько озабочаеъ принесла его въ столовую, гдѣ въ то время сидѣлъ и Порфирій Владимірычъ. И «баринъ» — не сказалъ ни слова. Ей показалось, что онъ даже улыбнулся, когда въ другой разъ, съ тѣмъ же самоваромъ въ рукахъ, она встрѣтила его въ коридорѣ и еще издали закричала:

— Баринъ, посторонись — ожгу!

Призванная Ариной Петровной на семейный совѣтъ, Улитка нѣкоторое время кобянилась и не хотѣла съѣсть. Но когда Арина Петровна ласково на нее прикрикнула: — «Садись-ко, садись! нечего штуки-фигуры выкидывать! Царь

всѣхъ насъ равными сдѣлать — садись!» — то и она сѣла, сначала смиреннохонько, а потомъ и языкъ распустила.

Эта женщина тоже припоминала. Много всякаго гною сбилось въ ея памяти изъ прежней крѣпостной практики. Независимо отъ выполненія деликатныхъ порученій по предмету составиванія дѣвичьихъ вожделѣній, Уланушка состояла въ Головлевскомъ домѣ въ качествѣ аптекарши и лѣкарки. Сколько она поставила въ своей жизни горчичниковъ, рожковъ и въ особенности клистировъ! Ставила она клистиры и старому барину Владимиру Михайлычу, и старой барынѣ Ариинѣ Петровнѣ, и молодымъ барчукамъ всѣмъ до единого — и сохранила объ этомъ самыя благодарныя воспоминанія. И вотъ теперь для этихъ воспоминаній представилось почти неотглядное поле...

Головлевскій домъ какъ-то таинственно оживился. Арина Петровна то и дѣло навязкала изъ Цогорѣлки къ «доброму сыну»; и подъ ея надзоромъ дѣятельно шли приготовленія, которымъ покуда не давалось еще названія. Послѣ вечерняго чая всѣ три женщины забирались въ Евпраксеюшкину комнату, лакомились домашнимъ вареньемъ, играли въ дураки и до позднихъ пѣтуховъ предавались воспоминаніямъ, отъ которыхъ «сударка» по временамъ шибко алѣла. Всякій самый ничтожный случай служить новодомъ къ повямъ и новымъ разсказамъ. Подаетъ Евпраксеюшка вареньица малиноваго — Арина Петровна разскажетъ, какъ она будучи беременна дочкой Сошкой, даже запаху малины выносить не могла.

— Только въ домъ принесутъ — я ужъ и слышу, что се принесли! Такъ, вотъ благимъ матомъ и кричу: вонъ! вонъ се, проклятую, несите! А послѣ, какъ выпросталась — и опять ничего, и опять полюбила!

Принесетъ Евпраксеюшка икорки закусить — Арина Петровна и насчетъ икорки случай вспомнить.

— А вотъ съ икоркой у меня случай былъ — такъ именно диковинный! Въ ту пору я — съ мѣсяцъ ли, съ два ли я только что замужъ вышла — и вдругъ такъ ли мнѣ этой шари захотѣлось, вышь да положи! Заберусь это, бывало, потихоньку въ кладовую и все ѣмъ, все ѣмъ! Только и говорю я своему благовѣрному: что, молъ, это, Владимиръ Михайлычъ, значить, что я все перу ѣмъ? А онъ этакъ улыбнулся и говоритъ: «Да вѣдь ты, мой другъ, тяжела!» И точно, ровно черезъ девять мѣсяцевъ послѣ того я и выпросталась, Стенку-балбеса родила!

Порфирій Владимыръ, между тѣмъ, продолжалъ съ прежнему загадочною относитья къ беремености Евпраксеюшки и даже ни разу не высказался открыто относительно своей прикосновенности къ этому делу. Весьма естественно, что это стѣсняло женщинъ, мѣшало ихъ планамъ, и потому Гудушка почти совсѣмъ обросила и безъ церемоніи гнала вопль, когда онъ заходилъ вечеромъ на огонекъ въ Евпраксеюшкину комнату.

— Ступай-ка, ступай, молодецъ!—весело говорила Арина Петровна. — Ты свое дѣло сдѣлалъ; теперь наше, женское дѣло наступило! На нашей улицѣ праздникъ!

Гудушка смиренно удалялся, и хотя при этомъ не унывала случая попенять доброму другу маменькѣ, что она сдѣлалась къ нему немилостива, но въ глубинѣ души была очень довольна, что его не тревожатъ, и что Арина Петровна приняла горячее участіе въ затруднительномъ для него обстоятельствѣ. Если-бы этого участія не было—Богъ знаетъ, что бы ему пришлось предпринять, чтобы снять это пагубное дѣло, при одномъ воспоминаніи о которомъ онъ ёжился и отливывался. А теперь, благодаря опытности Арины Петровны и ловкости Улитушки, онъ надѣялся, что «бѣда» пройдетъ безъ огласки, и что ему самому, быть-можетъ, придется узнать о результатѣ ея, когда уже все будетъ кончено.

Расчеты Порфирія Владимыча, однакожъ, не оправдались. Сначала случилась катастрофа съ Петенькой, а невдолгѣ за нею послѣдовала и смерть Арины Петровны. Приходилось расплачиваться самолично, и притомъ безъ всякой надежды на какую-нибудь паскудную комбинацію. Нельзя было отослать Евпраксеюшку, яко непотребную, къ роднымъ, потому что, благодаря внимательству Арины Петровны, дѣло зашло слишкомъ далеко и было у всѣхъ на знати. На усердіе Улитушки тоже надежда была плоха, потому что хоть она и ловкая дѣвка, но ежели ей довериться, то, пожалуй, и отъ судебного слѣдователя потомъ не уберешься. Въ первый разъ въ жизни Гудушка серьезно и искренно возронталъ на свое одиночество, въ первый разъ смутно понялъ, что окружающіе люди — не просто пѣшкы, годныя только на то, чтобы морочить ихъ.

— И что бы ей стоило крошечку погодить! — стовалъ онъ втихомолку на милого друга маменьку. — Устроила бы все какъ слѣдуетъ, умнѣхонько да смиренѣхонько — и Хри-

стось бы съ ней! Пришло время умирать—дѣлать нечего! Жалко старушку, да коли такъ Богу угодно, и слезы наши, и доктора, и лѣкарства наши, и мы всё—все противъ воли Божіей безсильно! Пожила старушка, попользовалась! И сама барыней вѣкъ прожила, и дѣтей господами оставила! Пожила и будетъ!

И по обыкновенію суетливая его мысль, не любившая задерживаться на предметъ, представляющемъ какія-нибудь практическія затрудненія, сейчасъ же перекидывалась въ сторону, къ предмету болѣе легкому, по поводу котораго можно было праздновать безсрочно и безпрятственно.

— И какъ вѣдь скончалась-то, именно только праведники такой кончины удостоиваются! — глать онъ самому себѣ, самъ, впрочемъ, не понимая, лжетъ онъ или говоритъ правду. — Безъ болѣзни, безъ смуты... такъ! Вдохнула — посмотримъ, а ея ужъ и нѣтъ! Ахъ, маменька, маменька! И улыбочка на лицѣ, и румянички... И ручка сложена, какъ будто благословить хочетъ, и глазки закрыла... адѣ!

И вдругъ, въ самую разгаръ жалостливыхъ словъ, опять словно кольнуть его. Опять эта накость... тьфу! тьфу! тьфу! Ну, что бы стоило маменькѣ крошечку повременить! И всего-то съ мѣсяцъ, а можетъ-быть, и меньше осталось — такъ вотъ па-поди!

Нѣкоторое время пробовать-было онъ и на вопросы Улитки такъ же отбиваться, какъ отбивался передъ милымъ другомъ маменькой: «Не знаю! ничего я не знаю!» Но къ Улиткѣ, какъ бабѣ наглаой и притомъ же почувствовавшей свою силу, не такъ-то легко было подойти съ подобными приемами.

— Я, что ли, знаю! я, что ли, кузовъ-то стронла! — на первыхъ же порахъ обрѣзала она его, такъ что онъ понять, что отнынѣ расчеты на счастливое соединеніе роли прелюбодѣя съ ролью посторонняго наблюдателя результатовъ собственнаго прелюбодѣянія окончательно рухнули для него.

Бѣда надвигалась все ближе и ближе, бѣда немнучая, почти осязаемая! Она преслѣдовала его ежеминутно и—что всего хуже — парализовала его пустомысліе. Онъ употреблялъ всевозможныя ухищля, чтобъ смять представленіе о ней, утопить его въ потокъ праздныхъ словъ, но это удавалось ему только отчасти. Пробовать онъ какъ-нибудь спрятаться за непререкаемостью законовъ высшаго произ-

воленія, и по обыкновенію дѣлалъ изъ этой темы цѣлый клубокъ, который безконечно разматывать, припутывая сюда и притчу о волосѣ, съ человѣческой головы не падающемъ, и легенду о аданіи, на пескѣ строимомъ; по въ ту самую минуту, когда праздныя мысли безпринятственно скатывались одна за другой въ какую-то загадочную бездну, когда безконечное разматываніе клубка ужъ казалось вполне обезпеченнымъ—вдругъ, словно изъ-за угла, врывалось одно слово и сразу обрывало нитку. Увы! это слово было: «прелюбодѣніе» и обозначало такое дѣйствіе, въ которомъ Гудушка и передъ самимъ собою сознаться не хотѣлъ.

И вотъ, когда, послѣ тщетныхъ попытокъ забыть и убитъ, дѣлалось, наконецъ, яснымъ, что онъ пойманъ—на него напала тоска. Онъ принимался ходить по комнатѣ, ни о чемъ не думая, а только ощущая, что внутри у него сеть и дрожить.

Это была совѣсть новая узда, которую въ первый разъ въ жизни узнало его праздномысліе. До сихъ поръ, въ какую бы сторону ни шла его нустопорожня фантазія, повсюду она встрѣчала лишнее границъ пространство, на протяженіи котораго складывались всевозможныя комбинаціи. Даже погибѣль Володьки, Петьки, даже смерть Арины Петровны не затрудняли его праздномыслія. Это были факты обыкновенныя, общепризнанныя, для оцѣнки которыхъ существовала и обстановка общепризнанная, несконн обусловленная. Панихиды, сорокоуеты, поминальные обѣды и проч.—все это онъ, по обычаю, отбывалъ какъ слѣдуетъ и всѣмъ стнмъ, такъ сказать, оправдалъ себя и передъ людьми, и передъ Провидѣніемъ. Но прелюбодѣніе... это чтъ же такое? Вѣдь это—обличеніе цѣлой жизни, это—обнаруженіе ея внутренней лжи! Хотя и прежде его разумѣли клеузникомъ, положимъ даже—«кровопивцемъ», но во всей этой людской молвѣ было такъ мало юридической подкладки, что онъ могъ съ полнымъ основаніемъ возразить: докажи! И вдругъ теперь... прелюбодѣніе! Прелюбодѣніе уличенный, несомнѣнный (онъ даже *моръ* никакихъ, но милости Арины Петровны—«ахъ, маменька, маменька!»—не принималъ, даже согнать не успѣлъ), да еще и «ночь постыль-день»... тьфу! тьфу! тьфу!

Въ этихъ внутреннихъ собесѣдованіяхъ съ самимъ собою, какъ ни запутано было ихъ содержаніе, замѣчалось даже что-то похожее на пробужденіе совѣсти. Но представлялся вопросъ: пойдетъ ли Гудушка дальше по этому пути, или же

пустомыслие и тутъ сослужить ему обычную службу и представить новую лазейку, благодаря которой онъ, какъ и всегда, успѣетъ выйти сухимъ изъ воды?

Покуда Иудушка изливала такимъ образомъ подъ бременемъ пустоутробія, въ Евпраксеюшкѣ мало-по-малу совершался совсѣмъ неожиданный внутренній переворотъ. Ожиданіе материнства, повидимому, разрывало умственные узлы, связывавшія ее. До сихъ поръ она ко всему относилась безучастно, а на Порфирія Владимірыча смотрѣла какъ на «барина», къ которому у нея существовали подневольныя отношенія. Теперь она впервые что-то поняла, прѣчто въ родѣ того, что у нея свое дѣло есть, въ которомъ она— «сама большая», и гдѣ помыкать ею безвозвратно нельзя. *Всѣдствие этого даже выраженіе ея лица, обыкновенно тупое и нескладное, какъ-то осмыслилось и засвѣтилось.*

Смерть Арины Петровны была первымъ фактомъ въ ея полубезсознательной жизни, который подѣйствовалъ на нее отрезвляющимъ образомъ. Какъ ни своеобразны были отношенія старой барыни къ предстоящему материнству Евпраксеюшки, по все-таки въ нихъ просвѣживалось несомнѣнное участие, а не одна паскудно-гадливая уклончивость, которая встрѣчалась со стороны Иудушки. Поэтому Евпраксеюшка начала видѣть въ Аринѣ Петровнѣ что-то въ родѣ заступы, какъ бы подозревая, что впереди готовится на нее какое-то нападеніе. Предчувствіе этого нападенія преслѣдовало ее тѣмъ упорнѣе, что оно не было освѣщено сознаніемъ, а только напоминало все ея существо постоянною тоскливою смутой. Мысль была недостаточно сильна, чтобы указать прямо, откуда придетъ нападеніе и въ чемъ оно будетъ состоять; но инстинкты уже были настолько возбуждаемы, что при видѣ Иудушки чувствовался безотчетный страхъ. Да, оно придетъ отсюда! — отзывалось во всѣхъ сердечныхъ ея тайникахъ:—оттуда, изъ этого напоеннаго прахомъ гроба, къ которому она *доселѣ* была приставлена, какъ простая наймитка, и который какъ-то чудомъ сдѣлался отцомъ и властелиномъ ея ребенка! Чувство, которое пробуждалось въ ней при этой послѣдней мысли, было похоже на ненависть и даже непременно перешло бы въ ненависть, если-бъ не находило для себя отвлеченія въ участіи Арины Петровны, которая добродушной своей болтовней не давала ей времени задуматься.

Но вотъ Арина Петровна свачала удалилась въ Погорьку, а наконецъ и совсѣмъ угаела. Евпраксеюшкѣ сдѣ-

ладось совѣтъмъ жутко. Тишина, въ которую погружена головлевскій докъ, нарушалась только шуршаньемъ, возбуждавшимся, что Лудушка, владучись и подобранныи полы халата, бродить по коридору и подслушиваетъ у дверей. Парѣдка кто-нибудь изъ челядниковъ приближать со двора, хлопнуть дверью въ дѣвичьей, и опять изо всѣхъ угловъ такъ и ползаетъ тишина. Тишина мертвая, наполяющая существо суевѣрною, саднящею тоскою. А такъ какъ Евпраксеюшка въ это время была уже на сносяхъ, то для нея не существовало даже ресурса хозяйственныхъ хлопотъ, которыя въ бывшее время настолько утомляли ее физически, что она къ вечеру ходила уже какъ сонная. Пробовала-было она приласкаться къ Порфирію Владиміровичу, но попытки эти каждый разъ вызывали краскн, но злобныи сцены, которыя даже на ея неразвитую натуру дѣйствовали мучительно. Поэтому приходилось сдѣлать сложа руки и думать, то-есть тревожиться. А поводы для тревоги съ каждымъ днемъ становились больше и больше, потому что смерть Арины Петровны развязала руки Улигушкѣ и ввела въ головлевскій докъ новый элементъ силетень, сдѣлавшихся отнынь единственнымъ живымъ дѣломъ, на которомъ отдыхала душа Лудушки.

Улигушка поняла, что Порфиріи Владиміровичъ трусить и что въ этой пустоутробной и изломанней натурѣ трусость очень близко граничить съ ненавистью. Сверхъ того она отлично знала, что Порфиріи Владиміровичъ неспособенъ не только на иривязанность, но даже и на простое жаленье, что онъ держитъ Евпраксеюшку лишь потому, что, благодаря ей, домашній обиходъ идетъ не сбываясь съ однажды намѣченной колѣн. Заручившись этими несложными данными, Улигушка имѣла полную возможность систематично питать и лелѣять то чувство ненависти, которое закидало въ дувѣ Лудушки каждый разъ, когда что-нибудь напоминало ему о предстоящей «обѣдѣ».

Въ скоромъ времени склад събъ силетень ошутала Евпраксеюшку со всѣхъ сторонъ. Улигушка то и дѣло «ложидывала» барину. То придетъ, пожалуется на безразсудное распоряженіе домашнею провизіей.

— Чтой-то, баринъ, какъ у васъ добра много выходитъ! Давеча пошла я на погребъ за солониной; думаю, давно ли другую кадку зачали смотро, анъ ее тамъ куска съ два ли, съ три ли на донынь дѣжить!

— Нуяго? уставился въ нее глазами Лудушка.

— Кабы не сама своими глазами видѣла—но повѣрила бы! Даже удивительно, куда этакая прорва идетъ! Масло, крутъ, огурцовъ—всего! У другихъ господь кашу-то людямъ съ гусинымъ жиромъ даютъ—таковскіе!— а у насъ— все съ масломъ, да все съ чухонскими!

— Неужто?—почти испугался Порфирій Владимірычъ.

То придетъ и незначай о барскомъ обѣдѣ доложить.

— Вы бы, баринушка, остановили Евпраксеюшку-то. Конечно, дѣло ея дѣвичье, непривычное, а вотъ хоть бы насчетъ обѣда... Цѣлые вороха она этого обѣда извела на простыни да на пеленки, а обѣде-то все топкое!

Порфирій Владимірычъ только сверкаетъ глазами въ отвѣтъ, но вся его пустая утроба такъ и повернется при этихъ словахъ.

— Известно, младенца своего жалѣеть!—продолжаетъ Улитюшка медоточивымъ голосомъ.—Думаетъ, и ни вѣсть что случилось... приносецъ народится! А между прочимъ могъ бы онъ, младенецъ-то, и на посконныхъ простынькахъ уснуть... въ ихнемъ званіи!

Иногда она даже попросту подраживала Гудушку.

— А что жъ васъ хотѣла, баринушка, спросить,—начинала она:—какъ вы насчетъ младенца-то располагаете? Сыномъ, что ли, своимъ его сдѣлаете, или, по примѣру прочихъ, въ воспитательный?..

Но Порфирій Владимірычъ въ самомъ началѣ прерывать вопросъ такимъ мрачнымъ взглядомъ, что Улитюшка умолкала.

И вотъ, посреди закипавшей со всѣхъ сторонъ ненависти, все ближе и ближе надвигалась минута, когда появленіе на свѣтъ крошечнаго, плачущаго «раба божія» должно было разбить чѣмъ-нибудь царствовавшую въ голубевскомъ домѣ правдивую сумятицу и въ то же время увеличить собой число прочихъ плачущихъ «рабовъ божіихъ», населяющихъ вселенную.

Седьмой часъ вечера, Порфирій Владимірычъ успѣлъ уже выснаться послѣ обѣда и сидѣть у себя въ кабинетѣ, переписывая цифирными выкладками листы бумаги. На этотъ разъ его занимаетъ вопросъ: сколько было бы у него теперь денегъ, если-бъ маменька Ариша Петровна подаренные ему при рожденіи Гудушкой Петромъ Ивановичемъ, на зубокъ, сто рублей ассигнаціями не присвоила себѣ, а положила бы вкладомъ въ ломбардъ на имя малолѣтняго Пор-

фирія? Выходить, однако, немного: всего восемьсотъ рублей ассигнаціями.

«Положимъ, что капиталъ и небольшой, — праздномыслие! Иудушка: — а все-таки хорошо, когда знаешь, что про черный день есть. Занудобилось — и wziять. Ни у кого не попросить, никому не поклонился — самъ wziять, свое, кровное, дѣдушкой подаренное! Ахъ, маменька, маменька! и какъ это вы, другъ мой, такъ, очертя голову, дѣйствовали!»

Увы, Порфирій Владиміръ уже успокоился отъ тревогъ, которыя еще такъ недавно парализовали его праздномысліе. Свообразные проблески совѣсти, пробужденныя затрудненіями, въ которыя его поставили беременность Евпраксеюшки и неожиданная смерть Арины Петровны, мало-по-малу затихли. Пустомысліе сослужило и тутъ свою обычную службу, и Иудушкѣ, въ концѣ концовъ, удалось представить о «бѣдѣ» въ безднѣ праздныхъ слогъ. Нельзя сказать, чтобы онъ сознательно на что-нибудь рѣшился, но какъ-то само собой вдругъ вспомнилась старая излюбленная формула: «ничего я не знаю! ничего я не позволяю и ничего не разбираю!» — къ которой онъ всегда прибѣгалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и бѣсъ скоро положила конецъ внутренней сумятицѣ, временно возмущавшей его. Теперь онъ ужъ смотрѣлъ на предстоящіе роды какъ на дѣло, до него не относящееся, а потому и самому лицу своему постарался сообщить выраженіе безразличнаго и непроницаемаго. Онъ почти игнорировалъ Евпраксеюшку и даже не называлъ ее по имени, а ежели случалось иногда спросить о ней, то выражался такъ: «а что *та...* все еще больна?» Словомъ сказать, оказался настолько сильнымъ, что даже Улитунка, которая въ школѣ крѣпостнаго права довольно-таки понапорѣла въ наукѣ сердцевѣдствія, поняла, что бороться съ такимъ человекомъ, который на все соглашесть — совершенно нельзя.

Головлевскій домъ погруженъ въ тьму; только въ кабинетѣ у барина да еще въ дальней боковушкѣ у Евпраксеюшки мерцаетъ свѣтъ. На Иудушкиной полощицѣ царствуетъ тишина, прерываемая шелканьемъ на счетахъ да шуршаньемъ карандаша, которымъ Порфирій Владиміръ дѣлаетъ на бумагѣ цифирныя выкладки. И вдругъ, среди общаго безмолвія, въ кабинетъ врывается отдаленный, но раздражающій стонъ. Иудушка вздрагиваетъ; губы его мо-

ментально трясутся; карандашъ дѣлаетъ неподлежащій жрихъ.

«Сто двадцать одинъ рубль да двѣнадцать рублей десять копеекъ...» — шепчетъ Порфирій Владиміръчъ, усиливаясь заглушить неприятное впечатлѣніе, произведенное стономъ.

Но стоны повторяются чаще и чаще, и дѣлаются, наконецъ, безыконойми. Работа становится настолько псеудбною, что Іудушка оставляетъ письменный столъ. Сначала онъ ходитъ по комнатѣ, стараясь не слышать; но любопытство мало-по-малу беретъ верхъ надъ нустотробіемъ. Потихоньку пріотворяетъ онъ дверь кабинета, просовываетъ голову въ тѣмъ сообщеніи комнаты и въ выжидательной позѣ прислушивается.

— Ахти! никакъ и лампаду передъ иконой «Утоли моя печали» за свѣтить позабыли! — мелькаетъ у него въ головѣ.

Но вотъ послышались въ коридорѣ чьи-то ускоренные, тревожные шаги. Порфирій Владиміръчъ поспѣшно юркнуть головой опять въ кабинетъ, осторожно притворилъ дверь и на цыпочкахъ рысцой подошелъ къ образу. Черезъ секунду онъ уже былъ «при всей формѣ», такъ что, когда дверь распахнулась и Улитушка вѣбжала въ комнату, то она застала его стоящимъ на молитвѣ, со сложенными руками.

— Какъ бы Евпраксеюшка-то у васъ Богу душу не отдала! — сказала Улитушка, не побоявшись нарушить молитвенное стояніе Іудушки.

Но Порфирій Владиміръчъ даже не обернулся къ ней, а только поспѣшнѣе обшнцовеннаго занавелить губами и вмѣсто отвѣта помахалъ одной рукой въ воздухъ, словно отмахиваясь отъ назойливой мухи.

— Чтѣ рукою-то дрыгаете! Плоха, говорю, Евпраксеюшка, — того и гляди помереть! — грубо наставляла Улитушка.

На сей разъ Іудушка обернулся, но лицо у него было такое спокойное, слейное, какъ будто онъ только что, въ созерданіи божества, отложилъ всякое житейское попеченіе и даже не понималъ, по какому случаю могутъ тревожить его.

— Хоть и грѣхъ по молитвѣ бранить, но, какъ человѣкъ, не могу не попенять: сколько разъ я просилъ не тревожить меня, когда я на молитвѣ стою! — сказалъ онъ приличествующимъ молитвенному настроенію голосомъ, по-

зволить себя, однако, покачать головой въ знакъ христіанской укоризны.—Ну, что еще такое у васъ тамъ?

— Чему больше быть: Евпраксіюшка мучится, разродиться не можетъ! Точно въ первый разъ слышите... ахъ, вы! Хоть бы взглянули!

— Что же смотрите! Докторъ я, что ли? Совѣтъ, что ли, дать могу? Да и не знаю я, никакихъ я вашихъ дѣлъ не знаю! Знаю, что въ домѣ больная есть, а чѣмъ больна и отчего больна—объ этомъ и узнавать, признаться, не люблю стесноваться! Вотъ за батюшкой послать, коли больная трудна—это я присовѣтовать могу! Пошлите за батюшкой, вмѣстѣ помолитесь, лампадки у образовъ засвѣтите... а послѣ мы съ батюшкой чайку поьемъ!

Порфирій Владиміръчъ былъ очень доволенъ, что онъ въ эту рѣшительную минуту такъ категорически выразился. Онъ смотрѣлъ на Улитушку свѣтло и увѣренно, словно говорилъ: а, пуга опровергни теперь меня! Даже Улитушка не нашлась въ виду этого благодушія.

— Пришли бы! взглянули бы!—повторила она въ другой разъ.

— Не приду, потому что ходить незачѣмъ. Кабы за дѣломъ, я бы и безъ зова твоего пошелъ. За пять верстъ нужно по дѣлу идти—за пять верстъ пойду; за десять верстъ нужно—и за десять верстъ пойду! И морозецъ на дворѣ, и мятелица, а я все иду да иду! Потому знаю: дѣло есть, нельзя не идти!

Улитушкѣ думалось, что она спитъ, и въ сонномъ видѣніи самъ сатана предсталъ передъ нею и разглагольствуетъ.

— Вотъ за пономъ послать, это—такъ. Это дѣльно будетъ. Молитва—ты знаешь ли, что объ молитвѣ-то въ писаніи сказано? Молитва—*неудурующая исповѣніе*—вотъ что сказано! Такъ ты такъ и распорядись! Пошлите за батюшкой, помолитесь вмѣстѣ... и я въ это же время помолюсь! Вы тамъ, въ образной, помолитесь, а я здѣсь, у себя, въ кабинетѣ, у Бога милости попрошу... Общими силами: вы тамъ, я тутъ—смотришь, а въ молитва-то и дошла!

Послали за батюшкой, но прежде, нежели онъ успѣлъ прийти, Евпраксіюшка, въ терзаніяхъ и мѣкахъ, ужъ разрѣшилась. Порфирій Владиміръчъ могъ догадаться по бѣготѣ и хлопанью дверей, которая вдругъ поднялась въ сторону дѣвичьей, что случилось что-нибудь рѣшительное. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ въ коридорѣ

и вновь послышались торопливые шаги и велѣдь зачѣмъ въ кабинетъ на всѣхъ парусахъ влетѣла Улитушка, держа въ рукахъ крохотное существо, завернутое въ бѣлье.

— Натко-те! Поглядитко-те! — возгласила она торжественнымъ голосомъ, поднося ребенка къ самому лицу Порфирія Владимірыча.

Иудушку на мигновеніе словно бы поколебало; даже корпусъ его пошатнулся впередъ и въ глазахъ блеснула какая-то искорка. Но это было именно только на одно мигновеніе, потому что велѣдь зачѣмъ онъ уже брезгливо отвернуть свое лицо отъ младенца и обѣими руками замахать въ его сторону.

— Нѣтъ, нѣтъ! боюсь я ихъ... не люблю! Ступай... ступай! — лепетала онъ, выражая всѣмъ лицомъ своимъ безконечную гадливость.

— Да вы хоть бы спросили: мальчикъ или дѣвочка! — увѣщивала его Улитушка.

— Нѣтъ, нѣтъ... и не зачѣмъ... и не мое это дѣло! Ваши это дѣла, а я не знаю... Ничего я не знаю и знать мнѣ не нужно... Уйди отъ меня, ради Христа, уйди!

Опять сонное видѣніе, и опять сатана... Улитушку даже взорвало.

— А вотъ я возьму да на двантъ вамъ и броню... нявчигтесь съ мной! — пригрозила она.

Но Иудушка былъ не такой человекъ, котораго можно было провать. Въ то время, когда Улитушка произнесла свою угрозу, онъ уже повернулся лицомъ къ образамъ и скромно воздѣлвалъ руками. Очевидно, онъ просилъ Бога простить всѣмъ: и тѣмъ, «ниже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ», и тѣмъ, «ниже словомъ, или дѣломъ, или помысленіемъ», а за себя благодарилъ, что онъ — не тать, и не мздоимецъ, и не презлюбодѣй, и что Богъ, по милости своей, укрѣпилъ его на своей праведныхъ. Даже посѣ у него вздрагивали отъ удивленія, такъ что Улитушка, наблюдая за нимъ, вкочнула и улыба.

«Вотъ одного Володьку Богъ взялъ — другого Володьку далъ!» — какъ-то совсѣмъ невстани сорвалось у него съ мысли; но онъ тотчасъ же подумѣнилъ эту неожиданную игру ума и мысленно проговорилъ: — тьфу! тьфу! тьфу!

Пришелъ и батюшка, поплѣлъ и покачалъ. Иудушка слышала, какъ дьячокъ тянулъ: «Заступница усердная!» и самъ разохотился — подтянуть дьячку. Опять прибѣжала Улитушка, крикнула въ дверь:

— Володимеромъ назвала!

Странное совпаденіе этого обстоятельства съ недавнею абстракціей мысли, тоже напомнившей о погибшемъ Володькѣ; умилело Иудушку. Онъ увидѣлъ въ этомъ божеское произволеніе и, на этотъ разъ уже не отплевываясь, сказалъ самому себѣ:

«Вотъ и слава Богу! Одного Володьку Богъ взялъ, другого — далъ! Вотъ оно, Богъ-то! Въ одномъ мѣстѣ терпѣнь, а маешь, что и не найдешь — ахъ Богъ-то позметъ да въ другомъ мѣстѣ сторячей вознаградитъ!»

Наконецъ, доложили, что самоваръ поданъ и батюшка обсаждаетъ въ столовой. Порфирій Владимірычъ окончательно стихъ и умилился. Отецъ Александръ, дѣйствительно, уже сидѣлъ въ столовой, въ ожиданіи Порфирія Владимірыча. Головлевскій батюшка былъ человекъ политичный и старавшийся придерживаться въ отношеніяхъ съ Иудушкой свѣтскаго тона; но онъ очень хорошо понималъ, что въ господской усадьбѣ ежедневнѣе и подъ большіе праздники совершаются всенощныя бдѣнія, а сверхъ того каждое 1-е число служится молебень, и что все это составляетъ причту не менѣе ста рублей въ годъ дохода. Кромѣ того, ему не безызвѣстно было, что церковная земля еще не была надлежащимъ образомъ отмежевана, и что Иудушка не разъ, проѣзжая мимо поповскаго дуга, голаривалъ: «Ахъ, хорошъ дужокъ!» Поэтому въ свѣтское обращеніе батюшки примѣшивалась и немалая доля «страха іудейска», который выразился въ томъ, что батюшка, при свиданіяхъ съ Порфиріемъ Владимірычемъ, старался приводить себя въ свѣтлое и радостное настроеніе, хотя бы и не имѣлъ повода такое ощущать, и когда востѣдній, въ разговорѣ, позволялъ себѣ развивать нѣкоторыя ереси относительно путей Провидѣнія, предѣлудней жизни и прочаго, то, не одобряя ихъ прямо, видѣлъ, однако, въ нихъ не кощунство или богохульство, но лишь свойственное дворянскому званію дерзновеніе ума.

Когда Иудушка вошелъ, батюшка торопливо благословилъ его и еще торопливѣе отдернулъ руку, словно боялся, что кровопивецъ укуситъ ее. Хотѣлъ-было онъ поздравить своего духовнаго сына съ поворожденнымъ Владиміромъ, но подумалъ, какъ-то еще отпесется къ этому обстоятельству самъ Иудушка, и остерегся.

— Млнца на дворѣ вышѣ, — началъ батюшка: — но вроднымъ приѣхалъ, въ конхѣ, впрочемъ, частицею и сус-

вѣтріе примѣчается, оттепель таковая погода предзнаменуеть.

— А можетъ-быть, и морозъ, мы загадываемъ про оттепель, а Богъ возьметъ да морозцу пошлетъ!—возразилъ Гудушка, хлопотливо и даже почти весело присаживаясь къ чайному столу, за которымъ на сей разъ хозяйничать лакей Прохоръ.

— Это точно, что человекъ перѣдко, въ мечтанія своемъ, стремится недостигаемая достигнуть и къ недоступному до ступить найти. А вълѣдствіе того или поводъ для раскаянія, или и самую скорбь для себя обрѣтаетъ.

— А потому и надо намъ отъ гаданій да отъ заглядываній подалѣе себя держать, а быть довольными тѣмъ, что Богъ пошлетъ. Пошлетъ Богъ тепла мы теплу будемъ рады; пошлетъ Богъ морозу и морозу милости просимъ! Велимъ пожарче печечки натопить, а которые въ нутъ шествуютъ, тѣ въ шубки покрывше завернутся— вотъ и тепленько намъ будетъ!

— Справедливо!

— Многіе нынче любятъ крутомъ да около ходить; и то не такъ, и другое не по ихнему, и третье вотъ этакъ бы сдѣлать, а я этого не люблю. И самъ не загадываю, и въ другихъ не похваляю. Высокоуміе это—вотъ я какой взглядъ на такія поштки имѣю!

— И это справедливо.

— Мы вѣдъ здѣсь—странники; и такъ на себя и смотрю! Вотъ чайку попить, закусить что-нибудь легенькое... это намъ дозволено! Потому что Богъ намъ тѣло и прочія части далъ... Этому и правительство намъ не воспрещаетъ: кушать—кушайте, а языкъ за зубами держите!

И онять-таки вполне справедливо!—крикнулъ ба-тюшка и отъ внутреннего ликования стукнулъ о блюдечко донышкомъ опорожненнаго стакана.

— Я такъ рассуждаю, что умъ данъ человекъ не для того, чтобъ испытывать неизвѣстное, а для того, чтобъ воздерживаться отъ грѣховъ. Вотъ ежели я, напримеръ, чувствую плотскую немощь или смущеніе и призываю на помощь умъ: уважи, молъ, пути, какъ мнѣ ту немощь поборошь— вотъ тогда я поступаю правильно! Потому что въ этихъ случаяхъ умъ действительно пользу оказать можетъ.

— А больше, все-таки, вѣра, —слегка поправилъ ба-тюшка.

— Вѣра—сама по себѣ, а умъ—самъ по себѣ. Вѣра на

пль указываетъ, а умъ—пути изыскиваетъ. Туда толкнется, тамъ постучится... блуждаетъ, а между тѣмъ и полезное что-нибудь отыщеть. Вотъ лѣкарства разные, травы лѣкарныя, пластыри, девокты - все это умъ изобрѣтаетъ и открываетъ. Но надобно, чтобъ все было согласно съ вѣрою—на пользу, а не на вредъ.

— И противъ этого возразить ничего не могу!

— Я, батя, книжку одну читалъ, такъ тамъ именно сказано: услугами ума, ежели оный вѣрою направляется, отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать, ибо человекъ безъ ума въ скоромъ времени дѣлается игралищемъ страстей. А я даже такъ думаю, что и первое грѣхопаденіе человеческое оттого произошло, что дьяволъ, въ образѣ змія, разсужденіе человеческое замялъ.

Батюшка на это не возражалъ, но и отъ похвалы воздержался, потому что не могъ себѣ еще уяснить, къ чему склонается Иудушкина рѣчь.

— Часто мы видимъ, что люди не только выдаютъ въ грѣхъ мысленный, но и преступленія совершаютъ—и все черезъ недостатокъ ума. Плоть искушаетъ, а ума нѣтъ—вотъ человекъ и летитъ въ пропасть. И сладенькаго-то хочеть, и веселенькаго, и пріятненькаго, и въ особенности ежели женскій полъ... какъ тутъ безъ ума уберешься? А коли ежели у меня есть умъ, я возьму камфарки или маелница: тамъ погорь, въ другомъ мѣстѣ подсыпаль—смотришь, искушеніе-то съ меня какъ рукой сняло!

Иудушка замолчать, какъ бы выжидая, что скажетъ на это батюшка, но батюшка все еще недоумѣвалъ, къ чему клонится Иудушкина рѣчь, и потому только крикнулъ и безъ всякаго резона сказалъ:

— Вотъ у меня на дворѣ курь... съезятся по случаю сновороты: бѣгаютъ, мечутся, мѣста нигдѣ сыскать не могутъ...

— И все оттого, что ни у птицъ, ни у звѣрей, ни у пресмыкающихся—ума нѣтъ. Птица—это что такое? Ни у ней горя, ни заботушки—летаетъ себѣ! Вотъ давеча, смотрю въ окно: коняется воробьи носами въ навозъ—и будеть съ пихъ! А человеку этого мало!

— Однако, въ иныхъ случаяхъ, и Писаніе на птицъ небесныхъ указываетъ!

— Въ иныхъ случаяхъ—это такъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда и безъ ума вѣра спасаетъ—тогда птицамъ подражать нужно. Вотъ Богу молиться, стихи сочинять...

Порфирий Владимірович умолялъ. Онъ былъ болѣе въ природѣ и, въ сущности, у него такъ и вертѣлось на языкѣ прощенье для. Но очевидно, не созрѣла еще форма, въ которой приличнымъ образомъ могли быть выражены разглазительствія по этому предмету.

— Птицамъ умъ не нуженъ,—накоонецъ сказать онъ:— потому что у нихъ соблазновъ нѣтъ. Или, лучше сказать, есть соблазны, да никто съ нихъ за это не возмущается. У нихъ все натуральное: ни собственности нѣтъ, за которой нужно присмотрѣть, ни законныхъ браковъ нѣтъ, а следовательно, нѣтъ и вдовства. Ни передъ Богомъ, ни передъ начальствомъ онѣ въ отвѣтъ не состоятъ: одинъ у нихъ начальникъ—нѣтъхъ!

— Нѣтъхъ! нѣтъхъ! Это такъ точно. Онъ у нихъ—въ родѣ какъ султанъ турецкій!

— А человѣкъ все такъ самъ для себя устроитъ, что ничего у него натурального нѣтъ, а потому ему и ума много нужно. И самому чтобы въ грѣхъ не впасть, и другихъ бы въ соблазнъ не ввести. Такъ ли, батя?

— Истинная это правда. И писаніе совѣтуетъ соблазняющее око не трогать.

— Это ежели буквально понимать, а можно и не трогать око, такъ устроитъ, чтобы оно не соблазнялось. Къ молитвѣ чаще обращаться, озлобленіе тѣлесное усмирять. Вотъ-ли, напримеръ: и въ порѣ, и нельзя сказать, чтобы хитъ... Ну, и прислуга у меня женская есть... а мнѣ и горюшка мало! Знаю, что безъ прислуги нельзя—пу, и держу! И мужскую прислугу держу, и женскую—всюкую! Женская прислуга тоже въ хозяйствѣ нужна. На погребъ сходить, чайку налить, насчетъ закусокъ распорядиться... ну, и Христось съ ней! Она свое дѣло дѣлаетъ, а я—свое... Вотъ мы и проживаемъ!

Говоря это, Тудушка старался смотрѣть батюшкѣ въ глаза; батюшка тоже съ своей стороны, старался смотрѣть въ глаза Тудушкѣ. Но, къ счастью, между ними стояла свѣчка, такъ что они могли вволю смотрѣть другъ на друга и видѣть только пламя свѣчи.

— А притомъ я и такъ еще разсуждаю: ежели съ прислужкой въ коровскія отношенія войти—непрехманно она командовать въ домѣ начнетъ. Пойдутъ это дразни, да непорядки, перекоры да грубости: ты слово, а она—два... А я отъ этого устранился.

У батюшки даже въ глазахъ зарыбило: до того пристально

онъ смотрѣлъ на Тудушку. Поэтому и чувствуя, что свѣтскія приличія требуютъ, чтобы собесѣдникъ хоть отъ времени до времени вставлялъ слово въ общій разговоръ, онъ покачалъ головой и произнесъ:

— Тсс...

— А ежели при этомъ еще такъ поступать, какъ другіе... вотъ какъ сосѣдушка мой, господинъ Аннетовъ, напримеръ, или другой сосѣдушка, господинъ Утробинъ... такъ и до грѣха недалеко. Вотъ у господина Утробина приказъ съ шесть человѣкъ этой пакости во дворѣ копаются... А я этого не хочу. Я говорю такъ: коли Богъ у меня моего ангела-хранителя отнять—стало-быть, такъ Его святой воля угодно, чтобы я вдовою былъ. А ежели я, по милости Божіей,—вдовецъ, то, стало-быть, долженъ вдовѣтъ честно и ложе свое нескверно содержать. Такъ ли, батя?

— Тяжко, сударь!

— Самъ знаю, что тяжело, и все-таки исполняю. Кто говоритъ—тяжко!—а я говорю: чѣмъ тяжеле, тѣмъ лучше, только бы Богъ укрѣпиль! Не всякъ свидѣнника да легионскаго—надо кому-нибудь и для Бога потрудиться! *Здѣсь* себя согрѣшилъ—*тамъ* получить! *Здѣсь*—«трудомъ» это называется, а *тамъ*—заслугою зовется! Справедливо ли я говорю?

— Ужъ на что же справедливѣе!

— Тоже и объ заслугахъ надо сказать. И онѣ неравныя бываютъ. Одна заслуга большая, а другая заслуга—малая! А ты какъ бы думаешь?

— Какъ же возможно! Большая ли заслуга, или малая!

— Такъ вотъ оно на мое и выходитъ. Коли человѣкъ держитъ себя аккуратно: не срамостовитъ, не суесловитъ, другихъ не осуждаетъ, коли онъ притомъ никого не оторчитъ, ни у кого ничего не отнять... ну, и насчетъ соблазновъ этихъ вѣдь себя осторожно—такъ и совѣтъ у того человѣка завсегда покойна будетъ. И ничто къ нему не приставетъ, никакая грязь! А ежели кто изъ-за угла и осудитъ его, такъ, по моему мнѣнію, такія осужденія даже въ расчетъ принимать не слѣдуетъ. Понуть на нихъ—и вся недолга!

— Въ сихъ случаяхъ христіанскія правила прощенья преимущественнѣе рекомендуютъ!

— Ну, или простить! Я всегда такъ и дѣлаю: коли меня кто осуждаетъ, я его прощу да еще Богу за него помо-

лось! И ему хорошо, что за него молитва до Бога дошла, да и мнѣ хорошо: помолился, да и забылъ!

— Вотъ это правило: ничто такъ не облегчаетъ души, какъ молитва. И скорби, и гнѣвъ, и даже болѣзнь—все отъ нея, какъ тѣма пощная отъ солнца, обжигать!

— Ну, вотъ и слава Богу! И всегда такъ вести себя нужно, чтобы жизнь наша, словно свѣча въ фонарѣ, вся со всѣхъ сторонъ видна была... и осуждать меньше будутъ—потому не за что! Вотъ хоть бы мы: посидѣли, поговорили, побесѣдовали—кто же можетъ насъ за это осудить? А теперь пойдемъ да Богу помолимся, а потомъ и баньки. А завтра опять встанемъ... такъ ли, батюшка?

Тудушка встала и съ шумомъ отодвинула свой стулъ, въ знакъ окончанія бесѣдованія. Батюшка, съ своей стороны, тоже поднялся и занесъ-было руку для благословенія; но Порфирій Владиміръчъ, въ видѣ особаго на сей разъ расположенія, поймалъ его руку и сжалъ ее въ обѣихъ своихъ.

— Такъ Владиміромъ, батюшка, назвали?— сказала она, печально качая головой въ сторону Евпраксеюшкиной комнаты.

— Въ честь святого и равноапостольнаго князя Владиміра, сударь.

— Ну, и слава Богу! Прислуга она усердная, вѣрная, а вотъ насчетъ ума—не вышьте! Оттого и впадаютъ онѣ... въ пре-по-бо-дѣ-яніе!

Весь слѣдующій день Порфирій Владиміръчъ не выходилъ изъ кабинета и молился, прося себѣ у Бога вразумленія. На третій день онъ вышелъ къ утреннему чаю не въ халатѣ, какъ обыкновенно, а одѣтый, по-праздничному, въ сюртукъ, какъ онъ всегда дѣлалъ, когда намѣревался приступить къ чему-нибудь рѣшительному. Лицо у него было блѣдно, но дышало душевнымъ просвѣтленіемъ: на губахъ играла блаженная улыбка; глаза смотрѣли ласково, какъ бы всепрощающе; кончикъ носа, вследствие молитвеннаго убоженія, слегка покраснѣлъ. Онъ молча выпилъ еще три стакана чаю и въ промежуткахъ, между глотками, шевелилъ губами, складывалъ руки и смотрѣлъ на образъ, какъ будто все еще, несмотря на вчерашній молитвенный трудъ, ожидать отъ него скорой помощи и представительства. Наконецъ, пропустивъ послѣдній глотокъ, потребовалъ къ себѣ Улитку и встала передъ образомъ, дабы еще разъ подкрѣпить себя божественнымъ бесѣдо-

ваніємъ, а въ то же время и Улитѣ наглядно показать, что тѣ, что имѣеть провозйти вслѣдъ за нимъ—дѣло не его, а Богово. Улитушка, впрочемъ, съ перваго же взгляда на лицо Іудушки поняла, что въ глубинѣ его души рѣшено предательство.

— Вотъ я и Богу помолился!—началь Порфирій Владимірычъ, и въ знакъ покорности его святой волѣ опустить голову и развелъ руками.

— И распрекрасное дѣло!—отвѣтила Улитушка, но въ голосѣ ея звучала такая несомнѣнная провинительность, что Іудушка невольно поднять на нее глаза.

Она стояла передъ нимъ въ обыкновенной своей позѣ, одну руку положивъ поперекъ груди, другую—уперши въ подбородокъ; но по лицу ея такъ и свѣтились искорки смѣха. Порфирій Владимірычъ слегка покачалъ головой, въ знакъ христіанской укоризны.

— Небось, Богъ милости прислалъ?—продолжала Улитушка, не смущаясь предостерегательнымъ движеніемъ своего собесѣдника.

— Все-то ты конунствуешь!—не выдержалъ Іудушка.— Сколько разъ я и лаской, и шуточкой старался тебя отъ этого остеречь, а ты все свое! Злой у тебя языкъ... ехидный!

— Ничего я, кажется... Обыкновенно, коли Богу помолился—значитъ, Богъ милости прислалъ!

— То-то вотъ «кажется»! А ты не все, что тебѣ «кажется», зря болтай; иной разъ и помолчать умѣй! Я объ дѣлѣ, а она «кажется»!

Улитушка только переступила съ ноги на ногу, вмѣсто отвѣта, какъ бы выражая этимъ движеніемъ, что все, что Порфирій Владимірычъ имѣеть сказать ей, давнымъ-давно ей извѣстно и переизвѣстно.

— Ну, такъ слушай же ты меня!—началь Іудушка. — Молился я Богу, и вчера молился, и сегодня, и все выходитъ, что какъ-никакъ, а надо намъ Володьку пристроить.

— Извѣстно, надо пристроить! Не ценюкъ—въ болото не бросишь!

— Стой, погоди! Дай мнѣ слово сказать... язва ты, язва! Ну, такъ вотъ я и говорю: какъ-никакъ, а надо Володьку пристроить. Первое дѣло, Евпраксеюшку пожалѣть нужно, а второе дѣло—и его человѣкомъ сдѣлать.

Порфирій Владимірычъ взглянулъ на Улитушку, вѣроятно, ожидая, что вотъ-вотъ она велятъ съ нимъ пока-

ликается, но она отнеслась къ дѣлу совершенно просто и даже цинически.

— Миѣ, что ли, въ воспитательный-то вести?—спросила она, смотря на него въ упоръ.

Ахъ-ахъ!—вступился Тудушка:—ужъ ты и рѣшила... Тарантѣ Егоровна! Ахъ, Улитка, Улитка! все-то у тебя на умѣ прыгъ да шмыгъ! все бы тебѣ поболтать да поговорить! А почему ты знаешь: можетъ, я и не думаю объ воспитательномъ? Можетъ, я такъ... другое что-нибудь для Володьки придумать?

Что-жъ, и другое что — и въ этомъ худого нѣтъ!

— Вотъ я и говорю: хоть, съ одной стороны, и жалко Володьку, а съ другой стороны, коли поразсудить да поразмыслить—ничъ выходить, что дома его держать намъ не приходится!

Извѣстное дѣло! что люди скажутъ? Скажутъ: откуда, моль, въ головлевскомъ домѣ чужой мальчишка проявился?

И это, да еще и то: пользы для него никакой дома не будетъ. Мать молода—баловать будетъ; я, старый, хотя и съ боку-присѣку, а за вѣрную службу матери... туда же, пожалуй! Нѣтъ-нѣтъ—да и сплывешь. Гдѣ бы за проступокъ пощипъ малаго, а тутъ, затѣвъ да за сѣвъ... Да и съѣсть бабыхъ да крику не обернешься—пу, и махнешь рукой! Такъ ли?

— Справедливо это. Надоѣсть.

— А миѣ хочется, чтобъ все у насъ хорошеюшко было. Чтобъ изъ него, изъ Володьки-то, со временемъ настоящій человекъ вышелъ. И Богу слуга, и царю—поданный. Коли ежели Богъ его крестьянствомъ благословитъ, такъ чтобъ землю работать умѣлъ... Косить тамъ, пахать, дрона рубить—всего чтобъ понемножку. А ежели ему въ другое званіе судьба будетъ, такъ чтобъ ремесло знать, науку... Оттуда, слышь, и въ учителя нѣкоторые попадаютъ!

— Изъ воспитательнаго-то? прямо генералами дѣлають?

— Генералами не генералами, а все-таки... Можетъ, и знаменитый какой-нибудь человекъ изъ Володьки выйдетъ! А воспитываютъ ихъ тамъ—отлично! Это ужъ я самъ знаю! Кроватки чистенькія, мамки здоровенькія, рубашечки на дѣтушкахъ бѣленькія, рожочки, сосочки, пеленочки... словомъ, все!

— Чего лучше... для незаконныхъ!

— А ежели онъ и въ деревню въ питомцы попадетъ—что-жъ, и Христосъ съ шмы! Къ трудамъ приучается съ

малолѣтства будетъ; а вѣдь трудъ—та же молитва! Вотъ мы—мы настоящимъ манеромъ молимся. Встанемъ передъ образомъ, крестное знаменіе творимъ, и ежели наша молитва угодна Богу, то онъ намъ подаетъ за нее! А мужичокъ—тогъ трудится! Иной и радъ бы настоящимъ манеромъ помолиться, да ему врьдъ и въ праздникъ поспѣть. А Богъ, все-таки, видитъ его труды—за труды ему подаетъ, какъ намъ за молитву. Не вѣмъ въ налетахъ жить да про бадамъ прыгать—надо кому-нибудь и въ избеночкѣ курьенькой пожить, за землицей-матушкой походить да походить ес! А счастье-то—еще бабушка на-двое сказала—гдѣ оно! Иной и въ налетахъ, и въ нѣбеннѣ живетъ, да черезъ золото сказы льетъ, а другой и въ соломку заростея, хлѣбца съ кваскомъ покушаетъ, а на душѣ-то у него рай! Такъ, что ли, я говорю?

— Чего лучше, какъ рай на душѣ!

— Такъ мы вотъ какъ съ тобой, голубушка, сдѣлаемъ. Возьми-ка ты проказника Володьку, заверни его тепленько да уютенько, да и сватай съ нимъ живымъ манеромъ въ Москву. Кибиточку я распорядюсь снарядить для васъ крытенькую, лошабочекъ парочку прибавку заложить, а дорога у насъ теперь гладкая, ровная: ни ухабовъ, ни выбоинъ—кажи да покатывай! Только ты у меня смотри, чтобъ все честь-честью было. По-моему, по-головлевски... какъ я люблю! Сосочка чтобъ чистенькая, рожочекъ... рубашечекъ, простынекъ, свивальничковъ, пеленочекъ, одѣальцевъ—всего чтобъ вдоволь было. Бери! командуи! А не дадутъ, такъ меня, старого, за бока берн—миѣ жалуйся! А въ Москву прѣдешь—на постояломъ остановись. Харчи тамъ, самоварчикъ, чайку—требуй! Ахъ, Володька, Володька! Вотъ грѣхъ какой случился! И жалъ разсѣгаться съ тобой, а дѣлать, братъ, нечего! Самъ послѣ пользы увидишь, самъ будешь благодарить!

Тудушка слегка водѣвъ руками и потриветалъ губами, въ знакъ уминой молитвы. Но это не мѣшало ему неподлостью взглядывать на Улитку и подмѣшало завистливыя мельканія, которыми подергивалось лицо ея.

— Ты что? Сказать что-нибудь хочешь?—спросилъ онъ ее.

— Ничего я. Извѣстно-моль: будетъ благодарить, коли благодѣтельвъ своихъ отыщеть.

— Ахъ, ты, дурная, дурная! Да развѣ мы безъ билета его туда отдадимъ! А ты билетцы возьми! По билетцу-то

мы и сами его какъ разъ отыщемъ! Вотъ выхлещь, выкормить, уму-разуму научить, а мы съ билетцемъ и тутъ какъ тутъ: пожалуйте молодца нашего, Володьку-проказника, назадъ! Съ билетцемъ-то мы его со дна морского выудимъ... Такъ ли я говорю?

Но Улитушка ничего не отвѣтила на вопросъ; только извѣстными мельканіями на лицѣ ея выступили еще рѣзче прежняго. Порфирій Владиміровичъ не выдержалъ.

— Ява ты, ява! — сказалъ онъ. — Дьяволъ въ тебѣ сидитъ, чортъ... тьфу! тьфу! тьфу! Ну, будетъ. Завтра, чуть свѣтъ, возьмешь ты Володьку, да скорехонько, чтобъ Евпраксіяшка не слышала, и отправляйтесь съ Богомъ въ Москву. Воспитательный-то знаешь?

— Важивала, — однословно отвѣтила Улитушка, какъ бы намекая на что-то въ прошломъ.

— А важивала — такъ тебѣ и книги въ руки. Стало-быть, и входы, и выходы — все должно быть тебѣ извѣстно. Смотри же, помнети его, да начальниковъ низенько попроси вотъ такъ.

Порфирій Владиміровичъ всталъ и поклонился, коснувшись рукою земли.

— Чтобъ ему хорошо тамъ было! Не какъ-нибудь, а настоящимъ бы манеромъ! Да билетецъ, билетецъ-то выправь. Не забудь! По билету мы его пошлѣ вездѣ отыщемъ! А на расходы и тебѣ дѣй двадцатипяти-рублевыхъхъ отпущу. Знаю вѣдь я, все знаю! И тамъ сунуть придется, и въ другомъ мѣстѣ барашка въ бумагахъ подарить... Ахти, грѣхи наши, грѣхи! Все мы люди, все человѣки, все сладенькаго да хорошенькаго хотимъ! Вотъ и Володька нашъ! Кажется, великъ ли, и всего съ ноготокъ, а поди-ка, сколько ужъ денегъ стѣбитъ!

Сказавши это, Улитушка перекрестилась и низенько поклонилась Улитушкѣ, молчаливо рекомендуя ей не оставить проказника-Володьку своими попеченіями. Будущее приبلудной семьѣ было устроено самымъ простымъ способомъ.

На другое утро послѣ этого разговора, покуда молодая мать металась въ жару и бреду, Порфирій Владиміровичъ стоялъ передъ окномъ, въ столовой, ливельня губами и крестить стекло. Съ краснаго двора выѣзжала рогожная кибитка, увозившая Володьку. Вотъ она поднялась на горку, поровнялась съ церковью, повернула назадъ и скрылась въ

деревнѣ. Иудушка сотворилъ послѣднее крестное знаменіе и вдохнулъ:

«Вотъ батя намеднѣсь про оттепель говорилъ,—сказалъ онъ самому себѣ:—аяъ Богъ-то морозцу вмѣсто оттепели послалъ! Морозцу, да еще какого! Такъ-то и всегда съ нами бываетъ! Мечтаемъ мы, воздушные замки строимъ, умствуемъ, думаемъ и Бога самого перемудрить а Богъ возьметъ да въ одну минуту все наше высокоуміе въ ничто обратитъ!»

VI.—Выморочный.

Агонія Иудушки началась съ того, что рессуръ праздновалъ, которымъ онъ до сихъ поръ такъ охотно злоупотреблялъ, сталъ видимо сокращаться. Все вокругъ него ощущало, одни—перемерли, другіе—ушли. Даже Аншинька, несмотря на жалкую будущность кочующей актрисы, не соблазнилась головлевскими привольями. Оставалась одна Евпраксеюшка, но несравнимо отъ того, что это былъ рессуръ очень ограниченный, и въ ней произошла какая-то порча, которая не замедлила пробиться наружу и раз навсегда убѣдить Иудушку, что красивые дни прошли для него безвозвратно.

До сихъ поръ Евпраксеюшка была до такой степени беззащитна, что Порфирій Владимірычъ могъ угнетать ее безъ малѣйшихъ опасеній. Благодаря крайней неразвитости ума и врожденной дряблости характера, она даже не чувствовала этого угнетенія. Покуда Иудушка срамословилъ, она безучастно смотрѣла ему въ глаза и думала совѣтъ о другомъ. Но теперь она вдругъ нѣчто повела, и ближайшимъ результатомъ пробудившейся способности пониманія явилось внезапное, еще несознанное, но злое и непобѣдимое отвращеніе.

Очевидно, пребываніе въ Головлевъ погорѣльцовой барышни не прошло безслѣдно для Евпраксеюшки. Хотя послѣдняя и не могла дать себѣ отчета, какого рода боли вызвали въ ней случайные разговоры съ Аншинькой, но внутренне она почувствовала себя совершенно возбужденною. Прежде ей никогда не приходило въ голову спросить себя, зачѣмъ Порфирій Владимірычъ, какъ только встрѣтитъ живого человека, такъ тотчасъ же начинаетъ опутывать его цѣлою сѣтью словесныхъ обрывковъ, въ которыхъ ни за что уцѣпиться невозможно, но отъ которыхъ дѣлается невыносимо тяжело; теперь ей стало ясно,

что Иудушка, въ строгомъ смелѣи не разговариваетъ, а «тиранитъ», и что, слѣдовательно, немине его «осадить», дать почувствовать, что и ему пришла пора «честь звать». И вотъ она начала вслушиваться въ его безкопечныя словоздѣлiя, и дѣйствительно только одно въ нихъ и поняла: что Иудушка пристаетъ, досаждаетъ, зудитъ.

«Вотъ барышня говорила, будто онъ и самъ не знаетъ, зачѣмъ говоритъ,—разсуждала она сама съ собою:—нѣтъ, въ немъ это злое дѣйствуетъ! Знаесть онъ, который человекъ противъ него защиты не имѣесть—ну, и вертитъ имъ, какъ ему любо!»

Впрочемъ, это было еще второстепенное обстоятельство. Главнымъ образомъ дѣйствiе прiѣзда Анниньки въ Головлево выразилось въ томъ, что онъ взбуживалъ въ Евпраксеюшкѣ инстинкты ея молодости. До сихъ поръ эти инстинкты какъ-то туго тѣли въ ней; теперь—они горячо и привязчиво вешхнулись. Многое она поняла изъ того, къ чему прежде относилась совсѣмъ безучастно. Вотъ, напримѣръ: почему же вѣдь да не согласилась Аннинька остаться въ Головлевѣ, такъ-таки напрямикъ и сказала: «страшно!» Почему такъ? А потому просто, что она молода, что ей «жить хочется». Вотъ и она, Евпраксеюшка, тоже молода... Да, молода! Это только такъ кажется, будто молодость въ ней жиромъ запыла—нѣтъ, временемъ куда тоже шибко она сказывается. И зоветь, и манить; то замреть, то оиять вешхнеть. Думала она, что и съ Иудушкой дѣло обойдется, а теперь вотъ... «Ахъ, ты, гнилушка старая! Шнь вѣдь, какъ обошеть!» Хорошо бы теперича съ дружкой пожить, да съ настоящимъ, съ молоденькимъ! Обидился бы, завалился! Стала бы милый дружокъ дѣловать-мидовать, ласковыя слова на ушко говорить: вшь, моль, ты бѣлая да разсыпчатая! «Ахъ, кикимора проклятая, нашель вѣдь чѣмъ—костями своими старыми—прельстить! Смотри, чай, и у погорѣлковской барышни молодчикъ есть! Безирежѣнно есть! То-то она подобрала хвосты да удрала. А тутъ вотъ сиди въ четырехъ стѣнахъ, жди, пока ему, старому, въ голову вступитъ!»

Разумеется, Евпраксеюшка не сразу заявила о своемъ бунтѣ, но, однажды вступивши на этотъ путь, уже не останавливалась. Отсыкивала прищипки, припоминала прошлое, и между тѣмъ, какъ Иудушка даже не подозривалъ, что внутри ея зрѣеетъ какая-то темная работа, она молчаливо, но ежеминутно разжигала себя до ненависти. Сперва яви-

лись общія жадобы, въ родѣ: «чужой вѣкъ забыть»; потому наступила очередь для сравненій. «Вотъ въ Мазулицѣшъ Мадаренюшка у барина въ экономахъ живетъ: сидитъ руки скламини да въ шелковыхъ платьяхъ ходитъ. Ни она на скотный, ни на погребъ—сидитъ у себя въ покойничѣхъ да бисеромъ вяжетъ!» И всѣ эти обиды и протесты заканчивались однимъ общимъ воплемъ:

«Ужъ какъ же у меня теперича противъ тебя, распстылаго, сердце разожглось! Ну, такъ разожглось! такъ разожглось!»

Къ этому главному поводу присоединился и еще одинъ, который былъ въ особеннсти тѣмъ дороже, что могъ послужить отличнѣйшею прищипкою для вступленія въ борьбу. А именно, воспоминаніе о родахъ и объ исчезновеніи сына Володьки.

Въ то время, когда произошло это исчезновеніе, Евпраксеюшка отнеслась къ этому факту какъ-то туго. Порфирій Владимірычъ оградничилъ дѣвчѣ, что объявилъ ей объ отпадѣ новорожденнаго въ добрыя руки, а чтобы утѣшить—подарилъ ей новый шелковый платокъ. Затѣмъ все опять зашло и пошло по-старому. Евпраксеюшка даже рьянѣе прежняго окупалась въ тину хозяйственныхъ мелочей, словно хотѣла на нихъ сорвать неудавшееся свое материнство. Но продолжало ли потихоньку теплится материнское чувство въ Евпраксеюшкѣ, или просто ей била въ голову вступила, во всякомъ случаѣ, воспоминаніе о Володькѣ вдругъ воскресло. И воскресло въ ту самую минуту, когда на Евпраксеюшку довѣло чѣмъ-то новымъ, свободнымъ, вольнымъ, когда она почувствовала, что есть иная жизнь, сложившаяся совсѣмъ иначе, нежели въ стѣнахъ родовлепскаго дома. Понятно, что прищипка была слишкомъ хороша, чтобы не воспользоваться ею.

«Ишь вѣдь чтѣ сдѣлать!—разжигала она себя:—ребенка огнять! Словно щенка въ омутѣ утопить!»

Мало-по-малу мысль эта овладела ею всецѣло. Она и сама повѣрила какому-то страстному желанію вновь соединиться съ ребенкомъ, и чѣмъ назойливѣе разгоралось это желаніе, тѣмъ больше и больше силы приобретала ея досада противъ Порфирія Владимірыча.

«До крайности, теперь хоть забава бы у меня была! Володь! Володюшка! рожной мой! Гдѣ-то ты? Чай, въ пачевищѣ въ деревню спихнули! Ахъ, пронести на васъ нѣтъ, господа вы проклятые! Надѣлають робить, да и за-

бросать, как пшено, въ яму: никто, молъ, не спроситъ съ насъ! Лучше бы мнѣ въ ту пору вожомъ себя по горлу похлунуть, печѣмъ ему, охавернику, надъ собой надругаться давать!»

Явилась ненависть, желаніе досадить, изгадить жизнь, извести: началась несвоенѣйшая изъ всѣхъ войнъ — война придирокъ, поддразниваній, мелкихъ уколовъ. Но именно только такая война и могла сломить Порфирій Владимірыча.

Однажды, за утреннимъ чаемъ, Порфирій Владимірычъ былъ очень неприятно изумленъ. Обыкновенно онъ въ то время источалъ изъ себя цѣлѣя массы словеснаго гноя, а Евпраксеюшка, съ блюдечкомъ чая въ рукѣ, молча вликала ему, зажавъ зубами кусокъ сахара и отъ времени до времени фыркала. И вдругъ, только что началъ онъ развивать мысль (въ чаю въ этотъ день былъ поданъ теплый, свѣжеиспеченный хлѣбъ), что хлѣбъ бываетъ разный: видимый, который мы *видимъ* и черезъ это тѣло свое поддерживаемъ, и невидимый, духовный, который мы *окутаемъ* и тѣмъ *стяжемъ* себѣ душу, какъ Евпраксеюшка самымъ безцеремоннымъ образомъ перебила его разглагольствія.

— Сказываютъ, въ Мазулинѣ Палагеюшка хорошо живетъ! — начала она, обернувшись всѣмъ корпусомъ къ окну и развязно покачивая ногами, сложившими одна на другую.

Гудушка слегка вздрогнула отъ неожиданности, но на первый разъ, однако, не придавъ этому случаю особеннаго значенія.

— И ждали мы долго не ѣдимъ хлѣба видимаго, — продолжалъ онъ: — то чувствуемъ голодь тѣлесный; если же продолжительное время не вкушаемъ хлѣба духовнаго...

— Палагеюшка, слышь, въ Мазулинѣ хорошо живетъ! — вновь перебила его Евпраксеюшка, и на этотъ разъ уже, очевидно, не-спроста.

Порфирій Владимірычъ векинулъ на нее изумленные глаза, но все-таки воздержался отъ выговора, словно бы почувялъ что-то недоброе.

— А хорошо живетъ Палагеюшка — такъ и Христосъ съ ней! — кротко молвилъ онъ въ отвѣтъ.

— Ейный-то господишь, — продолжала колобродить Евпраксеюшка: — ашканыхъ неприятностей ей не дѣлаетъ, ни

работой не принуждаешь, а между прочимъ завсе въ шоловыхъ платьяхъ водить.

Изумленіе Порфирія Владимірыча росло. Ръчи Евпраксеюшки были до такой степени ни съ чѣмъ несообразны, что онъ даже не нашелся, что предпринять въ данномъ случаѣ.

— И на всякій день у нея платья разные, — словно во снѣ бредила Евпраксеюшка: — на-сегодня одно, на-завтра другое, а на праздникъ — особенное. И въ церкву въ коляскѣ четверней ъззаетъ: сперва она, потомъ господинь. А погь, какъ увидитъ коляску, трезвонить начинаеть. А потому она у себя въ своей комнатѣ сидитъ. Коли господину желательнo съ ней время провести — господина у себя принимаетъ, а не то такъ съ дѣвущкой, съ горничной ебной, разговариваетъ или бисеромъ вязетъ!

— Ну, такъ что-жь? — очнулася, наконецъ, Порфирій Владимірычъ.

— Объ томъ-то я и говорю, что Палагеюшкнно житье оченъ ужъ хорошо!

— А твое, небось, хуже житье? Ахъ-ахъ-ахъ, какая ты, однакожь... ненасытная!

Смолчи на этотъ разъ Евпраксеюшка — Порфирій Владимірычъ, конечно, разразился бы цѣлымъ потокомъ бездѣльныхъ словъ, въ которомъ безслѣдно потонули бы всѣ дурацкіе намеки, возмутившіе правильное теченіе его празднословія. Но Евпраксеюшка, повидному, и намѣренія не имѣла молчать.

— Что говорить! — огрызнулась она: — и мое житье не худое! Въ заграницахъ не хожу, и то слава те, Господи! Въ прошломъ году за два ситцевыхъ платья по пяти рублей отдали... расшиблись!

— А шерстяное-то платье позабыла? А платокъ-то недавно кому купили? Ахъ-ахъ-ахъ!

Всего отвѣта Евпраксеюшка уперлася въ столъ рукой, въ которой держала блочечку, и метнула въ сторону Іудушки косою взглядъ, исполненный такого глубокаго презрѣнія, что ему съ непривычки сдѣлалось жутко.

— А ты знаешь ли, какъ Богъ за неблагодарность-то наказываетъ? — какъ-то нервнѣтельно залцеталъ онъ, надѣясь, что хоть напоминаніе о Богѣ сколько-нибудь образумитъ неизвѣстно съ чего избаломутившуюся бабу. Но Евпраксеюшка не только не пронялась этимъ напоминаніемъ, но тутъ же на первыхъ словахъ оборвала его.

— Нечего, нечего зубы-то заговаривать! Нечего на Бога указывать! — сказала она: — не маленькая! Будет! Повластвовали! потаращили!

Порфирий Владимырьч замолчал. Налитой стаканъ съ чаемъ стоялъ передъ нимъ почти остывающій, но онъ даже не прикоснулся къ нему. Лицо его поблѣднѣло, губы слегка надрагивали, какъ бы усиливаясь сложиться въ усмѣшку, но безъ усмѣха.

— А вѣдь это—Анютины штучки! Это она, ехидная, наврала тебя! — наконецъ, произнесъ онъ, самъ, впрочемъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что говорить.

— Какія же это штучки?

— Да вотъ, что ты разговаривать-то со мной начала... Она, она научила! Некому другому, какъ ей! — возновался Порфирий Владимырьч. — Смотрите-те, ни съ того, ни съ сего, вдругъ шелковыхъ платьевъ захотѣлось! Да ты знаешь ли, безстыдница, кто изъ вашего званья въ шелковыхъ-то платьяхъ ходитъ?

— Скажите, такъ буду знать!

— Да просто самыя... ну, самыя безпутныя—тѣ только ходятъ!

Но Евпраксеюшка даже этимъ не усовѣстилась, но, напротивъ того, съ какою-то яглой резонансностью отвѣтила:

— Не знаю, почему онъ безпутныя... Известно, господа требуютъ... Который посюдишь нашу сестру на любовь съ собой склонить... ну, и живетъ она, значитъ... съ нимъ! И мы съ вами не модены, чай, служимъ, а тѣмъ же, чѣмъ и мазулинскій баринъ, занимаемся.

— Ахъ, ты... тьфу! тьфу! тьфу!

Порфирий Владимырьч даже помертвѣлъ отъ неожиданности. Онъ смотрѣлъ во все глаза на возбужденную и наперенцу, и цѣлая масса правдивыхъ словъ такъ и закипала у него въ груди. Но въ первый разъ въ жизни онъ смутно заподозрилъ, что бываетъ случаи, когда и правдыми словами убить человека нельзя.

— Ну, голубушка, съ тобой, я вижу, сегодня не говорить! — сказала онъ, вставая изъ-за стола.

— И сегодня не говорите, и завтра не говорите... никогда! Будетъ! Повластвовали! Наслушались я довольно; послушайте теперь вы, каковы мои слова будутъ!

Порфирий Владимырьч бросился было на нее съ сжатými кулаками, но она такъ рѣшительно вынятила впередъ свою грудь, что онъ внезапно ошвіпалъ. Оборотился лицомъ

къ образу, воздѣлъ руки, потренилъ губами и тихимъ шагомъ побрелъ въ кабинетъ.

Весь этотъ день ему было не по себѣ. Онъ еще не имѣлъ определенныхъ опасеній за будущее, но уже одно то волновало его, что случилось такой фактъ, который совсѣмъ не входилъ въ обычное распределение его дня, и что фактъ этотъ прошелъ безнаказанно. Даже къ обѣду онъ не вышелъ, а притворился больнымъ и скромничко, притворно ослабѣвшимъ голосомъ, попросилъ принести ему поѣсть въ кабинетъ.

Вечеромъ, послѣ чаю, который, въ первый разъ въ жизни, прошелъ совершенно безмолвно, онъ всталъ, по обязанности, на молитву; но напрасно губы его шептали обычное послѣдованіе на сонъ грядущимъ: возбужденная мысль даже высшимъ образомъ отказывалась слѣдить за молитвой. Какое-то дрянное, но неотступное безпокойство овладѣло всею его существомъ, а ухо невольно прислушивалось къ слабѣющимъ отголоскамъ дня, еще раздававшимся тамъ, то слышь, въ разныхъ углахъ головлевскаго дома. Наконецъ, когда пронесся гдѣ-то за стѣной послѣдній отчаянный зѣвокъ и вслѣдъ затѣмъ все вдругъ стихло, словно окунулось куда-то глубоко на дно, онъ не выдержалъ. Безшумно крадучись, побрелъ онъ вдоль коридора и, подойдя къ Евпраксеюшкиной комнатѣ, приложилъ къ двери ухо, чтобы подслушать. Евпраксеюшка была одна, и слышно было только, какъ она, зѣвая, произноситъ: «Господи! Спаси милостивый! Усиленія Матушка!» и въ то же время горестно чешетъ себѣ поясницу. Порфирий Владимырьч попробовалъ взяться за ручку двери замка, но дверь была заперта.

— Евпраксеюшка, ты здѣсь? — окликнулъ онъ.

— Здѣсь, да не про васъ! — огрызнулась она такъ грубо, что Гудунинъ оставалось молча отретироваться въ кабинетъ.

На другой день послѣдовалъ другой разговоръ. Евпраксеюшка, какъ парочко, выбирала время утренняго чая для увзвѣнія Порфирия Владимыряча. Словно она чутьемъ чуяла, что все его бездѣльничества распределены съ такою точностью, что нарушенное утро причиняло безпокойство и боль уже на цѣлый день.

— Посмотрѣла бы я, хоть бы глазкомъ бы подлюбовалась, какъ некоторые люди живутъ! — начала она какъ-то загадочно.

Порфирия Владимыряча всего передернуло.

«Начинается!» — подумалъ онъ, но смолчалъ и ждалъ, что дальше будетъ.

— Право, съ дружкомъ съ милымъ да съ молоденькимъ! Ходятъ по комнатамъ парочкой да другъ на дружку любятся! Ни онъ словомъ бранимъ се не попрекнетъ, ни она прогнётъ его. «Душенька моя» да «другъ мой» — только и разговора у нихъ! Мило, благородно!

Эта матерія была особенно ненавистна для Порфирія Владимірыча. Хотя онъ и допускалъ прелебодѣвіе въ размѣрахъ строгой необходимости, но все-таки считалъ любовное времяпровожденіе бѣсовскимъ искушеніемъ. Однако, онъ и на этотъ разъ смалодушничалъ, тѣмъ больше, что ему хотѣлось чаю, который ужь нѣсколько минутъ прѣлъ на канфоркѣ, а Евпраксеюшка и не думала наливать его.

— Конечно, изъ нашей сестры много глупыхъ бываетъ, — продолжала она, нахально раскачиваясь на стулѣ и барабаня рукой по столу: — иную такъ осѣлтъ, что она изъ-за ситцеваго платья на все готова, а другая и просто, безо всего, себя потеряетъ!.. Квасу, говоритъ, огурцовъ, пей-льшь сколько хочется! Нашли, чѣмъ прельстить!

— Такъ нужнѣе-жъ изъ-за интереса одного! — рискнулъ робко замѣтить Порфирій Владимірычъ, слѣды глазами за чайникомъ, изъ котораго уже начинала валить паръ.

— Кто говоритъ: изъ-за интереса изъ-за одного? Ужъ не и я? — интересаикой сдѣлалась! — вдругъ кинулась въ сторону Евпраксеюшка: — куска, видно, стало жалко! Кускомъ попрекать стали!

— Я не попрекаю, я такъ говорю: не изъ одного, говорю, интереса люди!..

— То-то «говорю!» Вы говорите, да не заговаривайтесь! Ишь ты, изъ интересу я служу! А позвольте спросить, какой такой интересъ я у васъ нашла? Окромя квасу да огурцовъ!..

— Ну, не одинъ квасъ да огурца!.. — не удержался, увлекаясь, въ свою очередь, Порфирій Владимірычъ.

— Что-жъ, сказывайте, сказывайте, что еще?

— А кто къ Николѣ каждый мѣсяць четыре мѣшка муки возмаетъ?

— Ну-съ, четыре мѣшка? Еще чего пѣтъ ли?

— Крутъ, масла постнаго!.. словомъ, всего!..

— Ну, крутъ, масла постнаго!.. ужъ для родителей-то жалко стало! Ахъ, вы!

— Я не говорю, что жалко, а вотъ ты!..

— Я же виновата сдѣлалась! Мнѣ куса безъ попрековъ съѣсть не дадутъ, да я же виновата состою!

Евпраксеюшка не выдержала и залилась слезами. А чай между тѣмъ прѣлъ да прѣлъ на канфоркѣ, такъ что Порфирій Владимірычъ не на шутку встревожился. Поэтому онъ перемогъ себя, тихонько подошелъ къ Евпраксеюшкѣ и потрепалъ ее по спинѣ.

— Ну, добро, наливай-ка чай!.. чего разрюмчалась!

Но Евпраксеюшка еще раза два-три всхлинула, надула губы и уперлась мутными глазами въ пространство.

— Вотъ ты сейчасъ объ молоденькихъ говорила, — продолжалъ онъ, стараясь придать своему голосу ласкающую интонацію: — что-жъ, вѣдь и мы тово!.. не перестарки, чай, тоже!

— Нашли чего! Отстаньте отъ меня!

— Право-ну! Да я!.. знаешь ли ты!.. когда я въ департаментѣ служилъ, такъ за меня директоръ дочь свою выдать хотѣлъ!

— Протѣхлая, видно, была!.. кособокая какая-нибудь!

— Нѣтъ, какъ слѣдуетъ дѣвица!.. А какъ она «*Не шей ны мнѣ, матушка*» пѣла! Такъ пѣла! такъ пѣла!

— Она-то пѣла, да подиватель-то былъ плохой!

— Нѣтъ, я, кажется!..

Порфирій Владимірычъ недоумѣвалъ. Онъ не прочь былъ даже пошодничать, показать, что и онъ можетъ въ парочкѣ пройтись. Въ этихъ видахъ онъ началъ какъ-то нетѣно раскачиваться всѣмъ корпусомъ и даже покусился обнять Евпраксеюшку за талию; но она грубо уклонилась отъ его протянутыхъ рукъ и сердито крикнула:

— Говорю честно: уйди, домовой! Не то кипяткомъ опшарю! И чаю мнѣ вашего не надо! Ничего не надо! Ишь что вздумали — кускомъ попрекать начали! Уйду я отсюда! вотъ те Христосъ, уйду!

И она дѣйствительно ушла, хлопнувъ дверью и оставивъ Порфирія Владимірыча одного въ столовой.

Гудушка была совсѣмъ озадачена. Онъ началъ-было самъ наливать себѣ чай, но руки его до того дрожали, что потребовалась помощь лакея.

«Нѣтъ, этакъ нельзя! Надо какъ-нибудь это устроить!.. сообразить!» — шепталь онъ, въ волненіи расхаживая взадъ и впередъ по столовой.

Но именно ни «устроить», ни «сообразить» онъ ничего не былъ въ состояніи. Мысль его до того привыкла пере-

скакивать отъ одного фантастическаго предмета къ другому, ниждѣ не встрѣчая затрудненій, что самый простой фактъ обиденной дѣятельности заставляла его врасплохъ. Едва начинать онъ «сообразать», какъ цѣлая масса пустяковъ обступала его со всѣхъ сторонъ и закрывала для мысли всякій просвѣтъ на дѣйствительную жизнь. Тѣмъ какая-то обуяла его, общая уметвенная и правдивная анемія. Такъ и тапало его прочь отъ дѣйствительной жизни на мягкое ложе призраковъ, которые онъ могъ перестанавливать съ мѣста на мѣсто, одни пропускать, другіе выдвигать, словомъ,—распоряжаться, какъ ему хочется.

И опять цѣлый день провести онъ въ полномъ одиночествѣ, потому что Евираксеюшка на этотъ разъ уже ни къ обѣду, ни къ вечернему чаю не явилась, а ушла на цѣлый день на село къ поцу въ гости и возвратилась только поздно вечеромъ. Даже заняться шитьемъ онъ не могъ, потому что и пустяки на время какъ будто оставили его. Одна безвыходная мысль тиранила: «надо какъ-нибудь устроиться, надо!» Ни праздныхъ вылазокъ онъ не могъ дѣлать, ни стоять на молитвѣ. Онъ чувствовалъ, что къ нему приступаетъ какой-то недугъ, котораго онъ покуда еще не можетъ опредѣлить. Не разъ оставался онъ передъ окномъ, думая къ чему-нибудь приковать колеблющуюся мысль, чѣмъ-нибудь развлечь себя, и все напрасно. На дворѣ начиналась весна, но деревья стояли голыя, даже свѣжей травы еще не показывалось. Вдали видѣлись черныя поля, по мѣстамъ нещепренныя бѣлыми пятнами сивга, еще державшагося въ низкихъ мѣстахъ и ложбинахъ. Дорога силою чернѣла грязью и сверкала лужами. По все это представлялось ему словно сквозъ сѣтку. Около моврыхъ службъ царствовало полнѣйшее безлюдье, хотя всѣхъ всѣ двери были настежь; въ домѣ тоже никого докликаться было нельзя, хотя до слуха безпрестанно долетали какіе-то звуки, въ родѣ отдаленнаго хлопанья дверьми. Вотъ бы теперь невидимкой оборотиться хорошо, да подслушать, что о немъ хамово отродье говоритъ! Понимаютъ ли подданы его милости, или, можетъ-быть, за его же добро да его же судачатъ? Вѣдь имъ хоть съ утра до вечера въ хайло-то пухай—все мало, все какъ съ гуся вода! Давно ли, кажется, новую шапку съ огурцами начили, а ужъ... Но только что онъ началъ забываться на этой мысли, только что начиналъ соображать, сколько въ шапкѣ можетъ быть огурцовъ и сколько съѣдуешь, при самомъ широкомъ

расчетѣ, положить огурцовъ на человѣка, какъ опять въ головѣ мелькнулъ лучъ дѣйствительности и разомъ перевернулъ вверхъ дномъ все его расчеты.

«Ишь ты, вѣдь! даже не спросилась—ушла!»—думалось ему, покуда глаза бродили въ пространствахъ, усиленно различить поповскій домъ, въ которомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ эту минуту соловьемъ разливалась Евираксеюшка.

Но вотъ и обѣдъ подали; Порфирій Владимырьчъ сидитъ за столомъ одинъ и какъ-то вяло хлебаешь пустой супъ (онъ терпѣть не могъ супъ безъ ничего, но она сегодня нарочно вѣтляла именно такой сварить).

«Чай, я пону-то до смерти тошно, что она къ нему неспросилась!—думается ему:—все же лишній кусочекъ подать надо! И щецъ, и кашки... а два гостыя, пожалуй, и жарковца какого-нибудь»...

Опять фантазія его разыгрывается; опять онъ начинаетъ забываться, словно его сонъ заводитъ. Сколько лишнихъ ложекъ щецъ пойдетъ? сколько кашки? и что вовсе съ попадней говорить по случаю прихода Евираксеюшки? какъ они промежду себя ругаютъ ее... Все это — и кушанья, и рѣчи—такъ и мечется у него, словно живое передъ глазами.

«Поди, изъ чашки такъ все вместе и хлебаешь!.. Ушла! сумѣла, гдѣ себя найти лакомство! На дворѣ слюкотъ, грязь—долго ли до обѣды! Придетъ ужъ, хвосты обтрепанные принесеть... Ахъ, ты, гадина! именно гадина! Да, надо, надобно какъ-нибудь»...

На этой фразѣ мысль неизменно обрывалась. Послѣ обѣды легъ онъ по обыкновенію заснуть, но только измучился, проворочавшись съ боку на бокъ. Евираксеюшка пришла домой ужъ тогда, когда стемнѣло, и такъ прокралась въ свой уголокъ, что онъ и не замѣтилъ. Приказывала онъ людямъ, чтобы непременно его предупредили, когда она воротится; но и люди, словно стакнулись, смолчали. Попробовалъ онъ опять толкнуться къ ней въ комнату, но и на этотъ разъ ванель дверь запертою.

На третій день, утромъ, Евираксеюшка хотя и явилась къ чаю, но заговорила еще грознѣе и шлоче.

— Гдѣ-то Володюшка мой теперь? — начала она, приторно давая своему голосу слезливый тонъ.

Порфирій Владимырьчъ совѣмъ помертвѣлъ при этомъ вопросѣ.

— Хотъ бы глазкомъ на него взглянула, какъ онъ, ро-

димый, тамъ масться! А то, пожалуй, и померъ ужъ... право!

Тудушка треметно шевельвъ губами, шепча молитву.

— У насъ все не какъ у людей! Вотъ у мазулинскаго господина Паласевича дочку родила — сейчасъ же въ баптистъ-дѣкосъ варидали, постельку розовенькую для нея устроили... Одной жамки сколько сарафановъ да кокошниковъ надарили! А у насъ... э-эхъ... вы!

Евпраксеюшка круто повернула голову къ окну и шумно вдохнула.

— Правду говорятъ, что всё госнода проклятые! Нарождать дѣтей—и забросать въ болото, словно щенятъ! И горюшка имъ мало! И отвѣта ни передъ кѣмъ не дадутъ, словно и Бога на нихъ нѣтъ! Волкъ—и тотъ этого не сдѣлаетъ!

У Порфирія Владимірыча такъ и вертѣлось все нутро. Онъ долго перемогалъ себя, но, наконецъ, не выдержалъ и прощѣдиль сквозъ зубы:

— Однако... новая моды у тебя завелась! Ужъ третій день сразу я твои разговоры слушаю!

— Что-жъ и моды! Моды—такъ моды, но все вамъ одинакъ говорить—можно, чай, и другимъ слово вымолвить! Право-ну! Ребенка прижили—и что съ нимъ сдѣлали! Въ деревнѣ, чай, у бабы въ избѣ сплюнули! Ни призору за нимъ, ни нища, ни одежи... лежить, поди, въ грязи да соску прокислую сосеть!

Она прослезилась и колючимъ шейнаго плагиа утерла глаза.

— Вотъ ужъ правду погорѣловская барышня сказала что странно съ вами. Странно и есть. Ни удовольствія, ни радости, одиѣ только каверзы... Въ тюрьмѣ арестанты лучше живутъ. По крайности, если-бъ у меня тепереча ребенокъ былъ—все бы я забаву какую-ни-па-есть видѣла. А то нутро! быть ребенокъ—и того отвязли.

Порфирій Владимірычъ сидѣлъ на мѣстѣ и какъ-то мучительно моталъ головой, точно его и въ самомъ дѣлѣ къ стѣбѣ прижали. По временамъ изъ груди его даже вырывались стоны.

— Ахъ, тяжело!—наконецъ, провизнесъ онъ.

— Нечего «тяжело»! Сама себя раба бьетъ, коли плохо знаетъ! Право, съѣзжу и въ Москву, хоть глазкомъ на Володьку взгляну! Володька! Володенька! мн-и-и-лай! Барыня! съѣзжу-ка, что ли, я въ Москву?

— Не зачѣмъ!—глухо стозвался Порфирій Владимірычъ.

— Ахъ, съѣзжу! и не спронуся ни у кого, и никто запрѣтитъ мнѣ не можетъ! Потому я—мать!

— Какая ты мать! Ты дѣвка гулящая—вотъ ты кто!—разразился, наконецъ, Порфирій Владимірычъ.—Сказывай, чтѣ тебѣ отъ меня надобно?

Къ этому вопросу Евпраксеюшка, повидимому, не приготовилась. Она уставилась въ Іудушку глазами и молчала, словно размышляя, что ей въ самомъ дѣлѣ надобно.

— Вотъ какъ, уаъ дѣвкой гулящей звать стали! — вскрикнула она, заливаясь слезами.

— Да! дѣвка гулящая! дѣвка, дѣвка! тыфу! тыфу! тыфу!

Порфирій Владимірычъ окончательно выпелъ изъ себя, вскоцилъ съ мѣста и почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ столовой.

Это была послѣдняя вспышка энергій, которую онъ позволилъ себѣ. Затѣмъ онъ какъ-то быстро осунулся, отупѣлъ и струсилъ, тогда какъ пристаиваньямъ Евпраксеюшки и конца не было видно. У нея была въ распоряженіи громадная сила—упорство тупоумія, и такъ какъ эта сила постоянно была въ одну точку: досадить, изгадить, то по временамъ она являлась чѣмъ-то страннымъ. Мало-помалу арена столовой сдѣлалась недостаточною для нея; она врывалась въ кабинетъ и тамъ постигала Іудушку (прежде она и подумать не могла бы войти туда, когда баринъ «заятъ»). Придетъ, сидеть къ окну, упрется посоловѣлыми глазами въ пространство, почесаетъ лопатками о косякъ и начнетъ колобродить. Въ особенности же пришла къ сердцу одна тема для разговоровъ—тема, въ основаніи которой лежала угроза оставить Головлево. Въ сущности она никогда серьезно объ этомъ не думала и даже была бы очень изумлена, если-бъ ей вдругъ предложили возвратиться въ родительскій домъ; но она догадывалась, что Порфирій Владимірычъ пуще всего боится, чтобы она не ушла. Приговаривалась она къ этому предмету всегда по-маленьку, окольными путями. Помолчитъ, почесать въ ухѣ и вдругъ словно бы что вспомнить.

— Сегодня, у Николы, ноги, блины некутъ!

Порфирій Владимірычъ при этомъ вступавшей зеленѣеть отъ злости. Передъ этимъ онъ только что началъ очень сложное вычисленіе—на какую сумму онъ можетъ продать въ годъ молока, ежели всѣ коровы въ округѣ примрутъ, а у него одного, съ Божьею помощію, не только останутся невредимы, но даже будутъ давать молока пропитъ прежняго вдвое. Однако, въ виду прихода Евпраксеюшки и по-

ставленного ею вопроса о блинах, онъ оставляетъ свою работу и даже успивается улыбнуться.

— Отчего же тамъ блины пекутъ? — спрашиваетъ онъ, осклабяясь весьма лицомъ своимъ.— Ахъ, батюшки, да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ родительская сегодня! А я-то, ротозѣй, и позабылъ! Ахъ, грѣхъ какой, маменьку-то покойницу и помянуть будетъ нечѣмъ!

— Пошла бы я блинкова... родительскихъ!

— А кто-жь тебѣ не вѣзять! распорядилъ! Кухарку Марьюшку за бока, а не то такъ Улитку! Ахъ, хорошо Улита блины печетъ!

— Можетъ, она и другимъ чѣмъ на вѣсть потрафила?— язвить Евпраксеюшка.

— Итъ, грѣхъ сказать, хорошо, даже очень хорошо Улита блины печетъ! Легкіе, мягкіе— ай, поѣшь!

Порфирій Владиміръчъ хочетъ шуточкой да смѣликомъ развлечь Евпраксеюшку

— Пошла бы я блиновъ, да не головесвиныхъ, а родительскихъ!— кобанишься она.

— И за этимъ у насъ дѣло не станеть! Архипушку-кучера за бока, вели парочку лошадушекъ заложить, бати себѣ да показывай!

— Итъ ужъ! что ужъ! попалась птица въ западню... сама глупа была! Кому меня, этакую-то, нужно? Сами гулицей дѣвкой недавно называли... чего ужъ!

— Ахъ-ахъ-ахъ! и не стыдно тебѣ напрослину на меня говорить! А ты знаешь ли, какъ Богъ-то за напрослину наказываетъ?

— Назвали! прямо-таки гулицей и назвали! Вотъ и образъ тутъ: при немъ, при Батюшкѣ! Ахъ, распотылае мнѣ это Голоклево! Сбѣгу я отсюда, право, сбѣгу!

Говоря это, Евпраксеюшка ведетъ себя совершенно непринужденно: раскачивается на стулѣ, конается въ носу, почесывается. Очевидно, она разыгрываетъ комедію, дразнить.

— Я, Порфирій Владиміръчъ, вамъ сто-то хотѣла сказать,—продолжаетъ она колобродить:—идь мнѣ домой надобно!

— Пригостить, что ли, въ отцу съ матерью собралась?

— Итъ, я совѣмъ. Останусь, значить, у Школы.

— Что такъ? Обидѣлась чѣмъ-нибудь?

— Итъ, не обидѣлась, а такъ... надо же когда-нибудь... Да и скучно у васъ... нуда странно! Въ домѣ-то словно все вымерло! Людинки — вольница, все по кухнямъ да по

людским, прыдучся; сиди въ цѣломъ домѣ одна: еще зарѣ-
жить, того гляди! Ночью спать ляжешь—изъ всѣхъ угловъ
шопоты ползутъ!

Однако, проходили дни за двумя, а Евпраксеюшка и не
думала приводить въ исполненіе свою угрозу. Тѣмъ не ме-
нѣе, дѣйствіе этой угрозы на Порфирія Владимірыча было
очень рѣшительное. Онъ вдругъ какъ-то понялъ, что, по-
смотря на то, что съ утра до вечера изнывалъ въ такъ
называемыхъ трудахъ, онъ, собственно говоря, ровно ни-
чего не дѣлалъ и могъ бы остаться безъ обѣда, не имѣть
ни цѣпота бѣлья, ни несправнаго платья, если-бъ не было
чѣго-то глаза, который смотрѣлъ за тѣмъ, чтобъ его до-
машній обиходъ не прерывался. До сихъ поръ онъ какъ
бы не чувствовалъ жизни, не понималъ, что она имѣетъ
какую-то обстановку, которая создается не сама собой.
Весь его дѣнь шель однажды введенныхъ порядкомъ: все
въ домѣ группировалось лично около него и ради него;
все дѣлалось въ свое время, всякая вещь находилась на
своемъ мѣстѣ—словомъ сказать, вездѣ царствовала такая
пѣнзѣнная точность, что онъ даже не придавалъ ей ни-
какого значенія. Благодаря этому порядку вещей, онъ могъ
на всей своей волѣ предаваться и праздноеловію, и празд-
номыслию, не опасаясь, чтобы уголы дѣйствительной жизни
когда-нибудь вывели его на свѣжую воду. Правда, что вся
эта искусственная махинація держалась на волоскѣ; по че-
ловѣку, постоянно потруженному въ самого себя, не могло
и въ голову придти, что этотъ волосокъ есть нѣчто очень
тонкое, легко рвущееся. Ему казалось, что жизнь устано-
вилась прочно, навсегда... И вдругъ все это должно ру-
хнуть въ одинъ мигъ, по одному дурацкому слову: «нѣтъ,
ужъ! что ужъ! уйду!» Гудушка совершенно растерялся. «Что,
ежели она въ самомъ дѣлѣ уйдетъ?»—думалось ему. И онъ
мысленно начинать строить всевозможныя нелѣпыя комби-
націи, съ цѣлью какъ-нибудь удержать ее, и даже рѣшался
на такія уступки въ пользу бунтующей Евпраксеюшкиной
младости, которая ему никогда бы прежде и въ голову не
пришла.

— Тыфу! тыфу! тыфу!—отилевывался онъ, когда возмож-
ность столкновенія съ кучеромъ Архипушкой или съ кон-
торщикомъ Игнатомъ представлялась ему во всей обидной
наготѣ своей.

Скоро, однакожъ, онъ убѣдился, что страхъ его насчетъ
ухода Евпраксеюшки былъ по малой мѣрѣ неоснователенъ,

и вѣдѣ затѣмъ существованіе его какъ-то круто вступило въ новый и совершенно для него неожиданный фазисъ. Евпраксеюшка не уходила, но даже замѣтно пріутихла съ своими притананіями. Взамѣвъ того, она совершенно бросила Порфирій Владимірыча. Наступалъ май, пришли красивые дни, и она ужъ почти совсѣмъ не явилась въ домъ. Только по постоянному хлопанью дверей Гудушка догадывалась, что она за чѣмъ-нибудь прибѣжала къ себѣ въ комнату, съ тѣмъ, чтобы вѣдѣ затѣмъ опять исчезнуть. Вставая утромъ, онъ не находилъ на обыкновенномъ мѣстѣ своего платья и долженъ былъ вести продолжительные переговоры, чтобы получить чистое обѣлье, чай и обѣдъ ему подавали то спозаранку, то слишкомъ поздно, при чемъ прислуживать полубыялый лакей Прохоръ, который являлся къ столу въ запятомомъ скруткѣ и отъ котораго вѣчно воняло какою-то противною смѣсью рыбы и воды.

Тѣмъ не менѣе, Порфирій Владимірычъ ужъ и тому былъ радъ, что Евпраксеюшка оставляла его въ покоѣ. Онъ примирялся даже съ безпорядкомъ, лишь бы знать, что въ домѣ все-таки есть кто-то, кто этотъ беспорядокъ держитъ въ своихъ рукахъ. Его страшила не столько безурядица, сколько мысль о необходимости личнаго вмешательства въ обстановку жизни. Съ ужасомъ представлялъ онъ себѣ, что можетъ наступить минута, когда ему самому придется распорядиться, приказывать, надсматривать. Въ предвидѣніи этой минуты онъ старался подавить въ себѣ всякій протестъ, закрывалъ глаза на наступавшее въ домѣ безначаліе, егущевывался, молчалъ. А на барскомъ дворѣ, между тѣмъ, шла ежедневная открытая гуляба. Съ наступленіемъ тепла голововеская усадьба, дотолѣ степенная и даже угрюмая, оживилась. Вечеромъ все населеніе дворовыхъ, и запятные, и состоящіе на дѣйствительной службѣ, и старъ, и младъ — все высыпало на улицу. Пѣли пѣсни, играли на гармоніяхъ, хохотали, взвизгивали, обѣгали въ горѣлки. На Игнатъ-конторщикъ появилась ярко-красная рубаха и какая-то неслаханно-узенькая жакетка, борты которой совсѣмъ не закрывали его молодечьи-выпяченной груди; Архипъ-кучеръ самовольно завладѣлъ выдвинуто шелковой рубашкой и илисовой безрукавкой и очевидно соперничалъ съ Игнатомъ въ планахъ насчетъ сердца Евпраксеюшки. Евпраксеюшка обѣгала между ними и, словно шальная, кидалась то къ одному, то къ другому. Порфирій Влади-

миръчъ боялся взглянуть въ окно, чтобы не сдѣлаться свидѣтелемъ любовной сцены, но не сдѣлаться не могъ. По временамъ въ ушахъ его раздавался звукъ полновѣснаго удара: это кучеръ Архипушка всей пятерней давалъ разъ Евпраксеюшкѣ, гоняясь за нею въ горѣлахахъ (и она не рассердилась, а только присѣла слегка); по временамъ до него доносился разговоръ.

— Евпраксея Игнатинна! а Евпраксея Игнатинна! — завываетъ пьяненькій Прохоръ съ барскаго крыльца.

— Чего надобно?

— Ключъ отъ чаю пожадуйте, баринъ чаю проситъ!

— Подождеть.. кикимора!

Въ короткое время Порфирій Владимірычъ совсѣмъ одичалъ. Весь обычный ходъ его жизни былъ извужораченъ и извращенъ, но онъ какъ-то уже пересталъ обращать на это вниманіе. Онъ ничего не требовалъ отъ жизни, кромѣ того, чтобы его не тревожили въ его послѣднемъ убѣжищѣ — въ кабинетѣ. Насколько онъ прежде былъ придирчивъ и надобдливъ въ отношеніяхъ къ окружающимъ, настолько же теперь сдѣлался боязливъ и угрюмо-покоренъ. Казалось, всякое общеніе съ дѣйствительною жизнью пріостатилось для него. Ничего бы не слышать, никого бы не видѣть — вотъ чего онъ желалъ. Евпраксеюшка могла цѣлыми днями не показываться въ домѣ; людишки могли сколько хотѣли волничать и бездѣлничать на дворѣ — онъ ко всему относился безучастно, какъ будто ничего не было. Прежде, если-бъ конторщикъ позволилъ себѣ хотя малѣйшую неаккуратность въ доставленіи рапортничекъ о состояніи различныхъ отраслей хозяйственнаго управленія, онъ навѣрное истиранилъ бы его поученіями; теперь ему по цѣлымъ педѣлямъ приходилось сидѣть безъ рапортничекъ, и онъ только изрѣдка тяготился этимъ, а именно, когда ему нужна была цифра для подкрѣпленія какихъ-нибудь фантастическихъ расчетовъ. Зато, въ кабинетѣ, одинъ на одинъ съ самимъ собою, онъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ, въносящимъ возможность праздномыслить сколько душѣ угодно. Подобно тому, какъ оба брата его умерли, одержимые запоемъ, такъ точно и онъ страдалъ тою же болѣзью. Только это было запой шюге рода — запой праздномыслия. Запершись въ кабинетѣ и засѣвши за письменный столъ, онъ съ утра до вечера изывалъ надъ фантастической работой: стронилъ всевозможная

исключительныя предположенія, учитывалъ самого себя, разгваривалъ съ воображаемыми собесѣдниками и создавалъ цѣлыя сцены, въ которыхъ первая случайно избредшая на умъ личность являлась дѣйствующимъ лицомъ.

Въ этомъ омутѣ фантастическихъ дѣйствій и образовъ главную роль играла какая-то болѣзненная жажда стяжанія. Хотя Порфирій Владиміровичъ и всегда вообще былъ мелоченъ и наклоненъ къ клеузѣ, но, благодаря его практической нѣтъности, никакихъ прямыхъ выгодъ лично для него отъ этихъ наклонностей не получалось. Онъ надобдалъ, томилъ, притягивалъ (преимущественно самыхъ беззащитныхъ людей, которые, такъ сказать, сами напрашивались на обиду), но и самъ чаще всего терялъ отъ своей затѣйливости. Теперь эти свойства всецѣло перешли на отвлеченную, фантастическую почву, гдѣ ужъ не было мѣста ни для отпора, ни для оправданій, гдѣ не было ни сильныхъ, ни слабыхъ, гдѣ не существовало ни полиціи, ни мировыхъ судовъ (или, лучше сказать, существовали, но единственно въ видахъ огражденія его, Тудунскихъ, интессовъ), и гдѣ, слѣдовательно, онъ могъ свободно опустывать цѣлый міръ съвѣтъ клеузъ, притѣвленій и обидъ.

Онъ любилъ мысленно вымучить, разорить, обездолить, выесть кровь. Перебиралъ одну за другой все отрасли своего хозяйства: лѣсъ, скотный дворъ, хлѣбъ, луга и проч., и на каждой создавалъ узорчатое зданіе фантастическихъ притѣвленій, сопровождаемыхъ самыми сложными расчетами, куда входили и штрафы, и ростовщичество, и общія бѣдствія, и пріобрѣтеніе чужихъ бумагъ—словомъ сказать, цѣлый запутанный міръ правдныхъ помѣщичьихъ идеаловъ. А такъ какъ тутъ все зависѣло отъ произвольно предпологаемыхъ перепадовъ и недоплатъ, то каждая переплаченная или недоплаченная копейка служила поводомъ для перодѣлки всего зданія, которое такимъ образомъ видоизмѣнялось до безконечности. Затѣмъ, когда утомленная мысль уже не въ силахъ была слѣдить съ должнымъ вниманіемъ за всеми подробностями спутанныхъ выводовъ по операціямъ стяженія, онъ переносилъ арену своей фантазіи на вымыслы болѣе разсужденныя. Припоминалъ все столкновенія и пререканія, какія случались у него съ людьми не только въ недавнее время, но и въ самой отдаленной молодости, и разрабатывалъ ихъ съ такимъ расчетомъ, что всегда изъ всякаго столкновенія выходилъ побѣдителемъ. Онъ мстилъ мысленно своимъ бывшимъ сослуживцамъ по депар-

таменту, которые опредѣляли его по службѣ и разстраивали его самолюбіе настолько, что заставляли отказаться отъ служебной карьеры; мстилъ однокашникамъ по школѣ, которые никогда пользовались своею физической силой, чтобъ дразить и притѣвлять его; мстилъ сосѣдямъ по имѣнію, которые давали отпоръ его притязаніямъ и отставали свои права; мстилъ слугамъ, которые когда-нибудь сказали ему грубое слово или просто не оказали достаточной почтительности; мстилъ мамонькѣ Аринѣ Петровнѣ за то, что она просадла много денегъ на устройство Погорьки, — денегъ, которые, «по всемъ правамъ», слѣдовали ему; мстилъ братцу Стѣпкѣ-балбесу за то, что онъ прізвалъ его Тудунской метилу тетенькѣ Варварѣ Михайловнѣ за то, что она, въ то время, когда ужъ никто этого не ждалъ, вдругъ народила дѣтей «съ бору да съ сосонки», вслѣдствіе чего сельцо Гаврошкино навсегда ускользнуло изъ Головлеваго рода. Мстилъ живымъ, мстилъ мертвымъ.

Фантазируя такимъ образомъ, онъ немыслимо доходилъ до ошарашенія: земля пезезала у него изъ-подъ ногъ, за опшюй словно вырастали крылья. Глаза блестяли, губы тряслель и покрывались пѣной, лицо блѣднѣло и принимало угрожающее выраженіе. И по мѣрѣ того, какъ росла фантазія, весь воздухъ кругомъ него населялся призраками, съ которыми онъ вступалъ въ воображаемую борьбу.

Существованіе его получило такую полную и независимость, что ему ничего не оставалось желать. Весь міръ былъ у его ногъ,—разумѣется, тотъ немудреный міръ, который былъ доступенъ его скудному міросозерцанію. Каждый протѣвннй мотивъ онъ могъ варьировать бесконечно, разрабатывать всякій разъ на новый манеръ. Это былъ своего рода эстакадъ, ясновидѣніе, нѣчто подобное тому, что происходитъ на спиритическихъ сеансахъ. Ничѣмъ не ограниченное воображеніе создаетъ мнимую дѣйствительность, которая, вслѣдствіе постоянного возбужденія умственныхъ силъ, претворяется въ конкретную, почти осязательную. Это—не вѣра, не убѣжденіе, а именно умственное распутованіе, эстакадъ. Люди обезчеловѣчиваются, ихъ лица искажаются, глаза горятъ, языкъ произноситъ непривольныя рѣчи, тѣло производитъ непривольныя движенія.

Порфирій Владиміровичъ былъ счастливъ. Онъ плотно запералъ окна и двери, чтобъ не слышать, спускалъ шторы, чтобъ не видѣть. Все обычныя жизненныя отиривленія, ко-

торыя прямо не соприкасались съ міромъ его фантазіи, онъ дѣлалъ на скорую руку, почти съ отвращеніемъ. Когда пьянцескій Прохоръ стучался въ дверь его комнаты, докладывая, что водано кушать, онъ нетерпѣливо вѣбгалъ въ столовую, паперекоръ всѣмъ прежнимъ привычкамъ, стѣнна сѣдалъ свои три перемѣны кушанья и опять скрывался въ кабинетъ. Даже въ манерахъ у него, при столкновеніи съ живыми людьми, явилось что-то отчасти робкое, отчасти глупо насмѣшливое, какъ будто онъ, въ одно и то же время, и боялся, и вызывалъ. Утромъ онъ сѣвшилъ вѣталь какъ можно раньше, чтобы сейчасъ же приступить за работу. Молитвенное стояніе сократилъ; слова молитвы произносилъ безучастно, не вникая въ ихъ смыслъ; крестная знаменія и водвѣнія рукъ творилъ машинально, неотчетливо. Даже представленіе объ адѣ и его мучительныхъ возмездіяхъ (за каждый грѣхъ—возмездіе особенное), повидному, покинуло его.

А Евпраксеюшка, между тѣмъ, мѣла въ чадѣ плотскаго вожделѣнія. Гарцуя въ первѣнности между конторщикомъ Игнатомъ и кучеромъ Архипушкой, и въ то же время глазами на краснорожаго плотника Илюну, который съ цѣлой артелью подрядился вывѣсить господній погребъ, она ничего не замѣчала, что дѣлается въ барскомъ домѣ. Она думала, что баринъ какую-нибудь «новую комедію» разыгрываетъ, и не мало веселыхъ словъ было произнесено по этому поводу въ дружеской компаніи почувствовавшихъ себя на свободѣ людшекъ. Но однажды, какъ-то случайно, зашла она въ столовую въ то время, какъ Лудушка пѣскоро доѣдалъ кусокъ жаренаго гуся, и вдругъ ей сдѣлалось жутко.

Порфирій Владиміръчъ сѣдѣлъ въ засаженномъ халатѣ, изъ котораго мѣстами выбивалась уже вата; онъ былъ блѣденъ, нечесанъ, обросъ какой-то цѣттиной вѣстѣ бороды.

— Баринушка! Что такое? что случилось?—бросилась она къ нему въ испугѣ.

Но Порфирій Владиміръчъ только глупо-язвительно улыбнулся въ отвѣтъ на ея восклицаніе, словно хотѣлъ сказать: а ну-ка, попробуй теперь меня чѣмъ-нибудь уязвить!

— Баринушка! да что такое? Говорите, что случилось?—повторила она.

Онъ вскалъ, уставилъ въ нее исполненный ненависти взглядъ и съ разстановкой произнесъ:

— Если ты, дѣвша распутная, еще когда-нибудь... въ кабинетъ ко мнѣ... Убью!

Благодаря этой случайности, существованіе Порфирія Владиміръча съ вѣншей стороны измѣнилось къ лучшему. Не чувствуя никакихъ матеріальныхъ помѣхъ, онъ свободно отдался своему одиночеству, такъ что даже не видѣлъ, какъ прошло лѣто. Августъ ужъ перевалилъ на вторую половину; дни сократились; на дворѣ непрерывно сѣялъ мелкій дождь; земля взмокла; деревья стояли понуро, рошя на землю пожелтѣвшіе листья. На дворѣ и около людской царствовала невозмутимая тишина: дворовые воглались по своимъ угламъ, частью вслѣдетіе хмурой погоды, частью вслѣдетіе того, что догадались, что съ баринномъ прореходитъ что-то неладное. Евпраксеюшка окончательно очулась, забыла и о пнезковыхъ платьяхъ, и о милыхъ дружкахъ, и по цѣлымъ часамъ сѣдѣла въ дѣвичьей на ларѣ, не зная, какъ ей быть и что предпринять. Пьянцескій Прохоръ дразнилъ ее, что она извела барина, опонла его, и что не миновать ей за это по владиміръчъ погулять.

А Лудушка, между тѣмъ, сѣдять, запершись, у себя въ кабинетѣ и мечтаетъ. Ему еще лучше, что на дворѣ свѣжко сдѣлалось: дождь, безъ усталы дребезжаній въ окна его кабинета, наводитъ на него полудремоту, въ которой еще свободнѣе, шире развертывается его фантазія. Онъ представляетъ себя невидимкою и въ этомъ видѣ мысленно инспектируетъ свои владѣнія, въ сопровожденіи стараго Илюн, который еще при пашенькѣ, Владиміръчъ Михайловичѣ, старостой служилъ и давнымъ-давно на кладбищѣ схороненъ.

— Умный мужикъ Илюн! Старинный слуга! Илюнче такіе-то люди выводитесь. Нынче что: поволить да погарантировать, а чуть до дѣла коснется—и лѣтъ никого!—разсуждаетъ самъ съ собой Порфирій Владиміръчъ, очень довольный, что Илюн изъ мертвыхъ воскресъ.

Но торопясь да Богу помолясь, пнѣбмъ невидимые, черезъ поля и овраги, черезъ доли и луга, пробираются они въ пустошь Уховщину—и долго не вѣрять глазамъ своимъ. Стоитъ передъ ними лѣснице стѣна-стѣнкой, стоитъ да только вершинами въ вышай гудѣтъ. Деревья все одно къ одному, красныя—соснякъ, которые въ два, а которые и въ три обхвата; стволы у нихъ прямые, облажанные, а вершины могучія, пушистыя: долго, значитъ, еще этому лѣсу стоять можно!

— Вотъ, братъ, такъ лѣсок!—въ восхищеніи восклицаетъ Лудушка.

— Закажишь!—объясняетъ старикъ Илюн:—еще при

покойномъ, дѣдушкѣ ваниль, при Михайлѣ Васильевичѣ, съ образами обиданъ—вонъ онъ, какой выросъ!

Сколько, въ-господу, тутъ десятинъ будетъ?

— Да въ ту пору ровно ссѣмьдесятъ десятинъ мѣрили, а нынче... тогда десятина-то хозяйственная была, притивъ вывѣшенъ въ полтора раза побольше!

Ну, а какъ ты думаешь, сколько на каждой десятинѣ, примѣрно, деревь сидитъ?

Кто ихъ знаетъ! у Бога они сосчитаны!

А я такъ думаю, что непременно шестьсотъ-семьсотъ на десятину будетъ. Да не на старую десятину, а на нынѣшнюю, на тридцатку. Поестой! погоди! сѣкали по шестисотъ... ну, по истинности по пятидесяти полагать—сколько же на ста пяти десятинкахъ деревь будетъ?

Порфирій Владиміровичъ беретъ листъ бумаги и умножаетъ 105 на 50: оказывается 68.250 деревь.

— Тебѣ рича, сѣканъ весь этотъ дѣсь продать... по разному вѣсть... какъ ты думаешь, можно по десяти рублей за дерево вѣсть?

Старикъ Илья трясетъ головой.

Мало!—говоритъ онъ.— Вѣдь это такой дѣсь! Изъ каждаго дерева два медвѣдичьихъ вала выйдетъ, да еще строевое бревно, хоть въ какую угодно строину, да семейчикъ, да товарищину, да сушня... По-вашему, медвѣдичья-то вала... сколько онъ стѣнетъ?

Порфирій Владиміровичъ притворяется, что не знаетъ, хотя онъ давно ужъ все до послѣдней копейки опредѣлялъ и устанавливалъ.

— По здѣшнему мѣсту одинъ вѣсь десятъ рублей стѣнетъ, а кабы въ Москву, такъ и двѣи бы сму, кажется, не было! Вѣдь это—какой вѣсь! Ежели на тройкѣ только-только увезти! Да еще другой вѣсь, потоньше, да бревно, да семеричекъ, да дрови, да сушь... Ахъ, дерево-то, бѣдно-бѣдно, въ двадцати рубляхъ пойдетъ.

Слушаетъ Порфирій Владиміровичъ Илью рѣши и не переставая ихъ. Умный, вѣрный мужикъ—этотъ Илья! Да и все вдобавѣ управленіе сму какъ-то необыкновенно удачно пришло! Богъ сѣадать! Въ помоничкахъ у Ильи старый Бавило сѣадать (тоже давно на кладбищѣ лежатъ)—вотъ, братъ, такъ красть! Въ конторичкахъ, маменькинъ землей, фланшигъ-перевеселенъ (якъ вологодскихъ деревень его, ябъ, шестьдесятъ тому вѣдѣтъ, перевесан); погѣбовники все испитыише, веутомнише; пѣи у амбаровъ—зале! И люди,

и пѣи—вѣи готовы за барское добро хоть чорну горло по-регрывать!

— А нука, братъ, давай правнеше: сколько это будетъ, сѣканъ все пустошь по разному распродаютъ?

Порфирій Владиміровичъ снова речециваетъ мысленно, сколько стѣнетъ большой вѣсь, сколько вѣсть потоньше, сколько строевое бревно, семеричекъ, дрова, сушня. Потому сѣканъ-вѣсть, умножаетъ, въ шомъ мѣсть отѣвѣкаетъ дрови, въ въ другомъ приравляетъ. Листъ бумаги наполняется столбцомъ цифръ.

— Нука, братъ, смотри, что вышло! — показывать Иудушка вображаемому Ильѣ какою-то сонсѣмъ пѣсѣхалную цифру, такъ, что даже Илья, который и со своей стороны не прочь отъ приравленія барскаго добра, и тотъ словно сѣзвѣлся.

— Что-то какъ будто и многовато!—говоритъ онъ, въ раздумьи поводя лопатками.

Но Порфирій Владиміровичъ уже откинулъ все сомнѣніи и только веселокако хихикаетъ.

— Чудакъ, братецъ, ты! Это ужъ не я, а цифра гоноритъ... Нука, братецъ, такъ ешь, ариметичкой называется... ужъ она братъ, не солжеть! Ну, хорошо, съ Уховичиной теперь покончили; пойдѣмъ-ка, братъ, въ Лисанъ-Дамъ, давно а тамъ не бывалъ! Сѣканъ мѣсь, что мужикъ такъ подѣлываетъ, ой, понаслаждать мужики! Да и Гарашка-сторжъ... Знаю, знаю! Хорошій Гарашка, усердный сторожъ, вѣрный—это что гоноритъ а кѣс-таки... Маденько онъ какъ будто зашибѣлся сталъ!

Идутъ они пѣснѣшно, поидѣмо, сѣканъ чашку березовую ера пробирается и вдругъ останавливается, пригавши дѣханіе. На самой дорожѣ лежитъ на боку мужицкій возъ, а мужикъ стѣнетъ и тужить, глядячи на столбачную ось. Потужилъ-потужилъ, выругалъ ось, да и себя кетѣи ругнуть, выгнать лѣнадь внуютъ по снѣжъ («снѣжъ, верона!»), однако, дѣланъ что-нибудь надо—не стѣтъ же на одиномъ мѣсть до завтра! Озирается вору-мужичонко, прислушивается: не ждѣтъ ли кто, потовъ выбиратъ походящую березку, вышмаетъ топоръ... А Иудушка все стѣнетъ, не илѣохитѣя... Дровишка березка, запалася и вдругъ, словно сполъ, повалыла на-вѣсь. Хотѣтъ мужикъ отрубить отъ комля, сколько ва ось надобно, но Иудушка ужъ рѣшилъ, что нахотѣиш моментъ, наступитъ. Крѣдучислѣ, подпоиваетъ онъ съ мужикку и мыгомъ нахвываетъ изъ рукъ его топоръ...

— Ахъ! — успѣваетъ только крикнуть застигнутый врасплохъ воръ.

— «Ахъ!» — передразниваетъ его Порфирій Владимірычъ: — а чужой явѣсь воровать дозволяется? «Ахъ!» — а чью березку-то, свою, что ли, срубилъ?

— Простите, батюшка!

— И, братецъ, давно всема простили! Самъ Богу грѣшныя и другихъ осуждать не смѣю! Не я, а законъ осуждаетъ. Осъ-то, которую ты срубилъ, на усадьбу привези, да и рубанокъ штрафу кетати ужъ захвати; а откуда пуссай топорикъ у меня полегити! Небожь, братъ, сохранио будетъ!

Довольный тѣмъ, что успѣлъ на самомъ дѣлѣ доказать Илѣ справедливость своего мнѣнія насчетъ Гараыки, Порфирій Владимірычъ съ мѣста преступления заходитъ мысленно въ пѣзу волсвовидка и дѣлаетъ приличное поученіе. Потомъ онъ отправляется домой и по дорогѣ ловить въ господскомъ осѣвѣ трехъ крестьянскихъ куръ. Воротившись въ кабинетъ онъ опять принимается за работу, и дѣлаетъ особенная хозяйственная система вдругъ зарождается въ его умѣ. Все растущее и прозябающее на его землѣ, сѣянное и несѣянное, обращается въ деньги по разному, и притомъ со штрафомъ. Все люди вдругъ сдѣлались порубочниками и поправщиками. А Иудушка не только не скорбитъ объ этомъ, но, напротивъ, даже руки себѣ протираетъ отъ удовольствія.

— Травите, батюшки, рубите, мнѣ же лучше! — повторяетъ онъ, совершенно довольный.

И тутъ же беретъ новый листъ бумаги и принимается за выкладки и вычисления.

Сколько на десятицѣвѣ овса растеть и сколько этотъ овесъ можетъ денегъ принести, ежели его куры мужикія помнутъ и за все помятое штрафъ уплатятъ?

«А овесъ-то хоть и помятъ, анъ, пость дождичка и опять поправится!» — мысленно присовокупляетъ Иудушка.

Сколько въ Лвельхъ-Ямахъ березокъ растеть и сколько изъ нихъ можно денегъ взять, ежели ихъ мужики воровскимъ манеромъ порубятъ и за все порубленное штрафъ заплатятъ?

«А березка-то, хоть она и срублена, ко мнѣ же въ домъ на протопленье пойдетъ; стало-быть, дровъ самому лизать не надо», — опять присовокупляетъ Иудушка мысленно.

Громадныя колонны цифръ испепеляютъ бумагу; сперва рубли, потомъ десятки, сотни, тысячн... Иудушка до того

устаивъ за работой и, главное, такъ волнуется ею, что весь въ поту встаетъ изъ-за стола и ложится отдыхать на диванъ. Но вабуштовавшемуся воображеніе и тутъ не украшаетъ своей дѣятельности, а только изобраетъ другую, болѣе легкую тему.

— Умная женщина была маменька Арина Петровна, — фантазируетъ Порфирій Владимірычъ: — умѣла и сирокотъ, да и приласкать умѣла — оттого и служили ей все съ удовольствіемъ! Однако и за ней грѣшны водились! Ой, много было за покойницей блохъ!

Не успѣвъ Иудушка поминуть объ Аринѣ Петровнѣ, а она ужъ и тутъ какъ тутъ; словно чувствуетъ ей сердце, что она отвѣтъ должна дать: сама къ милому сыну изъ могилы явилась.

— Не знаю, мой другъ, не знаю, чѣмъ и передъ тобой провинилась! — какъ-то умѣло говоритъ она. — Кажется, а...

— Те-те-те, голубушка! лучше ужъ не грѣшнѣте! — безъ церемоніи обличаетъ ее Иудушка. — Коли на то повлю, такъ я все передъ вами сейчасъ выложу! Почему вы, напри- мѣръ, тетеньку Варвару Михайловну въ ту пору не оставили?

— Какъ же ее останавливать! Она и сама въ поляхъ лѣтахъ была, сама умѣла право распоряжаться собою!

— Ну, итъ-съ, повольте-съ! Мужъ-то какой у нея былъ? Старенькій да пьяненькій — ну, самый, самый, значитъ... безаладный! А между тѣмъ у нея четверо дѣтей прови- лось... Откуда — спрашиваю я васъ — эти дѣти взялись?

— Что это, другъ мой, какъ ты странно говоришь! Какъ будто я въ этомъ причинна!

— Причинны не причинны, а все-таки повліять могли! Смѣшадъ бы да шуточкой, «голубушка» да «душенька» — смотришь, она бы и посоветилась! А вы все напротивъ! На дыбы да съ кандачка! Варька да Варька, да подлая, да безстыжая! Чуть не со всей округой ее перефѣнчали! Вотъ она и того... и она тоже на дыбы встала! Жаль! Горюшкино-то наше бы теперь было!

— Далось тебѣ это Горюшкино! — говоритъ Арина Петровна, очевидно становясь ступицъ передъ обвиненіемъ сына.

— Мнѣ что Горюшкино! Мнѣ, пожалуйста, и ничего не надо! Было бы на свѣчку да на маслице — вотъ я и дово- лентъ! А вообще, по справедливости... Да, маменька, и радъ бы смолчать, а не сказать не могу: большой грѣхъ на вашей душѣ лежить, очень, очень большой!

Арина Петровна уже ничего не отвѣчаетъ, а только руками разводитъ, не то подавленная, не то недоумѣвающая.

— Или бы вотъ, напримеръ, другое дѣло,—продолжаетъ, между прочимъ, Тудушка, любуясь смущеніемъ маменьки:—зачѣмъ вы для брата Степана въ ту пору домъ въ Москвѣ покупали?

— Надо было, мой другъ; надо же было и ему какой-нибудь кусокъ выбросить,—оправдывается Арина Петровна.

— А отъ взялъ да и промоталъ его! И добро бы вы его не знали: и буянь-то отъ былъ, и сквернословъ, и непочтительный—пѣть-таки. Да еще пашенькину вологодскую деревеньку хотѣли ему отдать! А деревенька-то какаа! Вся въ одной межѣ: ни осѣдей, ни черезполосицы; лѣсокъ хорошенкскій, озерцо... стоитъ какъ облупленное личко, Христосъ съ ней! Хорошо, что я въ то время случился да воспріялствовааъ... Ахъ, маменька, маменька, и не грубѣхъ это вамъ!

— Да вѣдь сынъ овъ... пойми, все-таки—сынъ!

— Знаю я, и даже очень хорошо понимаю! И все-таки не нужно было этого дѣлать, не слѣдовало! Домъ-то двѣнадцать тысячъ серебромъ заплаченъ—а гдѣ онѣ? Вотъ тутъ двѣнадцать тысячъ плакали, да Горюшкино тетельки Варвары Михайловны, бѣдно-бѣдно, тысячъ на пятнадцать оцѣнить нужно... Ахъ денегъ-то и многоуко выйдеть!

— Ну, ну, полно, ужъ перестань, не сердись, Христа ради!

— Я, маменька, не сержусь, я только по справедливости сужу... что правда, то правда—терпѣть не могу лжи! Съ правдой родился, съ правдой жить, съ правдой и умиру! Правду и Богъ любить, да и намъ велитъ любить! Вотъ хоть бы про Погорѣлку—всегда сказку: много, ахъ, какъ много денегъ вы извели на устройство ея.

— Да вѣдь я сама въ ней жила...

Тудушка очень хорошо читаетъ на лицѣ маменьки слова: «кровопивецъ ты несуразнай!»—но дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ.

— Нужды пѣтъ, что жили, а все-таки... Кіотка-то и до сихъ поръ въ Погорѣлкѣ стоять, а чья она? Лошадь маленькая—тоже; шкатулочка чайная... самъ собственными глазами еще при пашенькѣ въ Головлевѣ ее видѣлъ! А венчикъ-то хорошенкскій!

— Ну, что ужъ!

— Пѣтъ, маменька, не говорител! Оно, конечно, сразу не

видно, однако, какъ тутъ рубль, въ другомъ мѣстѣ—полтина, да въ третьемъ—четвертачокъ... Какъ помотришь да поглядишь... А впрочемъ, позвольте, я лучше сейчасъ все на цифрахъ прикину! Цифра—святое дѣло; она ужь не болжеть.

Порфирій Владимырьчъ опять устремляется къ столу, чтобъ привести, наконецъ, въ полную ясность, какіе убытки ему нанесла добрый другъ мамонька. Онъ стучитъ на счетахъ, выводитъ на бумагѣ столбцы цифръ—словомъ, готовить все, чтобъ изобличить Арифу Петровну. Но, къ счастью для послѣдней, колеблющаяся его мысль не можетъ долго удержаться на одномъ и томъ же предметѣ. Незамѣтно для него самого къ нему подкрадывается новый предметъ стѣжанія и словно какимъ волшебствомъ даетъ его мысли естественнѣе и яснѣе направленіе. Фигура Арины Петровны, еще за минуту передъ тѣмъ такъ живо мелькавшая у него въ глазахъ, вдругъ окуталась въ омутъ забвенія. Цифры смѣшались...

Давно ужь собирался Порфирій Владимырьчъ высчитать, что можетъ принести ему полеводство, и вотъ теперь наступилъ самый удобный для этого моментъ. Онъ знаетъ, что мужикъ всегда нуждается, всегда идетъ занять и всегда же отдастъ безъ обмана, съ лхвой. Въ особенности цѣдуръ мужикъ на свой трудъ, который «ничего не стоитъ», и на этомъ основаніи всегда при расчетахъ принимается на во что, въ знакъ любви. Много-таки на Руси пуждающагося народа, ахъ, какъ много! Много людей, не могущихъ опредѣлить сегодня, что ждетъ ихъ завтра; много такихъ, которые куда бы ни обратили тоскливые взоры—вездѣ видятъ только безнадежную пустоту, вездѣ слышать только одно слово: «отдай! отдай!» И вотъ вокругъ этихъ-то безнадежныхъ людей, около этой-то перекатной голы стелетъ Гудунка свою безконечную паутину, но временамъ переходя въ какую-то неистовую фантастическую оргію.

На дворѣ апрѣль, и мужику по обыкновенію нечего есть. «Проѣлисъ, голубчики, зиму-то пропраздновали, а къ веснѣ животи подъело!»—разсуждаетъ Порфирій Владимырьчъ самъ съ собою, а онъ, какъ нарочно, только-только все счета по прошлогоднему полеводству въ ясность привелъ. Въ февралѣ были обломаны послѣднія скирды хлѣба, въ мартѣ зерно лежало сыпанное въ закрома, а на-дѣлхъ вся наличность уже разнесена по книгамъ въ соответствующія графы. Гудунка стоитъ у окна и поджидаетъ. Вотъ вдали,

на — в эту минуту — услышать мужика Фрека. Да поверишь ты, Фокс даже был — этого торопливо захватить выскочил и, за поспысившись кутая, изгнать русской лошади, еще переиди- ралуюю ноги.

— Смотри! — шепчет Кутушка. — Ниль у него далавды-то, какъ только жывал! А помяты се съ мжкыно-другой — ни- чего, жывотокъ будеть! Рубашковы дымлетъ парь, а не то и въ тридцать секундъ на пое.

Между тѣмъ Фокс шестыхалъ къ дважкой крѣй, прива- дель къ песторозу лошади, подлинуху, съ оханку съпной трухи и черезъ минуту уже переминуетъ съ ноги на ногу къ дважкой, къ Порфирій Владимыръчъ пльветъ обильно- венью припинать недобныхъ пржегелей.

— Ну, друтъ, что сдѣлать хороненельды? — начинаеть Порфирій Владимыръчъ.

— Да вотъ, сузари, ржнцы бы!..

— Что такъ, Соло-то, видно, уать съблн? Ахъ, ахъ, Фрѣхъ какой! Вотъ кабы вы поменьше ногамъ види, да по- больше трудилсь, да Богу молился, и земля-то чувствя- ваяа бы! Съдъ нилче зарте — съотришь, ахъ въ ту пору два- нил три подучилсь бы! Занкнать-то бы и не надо!

Фокс катъ-то мрѣшнчельно улыбаеться, крѣкого отнрѣа.

— Ты думалшь, Вотъ-то джзекъ, тавъ (Она и не ви- дитъ?) — проделалеть моргалыпрлать Порфирій Владимы- рьчъ. — Агъ, Вотъ-то — вотъ онъ-онъ. И тавъ, и тутъ, и вѣтъ съ нами, нуужа мы съ тобой говоримъ! — всездъ Онда! И все Ондъ видѣтъ, все слынитъ, только хрѣвнеть нѣтъ, оучто не слыбнеть. Нукаш, мотъ, дяди своянть удохъ по- жнвучъ, поелотрлмъ, бугуть ли они Мони помннтъ! А мы зпнмъ пользѣеся, да вѣдзекъ тѣтъ, чѣтъ. Богу на свѣзку- цѣтъ достатокъ своихъ хрѣвнеть, мы въ кабѣтъ да въ ка- бѣтъ! Вотъ за это за самое и не полагеть. Вотъ ржнцы — тавъ ли, друтъ?

— Это уать что говореть! Это тавъ точнѣ!

— Ну, тавъ вотъ мѣшншь ли, и ты точнѣр помнеть. А почему помнеть? Потому что Вотъ, мнлеть снѣю отъ тебя отнрѣвнеть. Уроднеть у тебя ржнцы, ты бы и оидеть фортды- бачнть отъа, а вотъ кнеть, Вотъ-то...

— Справделыво это, и кабы еще ли мнл...

— Поестой, дай я сжзакъ! И жсѣгда тавъ блжзеть, друтъ, что Вотъ заблжжоннать кѣро поджжннеть о себѣ. И рѣн- тавъ мы въ это не доженъ, а дожаша помнеть, что это дѣдъ нашѣй же ползѣа дѣлаетъ. Кабы мы Вотъ помннл,

и Ондъ бы отъ насъ не заблжнеть. Дѣтъ, снѣтъ, а ты, жкѣтъ! — ржнцы, и ожедѣ, и кѣрѣдѣльды-тѣтъ! Купнши отѣдѣе снѣ- шнцы! Был за твою подлѣнъ! — вннѣ, жшвѣдъ-то у тѣбѣ, въ- цѣтъ, только дѣхъ дѣржнться! И плншь, ожедѣ у тѣбѣ сѣтъ, и тѣбѣ бы пострѣлнть вѣдрѣ, сѣне дѣдѣ!

— И это вся ваша прѣлѣа, Порфирій Владимыръчъ.

— Вотъ читеть это — нрѣвое, а поговл — снѣрннлхъ, кѣрѣдѣе отъ сѣмнлхъ царѣй отннчѣ подучнлн... подлжнчельнѣ, найрн- мѣрѣ...

— Да мн, Порфирій Владимыръчъ, и то, катѣеть... — Тѣбѣ вотъ «сѣлжеться», и порѣдѣснн да дожуд — ахъ, мѣлеть, и не тѣтъ на дѣврѣху выдѣеть. Тѣнѣрѣ, какъ ты же ржнцы ко амъ врнштѣ — прѣхъ сѣлжеть очень ты ко- амъ поштѣнеть и жекѣе, а въ подлрннчельнѣ, тоду, по- днннш, когда жнот амъ подлрѣднсь, а в тѣ вѣтъ, къ му- джнчельнѣ, на пожедѣе принеть, домотнть, мѣтъ, братцѣа, вжзѣвнеть, въ что да жѣо прѣжѣбу отнрѣлн? Сѣмнлхъ, говѣ- реть, жкѣтъ нажд! Ннлчѣ, говорнть, не прѣежне прѣжѣа, жѣбѣ на рѣснлтъ рѣботѣтъ, ннлчѣ — жѣдн! Жѣдн, а ржнцы нѣтъ!

Порфирій Владимыръчъ учпгельно вѣзѣдѣмнеть на Фокс: по тотъ не нѣжѣлнеть, сѣвно оубнлеть.

— Когда жѣ очень, отъ этого сѣмнѣо жкѣтъ и снѣсѣлѣ дѣтъ. Вотъ я, напрнмѣрѣ, катѣеть, и Вотъ жѣны блжжѣо- внлѣ, и дѣрѣ пожедѣельнѣ, а я — не рѣжжѣтъ! Кнеть я могу тордѣтѣл! Что у тѣбѣ? чернѣ козннл тѣрѣ! А Вотъ-то внлеть, да за сѣлрѣствѣо за жѣе и блжжѣежнлтъ мѣшл! И сѣмнл жнлжѣтнѣо своѣю вжжѣкѣтъ, да и тѣрѣо ннчнлнть, чѣтъ! Мѣны пожедѣельнѣ!

— И тавъ, Порфирій Владимыръчъ, мѣжѣо, чѣо прѣжѣо, при пожедѣнлхъ, не въ прнмѣрѣ, дѣшнѣ блжѣ! — жѣснть Фѣка.

— Да, братъ, блжѣо жѣне врѣмѣчѣо, пожедѣежнлн, по- жлнл! Жѣго блжѣо у жѣсн: и ржнцы, и снѣнл, и кѣрѣо- фѣлнл! Ну, да что уать сѣдрѣе помнннть, а не жѣопѣлнн- тѣнѣ! Я, братъ, давнѣо отъ жнлчѣхъ пожедѣеть, только тѣтъ, къ снѣю нѣжѣлнчельнѣ! Тавъ же какъ ты говорншь: ржнцы тѣбѣ пожедѣельнѣ?

— Да, ржнцы бы!..

— Кнннть, что ли, сѣлрѣлѣ?

— Дѣтъ кнннть! Въ охѣднчнлѣ, знѣлнть, жѣо повош!

— Ахтѣ-хнл! Ржнцы-то, друтъ, ннлчѣ жѣснлельнѣ! Не знѣсѣ уать, какъ и Ондъ амъ съ тобой...

Порфирій Владиміръ впадаетъ въ минутное раздумье, словно и дѣйствительно не знаетъ, какъ ему поступить: «и помочь человѣку хочется, да и ржица кусается»...

— Можно, мой другъ, можно и въ одолженіе ржицы дать,—наконецъ говоритъ онъ:—да, признаться сказать, и нѣтъ у меня продажной ржи: тергѣть не могу Божьямъ даромъ торговать! Вотъ въ одолженіе—это такъ, это я съ удовольствіемъ. И, братъ, вѣдь помню: сегодня я тебя одожаю, а завтра ты меня одолжишь! Сегодня у меня избытокъ—бери, одожайся! Четверть хочешь взять? четверть бери! Осьминка понадобится—осьминку отсылай. А завтра, можетъ-быть, такъ дѣло повернется, что и мнѣ у тебя подѣлою ошомкомъ постучать придется: одолжи, молъ, Фокушка, ржицы осьминку—вѣсть чего!

— Удѣ ужъ, пойдете ли, сударь, вы!

— Я-то не пойду, а къ примѣру... И не такіе, другъ, повороты на свѣтѣ бывають! Вотъ въ газетахъ пишутъ: какой столбъ Наполеонъ былъ, да и тотъ прогадалъ, не потрафилъ. Такъ-то, братъ. Сколько же тебѣ требуется ржицы-то?

— Четвертцу бы, коли милость ваша будетъ.

— Можно и четвертцу. Только заранее я тебѣ говорю: кусается, другъ, нынче рожь, куда какъ кусается! Такъ вотъ какъ мы съ тобой судьяемъ: я тебѣ шесть четвериковъ отмерить велю, а ты мнѣ черезъ восемь мѣсяцевъ два четверика приполнцу отдашь—такъ оно четвертца въ аккуратъ и будетъ! Процентовъ я не беру, а отъ избытка ржицей...

У Фоки даже духъ занялся отъ Тудушкина предложенія; некоторое время онъ ничего не говоритъ, только лопатками пошевеливаетъ.

— Не многовато ли будетъ, сударь?—наконецъ, произноситъ онъ, очевидно робѣя.

— А много—такъ къ другимъ обратись! Я, другъ, не позволю, а отъ души предлагаю. Не я за тобой посылаю, самъ ты меня нацель. Ты съ запрощемъ, я—съ отвѣтомъ. Такъ-то, другъ!

— Такъ-то такъ, да слово бы приполнцу-то ужъ много?

— Ахъ-ахъ-ахъ! А я еще думать, что ты—справедливый мужикъ, степенный! Ну, а мнѣ-то, скажи, чѣмъ мнѣ-то жить прикажешь? Я-то откуда расходы свои долженъ удовлетворять? Вѣдь у меня сколько расходивъ—знаешь ли ты? Конца краю, голубчикъ, расходивъ у меня

но видно. Я и тому дай, и другого удовлетвори, и третьему высь да положи! Вѣсьмъ надо, вѣсь Порфирія Владимірыча теребятъ, а Порфирій Владимірычъ одувайся за вѣсьхъ! Опять и то: кабы я купцу рожь продалъ — я бы денежки сейчасъ на столъ получилъ. Деньги, братъ, — святое дѣло. Съ деньгами закулю я себѣ билетовъ, положу въ вѣрное мѣсто и стану пользоваться процентами! Ни заболушки мнѣ, ни горюшка; отрѣзалъ купончики — жадуйте денежки. А за рожью-то я еще походи, да похлопочи около пези, да постарайся! Сколько ей усохнеть, столько на розсыпь пойдетъ, сколько мышь съѣсть! Штъ, братъ, деньги — какъ можно! И давно бы мнѣ за умъ взягъся пора, давно бы въ деньги все обратилъ, да и увѣхать отъ васъ!

— А вы съ нами, Порфирій Владимірычъ, поживите.

— И радъ бы, голубчикъ, да силъ моихъ нѣтъ. Кабы прежнія силы, конечно, еще пожилъ бы, повоевалъ бы. Штъ, пора, пора на покой! Уѣду отсюда къ Троицѣ-Сергію, укроюсь подъ крыльишко угоднику — никто и не услышитъ меня. А ужъ мнѣ-то какъ хорошо будетъ: мирно, честно, тихо, ни гвалту, ни свары, ни шума — точно на небесахъ!

Словомъ сказать, какъ ни вертится Фока, а дѣло слаживается, какъ хочется Порфирію Владимірычу. По этого мало: въ самый моментъ, когда Фока ужъ согласился на условія займа, является на сцену какой-то Шеломиха. Тамъ, пустошонка ледяная, съ десятнику повосцу, да и то врядъ ли... Тамъ вотъ бы...

— И тебѣ одолженію дѣлаю — и ты меня одолжи, говоритъ Порфирій Владимірычъ: — это ужъ не за проценты, а такъ, въ одолженіе! Богъ за вѣсьхъ, а мы другъ по дружасѣ! Ты десятнику-то шутя скосишь, а я тебя напередки попомню! Я, братъ, вѣдь просятъ! Ты мнѣ на рублникъ послужишь, а я...

Порфирій Владимірычъ встаетъ и въ знакъ окончанія дѣла молится на церковь. Фока, слѣдуя его примѣру, тоже престигся.

Фока исчезъ. Порфирій Владимірычъ беретъ листъ бумаги, вооружается счетами, а костяшки такъ и прыгаютъ подъ его проворными руками... Мало-по-малу начинается цѣлая оргія цифръ. Весь міръ застываетъ въ глазахъ Гудушки словно дымкой: съ лихорадочною торопливостью переходитъ онъ отъ счетовъ къ бумагѣ, отъ бумаги къ счетамъ. Цифры растутъ, растутъ...

VII.—Расчетъ.

На дворѣ декабрь въ половинѣ; схваченная неогляднымъ сибирскимъ саваномъ окрестность тихо цѣлится, за ночь намело на дорогѣ столько сугробовъ, что крестьянскія лошади тяжело барахтаются въ снѣгу, вывоза пустая дровнишка. А къ Головинской усадьбѣ и сѣвѣ почти идти. Порфирій Владиміровичъ до того отвыкъ отъ посѣщеній, что и главные ворота, ведущія къ дому, и парадное крыльцо, съ наступленіемъ осени, пахлохо заколотили, предоставивъ демочадамъ сообщаться съ внѣшнимъ міромъ посредствомъ дѣвичьяго крыльца и боковыхъ воротъ.

Утро; бьетъ одиннадцать. Лудушка, одѣтый въ халатъ, стоитъ у огня и безцѣльно поглядываетъ впередъ. Снозаранку бродилъ онъ взадъ и впередъ по кабинету и все о чемъ-то думалъ и высчитывалъ воображаемые доходы, такъ что, наконецъ, занутился въ цифрахъ и усталъ. И плодотворный садъ, раскинутый противъ главнаго фасада господскаго дома, и поселокъ, притянувшійся на задкахъ сада,— все угнуло въ сибирскихъ суровыхъ. После вчерашней вьюги день выдался морозный, и сибирская печена сплошь блеститъ на солнцѣ миллионами искръ, такъ что Порфирій Владиміровичъ невольно щуритъ глаза. На дворѣ пустынно и тихо; ни малѣйшаго движенія ни у людской, ни около скотнаго двора; даже крестьянскій поселокъ угномился, словно умеръ. Только надъ поповымъ домомъ вьется синий дымокъ и останавливаетъ на себѣ вниманіе Лудушки.

— Одиннадцать часовъ било, а помяды еще не отстранилась,—думается ему:—обычно эти поны трескаются!

Выйдя изъ этого дунета, онъ начинаетъ соображать: будня или праздникъ сегодня, постный или скоромный день, и что должна стряпать помяды—какъ вдругъ вниманіе его отвлекается въ сторону. На горькѣ, при самомъ выѣздѣ изъ деревни Нагловки, показывается черная точка, которая постепенно приближается и растетъ. Порфирій Владиміровичъ изглядывается и, разумеется, прежде всего задается цѣлой массой праздныхъ вопросовъ. Кто ѣдетъ, мужикъ или другой кто? Другому, впрочемъ, некому—стало-быть, мужикъ... да, мужикъ и есть! Зачѣмъ ѣдетъ? Ежели за дровами, такъ вѣдь нагловскій лѣсъ по ту сторону деревни... навѣрное, шельма, въ барскій лѣсъ воровать собрался! Ежели на мельницу, такъ тоже, выѣхавши изъ Нагловки, надо вѣсть вправо... Можетъ-быть, за попомъ? Кто-нибудь умираетъ.

или уже умеръ?. А можетъ-быть, и родился кто? Какая же это баба родила? Нешла по осени съ прибылью ходила, да той, кажется, еще рано... Ежели уродился мальчикъ, такъ въ ревизію со временемъ попадетъ—солько, бншь, въ Нагловкѣ, во послѣдней ревизіи, дунтъ?. А ежели дѣвочка, такъ тѣхъ въ ревизію не записываютъ, да и вообще... А все-таки и безъ женскаго пола нельзя... тѣфу!

Лудушка отцѣлевывается и смотритъ на образъ, какъ бы ища у него защиты отъ лукаваго.

Очень вѣроятно, что онъ долго блуждалъ бы такимъ образомомъ мыслью, если-бъ показавшаяся у Нагловки черная точка обыкновеннымъ порядкомъ помелькала и печекла; но она все росла и, наконецъ, повернула на лѣвь, ведущую къ церкви. Тогда Лудушка совершенно отчетливо увидѣлъ, что ѣдетъ небольшая рогоженная кибитка, запряженная парой гусемъ. Вотъ она поднялась на взлобокъ и поровнялась съ церковью («не благодѣшны ли? медькинуло у него: то-то у попа не отстранились б-стю пору!»), вотъ повернула вправо и направилась прямо къ усадьбѣ: «такъ и есть, сюда!» Порфирій Владиміровичъ инстинктивно замахнулъ халатъ и отпрянулъ отъ огня, словно боясь, чтобы прѣзвѣжій не захватилъ его.

Онъ отгадалъ: повозка подъѣхала къ усадьбѣ и остановилась у боковыхъ воротъ. Цѣль нея поспѣшно выскочила молодая женщина. Одѣта она была совсѣмъ не по сезону, въ городское ватное пальто, больше для вида, нежели для тепла, отороченное баранкомъ, и видимо закончила. Особа эта, нискогда не встрѣченная, вприсколку побѣжала на дѣвичье крыльцо и черезъ нѣсколько секундъ улетѣла слышно было, какъ хлопнула въ дѣвичьей двери, а слѣдомъ за этимъ опять хлопнула другая дверь, а затѣмъ по всѣхъ ближайшихъ къ выходу комнатахъ началась ходьба, хлопанье и суета.

Порфирій Владиміровичъ стоялъ у двери кабинета и прислушивался. Онъ такъ давно не видѣлъ никого посторонняго и вообще такъ отвыкъ отъ общества людей, что его взяла осторожь. Проню съ четверть часа; ходьба и хлопанье дверью не перемезались, а ему все еще не докладывали. Это еще больше взволновало его. Исно, что прѣзвѣжая принадлежала къ числу лицъ, которыя, въ качествѣ «присельныхъ», не даютъ никакого повода сомнѣваться относительно своихъ правъ на гостеприимство. Кто же у него «присельные»? Онъ началъ припоминать, но память какъ-то

тупо ему служила. Была у него сынъ Володька, да сынъ Петька, была маменька Арина Петровна... давно, ахъ, давно это было! Вотъ въ Горюхины, съ прошлой осени, поселилась Надька Галкина, покойной тетеньки Варвары Михайловны дочь — нужко же она? Да нѣтъ, та ужъ однажды пыталась вернуться въ Головлево капище, да шипитъ сѣбѣ! «Не смѣть она! не смѣть!» — твердилъ Лудушка, приходя въ негодование при одной мысли о возможности прѣзда Галкиной. Но кто же можетъ быть еще?

Покуда онъ такимъ образомъ припоминалъ, Енпраксеюшка осторожно подошла къ двери и доложила:

— Цогорѣковская барышня, Анна Семеновна, прѣѣхала.

Дѣйствительно, это была Аннинька. Но она до такой степени измѣнилась, что почти не было возможности узнать ее. Въ Головлево явилась на этотъ разъ уже не та крашная, бойкая и кипиющая молодостью дѣвушка, съ румянцемъ лицомъ, сѣрыми глазами на-выкатъ, съ высокой грудью и тяжелой пестельной косой на головѣ, которая прѣѣзжала сюда векоръ послѣ смерти Арины Петровны, а какое-то слабое, тѣдунное существо съ впадою грудью, вдавленными щеками, нездоровымъ румянцемъ, съ вялыми тѣлодвиженіями. — существо сутулое, почти сторбленное. Даже великолѣпная ея коса выглядѣла какъ-то шиверно, и только глаза, вслѣдствіе общей худобы лица, казались еще больше, нежели прежде, и горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Енпраксеюшка долгое время выглядывалась въ нее, какъ въ незнакому, но наконецъ-таки узнала.

— Барышня! вы ли? — вскрикнула она, всцѣснувъ руками.

— Я. А что?

Сказавши это, Аннинька тихо заемѣлась, точно хотѣла прибавить: да, вотъ какъ! одѣланы-таки меня!

— Дядя здоровъ? — спросила она.

— Что дяденька! такъ ништо... Только слава, что живуть, а то и не видимъ ихъ почестъ никогда!

— Что же съ ними?

— Да, такъ... отъ скуки, видно, съ ними сдѣлалось...

— Нужко и на бобахъ разводить пересталъ?

Ничѣ они, барышня, молчать. Все говорили — и вдругъ замолчали. Слышимъ иногда, какъ промѣжду себя въ кабинетѣ что-то разговариваютъ, и даже смѣются будто, а выдутъ изъ комнаты — и опять замолчать. Сказываютъ, съ покойнымъ ихнимъ братцемъ, Степаномъ Владиміры-

чемъ, то же было... Все были веселы — и вдругъ замолчали. Вы-то, барышня, все ли здоровы?

— Аннинька только махнула рукою въ отвѣтъ.

— Сестрица все ли здорова?

— Ужъ цѣлый годъ, какъ въ Кречетовѣ при большой дорогѣ въ мостахъ лежитъ.

— Чтой-то, спаси Госиода, ужъ и при дорогѣ!

— Извѣстно, какъ самоубійца хоронятъ.

— Госиоди! все барышни были — и вдругъ сами на себя ручку наложили... Какъ же это такъ?

— Да, сперва «были барышни», а потомъ отравились — только и всего. А я вотъ испугалась, жить захотѣла, къ вамъ вотъ прѣѣхала! Не надо, не пугайтесь... умру!

Енпраксеюшка глядѣла на нее во все глаза, словно не понимала.

— Что на меня глядите? хороша? Ну, какова сеть... А впроче, послѣ объ этомъ... послѣ... Теперь весите-ка ящичка разсчитать да дядю предупредите.

Говоря это, она вынула изъ кармана старенькій портмонъ и достала оттуда двѣ желтенькихъ бумажки.

— А вотъ и имущество мое! — прибавила она, указывая на жиденькій чеподаль. — Тутъ все и родное, и благопріобрѣтенное! Иззябла я, Енпраксеюшка, очень иззябла! Вся я больна, ни одной восточки во мнѣ небольшой нѣтъ, а тутъ, какъ нарочно, холодище... Вду, да объ одномъ только думаю: вотъ доберусь до Головлева, такъ хоть умру въ теплѣ! Водки бы мнѣ... Есть у васъ?

— Да вы бы, барышня, чайку лучше, самоваръ сейчасъ будетъ готовъ.

— Нѣтъ, чай погоды, а теперь водки бы... Вы дядѣ, впроче, не сказывайте о водкѣ-то покуда... Все само собой послѣ увидится.

Покасмѣтъ въ столовой накрывали къ чаю, явился и Порфирій Владимірычъ. Въ свою очередь, и Аннинька съ изумленіемъ встрѣтилась съ нимъ: до такой степени онъ похудѣлъ, выцѣлъ и задичалъ. Онъ обошелся съ Аннинькой какъ-то странно: не то чтобы холодно, а какъ будто ему до нея совсѣмъ дѣла нѣтъ. Говорилъ мало, вынужденно, точно актеръ, съ трудомъ припоминающій фразы изъ давнишнихъ ролей. Вообще, былъ разсѣянъ, какъ будто въ годовѣ его въ это время шла совсѣмъ другая и очень важная работа, отъ которой его досаднымъ образомъ отврвали по пустякамъ.

— Ну, вотъ ты и прѣѣхала! — сказала она. — Чего хочешь, чаю? кофею? Распорядись!

Въ прежнее время, при родственныхъ свиданіяхъ, роль чувствительнаго человѣка обыкновенно разыгрывала Тудушка, но на этотъ разъ расчувствовалась Аннинька, и расчувствовалась внаправду. Должно-быть, очень у нея наболѣло внутри, потому что она бросилась къ Порфирію Владимірычу на грудь и крѣпко его обняла.

— Дядя, я къ вамъ! — крикнула она и вдругъ залилась слезами.

— Ну, что-жь, милости просимъ! Комната у меня довольно-живил!

— Больна я, дяденька! Очень, очень больна!

— А больна, такъ Богу молиться надо! Я и самъ, когда боленъ—все молитвой дѣлается!

— Умирать я прѣѣхала къ вамъ, дядя!

Порфирій Владимірычъ, неслышавшій окомъ, взглянуть на нее, и чуть замѣтная усмѣшка скользнула по его губамъ.

— Донгралась! — произнесъ онъ чуть слышно, почти про себя.

— Да, донгралась. Любинка—та «донгралась» и умерла, а я вотъ... живу!

При извѣстіи о смерти Любинки Тудушка побожно прекрестилась и молитвенно пошептала. Аннинька, между тѣмъ, сѣла къ столу, облокотилась и, смотря въ сторону церкви, продолжала горько плакать.

— Вотъ плакать и отчаиваться—это грѣхъ! — учителью замѣтилъ Порфирій Владимірычъ. — По-христіански знаешь ли какъ надо? Не плакать, а покоряться и уповать—вотъ какъ во-христіански надежиться!

Но Аннинька откинувшись на спинку стула и, тоскливо повѣсивъ руки, повторяла:

— Ахъ, ужъ и не знаю! Не знаю, не знаю, не знаю!

— Ежели ты объ сестрицѣ такъ убиваешься—такъ и это грѣхъ! — продолжалъ, между тѣмъ, поучать Тудушка. — Потому что хотя и похвально любить сестрицъ и братьевъ, однако, если Богу угодно одного изъ нихъ или даже и нѣсколькихъ призвать къ себѣ...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы, дядя, добрый? Добрый вы? Скажите!

Аннинька опять бросилась къ нему и обняла.

— Ну, добрый, добрый! Ну, говори, хочется чего-нибудь? Закусочки, чайку, кофеику? Требуй, распорядись!

Аннинькѣ вдругъ вспомнилось, какъ въ первый прѣѣздъ ея въ Головлево дяденька спрашивалъ: «стелятинки хочется? поросеночка? картофельцу?» — и она поняла, что никакого другого утѣшенія ей здѣсь не сыскать.

— Благодарю васъ, дядя. — сказала она, снова присаживаясь къ столу: — ничего особеннаго мнѣ не нужно. Я заранѣе увѣрена, что буду всемъ довольна.

— А будешь довольна, такъ и слава Богу! Въ Погорьяку-то поѣдешь, что ли?

— Нѣтъ, дядя, я покаместъ у васъ поживу. Вѣдь вы ничего не имѣете противъ этого?

— Христеосъ съ тобой, живи! Взявъ я и спросилъ про Погорьяку, такъ потому, что на случай поѣздки распорядженіе нужно сдѣлать: конюшечку, лошадушечку.

— Нѣтъ, постѣ, постѣ!

— И прекрасно. Когда-нибудь постѣ съѣдешь, а покуда съ нами поживи. Но хозяйству поможешь—я вѣдь бѣднѣй Краля-то зна, — Тудушка почти съ ненавистью указала на Евраксеюшку, разливавшую чай: — все по людскимъ рыскается, такъ иной разъ и не довлечешься никого, весь домъ пустой! Ну, а покаместъ прощай. Я къ себѣ пойду. И помолось, и дѣлать займусь, и опять помолось... Такъ-то, другъ! Давно ли Любинька-то скончалась?

— Да съ мѣсяць, дядя.

— Такъ мы завтра ранехонько къ обѣденѣ сходимъ, да кѣсати и панихиду по повопрествалѣшей рабѣ Вожіей Любиніи отслужимъ... Такъ прощай покуда! Кунай-ко чай-то; а ежели закусочки захочется съ дорожки, и закусочки подать вели. А въ обѣдъ опять увидимся. Поговоримъ, побесѣдуемъ; коли нужно что распорядимся, а не нужно—и такъ посидимъ!

Такъ произошло это первое родственное свиданіе. Съ окончаніемъ его Аннинька вступила въ новую жизнь въ томъ самомъ постояломъ Головлевѣ, изъ котораго она ужъ дважды въ теченіе своей недолгой жизни не знала, какъ вырваться.

Аннинька пошла подъ гору очень быстро. Вызванное головлевской поѣздой (послѣ смерти бабушки Арини Петровны) сознаніе, что она «барышня», что у нея есть свое гнѣздо и свои могилы, что не все въ ея жизни исчерпывается вонью и гвалтомъ гостиницы и постоялыхъ дворовъ, что есть, наконецъ, убѣжище, въ которомъ ее не постигнутъ подлѣя дыханья, зараженныя запахомъ вина и конюшни,

куда не ворвется тотъ «усатый», съ охрипшимъ отъ переполнаго голоса, воспаленными глазами (ахъ, что онъ ей говорилъ какіе жесты въ ея присутствіи дѣлать!),— это сознаніе улетучилось почти сейчасъ влѣдъ за тѣмъ, какъ только пропало изъ вида Головлево.

Аннинька отправилась въ ту пору изъ Головлева прямо въ Москву и начала хлопотать, чтобъ ее и сестру приняли на казенную сцену. Съ этой цѣлью она обратилась и къ маман, директоршѣ института, въ которомъ она воспитывалась, и къ нѣкоторымъ институтскимъ товаркамъ. Но вслѣдъ ее приняли какъ-то странно. Маман, отнесшаяся къ ней въ первую минуту довольно радушно, какъ только узнала, что она играть въ провинціальномъ театрѣ, вдругъ переѣхала благосклонное выраженіе лица на важное и строгое, а товарки, болѣею частью замуженные женщины, взглянули на нее съ такимъ начальнымъ изумленіемъ, что она просто-на-просто струсела. Только одна, болѣе добродушная, пезачи другія, желая показать участіе, спросила:

— А скажи, душка, правда ли, что когда вы, актрисы, одеваетесь въ уборныхъ, то вамъ стигиваютъ корсеты офицеры?

Однимъ словомъ, ей попытки утвердиться въ Москвѣ такъ и остались попытками. Надо, впрочемъ, сказать правду, что и настоящихъ задатковъ она для успѣха на столичной сценѣ не имѣла. И она, и Любинька принадлежали къ числу тѣхъ бойкихъ, но не особенно даровитыхъ актрисъ, которыя всю жизнь играютъ одну и ту же роль. Аннинькѣ удалась «Периколь», Любинькѣ — «Анютины глазки» и «Полковникъ старыхъ временъ». И затѣмъ, за что бы онѣ ни принимались вслѣдъ выходили «Периколь» и «Анютины глазки», а въ большинствѣ случаевъ, пожалуй, и совсѣмъ ничего не выходило. Приходилось Аннинькѣ играть и «Прекрасную Елену» (по обязанности службы даже и часто); она накладывала на свои печальные волосы совершенно огненный парикъ, дѣлала въ туникѣ разрѣзъ до самого пояса, но за всѣмъ тѣмъ выходило посредственно, вѣло, даже неинтересно. Отъ «Елены» она перешла къ «Отрывкамъ изъ Герцогини Герольштейнскон», и такъ какъ тутъ къ бездѣлной игрѣ прибавилась еще совершенно безмысленная постановка, то вѣло уже что-то совсѣмъ глупое. Наконецъ, вѣлась играть Клеретту въ «Дочери рынка»; но адсь, стараясь наэлектризовать публику, до такой степени перенграла, что и непряхотливымъ провин-

ціальнымъ зрителямъ показалось, что по сценѣ мечется даже не актриса, желающая «угодить», а просто какая-то непристойная дохляк. Вообще объ Аннинькѣ составила репутація, что она актриса проворная, обладающая недурнымъ голосомъ, а такъ какъ при этомъ у нея была красивая виѣнность, то въ провинціи она могла, пожалуй, дѣлать сборы. Но и только. Заставить говорить о себѣ она не могла и никакой опредѣленной фаворитности не имѣла. Даже въ средѣ провинціальной публики ея партію составляли исключительно служители всѣхъ родовъ оружія, главная претензія которыхъ заключалась въ томъ, чтобы имѣть свободный входъ за кулисы. Въ столицѣ же она была мыслима не иначе, какъ названная очень сильнымъ покровительствомъ, но и за всѣмъ тѣмъ отъ публики она навѣрное заелужила бы только незавидное прозвище «арфистки».

Приходилось возвращаться въ провинцію. Въ Москвѣ Аннинька получила отъ Любиньки письмо, изъ котораго узнала, что ихъ труппа перекочевала изъ Кречетова въ губернской городъ Самоварновъ, чему она, Любинька, очень рада, потому что подружилась съ однимъ самоварновскимъ земскимъ дѣятелемъ, который до того увлекся ею, что «готовъ, какъется, земскія деньги украсть», лишь бы выкупить все, что она ни пожелаетъ. И дѣйствительно, приѣхавши въ Самоварновъ, Аннинька застала сестру среди роскошной сравнительно обстановки и легкомысленно рѣшившею бросить сцену. Въ минуту приѣзда у Любиньки находился и «другъ» ея, земскій дѣятель Гаврило Степановичъ Любылинъ. Это былъ оставшій гусарскій штабсъ-ротмистръ, еще недавно вѣломше, но теперь уже слегка отяжелѣвшій. Лицо у него было благородное, манеры благородныя, образъ мыслей благородный, но въ то же время все вмѣстѣ взятое внушало увѣренность, что человѣкъ этотъ отнюдь не обратится въ бѣгство передъ земскимъ ящикомъ. Любинька приняла сестру съ распростертыми объятіями и объявила, что въ ея квартирѣ для нея приготовлена комната.

Но подъ вліяніемъ недавней побѣды въ «свое мѣсто» Аннинька разсердилась. Между сестрами завязался горячій разговоръ, а потомъ произошла и размолвка. Невольно вспомнилось при этомъ Аннинькѣ, какъ волнинскій баблешка говорилъ, что трудно въ актерскомъ званіи «сокро-вине» соблюсти.

Аннинька поселилась въ гостиницѣ и прекратила всякія

сношенія съ сестрой. Прошла Святая; на Оеминой начались спектакли, и Аннинька узнала, что на мѣсто сестры уже выписана изъ Казани дѣвица Палимова, актриса неважная, но зато совершенно безпреступная въ смыслѣ тѣлодвиженій. По объявленію Аннинька вышла передъ публикой въ «Периколѣ» и привела самоварновскихъ обывателей въ восторгъ. Возвратившись въ гостиницу, она нашла въ своемъ номерѣ пакетъ, въ которомъ оказались сторублевая бумажка и коротенькая записка, гласившая: «А въ случаѣ чего, и еще столько же. Купецъ, торгующій моднымъ товаромъ, Куклишевъ». Аннинька разсердилась и пошла жаловаться хозяину гостиницы; но хозяинъ объявилъ, что у Куклишева такое ужъ «обнагоженіе», чтобъ всѣхъ актрисъ съ прїѣздомъ поздравлять, а впрочемъ-де онъ человекъ смиренный и обижаться на него не стоить. Следуя этому совѣту, Аннинька запечатала въ конвертъ письмо и деньги и, возвративъ на другой день все по принадлежности, успокоилась.

Но Куклишевъ оказался болѣе упорнымъ, нежели какъ о немъ отзывался хозяинъ гостиницы. Онъ считалъ себя въ числѣ друзей Люлькина и находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Любенькѣ. Человекъ онъ былъ состоятельный и, сверхъ того, подобно Люлькину, въ качествѣ члена городской управы, состоялъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ относительно городского ящика. И при семъ, подобно тому же Люлькину, обладалъ неустранимостью. Наружность онъ имѣлъ, съ гостиницворской точки зрѣнія, обольстительную. А именно, напоминалъ того жука, котораго, по словамъ пѣсни, вмѣсто ягодъ, нашла въ полѣ Мама:

Жука чернаго съ усами
И съ курчавой головой,
Съ чернобурьями бровями —
Настоящій шпай мой!

Затѣмъ, заручившись такою наружностью, онъ тѣмъ болѣе считалъ себя въ правѣ дерзать, что Любенька прямо обидѣла ему свое содѣйствіе.

Вообще Любенька, повидимому, окончателно сожгла свои корабли, и о ней ходили самыя непріятныя для сестрина самолюбія слухи. Говорили, что каждый вечеръ у нея собирается кутежная ватага, которая ужинаетъ съ полуночи до утра. Что Любенька предсѣдаетъ въ этой компаніи и, представляя изъ себя «цыганку», полураздѣтая (при этомъ

Люблинъ, обращаясь къ пьянымъ друзьямъ, восклицалъ: «посмотрите, вотъ это такъ грудь!»), съ распущенными волосами и съ гитарой въ рукахъ, поетъ:

Ахъ, какъ было мнѣ пріятно
Съ этими милымъ усачомъ!

Анинька слушала эти рассказы и волновалась. И что всего больше шумляло ее—это то, что Любинька поетъ романсъ объ усачѣ на цыганскій манеръ; точь въ точь какъ московская Матреша! Анинька всегда отдавала полную справедливость Любинькѣ, и если-бъ ей сказали, напримеръ, что Любинька «неподражаемо» поетъ куплеты изъ «Подковника старыхъ временъ» — она, разумеется, наша бы это совершенно натуральнымъ и охотно повѣрила бы. Да этому нельзя было и не вѣрить, потому что и курская, и тамбовская, и пензенская публичка до сихъ поръ помнитъ, съ какою неподражаемою наивностью Любинька своимъ маленькимъ голоскомъ заявляла о желаніи быть *подковникомъ*... Но чтобы Любинька могла пѣть по-цыгански, на манеръ Матрешинъ—это извините-съ! это—доказательство: она, Анинька, *можетъ* такъ пѣть—это несомнѣнно. Это ея жанръ, это ея ампула, и весь Курскъ, видѣвшій ее въ пьесѣ «Русскіе романы въ лицахъ», охотно засвидѣтельствуетъ, что она «можетъ».

И Анинька брала въ руки гитару, перекидывала черезъ плечо холостую перевязь, садилась на стулъ, клала ногу на ногу и пачинала: «и-ахъ, и-ахъ!» И действительно, выходило именно, точка въ точку, такъ, какъ у цыганки Матрешинъ.

Какъ бы то ни было, но Любинька роскошничала, а Люблинъ, чтобы не омрачить картины хмельного блаженства какими-нибудь отказами, повидимому, уже приступилъ къ позавтраканіямъ изъ земскаго ящика. Не говоря о массѣ шампанскаго, которое всякую ночь выливалось и выливалось на постъ въ квартирѣ Любиньки, она сама дѣлалась съ каждымъ днемъ капризнее и требовательнее. Явились на сцену черна выписанныя изъ Москвы платки отъ m-me Минянувъ, а потомъ и брилльянты отъ Фульда. Любинька была расчетлива и не пренебрегала цѣпностями. Пьяная жизнь—сама по себѣ, а золото и камешки, въ особенности выгнанные билеты—сами по себѣ. Во всякомъ случаѣ, жилось не то чтобы весело, а буйно, безпардонно, въ угаръ въ угарь. Одно было неприятно: оказывалось нужнымъ заслуживать благосклонное вниманіе господина

полицеймейстера, который хотя и принадлежалъ къ числу друзей Люлькина, но иногда любилъ дать почувствовать, что онъ въ некоторомъ родѣ власть. Любинька всегда угадывала, когда полицеймейстеръ бывалъ недоволенъ ея угощеніемъ, потому что въ такихъ случаяхъ къ ней являлся на другой день утромъ частный приставъ и требовалъ паспортъ. И она покорялась: утромъ подавала частному приставу закуску и водку, а вечеромъ собственноручно дѣлала для господина полицеймейстера какой-то «шведскій» супчикъ, до котораго онъ былъ большой охотникъ.

Кукшичевъ видѣлъ это разнаиное море и егоралъ отъ зависти. Ему захотѣлось, во что бы ни стало, имѣть точно такой же выѣзжій домъ и точъ въ точъ такую же «красю». Тогда можно было бы и время разнообразіе проводить: сегодня почъ у Люлькинской «красю», завтра почъ — у его, Кукшичева, «красю». Это была его заветная мечта, мечта глухого человека, который тѣмъ глуше, тѣмъ упорнѣе въ достиженіи своихъ цѣлей. И самую подходящую личность для осуществленія этой мечты представлялась Апанька.

Однакожь, Апанька не сдавалась. До сихъ поръ кровь еще не говорила въ ней, хотя она имѣла много поклонниковъ и не стѣснялась въ обращеніи съ ними. Была одна минута, когда ей казалось, что она готова полюбить мѣстнаго трагика, Милославскаго 10-го, который и въ свою очередь, повидимому, егоралъ изъ ней страстью. Но Милославскій 10-й былъ такъ глухъ и притомъ такъ упорно нетрезвъ, что ни разу ничего ей не высказалъ, а только таранцилъ глаза и какъ-то пелѣно икалъ, когда она проходила мимо. Такъ эта любовь и заглохла въ самомъ зачаткѣ. На всѣхъ же остальныхъ поклонниковъ Апанька просто смотрѣла какъ на неизбежную обстановку, на которую провинціальная актриса осуждена самыми условіями своего ремесла. Она покорялась этимъ условіямъ, пользовалась тѣми маленькими льготами (рукописканія, букеты, катанья на тройкахъ, шикинки и проч.), которыя они ей предоставляли, но дальше этого, тамъ сказать, вышшняго распутства не шла.

Такъ поступала она и теперь. Въ продолженіе цѣлаго лѣта она неуклонно пребывала на стези добродѣтели, ревниво ограждая свое «сокровище» и какъ бы желая заочно доказать воляинскому батюшкѣ, что и въ средѣ актрисъ встрѣчаются личности, которымъ не чуждо геройство.

Однажды она даже решилась пожаловаться на Кукишева начальнику края, который благосклонно ее выслушал и за героизм похвалил, рекомендовал и на будущее время пребывать в ономъ. Но вмѣстѣ съ нимъ, увидѣвъ въ ея жалобѣ лишь предлогъ для косвеннаго нападенія на его собственную, начальника края, персону, изволивъ присовокупить, что, истративъ силы въ борьбѣ съ внутренними врагами, не имѣеть твердаго основанія полагать, чтобы онъ могъ быть въ требуемомъ смѣлѣ полезнымъ. Выслушавъ это, Аннинька покраснѣла и ушла.

Между тѣмъ Кукишевъ дѣйствовалъ такъ ловко, что успѣлъ заинтересовать въ своихъ домогательствахъ и публицу. Публика какъ-то вдругъ догадалась, что Кукишевъ правъ, и что дѣвица Погорѣльская 1-я (такъ она печаталась въ афишахъ) не Богъ вѣсть какая «фря», чтобы разыгрывать изъ себя недогрогу. Образовалась цѣлая партія, которая поставила себѣ задачей обуздать стронтивную выскочку. Началось съ того, что закулисные завсегдашан стали обѣгать ея уборную и свили себѣ гизадо по соебѣдству, въ уборной дѣвицы Палимовой. Потомъ—не высказывая, впрочемъ, прямо враждебныхъ дѣйствій—начали принимать дѣвицу Погорѣльскую, при ея выходахъ, съ такою убойственной воздержностью, какъ будто на сцену появилась не первый сюжетъ, а какой-нибудь оглашенный старикъ. Наконецъ, настояли на томъ, чтобы антрепренеръ отобралъ у Анниньки нѣкоторые роли и отдалъ ихъ Палимовой. И что еще любознательне—во всей этой подпольной интригѣ самое дѣятельное участіе принимала Любинька, у которой Палимова состояла на правахъ панереницы.

Къ осени Аннинька съ изумленіемъ увидѣла, что ее заставляютъ играть Ореста въ «Прекрасной Еленѣ», и что изъ прежнихъ первыхъ ролей за ней оставлена только Перикола, да и то потому, что сама дѣвица Палимова не решилась соперничать съ нею въ этой ивсѣ. Сверхъ того, антрепренеръ объявилъ ей, что, въ виду охлажденія къ ней публики, жалованье ея сокращается до 75 рублей въ мѣсяцъ съ однимъ полубенефисомъ въ теченіе года.

Аннинька струсила, потому что при такомъ жалованьи ей приходилось переходить изъ гостиницы на постоялый дворъ. Она написала ивсѣма къ двумъ-тремъ антрепренерамъ, предлагая свои услуги, но отовсюду получила отвѣтъ, что нынче и безъ того отъ Периколь отбою нѣтъ, а такъ какъ, сверхъ того, изъ достовѣрныхъ источниковъ сдѣлалось

известно об ее строптивости, то и тѣмъ больше надеждъ на успѣхъ не предвидится.

Аннинька проживала послѣднія запасныя деньги. Еще недѣля—и ей не миновать было постоялаго двора, наравнѣ съ дѣвнней Хорошавиной, игравшей Нароенскъ и пользовавшейся покровительствомъ квартальнаго надзирателя. На нее начало находить что-то въ родѣ отчаянія, тѣмъ больше, что въ ее номеръ каждый день таинственная рука подбрасывала записку одного и того же содержания: «Периколъ, покорись! Твой Кукиншевъ». И вотъ, въ эту тяжелую минуту къ ней совсѣмъ неожиданно ворвалась Любинька.

— Скажи на милость, для какого принца ты свое сокровище бережешь?—спросила она кратко.

Аннинька оторопѣла. Прежде всего ее поразило, что и вопиющей бабашка, и Любинька въ одинаковомъ смыслѣ употребляютъ слово «сокровище». Только бабашка видитъ въ сокровищѣ «основу», а Любинька смотритъ на него, какъ на пустое дѣло, отъ котораго, впрочемъ, «подлецы-мужчины» способны доходить до одурѣнія.

Взвѣсивъ она невозможно спросила себя: чтѣ такое, въ самомъ дѣлѣ, это сокровище? Дѣйствительно ли оно сокровище и стоитъ ли беречь его?—и увя!—не вышла на этотъ вопросъ удовлетворительнаго отвѣта. Съ одной стороны, какъ будто совсѣмъ остаться безъ сокровища, а съ другой... ахъ, чертъ побери! да нужели же весь смыслъ, вся заслуга жизни въ томъ только и должна выразиться, чтобы каждую минуту вести борьбу за сокровище?

— Я въ полгода успѣла тридцать выигранныхъ билетовъ скончить, — продолжала, между тѣмъ, Любинька: — да денегъ сколько... Посмотри, какое на мнѣ платье!

Любинька повернулась кругомъ, обдернула ее сперва спереди, потомъ сзади и дала себя осмотрѣть со всѣхъ сторонъ. Платье было дѣйствительно и дорогое, и изумительно сшитое: прямо отъ Минангуа изъ Москвы.

— Кукиншевъ—добрый, — опять начала Любинька: — онъ тебя, какъ куколку, вырядитъ, да и денечку дастъ. Театръ-то можно будить и по-боку... Достаточно!

— Никогда!—горячо вскрикнула Аннинька, которая еще не забыла словъ: «святное искусство!»

— Можно и остаться, если хочешь. Старшій окладъ опять получишь, впереди Налимовой пойдешь.

Аннинька молчала.

— Ну, прощай. Меня внизу ждутъ наши. И Кукиншевъ тамъ. Бѣдешь?

Но Аннинька продолжала молчать.

— Ну, подумай, коли есть надъ чѣмъ думать... А когда подумаешь—приходи. Прощай!

17-го сентября, въ день Любинькиныхъ именинъ, афиша самоварновскаго театра возвѣщала *эксцентрическое* представленіе. Аннинька явилась вновь въ роли «Прекрасной Елены», и въ тотъ же вечеръ, «на сей только разъ», роль Ореста выполнила дѣвица Погорьльская 2-я, то-есть Любинька. Къ довершенію торжества, и тоже «на сей только разъ», дѣвину Налимову одѣли въ трико и коротенькую визитку, слегка тронули лицо сажей, вооружили жезльвымъ лицомъ и выпустили на сцену въ роли кузнеца Кисона. Въ виду всего этого и публики была какъ-то восторженно настроена. Едва показалась въ-за кулисъ Аннинька, какъ ее встрѣтили такой гвалтъ, что она, совсѣмъ уже отвыкшая отъ овацій, почувствовала, что къ ей горлу подступаютъ рыданія. А когда, въ третьемъ актѣ, въ сценѣ ночного пробужденія, она встала съ кушетки почти обнаженная, то въ залѣ поднялся въ полномъ смыслѣ слова стоупъ, такъ что одинъ черезчуръ наэлектризованный зритель крикнулъ появившемуся въ дверяхъ Менделю: «Да уйди ты, постыдѣй человѣкъ, вошь!» Аннинька поняла, что публика простила ее. Съ своей стороны, Кукиншевъ, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, съ достоинствомъ заявлялъ о своемъ торжествѣ и въ антрактахъ нелѣ въ буфетѣ шампанскія знакомыхъ и незнакомыхъ. Наконецъ, и антрепренеръ театра, преспопешенный ликованія, явился въ уборную Анниньки и, вставъ на колѣна, сказалъ:

— Ну, вотъ, барышня, теперь вы — дамба! И потому съ нынѣшняго же вечера, попрежнему, переводитесь на высшій окладъ съ соответствующимъ числомъ бенефисовъ-съ!

Однимъ словомъ, всѣ ее хвалили, всѣ поздравляли и заявляли о сочувствіи, такъ что она и сама, сначала робѣвшая и какъ бы не находившая мѣста отъ гнетущей тоски, совершенно неожиданно прошилась убѣжденіемъ, что она... выполнила свою миссію!

Послѣ спектакля всѣ отправились къ именинницѣ, и тутъ поздравленія усугублялись. Въ кибиткѣ Любиньки собралась такая толпа и сразу такъ надымилъ табакомъ, что трудно было дышать. Сейчасъ сѣли за ужинъ и полилось шампанское. Кукиншевъ ни на шагъ не отходилъ отъ

Анниньки, которая, повидимому, была сметка смущена, но въ то же время уже не тяготилась этимъ ухаживаніемъ. Ей казалось немножко смѣшно, но и лестно, что она такъ легко приобрѣла себѣ этого рослаго и сильнаго купчину, который шута можетъ подкову согнуть и разогнуть, и которому она можетъ все приказать, и что захочетъ, то съ нимъ и сдѣлаетъ. За ужиномъ началось общее веселье, то ильное, безпорядочное веселье, въ которомъ не принимаютъ участія ни умъ, ни сердце и отъ котораго на другой день болше голова и опущаются позывы на тоиноту. Только одинъ изъ присутствующихъ, трагикъ Милославскій 10-й, глядѣлъ угрюмо и, уклоняясь отъ шампанскаго, рюмка за рюмкой хлопалъ водку-простецъ. Что касается до Анниньки, то она нѣкоторое время воздерживалась отъ «уноснйя»; но Кукищевъ былъ такъ настоятеленъ и такъ жалко умолялъ на колѣняхъ: «Анна Семеновна! за вами долѣтъ-съ (debet)! Позвольте просить-съ! За ваше блаженство-съ, сохвѣть да любовь-съ! Сдѣлайте ваше одолженіе-съ!»—что ей хоть и досадно было видѣть его глупую фигуру и слышать его глупыя рѣчи, но она все-таки не могла отказать, и не успѣла опомниться, какъ у нея закружилась голова. Любинька, съ своей стороны, была такъ великодушна, что сама предложила Аннинькѣ сѣсть: «Ахъ, какъ было мнѣ пріятно съ этимъ милымъ усачомъ», что послѣдняя и выполнила съ такимъ совершенствомъ, что все воскликнули: «Вотъ это такъ ужъ точно... но - Матрешинному!» Взаимнѣ того Любинька мастерски сѣла куплеты о томъ, какъ пріятно быть *подполковникомъ*, и всѣхъ сразу убѣдила, что это настоящій ея жанръ, въ которомъ у нея точно такъ же нѣтъ соперницъ, какъ у Анниньки—въ пѣсняхъ съ цыганскимъ пошибомъ. Въ заключеніе Милославскій 10-й и дѣвица Налимова представили «сценку маскарადъ», въ которой трагикъ декламировалъ отрывки изъ «Уголино» («Уголино», трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Н. Полевого), а Налимова подавала ему речлики изъ неудачной трагедіи Баркова. Выходило нѣчто до такой степени неожиданное, что дѣвица Налимова чуть-чуть не затмила дѣвицу Погорѣльскихъ и не сдѣлалась героинею вечера.

Было уже почти свѣтло, когда Кукищевъ, оставивши дорогую именинницу, усаживалъ Анниньку въ коляску. Благочестивые дѣвцане возвращались отъ заутрени и, глядя на расфранченную и сметка пошатывавшуюся дѣвицу Погорѣльскую 1-ю, угрюмо ворчали:

— Люди изъ церкви идутъ, а они вино жрутъ... про оны етъ на васъ ибѣтъ!

Отъ сестры Аннинька отправилась уже не въ гостиницу, а въ *свою* квартиру, маленькую, но уютную и очень мило отдѣланную. Туда же, слѣдомъ за ней, вошелъ и Кукишевъ.

Вся зима прошла въ какомъ-то неслыханномъ чадѣ. Аннинька окончательно закружилась, и ежели по временамъ вспоминала о «сакренищѣ», то только для того, чтобы сейчасъ же мысленно преневокунить: «какая я, однакожь, была дура!» Кукишевъ подъ влияніемъ гордаго сознанія, что его идея насчетъ «крали» равнаго достоинства съ Любинькой осуществилась, не только не жалѣлъ денегъ, но, подстрекаемый соревнованіемъ, выписывалъ непремѣнно два наряда, когда Люлькинь выписывалъ только одинъ, и ставилъ двѣ доски шампанскаго, когда Люлькинь ставилъ одну. Даже Любинька начала завидовать сестрѣ, потому что послѣдняя успѣла за зиму закончить сорокъ выигрышныхъ билетовъ, кромѣ порядочнаго количества золотыхъ бездѣлушекъ съ камешками и безъ камешковъ. Онѣ, впрочемъ, оныть сдружилась и рѣшила все накопленіе хранить сообща. При этомъ Аннинька все еще о чемъ-то мечтала и въ питимной бесѣдѣ съ сестрой говорила:

— Когда *все это* кончится, то мы поѣдемъ въ Погорьку. У насъ будутъ деньги, и мы начнемъ хозяйничать.

На что Любинька очень цинично возражала:

— А ты думаешь, что *это* когда-нибудь кончится... дура!

На несчастье Анниньки, у Кукишева явилась новая «идея», которую онъ началъ преслѣдовать съ обычнымъ упорствомъ. Какъ человѣку неразвитому и при томъ несомнѣнно неуемному, ему казалось, что онъ ощутился наверху блаженства, если его «краля» будетъ «дѣлать ему аккомпанементъ», т. е. вмѣстѣ съ нимъ станеть пить водку.

— Хлопнется-съ, вмѣстѣ-съ, но одной-съ! — приставалъ онъ къ ней безирестанно (онъ всегда говоритъ Аннинькѣ «вы», во-первыхъ, дѣля въ ней дворянское званіе, и, во-вторыхъ, желая показать, что и онъ не даромъ жилъ «въ мальчишкахъ» въ московскомъ гостинномъ дворѣ).

Аннинька нѣкоторое время отбививалась, съсылаясь на то, что и Люлькинь никогда не заставляла Любиньку пить водку.

— Однакожь, онѣ изъ любви къ господину Люлькину, все-таки, кушаютъ-съ! — возразила Кукишевъ. — Да и позволите вамъ доложить, кралячка-съ, развѣ навѣтъ господа

Люлькины образец-сь? Они — Люлькины-сь, а мы съ вами — Кукишевы-сь! Оттого мы и хлопнем по-нашему-сь, по-кукишевски-сь!

Однимъ словомъ, Кукишевъ настоялъ. Однажды Аннинька приняла изъ руки своего возлюбляемаго рюмку, наполненную зеленой жидкостью, и разом опрокинула ее въ горло. Газуфется, не увидѣла свѣта, понерхнула, закашлялась, закружилась и этимъ привела Кукишева въ пенетивый восторгъ.

— Позвольте вамъ доложить, красочка, вы не такъ кушаете-сь! Вы слишкомъ ужъ скоро-сь! — поучалъ онъ ее, когда она пешого успокоилась. — Пакальничъ (такъ называлъ онъ рюмку) слѣдуетъ держать въ рукахъ, вотъ какъ-сь! Потомъ поднести къ устамъ и не торопясь: разъ, два, три... Господа благослови!

И онъ спокойно и серьезно опрокинуть рюмку въ горло, точно вывалъ содержаніе ея въ лохань. Даже не поморщился, а только вилъ съ тарелки миниаторный кусочекъ чернаго хлѣба, обмакнулъ въ солонку и пожевалъ.

Такимъ образомъ, Кукишевъ добился осуществленія и второй своей «идеи», и пачать ужъ помышлять о томъ, какую бы такую новую «идею» выдумать, чтобы господамъ Люлькинымъ въ носъ бросилось. И, разумѣется, выдумалъ.

— Знаете ли что-сь, — вдругъ объявилъ онъ: — ужъ, какъ дѣло наступить, отправимтесь-ка мы съ господами Люлькиными за канцанію ко мнѣ на мельницу-сь, возьмемъ съ собой сакважъ-сь (такъ называлъ онъ коробокъ съ виномъ и закуской) и искунаемся въ рѣчкѣ-сь, съ обоконднлаго промежду себя согласія-сь!

— Ну, ужъ этому-то никогда не бывать! — возразила съ негодованіемъ Аннинька.

— Отчего такъ-сь? Сначала искунаемся-сь, потомъ чутьчку хлопнемъ-сь, а потомъ пешого проклаже и опять искунаемся-сь! Расчудесное будетъ дѣло-сь!

Неизвѣстно, осуществилась ли эта новая «идея» Кукишева, но пакѣтно, что цѣлый годъ длился этотъ шланый угаръ, и въ продолженіе этого времени ни городская управа, ни земская таковая-жь не обнаружили ни малѣйшаго безпокойства относительно господъ Кукишева и Люлькина. Люлькины, впрочемъ, ѣздили, для вида, въ Москву и, воротившись, сказывали, что продать на срубъ дѣсь; а когда ему напомнили, что онъ уже четыре года тому назадъ,

когда жилъ съ цыганкой Доманкой, продать дѣсь, то онъ возражалъ, что тогда онъ сбывъ урочище Дрыгаловское, а теперь пустошь Данкину-Студобанку. Причемъ, для приданія своему разсказу большаго вѣроятія, присовокупилъ, что проданная пустошь была такъ называла потому, что при крѣпостномъ правѣ въ этомъ дѣсу «настали» дѣвку Данку и тутъ же на мѣстѣ наказывали за это розгами. Что касается Кукишева, то онъ, для отвода глазъ, распустилъ подъ рукой слухъ, что безпоманно привезъ изъ-за границы въ карандахахъ партію кружевъ, и этою операціей нажилъ хорошии барышъ.

Тѣмъ не менѣе, въ сентябрѣ слѣдующаго года полицеймейстеръ попросилъ у Кукишева займобразно тысячу рублей, и Кукишевъ имѣлъ неблагоуразуміе отказать. Тогда полицеймейстеръ началъ о дѣмъ-то перешентиваться съ товарищемъ прокурора («оба у меня шампанское каждый вечера макали!» — показывалъ впоследствии на судѣ Кукишевъ). И вотъ, 17-го сентября, въ годовицину Кукишевскихъ «любвей», когда онъ, вмѣстѣ съ прочими, вновь праздновалъ именины Любкины, приближалъ глаенный изъ городской управы и объявилъ Кукишеву, что въ управѣ собралось присутствіе и составляется протоколъ.

— Стало-быть, «добрѣтъ» нашли? — довольно развязно восклицалъ Кукишевъ и безъ дальнихъ разговоровъ послѣдовалъ за посланнымъ въ управу, а оттуда въ острогъ.

На другой день исполнилась и земская управа. Собрались члены, послали въ казначейство за денежными ящиками, считали, пересчитывали, но какъ ни хлопали на счетахъ, а въ концѣ концовъ оказалось, что и тутъ «добрѣтъ». Люлькины присутствовать при ревизіи, блѣдный, угрюмый, но... благородный! Когда «добрѣтъ» обнаружилась вполне осязательно и члены, каждый про себя, обещали, какое Дрыгаловское урочище придется каждому изъ нихъ продавать для поименнаго растраты, Люлькины подонистъ къ ону, вынуть изъ кармана револьверъ и тутъ же всадилъ себѣ пулю въ високъ.

Много говору надѣлало въ городѣ это происшествіе. Судили и сравнивали. Люлькина жалѣли, говорили: «По крайней мѣрѣ благородно покончили!» О Кукишевѣ отзывались: «Аристократомъ родился, аристократомъ и умереть». А объ Аннинькѣ и Любкинкѣ говорили прямо, что это — «онѣ», что это — «изъ-за нихъ», и что ихъ тоже не дѣшало бы

засадить въ острогъ, чтобы подобнымъ прощальнымъ вырѣдъ неповало было.

Слѣдователь, однакожь, не засадилъ ихъ въ острогъ, но зато такъ настрадалъ, что онѣ совсѣмъ растерялись. Папаше, конечно, люди, которые прѣтельски совѣтовали припрятать что поцѣпше, но онѣ слушали и ничего не понимали. Благодаря этому, адвокатъ истцовъ (обѣ управы наняли одного и того же адвоката), отважный малый, въ видахъ обезпеченія нековъ, явился, въ сопровожденіи судебного пристава, къ сестрамъ, и все, что нашель, описать и опечатать, оставивъ въ ихъ распоряженіи только платки и тѣ золотыя и серебряныя вещи, которыя, судя по выгравированнымъ надписямъ, оказывались припопеченіями восхищенной публики. Любинька успѣла, однакожь, при этомъ захватить пачку бумажекъ, подаренную ей пакалугѣ, и спрятать за корсетъ. Въ этой пачкѣ оказалась тысяча рублей — все, чѣмъ сестры должны были неопредѣленное время существовать.

Въ ожиданіи суда ихъ держали въ Самоварномъ мѣсяца четыре. Затѣмъ начался судъ, на которомъ онѣ, а въ особенности Аннинька, выдержали дѣлую пытку. Кукшентъ былъ циниченъ до мерзости; даже надобности не было въ тѣхъ подробностяхъ, которыя онѣ выложили; но онѣ, очевидно, хотѣли порисоваться передъ самоварновскими дамами и излагали рѣшительно все. Прокуроръ и частный обвинитель, люди молодые и тоже желавшіе доставить самоварновскимъ дамамъ удовольствіе, воспользовались этимъ, чтобы сообщить процессу игривый характеръ, въ чемъ, конечно, и успѣли. Аннинька нѣсколько разъ падала въ обморокъ, но частный обвинитель, озабочиваясь обезпеченіемъ нека, рѣшительно не обращалъ на это вниманія и ставилъ вопросы за вопросами. Наконецъ, слѣдствіе кончилось и предоставлено было слово заинтересованнымъ сторонамъ. Уже поздно печью присяжные вынесли Кукшенту обвинительный приговоръ съ смягчающимъ, впрочемъ, обстоятельствомъ, вслѣдствіе чего онъ былъ тутъ же прирѣзденъ къ сылкамъ на житье въ западную Сибирь, въ мѣста не столь отдаленныя.

Съ окончаніемъ дѣла сестры получили возможность уѣхать изъ Самоварнаго. Да и время было, потому что спрятанная тысяча рублей подходила подъ неходъ. А сверхъ того и антрепренеръ кречетовскаго театра, съ которымъ онѣ предварительно сошлись, требовалъ, чтобы онѣ явились въ

Кречетовъ немедленно, грозя въ противномъ случаѣ прервать переговоры. О деньгахъ, вещахъ и бумагахъ, опечатанныхъ по требованію частнаго обвинителя, не было ни слуха, ни духа...

Таковы были послѣдствія небрежнаго обращенія съ «сокровищемъ». Измученныя, истерзанныя, подавленные общимъ презрѣніемъ, сестры утратили всякую вѣру въ свои силы, всякую надежду на просвѣтъ въ будущемъ. Онѣ похудѣли, опустынясь, струсили. И къ довершенію всего, Аннишка, побывавши въ школѣ Кукншева, приучилась пить.

Дальше пошло еще хуже. Въ Кречетовѣ, едва успѣли сестры выйти изъ пагона, какъ ихъ тотчасъ же разобрали по рукамъ. Любину принялъ ротмистръ Пашковъ, Аннишкѣ—купецъ Забвенный. Но прежнихъ привольій уже не было. И Пашковъ, и Забвенный были люди грубые, драчуны, но тратились умѣренно (Забвенный выражался: «глядя по товару»), а черезъ три-четыре мѣсяца и значительно охладѣли. Къ довершенію, рядомъ съ умѣренными любовными усилками, шла и черезчуръ умѣренные усилки сценическіе. Антрепренеръ, выписавшій сестеръ въ расчетъ на скандалъ, произведенный ими въ Самоваровѣ, совсѣмъ неожиданно просчитался. На первомъ же представленіи, когда обѣ дѣвицы Погорьельскія были на сценѣ, кто-то изъ райки крикнулъ: «Эхъ, вы, подосудимыя!»—и кланька эта такъ и осталась за сестрами, сразу рѣшивъ ихъ сценическую судьбу.

Потянулась вялая, глухая, лишенная всякаго умственнаго интереса жизнь. Публичка была холодна, антрепренеръ дулся, покровители—не заступались. Забвенный, который, подобно Кукншеву, мечталъ, какъ онъ будетъ «понуждать» свою кралю прохаживаться съ нимъ по маленькой, какъ она будетъ сначала жеманиться, а потомъ мало-по-малу уступить, былъ очень обижень, когда увидѣлъ, что школа уже пройдена сплошная, и что ему остается только одна утѣха: собирать пріятелей и смотрѣть, какъ Анютка «водку жретъ». Съ своей стороны и Пашковъ былъ недоуодень и находить, что Любинька похудѣла, или, какъ онъ выражался, «постерѣла».

— У тебя присиде тѣлеса были,—допрашивалъ онъ ее:—сказывай, куда ты ихъ дѣвала?

И вслѣдствіе этого не только не церемонился съ нею, но даже по разъ, подъ пьяную руку, бивалъ.

Изъ концу зимы сестры не имѣли ни покровителей «постоящихъ», ни «постояннаго положенія». Онѣ еще держались кое-какъ около театра, но о «Чериколахъ» и «Полковникахъ старыхъ временъ» не было уже и рѣчи. Любинька, впрочемъ, выглядѣла нѣсколько бодрѣ; Аннинька же, какъ болѣе первая, совсѣмъ опустилась и, казалось, позабыла о прошломъ и не сознавала настоящаго. Сверхъ того, она начинала подозрительно каплять: навстрѣчу ей, видимо, шелъ какой-то загадочный вѣдунъ...

Слѣдующее лѣто было ужасно. Мало-по-малу сестеръ начали возить по гостиницамъ къ прѣзжающимъ господамъ и на нихъ установилась умѣренная такса. Скандаль слѣдовали за скандалями, поборница за поборницами, но сестры были живучи, какъ конки, и все лѣзли, все желали жить. Онѣ напоминали тѣхъ жалкихъ собачонокъ, которыя, несмотря на ошариванія, израненныя, съ перенесенными ногами, все-таки лѣзутъ въ облюбованное мѣсто, визжать и лѣзутъ. Держать при театрѣ подобныхъ личностей оказалось неудобнымъ.

Въ эту мрачную годину только однажды лучъ свѣта ворвался въ существованіе Анниньки. А именно: трагикъ Милославскій 10-й прислалъ изъ Самоварнова письмо, въ которомъ настоятельно предлагалъ ей руку и сердце. Аннинька прочла письмо и заплакала. Цѣлую ночь она металась, была, какъ говорится, сама не своя, но на утро послала короткій отвѣтъ: «Для чего? Для того, что ли, чтобъ выѣсть водку пить?» Затѣмъ мракъ ступилъ еще прежняго и снова начался безконечный подлый угаръ.

Любинька первая очулась, или, лучше сказать, не очулась, а инстинктивно почувствовала, что жить довольно. Работы впереди уже не предвидѣлось: и молодость, и красота, и зачатки дарованія — все какъ-то вдругъ пропало. О томъ, что есть у нихъ пріютъ въ Погорѣлкѣ, ей ни разу даже не вспомнилось. Это было что-то далекое, смутное, совсѣмъ забытое. Если ихъ прежде не манило въ Погорѣлку, то теперь и подавно. Да, именно теперь, когда приходилось почти умирать съ голода, теперь-то меньше всего и манило туда. Съ какимъ лицомъ она явится? Съ какимъ, на который всевозможныя пынцля дыханія выжили тавро: «подлый!» Вездѣ они ясли, эти проклятыя дыханія; вездѣ они чувствуются, на всякомъ мѣстѣ. И что всего ужаснѣе — и она, и Аннинька настолько освоились съ этими дыханіями, что незамѣтно сдѣлали ихъ неразрыв-

ною частью своего существованія. Имъ не омерзительны ни трактирная вонь, ни гвалтъ постоянныхъ дворовъ, ни цинизмъ нѣжныхъ рѣчей, такъ что если-бъ онѣ ушли въ Погорѣлку, то имъ навѣрное всего этого будетъ недоставать. Но, кромѣ того, вѣдь и въ Погорѣлкѣ надо чѣмъ-нибудь существовать. Сколько ужъ дѣтъ онѣ мыкаются по бѣду свѣту, а о доходахъ съ Погорѣлки что-то не слышать. Не мистъ ли она? не вымеран ли тамъ всѣ? Всѣ эти свидѣтели далекаго и вѣчно памятнаго дѣтства, когда ихъ, сиротокъ, бабенка Арина Петровна воспитывала на кускомъ молока и понорченной солонинѣ... Ахъ, что это было за дѣтство! Что это за жизнь... вся вообще! Вся жизнь... вся, вся, вся жизнь!

Ясно, что надо умереть. Разъ эта мысль освѣтила со-лѣсть, она дѣлается ужъ нестерпимою. Обѣ сестры перѣдко пробуждались отъ угара; но у Анниньки эти пробужденія сопровождались истериками, рыданіями, слезами и проходили быстро. Любинька была холоднѣе по природѣ, а потому не плакала, не проклинала, а только упрямно помнила, что она «подлая». Сверхъ того, Любинька была разсудительна и какъ-то совершенно ясно сообразила, что жить даже и расета итъ. Совсѣмъ ничего не видится впереди, кромѣ позора, нищеты и улицы. Позоръ — дѣло привычки, его можно перенести, но нищета — никогда! Лучше покончить разомъ, со всѣмъ.

— Надо умереть, — сказала она однажды Аннинькѣ тѣмъ же холодно-разсудительнымъ тономъ, которымъ, два года тому назадъ, спрашивала ее, для кого она бережетъ свое сокровище.

— Зачѣмъ? — какъ-то испуганно возразила Аннинька.

— Я тебѣ серьезно говорю: надо умереть! — повторила Любинька. — Пойми, очнись, постарайся!

— Что-жь... умремъ! — согласилась Аннинька, едва ли, однакоже, сознавая то суровое значеніе, которое заключало въ себѣ это рѣшеніе.

Въ тотъ же день Любинька наломала головокъ отъ фосфорныхъ свѣчекъ и приготовила два стакана пасты. Одинъ изъ нихъ вылила сама, другой подала сестрѣ. Но Аннинька мгновенно струсила и не хотѣла пить.

— Пей... подлая! — кричала на нее Любинька: — Сестрица, милая, голубушка, пей!

Аннинька, почти безумнѣвъ отъ страха, кричала и ме-

талась по комнатам; и въ то же время истинно хваталась руками за горло, словно пыталась задавиться.

— Пой, пей... подлая!

Артистическая карьера дѣвицы Поторѣльскихъ кончилась. Въ тотъ же день вечеромъ Любинькинъ трупъ вывези въ поле и зарыли. Аннинька остывала жива.

По приѣздѣ въ Голоуево, Аннинька очень быстро внесла въ старое Тудушкино гнѣздо атмосферу самаго безпардоннаго кощунства. Вставала поздно; затѣмъ, неодѣтая, нечесанная, съ отяжелѣвшей головой, слонялась вилоть до обѣда изъ угла въ уголъ, и до того вымученно канючила, что Порфирій Владиміръ, сидя у себя въ кабинетѣ, всякій разъ пугался и вздрагивалъ. Комната ея вѣчно оставалась неубранною; постель стояла въ безпорядкѣ; принадлежности бѣлья и туалета валялись разбросанныя по стульямъ и полу. Въ первое время она видѣлась съ дядей только во время обѣда и за вечернимъ чаемъ. Головаевскій владыка выходилъ изъ кабинета весь одѣтый въ черное, говорилъ мало и только попрежнему изнуриительно-долго бѣлъ. Повидимому, онъ присматривался, и Аннинька, по скошеннымъ въ ея сторону глазамъ его, догадывалась, что онъ присматривался именно къ ней.

Вслѣдъ за обѣдомъ наступали раннія декабрьскія сумерки и начиналась тоскливая ходьба по длинной анфиладѣ парадныхъ комнатъ. Аннинька любила слѣдить, какъ постепенно потухаютъ мерцающія сѣраго змѣяго дня, какъ меркнутъ окрестность и комнаты наполняются тѣнями и какъ потомъ вдругъ весь домъ окунется въ непроницаемую мглу. Она чувствовала себя легче среди этого мрака, и потому почти никогда не зажигала свѣчей. Только въ концѣ длинной залы стрекотала и оплывала дешевенькая пальмовая свѣчка, образуя своимъ пламенемъ небольшой свѣтящійся кругъ. Нѣкоторое время въ домѣ происходило обычное послѣобѣденное движеніе: слышалось зыгнанье перемываемой посуды, раздавался стукъ выдвигаемыхъ и задвигаемыхъ ящиковъ, но вскорѣ доносилось топканье удаляющихся шаговъ, и затѣмъ наступала мертвая тишина. Порфирій Владиміръ ложился на послѣобѣденный отдыхъ. Евпраксеюшка зарылась въ своей комнатѣ въ черну. Прохоръ уходилъ въ людскую, и Аннинька оставалась совершенно одна. Она ходила вадъ и впередъ, нагѣвая въ нолголоса и старалась утомить себя и, главное, ни о чемъ не думать. Идя по на-

правленію къ залѣ, выглядывалась въ свѣтящійся кругъ, образуемый пламенемъ свѣчи; возвращалась назадъ, усиливалась различить какую-нибудь точку въ ступившейся мглѣ. Но па зло усилилѣтъ, воспоминанія такъ и паыли ей навстрѣчу. Вотъ уборная, окаянная дешевенькими обоями по дощатой перегородкѣ, съ неизбѣжнымъ трюмо и не менѣе неизбѣжнымъ букетомъ отъ подпоручика Палкова 2-го; вотъ сцена съ законченными, захватанными и скользящими отъ сырости декораціями; вотъ и она сама вертится на сценѣ,—именно только вертится, воображая, что играетъ; вотъ театральныи залъ, со сцены кажущійся тѣмъ наряднымъ, почти блестящимъ, а въ дѣйствительности убогимъ, темнымъ, съ сборною мебелью и съ ложами, обитыми обшарпаннымъ малиновымъ плюшемъ. И въ заключеніе — оберъ-офицеры, оберъ-офицеры, оберъ-офицеры безъ конца. Потомъ гостиница съ вонючимъ коридоромъ, слабо освѣщеннымъ конящею керосиновой лампой; номеръ, въ который она, по окончаніи спектакля, впоныхахъ забѣгаетъ, чтобы передѣлаться для дальнѣйшихъ торжествъ, номеръ съ небриbranною съ утра постелью, съ умывальникомъ, наполненнымъ грязной водой, съ валяющеюся на полу простыней и забытыми на спинкѣ кресла кальсовами; потомъ общая зала, полная кухоннаго чада, съ накрытымъ посрединѣ столомъ; ужашь, котлеты подъ горошкомъ, табачный дымъ, гвадъ, толкотня, пынство, разгуть... И опять оберъ-офицеры, оберъ-офицеры, оберъ-офицеры безъ конца...

Таковы были воспоминаія, отпосившіяся къ тому времени, которое она когда-то называла временемъ своихъ усѣховъ, своихъ побѣдъ, своего благополучія...

За этими воспоминаіями начинался рядъ другихъ. Въ нихъ выдающуюся роль игралъ постоянный дворъ, уже совсѣмъ вонючій, съ промерзающими зимой стѣнами, съ колдоблящимися полами, дощатою перегородкой, изъ щелей которой выглядывали глянцевитые животы клоновъ. Пьяныя и драчливныя ночи; проѣзжіе помѣщики торопливо вынимающе изъ тощихъ бумажниковъ зелененькую; хваты-кушцы, подбадривающе «актерокъ» чуть не съ нагайкой въ рукахъ. А на утро — головная боль, тошнота и тоска, тоска безъ конца. Въ заключеніе — Головлево...

Головлево — это сама смерть, влюбная, пустоутробная; это смерть, вѣчно подстерегающая новую жертву. Двое людей тутъ умерли; двое двоюродныхъ братьевъ здѣсь получили «особенно тяжкія» раны, послѣдствіемъ которыхъ была

смерть; наконец и Любишка... Хотя и кажется, что она умерла где-то в Кречетовъ «по своимъ дѣламъ», но начало «особенно тяжкихъ» ракъ несомнѣнно положено здѣсь, вѣ Головлеви. Всѣ смерти, всѣ отравы, всѣ язвы — все идетъ отсюда. Здѣсь происходило кормленіе протухлой соловьиной; здѣсь впервые раздалась въ ушахъ явротъ слова: постылые, нищѣ, дармоѣды, ненаемтная утробы и проч.; здѣсь ничто не проходило безъ даромъ, ничто не укрывалось отъ пронизывающаго взора чертвой и влажной старухи: ни лишній кусокъ, ни изломанная тропивая кукла, ни изорванная тряпка, ни стоптанный башмакъ. Вскрикъ правонарушеніе немедленно возстановлялось или ускоризной, или плешенькой. И вотъ, когда онѣ получили возможность располагать собой и поняли, что можно бѣжать отъ этого наскудства, онѣ и бѣжали... *туда!* И никто не удержалъ ихъ отъ бѣгства. — да и нельзя было удержатъ, потому что хуже, постылае Головлева не предвидѣлось ничего.

Ахъ, если-бъ все это забыть, если-бъ можно было хоть въ мечтѣ создать что-нибудь иное, какой-нибудь волшебный міръ, который заслонилъ бы собою и прошедшее, и настоящее. Но, — увы! — дѣйствительность, которую она перекликала, была одарена такою жельзною инпуцственностью, что подъ гнетомъ ея сами собой потухли всѣ проблески воображенія. Намрасно мечта усиливается создать ангельчиковъ съ серебряными крыльницами — изъ-за этихъ ангельчиковъ немощно вымидыбаютъ Кукишны, Люлькны, Забвенныя, Панковы... Господи! да неужто же все утрачено? неужто даже способность лгать, обманывать себя и та потонула въ ночныхъ кутецахъ, въ вниѣ и развратѣ? Надо, однакожь, какъ-нибудь убитъ это прошлое, чтобъ оно не отравляло крови, не рвало на куски сердца! Надо, чтобъ налегло что-нибудь тяжелое, которое раздавило бы его, уничтожило бы совсѣмъ, до тла!

И какъ все это странно и жестоко сложилось! Нельзя даже вообразить себѣ, что возможно какое-нибудь будущее, что существуетъ дверь, черезъ которую можно какъ-нибудь выйти, что можетъ хоть что-нибудь случиться. Ничего случиться не можетъ. И что всего неспособнѣе въ сущности, она уже умерла, а между тѣмъ вышннне признаки жизни — на-лицо. Надо было *тогда* кончатъ, вмѣстѣ съ Любишкой, а она затѣмъ-то осталась. Какъ не раздавила се ты масса срама, которая въ то время со всѣхъ сторонъ надвинулась на нее? И какими ничтожнннмъ червемъ нужно

быть, чтобы выколоты изъ-подъ такой груди разомъ налетѣвшихъ камней?

Вопросы эти заставляли ее стонать. Она бѣгала и кружилась по залѣ, стараясь утомить возбужденныя впечатлѣнія. А навстрѣчу такъ и вливалъ: и Герцогиня Герольштейнская, потирающая гусарскимъ ментикомъ, и Клеретта Ангѣ, въ подвѣчномъ платьѣ, съ разрѣзомъ спереди до самаго пояса, и Прекрасная Елена, съ разрѣзами спереди, сзади и со всѣхъ боковъ... Ничего, кромѣ безстыдства и наготы... вотъ въ чемъ прошла вся жизнь. Неужели все это было?

Около семи часовъ дождь начиналъ вновь пробуждаться. Слышались приготовления къ предстоящему чаю, а наконецъ раздавался и голосъ Порфирія Владимірыча. Дядя и племянница сѣли у чайнаго стола, размышлялись замѣчаниями о проходящемъ днѣ; но такъ какъ содержаніе этого дня было скудное, то и разговоръ оказывался скуднымъ же. Напившись чаю и выполнивъ обрядъ рождественнаго цѣлованія на сонъ грядущій, Лудовика окончательно запоздалъ въ свою пору, а Аннинька отпраивалась въ комнату къ Евпраксеюшкѣ и играла съ ней въ меланчи.

Съ 11-ти часовъ начинался разгулъ. Предварительно удостовѣрившись, что Порфирій Владимірычъ утомился, Евпраксеюшка ставила на столъ разное деревенское соленье и трафигъ съ водкой. Припоминались безмысленныя и безстыжія пѣсни, раздавались звуки гитары, и въ промежуткахъ между пѣснями и подлымъ разговоромъ Аннинька выпивала. Пила она сначала «но-бушневски», хладнокровно, «Господи баслави!», но потомъ постепенно переходила въ мрачный тонъ, плакала, стонала, проклинала...

Евпраксеюшка смеялась на нее и «жалѣла».

— Посмотрю я на васъ, барышня, — говорила она: — и такъ мнѣ васъ жалко, такъ жалко!

— А вы выйдите вмѣстѣ — вотъ и не жалко будетъ! — возражала Аннинька.

— Пить, мнѣ какъ возможно! Меня и то ужъ изъ-за дяденьки вашего чуть изъ духовнаго званія не исключили, а ежели да при этомъ...

— Ну, нечего, стало-быть, и разговаривать. Давайте-ка лучше я вамъ «Усача» спою.

Опять раздавалось бряцанье гитары, опять поднимался гикъ: «п-ахъ! и-охъ!» Далеко за-полночь на Анниньку, словно камень, сваливался сонъ. Этотъ желанный камень

на вѣскольکو часовъ убивалъ ся прошедшее и даже угомонять небуго. А на другой день, разбитая, полуобезумѣвшая, она опять выползала изъ-подъ него и опять начала жить.

И вотъ, въ одну изъ такихъ паскудныхъ ночей, когда Аннинька лихо раскидывала передъ Евпраксеюшкой репертуаръ своихъ паскудныхъ пѣсень, въ дверяхъ комнаты вдругъ показалась изнуренная, мертвенно-блѣдная фигура Лудушки. Рубы его дрожали; глаза ввалились и при тускломъ мерцаніи пальмовой свѣчи казались какъ бы незрячими выдвигами; руки были сложены ладонями внутрь. Онь постоялъ вѣскольکو секундъ передъ обомлѣвшими женщинами и затѣмъ, медленно повернувшись, вышелъ.

Бываютъ семьи, надъ которыми тяготѣетъ какъ бы обязательное предопредѣленіе. Особенно это замѣчается въ средѣ той мелкой дворянской сошки, которая, безъ дѣла, безъ связи съ общою жизнью и безъ правящаго значенія, спачала ютилась, подъ защитой крѣпостного права, разсѣянная по лицу земли русской, а пыпѣ, уже безъ всякой защиты, доживаетъ свой вѣтъ въ разрушающихся усадьбахъ. Въ жизни этихъ жалкихъ семей и удача, и неудача—все какъ-то слѣпо, не гадаю, не думано.

Иногда надъ подобной семьей вдругъ пролетаетъ какъ бы струя счастья. У захудалыхъ корнета и корнетни, смирно хирѣющихъ въ деревенскомъ захолустьи, внезапно появляется дѣлѣй выводокъ молодыхъ людей, крѣпѣнькихъ, чистепькихъ, проворныхъ и чрезвычайно быстро усвоившихъ жизненную суть. Однимъ словомъ, «умница». Въ силушѣ умница — и юноши, и юницы. Юноши — отлично кончаютъ курсъ въ «заведеніяхъ» и уже на школьныхъ скамьяхъ устраниваютъ себя связи и покровительства. Въ-время умѣютъ выказать себя скромными (*j'aime cette modestie!*—говорятъ про нихъ начальники) и въ-время жо—самостоятельными (*j'aime cette indépendance!*); чутко угадываютъ всякаго рода вѣвнія, в ни съ однимъ изъ нихъ не порываютъ, не оставивъ назади надежной лазейки. Благодаря этому, они на всю жизнь обезпечиваютъ для себя возможность безъ скандала и во всякое время сбросить старую шкуру и облечься въ новую, а въ случаѣ чего и опять надѣть старую шкуру. Словомъ сказать, это истинные дѣлатели вѣка сего, которые всегда начинаютъ искомательствомъ и почти всегда кончаютъ предательствомъ. Что

же касается до юницъ, то и оубъ, въ мѣрѣ своей снціальности, содѣйствуютъ возрожденію семьи, т. е. удачно выходятъ замужъ, и затѣмъ обнаруживаютъ столько такта въ распорядженіи своимъ атурами, что безъ труда завоевывають видныя мѣста въ такъ-называемомъ обществѣ.

Благодаря этимъ случайно сложившимся условіямъ, удача такъ и ншетъ навстрѣчу захудалой семьи. Первые удачники, бодро выдержавши борьбу, въ свою очередь воспитываютъ новое чистенькое поколѣніе, которому живется уже легче, потому что главные пути не только намѣчены, но и проторены. За этимъ поколѣніемъ вырастутъ еще поколѣнія; покуда, наконецъ, семья естественнымъ путемъ не войдетъ въ число тѣхъ, которыя, ужъ безъ всякой предварительной борьбы, прямо считаютъ себя вмѣющими прирожденное право на познзненное ликваніе.

Въ послѣднее время, по случаю возникновенія запроса на такъ-называемыхъ «свѣжкихъ людей»,—запроса, обусловленнаго постепеннымъ вырожденіемъ людей «не-свѣжкихъ»,—примѣры подобныхъ удачливыхъ семей начали прорываться довольно часто. И прежде бывало, что отъ времени до времени на горизонтѣ появлялась звѣзда съ «косицей», но это случалось рѣдко, во-первыхъ, потому, что стѣна, окружающая ту безначальную область, на вратахъ которой написано: «здесь во всякое время бѣдтъ пороги съ начинкой», почти не представляла трещинъ, а во-вторыхъ, и потому, что для того, чтобы, въ сопровожденіи «косицы», проникнуть въ эту область, нужно было воистину нгвѣть за душой что-либо солидное. Ну, а плече и трещинъ порядочно прибавилось, да и самое дѣло проникновенія упростилось, такъ какъ отъ пришельца солидныхъ качествъ не спрашивается, а требуется лишь «свѣжесть» и больше ничего.

Но на ряду съ удачливыми семьями существуетъ великое множество и такихъ, представителемъ которыхъ домашніе пенаты съ самой колыбели ничего, повидимому, не дарятъ, кромѣ безвыходнаго злополучія. Вдругъ, словно вша, нападетъ на семью не то беззгода, не то порокъ, и начинается со всѣхъ сторонъ бѣда. Распознается по всему организму, прокрадывается въ самую сердцевину и точитъ поколѣніе за поколѣніемъ. Появляются коллекціи слабосильныхъ личностей, пьяницы, мелкихъ развратниковъ, бессмысленныхъ празднолюбцевъ и вообще неудачниковъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ меньше вырабатываются личности, пока, наконецъ, на сцену не выходятъ худосочные замурыши,

въ родѣ однажды уже изображенныхъ мною Головлять*), — зауморыши, которые при первомъ же патекѣ жизни не выдерживаютъ и гибнутъ.

Именно такого рода злополучный фатумъ тяготѣлъ надъ Головлевской семьей. Въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній три характеристическія черты проходили черезъ исторію этого семейства: праздность, непригодность къ какому бы то ни было дѣлу и заной. Первые двѣ приводили за собой пустословіе, пустомысліе и пустоутробіе; послѣдній являлся какъ бы обязательнымъ заключеніемъ общей жизненной неурядицы. На глазахъ у Порфирія Владимірыча сгорѣло нѣсколько жертвъ этого фатума, а кромѣ того преданію гласило еще о дѣдахъ и прадѣдахъ. Все это были озорлявые, пустомысленные и шкунда непригодные пьянчуги, такъ что Головлевская семья навѣрное захудала бы окончательно, если бы посреди этой пьяной неурядицы случайнымъ метеоромъ не блеснула Арина Петровна. Эта женщина, благодаря своей личной энергіи, довела уровень благосостоянія семьи до высшей точки, но и за всеѣмъ тѣмъ ей трудъ пропалъ даромъ, потому что она не только не передала своихъ качества никому изъ дѣтей, а, напротивъ, сама умерла, опутанная со всеѣхъ сторонъ праздностью, пустословіемъ и пустоутробіемъ.

До сихъ поръ Порфирій Владимірычъ, однакожъ, крѣпился. Можетъ-быть, онъ сознательно оберегался пьянства, въ виду бывшихъ припадковъ, но, можетъ-быть, его покуда еще удовлетворилъ заной пустомыслія. Однакожъ, окрестная молва не даромъ обрекала Іудушку заправскому, «пьяному» занюю. Да онъ и самъ по временамъ какъ бы чувствовалъ, что въ существованіи его есть какой-то пробѣлъ, что пустомысліе даетъ многое, но не все. А именно: недостаетъ чего-то огаунающаго, остраго, которое окончательно упрядило бы представленіе о жизни и разъ навсегда выросло бы его къ пустоту.

И вотъ въздѣланный моментъ подвернулся самъ собою. Долгое время, съ самаго пріѣзда Аннишки, Порфирій Владимірычъ, запершись въ кабинетѣ, прислушивался къ смутному шуму, доносившемуся до него съ другого конца дома; долгое время онъ отгадывалъ и недоумѣвался... И наконецъ учуялъ.

На другой день Аннишка ожидала поученій, но тако-

*) См. «Семейные итоги».

выхъ не послѣдовало. Но обычно, Порфирій Владиміръчъ первое утро просидѣлъ, занершись въ кабинетъ, но когда вышелъ къ обѣду, то вмѣсто одной рюмки водки (для себя) налилъ двѣ и молча, съ глуховатою улыбкой, указавъ рукой на одну изъ нихъ Аннинкѣ. Это было, такъ сказать, молчаливое приглашеніе, которому Аннинька и послѣдовала.

— Такъ ты говоришь, что Любинька умерла?— спохватился Гудушка въ серединѣ обѣда.

— Умерла, дядя.

— Ну, царство небесное! Погнать— грѣхъ, а поминуть— слѣдуетъ. Помянемъ, что ли?

— Помянемъ, дядя.

Вышли еще по одной, и загѣвъ Гудушка умоляетъ: очевидно, онъ еще не вполне оправился послѣ своей продолжительной одиночества. Только послѣ обѣда, когда Аннинька, выполняя рождественный обрядъ, пошла поблагодарить дядешку поцѣлуемъ въ щеку, онъ въ свою очередь потрепалъ ее по щекѣ и вымогилъ:

— Вотъ ты какал!

Вечеромъ въ тотъ же день, во время чая, который на сей разъ дядя продолжилъ бы обыкновеннаго, Порфирій Владиміръчъ нѣкоторое время съ той же загадочной улыбкой поглядывать на Анниньку, но, наконецъ, предожилъ:

— Закусочка, что ли, велѣть поставить?

— Что-жъ... велите!

— То-то; лучше ушь у дяди на глазахъ, чѣмъ по закоулкамъ... Но крайней мѣрѣ дяди...

Гудушка не договорилъ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать, что дядя по крайней мѣрѣ «удержить», но слово какъ-то не выговорилось.

Ст. этихъ поръ каждый вечеръ въ столовой появлялась закуска. Наружныя ставни оконъ закрывались, прислуга удалялась спать, и племянница съ дядей оставались глазъ на глазъ. Первое время Гудушка какъ бы не постигала, но достаточно было недолговременной практики, чтобъ онъ вполне сравнялся съ Аннинькой. Оба сидѣли, не торопясь, выпивали и между рюмками припоминали и бесѣдовали. Разговоръ, сначала безразличный и вялый, по мѣрѣ того, какъ головы разгорячались, становился живѣе и живѣе и, наконецъ, неизбѣжно переходилъ въ беспорядочную ссору, основу которой составляли воспоминанія о головлевскихъ мертвѣяхъ и увѣчьяхъ.

Зачинщицею этихъ ссоръ всегда являлась Аннинька. Она съ беспощадною назойливостью раскапывала головлевскій архивъ и въ особенности любила дразнить Лудушку, доказывая, что главная роль во всѣхъ увѣчьяхъ, на ряду съ покойной бабушкой, принадлежала ему. При этомъ каждое слово ея дышало такою циническою завистью, что трудно было себѣ представить, какимъ образомъ въ этомъ измученномъ, полупотухшемъ организмѣ могло еще сохраняться столько жизненной огни. Эти поддразниванія уязвляли Лудушку до безконечности; но онъ возражалъ слабо и больше сердился; а когда Аннинька, въ своемъ озорливомъ науськиваньи, заходила слишкомъ далеко, то кричалъ крикомъ и проклиналъ.

Такого рода сцены повторялись изо дня въ день, безъ измѣненій. Хотя всѣ подробности скорбнаго семейнаго синодика были исчерпаны очень быстро, но синодикъ этотъ до такой степени неотступно стоялъ передъ этими подавленными существами, что всѣ мыслительныя ихъ способности были какъ бы прикованы къ нему. Всякій эпизодъ, всякое воспоминаніе прошлаго растравляли какую-нибудь язву, и всякая язва напоминала о новой свѣтѣ головлевскихъ увѣчій. Какое-то горькое, метильное наслажденіе чувствовалось въ разоблаченіи этихъ отравъ, въ ихъ расцѣпкѣ и даже въ преувеличеніяхъ. Ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ не оказывалось ни одного нравственнаго устоя, за который можно бы удержаться. Ничего, кромѣ жалкаго спондومتва съ одной стороны, и безцѣлительнаго пустоутробія — съ другой. Въмѣсто хлѣба — камень, вмѣсто поученія — колотушка. И въ качествѣ варіанта — паскудное напоминаніе о дармоуядствѣ, хлѣбогадствѣ, о многиныѣ, объ угавенныхъ кускахъ... Вотъ отвѣтъ, который получало молодое сердце, жаждавшее привѣта, тепла, любви. И что-жъ! по какой-то горькой насмѣшкѣ судьбы, въ результатъ этой жестокой школы оказалось не суровое отношеніе къ жизни, а страстно желаніе насладиться ея отравами. Молодость сотворила чудо забвенія; она не дала сердцу окаменѣть, не дала сразу разнѣться въ немъ начаткамъ ненависти, а, напротивъ, опьянила его каждой жизни. Отсюда безнабашный, закулисный угаръ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по даль прѣдти въ себя и далеко отодвинуть вглубь все головлевское. Только теперь, когда ужъ почулся конецъ, въ сердцѣ вспыхнула сосущая боль; только теперь Аннинька настоящимъ образомъ по-

ила свое прошлое и начала настоящим образом пенал-видеть.

Хмельные бесѣды продолжались далеко за полночь, и если-бъ ихъ не смягчала хмельная же беспорядочность мыслей и рѣчей, то онѣ на первыхъ же порахъ могли бы разрѣшиться тѣмъ-нибудь ужаснымъ. Но, къ счастью, ежели вѣно отрывало нестойчивые родники боли въ этихъ замученныхъ сердцахъ, то оно же и умиротворяло ихъ. Чѣмъ глубже надвигалась надъ собесѣдниками ночь, тѣмъ безсвязнѣе становились рѣчи и бесплѣннѣе обуревавшая ихъ непавиость. Подъ конецъ не только не чувствовалось боли, но вся насущная обстановка исчезала изъ глазъ и замѣнялась свѣтящеюся пустотой. Мысли запутывались, глаза закрывались, тѣлодвиженія коснѣли. И дядя, и племянница тяжело поднимались съ мѣсть и, понатываясь, расходились по своимъ логовищамъ.

Само собой разумется, что въ домѣ эти ночныя похождения не могли оставаться тайной. Напротивъ того, характеръ ихъ сразу опредѣлялся настолько ясно, что никому не показалось страннымъ, когда кто-то изъ домохозяевъ, по поводу этихъ походовъ, произнесъ слово: «уголовщина». Головлевскія хоромы окончательно оцѣнѣли; даже по утрамъ не видно было никакого движенія. Господа просыпались поздно, и загѣмъ до самаго обѣда изъ конца въ конецъ дома раздавался надрывающій душу кашель Анниньки, сопровождаемый непрерывными проклятіями. Іудунка со страхомъ прислушивался къ этимъ раздрающимъ звукамъ и угадывалъ, что и къ нему тоже идетъ навстрѣчу бѣда, которая окончательно раздавитъ его.

Отовсюду, изъ всѣхъ угловъ этого постыгаго дома, казались, выползали «умертвыя». Куда ни пойдешь, въ какую сторону ни повернешься, вездѣ шепелятъ сѣрые призраки. Вотъ панелька Владиміръ Михайловичъ, въ бѣломъ колпакѣ, дразнящійся языкомъ и цитирующій Баркова; вотъ братецъ Степа-балбесъ и рядомъ съ нимъ братецъ Пашка-тихоня; вотъ Любинька, а вотъ и послѣдніе отпрыски Головлевского рода: Володька и Петька... И все это хмельное, блудное, замученное, истекающее кровью... И надъ всѣми этими призраками витаетъ живой призракъ, и этотъ живой призракъ — но кто иной, какъ самъ онѣ, Порфирій Владиміровичъ Головлевъ, послѣдшій представитель выморочнаго рода.

Въ концѣ концовъ, постоянныя припоминанія старыхъ

умертвѣи должны были оказывать свое дѣйствіе. Прошлое до того выяснилось, что малѣйшее прикосновеніе къ нему производило боль. Естественнымъ послѣдствіемъ этого были не то исцелѣніе, не то пробужденіе совѣсти, — скорѣе даже послѣднее, нежели первое. Къ удивленію, оказывалось, что совѣсть не вовсе отсутствовала, а только была замчана и какъ бы позабыта, и вѣдѣтіе этого утравила ту дѣятельную чуткость, которая обязательно папоминаетъ человѣку о ея существованіи.

Такия пробужденія одинокой совѣсти бывають необыкновенно мучительныя. Лишенная воспитательнаго ухода, не видя никакого просвѣта впереди, совѣсть не даетъ примиренія, не указываетъ на возможность новой жизни, а только безконечно и безплодно терзаетъ. Человѣкъ видитъ себя въ камennomъ мѣшкѣ, безжалостно отдающимъ въ жертву агоніи раскаянія, именно одной агоніи, безъ надежды на возвратъ къ жизни. И никакого иного средства утишить эту безплодно разрывающую боль, кромѣ шанса воспользоваться минутою мрачной рѣшимости, чтобы разбить себя голову о камни мѣшка...

Тудушка, въ теченіе долгой пустоутробной жизни, никогда даже въ мысляхъ не допускала, что тутъ же, о боже съ его существованіемъ, происходитъ процессъ умертвія. Онъ жалъ себя потихоньку, да помаленьку, не торопясь да Богу помолясь, и отнюдь не предполагалъ, что именно изъ этого-то и выходитъ болѣе или менѣе тяжелое увѣчаніе. А сдѣловательно тѣмъ меньше могъ допустить, что онъ самъ и есть виновникъ этихъ увѣчаній.

И вдругъ ужасная правда осветила его совѣсть, но осветила поздно, безъ пользы, уже тогда, когда передъ глазами стоялъ лишь безповоротный и непоправимый фактъ. Вотъ онъ состарѣлся, одичалъ, одной ногой въ могилѣ стоитъ, а итѣтъ на свѣтѣ существа, которое приблизилось бы къ нему, «пожалѣло» бы его. Зачѣмъ онъ одинъ? зачѣмъ видитъ кругомъ не только равнодушіе, но и ненависть? отчего все, что ни прикасалось къ нему, все погибло? Вотъ тутъ въ этомъ самомъ Головлевѣ, было когда-то цѣлое человѣчье гнѣздо — какимы образомъ случилось, что и пера не осталось отъ этого гнѣзда. Изъ всѣхъ выживетовалыхъ въ немъ итенцовъ убѣжала только племянница, но и та явилась, чтобъ надругаться надъ нимъ и доканать его. Даже Евпракссюнка — ужъ на что простодушна — и та ненавидитъ. Она живетъ въ Головлевѣ, потому что отцу ея, пономарю, еже-

мѣсячно посылается отсюда домашній запасъ, но живетъ, вѣсомѣнно, ненавидя. И съ онъ, Уда, нанесъ тягчайшее увѣчаніе, и у нея онъ сумѣлъ отнять свѣтъ жизни. Отнявъ сына и бросивъ его въ какую-то безыменную яму. Къ чему привела всея его жизнь? Зачѣмъ онъ лгалъ, лгасловилъ, притѣснялъ, скопидомствовалъ? Даже съ матеріальной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія «наслѣдства» — кто воспользуется результатами этой жизни? кто?

Повторяясъ совѣсть проснулася, но безплодно. Тудушка стонала, ахалъ, метался и съ захорающимъ ослобленіемъ ждалъ вечера не для того только, чтобы бестѣлжно умигъся, а для того, чтобы утопить въ винѣ совѣсть. Онъ ненавидѣлъ «распутную дѣвку», которая съ такою холодною наглостью бередила ея язвы, и въ то же время неустержимо влекла къ ней, какъ будто еще не все между ними было высказано, а оставались еще и еще язвы, которые тоже необходимо было растравить. Каждый вечеръ онъ заставлялъ Анниньку повторять рассказъ о Любимыиной смерти, и каждый вечеръ въ умѣ его больше созрѣвала идея о саморазрушеніи. Сначала эта мысль мелькала случайно, но по мѣрѣ того, какъ процессъ умертвія выяснялся, она прокрадывалась глубже и глубже и, наконецъ, сдѣлалась единственною свѣтающею точкою во мртѣ будущаго.

Къ тому же и физическое его здоровье рѣзко пошатнулось. Онъ уже серьезно кашлялъ и по временамъ чувствовалъ невыносимые приступы удушья, которые, независимо отъ нравственныхъ терзаній, сами по себѣ въ состояніи надолго жизнь сплошной агоніей. Всѣ вышніе признаки спеціальнаго головлевскаго отравленія были налицо, и въ унахъ его уже раздавался стонъ брата Павлушки-гидони, задохшагося на антресоляхъ дубровническаго дома. Однакожъ, эта близкая, худая грудь, которая, казалось, ежеминутно готова была треснуть, оказывалась удивительно живучею. Съ каждымъ днемъ выцѣла, она все болѣзную и болѣзную массу физическихъ мукъ, а все-таки держалась, не уступала. Какъ будто и организмъ, своєю неоскиданною устойчивостью, металъ за старыя умертвія. «Неужто-жъ это не конецъ?» — каждый разъ съ надеждой говорила Тудушка, чувствуя приближеніе прищадка; а конецъ все не приходилъ. Очевидно, требовалось насиліе, чтобы ускорить его.

Однимъ словомъ, съ какой стороны ни подойди, всѣ расчеты съ жизнью покончены. Жить и мучительно, и не

пузано; всего пузике было бы умереть; но бѣда въ томъ, что смерть не идетъ. Есть что-то измѣнительно-подлое въ этомъ озорливомъ замедленіи умирающаго, когда смерть призывается всѣми силами души, а она только обольщаетъ и дразнитъ...

Дѣло было въ переходѣ марта, и Страстная недѣля подходила къ концу. Какъ ни опустился въ послѣдніе годы Порфирій Владиміровичъ, но установившееся еще съ дѣтства отношеніе къ святости этихъ дней подѣйствовало и на него. Мысли сами собой настраивались на серьезный ладъ; въ сердцѣ не чувствовалось никакого иного желанія, кромѣ жажды безусловной тишины. Согласно съ этимъ настроеніемъ и вечера утратили свой безобразно-пыльный характеръ и проводились молчаливо, въ тоскливомъ воздержаніи.

Гудушка и Аннинька сидѣли вдвоемъ въ столовой. Не далѣе, какъ часъ тому назадъ, кончилась всенощная, сопровождаемая чтеніемъ двѣнадцати евангелій, и въ комнатѣ еще слышался сильный запахъ ладана. Часы пробили десять; домашніе разошлись по угламъ, и въ домѣ водворилось глубокое, есередоточенное молчаніе. Аннинька, взявши голову въ обѣ руки, облокотилась на столъ и задумалась; Порфирій Владиміровичъ сидѣлъ супротивъ, молчаливый и печальный.

На Анниньку эта служба всегда производила глубоко-потрясающее впечатлѣніе. Еще будучи ребенкомъ, она горько плакала, когда батюшка произносилъ: «И сплетше вѣвеси изъ терній, возложиша на главу Его, и трость въ десницу Его», и всхлипающимъ дискантикомъ подѣвала дыячку: «Слава долготерпѣнію Твоему, Господи! слава Тебѣ!» А послѣ всенощной, вся изволнованная, прибѣгала въ дѣвичью, и тамъ, среди ступившихся сумерекъ (Арина Петровна не давала въ дѣвичью свѣчей, когда не было работы), разказывала рабынямъ «Страсти Господни». Лились тихія рабынны слезы, слышались глубокія рабынны воздыханія. Рабыни чуяли сердцами своего Господина и Иисуса Христа, вѣрили, что Онь воскреснетъ, воистину воскреснетъ. И Аннинька тоже чуяла и вѣрила. За глубокой ночью истязаній, подлыхъ издѣвокъ и поживаній — для всѣхъ этихъ ялицъ духомъ видѣлось царство дучей и свободы. Сама старая барыня, Арина Петровна, обыкновенно грозная, дѣлалась въ эти дни тихой, не брюзжала, не попрекала Анниньку сиротствомъ, а глядила ее по го-

ловскі и уговаривала не возмущаться. Но Аннишка даже въ постели долго не могла успокоиться, вздрагивала, металась по нѣскольку разъ въ теченіе ночи, вскакивала и разговаривала сама съ собой.

Потомъ наступили годы ученія, а затѣмъ и годы странствованія. Первые были безсодержательны, вторые мучительно-пошлы. Но и тутъ, среди безобразій астерскаго кочевья, Аннишка ревниво выдѣляла «святые дни» и отыскивала въ душѣ отголоски прошлаго, которые помогали ей по-дѣтски умиляться и вздыхать. Теперь же, когда жизнь выяснялась все, до послѣдней подробности, когда прошлое прокаталось само собою, а въ будущемъ не предвидѣлось ни раскаяній, ни прощенья, когда изъяскъ источникъ умиленія, а вмѣстѣ съ нимъ изъяскъ и слезы — впечатлѣніе, произведенное только что выслушаннымъ сказаніемъ о скорбиномъ пути, было поистинѣ подавляющимъ. И тогда, въ дѣтствѣ, надъ нею тяготѣла глубокая ночь, но за тьмою, все-таки, предчувствовались лучи. Теперь — ничего не предчувствовалось, ничего не предвидѣлось: ночь, нѣбная, безснѣжная ночь — и ничего больше. Аннишка не вздыхала, не возновалась и, кажется, даже ни о чемъ не думала, а только ныла въ глубокое оцѣпенѣніе.

Съ своей стороны, и Порфирій Владиміръчъ, съ немешшею айсуратностью, съ молодыхъ ногтей читалъ «святые дни», но читалъ исключительно съ обрядной стороны, какъ пестый идолопоклонникъ. Каждогодно, наканунѣ великой пятницы, онъ приглашалъ багюнку, выслушивалъ сватгельское сказаніе, вздыхалъ, воздвигалъ руки, стучался лбомъ въ землю, отпѣвалъ на свѣчѣ восковыми карашками чело прочитанныхъ евангелій, и все-таки ровно ничего не понималъ. И только теперь, когда Аннишка разбудила въ немъ сознаніе «умертвѣй», онъ повелъ впервые, что въ этомъ сказаніи идетъ рѣчь о какой-то неслыханной неправдѣ, совершившей кровавый судъ надъ Истиной...

Конечно, было бы преувеличеніемъ сказать, что по поводу этого открытія въ душѣ его возникли какія-либо жизненные сооставленія, но несомнѣнно что въ ней произошло какая-то смута, почти граничащая съ отчаяніемъ. Эта смута была тѣмъ мучительнѣе, тѣмъ безсознательнѣе прожилося то прошлое, которое послужило ей источникомъ. Было что-то страшное въ этомъ прошломъ, а что именно — въ маѣтъ невозможно припомнить. Но и позабыть нельзя. Что-то громадное, которое до сихъ поръ неподвижно стояло,

прикрытое непрозрачною завесою, и только теперь двинулось навстрѣву, каждую минуту угрожая раздавить. Если-бы еще оно вправду раздавило — это было бы самое лучшее; но вѣдь отъ живучь—пожалуй, и выползеть. Штъ, ждать развязки отъ естественнаго хода вещей — слишкомъ гадательно: надо самому создать развязку, чтобы покончить съ непосильною смутою. Есть такая развязка, есть. Отъ уже съ мѣсяць приглядывался къ ней, и теперь, кажется, не проминѣтъ. «Въ субботу пробнаться будемъ — надо на могилку къ покойной маменькѣ проститься сходить!»—вдругъ мелькнуло у него въ головѣ.

— Сходимъ, что ли? обратился отъ къ Аннинкѣ, сообщая ей вслухъ о своемъ предположеніи.

— Пожалуй... съѣдимте...

— Штъ, не съѣдимте, а... — началъ было Порфирій Владимірычъ и вдругъ оборвалъ, словно сообразилъ, что Аннинька можетъ помѣшаться.

«А вѣдь я передъ покойницей-мамешкой... вѣдь я ее замучилъ... я!» бродило между тѣмъ въ его мысляхъ, и жажда «проститься» съ каждой минутой сильнѣе и сильнѣе разгоралась въ его сердцѣ. Но «проститься» не такъ, какъ обыкновенно прощаются, а встать на могилу и засыпать въ волнахъ смертельной агоніи.

— Такъ ты говоришь, что Любинька сама отъ себя умерла?— вдругъ спросилъ отъ, видимо съ цѣлью подбодрить себя.

Сначала Аннинька словно не разслышала вопроса дяди, но, очевидно, отъ дошелъ до нея, потому что черезъ двѣтри минуты она сама ощутила непреодолимую потребность возвратиться къ этой смерти, измучить себя ею.

— Такъ и сказала: «ней... подлая!» — переспросилъ отъ, когда она подробно повторила свой рассказъ.

— Да... сказала.

— А ты осталась?... не вышла?

— Да... вотъ живу...

Отъ всталъ и нѣсколько разъ въ видномъ возненіи пропелъ владъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, подошелъ къ Аннинкѣ и взглянулъ на нее по головѣ.

— Бѣдная ты, бѣдная ты моя! произнесъ отъ тихо.

При этомъ прикосновеніи въ ней произошло что-то неожиданное. Сначала она изумилась, но постепенно лицо ея начало искажаться, искажаться, и вдругъ цѣлый потокъ историческихъ, ужасныхъ рыданій вырвался изъ ея груди.

— Дядя, вы добрый? Скажите, вы добрый? почти крикомъ кричала она.

Прерывающимся голосомъ, среди слезъ и рыданій, твердила она свой вопросъ, тотъ самый, который она предложила еще въ тотъ день, когда, послѣ «странствія», окончательно воротилась для водворенія въ Головлево, и на который отъ въ то время далъ такой неслѣпый отвѣтъ.

— Вы добрый? Скажите, отвѣтите, вы добрый?

— Слышала ты, что за вепиной сегодня читали? — спросилъ отъ, когда она, наконецъ, зачихала. — Ахъ, какія это были страданія! Вѣдь только этими страданіями и можно... И простить, всѣхъ навсегда простить!

Отъ опять началъ большими шагами ходить по комнатѣ, унываясь, страдая и не чувствуя, какъ лицо его покрывается каплями пота.

— Всѣхъ простить! — вслухъ говорилъ отъ самъ съ собою. — Не только тѣхъ, которые *тогда* нанесли Его отъ, съ желчью, но и тѣхъ, которые и послѣ, вотъ теперь, и впередъ, во вѣки вѣковъ, будутъ подносить къ Его губамъ отъ, смѣшанный съ желчью... Ужасно! ахъ, это ужасно!

И вдругъ, остановившись передъ ней, спросилъ:

— А ты... простила?

Вѣсто отвѣта, она бросилась къ нему и крѣпко его обняла.

— Надо меня простить! — продолжалъ отъ. — За всѣхъ... И за себя... и за тѣхъ, которыхъ ужъ нѣтъ... Что такое! что такое сдѣлалось! — почти растерянно восклицалъ отъ, озираясь кругомъ. — Гдѣ... *весь?*..

Измученные, потрясенные, разошлись они по комнатамъ. Но Порфирію Владимірычу не спалось. Отъ ворочался съ боку на бокъ въ своей постели и все припоминалъ, какое еще обязательно лежитъ на немъ. И вдругъ въ его памяти совершенно отчетливо возобновилась тѣ слова, которыя случайно мелькнули въ его головѣ часа за два передъ тѣмъ: «Надо на могилку къ покойницѣ-мамешкѣ проститься сходить!»... При этомъ напоминаніи ужасное, томительное безпокойство овладѣло всѣмъ существомъ его...

Наконецъ, отъ не выдержалъ, всталъ съ постели и началъ халать. На дворѣ было еще темно, и ни откуда не доносилось ни малѣйшаго шороха. Порфирій Владимірычъ нѣкоторое время ходилъ по комнатѣ, оставившись передъ освѣщеннымъ лампадой образомъ. Искупителя въ терно-

вомъ вѣнцѣ и вглядывался въ него. Наконецъ, онъ рѣшился. Трудно сказать, насколько онъ самъ сознавалъ свое рѣшеніе, но черезъ нѣсколько минутъ онъ, крадучись, добрался до передней и целкнувъ крючкомъ, замыкавшимъ входную дверь.

На дворѣ вылъ вѣтеръ и крутилась мартовская мокрая метелка, пемляя въ глаза цѣлые ливни талого снѣга. Но Порфирій Владимычъ шелъ по дорогѣ, шагая по лужамъ, не чувствуя ни снѣга, ни вѣтра и только инстинктивно запахивая полы халата.

На другой день, рано утромъ, изъ деревни, ближайшей къ погосту, на которомъ была схоронена Арина Петровна, прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги найденъ заочевѣвшій трутъ головлевскаго барина. Вросились къ Аннинскѣ, но она лежала въ постели въ безсознательномъ положеніи со всеми признаками горячки. Тогда снарядили новаго верхового и отправили его въ Горюнкино къ «сестрицѣ» Надеждѣ Ивановнѣ Галкиной (дочкѣ тетеньки Варвары Михайловны); которая уже съ прошлой осени зорко слѣдила за всѣмъ, пронеходившимъ въ Головлево.

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

I. Гегемоніевъ.

Молодой коллежскій регистраторъ Потаничковъ получилъ мѣсто станового пристава. Произошло это радостное въ отношеніяхъ русской администраціи событіе слѣдующимъ необычайнымъ образомъ.

Однажды, одѣвшись чистенько, явился онъ на дежурство къ его превосходительству, генералу Зубатову. Генералъ, кромѣ другихъ добродѣтелей имѣвшій даръ съ перваго взгляда угадывать людей, угадалъ и Потаничкова. Проходя мимо юнато коллежскаго регистратора, онъ окинулъ его быстрымъ и пронзительнымъ взоромъ, и тутъ же въ полголоса сказалъ сопровождающему его вице-губернатору:

— А какъ вы думаете... этотъ молодой человекъ... вѣдь изъ него можетъ выйти молодецъ-становой?

— Мо... мо... промчалъ было вице-губернаторъ, жадая, вѣроятно, высказать, что Потаничковъ молодецъ, но на первомъ же слогѣ зашуделъ, вспомнивъ, что ему отъ начальства строго-на-строго было наказано всего болѣе о томъ нести, чтобъ съ губернаторомъ жить въ ладу.

— А сталь-ко, любезный, ближе къ свѣту,— продолжалъ его превосходительство, обращаясь къ Потаничкову.

Потаничковъ повинувался. Генералъ, заложивъ руки за спину, снова окинулъ его пеняющимъ взглядомъ, и, произведя довольно подробный наружный осмотръ, видимо остался доволенъ своею способностью угадывать людей.

— Гм! да, въ этомъ прокъ будетъ! — проговорилъ онъ. — Я, знаете, всю эту реформу въ исполненіе привести хочу... чтобъ этихъ законопротивныхъ фizioномій у меня не было... А ты желаешь въ становые, мой милый?

Потаничковъ сначала помертвѣлъ, потомъ застыдился, потомъ опять помертвѣлъ. Горло у него пополамъ перехватило, и одна нога, незаметно отъ него, начала приподыматься.

— Ну, хорошо, хорошо... вижу!— сказалъ генералъ, любезнѣ смущеніемъ молодого человека, и, обращаясь къ вице-губернатору, прибавилъ: — Такъ погрудитесь сдѣлать распоряженіе.

Въ этотъ же достопамятный день, вѣселою, поновоспеченной становой соорудить въ трактирѣ такую попойку, послѣ которой выборные люди отъ всѣхъ отдѣленій губернскаго правленія слонялись цѣлую недѣлю, словно влюбленные.

Тутъ были всѣ, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависѣла будущія судьбы Потапчикова. Былъ и несокрушимый въ нуштахъ Псалмонѣвцевъ, и цѣломудренный Матой Скорбященскій, были Подгоняичиковъ и Трисукинъ, было двое Воскресенскихъ, трое Богоявленскихъ и проч.

— Просто, братъ, волшебная панорама! — ораторствовалъ Потапчиковъ, повѣствуя объ утреннемъ происшествіи. — Показываетъ, это, показываетъ... Какъ только пережигать!

— Да, братъ, изъ простыхъ рыбарей! — благодушно замѣтилъ Матой Скорбященскій.

— Ужъ и не говори! Думалъ жизнь, по обычаю предковъ, въ званіи псаца тѣкочать...

— А теперь вотъ будешь вселенную перомъ уловлять! — прервалъ, вздохнувъ, одинъ изъ Богоявленскихъ.

— Нѣтъ; это что, это все пусто! — скороговоркой вступился Трисукинъ. — А ты возьми, станице-то, станице-то какой: славы, братъ, конокрады, раскольники... Вотъ ты что вообрази!

— Да, при умѣ статьи хорошія! — отзывался Псалмонѣвцевъ.

— Ты больше натискомъ... натискомъ больше дѣйствуй.

— Да въ губернію чаще навѣдывайся...

— Да ребятинекъ нашихъ не забывай...

— Ты, братъ, не оскорбись, коли иной разъ по моему столу тебѣ замѣчаніе будетъ... Я, братъ, тебѣ другъ — ты это знай! — изъяснялся Скорбященскій.

— Безъ замѣчанія иной разъ нельзя...

— Безъ замѣчаній какъ же можно!

— Иной разъ, братъ, самъ губернаторъ твою... да что тутъ говорить, отстоимъ!

— Такъ ты больше натискомъ... натискомъ больше дѣйствуй! — повторилъ Трисукинъ.

— А по-моему, такъ прежде всего къ Зиновію Захарчу сходить слѣдуетъ, — отзывался Псалмонѣвцевъ.

— Сходи, братъ, не человѣкъ, а душа!

— Сходить, отчего не сходить, сходить можно! — отвѣчалъ Потанчиковъ, улыбаясь всегдѣ лицомъ отъ полноты внутренняго счастья.

— Нѣтъ, ты не говори: «сходить можно!» — наставительно замѣтилъ Псаломѣвецъ:— потому ты еще не понимаешь! Ты думаешь, въ чемъ существо веществъ состоитъ? Напримеръ, назовемъ хоть часы, или вотъ стаканъ... Ты развѣ понимаешь?

— Да, братъ, именно надо у Зиновья Захарыча научиться, надо!

— Или возьмемъ примѣромъ хоть то: развѣ ты можешь угадать, какое тебя впереди поношеніе ожидаетъ? Сирашиваю тебя, можешь ли угадать?

— Да я, Разумникъ Семеновъ, схожу-съ... я, Разумникъ Семеновъ, еще пуштинку прибавлю-съ...

— Можно. А Зиновей Захарычъ всему тебя научить и весь тебѣ кругъ дѣйствія совершить. Такъ ты къ нему сходи, да не легковѣрно, а со страхомъ и трепетомъ приступи! Вспомни ты это мое слово: въ отчаянности утѣшеніе найдешь, преткновенія разрешишь и побѣдишь, въ дѣлахъ откровеніе получишь, коли зановѣдь его твердо хранить будешь!

Вѣрный данному слову, Потанчиковъ дѣйствительно отпавился на другой день къ Зиновью Захарычу.

Зиновей Захарычъ былъ выгнанный изъ службы подьячій, видомъ худенькій, маленькій, весь изъѣденный желчью. Въ старину величали его весельчакомъ, и онъ дѣйствительно былъ всегда веселъ, но веселье по-своему, съ какимъ-то иррациональнѣмъ отъѣнкомъ, какъ будто радовался и увеселялся собственно тѣмъ, что удачно зашпилилъ жизнь своего ближняго. Вся фигура его была каверзна и безобразна и до такой степени представляла собой образецъ ломаной линіи, что, при распространеніи въ послѣднее время понятій о линіи кривой, онъ не могъ быть терпимъ на службѣ даже въ земскомъ судѣ, гдѣ, какъ известно, находится самое мѣсторожденіе ломаной линіи. Поэтому Зиновей Захарычъ долженъ былъ кончить земное свое странствіе, подобно фіалкѣ, въ тѣни того ширококѣвистаго дерева, которое въ просторѣчій именуется клузой и ябедой.

— Отъ тебя, любезный, и на подчиненныхъ ушние! — сказали ему генералъ Зубатовъ, первый изъ русскихъ адми-

инстраторовъ, который серьезно потребовалъ, чтобъ чиновники имѣли манеру благородную и видъ, при исполненіи обязанностей, безстрастный. Итъ, ты подай, непременно подай въ отставку!

Но общественное мнѣніе рѣшительно приняло сторону Гегемоніева. Рассказывали истинная происшествія о томъ, какъ тускаго вида офицеры оказывались въ послѣдствіи прекрасными полковыми командирами и даже генеральными военачальниками. Говорили о премудрости Провидѣнія, которое одному даетъ въ удѣлъ красоту, другому богатство, третьему острый умъ, а четвертому ничего. Пророчили, что никакое несправедливое дѣйствіе не останется безъ возмездія въ будущемъ, и вообще на генерала негодовали, а Гегемоніева восхваляли. А все-таки Зиновой Захарычъ долженъ былъ повиноваться перу указующему...

Но въ особенности несла съ Гегемоніеву сердца канцеляристовъ всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ. Они любили, въ часы досуга, внимать разсказамъ этого новаго Улисса и выслушивали ихъ въ веселіи сердца своего. И слава, которою пользовался Зиновой Захарычъ въ этомъ отношеніи, была вполнѣ имъ заслужена. Никто, конечно, не могъ подать столь благого совѣта, никто не могъ такъ утѣшить, ободрить и умудрить, какъ дѣлалъ это Гегемоніевъ. Гонимые судьбой возвращались отъ него бодрыми, недугующіе — исцѣленными, печальныя — радостными, слѣпые — прозрѣвшими, безнадежныя — утѣшенными и просвѣтленными.

На бѣду Потанчикова, хозяйка квартиры, въ которой жилъ Гегемоніевъ, объявила ему, что Зиновой Захарычъ со вчерашняго дня слегъ въ постель и въ настоящую минуту находится чуть ли не при смерти.

— Въ подлиннѣ, конечно-съ? — робко замѣтилъ Потанчиковъ.

Но хозяйка положительно заверила, что баринъ цѣлая сутки маковой росинки въ ротъ не брать и умираетъ безъ всякой аллегоріи. Потанчиковъ уже хотѣлъ удалиться, какъ изъ сосѣдней комнаты послышался дребезжащій голосъ самаго Гегемоніева, призывавшій хозяйку.

— Пожалуйте! — сказала она, возвращаясь чрезъ минуту къ Потанчикову.

— Больны, Зиновой Захарычъ? спросилъ Потанчиковъ, садясь у изголовья Гегемоніева.

— Да... перенустилъ, видно... на именинахъ третьяго

дня у Разумника Семенича былъ... ну, и поплясать тоже...

— Это пройдетъ, Зиновой Захарычъ, отъ радости худо не бываетъ-съ.

— Да, въ наше время это точно, что люди отъ веселья не хварывали, а нынче, братъ, и радость-то словно не на пользу: вездѣ ровно темнота какая обстоитъ... Ты зачѣмъ?

— А вотъ-съ становымъ на всю жизнь ошастливилъ... желательно было бы отъ васъ позаниматься-съ...

— Спасибо, спасибо тебѣ, что меня, старика, всеопицалъ. Это точно, что я наутствовать могу, потому я произопицалъ... я много, братъ, въ жизни произопицалъ! Плохо вотъ только маѣ: даже словно душить въ груди... однако, ничего, попробую...

«— Вертоградъ этотъ, — началъ Гегемоніевъ, по временамъ прерывая разсказъ свой удумливымъ канцелярскимъ вертоградъ, о которомъ мы будемъ бесѣдовать, весьма необыкновенный. Въ самое короткое время, съ небольшимъ въ какихъ-нибудь сто лѣтъ, разросся, приумножился и изукрашенъ онъ пресестественно.

«Говоришь ты мнѣ: «становымъ на всю жизнь ошастливилъ», а знаешь ли, что есть «становой»? Думаешь ты, можетъ-быть, что становой есть Потанчиковъ, есть Овчинниковъ, есть Преображенскій? А я тебѣ скажу, что все это одна только видимость, что и Потанчиковъ, и Овчинниковъ тутъ только на привада даны, въ существѣ же вещество становой есть, ни мало, ни много, невещественныхъ отношеній вещественное изображеніе... Шутка!

«Скажу я тебѣ по этому самому случаю аллегорію.

«Въ молодыхъ моихъ лѣтахъ, хаживалъ я, сударь, въ школу, и немало-таки рогачей и мученическихъ звѣздовъ, просвѣщенія ради, правялъ. И сказывали намъ тогда, какъ въ старыя годы отцы наши варяговъ изъ-за моря призывали, и какъ варяги порядокъ у насъ производили, и не обходилось тутъ безъ того, чтобъ гости хозяевъ летопись не посетали.

«И всему этому я, по повинности своей, въ ту пору вѣрить, и все это выслушивать, однакожъ, одна новѣйшаго произведенія аллегорія. Разберемъ это дѣло по пунктамъ.

«Ну, скажи ты мнѣ на милость, зачѣмъ было отцамъ нашимъ изъ-за моря варяговъ призывать, когда у насъ и

свои завсегда палица? И скажи ты мнѣ еще, какими бы родомъ эти варяги, если бы это не была аллегорія, могли и доселѣ все въ томъ же видѣ остаться, безъ всякихъ въ правахъ и обычаяхъ переменъ? Это пунктъ первый.

«Второй пунктъ: «земля наша велика и обильна»... Если бы это не было вымыселъ, разве могъ бы дѣтвищецъ такимъ образомъ выразиться? Развѣ не было ему известно, что за тысячу-то лѣтъ всю мугунку Русь на одну ладонку посадить, а другою прикрыть было можно? Что-жь это значитъ? Не то ли, что нѣкто, взирая на нынѣшнее пространство Россіи, увлекся восторженностью своею до того, что даже забылъ, что пишеть о временахъ давно прошеднихъ? Ясно?

«Третій пунктъ: «а порядку въ ней нѣтъ»... Что сей словъ значитъ? А значитъ это, что вообще порядку нѣтъ и не можетъ быть, пока три брата въ надлежащую ясность дѣла не приведутъ. Стало-быть: «приходите книжничъ и володѣть нами»... Ну, и пришли. Пришли, судари, три брата: первый-то братъ капитанъ-неправникъ, второй-то братъ стряпчій, а третій братецъ, маленький да востреньный, — самъ мускъ оружной!

«Они же бояхусь звѣрягаго ихъ обычая и права»... Это значитъ, что точно спервоначалу было имъ будто робостно, а послѣ, однако, ничего: сжались да начали володѣть и взаправду!

«Ну-съ, сударь мой, пришли, значитъ, три брата, а какъ земля наша велика и обильна, то и выходитъ, что имъ втроемъ управиться въ этомъ изобиліи стало совсѣмъ неспособно. И пошли у нихъ братцы меньшіе, примѣрно хоть ты или я: чѣмъ больше порядку, тѣмъ больше братцевъ, и до того, сударь, дошло, что, кромѣ порядка, ничего у хозяевъ-то и не осталось. Гдѣ было жито — тамъ порядокъ; гдѣ худоба всякая была — тамъ порядокъ; гдѣ даже рошцы росли — и тамъ завелся порядокъ. И стало, сударь мой, хозяевамъ куда какъ радостно: земля, говоритъ, наша хоть и не обильна, да порядокъ въ ней есть... Резонъ!

«Вотъ и выходитъ, что вся эта исторія одно кнословіе изображаетъ, и если примѣрно тебя опредѣляютъ теперь въ становые, то ты такъ и знай, что ты тотъ самый Труворъ и есть, о которомъ сказано, что для порядку призванъ.

«А порядокъ что такое? А порядокъ есть такое всѣхъ частей верогорада сего соотвѣтствіе, въ силу котораго всякому дѣйству человѣческому своей небуытвенный ходъ за-

раньше определяется. А небуиственность что? А небуиственность есть такое качество, въ силу котораго ты, человекъ простой, шагу безъ того сдѣлать не можешь, чтобъ *перметте* не сказать. Въ этомъ-то *перметте* и заключается вся сущность и сила, такъ какъ оно простираетъ свое домогательство ко всемъ дѣйствіямъ человеческимъ безъ изъятія. И такъ какъ обладатели его мы, три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, то и выходитъ, что жизнь человѣческая вся въ нашихъ рукахъ совершается.

«Въ былые времена, когда я къ служебнымъ сладостямъ еще приобщенъ былъ, дѣйствовали мы на этомъ пошлѣ очень удачно. Главное тутъ—воображеніе имѣть; чтобъ оно тебѣ на всякій часъ лицу для дѣйствія доставляло. Воображаю я, напримеръ, что ты фальшивую монету дѣлаешь; воображаю я это не потому, чтобъ ты въ самомъ дѣлѣ монету дѣлалъ, а просто потому, что воображеніе у меня есть и никто для него предѣла не заказалъ. Хорошо. Вотъ беру я бѣлый листъ бумаги и изображаю на немъ такъ: «По дошедшимъ слухамъ, имѣется подозрѣніе, что такой-то Потанчиковъ занимается якобы дѣланіемъ фальшивой монеты. Подтверждаются эти слухи частью необыкновеннымъ образомъ жизни, который ведетъ Потанчиковъ (ибо въ домѣ его по почамъ весьма часто усматривается выходящій какъ бы изъ подполья тусклый свѣтъ), частью чрезвычайнымъ помысломъ въ себѣ мѣстности фальшивыхъ денегъ, преимущественно же тѣмъ, что жена Потанчикова, будучи такого-то числа на базарѣ, купила бѣлѣйшій саломъ, причѣмъ похвалялась, говоря: скоро я не такой еще куплю! А потому и т. д.» Все это, сударь мой, это я себѣ воображаю, и никакого огня, ни фальшивыхъ денегъ не бывало. Однако, тебѣ, Потанчикову, отъ этого не легче. Призываю я меньшого своего брата, который хоть и весь въ меня, а считается будто твоимъ денутатомъ, и идемъ мы вмѣстѣ къ тебѣ съ обыскомъ. Супруга у тебя стоитъ, ребятунки зѣваютъ, собаки на дворѣ воютъ... ну, и одаряешь ты, сударь, насъ по силѣ-возможности: только, молъ, отвяжись, ради Христа!

«Ты, дружище, пойми это, что въ тебѣ и начало, и середина, и конецъ человѣческаго существованія заключается. Ты, сударь, лѣтвиную вѣру охраняешь, ты уваженіе къ властямъ поспѣваешь, ты здравіе, благоденствіе и продолженіе вселу распространяешь, ты отъ глуда и града, отъ труса и наводненія, отъ мора и повѣтрія сырыхъ и

беспомощныхъ освобождаешь! И все ты одна, становой приставъ Пущановъ, Переряжковъ, Потаничковъ, у котораго подъ началомъ единый писецъ состоитъ да десятка дватри сотенныхъ! Мало того: потребуется начальству итцу Фиацкъ съсватать — ты и итцу свидешь; потребуется статистику сочинить — ты и статистику сочинишь. Ты иеми добродѣтелями и науками отъ Бога награжденъ долженъ быть; ты и хозяйникъ добрый, и сыщикъ злохитрый, и химикъ изрядный, и статистикъ урожденный! А такъ какъ ты всего этого, по ограниченности природы человеческой, исполнить не въ силахъ и такъ какъ про эту твою ограниченность и начальству, яко изъ человѣковъ же состоящему, не безызвѣстно, то какое изъ сего прямое слѣдствіе истекать должно? А то слѣдствіе, что ты если не дѣло дѣлать, такъ, по крайности, выгоды свои долженъ сообразить!

«Это тебѣ философія, а вотъ и практика. Прежде всего помини ты долженъ, что всякая статья должна, по силъ-возможности, сокъ дать, чтобъ жажду твою утолить и гладнаго тебя накормить. Но началу оно будто робоство, а по времени въ такой вкусъ и азартъ войдешь, что словно вотъ соловей: поешь и самъ себя даже не чувствуешь... Пробовалъ я тоже и зарокъ на себя класть: буду, молъ, сидѣть смирно, — такъ ибѣтъ, никогда больше духъ сутокъ выдержаться не могъ! Потому, во-первыхъ, что и своему тѣлу развѣ врагъ? А во-вторыхъ, и потому, что есть, сударь, въ нашемъ ремеслѣ притягательная сила, противъ которой, хоть будь ты семи нядей во лбу, не устоишь! И томить тебя, и дунить, и подымаетъ всего... нукуда свой натуральный кругъ дѣйствія не совершишь!

«Одно нашего брата губить — это нитіе безмѣрное. Заглазешь-это въ трущобу, театровъ ибѣтъ, баловъ не имѣется, и пошесть курить! Словнешься иной-разъ по дорогамъ и въ сымоть, и въ стыть; и въ глаза-то тебѣ хлещеть, и съвозь-то тебя прощипывать, — ну, и воскликнешь: жажду! Иной-разъ сутки цѣлыя слова путемъ не вымолвишь; все или молчишь, или ругаешься — ничего для души ибѣтъ... Другіе, женившись, думаютъ себя сообразны, такъ слушай ты меня: не вѣрь тѣмъ, кто тебя этимъ предметомъ сообразивать будутъ! Нашъ братъ, опричнись, на все долженъ быть готовъ: и въ болотъ увязнуть, и отъ меча погибнуть, и отъ пламени огненнаго сторѣть. Стало-быть, зачѣмъ тутъ жена? Зачѣмъ развѣ, чтобъ руки тебѣ связать да труссостью сердце твое обуть? Ты пойми это, что въ нашемъ

ремесль ты осторожностью да выжидаемъ ничего не возмешь; а ты коли хочешь пользу имѣть, такъ жечь у тебя долженъ быть вольный, широкій, чтобъ и вдоль забиралъ, и поперекъ захватывалъ, да и вглубь, и ввысь и рвалъ, и металъ... Заѣмъ тутъ жена?

«А все-таки надо правду сказать: хоть ты бойся, хоть не бойся, а какъ придется концы съ концами сводить— въ результатъ все ничего и очень мало выходитъ... Вотъ и я, напримѣръ... я ли, кажется, не поревновалъ, а все подъ старость голову приклонить негдѣ! Хоть и сказала въ ту пору его превосходительство, хлопнувши меня по животу, что тутъ, мозъ, все курочки да гусочки хананые сидятъ, а вѣдь, коли по совѣсти-то сказать, какія же это курочки? Наши, братъ, курочки русскія: худенькія, маленькія да жиденькія—въ силу ими насытиться. Вотъ тѣхъ бы индюшекъ попробовалъ, которыя къ его превосходительству на столъ отъ откупщика подаются, ну, тогда точно: вышли бы мы и тѣломъ побѣлѣе, и ростомъ проавантажнѣе... Такъ вотъ и смекай ты, какъ въ свѣтѣ жить, безпечальну быти!

«Однако, сытымъ быть можно. Главное, кнѣзю надо въ себѣ побѣдить, кнѣзю надо въ себѣ смиренномудрїю духовному покорить, а пуще всего подъ судъ не попадать, потому что въ уголовную хоть и однажды попадешь, однако послѣ того всю жизнь будешь несчастливъ, все равно какъ бы на затылкѣ тебѣ кожу вырѣзали, или на лбу клеймо нацѣпатали. А нашъ братъ какъ дорвется до теллага мѣстечка, такъ не то чтобъ смѣлостью, а больше озорствомъ дѣйствуетъ: я-ста да мы-ста,—ну, и разбросаетъ все зря; того ему не надо, то для него презрительно... А ты, коли хочешь невредимымъ быть, все бери, ничѣмъ не брезгай, да не плюй въ бороду-то, не плюй, а пуще ее погладь, потому что и жизнь-то твоя вся въ бородѣ заключается.

«И еще: его сивушество іерусалимскаго князя Полугова паче звѣздъ уважай. Помни: онъ по всей землѣ, всѣхъ кабаковъ, выставокъ всерадостный обладатель и по-велитель... кто-жъ ему равенъ?

«Итакъ, сударь, ты отъ меня напутствованъ. Иди же ты съ миромъ и не сомнѣвайся... А меня оставь... потому что я умирать хочу!»

II.—Зубатовъ.

Генералъ Зубатовъ, Богъ ему судья, не очень-таки до-

любилвалъ меня. «У васъ, говорить, бывало, слишкомъ голова горяча, милостивый государь,—вы диалектикъ, милостивый государь, предаетесь!.. Служба требуетъ дѣла, а не соображеній, милостивый государь!.. Она требуетъ фактовъ, фактовъ и фактовъ!»

И все этакъ строгимъ манеромъ.

И держалъ онъ меня, по случаю диалектики, въ великомъ загонѣ; пройти, бывало, по улицѣ совѣстно; словно и заборы-то улыбаются и шепчутъ тебѣ вслѣдъ: диалектикъ, диалектикъ, диалектикъ!

А подъ диалектикомъ разумѣлъ Семень Семенычъ отчасти такого человѣка, который перомъ побаловать любитъ, отчасти такого, который на какой-нибудь официальный вопросъ осмѣливается откликнуться: «не могу знать», а отчасти и такого, который не бѣжитъ сломя голову на всякій рожонъ, на который ему указываютъ.

Въ балающемъ перомъ Семень Семенычъ адресовался обыкновенно слѣдующимъ образомъ:

— Что вы мнѣ, милостивый государь, такъ рассказываете? Какія вы тамъ нашли еще пренятствія? Развѣ вамъ велико вникать въ пренятствія? Развѣ васъ объ этомъ спрашиваютъ? Я, милостивый государь, тридцать пять лѣтъ служу, и благодареніе Богу, никогда никакихъ пренятствій не видалъ!

— Помилуйте, ваше превосходительство, вѣдь это все равно, что на камнѣ рожь сѣять...

— Ну, что же-съ... и посеешь-съ!

— Да вѣдь рожь-то не вырастетъ!

— Вырастетъ-съ, а не вырастетъ, такъ будемъ камень сѣять-съ!

— А она и отъ этого не вырастетъ!

— И опять будемъ сѣять-съ! Намъ до этого дѣла нѣтъ, что можно и что нельзя... а мы будемъ сѣять-съ!

Въ «немогузнайка» Семень Семенычъ обращался такъ:

— Что вы мнѣ тамъ доложите и два, и три? Вы должны сказать мнѣ прямо: или два, или три... Служба не терпитъ этой неопредѣленности...

— Осмѣлось доложить вашему превосходительству, что...

— Знаю я это, милостивый государь, очень знаю... Но вѣдь мнѣ нужны не «или» ваши, а настоящая цифра, потому что я эту цифру долженъ въ вѣдомости показать, и итогъ... да, и итогъ, сударь, подвести... Въ какую же силу и ваше «или» тутъ сосчитаю?..

Но всего болѣе антипатиченъ былъ для него третій сортъ дилектиковъ.

— Я вамъ приказалъ, сударь... почему вы не исполнили?—говорилъ онъ имъ, принимая самые суровые тоны.

— Такъ и такъ, ваше превосходительство, я былъ на мѣстѣ и убѣдился, что указываемый вами рожонъ совсѣмъ не рожонъ...

— А развѣ объ этомъ васъ спрашивали? А знаете ли вы, милостивый государь, что за подобныя разсужденія въ военныя время разстрѣливаютъ?

И такъ далѣе, въ томъ же тонѣ и духѣ. Однимъ словомъ, генералъ любилъ, чтобъ чиновникъ смотрѣлъ у него весело, не разсуждалъ и тѣмъ менѣе противорѣчилъ, не сомнѣвался, не провидѣлъ и на ногу быть легокъ.

И вдругъ, въ одно прекрасное утро, онъ задумался. Долго онъ думалъ и сначала, повидимому, скорбѣлъ и вздыхалъ, но, наконецъ, приятная улыбка озарила уста его.

— А что-жь,—сказалъ онъ:—въ самомъ дѣлѣ! Надо же и имъ дать вздохнуть... трудненько оно будетъ... правда... а впрочемъ, что за вздоръ—не боги же горшки обжигали!

Въ этотъ же день я былъ приглашенъ къ его превосходительству и удивленъ слѣдующею рѣчью:

— Вотъ, любезный другъ,—сказалъ онъ мнѣ ласково:—оказывается теперь, что мы съ вами до сихъ поръ спали, то-есть не то чтобъ совсѣмъ спали, а такъ, знаете, скользили по поверхности... составляли тамъ вѣдомості... наблюдали, чтобъ входящія и исходящія не были закапаны... Выходитъ, что все это было ненужно... Д-да!

— Д-да!—повторилъ я въ изумленіи.

— Выходитъ, что отъ этого у насъ и торговли не развивается... и фабрикъ нѣтъ... и богатство народное... тово...

Я видѣлъ по его лицу, какъ всѣ эти непривычныя выраженія мучительно зарождались въ его головѣ и еще мучительнѣе сходили съ языка.

— Выходитъ, намъ надо теперьча заняться настоящимъ дѣломъ,—сказалъ онъ рѣшительно.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

— Да, теперь это нужно... теперь вотъ и Европа на насъ поглядываетъ... ну, да и время совсѣмъ не то! Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь, что значить время-то!

Генералъ улыбуясь и началъ загонять ногою въ уголокъ валившуюся на полу бумажку.

— Вотъ хоть бы вчера,—продолжалъ онъ:—вѣдь какъ

казалось все гладко, все прекрасно... плали мы, можно сказать, по океану и воды даже подь собой не слышали... а нынче...

— Отчего же, однако, вашему превосходительству, кажется, что нынче все измѣнилось?

— Да нѣтъ! неужто-жь вы этого не чувствуете? Вѣдь пора же, пора намъ, наконецъ, сбросить съ себя это скнество!.. Надо же и намъ когда-нибудь стать въ уровень съ Европой... Вѣдь этакъ мы того дождемся, что насъ помѣстятъ въ число пастушескихъ народовъ!.. И дождались бы!

Глаза Семена Семеныча сверкнули гнѣвомъ.

— Развѣ ваше превосходительство получили какія-нибудь извѣстия изъ Петербурга?—спросилъ я робко.

— Нѣтъ, вы меня не понимаете! Я просто убѣдился, что не можетъ это такъ оставаться, и потому на первый разъ призывалъ ужь нынче частнаго пристава Рогулю и сказалъ ему, чтобъ онъ отнюдь не смѣлъ волю рукамъ лавать... потому что вѣдь это, наконецъ, нальза же: все въ рыло да въ рыло!

При этихъ словахъ я вспомнилъ, что дѣйствительно Рогуля еще утромъ прѣзжалъ ко мнѣ весь встревоженный и объявилъ, что его превосходительство находится въ восторженномъ состояніи.

— А что?—спросилъ я.

— Да помилуйте, — отвѣчалъ онъ: — чуть свѣтъ меня под-нялъ... Я думалъ, что какое-нибудь упущеніе или пожаръ... скажу, и что же-съ? «Я, говоритъ, за тѣмъ тебя призвалъ, чтобъ напомнить, чтобъ ты не дрался, а дѣйствовалъ кротостью и собственнымъ примѣромъ; если-жь ты будешь драться, такъ я тебя, подлеца, самого такимъ образомъ откатаю, что ты три дня садиться не будешь»... Посудите сами, ваше высокоблагородіе!

Въ ту минуту я не разобралъ хорошенько этого обстоя-тельства и даже утѣшилъ Рогулю, что, должно-быть, его превосходительству во снѣ что-нибудь нехорошее привидѣ-лось; но теперь... теперь я самъ начиналъ догадываться, что тутъ дѣйствительно есть какой-то цунктикъ, который не далѣе какъ въ прошедшую ночь зародился въ головѣ его превосходительства, но къ утру выросъ и распростра-нился въширь съ погнбельною быстротой.

— Я и прежде всегда утверждалъ, — ораторствовалъ, между тѣмъ, его превосходительство: — что не нужно слиш-

комъ натягивать струны... потому что, вы понимаете, мы, наконецъ, отушли съ этимъ натягиваніемъ.

Семень Семенычъ взглянулъ на меня, какъ бы вызывая на размышленія; но я стоялъ сконфуженный и подавленный; мой носъ инстинктивно нюхалъ въ воздухъ, глаза сами собою устремлялись на барометръ, какъ бы нища опоры для объясненія этой внезапной перемены.

— Такъ вы, пожалуйста, займитесь,—продолжалъ генералъ:—надо намъ... тово... идти рядомъ съ вѣкомъ...

— Что же прикажете, ваше превосходительство?

— Ну, да вы меня понимаете... я бы хотѣлъ, чтобъ этакъ тово... новенькое что-нибудь... Знаете ли что?—прибавилъ онъ весело, какъ бы озаренный внезапной мыслью:—устройте-ка здѣсь биржу!

— То-есть, какъ-же биржу?

— Ну, да, биржу... какъ въ Петербургѣ или вотъ въ Москвѣ... Тенерь у насъ все это въ младенчествѣ... они всѣ сдѣлали свои въ трактирѣ за парой чая дѣлають... Ну, а если мы заведемъ биржу, торговля-то, знаете ли, какъ двинется впередъ!..

— А если купцы на биржу не станутъ ходить?

— Надоно, мон снег, на первое время сдѣлать для нихъ обязательнымъ, чтобъ ходили... потому что иначе какія же могутъ быть у насъ усовершенствованія?

— Это точно, ваше превосходительство!

— Ну, такъ вы, стало-быть, займетесь этимъ? Кстати! Анна Ивановна жалуется мнѣ, что васъ давно не видать у насъ... такъ приходите сегодня обѣдать... запросто!

Само собою разумѣется, что я не позабылъ о приглашеніи, и ровно въ три часа былъ въ гостиной Зубатовыхъ.

Но, въ величайшему моему удивленію, я нашелъ Анну Ивановну въ столь же восторженномъ настроеніи духа, какъ и Семена Семеныча. Въ то время, какъ я вошелъ въ гостиную, она вела оживленную бесѣду съ товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты Семіоновичемъ.

— Согласитесь, однакожъ, со мной, что тутъ еще многое остается сдѣлать,—говорила она.—Мсье Шедрингъ! вы, я надѣюсь, поддержите меня...

— Но позвольте, Анна Ивановна, — вступился Семіоновичъ:— вы напрасно думаете, что я принадлежу къ числу отсталыхъ. Я полагаю, что намъ слѣдуетъ только объяснить, и всѣ недоразумѣнія устранятся сами собою...

— C'est inouï ce que nous avons souffert! — продолжала

Анна Ивановна, обращаясь ко мнѣ: — Изумительно даже, какъ могли мы дышать!

«Кроткая Annette! что съ тобой сдѣлалось что съ тобой сдѣлалось! — подумалъ я, переходя отъ изумленія къ совершенному остолебенію. — Ты, которая до сихъ поръ позволяла себѣ думать только о наслажденіяхъ предстоящей минуты, ты, которая смотрѣла на жизнь какъ на рядъ милыхъ и трагическихъ сценъ, въ родѣ пословицъ Альфреда Мюссе, ты жестока, ты говоришь о какой-то духотѣ, о какихъ-то прошедшихъ страданіяхъ... Боже!»

— Вотъ это-то именно и есть единственный пунктъ, насчетъ котораго я нѣсколько расхожусь съ вами, Анна Ивановна, — возразилъ, между тѣмъ Семіоновичъ. — Я нахожу, что страданіе — самая лучшая школа жизни... Не даромъ великій поэтъ скавалъ:

Но не хочу, о, другіи! умереть,

Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать...

Стало-быть, страданіе не совсемъ-то дурная вещь... стало-быть, въ страданіи возможно даже своего рода наслажденіе, которое высоко цѣнится знатоками!.

— Не знаю, быть-можетъ, я не принадлежу къ числу знатоковъ, но, признаюсь вамъ, я не охотница до страданія... Мнѣ кажется такъ приятно, такъ легко, когда меня никто не беспокоитъ, si l'on me laisse jouir en paix de mon existence... n'est-ce pas, мсье Щедринъ?

— Нѣтъ сомнѣнія, что жить спокойно гораздо пріятнѣе, нежели пользоваться тревогами, — отвѣчалъ я.

— Но я и не утверждаю, что страданіе должно быть нормальнымъ состояніемъ человѣка, — возразилъ Семіоновичъ. — Я говорю только, что страданіе — школа, и надѣюсь, что самое это слово доказываетъ, что здѣсь идетъ о немъ рѣчь, какъ о мѣрѣ, про которую говоритъ поэтъ:

Вѣдь въ ваши дни спасительно страданье...

— Я надѣюсь, что мы съ честью выйдемъ изъ этой школы, — сказали Анна Ивановна: — хотя, признаюсь вамъ, въ первый разъ это будетъ ужасно трудно... nous sommes encore si peu habitués de jouir des bienfaits de la civilisation... Я сегодня утромъ говорила съ мужемъ: это ужасъ, сколько надобно сдѣлать... il faut faire ceci et cela... Вездѣ, куда ни обернитесь, вездѣ надобно снова начинать...

— Да, это такъ, — отвѣчалъ Семіоновичъ задумчиво. — Не знаю... я какъ-то опасуюсь... мнѣ кажется... que nous

n'avons pas assez de forces... que nous succombons à la tâche, en un mot!

— О, это опасеніе совершенно напрасно! Puisque au fond le peuple russe est avant tout un grand peuple... C'est une justice, que l'Europe entière se plait à lui rendre...

— А! здравствуйте! О чемъ это вы такъ горячо тутъ спорите?— прервалъ Семень Семенычъ, входя въ это время въ гостиную и подавая поочередно вѣсьмъ намъ руку, чего прежде никогда съ нимъ не случалось.

— Продолженіе давешняго разговора, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я.

— А! это любопытно!

— Вотъ мѣсь Семіоновичъ находитъ, что мы недостаточно соврѣли,—отвѣчала Анна Ивановна.

— То-есть, для чего?—спросилъ генералъ.

Анна Ивановна затруднилась; она была вполне увѣрена, qu'il s'agit d'une très bonne chose, но какъ называется эта chose—не знала. А впрочемъ, что мудрелаго: можетъ быть, такъ она и называется... chose! Семіоновичъ, однакожь, вывелъ ее изъ затрудненія.

— Мы не поняли другъ друга, Анна Ивановна! — сказали онъ нѣсколько обиженнымъ тономъ. — Мое воспитаніе... мое прошедшее, наконецъ... все это достаточно говоритъ въ мою пользу... Повѣрьте, я не принадлежу къ числу отсталыхъ!

— Ну, да, ну, да!—сказалъ Семень Семенычъ:—ниначе ужь оно и не ко времени!

— Я говорю только, что наше перерожденіе достанется намъ не безъ труда!

— О, насчетъ этого я совершенно съ вами согласенъ... Я, напримѣръ, придумаю теперь одну штуку. Конечно, это будетъ очень полезно... однако и за вѣсьмъ тѣмъ не могу поручиться, чтобъ она принялась такъ, какъ было бы желательно!

— Позволено ли будетъ узнать, ваше превосходительство, въ чемъ заключается ваше намѣреніе? — спросилъ Семіоновичъ.

— Такъ... я хочу... биржу здѣсь устроить! — отвѣчалъ генералъ съ тою поспѣшностью и вмѣстѣ усиліемъ, которыми всегда сопровождается желаніе высказаться какиибудь небрежнѣе. При этомъ онъ, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, застыдился и покраснѣлъ.

— Vous n'avez pas l'idée, comme ils nous trompent, ces

marchands! — вступилась Анѣя Ивановна. — А тогда мы будемъ все на биржѣ посудать.

— Ты мнѣ, мамаша, на биржѣ новую курточку купишь! — пролепеталъ маленькій сыночекъ Анны Ивановны, прислушавшись къ разговору.

— Извините меня, Анна Ивановна, — замѣтилъ Семіоновичъ, пользуясь случаемъ, чтобъ отступить генеральшѣ за предположеніе о его отсталости: — но мнѣ кажется, что вы не совсемъ вѣрно смотрите на значеніе биржи...

— Ну, да, ну, да, — сказалъ генераль, снисходительно улыбаясь: — эти дамы только и думаютъ, что о нарядахъ... Онѣ даже на переверотъ готовы смотрѣть съ точки зрѣнія тряпочкѣ... Ха-ха!

— А впрочемъ, мысль Анны Ивановны объ устройствѣ такого магазина, который представлялъ бы всѣ ручательства относительно добросовѣстности и дешевизны, тоже весьма счастливая мысль, — возразилъ Семіоновичъ, снѣша на помощь поддомившейся на льду либерализма генеральшѣ и такимъ образомъ умѣряя извѣстность великодушіемъ.

— Mais... n'est-ce pas! — сказала Анна Ивановна, отдыхая.

Извѣстіе, что готово кушать, прекратило на время разговоръ, но за обѣдомъ онъ возобновился съ новою силою. И генераль, и генеральша такъ увлекательно доказывали необходимость оставить рутину и идти новыми, неизвѣданными доселѣ путями, что даже суровый Семіоновичъ согласился *qu'au fait il y a quelque chose à faire*. Я и самъ чувствовалъ, что въ воздухѣ была разлита какая-то непривычная теплота, что по временамъ моего обонянія касалась живительные ароматы, что кровь съ усиленною быстротой приликала къ головѣ и сердцу...

Но не могу не сознаться, что все это происходило какъ будто во снѣ и, что самые звуки говорившихъ кругомъ меня голосовъ дошли въ мой слухъ какъ-то смутно, неопредѣленно.

— Прежде всего надо позаботиться о торговлѣ, — говорилъ генераль: — потому что торговля — это первъ...

— Да... и желѣзныя дороги, — сказалъ Семіоновичъ: — вотъ гдѣ для насъ предметъ первой важности! Пространство насъ одолеваетъ, ваше превосходительство, наша собственная карта насъ давитъ!

— Ну, съ этимъ какъ-нибудь справимся, съ Божьей помощью! — разсудилъ генераль.

— Однакожь... это ужасно... сколько приходится сдѣлать!—задумчиво продолжалъ Семіоновичъ, внезапно всѣмъ тѣломъ вдрогнувъ.

— Еще бы!—замѣтила генеральша.

— Вы забыли еще о грамотности,—отозвался генералъ и, обращаясь ко мнѣ, присовокупилъ: — Кстати, чтобъ не забыть! Не худо бы намъ съ вами и насчетъ этого что-нибудь... знаете, въ такомъ же родѣ...

— Позвольте, однакожь, ваше превосходительство,—возразилъ Семіоновичъ: — мнѣ кажется, что грамотность... я думаю, что для этого у насъ еще почва недостаточно. такъ сказать, взрыхлена?

— Да, признаюсь вамъ, я и самъ такъ думалъ прежде... но теперь... я скорѣе склоняюсь въ пользу того мнѣнія, что тутъ совсѣмъ никакой почвы не надобно.

— Однакожь, ваше превосходительство, специалисты на основаніи достовѣрныхъ фактовъ утверждаютъ, что на пятьсотъ грамотеевъ двѣсти непременно оказываются негодьями... Какъ хотите, а эта пропорція...

— Мамаша! Я не хочу учиться... Я не хочу сдѣлаться негодяйкой! — неожиданно закричалъ сынокъ Семень Семеныча.

— Позно, душечка, это о мужичкахъ говорить!—утѣшала его Анна Ивановна.

— Коли хотите, и я въ душѣ съ вами согласенъ,—продолжалъ, между тѣмъ, Семень Семенычъ:—но...

Генералъ развелъ руками, какъ будто хотѣлъ сказать: *que voulez-vous que je fasse!*

Много и еще было говорено разныхъ умныхъ рѣчей, и всякій разъ, когда кому-либо изъ собесѣдниковъ приходила счастливая мысль, генералъ обращался ко мнѣ и говорилъ: «Кстати, чтобъ не забыть! Не мѣшаешь и на это обратить серьезное вниманіе!»

Читателю, быть-можетъ, страннымъ и невѣроподобнымъ покажется, что бѣлая часть моихъ героевъ словно во снѣ или въ туманѣ дѣйствуютъ. Въ справедливости этого замѣчанія долженъ сознаться я и самъ; но что же мнѣ дѣлать, если таково вообще свойство всѣхъ умирающихъ людей? Отъ умирающаго нельзя требовать ни послѣдовательности въ сужденіяхъ, ни даже совершенно округленныхъ періодовъ для выраженія послѣднихъ; всѣ ихъ мысли, всѣ ихъ чувства представляются въ видѣ какихъ-то клочковъ, въ видѣ ничѣмъ не связанныхъ отрывковъ, въ ко-

торыхъ мысль и чувство являются въ состояніи почти эмбрионическомъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать здѣсь, что міръ полонъ такого рода умирающихъ; между ними очень мало злыхъ и очень много недалковидныхъ. Вообще я убѣжденъ, что на свѣтѣ злые люди встрѣчаются лишь случайно; въ существѣ они тѣ же добряки, только кожу у нихъ судьба-нидѣйка стянула, рыло перекосила и губы помазала желчью. Да и то, по большей части, отъ своей собственной глупости люди дѣлаются злыми, потому что умный человѣкъ сразу пойметъ, что злиться не изъ чего да и не расчетъ. Что же касается до недалковидныхъ людей, то это точно, что ходятъ въ пародѣ слухи, будто ихъ не мало по бѣлу свѣту шагаются; однако, не могу скрыть, что я очень рѣдко встрѣчалъ такихъ, которые бы откровенно признавали себя дураками. Напротивъ того, обыкновенно случается такъ, что, напримѣръ, Петръ Ивановичъ, встрѣтивши друга своего, Ивана Петровича, и поговоривъ съ нимъ немного, уже восклицаетъ мысленно: «Господи! да какъ же глупъ Иванъ Петровичъ! Неужто онъ этого не знаетъ!» А Иванъ Петровичъ въ это самое время, въ свою очередь, тоже мысленно восклицаетъ: «Господи! да какъ же глупъ Петръ Ивановичъ! Неужто онъ этого не знаетъ!» И выходятъ тутъ въ нѣкоторомъ смыслѣ таинственно-духовный маскарадъ. Но, прося у читателя извиненія за такое отступленіе, сиѣшу продолжать разсказъ мой.

На другой день я получилъ отъ Семена Семеныча записку. Очевидно, мысль о новомъ характерѣ, который должна была принять его дѣятельность, до такой степени жгла его, что онъ не могъ выносить даже малѣйшую медленность въ этомъ отношеніи. Казалось, онъ въ одну минуту хотѣлъ облагодѣтельствовать всѣхъ и каждого и преисполнить край плодами цивилизаціи. Въ запискѣ было изображено:

«Виды и предположенія:

«1) Биржа. Правильность торговли. Огромные запросы и такъ далѣе. Развить.

«2) Грамотность. Смягченіе нравовъ. Уменьшеніе преступленій. Облегченіе обязанностей полиціи и т. д. Развить.

«3) Пути сообщенія, *а буде можно, то и желѣзныя дороги*. Сколько среднимъ числомъ провозится ежегодно товаровъ до Н. пристани? Развить.

«4) Фабрики и заводы. Польза отъ нихъ. Средства къ

достиженію сего: поощренія и награды. (Извѣстно, что русскіе купцы и т. д.). Развить.

«Весьма обяжете, ежели все сіе исполните въ возможно непродолжительномъ времени».

Прочитавъ эту записку, я струсилъ. Съ одной стороны, мена, конечно, соблазняла красивая сторона предпріятія; съ другой — я не могъ не испугаться его огромности. Но напрасны были мои опасенія. Генералъ былъ такъ добросовѣстенъ, что счелъ необходимымъ, предварительно пріятія рѣшительныхъ мѣръ относительно развитія торговли и промышленности, посоветоваться объ этомъ съ почетнѣйшими лицами торгующаго сословія. Эта добросовѣстность испортила, однакожъ, все дѣло. При первомъ намекѣ на возможность учрежденія биржи, купцы попадали въ обморокъ, несмотря на то, что всѣ они были тѣмъ сложеныя необыкновенно крѣпкаго и съ честью выдерживали самые побои.

— Что-о? — сказала Семень Семенычъ грозно. — Стало-быть, вы сопротивлялись задуманію?

— Помилуйте, ваша милость, ужъ очень это будетъ для насъ обидно, — отвѣчалъ одинъ изъ купцовъ, прежде всѣхъ очнувшійся. — Нельзя ли замѣсто биржи-то просто чѣмъ-ни-на-естъ обложить насъ на общепольное устройство?

— Что-о? Ты что за выскочка? И какъ ты смѣешь за всѣхъ говорить?.. Николой Иванычъ, запишите его фамилію!

Между торговцами воцарилось молчаніе; передняя шеренга держала руки по швамъ.

— Такъ вотъ, друзья мои, — продолжалъ Семень Семенычъ: — вы слышали мои слова, знаете мои желанія... остается, слѣдовательно, изыскать средства къ приведенію ихъ въ исполненіе... Конечно, нѣкоторые изъ васъ, какъ видно, еще не понимаютъ намѣреній, которыя клонятся единственно къ вашей же пользѣ, но само собою разумѣется, что это не должно останавливать ни меня въ моихъ предположеніяхъ, ни васъ въ содѣйствіи къ выполненію ихъ.

Сказавъ это, Семень Семенычъ удалился, и долгъ справедливости заставляетъ меня сказать, что онъ не только не дрался въ этомъ случаѣ, но даже и за бороду никого не выгрѣлъ.

Но дѣло не удалось. Купцы, оставленные на произволь судей, безъ кормила и весла, объявили, что для нихъ затѣя Семена Семеныча слишкомъ обидна, чтобъ они рѣшились сами на себя руку наложить.

— Ну, что, какъ наше дѣло?—спросилъ меня генераль, когда я, послѣ продолжительнаго совѣщанія съ обществомъ, явился къ нему съ отчетомъ.

— Не соглашаются, ваше превосходительство!

— Гм!..

Глубоко опечаленный генераль сталъ лицомъ къ окну и долго безмолвствовалъ. По временамъ, до слуха моего долетали звуки, несомнѣнно доказывавшіе, что его превосходительство барабанилъ въ это время пальцами по стеклу.

— Напрасно, ваше превосходительство, совѣщались съ ними,—сказалъ я, стораю желаніемъ утѣшить Семена Семеныча:—эти вещи надо дѣлать секретно отъ нихъ, такъ, чтобъ они не опомнились...

Семень Семенычъ повернулся ко мнѣ и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Вы правы,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Они, ваше превосходительство, своей пользы понимать не могутъ,—продолжалъ я, увлекаясь преданностью къ особѣ моего начальника.

— Вы правы,—повторилъ генераль.

— Такого рода предположенія всего удобнѣе приводить въ исполненіе посредствомъ полиціи,—снова началъ я.

— Вы правы... да, къ несчастію, вы совершенно правы!

— Если они не понимаютъ своихъ выгодъ, то весьма естественно, что нужно дѣлать имъ добро противъ ихъ желанія...

— Это совершенно справедливо... но... Къ сожалѣнію, я долженъ сказать вамъ, мой cher, что время нынче такое... вѣрно все кротостью да благоразумными мѣрами распорядительности... Ахъ, другъ мой, ремесло администратора становится слишкомъ тяжело, и если бы я не любилъ мое отечество (Семень Семенычъ махнулъ рукою)... давно бы пора на покой старая кости сложить!..

— Прикажете продолжать настаивать?—спросилъ я.

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ!.. оставимте ихъ въ покоѣ!.. пусть дѣлаютъ, какъ знаютъ!.. Горько, Николай Ивановичъ!

Разговоръ на этотъ разъ прекратился, но не прекратилась благонамѣренная дѣятельность Семена Семеныча. Проекты слѣдовали за проектами, и въ нашей маленькой канцеляріи закипѣла непривычная и небывалая дотола жизнь.

Но—увы!—ни проектъ о распространеніи грамотности, ни проектъ о путяхъ сообщенія—ничто не удавалось, не-

смотри на таятвенность и тишину, среди которыхъ они вырабатывались. Проекты эти похожи были на тѣ объявленія о новоизобрѣденныхъ средствахъ противъ моли и клоповъ, которыя (т. е. средства) такъ удачно дѣйствуютъ на бумагѣ, въ дѣйствительности же безсильны убить самаго тощаго и изможденнаго клопа.

Семень Семенычъ сдѣлался скученъ. Уныло ходилъ онъ цѣлые дни по кабинету, заложивъ руки за спину и грустно покачивая головой. Съ ужасомъ сознавалъ онъ, что мѣсяцъ тому назадъ онъ былъ совершенно бодръ и дѣятеленъ, былъ распорядителемъ и исполнителемъ въ одно и то же время, однимъ словомъ, способенъ и достоинъ, а теперь... теперь, когда наступило, повидимому, «благорасположеніе воздухонъ и изобиліе плодовъ земляныхъ», онъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, оказывается чуть-чуть не злостнымъ банкротомъ... Ужасно! Все, что онъ ни придумаетъ, звучитъ пусто, словно душково, у котораго вышибли дно; все, за что онъ ни возьмется, отбывается мертвечиной. И ему внезапно стало такъ тошно и несносно жить на свѣтѣ, что не мила казалась Анна Ивановна, не радовалъ милый сыночекъ Сережа, а меня не могъ онъ даже видѣть безъ нѣкотораго озлобленія, потому что я являлся хотя и неумышленнымъ, но, тѣмъ не менѣе, горькимъ и постояннымъ свидѣтелемъ его неудачъ.

Однажды утромъ я получилъ отъ Анны Ивановны приглашеніе пожаловать къ ней какъ можно скорѣе. Я засталъ ее задланною и разстроенною.

— Вы не знаете, какое насъ постигло несчастье, — сказала она: — Simon! бѣдный Simon!

— Что такое, Анна Ивановна? — спросилъ я встревоженный.

— Ah! mais voyez plutôt vous-même, cher Николай Иванычъ!

Съ этимъ словомъ она отворила дверь въ кабинетъ Семена Семеныча, и странное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ. Семень Семенычъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и чертилъ на бумагѣ чудовищный пароходъ; доски его были растрепаны, въ глазахъ блуждалъ дикій огонь.

Я тотчасъ же понялъ ужасную истину: нѣтъ сомнѣнія... генералъ лишился разсудка!

— Ah! — воскликнуть онъ, увидѣвъ меня: — ну, теперь, кажется, они не отвертятся отъ меня... Я все обдумалъ!

— Simon! успокойся, другъ мой! — убѣждала Анна Ивановна.

Семень Семенычъ сдѣлалъ рукой движеніе, какъ будто хотѣлъ отогнать докучную муху.

— Я надѣюсь, что начальство оценитъ труды мои, — сказалъ онъ съ какой-то блаженной улыбкой: — скоро будетъ Святая, и тогда...

Онъ показалъ на лѣвую сторону груди.

— Это несомнѣнно, ваше превосходительство; въ настоящее время вамъ больше всего нуженъ отдыхъ, — замѣтилъ я.

— Убѣдите, убѣдите его, Николай Ивановичъ! — умоляла Анна Ивановна: — Simon! тебѣ слѣдуетъ почивать!

Генераль снова сдѣлалъ движеніе рукой.

— А не правда ли, что я много на свою долю потрудился? — сказалъ онъ. — Вы, Николай Ивановичъ, видѣли, вы можете засвидѣтельствовать передъ всѣми, что я именно былъ неуспяченъ!

Анна Ивановна всхлипывала; Семень Семенычъ, глядя на нее, тоже не выдержалъ и залился цѣлымъ потокомъ слезъ. Положеніе мое было весьма тяжело.

— Друзья мои! — сказалъ генераль, рыдая: — я умираю! Я умираю, потому что много трудился! Если-бъ я меньше заблуждался, а больше гулялъ, меньше выкалъ и больше кушалъ, я остался бы живъ!

III.—Пріѣздъ ревизора.

I.

Въ 18** году, декабря 9-го числа, статскій совѣтникъ Фурначевъ получилъ изъ Петербурга, отъ благопріятеля своего, столоначальника NN департамента, письмо слѣдующаго содержания:

«Милостивый Государь!

«Семень Семенычъ!

«Послѣдшаю почтеннѣйше извѣститъ васъ, что въ непродолжительномъ времени имѣеть быть къ вамъ на губернію статскій совѣтникъ Максимъ Федоровичъ Голынецъ. Будеть у васъ подъ предлогомъ освидѣтельствованія богоугодныхъ заведеній, въ действительности же для доскональныхъ разузнавій о нравственномъ состояніи служащихъ въ вашей губерніи чиновниковъ Качества Максима

Федоровича: таковы: словоохотливъ и добросердеченъ; любить женскій полъ и тонкое вино; выпивши, откровененъ и шутивъ безъ мѣры; въ особенности уважаетъ людей, которые говорятъ по-французски, хотя бы то были даже молокососы; въ карты играть, но насчетъ рукъ и такъ даже—ни-ни! За сямъ, вѣтряя себя и свое семейство нашему неоставленію, прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи уважающаго васъ

Филиппа Вертякина.

«PS. Милостивой государынь Настасья Ивановна отъ меня, отъ жены и отъ всѣхъ дѣтей низайшее почтеніе.

«NB. Еще любить Г., чтобъ его называли «вашимъ превосходительствомъ». Чуть не забылъ».

— Однако, это скверно! — говоритъ статскій совѣтникъ Фуряевъ, прочитавши письмо. — Что бы такое значило: «насчетъ рукъ ни-ни»? Вѣдь это выходитъ, что онъ... ни-ни!

Семень Семенычъ въ волненіи ходитъ по комнатѣ и, наконецъ, кричитъ въ дверь:

— Настасья Ивановна! Настасья Ивановна!

Входитъ Настасья Ивановна, облаченная въ глубокій недлиже.

Глаза ея нѣсколько опухли и вообще выраженіе лица сердито, потому что она только что часомъ-другой соснула. Семень Семенычъ посмотрѣлъ на ея взятое лицо и съ досадою плюнулъ.

— Опять ты спала! — сказать онъ, глядя на нее съ глубокимъ омерзѣніемъ. — Хоть бы ты въ зеркало, сударыня, посмотрѣла, на что ты сдѣлалась похожа! И откуда только сонъ у тебя берется!

— Если вы только за тѣмъ меня позвали, чтобъ ругаться, такъ напрасно трудилась!

Настасья Ивановна хочетъ удалиться.

— Да постой, постой же, сударыня! Получилъ я сегодня письмо... ъдетъ къ намъ ревизоръ... и, какъ видно, неблагонамѣренный... потому что тово... ли-ни...

Семень Семенычъ топчется на мѣстѣ и не знаетъ, какъ выразиться. Онъ убѣжденъ, что ревизоръ человекъ неблагонамѣренный, но почему-то не умѣетъ сформулировать оснований, на которыхъ зиждется это убѣжденіе.

— Такъ вы тово... поприодѣвайтесь немного! — продолжаетъ онъ, совѣмъ слутавшись.

— Вотъ какъ вы испугались, что ужъ и Богъ знаетъ что говорите! — замѣчаетъ Настасья Ивановна, читая письмо Вертявкина. — Точно ужъ и прѣхалъ вашъ ревизоръ! Однако, я по всему вижу, что онъ долженъ быть очень милый человекъ, этотъ ревизоръ, потому что любить дамское общество...

— Да, только не наше съ вами... Эй, человекъ, лошадь!

Семенъ Семеновичъ отправляется къ генералу Голубовичу и застаётъ его въ большомъ безпокойствѣ. До свѣдѣнія его превосходительства дошло, что одинъ изъ важнѣйшихъ въ городѣ чиновниковъ, будучи на собственномъ своемъ сговорѣ, происходившемъ по случаю предстоящаго бракосочетанія его съ дочерью потомственного гражданина Хрептугина, внезапно вскочилъ изъ-за стола и началъ бить стекла въ окнахъ бѣломраморнаго зала нареченнаго тестя.

— Ты это что, ваше высокобродіе, дѣлаешь? — спросилъ его изумленный хозяинъ. — «А вотъ я такимъ манеромъ всѣхъ противляющихся мнѣ сокрушаю!» — отвѣчалъ женихъ, и съ этими словами вышелъ изъ дома.

Встрекоченный генералъ большими шагами ходитъ по комнатѣ. Онъ справедливо разсуждаетъ, что если выше савонники, эти, такъ сказать, административные дупельшпены, въ порывахъ горячности допускаютъ себя до подобнаго малодушества, то какимъ же образомъ должны поступать зуйки, поручейники, кулички и прочая мелкая болотная дичь?

— А мы еще какъ радовались за Павла Тимоѣича, что они такую прекрасную партію дѣлаютъ! — замѣчаетъ стоящій въ углу маленький чиновничекъ, занимающій должность довѣреннаго лица при особѣ его превосходительства.

— Что-жь, пьянъ, что ли онъ былъ?

— Должно-быть, не безъ того-съ, ваше превосходительство; они, смѣю вамъ доложить, довольно-таки этому привержены... только все больше въ одиночествѣ занимаютъ-съ и веяютъ себя въ этихъ случаяхъ запырять... Ну, а тутъ и при народѣ случилось...

Генералъ продолжаетъ ходить и волноваться.

— И еще случай есть, ваше превосходительство, — робко говорить чиновникъ.

— Ну, что тамъ еще?

— Въ Песчанолѣсьѣ стряпчій съ городничимъ-съ... тоже на именинахъ дѣло было-съ...

— Нельзя ли докладывать скорѣе, безъ мазанья!

— И стряпчий городничему животь укусили-сь! — оканчиваетъ скороговоркой чиновникъ.

— Господинъ Фурначевъ прѣѣхали, — докладываетъ лакей.

— Ну, этого зачѣмъ еще чортъ принесъ! — восклицаетъ взволнованный генералъ. — Просить!

Семень Семенычъ входитъ и улыбается. Съ одной стороны, онъ очень радъ видѣть его превосходительство въ добромъ здоровьи; съ другой стороны — ему весьма при-скорбно, что имѣеть сообщить извѣстiе, котораго послѣд-ствiй никто, даже самый провицательный человекъ, пред-угадать не въ силахъ.

— Да что же такое? Неужто еще кто-нибудь подрался? — спрашиваетъ генералъ.

— Никакъ нѣтъ-сь, ваше превосходительство, но наша губернiя... впрочемъ, можетъ-быть, это и къ лучшему-сь...

— Да говорите же! Что вы душу-то мнѣ тянете!

— Ревизоръ, ваше превосходительство, ревизоръ къ намъ въ скоромъ времени прибыть долженъ!

При словѣ «ревизоръ» съ генераломъ едва не дѣлается дурно.

— Кто сказалъ «ревизоръ»? какой ревизоръ? откуда ревизоръ? — спрашиваетъ онъ, вдругъ весь вслыхнувъ и уже застегивая машинально пальто на все луговицы.

— Успокойтесь, ваше превосходительство, — продолжаетъ Семень Семенычъ: — ревизоръ, сказываютъ, охотникъ больше до дамскаго общества...

— Гм!.. отъ кого же вы получили это извѣстiе?

— Есть въ Петербургѣ одинъ благодѣтельствованный мною столоначальникъ-сь...

— Это неприятно! это тѣмъ болѣе неприятно, что тутъ же разомъ случилась двѣ пасквильныя исторiи... Скажите, пожалуйста, вы были у Хрептугина въ то время; какъ Павелъ Тимоеичъ стекла билъ?

— Какъ же-сь, я былъ въ числѣ приглашенныхъ...

— Что же такое съ нимъ сдѣлалось? Вотъ чего я понять не могу!

— Съ Павломъ Тимоеичемъ это вѣрѣю бываетъ, ваше превосходительство, только онъ до сихъ поръ умѣлъ это скрыть-сь. Сидѣли мы цѣлый вечеръ, и все какъ будто ничего; и онъ тоже тутъ былъ — ну, и тоже ничего-сь... Только за ужиномъ, — должно-быть, не приметрѣли за нимъ, — вотъ онъ сначала хереску-сь, потомъ мадерцу-сь,

да вдругъ и всталъ изъ-за стола: «Музыканты! комаринскую!» говоритъ. Я, видѣвши, что онъ ужъ внѣ себя, позвалъ Хрептугина и говорю ему: «Вѣдь Павла-то Тимоенча надобно убраться!» Не успѣвъ я это сказать, какъ ужъ и пошелъ по залѣ набать-съ... Впрочемъ, это еще, ваше превосходительство, уладится: Павелъ Тимоенчъ ужъ объяснился съ нареченымъ тестемъ...

— Ну, а слышали вы другую исторію—это еще почище будетъ: въ Песчанолѣсѣвъ стряпчій городничему животъ прокусилъ!

— Ахъ, страмъ какой!

— Расскажи-ка, братецъ, расскажи!—обращается генераль къ довѣренному чиновнику.—Нечего сказать, хорошъ сюрпризъ для ревизора будетъ!

— Были они,—начинаетъ чиновникъ:—на пмечинномъ вечерѣ; только и началъ стряпчій хвастаться: «Я, говоритъ, здѣсь все могу сдѣлать!» Ну, городничему это будто обидно показалось; онъ возьми да и ударь стряпчого по лицу: «что-то, молъ, ты противъ этого сдѣлаешь!» А стряпчій, какъ ростомъ противъ городничого не вышелъ, видѣвшись ему зубами въ животъ-съ...

— Ахъ, страмъ какой!—повторяетъ господинъ Фурначевъ.

— И вогъ, послѣ этого милости просимъ тутъ пользу какую-нибудь для края принести!—говоритъ генераль, разводя руками.

II.

Вѣсть объ ожидаемомъ прїездѣ ревизора мгновенно разнеслась по городу. У тѣхъ изъ чиновниковъ, у которыхъ всякое душевное волненіе выражается трясеніемъ поджилочекъ, таковое совершилось благополучно. Городъ оживился, но это оживленіе было какое-то бездушное, похожее на ту суету, которая начинается во всякомъ губернскомъ городѣ съ утра каждаго высокаторжественнаго праздника и продолжается ни болѣе, ни менѣе, какъ до извѣстнаго, судьбой опредѣленнаго срока. Петръ Борисычъ Лепехинъ, охотникъ пограть въ двухкопеечный преферансъ, внезапно вспомнилъ, что высшее начальство непоощрительно смотритъ на такое невнятное препровожденіе времени и призадумался. Онъ почелъ долгомъ немедленно справиться объ этомъ въ Сводѣ Законовъ, и хотя ничего похожаго на угрозу тамъ не нашеть, но на всякій случай, пришедши

вечеромъ въ клубъ, не только самъ не торопился составить партію, но даже отказался наотрѣвъ отъ карточки, которую предлагалъ ему Порфирій Петровичъ.

Федоръ Герасимычъ Крестовоздвиженскій, пришедши въ присутствіе, потребовалъ немедленно къ себѣ какія-то четыре дѣла («знаете: тѣ дѣла, по которымъ...») и, обнюхавши ихъ, вдругъ пришелъ въ восторженность, замахалъ руками и закричалъ: «Завтра же! сегодня же! катать ихъ! подь судъ ихъ!»

Иванъ Павлычъ Вологжанинъ неумоимо началъ разбѣгать по всемъ знакомымъ и собирать полезныя свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ крутогорскихъ обывателей, дабы, въ случаѣ надобности, приоднѣсть этотъ букетъ господину ревизору и трезъ то заявить свою дѣятельность и преданность.

Въ будку, которая съ самой постройки своей никогда не видала будочника и оставлена была безъ стеколъ, поставили перваго и вставили послѣднія.

Пожарныхъ лошадей выкормили, какъ индѣекъ Ивана Ивановича *).

Словомъ, всякій готовился къ принятію ревизора по-своему. Только частный приставъ Рогуля оказалъ при этомъ твердость духа, достойную лучшей участи. Когда ему сказали, что будетъ, дескать, ревизоръ, и не мѣшало бы, по этому случаю, побольше бодрствовать и поменьше спать, то онъ только поковыргалъ въ носу, испилъ квасу, до котораго былъ большой охотникъ, и молвилъ:

— Знаемъ мы этихъ ревизоровъ! Не первый годъ на свѣтѣ живемъ!

Но самая хлопотливая и трудная часть дѣятельности выпала на долю генеральши Голубовицкой. Она кстати вспомнила, что бѣдные города Крутогорска что-то давно не получали никакого пособія, и что такое благодѣтельное дѣло всего приличнѣе могло быть устроено въ глазахъ ревизора. Поэтому на совѣтѣ, составленномъ изъ лицъ приближенныхъ и извѣстныхъ своею преданностью, было рѣшено: немедленно устроить благородный спектакль, а если окажется возможнымъ, то и живыя картины.

— Помните, Дарья Михайловна, какія же могутъ быть у насъ живыя картины? Вы посмотрите на нашихъ дамъ!—

*) См. «Вечера на хуторѣ» Гоголя: «Иванъ Федоровичъ Шпонька» и т. д.

возражаетъ старинный нашъ знакомый, Леонидъ Сергѣичъ Разбитной *).

Но Дарья Михайловна, которая имѣетъ весьма развитой стаяъ и вообще удачно сложена, настаиваетъ на необходимости живыхъ картинъ. Выборъ останавливается на четырехъ картинахъ: «Рахиль, утоляющая жажду Иакова», «Любимая одалиска», «Молодой грекъ съ ружьемъ», «Донъ-Жуанъ и Гайдѣ».

— Я могу взять на себя фигуру Иакова!—говоритъ молодой товарищъ предѣдателя уголовной палаты, Семіоновичъ, и поспѣшно прибавляетъ:—А если угодно, то и Донъ-Жуана...

Дарья Михайловна въ недоумѣніи. Семіоновичъ, безъ сомнѣнія, очень достойный молодой человекъ и отлично знаетъ уголовные законы, но, во-первыхъ, онъ имѣетъ привычку постоянно издавать носомъ какой-то непріятный свистъ, а во-вторыхъ, и фигура у него какая-то странная, угловатая... очень будетъ нехорошо! Дарья Михайловнѣ хотѣлось бы отдать эти двѣ фигуры учителю гимназіи Линкину, который имѣетъ и всѣ лужныя для того качества и къ которому она чувствуетъ родъ тихой дружбы.

— Вы, мсье Семіоновичъ, будете слишкомъ утомлены спектаклемъ,—говорила она.

— Это ничего,—отвѣчалъ Семіоновичъ.—я работаю скоро и легко...

— Ну, Гайдѣ, Одалиска и Рахиль—объ этихъ фигурахъ нечего и говорить!—вступается кругленькій помѣщикъ Загржембовичъ:—эти фигуры по праву принадлежать Дарьѣ Михайловнѣ; но кому отдать Ламбро?

— Архивариусу губернскаго правленія!—предлагаетъ Разбитной.

— Вы всегда съ вашими шутками, мсье Разбитной!—говоритъ Дарья Михайловна.—Messieurs, кто желаетъ взять на себя Ламбро?

— Я бы охотно ее взялъ,—вступается Семіоновичъ:—но у меня Донъ-Жуанъ!

— Такъ вы Донъ-Жуана уступите... хоть мсье Линкину!

— Признаюсь вамъ, для меня положеніе Донъ-Жуана боже симпатично... тутъ есть страсть, есть жизнь.

*) О Разбитномъ можно справиться въ «Губернскихъ очеркахъ», ч. 3-я: *Простителли*.

— Зато Ламбро может одѣться въ красный плащъ, — замѣчаетъ весьма основательно Разбитной: — и тутъ можетъ быть великолѣпное *effet de lumière*.

— Итакъ, Донъ-Жуанъ — мсье Линкинъ, Ламбро — мсье Семіоновичъ, — говоритъ Загржембовичъ: — но здѣсь возникаетъ вопросъ, на счетъ какихъ суммъ сдѣлать костюмъ для Донъ-Жуана, потому что мсье Линкинъ не имѣетъ даже достаточно бѣлья, чтобы ежедневно пользоваться чистою рубашкою?

— Можно какъ-нибудь изъ благотворительныхъ суммъ, — отвѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Да вѣстакъ бы ужъ и рубашку ему чистую сшить, — прибавляетъ Разбитной, которому досадно, что Донъ-Жуанъ будетъ не онъ, а Линкинъ.

— Вы опять съ вашими шутками! — сухо замѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Ну-съ, хорошо-съ; эта статья устроена; теперь кто же будетъ «Молодой грекъ съ ружьемъ»?

Молодого грека должна взять на себя особа женскаго пола — это несомнѣнно; ружье можно достать изъ гарнизоннаго батальона — съ этой стороны тоже нѣтъ препятствія. Но кто же изъ крутогорскихъ дамъ согласится изобразить фигуру, которая, въ нѣкоторомъ смыслѣ, дѣлаетъ ущербъ общественной нравственности? Первое благо, которымъ долженъ обладать Молодой грекъ, заключается въ большомъ и остромъ носѣ — кто изъ дамъ таковымъ обладаетъ? Судили-судили, и наконецъ гласъ народный указалъ на коллежскую ассесорну Катерину Осиповну Немолковскую, которая, имѣя точъ въ точъ требуемый носъ, охотно согласится облачиться и въ противоестественный мужской костюмъ. Постановлено: отправить завтрашній день къ Катеринѣ Осиповнѣ депутацию и усерднѣе просить ее пожертвовать собою на пользу общую.

— Стало-быть, живыя картины улажены... Что же касается до спектакля, *messieurs*, — говоритъ Дарья Михайловна: — то онъ будетъ составленъ изъ слѣдующихъ пьесъ:

ВЪ ЛЮДЯХЪ АНГЕЛЪ НЕ ЖЕНА,

ДОМА СЪ МУЖЕМЪ САТАНА.

КОМЕДИЯ ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

дѣйствующія лица:

Г. Славскій . . . Мечиславъ Владиславовичъ Семіоновичъ.
Г-жа Славская . . . Аглая Алексѣевна Размацовская.

Г-жа Грешнина	Анфиса Петровна Луковицкая.
Г-жа Небосклонова	Анна Семеновна Симасъ.
Размазия	Федоръ Федоровичъ Шомполовъ (самородный комикъ, процвѣтающій въ палатѣ государственныхъ имуществъ въ должности помощника чего-то или кого-то).
Прыдинъ	Леонидъ Сергѣевичъ Разбитной.
Лакей 1-й	Инспекторъ губернскаго правленія Стуколкивъ.
Лакей 2-й	

ЧИНОВНИКЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ 1-МЪ ДѢЙСТВІИ.

дѣйствующія лица:

Княгиня	Дарья Михайловна Голубовицкая.
Полковникъ	Леонидъ Сергѣевичъ Разбитной.
Мисхоринъ	Семенъ Семеновичъ Лякинъ.
Надимовъ	Мечеславъ Владиславовичъ Семіоновичъ.
Дробининъ	Федоръ Федоровичъ Шомполовъ.

— Кажется, messieurs, такимъ образомъ, будетъ хорошо?—прибавляетъ Дарья Михайловна, прочитавъ списокъ ролей.

Всѣ находятъ, что отлично.

— Теперь, господа,—вступается Семіоновичъ:—необходимо выбрать намъ режиссера.. Я предлагаю возложить эту обязанность на Алонзія Целестинича Загржембовича.

— Аксіосъ!—возглашаютъ преданные.

Алонзій Целестиничъ кланяется и благодарить за довѣріе. Онъ даетъ слово, что употребитъ всѣ усилія, чтобы оправдать столь лестное порученіе.

— Алонзій Целестиничъ!—говоритъ Разбитной:—вы не забудьте, что для Шомполова необходимо, чтобы на репетиціяхъ былъ ерофенчъ и колбаса.

Всѣ берутся за шляпы и намѣреваются разойтись.

— Господа! господа, — возглашаетъ Загржембовичъ:—какъ режиссеръ, я долженъ васъ остановить, потому что не рѣшилъ еще одинъ важный пунктъ: кто будетъ суфлеромъ?

— Мамаса! — говорятъ старшій сыночекъ Дарьи Михайловны:—я хочу быть суфлеромъ.

— Нѣтъ, душечка, ты будешь казачкомъ.

— Я узъ бый казачкомъ, я хочу быть суфлеромъ!

— Ну, полно, душечка, ты будешь шоколадъ подавать!

— Я, господа, предлагаю выбрать суфлера изъ учени-

ковъ гимназій: имъ часто приходится суфлировать другъ другу!

— Великолепная мысль! вы золотой человекъ, Алонзій Целестиничъ!

— *L'incident est vidé!*—воскликнуть Разбитной.

Всѣ уходятъ, и Семіоновичъ, заранѣе предвкушая доставшуюся ему роль и некрививши судорожно ротъ, декламируетъ на лѣстницѣ: «И къ горю моего званія, я долженъ сказать, что я и обижаться не въ правѣ, пока у насъ будутъ взяточники». Въ швейцарской онъ уже полонъ негодованія. «Надо крикнуть на всю Россію, — превозглашаетъ онъ: — что пришла пора, и она дѣйствительно пришла, — искоренить зло съ корнями», — и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ рукою жестъ, какъ будто дѣйствительно копаются ею въ землѣ.

По всему видно, что Семіоновичу припала въ очень кетаті роль Надимова. Онъ человекъ молодой и горячій, и потому надѣется помѣстить въ этой роли, какъ въ ломбартѣ, весь внутренній жаръ, безпредметно напывшій въ его груди.

Что касается до Разбитного, то онъ хотя тоже не совсемъ равнодушенъ къ ожидающимъ его впередъ спенненскимъ тревогамъ, но выражаетъ свои чувства нѣсколько иначе, а именно: на каждой площадкѣ лѣстницы производить по одному въ высшей степени козлообразному алтруану и отправляется откупать рюмку водки къ доброй знакомой своей, Вѣрѣ Готлибовнѣ Проимной.

III.

Наступилъ, наконецъ, и день первой репетиціи. Въ провинціи благородные спектакли всегда составляютъ эпоху и на долгое время оставляютъ за собою отрадные воспоминанія. Особенно любятъ ихъ дамы, для которыхъ эпоха спектакля какъ-то фаталистически совпадаетъ съ порою возрожденія и любви. Статистическія изслѣдованія съ послѣднею очевидностію доказываютъ, что потребность въ благородныхъ спектакляхъ обнаруживается преимущественно послѣ десятиго декабря, то-есть въ то время, когда солнце, какъ извѣстно, поворачивается на лѣво. Хотя на дворѣ и гвоздять еще крещенскіе морозы, но въ теплыхъ гостиныхъ уже чувствуются запахи весны: появляются цвѣточки на окнахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ раецвѣтать и сердца. И вотъ, мало-по-малу, въ четырехъ законченныхъ стѣнахъ провинціального театра полагается первоначальная завѣска той интимной, крохотной драмы, которая потомъ

нечерпываетъ собою весь провинціальный карнавалъ. Сценическое искусство служить здѣсь только предлогомъ или, лучше сказать, кулисами, за которыми развиваются домашнія интриги, устраиваются свиданія, разыгрываются сцены ревности и т. д. Съ одной стороны, мечутся въ глаза, лица совершенно счастливыя и довольныя; съ другой, печально выступаютъ впередъ ипохондрики, страдающія завистью и злобой при взглядѣ на чужое счастье; съ одной стороны, слышится тотъ мягкій, какъ будто дѣтскій смѣхъ, который самое счастье озаряетъ еще новымъ и болѣе яркимъ свѣтомъ, и рядомъ съ нимъ раздаются болѣзненные вздохи, сосредоточенно вылетающіе изъ груди какаго-нибудь отвергнутаго трезора. Здѣсь же, какъ будто бы для того, чтобы лучше отбѣнить картину, явится передъ вами какой-нибудь Шомполовъ, который смотритъ на предстоящій спектакль, какъ на подвигъ всей своей жизни, и добродушная физиономія режиссера, который обыкновенно избирается изъ такъ-называемыхъ «мышинныхъ жеребчиковъ», обладающихъ любовнымъ жаромъ въ самой умѣренной степени, и потому способныхъ сохранить постоянный нейтралитетъ. Иногда картина разнообразится наѣздомъ слишкомъ ревнивыхъ мужей, желающихъ собственными глазами удостовѣриться, въ какомъ положеніи находится супружеская вѣрность; но и это какъ-то не огорчаетъ, а, напротивъ того, умиляетъ, потому что если ужъ признавать силу солнечнаго поворота на лѣто, то это признаніе должно быть равносильно и для мужей, и для женъ. Впрочемъ, наѣзды подобнаго рода весьма рѣдки, потому что провинціальные мужья — народъ вообще добродушный и, при объявленіи имъ о нарядѣ ихъ женъ для предстоящаго спектакля, высказываютъ досаду свою отрывисто и невинно головой: «Ну, пошла плыль въ ходъ! — говорятъ они. — Семь безъ козырей! Порфирій Петровичъ — вы что?»

Часы бьютъ семь, и Шомполовъ достаточно ужъ увидалъ свои внутренности изъ графинчика, содержащаго въ себѣ настойку, известную подъ именемъ ерофеича. Онъ ходитъ по сценѣ и груститъ, что случается съ нимъ всегда, когда Ершкя-малыръ намалюетъ баканомъ на лицѣ его итальянскій пейзажъ съ надписью: «изверженіе Везувія». Отъ нечего-дѣлать, онъ обращается къ сторожу.

— Меня, братъ Михенчъ, здѣсь понимать не могутъ! — говоритъ онъ уныло. — Здѣсь и люди-то, братъ, не люди, а такъ, какія-то сирены, только навыворотъ: хвостъ человѣ-

ций, а стань рыбой... Ну, скажи ты самъ: какой же я конишь: и сложеніе, и голосъ—все во мнѣ трагическое... Тутъ пахнетъ убійствомъ, братъ, злодѣянiями—вотъ что!

Михенчъ слушаетъ и искоса поглядываетъ на водку.

— Что, видно, водочки захотѣлось? Ну, выпьемъ, братъ, выпьемъ... я добрый!... Намеднишь вотъ заставили меня Падчерница на играть... теперь Дробинкина! А Надимова небось не дали, а дали его Семіоновичу—онъ, дескать, товарищъ председателя! Гдѣ-жъ тутъ справедливость, Михенчъ? ну, какой я Падчерница!

— Мое, сударь, дѣло заваявъ опустить, или вотъ садъ на мѣсто оставить,—отвѣчаетъ Михенчъ.

— Что-жъ это, наконецъ, будетъ! вѣдь я, наконецъ, къ публикѣ прибѣгну!.. я актеръ, я настоящій актеръ!.. Такъ вотъ кѣмъ же, Михенчъ! не могу, братъ, я къ публикѣ прибѣгнуть, руки у меня связаны: жена, братъ, шестеро дѣтей! Откажись я играть, такъ завтра и отъ должности, пожалуй, отрѣшатъ... Вотъ что горько-то!

Входятъ Загржембовичъ и Разбитной. Последний въ весьма прiятномъ расположенiи духа, скачетъ влругъ обѣими ногами на лѣстницу и мурлыкаетъ куплеты изъ роли Приндика.

— Алоизій Целестиничъ! — обращается Шомполовъ къ Загржембовичу: — вы справедливый человекъ! За что они меня обидѣли? За что мнѣ Размазю дали, а Надимова отдали Семіоновичу?

— Вы пьяны, Шомполовъ,—замѣчаетъ Разбитной, живописно раскидываясь на диванѣ.

— Нѣтъ, я не пьянъ, Леонидъ Сергѣичъ! Я выпилъ, потому что обижень, а я не пьянъ! Нѣтъ, я далеко не пьянъ... Я хочу сказать, что я актеръ, настоящій актеръ, а не затычка!

— Ха-ха! «Затычка»! Нѣтъ, это неподобно: mais vous êtes imrayable, mon cher Chompoloff!

— Кто меня затычкой зоветъ? — кричитъ Шомполовъ, уже забывъ, что онъ самъ наградилъ себя этимъ прозвищемъ.—Кто надо мною смѣяться смѣетъ?

— Ха-ха! imrayable! imrayable!

— Кто меня затычкой зоветъ? — продолжаетъ Шомполовъ.—Не хочу я играть Размазю... Я Гамлетъ, я Чацкiй, я Надимовъ, а не Размазня!

Прiѣзды Дарьи Михайловны и Анганды Алексѣевны Размазовской полагаютъ конецъ спору.

— Ah, vous voilà messieurs! — говорит Дарья Михайловна и вмѣстѣ съ тѣмъ ищетъ чего-то глазами.

— Мсье Линкина еще нѣтъ! — въ упоръ отвѣчаетъ Разбитной, и отвѣчаетъ съ ехидствомъ, потому что между ними и Линкинымъ есть яблоко раздора, и это яблоко — сама Дарья Михайловна.

Разбитной вообще считается «*l'enfant chéri des dames*», и потому очень оскорбляется, если кто-нибудь осмѣливается предпочитать ему другого.

— Мсье Разбитной! вы должны сегодняшній вечеръ занимать меня — это такъ слѣдуетъ по пьесѣ! — говоритъ Аглаида Алексѣевна, садясь вондѣ Разбитного.

— Вотъ Шомполовъ говоритъ, что ему водки не даютъ! — начинаетъ «занимать» Разбитной.

— Фи, мсье Шомполовъ, вы опять съ вашею противною водкой! Какъ это вы ее пьете!

— Помилуйте, Леонидъ Сергѣичъ, когда же я жаловался?

— Все равно; по вашему лицу видно, что вы грустите.

— А знаете что, мсье Разбитной, — прерываетъ Аглаида Алексѣевна: — я одинъ разъ — разумѣется, украдкой отъ ма-шан — попробовала выиить этой гадкой водки... и если бы вы знали, что со мной было!.. Вы, впрочемъ, не проболтайте... это секретъ!

Входятъ Катерина Осиповна Немолковская (она же и Грекъ съ ружьемъ), сопровождаемая Линкинымъ.

— Вы всегда опаздываете, мсье Линкинъ, — сухо замѣчаетъ Дарья Михайловна.

Но Линкинъ въ ту же минуту пристраивается къ Дарьѣ Михайловнѣ, и лицо ея روشنѣется.

— Начинать, господа, начинать! — кричитъ Загрембо-вичъ, хлопая въ ладоши.

— Господа! у насъ въ палатѣ сегодня вечернее засѣданіе было! извините, что опоздали! — кричитъ Семіоновичъ, влетая сломя голову.

Приѣзжаетъ и Анфиса Петровна Луковница съ дочерью своею, по мужу Симасъ, дамою, обладающею лицомъ аква-мариноваго цвѣта. Прибытіе ихъ проходить, однакожъ, незамѣченныя.

На сцену выступаетъ Аглаида Алексѣевна и ужасно махаетъ руками, желая показать этимъ, что она обрываетъ звонки.

Разбитной, пользуясь этимъ случаемъ, въ одно мгновеніе

ока направляется въ тотъ темный уголокъ, въ которомъ расположилась Дарья Михайловна съ Линкинымъ.

— Сердце женщины—это цѣлая бездна! Вы страшный человекъ, Линкинъ: вы хотите постигнуть то, что само себя иногда постигнуть не въ состоянн!—точно говоритъ Дарья Михайловна.

Линкинъ слушаетъ молча; онъ знаетъ, что Дарья Михайловна любитъ не только поговорить, но даже насладиться звуками своего собственнаго голоса, и потому не смѣетъ прерывать очаровательницу.

— Читали ли вы Гётевы «Wahlverwandtschaften»?—продолжаетъ Дарья Михайловна.

— Читаль-съ.

— Помните ли вы ту минуту, когда Шарлоттѣ дѣлается вдругъ такъ совѣстно?.. Ну, я ручаюсь, что вы не поняли этого.

— Я признаюсь, не замѣтилъ этого мѣста.

— И не удивительно, что вы не замѣтили. Такую тонкую, почти неуловимую черту можетъ понять только женщина.. Сегодня, кажется, вечеръ у Балтазаровыхъ?—продолжаетъ Дарья Михайловна, замѣтивъ приближеніе Разбитнаго.

— Кажется,—отвѣчаетъ Линкинъ.

— Вы съ ними знакомы?

— Нѣтъ.

Разбитной, хотя и достигъ своей цѣли, прервавъ интимный разговоръ, но чувствуетъ себя самого внезапно поглупѣвшимъ и не находитъ въ головѣ ни одного путнаго слова. Онъ топчется на одномъ мѣстѣ, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ, нѣсколько разъ сряду развѣваетъ ротъ, чтобы сказать что-нибудь острое, и не можетъ.

— Вамъ, кажется, начинать скоро, Дарья Михайловна,—говоритъ онъ, наконецъ, не безъ усилій.

Въ эту минуту на сценѣ раздается потрясающій вопль. Оказывается, что Шомполовъ уцѣпнулъ очень больно мадамъ Симіасъ.

— Господа! къ сожалѣнію, репетиція не можетъ продолжаться!—возглашаетъ Загржемовичъ:—мосѣ Шомполовъ не совѣмъ здоровъ.

— Кто нездоровъ? Какъ нездоровъ?—вступается Шомполовъ.—Она меня оскорбила! Она сказала мнѣ, что я пьян!

— Господа! репетиція кончилась!

IV.

Между тѣмъ статскій совѣтникъ Голынецъ уже приближался къ Крутогорску. Вхалъ онъ довольно медленно, потому что на всякой станціи собиралъ подъ рукою, отъ станціонныхъ писарей и ямщиковъ, свѣдѣнія о генералѣ Годубовицкомъ. Свѣдѣнія оказывались, впрочемъ, весьма удовлетворительныя.

— Извѣстно, генераль-съ! — отвѣчали писаря въ одно слово, будто сговорившись. — На то они и начальники, чтобъ выискивать!

«Гм!.. стало-быть, строгъ и распорядителенъ — это хорошо!» — подумалъ Голынецъ.

— Шибко ужъ очень вѣдать, — отвѣчали, въ свою очередь, ямщики.

«Гм!.. стало-быть, дѣятеленъ. — это похвально!» — зарубилъ себѣ на носъ Голынецъ.

Наконецъ, декабря 20-го числа 18** года, въ восемь часовъ полудни, возокъ Максима Федорыча вѣхалъ въ Крутогорскъ. На заставѣ встрѣтилъ полицеймейстеръ.

— Ва... вашему пре-е-восходительству...

— Вы, должно-быть, озябли? — прервалъ Максимъ Федорычъ, видя, что полицеймейстеръ, вмѣсто того, чтобъ рапортовать, только щелкаетъ зубами. — Вы можете простудиться, мой любезный!

Возокъ помчался на отводную квартиру, а полицеймейстеръ съ своей стороны поспѣшилъ доложить генералу, что Максимъ Федорычъ не человекъ, а ангелъ.

Максимъ Федорычъ, пріѣхавъ на квартиру, спросилъ самоваръ и позвалъ къ себѣ хозяина, потому что и тутъ, несмотря на утомленіе, первую его мыслью было не спать лечь, а, напротивъ того, узнать что-нибудь подъ рукою. Вообще, онъ понималъ свою обязанность весьма серьезно и зналъ, что осторожность въ полицейскомъ чиновникѣ есть мать всѣхъ добродѣтелей. Хозяинъ явился въ кругломъ фракѣ и оказался весьма милымъ негодяикомъ, чему Голынецъ очень пріятно изумился и выразилъ при этомъ надежду, что и въ прочихъ городахъ Россіи со временемъ купцы послѣдуютъ примѣру этихъ aimables Kroutogoriens.

— Ну, скажите, что вашъ добрый генераль? — началъ испытывать Максимъ Федорычъ стороною.

— Слава Богу-съ, ваше превосходительство!

«Ваше превосходительство», подѣйствовало на Максима Федорыча успокоительно.

«Mais ils sont très bien élevés ici!» — подумалъ онъ и вслухъ прибавилъ:

— Да, да! онъ у васъ такой дѣятельный!

— Попеченіе большое имѣютъ, ваше превосходительство!

— Ну, и генеральша тоже, она вѣдь милая?

— Дарья Михайловна-съ?.. Смѣю доложить вашему превосходительству, что такихъ дамъ по нашему мѣсту-съ... наше мѣсто, сами изволите знать какое, ваше превосходительство!

— Гм!.. это хорошо! Ну, и веселятся у васъ: бывають собранія, театры, балы?

— Какъ же-съ, ваше превосходительство, благороднымъ манеромъ тоже собираются-съ... въ карты поиграть-съ, или въ клубъ-съ... все больше Дарья Михайловна попеченіе имѣютъ...

— Это хорошо! Я такъ скажу, что это одинъ изъ главныхъ рычаговъ администраціи, чтобъ всѣмъ было весело! Если всѣмъ весело, значитъ всѣ довольны—это ясно, какъ дважды-два! Къ сожалѣнію, не всѣ администраторы обращаютъ на этотъ предметъ должное вниманіе!

— Ужь, что же хорошаго будетъ, ваше превосходительство, какъ всѣ, насупившись, по угламъ сидѣть будутъ.

— Ну, да, ну, да, очень радъ, очень радъ познакомиться съ такимъ милымъ и образованнымъ негодяемъ.

Максимъ Федорычъ замѣтилъ, однако, что ужъ довольно поздно, и потому рѣшился отдохнуть. Но прежде чѣмъ отойти ко сну — до такой степени серьезенъ былъ его взглядъ на служебныя обязанности — онъ вынулъ свою записную книжку, въ которой уже были начертаны слова: «строгъ, но справедливъ», «дѣятеленъ, распорядителенъ», и собственноручно сдѣлалъ въ ней слѣдующую отмѣтку: «общегителенъ и заботится о соединеніи общества, въ чемъ не мало ему помогаетъ любезная его супруга, о которой существуютъ въ губерніи самыя лестныя отзывы».

V.

На другой день у генерала Голубовицкаго былъ обѣдъ. За обѣдомъ присутствовали: Змѣищевъ, Фурначевъ, Порфирьевъ, Крестовоздвиженскій и прочіе сильные міра; кушали также и нѣкоторые молодые люди, но исключительно изъ числа тѣхъ, отъ которыхъ ничѣмъ не пахнетъ, а

именно: Разбитной, Семеновичъ и Загржемовичъ. Изъ дамъ присутствовала одна хозяйка дома.

Еще наканунѣ Степанъ Степанычъ призвалъ къ себѣ повара и имѣлъ съ нимъ серьезное объясненіе.

— Завтра у меня гость обѣдать будетъ, ты пойми это! — сказалъ онъ повару.

— Это понять можно, ваше превосходительство; не въ первый разъ столы готовимъ!

— Ну, что же ты сдѣлаешь?

— Горячее супъ съ кнелью изготвить можно.

— Господи! просто, братецъ, воображенія у тебя никакого нѣтъ!..

— А то можно и уху сварить.

— Супъ съ кнелью да уха, только и словъ! Ну, чертъ съ тобой, дѣлай что хочешь!

Тѣмъ и кончилось совѣщаніе, но обѣдъ все-таки вышелъ хороший. Подавали супъ съ кнелью (поваръ поставилъ-таки на своемъ), на холодное котлеты и ветчину съ горошкомъ, на соусъ фрикасе изъ мозговъ и мелкой дичи, въ которую воткнуты были оловянные стрѣлы, потомъ пуншъ глянсе, на жаркое нидѣрку и въ заключеніе малиновое желе, въ видѣ развалинъ Колизея, внутри которыхъ горѣла стѣариновая свѣчка, производи весьма пріятный эффектъ для глазъ.

Максимъ Федорычъ, какъ дамскій поклонникъ, садится поближе къ Дарьѣ Михайловнѣ, и между ними завязывается очень живой разговоръ.

— И вы не скучаете? — спрашиваетъ Максимъ Федорычъ.

— Иногда... а впрочемъ, нѣтъ! Я такъ всегда занята, что некогда и подумать о скукѣ!

— Ахъ, да, я и забылъ, что у васъ есть дѣти... *chez petits anges! ils sont bien heureux d'avoir une mère comme vous, madame!*

— Mais... ouï! je les aime...

Дарья Михайловна тремлетъ старшаго сына по щелкѣ.

— Ей, Максимъ Федорычъ, скучать некогда: она даже и теперь устраиваетъ благородный спектакль, — отзывается съ другого конца генералъ, внимательно слѣдящій за всѣми движеніями Гольциева...

— *Vraiment? mais savez-vous, мнѣ ужасно покровительствуетъ счастье... я безъ ума отъ спектаклей, особенно отъ*

благородныхъ... и я васъ заранѣе предупреждаю, что вы найдете во мнѣ самаго строгаго критика.

— Мы такъ частенько здѣсь веселимся, — снова вступается генераль.

— Это хорошо! Удовольствія, а особливо невинныя... это, я вамъ скажу, даже полезно: это нравы очищаетъ, не даетъ, знаете, имъ зачерствѣть...

— Это несомнѣнно!

— А позволено ли будетъ узнать, si ce n'est pas une indiscretion toutefois, какія пьесы будутъ играть?

— «Чиншника», — отвѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Ah! c'est sérieux! c'est très sérieux! Только, я вамъ скажу, тутъ надо актеру... par ce que c'est très sérieux!

Дарья Михайловна рекомендуетъ Семіоновича.

— Вы, конечно, поняли эту роль? — спрашиваетъ его Максимъ Федорычъ. — Вы извините меня, что я дѣлаю такой вопросъ; дѣло въ томъ, что это вѣдь очень серьезно!

Семіоновичъ вертитъ головою въ знакъ согласія.

— Я видѣлъ въ этой роли первоклассныхъ нашихъ актеровъ, и признаюсь, не совсѣмъ удовлетворенъ ими. Нѣтъ, знаете, этого жару, этого негодованія... ну, и манеры не тѣ... Вы вѣдь вообразите, что Надимовъ старинный дворянинъ, que c'est un homme de bonne famille, и вдругъ этотъ человѣкъ рѣшился не только принести себя въ жертву отечеству, но и разорвать всякую связь съ «стариннымъ русскимъ развратомъ»... Mais il est presque révolutionnaire, cet homme!

— Я именно такъ и понялъ это, ваше превосходительство! — отвѣчаетъ Семіоновичъ.

— Да, тутъ надо много, очень много жару, чтобъ передать эту роль... О княгинѣ я не спрашиваю: эта роль по всѣмъ правамъ должна принадлежать вамъ, — обращается Голынецъ къ Дарьѣ Михайловнѣ.

— А еще будутъ играть комедію, гдѣ Аглицька звонки рветъ! — перебиваетъ старшій сынъ Голубовичихъ.

— А я буду сакалядъ подавать, — продолжаетъ младшій сынъ.

— «Сакалядъ», душечка? Oh, le charmant enfant!.. Я понимаю, что вы не должны, не можете скучать, Дарья Михайловна!

Дарья Михайловна треплетъ по щекамъ и младшаго сына.

— Мамаша, Сеничка хочетъ въ Аглицькинъ шоколадъ лѣску-насыпать, — докладываетъ старшій сынъ.

— Фя, душечка!

— Oh, le charmant enfant... quel âge a-t-il, madame?

— Sept ans.

— Mais savez-vous, madame, qu'il est très développé pour son âge? Тебѣ, душечка, куда хочется: въ военную или штатскую?

— Я хочу въ въясномъ мундирѣ ходить!

Всѣ смѣются и съ нѣжностью смотрятъ на маленькаго пичугу, который уже желаетъ краснаго мундира.

— Нынѣшнее молодое поколѣніе удивительно какъ быстро развивается! — замѣчаетъ Голынецъ. — Я увѣренъ, что Надимову всего какихъ-нибудь шестнадцать лѣтъ, въ то время, когда онъ вступаетъ на сцену... Notez bien cela, — прибавляетъ Голынецъ, обращаясь къ Семіоновичу.

— Извините меня, ваше превосходительство, — возражаетъ Семіоновичъ: — но Надимовъ передъ этимъ путешествовалъ, былъ на Нилѣ...

— Это такъ, но развѣ онъ не могъ путешествовать съ своими родителями или съ гувернеромъ?

— Путешествовать — такъ, но быть на Нилѣ — согласитесь сами, что это довольно трудно!

— Можетъ-быть, можетъ-быть... Au fond, vous êtes peut-être, dans le vrai... но, все-таки, вопросъ заключается въ томъ, что молодые люди нынче чрезвычайно какъ быстро развиваются... qu'en pensez-vous, madame?

— Mais... je pense que oui...

— Я, впрочемъ, отнюдь не противъ этого... Конечно, опытность, l'expérience n'est pas à dédaigner, et nous autres, vieux galopins, nous en savons quelque chose...

— Опытность великая вещь, ваше превосходительство, — замѣчаетъ генералъ, который во временамъ тоже не прочь преждевременно произвести Максима Федорыча въ слѣдующій чинъ.

Порфирій Петровичъ покрываетъ въ знакъ сочувствія.

— Я противъ этого не спорю, ваше превосходительство: есть вещи, противъ которыхъ нельзя спорить, потому что онѣ освящены исторіей... Но все-таки жаръ, энергія... все это такія вещи, которыхъ намъ съ вами недостаетъ... mais n'est-ce pas, madame?

Дарья Михайловна очень мило улыбается; присутствующіе также смѣются, и даже довольно шумно, но, тѣмъ не менше, благовопитанно и добродушно, какъ будто хотятъ

сказать генералу: «А что, попались, ваше превосходительство!» Генераль самъ признаетъ себя побѣжденнымъ и ставитъ себя въ уровень съ общимъ веселымъ настроеніемъ общества.

— Зачѣмъ же вы, однакожъ, себя включаете въ число стариковъ? — очень любезно замѣчаетъ Дарья Михайловна Голынцеву.

— Vous êtes bien aimable, madame, — отвѣчаетъ Максимъ Федорычъ: — но — увы! — я долженъ сознаться, что время мое прошло!

— Должно-быть, тоже изволили развиваться быстро? — шуточно замѣчаетъ генераль.

— А что вы думаете? Вѣдь это правда! Въ бывалые годы я тоже недурно проводить время... mais que voulez-vous! la jeunesse — c'est comme les vagues de l'océan: cela s'en va et ne se retourne plus!

Въ это время жале съ степенною свѣчкой отвлекаетъ общее вниманіе. Максимъ Федорычъ съ любопытствомъ слѣдитъ за блюдомъ, пока обносятъ имъ всѣхъ гостей, и въ заключеніе находитъ que c'est joli. Встаютъ изъ-за стола и отправляются въ гостиную, гдѣ опять возобновляется живой и интересный разговоръ.

— Я никакъ не ожидалъ, чтобъ въ такомъ отдаленномъ городкѣ можно было такъ пріятно проводить время... Vraiment! — замѣчаетъ Максимъ Федорычъ.

— Если бы вашему превосходительству угодно было удостоить меня посѣщеніемъ сегодня вечеромъ на чашку чаю... — говоритъ Порфирій Петровичъ, подходя къ Голынцеву и переминываясь съ ноги на ногу.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ... Вы меня извините, что я не былъ у васъ съ визитомъ...

— Помилуйте, ваше превосходительство!

И Порфирій Петровичъ, сдѣлавъ полуоборотъ на одномъ каблучкѣ, кашлянувъ и нѣсколько покрасивъ, удаляется.

— Et demain, nous allons en piquenique; j'espère, que vous en serez? — спрашиваетъ Дарья Михайловна.

— Madame, vous pouvez disposer de mon temps et de ma personne selon votre bon vouloir...

— Въ такомъ случаѣ, я сама за вами заѣду, — любезно продолжаетъ генеральша.

— Ah, madame! vous êtes d'une bonté!

Наконецъ, всѣ начинаютъ чувствовать нѣкоторое обремененіе желудка и мало-по-малу раскланиваются съ хо-

злевами. Голынецъ замѣчаетъ это и также спѣшитъ отретироваться.

Всѣ очень довольны.

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ!—говоритъ Порфирій Петровичъ, обращаясь къ Крестовоздвиженскому.

— Просто именно добрейшій человѣкъ, — отвѣчаетъ Крестовоздвиженскій и внезапно начинаетъ размахивать руками, какъ человѣкъ, который не въ состояніи овладѣть своими чувствами.

Семіоновичъ уходитъ, обдумывая замѣчанія Голынцева по поводу роли Надинова, и рѣшается принудить еще болѣе жару въ выраженіи того спасительнаго негодованія, которымъ проникнута эта роль. Леонидъ Сергѣевичъ Разбитной выражаетъ свое удовольствіе тѣмъ, что скачетъ съ одной ступеньки на другую обѣими ногами вдругъ, и на одной ступенькѣ говоритъ: «*pique*», а на другой: «*pique*».

VI.

На другой день, часу въ третьемъ пополудни, огромный поѣздъ останавливается передъ домомъ, въ которомъ имѣетъ резиденцію Максимъ Ѳеодорычъ. Впереди всего поѣзда ѣдетъ полицеймейстеръ на лихой тройкѣ, подобранной волосъ въ волосъ изъ числа пожарныхъ лошадей. За полицеймейстеромъ слѣдуютъ четверомѣстные сани, въ которыхъ обрѣтаются генераль и генеральша Голубовицкіе и двое дѣтей. Тутъ же садится и Максимъ Ѳеодорычъ.

Поѣздъ трогается; ямщикамъ приказано быть веселыми, вслѣдствіе чего они поютъ пѣсни и помахиваютъ кнутами. Максимъ Ѳеодорычъ замѣчаетъ, что такого рода загородный поѣздикъ, кромѣ того, что представляютъ много удовольствія, весьма полезны для здоровья.

— *Et regardez, comme c'est joli!* — обращается онъ къ Дарьѣ Михайловнѣ, указывая на длинную вереницу саней, растянувшуюся на поперекъ. — Какъ это напоминаетъ запыленныхъ путниковъ, которые спѣшаютъ на ночлегъ!

И дѣйствительно, картина очень милая, потому что день ясный, и лучи солнца, упадая на бѣлую снѣговую равнину, обливаютъ ее сверкающимъ, почти нестерпимымъ блескомъ; сани быстро скользятъ по едва пробитой дорогѣ, а прыгающія лошади, взрывающія копытами снѣгъ, одѣваютъ экипажи серебрянымъ облакомъ пыли, что также очень недурно.

— У насъ удивительно здоровый климатъ, — говоритъ

генераль:—повѣрите ли, ваше превосходительство, странно сказать, а даже въ простомъ народѣ никогда никакихъ бо-
льшей не происходить!

— Да? Стало-быть, состояніе народнаго здоровья можно назвать удовлетворительнымъ!

— Больше чѣмъ удовлетворительнымъ!

— Ну, а народная нравственность?

— Насчетъ народной нравственности тоже могу сказать, что довольно удовлетворительна... Конечно, бываютъ тамъ между ними... Ну, да это домашними средствами!

— Гм!.. это хорошо, это очень утѣшительно, что народная нравственность въ удовлетворительномъ состояніи... Потому что народъ, ваше превосходительство... это его, можно сказать, единственная забота, чтобъ быть нравственнымъ... Если ужъ и въ народѣ нѣтъ нравственности, что же такое будетъ?

— Это справедливо, ваше превосходительство... въ этомъ отношеніи, я могу сказать... я очень счастливъ... Народъ здѣсь очень нравствененъ! Одно только обстоятельство меня огорчаетъ; ябедниковъ здѣсь очень много.

— Д-да?

— Точно такъ-съ. Я, конечно, не сталъ бы жаловаться вамъ на это, если бы не имѣлъ удовольствія такъ близко познакомиться съ вами и не убѣдился вполне, что вы не заподозрите меня... Но теперь могу сказать прямо: да, ябедничество слишкомъ укоренилось здѣсь!

— Скажите пожалуйста!.. Но чѣмъ же вы объясните такое явленіе? Вѣроятно, оно откуда-нибудь занесено сюда, потому что не можетъ же быть, чтобъ здѣсь были какія-нибудь причины жаловаться... Вездѣ, гдѣ я былъ, нередко мной проходили все лица совершенно довольныя.

— Изъ Новгорода, Максимъ Федоричъ, изъ Новгорода... Повѣрите, что это все старая новгородская кляуза дѣйствуетъ!..

— Гм!.. стало-быть, здѣшній народъ стоитъ на довольно высокой степени развитія? — замѣчаетъ Голынецъ, вспоминая о Марѣ Посадницѣ.

— О, да! съ этой стороны я могу похвалить себя совершенно счастливымъ! Я могу сказать, что имѣю дѣло съ людьми развитыми, и если бы не ябедничество...

— Однакожъ, надо бы принять мѣры противъ распространенія этого зла, ваше превосходительство... Я, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать!

— Я, съ своей стороны, полагаю, ваше превосходительство, что для уничтоженія этого зла необходимо между народомъ распространить «истинное просвѣщеніе»...

— То-есть, какъ это истинное просвѣщеніе... грамотность, хотите вы сказать?

— О, итъ, упаси Боже! Грамотность-то именно и распространяеть у насъ ябедниковъ...

— Гм!.. да! я понимаю васъ! Вы хотите сказать, что если бы не было грамотныхъ, то некому было бы просьбы писать? Такъ, кажется?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— А что вы думаете: вѣдь въ этомъ много правды! Несомнѣнно, что тогда административная машинка упростилась бы чрезвычайно... Ну, и сокращеніе переписки... Однако, мнѣ весьма бы любопытно было знать, что вы разумѣете подъ «истиннымъ просвѣщеніемъ»?

Генералъ задумывается: онъ хочетъ выразиться какъ-нибудь аллегорически, упомянуть про невинность души, про доверчивость, про веселое и безгорестное выраженіе фисіономіи и другіе несомнѣнные признаки «истиннаго просвѣщенія», но такъ какъ въ ораторскомъ искусствѣ онъ никогда не имѣлъ случая упражняться (потому что и вообще въ Россіи искусство это находится въ младенествѣ), то весьма естественно, что мысли его путаются, и въ головѣ его поднимается такой сумбуръ, для приведенія котораго въ порядокъ необходимо было бы учредить цѣлое временное отдѣленіе съ тремя столами, изъ коихъ одинъ завѣдывать бы невинностью души, другой—доверчивостью и т. д. Дарья Михайловна замѣчаетъ это и снѣшнѣе выручить супруга своего изъ бѣды.

— Ah, messieurs, vous aurez encore tout le temps de causer affaire!—замѣчаетъ она, очаровательно улыбаясь.

— Это правда. Мы, ваше превосходительство, были очень неучтивы передъ Дарьей Михайловной! говоритъ Максимъ Федорычъ и потомъ снова прибавляетъ, указывая на поѣздъ: —Mais regardez, comme c'est joli!

Однако, виднѣется уже и цѣль поѣздки: одностаканный сѣренькій домикъ, въ которомъ устроено все нужное для пріятія гостей. Неподалеку отъ дома генеральскую тройку обгоняютъ сани, въ которыхъ сидятъ Загржембовичъ, Семіоновичъ и Разбитной, т. е. сокъ крутогорской молодежи. Разбитной возсѣдаетъ на облучкѣ, и въ то время, какъ тройка равняется съ санями Дарья Михайловны, онъ ста-

рается держать себя какъ можно лучше и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается смотрѣть по сторонамъ и разговариваетъ съ своими спутниками, чтобъ показать, что онъ лихой и все ему ни по чѣмъ.

Въ небольшой залѣ уже накрытъ столъ и батальонная музыка играетъ весьма усердно. Хотя это дѣло обыкновенное и вѣсьмъ давно извѣстно, что батальонъ, вмѣстѣ съ кузницей и швальной, непременно обладаетъ и полнымъ бальнымъ оркестромъ музыки, но Максимъ Федорычъ считаетъ долгомъ пріятно изумиться.

— Да у васъ тутъ цѣлый оркестръ! — говоритъ онъ Дарья Михайловичъ. — Mais... c'est très joli!

За обѣдомъ начинается тотъ же милый, летучій разговоръ, котораго образчики приведены въ предыдущей главѣ, съ тою разницею, что теперь онъ непринужденнѣе и вѣдѣстнѣе этого еще милѣе. Дарья Михайловна ни на шагъ не отпускаетъ отъ себя дорогаго гостя. За общимъ шумомъ и говоромъ между ними заводится интимная бесѣда, въ которой Дарья Михайловна открываетъ Максиму Федорычу всѣ тайныя сокровища своего ума и сердца. Бесѣда, разумѣется, ведется на томъ милломъ французскомъ діалектѣ, о которомъ наши провинціальныя барыни такъ справедливо выражаются: «этотъ душка французскій языкъ».

— Если кто хочетъ найти доступъ въ сердце женщины, тотъ долженъ постучаться въ двери ея воображенія, — утверждаетъ Максимъ Федорычъ.

— Вы думаете?

— Я совершенно въ этомъ увѣренъ... Кто произноситъ при мнѣ слово «воображеніе», тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ произноситъ и слово «женщина», и наоборотъ...

— А я думаю, что на обѣдныхъ женщинахъ клевету, говоря, что у нихъ воображеніе развито насчетъ сердца... Возьмите, наиримѣръ, чувство матери!

— О, чувство матери — это такъ! C'est sublime, il n'y a rien à dire! Но я не о немъ и говорю... Мы возьмемъ женщину, свободную отъ всякихъ такого рода отношеній, женщину, созданную, такъ сказать, для того, чтобъ только любить... madame Beauséant *), наиримѣръ?

— Но я вамъ могу указать противъ этого на Маргу, на Лукрецію Флоріанн **)...

— И все-таки я утверждаю, что всѣ эти героини именно

*) Героиня романовъ Бальзака.

***) Героини романовъ Ж. Санда.

потому и оказались слабы сердцем, что въ нихъ слишкомъ развито было воображеніе.

Дарья Михайловна задумывается.

— Нѣтъ, вы не знаете женщины! — говоритъ она положительно.

— Oh, mais je vous demande pardon, madame!..

— Нѣтъ, потому что вы отнимаете у женщины ея лучшее сокровище — сердце!.. А впрочемъ, я и забыла, что вы мужчина...

— А все-таки главное въ женщинѣ — это ея воображеніе...

— Вы странный человекъ, мсье Голыщевъ: вы хотите увѣрить меня, что постигнули женщину... то-есть постигли то, что само себя никогда постигнуть не въ состояніи...

— Oh, quant à cela, vous avez parfaitement raison, madame!

— Читали ли вы Гётевы «Wahiverwandtschaften»?

— О, какъ же!

— Помните ли вы тамъ одно мѣсто... ту минуту, когда Шарлотта, отдаваясь своему мужу, вдругъ чувствуетъ... Скажите: сердце ли это, или воображеніе?

Максимъ Федорычъ безмолвствуетъ, потому что, признаться сказать, онъ въ первый разъ слышитъ о Шарлоттѣ, да сверхъ того и вопросъ Дарьи Михайловны слишкомъ ужъ отзывается метафизикой.

— Вы потому ошибаетесь въ женщинѣ, — продолжаетъ Дарья Михайловна томно: — что ищете чувства въ одномъ ея сердцѣ... Но вѣдь оно вездѣ, это чувство, оно во всемъ ея существѣ!

Максимъ Федорычъ рѣшительно побѣжденъ.

— О, если вы берете вопросъ съ этой точки зрѣнія, — говоритъ онъ: — то, конечно, противъ этого я ничего не имѣю сказать.

Такимъ образомъ побѣда остается за Дарьей Михайловной, но, какъ женщина умная, она очень хорошо понимаетъ, что одолжена своимъ торжествомъ не столько самой себѣ, сколько великодушію своего противника.

Послѣ обѣда время проводится очень пріятно; въ залѣ странствуютъ танцы, въ сосѣдней комнатѣ раскладываются карточные столы. Слѣдовательно, и юность, увѣчанная розами, и маститая старость, украшенная благоутѣпными сѣдинами, равно находятъ удовлетвореніе своимъ законнымъ потребностямъ.

Максимъ Ѳедорычъ играетъ въ карты легко и чрезвычайно пріятно. Онъ не кричитъ, не подмигиваетъ, не говоритъ: «такъ-съ», и вообще не выказываетъ никакихъ признаковъ душевнаго волненія. Партію его составляютъ: генералъ Голубовицкій, Порфирій Петровичъ Порфирьевъ и Семень Семеновичъ Фурначевъ. Занятіе картами не мѣшаетъ Максиму Ѳедорычу вести вмѣстѣ съ тѣмъ весьма пріятный и оживленный разговоръ; во время сдачи онъ постоянно находитъ какую-нибудь новую тему и развиваетъ ее со свойственнымъ ему увлеченіемъ. Такъ, напримеръ, онъ находитъ, что Англія сдѣлала въ послѣднее время на промышленномъ поприщѣ гигантскіе успѣхи, а что во Франціи, напротивъ того, *l'ère des révolutions n'est pas close...*

— Ахъ, какой пріятный человекъ! — замѣчаетъ Порфирій Петровичъ, когда Голынецъ оставляетъ на минутку своихъ партнеровъ, чтобы посмотреть на танцующихъ.

— И, кажется, много начитанъ! — прибавляетъ отъ себя Семень Семенычъ.

Но вотъ начинается мазурка, и Максимъ Ѳедорычъ, по необходимости, долженъ кончить игру, потому что дамы единодушно сговорились выбрать его для фигуръ. Само собою разумѣется, что Максимъ Ѳедорычъ въ восторгѣ; онъ забываетъ почтенный свой возрастъ и рѣзнется, какъ дитя: хлопаетъ въ ладоши во время плановъ и рондовъ, придумываетъ новыя фигуры и съ необыкновенною граціею ловить платки, которые бросаются, впрочемъ, дамами именно въ сторону, гдѣ находится Голынецъ.

Однимъ словомъ, день проходитъ незамѣтно и весело. Во время сборовъ въ обратный путь Максимъ Ѳедорычъ очень суетится и хлопочетъ. Онъ лично наблюдаетъ, чтобы дамы закутывались теплѣе, и до тѣхъ поръ не успокаивается, покуда не убѣждается, что попочительныя его настоянія возымѣли надлежащее дѣйствіе.

VII.

Я не стану говорить объ обѣдахъ и вечеринкахъ, данныхъ по случаю пріѣзда Максима Ѳедорыча сильными міра сего; пройду даже молчаніемъ и великолѣпный балъ, устроенный въ залѣ клуба... Во все время своего пребыванія въ Крутогорскѣ Максимъ Ѳедорычъ былъ положительно разрываемъ на части, и за все время тѣмъ не только не показывать ни малѣйшаго утомленія или упадка душевныхъ силъ,

но, напротивъ того, въ каждомъ новомъ праздествѣ какъ бы почерпалъ новыя силы для совершенія дальнѣйшихъ подвиговъ на этомъ блестящемъ поприщѣ.

Перломъ всѣхъ этихъ увеселеній остался все-таки благородный спектакль, на которомъ я и намеренъ остановить вниманіе читателя. Максимъ Федорычъ самъ неуспѣшно слѣдилъ за ходомъ речитативъ, вразумлялъ актеровъ, понуждалъ лѣнливыхъ, обуздывалъ слишкомъ ретивыхъ и даже убѣдилъ Шомполова въ томъ, что водка и искусство—двѣ вещи равныя, которыя легко могутъ обойтись другъ безъ друга.

Прежде всего шла пьеса: «Въ подухъ ангель» и пром., и всѣ единогласно сознались, что лучшаго исполненія желать было невозможно. Аделаида Алексѣевна Размановская играла рѣшительно сомне *une actrice consommée!* Хотя въ особенности мною неподдѣльнаго чувства было выражено въ послѣдней сценѣ примиренія, но и на балѣ у Размановской дѣло шло нисколько не хуже, если даже не лучше. Отлично также изобразила госпожа Симасъ перезрѣлую дѣвицу Небоклонову, а проигранный ею куплетъ о Пушкинѣ произвелъ фуроръ. Но Разбитной, по общему сознанію, превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Онъ какъ-то сюсюкалъ, безпрестанно вкладывалъ въ глаза стеклышко и во всемъ поступалъ именно такъ, какъ долженъ былъ поступить настоящий Придѣкъ. Одинъ Семіоновичъ былъ неудовлетворителенъ. Онъ никакъ не могъ понять, что Славскій—дипломатъ, который подъ конецъ пьесы даже получаетъ назначеніе въ Константинополь, и велъ себя рѣшительно какъ товарищъ предѣдателя. Даже Фурначевъ понималъ, что тутъ что-то не такъ, и сообщить свое заключеніе Порфирію Петровичу, который, однакожь, не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ, а выразился только, что «съ насъ и этого будетъ!»

Начались и живыя картины. Максимъ Федорычъ лично осмотрѣлъ Гайдѣ и нашелъ, что Дарья Михайловна была *tragique*. Шомполовъ, бывший въ это время за кулисами, увѣрялъ даже, будто Максимъ Федорычъ прикоснулся губами къ обнаженному плечу Гайдѣ и при этомъ какъ-то странно всѣмъ тѣломъ дрогнулъ. Впрочемъ, надо сказать правду, и было отъ чего дрогнуть. Когда открылась картина и представилась глазамъ зрителей эта роскошная женщина, съ какой-то страстной нѣгой раскинувшаяся на турецкомъ диванѣ, взятомъ на поддержаніе у совѣтника палаты государственныхъ имуществъ, то вся толпа зрителей

диво завоннаа: таково было потрясающее дѣйствіе обна-
женнаго плеча Гайдѣ. Напрасно наеуливался мрачный
Ламбро, напрасно порывался вперед милосивный Донъ-
Жуанъ—публика не замчала ихъ полезныхъ усилій и
всѣми чувствами стремилась къ Гайдѣ, къ одной Гайдѣ.

Вторая картина была также прелестьна. Нѣсколько прият-
ныхъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ, un *essaim de jeunes beautés*, въ костюмахъ одаалски, и посреди нихъ Дарья Ми-
хайловна, съ гитарой въ рукахъ, произвели эффектъ пора-
зительный.

Третью картину спасла рѣшительно Дарья Михайловна,
потому что Семіоновичъ (Іаковъ) не только ей не содѣй-
ствовалъ, но даже совершенно неожиданно свиснуть, раз-
рушивъ вдругъ все очарованіе.

Грѣхъ съ ружьемъ прошеть благополучно.

Но само собой разумѣется, что главный интересъ все-
таки сосредоточивался на «Чиновникѣ». Въ публикѣ ходи-
ли насчетъ этой пьесы разные несообразные слухи. Мно-
гіе увѣряли, что будетъ всенародно представленъ становой
приставъ, снимающій съ просителя даже исподнее платье;
но другіе утверждали, что будетъ, напротивъ того, пред-
ставленъ становой приставъ, снимающій рубашку съ са-
мого себя и отдающій ее просителю. Последнее мнѣніе
имѣло за себя всѣ преимущества со стороны благонамѣ-
ренности и правдоподобія, и потому весьма естественно,
что въ общемъ направленіи оно оправдалось и на дѣлѣ.
Максимъ Федорычъ сильно струсилъ. Онъ видѣлъ, что Се-
міоновичъ не такъ понялъ свою роль.

— *Mais veuillez comprendre, mon cher,*—говорилъ онъ:—
вѣдь Надимовъ человекъ новый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стар-
рый... то-есть, вотъ видите ли... душа у него новая, а
тѣло, то-есть оболочка... старая!.. Здѣсь-то, въ этомъ без-
выходномъ столкновеніи, и источникъ всей катастрофы...
Vous comprenez?

Но Семіоновичъ не понималъ; онъ, напротивъ того,
утверждалъ, что у Надимова душа старая, а тѣло новое...
и что въ этомъ-то именно и заключается не катастрофа,
а поучительная и вмѣстѣ съ тѣмъ успокаивающая цѣль
пьесы: это, молъ, ничего, что ты тамъ языкомъ-то озорни-
чаешь, мысли-то у тебя все-таки тѣ же, что и у насъ
грѣшныхъ.

Максимъ Федорычъ былъ въ отчаяніи и не скрывалъ
даже чувствъ своихъ.

— Все идетъ отлично, — говорилъ онъ въ партерѣ окружавшимъ его губернскимъ аристократамъ: — но Надимовъ... признаюсь вамъ, я опасуюсь, я сильно опасуюсь за Надимова... Какая жалость!

И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобъ представить чело-вѣка по паружности холоднаго, насквозь проникнутаго без-подобнѣйшимъ *comme il faut* и только въ глубинѣ души горящаго огнемъ безкорыстія, чело-вѣка, собирающагося высказать свою тоску по безкорыстію на всю Россію, однакожь, по чувству врожденной ему стыдливости, высказы-вающегоъ ее только книжнѣ, Мисхорину, полковнику и Дробинкину, Семіоновичъ выходитъ изъ себя, дралъ свои волосы и въ одномъ мѣствѣ дошелъ до того, что прибилъ себя по щекамъ. Даже крутогорская публика какъ-то странно охнула при такомъ явномъ нарушеніи законовъ естествен-ныхъ и чело-вѣческихъ, а Порфирій Петровичъ весь сто-рѣлъ отъ стыда.

Наконецъ, представленіе кончилось. Слово «*joû*» слыша-лось во всѣхъ углахъ — только канцелярскіе чиновники, оби-татели горныхъ и страшные зюлы, остались не совсѣмъ довольны, да и то потому, что ихъ завѣрили, что будетъ непременно представлять становой, да и не какой-нибудь другой становой, а именно второго стана Шолорѣдкаго уѣзда — Благоволенскій.

На другой день въ губернскихъ вѣдомостяхъ была на-печатана въ видѣ письма къ редактору слѣдующая статья:

«Позвольте и мнѣ, скромному обитателю нашего мирнаго города, поговорить о прекрасномъ торжествѣ, котораго мы были свидѣтелями. Извѣстно вамъ, милостивый государь, какое благотѣльное вліяніе имѣютъ зрѣлища (а въ осо-бенности благородныя) на нравственность народную. Съ одной стороны, призѣромъ наказаннаго порока смягчая преступныя inclinности, зрѣлища, съ другой стороны, не-сромнѣнно возвышаютъ въ чело-вѣчествѣ эстетическое чув-ство; эстетическое же чувство, въ свою очередь, пройдя сквозь горнило нравственности, возвышаетъ сію послѣднюю, и черезъ то ставить ее на ту ступень, гдѣ она дѣлается основою всякаго благоустроеннаго гражданскаго общества. Съ этой точки зрѣнія намѣренъ я обозрѣть критически вчерашнее торжество.

«Первое, что представляется при этомъ моему умствен-ному взору, — это цѣль, которой служили благородные жрецы искусства. Не одна слеза будетъ отерта, не одинъ вздохъ

благодарности вознесется, въ видѣ теплой молитвы, за благородныхъ благотворителей... Одинъ французскій ученый сказалъ, что дама, которая покупаетъ шаль, подаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ милостыню бѣдному... Святая и глубокая истина! И наши добрые крутогорцы вполне ее поняли. Но не стану больше распространяться объ этомъ предметѣ; я знаю, что скромность, и даже нѣкоторая стыдливость, есть нераздѣльная принадлежность всякаго благотворительнаго дѣянія, и потому... умолкну.

«Но не могу умолчать о благотворной мысли, присутствовавшей при выборѣ пьесы. Въ настоящее время, когда умственное око Россіи должно быть обращено, по преимуществу, внутрь ся самой, наши добрые крутогорцы вполне доказали, что они стоятъ въ уровень съ обстоятельствами. Выборъ такой пьесы, какъ «Чиновникъ», положительно доказываетъ это. Мы сами были свидѣтелями потрясающаго дѣйствія этой пьесы, которое, въ соединеніи съ истинно-пластической игрой исполнявшаго роль Надимова члена благороднаго крутогорскаго общества, останется навсегда незабвеннымъ на страницахъ нашей лѣтописи. Да! мы можемъ смѣло давать на нашей сценѣ «Чиновника»! мы можемъ безъ горечи выслушивать страстныя и благонамѣренныя филиппики г. Надимова! Эти укоры, эти филиппики не до насъ относятся! Благодареніе Богу, мы уже поняли свой долгъ относительно любезнаго нашего отечества и, положа руку на сердце, можемъ сказать: г. Надимовъ! въ вашихъ словахъ заключается горькая правда, но этой правдѣ нѣтъ мѣста въ Крутогорской губерніи!

«Скажу нѣсколько словъ и объ исполненіи, но, не желая оскорбить прекрасное чувство скромности, которымъ одушевлены наши благородные благотворители, вынужденъ умолчать о многомъ, что накупѣло на днѣ благодарной души. Прежде всего, долженъ я упомянуть о трудахъ ея превосходительства Дарьи Михайловны, по мысли и постановленіямъ которой было устроено настоящее торжество. Затѣмъ всѣ исполнители, принявшіе участіе въ дѣлѣ благотворенія, были безукоризненны. Какъ хороша была квинта! Какъ увлекательно-паньва была Славская! Какъ... но нѣтъ, я чувствую, что перо мое начинаетъ переходить само собою за предѣлы той скромности, о которой я говорилъ... Итакъ, умолкну!

«Мужайтесь, благородные труженики! Боритесь съ препятствіями и преодолевайте ихъ! Не смотрите на то, что

на пути вашемъ иногда растутъ не розы, а тернии—такое ужъ удѣлъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ! Помните всегда, что за вашими невпичными занятіями стоятъ толпы иныхъ труженниковъ, которые посылаютъ къ небу горячія мольбы о вненосланіи вамъ сугубыхъ силъ на новые подвиги!»

Сочинитель этой статьи, коллежскій секретарь Пѣснонѣвцевъ, удостоился въ этотъ же день чести быть приглашеннымъ къ обѣденному столу его превосходительства Семена Семеныча.

VIII.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, Максимъ Федорычъ спохватился, что пора ужъ бѣжать, тѣмъ болѣе, что репертуаръ увеселеній начиналъ истощаться. Онъ собралъ свои воспоминанія, посоветовался съ записною книжкой и нашелъ, что матеріаловъ для будущаго донесенія предостаточно. С генералъ Голубовицкомъ и преимущественно о генеральнѣхъ предположеніяхъ онъ высказаться съ особенною теплотою. Въ пользу ихъ можно, пожалуй, даже пожертвовать двумя-тремя субъектами, чтобъ лучше и явственнѣе отбѣнить картину. Само собою разумѣется, что нельзя же всѣхъ чиновниковъ найти добродѣтельными; это невозможно, во-первыхъ, потому, что сама природа въ своихъ проявленіяхъ разнообразна до безконечности; а во-вторыхъ, потому, что и начальство не повѣритъ этой эпидеміи добродѣтели и, чего добраго, заподозритъ еще способности ревизора. Поэтому выбраны были въ жертву такъ-называемые пререкатели и безпокойные, которыхъ и оказалось двое: совѣтникъ губернскаго правленія Евфратскій и членъ приказа Семпашенный. Евфратскій жилъ весьма уединенно, ни къ кому не бѣдиль, и вслѣдствіе того былъ заподозрѣнъ въ вольнодумствіе и въ намѣреніи возстановить въ Россіи патріаршее достоинство, о чемъ будто бы онъ и выражался стороною тамъ-то и тогда-то. Семпашенный же хотя и не мечталъ о возстановленіи патріаршескаго достоинства, но, взамѣнъ того, неоднократно предъявлялъ пагубную склонность къ исламизму и даже публично называлъ турокъ счастливыми, приводя въ основаніе такого мнѣнія лишь грубыя поименованія своей чувственности. Само собою разумѣется, что такіа лица не заслуживали ни малѣйшаго снисхожденія.

Прощаніе было очень трогательно. На обѣдѣ, данномъ

по этому случаю генераломъ Голубовицкимъ, было сказано много темныхъ словъ и вышито не мало тостовъ за здоровье дорогого гостя.

— Скажу вамъ откровенно,—выразился при этомъ генералъ, съ чувствомъ пожимая руку Максима Федорыча:— я давно, очень давно не имѣлъ такого пріятнаго гостя!

— Позвольте и мнѣ, въ свою очередь, удостоверить, ваше превосходительство, что давно, очень давно я не имѣлъ такихъ пріятныхъ минутъ, какія провелъ здѣсь, въ вашемъ любовномъ обществѣ,—отвѣчалъ Максимъ Федорычъ взволнованный.

— *Mais revenez nous voir.* — любезно сказала Дарья Михайловна.

— *Impossible, madame!* Мы, люди службы, люди дѣятельности, не всегда можемъ слѣдовать влеченіямъ сердца...

Всѣ присутствовавшіе были растроганы. Когда же, послѣ обѣда, наступилъ часъ разставанія, и Максимъ Федорычъ долго, въ какомъ-то безмолвіи, держалъ въ своихъ рукахъ руку Дарьи Михайловны, то его превосходительство Семенъ Семеновичъ не могъ долѣе выдержать. Онъ какъ-то восторженно замахалъ руками и бросился обнимать Голынцева, а Семеновичъ, стоя въ это время въ сторонѣ, шопотомъ декламировалъ:

*When we two parted
In silence and tears...*

Вечеромъ, часу въ десятомъ, ровно черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Крутогорскъ, Максимъ Федорычъ уже выѣзжалъ за заставу этого города. Частный приставъ Рогуля, сопровождавшій его превосходительство до городской черты, пожелалъ ему счастливаго пути и тутъ же, обратившись къ будочнику, сказалъ:

— Ну, вотъ и ревизоръ! что-жь что ревизоръ! Нѣтъ, кабы вотъ Павла Трофимыча Перегоренскаго къ ревизіи допустить—этогъ, надо думать, обревизировалъ бы!

Въ эту же ночь послать Богъ епѣзку, который въ какихъ-нибудь два часа закрылъ самый слѣдъ повозки Максима Федорыча.

IV.—Утро у Хрептюгина.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

Иванъ Онуфричъ Хрептюгинъ, 55 лѣтъ, негодянтъ.

Дмитрій Ивановичъ, иначе Démétrius, сынъ его, 20 лѣтъ, служатъ при губернаторѣ.

Статскій совѣтникъ Семенъ Семеновичъ Фурначевъ, 50 лѣтъ, имѣеть къ Хрептюгину начальственныя отношенія.

Маюръ Станиславъ Ѳаддеечъ Понжперховскій, 40 лѣтъ, ремесломъ про-ходимецъ.

Иванъ Петровичъ Доброзраковъ, отставной штабъ-лекарь, 55 лѣтъ.

Леонидъ Сергѣичъ Разбитной, чиновникъ особыхъ порученій при гу-бернаторѣ, молодой человекъ.

Отставной подпоручикъ Живновскій, 50 лѣтъ.

Титулярная совѣтница Степанида Карповна Гусова, 45 лѣтъ, экономка Хрептюгинныхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ богато-убранную гостиную въ домѣ Хрептюгина. Въ серединѣ и направо отъ зрителя двери. На столѣ передъ диваномъ поставлена закуска и водка.

Гусова (пожилая женщина, одѣтая въ черное шелковое платье; на плечахъ у нея желтая шаль, на головѣ чепецъ; при открытіи занавѣсы она замѣчаетъ приготовленіемъ закуски).

Шутка сказать, скоро одиннадцатый часъ, а онъ еще дрыхнетъ! и не убьетъ же Богъ громомъ такого аспида! По естеству-то, ему бы теперь на босу ногу бѣгать да нечки затоплять, а онъ, вотъ, валяется... Да и спать вѣдь не спитъ, а именно валяется, потому, дескать, что въ Питерѣ благородные люди такимъ манеромъ дѣлаютъ. *(Задумывается).* Вотъ я и благородная, и мужъ титулярнымъ совѣтникомъ былъ... такъ хоть бы за столъ съ собой посадили и того нѣтъ!

СЦЕНА II.

Гусова и Понжперховскій (видный мужчина, въ военномъ сюртукѣ; усы нафабрены и тщательно завиты, волосы на головѣ прилажены; вертлявъ и занятъ собой; говоритъ съ сильнымъ акцентомъ).

Понжперховскій. Иванъ Онуфричъ не вставали?
Гусова. Гдѣ же ему встать, батюшка!

Понжперховскій. Это лучше-сь; я, признаюсь вамъ, даже не люблю, когда вашъ Онуфричъ передъ глазами торчитъ... Поговорить можно и безъ него, выпить и закусить тоже-сь... Гнусова. Конечно, сударь!

Понжперховскій. Я вамъ доложу, почтеннѣйшая Степанида Карповна, что на этихъ людей нужно смотрѣть съ философической точки зрѣнія... Вотъ я, напримѣръ: люблю и въ варточки перекинуть, и хорошую сигару выкурить, и пообѣдать изящно, и побесѣдовать... все это у Хрептюгина я нахожу-сь. Слѣдственно, что-жъ мнѣ за дѣло до того, что онъ еще вчерашняго числа не-вѣсть въ какой родословной записалъ былъ? Возьмемъ хоть бы теперь: закуска, я вижу, на столѣ приготовлена, водка есть... ну, и ваша пріятная бесѣда тоже-сь... За ваше здоровье, Степанида Карповна! *(Пьетъ и закусывается)*.

Гнусова. На здоровье, сударь. Оно точно, вы люди наѣзжіе... вамъ оно ничто, какъ онъ колобродить, да и колобродить-то при васъ чего еще не больно осмѣлится...

Понжперховскій. Это всеконечно-сь... потому что мы иногда можемъ и до лица коснуться...

Гнусова. А каково-то намъ, грѣшнымъ? Бѣднякъ, сударь, что муха: гдѣ заборъ, тамъ дворъ; гдѣ щель, тамъ постель! Намеднишь вотъ чуть со двора меня не согналъ: «хочу, говоритъ, чтобъ у меня нѣмка въ экономкахъ была!» Ну, разсудите вы сами, Станиславъ Фаддеечъ, хуже, что ли, я нѣмки-то!

Понжперховскій. Сс!.. да онъ долженъ былъ бы радоваться, что ему дворянка служить!

Гнусова. То же и я говорю... Наслыу ужъ его Аксинья Ивановна уняла.

Понжперховскій. Д-да-сь... такъ вотъ видите: стало-быть, Аксинья-то Ивановна добрая!

Гнусова. И, сударь, не говорите! тоже озорница выросла!

Понжперховскій. Это можно измѣнить-сь... Будетъ не только шелковая, а даже бархатная: на это манера есть-сь... А вы исполнили порученьце-то, моя почтенная?

Гнусова. Говорила, сударь... только она все чтой-то мѣется... сначала было-подалась, а потомъ и опять на попятную.

Понжперховскій. Да что же такое-сь

Гнусова. Да говорить, что ты больно по гостямъ шататься любишь, а я, говоритъ, желаю, чтобъ мужъ у меня безсмѣнно при мнѣ сидѣлъ...

Понжперховский. Ну, скажите, пожалуйста! Вѣдь вотъ жадность какая! Да вы бы внушили ей, моя почтеннѣйшая, что и безъ того ей ужъ подѣ-тридцать!

Гусова. Говорила я, такъ она все свое: папаша, говорить, коли захочетъ, такъ для брака и изъ Петербурга генералы придутъ!

Понжперховский. Да-да... а какъ хотите, это вѣдь правда, что дрянная-то кровь, какъ ты тамъ ее ни перегоняй сквозь кубъ, а все скажется... Миѣ не ея-съ, а вотъ приложеній-то жалко!

Гусова. Что и говорить, сударь!

СЦЕНА III.

Тѣ же и **Доброзраковъ** (*роста большого и нѣсколько при этомъ сутуловатъ; смотритъ урюмо; въ военномъ сюртукѣ*).

Доброзраковъ (*становясь въ дверяхъ*). Пану полковнику здравія желаю! Чи добре ждѣешь, пане?

Понжперховский. Что намъ дѣлается, докторъ! Отъ насъ вамъ пожива плохая.

Доброзраковъ. Ну, это еще бабушка на-двое сказала... объ этомъ будетъ у насъ въ то время разговоръ, какъ ноги, дружище, протягивать станешь! (*Устремляетъ взоръ на водку*). А! и водка на столѣ; это добре! А ну, полковникъ, испытаемъ-ка цѣлебныя свойства этой жидкости! Миѣ, я вамъ скажу, что-то сегодня не здоровится; стара стала, слаба стала... потуда и живѣ, покуда внутри водкой сполоснешь! Да и та вынче измѣнять стала. (*Пьетъ*). Было, было и наше времечко! Вынесь, бывало, сколько поды-мешь, а вынче... сколько глазомъ окинешь! (*Вся смеется*).

Понжперховский. А что вы думаете, докторъ: можетъ-быть, отъ этого-то вселаскиванія оно и не дѣйствуетъ. Вотъ въ нашихъ сторонахъ помѣщикъ былъ, тоже занимался этимъ, такъ, повѣрите ли, внутренности-то у него даже выгорѣли всѣ—такъ и скончался-съ!

Доброзраковъ. Вздоръ, сударь! (*Ударяетъ себя по животу*). Эта печка такого сорта, что какъ ее ни томи— все къ дальнѣйшей тонкѣ достойна и способна... Я вотъ шестой десятокъ на свѣтѣ живу, и могу сказать—бывала-таки у насъ толка... да, изрядная! А все хоть сейчасъ въ походъ готовы!.. (*Гусовой*). Иванъ Онуфричъ вѣстать?

Гусова. Никакъ нѣтъ еще, Иванъ Петровичъ, какъ можно!

Доброзраковъ. То-есть, онъ и проснулся, пожалуй, да тотъ

еще часъ, видно, не пробилъ, въ который дуракамъ просыпаться прилично... Э-э-эхъ! то-то вотъ и есть: мужика сколько ни вари, все сыростью пахнетъ! Иадали-то онъ ни то, ни сѣ, а что ближе, то гаже!

Гнусова (*иронически*). Ну, какъ, сударь! Известно, возмездъ: Богъ куликовъ редъ — какъ же и не покуражиться ему!

Доброзраковъ. Люблю за то, что по крайней мѣрѣ, не говоря худого слова, ноги на столѣ задралъ! Повторимъ, полковникъ. (*Подноситъ Понжперховскому рюмку; оба пьютъ*).

Понжперховскій. Это вы истинную правду, докторъ, сказали: человекъ, покуда въ дикомъ состояннн находится—ничего... даже можно сказать, что это именно почтенный человекъ-сѣ! Но коль скоро повезла ему фортуна или успѣлъ онъ, такъ сказать, падуъ себѣ подобнаго, то это именно даже удивительно, какой вдругъ переворотъ въ немъ бываетъ!

Доброзраковъ. Какой тутъ переворотъ! Первымъ деломъ—ноги на столъ... Этотъ переворотъ и хавронья сдѣлать можетъ!

Понжперховскій. Правда, докторъ! Я самъ иногда, глядя на него, думаю, зачѣмъ онъ, напримѣръ, бороду брѣетъ?

Доброзраковъ. Съ бородой-то, по-моему, еще лучше. Борода глазамъ зашѣна; кто бы плюнуть въ глаза—плюнетъ въ бороду! (*Всѣ смѣются*).

Понжперховскій. Или, напримѣръ, зачѣмъ ему такой домъ? Онъ еще не знаетъ, какъ и ходить-то по паркету... Кабы такіа средства да человекъ образованному, сколько бы можно добра тутъ сдѣлать!

Доброзраковъ. Нѣтъ, вы лучше скажите, зачѣмъ ему годовою врачъ? Вотъ вы что скажите! Вѣдь у него, кромѣ прыщей на носу, и болѣаней-то никакихъ не бываетъ!

Гнусова (*иронически*). Чтой-то ужъ и не бываетъ! Вы, Иванъ Петровичъ, ужъ, кажется, во въ мѣру его конфузите!

Доброзраковъ (*смотритъ на часы*). Однако, надо ему сказать, что пора бы и перестать ваяться-то... Ужъ и султана турецкаго давно, поди, всталъ?

СЦЕНА IV.

Тѣ же и Дмитрій Ивановичъ (*вбѣгаетъ стремительно; одѣтъ фрактомъ и заводитъ*).

Дмитрій Ивановичъ. Гдѣ папаша? гдѣ папаша? Двѣнадца-

тый часъ, а онъ тамъ прокладается! Вы-то чего-жъ смотрите. *Степанида Карповна!*

Гнусова (оскорбляясь). Помилуйте, Дмитрій Ивановичъ, я вѣдь дама, развѣ могу я въ опочивальню къ вашему папашѣ войти?

Дмитрій Ивановичъ (останавливаясь въ изумленіи передъ Гнусовой). Дама?!.. А кто же вамъ сказалъ, что вы дама?

Гнусова. Все же, чай, не мужнина, сударь!

Дмитрій Ивановичъ. Такъ вы говорите: «женщина», а то «дама»!

Доброзраковъ. Да что-жъ такое случилось, Дмитрій Ивановичъ?

Дмитрій Ивановичъ (размахивая руками). Князь... князь... желаетъ узнать о папашинѣмъ здоровьи... Поняли, что ли? *(Гнусова, вслеснувъ руками, стремительно убѣгаетъ).*

Доброзраковъ (напичная застѣивается). Ахъ ты, Господи! самъ его сиятельство ѣдетъ!

Дмитрій Ивановичъ. Кто вамъ говорить про его сиятельство! Поѣдетъ къ вамъ его сиятельство! Будетъ съ васъ и того, если и Леонида Сергѣича придетъ!

Доброзраковъ (разстегиваясь). А! Разбитной! Ну, при этомъ и въ рубашкѣ быть достаточно!

Дмитрій Ивановичъ. Вы, докторъ, кажется, забываетесь! Вы не понимаете, въ какомъ домѣ находитесь!

Доброзраковъ (озираясь кругомъ). А въ какомъ?—въ каменномъ!.. Ну, да пойте, Дмитрій Ивановичъ, я вѣдь это такъ, шутки ради... Известно ужъ, Леонидъ Сергѣичъ—особа не простая... гдѣ-жъ намъ противъ нихъ! Я вамъ такъ даже скажу, что я и купаться-то бы передъ ними въ одной рубашкѣ не осмѣлился, а такъ бы вотъ въ мундирѣ и поѣхалъ въ воду...

Дмитрій Ивановичъ. Вы все съ своими шутками!

Доброзраковъ. Старикъ вѣдь я, Дмитрій Ивановичъ,—кому же и пошутить-то!

Поняперховскій. А мнѣ, видно, уйти покуда... не люблю я этого Разбитного!

Доброзраковъ. Что такъ?

Поняперховскій. Гордника-съ!

СЦЕНА V.

Дмитрій Ивановичъ и Доброзраковъ.

Дмитрій Ивановичъ. Ну, скажите, докторъ, зачѣмъ, напримѣръ, атотъ выходецъ сюда таскается?

Доброзраковъ. А такъ вотъ, просто потому, что есть умокъ сладенько побѣсть... Вы ужь очень строги, Дмитрій Ивановичъ.

Дмитрій Ивановичъ. Нѣтъ, я не строгъ, докторъ, я только желаю, чтобъ въ этомъ домѣ чистый воздухъ былъ... Понимаете? Знаете ли, какъ у меня здѣсь наболѣло, докторъ? *(Указываетъ на сердце)*. Вѣдь на улицу выйти нельзя: свинья тамъ въ грязи валяется, такъ и та, чего добраго, тебѣ родственница!

Доброзраковъ. Да, это зрѣлище, гово... нельзя сказать, чтобъ пейзажъ живописенъ былъ!

Дмитрій Ивановичъ. Нѣтъ, вы войдите въ мое положеніе, докторъ! Намеднишь, вотъ, иду я въ хорошей компаніи мимо рядовъ: ну, и сыжана тутъ... Только откуда ни возьмись — бабушкинъ братъ, весь въ кубовой краскѣ вынаканъ. «А это, говоритъ, кажется, нашъ Митюха съ барами-то ходить!» Вы поймите, что я тутъ долженъ былъ вытерпѣть!

Доброзраковъ. А вы бы, Дмитрій Ивановичъ, дѣдушку-то подъ салазки! Знаете, и пословица гласитъ: Крѣмъя нечувуютъ умъя, за воротъ да въ три шеп! Ну, и вы бы такъ-съ!

Дмитрій Ивановичъ. Вы все шутите, докторъ, а мнѣ ужь не до шутокъ, право! *(Подходитъ къ закуске)*. Господи! даже закуски порядочной подать не могутъ: грибы, да рыжики, да ветчина! Эй, кто тутъ есть! *(Является горничная)*. Да позови ты лакея, варвары вы такіе! Вѣдь ты и при гостяхъ, пожалуй, сюда вломись! Возьми поднось, да вели приготовить закуску — генеральскую, слышишь? *(Горничная беретъ поднось и уходитъ. За дверями слышенъ шорохъ)*. А! да вотъ, кажется, и папаша идетъ!

Доброзраковъ *(въ полголоса)*. Раздайся грязь, навозъ ползетъ!

СЦЕНА VI.

Тѣ же и Хрептюгинъ *(въ пестрыхъ брюкахъ и коротенькомъ сюртукѣ; на шеп повланъ пѣлиже желтый батистовый платочекъ; въ рукахъ трубка, изъ которой онъ подеоньку покуриваетъ; ходитъ съ маленькимъ развалыцемъ и шаркаетъ ногами)*.

Хрептюгинъ. А! Démétrius! видно, его сиятельство стоскобался по насъ? Леонидъ Сергѣичъ, что ли, изволить жаловать? Ну, что-жъ, милости просимъ! Приготовленій не дѣлаемъ, а запросто — милости просимъ!

Доброзраковъ. Что вамъ, Иванъ Онуфричъ? Разумѣется

вы люди сильные, вамъ не въ диковинку высокихъ гостей принимать!

Хрептюгинъ. Какіе, братецъ, это гости! Между нами, просто шавера! Вотъ въ Петербургъ... это точно... тамъ я ча своимъ мѣстѣ...

Доброзраковъ. Что и говоритъ! Я вотъ насчетъ здоровья узнать пріѣхалъ...

Хрептюгинъ. Да что, братецъ! ни шатко, ни валко, ни на сторону! Желудокъ все... чуть, знаешь, съѣшь что-нибудь такое... не совсѣмъ легкое... просто, братецъ, дѣло дрянъ выходитъ!

Доброзраковъ. Да вы бы поберегли себя. Вѣдь ваше здоровье не то, что, напримѣръ, паше. Мы и померемъ, такъ никто не замѣтитъ; все равно что муха померла; ну, а вы совсѣмъ другое дѣло...

Хрептюгинъ. Знаю, братецъ, знаю, да что прикажешь дѣлать? Съ волками жить, по-волчьи выть — иногда и перепустись! Démétrius! ты бы, дружокъ, закуску велѣлъ приготовить; скажи Гнусовой, что тамъ, на третьей полкѣ, жестянка непочатая стоитъ.

Дмитрій Ивановичъ. Я ужъ сказалъ... Да что это у васъ, рара, съ утра до вечера точно кабакъ! Только и дѣлаютъ, что водку пьютъ... Вѣдь это свинство!

Доброзраковъ. Ахъ, Дмитрій Ивановичъ! да вѣдь паненка вамъ сказывалъ, что съ волками жить, по-волчьи выть... ну, и водка, стало-быть, поставлена тутъ правильно!

СЦЕНА VII.

Тѣ же и Живновскій (*сходитъ изъ среднихъ дверей*).

Живновскій. Благодарю Ивану Онуфричу никакой кланяюсь! Дмитрій Ивановичъ! Иванъ Петровичъ!

Хрептюгинъ. Откуда Богъ принесъ?

Живновскій. Все хлопоталь-сь... Кто что, а я все на пользу общую-сь... На вчерашнемъ пожарницѣ былъ-сь.

Хрептюгинъ. Потухъ, что ли?

Живновскій. Дымился, благодѣтель, дымился! По этому-то случаю я и былъ. Распорядиться, знаете, некому! Полицеймейстеришка дрянъ, пожарные тоже-сь, — вотъ и пришлось за нихъ работать! Всю ночь провозмалъ, да и утро такъ между пальцевъ ушло!

Доброзраковъ. Ишь тебя нелогкая носить: точно тебѣ тысячи за это даютъ!

Живновскій. Помилуйте, Иванъ Петровичъ! вѣдь человѣчество погибаетъ!

Доброзраковъ. А я такъ думаю, что пожаръ-то тебѣ замѣсто праздника?

Живновскій. Нельзя же-съ! (*Озираясь*). А водочка-го, видно, «ау» сказала?

Доброзраковъ. Ау, братъ!

Живновскій. Эхма! а не худо бы послѣ трудовъ выпить!

Хрептюгинъ. Ну, и подождешь—не умрешь. Разскаживай, кого же ты на пожарницѣ видѣлъ?

Живновскій. Сама княжна Анна Львовна тамъ была, и съ Леонидомъ Сергѣичемъ... Пожелали тоже о подробностяхъ узнать,—ну, я имъ все это въ живою картинѣ представилъ... Вдова, говорю, пятеро дѣтей... все это, знаете, въ необходимомъ лицѣ, по ночному времени, ношебномъ платьѣ. Да, не дай Богъ никому,—вотъ я какъ скажу! Бывалъ я, конечно, въ передѣлахъ: и тонулъ-съ, и со второго этажа прыгивалъ... ну, а отъ огня Богъ избавилъ! А впрочемъ, Леонидъ-то Сергѣичъ къ вамъ вѣдь ѣдетъ.

Хрептюгинъ. Развѣ говорили что-нибудь?

Живновскій. Говорили, благодѣтель, какъ не говоритъ! Какъ я, знаете, пересказалъ имъ все это, такъ княжна тутъ же къ Леониду Сергѣичу обратилась: изъ фо, говорить, Khertioughine.

Дмитрій Ивановичъ (*озабоченно*). Деньги при насъ, папаша?

Хрептюгинъ. Небось, вотъ у него (*показываетъ на Живновскаго*) взаймы попрошу... Ха-ха! А какъ ты думаешь, Иванъ Петровичъ, четвертной довольно?

Дмитрій Ивановичъ. Чтѣ вы, чтѣ вы, папаша! да Леонидъ Сергѣичъ и не возьметъ! Нѣтъ, ужъ жертвовать, такъ жертвовать—меньше сторублевой нельзя!

Хрептюгинъ. Ну, можно и сторублевую... Конечно, и то сказать: у нихъ только и надежды, что на меня!

Доброзраковъ. Что и говорить, Иванъ Онуфричъ: на насъ грѣшныхъ, какая же надежда! Мы люди простые: живемъ богато, со двора покато, чего ни хватись, за всѣмъ въ люди покатись!

Хрептюгинъ. Только, братецъ ты мой, одолѣли ужъ они меня очень—даже словно вотъ мухи: и въ глаза, и въ носъ, и въ уши такъ и лѣзутъ! Намеднишь вотъ на пріютъ: отъ князя полиція пріѣзжала,—нельзя, говоритъ, меньше тысячи; черезъ часъ мѣста, предсѣдатель чиновника присылаетъ—ну.

пятьсотъ; петомъ управляющій... Какъ-то оно ужъ и надобно, братец!

Доброзравовъ. Зато честь большая, Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Ну, конечно...

Живновскій. Ужъ тамъ честь ли, не честь ли, а отдать все-таки придется... Такъ по-мосму ужъ лучше честью...

Хрептюгинъ (*величественно*). Ну, ты что еще!

Дмитрій Ивановичъ. Я удивляюсь, папаша, какъ вы говорите о такихъ пустякахъ... это все прежнее сквалыжничество въ васъ дѣйствуетъ! А вы вспомните, что князь въ надворные совѣтники васъ представилъ!

Хрептюгинъ. Ну, конечно... А впрочемъ, мы здѣсь про-между себя, такъ я вамъ могу по секрету сказать, что этотъ господинъ надворный совѣтникъ ужъ давно меня измаялъ! Можетъ, и желудокъ-то отъ этого безпокойства разстроился.

Живновскій. Это сущая правда, Иванъ Онуфричъ! Всякое огорченіе прежде всего на желудокъ кидается.

Хрептюгинъ (*Доброзракову*). Да, братъ, могу сказать, что я эти пожертвованія именно знаю! Еще княжѣй предмѣстникъ эту исторію-то поднималъ: «Пожертвуй да пожертвуй на общепольное устройство!» Ну, и пожертвовалъ: въ саду бѣздокъ на молъ денежки настроили, рѣшетку чугунную вывели... ну, и прислали въ ту пору признательность...

Живновскій. Поди, чай, какъ сердцу-то прискорбно было!

Хрептюгинъ. Я къ его превосходительству: такъ, молъ, и такъ, говорю, что-жъ это за мода! А онъ мнѣ: «Ну, говорить, видно еще жертвовать приходится, — давай, говорить, плывучій мостъ черезъ рѣку стронты!» Дѣлать нече, позатынудся ужъ я въ это болото маленько, сталъ и мостъ стронты.. Ну, и прислали медаль... И что-жъ бы ты, сударь, думалъ: мнѣ же его превосходительство по этому случаю ширъ задать велѣлъ!

Дмитрій Ивановичъ. Ахъ, папаша! право, васъ даже тошно слушать, чтѣ вы говорите!

Доброзравовъ. А что, Иванъ Онуфричъ, вѣдь коли по правдѣ-то сказать, въ ту пору и медаль-то для васъ, чай, куда лестно было получить: вѣдь вы тогда только-только развѣ не въ мужикахъ были!

Живновскій. Правильно.

Хрептюгинъ (*смущаясь, Живновскому*). Ну, ты чего еще!

Дмитрій Ивановичъ (*смотря въ окно*). Ыдетъ, ѣдетъ. Ахъ ты, Господи! А эта безтолковая Степанида Карповна и закуска не даетъ! Голова кругомъ идетъ!

СЦЕНА VIII.

Тѣ же и Разбитной (*входитъ гордо и даже съ некоторою осмотрительностью*).

Разбитной. Здравствуйте, Иванъ Онуфричъ, здравствуйте! Ну, какъ вамъ здоровье? (*Жметъ ему руку*).

Хрептюгинъ (*развязно*). Милости просимъ, Леонидъ Сергѣичъ... Слава Богу-съ... Очень благодаренъ его сятельству.

Разбитной. Да, я отъ князя. Князь сегодня всталъ въ очень веселомъ расположеніи духа... Ночью, знаете, пожаръ этотъ былъ, и это очень старика развлекло. Князь поручилъ мнѣ освѣдомиться о вашемъ здоровьи, любезнѣйшій Иванъ Онуфричъ, — право! Сегодня, знаете, кушаетъ онъ чай и говоритъ мнѣ: «А не худо бы, шоп сбер, тебѣ-привѣдать, какъ поживаетъ мой добрый Иванъ Онуфричъ».

Хрептюгинъ. Премного благодарны его сятельству... *Dé-mercî!*

Дмитрій Ивановичъ. Сейчасъ, папаша! (*Выходитъ на короткое время и потомъ возвращается*).

Разбитной. Онъ очень часто о васъ вспоминаетъ — такой, право, памятливыи старикашка! И, вамъ скажу, что если бы этому человѣку руки развязать, онъ, я не знаю, что бы надѣлалъ!

Хрептюгинъ. Попеченіе имѣютъ большое; я сколько начальниковъ зналъ, а такихъ заботливыхъ именно не бывало у насъ!

Доброзраковъ. Взглядъ просвѣщенный, Иванъ Онуфричъ!

Разбитной. Д-да; онъ вѣдь у насъ въ молодости либераломъ былъ, какъ же! И теперь еще любить объ этомъ времени вспоминать: «Я, говоритъ, шоп сбер, смолоду-то сорви-голова былъ!» Премуורתельный старикашка. (*Входитъ лаской во фракъ съ подносомъ, на которомъ поставлены разныя закуски; въ дверяхъ показывается Гусова; въ теченіе всей сцены она стоитъ за дверьми и по временамъ выглядываетъ*).

Хрептюгинъ. Милости просимъ, Леонидъ Сергѣичъ, закуситы!

Разбитной. Э... я охотно съѣмъ этого страсбургскаго пирога. (*Подходитъ къ столу и ѣсть*). Да вы гастрономъ, почтеннѣйшій Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Ужъ куда намъ, Леонидъ Сергѣичъ!.. Вотъ здоровье мое все плохо... все, знаете, желудокъ! Иной разъ

и готовъ бы просить его сіятельство сдѣлать мнѣ честь хлѣба-соли откушать...

Дмитрій Ивановичъ. А что, въ самомъ дѣлѣ, папаша! Князь къ намъ такъ милостивъ, что съ нашей стороны даже свинство, что мы не покажемъ ему нашей признательности.

Хрептюгинъ. Если его сіятельству угодно, то я всегда готовъ... Для насъ, Леонидъ Сергѣичъ, это большого счета не составляетъ.

Разбитной. Хорошо-съ... я скажу князю: онъ, вѣроятно, назначитъ вамъ день, когда вы можете принять его. Однако, проргъ этотъ такъ хорошъ, что я рѣшаюсь съѣсть еще кусочекъ... Ma foi, tant pis pour le dîner du prince! А вы, докторъ?

Доброзраковъ. А вотъ сейчасъ-съ. Мы, признаться, ко всемъ этимъ тонкостямъ не привыкли; по-нашему, этакъ колбасы кусокъ, чтобъ, знаете, жевать было что.

Разбитной. Вы добрый, докторъ!

Доброзраковъ *(наливаетъ рюмку водки, кланяется)*. За здоровье его сіятельства, князя Льва Михайлыча!

Живновскій. А мнѣ, видно, безъ потчиванья выпить! *(Подходитъ къ столу)*.

Хрептюгинъ *(Доброзракову)*. Что ты, что ты, Иванъ Петровичъ! кто-жъ пьетъ здоровье водкой... Démétrius, что-жъ?

Дмитрій Ивановичъ. Сейчасъ, папаша! *(Выпиваетъ)*.

Разбитной *(вслѣдъ ему)*. Mais dites, mon cher, qu'on donne des verres et que le champagne soit frappé! *(Хрептюгину)*. Мы вашего сына-таки вышколимъ, Иванъ Онуфричъ. *(Лакей вноситъ подносъ съ стаканами и бутылку шампанскаго; Дмитрій Ивановичъ наливаетъ всѣмъ, кромѣ Живновскаго)*. За здоровье его сіятельства, князя Льва Михайлыча! *(Выпиваетъ)*.

Дмитрій Ивановичъ. Ура! *(Выпиваетъ)*.

Доброзраковъ. Желаю здравствовать! *(Выпиваетъ)*.

Живновскій. Что-жъ, и мнѣ, видно, выпить! Я, признаться, не охотникъ до винограднаго! Ну, ужъ для его сіятельства! *(Наливаетъ самъ себѣ стаканъ и пьетъ)*.

Хрептюгинъ. Сто лѣтъ жить да богатѣть! Вотъ это я вино люблю, Леонидъ Сергѣичъ, потому что оно вино легкое... тонкое...

Разбитной. Господа! я требую слова!

Дмитрій Ивановичъ. Шш!.. *(Всѣ умолкаютъ)*.

Разбитной. Господа! мнѣ приятно будетъ засвидѣтельствовать передъ княземъ о тѣхъ чувствахъ искренней предан-

ности, которая я нашолъ въ васъ. Повѣрьте, господа, что для сердца начальника дороже всякихъ почестей, дороже всѣхъ богатствъ сердечное расположеніе подчиненныхъ. Нѣтъ сомнѣнія—и исторія намъ доказываетъ это съ послѣднею очевидностью, что всѣ сильныя государства до тѣхъ поръ держались, покуда въ сердцахъ подчиненныхъ жила чувства любви и преданности. Какъ скоро эти истинныя, основныя начала благоустроенныхъ обществъ исчезали, самыя общества переставали быть благоустроенными. Я говорю это, господа, здѣсь, въ этомъ домѣ, потому что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ слова мои не могутъ имѣть такого смысла. Здѣсь я вижу почтеннаго отца семейства, жертвующаго всею жизнью на пользу общую (*указываетъ на Хрептюгина*); вижу старыхъ воиновъ, принявшихъ грудью не одинъ ударъ во имя любви къ отечеству (*указываетъ на Доброзранова и Живновскаго; послѣдній крутитъ усы*), и, наконецъ, вижу юношу, полнаго надеждъ и вѣры въ будущее... И всѣ эти лица: и маститая старость, и увѣнчанная рюдами юность соединяются въ одномъ общемъ чувствѣ преданности къ любимому начальнику... Господа! мнѣ пріятно отъ лица князя изъяснить вамъ полную его признательность! Господа! я пью за здоровье любезнѣйшаго нашего хозяина! (*Подходитъ съ стаканомъ къ Хрептюгину и жметъ ему руку*). Иванъ Онуфричъ! да продлитъ Богъ вашу вѣкъ для того, чтобъ вы могли на долгія времена слѣдовать влеченію вашего добраго сердца и отирать слезы сирыхъ, лишенныхъ крова... (*Вмѣстѣ*).

Дмитрій Ивановичъ: Ура! (*Пьетъ*).

Доброзрановъ (*съ стороны*): Ловко подпустилъ!

Живновскій (*съ стороны*): А по-русски это значить: перемете... ле бурсъ (*показываетъ руками*). Молодецы!

Хрептюгинъ. Очень, очень вамъ благодаренъ, Леонидъ Сергѣичъ! утѣшили вы меня... Именно это правда, что на пользу общую! Вчера былъ пожаръ, Леонидъ Сергѣичъ, остались тамъ вдовы... смѣю просить васъ принять отъ трудовъ моихъ двѣсти рублей на общественное устройство! (*Внимаетъ изъ бумажника деньги и отдаетъ Разбитному*).

Живновскій. Молодецъ Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Мало жертвовать, Леонидъ Сергѣичъ, не стѣдить-съ, такъ, по крайности, пуцай хоть Богу за насъ помоляты! А девьги что-съ—деньги дѣло паживное-съ!

Живновскій. Разумѣется, благодаренъ, разумѣется... Вотъ

въ вино вассервейнцу малую толку подпустите—ахъ по-жертвованіе-то въ тотъ же карманъ и возвратится.

Хрептюгинъ. Я, Леонидъ Сергѣичъ, люблю благодѣтельствовать... Я коли деньги имѣю, такъ желаю, чтобъ всякій, можно сказать, отъ лозы виноградской вкусилъ!

Разбитной (*кладя деньги въ карманъ*). Повѣрьте, Иванъ Онуфричъ, князь сумѣетъ оцѣнить...

СЦЕНА IX.

Тѣ же и Фурначевъ.

Фурначевъ (*останавливается въ дверяхъ и говоритъ за кулисы*). Скажи, братецъ, моему кучеру, чтобъ онъ ѣхалъ домой и доложилъ Настасьѣ Ивановнѣ, что я прибылъ въ домъ Ивана Онуфрича благополучно, да сейчасъ же чтобъ и воротился... Иванъ Онуфричъ! Леонидъ Сергѣичъ! Докторъ! (*Жметъ всякъ руки, кромѣ Живновскаго*). Вы, господа, кажется, съ утра за дѣломъ!..

Добросзрановъ. По благотворительной части, Семень Семенычъ!

Живновскій. Призираемъ этакъ вдовъ и сиротъ-съ... А больше насчетъ вдовъ-съ...

Хрептюгинъ. Да не угодно ли присѣсть вашему высокородію! (*Суетится около Фурначева*).

Фурначевъ. Не трудитесь, любезный, я сяду самъ!.. Такъ вы, господа, по благотворительной части? Что-жъ, это хорошо! всякій изъ насъ долженъ удѣлять отъ избытковъ своихъ!

Разбитной. Скажите, пожалуйста, Семень Семенычъ, вы не были сегодня у князя?

Фурначевъ. Не былъ, Леонидъ Сергѣичъ, не былъ, потому что не имѣлъ чести быть приглашеннымъ.

Разбитной. Странно! а онъ хотѣлъ васъ просить!.. Знаете, вчера былъ пожаръ, погорѣла вдова съ дѣтьми... что-то много ихъ тамъ... княжна очень интересуется положеніемъ этихъ сиротъ.

Фурначевъ. Это нашъ долгъ, Леонидъ Сергѣичъ, отирать слезы вдовыхъ и сиротъ; это, можно сказать, наша священная обязанность... Я не о себѣ это говорю, Леонидъ Сергѣичъ, потому что у меня правая рука не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая, а вообще... (*Висоитъ стаканы съ шампанскимъ*).

Разбитной. Такъ вы разбѣжите къ князю: ему будетъ

очень приятно. *(Вертитъ стаканъ и наморщивается пить безъ тоста).*

Хрептюгинъ. Нѣтъ, Леонидъ Сергѣичъ, позвольте! *(Беретъ стаканъ).* Господа! за здоровье Леонида Сергѣича! *(Доброзраковъ дѣлаетъ Хрептюгину тостъ, указывая на Фурначева; Хрептюгинъ спохватывается, подбѣгаетъ къ Фурначеву и говоритъ въ полголоса).* Извините, ваше высокородіе, обмолвился... мы ваше здоровье послѣ-съ... на прохладѣ выпьемъ.

Фурначевъ *(тоже въ полголоса).* Что разъ уже сдѣлано, того воротить нельзя, любезный! Все воротить можно, а сдѣланное воротить невозможно.

Разбитной. Господа! я не нахожу словъ выразить всю мою признательность! Почтенный хозяинъ, предложившій этотъ тостъ, почтилъ не меня самого, а въ лицѣ моему упорный трудъ и непоколебимое безкорыстіе на высокомъ поприщѣ общественнаго служенія. Господа! не подъ влияніемъ внешнихъ паровъ, но подъ влияніемъ благотворныхъ движеній моего сердца говорю я: девизомъ нашимъ долженъ быть трудъ скромный, но упорный трудъ, никѣмъ не замѣчаемый, но честный трудъ, сегодня оканчивающійся, а завтра снова начинающійся. Господа! настала для насъ пора обратить наше умственное око внутрь насъ самихъ, ознакомиться съ нашими собственными язвами и изыскать средства къ уврачеванію ихъ. Не блестящая эта участь, и не розами, но терніями усыпанъ путь безвѣстнаго труженника, въ потѣ лица воздѣлывающаго землю, плодами которой воспользуются потомки! Но благословимъ его скромный, невидный трудъ, пойдемъ ему во слѣдъ самыя искреннія пожеланія нашего сердца... Вспомнимъ, что только они могутъ освѣтить лучомъ радости безотрадную пустыню, предъ нимъ разстилающуюся, — вспомнимъ это и не пожалѣемъ ни добрыхъ словъ, ни теплаго участія, ни одобреній... Я сказала, господа! *(Пьетъ).*

Дмитрій Ивановичъ. Ура! *(Пьетъ).*

Фурначевъ *(жметъ Разбитному руку).* Вы благородный человекъ, Леонидъ Сергѣичъ! *(Отпиваетъ немного и ставитъ стаканъ).*

Живновсній *(въ сторону).* И чортъ его знаетъ, гдѣ онъ говорить научился!

Хрептюгинъ *(Фурначеву).* Сдѣлайте ваше одолженіе, ваше высокородіе, опростайте стаканчикъ-то!

Фурначевъ. Не могу. Иванъ Онуфричъ, не могу. Здоровья

я пожелалъ Леониду Сергѣичу отъ глубины души, а пить не могу. Утромъ, знаете, натура не принимается.

Разбитной. Господа! я не могу больше! Сердце мое совершенно переполнено... Будьте увѣрены, мой любезнѣйшій Иванъ Онуфричъ, что я со всею подробностью передамъ князю тѣ пріятныя впечатлѣнія, которыя доставило мнѣ утро, проведенное у васъ... Прощайте, господа! (*Иходитъ. Дмитрій Ивановичъ провожаетъ его за двери.*)

СЦЕНА X.

Тѣ же, кромѣ Разбитного.

Фурначевъ (*Хрептюгину*). А за что же ты, любезный, меня обидѣлъ?

Хрептюгинъ. Помилуйте, ваше высочородіе, извините!

Фурначевъ. Нѣтъ, ты скажи: кто статскій совѣтникъ и кто титулярный совѣтникъ?

Живновскій (*изъ сторону*). Да, братъ, далъ ты маху, Хрептюга!

Хрептюгинъ. Да ужъ помилуйте, ваше высочородіе! Языкъ просто сдуру, по теченію рѣчи, сказалъ.

Фурначевъ. А языкъ надо сдерживать... на то, братецъ, голова человѣку дана, чтобъ языкъ сдерживать!

Доброзрановъ. Это правда, Семенъ Семенычъ! только я вамъ именно доложу, что Иванъ Онуфричъ сневѣжничалъ больше отъ необразованности... не привыкъ еще, знаете, въ хорошемъ обществѣ жить... все ему и кажется, что кругомъ-то свиньи!

Живновскій (*изъ сторону*). Заступился!

Хрептюгинъ (*насилъственно улыбаясь*). Все шутить... ахъ, Иванъ Петровичъ, Иванъ Петровичъ! (*Фурначеву*). Мы вашему высочородію за нашу провинность послѣ трикраты послужимъ!

Фурначевъ. То-то «послужимъ»! Ты смотри же, этого слова не забудь!

Дмитрій Ивановичъ (*возвращаясь*). Нѣтъ, каково говорить-то Леонидъ Сергѣичъ, каково говорить! А еще удивляются, что княжна имъ интересуется! Да я вамъ скажу: будь я женщиной, да начини онъ меня убѣждать, такъ я и Богъ знаеть чего бы ни сдѣлалъ.

Фурначевъ (*изъ растинковой*). Мягко стелеть, но жестко спать.

Живновскій. Это правильно!

Фурначевъ. Въ головѣ-то у него вѣтеръ ходитъ! Ему, конечно, еще незнакома наука жизни, а вѣдь куда корни ученія горьки!

Хрептюгинъ. Истинная правда, ваше высокородіе, истинная правда!

Фурначевъ. Тоже приглашаетъ къ пожертвованію! А почему онъ знаетъ: можетъ-быть, тотъ, котораго онъ, по легковѣрности своей, считаетъ Лазаремъ богатымъ, и есть тотъ самый убогій Лазарь, о которомъ въ Писаніи сказано! *(Краснѣетъ и на секунду умолкаетъ)*. Въ чужомъ карманѣ деньги никто не считалъ... Про то только Владыко Небесный можетъ знать, что у кого есть и чего нѣтъ! А если и подлинно деньги есть, такъ онъ, быть-можетъ, чрезъ великій жизненный искусъ приобрѣтены! *(Умолкаетъ. Наступаетъ нѣсколько минутъ тѣлостнаго безмолвія, въ продолженіе котораго Живоносскій вынимаетъ два рубля водки)*.

Хрептюгинъ *(осторожно возобновляя разговоръ)*. Что новаго въ городу дѣлается, ваше высокородіе?

Фурначевъ. По палатѣ у насъ, слава Богу, благополучно. Вчерашняго числа совершился заподрядъ... Слава Всевышнему, благополучно!

Хрептюгинъ. По чемъ же за ведро-съ?

Фурначевъ. По пятидесяти пяти копеекъ. Цѣна настоящая.

Живоносскій. Ну, и на нищюю братію, чай, пришлось... Это правильно!

Хрептюгинъ. Молчи, сударь, молчи! Ваше высокородіе, прикажите его съ лѣтницы спустить!

Фурначевъ. Оставьте!

Хрептюгинъ *(Живоносскому)*. Ничтожный ты человѣкъ! Вотъ какъ его высокородіе про тебя разумѣетъ!

Фурначевъ. Оставьте! *(Вновь наступаетъ нѣсколько секундъ молчанія, въ продолженіе котораго Фурначевъ величественно барабанитъ объ ручку двана, а Хрептюгина нѣсколько разъ норовится возобновить разговоръ, но не можетъ)*.

Хрептюгинъ *(рѣшительно)*. Не прикажете ли холодненькаго, ваше высокородіе?

Фурначевъ. Не нужно!

Хрептюгинъ. Или нѣтъ закусокъ чего-нибудь?

Фурначевъ. Это... можно.

СЦЕНА XI.

Тѣ же и лакей.

Лакей *(подавая Хрептюгину письмо)*. Съ почты-съ.

Хрептюгинъ (*разсматривая письмо*). Отъ кого бы? А! отъ Антоніонаки! (*Къ Фурначеву*). Позвольте, ваше высокородіе? Фурначевъ. Можешь.

Доброзраковъ. Ишь, вѣдь и знакомые-то у него какіе: все аки да идросы!

Живновскій. Штейная часть-съ... греки, римляне, финлянде... вавилонъ-съ! (*Фурначевъ смеходительно смеется*).

Хрептюгинъ (*читаетъ*). «Спѣшу увѣдомить тебя, любезный другъ Иванъ Онуфричъ, что дѣло о твоємъ чинѣ приняло самую неприятную турнію. Извѣстный тебѣ и облагодѣтельствованный тобой столоначальникъ оказался величайшимъ вертопрахомъ, ибо не только не употребилъ врученныхъ тобою денегъ по назначенію, но, напротивъ того, истратилъ ихъ всѣ снопа на покупку картинъ непристойнаго содержанія»... (*Остатокъ остается совершенно растеряннымъ*). Гм!.. да... эта штука... могу сказать... ловкая, чортъ побори! (*Усмѣхается и вздрагиваетъ*).

Дмитрій Ивановичъ (*подбѣгая къ отцу*). Ну, что-жъ за бѣда! надо еще жертвовать — вотъ и все! Есть отъ чего приходиться въ отчаяніе!

Живновскій. Правильно! это значить только, что карьерѣ нужно сызнова начинать!

Доброзраковъ. Можетъ, вы не доложили сколько-нибудь, Иванъ Онуфричъ?

Хрептюгинъ (*въ раздуми*). Нѣтъ, да что-жъ это такое? Жизни, что ли, они меня хотятъ лишить? (*Къ Фурначеву*). Ваше высокородіе!..

Фурначевъ. Жаль мнѣ тебя, Иванъ Онуфричъ! Пострадать, братъ, ты... это именно, что пострадать! Однако, ты еще въ томъ можешь утѣшеніе для себя сыскать, что со вѣсть у тебя спокойна... А много ли, скажи ты мнѣ, найдешь ты на свѣтѣ людей, которые съ чистымъ сердцемъ могутъ взирать на своего ближняго? Ты вотъ что въ соображеніе, другъ мой, возьми... и утѣшься!

Живновскій. Позвольте, благодѣтель, я стихи вамъ на этотъ случай скажу... я вѣдь въ молодыхъ-то лѣтахъ на всѣ руки быть, даже и стихи сочинять... (*Принюмиваетъ*). Какъ бишь? «Не унывай»... «Не унывай»... «Не унывай»... Эхъ, позабылъ, канальство! Ну, да все равно... главное-то «не унывай»... стало-быть, и вамъ унывать не слѣдуетъ.

Хрептюгинъ (*тоскливо*). Господи! денегъ-то что изведено! (*Закрываетъ отускается*).

V.—Для дѣтскаго возраста.

Вечеръ. Юный поэтъ Кобыльниковъ (онъ же и столоначальникъ губернскаго правленія) корпится надъ мелко испи-саннымъ листомъ бумаги въ убогой своей квартирѣ и съ неслыханнымъ озлобленіемъ грызетъ перо, и кусаетъ ногти. Уже седьмой часъ; еще часъ — и квартира совѣтника Лопатникова озарится веселыми огнями рождественской елки; еще часъ — и она выйдетъ въ залу, въ коротенькомъ бѣленькомъ платьыцѣ (уви! ей еще только пятнадцать лѣтъ!), выйдетъ свѣженькая и улыбающаяся, выйдетъ вся благоухающая ароматомъ невинности.

— А что, мось Кобыльниковъ, вы исполнили свое обѣщаніе?—спроситъ она его.

При этой мысли Кобыльниковъ вскочилъ со стула, какъ ужасанный, и схватилъ себя за голову. Онъ начиналъ сознавать, что заложилъ слишкомъ большой фундаментъ своему стихотворенію. Уже двѣ строфы, каждая въ восемь стиховъ, готовы и переписаны, но, судя по развитію, которое принимала основная мысль, нельзя было даже приблизительно предвидѣть, какой будетъ исходъ ея. Онъ уже принесъ достаточную дань восторговъ возникающимъ красотаъ молодой дѣвочки; упомянулъ и о платьыцѣ, и о шейкѣ лилейной, и о щекахъ «словно перенкъ пушистыхъ»...

И о томъ, о чемъ хотѣлъ бы,
Да не смѣю говорить...

Теперь онъ задалъ себѣ вопросъ: кому суждено обладать всѣми этими сокровищами — старцу ли безсильному, или поэту чернокудруму? Уже онъ начерталъ два первыхъ стиха:

О, скажи-жь, чей мощный образъ
Эту грудь воспламенить?
Эти перси...

Но тутъ воображеніе окончательно отказывалось слу-жить. Рѣзма на «образъ» рѣшительно не приходила; то есть, коли хотишь, и приходило кое-что въ голову, но все какая-то чужья: «вобразъ», «нообразъ» — чортъ знаетъ, ка-кая дребедень!

— Нѣтъ, да каково же! каково же! — вопіять онъ въ отчаяніи:—каково это съ перваго же раза поднекомъ себя выставить!

А время, между тѣмъ, равнодушно смотрѣло на его ге-

ресть и подвигало да подвигало вперед часовую стрѣлку. Кобыльничковъ тоскливо взглянулъ на часы и увидѣлъ, что до семи остается только пять минутъ.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтъ не поѣду! — воскликнулъ онъ, бросаясь въ изнеможеніи на стулъ. — Лучше одинъ просижу, лучше безъ ужина останусь, нежели подлецомъ себя выставлю!

«Нобразъ!» — насмѣшливо шептало, между тѣмъ, воображеніе.

— Фу! мерзость! и прилѣзуть же въ голову такія пошлости, что ни складу, ни ладу нѣтъ.

Кобыльничковъ плюнулъ съ досады.

— Ни за что не поѣду! — повторилъ онъ, но вслѣдъ за этимъ ни съ того, ни съ сего раздумался.

Молодость вдругъ заговорила въ немъ ласкающими голосами. Передъ глазами его рисуется залитая свѣтомъ зала; посреди ея стоитъ елка, вся инкрустированная разными лентами и фольгой; елка, которой вѣтви гнутся подъ бременемъ пастилы и другихъ соблазнительныхъ сластей. А монъ и бѣленькое платьице, вонъ и головка, обрамленная темными кудрями! Господи! что за градія въ очертаніяхъ этой головки! что за свѣжесть, что за сокровища въ атой едва едва начинающей развиваться груди! И что за веселые звуки пролетаютъ по комнатѣ, когда эта милая дѣвочка засмѣется! Точно вотъ солнышко выглянетъ изъ-за хмурыхъ тучъ, и все вдругъ кругомъ улыбнется: и рѣчка, которая до тѣхъ поръ лѣниво катала сѣрыя волны, и ближняя лужайка, скрывавшая свой цвѣтной коверъ отъ дождей и холодовъ угрюмага ненастья, и статскій свѣтлицъ Поцлавковъ, который сидитъ за картоннымъ столомъ и двадцатый разъ сряду озлобленно произноситъ: «пассъ!» Вотъ она пошла танцовать — и все-то выходитъ у нея не такъ, какъ у другихъ. Посмотрите, напримѣръ, или, лучше сказать, прислушайтесь, какъ танцуютъ Настя Поцлавкова, Нюта Смуцелеская! «Конь бѣжитъ, земля дрожитъ!» А она! Неслышно, почти незримо летаетъ она по краешнему полу, нимало не задѣвая крошечными ножками за землю и вся какъ будто уносится и исчезая вверху!

Но, кромѣ того, и ужинъ не лишень своей предести. Уже накрывается длинный столъ въ задней комнатѣ, и хотя руки дворового официанта Андрея не совсѣмъ чисты, но, судя по хлѣбосольнымъ привычкамъ хозяина, нельзя сомнѣваться, что на столѣ будетъ и свѣжая осетрина, и

жирный закаренный лещ, и все, одним словом, что приличествуют кануну такого великаго праздника, какъ Рождество Христово.

— И надо же быть такому несчастію!—разсуждаетъ самъ съ собою Кобыльниковъ, но разсуждаетъ какъ-то вяло, безъ прежнихъ порывовъ. Вообще видно, что картины, которыя нарисовало ему воображеніе, произвели замѣтное расслабленіе во всемъ его организмѣ.

Въ это время часы проингльи семь. Кобыльниковъ машинально всталъ со стула и направился къ платяному шкапу.

«Нобразъ! нобразъ!»—шепнулъ вдругъ враждебный голосъ и остановилъ его на половинѣ дороги.

Съ минуту еще длилась борьба его съ самимъ собою, но, наконецъ, молодость взяла-таки свое. Кобыльниковъ, усиленно натянувъ на себя фракъ и, взглянувши на нереписанныя двѣ строфы, покусился-было попытать счастья, нельзя ли сбить ихъ съ рукъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были, но, по внимательномъ прочтеніи, стихотвореніе показалось ему еще болѣе недостаточнымъ, нежели когда-либо. Съ досадою отшвырнулъ онъ его отъ себя и выбѣжалъ изъ квартиры.

На дворѣ стояла ночь, та слѣпая, досадная ночь, которая можетъ случиться только въ далекомъ, провинціалномъ городѣ, гдѣ откупщикъ еще не доведенъ кроткими мѣрами до сознанія своей обязанности жертвовать достаточное количество спирта для освѣщенія улицъ. Злой и рѣзкій вѣтеръ неся по улицѣ, поднимая и крутя въ воздухѣ цѣлые столбы снѣжной пыли, и взвизгивая, и завывая, ударяясь объ углы домовъ. Хорошо, что Кобыльникову предстояло пройти не болѣе тридцати шаговъ, а не то пришлось бы ему, бѣдному, воротиться въ квартиру и опять сѣсть за сочиненіе распроклятыхъ стиховъ.

«Нобразъ!» — взвизгнулъ вдругъ вѣтеръ въ самую уши поэта.

— Фу, ты, чорты! — пробормоталъ Кобыльниковъ и, плотнѣе завернувшись въ шинель, съ усиліемъ началъ карабкаться впередъ, утоная въ сугробахъ снѣга, завалившихъ тротуаръ.

Но вотъ ужъ брезжитъ свѣтъ сквозь снѣжный туманъ; сначала онъ мелькаетъ въ видѣ крошечнаго круга, но мало-по-малу кругъ разрастается, и освѣщенные окна содѣланныя квартиры представляются взору во всемъ ихъ зрѣлищномъ великолѣпії. Издрогній и измученный, вры-

вается Кобыльничковъ въ переднюю желавнаго дома и долгое время поправляетъ потерѣвшія отъ снѣга части своего туалета.

— А! молодой человекъ! милости просимъ!— встрѣчаетъ его хозяинъ дома, Иванъ Кузьмичъ Лопатниковъ. — Ну, что, одолѣли Капустниковское дѣло?

— Кончили-съ, — отвѣчаетъ Кобыльничковъ и мысленно говорить самому себѣ: «что, если-бъ ты зналъ, что я, вмѣсто Капустниковскаго дѣла, цѣлые три часа корчилъ надъ сочиненіемъ стиховъ?»

— То-то, а не то насъ съ вами новый генералъ совѣмъ сѣбѣ!

Но, разговаривая съ хозяиномъ, Кобыльничковъ уламываетъ, однакожь, минуту, чтобы бросить взглядъ въ сторону, и съ удовольствіемъ примѣчаетъ, что точно такой же взглядъ выглядываетъ изъ-за ѣлки и на него. Онъ снѣжится оставить гостеприимнаго хозяина и всѣми силами души устремляется туда, откуда блеснулъ ему теплый лучъ привѣта и дѣтской привязанности.

Читатели! не знаю, живали ли вы въ провинціи, но я, который благоденствовалъ въ Вяткѣ и процвѣталъ въ Перми, жуировалъ жизнью въ Рязани и наслаждался душевнымъ спокоичествомъ въ Твери, я смѣю васъ удостовѣрить, что воспоминанія о видѣнных мною елкахъ навсегда останутся самыми свѣтлыми воспоминаніями пройденной жизни! Во-первыхъ, какая-то умиротворяющая, праздничная струя носится въ это время въ воздухѣ, какая-то свѣтлая, радостная мысль просится въ душу при видѣ этихъ зажженныхъ свѣчей, этихъ полныхъ, румяныхъ лицъ, при звукахъ этого говора и смѣха; а во-вторыхъ, что за прелестныя созданія эти дѣти, какъ пылливо озираются ихъ уменьшительныя глазки, и какъ мало похожи они на своихъ отцовъ, тутъ же предстоящихъ и съ томленіемъ выжидающихъ момента, когда можно засѣсть за зеленый столъ или приударить по штейной части! Иной родитель расплослся непосредно толще, лицо у него на кругъ швейцарскаго сыру похоже, даже носа словно совѣмъ нѣтъ, а сынокъ у него, смотришь, шустренькій, черномазенькій, глазки такъ и прыгаютъ, а носикъ римскій, тоненькій, словно выточенный; иной родитель похожъ на артиста, черноволосый, художавый, бѣдный и вообще, что называется, интересный jeune homme, а сынокъ у него похожъ на губернатора, который, въ свою очередь, похожъ на конну. Вотъ и поди ты! Смо-

тришь, бывало, на этихъ улыбающихся, кудрявыхъ дѣтей. смотришь и думаешь: неужели Ваня будетъ когда-нибудь совѣтникомъ питейнаго отдѣленія? неужели эта рѣзвая, быстроглазая Ляля будетъ когда-нибудь вице-губернаторшею? Не подумавши, взгрустнешь потихоньку.

Коля, мой другъ! не отпоясывай такъ бойко казачка, ибо ты не будешь совѣтникомъ питейнаго отдѣленія! Скоро придетъ бука и всѣхъ совѣтниковъ оставитъ безъ прокорма!

Ляля, милый мой ребенокъ! Не округляй такъ своихъ маленькихъ ручекъ, не срывай такъ кокетливо головушку на правую сторонушку, не мани такъ мило Митю Прорѣхина, ибо Митя не будетъ вице-губернаторомъ! Скоро придетъ бука и всѣхъ вице-губернаторовъ упрядитъ за ненадобностью!

— Принесли? — спрашиваетъ, между тѣмъ, Наденька у Кобыльникова, который, нуцовой какъ вина, стоитъ передъ нею, переминая въ рукахъ шляпу.

— Я-съ, Надежда Ивановна... я-съ... и пачать, но еще не окончили, — заикается Кобыльниковъ.

— А я такъ думаю, что вы только похвастались, что умѣете стихи писать!

И Наденька порхнула отъ него, какъ птичка.

— Я, Надежда Ивановна, много уже успѣла написать. — умоляетъ вслѣдъ ей Кобыльниковъ.

Но Наденька была уже далеко и щебетала, обруженная своими подругами.

— Ахъ, дай поскорѣе! — умоляла Нюта Смушченская.

— Mesdames! мы уйдемъ читать въ спальную! — говорила Настя Пошлаикова.

— Нечего читать, онъ только похвастался! онъ совѣтъ и не умѣетъ писать стихи! — отвѣчала Наденька голосомъ, которому она усиливалась сообщить равнодушный тонъ, въ которомъ слышалась, однакожь, досада. — Mesdames, мы его не будемъ принимать сегодня въ наше общество!

Въ это время Кобыльниковъ приблизился.

— Наденька! — сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Наденька вскинула голову и взглянула на него такъ гордо, что бѣдный поэтъ внезапно почувствовалъ себя слупымъ.

— Вотъ еще новости! — сказала Наденька и при томъ такъ громко, что Кобыльниковъ осмотрѣлся во все стороны и не на шутку струсилъ, чтобъ восклицанія этого не услышала мапа Донатниковъ.

Постъ того вся юная компанія порхнула въ другую комнату, оставивъ Кобыльникова окончательно убитымъ.

— Какой онъ, однакожь, жалкій!—замѣтила при этомъ Нюта Смушценская.

— Вотъ еще, жалкій! Хвастуниъ — и больше ничего! — хладнокровно отвѣтила жестокосердая Паденька.

Кобыльникова стоялъ словно обданный холодной водой. На душѣ у него было смутно и пусто, и какъ на смѣхъ еще подвернулись тутъ два скверные и глупые стиха:

Ничто меня не утѣшаетъ,
Ничто меня не веселитъ...

которые такъ и жужжали, словно неотвязный комаръ, въ ушахъ его.

«Что за проклятый вечеръ! Сначала эта рюма поддѣйшая, а теперь вотъ и еще какая-то мерзость лѣзетъ!»— подумалъ Кобыльникова и даже сгорѣлъ весь отъ стыда.

А вечеръ, между тѣмъ, шелъ своимъ чередомъ.

Панъ-Лонатиковъ безъ трехъ обремизилъ статскаго со- вѣтника Понлавкова, несчастье котораго до такой степени поразило присутствующихъ, что всѣ, даже играющіе, какъ-то сжались и притихли, какъ бы свидѣтельствуя этимъ скорбнымъ молчаніемъ о своемъ сочувствіи къ великому горю угнетеннаго многочисленнымъ семействомъ мужа. Понлавковъ сидѣлъ красный, какъ ракъ, и какъ бы не понималъ, что вокругъ него происходитъ; даже ремиза не ставилъ, а бессознательно чертить пальцемъ по столу какую-то необыкновенную цифру. Супруга же его, заглянувъ въ комнату играющихъ, тотчасъ повернула пальцею кругомъ и сказала во всеулышаніе:

... А мой дуракъ только и дѣла, что проигрываетъ.

Дѣти шумѣли и вошновались: Митя Прорѣхнинъ доказательно убѣждалъ Васю Затиркина отдать ему свою долю орѣховъ, приводя въ основаніе такой резонъ, что у того, кто кушаетъ много лакомства, дѣлаются со временемъ соломенные пожки. Маня Кулагина упрямивала брата Сашу представить, какъ у нихъ на дворѣ индѣйскіе пѣтухи кричатъ: «здравіе желаемъ, ваше благородіе!» Сеня Порубинъ, мальчикъ горбатенькій и злющій, какъ бы провидя, что происходитъ въ душѣ Кобыльникова, подбѣгалъ къ нему и начиналъ задирать насчетъ отношеній его къ Паденькѣ, при чемъ позволялъ себѣ даже темные намеки относительно какихъ-то интимностей, «будто бы существовавшихъ между Паденькой и первоклассникомъ-гимназистомъ Прохоровымъ,

который въ это самое время забился въ уголь и, видимо, наслаждался, ковыряя въ носу. И Кобыльничковъ никакъ не могъ поймать Порубина, чтобъ надрать ему хорошенько уши, потому что скверный чертёнокъ, произведя ехидство, ускользала изъ рукъ его, какъ змѣя.

Наденька то и дѣлю порхала по комнатѣ и, какъ нарочно, смѣялась и болтала съ особеннымъ увлеченіемъ именно въ то время, когда проходила мимо огорченного поэта. Злую мысль внушила Кобыльничкову Сеня Порубинъ.

— Еще бы не быть веселой, когда душка-Прохоровъ здѣсь! — процѣдила опъ сквозь зубы въ одну изъ минутъ когда Наденька была близко отъ него.

Наденька вскинула и какъ будто остунилась.

— Вы это чтѣ говорите? — спросила она, останавливаясь передъ нимъ.

— Ничего; я говорю, что не мудрено, что нѣкоторымъ людямъ весело: душка-Прохоровъ здѣсь! — глухѣйшимъ образомъ наставлялъ Кобыльничковъ, погряывая ключикомъ отъ часовъ.

— Я надѣюсь, однако, что отъ этой минуты между нами все кончено? — сказала Наденька и тотчасъ же удалилась.

— Это какъ вамъ угодно-сь, — говорить велѣлъ Кобыльничковъ. — Конечно, со мной разстаться чтѣ же значить, когда есть въ запасѣ душка-Прохоровъ!

Обида эта глубоко уязвила крошечное сердце Наденьки, тѣмъ болѣе уязвила, что въ упрекъ Кобыльничкова была нѣкоторая доля правды. Дѣйствительно, быть короткій промежутокъ времени, но очень, впрочемъ, короткій, когда Наденька увлекалась Прохоровымъ. Слишкомъ рано развитой ребснокъ, она уже мечтала о чемъ-то; она украшала Прохорова различными достоинствами и добродѣтелями, которыя создавало ея дѣтское воображеніе; она любила уединяться съ нимъ и съ большою важностью говорила ему: «Теперь, Прохоровъ, потолкуемте о вашемъ будущемъ!»

Но Прохоровъ любилъ только ковырять въ носу и говорить съ увлеченіемъ единственно о лакомствахъ, потому что въ душѣ былъ великій и страстный обжора. Увлеченіе Наденьки скоро прошло; она была даже убѣждена, что никто ничего не замѣтилъ... и вдругъ! Наденька бѣгала около ѣлки; суетилась и болтала безъ умолку, но сердце ея работало. Среди начатой фразы, она вдругъ почувствовала, что нѣчто тѣснить ея грудь, что нѣчто жгучее подступаетъ къ ея глазамъ. Она вырвалась изъ толпы и убѣжала во внутреннїя комнаты.

Кобыльничковъ все это видѣть, но ничего не понять. Онъ видѣть, что Наденька весела, и понять только то, что у Наденьки, должно-быть, баншачокъ развязался, если она такъ стремительно убѣжала.

А Наденька, между тѣмъ, уткнувшись въ подушку, обливалась ее горячимъ слезами. И тѣмъ обильнѣе лились эти слезы, тѣмъ мягче и легче становилась самая обида, вызвавшая ихъ, тѣмъ наобильнѣе смотрѣлось въ душу иное чувство, чувство, которое, въ одно и то же время, и заставляло нить ея бѣдное сердце, и проливалось въ него цѣлые потоки радости и упокоенія.

— Гадкій Кобыльничковъ! — сказала она съ послѣднимъ всхлипываніемъ. — Бѣдный Митенька! — повторила она вслѣдъ затѣмъ, сладко задумавшись.

Блака, между тѣмъ, догорѣла; по данному знаку, дѣти кинулись на нее всею толпою и тотчасъ же повалили на землю; пронзено всеобщее замѣнительство; слышался визгъ, смѣшанный съ кликами торжества; Сеня Порубинъ, несмотря на свою хилость и многочисленные изъяны, какъ-то такъ изловчился, что успѣлъ задохнуть въ свои карманы чуть не половину гостинцевъ. Прохоровъ тоже ползѣть-было на фуражировку вмѣстѣ съ прочими, но ему не удалось достать ни одной палочки настлы, потому что дѣти подкатывались ему подъ ноги и рѣшительно не давали приблизиться за дѣло какъ слѣдуетъ; да къ тому же и няня маленькихъ Поплавковыхъ безъ церемоніи поймала его за руку и вывела изъ толпы, сказавъ при этомъ строго: «Стыдись, сударь! такой большой выросъ, а съ дѣтми баловаться хочешь! Еще Машенькѣ ручку отдалъ!»

Какъ было бы совѣстно Наденькѣ, если бы она видѣла эту сцену!

Но о ней вспомнили только тогда, когда слои уже не существовало. Папа-Лонатинокъ серьезно обезпокоился и собрался-было на пенекъ за своею дѣвочкой, какъ она появилась сама въ дверяхъ залы.

Наденька была нѣсколько блѣдна, но на вопросъ папани: «не болитъ ли головка?» отвѣчала: «не болитъ», а на вопросъ: «не болитъ ли животикъ?» отвѣчала: «ахъ, что вы, папана!» и, вся всыхнувши, спрятала свое личико на отцовской груди.

— Что же съ тобой, душенька? — допрашивалъ папаша.

— Ахъ, папана, какой вы! — отвѣчала Наденька и порхнула отъ него въ сторону.

Во время этого вопроса у Кобыльникова как-то все выше и выше поднималось сердце, и вдруг сдѣлалось для него ясно, что онъ прескверную штуку сыгралъ, сказавши Наденькѣ такую пошлость. Со злобою, почти съ ненавистью взглянулъ онъ на Сеню Порубина и началъ-было показывать золоченый орѣхъ, чтобы подманить его къ себѣ; но Сеня словно провидѣлъ, что дѣлается въ душѣ его, и, самъ показывая ему цѣлую кучу золоченыхъ орѣховъ, только смѣялся, а съ мѣста не трогался.

«Ну, чертъ съ тобой! когда-нибудь послѣ раздѣлаемся!» — подумалъ Кобыльниковъ и въ ту же самую минуту какъ бы инстинктивно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ была Наденька.

Оттуда глядѣли на него два сѣрыхъ глаза, и глядѣли съ тѣмъ же безграничнымъ простодушіемъ, съ тою же беззащитною нѣжностью, съ какою они привѣтствовали его изъ-за ѣлки въ минуту прихода. Точно припресли къ нему эти глубокіе, большіе глаза, точно не въ силахъ были они смотрѣть никуда въ другую сторону. Кобыльникову почувалось, словно кровь брызнула у него изъ сердца и вотъ истекаетъ капля по каплѣ и наполняетъ грудь его. Горячо и бодро вдругъ стало ему.

— Посмотрите-ка, Надья-то! — шептала зѣвище-Понлавова горьчичицу-Порубинной: — глазъ не можетъ отъ этого молокососа отвести, словно съѣсть его хочетъ!

— Влюблена, Анна Петровна, какъ конка влюблена! — отвѣчала таташ Порубина и какъ-то злобно дрогнула при этомъ плечами.

— Удивляюсь, однако, чего этотъ старій дуралей смотритъ!

— А чѣмъ же онъ не партия? Для безприданницы и такой хоть куда!

— Ну, да все же...

— Вы что же ко мнѣ не идете? — спрашивала, между тѣмъ, Наденька Кобыльникова тѣмъ полупонотомъ, въ который невольно переходитъ голосъ, когда идетъ рѣчь о дѣлѣ, затрагивающемъ всѣ живыя струны существа.

Кобыльниковъ не отвѣчалъ; онъ просто-на-просто задыхался.

— Вы что ко мнѣ не идете? — повторила Наденька.

Онъ продолжалъ молчать, хотя сердце въ немъ умирало отъ жажды высказаться. Онъ чувствовалъ, что если вымолвить хоть одно слово, то не въ силахъ будетъ выдержать. Можетъ-быть, онъ бросится къ Наденькѣ и стиснетъ

въ своихъ рукахъ это доброе, любящее созданіе; можетъ-быть, онъ не бросится, не залысается слезами и зарыдааетъ...

— Вы отчего мнѣ руки не даете?—наставвала Наденька.

— Наденька!—вырвалось изъ груди Кобыльникова.

— Вы зачѣмъ глухости говорите?

— Голубчикъ!— простонала Кобыльникова.

— А когда будутъ стихи?

Кобыльниковъ ужъ совсѣмъ-было собрался отвѣчать, что стихи не много, что стихи почти совсѣмъ готовы, что по только одно стихотвореніе, по десять, двадцать, сто стихотвореній готовъ онъ настроить на прославленіе своей милой, безцѣнной Наденьки, какъ вдругъ скверный мальчишка Порубинъ испортилъ все дѣло.

— Вообразъ!— шккнулъ онъ, едва-едва не проскакывая между ногъ Кобыльникова.

Кобыльникову показалось, что самъ злой духъ говорить устами мальчишки.

— Ты почему знаешь?— сказалъ онъ, рванувшись въ погоню за мальчикомъ и поймавъ-таки его.—Итъ, ты говори, почему ты знаешь?

— Мамаша, меня Кобыльниковъ дереть!—завизжалъ во всю мочь Сеня.

При этомъ восклицаніи Кобыльниковъ невольно выпустилъ изъ рукъ свою добычу и даже началъ гладить Сеню по головѣ.

— Нечего, нечего гладить по головѣ!— шипѣлъ юный змѣенышъ.—Мамаша! онъ меня дереть за то, что я его поймалъ съ Наденькой!

Началось слѣдствіе.

— Позвольте узнать, Дмитрій Николанчъ, что вамъ сдѣлало невинное дитя?— допрашивала Кобыльникова оскорбленная мама Порубина.

— Вашъ сынъ мнѣ сказалъ дерзость!—отвѣчалъ совершенно растерявшійся Кобыльниковъ.

— Мамаша! И ничего ему не говорятъ!—съ своей стороны жаловался Сеня, неусоно всхлиывая.

— Вашъ сынъ сказалъ мнѣ: «вообразъ!»!—виззашо брякнулъ Кобыльниковъ.

— «Вообразъ!»! Что такое «вообразъ»? И чѣмъ же это слово-для васъ обидно?

Говоря это, мама Порубина сомнительно погачивала головой и разводила руками.

— Ну, да! вообразь, пообразь, собразь, пообразь! — дразнялъ обовалившійся Сеня, приплясывая передъ Кобыльникомъ.

— Извольте видѣть? — сказали Кобыльничковъ.

— Вижу! все вижу! Стыдно намъ, молодой человекъ! Сеня! отойди прочь отъ нихъ и не смѣй никогда съ ними разговаривать!

Порубивъ величественно удалилась, уводи за руку Сеню и безпрестанно оглядываясь, какъ бы въ опасеніи, что за ней бѣжитъ по пятамъ сама чума.

Кобыльничкову сдѣлалось скверно; онъ вдругъ почувствовалъ, что не только скопирометрировалъ Наденьку, но и самъ сдѣлался смѣшнымъ въ ея глазахъ. Сколько онъ сдѣлалъ въ этотъ вечеръ глупостей! Онъ сдѣлалъ ихъ три: во-первыхъ, увлекся пелѣной рюмою, которая помѣшала ему кончить стихи, между тѣмъ какъ можно было бы одинъ стихъ и нерюмованный вставить (самые лучшіе поэты это дѣлаютъ); во-вторыхъ, сказалъ Наденькѣ какую-то пошлость насчетъ ея отношеній къ Прохорову; въ-третьихъ, связался съ нахостившимъ мальчишкой, который навѣрно произведетъ скандалъ на весь городъ. Кобыльничкову показалось, что все глаза обращены на него, что все лица проникнуты строгостью, и что даже служитель Андрей намѣривается взять въ руки метлу, чтобъ вымести его изъ честнаго дома гнуснаго соблазнителя пятнадцатилѣтнихъ дѣвицъ. Кобыльничкова бросило въ жаръ; чтобъ оправиться отъ своего смущенія, онъ поспѣшилъ юркнуть въ хозяйскій кабинетъ.

Тамъ за нѣсколькими столами шла игра. Играть въ ерландъ председатель казенной палаты съ губернскимъ прокуроромъ противъ совѣтника казенной палаты и батальоннаго командира. Председатель казенной палаты былъ не въ духѣ: къ нему пришло двѣнадцать никъ безъ туза и двойка червей; онъ сходилъ съ двойки никъ — тузъ оказался у партнера, который, однако, отвѣчать не могъ.

— Силу на капиталахъ! — жаловался председатель. — Вѣдь это все франки, все франки!

Прокуроръ былъ смущенъ: онъ понималъ игру и старался только угадать, какая же у председателя тринадцатая карта. Председатель, какъ бы провидя его думу, поспѣшилъ разсѣять все сомнѣнія и откровенно показалъ свою двойку червей, убѣждая только, чтобъ прокуроръ игралъ скорѣе.

Напротивъ того, къ совѣтнику валило: во всемя у него

была и игра, и поддержка, но самое счастье не радовало его, ибо онъ чувствовалъ, что оно огорчаетъ его начальника. Поэтому онъ всячески старался оправдаться; разбирая карты, пожимать плечами, какъ бы говоря: «вѣдь лѣзетъ же такое дурацкое счастье!» Дѣлая ходъ, не класть карту на столъ, а какъ-то презрительно швырять ее, какъ бы говоря: «вотъ и еще сунуть сынъ туза!» Но председатель не принималъ ничего въ уваженіе, а напротивъ того — вѣзлся на своего подчиненнаго.

— Вы зачѣмъ же игру-то свою раскрываете?—присталъ онъ къ нему.

Совѣтникъ сдѣлалъ репонсъ.

— У васъ трюфъ пѣтъ?— строго спросилъ батальонный командиръ.

— Нѣтъ-съ... есть-съ,—закчался совѣтникъ.

«И солгать-то не умѣть!»—подумалъ председатель.

А Кобыльничковъ смотрѣлъ на играющихъ и все думалъ, какъ бы чѣмъ-нибудь такимъ увѣнчать этотъ вечеръ, чтобы за одинъ разъ искупить, все три глупости. Ему вдругъ сдѣлалось хорошо и весело; ему представилась большая, освѣщенная комната; посреди комнаты стоитъ Наденька въ бѣломъ тарлатановомъ платьицѣ, а подлѣ Наденьки стоитъ онъ; у нихъ въ рукахъ бокалы съ шампанскимъ; къ нимъ подходятъ гости, тоже съ бокалами въ рукахъ, и поздравляютъ.

— Иванъ Дементычъ! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, подходя, подлѣ вѣяніемъ этихъ радужныхъ мечтаній, къ хозяйну дома: — позвольте мнѣ нѣсколько словъ вамъ наединѣ сказать-съ...

Иванъ Дементычъ посмотрѣлъ на него съ неудовольствіемъ, потому что это неожиданное внимательство отвлекло его отъ игры. Однако, видя, что Кобыльничковъ весь дрожалъ, онъ встревожился.

— Что такое еще? Ужъ не затерялъ ли Капустничковскаго дѣла?—спросилъ онъ.

— Мнѣ-съ... наединѣ!—повторилъ Кобыльничковъ.

Иванъ Дементычъ отошелъ съ нимъ въ сторону.

— Ну?—сказалъ онъ.

— Мнѣ-съ... я желаю...—закчался Кобыльничковъ, къ которому вдругъ возвратилась вся его робость.

— Да говори же, любезный, не мши!—съ досадой торопилъ Иванъ Дементычъ.

— Я прошу руки Надежды Ивановны! — скороговоркой проговорилъ Кобыльничковъ.

Иванъ Дементыичъ повернулъ жениха къ свѣту и на одно мгновеніе посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ. Потомъ тотчасъ же пошелъ на старое мѣсто, предварительно отмахнувшись, какъ будто хотѣлъ согнать свѣщую на носъ муху. Кобыльничковъ остолбенѣлъ и разставилъ не только руки, но и ноги: въ глазахъ у него позелесѣло, комматъ ходила кругомъ. Онъ понималъ только одно, что эта глупость была четвертая и при томъ самая крупная. Вдругъ онъ почувствовалъ, что промежъ ногъ у него что-то копошится: то былъ Сея Порубинъ.

— Аиъ, это четвертая!—дразнился скверный мальчишка, очевидно схватывая на-лету интимную мысль, терзавшую бѣднаго Кобыльничкова.

Кобыльничковъ даже не слыхалъ; онъ былъ уничтоженъ и опозоренъ, хотя панъ-Лонатниковъ, возвратясь на мѣсто, точно такъ же равнодушно объявилъ семь въ червихъ, какъ бы ничего и не случилось. А Порубинъ, между тѣмъ, все подлаясываетъ да поддразниваетъ: «аиъ, четвертая!» Кобыльничковъ крадется по стѣнкѣ, чтобъ какъ-нибудь незамѣтнымъ образомъ улизнуть въ переднюю. Сея Порубинъ замѣчаетъ это и распускаетъ слухъ, что у бѣглеца животъ болитъ. Кобыльничковъ слышитъ эту клевету и останавливается; онъ бодро стоитъ у стѣны и бравурируетъ; но, несмотря на это, уничтожить дѣйствіе клеветы уже невозможно. Между дѣвцами ходить шопотъ: «бѣдняжка!» Наденька краснѣетъ и отворачивается; очевидно, ей стыдно и больно до слезъ.

«Собразы!»—подсказываетъ проклятая память, и Кобыльничковъ, словно ужаленный, бросается вонъ изъ комнаты, производя своимъ бѣгствомъ ширвое шумуканье между дѣвцами

И вотъ опять Кобыльничковъ сидитъ въ одинокой своей квартирѣ, сидитъ и горько плачетъ! Передъ нимъ лежитъ Кауцстниковское дѣло, а слезы такъ и текутъ на бумагу; передъ нимъ: *просить куницъ Кауцстниковъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ шикоты*,—а у него глаза заволокло туманомъ, у него сердце рвется, бѣдное, на части!

Сквозь эти слезы, сквозь эти рыданія сердца, ему мелькаетъ свѣтлый образъ милой дѣвочки, ему чудится ея свѣжее дыханье, ему слышится бѣшеніе ея маленькаго сердца...

— Митенька?—говоритъ она, вся застыдившись и склонивъ на его плечо свою бодрую голову.

— Mesdames, — шепчут кругомъ дѣвцы: — mesdames! у Кобыльникова животъ болитъ!

Кобыльникова вскакиваетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ, схватывая себя за голову и вообще дѣлая все жесты, какіе приличны человеку, пришедшему въ отчаяніе.

«Вобразъ!» — кричитъ вдругъ неотвѣчивая память.

Кобыльникова закусываетъ себѣ въ кровь губу отъ злости: онъ опять садится къ столу и опять принимается за Капустниковское дѣло, въ надеждѣ заглушить въ себѣ воспоминація вечера.

А за перегородкой возятся хозяева-мѣщане. Они тоже — но всему видно — воротились изъ гостей и собираются спать. Слышны вздохи, слышно выниманіе ящичковъ изъ комодовъ, слышенъ шелестъ какой-то, который всегда сопровождаетъ раздѣваніе и укладываніе. Наконецъ, все стихло.

— Дура ты или нѣтъ? — допрашиваетъ хозяйка свою хозяйку: — дура ты или нѣтъ?

— Ты проснись, пьяница! Ты опомнись, какой завтра праздникъ-то! — усердствуетъ хозяйка.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи: дура ты или нѣтъ? — настаиваетъ хозяйка.

За перегородкой слышится потрясающее званье. Голова Кобыльникова мало-по-малу складывается и, наконецъ, совсѣмъ упадетъ на Капустниковское дѣло. Ему снится бѣда, ему снится, что онъ стоитъ посреди освѣщенной залы и что рядомъ съ нимъ, вмѣсто Наденьки, стоитъ купецъ Капустниковъ и проситъ, а о чемъ, тому слышуютъ шуркты...

VI.—Миша и Ваня.

Забятая исторія.

Въ передней сидятъ два мальчика, Ваня и Миша, и ждутъ барыню изъ гостей. Скоро полночь, а барыня все не ѣдетъ; салыный огарокъ ошлытъ и погорѣлъ; тусклай и мелькающій свѣтъ его освѣщаетъ только лица двухъ собесѣдниковъ, да столъ, передъ которымъ они сидятъ; вверху и по угламъ темно. Въ домѣ тихо, словно въ гробу; горничныя дѣвки давно ужъ поужинали, воротились изъ кухни и улеглись спать, гдѣ понало, наказавши мальчикамъ разбудить ихъ, какъ только прѣдетъ барыня. Въ окна, по временамъ, показывается что-то бѣлое: мелькнетъ-мелькнетъ и опять скроется; это смилетъ свѣтъ, но мальчики думаютъ, что выглядываетъ голова мертвеца, и вадрагиваютъ.

Ваня мальчикъ крѣпкій, быстрый, черноволосый и черно-

глазъ; онъ увѣряетъ Мишу, что ничего не боятся, что однажды онъ видѣлъ настоящаго, заправскаго мертвеца — и того не струснулъ.

— Я ничего не боюсь, — говоритъ онъ, невольно, впрочемъ, блѣднѣя, когда морозъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, стукнетъ въ стѣны барскаго дома: — мнѣ только скучно, да и то съ тобой ничего!

— А ну, какъ мы сгоримъ? — робко спрашиваетъ Миша.

— Сгорѣть мы не можемъ, — отвѣчаетъ Ваня такимъ увѣреннымъ тономъ, что Миша тотчасъ же успокаивается.

Миша, въ противоположность Ванѣ, мальчикъ слабѣйшій, первный, блазенькій, съ блокурою годовкой и большими свиними глазами. Онъ часто поглядываетъ на потолокъ и, увидѣвши, какой тамъ сгустился мракъ, вздрагиваетъ и пожимается.

Въ ту минуту, какъ мы съ ними знакомимся, они ведутъ оживленный, но нѣсколько странный разговоръ.

— Холоднымъ-то пожомъ, чай, больно? — спрашиваетъ Миша, пристально глядя Ванѣ въ глаза.

— Это только разъ больно, а потомъ ничего! — отвѣчаетъ Ваня и покровительственно гладитъ Мишу по головѣ.

— А помнишь, какъ поваръ Михей рвался! Тоже сначала все хвастался: зарѣжусь да зарѣжусь! а какъ польснунуль пожомъ-то по горлу, да какъ потекла кровь-то...

— Ну, что-жъ, что поваръ Михей! Михейка и вышелъ дуракъ! Потому, небось, выльчился, а для чего выльчился? все одно наказали дурака; а мы ужъ такъ польснемъ, чтобъ не выльчиться!

— Ты ножки-то приготовить ли, Ваня?

— Когда не приготовить! еще съ утра вытопнѣлъ! Только ты у меня смотри, чуръ, не отступаться!

Миша вздохнулъ потихоньку; глаза его остановились на нагорѣвшей свѣчѣ.

— Что, развѣ снять со свѣчки... въ послѣднѣй разъ! — сказалъ онъ слегка взволнованнымъ голосомъ.

— Что съ нею снимать-то? А и тебѣ вотъ что скажу, Мйшутка: коли мы это тенерича сдѣлаемъ, такъ безпрѣмѣнно въ рай попадемъ, потому тенерь мы маленькіе и грѣховъ у насъ нѣтъ! А замѣсто насъ попадетъ въ адъ Катерина Аванасьевна!

— А Ивану Васильичу будетъ за насъ что-нибудь?

— Ну, Ивану Васильичу, можетъ, и проститъ Богъ, потому онъ не самъ собою дѣйствуетъ!

— Катерицу-то Аонасьевну, стало-быть, мучить будутъ?

— Еще какъ, братъ, мучить-то, не роди ты, мать-земля! Первымъ дѣломъ на желѣзный крюкъ за ребро поймаютъ, вторымъ дѣломъ заставятъ голыми ногами по горячей плитѣ ходить, потомъ сковороду раскаленную языкомъ лизать, потомъ желѣзными кнутьями по голой спинѣ бить... да столько, братъ, мученіевъ, что и сказать страсти!

— А вѣдь она не стерпитъ, Катерица-то Аонасьевна?

— Что ей, чорту экому, сдѣлается! стерпитъ! Да тамъ, братъ, Минутка, на это не посмотрятъ! Тамъ, братъ, терпи! а не можешь терпѣть—все-таки терпи!

Разговоръ на минуту смолкъ. Вдругъ на улицѣ завывла собака, завывла жадобно и тоскливо, какъ умѣютъ вѣть только собаки.

— Ишь ты, это Трезорка покойника почувля!—сказала Миша измѣнившимся голосомъ.

— Ну, что-жъ что почувля! Известно, почувля! А ты, небось, ужъ и трусу спразнивала!

— Нѣтъ, Вани, я не боюсь, я такъ только... я только думаю, отчего это собака всегда покойника чувствуетъ?

— А оттого, что собака—другъ человѣка! Вотъ лошадь тоже другъ человѣка, только она понятія не имѣетъ, а собака—она все понимаетъ, оттого и покойника чувствуетъ!

— А что, Вани, кабы утопнуть?—спросила вдругъ Миша.

— Чудакъ ты, Минутка! Ты мнѣ Расскажи сперва, какая нынче вода? Ты скажи, лѣто нынче, что ли?

— Да, нынче вода холодная... чай, въ воду-то бултыхнешься, такъ и не стерпишь!

— Вотъ то-то же и есть! Утопнуть-то—надо въ прорубь лѣзти, да еще барахтаться станешь, вылѣзешь, пожалуй; что однихъ мученіевъ тутъ примешь—пойми ты! А съ ножомъ ловко! ножомъ какъ польснулъ себя разъ—тутъ тебѣ и конецъ! Разумѣется, надо крѣпче!

— И бить никто больше не будетъ!—прошептала Миша.

— И бить не будетъ! Возьмутъ твою душу ангелы и несутъ къ престолу Божьему!

— А Богъ—ничего?

— А Богъ—спросить: зачѣмъ вы, рабы Божіи, предѣла не дождались? зачѣмъ, скажете, вы смертную мѣру безо времени приняли? А мы Ему все и скажемъ!

— Мы все скажемъ, какъ насъ Катерица Аонасьевна мучила, какъ намъ жить топиѣхонько стало, какъ насъ день-денской все били... все-то били, все-то тиранили!

Миша потушился; накопившія на сердцѣ слезы горячимъ ключомъ хлынули изъ глазъ. И текли эти слезы, текли свободно, безъ усилій, безъ grimaces, какъ течетъ созрѣвшій негодникъ изъ переполненной груди земли-матери. Ваня сталъ утѣшать расплакававшася.

— А мы ловко ее завтра надуемъ, Катерину-то Аванасьевну,—сказалъ онъ:—завтра гости у нея за столомъ соберутся, анъ служить-то будетъ и некому!

Миша вздохнулъ въ отвѣтъ.

— Я и ножи-то все попряталъ,—продолжалъ Ваня:—и вѣдь-то печтъмъ будетъ.

А Миша все-таки никакъ не могъ уняться; Ваня все возможное дѣлалъ, чтобъ какъ-нибудь развлечь его; сначала со свѣчи снялъ, потомъ глянулъ въ окно и сказалъ: «А сиверь-то, сиверь-то какой разыгрался! Ишь ты! ишь ты!»; наконецъ тоненькимъ голоскомъ зацѣлъ: «Ахъ вы, ночи, ночи наши темныя!»—но Миша не только продолжалъ плакать, но при звукахъ пѣсни еще болѣе растужился.

— Нюня ты!—сказалъ Ваня съ интересіемъ.

Въ залѣ загудѣли часы. Заслышавши эти шипящіе звуки, Миша вздрогнулъ, въ послѣдній разъ глубоко вздохнулъ и пересталъ плакать.

— Скоро барыня пріѣдетъ,—робко сказалъ онъ, насчитавши двѣнадцать часовъ.

— Дожидайся—скоро!—отвѣчаетъ Ваня. — Эхъ, теперь бы вотъ соснуть лихо!

— Нѣтъ, ужъ ты не спи, Ваня, Христа-ради!

— Небось, боишься?

— Боюсь!—признался Миша и весь съѣжился.

— Ну, дуракъ и есть! Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что тамъ ничего нѣтъ!—ноучалъ Ваня, указывая на двери, которыя вели въ неосвѣщенный коридоръ.—Хочешь, я сейчасъ туда пойду?

Однако, угрозы своей не исполнить. Водворилось молчаніе, а съ нимъ вмѣстѣ водворилась и тишина, тоскливая, надрывающая сердце тишина... Мальчики пристально вглядывались въ трепещущее пламя свѣчи; Ваня водилъ по столу большимъ пальцемъ, нажимая его, отчего палецъ сначала двигался плотно, а потомъ начиналъ подпрыгивать. На дворѣ опять завяла собака.

— Ишь ес! ишь ес!—вымолвилъ Ваня и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ:—А что, Миша, гдѣ-то теперь Оля?

Оля была сестра Миши. Это была хорошенькая, блѣ-

курал и бѣленькая дѣвушка, очень похожая на своего брата; ей было семнадцать лѣтъ. Съ полгода тому назадъ она неизвестно куда пропала, и разказовъ объ этомъ внезапномъ исчезновеніи ходило между дворней множество. Говорили, что она отъ дурного житія скрылась, но говорили также, что и отъ стыда. Достоверно было то, что однимъ утромъ она пошла на рѣчку стирать и не возвратилась; на берегу была найдена корзина съ невыстираннымъ бѣльемъ, но ни одежды прачки, ни даже тѣла ея нигдѣ найдено не было. Достоверно также, что за два дня передъ тѣмъ она была острижена и что по этому случаю плакала, рвалась и убивалась. Барыня клялась и надсаживала себѣ грудь, завѣряя, что поганка Ольгушка утопилась не отъ дурного обращенія, а для того, чтобъ скрыть свой стыдъ. Тѣмъ не менѣе, на всемъ этомъ происшествіи лежала какая-то горькая тайна, и неизвестно было даже, дѣйствительно ли утопилась Ольга, или только бѣжала. При слѣдствіи нѣкоторые дворовые люди показали-было, что житіе Ольги было «пехоршее»; но исправникъ, производившій слѣдствіе (такъ какъ происшествіе случилось въ подгородней деревнѣ Катерины Аванасьевны), ничему этому не повѣрилъ.

— Ну, вы это все врете! Вы говорите правду, а не врете! — сказалъ онъ показателямъ и тутъ же приказалъ пригласить Катерину Аванасьевну.

Катерина Аванасьевна ахала и смылалась на то, что у нея людей говядиной кормятъ. Позвали людей и спросили, дѣйствительно ли ихъ кормятъ говядиной; отвѣтъ былъ, что кормятъ. Исправникъ подумалъ, посоветъ и записать: «Помѣщики содержать людей хорошо и даже говядиной кормятъ».

— Что же вы, бестія, врали? — обратился онъ къ дворовымъ.

Дворовые стояли блѣдные и переминываясь съ ноги на ногу; у нѣкоторыхъ искусами были до крови губы. Катерина Аванасьевна замѣтила эту нераскаянность и сочла справедливымъ унасть въ обморокъ. Исправникъ бросился утѣшать ее, уславъ оторопѣвшаго Ивана Васильевича за сиртомъ. Результатомъ всего этого было краткое, но сильное объявленіе, написанное рукою самого исправника. Оно гласило:

«Утромъ 24-го сего іюня изъ сельца Полянокъ неизвестно куда скрылась принадлежащая отставному штабсъ-ротмистру Ивану Васильевичу Бялицеву дѣвка Ольга Никандрова. При-

мѣтами та дѣвка: роста высокаго, бѣлокура, волосы стрижены, лицомъ бѣла, глаза снѣгіе, носъ и ротъ умѣренные, особая примѣта: надъ лѣвой ноздрей небольшое родимое пятнышко; есть подозрѣніе въ беремености. Унесла съ собой данное ей помѣщикомъ нестрядивное платье, въ которое и была въ тотъ день одѣта. *Полицейскія начальства*, въ вѣдомствѣ конкъ та бѣлая дѣвка окажется, благоволятъ препроводить оную въ р—ій земскій судъ, для отдачи по принадлежности».

Тѣмъ это дѣло и закончилось. Катерина Аванасьевна на нѣкоторое время присмирѣла, но мѣсяца черезъ два совсемъ забыла о происшествіи и начала журновать жизнью попрежнему.

Катерина Аванасьевна была глубоко развращенная женщина, но не знаю, имѣю ли я право называть ее злою. По крайней мѣрѣ, весь городъ къ ней ѣздилъ, и цѣлый день въ ея домѣ было, что называется, разлитанное море; весь городъ зналъ, какіе она *фарсы* выдѣлывала надъ Машками и Ольгушками, и, тѣмъ не менѣе, никто не рѣшался отозваться объ этихъ фарсахъ не только строго, но даже и уклончиво. Напротивъ того, се всѣ любили, потому что въ своемъ кругу она была барыня веселая и даже добрая, многими изъ своихъ друзей дѣлала разныя одолженія и всѣхъ равно отлично принимала и кормила.

— Сегодня у Катерины Аванасьевны за обѣдомъ, въ супѣ, таракана подали, — говорили про нее въ городѣ: — что-же бы вы думали? Она преспокойно-себѣ позвала повара и приказала ему таракана съѣсть!

— Лихая баба!

— Бѣдоваал!

Нѣкоторые, конечно, дѣлали изрѣдка предположеніе, «какъ бы, дескать, не понастѣя Катеринѣ Аванасьевнѣ за эти *фарсы*», но очевидно, что въ этомъ случаѣ сомнѣніе заподозало совсемъ не по поводу самыхъ *фарсовъ*, а по поводу глагола «понастѣя». Самые же фарсы служили какъ бы ослѣнкомъ для обнаруженія своего рода остроумія, котораго кровавости никто не замѣчалъ, своего рода изобрѣтательности, которой схиства ничто не подозрѣвать.

— Сенька, поди, лизни пещку! — говорили Сенькѣ.

Сенька лизалъ пещку и обжигалъ языкъ; онъ возвращался весь красивый, лицо его какъ-то неестественно напыживалось, изъ глазъ выжимались слезы.

— Ну, дуракъ, еще ревѣть вадумать! — говорили одни.

— Рожа-то, рожа-то какая! — восклицали другіе.
И затѣмъ слѣдовало взрывъ общаго, веселаго хохота.
Хохотъ — и больше ничего...

Не ясно ли, что все это безъ злорадства дѣлалось, что при этомъ главный расчетъ совѣмъ не въ томъ состоятъ, чтобъ причинить Сенькѣ мучительную боль, а въ томъ, чтобъ посмотреть, какую Сенька рожу умерительную скорчить, какъ онъ напыжится... Самые крѣткіе люди молчали, когда Сеньку послали лизать пылающую печь; самые крѣткіе люди не могли слегка не фыркнуть, когда Сенька возвращался, но совершилъ своего подвига, весь красный и пыхтищій... Они молчали и фыркали не потому, чтобъ одобряли подобнаго рода увеселенія, но просто потому, что такое ужъ время юмористическое было.

Теперь все это какой-то тяжкій и страшный кошмаръ; это кошмаръ, отъ котораго освободило Россію прекрасное, великодушное слово цари-освободителя... Да, оно одно. Ибо кто же можетъ ручаться, не лизалъ ли бы — безъ этого слова — Сенька горячую печку и до сей минуты? Не ходила ли бы дѣвка Ольга Никандрова и до сей минуты стриженная и оплеванная гостями своей барыни? Удѣ гарантіи противнаго? Въ правахъ, что ли? Но развѣ не извѣстно, что славыне имѣютъ нравъ веселый, легкій и мало углубляющійся? Въ слезахъ, что ли? Но развѣ не извѣстно, что слезы, которыя при этомъ капаютъ, капаютъ внутрь, капаютъ кровавыми каплями на сердце и все накинута, все накинута тамъ, откуда не перекинять совершенно?

Никогда не бываетъ зло такъ сильно, какъ въ то время, когда оно не чувствуется, когда оно, такъ сказать, разлито въ воздухъ. — «Что это за зло? — говорятъ тогда добросовѣстные изслѣдователи, которые имѣютъ привычку разсматривать предметы не съ одной, а со всѣхъ сторонъ: — это не зло, а просто порядокъ вещей!» — И на этомъ усюкаиваются.

Кто же можетъ утверждать, что такому порядку вещей не суждено было продлиться и еще на многія лѣта, если бы сильная воля не вызвала насъ изъ тѣмны кроваваго добродушія и бездны ехидной веселости?

Повторяю: это былъ тяжкій и страшный кошмаръ, въ которомъ и давящія, и давимыя были равно ужасны.

Напоминаніе о сестрѣ подѣйствовало на Мишу болѣзненно. Онъ вдругъ, словно подъ тяжестью какой, пригнулся; блѣдное его личико сдѣлалось блѣтѣ желтого и на необсохшихъ еще глазахъ опять сверкнуло слезообильное облако.

— А вѣдь она барыня являлась!—продолжалъ Ваня.

— Врешь ты!—вскликивалъ Миша чуть слышно.

— Являлась—это вѣрно! Ключница Матрена сказывала, что барыня-то, словно мертвая, изъ снальни въ ту пору выскочила, ни кровинки въ лицѣ нѣтъ!

— Врешь ты, она жива!—наставлялъ Миша, совершенно захлебываясь слезами.

— Ну, братъ, нѣтъ, это погоди! Она утонула — это ужъ какъ дважды-два! Изъ-за чего-жъ бы ей тогда барыня являться, кабы она не утонула!

— Врешь ты! врешь все!—кричалъ Миша, съ которымъ чуть не сдѣлалась истерика.

— Ну, и опять-таки ты дуракъ! Изъ-за чего ты нони-то распустилъ! Извѣстно, намъ одинъ конецъ!

Миша смолкъ; онъ, повидимому, что-то припоминалъ. Припоминалъ онъ, какъ Оля, проходя мимо него, наскоро трещала его по щекѣ и притоваривала: «Дурачка ты мой!»; припоминалъ онъ, какъ Оля однажды надѣвала на него чистенькую новенькую рубашечку и сказала при этомъ: «Ну, носи теперь на здоровье, Минутка ты мой!»; припоминалъ онъ, какъ однажды Оля выбѣжала въ лакейскую вся блѣдная, и изъ глазъ ея ручьями текли слезы; припоминалъ онъ голосъ, молившій о пощадѣ, голосъ искаженный, вымученный, кричавшій: «Магюшка, Катерина Аванасьевна, не буду! батюшка, Ивалъ Васильевичъ, не буду!»; припоминалъ онъ, какъ упала изъ-подъ ножницъ длинная русая коса Оленькина, какъ Оля билась и рвалась...

«Ахъ, не надо! не рѣжьте!»—раздавался въ ухахъ Миши знакомый молящій голосъ, раздавался съ такою ясностью и отчетливостью, что онъ вдругъ повѣрилъ... Онъ повѣрилъ, что Оля умерла дѣйствительно, и что это она, именно она является къ барыня и мучитъ ее по ночамъ. Ему показалось даже, что она и теперь съ ними, что она зоветъ его.

— Оля-то здѣсь вѣдь!—сказалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Ну, вотъ это ты ужъ врешь!—отвѣтилъ Ваня, и между тѣмъ самъ вздрогнулъ и инстинктивно озирался кругомъ.

— Ей-Богу здѣсь!—наставлялъ Миша.

— Дуракъ ты! говорятъ тебѣ, нѣтъ никого! И изъ-за чего ей являться-то къ намъ? Ты пойми, зачѣмъ покойникъ является? Покойникъ является затѣмъ, чтобъ мучить; а

насть за что мучить она будет? Мы вѣдь Олю не трогали, Оля была добрая... да, она добрая была дѣвка!

— Оля была добрая! — машинально повторилъ Миша и ласково взглянулъ на своего товарища.

— Постой-ка, я по угламъ посмотрю! — продолжалъ Ваня, какъ будто съ единственною цѣлью успокоить Мишу; но очевидно было, что онъ и самого себя не прочь были успокоить.

Ваня всталъ съ лавки и сначала посмотрѣлъ подъ столъ; потомъ обошелъ всю комнату и въ углахъ, даже пошарилъ по стѣнѣ; потомъ заглянулъ въ дверь, ведущую въ коридоръ. Никакого виднѣя шидѣ не оказалось.

— Ну, вотъ, и нѣтъ ничего! — сказалъ онъ, усаживаясь на старое мѣсто.

— Оля была добрая! — задумчиво повторилъ Миша.

— За доброту-то и въ дворикъ ее всѣ любили! Помнишь, Степка какъ убивался, какъ она пропала-то? Степка-то, говорятъ, жениться на ней хотѣлъ!

— Стало, его за это въ ту пору въ часть послали?

— За это, за самое... Степка-то баринѣ говоритъ: «Лучше, говоритъ, Катерина Аванасьевна, вы меня тещича въ солдаты отдайте, а служить, говоритъ, я вамъ не желаю!»

— Ишь ты!

— А баринъ говоритъ: «Нѣтъ, говоритъ, Степушка, въ солдаты я тебя не отдамъ, а вотъ въ пастухахъ ты у меня стнѣшь!» И глѣшь!

— И для чего только это она его въ солдаты не отдала!

— А потому, братецъ, такой у ней нравъ!

— А вѣдь въ солдатахъ, Ваня, хорошо?

— Ну... кто-жь его знаетъ! Однако, все лучше, чѣмъ у насъ; у насъ ужъ какая жизнь!

Миша опять задумался; онъ хотѣлъ сказать Ванѣ, что лучше было бы въ солдаты пойти, чѣмъ... но на этомъ мысль его оборвалась; очевидно, онъ боялся разсердить Ваню и выставить себя въ глазахъ его трусомъ.

— А знаешь ли что, Мишутка? — вдругъ спросилъ Ваня.

— Что тебѣ?

— Пойдемъ-ка мы, обойдемъ комнаты... посмотримъ!

Мишѣ тотчасъ же мелькнуло: въ послѣдній разъ!

— Пойдемъ, Ваня, — сказалъ онъ.

Ваня свилъ со свѣчи и пошелъ впередъ.

— Вотъ это, братъ, зала! — сказалъ онъ, когда пришелъ въ первую комнату.

— Зала!—проговорилъ за нимъ Миша.

— Кланяйся, братъ, теперь на всѣ четыре стороны! —
наставлялъ Ваня.

Миша поклонился на всѣ четыре стороны; Ваня исполнилъ, вмѣстѣ съ нимъ то же самое.

Такимъ образомъ обошли они всѣ комнаты и всадъ простились; дошли, наконецъ, до крайней комнаты, гдѣ стояла широкая двуспальная кровать.

— Ишь ихъ!—сказалъ Ваня и не только не поклонился на всѣ четыре стороны, но плюнулъ.

— Знаешь ли что, — продолжалъ онъ: — зажжемъ-ка теперь лампацію! Вѣдь коловка-то еще, чай, долго не придегъ!

— Зажжемъ! — согласился Миша, и на лицѣ его сверкнула дѣтски-радостная улыбка.

По всему видно было, что натура Миши была натура нѣжная, женственная, артистическая; онъ любилъ, когда въ комнатѣ бывало свѣтло и свѣжо, и, напротивъ того, курилъ въ мракѣ и спергомъ воздухъ передней. По всему видно также, что Ваня зналъ про это свойство Миши и желалъ чѣмъ-нибудь угодить ему.

Зажгли лампацію дѣйствительно блестящую; Миша пожелалъ быть хозяиномъ, Ваня изъявилъ согласіе быть гостемъ. Но едва успѣли хозяинъ и гость усесться съ ногами на диванъ, едва успѣлъ хозяинъ предложить своему гостю обычный вопросъ о здоровьѣ, какъ въ передней раздался сильнѣйшій трезвонъ. Хозяинъ и гость бросились тушить свѣчи, но впопыхахъ дѣло не сворилось; раздавался еще трезвонъ, болѣе сильный и болѣе нетерпѣливый.

Наконецъ, свѣчи кое-какъ потушили и бросились въ переднюю. Черезъ дверь еще Ваня слышалъ, какъ баринъ сердиться изволилъ.

— Это все мальчишки-мерзавцы!—говорила она въ величайшемъ гнѣвѣ.—Вотъ уже погоди!

— Успокойся, душенька, — уговаривалъ Иванъ Васильичъ:—можетъ-быть, это братецъ Пиканоръ Аоанасьичъ прѣхалъ!

Въ это время Ваня отперъ наружную дверь.

— Братецъ Пиканоръ Аоанасьичъ здѣсь?—былъ первый вопросъ барыни.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Кто же свѣчи въ залѣ зажигалъ?

— Никто не зажигалъ-съ.

— Мерзавец!

Сильный удар свалил Ваню съ ногъ.

— Кто зажигалъ свѣчи въ залѣ? — нагнулась барыня на Мишу, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, — едва-едва прошептала Миша.

— Долго ли вы мучить-то насъ будете? — какимъ-то неестественнымъ голосомъ закричалъ Ваня, вскочивъ съ полу, и не успѣвъ никто моргнуть глазомъ, какъ онъ уже выпяля ногтями въ ротъ и носъ Катерины Аоанасьевны.

Катеринѣ Аоанасьевнѣ сдѣлалось дурно; Ваню насилу отняли отъ нея, потому что онъ словно замеръ и заочинѣлъ весь. Катерину Аоанасьевну повели подѣ руки въ спальню, при чемъ Иванъ Васильичъ приговаривалъ: «И какъ это тебѣ, матушка, не стыдно безноCENTъ себя изъ-за этихъ хамовъ!» Ваню тоже увели на кухню; онъ не плакалъ, а только кричалъ; очевидно, что все существо его было глубоко и рѣзительно потрясено, что онъ не обладалъ собою, и этотъ рѣзкій неестественный крикъ вылеталъ изъ его груди помимо его воли. Вся дворня страшно переполомилась и сбѣжалась кругомъ Вани; начали его оттирать и насилу уняли. Когда крики унялись, Ваня мгновенно и крѣпко заснулъ.

Потому ли, что Катерина Аоанасьевна дѣйствительно заболѣла, или потому, что дворовые доложили объ изступленіи, въ которомъ находился Ваня, по распоряженію насчетъ мальчиговъ въ ту ночь никакого сдѣлано не было. Сказано было только держать обоихъ въ кухнѣ. Миша легъ подлѣ Вани, но долго не могъ сомкнуть глазъ; завтрашній день представлялся его возбужденному воображенію со всѣми подробностями, со всѣми ужасающими истязаніями. Мерещились ему пуки розогъ, мерещилась ему Катерина Аоанасьевна; лицо ея словно пылало, на головѣ словно змѣи вились, разбѣвая рты, и высовывались оттуда огненные жала. Ваня по временамъ стоналъ; дворовые кругомъ безмятежно спали; Мишѣ сдѣлалось странно...

«Ахъ, не надо! ахъ, не рѣжьте!» — раздавалось у него въ ухахъ, и образъ сестры носился передъ его глазами, какъ живой, но не въ затронеизмомъ, истасканномъ платьѣ, а весь бѣлый, прозрачный, весь словно озаренный чудеснымъ блескомъ...

Наконецъ, часовъ около трехъ онъ заснулъ.

Въ четыре часа Ваня разбудилъ его. Долго смотрѣлъ на

лего Миша изумленными, слипающимися глазами, долго не могъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ...

— Пора!—шепталъ Ваня.

Миша вздрогнулъ, но все еще не понималъ.

— Вставай!—настаивалъ Ваня.

Миша машинально всталъ и машинально же одѣлся. Они вышли въ сѣни; холодный воздухъ охватилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и нѣсколько отрезвилъ Мишу. Въ рукахъ у Вани были ножницы; онъ проворно скинулъ съ себя казакинъ и началъ рѣзать его на куски.

— Не доставайся никому!—шепталъ онъ какъ-то злобно и сосредоточенно.

Потомъ онъ снялъ съ себя сапоги и проткнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ головки.

Миша смотрѣлъ на это, и вдругъ въ немъ вспыхнула какая-то страстная жажда жизни. Онъ ухватилъ себя обѣими ручьями за горло, началъ метаться и залакалъ.

— Юни! ступай спать!—произнесъ Ваня.

— Нѣтъ, нѣтъ!—закачался Миша:—нѣтъ, нѣтъ!.. я пойду! я право, пойду!

— Что-жъ ты решишь? Развѣ вчера не видѣлъ?

Они вышли на дворъ и перелѣзли черезъ заборъ. Улица была пуста, и непробудная тишина царствовала по всему городу. Дворовая собака Трезорка бросилась было къ нимъ съ ласковымъ визгомъ, но Ваня показалъ ей кулакъ, вслѣдствіе чего она вильнула раза два хвостомъ и юркнула въ свою конуру. Утро было не столько холодное, сколько сырое и туманное; словно облако какое-то висѣло надъ улицей, словно мгла, наполненная иглистыми атомами, застилала воздухъ. Ваня былъ въ одной рубашкѣ; ему сдѣлалось холодно.

— Ну, братъ,—сказалъ онъ:—это я напрасно... Напрасно, значить, я теперича казакинъ свой изрѣзалъ!

Миша не отвѣчалъ ему: вообще онъ дѣйствовалъ какъ-то страдательно, словно горѣла, и упорно горѣла, въ немъ непорванная струя жизни, но не знала, какъ ей высказаться, какъ прорваться наружу.

И вотъ передъ ними оврагъ; въ этомъ оврагѣ условились они исполнить свое намѣреніе; Ваня рассчитывалъ, что тамъ никто имъ не помѣшаетъ, никто не можетъ придти скоро на помощь.

Ваня спустился и пошелъ впередъ; онъ былъ бодръ, а между тѣмъ манящіе, сладкіе голоса жизни говорили и въ пень; онъ смѣялся, а между тѣмъ въ груди его закичала

какая-то страстная жажда; онъ шелъ и точилъ другъ объ друга ножи; но звукъ, который отъ этого происходилъ, былъ какой то невеселый, отрывистый звукъ; онъ чувствовалъ, что внутри его все горитъ, а между тѣмъ блѣдное, исхудалое тѣло ходенемъ ходило отъ пронизающей сырости и холода... Миша шелъ за нимъ слѣдомъ и попрежнему былъ въ какомъ-то забытѣи.

На свѣту, будочникъ, спокойно спавшій въ своей будкѣ, былъ разбуженъ проезжими мужиками. Мужики слышали стонъ въ оврагѣ и почтительно докладывали о томъ дремлющему блюстителю общественной тишины.

— Батюшки! помогите!—прозвенѣло въ эту самую минуту въ воздухѣ.

Спустились въ оврагъ и нашли двухъ мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ въ казакскіе, другой—въ одной рубашкѣ. Ваня былъ бездыханенъ, но Миша еще былъ живъ. Невѣрная, трепещущая рука въ нѣсколько приѣмовъ полоснула ножомъ по горлу, но робко и нерѣшительно.

Жажда жизни сказалась и восторжествовала.

VII.—Нашъ дружескій хламъ.

Когда мы, губернскіе аристократы, собираемся другъ у друга по вечерамъ, какого рода можетъ быть у насъ между собою бесѣда? Перемиваемъ ли мы косточки своихъ ближнихъ, бесѣдуемъ ли о существѣ лежащихъ на насъ обязанностей, сообщаемъ ли другъ другу о нашихъ служебныхъ и сердечныхъ *bonnes fortunes*, о томъ, наиримѣръ, что сегодня утромъ былъ у насъ подрядчикъ Скопнищевъ, а завтра мы ждемъ заводчика Бѣлугина, и проч., и проч.?

На всѣ эти вопросы я съ гордостью могу отвѣчать, что обыденная, будничная жизнь не составляетъ и не можетъ составить достойной канвы для нашихъ салонныхъ разговоровъ. Утромъ, запершись въ своихъ жилыхъ комнатахъ, мы можемъ, à la ti neig, переворачивать наше грязное бѣлье, бесѣдовать съ нашими секретарями и принимать различнаго рода антрепренеровъ; но съ той минуты, какъ мы покидаемъ жилыя компаты и являемся въ наши салоны, всѣ эти неопрятности мгновенно исчезаютъ, подобно тому, какъ исчезаютъ клоны и другія насѣкомыя, гонимыя свѣтомъ дня. Какъ люди благосовитанные, мы являемся въ наши салоны не иначе, какъ во фракахъ, и очень хорошо понимаемъ, что, находясь въ обществѣ, не изгнемъ

права тревожить чье-либо обоняние эманациями нашего заднего двора.

Да и какой интерес могло бы представлять для насъ это переворачиванье домашнего хлама, когда намъ до такой степени извѣстны и переизвѣстны всѣ наши маленькія дѣлишки, наши карманная скорби и любостыжательныя радости, что мы, какъ древніе авгуры, взглянуть другъ на друга безъ того не можемъ, чтобъ не расхохотаться?

Если я, напримѣръ, встрѣчаю на улицѣ его превосходительство Ивана Ѳомича и вижу, что въ очахъ его плаваютъ маслянистая влага, а самъ онъ, при встрѣчѣ со мной, покрывается пурпуромъ стыдливости и смотритъ на меня съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ, какъ будто хочетъ сказать: «посмотри, какъ я невиненъ! и посмотри, какъ хороша природа и какъ легка жизнь для чистыхъ сердецъ!»—то я положительно знаю, что и этотъ пурпуръ, и эта ясность души происходятъ совсѣмъ не отъ того, что его превосходительство былъ на секретномъ любовномъ свиданіи, а отъ того, что въ томъ заведеніи, въ которомъ онъ состоитъ аристократомъ, происходили сего числа торги. И по степени влажности глазъ, и по большей или меньшей невинности ихъ выраженія я безошибочно заключаю о степени успешности торговли... Къ чему, скажите на милость, были бы тутъ вопросы, въ родѣ: «какъ поживаете, какою прижимаете?» Къ чему тутъ ласки, коварства и увѣренія, если я опредѣлительно вижу, что сей человѣкъ счастливъ, что душа его полна музыки и что весь онъ погруженъ въ какія-то сладкія, неземныя созерцанія? И дѣйствительно, встрѣчи наши происходятъ въ молчаніи; онъ посмотритъ на меня ласково и признательно, я взгляну на него симпатически; онъ скажетъ: «гм!» и я скажу: «гм!»... и мы расходимся каждый по своему дѣлу.

Или, напримѣръ, когда я вижу другого аристократа, генерала Годубинскаго, пробирающагося, часовъ въ шесть пополудни, бокомъ по темному переулку и робко при этомъ озирющагося, то положительно могу сказать, что генералъ пробирается не къ кому другому, а именно къ привилегированной бабѣ Шарлоттѣ Ивановнѣ. Хотя же его превосходительство, замѣтивъ меня, и начинаетъ помахать тросточкой, дѣлая видъ, что онъ гуляетъ, но я отнюдь не отважусь предложить ему пройтись вмѣстѣ со мною, потому что твердо знаю, что такого рода предложеніе въ концѣ уязвитъ его пылающее сердце. Руководясь этою мыслью, я

прикасаюсь слегка къ полямъ моей шляпы и говорю: «гм!». Генераль, который въ другое время тоже отвѣтилъ бы мнѣ à la militaire, въ настоящемъ случаѣ считаетъ неизлѣпнѣе снять съ головы своей шляпу совершенно (не погуби- дескать), и тоже говоритъ: «гм!»... и мы расходимся. А между тѣмъ дорогой воображеніе уже рисуетъ передо мной образы. Съ одной стороны я вижу маленькаго генералика, совершенно пропадающаго въ объятіяхъ дебелой привилегиро- ванной бабки, а съ другой стороны—величественную и не менѣе дебелую генеральшу, спокойно предающуюся дома послѣобѣденному сну и вовсе не подозревающую, что ея крошечный Юпитерикъ нашелъ въ захолустьи какую-то вольпато поведенія Іо и воспитываетъ ее въ явный ущербъ своей Юнонѣ.

И еще, наиримѣрь, если я вижу въ восемь часовъ утра извѣстнаго подрядчика Скопничева, стучащагося въ двери дома, занимаемаго капитаномъ Малаховичемъ, то отнюдь не думаю, что Скопничевъ очутился здѣсь ни свѣтъ ни зоря затѣмъ только, чтобъ узнать о здоровьи супруги и дѣтей цана Малаховича, но съ полною достовѣрностью заключаю, что ранній визитъ этотъ имѣетъ тѣсную связь съ постройкой земляной дамбы въ городѣ ***. При этомъ въ умѣ моемъ естественно возникаетъ вопросъ: «если отъ пятнадцати ты- сячъ отдѣлить двадцать процентовъ, то какая составит- ся изъ этого сумма?» И въ это самое время, поронившись съ капитанскою квартирой, я усматриваю въ одномъ изъ оконъ толстенную фигуру, къ чему-то канальски прислушиваю- щуюся. Замѣтивъ меня, капитанъ нѣсколько краснѣетъ (вѣроятно, оттого, что я увидѣлъ его въ утреннемъ negligé), произноситъ: «гм!» и поспѣшно удаляется отъ окна.

— То-то «гм!»—произношу и я въ свою очередь, и про- должаю идти своею дорогою.

Скажите на милость: къ чему же было намъ бесѣдовать о томъ, для уразумѣнія чего достаточно одного движенія губъ, одной мимолетной искры въ глазахъ, одного помаванія головы?

И дѣйствительно, канвою для нашихъ разговоровъ слу- жать предметы несравненно болѣе возвышенныя. Надо намъ сказать, благосклонный читатель, что хотя мы и назы- ваемся «губернскими аристократами», но, къ великому при- скорбію, аристократичность наша довольно сомнительная. Мы, что называется, аристократы съ подлинною. Отече- ствомъ болѣею части изъ насъ служили четвертые этажи

тѣхъ поражающихъ опрятностью казенныхъ зданій, которые во множествѣ украшаютъ Петербургъ и въ которыхъ благополучно процвѣтаютъ всѣхъ возможныхъ видовъ и цвѣтовъ экзекutory и экспедиторы. Тамъ мы увидѣли свѣтъ, тамъ возросли и воспитались, и если самъ Петербургъ способенъ производить только чиновниковъ и болотныя испаренія, то можно себя вообразить, на производство какого рода издѣлій способны упомянутые выше четвертые этажи? И дѣйствительно, мы вполнѣ прошли всю суровую школу безгласности и смиренномудрія; мы были по очереди и секретарями, и приказчиками у имѣющихъ власть людей, и поставщиками духовъ, собачекъ и румянъ у ихъ жёнъ, и забавою у ихъ гостей. Мы безмѣрно радовались и безобразію нашихъ носовъ, и геморроидальному цвѣту нашихъ лицъ, потому что все это составляло предметъ заботы и увеселенія для нашихъ благодѣтелей и вмѣстѣ съ тѣмъ заключало въ себя источникъ нашего будущаго благополучія—нашу фортуна и нашу карьеру! Наконецъ, послѣ долгихъ лѣтъ терпѣнія и томныхъ искательствъ, мы получили дипломы на званіе губернскихъ аристократовъ, съ правомъ владѣть сколько душею угодно. По началу свѣжій воздухъ провинціи сшибъ-было насъ съ ногъ; однако, свыкшись съ малодѣтства со всякаго рода огнестояностями, мы устояли и здѣсь, и мало того, что устояли, но даже озаботились устроить вокругъ себя ту самую атмосферу, которая ввѣчно напоминаетъ нашимъ носамъ переднія нашихъ благодѣтелей. Очевидно, что при такомъ направленіи умовъ всѣ наши симпатіи, всѣ вздохи и порыванія должны стремиться къ нему, къ этому милому Петербургу, гдѣ проведена была наша золотушная молодость и гдѣ у каждого изъ насъ имѣется, по крайней мѣрѣ, по двадцати пяти штукъ пріятельски-знакомыхъ начальниковъ отдѣленія.

Дни прихода петербургской почты бывають въ нашемъ обществѣ днями какой-то тревожной и вмѣстѣ съ тѣмъ восторженной дѣятельности. Это и понятно, потому что въ эти дни мы получаемъ письма отъ нашихъ пріятелей—начальниковъ отдѣленія. Мы посиѣшаемъ другъ къ другу, чтобъ подѣлиться свѣжими вѣстями, и вотъ образуется между нами живая и интимная бесѣда.

— Ну, что, ваше превосходительство,—спрашиваю я у генерала Голубчикова:—получили что-нибудь изъ столицы?

— Какъ же-съ, какъ же-съ, ваше превосходительство!—отвѣчалъ генералъ, потирая руки:—графъ Петръ Василье-

вичъ не оставляетъ таки меня, безъ пріятныхъ извѣстій о себѣ...

— Такъ вы получили письмо отъ самого графа?—спрашиваю я, иѣскольکو подзадоренный.

— Мм... да,—отвѣчаетъ генералъ такимъ тономъ, какъ будто ему на все наплевать:—графъ частенько-таки изволятъ перениматься со мной!

— Мм... да,—произношу я и въ свою очередь, не желая уступить генералу Голубчикову, еще съ большимъ равнодушіемъ прибавляю:—а я такъ получилъ письмо отъ князя Николая Андренча... Каждую почту пишетъ! даже надобль старики!

И если при этомъ я положительно убѣжденъ, что генералъ Голубчиковъ совралъ постыднѣйшимъ образомъ, то генералъ, съ своей стороны, столь же положительно убѣждаетъ, что и я совралъ не менѣе постыдно, что не мѣшаетъ намъ, однако, остаться совершенно довольными нашимъ разговоромъ.

— Скажите, пожалуйста! — удивляется въ другомъ углу его превосходительство Иванъ Фомичъ, слушающій чтеніе какого-то письма.

— «... внушили себѣ, будто на лбу ихъ есть фиговое дерево произрастаетъ, и никто соей горькой мысли изъ ума ихъ сятельства изгнать не можетъ»,—раздается звучный голосъ статскаго совѣтника Генералова, читающаго велухъ упомянутое письмо.

— Да правда ли это? Отъ кого вы получили это письмо?—спылиются съ разныхъ сторонъ вопросы.

— Отъ экз... отъ директора, — скороговоркой поправляется статскій совѣтникъ Генераловъ, послѣбно прача письмо въ кармагъ.

— А крѣпкій былъ старики!—говоритъ генералъ Голубчиковъ, котораго, какъ неслужащаго подъ начальствомъ таинственнаго «ихъ сятельства», описалие выше происшествіе интересуетъ только съ психической точки зрѣнія.

— И-да... крѣпкій...—въ раздумьи и словно машинально повторяетъ недавно опредѣленный молодой предсѣдатель Курлякинъ, при чтеніи письма какъ будто струсившій и поблѣдѣвшій.

— И съ княземъ еще въ то время познакомился,—ораторствуетъ генералъ Голубчиковъ:—когда столоначальникомъ въ департаментѣ служилъ. И представьте себѣ, какой однажды со мной случай былъ...

— Не да, случай!.. — повторяет Курлякинъ, у котораго уже помутились ваоры отъ полученнаго извѣстiя.

— Вы какъ будто нездоровы, Иванъ Павлычъ? — обращается съ участiемъ къ Курлякину Иванъ Ѳомичъ.

— Нѣтъ... я ничего, — скороговоркой отвѣчаетъ Курлякинъ: — *ли fait*, что мнѣ князь?

— «Что онъ Голубѣвъ, что она ему?» — раздается сзади шопотъ титулярнаго совѣтника Коренанова, принимаемаго, несмотря на свой чинъ, въ нашемъ маленькомъ аристократическомъ кружкѣ за *соние il fait*, но, къ сожалѣнiю, раздвигивающаго непрiятную роль какого-то губернскаго Мефистофеля.

— Да-съ, такъ вотъ какой у насъ съ княземъ случай былъ, — продолжаетъ генералъ Голубчиковъ: — вхожу я однажды въ приемную къ князю, только вижу — сидитъ дежурный чиновникъ, а лицо незнакомое. Признаюсь, я еще въ то время подумалъ: «что это за чиновникъ такой? какъ будто бы дежурный, а лицо незнакомое?» Ну-съ, хорошо, подхожу я къ этому чиновнику и говорю: «Доложите ихъ сиятельству, что явился такой-то». — «Не принимаютъ, говорятъ, ихъ сиятельство нездоровы». Ну, а я съ графомъ былъ всегда въ короткихъ отношенiяхъ, слѣдственно для меня слово «не принимаютъ» не существовало... Вотъ и пришла мнѣ въ голову мысль: дай-ка, думаю, подтруню надъ молодымъ человѣкомъ, и, знаете, пресерьезно такъ говорю ему: «Жаль, говорю, очень жаль, что не принимаютъ». — «Да-съ, говорятъ, не принимаютъ». Только, можете себѣ представить, въ это самое время распахивается дверь кабинета, и выходитъ оттуда камердинеръ князя, Павелъ Дорооенчъ... Знаете Павла Дорооенча?

— Знаемъ, знаемъ! Павла Дорооенча дѣлный Петербургъ знаетъ! — кричимъ мы какъ-то особенно радостно.

— А нѣ-за Павла Дорооенча выглядываетъ и самъ князь. «А, говорятъ, это ты, Гавриль Петровичъ! а меня, братъ, сегодня «прохлады» совсѣмъ замучили (онъ «это» прохладами называлъ), такъ я не велѣлъ никого принимать... Ну, а тебя можно!..» Только, можете себѣ представить, какую изумленную физиономiю скорчилъ при этомъ дежурный чиновникъ!

— Да, интересный случай! — замѣчаетъ статскiй совѣтникъ Генераловъ, сладко вздыхая.

— Случай съ занавомъ, — перебиваетъ Коренановъ.

— Предобрый старикъ! — говоритъ его превосходитель-

ство Иванъ Ѳомичь, успѣвшая заглушить своимъ голосомъ неприятную замѣтку Корепанова.

— Доброй, именно доброй!—не смущаясь, продолжаетъ генераль Голубчиковъ: — и какое довѣріе ко мнѣ имѣлъ, такъ это даже непостижимо! Бывало, сидимъ мы съ глазу на глазу: я бумаги докладываю, онъ слушаетъ. «А что, Гавриль Петровичъ, вдругъ скажетъ, прикажи-ка, братъ, мнѣ трубку подать!» Ну, я, разумеется, сейчасъ брошусь: самъ все это сдѣлаю, самъ набью, самъ бумажку загну, самъ подамъ... И что-жъ вы думаете, господа, даже никакою я въ это время робости не чувствовалъ:—точно вотъ со своимъ братомъ, начальникомъ отдѣленія, бесѣдуешь! Онъ трубочку покуриваетъ, а я бумаги продолжаю докладывать... Просто какъ будто ничего не бывало!

— Жаль, очень жаль будетъ, если такого человѣка лишится отечество!—говоритъ Иванъ Ѳомичь.

— И-да... отечество! — повторяетъ Куриляня, повидному возвратившійся къ прежнему раздумью.

— А еще говорятъ, что вельможи всѣ горды да неприступны!—продолжаетъ Иванъ Ѳомичь.—Ничуть не бывало!

— Это говорятъ тѣ, ваше превосходительство, — весьма основательно замѣчаетъ генераль Голубчиковъ: — которые настоящихъ-то вельможъ и въ глаза не видали. А вотъ какъ мы съ вами и въ халатикъ съ ними поживали, трубочки покуривали, такъ дѣйствительно можемъ удостовѣрять, что вся разница между вельможей и обыкновеннымъ человѣкомъ только въ томъ состоитъ, что у вельможи въ обхожденіи ароматъ какой-то есть...

— «Прохлады!»—ворчитъ сквозь зубы Корепановъ.

— Нашъ князь, — вступается статскій совѣтникъ Генераловъ: — такъ тотъ больше все лѣвой рукой дѣйствуетъ. И на стулъ лѣвой рукой указываетъ, и подаетъ все лѣвую руку.

— А что вы думаете?—говоритъ генераль Голубчиковъ: — вѣдь это именно правда, что у вельможъ лѣвая рука всегда какъ-то болѣе развита!

— И полагаю, что въ этомъ свой расчетъ есть, — глобокомысленно замѣчаетъ Иванъ Ѳомичь.

— То-есть не столько расчетъ, сколько грація,—возражаетъ Голубчиковъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство: не грація, а именно расчетъ-съ.

— Нѣтъ... замѣтъ же непременно «расчетъ»! Я, на-

противъ того, положительно убѣждены, что грація, — говорить Голубчиковъ, задѣтый за живое настоячивостью Ивана Омича.

— А я, напротивъ того, положительно убѣжденъ, что расчесть, я имѣю на это доказательства.

— Это очень любознательно!

И именно я полагаю, что всякій вельможа хочетъ этимъ дать понять, что правая рука у него завята государственными соображеніями.

— Ну-съ... а лѣвая рука тутъ зачѣмъ-съ?

— А лѣвая рука, какъ свободная отъ занятій, предлагается посѣтителямъ-съ...

— Ну-съ... а дальше что-съ?

— Ну-съ, а дальше то же самое!

— Та-а-къ-съ!

Съ прискорбіемъ мы замѣчаемъ, что генералы наши не прочь посчитаться другъ съ другомъ. Известно намъ, что между ними издревле существуетъ худо скрытая вражда, основаніемъ которой служитъ взаимное соперничество по части знакомства съ вельможами. Поэтому, хотя мы и питаемъ надежды на деликатность генерала Голубчикова, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуемъ, что еще одна маленькая капелька, и генеральское сердце безвозвратно исполнится скорбью. Дѣйствительно, онъ взиралъ на Ивана Омича съ восторгомъ, но горестнымъ изумленіемъ; Иванъ же Омичъ не только не тронуть этимъ, но, напротивъ того, устроилъ руки свои фертгомъ, и въ этомъ положеніи какъ будто посягается надъ всеми громами и молніями. Положение дѣлается до такой степени пагубнымъ, что статскій совѣтникъ Генераловъ считаетъ своею обязанностью немедленно вмѣшаться въ это дѣло.

— Я думаю, ваше превосходительство, — обращается онъ къ генералу Голубчикову: — что и въ самой граціи можетъ быть расчесть, точно такъ же, какъ въ расчесть можетъ быть грація...

— Дѣло возможное! — отвѣчаетъ генералъ холодно, явно показывая, что онъ старый воробей, котораго никакими компромиссами не надуешь.

Разговоръ снова заминается, и всѣ мы чувствуемъ себя нѣсколько сконфуженными. Холодность генерала свинцовою тучей легла на наше общество, и нѣтъ, кажется, столь сильнаго солнечнаго луча, который могъ бы съ успѣхомъ разбить эту тучу. Мы всѣ знаемъ, что Голубчиковъ пре-

амбициозный старикъ, и что едва ли онъ не единственный изъ нашихъ аристократовъ, о которомъ мы съ увѣренностью можемъ сказать, что онъ въ одинъ платокъ съ вельможами сморкается. Все мы, прочіе, въ этихъ случаяхъ болѣе или менѣе прилыгаемъ, и если увѣряемъ иногда, что при такихъ-то обстоятельствахъ такой-то князь сказать намъ «ты» и называть «любезнѣйшимъ», то этому можно вѣрить и не вѣрить. Но генераль Голубчиковъ дѣйствительно исполнилъ часть въ этомъ отношеніи, и если ужъ скажетъ, напримеръ, что однажды въ его присутствіи князь Петръ Алексѣевичъ учинилъ декольтѣ, то никто не имѣетъ повода усомниться, что это именно такъ и было. «И для чего бы Ивану Оомичу не уступить! — думаемъ мы, внутренне соблазнуя о происшедшемъ. — Съ одной стороны, Ивану Оомичу слѣдовало бы сдѣлать небольшую уступочку, а съ другой, и генералу не мѣшало бы взглянуть на дѣло по-снисходительнѣе... и все было бы ладно, все было бы смирно, и мирно, и очель хорошо — такъ-то! А то вотъ дернула нелегкая — ахти-хти-хти!» По покуда мы только разсуждаемъ, етатскій совѣтникъ Генераловъ уже принимаетъ дѣйствительныя мѣры къ замирению враждующихъ сторонъ. Онъ прежде всего начинаетъ заигрывать съ генераломъ Голубчиковымъ, какъ наиболѣе неподатливымъ.

— Не получили ли чего-нибудь отъ графа насчетъ «этого» (крестьянскаго) дѣла, ваше превосходительство? — спрашиваетъ онъ.

— Получилъ-съ, — упорствуетъ генераль въ холодности.

— Ваше превосходительство всегда самая вѣрная свѣдѣнія имѣть изволите, — не менѣе упорно продолжаетъ заигрывать Генераловъ.

— Самъ по себѣ я никакихъ свѣдѣній не имѣю, но конечно... довѣріе его сѣятельства... однимъ словомъ, могу-таки въ нѣкоторыхъ дѣлахъ посредѣствовать...

— Какъ же-съ, какъ же-съ, ваше превосходительство! Вѣдь вы съ графомъ-то даже нѣсколько «свои»?

— Даже и не нѣсколько, — отвѣчаетъ генераль, постепенно смягчаясь: — потому что моя Анна Федоровна положительно образомъ приходится впучатной племянницей Прасковьи Ивановнѣ, а Прасковья Ивановна, какъ вамъ извѣстно...

— Да, если кто заслужить у графа желаетъ, такъ это именно что стѣнитъ только къ Прасковьи Ивановнѣ дорогу найти! — восклицаемъ мы хоромъ.

— И представьте, что я открылъ это родство совершенно случайно! Однажды прихожу къ Прасковѣ Ивановѣ по хозяйственнымъ ея дѣламъ, а ей вдругъ и приди на мысль спросить меня: «а что, говорить, ты женатъ или холостой?» — Женатъ, говорю, ваше сіятельство, на Грѣховой. — «Ахъ, говоритъ, да вѣдь жена-то твоя мнѣ внучатной идеяницей приходится!» Начали мы тутъ разбирать да распутывать — ахъ и открылось! А не приди ей на мысль спросить меня — такъ бы оно и осталось подъ спудомъ...

Хотя мы неоднократно уже слышали этотъ анекдотъ, но считаемъ долгомъ и на сей разъ выслушать его съ полнымъ благоговѣніемъ. Вообще, ничто такъ не улаживаетъ нашихъ досуговъ, какъ разборъ родства и свойства сильныхъ міра сего. Повидимому, это весьма мало до насъ касается, потому что собственно наши родственники суть экзекюторы и экспедиторы, но таково уже свойство людей происхождения благороднаго, что они постоянно стремятся къ сферамъ возвышеннымъ, изъменности же предоставляютъ низкому классу. Не радостно ли, наиримѣръ, услышать, что графъ Алексѣй Николаичъ выдаетъ дочь свою замужъ за сына князя Льва Семеныча? Не интересно ли при этомъ сообразить, что за молодую княгиню дано въ приданое столько-то тысячъ душъ, да у молодого князя съ своей стороны столько-то тысячъ? Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ нашемъ городѣ и въ нашемъ обществѣ всякая новая семейная радость нашихъ вельможъ констативъ составляетъ семейную радость каждаго изъ насъ.

— Да, господа, геральдика важная вещь! — продолжаетъ, между тѣмъ, Голубчиковъ: — и нельзя не сожалѣть, что въ нашемъ отечествѣ наука эта находится еще въ младенческомъ состояніи...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ напоминаній, Иванъ Ѳомичъ, который доселѣ пребываетъ въ закоислѣности, дѣлаетъ первый шагъ, чтобъ окончательно смягчить неудовольствіе генерала Голубчикова.

— И благоприятныя извѣстія изволили получить, ваше превосходительство? — вопрошаетъ опъ занскивающимъ голосомъ.

— Самыя благоприятныя-съ.

— То-есть, въ какомъ же родѣ?

— Въ самомъ благонадежномъ-съ. Короче сказать: опаней никакихъ намъ не слѣдуетъ.

Генералъ окликаетъ насъ торжествующимъ окомъ. Мы

всѣ легко и весело вздрагиваемъ; нѣкоторые изъ насъ произносятъ: «слава Богу!» и крестятся.

И не оттого совсѣмъ мы крестимся, чтобъ отъ «этого» дѣла былъ для насъ ущербъ или посрамленіе, а оттого единственно, что спокойствіе и порядокъ любимъ. Сами по себѣ мы не землевладѣльцы, и хотя у насъ имѣются нѣкоторыя благопріобрѣтенныя маестности, но онѣ заключаются преимущественно въ ломбардныхъ билетахъ, которые мы спѣшимъ въ настоящее время промѣнивать на пятипроцентныя. Итакъ, не корысть и не холодный эгоизмъ руководятъ нашими дѣйствіями и побужденіями, а собственно, такъ сказать, патріотизмъ. Сей послѣдній въ различныхъ людяхъ производитъ различныя дѣйствія. Иныхъ побуждаетъ онъ лѣзть на стѣну, иныхъ стулья ломать... насъ же побуждаетъ стоять смирно. Сомнитесь, что и это своего рода дѣйствіе. Мы до такой степени любимъ наше отечество въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало и существуетъ издревле (*au naturel*), что не смѣемъ даже вообразить себѣ, чтобъ могли потребоваться въ фигурѣ его какія-нибудь измѣненія. Конечно, мы не хуже другихъ понимаемъ, что нельзя иногда безъ того, чтобъ фестоичикъ какой-нибудь не поправить... ну, тамъ помощника, что ли, къ станковому прикинуть, или даже и цѣлый департаментикъ, для пользы общей, сочинить — слова нѣтъ! Но все это такъ, чтобъ величія-то древняго не нарушить, чтобъ гармонию-то прежнюю собаости, чтобъ всякое дыханіе Бога хвалило, чтобъ и травка—и та радовалась!

Такой образъ мыслей, по мнѣнію моему, есть самый благонадежный и основанный на истинномъ пониманіи вещей. Чтobъ сдѣлать мысль мою осязательнѣе, прибѣгну къ сравненію. Благоразумно ли было бы съ моей стороны, если бы я, напримѣръ, заявилъ желаніе, чтобъ у генерала Голубчикова былъ римскій пось? Нѣтъ, неблагоразумно. Во-первыхъ, потому, что онъ и нынѣ состоящимъ у него на лицѣ учтиво вздернутымъ башмачкомъ приводитъ въ трепеть сердца всѣхъ повивальныхъ бабокъ, а во-вторыхъ, потому, что мѣсторожденіе римскихъ носовъ — Римъ, а не Россія (самое названіе достаточно о томъ свидѣтельствуетъ). Другой вопросъ: благоразумно ли было бы, если бы я пожелалъ, чтобъ на скотномъ дворѣ нахло фіалкой, а не навозомъ? Нѣтъ, неблагоразумно, ибо запахъ фіалки приличествуетъ гостинямъ, а не скотнымъ дворамъ. Примѣровъ подобнаго рода безумныхъ желаній можно привести

множество, но и приведенных двухъ, кажется, вполне достаточно, чтобъ убѣдить всѣхъ и каждого, что въ нихъ случаяхъ желаніе нововведеній и какихъ-то тамъ переменъ совершенно равносильно тому, какъ бы кто настанывалъ, чтобъ у отчества нашего выросъ римскій носъ.

— Итакъ, это дѣльце въ архивъ можно сдать? — говорить Иванъ Ѳомичъ, весело потирая руки.

— Какъ видно-сь.

— Да-сь; это, что называется...

— Всегда должно было ожидать.

— А въдь сначала-то оно было-пошло... тово...

— Да, бойко, бойко было-пошло.

— Политика—и больше ничего!

— Конечно, политика! Да оно и натурально, — продолжаетъ ораторствовать Голубчиковъ: — мы только тѣмъ и крѣпки, господа, что никогда никакихъ вредныхъ нововведеній не принимали, а жили, съ помощью Божіей, какъ завѣщали намъ предки.

— Однако, Петръ Великій, ваше превосходительство?.. — утливо замѣчаетъ Генераловъ.

— Ну, что-жъ... хоть и Петръ Великій! Бороды сбрить приказать изволилъ—и больше ничего!

— Регулярное войско завелъ-сь! — дикимъ голосомъ отзывается изъ отдаленнаго угла батальонный командиръ, который упорно молчалъ, покуда, по его мнѣнію, разговоръ касался гражданской части.

— Ужъ Петръ Михайловичъ не можетъ утерять безъ того, чтобъ за свою часть не заступиться! — говоритъ Иванъ Ѳомичъ, ласково подмигивая.

— Въ гражданскую часть не вступаюсь-сь, а своего дѣла не упусти-сь! — какъ-то особенно исправно скандуетъ командиръ, какъ будто получаетъ за это благодарность по корнусу.

— Ну, что-жъ!.. хоть бы и регулярное войско! — не смущается Голубчиковъ: — это только для спокойствія—и больше ничего! Однако, никакихъ этихъ машинъ, или, наприхѣръ, чтобъ Иванъ назывался Матвѣемъ, а Матвѣй—Сидоромъ (какъ нынче)—ничего этого не бывало!

— А нынче это бываетъ? — любознательно спрашиваетъ Корешановъ.

— Бываетъ-сь, — холодно отвѣчаетъ Голубчиковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что размышленія и соображенія насчетъ величественнаго хода нашей исторіи могли бы завлечь

насть довольно далеко, но появленіе милой хозяйки дома весьма естественно прерываетъ тонкую нить нашихъ историческихъ размыканій. Анна Федоровна издревле пользуется репутацией любезности и неотразимой очаровательности. Еще въ Казани, въ домѣ своихъ родителей, она уже умѣла быть самою пріятною и самою занимательною изъ всѣхъ туземныхъ дѣвиць, несмотря на то, что въ этомъ городѣ, при помощи разныхъ учебныхъ заведеній, уровень любезности вообще стоитъ довольно высоко. Потомъ, принявъ къ себѣ въ компанію генерала Голубчикова, Анна Федоровна сдѣлала съ нимъ не столько артистическое, сколько полезное путешествіе по Россіи, успѣла очаровать Пермь, оставила оградное впечатлѣніе въ Рязани и овладѣла всѣми сердцами въ Симбирскѣ. Въ настоящее время она председательствуетъ въ нашемъ городѣ, и председательствуетъ съ тѣмъ тактомъ, который ясно свидѣтельствуетъ, что, и не выходя изъ министерства финансовъ, женщина можетъ оставаться обворожительною. Хотя она является въ нашемъ (мужскомъ) обществѣ на минуту, тѣмъ не менѣе, ни одного изъ насъ не оставитъ безъ того, чтобы не подарить какою-нибудь любезностью, доказывая тѣмъ обязательно, что для умной женщины минута имѣетъ не шестьдесятъ секундъ, а столько, сколько ей захочется. Миѣ сказывали (не знаю, въ какой степени это достоверно), что она даже секретари своей палаты не оставляетъ безъ вопроса о здоровьи жены и дѣтей его, въ то время, когда этотъ достойный мужъ, посидѣвъ съ утреннимъ визитомъ въ кабинетъ его превосходительства, съ пустыми руками и красный, какъ ракъ, перебѣгаетъ черезъ залъ въ прихожую.

— Вы, конечно, серьезными дѣлами заняты, *messieurs*?—
обращается она, окидывая всѣхъ насъ ласковымъ взоромъ.

— Нѣтъ, тришками!— любезно отзывается генераль, который между дамами нашего общества пользуется репутацией милаго гроньяра.

— Однако, мужчины имѣютъ о бѣдныхъ женщинахъ самое обидное понятіе, какъ будто мы только и можемъ быть заняты, что тришками...— говоритъ генеральша, слегка вздыхая.

И затѣмъ, сдѣлавъ каждому изъ насъ пріятный вопросъ («*la santé de madame est toujours bonne?*» или: «а у вашего Колечки уже прорѣзались зубки, Иванъ Фомичъ?»), она удаляется, увлекши за собой во внутренніе покои Коренанова, который, какъ человекъ молодой и холостой, мо-

жетъ, конечно, принести больше удовольствія ея demoiselles, нежели намъ.

Послѣ этого изъ внутреннихъ покоевъ къ намъ высылается превосходно сервированный чай, съ превкусными съдобными булками, причемъ генералъ весьма привѣтливо замѣчаетъ: «вотъ это такъ дамское дѣло... хозяйничать... чай разливать»...

— А вѣдь русскій народъ именно добрый народъ!— говоритъ Иванъ Ѳомичъ, который, какъ любитель отечественной старины (онъ въ свое время, служа въ департаментѣ, цѣлый архивъ въ порядокъ привелъ), сгораетъ нетерпѣніемъ навести разговоръ на прежнюю тему.

— Кроткій народъ! — подтверждаетъ генералъ Голубчиковъ.

— И терпѣливъ-съ!—отзывается командиръ.

— И-да; такой народъ стоитъ того, чтобъ о немъ позаботиться! — говоритъ генералъ, и въ глаза его внезапно закрадывается какое-то удивительное блаженство, чуть-чуть лишь подернутое меланхоліей, какъ будто онъ въ ту же минуту радъ-радѣхонекъ былъ бы озаботиться, но это не отъ него зависитъ.

— Въ нынѣшнемъ году всѣ найки простить-съ! — вмѣшивается командиръ.

— Всѣ?— спрашиваетъ Голубчиковъ, въ конецъ поблѣдевший такимъ великодушіемъ.

— Рѣшительно всѣ-съ!

— Какая, однакожь, похвальная черта!

— Желательно было бы, знаете, научить его, — предлагаетъ Иванъ Ѳомичъ.

— То-есть, въ какомъ же это смыслѣ?

— Ну, тамъ... нужды... желанія...

— Гм!.. я, однакожь, не думаю, чтобъ это могло принести ожидаемую пользу...

— Почему же, ваше превосходительство?

— А потому, ваше превосходительство, что тутъ нѣтъ именно того, что мы, люди образованные, привыкли разумѣть подъ именемъ нужды и желаній.

— Согласитесь, однакожь, что нужды и желанія могутъ рождаться не только сами по себѣ, но и посредствомъ возбужденія, ваше превосходительство! Оставьте, напримѣръ, меня въ покоѣ—ну, я, конечно, не буду имѣть ни нужды, ни желаній, а предпенси-ка мнѣ кто-нибудь: «ты, любезный, обязанъ имѣть нужды и ощущать желанія»...

повѣрьте, ваше превосходительство, что тѣ и другія явятся непремѣнно!

— Все это очень можетъ быть, но позвольте одинъ нескромный вопросъ: лучше ли будетъ?

— Если, ваше превосходительство, изволите разсматривать вопросъ съ этой точки зрѣнія...

— Не видимъ ли мы примѣровъ, что желанія только отравляютъ жизнь человѣка?

— Этого, конечно, нельзя отрицать-съ...

— Не встрѣчаемъ ли мы на каждомъ шагу, что тѣ люди самые счастливые, у которыхъ желанія ограничены, а нужды не выходятъ изъ предѣловъ благоразумія?

— Это всеконечно-съ...

— Слѣдовательно, ваше превосходительство, на это дѣло надо взглянуть не съ одной, а съ различныхъ точекъ зрѣнія...

Иванъ Ѳомичъ соглашается безусловно, и разговоръ, повидному, истощается. Сознаюсь откровенно, мы недовольны этимъ. Ужъ давно заглядываемся мы на зеленые столы, разставленные въ залѣ, а искренній пріятель мой, Никита Ѳеодорычъ Птицынъ (званіемъ помѣщикъ), еще полчаса тому назадъ, предварительно толкнувъ меня въ бокъ, сказалъ мнѣ по секрету: «что за чушь несутъ наши генералы! давно бы пора за дѣло, а потомъ и водку пить!» И хотя я въ то время старался замаять такой странный разговоръ, но внутренно—не смѣю въ томъ не покаяться!—не могъ не пожелать, чтобъ Иванъ Ѳомичъ какъ можно скорѣе согласился съ генераломъ и чтобъ всѣ эти серьезные дѣла были отложены.

Но и на этотъ разъ надеждамъ нашимъ не суждено сбыться, потому что едва лишь генераль открываетъ ротъ, чтобъ сказать: «а не пора ли, господа, и за дѣло?» какъ двери съ шумомъ отворяются, и въ комнату влетаетъ генералъ Рылоновъ (въ сущности, онъ не генераль, но мы его въ шутку такъ прозвали), занывавшійся и озабоченный.

— Слышали, ваше превосходительство?—обращается онъ къ хозяину дома.—Шалиновъ въ трубу вылетѣлъ!

— Съѣлъ Забудыгничъ!—восклицаемъ мы хоромъ.

— Скажите, пожалуйста!—отдѣляется голосъ Голубчикова.—И такъ-таки безъ всякихъ енеровъ?

— Безо всего-съ; даже никуда не причисленъ-съ.

— Что называется, умеръ безъ покаянія!—справедливо замѣчаетъ Иванъ Ѳомичъ.

Пѣхотный командиръ дико гогочетъ, Голубчиковъ долго

не может прийти въ себя отъ удивленія и время отъ времени повторяетъ: «скажите, пожалуйста!»

— А вѣдь нельзя сказать, чтобъ глупый человекъ былъ!— говоритъ Генераловъ.

— Ничего особеннаго, — возражаетъ Рылоповъ.

— Все около свѣчки летать!

— А главное, то забавно, что свѣчку-то нашу салную за солнце принималъ...

— Ахъ, и обжогъ крылышки!

— Ахъ, господа, господа! Какъ знать, чего не знаешь! Какъ солнышка-то нѣтъ, такъ и салную свѣчку позволѣнь за солнце примешь!— говоритъ Голубчиковъ, выдавая, по случаю превратности судебъ, въ сугубую сентиментальность.

— Все, знаете, какого-то смысла искалъ...

— Даже въ нашей канцелярской работѣ...

— Смѣшно слушать!

— Всѣхъ столоначальниковъ съ ногъ сметалъ!

— И что, папимѣрь, за расчетъ былъ ссориться съ Забудыгинымъ, — продолжаетъ Голубчиковъ:— рѣшительно не могу понять! Я самъ вотъ, какъ видите, не разъ ему говорилъ: «да плюньте вы на него, Николай Ивановичъ!» Такъ нѣтъ, куда тебѣ. «Плюнуть-то, говоритъ, я на него, пожалуй, плюну, только вѣдь и растереть потомъ надо, ваше превосходительство!»

— Ахъ, вонъ и растирай теперь!

— Грани теперь въ Питерѣ мостовую, покуда приличное мѣсто отыщешь...

— Это какъ по-нашему говорится: *cherche!*— замѣчаетъ командиръ.

— А плюнулъ бы, такъ и все бы ладно!

— Оно, конечно, ваше превосходительство, что лучше плюнуть, но вѣдь, съ другой стороны, и сердце иногда болитъ!— возражаетъ статскій совѣтникъ Генераловъ.

— И ой-ой, еще какъ болитъ!— развиваетъ Иванъ Фомичъ.

— И все-таки плюнуть! — упорствуетъ Голубчиковъ.— Да помилейте, господа, что-жъ это за ребячество! Ну, вы представьте себѣ, папимѣрь, меня: ну, иду я по улицѣ и встрѣчаю на пути своемъ неприличную кучу... Неужели я стану огрызаться на нее за то, что она на пути моемъ легла? Нѣтъ, я плюну на нее и, плюнувши, осторожно обойду.

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, я насчетъ этого не могу пристать къ вашему мнѣнью.— возражаетъ Иванъ

Оомичъ.—Конечно, на кучу, такъ сказать, неодушевленную и, слѣдовательно, не своимъ произволомъ накиданную, сердиться смѣшно, но въ оврагъ ее свалить все-таки слѣдуетъ-съ.

— А если оврагъ ужъ заваленъ.

— И, ваше превосходительство! въ губернскомъ городѣ чтобъ не нашлось мѣста для нечистоты! Да это Боже упаси!

— А я все-таки продолжаю утверждать, что слѣдуетъ плюнуть и больше ничего!

— Итъ, вы мнѣ объясните, за что они передрались?— спрашиваетъ Генераловъ.

— Да вѣрно ли это?

— Ты, генераль, не совралъ ли?

— Вѣдь ты, ваше превосходительство, здоровъ вратъ-то!

— Помилуйте-съ, сейчасъ изъ клуба-съ; Забудыгинъ самъ всѣмъ рассказываетъ!

— Чай, шампанское на радостяхъ лакаетъ?

— Не безъ того-съ.

— Ну, значитъ, крупно наобедничалъ!

— А жаль молодого человѣка. Еще намеднишь говорилъ я ему: «идяйте Николай Ивановичъ!» Такъ итъ же!

Для объясненія этой сцены, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о Шалимовѣ и Забудыгинѣ.

Шалимова мы вообще не любили. Человѣкъ этотъ, будучи поставленъ природою въ равныя къ намъ отношенія, постоянно предъявлялъ наклонности странныя и даже отчасти подлые. Дружелюбный съ низшимъ сортомъ людей, онъ былъ самонадѣянъ и даже заносчивъ съ равными и высшими. Къ красотамъ природы былъ равнодушенъ, а къ человѣческимъ слабостямъ предосудительно строгъ. Глушился надъ пристрастемъ генерала Голубчикова къ женскому полу, хотя всякій благомыслящій гражданинъ долженъ понимать, что человѣкъ его лѣтъ (т. е. преклонныхъ) и при томъ имѣющій хорошія средства, не можетъ безъ сего обойтись. Дѣйствию Забудыгина порицалъ открыто и (что всего важнѣе) позволялъ себѣ разныя колкости насчетъ его дѣйствительно несоотвѣтствующаго своему назначенію носа. Вообще же видѣлъ предметы какъ бы наизнанку и походилъ на человѣка, который, не воздвигнувъ еще новаго зданія, желаетъ подкнотаться подъ старое. Желаніе тѣмъ болѣе пагубное, что въ послѣднее время уже неоднократно являлись примѣры исполненія его. Слѣ-

довательно, удаление такого человека должно было поогорчить, но обрадовать насъ. И думаю, что принесенное Рылоновымъ извѣстіе произвело именно подобнаго рода дѣйствіе; хотя же генераль Голубчиковъ и заявилъ при этомъ нѣкоторое сожалѣніе, но должно полагать, что это сдѣлано имъ единственно по чувству христіанскаго чело-вѣколюбія.

Что же касается Забудыгина, то человекъ этотъ пред-ставляетъ нѣкоторый психическій ребусъ, досель остаю-щійся неразгаданнымъ. Повидимому, и въ мѣтніяхъ о при-родѣ вещей онъ съ нами не разнится, и на откупа смотритъ съ разумной точки зрѣнія, и въ гражданскихъ доблестяхъ никому не уступить; тѣмъ не менѣе, есть въ немъ нѣчто такое, что заставляетъ насъ избѣгать искрен-нихъ къ нему отношеній. Это «нѣчто» есть странный нѣкій административный лай, который, какъ бы независимо отъ него самого, природою въ него вложенъ. Иной разъ онъ видимо приласкаетъ человека хочеть, но вдругъ какъ бы чѣмъ-либо поперхнется и, вмѣсто ласки, подниметъ столь озлобленный лай, что даже вчужь слышать больно. Такие люди бывають. Иной даже свой собственный носъ въ зер-калѣ увидитъ и тутъ уже думаетъ: «а славно было бы, кабы этотъ поганый носъ откусить или отрѣзать! Но если онъ о своемъ носѣ такъ помышляетъ, то какъ мало дол-женъ вѣщать о носахъ, ему не принадлежащихъ! Оче-видно, сіи послѣдніе не могутъ озабочивать его нисколько. Многие полагають, что озлобленіе Забудыгина происхо-дитъ частью отъ причинъ гастрическихъ (нѣяства и ожор-ства), частью же отъ огорченія, ибо, надо сказать правду, Забудыгинъ не мало-таки потасовокъ въ жизни претер-пѣлъ. Но намъ отъ этого не легче, потому что лай Забуды-гина не только на Шашмова съ компаніей, но и на всѣхъ насъ безъ различія простирается, хотя съ нашей сто-роны, кромѣ уваженія къ отеческимъ преданіямъ и соблю-денія здравые установленныхъ въ палатахъ обрядовъ, ни-чего противосестественнаго или пасквильнаго не допускается. А потому, въ семъ отношеніи, поступки Забудыгина я ни съ чѣмъ другимъ сравнить не умѣю, кромѣ злобы ограни-ченной отъ природы шавки, лающей на собственный свой хвостъ, въ которомъ, отъ нея же неопытно: завелись различные наскокомы.

Пора, однакожь, кончить съ Шашмовымъ и Забудыги-нымъ. воспоминаніе о которыхъ отравляетъ пріятные часы

нашего существованія. Уже давно ждуть насъ гостеприимныя зеленые столы, и генералъ Голубчиковъ съ любезной улыбкой останавливается передъ каждымъ изъ насъ, предлагая по карточкѣ. Въ продолженіе послѣдующихъ двухъ часовъ со всѣхъ сторонъ раздаются лишь веселые возгласы, и могу сказать смѣло, что даже проигрывагъ деньги, обыкновенно располагающій человѣкъ къ скорби и унынію, не нарушаетъ общаго пріятнаго настроенія духа.

Въ особенности отличается пѣхотный командиръ, который за картами хочетъ вознаграждать себя за нѣсколько часовъ тягостнаго молчанія, наложеннаго имъ на себя въ продолженіе вечера.

— Греческій человѣкъ Трефандосъ!—воскликаетъ онъ, выходя съ трэфъ.

Мы все хохочемъ, хотя Трефандосъ этотъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва ли не вслѣдъ вечеръ.

— Фици!—продолжаетъ командиръ, выходя изъ никовой масти.

— Ой, да перестань же, пострѣль!—говоритъ генералъ Голубчиковъ, покатываясь со смѣху.—Вѣдь этакъ я всю игру съ тобой переигнуаю.

Таимъ образомъ мы пріятно проводимъ остальную часть вечера, вилоть до самаго ужина.

Кто что ни говори, а карты для служащаго человѣка вещь совершенно необходимая. День-то-деньской слоняясь по правленіямъ да по палатамъ, поневолю умаешься и захочешь отдохнуть. А какое отдохновеніе можетъ быть приличіе картъ для служащаго человѣка? Випо путь—непристойно; книжки читать—скучно, да и пишутъ нынче не какія-то безправственности; разговоромъ постоянно заниматься—и нельзя, да и матерію не скоро отыщешь; съ дамами любезничать—для этого въ наши лѣта просторъ требуется; на молодыхъ утѣшаться—утѣшенья-то мало видяшь, а все больше озорство одно... Словомъ сказать, вездѣ какъ будто пустыни. А карты—святое дѣло. За картами и время скорѣе уходитъ, и сердцу волю дашь, да и не проболтаешься. Иной разъ и чешется языкъ что-нибудь лишнее сказать, ажь тутъ десять безъ козырей сосѣду придетъ—ну, и промолчишь поневолю. Нѣтъ, карты именно благодѣтельная для общества вещь—это я не одна скажу.

Но вотъ и ужинъ. Кушанья подаются не роскошныя, но сытныя и здоровыя. Подкрѣпивши себя рюжкой водки, мы

Несело садимся за столъ и съ новою силой возобновляемъ прерванную преферансомъ бесѣду. Вспоминается милое старое время, вспоминаются молодые годы и сопровождавшія ихъ канцелярскія проказы, вспоминаются добрые начальники, охранители нашей юности и благодѣтели нашей старости; и быстро летятъ часы и минуты подъ наплывомъ этихъ веселыхъ воспоминаній!

Такъ проводимъ мы свободные отъ служебныхъ занятій часы, и могу сказать по совѣсти, что наступающій затѣмъ сумракъ почти не вызываетъ за собой никакихъ видѣній, которыя могли бы возмутить нашу душевный покой. И въ самомъ дѣлѣ, перелистывая книгу моей жизни (книгу для многихъ столь горькую), я нахожу въ ней лишь слѣдующее:

Такого-то числа, всталъ, умылся, помолился Богу, былъ въ палатѣ, гдѣ пользовался правами и преимуществами, предоставленными мнѣ закономъ и древними обычаями родины; обѣдалъ, послѣ обѣда отдыхалъ, вечеръ же провелъ въ безобидныхъ для ближнего разговорахъ и увеселеніяхъ.

Такого-то числа, всталъ, умылся, помолился Богу, былъ въ палатѣ и т. д., т. е. одно и то же ровно столько разъ, сколько, по благодати Провидѣнія, суждено будетъ прожить мнѣ дней въ земной сей юдоли.

VIII.—Деревенская тишь.

Утро. Кондратій Трифоновъ Сидоровъ спалъ ночь скверно и въ величайшей тоскѣ слоняется по опустѣлымъ комнатамъ деревенскаго своего дома. Комната цѣлѣй длиннѣй рядъ, и слоняться есть гдѣ; нѣкогда онъ гордился этимъ рядомъ залъ, гостинныхъ, диванныхъ и проч., и даже называлъ ихъ анфиладовъ, произнося и нѣсколько въ носъ; теперь онъ относится къ анфиладѣ проницески и, принимая гостей, говоритъ просто: «а вотъ и сарай мон!»

На дворѣ зима и стужа; въ комнатахъ всеждо, окна слегка занушило снѣгомъ, видъ изъ этихъ оконъ неудовлетворительный: земля покрыта бѣлой пеленою, рѣчка скована, людскія избы занесло сугробами, деревня представляется издали какою-то безобразною кучею почернѣвшей соломы... Бѣло, голо и скучно!

Походить-походить Кондратій Трифоновъ и остановится. Иногда потреть себѣ ладонью по животу и слегка постонеть; иногда подойдетъ къ окну и побарабанитъ въ стекло. Вонъ по дорогѣ ѣдутъ въ одиночку сани, въ саняхъ зава-

лялся мужикъ; пробѣгаетъ мимо барскаго дома и шанки не ломаетъ.

«Ладно!»—думаетъ Кондратій Трифонычъ.

И опять начинаетъ ходить по своимъ «сараямъ»; и опять остановится. Посмотритъ на саногн, просторно ли они сидятъ на ногѣ, вытянетъ ногу, чтобъ удостовѣриться, крѣпко ли штрипки пришиты и не морщатъ ли брѣжи.

— Васька, квасу!—кричитъ Кондратій Трифонычъ.

Васька бѣжитъ изъ лакейской и подаетъ на подносѣ стаканъ съ пѣнящимся квасомъ. Но Кондратію Трифонычу кажется, что онъ не подаетъ, а суетъ.

— Что ты суеть? что ты мнѣ суеть?—вскладывается онъ на Ваську.

— Ничего я не сую!—отвѣчаетъ Васька.

«Ладно!»—думаетъ Кондратій Трифонычъ.

И опять начинается ходьба. Кондратій Трифонычъ останавливается передъ стѣнными часами и пристально смотритъ на циферблатъ; посредній циферблата крупными буквами изображено: London, а внизу болѣе мелкимъ: Nossoff à Moscou. Все это онъ сто разъ видѣлъ, надъ всѣмъ этимъ сто разъ острилъ, но онъ все-таки смотритъ, какъ будто хочетъ выжать изъ надписи какую-то новую, неслышанную еще остроу. Часы стучатъ мѣрно и однообразно: тикъ-такъ, тикъ-такъ; Кондратій Трифонычъ вторитъ имъ: «тикъ-такъ, тикъ-такъ», притомывая въ тактъ ногою. Наконецъ, и это прискучиваетъ; онъ снова подходитъ къ окну и начинаетъ вглядываться въ деревню. Оттуда не слышно ни единого звука; только сѣрые дымки вьются надъ хижинами добрыхъ поселянъ. Кондратію Трифонычу, неизвестно съ чего, приходитъ на мысль слово «антагонизмъ», и онъ начинаетъ ить: «антагонизмъ! антагонизмъ!» выговаривая букву и въ носъ. Все это заканчивается свистомъ, на который опять вѣбгаетъ Васька.

— Ты что на меня вытаращилъ?—напускается на него Кондратій Трифонычъ.

— Ничего я не вытаращилъ!—отвѣчаетъ Васька.

— Ладно!—говоритъ Кондратій Трифонычъ:—пошелъ, позови Агашку!

Черезъ минуту является Васька и докладываетъ, что Агашка не идетъ.

— Почему-жь она не идетъ?

— Говоритъ: «не пойду!»

— Только и говоритъ?

— Только и говорить!

— Ладно!

Въ головѣ Кондратія Трифони́ча зрѣетъ мысль: онъ рѣшается все терпѣть, все выносить до прїѣзда становаго. Поэтому, хотя внутри у него и кипятъ, но онъ этого не выражаетъ; онъ даже никому не возражаетъ, только думаетъ про себя: «ладно!» и помалчиваетъ... до прїѣзда становаго.

Не дальше какъ вчера на ночь Ванька снималъ съ него сапоги и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, прыснулъ.

— Ты чему, шельма, смѣешься? — полюбопытствовала Кондратій Трифони́чъ.

— Ничего я не смѣюсь!—отвѣчалъ Ванька.

— Этакая бестія! смѣется, да тутъ же въ глаза еще запирается!

— Чего мнѣ заператься? Кабы смѣялся, такъ бы и сказалъ, что смѣялся!—упорствовалъ Ванька.

— Ладно!

Съ этихъ поръ въ немъ засѣла мысль, съ этихъ поръ онъ рѣшился терпѣть. Одно только смущаетъ его: всѣ свои грубости Ванька производитъ насиди́въ, то-есть тогда, когда находится съ Кондратьемъ Трифони́чемъ съ глазу на глазъ. Выйдете Кондратій Трифони́чъ на улицу—Ванька бѣжитъ впередъ, свѣтъ разгребаетъ, спрашиваетъ, не озябли ли ножки; придетъ къ Кондратію Трифони́чу староста—Ванька то и дѣло просовываетъ въ дверь свою голову и спрашиваетъ, не угодно ли квасу.

— Услуга-нарейн!—замѣчаетъ староста.

— Гм!.. да... услуга!—бормочетъ Кондратій Трифони́чъ и обдумываетъ какой-то планъ.

Онъ считаетъ обиду, понесенную имъ отъ Ваньки, и думаетъ, какъ бы такимъ образомъ его уличить, чтобъ и отвергнуться было нельзя. Намедни, напримѣръ, Ванька, подавая барину чаю, скорчилъ рожу; если бы можно было устроить, чтобъ эта рожа такъ и застыла до прїѣзда становаго, тогда было бы неоспоримо, что Ванька грубилъ. Въ другой разъ, на вопросъ барина, какова на дворѣ погода, Ванька отвѣчалъ: «сверко-съ», но отвѣчалъ это такимъ тономъ, что если бы можно было, чтобъ тогь этотъ застылъ въ воздухѣ до прїѣзда становаго, то, конечно, никто бы не усомнился, что Ванька грубилъ. И еще разъ, когда баринъ однажды дѣлалъ Ванькѣ репримандъ по поводу незначительно вычищенныхъ сапоговъ, то Ванька, ничего не отвѣчая, оставилъ ногу; если бы можно было,

чтобъ онъ такъ и застылъ въ этой позѣ до прѣзда становаго, тогда, разумѣется...

— Нѣтъ, хитерь, бестія, ничего съ нимъ не подѣлаешь — восклицаетъ Кондратій Трифоновичъ, и ходитъ, и ходитъ по своимъ «сараямъ», ходитъ до того, что и поль-то словно жалуется и стонетъ подь ногами его: да сидь же ты, ради Христа!

Онъ уже давно замѣтилъ, что между нимъ и Ванькой поселилась какая-то холодность, какая-то натянутость отношений. Услышавши, что объ этомъ предметѣ весьма подробно объясняется въ книжкѣ, называемой «Русскій Вѣстникъ», онъ съѣздилъ къ сосѣду, взялъ у него книжку и узналъ, что подобная натянутость отношений называется «сословнымъ антагонизмомъ».

— Ну, а дальше что?—допрашивалъ Кондратій Трифоновичъ; но книжка говорила только, что объ этомъ предметѣ подробно объясняется въ другой такой же книжкѣ.

— Оно, конечно,—разсуждалъ по этому поводу Кондратій Трифоновичъ:— оно, конечно... Ванька сапоги чиститъ, а я ихъ надѣваю; Ванька печки топить, а я около нихъ грѣюсь... Ну, да, это оно!

И съ тѣхъ поръ слово «антагонизмъ» до такой степени вѣзалось въ его память, что онъ не только положилъ его на музыку, но даже употребляетъ для выраженія всякаго рода чувствъ и мыслей.

И ходитъ Кондратій Трифоновичъ по своимъ опустѣлымъ «сараямъ», ходитъ и останавливается, ходитъ и мечтаетъ. Мало-по-малу, мысль его оставляетъ Ваньку-подлеца и обращается къ другимъ предметамъ. Онъ думаетъ о томъ, что вдругъ будущимъ лѣтомъ во всѣхъ окрестныхъ имѣнιάхъ засуха, а у него у одного все дожди, все дожди; что окрестные помещики не соберутъ и на сѣмена, а онъ все самъ-десять, все самъ-десять. Онъ думаетъ о томъ, что кругомъ все тихо, а у него въ имѣннiи вдругъ землетрясеніе, слышится подземный шумъ, люди въ смятеніи, животныя въ ужасѣ... Вдругъ—вв!.. зз!.. жж!.. и—о! радости!—на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у него росъ паршивый кустарникъ, въ одну минуту вырастаетъ высокій и частый лѣсъ, за который ему съ перваго слова даютъ по двѣсти рублей за десятину. Онъ думаетъ о томъ, что мужики его расторговались, что они помнятъ его благодѣянія и подносятъ ему соболью шубу въ пятнадцать тысячъ рублей серебромъ. Онъ думаетъ о томъ, что въ Москвѣ сторило все сѣно,

сгорѣли всѣ дрова и неизвѣстно куда дѣвался весь хлѣбъ, что у него, напротивъ того, вслѣдствіе собственной благо-разумной экономіи, а также вслѣдствіе различныхъ поощреній природы, всего этого накопилось множество, что онъ возить и продаетъ, возить и продаетъ... Онъ думаетъ о томъ, что вышло повелѣніе ни у кого ничего не покупать, кромѣ какъ у него, Сидорова, за то, что онъ, Сидоровъ, въ какую-то достопамятную годину пожертвовалъ изъ крестьянскаго запаснаго магазина столько-то четвертей, да потомъ еще столько-то четвертей, и тѣмъ показали ревность безпримѣрную и чувствительность подражанія достойную... Онъ думаетъ о томъ, что въ домѣ его собрались окрестные помѣщики и что онъ имъ толкуетъ о превосходствѣ вольнонаемнаго труда надъ крѣпостнымъ. «Конечно, господа,—говоритъ онъ имъ:—въ настоящее время помѣщикъ не можетъ получать дохода, сидя на мѣстѣ сложа руки, какъ это бывало прежде; конечно, онъ прежде всего долженъ употребить свой личный трудъ, свою личную, такъ сказать, распорядительность»...

Но вотъ мысли его, отъ усиленной работы, начинаютъ мѣшаться. Передъ глазами его, отъ непрерывнаго колорватнаго движенія, показываются зеленые круги; бѣлая колокольня, стоящая передъ барскимъ домомъ, начинаетъ словно подниматься; дворовая баба, проходящая по двору, словно не идетъ, а на одномъ мѣстѣ пашатывается и что-то у ней подъ фартукомъ, что-то у ней подъ фартукомъ...

— Есть, что ли, мнѣ хочется?—спрашиваетъ самъ себя Кондратій Трифоновъ и съ злобою замѣчаетъ, что часовая стрѣлка показываетъ только десять.

— А въдь у ней подъ фартукомъ что-то есть,—продолжаетъ онъ, но не даетъ своимъ предположеніямъ дальнѣйшаго развитія, а только прибавляетъ:—Ладно!

Надобно ходить, надобно мыслить... Кондратій Трифоновъ садится на диванъ и примѣчаетъ, что шиль со стола не сметена. Въ былое время, т. е. до «антагонизма», онъ вскинулъ бы при видѣ такого безпорядка, онъ кликнулъ бы Ваньку и тутъ же задалъ бы ему трѣпку. Теперь этотъ безпорядокъ приноситъ ему болѣе удовольствія, нежели огорченія, ибо онъ видитъ въ немъ улыку.

— Ванька!—кричатъ Кондратій Трифоновъ, и въ голосѣ его слышится уже торжество побѣды:—это что?

— Столъ-съ,—отвѣчаетъ Ванька съ самымъ невозмутимымъ хладнокріемъ.

— А на столѣ что?

— Пыль-съ.

— Ну?

Ванька молчитъ.

— Ладно! — говоритъ Кондратій Трифоновичъ и черезъ минуту имѣетъ удовольствие слышать, какъ Ванька хихикаетъ съ кѣмъ-то въ передней.

Кондратій Трифоновичъ снова предается мечтаніямъ. Онъ мечтаетъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы онъ былъ живописцемъ; тогда онъ срисовалъ бы нахальную Ванькину рожу въ тотъ моментъ, когда отвѣчаетъ: «пыль-съ», и представилъ бы эту картинку становой. Но съ другой стороны, гдѣ же ручательство, что становой не приметъ этой картинки за вымышленное произведеніе собственной его, Кондратія Трифоновича, фантазіи? гдѣ свидѣтели, которые подтверждали бы, что Ванька, отвѣчая: «пыль-съ», имѣетъ именно такое, а не иное выраженіе лица?

— О, чортъ побери! Эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками! — восклицаетъ Кондратій Трифоновичъ и начинаетъ выискивать мечтаній болѣе практическихъ.

Онъ мечтаетъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы становой вдругъ, въ эту самую минуту, выросъ изъ земли такъ, чтобъ Ванька не опомился и никакъ не успѣлъ стереть пыль со стола. Представляетъ онъ себѣ изумленную, ополоумѣвшую морду Ваньки и невольно и сладко хихикаетъ.

— «Пыль-съ», — дразнить онъ Ваньку, почти подлиасывая на мѣстѣ.

— Это что? — грозно спрашиваетъ Ваньку воображаемый становой.

— «Пыль-съ», — опять дразнится Кондратій Трифоновичъ и опять подлиасываетъ на мѣстѣ.

Становой, наконецъ, убѣждается; онъ приказываетъ срубить цѣлую березу и вручаетъ ее десятскимъ. Ваньку звать... На другое утро Ванька является шелковымъ; цѣлый день все что-то чиститъ и стираетъ; цѣлый день мететъ полъ и оправляетъ бариную постель, цѣлый день ставитъ самовары и мѣшаетъ въ печкахъ дрова...

Но, съ другой стороны (о, чортъ возьми!), гдѣ же ручательство, что становой именно велитъ березу срубить? Гдѣ ручательство, что онъ не отвѣтитъ Кондратію Трифоновичу, что онъ и самъ могъ бы стереть пыль со стола?

— О, чортъ побери! Эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками!—восклицаетъ Кондратій Трифоничъ и начинаетъ высккивать мечтатѣй еще болѣе практическхъ.

Онъ мечтаетъ, что никакнхъ заковычекъ больше нѣтъ, что онъ призываетъ станowego (который парочно тутъ и стоитъ, чтобъ заковычекъ не было) и говоритъ ему:— «Ванька мнѣ мину сдѣлалъ!»

— Сейчасъ-съ, — говоритъ становой и летитъ во весь духъ распорядиться.

Потомъ онъ опять призываетъ станowego и говоритъ ему:— «Ванька пыли со стола не стеръ!»

— Сейчасъ-съ, — говоритъ становой и летитъ распорядиться.

Но вотъ и опять мысли мѣняются, опять образуются зеленые круги, опять подплясываетъ бѣлая длинная колокольня. Надоѣло сидѣть, надоѣло мыслить...

— Чортъ знаетъ, ѣсть, что ли, мнѣ хочется?—опять спрашиваетъ себя Кондратій Трифоничъ и съ тоскою изглядываетъ на часы. Тоска обращается въ ненависть, потому что часовая стрѣлка показываетъ половину одиннадцатаго.

— За поповымъ братомъ, что ли, спосылать?—разсуждаетъ самъ съ собой Кондратій Трифоничъ и тутъ же рѣшаетъ, что спосылать необходимо.

Кондратій Трифоничъ малый не злой и даже покладистый для своихъ домочадцевъ, но съ пѣкотораго времени нравъ у него страннымъ образомъ перемѣнился. Ванька, съ свойственною ему легкомысленностью, отзывался объ этой перемѣнѣ, что Кондратій Трифоничъ спятилъ; ключница Мавра выражалась скромнѣе и говорила, что баринъ задумывается, что на него находитъ. Какъ бы то ни было, но перемѣна существовала и произошла едва ли не въ ту самую минуту, какъ онъ прочиталъ, что есть на свѣтѣ какой-то сословный антагонизмъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ онъ вообразилъ себѣ, что онъ—одна сторона, а Ванька—другая сторона, и что они должны бороться. Ванька представлялъ собою интересы всѣхъ чистищихъ сапоги и топящихъ печки Кондратій Трифоничъ—интересы всѣхъ посящихъ сапоги и грѣющихся около топленыхъ печей. Ясно, что стороны эти не могутъ понимать другъ друга и что изъ этого долженъ произойти антагонизмъ. И вотъ онъ борется утромъ, борется за обѣдомъ, борется до поздней ночи. Но Ванька не понимаетъ, что такое антагонизмъ, и очевидно укло-

няется отъ борьбы. Онъ исправляетъ свои обязанности по-прежнему, то-есть попрежнему не стираетъ мылн со столовъ, попрежнему забываетъ закрыть трубы въ печаль, а Кондратій Трифоновичъ видитъ во всемъ грубыя мылн, злостныя позы а ла неглядѣ съ отвагой и старается Ваньку изболничать. Изъ этого выходитъ, что Ванька, какъ только забьется въ переднюю, первымъ дѣломъ начинаетъ хихикать и представляеть, какъ баринъ къ нему пристаеть. Кондратій Трифоновичъ слышитъ это и говоритъ: «ишь, шельма, смѣется!» а того никакъ понять не хочетъ, что Ванька даже и не подозреваетъ, что ему, Кондратию Трифоновичу, хочется борьбы. И такимъ образомъ, умаявшись къ вечеру, оба засыпають. Кондратій Трифоновичъ видитъ во снѣ, что онъ сдѣлался медвѣдемъ, что онъ смятъ Ваньку подъ себя и торжествуетъ; Ванька видитъ во снѣ, что онъ третьи сутки все чистить одинъ и тотъ же сапогъ и никакъ-таки вычистить не можетъ.

— Что за чудо!—кричитъ онъ во снѣ и, какъ оглашенный, вскакиваетъ съ одра своего.

«Ишь вѣдь, каналья, даже во снѣ не оставляетъ въ покоѣ!»—думаетъ въ это время Кондратій Трифоновичъ, пробужденный неестественнымъ крикомъ Ваньки.

И такимъ образомъ проходятъ дни за днями. Выигрываетъ отъ этого положительно одинъ Кондратій Трифоновичъ, потому что такое препровожденіе времени, по крайней мѣрѣ, наполняетъ пустыя дни его. Съ тѣхъ поръ, какъ завелось «превосходство вольнонаемнаго труда надъ обязательнымъ», съ тѣхъ поръ, какъ, съ другой стороны, опекунскій совѣтъ закрылъ гостепримныя свои двери, глуповскій весь умыли и заусѣбли. Заниматься рѣшительно нечѣмъ да и не для чего: все равно ничего не выйдетъ. Говорятъ, будто это отъ того происходитъ, что кредиту нѣтъ и что Сидоровымъ подняться нечѣмъ; можетъ-быть, жалоба эта и справедлива, однако, до Сидоровыхъ ни въ какомъ случаѣ относиться не можетъ. Недостатокъ кредита не губитъ, а спасаетъ ихъ, потому что, будь у нихъ деньги, они накупили бы себѣ собакъ, а не то чтобы что-нибудь для души полезное сдѣлать. А то еще подниматься! Повторю: весь приуныли и заусѣбли, въ всякихъ дѣлать нечего, потому что, все равно, ничего не выйдетъ. Тѣ, что оживляло ихъ въ бывалыя времена, какъ-то: взаимныя банкеты и угощенія, а также распоряженія на конюшнѣ, тѣ въ настоящее время не можетъ уже имѣть мѣста: первые—

по причинѣ недостатка кредита, вторыи — потому что не дозволены. Какимъ же образомъ убить, какъ издержать распроклятые дни свои? Поневоля ухватившись за антагонизмъ, хотя въ сущности никакого антагонизма нѣтъ и не бывало, а было и есть одно: «вы наши кормилицы, а мы ваши дѣти!» Вотъ и Кондратій Трифоновъ ухватился за антагонизмъ, и хотя онъ не сознается въ этомъ, но все-таки жизнь его съ тѣхъ поръ потекла какъ-то поцѣбе. По крайней мѣрѣ, теперь у него есть политическій интересъ, есть политическій врагъ, Ванька, противъ котораго онъ направляетъ всю дѣятельность своихъ умственныхъ способностей. Смотришь, анъ день-то и канулъ незамѣтнымъ образомъ въ вѣчность, а тамъ и другой наступать, и другой кануть...

Но вотъ и батюшкинъ братъ пришелъ; Кондратій Трифоновъ слышитъ, какъ онъ сморкается и откашливается въ передней, и въ нетерпѣнннхъ ворчитъ:

— О, чтобъ!.. сморкаться еще выдумалъ!..

Батюшкинъ братъ—человѣкъ маленький, рыхленькій; онъ уже дѣтъ семь какъ состоитъ въ ожиданннхъ ваканснн, но по какому-то несчастному случаю мѣста не получаетъ; лицо имѣетъ благостное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и угрожающее, какъ будто оно говоритъ: «а вотъ погоди, скажу я тебѣ ужъ проповѣди!» Ходитъ батюшкинъ братъ, словно лебедь плыветъ, рукой дѣйствуетъ размашисто, говоритъ размашисто. Носъ у него, вслѣдствннхъ внезапнаго перехода со стужи въ тепло, влажонъ; на усахъ висятъ ледяныя сосульки.

— Скука, отче! — говоритъ Кондратій Трифоновъ, востѣхъ взаимныхъ привѣтствннхъ.

— Можно молитвою развлечься, — отвѣчаетъ батюшкинъ братъ, и при этомъ лицо его осклабляется.

— Ну, васъ!

Молчать.

— Сидѣль-сидѣль, молчалъ-молчалъ, — начинаетъ Кондратій Трифоновъ: — видно дурасть взяла! Чортъ знаетъ, чего не передумалъ! Хотѣ бы ты, что ли, отче, паству-то вразумилъ!

— Развѣ предосудительное чтѣ замѣтить изволили? — отвѣчаетъ батюшкинъ братъ, и лицо его выражаетъ жалость, смѣшанную съ испугомъ.

— Да что! грубятъ-себѣ поголовно, да и шабашъ!

— Непохвально!

— Просто житья отъ хамовъ нѣтъ!

— Въ комъ же вы наиболѣе такое настроеніе замѣчать изволили, Кондратій Трифоновичъ?

— Во всѣхъ! Отъ мала до велика — всѣ грубятъ! Да какъ еще грубить-то выучились! Ни слова тебѣ не говоритъ — а грубитъ! служить тебѣ, каналья, стаканъ воды подаетъ — а грубитъ!

Батюшкінъ братъ тоскливо помоталъ головой и крикнулъ.

— И во многихъ такое настроеніе замѣчае? — брякнулъ онъ, позабывъ, что повторять свой прежній вопросъ.

— Да говорятъ же тебѣ: во всѣхъ! во всѣхъ! Ну, слышишь ли ты: во всѣхъ! во всѣхъ!

Батюшкінъ братъ слегка привскакнулъ и откинулся назадъ, какъ будто обжогся. Опять молчать.

— Что-жъ это за скука такая! — начинаетъ Кондратій Трифоновичъ. — Закуску, что ли, везти подать?

— Во благовременіи и нища невредительна бываетъ.

— А не во благовременіи какъ?

Батюшкінъ братъ опять привскочиваетъ и откидывается назадъ.

— Ну, и сиди не ѣвши: зачѣмъ пустяки говоришь!

Молчать.

— Не люблю я, когда ты пустяки мелешь!

Молчать.

— И кого ты этими пустяками удивить хочешь?

Батюшкінъ братъ краснѣетъ. Кондратій Трифоновичъ тяжело вздыхаетъ и произноситъ:

— Охъ, скука-то, скука-то какая!

— Время неблагопотребное, — рискуетъ батюшкінъ братъ, но тутъ же обнаруживаетъ безпокойство, потому что Кондратій Трифоновичъ смотритъ на него сурово.

— И откуда ты такимъ глупымъ словамъ выучился! Говорилъ бы просто: непотребное время! И не надоѣло тебѣ языкъ-то ломать! — строго говоритъ Кондратій Трифоновичъ.

Опять водворяется молчаніе, изрѣдко прерываемое глубокими вздохами Кондратія Трифоновича. Батюшкінъ братъ вынимаетъ платокъ изъ кармана и начинаетъ вытирать имъ между пальцами.

— Что это я все вздыхаю! что это я все вздыхаю! — произноситъ Кондратій Трифоновичъ.

— О грѣсѣхъ... — началъ было батюшкінъ братъ, но не окончилъ, а только пискнулъ.

— Тьфу ты!

Молчать.

— А ты слышалъ, что Скуракинъ на-дняхъ такого же вотъ, какъ ты, поповскаго брата высѣкъ?—спрашиваетъ внезапно Кондратій Трифонычъ.

— Се... стало-быть, слѣдствіе наряжено?

— Да, братъ, тоже вотъ все говорилъ: «о грѣсѣхъ» да «благоутробно»—пу, и высѣкъ!

Всю эту исторію Кондратій Трифонычъ сейчасъ только что выдумалъ и никакого поповскаго брата Скуракинъ не сѣкъ. Но ему такъ понравилась его выдумка, что онъ даже повеселѣлъ.

— Да, братъ, права наши еще не кончились! Вотъ выдумалъ высѣчь—и высѣкъ! Ищи на немъ!

— Однако, позвольте, Кондратій Трифонычъ, осмѣливаюсь я думать, что господинъ Скуракинъ поступилъ не по закону!

— Ну, по какому тамъ еще закону! Извѣстно, сѣкутъ не по закону, а по обычаю!

— Позвольте, Кондратій Трифонычъ, я все-таки осмѣливаюсь полагать, что господинъ Скуракинъ не имѣлъ никакого права!

— Высѣкъ—и все тутъ!

— Высѣчь недолго-съ.

— Ну, да... и долго, не долго... а высѣкъ!

Батюшкинъ братъ крикнуть; онъ видимо былъ обиженъ. Что-жъ это такое въ самомъ дѣлѣ? И съ какой стати Кондратій Трифонычъ завелъ такую пустую матерію? И не ключаютъ ли слова его фигуры иносказанія?

— Стало-быть, такъ всѣхъ высѣчь можно?—произнесъ онъ съ видимымъ волненіемъ.

— Всѣхъ!

— Стало-бѣшь, и...—батюшкинъ братъ не договорилъ.

— Стало-быть, и...

Батюшкинъ братъ обидѣлся окончательно. Мало-по-малу, онъ такъ разревновался, что даже всталъ и началъ прощаться.

— Ужь я, Кондратій Трифонычъ, лучше въ другой разъ приду, когда улучится болѣе благоприятная минута,—сказалъ онъ.

— Ну, да построй! куда ты? Это вѣдь я пошутить.

— Неблагодарно шутить изволите!

— Фу, чортъ! онять ты съ своимъ благоутробіемъ! Да говорятъ тебѣ: пошутить!

— Нѣтъ, Кондратій Трифонычъ!

— Слышь, говорятъ: пошутить!

— Итъ-съ, Кондратій Трифонычъ!

— Ну, и ступай! ну, и пропадай! Только ты у меня смотри: ни всеночныхъ, не молебнovie... ни-ни!

— И не надо-съ! Собственную же свою душу не соблюдете.

Батюшкинъ братъ ушелъ; въ передней опять послышалось откашливаніе и сморканіе; Кондратій Трифонычъ опять почувствовалъ приливъ тоски.

— Эй! воротить его!—крикнулъ онъ.

Ванька побѣжалъ, но воротился съ отвѣтомъ, что батюшкинъ братъ не идетъ...

— Сказать ему, что я умираю!

Батюшкинъ братъ воротился, но сталъ у самой двери.

— Что вамъ, сударь, угодно?—спросилъ онъ съ достоинствомъ.

— Да садись же ты!

— Итъ-съ, и дома посижу!

— Ну, да полно! Благопрости ты меня, поблагодобесѣдуй ты со мной! Ну, видишь!

Батюшкинъ братъ колебался.

— А не то, давай почвакаемъ, что-нибудь! А если и это не нравится, такъ поблаготранезуемъ!

Батюшкинъ братъ плавными шагами приблизился къ стулу и сѣлъ. Но онъ все-таки еще не совсѣмъ оправился, потому что опять вынулъ изъ кармана платокъ и началъ вытирать имъ между пальцевъ.

Приносятъ водку; Кондратій Трифонычъ наликаетъ рюмку и подноситъ батюшкину брату; но въ ту минуту, когда батюшкинъ братъ ужъ почти касается рукою рюмки, Кондратій Трифонычъ дѣлаетъ быстрый маневръ и мгновенно выливаетъ водку самъ. Батюшкинъ братъ крикаетъ и опять коснется на шанку. Однако, на этотъ разъ все устраняется благополучно.

— Я думаю на будущій годъ молотняку выписать,—говоритъ Кондратій Трифонычъ, а самъ въ то же время думаетъ: «купишь съ масломъ на какія-то деньги ты выинишь!»

— Это полезно,—отвѣчаетъ батюшкинъ братъ:—и крестьяне отъ васъ позаняться могутъ.

— Я и сѣноворонилку куплю,—упорствуетъ Кондратій Трифонычъ:—да вотъ еще сѣязка такая есть...

... Се...—произноситъ батюшкинъ братъ.

Молчатъ. Выжили по другой.

— У меня имѣніе хорошее!—говоритъ Кондратій Трифоничъ.

Батюшкнинъ братъ, неизвѣстно съ чего, вдругъ распростираетъ руки, какъ будто хочетъ обнять необъятное.

— Ну, да! Это надо сказать правду, что хорошее, ну, только руки приложить!—продолжаетъ Кондратій Трифоничъ.—Вотъ я съ будущаго года молоко въ Москву возить стану!

— Экипажцы, стало-быть, такіе едѣете

— Ну, да! Положимъ, напริมѣръ, что корова дастъ... ну, хоть ведро въ день!

Батюшкнинъ братъ крикаетъ и откидывается назадъ.

— Ну, да... ну, хоть ведро въ день! Положимъ, хоть по восьми гривенъ за ведро... сколько это будетъ?

Кондратій Трифоничъ задумывается и въ разсѣянности выщипываетъ третью рюмку. Батюшкнинъ братъ съѣдаетъ грибокъ.

— Одного торфу сколько у меня!—вдругъ восклицаетъ Кондратій Трифоничъ.

— Стало-быть, торфомъ торговать будете?—спрашиваетъ Батюшкнинъ братъ и, приложивъ руку къ сердцу (дабы не распахнулась ряса), крадется къ столу, чтобъ отгнѣзать кусочекъ ветчинки.

— Всѣмъ буду торговать: и молокомъ буду торговать, и торфъ буду продавать, и ягоды въ Москву буду возить! Ну, братъ, глядѣть-то нечего! ну, братъ, дворянскую-то спѣсь надо по-боку!

— Се...—удивляется Батюшкнинъ братъ.—Стало-быть, изволите находить, что непередосудительно?

Вмѣсто отвѣта Кондратій Трифоничъ выщипываетъ четвертую и въ то же время указываетъ на графинъ Батюшкнину брату, который немедленно слѣдуетъ его примѣру.

— А позвольте узнать,—спрашиваетъ Батюшкнинъ братъ:—какъ же теперь купцы, мѣщане... стало-быть, имъ возвращено будетъ торговать!

— А мнѣ что за дѣло!

— Стало-быть, это ужъ не будетъ, чтобъ всякому, то-есть, званію предѣлъ быть положенъ?

— Не будетъ, а что?

— Ничего-съ: конечно, по Писанію, оно не то, чтобъ... потому, есть купующіе, есть и куплю дѣющіе, есть воздѣлывающіе землю, есть и поймающіе...

— Ну, такъ что-жъ?

— Ничего-съ... я къ примѣру-съ...

— И кого только ты этими глупостями удивить хочешь! Молчать.

— А то вот еще искусственнымъ разведениемъ рыбъ заняться можно!— вдругъ изобрѣтаеть Кондратій Трифоновъчъ.

— Се... стало-быть, всякую рыбку у себя завести можно?

— Всякую!

— Се... подумаешь, какую, однако, власть надъ собой человекъ взялъ!

— Да, братъ, власть!

— Только тверди и звѣздъ небесныхъ еще содѣлать не можетъ.

— А рыбу можетъ всякую!

— И безвыгодно?

— Какое, къ чорту, безвыгодно! Ты пойми, сколько въ Москвѣ стерлядь-то стоитъ!

— Что-жъ, это дѣло хорошее! Можетъ, и крестьяне около васъ позабудутся.

Молчать.

Кондратій Трифоновъчъ слегка зѣваетъ.

— Я ночью все буду самъ: лѣсъ рубить буду самъ, молоко въ Москву возить—самъ, торфъ продавать—самъ!—говорить онъ, приходя внезапно въ восторгъ.

— Доброе, сударь, дѣло!—отвѣчаетъ батюшкинъ братъ.

— Ночью, братъ, не то, что прежде! Итъ, братъ, шалишь! Ночью вездѣ все самъ: и посмотри самъ, и свѣсь самъ, и звѣзды вездѣ самъ, и опять посмотри, и опять свѣсь!

Кондратій Трифоновъчъ, говоря это, суетится и тыкаетъ руками, какъ будто онъ въ самую эту минуту и смотритъ, и вѣситъ, и куда-то ѣдетъ.

— Это точно; и предки наши говаривали: «своей глазокъ-смотри!»

— Предки-то наши говаривали, а сами одну навозинку собоюдали!

Батюшкинъ братъ снисходительно улыбается. Водворяется молчаніе.

— Хорошо бы машину какую-нибудь выдумать!—говоритъ Кондратій Трифоновъчъ.

— Про какую-такую машину говорить позволите?

— Ну, да какую-нибудь... чтобъ и жала, и косила, и лѣсъ бы рубила, и масло бы пахтала... и вездѣ бы одинъ приводъ дѣйствовало!

— Смышно, англичане много всякихъ машинъ выдумываютъ!

— Сидѣлъ бы я себѣ дома, да дѣлать бы, да дѣлать бы машины, а потомъ въ Москву продавать возилъ бы.

— Вотъ Богъ англичанамъ на этотъ счетъ большую остроумя далъ!—настаиваетъ батюшкинъ братъ.

— А нашимъ не далъ!

— Зато нашъ народъ благочестіемъ и благоугодною къ церкви преданностію одарилъ!

— Ну, и опять тебѣ говорю: кого ты своими благоглупостями удивить хочешь?

Батюшкинъ братъ окончательно конфузится и закусываетъ губы. Напротивъ того, Кондратій Трифоновичъ воспламеняется и постепенно входитъ въ хозяйственный азартъ. Онъ объясняетъ, что можно налимъ съ лещомъ совокунить и что изъ этого должна произойти рыба, у которой будутъ ичонки и молоки налима, а тешка лещиная; онъ объясняетъ, что примѣры подобнаго совокуненія случались и въ природѣ: стерлядь совокунилась съ осетромъ и вышла рыба *шуга*, которую онъ ѣлъ на обѣдѣ у губернатора.

— Не у генералияго, — прибавляетъ онъ: — теперь у насъ какой-то гордника, аристократишка какой-то, а вотъ у прежняго, у генерала Слабомыслова.

Онъ объясняетъ батюшкину брату, какую онъ машину выпинитъ: и дрова таскать будетъ, и нахать будетъ, и воду носить будетъ, и топить се будетъ не дровами, а землей, — все землей!

— Работниковъ, братъ, мнѣ съ этой машиной совѣмъ не надо!—прибавляетъ онъ.

Онъ объясняетъ, наконецъ, какихъ онъ коровъ изъ Англій выпинитъ: костей у нихъ совѣмъ нѣтъ, а все одно мясо да молоко, все молоко, все молоко!

Онъ объясняетъ, наконецъ, что выстроятъ новую колокольню, такую колокольню: одинъ этажъ каменный, другой деревянный, потомъ опять каменный и опять деревянный.

— Жертва Богу угодная!—замѣчаетъ батюшкинъ братъ:— жертва, сударь, все равно, что кадило благовоиное!

— А ты думалъ какъ?

— Впрочемъ, колокольня у насъ еще постоитъ... вотъ насчетъ трапезы, Кондратій Трифоновичъ!

— Ужь ты молчи, я все сдѣлаю: и колокольню сломаю, и трапезу сломаю, я все сломаю! — объясняетъ Кондратій Трифоновичъ.

И разговаривая такимъ манеромъ, выливаетъ рюмку за рюмкой, рюмку за рюмкой!

Батюшкинъ братъ, въ свою очередь, вышиваетъ, и вслѣдствіе этого безпрестанно поправляетъ нащипами глаза, какъ будто хочетъ ихъ разодрать, чтобъ лучше видѣть. Въ то же время онъ радуется, что въ одно утро приобрѣлъ столько разнообразныхъ свѣдѣній.

— Это вы благополезное дѣло затѣяли, Кондратій Трифонычъ!—говоритъ онъ.

— Тыфу ты!

Наконецъ, изолгавшись въ концѣ и, вѣроятно, найдя, что машины всё до одной изобрѣтены, коровы всё вышисаны, Кондратій Трифонычъ впадаетъ въ истощеніе. Часы бьютъ два.

— Обѣдать! — кричитъ Кондратій Трифонычъ. — Ты со мной, что ли, отче?

— Ужъ очень занято вы рассказываете, Кондратій Трифонычъ, послушать бы и еще-сь.

— Ну, а коли послушалъ бы, такъ оставайся!

Подаютъ обѣдать; но геній хозяйственной распорядительности уже отлетѣлъ отъ Кондратія Трифоныча. Онъ не то чтобъ спитъ, но слегка совѣтъ и только изрѣдка подмигиваетъ батюшкину брату на Ваньку (дескать, посмотри, какъ суетъ!), который, въ свою очередь, не стѣняясь присутствіемъ этого послѣдняго, показываетъ барину сзади языкъ. Такимъ образомъ, антагонизмъ, о которомъ такъ много говоритъ Кондратій Трифонычъ, представляется батюшкину брату въ лицахъ на самомъ дѣйстви.

— Ты для чего же рыжиковъ къ жаркому не подаль?— невѣрнымъ, пѣскелью пугающимся языкомъ допрашиваетъ Ваньку Кондратій Трифонычъ.

— А для того и не подаль, что огурцы есть,—тоже пугающимся языкомъ отвѣчаетъ Ванька.

— Инъ ты! дразнишь, шельма! — замѣчаетъ Кондратій Трифонычъ и подмигиваетъ батюшкину брату, какъ бы приглашая его быть свидѣтелемъ Ванькиной грубости.

Наконецъ, и сумерки упали. Батюшкинъ братъ давно ушелъ; Кондратій Трифонычъ спитъ и даже во снѣ ничего не видитъ. Какъ повалился онъ на постель, такъ ему голову словно заложило чѣмъ. Въ передней вторить ему Ванька.

Въ шесть часовъ Кондратій Трифонычъ уже шагаетъ по своимъ сараямъ и проситъ квасу. Въ средней комнатѣ ушло мерцаетъ стегариновая свѣча; прочія комнаты окутаны мракомъ. Кондратій Трифонычъ шагаетъ и думаетъ, что бы ему сдѣлать такое, чтобы...

— Чтобы что?—спрашивает его внутренний голос.

— Господи, какая тоска!—восклицает Кондратій Трифонович, не разрывая вопроса.

И опять ходить, и все о чем-то думает, все чего-то ждать. Думает о том, что завтра, быть-может, будет сибирь, а быть-может, будет и вьюга; ждать, что кь Николину дню будут морозы.

— О, черт побери!—восклицает онъ.

И опять ходить, и опять ждать—скоро ли чай подадут?.

— Ванька! да пошли ты, разбойникъ, Агашку ко мнѣ!—кричитъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Агашка на этотъ разъ явится. Это дѣвушка кругленькая, полненькая, бѣлокуренькая, съ измятымъ, но весьма приятнымъ личикомъ.

— Что вы, Агашенька, ко мнѣ рз ходите? — спрашиваетъ ее Кондратій Трифоновичъ, сѣвши кругомъ нея пожатками, какъ дѣлаютъ влюбленные пѣтухи.

— Вы развѣ спрашивали меня?—отзывается Агашенька, повертываясь на своей оси по тому же направлению, по какому ходитъ Кондратій Трифоновичъ.

— Я за вами десять разъ Ваньку посылалъ-сь!

— Ванька ни разу мнѣ не говорилъ!

— Этакой лютъ, подлецъ! А. отчего же вы сами никогда ко мнѣ не зайдете-сь?

Агашенька не отвѣчаетъ; она слегка зардѣлась.

— Ну-сь, Агашенька-сь?

— Я, Кондратій Трифоновичъ, я-сь... — начинаетъ Агашенька и никакъ не можетъ кончить.

— Ну-сь, что же вы-сь?

— Я-сь... позвольте мнѣ, Кондратій Трифоновичъ, замужъ идти-сь! — скороговоркой произноситъ Агашенька и умолкаетъ, словно сама испугалась словъ своихъ. А щеки у нея такъ и пылаютъ, такъ и рдѣютъ отъ стыда и испуга!

Кондратій Трифоновичъ озадаченъ; онъ думаетъ, какъ ему поступить, и, разумеется, какъ все люди, которыхъ самолюбіе неожиданно уязвлено, на первыхъ порахъ надумываетъ глумливую шутку. Онъ какъ-то надувается и устраиваетъ оскорбленную мину; онъ поднимаетъ плечи и, отступя нѣсколько шаговъ назадъ, указываетъ Агашѣ руками на двери.

— Скажетъ вамъ дорога-сь!—говоритъ онъ.—Ну, такъ что же-сь, и съ Богомъ-сь!

— Душенька! Кондратій Трифоновичъ! Эй-Богу, я не

могу!—говоритъ Агашенька и въ то же время стыдится и рдеетъ, едва выговаривая отъ волненія слова.

— А коли не можете, такъ и съ Богомъ! — отвѣчаетъ Кондратій Трифонычъ, поирежнему глухимъ образомъ уставляя руки по направлению къ двери.

Агашенька закрываетъ лицо платкомъ и быстро выбѣгаетъ.

Кондратій Трифонычъ остается одинъ и опять принимается за ходьбу. Но онъ чувствуетъ, что у него начинаетъ немить сердце; онъ чувствуетъ, что къ глазамъ что-то подступаютъ.

— Ладно, это ладно!—говоритъ онъ самому себѣ.

— Что «ладно»-то?—спрашиваетъ внутренней голосъ.

«Ну, чертъ съ нею!—думаетъ онъ:—пойду въ Москву и найду себѣ... А вѣдь она, чай, за повара?»

И опять начинаетъ сосать сердце, и опять начинаетъ что-то подступать къ глазамъ.

— Ваня! позови Агашу! — говоритъ онъ словно измѣнившимся голосомъ, просовывая голову въ переднюю.

Черезъ минуту Ванька возвращается и докладываетъ, что Агашка не идетъ.

— Да ты пооди, ты скажи ей, что я... такъ.

Ванька скрывается.

— Вы меня спрашивали, Кондратій Трифонычъ? — раздается въ темномъ знакомый голосъ.

— Вы за кого-жъ замужъ выходите, Агашенька-съ? — спрашиваетъ Кондратій Трифонычъ.

— Я-съ... за повара... за Степана-съ!

— Гм!.. за Степана! А въ дѣвушкахъ остаться не хотите?

— Ужъ позвольте, Кондратій Трифонычъ!

— Ну, Богъ съ вами! Кто же у васъ посаженнымъ отцомъ будетъ?

Агашенька перебираетъ пальцами концы большого платка, который накинуть у нея на шею.

— Хочешь, я посаженнымъ отцомъ буду?

— Ахъ, вѣтъ... вѣтъ... ужъ оставьте это, Кондратій Трифонычъ!

— Что-жъ, и въ посаженные-то ужъ взять не хотите?

Агашенька видимо тяготится разговоромъ; она переминается съ ноги на ногу; ей хочется уйти. Кондратию Трифонычу кажется, что она неблагодарная.

— Ну, съ Богомъ! Что-жъ... если я... если я... ну, и съ Богомъ!

Кондратій Трифоновъ давится и, чтобъ скрыть охватившее его волненіе, кашляетъ; но въ ту минуту, когда она поднимаетъ голову, Агаша ужъ нѣтъ...

— Хоть жить-то у меня останетесь ли? — кричитъ онъ въ вѣдъ и, не получивши отвѣта, ворчитъ: — Ишь! даже отвѣта не дасть! а вѣдъ я два года еще право имѣю... Ладно!

Между тѣмъ на дворѣ разыгрывается вьюга; она несетъ снопы сѣнга съ рѣки и укладываетъ ихъ буграми и грядками около барскаго дома; она наполняетъ воздухъ какою-то сумятицей и застигаетъ огоньки, которые свѣтятся въ людскихъ избахъ и въ тихую погоду бывають видны нѣтъ господскаго дома; она визжитъ и востъ; она стучится въ стѣны и въ окна, словно просится со стужи въ тепло.

— Нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой, нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой, — слышится Кондратию Трифонову въ этомъ заунывномъ гололепѣ вьюги.

Дѣлать рѣшительно нечего; что было дѣла — все передѣлать, что было мыслей — всё передумать. Часы тоскливо стучатъ: тикъ-такъ, тикъ-такъ, и Кондратій Трифоновъ чувствуетъ, какъ взмахн малятника, одинъ за другимъ, упоенъ его надежды. Онъ чувствуетъ, что съ каждой минутой все больше и больше дрихлѣетъ, что дерево жизни подточено, что листья одинъ за другимъ все падаютъ, все падаютъ...

— Что-жъ это онъ чаю, подлецъ, не дасть! — вскрикиваетъ онъ, какъ узвѣщенный, удостовѣрившись, что часовая стрѣлка стоитъ на половинѣ восьмого. — Ванька! чаю, чаю-то что-жъ не даешь! Не стою я, что ли?

Ванька хочетъ уйти.

— Нѣтъ, ты мнѣ говори: не стою, что ли, я чаю, что ты меня до сихъ норъ моришь?

— Я думалъ, что не надо! — огрызается Ванька.

— Ты думалъ! онъ думалъ! милости просимъ! онъ думалъ! А ты знаешь ли, какъ вашего брата за думанье-то! Онъ думалъ.. ты!.. ты!.. ахъ, ты! Ну, ступай... ладно!

Кондратій Трифоновъ опять пересчитываетъ свои обиды: тогда-то пылан не стерчь, тогда-то рожу состроить, тогда-то прыснуть въ самое лицо барину, тогда-то безъ чаю намѣревался оставить.

— Агашку забаламутить, — говоритъ онъ, инстинктивно склоня голову на бокъ, какъ будто сообщая это по секрету становому на ухо.

По вотъ и чай выпить; Кондратій Трифоновъ беретъ засаленныя карты и начинаетъ раскладывать гранч-насыянье. Онъ гадаетъ, уродится ли у него рожь самъ-десять—не выходить; онъ гадаетъ, останется ли Агаша жить у него—не выходить; онъ гадаетъ, избавится ли его имѣніе отъ продажи съ публичнаго торга—не выходить.

— Итъ тебѣ ни правой, ни лѣвой, итъ тебѣ ни правой, ни лѣвой!—злитъ на дворъ выюга.

Кондратій Трифоновъ спитъ; въ комнатѣ жарко и душно; онъ разметался; одна рука свѣсилась съ кровати, другая легла на лѣвую сторону груди, какъ будто хочетъ сдерживать учащенное біеніе сердца. Онъ видитъ во снѣ, что послѣдовало какое-то новое распоряженіе. Въ чемъ заключается это распоряженіе—сонъ не объясняетъ, но самое слово «распоряженіе» уже вызываетъ капли холоднаго пота на лицо Кондратія Трифоновъ. Онъ стонетъ и захлебывается.

По утру, часовъ въ восемь, чуть брезжится, а ужъ его будитъ Ванька.

— Что такое? что такое?—спрашиваетъ онъ, глядя на Ваньку мутными глазами.

— Становой прѣхалъ!

— А!.. ладно!—произноситъ Кондратій Трифоновъ, и лицо его принимаетъ ироническое выраженіе, которое очень не нравится Ванькѣ.

— Имѣніе описывать прѣхалъ-съ!—говоритъ Ванька въ самый упоръ, какъ бы желая сразу окатить Кондратія Трифоновъ холодною водою.

Занавѣсъ опускается.

IX.—Святочный разсказъ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника).

I.

Въ 18³³ году, и именно въ ночь на Рождество Христово, пришлось мнѣ ѣхать по большому коммерческому тракту, ведущему отъ города Срывнаго къ Уэль-Деминской пристани. «Завтра или, лучше сказать, даже сегодня—большой праздникъ,—думалъ я:—итъ того человѣка въ иждомъ православномъ мірѣ, который бы на этотъ день не успокоился и не предался всѣмъ отрадамъ семейнаго очага; итъ той убогой хижины, которая не освѣтилась бы привѣтнымъ лучомъ радости; итъ того лицаго, бездомнаго и увѣчнаго,

который не испыталъ бы на себѣ благотворное дѣйство великаго праздника! Я одинъ, горькимъ насидѣствомъ судьбы, вынужденъ ѣхать въ эту зимнюю, морозную ночь, между тѣмъ какъ всѣ мысли такъ естественно и такъ неудержимо стремятся къ теплему углу, ѣхать Богъ вѣсть куда и Богъ вѣсть зачѣмъ, перестать жить и самому мѣнять жить другимъ? Мысли эти неотступно осаждали мою голову и дѣлали положеніе мое, и безъ того непріятное, почти невыносимымъ. Всѣ воспоминанія дѣтства, съ ихъ безмятежными, озаренными мягкимъ свѣтомъ картинами, всѣ лучшіе часы и даже мгновенія моего прошлаго, какъ нарочно, возставали передо мной самыми симпатическими, ласкающими своими сторонами. «Какъ было тогда хорошо!—отзывался тихій голосъ гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ моей души,—и какъ, напротивъ того, все теперь непріятно и безучастно вокруг!»

Кибитка, между тѣмъ, быстро катилась, однообразно и мѣрно постукивая передкомъ объ уступы, выбитые копытами вожыныхъ лошадей. Дорога узенькою снѣговой лентой бѣжала все вдаль и вдаль; колокольцы, привязанные къ низенькой дугѣ коренника, будили оцѣненнѣвшую окрестность то яснымъ и отчетливымъ звономъ, когда лошади бѣжали рысью, то какимъ-то безпорядочнымъ гуломъ, когда они пускались вскачь; по временамъ этотъ звонъ и гулъ смѣшивался съ визгомъ полозьевъ, когда они врѣзывались въ полосу рыхлаго снѣга, нанесенную внезапнымъ вихремъ; по временамъ впереди кибитки поднималось и нѣсколько мгновеній стояло недвижно въ воздухѣ облако морозной пыли, застилая собой всю окрестность... Горы, рѣчки, овраги—все какъ будто замерло, все сдѣлалось безразличнымъ подлуннистою нелепою снѣга.

«Зачѣмъ я ѣду?—безпрестанно повторялъ я самъ/себѣ, пожимаясь отъ проникавшаго меня холода:—зачѣмъ ли, чтобъ бесполезно и произвольно впадать въ жизнь и спокойствіе себѣ подобныхъ? зачѣмъ ли, чтобъ удовлетворить извѣстной потребности времени или общества? зачѣмъ ли, наконецъ, чтобъ преслѣдовать свои личныя цѣли?»

И разныя странныя, противорѣчивыя мысли, одна за другой, отвѣчали мнѣ на этотъ вопросъ. То думалось, что вотъ прѣйду я въ указанную мнѣ мѣстность, приучусь, съ горемъ пополамъ, въ курной избѣ, буду по цѣлымъ днямъ шататься, плутать въ непроходимыхъ лѣсахъ и искать... «Чего-жь искать, однако-жь?»—мелькнула вдругъ въ головѣ

мысль, но, не останавливаясь на этомъ вопросѣ, продолжала прерванную работу. И вотъ я опять среди снѣговъ, среди сувосъ, среди лѣсной чащи; я хлопочу, я выбиваюсь изъ силъ... и, наконецъ, мое усердіе, то усердіе, которое все превозмогаетъ, увеличивается полнымъ усилхоми, и я получаю возможность насладиться плодами моего трудолюбія... въ видѣ трехъ-четырехъ бабъ, полуглухихъ, полуслѣпыхъ, полубезногихъ, изъ которыхъ младшей не менѣе семидесяти лѣтъ.. «Господи! а ну, какъ да онѣ прослышали какъ-нибудь?—шепчетъ мнѣ тотъ же враждебный голосъ, который, очевидно, считаетъ обязанностью все мои мечты отравлять сомнѣніями:—что если Еваноія.. Е-ван-оі-я!.. куда-нибудь скрылась?» Но съ другой стороны... зачѣмъ мнѣ Еваноія? зачѣмъ мнѣ все эти бабы? п кому онѣ нужны, кому отъ того убытокъ, что онѣ ушли куда-то въ глушь, сложить тамъ свои старыя кости? А все-таки хорошо бы, кабы Еваноію на мѣстѣ застаты.. Привели бы ее ко мнѣ: «ага, голубушка, тебя-то мнѣ и нужно!»—сказала бы я. «Позвольте, ваше высокобагородіе!—шепнулъ бы мнѣ въ это время становой приставъ (тотъ самый, который изловилъ Еваноію, вокуда я сидѣлъ въ курной избѣ и отъ скуки носивистывалъ):—позвольте-съ; я дозналъ, что въ такой-то мѣстности еще столько-то безногихъ старухъ секретно проживають?»—О, Боже! да это просто подарки!—восклицаю я (не потому, чтобы у меня было злое сердце, а просто потому, что я ужъ зарвался въ порывѣ усердія), и снова спѣшу, и задыхаюсь, и открываю... Господи! что я открываю!.. Что-жъ, однако-жъ, изъ этого, къ какому результату ведутъ эти усилія? Къ тому ли, чтобы перевернуть вверхъ дномъ жизнь десятка полунетлѣвшихъ старухъ?.. Итъ, видно, въ самой мыслительной моей способности нѣтъся какой-нибудь порокъ, что я даже не могу найти приличнаго отвѣта на вопросъ, безъ того, чтобы снова, дѣйствіемъ какого-то досаднаго волшебства, не возвратиться все къ тому же вопросу, изъ котораго первоначально вышелъ.

Между тѣмъ повозка начала все чаще и чаще постукивать передкомъ; полозья, во временахъ раскатываясь, скользили по обледѣлому черену дороги; все это составляло несомнѣнный признакъ жилья, и дѣйствительно, высунувшись изъ кибитки, я увидѣлъ, что мы вѣхали въ большое село.

— Вотъ и до мѣста доѣхали!—молвилъ ящикъ, поворачиваясь ко мнѣ.

Зандевьшая его борода и жалкій бѣлый понитокъ, составлявшій, вмѣстѣ съ дырявымъ и совершенно вытертымъ подшубкомъ, единственную его защиту отъ чютаго мороза, бросились мнѣ въ глаза. Странное опущеніе испыталъ я въ эту минуту! Хотя и обледенѣлыя борода, и худые бѣлыя понитки до того примелькались мнѣ во время моихъ частыхъ скитаній по дорогамъ, что я почти пересталъ обращать на нихъ вниманіе, по тутъ я совершенно невольнымъ и естественнымъ путемъ поставленъ былъ въ невозможность обойти ихъ.

«Какъ-то придется тебѣ встрѣтить Христовъ праздники! — подумалъ я и тутъ же, по какому-то озорному сопряженію идей, прибавилъ: — А я вотъ бѣду въ теплой шубѣ, а не въ пониткѣ... ты сидишь на облучкѣ и безпрестанно вскакиваешь, чтобъ поугатъ кнутомъ переднюю лошадь, а я сижу себѣ, развалившись, и занимаюсь мечтаніями... ты долженъ будешь, какъ прѣдешь на станцію, прежде всего лошадей на морозѣ распрячь, а я *велю* ввести себя прямо въ тепло, *велю* поставить самоваръ, *велю* напоить себя чаемъ, *велю* собрать походную кровать и засну сномъ невинныхъ»...

Въ селѣ было пусто; былъ шестой часъ утра, а въ это время, какъ извѣстно, по большимъ праздникамъ, идетъ уже обѣдня въ тѣхъ селахъ, гдѣ нѣтъ помѣщиковъ и гдѣ массу прихожанъ составляетъ свѣрый народъ. И дѣйствительно, хотя мы почти мгновенно промчались мимо церкви, но я успѣлъ, сквозь отворенную ея дверь, разсмотрѣть, что она полна народомъ, что глубина ея горитъ огнями по-праздничному и что густой паръ стоитъ надъ толпою, одѣвая туманомъ и богомольцевъ, и ярко освѣщенный иконостасъ.

Наконецъ, лошади остановились у просторной избы. Это была станція, но не почтовая, гдѣ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, путешественникъ можетъ пріютить свою голову безъ опасенія быть ежеминутно встревоженнымъ шумомъ и говоромъ людей, хлопаніемъ дверей и незасмысленною дѣятельностью дня; это была простая изба, назначенная по отводу для отдыха проезжающихъ по казенной надобности чиновниковъ, покуда собираютъ для нихъ свѣжихъ обывательскихъ лошадей. Сверхъ моего ожиданія, горница, въ которую меня ввели, оказалась просторною, теплою и даже чистою; полъ и вѣдланная по стѣнамъ лавки были наканунѣ выскоблены и вымыты; передъ образами весело теплилась лампадка; четырехугольный столъ, за которымъ обыкновенно трапезуютъ крестьяне, былъ накрытъ чистымъ бѣлымъ пе-

реборомъ, а въ ближайшемъ къ входу углу, около огромной русской печи, возилась баба-денищица, очевидно сгнѣна. окончить свою стиральню къ приходу семейныхъ отъ обѣдни. На одной изъ лавокъ, возлѣ передняго угла, сидѣлъ слѣпой и ветхій дѣдушка, въ родѣ тѣхъ, которыми почти фаталитически снабжается всякая сколько-нибудь многочисленная крестьянская семья, и держалъ въ рукѣ деревянную палку, которою задумчиво чертить по полу. Онъ дѣлалъ это дѣло съ необычайнымъ терпѣнiемъ, какъ будто оно составляло послѣднюю задачу его жизни, и, нащупавъ палкою какую-нибудь неровность, сердился и ворчалъ.

Прѣздъ мой не произвелъ, однако-жъ, особеннаго впечатлѣнiя, такъ какъ, по случаю отвода избы подъ станцію, хозяева ея скоро свыкаются съ общимъ видомъ чиновника, котораго появленiе составляетъ въ кругу ихъ фактъ почти ежедневный. Денищица, — которая, по разсмотрѣнiи, оказалась молодухой, — продолжала усердно дѣлать свое дѣло, а дѣдушка попрежнему водилъ палкой по полу и ворчалъ про себя. На палаткахъ возились и потягивались ребятишки.

— Далеко отсюда становой живеть? — спросилъ я.

— Да версты, чай, съ восемь будетъ, — отвѣчала денищица, дѣйствуя въ то же время ухватомъ, которымъ она управляла въ печь горюжкѣ съ похлебкой.

— А ты говори дѣло, а не «чай!» — вступился мой спутникъ и камердинеръ Грина, во всякое другое время очень добрый малый, но теперь сильно озлобившiйся вслѣдствiе мороза и другихъ дорожныхъ неприятностей.

— А вотъ мужики придутъ — они тебѣ дѣло и скажутъ... Ишь, больно строго: съ бабы спрашивать!

— Эхъ, ты! баба такъ баба и естъ! — отозвался Грина, но съ такимъ глубокимъ презрѣнiемъ, что я сразу созналъ глубокую разницу, существующую между привилегированнымъ положенiемъ и непривилегированнымъ.

— Никакъ кто пришлетъ? Съ кѣмъ это ты, Татьяна, разговариваешь? — откликнулся дѣдушка.

— Становой далеко отсюда живеть? — спросилъ я, обращаясь къ старику.

— Ась?

— Ишь ты! глухис да глупые — вотъ и жди отъ нихъ толку! — злобно замѣтилъ Грина.

— Баринъ прѣхалъ... чиновникъ, дѣдушко! — кричала, между тѣмъ, Татьяна, наклонясь къ самому уху старика. — Спрашиваютъ, далече ли до становаго будетъ?

— Да версть пятокъ-поболь будеть, — прошамкаль старикъ. — Выйдешь ты, сударь, за околицу и поѣзжай все вправо... тамъ три сосенки такія будуть.. древнѣя, сударь, еще дѣдушко мой ихъ помнилъ — въ какія сосны!.. Отъ япки повертывая прямо направо, будеть тебѣ тамъ озеро, и поѣзжай ты черезъ него все прямо, все прямо... Лѣтомъ-то, сударь, здѣсь-ко не проѣдешь, а надо кругомъ; такъ въ ту пору вмѣсто пяти-то версть и пятнадцать поди будеть!.. Ну, а за озеромъ прямо и представится тебѣ господинъ становой... Такъ-ко.

— Такъ нельзя ли лошадей поскорѣй заложить? — спросилъ я.

— А у насъ и робятъ-то никого нѣтъ, всѣ въ церкву ушли, — отвѣчала молодуха. — Видно, ужъ тебѣ, баринъ, ожидать придется!

— Дѣдушка! какъ бы лошадей заложить? — снова спросилъ я, наклоняясь къ дѣдушкѣ.

— А что-жь, сударь, для че не заложить! Кони новѣ дома, мигомъ заложать! Татьяна, сбѣгай по мужа-то, скажи, молъ, чиновникъ наѣхалъ!

Но покуда Татьяна обиралась, семейныя ужъ возвратились изъ церквы и гурьбой ввалились въ избу. Прежде всѣхъ, какъ водится, влетѣлъ инкѣмъ не прощенный клубъ морознаго воздуха и мигомъ наполнилъ комнату бѣлесватымъ туманомъ; за нимъ вошелъ старшій сынъ дѣдушки, мужичокъ лѣтъ пятидесяти снѣжкомъ, очень сановитой и бодрой наружности, одѣтый, по-праздничному, въ синюю сибирку.

— Съ праздникомъ, батюшка! — сказали онъ, помолвившись намеренъ образамъ: — Богъ милости прислалъ!

— Ну, слава Богу, слава Богу! — прошамкаль старикъ, привставая съ лавки. — Вотъ и опять мы съ праздникомъ! Съ вами, что ли, некруть-то?

— Здѣсь, дѣдушко, будь здоровъ! — молвилъ, выступая впередъ молодой парень.

И вспомнить, что по случаю военныхъ обстоятельствъ объявленъ былъ въ то время чрезвычайный наборъ, и невольно полюбопытствовалъ взглянуть на рекрута. Физиономія его была чрезвычайно симпатична; хотя гладко выстриженные волосы нѣсколько портили его лицо, тѣмъ не менѣе, общее его выраженіе было весьма пріятно; то было одно изъ тѣхъ мягкихъ, полустыдливыхъ, полужастѣнчивыхъ выраженій, которыя составляютъ почти общую принадлеж-

ность нашего народного типа. Смирно стоялъ онъ передъ старикомъ-дѣдушкой въ своемъ коротельскомъ рекрутскомъ полушубкѣ, засунувъ руку за пазуху и слегка понуривъ голову; въ голубыхъ его глазахъ не видно было огня строптивости или затаеннаго чувства ропота; напротивъ того, вся его любящая, безпредѣльно кроткая душа свѣтилась въ этомъ задумчивомъ и разсѣяннѣ-блуждавшемъ взорѣ, какъ бы свидѣтельствуя о его вѣчной и безирекословной готовности идти всюду, куда укажетъ судьба.

— Ну, дай Богъ здоровья начальникамъ... отпустили тебя. Петруня... и насъ сдѣлали съ праздникомъ,—сказалъ старикъ.

Покуда старикъ говорилъ, свали, у печи, послышались сначала вздохи, а потомъ и довольно громкія всхлипыванія. Петруня какъ-то болѣзненно весь сжался, услышавъ ихъ.

— Ну, вотъ, пошла баба голосить! Уйми ты ее, Иванъ!— обратился старикъ къ старшему сыну.— Нѣшто лучше бы было, кабы не отпустили сына-то!.. Такъ ты бы радовалась, не-чѣмъ горевать!

— Такъ неужто-жъ и пожалѣть пельзы!— отозвалась изъ угла баба.— Собирались нонѣ женить въ мясоѣдъ парня, ахъ, замѣсть того, вотъ онъ куда угодили... и не чайли!

Петруня, казалось, еще болѣе сжался при послѣднихъ словахъ матери.

— Ничего, съ Богомъ... не на грѣхъ идетъ! Чай, еще не сколько мученья-то принялъ, Петруня?— спросилъ дѣдушка.

— Мученьевъ, дѣдушко, вѣтъ; а вотъ унтеръ сказывалъ, что черезъ десять дѣнь въ походъ идти велѣно,—отвѣчалъ Петруня тихо и дрожащимъ голосомъ.

— Ну, что-жъ, и въ походъ пойдемъ, коли велѣно! Да ты слушай, голова! И я вѣдь молодецъкъ бывалъ, тоже чуть-чуть въ пекруты въ ту пору не угодили... ужъ и что хлопотъ-то у насъ въ тѣ поры съ батюшкой вышло!

— То-то «чуть-чуть!»— въ сердцахъ ворчала мать:— вотъ не сдали же! А тутъ какъ есть одинъ сынъ, да и тотъ не въ домъ, а изъ дому вонъ обжить!

— А кто-жъ тебѣ не велѣлъ другого припаста!— сказала дѣдушка полунутливо, полудосадливо.— То-то вотъ баба: замѣсть того, чтобъ потѣшить сыночка о праздникѣ, а она еще пуще его въ разстрой приводитъ! Ты пойми, плуная, что онъ у тебя въ гостяхъ здѣсь! Вотъ ужъ вели

копей въ саночки запрячь... погуляй покуда, Петруня, съ робятами-то, погуляй, милой!

Иванъ, однако, не принималъ никакого участія въ разговорѣ. Онъ спокойно раздвигался въ это время и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ обычныя распоряженія по дому. Но это равнодушіе было только кажущееся, а въ сущности онъ не менѣе жены печалился участіемъ сына. Вообще, нашего крестьянина трудно чѣмъ-нибудь расшевелить, удивить или душевно растрогать. Ежеминутно имѣя прямое отношеніе лишь къ самой незамысловатой и неизукрашенной дѣйствительности, ежеминутно встрѣчая лицомъ къ лицу свою настоящую жизнь, которая часто представляетъ для него одну безконечную невзгоду и во всякомъ случаѣ многого никогда ему не даетъ, онъ привыкаетъ смѣло смотрѣть въ глаза этой суровой мачехѣ, которая по временамъ еще осмѣливается заговаривать ѣдливными голосами и называть себя родною матерью. Поэтому всякая потеря, всякая неудача, всякое безвременье составляютъ для крестьянина такой простой фактъ, передъ которымъ нечего и задумываться, а только слѣдуетъ терпѣливо и бодро снести. Даже смерти, наиболее любимого и почитаемого лица не подавляетъ его и не производитъ особеннаго переполоха въ душѣ; мало того: я не одинъ разъ видалъ на своемъ вѣку умирающихъ крестьянъ, и всегда (кромя, впрочемъ, очень молодыхъ парней, которымъ труднѣе было разставаться съ жизнью) замѣчалъ въ нихъ какое-то твердое и вмѣстѣ съ тѣмъ почти младенческое спокойствіе, которое многіе, конечно, не затруднились бы назвать геройствомъ, если бы оно не выражалось столь просто и неизысканно. Всѣ страданія, всѣ душевныя тревоги крестьянинъ привыкъ сосредоточивать въ самомъ себѣ, и если изъ этого правила имѣются исключенія, то они составляютъ предметъ хотя добродушныхъ, но всегда общихъ насмѣшекъ. Такихъ людей называютъ нюнями, бабами, стрекозами, и никогда разсудливый мужикъ не станетъ говорить съ ними о дѣлѣ. Правда, дрогнетъ иногда у крестьянина голосъ, если обстоятельства уже слишкомъ круто повернутъ его, измѣнятся и какъ будто перекосятся на мигъ лицо, насунятся брови— и только; но жалоба, суетливость и бесплодное аханье никогда не найдутъ мѣста въ его груди. Повторяю: невзгода представляется для крестьянина столь обычнымъ фактомъ, что онъ не только не обороняется отъ него, но даже и не готовится къ принятію удара, ибо и безъ того всегда

къ нему готовъ. Всю чувствительность, все жалобы оны, кажется, предоставилъ въ удѣлъ бабамъ, которыя и въ крестьянскомъ быту, какъ и вездѣ, по самой природѣ, болѣе склонны представлять себѣ жизнь въ розовомъ цвѣтѣ, и потому не такъ легко примиряются съ ея неудачами.

— Рекрутъ, что ли, у васъ?—спросилъ я Ивана.

— Рекрутъ, сударь, сыномъ миѣ-ка приходится.

— А велика ли у васъ семья?

— Семья, нечего Бога гнѣвить, большая; четверо насъ братьевей, сударь, да дѣтки въ законѣ еще не вышли... вотъ Петрунька одинъ и вышелъ.

— Тяжело, чай, разставаться-то?

Иванъ съ изумленіемъ взглянулъ на меня, и я, не безъ внутренней досады, долженъ былъ сознаться, что сдѣланный мною вопросъ совершенно праздный и ни къ чему не ведущій.

— Божья власть, сударь!—отвѣчалъ онъ и, обращаясь къ старшукѣ, прибавлялъ:— Обѣдать; что ли, собирать, батюшка?

— Вели собирать! Иванушко, пора! чай, и свѣтъ скоро будетъ.. Да за конями-то пошли, что ли!

— Давно Васютку услали, приведуть сейчасъ.

Петруня, между тѣмъ, незамѣтно скрылся за дверь. Несмотря на то, что изба была довольно просторная, воздухъ въ ней, отъ множества собравшагося народа, былъ до того спертъ, что непривычному трудно было дышать въ немъ. Кромѣ сыновей стараго дѣдушки съ ихъ женами, тут находилось цѣлое поколѣніе подростковъ и малолѣтковъ, которые немилосердно возились и болтали, подходя личика себя хлѣбомъ и сдобными лепешками.

— Кто-то вотъ насъ кормить на старости лѣтъ будетъ?—промолвила, между тѣмъ, хозяйка Ивана, попрежнему стоя въ углу пригорюнившись.

— Чай, братьевя тоже есть, семья не маленькая!—отвѣчалъ дѣдушка, съ трудомъ скрывая досаду.

— Да, дождайся, пока они накормятъ... чай, по тѣхъ поръ ихъ и видѣли, поколь ты живъ.

— Не дѣло, Марья, говоришь!—замѣтилъ второй братъ Ивана.

— Ес не переслушаешь!—отозвался третій братъ.

Окончанія разговора я не дослушалъ, потому что не могъ долѣе выносить этого спертого, насыщеннаяго парами разныхъ похлебокъ воздуха, и вышелъ въ сѣнцы. Тамъ было совершенно темно. Глухо доносились до меня голоса ямщиковъ, суетившихся около повозки, и дребезжащее

позвякиваніе колокольцовъ, пѣкрѣно привязанныхъ къ дугѣ, и еще какіе-то смутные звуки, которые непремѣнно услышишь на каждомъ крестьянскомъ дворѣ, гдѣ хозяинъ живетъ мало-мальски запасливо.

— Какъ же быть-то? — сказала недалеко отъ меня милая и чрезвычайно мягкій женскій голосъ.

— Какъ быть! — повторилъ, повидимому, совершенно безсознательно другой голосъ, который я скоро призналъ за голосъ Петруни.

— Скоро, чай, и сряжаться станете? — снова началъ женскій голосъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

Петруня не промолвила ни слова и только вздохнула.

— Портиночки-то у тебя тебѣя есть ли? — вновь заговорила женскій голосъ.

— Есть.

— Ахъ, не близкая, чай, дорога!

Снова наступило молчаніе, въ продолженіе котораго я слышала только учащенные вздохи разговаривающихъ.

— Ужъ и какъ тяжело-то мнѣ, Петруня, кабы ты только знала! — сказала женскій голосъ.

— Чего тяжело, чай; замужъ выдены! — молвила Петруня дрожащимъ голосомъ.

— А что станешь дѣлать... и выду!

— То-то... чай, за стараго... за вдовца дѣтшаго...

— За стараго-то лучше бы... по крайности, хоть любить бы не стала, Петруня!

— А молодого, небось, полюбила бы!.. То-то вотъ вы: потоль у васъ и миль, поколь въ глазахъ! — сказалъ Петруня, котораго загода мучила ревность.

— Ой, ужъ не говори ты лучше!.. умерла бы я, не чѣмъ съ тобой разсѣваться—вотъ сколь мнѣ тебя жалко!

— А меня, небось, въ сраженіяхъ убьютъ, покуда ты здѣсь замужъ выходить будешь... дѣтей, чай, народишь... Вотъ унтеръ намеднись сказывать, что въ сраженіи какъ есть ни одинъ человекъ цѣль не будетъ—всѣхъ побьютъ!

Вмѣсто отвѣта, мнѣ послышались тихія, словно дѣтскія, всхлипыванія.

— Ну, что-жъ, и пушай бывать! — продолжалъ Петруня, находя какое-то горькое удовольствіе въ страданіяхъ своей собесѣдницы.

Всхлипыванія послышались горче прежняго.

— Ахъ, пропадай моя голова... хочешь, сбѣгу, Мавруша? — внезапно спросилъ Петруня.

— Что ты, что ты, Петруня! что-жъ это будешь!—отвѣчала Мавруша голосомъ, въ которомъ слышался испугъ.

— Убѣгу да и все тутъ.—продолжала Петруня. — Уйду въ дѣса къ старикамъ... Ищи, лови тогда!

— Стариковъ-то твоихъ, чай, въ ту пору такъ и засудятъ!—робко замѣтила Мавруша.

Петруня молчала.

— Въ разоренье-поди приведутъ!—продолжала Мавруша, какъ бы разсуждая сама съ собой.

То же молчаніе.

— Пѣть, ты ужь лучше не бѣгай, Петруня, какъ-нибудь, Богъ дастъ, и свидимся.

— То-то «свидимся»! Замужъ, чай, хочется, а не «свидимся»! Ты бы напрямки такъ и говорила... а то «свидимся»! Такъ бѣжать, что ли?

— Куда-жъ бѣжать? Коли для меня ты хочешь бѣжать, такъ я за тобой вѣдь бѣжать не могу!

Петруня заплакала.

— Петруня! желанный ты мой!—прошептала Мавруша.

Петруня заплакала нуще прежняго.

— Охъ, да хотъ бы не плакала ты!—сказала Мавруша какимъ-то утомленнымъ, замученнымъ голосомъ.

— Вотъ каково дѣло, что и пособить нечѣмъ!—говорила Петруня, обрываясь почти на каждомъ словѣ.—Куда я теперь дѣнусь? Охъ, да подумай же ты, Мавруша, какъ бы намъ хорошо-то было!.. жили бы мы теперь съ тобой... и мясѣды вотъ на дворѣ... И все-то вѣдь прахомъ пошло... точно шчего и не было! Намеднишь вотъ унтеръ сказывалъ, верстъ тысячу за двѣ поведутъ... такъ когда же тутъ свидѣться!

— Петруня! гдѣ же ты запропаля?—раздался сзади меня голосъ женщины.

— Здѣсь! обѣдать, что ли?—откликнулся Петруня.

— Обѣдать дѣдушко зоветъ.

— Сейчасъ. Прощай, Мавруша! конѣ къ ночи надо онять въ городъ вхатъ... прощай! Можетъ, ужь и не свидимся!

— Развѣ на село-то не пойдете съ партией? Хошь бы посмотрѣла я на тебя!

— Нѣтъ, по ночтовой пойдомъ; вотъ райвѣ что: ужь дѣдушка коней посушилъ... погуляемъ, что ли?

— Не пустякъ, Петруня,—тихо отвѣчала Мавруша:—а ужь какъ бы не погулять! Старики-то конѣ у меня больно зорки стали: поди, и теперь, чай, ищутъ меня!

— Ну, такъ итъ Богъ съ тобой! Прощай же, Мавруша! Голоса стихли; но Петруня нѣсколько времени еще не приходилъ въ избу; минуты съ двѣ слышались мнѣ и глубые вздохи, и неясный шопотъ, прерываемый рыданіями, и стало мнѣ самому такъ обидно, тяжело и больно, какъ будто внезапно лишили меня всего, что было дорого моему сердцу. «Вотъ,—думалъ я,—простая, кажется, съ виду штука, а поди-ка переживи ее!» И должно сознаться, что до тѣхъ поръ никогда эта мысль не заходила мнѣ въ голову.

— Иди, что ли! — снова раздался сзади меня голосъ девицы.

— Иду, иду!—отвѣчала Петруня.—Прощай, Мавруша!—продолжалъ онъ какимъ-то горлапнымъ, задыхающимся голосомъ:—прощай же, касатка!

И вслѣдъ за тѣмъ онъ бѣгомъ вбѣжалъ на лѣстницу и направился быстрыми шагами въ избу.

Когда я, черезъ четверть часа, снова вошелъ въ избу, вся семья обѣдала, но общій ея видъ былъ нерадошенъ. Какое-то принужденіе носилось надъ ней, и хотя дѣдушка старался завести обычную бесѣду, но усилія его не имѣли успѣха. Иванъ молчалъ и смотрѣлъ угрюмо; Марья потишненьку вежливавала; Петруня сидѣлъ съ залаканными глазами и ничего не вѣлъ; прочіе члены семьи, хотя и менѣе заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, невольно слѣдовали, однакожъ, за общимъ настроеніемъ чувствъ; даже малолѣтки, обыкновенно столь неутомные, какъ-то притихли и сжались. Однимъ словомъ, тутъ только и было праздничнаго, что кушанья, которыхъ было перемѣнъ шесть и которыя однообразно слѣдовали одно за другимъ, ни въ комъ не возбуждали веселья. Я тоже невольно задумался, глядя на эту семью... и о чемъ задумался?

«Что-то дѣлается,—думалъ я,—въ томъ далекомъ-далекомъ городѣ, который, какъ червь неусыпающій, никогда не знаетъ ни усталости, ни покоя? Радуются ли, нѣтъ ли тамъ Божьему празднику? и кто радуется? и какъ радуется? Не подпалъ ли тамъ праздникъ подъ общее гнетверное владычество простой обрядности, безъ всякаго внутренняго смысла? не сдѣлался ли онъ тамъ днемъ, къ которому надо особеннымъ образомъ искривить ротъ въ видѣ улыбки, къ которому надо закупить много конфетъ, много нарядовъ, въ который, по условному обычаю, слѣдуетъ призвать въ гостиную дѣтей съ тѣмъ, чтобъ вдоволь натѣшиться ихъ благоприличными маперами и затѣмъ вновь отослать ихъ

ль дѣтскую, считая всѣ обязанности въ отношеніи къ нимъ уже исполненными до слѣдующаго праздника? Сохранилъ ли тамъ праздникъ свое христіанское, братское значеніе, въ силу котораго сама собой обновляется душа человѣка, сами собой отверзаются его объятія, само собой раскрывается его сердце? Въдѣ праздникъ есть такая же потребность человѣческой жизни, какъ радость—потребность чело-вѣческаго сердца: это потребность уснокоенія и отдыха, потребность хоть на время сбросить съ себя тяжесть жизненныхъ узъ, съ тѣмъ, чтобъ безусловно предаться одному шклованію!»

И передо мной незамѣтно раскрылся знакомый рядъ картинъ, свидѣтелей моего прошедшаго, картинъ, въ которыхъ много было движенія, много суеты, много даже ка-кихъ-то неясныхъ очертаній и смутныхъ намековъ на жизнь, радость и наслажденіе... Но была ли это радость дѣйствительная, было ли это то чистое наслажденіе, которое не оставляетъ послѣ себя въ сердцѣ никакого осадка горечи? Вотъ онъ, этотъ громадный городъ, въ которомъ воздухъ кажется спертымъ отъ множества людскихъ дыха-ній; вотъ онъ, городъ скорбей и никогда неудовлетворяе-мыхъ желаній; городъ жесточкихъ честолюбій и ревнивыхъ, завистливыхъ надеждъ; городъ гнусно-искривленныхъ улы-бокъ и заражающихъ воздухъ признательностей! Какъ вол-нобѣнъ онъ теперь при свѣтѣ своихъ миллионовоу огней, какая страшная струя смерти совершаетъ свой безконеч-ный, разъядающій оборотъ среди этого вѣчнаго тумана, среди миазмовъ, безопадно врывающихся со всѣхъ сто-року! Сколько мученій, сколько нисѣмъ неизнаемыхъ и ни-къбать нераздѣленныхъ надеждъ, сколько горькихъ разоча-рованій, и вновь надеждъ, и вновь разочарованій!

«Господи! надо же было надъ Петрушей такой бѣдѣ стря-стисъ! Кабы не это, сидѣлъ бы онъ здѣсь беззаботный и радостный; весело бесѣдовало бы теперь за тралезой чест-ное потомство слѣпенькаго дѣдушки... И надо же было слѣпому случаю пройти безопаднымъ своимъ плугомъ по этому прекрасному зеленому лугу, чтобъ взбуровить его ровную поверхность и исполосать ее черными, безобраз-ными бороздами!»

Размышленія эти были прерваны докладомъ о томъ, что лошади готовы. Горько мнѣ было садиться одному въ сани, горько было расставаться съ людьми, особенно въ этотъ праздникъ, когда, и вслѣдствіе воспоминаній прошедшаго,

и вследствие всего склада жизни, необходимость общества людей как-то особенно живо чувствуется. Казалось бы, что общего между мной и этою случайно встреченною мною семьею, какое тайное звено может соединить насъ другъ съ другомъ? И между тѣмъ я несомнѣнно сознавалъ присутствие этой связи, я несомнѣнно ощущалъ, что въ сердцѣ моемъ таится невидимая, но горячая струя, которая, безъ вѣдома для меня самого, приобщаетъ меня къ первоначальнымъ и вѣчно быющимъ источникамъ народной жизни.

II.

На дворѣ было еще темно, хотя свѣтъ, очевидно, готовился уже вступить въ права свои; морозъ сдѣлался какъ будто еще лютее прежняго; крикии верховой вѣтеръ спяно буровилъ здѣсь и тамъ свѣжую равнину и, поднявъ цѣлые столбы снѣга, направлялъ свой путь далѣе, съ тѣмъ, чтобъ опять черезъ минуту вернуться и, поднявъ новые свѣжые столбы, опять нестись куда-то далеко-далеко. Холодъ и вѣтеръ тѣмъ болѣе были для меня ощутительны, что я бѣжалъ въ открытыхъ сабахъ, потому что долженъ былъ, носѣ необходимыхъ объясненій съ становымъ приставамъ, опять вернуться на станцію, гдѣ, вследствие всѣхъ этихъ соображеній, я и заблагоразсудилъ оставить свою повозку.

Вотъ и тѣ три сосенки, о которыхъ толковали мнѣ старикъ; сквозь мутное облако частаго, тонкаго снѣга я видѣлъ только очертанія ихъ, но, вѣроятно, душа моя была слишкомъ особеннымъ образомъ настроена, что за плавнымъ покачиваніемъ широкихъ ихъ вершинъ мнѣ именно слышалось, будто онѣ жалуются и говорятъ о томъ, какъ надоѣла имъ эта долгая, почти безконечная жизнь, какъ устали онѣ отъ этихъ отовсюду вторгающихся вѣтровъ, которые безпрепятственно и безнаказанно оскорбляютъ ихъ, то обламывая самые крѣпкіе ихъ побѣги, то разбрасывая мохнатя ихъ вѣтви въ какой-то тоскливой беспорядочности. Вотъ и озеро, которое подало мнѣ о себѣ вѣсть особенностью звука, издаваемого копытами лошадей, и вѣшкани, которыя часто натыканы здѣсь по обѣимъ сторонамъ дороги... Я гануль въ даль, и не знаю почему — тамъ, на самомъ концѣ ея, представился мнѣ становой приставъ, въ видѣ страннаго, лохматого чудища, съ семью головами, съ длинными желѣзными когтями и длиннѣ-

огненнымъ языкомъ. И такъ ясно и отчетливо мелькало передо мной это странное и, къ счастью, совершенно невѣроятное видѣніе, что мнѣ стало жутко, и я поспѣшилъ плотнѣе закутаться въ шубу, чтобъ не видать его кривляній.

Черезъ полчаса я въѣзжалъ въ огромное торговое село, въ которомъ было много домовъ совершенно городской постройки. Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась квартира становаго пристава, и я еще издали могъ налюбоваться на множество огней, которые, очевидно, были зажжены на дѣтской елкѣ. Огни горѣли весело и, проходя сквозь обледѣлыя стекла оконъ, принимали самыя измѣнчивыя и разнообразныя цвѣта.

Становой или, какъ его обыкновенно зовутъ крестьяне, «баринъ», былъ дома. Звали его Ермолаемъ Петровичемъ, по фамилии Вондыревымъ; по наружности же былъ онъ мужчина дюжій, и вслѣдствіе того постоянно отдувался и дышалъ тяжело, словно западенная лошадь. Лицо его, пухлое и стеклое, было покрыто слоемъ жирнаго вещества, который придавалъ его кожѣ лоскъ почти зеркальный; огромная его лисина, по общему отзыву сослуживцевъ, имѣла свойство испускать изъ себя, облако тумана въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: во время губернаторской ревизіи, когда, какъ извѣстно, сердечныя движенія въ уѣздномъ чиновникѣ дѣлаются особенно сильны и остры, и по выпитіи двадцать-пятой рюмки очищенной. Голосъ у него былъ сильный, густой басъ, сопровождаемый легкой крипотой, и выходилъ изъ гортани какъ бы колоомъ. Къ величайшему моему удивленію, это несоразмѣрное преобладаніе матеріи нисколько не тяготило его; вообще онъ былъ на службѣ легокъ, какъ пухъ, и когда исполненіе служебныхъ обязанностей требовало съ его стороны уже слишкомъ усиленной дѣятельности, то вся его досада проявлялась въ томъ только, что онъ пыхтѣлъ и ругался пуще обыкновеннаго. Впрочемъ, онъ былъ, въ сущности, малый добродушный, и когда принималъ благодарность, то всегда говорилъ спасибо, и этимъ весьма льститъ самолюбію доброхотныхъ дателей.

— Милости просимъ побесѣдовать въ комнату, ваше высокоблагородіе! — сказалъ онъ, встрѣтивъ меня въ прихожей. — У меня нынче праздникъ, дѣтки вотъ развозились...

— А мнѣ надо бы скорѣе ѣхать, — отвѣчалъ я не со-

всѣмъ влопадъ, все еще находясь подъ вліяніемъ лохматого чудовища.

— Что же такъ-съ? Часомъ раньше, часомъ позже — дѣло не волкъ, въ лѣсъ не уйдеть-съ. Заодно ужъ у насъ покушаете, а послѣ обѣда и въ путь-съ. Мнѣ вѣдь тоже съ вами надо будетъ отправляться, такъ если сейчасъ же и ѣхать—не будетъ ли ужъ очень это обидно? Вѣдь праздникъ-съ...

Я остался и отчасти былъ даже доволенъ этой задержкой, потому что очень усталъ съ дороги. Въ комнату, въ которую ввелъ меня Бондыревъ, было все его семейство и сверхъ того еще нѣсколько постороннихъ лицъ, съ которыми онъ, однакъ, не заблагоразсудилъ меня познакомиться. Онъ только указалъ мнѣ рукой на дѣтей, сказавъ: «а вотъ и погроха мой!» и затѣмъ насильственно усадилъ меня на диванъ. Изъ семейныхъ были тутъ: жена Ермолая Петровна, бабочка лѣтъ двадцати пяти, которая была бы недурна собой, если бы не такъ усердно мазалась свинцовыми бѣлками и не посила столь туго накрахмаленныхъ юбокъ; мать ея, худенькая, повязанная платкомъ старуха съ фиолетовымъ носомъ, которую Бондыревъ, неизвестно почему, величалъ «вашимъ превосходительствомъ», и четверо дѣтей, которыя основательностью своего тѣлосложенія наименовали Ермолая Петровича, и чуть ли даже, подобно ему, не похрипывали.

— Не угодно ли чаю съ дороги?—спросила меня жена.

— Что чай! вотъ мы его высокоблагородіе водочкой цопросимъ, — отозвался Бондыревъ. — Я, ваше высокоблагородіе, этой китайской травы въ ротъ не беру — оттого и здоровъ-съ.

— Вы изъ «губерніи» позволите ѣхать? — обратилась ко мнѣ старуха-теща.

— Да, я недавно оттуда.

— Такъ-съ. А какъ, я думаю, тамъ теперича хорошо должно быть! Предсѣдательствующіе, по случаю праздника, въ соборѣ въ мундирахъ стоять... самъ генераль, чай, насупившись...

— Ну, пошла, ваше превосходительство, огородъ городить!—замѣтилъ Бондыревъ.—Ну, скажите на милость, зачѣмъ генералу насупившись стоять! Чай, для праздника-то Христова и имъ бровки свои пораздвинуть можно!

— Ахъ, батюшка мой! насупившись стоять по той причинѣ, что озабоченъ очень!.. Обуза вѣдь не маленькая!

— А по мнѣ, такъ всего лучше пѣвчіе... Это восхитительно!—вступилась жена.—При слабости нервъ, даже слушать мотти невозможно!

— Пѣтъ, вотъ на моей памяти бывали въ соборѣ пѣвчіе—такъ это именно, что всѣхъ въ слезы приводили!—перебила теща.—Ужъ на что былъ въ ту пору губернаторъ суровый человѣкъ, а и тотъ воздержаться никакъ не въ силахъ былъ! Особливо былъ тутъ одинъ черноватенькій: запость, бывало, сначала тихонько-тихонько, а потомъ и переливается, и переливается... даже словно журчить весь! Авдотья Степановна, второго діакона жена, сказывала, что ему по два дня вѣсть ничего не давали, чтобъ голосъ чище былъ!

— Вотъ распроклятая-то жизнь!—молвилъ Ермолай Петровичъ, подмигнувъ мнѣ лѣвымъ глазомъ, и потомъ, обращаясь къ тещѣ, прибавилъ:—А какъ посмотрю я на ваше превосходительство, такъ все-то у васъ одніе глупости да малодушества на умѣ.

Но ея превосходительство, должно-быть, ужъ привыкла къ подобнымъ анастрофамъ, потому что, нимало не конфузясь, продолжала:

— Ужъ я, бывало, такъ и не дышу, словно туманъ у меня въ глазахъ, какъ они-это выводить-то зачнутъ! Да, такой ужъ у меня характеръ: коли передъ глазами у меня что-нибудь божественное, такъ я, можно сказать, сама себя не помню... такъ это все тамъ и колыхнется!

Мадамъ Бондырева глубоко и сосредоточенно вздохнула.

— Да, въ деревнѣ ничего этого не увидишь!—сказала она.

— Гдѣ увидать!—одни выходы у его превосходительства чего стоить! Всѣ чиновники, бывало, къ муштрахъ стоятъ, и каждому его превосходительство своей репримандъ сдѣлаетъ! И пойдутъ это потомъ каждый день закуски да обѣды—однѣхъ свиней для колбасъ сколько въ батальонѣ, при солдатской кухнѣ, откармливали!

— Ну, это-то заведенье и додасъ, пожалуй, останется—скорбѣть объ этомъ нечего!—флегматически объяснилъ Ермолай Петровичъ.—А что, ваше высокоблагородіе, не угодно ли будетъ повторить отъ скуки? Водка у насъ, осмѣлюсь вамъ доложить, отличная: сразу, что называется, оажжетъ, а потомъ и пойдетъ поюзкомъ по суставчикамъ... каждый изноеть-ся!

— Вотъ у моего покойника,—снова обратилась ко мнѣ теща:—хорошую водку на столъ подавали. Онъ только и

говорить, бывало: «лучше ничѣмъ меня откупщикъ не почти, а водкой почти!»

— Ну, это опять неосновательно, — замѣтил Бондыревъ: — пословица гласитъ: пей, да ума не пропей — стало-быть, зачѣмъ же я изъ-за водки другія статьи буду негализировать?

— Да вѣдь и онъ, сударь, не негализировалъ, а такъ только къ слову это говаривалъ. Опъ водку-то черезъ кубъ, для крѣпости, переганивалъ...

— Ну, а ваши какъ дѣла? — спросилъ я Бондырева.

— Слава Богу, ваше высокоблагородіе, слава Богу! дай Богъ здоровья добрымъ начальникамъ, милостями не отвзляютъ... нынѣ вотъ подѣ судѣ отдали!

— Какъ такъ?

— Да просто-съ. Чтой-то ужъ, ваше высокоблагородіе, будто и не знаете? Чай, и вы тутъ ручку приложили!

— Въ первый разъ слышу.

— Что-жь-съ, и тутъ мудреного нѣтъ! Извѣстно, не читать же вашимъ высокоблагородіямъ всего, что подписывать изводите!

— Скажите, по крайней мѣрѣ, за что вы отданы подѣ судѣ?

— А неизвѣстно-съ. Оно, конечно, довольно тутъ на справку вывели, и жизнь-то, кажется, наизнанку всю выворотили... одиѣхъ неисполнительностей штукъ до полсотни подыскали — даже подивился я, откуда весь этотъ соръ выгребли. Да-съ; тяжеленька-таки наша служба; губернскаго правленіе не то чтобъ, какъ мать, по-родительски тебѣ спустило, а лучше считаетъ тебя, какъ бы сказать, за подкидыша: ты, дескать, такой-сякой, все за-разъ сдѣлать долженъ!

— По пословицѣ, Ермолай Петровичъ, по пословицѣ! — Свекровь своихъ говорила: сношенька, будетъ молотъ; от-охли — потолок!»

Послѣднія слова произнесъ неизвѣстный мнѣ старикъ, гоившій до сихъ поръ въ углу и не принимавшій никакого участія въ разговорѣ. По всему было видно, что этотъ бѣлый собесѣдникъ принадлежалъ къ числу тѣхъ зазвѣхъ ервь провинціального бюрократизма, которыя прежде-ременно утрачиваютъ душевныя свои силы, вслѣдствіе немѣреннаго употребленія водки, и затѣмъ на всю жизнь блжются неспособными ни къ какому дѣлу или занятію, требующему умственныхъ соображеній. Онъ былъ одѣтъ въ идѣ-мундиръ стариннаго покроя съ узенькими фалдочками до такой степени поружблѣй, что даже самый опытный

глазъ не могъ бы угадать здѣсь признаковъ первобытнаго зеленого цвѣта. Но всего замѣчательнѣе въ этомъ человѣкѣ былъ необыкновенный, грибовидный его носъ, на которомъ, какъ на палитрѣ, сочетались всевозможные цвѣта, начиная отъ чисто-гѣлеснаго и кончая самымъ темнымъ яхонтовымъ. Носъ этотъ, какъ послѣ оказалось, былъ источникомъ горькихъ несчастій и глубокихъ разочарованій для своего обладателя.

— Это жаль, однакожь,—сказала и Бондыреву, опушая невольное угрызеніе совѣсти при видѣ человѣка, котораго погибли и самъ нѣкоторымъ образомъ содѣйствовалъ.

— Ничего, ваше высокоблагородіе! мы въ уголовной-то словно въ банькѣ вышаримся... еще бодрѣй послѣ того будемъ!

— Это истинно такъ!—пояснилъ обладатель носа.

— А что, видно, и тебѣ горловину-то прочистить хочется?—обратился къ нему Бондыревъ.—Ваше высокоблагородіе! позвольте представить: Егоръ Павлычъ Абессаломовъ, служить у меня въ вольнонаемныхъ; проку-то отъ него, признаться, мало, такъ больше вотъ для забавы, для домашнихъ-съ держу... Театровъ у насъ нѣтъ, такъ по крайности хоть онъ развлочетъ.

— Ну, ужъ, нашли какую замѣну!—презрительно процѣдила жена.

— А что-жъ! по деревнѣ, лучше и быть не надо!—продолжалъ Ермолай Петровичъ.—Объ ину пору онъ насъ, ваше высокоблагородіе, до слезъ мимикой своею смѣшитъ!

— Если его высокоблагородію не гнусно, такъ я и теперь свое представленіе сдѣлать могу!—отрекомендовался Абессаломовъ, выпрямляясь какъ бы передъ націемъ вдохновенія.

— Прикажете, ваше высокоблагородіе! Не-чѣмъ такъ-то сидѣть, такъ хоть на диковинки наши посмотрите... Катай, Абессаломовъ.

— «Юля пятаго числа»...—началъ Абессаломовъ.

— Нѣтъ, стой, не такъ рассказываешь!—прервалъ его Ермолай Петровичъ.—А ты коли охотишься рассказывать, такъ рассказывай дѣломъ: и въ позицію стань, и начало сдѣлай! Развозовъ! маршъ сюда и ты!

Послѣднія слова относились къ молодому человѣку, служившему нисководителемъ у Бондырева. Какъ оказалось впоследствии, онъ долженъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подавать Абессаломову реплику, чрезъ что представленію сообщалась особенная живость и вмѣстѣ съ тѣмъ усугуб-

лся комизмъ. Очевидно, что кто-то (чуть ли даже не самъ Бондыревъ) съ любовью работалъ надъ этой потѣхой, чтобы возвести ее отъ простаго разсказа до степени драматической пьесы.

Абессаломовъ сталъ въ позцію, то-есть выдвинулъ впередъ одну ногу, правую руку отставилъ наотмань и, выпрямившись вслѣдъ корпусомъ, голову закинулъ назадъ. Всѣ присутствующіе улыбались, а нѣкоторые даже откровенно фыркали, заранее предвкусывая предстоящее имъ наслажденіе. Абессаломовъ началъ.

НЕВЫГОДНЫЙ ПОСЪ.

(Интермедія въ лицахъ).

«Милостивые господа и госпожи! имѣю доложить вамъ о происшествіи, котораго удивительность равняется лишь его необыкновенности! (*Смѣхъ въ аудиторіи*).

«Источникомъ какъ сего происшества, такъ и другихъ многихъ отъ него золь текущихъ, есть сей самый посъ (*тербитъ себя за носъ*), который здѣ предстоить предъ вами! А въ чемъ сіе происшествіе, тому слѣдуютъ пункты. (*Иши ты! по пунктамъ!*) раздается въ аудиторіи. *Смѣхъ усиливается*).

«Юля пятаго числа 18** годѣ, въ девять часовъ утра, слѣдоваль я, по издревле принятому еще предками нашими обычаю, на службу. Необходимо, однако, предварительно доложить вамъ благородіямъ, что съ самаго съ Петра и Павла, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, подвергнулся я необыкновенной тоскѣ. То-есть, тоска не тоска, а тянетъ-вотъ, тянетъ тебя цѣлый день, да и вся недолга. Даже жена удивлялась. «Чтой-то, говоритъ, душечка (она у меня въ пансіонѣ французскому языку обучалась, такъ пѣжное-то обращеніе знаешь!),—чтой-то, говоритъ, душечка! на тебя даже смотрѣть словно тошно—ты бы хоть водочки выпить!»—Худо, говорю я, худо это, Прасковья Петровна; это большое несчастіе обозначаетъ!.. Однакожь, выпилъ въ ту пору маленько водочки—оно и поотлегло.

«Вотъ только наступило это пятое число. Не успѣвъ я выйти на улицу, какъ идетъ мнѣ встрѣчу нѣкоторый озорникъ, идетъ и онъ на меня пучить. «Вотъ, говоритъ, носъ! для двухъ росъ, а одному достался!» (*Взрывъ хохота въ аудиторіи*). Однако, я ничего, пошелъ своей дорожкой и даже подумалъ про себя: «погоди, братъ! не больно притко,

можетъ, у тебя и рыло-то все наизнанку выворотить». Не успѣлъ я это; государи мои, подумать, какъ встрѣчаеся сомной другой озорникъ. «А позвольте, говорить, милостивый государь! извѣстно ли вамъ, что у васъ на лицѣ состоитъ феномень?» И все это, знаете, съ усмѣшкой, и рожа-то у него ногатымъ манеромъ отъ смѣху перекосилась...—Милостивый государь!—сказалъ я, начиная обижаться. — «Да нѣтъ, говорить, вы и сами не понимаете, какимъ обладаете сокровищемъ... да господа англичае миллионъ рублей вамъ дадутъ, ежели вы позволите имъ отрѣзать... вашъ носъ!»

«Развозовъ. А что-жъ, это вѣдь правда: носъ-то у тебя именно феномень!»

«Абессаломовъ. Отстань ты... дай говорить!.. Ну-съ, отвя-зался онъ отъ меня коѣ-какъ, и пришлось мнѣ послѣ того мимо резиденция ихъ превосходительства идти. А ихъ-превосходительство, какъ на грѣхъ, на ту пору чай на бал-конѣ кушали... Ну, занятіевъ у нихъ никакихъ тогда не случилось, смотрѣли, значить, больше по сторонамъ, да смѣшались и урѣли меня, многогрѣшнаго. Вскипѣли. «Что это, говорить, за чиновникъ? Какой у него противный носъ!» Не спорю я... не прекословлю! Точно, что носъ мой въ присутственномъ мѣстѣ терпимъ быть не можетъ! Однако, терпѣли же меня двадцать пять лѣтъ, да и ихъ превос-ходительство, можетъ, отъ праздности только замѣтили... а вышло совсѣмъ наоборотъ-съ. Пересказали, должно-быть, эти слова мои завистники; только сижу я въ этотъ самый день въ присутствіи, приходитъ нашъ предсѣдательствующій, и часа черезъ два—что бы вы думали, я слышу? (*сг раз-становкой*)—что о моемъ, государи мои, увольненіи ужъ и постановленіе состоялось!

«Развозовъ. Однако, живо же они тебя обработали.

«Абессаломовъ. Сибирскимъ журналомъ-съ! Даже закономъ предписанныхъ формъ не соблюли, потому что въ зако-нахъ именно строжайше повелѣно шканскихъ штрафовъ не налагать, а кольми паче насильственному умертвію не пре-давать, не истребовать предварительно объясненія!»

«Развозовъ. Въ чемъ же, однако, объясненія отъ тебя требовать?

«Абессаломовъ. Все же-съ! А если не въ чемъ мнѣ объ-ясняться, такъ тѣмъ паче-съ! Вѣдь это обидно... я не одинъ... тутъ все почемство мое, можно сказать, изъ-за носа страждетъ! Въ законахъ пменно сказано, чтобъ на лицо не взирать!

«Развозовъ. Ты это оставь. Это не наша инстанція. Такъ даже скажу: если и напередъ тебѣ на этотъ счетъ языкомъ побаловать захочется, такъ ты вспомни пословицу: *языкъ мой—врагъ мой*, и вспоминая плюнь. Я тридцать пять лѣтъ служу (*Развозову было всего лѣтъ двадцать пять*), и то все кругомъ да около хожу, а въ центру ни въ жизнь еще не попадаю!

«Абессаломовъ. Вотъ-съ, прихожу я послѣ того домой. Человѣкъ я дѣтный, жена у меня золотушная, такъ каждый годъ все либо дочку, либо сынка подарить...

«Развозовъ. И все, чай, съ такими же носами?

«Абессаломовъ. Какъ можно—сохрани Богъ! Старшенькая у меня дочь, Наташенька, совсѣмъ даже схожаго со мной ничего не имѣеть... красавица!.. Такъ прихожу я-это домой!—Ну, говорю, жена! Богъ милости прислалъ!—«А что такъ?»—Да такъ, говорю, бѣдилъ въ пирѣ Кирило, да подаренъ тамъ въ рыло... уволенъ, братъ, въ чистую! (*Общій хохотъ; Абессаломовъ, въ волнении, не можетъ въ которое время продолжать*). И вотъ-съ, стали мы послѣ того жить да поживать, да добра наживать; живемъ, нече сказать, богато, со двора побато, за что ни хвлялись, за всѣмъ въ люди покатысь, запасовъ всякихъ многое множество, а пуще всего всякаго лѣта запасено съ самаго съ лѣта. Жена скоро покойницей стала, бо для насъ время гладно настало, а дочекъ-красотокъ люди приютили, бо родители имъ продовольствіе прекратили, а затѣмъ остаюсь, безъ дальнѣйшихъ словъ, покорный вашъ слуга Егоръ Павловъ Абессаломовъ». (*Общій рукоплесканіи; жена становится презрительно усмѣхается*).

Окончивъ представленіе, Абессаломовъ немедленно подошелъ къ подносу съ закуской и сряду вынулъ три рюмки водки; послѣ того онъ удалился въ уголь и, сѣвъ на стулъ, почти мгновенно заснулъ.

— А что, ваше высокоблагородіе!—обратился ко мнѣ Бондыревъ:—вотъ вы и въ столицахъ извоили быть, а этакіаго въ своемъ родѣ дарованія и тамъ, чай, со свѣчкой поищешь!

Но я не отвѣчалъ ни слова на этотъ вопросъ, потому что впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ страннымъ существомъ и его разсказомъ, было изъ самыхъ тяжелыхъ. Несмотря на грубо-комическій колоритъ разсказа, видно было, что весь тонъ его фальшивый, и что за нимъ слышится нѣчто до того похожее на страданіе, что невозможно

и непозволительно было увлечься этою мнимою веселостью. Вообще, если Ермолай Петрович рассчитывать на то, чтоб позабавить меня, то далеко не достигъ своей цѣли, и день мой былъ окончательно испорченъ этимъ представленіемъ. Я ѣхалъ сюда измученный моимъ одиночествомъ; все существо мое было настроено къ принятію тѣхъ благодатныхъ, свѣтлыхъ впечатлѣній, которыя, Богъ вѣсть почему, въ извѣстные дни и эпохи неотразимо и неизмѣнно косятся надъ душой, но страшное «представленіе» мигомъ разрушило это свѣтлое, гармоническое настроеніе. Такъ иногда случается, что въ правильное и совершенно плавное теченіе жизни вдругъ врѣзывается обстоятельство въ полномъ смыслѣ слова ей постороннее, и врѣзывается съ такой силой, что не только заставляетъ принять себя, но и деспотически подчиняетъ себѣ весь строй этой жизни.

III.

Начинало уже смеркаться, когда мы пріѣхали на станцію. По селу, и тамъ, и сямъ, бродили группы подгулявшихъ крестьянъ, а передъ станціоннымъ домомъ стояла даже цѣлая толпа народу.

— Вѣрно, что-нибудь случилось!— еще издали замѣтили мы Бондыревъ, указывая на толпу.

И дѣйствительно, толпа, казалось, тревожно выжидала нашего пріѣзда. Едва успѣли мы выйти изъ саней, какъ все это вдругъ заговорило и безпорядочно замахало руками. Изъ избы долетали до насъ звуки того унылаго голошенья, услышавъ которое даже самый опытный наблюдатель не въ состояніи бываетъ опредѣлить, что скрывается за этими взвизгиваніями и завываньями; искреннее ли чувство, или простой формализмъ.

— Что случилось?—спросилъ Бондыревъ.

— Петруха... Петруха...—раздалось въ толпѣ.

Сердце мое болѣзненно дрогнуло.

— Племянникъ у насъ бѣжалъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ, выстуная впередъ, одинъ изъ сыновей дѣдушки.

— Рекуртъ, что ли?

— Рекуртъ, ваше благородіе.

— Ахъ, шельмы вы этикія! И снисхожденія-то вамъ сдѣлать нельзя!

— Имѣютъ его, ваше благородіе! Самъ отецъ пошелъ, робко проговорилъ дядя Петруни.

— Да, изымаютъ, держи кармакъ! А не было ли у нег-

на селѣ любезной?—спросилъ Бондыревъ, путемъ угадывая истину.

— Маврушка Савельева, чай, знаетъ!—молвила кто-то въ толпѣ.

— Чтѣ ты, перекрестись! почти завопять, протискиваясь сквозь толпу, сѣдой старикъ, должно-быть, отецъ Маврушки.—Ничѣмъ моя Маврушка тутотка непричастна, ваше благородіе.

— Ишь ты какое дѣло случилось! снова началъ дядя Петруши.—Ничѣмъ, мы, кажется, его не изобидѣли, а онъ вотъ чтѣ съ нами сдѣлалъ.

— А вотъ мы это послѣ разберемъ! отвѣчалъ Бондыревъ и, обращаясь къ толпѣ, промолвилъ:—Чтобъ былъ у меня рекрутъ найдены! Всѣ маршъ въ лѣсъ искать!

И сказавъ это, величественнымъ шагомъ потекъ въ избу порасправитъ въ теплѣ свое бѣлое тѣло.

Х.—Развеселое житье.

Рассказъ.

„Станетъ царь-государь меня спрашивать:
Ты скажи, дѣтнунка, крестьянской сынъ!
Ужъ ты съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой
держалъ?“
Вурлацкая пѣснь.

«Развеселое, братъ, это житье! Ни передъ тобой, ни надъ тобой, ни кругомъ, ни около никакого начальства итъ; никто, значить, глаза тебѣ не мозолитъ, никто съ тебя не спрашиваетъ, а при случаѣ всякъ самъ же тебѣ отвѣтъ должонъ дать.

«Такъ скажу: коли итъ у тебя роду-племени, или обидѣлъ-заѣлъ кто ни-на-есть, или сердце въ тебѣ стосковалось,—кинь ты жизнь эту нуждую, кинь заботу эту черную, поклонись ты лѣсу дремучему: «лѣсъ, молъ, государь, дремучій боръ! ты прими меня страннаго, ты прими безчастнаго-безталаннаго. Разутѣшь ты, государь, дуну мою горбкую, разнеси тоску мою по свѣту вольному! Чтѣбъ зналъ вольный свѣтъ, какова есть жизнь распроутая, чтѣбъ вѣдали люди прохожіе-проѣзжіе, какъ сиротское сердце въ груди встосковалось, въ вольномъ воздухѣ душа разыгралася».

«Народу у насъ предовольно. И изъ Рязани, и изъ Казани, и изъ-подъ самаго Саратова, есть и казенные, есть и барскіе, однако, больше барскіе... Бываютъ и кавалеры: эти больше отъ «зеленыхъ луговъ» въ лѣсу спасаются.

Народъ все тѣртый: и въ водѣ тонуть, и въ огнѣ горѣть; стало-быть, какъ заметишь тебѣ сказы сказывать—заслушаешься. Иной, братецъ, головы два разъ лишился, а все голова на плечахъ болтается; иной кавалеръ и за отечество ровно ужъ слишкомъ отличку показалъ, и въ паратахъ претерѣннѣе видѣлъ, а все въ живыхъ стоитъ. Никто какъ Богъ. Одинъ кавалеръ рапортовалъ: пуля ему въ самый лобъ треснула, разлетѣлась—это голова врозь, посиѣли руки-ноги, ну и языкъ тоже: буде врать, говорить... Что-жь, сударь? къ дохтуру—не помогъ; къ командиру—не помогъ; самъ брихадный былъ—не помогъ; а Смоленская помогала! Значить—сила!

«Такимъ родомъ живучи, на людяхъ и сиротство свое забываетъ. Ну, и другое еще: свычка. Это значить: коли къ чему человѣкъ привыкнетъ, лучше съ жизнью ему разстаться, нежели привычку свою покинуть. Сказывалъ одинъ кавалеръ, что по времени и къ пальцѣ привычку сдѣлать можно. Ну, это, должно-быть, ужъ слышимъ; а съ хорошимъ житьемъ точно-что можно слобиться.

«Да и хорошо вѣдь у насъ въ лѣсу бываетъ. Лѣтомъ, какъ сойдеть—это снѣгъ, ровно все кругомъ тебя заговорить. Задрѣтуть—это цвѣты-цвѣтики, прилетитъ птичка-малиновочка, застучитъ дятель, закукуетъ кукушечка, муравьи въ землѣ закопошутся—и не вынешъ бы! Травка малая подъ сосной зябеть,—и та словно родная тебѣ. А почнетъ эта лѣсъ гудѣть, особливо объ ночь; и вѣтру не чуть, и верхи не больно чтобы шаталися,—а гудеть! Такъ гудеть, что даже земля многіе десятки верстъ ровно стонетъ! Столь это хорошо, что даже сердце въ тебѣ разыграетъ!

«Бываютъ, однако, и напасти на насъ, а главная напасть—зима. Первое дѣло—работы совсѣмъ нѣтъ: служба-то не свой братъ, не сидишь ждать на дорогѣ, какъ слезы изъ глазъ морозомъ вышибаетъ; второе дѣло—всякій въ ту пору въ лѣсъ наѣзжаетъ: кому бревешко срубить, кому дровецъ надобно,—ну, и неспособно въ лѣсу жить. Значить, въ зимнее время все больше по чужимъ людямъ, аки Гуда, шманаемся: гдѣ хлѣбца подадутъ, а гдѣ и пирожка укусишь. Только чудивой, право, нашъ народъ: хлѣбца тебѣ Христовымъ именемъ подастъ, даже убойкой объ ню пору удволетворить, а въ избу погрѣться не пустить: ни-ни, провалвай мимо! Такимъ родомъ, все по тумнамъ и нѣмемъ ночлегъ. Иной разъ разнеможешься,—просто смерти! Спину словно перешибеть, въ головѣ звенить, глаза затекутъ,

ноги ровно бревна едѣлаются,—а все ходи! Еще гдѣ до свѣту, запоютъ-это нѣтухи, потянешь носомъ дымокъ,—ну, и вставай, значить, покидай свое логово! А не уйдешь, такъ тебя, раба Божія, силой изъ-подъ соломы выволокутъ, да на сусѣднее поле и положить: отдыхай, моль, тутъ, сколько тебѣ хочется! Звѣрь-народъ!

«Однако, братъ, штука это жизнь! Иной разъ даже тошнехонько, и на свѣтъ бы не глядѣть, и руки бы на себя наложили—ай нѣтъ, словно нарочно все такъ подстроится, чтобы быть тебѣ живу,—живь и есть. Ровно она сама къ себѣ пристаеъ, жизнь-то: живи, моль, восчувствуй! Ну, и восчувствуешь: пойдешь это въ кабакъ,хватишь косушку разомъ, и простынетъ въ тебѣ зло, благо сердце у насъ отходчиво.

«Случилась однажды со мной оказія. Иду я по Доробину, а на дворѣ стала ночь; только иду я, идучи будто думаю; и холодно-то мнѣ, и голодно-то, и нѣтъ у меня роду-пле-мени, нѣту батюшки, нѣту матушки, и все, знаешь, какъ-то на фартуну свою жалуясь, что ужъ очень, значить, горько мнѣ привелось. Только вижу, у Мысея въ нѣбѣ огонь горитъ. Полюбопытствовать я и гляжу въ окошко; ну, извѣстно, что въ нѣбѣ дѣлается. Посередь горницы молодуха придетъ, въ углу молодякъ за станомъ сидитъ, на земли ребятки валяются, старый лапти на лавкѣ ковыряетъ... то-есть видаль и перевидалъ я все это. Однако, тутъ, Богъ-е-знаеъ, что со мной стало: растопилось это во мнѣ сердце, даже затрясся весь. Взомель въ избу: «Богъ въ помощь, говорю, госнода хозяева! не пустите ли страннаго обогрѣться?»

«—А ты отколь?—спрашиваетъ Мысей и смотритъ на меня старикъ зорко. Ну, самъ, чай, знаешь трудно ли тутъ соврать? Сказалъ, что изъ Гай либо изъ Мыкошева,—и дѣло съ концомъ! Аиъ, вотъ те Христось, не посмѣлъ солгать, языкъ даже не повернулся: стою да молчу.—Ииъ, дай ему, Марьюшка, хлѣбца, Христа-ради!—говоритъ Мысей-то:—а ты, говоритъ, странный, ступай.—Богъ съ тобою!»

«Ну, и пошелъ я: только всю эту ночь я промаялся. Горе, что ли, меня больно задавило, а это точно, что глазъ сомкнуть не могъ. Все это будто сквозь туманъ либо Мысей представляется, либо ребятки малые, либо молодуха... и ровно рай у нихъ въ нѣбѣ-то!

«Вторая лапа напасть—полиция; однако, съ нею больше на деньгахъ дѣло нѣвемъ.

«Ведумалъ эта становой насъ ловить, однако мамонѣ спраздновалъ. Вотъ какъ дѣло было. Призвалъ онъ къ себѣ отъ «Разбалуя» цѣловальника:—Ты, говоритъ, всему этому дѣлу голова: ты, стало-быть, и ловить должонъ.

«— Помняуйте, ваше благородіе!—говоритъ Михай Митричъ:—у насъ въ заведеніи, окромѣ какъ тихимъ манеромъ выпить, никакихъ другихъ дѣловъ не бывасть; одно слово, говоритъ, монастырь... сосновый-съ!—Однако, становой на него загоналъ:—Знать, говоритъ, ничего не хочу!—Ну, Михай Митричъ за Батыгой: такъ и такъ молъ, утѣкайте пока до бѣды. Затосковалъ Батыга, денно и поцно горькую пить, а изъ бѣды-таки выручилъ. Зарядивши себя такимъ родомъ, пошелъ онъ... какъ бы ты думать, куда? Къ самому, те-есть, къ становому!

«— Я, говоритъ, есть тотъ самый Батыга, объ которомъ ваше благородіе узнавать изволили...—Такъ становой-то даже обезнамятѣлъ весь отъ злости. Подлетѣлъ это къ нему, вѣднися смаху въ бороду, и ну волочить. Даже говорить ничего не говоритъ, а только ротъ разбвастъ да дышитъ. Только Батыга все претерпѣлъ, ни въ чемъ не перечилъ, а какъ увидѣлъ, однако, что его благородію маленько будто полегчало, повелъ и онъ свою рѣчь.—А я, молъ, къ вашему благородію съ лаской, говоритъ.—Ну, и олятъ обезнамятѣлъ становой:—Сотекшихъ!—кричитъ:—кандалы сюда!—И все-таки въ кандалы не заковать, а порѣшили намъ дѣло промежъ себя полюбовно: отъ насъ ему въ мѣсяць пятьдесятъ цѣлковыхъ, а намъ воровать съ осторожностью.

«А по прочему по всему житье намъ хорошее.

«Поналъ я на эту линію постепенно. Человѣкъ я Божій, облить кожей, по-русски сказать, дворовый господина Ивана Кондратьича Семерикова, на золотѣ не ѣдалъ, медовой ситой не запивалъ, ходилъ больше въ пантѣ да въ пестрункѣ, хлебать щи, а пить воду. На этомъ, братъ, контѣ не разжирънешь, а если и разжирънешь, такъ, значить, не отъ себя и не отъ господъ, а никто какъ Богъ. Поступилъ я сперва-на-перво въ барскій домъ въ мальчишан. Должность эта небольшая: на погребъ за квасомъ слетай, въ обѣдъ за стуломъ съ тарелкой постой, ноги вычисти, тарелки перемой, да изъ чужка урокъ свяжи,—только и всего... Такъ-то я и росъ. Помню даже теперь, какъ, бывало, облизываешься, глядя на господъ, какъ они кушать изволятъ. Иной разъ такъ забудешься, что и ротъ по-ихнему разбвастъ начнешь,—ну, и сѣчь сейчасъ, потому

что ты лакей и, стало-быть, долженъ за стуломъ стоять смирно.

«Хоть баринъ у насъ и богатый, однако ихній тятенька, еще у всѣхъ дворовыхъ на памяти, въ ближнемъ кабакъ Михай Митричемъ сидѣлъ... По этому самому случаю, а больше, можетъ, и для того, чтобъ себя передъ благородствомъ оправдать, Иванъ нашъ Кондратьичъ свою честь держалъ очень строго. Не то чтобъ къ кабаку, какъ къ истинному своему отечеству, лнуть, а все наровить, бывало, какъ бы въ большія хоромы врызаться. А съ нашимъ братомъ—никакого я разговору не было.

«Наши дворовые были Иванъ Кондратьичемъ недовольны. Особливо обижался имъ буфетчикъ Петръ Филатовъ. Прежде-то были мы, слышь ты, княжѣ (Обвиняна князя Сергѣй Федорыча, можетъ, слыхатъ?). Ну, стало-быть, Петру-то Филатычу и точно-что будто обиденько было послѣ князя какой-нибудь, съ позволенія сказать, мрази служить.

«А пріятный для слуги господинъ какой должешъ быть? Тотъ господинъ для слуги пріятенъ, который его слушаетъ, который обиходъ съ нимъ имѣетъ и на совѣтъ слугу своего безпрѣмѣнно зоветъ. Въ старые годы, сказываютъ, на это въ счетъ просто было: господа съ слугами въ шапки врывали и завсегда съ ними компанію важивали. Онъ же, Петръ Филатовъ, сказывалъ, что, бывало, господа другъ съ дружкой бесѣду ведутъ, а слуги у дверей соберутся да временемъ и свое словечко въ господскую рѣчь пустятъ. Ну, конечно, что этакъ-то будто лучше, а впрочемъ, это не мое, а Петра Филатова разсужденіе, потому какъ я на это дѣло давно уже плюнуть и ногой, братецъ ты мой, его растеря.

«Пречудный былъ этотъ старикъ. Начнетъ, бывало, про князя разсказывать—что твой соловей заливается,—и не заткнешъ ничемъ; а вспомнить, что вотъ на старости лѣтъ Семернику служить привелось, а пойдешь-это губами шамкать, даже весь посивѣетъ отъ злости. Такая ужъ, видно, диня на роду челоуѣку написана.

«На четырнадцатомъ году свезли меня въ Москву къ повару-французу въ ученье; жилъ я въ поваренкахъ четыре года и, хвастать нечего, свѣту большого изъ-за плиты не видалъ. Потому, однако, пустилъ господа по оброку, чтобъ еще больше, значить, въ наукѣ своей прозвойти.

«Про Москву такъ долженъ сказать: множество видѣлъ я городовъ, а супротивъ Москвы не сыщется. Въ Москвѣ всякій въ свое удовольствіе живетъ, господа въ гости другъ

къ дружкѣмъ ѣздить, а простой народъ въ заведеніяхъ— блаженство! Возьмемъ, примѣрно, трактиры одинъ, чего тамъ нѣтъ? И чай, и водка, и закуски... и все, значить, тамъ. Машинка «Вѣтерокъ» тебѣ сыграетъ, приказный отъ Иверскихъ воротъ въ присядку отпьянеть; въ одномъ углу тысящныя дѣла промежъ себя рѣшатъ, въ другомъ просьбѣнцу строчать, въ третьемъ обнимаются, въ четвертомъ слезы проливаютъ... Жизнь! Къ такому-то житью какъ попривыкнешь, ни на что другое и не смотрѣлъ бы! Такъ тебя и тянетъ съ утра ранняго все въ трактиръ да въ трактиръ.

«Баринъ, къ которому я нанялся (а нанялся я къ нему въ лакея, а не въ повара), очень меня полюбилъ; смиренный, добрый былъ этотъ баринъ, не наругатель и не озорникъ, а къ простому народу особливо былъ жалостливъ. Служить онъ нигдѣ не служилъ и занимался, по своей охотѣ, все больше книжками, а по вечерамъ господа молодые къ нему собирались.

«Однакожъ, недолго я у него жилъ. Въ скорости этотъ баринъ незнамо куда запропалъ, да въ скорости же пришелъ и ко мнѣ отъ нашего бурмистра приказъ въ деревню явиться.

«Ужъ какъ мнѣ эта деревня тошна послѣ Москвы показалась—даже рассказать нельзя! Первое дѣло, призываетъ меня къ себѣ Семерникъ и приказываетъ при конюшкѣ наводиться. Снял и свое платье московское, нарядился въ старыя армякъ.

«Ну, армякъ, такъ армякъ,—и на томъ спасибо.

«Второе дѣло, содержаніе въ деревнѣ больно ужъ безобразное. Настанеть, бывало, время обѣдать идти, такъ даже сердце въ тебѣ все воротить. Щи пустыя, молоко кислое,—только слава одна, что ѣшь, а настоящаго совсѣмъ нѣтъ.

«Однако, хоть и всячески я себя перемогалъ, а по времени немоготу стало. И сдѣлалось со мною тутъ словно чудо какое. Отъ думы, что зи, или оттого, что, въ Москвѣ живши, себя ужъ очень изнѣжилъ, только сталъ я мучиться да тосковать, даже ровно страхъ на меня отъ всѣхъ этихъ мученьевъ напалъ: «Господи! думаю, бывало, неужто-жъ и взаправду мнѣ въ этой трупцѣ, какъ червя, гнить придется?» А сердце вотъ такъ и рветъ, такъ и ноетъ въ груди.

«Даже работать совсѣмъ пересталъ. Знаю и самъ, что худо это, что другіе, можетъ, и лучше тебя, за тебя работаютъ, однако, принужденія себѣ сдѣлать не въ силахъ. Ну, и давай Богъ нашимъ здоревья—пожалѣли меня, до барина этого не довели.

«Вот только одинъ разъ по вечеру господа наши въ гости уѣхали; пошелъ я во дворъ поглядѣть, какъ наши свѣтныя дѣвушки въ горѣлки бѣгаютъ. Только бѣгаютъ-это дѣвки, а во флигель на крылечѣ какал-то барыня на нихъ смотритъ. Ну, и наши все тутъ въ кучу собрались; идетъ промежь нихъ хохотъ да балагурство; увидѣли меня, на смѣхъ тоже подняли: — Что, пришелъ; или, моль, смирился?—Анг, нѣтъ, говоритъ Филатовъ, онъ къ Марьѣ Сергѣевнѣ на поклонъ явился!—Тутъ только я и узналъ, что эта барыня сама Марья Сергѣевна и есть.

«А Марья Сергѣевна у нашего барина въ родѣ какъ экономка жила. Была она просто-на-просто пастуха нашего дочь; только Семерикъ и въ паневѣ ее облюбовалъ, и по этому самому отца-то изъ пастуховъ въ дальнюю деревню къ старосты произвелъ, а ее въ горницу къ себѣ опредѣлилъ. Ну, взяли сердечную, вымыли, вычесали, въ платье нѣмецкое одѣли и къ Семерику представили; барыня наша сказываютъ, много объ этомъ въ ту пору стужалась.

«Однако, любопытно мнѣ стало поглядѣть на нее. Самъ знаешь, баринова сударка—стало-быть, сила. Коли не настоящее, значить, тебѣ начальство, такъ еще хуже того: какъ же тутъ утерѣть, не посмѣтрѣть? Подошелъ я къ крылечу и гляжу на нее.

«И вотъ, братецъ ты мой, даже до сей минуты вспомнить я о ней не могу: такъ-это и закипитъ, задрожитъ все во мнѣ! Ровно подняло во мнѣ все утро, ровно сердце въ груди даже заиграло, какъ взглянула она на меня! И нельзя даже сказать, чтобъ ужъ очень изъ себя пышна или красива была, а такой-это былъ у нея взглядъ мягкій да ласковый, что всякому около нея тепло и радостно становилось. Ну, и усмѣшка эта на губахъ тихонькая... ровно лотъ зоренька утренняя сквозь облачка поигрываетъ.

«Много видѣлъ я барынь красивыхъ, и изъ нашего званія тоже хороши дѣвушки изъ себя бываютъ, а все-таки Машинъ другой не встрѣчалъ. Доброта въ ней большая была; а потому, можетъ, самому краса ее силу имѣла, что душа у ней на лицѣ всякому объявлялась. Такъ скажу: не знай я теперь, что давно она въ могилу пошла, жизни бы не пожалѣвъ, въ рабалу бы себя опять отдать, только бы на лицо ее посмотрѣться, только бы голоса ее милого послушаться!

«Ну, и она, увидѣвши меня будто въ первый разъ, тоже полюбопытствовала.

«— Не вы ли, говоритъ, новый поваръ, что изъ Москвы онамедянысъ выслали?»

«— Я, говорю.

«— Отчего-жъ, говоритъ, вы въ такомъ платьѣ ходите?»

«— А оттого, молъ, что на это есть барская воля.

«— Такъ вы барина попросили бы... онь вѣдь только гордъ очень, а добрый!»

«— Итъ, говорю, я просить не буду, потому что впередъ знаю, что если стану съ баринномъ говорить, такъ ужъ это безпримѣнно, что ему нагрублю.

«— Что-жъ такъ?»

«— Да такъ, Марья Сергѣевна... за что, примѣрно, онь меня платья моего лишитъ?»

«— Вотъ вы какіе! пожили въ Москвѣ, да и стали ужъ слишкомъ сибеныи! А вы бы глядя на другихъ дѣлали.

«Ну, я противъ этихъ ся словъ ничего сказать не рѣшился: стою да молчу.

«— А хорошее, говоритъ, въ Москвѣ житье?»

«И сама, знаешь, тяжеленько этакъ вздыхаетъ.

«— И вездѣ, говорю, хорошо, гдѣ, то-есть, жить намъ мило.

«— А гдѣ, по-вашему, мило?—спрашиваешь.

«— А тамъ, говорю, мило, гдѣ у насъ милый другъ находится...

«Сказала это, да и смотрю на нее, и даже чувствую, какъ меня всего знобить. И она со словъ моихъ словно зардѣлась вся, опустила это голѣвошкы и задумалась.

«— Вамъ, можетъ, желательнѣе, чтобъ я за васъ барина попросила, говоритъ.

«— Коли ваше желаніе на то есть, говорю, такъ отъ васъ я принять милость не откажусь.

«Больше въ тотъ вечеръ я съ ней не говорилъ. Только стало мнѣ съ той минуты словно легко и незаботно на свѣтъ жить. Пошелъ я къ себѣ на сѣноваль спать, и всю-то ночь вмѣсто снанья только ибени пропѣлъ.

«Да и ночь-то на ту пору такая случилась: теплая да звѣздная, ровно даже горить-это наворуху отъ множества звѣзд! И все-это кругомъ тебя спитъ; только и слышишь, какъ лошадь около яслей на мякину фыркнула, или въ денникѣ жеребенокъ въ соложѣ сирсоньевъ закопошился.

«На утро позвали меня къ барину. Не могу о себѣ сказать, чтобъ изъ робкихъ быть; однако, на ту пору такъ сробѣлъ, что даже сердце во мнѣ унало. Баринъ принять меня въ лакейской предъ всѣми людьми и очень что-то грозно.

«— Ну, что, говорить, прочухался?

«И молчу.

«— Что-ж ты не отвѣчаешь, звѣрь?

«Я опять молчу. Только слышу, что по-за-дверью ровно зашуршало что. Задрожало, затрясл я весь.

«— Впновать, говорю.

«— То-то, моля, виноваты!

«Ну, и простилъ онъ меня, въ кухню опредѣлить велѣлъ.

«Стали мы послѣ этого чаще видаться, только больше все при людяхъ. Иной разъ и встрѣтитесь гдѣ-нибудь одинъ на одинъ, однако, смѣнаешься, обробѣешь,—ну, ничего и не скажешь. Объ одномъ только и въ мысляхъ, бывало, держишь, какъ бы съ ней встрѣтиться, или бы шорхъ отъ платья ея услышать, или бы вотъ хоть издалики на нее полюбоваться. Ну, и она словно замѣтила, что усмѣлочка ея шибко мнѣ нравится: какъ ни пройдетъ мимо меня, всякій разъ безпремѣнно усмѣхнется... Такъ и протянулось наше дѣло до осени.

«По осени, такъ; около Введеньева дня, стали наши господа въ Москву собираться. Пошелъ-это по дому трескъ да шумъ; возы съ поклажей сряжаютъ, экипажи дорожные налаживаютъ,—ну, какъ у большихъ господъ обыкновенно водится. Слышу я, что и Маша съ господами увязаетъ, а мнѣ приказу ѣхать не объявляютъ. Стала я стороной отъ людей узнавать: кто говорить—Павлу-повару ѣхать, кто говорить—мнѣ ѣхать, а настоящего нѣту. Времени, межъ тѣмъ, все меньше остается,—смерть; да и полно!

«Шорѣшилъ я подъ конецъ, чтобъ мнѣ самому съ Машей объ этомъ переговорить. Выбралъ время, какъ ей изъ дому во флигель на ночь идти, стала и яду у крылечка. Только вижу, что вдали огонекъ забрезжилъ и прямо-таки въ флигелю бѣжитъ, словно вотъ искорка, откуда ни взялась; одна, сама собой въ воздухъ летаетъ.

«— Вы, говорю, Марья Сергѣевна?

«Спервоначалу она было испугалась, даже остушилась и упала, однако, голосу не дала. Я ее бережненько поднялъ, посадилъ на крылечко и фонарь затушилъ.

«— Вы, я говорю, не опасайтесь меня, Марья Сергѣевна!.. Я съ тѣмъ нарочно и пришелъ, чтобъ васъ видѣть. Мочи моей больше нѣтъ; все у меня сердце отъ тоски изорвалось!

«Подожель я поближе къ ней, взялъ ее за рученьку и слышу, что она словно листъ вся трясется.

«— Вы вот съ господами въ Москву собираетесь, говорю, стало-быть, разставанье будетъ намъ долгое... Поэтому я такъ теперь о себѣ понимаю, что самый я безъ васъ буду несчастный человѣкъ, и, стало-быть, ничего мнѣ другого желать не надо, какъ только руки на себя наложить или въ дѣса отъ такихъ мученьевъ ѡбжаты...

«— Да вѣдь и вы, чай, съ нами въ Москву поѣдете? Чтой-то, ужъ и ѡбжаты собрались... словно и разуму своего вы лишились!

«— Нѣтъ, говорю, въ Москву я съ вами не поѣду; да и вы, коли меня жалѣете, барина отъ этого намѣренія отклоните. Потому, первое, что въ Москвѣ я надежды на себя не имѣю. А второе дѣло, мнѣ и здѣсь на ваше житье смотрѣть совсѣмъ непереносно стало.

«Какъ выговорить я ей это, она словно даже ручьемъ залилась.

«— Такъ, вотъ, говорить, чѣмъ вы меня попрекаете, точно сами не знаете, какова моя здѣсь жизнь!

«— Я, говорю, не съ тѣмъ это сказалъ, чтобъ васъ попрекать, а съ тѣмъ, что при моихъ къ вамъ чувствахъ смотрѣть мнѣ на эти дѣла не приходится...

«Только она еще пуще на это заплакала, а меня ровно тутъ духъ какой обуялъ! Бросился я къ ней, подыять-это ее къ себѣ на руки... И жалко-то мнѣ ее, и душу-то я бы за нее отдать, и злость, однако, за сердце словно вотъ клещами хватаетъ: пропадай, моги, все, не доставайся она ни мнѣ, ни ему! Даже заковать весь, даже не слышу ничего, мну да тираню ее, сердечную, въ рукахъ, будто задунить хочу... А она только потихоньку стонетъ, а рваться отъ меня не рвется.

«— Ваня! говорить, что ты надо мною сдѣлать хочешь?

«Онамятовался я подъ конецъ, выпустилъ ее изъ рукъ. Тяжко мнѣ тутъ сдѣлалось, такъ тяжело, что и сказать нельзя. Смотрю-это на барскій дворъ, и самъ Богъ знаетъ что думаю; смотрю тоже и на большую дорогу, и на дѣсь дальній,—и все это будто перемѣшалось во мнѣ; точно не самъ я, а именно лукавый во мнѣ думаетъ.

«И такова была въ ней душа ангельская, что она не токма-что тиранства моего не попомнила, а меня же, звѣря лютого, утѣшать бросилась.

«— Ваня, говорить, голубчикъ ты мой! ахъ, да посмотри же, посмотри же ты на меня! пожалѣй ты меня! Легче бы мнѣ въ пропасть теперь сгннуть, чѣмъ сердце твое на себѣ видѣть!

«И вотъ, братецъ ты мой, хоть зима на дворѣ стояла: значитъ и темнеть, и сивирь, и снѣгъ, однако, краше для меня эта ночь самой теплой лѣтней ночи показалась! Все эти звѣзды, что на небѣ горятъ, словно въ сердцѣ у меня загорѣлись!

«На утро прикинулась къ ней горячка. Доложили объ этомъ барину и послали за дохтуромъ. Дохтуръ обозрилъ ее и сказалъ, что въ Москву ѣхать никакъ нельзя. Сокрушился Семерикъ; однако, такую къ Машѣ привычку взялъ, что даже повѣзку въ Москву хотѣлъ отложить. Только дуть ихния супруга, дай Богъ ей здоровья, за наше счастье вступилась. Семерикъ говоритъ: «не поѣду!» Семеричиха кричитъ: «врешь, поѣдешь!» И опять Семерикъ свое долбитъ, а Семеричиха такъ на него и заливается: «и безъ того я отъ тебя не-вѣсть-что безобразіевъ терплю, чтобъ смѣлъ ты меня на всю жизнь въ деревню занереть!» Много у насъ тутъ сраму на весь домъ было. Однако, Семеричиха, какъ была генеральская дочь, одолѣла. Сталъ сбираться; вышелъ и мнѣ приказъ быть готовымъ.

«Ну, нѣтъ, думаю, это, видно, подождать придется! И удумалъ я тутъ штуку. Явился къ Семерику и, какъ ни воротило мнѣ сердце, палъ къ нему въ ноги вслаправду.

«— Позвольте, говорю, въ деревнѣ остаться!

«— Это еще что за штуки?—говоритъ:— и какъ ты смѣлъ прямо на глаза мои показываться?»

«— Я, говорю, по слабости моей, въ Москвѣ надежды на себя не имѣю, потому какъ тамъ и знакомство у насъ большое, и случаевъ больше есть, а въ деревнѣ все одно, что въ монастырѣ...

«Понравилось это Семерику. А-лучше всего то по-сердцу пришлось, что вотъ, молъ, лютаго звѣря въ смиреніе привелъ.

«— Ну, говоритъ, коли есть твое желаніе, чтобъ въ исправленіи своемъ укрѣпиться, такъ я препятствовать этому не могу... Взять въ Москву Павлушку!

«Уѣхали.

«Остались мы съ Машей въ домѣ почесть-что один. Молодыхъ всѣхъ господа еще съ обозомъ въ Москву угнали, а въ деревнѣ оставили только стариковъ да конюховъ. Къ Машѣ старуху Матрену Ивановну представили — золотая это была душа! Стало-быть, очень намъ было свободно! По началу она еще слабость въ себѣ чувствовала, а недѣльки черезъ двѣ и поправляться стала. А Семерикъ то и дѣло, что изъ Москвы гонца за гонцомъ шлеть, да строго-на-

строго наказывает, чтобъ Ману къ нему въ самой скорой скорости выслать. Однако, итъ.

«И словно рай промежь насъ тогда поселился. По времени, даже смѣлость такая у насъ проявилась, что и людей совсѣмъ онасаться перестали. Заложилъ, бывало, объ вечеръ жеребца съ барской конюшни въ охотницкія сапожки, укутаешь ее; голубушку, въ шубку, и пошелъ по полянкамъ гулять, — даже духъ занимается! А ночи-то, братъ, лунныя да морозныя, и снѣгомъ-то кругомъ тебя обдаешь, и вѣтромъ-то жжетъ... Жизни у Маши, бывало, даже глазенки занскрятся, столь это хорошо!

«Ну, и домой тоже прѣдешь, отогрѣвать ее станешь. на рукахъ, словно ребеночка, баюкаешь...

«Да, братъ, — какъ подумаешь да погадаешь, что все это жило да сплыло, да бывшемъ поросло, и что всему этому житью Семерикъ на всякъ часъ поперекъ можетъ стать, — даже страхъ тебя какой-то беретъ!

«И скажи ты мнѣ на милость, отчего бы, напримѣръ, мнѣ счастливымъ не быть? И отчего, напримѣръ, вздумать я разъ въ жизни радость свою имѣть, и тутъ вышло, что радость та не моя, а чужая? Отъ этой, братъ, думы и ушелъ я въ лѣса, чтобъ больше она меня не тревожила.

«Провѣдалъ, однако, прозвалъ онъ — какъ ужъ, не знаю — про нашу любовь. Бурмистръ, что ли, ему отписалъ, — этого доказать не могу; только разъ прѣзжаемъ мы вечеромъ съ поля, анъ въ барскомъ домѣ огни горятъ. Мама моя такъ и ахнула... Ну, и я тоже маленько будто носумнился.

«— Что, говорю, Машенька! гаркнуть развѣ, и помнишь какъ звали?»

«Только говорю я это, а сама вижу, что она ни жива, ни мертва въ сапожкахъ сидитъ. «Ну, думаю, плохо, значить, наше дѣло, — пришло въ раздѣлку идти!»... Надѣлся-было я на первыхъ порахъ во флигель ее схоронить, анъ и тотъ запертъ.

«Привели насъ къ Семерикѣ... Ну... кончилось тѣмъ, что Ману черезъ два дня въ деревню за вдовца за дѣтнаго замужъ отдали, а меня привазили въ солдаты сдать...

«Въ эту ночь много я отъ холоду вытерпѣлъ, а пуще того отъ думы да отъ тоски сокрушился. То будто зимаская морозная передъ глазами носится, и полянки эти дальныя, и саночки малыя, и Мама, разлюбуйка моя, тутъ... И словно свѣтъ голубой мнѣ въ глаза бьетъ, и въ

этомъ свѣтѣ голубомъ она, моя голубушка, ровно въ воздухѣ, дрожить и колыхнется... Залию меня горе всего!

«Порѣшилъ я, однако, бѣжать. Не то чтобъ солдатства крѣпко боялся, а одно дѣло это для насъ необычное, да и съ Маней разстаться жалько; все думаешь: не закопаютъ же ее живую въ могилу,—авось можно свидѣться какъ-нибудь.

«Вотъ на другой день подняли меня ранымъ-ранѣхонько. Вывели. всего обшарили. На дворѣ подвода стоитъ, и отдатчикъ съ подводчикомъ наготовѣ ожидаютъ. Пришли родные, пришла дворня вся: бабы воютъ да стонутъ, особенно матушка. Измаяли они меня.

«Привелось намъ мимо скотныхъ дворовъ ѣхать. Не утерпѣлъ я—и сталъ проситься, какъ бы Маню мнѣ поглядѣть. Известно, отдатчикъ, вмѣсто отвѣта, велѣлъ лошадей стегать; однако, я вскочилъ и зачалъ его за горло души:—Мнѣ, говорю, за одно терпѣть, а тебѣ не быть живу, варвары вы такіе!—Пу, испугался, пустилъ. Вошелъ я въ избу: избенка-эта темная и смрадная, словно хлѣвъ коровій.

«— Много лѣтъ здравствовать, Марья Сергѣевна!—говорю.

«Только услыхала она мой голосъ, бросилась-это ко мнѣ, уцѣпилась за полушубокъ... даже ровно замерла тутъ.

«— Погубилъ я тебя, Машенька, говорю, не будетъ мнѣ за это счастья въ сей землѣ!

«— Жить... нѣтъ... нѣтъ!—говорить, а сама такъ и дрожить, такъ и трясется вся, и въ лицѣ ни единой кровиночки нѣтъ.

«Сѣлъ я на лавку, положилъ ее на колѣни къ себѣ и сталъ-это цѣловать да миловать. Только чую, будто слезы у меня горять, да и сердце въ груди ровно ширится. Ну, думаю, плакать, такъ плакать... въ остатній разъ! Плачу я-это, даже духъ у меня отъ слезъ словно захлестывается... только и могу выговорить: Машенька! Машенька!.. ахъ, да каково-жь это больше не свидѣться!—А она даже и не отвѣчаетъ ничего; завернулась, голубка, подъ полушубокъ ко мнѣ, да только руками обѣими меня удерживаетъ... И сладко-то, и тоскливо-то мнѣ!

«Только, видно, дали во дворѣ знать, что двоимъ со мной не сладить; приближало еще человекъ съ пята на подмону. Стали ее отымать отъ меня; ну, и она по началу ровно не поняла, что съ ней дѣлается, даже взять себя допустила... Однако, какъ началъ я съотиницѣ Аграфенѣ въ ноги кланяться, чтобъ она ее, сиротку, пригрѣла да приголубила, вдругъ она словно разразилась: взвизгнула-это,

застонала и зачала петь ихъ руки рваться... даже я самъ поскорѣй изъ избы выѣзжать.

«Бѣду я дорогою да все думаю: «Уйду я отъ нихъ, безпрремѣнно уйду!» Гляжу-это на поле дальше; вонъ въ сторонѣ вихорикъ закружился, вонъ челенку снѣжную взбу-ровишь... уйду, молъ, отъ нихъ, безпрремѣнно уйду! Вонъ мо-стикъ ветхонькій черезъ рѣчку лежитъ; по-краямъ у рѣчки ледокъ, словно хрусталь чистый, склпился, а середочка плещется, ровно живая журчить... уйду я отъ нихъ, безпрремѣнно уйду!.. Вонъ лѣсокъ впереди заснѣлся: нищ ты, какой лѣсъ частый да береженный!.. вонъ и въ деревню вѣхали... пошли саночки по ступенямъ тукъ-тукъ... Ахъ, да уйду я отъ нихъ, безпрремѣнно уйду!

«— Пустя, Потань!—говору отдалчику.

«— Чтѣ ты, говоритъ, чай, я не о двухъ головахъ!

«— Пустя, Потань! въ могилу за тебя живой лягу, души не пожалѣю... пустя!

«Не пустишь... Да уйду же я отъ тебя, безпрремѣнно уйду!

«Прѣехали мы на постоялый дворъ ночевать. Съли ужина-ть, а я все одно думаю: «уйду, да уйду». Положили они меня для вѣрности промечь себя спать, даже полушубокъ съ меня сняли, да подъ головы себѣ сунули. Однако, я не сплю и все въ умѣ одно держу: «уйду, молъ, я отъ нихъ, безпрремѣнно уйду!» Вотъ только слышу я—загудѣло мужичьѣ; были тутъ, кромѣ насъ, извозчики; найдется она на ночь, такъ ровно начнешь ихъ коробить во снѣ-то. Иной знаешь, не своимъ голосомъ во снѣ зарычить, другой даже вскопчить спросоньевъ, поседнѣть-поседнѣть словно поло-умный, перекрестится, да и опять спать. Ну, и я попытать ихъ сначала хотѣлъ: вскопчить что есть мочи, не шелохнется ли, молъ, кто?... Однако, никто голосу не даятъ; только По-тань спросоньевъ сталъ около себя шарить, да не на ту сторону, сердечный, пошатъ и напунать пробѣзжато извозчика. Только я ползкомъ да ползкомъ... чу! сверчокъ за печкой затрещалъ... чу!—вздохнулъ кто-то,—не Потань ли? Чу, кого-то словно дунить во снѣ... И всего-то до двери пять шаговъ, а сколько я тутъ отъ одной думы измаялся, что лучше бы, кажется, пять верстъ на своихъ ногахъ одѣ-лать... А все-таки доползъ подъ конецъ! Тутъ на лавкѣ чей-то полушубокъ порошій обзрѣлъ, и его про запасъ смахнулъ.

«Вышелъ я на задворки, и вѣришь ты?—кажется, не долго мученія мои тянули—и всего-то съ сутки!—а словно

я тутъ въпервой воздухомъ свѣжнмъдохнуть! Даже ослабѣлъ, и ноги подкашиваются, и грудь будто расшаталася... Вышелъ я на задворки; однако, какъ начать дѣломъ смекать: «плохо, думаю, это я сдѣлалъ; такнмъ манеромъ они меня какъ разъ по слѣду накроютъ: лучше на большую дорогу пойти». Вышелъ, да не думая, словно изъ лука стрѣла, пустился въ обратный бѣжать.

«Бѣжалъ я безъ отдыха версты съ три, даже грудь начало саднить. А ночь-то мѣсячная да свѣтлая, и поле кругомъ чистое да ровное,—версты за двѣ человѣка видно! Вижу я: коли дальше идти, первое дѣло—изъ силъ выбѣжусь, а второе дѣло—хватиться могутъ, и кто-жъ ихъ знаетъ, въ какую сторону ихъ лѣшій повернетъ! Показалась въ сторонѣ деревушечка, я и повернулъ въ проселокъ. Только она, распроклятая, точно дразнитъ меня: вотъ, кажется, рукой подать, такъ и вертится передъ глазами; однако, за ихними мужицкими вавилонами, добрыхъ я съ полчаса маялся, доколѣ донелъ.

«Тутъ я въпервой позналъ, что такое бѣлый человѣкъ значить. Пришелъ въ деревню, смотрю около себя, а куда идти—не смысло. Слово ужъ судьба сама за меня промышляла да въ овнѣ привела; зарылся я въ солому, да два дня оттолъ и не выходилъ,—такъ не ѣвши и лежалъ... Послѣ сказывали мнѣ ваши, что и въ этой деревнишкѣ меня отыскивали, однако, стало-быть, не постарались.

«Черезъ два дня вышелъ. Ну, прежде всего ѣсть до смерти хочется. На дворѣ еще тѣмнеть была, только кой-гдѣ огни въ избахъ видѣлись: значить, неправная баба ужъ печку затопила. Подошелъ я къ одной избѣ, вышибъ кулакомъ подворотно, подлѣзь скрозъ нее и прямо въ избу къ бабѣ.

«— Подавай хлѣба! говорю.

«Только она—какъ была съ хватомъ въ рукахъ, такъ тутъ на мѣстѣ и обмерла. Я къ столу; досталъ хлѣба, взять кетати и ножикъ.

«— Только ты шикни у меня, говорю; не конѣ, такъ завтра—такъ дойму, что на вѣкъ языка линишься!

«И точно, дай Богъ ей здоровья,—не шикнула.

«Наѣлся и опять въ солому залезъ—сумерекъ дожидаться. Теперь, думаю, хорошо: и сытъ, да и ножикъ при мнѣ есть. И все-то меня къ дому да къ дому тянетъ.

«Вотъ въ сумерки всталъ отъ своего лова и пошелъ-таки прямо въ деревню. Вижу еще издавеча, что въ кучерской у насъ свѣтъ горитъ. Не думавши долго, прямо туда.

«— Ребята! говорю, кто изъ васъ противъ меня измѣнникомъ хочетъ быть?»

«Только они сидятъ да помалчиваютъ, да промежъ себя переглядываются.

«— Если кто меня выдать хочетъ, говорю, такъ я тутъ весь; а не желаете выдать, такъ обогрѣйте да накормите меня!

«Никто, однако, противъ своего брата измѣнникомъ быть не согласился. Тутъ я узналъ, что въ тотъ самый день Машу на деревню что-ни-на-есть за гадючаго мужика отдали замужъ; а Семерикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сейчасъ послѣ свадьбы въ Москву укатилъ.

«Загорѣлось во мнѣ: хочу да хочу Машу видѣть! даже ѣсть не могу; такъ всего и поднимаетъ меня.

«Пошелъ на деревню, вижу—стоитъ на краю избенка развалившаяся; подошелъ къ окошку—думаю, нѣтъ ли гульбы у нихъ? Однако, видно, бѣдность шибко мужика одолѣла, либо совѣсть на народѣ заарела, только не чуть въ избѣ цинкого, кромѣ хозиевъ. Горить-это посередѣ горинцы лупина, и ровно чады да дымы отъ нея идутъ, а свѣту почесать ничего-таки нѣтъ; въ углу на полу ребята въ-попалку спать... ну, одно слово, и голодно-то, и холодно-то въ этой избѣ, совсѣмъ, кажется, и жить-то нельзя. Одно мнѣ чудно показалось, что они ровно какъ вмѣстѣ жили,—сидятъ около свѣтца. Маша бѣльничко кой-какое дѣткамъ починиваетъ, а Трофимъ саногн на продажу тачаетъ. Долго я такъ смотрѣлъ на нихъ, все думаю: взойти или не взойти? Однако, Маша будто почувала что: встала съ мѣста и слушаетъ; ну, и Трофимъ къ окошку побрѣлъ.

«— Это я, говорю, Трофимъ Петровичъ! я, моль, бѣглый Иванъ! Пустинь, что ли?»

«Услышавши меня, онъ по-началу даже отъ окна отшатнулся, однако вскорѣ опять поправился.

«— Пустить, что ли Марьюшка?—спрашиваетъ.

«Только она ровно испугалась: побѣжала-это отъ свѣтца прочь и за печку спряталась.

«— Пустя, говорю, Петровичъ! Вотъ тебѣ Богъ, что только проститься хочу; одной минуты не пробуду больше!

«Взошелъ я въ избу, помоллся Богу, сѣлъ на лавку.

«— Богъ въ помочь! говорю.

«Только она вышла ко мнѣ, мертвая-размертвая. Однако, идетъ твердо.

«— Прости меня, Иванушка, говорить.

«Я заплакать; сижу-это на лавкѣ и, словно баба, мало-

душевую. Господи! какъ мнѣ горько-то, горько-то въ ту пору было! Словно темъ кругомъ меня облегла, словно страхъ да ужасъ на меня напалъ, словно таятъ, сосеть все мнѣ сердце!

«— Прощай, Иванушка!— опять говорить она, а у самой слезиночка въ голосъ дрожить.

«Вскочилъ я; хотѣлъ въ оханку ее схватить, однако, вижу—въ углу Трофимъ стоитъ и словно у него зубъ на зубъ не попадаетъ. И она тоже руки впередъ проткнула, будто какъ застыдилася. Ну, думаю, стало-быть, нашему дѣлу и взаправду окончанье пришло!

«— Прощай, говорю, Мама! прощай и ты, Трофимъ!

«Молчать оба.

«— Видно, молъ, не свидѣться намъ?

«— Да, видно, не свидѣться!—молвилъ Трофимъ.

«Словно ожгло меня это слово.

«— Звѣрь ты! говорю.

«— Нѣтъ, говорить, не я звѣрь... Ты, говорить, рукой махнулъ да въ лѣса бѣжать, а ей весь вѣкъ со мной въ голодѣ да въ нуждѣ горе мыкать приходится... Такъ нѣтъ лучше не замай ты насъ!

«Смотрю я на нее; все думаю: не скажется ли въ ней хоть на минуточку наше прежнее разлюбовное время-времечко?..

«Ну, и пѣтъ, какъ пѣтъ; стоитъ она какъ безъ чувствъ совсѣмъ, глазами въ землю смотритъ, только верхняя губа будто дрожить легонько.

«— Ну, говорю, нѣтъ и взаправду, Мама, прощай! Однако, все-таки, на разстаѣнхъ, чай, поцѣловаться надо...

«... Такъ наше дѣло и кончилось. Вышелъ я отъ нихъ какъ безъ памяти. Отхватать я, братъ, въ эту ночь верстъ тридцать съ лишнимъ. Иду да иду впередъ, и куда иду— даже понятіе потерялъ. Снѣгъ мокрый глаза залѣпляетъ, вѣтеръ въ лицо дуетъ, ноги въ сугрубахъ тонуть, а я все иду, и все о чемъ-то думаю, хоть истинной думы и нѣтъ во мнѣ. Все это какъ во снѣ—отъ одного къ другому переходить: и Мама-то тутъ, и не ѣдаль-то я, и сѣна вонь стоить въ полѣ стоитъ, и ночь-то была въ-пору холодная да темная. Останови да спроси: о чемъ, молъ, сейчасъ думаешь?—ни въ снѣгѣ отвѣта не дашь!

«Однако, на утро уморился, и понятіе это ко мнѣ изморозъ ворогилось. Тутъ только догадался я, что замѣсто того, чтобъ къ нашимъ на конный дворъ вернуться, я верстъ тридцать въ сторону шагнулъ. Ну, не судьба, значить!

«Вижу, навстрѣчу мнѣ мужичокъ съ дровами ѣдетъ. Мужичочко этакой худенькой да мозглявенькой; «ну, на что такому мозглецу топорь?» думаю. Подошелъ къ нему.

«— Продай, молъ, топорь, дяденька!

«Онъ перенугался:

«— Христовъ, говоритъ съ тобой, молодецъ! топорь-отъ, чай, мой!

«— Известно, говорю, что твой; только и для насъ онъ словно надобень!

«Ну, онъ столько учтивъ былъ, что больше со мной не разговаривалъ.

«Такимъ манеромъ прошло больше мѣсяца, что я все дальше пробирался.

«Вѣрнѣ ли, даже не обогрѣлся ни разу порядкомъ, ни разу путемъ не поѣлъ. Привычки-то къ ночному ремеслу еще не было, да и шель я все глухимъ мѣстомъ да проселкомъ,—такъ и въ шибкий-то зайти не съ чѣмъ. И страхъ тоже одолѣть, потому что зима для бѣлаго человека—самое некорыстное время; кругомъ—это суметь, ни бѣжать, ни схорониться некуда: того гляди—какъ зайца вымаютъ.

«Однако, около Благовѣщенія, словно потеплело, а въ деревняхъ въ это время на пригревѣ обѣ луу нору даже жарко бываетъ. Тутъ, братецъ мой, только я восчувствовалъ, какова на свѣтѣ жизнь хороша есть. Сядешь, бывало, въ сторонкѣ около стожка; солнышко прямо въ лицо тебѣ поглядываетъ; вѣтерки, словно бархатные, кругомъ поигрываютъ; въ сторонѣ, чу! вода русло себѣ просасываетъ; наверху всякая птица кишнемъ-кшнить, и не видать ея въ вышнѣ, а словно стоць сверху внизъ стелется. Журчнтъ—это, шумитъ все, точно я не одинъ ты въ свѣтѣ; точно за-всегда кто-ни-на-есть съ тобой присутствуетъ... Самое развеселое это время!

«Тутъ и поживишка у меня порядочная случилась. Иду я разъ сумерками своимъ трактомъ и вижу, что посередь самой большой дороги кибитка стоитъ; лошади, пара, сзади привязаны, ямщика нѣтъ. Подхожу я къ кибиткѣ, слышу—разговоръ тамъ идетъ; одинъ свѣдокъ, должно-быть, слышалъ меня, всталъ и смотритъ черезъ кибитку... Купецъ.

«— Много лѣтъ здравствовать, господа хозяева! говорю.

«Только онъ думаетъ, что меня, значитъ, ямщикъ помогать имъ прислалъ.

«— Скоро ли же ямщикъ-то вернется? — спрашиваетъ.

«Пошелъ я впередъ, будто кибитку осматриваю, а самъ привѣчаю, какъ бы за дѣло мнѣ половчѣй взятыся. Вижу—впереди загора, у кибитки одна оглобли напрочь отломлена; знаишь, ни назадъ, ни впередъ нѣтъ возможности.

— Да ты что за человѣкъ?—спрашиваетъ купецъ.

«А другой его товарищъ, даже не видѣвши еще ничего, забился влудбѣ, да только знай-стоитъ. Вижу я, что они ребята ласковые, и въ разговоръ съ ними взошелъ.

«— Вы, говорю, хозяена просто, что-ль, ѣдете?

«— Нѣтъ, говорить, безъ топора тоже не ѣздить.

«Ну, и топоръ показываешь.

«— А коли есть топоръ, такъ дайте, значить, ять цѣлковыхъ,—и Богъ съ вами! А не то будемъ силу пробовать!

«Заартачился-было купецъ, да товарищъ его, спасибо, на выручку мнѣ подосѣлъ. Застоналъ-это, заревѣлъ нуще прежняго: «отдай да отдай ять цѣлковыхъ!»

«Разсчитался.

«Пошелъ я носѣтъ того въ кабакъ, да тамъ и забился. Объ лну пору хорошо это бываетъ. Придетъ-это тошно да смутно такъ; назадъ некорыстно, да и вернуться туда ужъ нельзя, а впереди словно туманъ да темнеть висеть... куда идти? Думаешь-думаешь, даже головой о стѣну шарахнешься. Косунка вина много тутъ помочи дѣласть. Выпьешь одну—въ сердце словно радуга просіяетъ; выпьешь другую—словно по морю по окѣну напьешь; выпьешь третью—ни земли, ни воды подъ тобой нѣтъ, да и люди—ровно точки въ глазахъ мерещатся...

«Въ кабакъ я человѣка встрѣтилъ. Показалось мнѣ, что онъ на меня съ перваго раза слишкомъ зорко посмотрѣлъ, да и съ цѣловальникомъ словно переминувся. Вотъ, выпилъ я свою чарку и сѣлъ въ углу на лавку, будто какъ благодушествую, а у самого даже муравьи по-за-кожей заползали! Все, знаешь, по новости своей думаю, что на лавзутчика попалъ. Тогда они промежъ себѣ разговоръ ведутъ съ цѣловальникомъ.

«— Худо, Савва Деметръвичъ!—говоритъ человѣкъ:—развѣ вотъ дѣломъ поправимся, а не то, видно, совсѣмъ отсель откочевывать придется.

«— Что-жь такъ?

«— Да ровно ужъ слишкомъ много порядковъ здѣсь завелось. Намеднишь Сидорку на гумнѣ изловили, отнестить-то отпустили, да ужъ и выкупъ больно несообразный заломили. Надоѣло... Только бы товарищей такихъ подыскать.

чтобы и въ огонь, и въ воду охочи были идти, такъ, кажется, ни на минуту бы здѣсь не остался.

«— И Дарьюшку ништо не жалко?»

«— Что Дарьюшка! только связался я съ ней, а то давно бы намъ это дѣло покинуть надо! Намеднишь-вотъ мужъ: «ты, говоритъ, меня въ окаянство ввелъ, ты меня воромъ сдѣлалъ, да и жену теперь отнимаешь!» Какъ будто я задаромъ его воромъ-то сдѣлалъ! И что еще, такъ-это остервенѣлъ, что ухватилъ ножъ да съ пожомъ зря впередъ и лѣзетъ. Даже смотрѣть на него глупо.

«Цѣловальники захохоталъ.

«— Однако, надо правду-истину сказать, говорить, и ты въ его добрѣ ровно слишкомъ хозяйствуешь!

«— Чего хозяйствовать! Съ ней, братъ, всякій хозяйство-вать можетъ,—была бы охота! Намеднишь-вотъ офицеръ проѣзжій ночевать у нихъ остановился, такъ мнѣ даже тошно стало, какъ она передъ нимъ привередничала...

«— Такъ вотъ она какова!

«— Да ужъ такъ-то «такова», что опять-таки говорю: найдись у меня теперь товарищъ хорошій, чтобы вмѣстѣ обжать отселъ, ни на минуту бы даже не задумался.

«А самъ говоритъ это да на меня поглядываетъ. Однако, я молчу и все это думаю, что онъ меня испугать хочетъ. Долго ли, коротко ли они промежь себя побесѣдовали, только онъ не утерпѣлъ, подошелъ ко мнѣ.

«— Да ты что, говоритъ, землякъ, въ землю глазами уткнулся да нюни распустилъ?»

«— А такъ, молъ.

«— Что такать-то, а ты говори дѣло. Отколь бредешь?

«— Прохожій, молъ; шелъ да зашелъ,—и все тутъ!

«— Прохожій Иванъ стацилъ на селѣ кафтанъ, идти на большую дорогу за шубой... Такъ, что ли?

«— Хоть бы и такъ, тебѣ что за дѣло?

«— Больно ты, братъ, гордъ, либо трусливъ ужъ не въ шкуру. Тебя же жалбючи спрашиваютъ.

«— Да ты самъ-то кто таковъ?

«— А я, говоритъ, человѣкъ небольшой, но прованію сторобъ ночной; неподалечку бекетъ здѣсь содержимъ да проѣзжающихъ въ страхъ Божіемъ держимъ!

«Цѣловальникъ засмѣялся.

«— Да и уму-разуму наставляемъ ихъ, потому какъ безъ нашей науки они безиремѣнно заблудись бы... Вотъ еще онамеднишь углицкіе купцы тутъ ѣхали; ну, я точно-

что малую толчку отъ нихъ непользовался; однако, за это и притчу имъ сказалъ: «Который, моля, звѣрь всѣхъ звѣрей люте?—левъ. Кто льва люте?—человѣкъ; потому—человѣкъ человѣка погубляетъ, а левъ льва никогда. Кто чело-вѣковъ люте?—разбойникъ!.. Такъ вы, говорю, ваши здо-ровья, въ атомъ мѣстѣ поздно ночью не ѣдите, потому—тутъ шалать»... Такъ хочешь, что ли, съ нами молодець?

«Посумнилъ я тутъ съ крошечку. Хоть и вижу, что кончанье для меня одно впередъ, однако съ непривычки все будто роботно».

«— Что задумался? Или, братъ, по пословицѣ: собака волка дереть, и драть не умѣетъ, и отстать не смѣетъ? А ты, коли въ тебѣ живая душа есть, говори прямо: хочешь другомъ быть?»

«— Ты бы ему поднесъ для куражу, Мироничъ,—гово-рять цѣловальникъ:—а то вишь онъ какъ отъ дороги осовѣлъ!»

«Стали мы тутъ пить и бражничали такимъ родомъ дня съ три. На четвертый день такіе ли други-пріятели сбѣла-лись, словно вотъ вѣкъ только другъ о дружкѣ и сокру-шались. Такъ и рѣшилась судьба моя въ кабакъ».

«Привелъ онъ меня къ своей любезной. Мужъ у нея тутотка на большой дорогѣ вѣзкій дворъ держалъ... такъ, небольно чтобъ очень корыстный. Мѣсто это самое глухое да неприятное; и стоялъ ихній дворъ, словно торчокъ, одинъ-одинѣхонокъ: кругомъ вереть на двѣнадцать лѣсъ дремучій, но дорогѣ песокъ до коѣбни; ни воды, ни лужаечки нѣтъ,—такъ, дичь одна. Какъ ѣдетъ, бывало, кто по дорогѣ, такъ издалеца еще слышно, какъ по лѣсу словно шелканье пой-детъ. Стало-бытъ, польза отъ постояльцевъ была самая пустая; развѣ ужъ больно кто облучаетъ, или кони въ пе-скахъ шибко замаются, такъ къ Ѳедоту Карпову на часокъ завернуть, а прочіе норовятъ, бывало, мимо поскорѣй про-ѣхать. Да и жили они какъ-то сумнительно; у другихъ хо-зяевъ и работниковъ, и работница путные есть, а у нихъ и всего-то одна работница, да и та пѣмая да дурочка была. Ну, для проѣзжихъ господъ оно и неприглядно; который и остановится случаемъ, такъ все по сторонамъ озирается, не хотая ли, моля, рѣзать его».

«А Ѳедотъ Карповъ самый изъ себя паренекъ мизир-ный да нескладный былъ. Махонькой да тощей такой, бо-рода-это клинушкокъ, глаза маленькіе да врозь разбѣ-гаются,—даже смотрѣть гнусно. И все-то, бывало, или на палатяхъ прокладается либо въ окошко сонной глядитъ»

а начнетъ-это работать, такъ и не глядѣлъ бы на него: только въ навозѣ, словно боровъ, копонится... А со всѣмъ этимъ такой жаждѣ быть, что какъ увидить монету—даже словно обезнамитъ весь: этимъ только и держать его Корней въ удѣ.

«Зато на Дарьюшку точно-что можно замобоваться было. И высокая-то, и полная-то, и глаза большіе на выкатъ, а сѣло бѣлое да разбѣлос, словно вотъ пѣна молочная скинѣлася. Одно слово, отдай все да и мало. Поидеть-это по горниці или даже на мѣстѣ шевельнется,—такъ вся тебѣ кровь въ голову вкругъ и кинется... Ибери тоже пѣтъ мастерица была: что хочетъ надъ тобой своимъ голосомъ сдѣлаетъ! И тоской-то тебя всего зальетъ, и удааю да молодечествомъ сердце разутѣшитъ,—словно вся человѣчская душа въ рукахъ у ней была. Жилаа, видишь, она прежде у одного молодого куничива, однако, вышелъ ему срокъ жениться,—онъ и выдалъ ее за Федота. Отъ него и ибени-то итъ она выучилась.

«Пришли мы къ нимъ около полдень; смотримъ, Дарьюшка у воротъ сидитъ, на солнышникѣ грѣется. Поздоровались.

«— Жить, что ли, у насъ будетъ?—спрашиваетъ Дарьюшка, а все на меня исподлобья посматриваетъ.

«— Да,—говоритъ Корней:—искудова до тепла надобно будетъ прожить.

«— А послѣ куда?

«— А куда путь лежать будетъ... Вѣрнаго еще ничего сказать теперь не могу.

«Только она на эти его слова ровно усмѣхнулась; только такъ-то нехорошо да обидно, что разомъ мнѣ Корнеевы слова вспомнились, которыя онъ пѣловальнику въ кабакѣ говорилъ.

«— Чего смѣешься? правду говорю, что остатніе дни у насъ здѣсь баладаюсь!—говоритъ Корней.

«— Ну, и съ Богомъ!—отвѣчаетъ Дарьюшка, а сама все на меня да на меня поглядываетъ.

«Словно помертвѣлъ Корней.

«— Ишь ты, подлая!—говоритъ.

«Однако, она ничего; сидитъ-себѣ, да знай полегонечку посмѣивается.

«— Такъ леужто-жъ, молъ, мнѣ всѣмъ твоимъ прихотямъ подражать?—говоритъ.—Хочешь идти, такъ иди... плакать по тебѣ, что ли?

«— И уйду; только такъ я тебя на прощаньи приглубаю, что вѣкъ ты меня не забудешь... Забѣ ты!

«Чудно мнѣ это показалось. «Будь, думаю, я на Корнеевскомъ мѣстѣ, не посмотрѣлъ бы на косы твои русыя!» Однако, онъ смолчалъ; только все у него нутро, словно у звѣря лѣснаго, зарычало.

«Въ тотъ же вечеръ у нихъ съ Ѳедотомъ Карповымъ дѣло чуть не до убійства дошло, и все опять эта Дарьюшка на озорство завеза.

«— Слышала, говоритъ, Ѳедотъ Карпичъ, что Корней Мироничъ отъ насъ въ дальныя стороны собирается?»

«Какъ сказала она это, Ѳедотъ Карповъ даже помертвѣлъ весь. Ну, и Корней словно потунился. А она вмѣсто того, чтобъ смирать ихъ, только нуще другъ на дружку направливаетъ.

«— Сказываютъ, какъ это тамъ хорошо да привольно, и рѣки-то, слышь, молочныя, и берега-то кисельные, и воруютъ-то все бездально-безношально... ишь и тебѣ за ними ужъ сбѣжать, Ѳедотъ Карпичъ?»

«Слушаетъ это Ѳедотъ, а у самого даже бородавка словно листъ трясется.

«— Правду, что ли, баба лаетъ?—говоритъ.

«Ну, солгать бы тутъ Корнее; понутить, моль, и вся недолга; однако, онъ или посоветился, или не нашелся съ перваго разу: пробормоталъ что-то невнятно въ отвѣтъ и замолчалъ.

«— Анъ, врешь ты!—говоритъ Ѳедотъ.—Не посмѣешь отсель уйти!

«А самъ и заикается-то, и по столу-то кулакомъ бьетъ...

«— Али любовь тебѣ сталь?—говоритъ Корней.

«— Любовь не любовь, а у меня съ тобой счеты есть... Въ кабалу ты ко мнѣ шелъ!

«Ну, лѣзетъ на Корнея, да и шабашитъ, даже на мѣстѣ словно скачетъ; и кулачникомъ-то, и головой-то ему въ брюхо норовить... Удивленіе да и только!

«— Ты, говоритъ, женой у меня завладать; такъ задаромъ, что ли, я тебѣ ее отдалъ?»

«— Ишь, тебя больно спрашивался...

«А Ѳедотъ все одно:

«— Издохнешь, говоритъ, мнѣ служивши! Убью я тебя и въ отвѣтъ не буду!.. Потому—ты воръ... Да, говоритъ, воръ, воръ, воръ... разбойникъ ты!

«Корней только знай рукой отмахивается, какъ онъ слишкомъ на него наскакивать пацнетъ.

«А Дарьюшка, сдѣлавши свое дѣло, ушла за перегородо-

дочку, словно горя ей мало; только и слышно, как она там позывывает да потягивается.

«— Часто такъ-то у васъ бывать? — спрашиваю я ее.

«— А кто ихъ знаетъ! Каждый день все ссору да драку заводять... Что на нихъ смотреть-то? Да неужто взаправду Корней на чужую сторону собирается?

«— Да, взаправду.

«— Куда?

«— А куда глаза глядятъ.

«— Ну, и Богъ съ нимъ!

«— Будто тебѣ его не жалко?

«Такъ она, братецъ мой, не то чтобъ поскучать или хоть бы задуматься—все же чужой человекъ передъ ней— даже засмѣялась въ отвѣтъ.

«— Ты, говорить, съ Корнеемъ, что ли?

«— Съ Корнеемъ.

«— Иапрасно... кабы ты съ нами остался, и Федотъ бы Карнымъ Корней отпустилъ.

«Говорить это, да такъ-таки прямо въ глаза мнѣ и посмотреть.

«— А намеднись, говорить, офицеръ проѣзжій у насъ становился, такъ раза съ четыре ворочался: все бѣжать съ собою меня сманивалъ! И опять прѣхать обѣщался...

«— А Корней чего смотрѣлъ?

«— Что Корней! Извѣстно, въ хлѣву злобствовалъ! Развѣ его въ горницу пуцають, когда прѣзжіе господа есть?

«— Видно, ты-таки охоча гулять-то!

«— А для те не гулять, когда гулять можно... весело гулять! Вотъ у меня барица была миленькій,—ужь то-то мы съ нимъ погуливали!.. Хочешь, что ли, пѣсню тебѣ спою?

«Сняла со стѣны гитару, да словно разлилась тутъ вся:

«Ахъ, гдѣ жена, была-была, гдѣ, сударина, была?

Я была, сударь, была, у меня въ гостяхъ»...

«И поеть-то, и плечми-то подергиваетъ, и каблучками-то пристукиваетъ... всякая словно жила въ ней вдругъ заговорила!

«А грудь-то бѣлая да полная, тяжеленько-это подъ гитарой мечется, ровно моченьки у ней лѣтъ, ровно исто-милло ее всю, измаяло! Такъ оно хорошо да сладко, что и Корней съ Федотомъ лаяться перестали, а у меня даже свѣтъ въ глазахъ помутился!.. Какъ легли мы послѣ того съ Корнеемъ на сѣнницѣ спать, долго она мнѣ сквозь сонъ все мерещилась!

«Жили мы у нихъ съ мѣсяць-мѣста, ничего не дѣлавши; однако, и укрѣпился, противъ товарища поддемомъ сдѣлаться не хотѣлъ. Подвиглся я тутъ на Корнея! Ужь на что, кажется, крѣпкій человѣкъ былъ, а передъ этимъ Одеткой словно овца смирялся: что хотѣли изъ него дѣлать. Она, бывало, и за водой его посылаетъ, и кушанье стряпать велитъ—все справлялъ!

«По времени, и совсѣмъ тепло установилось. Сталь Одетъ Карповъ намъ докучать, что мы только руки склавни видимъ да чужой хлѣбъ ѣдимъ. Началъ и я Корнею вспоминать, что не затѣмъ въ товарищи къ нему пошелъ, чтобы у бабы подъ юбкой прятаться...

«Вотъ вилани мы со двора поздно вечеромъ, на самый Егорьевъ день. За десять верстъ отъ двора и мѣсто у насъ было такое назначено, чтобы съ товарищами сойтись. Только идемъ мы олушкой, а у меня словно сердце въ груди измираетъ: то, знаешь, робость переносная всего обхватываетъ, то вдругъ такую въ себѣ силу и мочь почувствуешь, что, кажется, не шель, а летѣлъ бы впередъ да впередъ. И чего-чего тутъ не передумаешь: и стоишь-то загодя тебѣ слышатся, и кровь будто передъ глазами проливается...

«И ничего-таки этого не бываетъ, и все, братецъ ты мой, это одинъ разговоръ! Настоящій разбойникъ никогда не убиваетъ; убиваетъ больше мелкій ворюшка, который съ предметомъ своимъ совладать не можетъ. А у насъ всякое дѣло миромъ кончается: одна часть тебѣ, другая часть намъ,—и ступай на всѣ на четыре стороны! Случается, правда, что бабы отъ страха пищать, ну, и Христосъ съ ними, пускай пищать!

«Потому, какая для насъ корысть человѣка жизни лишать? Первое дѣло—грѣхъ запарасно на душу возьмешь, а второе дѣло—свѣдь безпрѣмѣнно оставишь. Иной, свою часть вручивши, погорюетъ—да и броситъ дѣло такъ, потому дорожному человѣку съ полицейскими связываться тоже не приходится. Ну, а какъ убьешь-то его, онъ волей-неволей на тебя пожалуется; пойдутъ-это шарить да сыскивать, и хоть ничего настоящаго не найдутъ, однако на дѣлѣмъ мѣсяць все дѣло тебѣ перепакостятъ.

«Въ эту ночь мы барина остановили. Молоденькій такой да нѣжненькій, а трясется, сердечный, одинъ на телѣжечкѣ. Шибко онъ насъ испугался, даже смѣшался совсѣмъ.

«— Что-жь ты не везешь, каналья ты этакая!—кричитъ ямщику, а самъ почти плачетъ. Ну, денегъ у него мы не

густо нашли, потому—домой на побывку налегкѣ ѣхаль, а взяли у него чемоданишко, часы золотые да перстень съ руки. Больно мнѣ его жалко было. И то говорилъ Корней:—что, молъ, младость обижать?—Однако, онъ не послушалъ...

«Въ другую ночь видимъ—цѣлый рыдванъ по дорогѣ шестерикомъ ползеть. Ну, такъ и мерещится мнѣ, что Семериковъ это рыдванъ.

«— Братцы, говорю, голубчики, никакъ это мой ѣдетъ!

«Однако, выискалъ не онъ, а баринъ какой-то большой. Раскинулся-собѣ на подушкахъ баринъ любезный, спитъ во всю ивановскую, а у самого крестъ на манишкѣ болтается. Ну, мы его разбудили.

«— Ваше благородіе,—говоритъ Корней:—извольте вставать, на станцію прѣехали!

«Только онъ по-началу высоко было-взять.

«— Какъ вы смѣете, говоритъ, да вы знаете ли, говорить, что и васъ туда унесу, куда Макарь телятъ не гоняетъ!..

«Потомъ, однако-жъ, урезонился маленько... Много онъ намъ ласковыхъ словъ говорилъ: что и воровать-то стыдно, что и братья-то мы всѣ, что обижать намъ другъ дружку, стало-быть, не приходится; однако, какъ наше дѣло къ сибѣху было, мы вслушаться въ его рѣчи настоящимъ манеромъ не могли, и такъ-таки въ-чистую его обобрали, что даже лошади послѣ того отъ легкости рысцою побѣжали.

«Стащили мы нашу добычу въ лѣсъ, въ самую трущобу, и хворостомъ тамъ ее завалили. Только въ лѣсу долго оставаться еще неспособно было. И по дорогѣ, и въ полѣ ужъ сухо, и въ лѣсу еще земля словно не весь паръ отдала. Приклонившись къ низу, даже видишь, какъ земли на глазахъ твоихъ отходить починаетъ, а въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ воглуше, словно вотъ легкая-легонькая пеленочка еще лежитъ,—ледокъ, значить. А изъ-подо льду ужъ и травка зелененькая выбивается.

«Воротились мы на постоялый равнинъ утромъ, чуть еще солнышко показалось. Въ горницѣ, видно, еще спали: только нѣмая работница за ворота вышла, позѣвываетъ да на восходъ крестится; да и та, увидѣвши насъ, словно испугалась, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, въ ворота шархнула... Что за чудо! Однако, Корней, должно-быть, чутьемъ бѣду свою почувалъ и самъ за ней слѣдомъ ударился...

«Только я ужь застал, какъ онъ Федота допрашивалъ. Вижу, на немъ и званіи лица нѣтъ, а Федотъ стоитъ у стѣны въ одной рубашкѣ, волосы-это растрепаны, рожа немая; стоитъ да подъ рукой его, ровно комаръ, топчется.

«— Куда убѣгла? Сказывай!—говорить Корней.

«И не то чтобъ нибко выкрикиваетъ, однако даже мнѣ отъ его голосу жутко стало.

«Ну, и Федоткѣ, видно, не до разговоровъ пришлось: лепечетъ что-то про себя, да руками разводитъ.

«— Продавай ты, что-ль, ес?—опять говорить Корней.— Сказывай, сказывай же ты мнѣ, асишь ты этакой!

«Собралъ онъ его, братецъ ты мой, въ оханку и грянулъ объ полъ. Ужъ топталъ онъ, топталъ, ужъ возилъ онъ его по полу-то, возилъ!.. Давно и душонок-то его смрадная, чай, въ тартарары пошла, а онъ все сытости не чувствуетъ... Возьметъ-это, подниметъ его съ полу, и опять объ земь—какъ шваркнуть!

«Ну, подъ конецъ и самъ измаялся: грянулся-это на лавку, да какъ завоинтъ да застонетъ, ажъ вчуякъ меня холодный потъ прошибъ!

«Часа черезъ два мы зготъ проклятый постоялый дворъ со всѣхъ четырехъ угловъ зажгли. Такъ и сгорѣлъ со всѣми пожитками; даже нѣмаи, по глупости своей, выбѣжать не успѣла...

«И пошли мы послѣ того во путь, во дороженьку, отрелись отъ міра прелестнаго, поклонилися бору дремучему, и живемъ, нече сказать, ни худо, ни красно, а хлѣбъ жуемъ не напрасно.

«Странствуемъ мы съ нимъ по русскому царству, православному государству; странствуемъ по горамъ, по доламъ, по лѣсамъ, по полямъ, по зеленымъ лугамъ, а болыне около большой дороги держимся.

«Весело, братъ! это ужъ говорить нечего... т. е. просто у насъ житье-перезитье!.. Однако, идешь-это плавй разъ по опушочкѣ, и вдругъ на тебя дурость найдеть!.. Растужилъся-разгорюешься, и падешь гдѣ-нибудь подъ елочкой, тяжелоенько вздыхаючи, горьки слезы роющаючи, свою жизнь проклинаячи... И елочка-это словно тебя понимаетъ: такъ-то плавно да зачуйвно лапами своими надъ тобой помаваетъ: вздохни, молъ, замученный! вздохни, безталанный, безчастный! вздохни, сирота, сиротскій сынъ!

«Видѣлъ я сонъ: прихожу будто я въ градъ нѣкій, и прихожу не одинъ, а съ товарищами: такіе пріятели есть, сотескими прозываются. Подхожу—это къ цалатамъ пространнымъ: съ четырехъ концовъ башни высятся, спереду стоятъ батюшки-солдатушки; стоятъ солдатушки; ружьемъ честь отдають, за бѣлы руки меня принимаютъ, принимаячи разутѣнными рѣчами ублажаютъ: «ты войди, молъ, къ намъ, воръ-разбойничекъ! душегубчишка ты окаянненькій! Отдохни ты у насъ въ острогѣ каменномъ, за затворами крѣпкими желѣзными!»

«И еще видѣлъ я сонъ: стою я на мѣстѣ высокомъ и къ столбу у меня крѣпко-ид-крѣпко руки привязаны. Собралось тутъ народу видимо-невидимо; все на меня позывать-поглазѣть, на меня, на шельменкаго-шельмеца, на разбойника!

«И молился я тутъ Спасову образу,
И на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня, люди Божіи,
Пожалуйте за мои грѣхи,
За мои ли грѣхи тяжкіе!
Но успеетъ я на народъ взорвти,
Какъ отбѣжи мою буйну голову,
Что во самыя плечи могуца!»

«Ну, этотъ сонъ нельзя сказать, чтобъ пригожъ былъ... Однако, не лучше ли намъ это бросить—позабыть...

«Ахъ, въ горѣ жить, некручинну быть!
А и горе-горе, горевальниче!
Ахъ, въ горѣ жить, некручинну быть,
Нагому ходить—не стыдиться!»

XI.—Послѣ обѣда въ гостяхъ.

Удивительное дѣло, какъ все это было пригнано, какал во всемъ сказывалась система и гармонія! Потомство рѣшительно не повѣритъ. Поговоримъ хоть о губернскомъ надзорѣ. Всякій согласится, что безъ надзора нельзя: во-первыхъ, обывателямъ некому будетъ жаловаться, во-вторыхъ—куда же дѣнутся всѣ эти лица, которымъ вѣренъ надзоръ? въ-третьихъ... ну, да вообще какъ-то неловко безъ контроля! Что могли бы сказать о насъ иностранцы, если бы у насъ не было контроля? Могли бы сказать: у нихъ царствуетъ произволъ, потому контроля нѣтъ! Могли бы сказать: удивительно, какъ это люди живутъ въ такой странѣ, въ которой контроля нѣтъ! А теперь, какъ контроль есть, то иностранцы должны молчать, и ничего больше.

Главное дѣло, чтобъ контроль былъ безобидный и шель, такъ сказать, въ видѣ непрерывнаго перекрестнаго огня. Объяснить это примѣромъ. Если меня будетъ контролировать мужикъ, что можетъ изъ этого выйти? Разумѣется, ничего путнаго, потому что и онъ меня не понимаетъ, и я его не понимаю, и станемъ мы цѣлый день разговаривать, я по-русски, онъ по-татарски. Совсѣмъ другое дѣло, когда сойдутся люди просвѣщенные и скажутъ другъ другу: ты надзираа за мной, а я буду надзирать за тобой. Ясно, что здѣсь не можетъ случиться ни раздоровъ, ни недоумѣній: ясно, что просвѣщенные люди поймутъ другъ друга и будутъ объясняться единственно по-русски. Такимъ образомъ, подозрѣніе о произволѣ устраняется; обыватели на каждомъ шагѣ встрѣчаютъ лицо, которому могутъ принести жалобу; приличія соблюдены, всѣ довольны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздоровъ никакихъ...

Возьмемъ другой примѣръ, болѣе осязательный.

Намъ почтенный начальникъ края постоянно находится подъ контролемъ весьма не легкимъ; за нимъ надзираетъ и губернской штабъ-офицеръ, и губернской прокуроръ.—а между тѣмъ, спросите его по совѣсти, чувствуетъ ли онъ это? Нѣтъ, онъ не чувствуетъ, ибо, съ другой стороны, штабъ-офицеръ и прокуроръ находятся и подъ его контролемъ. Слѣдовательно, сойдутся вмѣстѣ, переговаривать между собой ладкомъ, ахъ, смотришь, и прекратятся разомъ всѣ недоумѣнія, смотришь—и пошли опять козырять, какъ ни въ чемъ не бывало.

Нашъ добрый и милый пріятель, Семенъ Михайлычъ Булановскій, былъ именно такого мнѣнія о контролѣ. Во-первыхъ, онъ вообще одобрялъ всю систему, а во-вторыхъ, хвалилъ въ особенности то, что контроль именно поручень ему, а не кому другому. «Это,—говаривалъ онъ:—именно величественное зданіе, въ которомъ всякій находится при томъ кругѣ, гдѣ кому по способностямъ быть слѣдуетъ».

Я знаю, что въ послѣднее время развелось много неблагонамѣренныхъ людей, которые утверждаютъ, будто бы не предстоитъ никакой надобности ни въ штабъ-офицерахъ, ни въ прокурорахъ, ни даже... въ начальникахъ края! Для управленія обывателями, говорятъ они, достаточно однихъ законовъ! Конечно, если разсуждать съ точки зрѣнія теоретической, то нельзя не сознаться, что законы въ своемъ родѣ тоже представляютъ величественное зданіе; но, съ другой стороны, бывають случаи, когда они говорятъ не

могут и когда личное искусное вѣдѣтельство одно можетъ предотвратить величайшія бѣдствія. Въ особенности удобно и необременительно сіе средство въ дѣлахъ свойства, такъ сказать, домашняго (ибо въ нашемъ любезномъ отечествѣ еще встрѣчаются дѣла сего свойства). Приходитъ, напримеръ, ко мнѣ жена и жалуется, что мужъ ея поступаетъ съ ней не какъ супругъ, а какъ чуждый посторонній. Что сдѣлать бы законъ? Законъ, во-первыхъ, сказалъ бы: «сударыня, докажите!» Во-вторыхъ, если бы и послѣдовало доказательство, то законъ отвѣчалъ бы: «это, сударыня, не мое дѣло». Напротивъ того, что сдѣлаю я? Во-первыхъ, я призову мужа и скажу ему: «какъ же тебѣ, любезный, не стыдно! Посмотри, какая у тебя жена хорошенькая!» Во-вторыхъ, если онъ этимъ не убѣдится, я пригрожу ему закономъ: «да, скажу, любезный, у насъ на этотъ счетъ и законъ есть!» А такъ какъ онъ законъ не знаетъ, то и убѣдится навѣрное. Смотришь — анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію! Другой примѣръ: приходитъ ко мнѣ работникъ и жалуется, что хозяинъ жалованья ему не платитъ. Естественно, я за хозяиномъ: «зачѣмъ ты, любезный другъ, денегъ не платишь?» Ну, онъ мнѣ: такъ и такъ. Отъ хозяина я опять къ работнику: «развѣ ты не можешь, любезный другъ, подождать?» Смотришь — анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію!

Но важнѣе всего то, что мы, россияне, отъ рожденія нашего питаемъ къ судамъ нелюбовь. Одаренные отъ природы воображеніемъ впечатлительнымъ и характеромъ живымъ, даже строптивымъ, мы требуемъ, чтобъ дѣла рѣшались немедленно, а желанія наши удовлетворялись безпрепятственно. Чтò бы это такое было, если бы существовали одни суды и не существовало начальства? Страшно подумать, но предугадать не трудно. Во-первыхъ, обыватели пришли бы въ ужасъ; во-вторыхъ, въ дѣлахъ произошелъ бы застои. Результатъ же всего этого — хаосъ, среди котораго люди стремились бы не къ тому, чтобъ сдѣлать себѣ одолженіе, но къ тому, чтобъ поѣдать другъ друга.

Повторяю, нашъ милый Семенъ Михайлычъ вполне раздѣлялъ эти убѣжденія. Онъ пахотилъ, что въ особенности полезенъ надзоръ негласный, который благодѣтельствуетъ, такъ сказать, въ тишинѣ уединенія. Въ такомъ видѣ, по мнѣнію его, онъ уподобляется Провидѣнію, всегда намъ сопутствующему. Обиженный не имѣетъ основанія унывать, ибо знаетъ, что есть рука, которая защититъ его и

покараетъ злодѣя. При такой увѣренности не можетъ не житья легко, ибо жизнь, такъ сказать, сама выноситъ обывателя на крылахъ своихъ. Въ этомъ же, быть-можетъ, заключается и дѣйствительная причина того, что въ государствахъ, гдѣ подобный контроль устроенъ, лица обывателей принимаютъ видъ откровенный и беззаботный, не говоря уже о томъ, какъ это пріятно начальству.

Вообще, Семень Михайлычъ чудный малый и слыветъ въ губерніи завиднымъ женихомъ. Онъ очень мило изъясняется по-французски, а благородной изысканности его манеры удивляются всѣ помѣшники. Онъ нѣсколько сухощавъ и вообще сложенъ, если позволено такъ выразиться, меланхолически; при этомъ строенъ и имѣетъ черты лица не только выразительныя, но даже язвительныя. Правильности его носа еще не такъ давно удивлялась купеческая жена Барабошкина, а пристального взгляда его сѣрыхъ глазъ не могъ вынести самъ губернский предводитель дворянства, когда его, по поводу ущерба какому-то казенному интересу, вѣжливо было келейнымъ образомъ допросить. Но человѣкъ чистый и невинный могъ смотрѣть ему въ глаза смѣло и съ увѣренностью всегда встрѣтитъ въ нихъ теплее участіе. Ко всему этому (какъ бы въ довершеніе общаго очарованія), онъ употребляетъ какіе-то анаэсмские духи, которыми умащаетъ себѣ усы и тѣло и отъ которыхъ такъ и разитъ чѣмъ-то таинственнымъ.

Семень Михайлычъ человѣкъ холостой, но не прочь жениться. Если онъ до сихъ поръ не принесъ себя въ жертву пивнею, то это произошло совсѣмъ не отъ того, чтобъ нашихъ дѣвицъ не пѣвляла его обольстительная наружность, но отъ того, что онъ жаждетъ сдѣлать партію во всѣхъ отношеніяхъ блестящую. Ему мало того, что дѣвица, на которую онъ обращаетъ свои взоры, пышка, ему надо, чтобъ и отецъ ея былъ пышка, т. е. снабженъ надлежащими капиталами. «Жена должна принести мужу деньги и протекцію», — говоритъ онъ и, совершенно довольный собой, мечетъ ягучіе взоры на сонмище тающихъ дѣвицъ.

Живетъ онъ просто, но мило, въ домѣ той самой купчихи Барабошкиной, которая такъ восхищалась правильностью его носа. Говорятъ, будто бы онъ не платитъ за квартиру, но если это и правда, то, во всякомъ случаѣ, онъ одѣлываетъ свои дѣла такъ скромно, что никто уличить его ни въ чемъ не можетъ. Въ какое бы время вы ни

зашли къ нему — всегда можете найти добрый привѣтъ, добрую сигару и добрый стаканъ вина.

Семень Михайлычъ очень пріятный собесѣдникъ; онъ провидательный политикъ и умѣренный, но глубокомысленный философъ. Трудно повѣрить, но при всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ онъ находитъ время даже слѣдить за теченіемъ планетъ и, руководствуясь Брюсовымъ календаремъ, охотно объясняетъ обычнымъ своимъ собесѣдникамъ тайное ихъ значеніе. Такъ, напримѣръ, не далѣе, какъ прошлой зимой, онъ по теченію планетъ очень вѣрно предсказалъ, что въ персидской странѣ произойдутъ козни тайныхъ враговъ, стремящихся огорчить любезное отечество, но что козни эти будутъ открыты нѣкоторымъ царедворцемъ Олоферномъ, который и посрамитъ кознедѣйцевъ. Все точно такъ и сбылось: черезъ двѣ недѣли мы уже читали въ газетахъ, что Олофернъ поймалъ и обвинилъ злодѣевъ, которые были посажены въ мѣшокъ и ввержены въ море. Есть у него и библіотека, составленная исключительно изъ книгъ, трагующихъ о разныхъ видахъ любви къ отечеству. По мнѣнію его, только такія книги и могутъ утѣшать душу государственнаго человѣка, да еще сочиненія эротическаго содержанія; но сіи послѣдніе должны быть читаемы съ умѣренностью и втайнѣ, дабы не породить соблазна въ народъ, который, по простодушію своему, можетъ, чего добраго, принять преподаныя тамъ правила за руководство въ жизни.

Однимъ словомъ, такіе люди, какъ Семень Михайлычъ, составляютъ истинное украшеніе городовъ, въ которыхъ поселяются; а такъ какъ въ Россіи нѣтъ губернскаго города, въ которомъ не было бы своего Семена Михайлыча, то и оказывается, что всѣ они изукрашены въ этомъ отношеніи преестествонно.

Имѣя въ виду впередъ балъ у губернатора и потомъ ночную пирушку у откупщика, я зашелъ къ Семену Михайлычу, чтобы отвести душу въ умѣренно-либерально-политико-философской бесѣдѣ.

Я засталъ его за чтеніемъ новаго обширнаго трактата о любви къ отечеству; неподалеку, на случай отдохновенія, валялся новый романъ Поль-де-Кока.

Прежде всего мы, разумеется, разговорились о различныхъ благодѣтельныхъ реформахъ, ожидающихъ наше любезное отечество, потомъ о дѣйствіи, которое онъ оказываютъ на обывателей. Оказалось, что это дѣйствіе, пока-

мѣсть, ограничилось тѣмъ, что генераль Голубчиковъ сошелъ съ ума въ ожиданіи уничтоженія откуповъ, да председа- тель уголовной палаты зашилъ мертвую въ ожиданіи судебной реформы. Мы, разумѣется, погоревали.

— Удивляться тутъ нечего,—сказалъ мнѣ Семенъ Михайлычъ по поводу неприятнаго происшествія съ генера- ломъ Голубчиковымъ:—такая вѣсть можетъ поразить и болѣе крѣпкіе организмы.

— Какой, однако, ударъ для всего семейства!

Семенъ Михайлычъ только махнулъ рукой, какъ бы го- воря: погоди, то ли еще будетъ!

— Странно одно,—продолжалъ онъ:—какъ это Иванъ Николанчъ до сихъ поръ не приготовился! Посмотрите на меня: я ужъ давнымъ-давно ко всему готовъ!

— Что, развѣ получили что-нибудь?

— Не получилъ, но получу!

Семенъ Михайлычъ сказалъ это съ такимъ дрожаніемъ въ голосѣ, что я не сомнѣвался, что онъ получилъ нѣчто, но до поры до времени скрываетъ. Любопытство задѣло меня за живое.

— Вотъ вы говорите, что генераль не приготовился,—сказалъ я, желая увлечь его въ откровенную бесѣду:— да помилуйте, какъ же тутъ и приготовиться-то! Вѣдь онъ еще нынче утромъ получилъ радостное для себя извѣстіе.

— И все-таки надо было приготовиться!

— Да какъ же это, однакожь?

— Повѣрите мнѣ, что ничего нѣтъ лучше. Нужно только соображеніе и христіанское смиреніе!—возразилъ Семенъ Михайлычъ и, немного помолчавъ, прибавилъ:—Да, главное все-таки христіанское смиреніе, какъ тамъ кто ни говори!— Семенъ Михайлычъ, который курилъ въ это время трубку, сталъ дуть въ нее съ такою силой, что искры пѣльмъ облакомъ посыпались на коверъ.—Я былъ сегодня у обѣдни и молился,—продолжалъ онъ таинственнымъ голосомъ:— только, когда пропѣли херувимскую, я вдругъ почувство- вать, какъ будто что-то кольнуло меня въ самое сердце... Я, знаете, впалъ въ забвеніе, стою и молюсь, стою и мо- люсь... Ахъ, что я видѣлъ въ эту сладкую минуту! ахъ, что я видѣлъ! Скажу одно: съ этого мгновенія время жизни скатилось съ души моей! съ этого мгновенія я... готовъ!

«Чортъ возьми! а вѣдь дѣло плохо, коль скоро Семену Михайлычу видѣнія являються!»—подумалъ я, невольно при-

помня въ катастрофу, приключившуюся съ генераломъ Голубицкимъ.

— И представьте себѣ, другъ мой, едва я возвратился изъ церкви, какъ мнѣ подають письмо отъ одного петербургскаго пріятели...

— И это письмо?...

— Вотъ, не угодно ли полюбоваться!

Онъ подалъ мнѣ дрожащей рукою письмо, въ которомъ я прочталь слѣдующее:

«Мы провалились, любезный другъ Simon, и ты можешь укладывать свои чемоданы, не опасаясь на этотъ разъ быть введеннымъ въ ошибку. На-дняхъ все кончено: насъ не будетъ! Мы должны перестать существовать, превратиться въ дымъ—мы и дѣла наши! Первою мыслью моею было, разумеется, подумать о тебѣ, и знаешь ли, что я придумать? На-дняхъ наши финансисты скомпоновали какой-то невнятный проектъ по винной части: не ударитъ ли намъ съ гобой штучку, пристроившись по части хересовъ и розничной продажи сивухи? Говорятъ, такой состряпали проектецъ, что пальчики оближешь: слѣдовательно, надежда есть. А я, къ тому же, коротко шабонъ съ самимъ-его сивухествомъ княземъ Цбловальниковымъ, слѣдовательно и тутъ надежда есть! Вспомни, дружище, стинки:

«Надежда, кроткая посланница небесъ»...

и еще: «надежда утѣшаетъ царя на тронѣ»—дальше, хоть убей, не помню!—и каляй въ Питеръ! А не то и еще имфется въ виду убѣжище: ноговариваютъ, что учреждается серьезный надзоръ надъ пристанищами праздности и разврата, и что по этому случаю также потребуется много дѣятелей. Что-жь, можно махнуть и по части клубнички! Конечно, дѣятельность не очень почетная, но нашъ братъ, опричаникъ, за толчкомъ не поговоритъ: видали виды! Со мной, дружище, даже на-дняхъ случилось происшествіе въ этомъ родѣ... и т. д.

«Ожидаящій тебя съ четвертніемъ

«Никлфоръ Малайка».

— Однако, вамъ еще не имфнила надежда!—сказалъ я, прочтавши письмо.

— Не имфнила-то не имфнила, а все-таки больно.

Семень Михайловичъ размахнулся и ударилъ чубукомъ объ стѣну.

— Больно, Николай Ивановичъ! Больно въ особенности съ

точки зрѣнія благороднаго чловѣка!—сказать онъ, останавливаясь предо мною.—Поймите, вѣдь наша служба была сама благородная! Вѣдь мы были почти... масоны!

— Ссс...

— Да, масоны! Это я беруся доказать, хоть и знаю, что въ нашемъ отечествѣ масоны не допускаются. Но мы масоны очищенные, мы масоны, у которыхъ, кромѣ любви къ отечеству, ничего въ предметѣ не осталось!

— Да скажите мнѣ, ради Бога, полковникъ: что такое были эти масоны?

— Масоны были и будутъ существовать, покуда стоитъ мѣръ; масоны—это просто благонамѣренные люди, изъ которыхъ нѣкоторые заблуждаются, а нѣкоторые не заблуждаются!

— Гм!.. это, конечно... всякой вещи бываетъ въ мѣрѣ по два сорта...

— Заблуждающіеся масоны имѣли между собой разные тайственные знаки; безъ дозволенія начальства называли другъ друга вымышленными именами: Никифора Петромъ, Петра Степаномъ, и тому подобное... Согласитесь, что въ государствѣ этого допустить невозможно?

— Да, оно конечно... какъ-то подозрительно...

— Ну, и вся тѣ же масоны, но масоны очищенные.

— Если я васъ понялъ, любезный Семень Михайлычъ, то, стало-быть, цѣль этихъ масоновъ заключается въ томъ, чтобъ покровительствовать несчастнымъ.

— Совершенно такъ. Видишь, напримѣръ, утопающаго, ну, подойдешь, подашь ему руку—и онъ опять пожелъ себѣ жить да поживать. Или, напримѣръ, обыграли васъ въ карты; вы приходите, объясняете... Я съ своей стороны призываю лицо, воспользовавшееся вашею добѣрчивостью, и говорю ему: «отдай деньги, потому что иначе тебѣ можетъ быть худо!»

— Знаете ли что, Семень Михайлычъ? Чѣмъ больше думаешь, тѣмъ больше убѣждаешься, что такого рода учрежденіе—истинное благодѣяніе для чловѣчества. Тихо, смиренно, миролюбиво, безъ разговоровъ—сколько тутъ одного сокращенія переписки!

— Да еще то ли мы дѣлывали! Вѣдь на насъ, можно сказать, лежало благоденствіе и спокойствіе цѣлаго отечества—поймите это! Вѣдь, можно сказать, ни одной мысли въ головѣ не зарождалось безъ того, чтобъ эта мысль не была намъ предварительно известна... Вѣдь это цѣлый романъ!

— На вашемъ мѣстѣ, Семенъ Михайлычъ, я непременно писалъ бы свои мемуары.

— Я думалъ объ этомъ.

Семенъ Михайлычъ задумался и улыбнулся. Видно было, что надъ мыслями его пролетали воспоминанія, и что воспоминашя эти улыбались ему.

— Да, были дѣла!—сказалъ онъ, щипля свой надушенный усы:—были дѣла!

Я зналъ: отчасти эти дѣла. То были дѣла чудодѣйственной ловкости, то были дѣла печальнѣйшихъ сюрпризовъ и таинственнѣйшихъ похищеній. Семенъ Михайлычъ цѣлую жизнь все ловилъ и хваталъ и, наконецъ, доловился и дохватался до настоящаго скорбнаго положенія. Согласитесь, что это сразить хоть кого.

— Не то больно,—сказалъ онъ:—что жалованья тамъ какого-нибудь на время лишусь,—то, больно, что практикито этой не будетъ!

— Да, привычка—великое дѣло!

— Грудью, вотъ этою самою грудью жертвовалъ! И что-жь въ результатъ?—абшидъ!

Семенъ Михайлычъ видимо впадалъ въ лиризмъ, потому что колотилъ себя въ грудь самымъ неестественнымъ образомъ.

— Что мнѣ нужно?—декламировалъ онъ, ставъ въ позицію, какъ это обыкновенно дѣлаютъ благородные, но огорченные люди:—что мнѣ нужно? Добрую сигару и стаканъ добраго вина!

«Добрую сигару я отдамъ пріятелю; стаканъ вина раздѣлю съ нимъ же!

«Теперь у меня нѣтъ ни того, ни другого! Последнюю сигару я выкурилъ вчера; послѣдній стаканъ вина выпилъ каналья-денщикъ сегодня, въ то время, какъ я молился Богу!

«Новыхъ я купить не въ состояннн. Я не знаю даже, буду ли въ состояннн сшить себѣ новые сапоги!

«Это горько! это неблагоприятно!»

— Яшка!—прибавилъ онъ совершенно неожиданно, кликая денщика:—стунай, подлецъ, къ Барабонкиной и спроси, не осталось ли у нея хоть одной бутылки моего любимаго вина?

Послѣдній возгласъ оживилъ меня нѣсколько. Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ присутствовать при посторонней горести. Конечно, эта горестъ не могла назваться и для меня совѣмъ постороннею: ибо и я, наравнѣ съ другими, могъ погибнуть въ стремннѣ политическаго переворота, но все-таки я страшныхъ писемъ еще не получалъ. слѣдовательно

гибель моя представлялась еще отдаленною, и мысль о ней не портила еще моего аппетита въ такой степени, въ какой портила аппетитъ другихъ моихъ сотрудниковъ по вертограду администраціи. Однимъ словомъ, отъ этихъ унылыхъ столовъ мною начинало уже овладѣвать нетерпѣніе, и я имѣлъ основаніе думать, что появленіе бутылки вина хоть нѣсколько измѣнитъ направленіе разговора.

— Тутъ была пѣвая система,—приставала, между тѣмъ, Семень Михайлычъ:—система, могу сказать, строго соображенная во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Мы связаны между собой вотъ какъ!

Семень Михайлычъ соединилъ обѣ руки и просунулъ пальцы одной изъ нихъ между пальцевъ другой.

— Спрашиваю я васъ теперь: можно ли оставаться безъ системы?—добивался онъ.

— Знаете ли что?—отвѣчать я, какъ бы озаренный свыше вдохновеніемъ:—вѣдь я думаю, что безъ системы оставаться рѣшительно никакъ невозможно!

— Стало-быть, можно, коли оно такъ есть: взгляните и судите!—проицески замѣтилъ онъ.

Такого рода разговоры обыкновенно продолжаются до безконечности. Источникомъ имъ служатъ раны человѣческаго сердца, а раны эти, какъ извѣстно, сочатся до тѣхъ поръ, покада не иссочатъ изъ себя всего гноя обидъ и оскорбленій, въ нихъ накопившихся. Нашъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ подлаца-Ники, который доложилъ, что купчиха Барабошкина съ дерзостью отозвалась, что у нея никакой бутылки вина для полковника нѣтъ и не было.

— Вотъ видите, даже Барабошкина—и та отвѣчаетъ!—сказала мой амфитріонъ, околчательно сраженный.—Подлая! проицесала, должно-быть!

Семень Михайлычъ неистово зашагалъ по комнатѣ.

— Любопытно, любопытно это будетъ, какъ-то они безъ насъ обойдутся! Повѣрите ли, Николай Ивановичъ, когда мы въ первый разъ сказали, что насъ не будетъ,—я думаю, что это насмѣшка; я даже не далекъ былъ отъ мысли, что насмѣшка эта прямо относится къ высшему начальству...

— Да, оно похоже на то.

— Нѣтъ-съ, это была не насмѣшка. Намеднисъ привѣжаю я въ Москву, явлюсь къ своему старику, и первое слово, которое отъ него слышу: «а мы, братъ, съ тобой въ трубу вылетѣли!»—Кто же теперь слѣдить будетъ?—спра-

шиваю я его:—кто слѣдить будетъ, ваше превосходительство?—И знаете, стою такъ передъ нимъ, весь вѣвъ себя отъ изумленія. Только что-жь бы, вы думали, онъ мнѣ въ отвѣтъ? «Я, братецъ, говорить, въ пенсію все свое содержаніе получаю, такъ мнѣ до этого дѣла нѣтъ!!!» Такъ-то вотъ, ни въ комъ, просто ни въ комъ сочувствія нѣтъ!

— Скажите на милость!

— А наединѣсь, вотъ, у Пеструшкиныхъ на балѣ, мальчишка Шалимовскій, гимназистъ, подходитъ ко мнѣ, мерзавецъ, и говоритъ: «а вы, говоритъ, знаете, Семень Михайлычъ, что васъ уничтожаютъ?» Спрашиваю я васъ, каково мнѣ эти плюхи-то вѣтъ?

— Даже мальчишки, и тѣ!

— Да въ мальчишкахъ-то и сила все! Откровенно скажу, что если бы не мальчишки, мы и до сихъ поръ благоденствовали бы! Это они своимъ тивканемъ, это отъ нихъ все загорѣлось. Господи! жлип-жлип, и вдругъ папасты!

— Да и старики-то, Семень Михайлычъ, хороши!

— И мальчишки, и старики, и Барабонка, и весь міръ злобно!

— Однакожь, вѣдь вамъ недавно мундиръ переѣмили: повидному, это должно бы поощрить!

— Да, и переѣмили, и поощрили! Ну, да, и переѣмили, и поощрили! Что-жь, и поощрили!

— Какъ же это, однако?

— Вотъ видите, Николай Иванычъ, и цѣлый мѣсяць объ этомъ знаю... Вы понимаете, что у меня должно тутъ происходить!

Онъ указалъ на грудь.

— Все это время я думалъ... все думалъ...

— И что же?

— Я просто пришелъ къ заключенію, что все это не болѣе, какъ страшный сонъ!

— Тсе...

— Да, это страшный сонъ, потому что этого не можетъ быть!

— Однако, вы имѣете письма?

— Имѣю дѣйствительно, но въ то же время питаю увѣренность... что мы возродимся!

— То-есть, какъ же это?.. Вы думаете, значитъ, что вамъ опять дадутъ новый мундиръ!

— Да нѣтъ, не то, не въ мундиръ тутъ сила: духъ времени не таковъ! Но что мы возродимся—это вѣрно. По-

тому, ненатурально! Опять-таки спрашиваю и васъ, возможно ли существовать безъ системы?

— Нѣтъ, я положительно убѣжденъ, что безъ системы и одного дня пробыть невозможно.

— Ну, а какого же тутъ чорта систему выдумася! Свѣдательно, мы возродимся: въ мундирахъ ли, безъ мундировъ ли, но мы возродимся—это вѣрно! Конечно, сначала все это будетъ какъ будто подъ пепломъ, а потомъ оно потеплится-похолодаетъ да и воспрянетъ настоящимъ манеромъ!

— Да вы-то? вы-то? что съ вами будетъ?

— Что обо мнѣ говорить! Я... я могу найти для себя утѣшенье въ одномъ изъ новыхъ учрежденій, о которомъ пишетъ Малаевка... Но это все равно! Главное все-таки въ томъ, что мы возродимся!

Семеновъ Михайлычъ былъ великъ: я понялъ это и поза-видовать ему. Мнѣ думалось о томъ, какъ сладко и велико должно быть гражданское чувство, въ силу котораго человекъ забываетъ о себѣ, чтобъ всеобщее существованіе своимъ устремиться къ одному предмету—любимому отечеству!

Мы разстались утѣшенные и облегченные. Всю дорогу я твердилъ себѣ:

— Мы возродимся, ибо безъ системы существовать нельзя!

ХII.—Запутанное дѣло.

Случай.

I.

«Будь ласковъ со старшими, невысокомѣренъ съ подчиненными, не прекослови, не спорь, смирайся—и будешь ты вознесенъ премоно: ибо ласковое тело двѣ матки сосеть».

Такого рода напутственный завѣтъ былъ произнесенъ Самойломъ Петровичемъ Мичулинымъ двадцатилѣтнему его дѣтину, отправлявшемуся изъ дому родительскаго на службу въ Петербургъ.

Самойло Петровичъ, бѣдный мелкопомѣстный дворянинъ, въ простотѣ души своей былъ совершенно увѣренъ, что, снабженный подобными практическими наставленіями, Ванчикъ его, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ принятъ въ столицѣ съ распростертыми объятіями. На всякій случай, старикъ, однакожь, кромѣ душевнеспасительнаго слова, вручилъ сыну тысячу рублей денегъ, съ приличнымъ наставленіемъ.

носить ихъ всегда при себѣ, не мотать, не мытарствовать, а тратить себѣ помаленьку.

«Дитя оно молодое,—думать добродѣтельный старикъ:—и повеселиться, и пожуировать жизнью захочетъ—Богъ съ ними! Да при томъ же и объятія-го... кто его знаетъ! прижимистъ, сухосердъ ниче стать человѣкъ».

И вотъ уже около года живетъ юноша въ Петербургѣ: около года онъ добронравенъ, не прекословитъ, смиряется и на практикѣ во всей подробности осуществляетъ отцовскій кодексъ житейской мудрости—и не только двухъ, но и одной матки не сосетъ ласковое теля!

А между тѣмъ, онъ ли не уклонялся, онъ ли не угождалъ, онъ ли не нагибался! Кромче сердцемъ, смиреннѣе душою, кажется, въ цѣломъ мѣрѣ нельзя было сыскать человѣка! И все-таки отъ всей фигуры фортуны видѣлъ онъ одинъ только задъ... Пренепрятное дѣло!

Сунулся-было Иванъ Самойлычъ къ нужному человѣку мѣстечка попросить, да нужный человѣкъ наотрѣзъ сказать, что мѣста всѣ заняты; сунулся онъ-было и по коммерческой части, въ контору купеческую; а тамъ все цифры да цифры, въ глазахъ рыбить, голову ломить; пробовалъ-было и стихи писать—да остроумія нѣтъ! Отъ природы ли голова его была такъ скупо устроена, или обстоятельства кой-какія ее сплюснули и стиснули, но оказывалось, что одна только сфера дѣятельности и была для него возможно—сфера механическаго переписыванія, перебѣливанія, да и тамъ ужъ народъ кишмя-кишитъ, яблоку упасть некуда, все занято, все отдано и всякій зубами за свое держится...

Словомъ, вся жизнь господина Мичулина, съ самаго его вѣзда въ Петербургъ, была рядомъ мучительныхъ попытокъ и исканій, и все безъ результата... А отцовскія деньги все уходили да уходили, а желудокъ просилъ ѣсть попрже-нему, да и кровь-то еще молода и тепла въ жилахъ... Просто, ни на что не похоже!

Поникнувъ головою, тихимъ шагомъ возвращался Иванъ Самойлычъ домой послѣ одной изъ ежедневныхъ и неудачныхъ своихъ экспедицій.

Дѣло шло ужъ къ десяти часамъ вечера. Печальное и непрятное зрѣлище представляетъ Петербургъ въ десять часовъ вечера и при томъ осенью, глубокою, темною осенью. Разуздается, если смотреть на мѣръ съ точки зрѣнія кареты, запряженной рьяною четверкою лошадей, съ быстро-

тою молніи мчавшихъ его по гладкой, какъ паркетъ, мостовой Невскаго проспекта, то и дождливый осенній вечеръ можетъ имѣть не только сносную, но даже привлекательную фізіономію.

Въ самомъ дѣлѣ, и туманъ, который, какъ удушливое бремя, давитъ городъ своею свинцовою тяжестью, и маленькая, острая жидкость—не то дождь, не то снѣгъ,—докучливо и рѣзко дребезжащая въ запертыя окна кареты, и вѣтеръ, который жалобно стонетъ и завываетъ, тщетно силясь вторгнуться въ щегольской экипажъ, чтобъ оскорбить нескромнымъ дуновеніемъ своимъ полныя и самодовольно лоснящіяся щеки сидящаго въ немъ сытаго господина, и гусинныя ламки зажженнаго газа, тамъ и сямъ прорывающіяся сквозь густой слой дождя и тумана, и звонкое, но, тѣмъ не менѣе, какъ смутное эхо долетающее «пади» зоркаго, какъ кошка, форейтора—все это, вмѣстѣ взятое, даетъ городу какую-то поэтически-улетучивающуюся фізіономію, какой-то обманчивый колоритъ, дѣлая всѣ окружающіе предметы подобными тѣмъ страннымъ, безразличнымъ существамъ, которыя такъ часто забавляли насъ въ дни нашей юности въ заманчивыхъ картинахъ волшебнаго фонаря.

И покачивается-себѣ сытый господинъ, самодовольно развалившійся на мягкихъ подушкахъ, и сладко жмуритъ глаза, одолѣваемый неопредѣленною, но, тѣмъ не менѣе, мягкою дремотою, необыкновенно вкрадчивымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно сладкимъ полузабытьемъ... И напоминаетъ ему оно, это волшебное полузабытье, то блаженное состояніе, которое каждый изъ насъ болѣе или менѣе ощущалъ въ дѣтствѣ, слушая долгимъ зимнимъ вечеромъ безконечно-однообразныя и между тѣмъ никогда не утомляющія, давнымъ-давно прослушанныя и между тѣмъ всегда возбуждающія судорожное любопытство рассказы старой няни о Бабѣ-Ягѣ-костяной-ногѣ, объ избушкѣ на курьихъ ножкахъ и т. п.

Пританцись дѣти вокругъ стола въ узкой и низенькой дѣтской; молчатъ они и не пошевеливаются; нѣтъ улыбки на розовыхъ губахъ ихъ; не слышно свѣжаго, звучнаго смѣха, за минуту передъ тѣмъ оглашавшаго комнату; всѣ мускулы на этихъ полныхъ жизни личикахъ выразили какое-то напряженное вниманіе; тусклый и трепещущій свѣтъ разливаеь кругомъ давно забытая и страшно нагорѣвшая свѣтильня сальной свѣчъ; обычно-тихо и мѣрно дрожитъ древній голосъ древней няни, повторяющей старую сказку

о Змѣй-Горынычѣ... Люблю я это морщинистое лицо старой няни, люблю ея желтыя, костлявыя руки, люблю ея увѣренность, будто она дѣйствительно вяжетъ чулокъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ только спускаетъ одну петлю за другою; люблю ея воодушевленіе, ея сочувствіе къ высокой добродѣтели Пожканя-богатыря, Бовы-королевича; люблю ея движеніе, когда она, внезапно помолодѣвъ и озаренная какою-то юною силою, стучитъ дряхлымъ кулакомъ по столу, приговаривая: «Дерзеть Пожканъ-богатырь за руку—рука прочь, схватить за голову—голова прочь»...

И сжимается дѣтское сердце страхомъ великимъ, и чувствуетъ Ильѣ-Муромцу, слѣдить за борьбой его съ страшнымъ Соловьемъ-разбойникомъ, и робко вглядываются зоркіе глазки въ темный уголокъ комнаты, высматривая, нѣтъ ли тамъ Бабы-Яги, не затаялся ли гдѣ-нибудь схищенный Змѣй-Горынычъ, и весело смѣются и хлопаютъ дѣти владости, когда няня неопровержимыми доводами доказываетъ имъ, что Змѣй-Горынычъ давно околѣлъ и издохъ, гадина, стараніями добродѣтельныхъ витязей... И сладко засыпаютъ они, рѣзвыя дѣти, и самыя розовыя мечты убаюкиваютъ юныя воображенія ихъ, точно такъ же, какъ убаюкиваютъ онѣ и того господина, который сквозь туманъ и вѣтеръ ѣдетъ-себѣ въ уютной каретѣ своей, между прочимъ, твердо увѣренный, что въ туманѣ, ни вѣтеръ не огорчатъ пухлыхъ и благовоспитанныхъ щекъ его.

Но не въ каретѣ ѣхалъ, а шель-себѣ скромно иѣшкомъ Иванъ Самойлычъ, и потому весьма естественно, что петербургскій осенній вечеръ утрачивалъ въ его глазахъ свой благонамѣренный характеръ. Холодный и рѣзкій вѣтеръ, дувшій ему въ самое лицо, не навѣвалъ на него сладостной дремоты, не убаюкивалъ его воспоминаніями дѣтства, а жалобно и тоскливо стоналъ около него, нагло набрасывалъ ему на глаза канюшонъ его шинсли и съ видимымъ недоброжелательствомъ насвистывалъ въ уши единъ и тотъ же знакомый припѣвъ: «озябъ, бѣдный человѣкъ! хорошо бы бѣдному человѣку у огня, да въ теплой комнатѣ! да нѣтъ у него ни огня, ни теплой комнаты! озябъ, озябъ, бѣдный человѣкъ!»

Конечно, и въ ступающемъ по грязи человечествѣ рождались кой-какія мысли по поводу дождя, вѣтра, слякоти и другихъ неприятностей; но это были скорѣе мысли черныя и неблагонамѣренныя, вращавшіяся болѣею частью около того пункта, что есть, дескать, въ мірѣ и даже въ

самомъ Петербургѣ, люди сытые, которые ѣдутъ теперь въ каретахъ, которые сидятъ себѣ покойно въ театрахъ или просто дома, одинъ на одинъ съ нѣжною подругою; но что этотъ господинъ, ѣдущій въ каретѣ, мигающій изъ кресель смазливой и затѣйливо поднимающей ножку актрисѣ, сидящій одинъ на одинъ съ миловидной подругой и прощая—вовсе не оно, странствующее во мракѣ грими и невѣжества человечество, а совсѣмъ иной, совершенно ему незнакомый господинъ...

«Что же за доля моя горькая!—думаетъ Иванъ Самоиловичъ, всходи по грязной и темной лѣстницѣ въ четвертый этажъ:—ни въ чемъ-то мнѣ счастья нѣтъ... Право, лучше бы не вѣхать сюда, оставаться бы въ деревнѣ! А то и голодно-то, и холодно»...

Въ дверяхъ его встрѣтила хозяйка квартиры, Шарлотта Готлибовна Гётанхъ, у которой онъ нанималъ весьма маленькую комнату съ подслѣповатымъ окномъ, выходившимъ на самую помойную яму. Шарлотта Готлибовна взглянула на него недоувѣрчиво и покачала головой; въ первой комнатѣ раздавались шумные голоса собравшихся нахлѣбниковъ; голоса эти неурядно поразили слухъ Ивана Самоиловича. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ какъ-то задумчивъ, сдѣлалъ мизантропомъ, убѣгалъ всякой компаніи и вообще велъ себя довольно странно.

И нынче, какъ всегда, пробрался онъ потихоньку въ свою комнату, молча выпилъ поданный ему стаканъ чая, бессознательно выкурить обычную трубку вакштафа и началъ думать... На этотъ разъ мыслей оказалось нестерпимого, и все такія чудныя, одна другой страннѣе.

Въ сущности, дѣло было чрезвычайно просто и немногосложно. Обстоятельства Ивана Самоиловича были такъ плохи, такъ плохи, что, просто, хоть въ воду. Россія—государство обширное, обильное и богатое, да человекъ-то глупъ, мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ!

А тутъ, промѣ бездѣшья, еще и другія горести завязались и окончательно сбили съ толку героя нашего. Припоминалъ все, что сдѣлалъ онъ, со времени отбытія изъ дома родительскаго, въ обезпеченіе своего голоднаго желудка, господинъ Минчулинъ впервые усумнился, дѣйствительно ли поступалъ онъ въ этомъ дѣлѣ какъ слѣдуетъ, и не обманывалъ ли себя насчетъ покорности, уклоненія, добронравія и другихъ полезныхъ добродѣтелей.

Впервые, какъ будто бы сквозь сонъ, мелькнуло у него

4
7
9
9
7³

въ мозгу, что отцовскій кодексъ житейской мудрости требовалъ безотлагательнаго и радикальнаго исправленія, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ скорѣе нуженъ наскокъ и напоръ, нежели безмолвное склоненіе головы.

Но малый-то онъ былъ по преимуществу скромный и безотвѣтный, да при томъ же и оробѣлъ ужасно. Приѣхалъ онъ въ Петербургъ изъ провинціи; жизнь казалась въ розовомъ пивѣ; люди смотрѣли умиленно и добродѣтельно, скидали другъ передъ другомъ шляпы чрезвычайно учтиво, жали другъ другу руки съ большимъ чувствомъ... И вдругъ оказалось, что люди-то они все-таки себѣ на умѣ, такіе люди, что въ ротъ пальца имъ не кладѣ! Ну, куда же тутъ соваться съ системою смиренномудрія, терпѣнія и любви!

И куда ни обернется онъ, за что ни схватится—все вокругъ него глядитъ какъ будто самостоятельно. Шелъ онъ, напримѣръ, давеча по Невскому—навстрѣчу начальнику отдѣленія идетъ, и крестъ на шеѣ, и видъ такой привлекательный... А вѣдь еще молодой человѣкъ! Конечно, онъ уатъ и полноватъ, и съ брюшкомъ, а все-таки молодой человѣкъ. Вотъ и онъ тоже молодой человѣкъ, а не начальникъ отдѣленія... Что за притча такая!

Встрѣтилъ онъ также щегольскія дрожки; лошади отличныя, пристыжная такъ и подкидываетъ, въ дрожкахъ ѣдетъ господинъ съ ораннымъ носомъ и пронизательными глазами смотреть на міръ, какъ будто взоромъ хочетъ провертѣть дыру во вселенной.

— Смотрите-ка,—говорятъ кругомъ:—это В*** ѣдетъ! Пройдоха, кулакъ, бестія! А вѣдь что за голь, что за голь-то былъ! Просто, съ позволенія сказать, въ одной рубашкѣ хаживалъ.

И между тѣмъ В*** еще молодой человѣкъ, да вѣдь и онъ, Мичулинъ, молодой человѣкъ, а не ѣздитъ же въ щегольскихъ дрожкахъ!

А вонъ и еще молодой человѣкъ,—этотъ даже совсѣмъ розовый молодой человѣкъ, а вѣдь на немъ одно пальто рублей шестьсотъ стоить; онъ и веселье, и безпечность, всѣ движенія его живы и непринужденны, смѣхъ его звонокъ и свободенъ, глаза бодры и свѣтлы, на щекахъ здоровье ключомъ бьетъ. Актриса ли мимо пройдетъ—улыбнется ему, да и онъ актрисѣ улыбнется; важный человѣкъ встрѣтится—руку ему жметъ, шутитъ съ нимъ, смѣется!..

— Этотъ молодой человѣкъ—князь С***,—говорятъ всѣ кругомъ... Да вѣдь и Иванъ Самофилычъ молодой человѣкъ,

а онъ ужъ и хилъ, и желтъ, и согнутъ, да и актриса ему не улыбается...

Да ужъ что тутъ далеко ходить, въ отвлеченности нускайтесь! Въ одинаковой съ нимъ сферѣ, подлѣ него, всѣ пахлѣбники пользуются хоть какою-нибудь ролью, какии-нибудь значеніемъ, однимъ словомъ, дѣйствуютъ какъ люди взрослые и самостоятельные... Иванъ Макарычъ Пережига, напримѣръ, былъ нѣкогда ширнымъ деревенскимъ жителемъ и затравилъ на своемъ вѣку не одну сотню зайцевъ. Конечно, и зайцы, и деревья—все это было ужъ очень давно; конечно, въ настоящую минуту Иванъ Макарычъ пользовался нѣсколько двусмысленною репутациею насчетъ способъ жизни, да вѣдь въ этомъ виновна ужъ собственная его блудная натура, да при томъ хоть какъ-нибудь, а доставалъ-таки онъ себѣ кусокъ хлѣба. Жилъ тутъ же и Вольфгангъ Антоновичъ Всеобахтеръ, философіи кандидатъ; этотъ служилъ, а въ свободное отъ занятій время игралъ на гитарѣ различныя бравурныя арии. Въместѣ съ нимъ проживалъ еще Алексѣй Звонецкій, чрезвычайно свѣдущій и ученый молодой человекъ; этотъ писалъ стихи, ставилъ фельетонъ въ газету. Наконецъ, рядомъ съ Иваномъ Самойлычемъ обитала Наденька Ручьяна: и она была дѣвица свѣдущая, хотя только по своей части...

Мысль эта давно ужъ воровъ крадась въ сердце Ивана Самойлыча, и вдругъ зависть, глубокая, но безсильная и робкая, закинула въ груди его. Всѣ, рѣшительно всѣ оказывались съ хлѣбомъ, всѣ при мѣстѣ, всѣ увѣрены въ своемъ завтра; одинъ онъ былъ будто лишній на свѣтѣ; никто его не хочетъ, никто въ немъ не нуждается.

— Да что же я въ самомъ дѣлѣ такое?—говорилъ онъ, прогуливаясь мелкимъ шагомъ по комнатѣ.—Отчего же на меня, именно на меня, обрушиваются всѣ несчастія? отчего другіе живутъ, другіе дышатъ, а я и жить, и дышать не смѣю? Какая же моя роль, какое мое назначеніе?..

— Жизнь—лотерея!—началь-было по привычкѣ отцовскій кодексъ житейской мудрости:—смиряться и терпѣ!

— Оно такъ,—подзываетъ, между тѣмъ, какой-то недоброжелательный голосъ:—да почему же она лотерея, почему-жь бы не быть ей просто жизнью?

Иванъ Самойлычъ задумался.

«Вѣдь хоть бы этотъ князь,—думать онъ:—вотъ, онъ и счастливъ, и веселъ... Отчего-жь именно онъ, а не я? Отчего бы не мнѣ уродиться княземъ?»

И мысли все росли и росли и принимали самыя страшныя формы.

— Да что же я, что же я такое?— повторялъ онъ, съ безсильною злобой ломая себѣ руки.— Вѣдь годенъ же я на что-нибудь, есть же гдѣ-нибудь для меня мѣсто! Гдѣ-жъ это мѣсто: гдѣ оно?

Такъ вотъ какаю странная струна задроживала вдругъ въ сердцѣ Ивана Самойлыча, и задроживала такъ назойливо и бойко, что онъ уже и самъ, по обычной своей робости, не радъ былъ, что вызвала ее.

И все предметы вокругъ него смотрѣли какъ-то подозрительно и странно, принимали такую настойчивую, вопрошающую физиономію, какъ будто таячили его за воротникъ, душили за горло и, приставивъ къ его лбу холодное дуло пистолета, ехиднымъ басомъ допрашивали его: отъ-чай же намъ, что же ты въ самомъ дѣлѣ такое?!

Влѣднѣй, испуганный, упалъ онъ на кресло, закрылъ руками лицо и горько заплакалъ...

Въ головѣ его внезапно отчетливо нарисовался деревенскій его домъ, родитель въ вязанной изъ шерсти ормошкѣ, мать, вѣчно болѣющая зубами и съ вѣчно подвязанною щечкою, отецъ-дьяконъ съ дьяконницею, отецъ-іерей съ попадьей... Какъ все тамъ просто, какъ дышитъ все деревенскою, буколическою тишиною, какъ зоветъ все къ отдохновенію и успокоенію!.. И зачѣмъ было оставлять все это? Зачѣмъ было мѣшать извѣстное, полное самими приятныхъ и вкусныхъ ощущенийъ, на неизвѣстное, чреватое горестями, огорченіями и другимъ дразгомъ? Зачѣмъ было соваться съ кротостью и смиреніемъ туда, гдѣ нужны дерзость и упрямое преслѣдованіе цѣли?

А между тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ раздался знакомый Ивану Самойлычу голосокъ, наливавшій извѣстную арію въ «Русалки»:

Прійди въ чертогъ ко мнѣ златой,
Прійди, о, князь мой дорогой!..

Голосокъ былъ небольшой, но необыкновенно мягкій и свѣжій. Господинъ Мичуринъ невольно началъ прислушиваться къ гнѣву и задумался... И думалъ онъ много и сладко думалъ, потому что въ знакомомъ маленькомъ голосѣ было что-то юное, какъ будто дающее крылья его утомленному воображенію.

Страшное дѣйствіе производить на насъ иногда самыя ничтожныя, повидному, явленія! Часто самаго пустого обстоя-

тельства, просто звуковъ какой-нибудь нелѣпой шарманки или голоса разносчика, тоскливо и протязливо вопиющаго: «игрушки дѣтскія, игрушки продать!» достаточно для того, чтобъ разстроить всю умственную систему какого-нибудь важнаго господина, разбить въ прахъ все эти штуки и эпитеты, который на пагубу челоуѣчества въ головѣ его строятся...

Такъ точно было и съ пѣсенкой, вылетавшей изъ сосѣдней комнаты. Пѣсенка была самая простая, лилась-себѣ ровню и безъ претензій, и вдругъ поразила слуховой органъ Ивана Самофлыва, и, сама не зная какъ, совершенно разстроила все его соображенія о смыслѣ и значеніи жизни, о конечныхъ причинахъ, и такъ далѣе. И сталъ — было господинъ Минчулинъ самъ подѣвать и звать къ себѣ дрожжущимъ голосомъ дорогого князя, сталъ бить ногою тактъ и улыбаться и покачивать головой... Но вотъ тихо-тихо замеръ послѣдній звукъ пѣсенки, еще разъ, и ужъ въ послѣдній разъ, стукнула въ тактъ нога Самофлыва, еще разъ ускоренно стукнуло его сердце, и вдругъ ничего не стало слышно, и прежняя темнота ощутилась на ого душу, прежній холодъ охватилъ сердце...

Потому что не онъ, а другой былъ тотъ дорогой князь, котораго звала пѣсенка въ золотые чертоги; потому что ему наотрѣзъ было сказано, «что ужъ чему не быть, такъ ужъ не бывать, и беспокоиться о томъ не извольте»...

Съ горя, чтобъ хоть сколько-нибудь разсѣять печальныя мысли свои, рѣшился онъ отправиться въ общую компанію.

II.

Тамъ, въ облакахъ табачнаго дыма, бесѣдовала вся обычная компанія Шарлоты Ротлибовны.

На первомъ планѣ плотно сидѣлъ Иванъ Макарычъ Пережига. Онъ былъ въ венгерскѣ весьма лихого покроя и въ настоящую минуту курилъ табакъ изъ саженаго черешневого чубука. Исторія господина Пережиги весьма проста. Жилъ онъ нѣкогда въ малороссійской своей деревнѣ, травилъ зайцевъ, и вдругъ — кто его знаетъ! — заигралъ ли онъ, проигрался ли въ пухъ, или просто другія какія-нибудь, независимыя обстоятельства приключились — только въ одно прекрасное утро и зайцы, и деревня какъ-то исчезли, и онъ принужденъ былъ оправиться искать счастья въ Петербургъ. Малый былъ онъ видный, сильный и плотный, не смотри на свои сорокъ лѣтъ, и потому не остался долго

безъ занятія... Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился у Шарлотты Готлибовны, благодарная нѣмка стала какъ-то благопріятнѣе смотрѣть на міръ, чаще улыбалась и несравненно больше послабленій и льготъ оказывала нахлѣбникамъ.

Жизнь Ивана Макарычъ велъ беззаботную и веселую. Вставалъ онъ рано; утромъ ходилъ обыкновенно въ ближайшій трактиръ, вышивалъ рюмку горьчайшей, сыгрывалъ, не переставая, партіи двадцать въ бильярдъ, къ которому съ малолѣтства питалъ весьма нѣжную страсть; иногда онъ давалъ и десять, и пятнадцать впередъ, иногда ему давали впередъ пятнадцать и десять...

Доканавъ такимъ образомъ утро, онъ уходилъ домой обѣдать, а вечеромъ обыкновенно передавалъ слушателямъ эпизоды изъ своего безвозвратно минувшаго благоденствія; рассказывалъ разные любопытные случаи, бывшіе съ нимъ во времена его ожесточенныхъ войнъ противъ волковъ, зайцевъ и другихъ животныхъ, которыхъ онъ называлъ общимъ, но нѣсколько темнымъ именемъ «скотовъ» и «подецовъ».

Изъ этого видно, что жизнь Ивана Макарыча какъ нельзя лучше содѣйствовала его растительнымъ и воспроизводительнымъ силамъ.

Характеръ имѣлъ онъ отъ природы веселый, но не лишennyй легкой сардоническаго оттѣнка. Онъ охотно любилъ подиутить надъ учеными и не пропускалъ никогда случая сказать бѣлокуруму Алексису, который въ наукахъ, что называется, собаку съѣлъ и читалъ-таки на своемъ вѣку и Бруно Бауера и Фейербаха:

— Ну, а что, Винбахеръ-то все на своемъ стоитъ? все говоритъ, что того-то нѣтъ... главнаго-то, наибольшаго-то и нѣтъ? Бестія, бестія этотъ Винбахеръ! Ужъ эти мнѣ нѣмцы!.. Вотъ тутъ они, тутъ у меня сидятъ!

Иванъ Макарычъ ударилъ себя при этомъ ладонью по горлу, желая этимъ выразить, что зарѣзали, дескать, его нѣмцы, и не безъ лукавства посматривалъ на Шарлотту Готлибовну, которая и краснѣла, и улыбалась въ одно и то же время, и съ дѣтски-наивнымъ простодушіемъ отвѣчала:

— О, вы очень любезны кавалиръ, Иванъ Макарычъ! Но при этомъ оставалось покрытымъ непроицаемою тайной, кого именно разумѣлъ господинъ Пережига подъ неблагозвучнымъ именемъ Винбахера—Фейербаха или Бруно Бауера.

По лѣвую сторону отъ Пережиги рисовалась сама хо-

зайка квартиры. Это была длинная, прямая и тощая фигура, как будто бы сейчас проглотившая аршинъ. Движенія благородной нѣмки отличались какою-то особенною апатичностью и дубоватостью, неприятно поражавшею взоръ. Какъ будто всё ея мысли, весь ея организмъ устремился въ одну сторону—къ любезному ея другу, Ивану Макарычу. Она съ нѣмымъ подобострастiemъ смотрѣла ему въ глаза, съ самодовольною улыбкою прислушивалась къ звукамъ его богатырскаго голоса, какъ будто хотѣла всѣмъ и каждому на стѣнѣ зарубить, что это, дескать, все мое; все, что въ тутъ ни видить—принадлежитъ мнѣ, мнѣ безъ раздѣла.

Лицо ея было худощаво и покрыто красными пятнами; глаза маленькіе, выражавшіе какое-то ненастное нахальство; углы губъ опущены и желудокъ выдавался пессоразмѣрно впередъ.

Едва раскрытъ Иванъ Макарычъ ротъ, чтобъ сказать слово, какъ и она, въ свою очередь, сибинила показать рядъ острыхъ и кривыхъ зубовъ, и начинала улыбаться, смотрѣла ему тожно въ глаза и, по окончаніи его рѣчи, гордо окидывала взоромъ все общество.

По всему было видно, что она оставалась совершенно довольна своей судьбою и въ особенности не могла достаточно нахвалиться Пережигою.

Кромѣ хозяйки и Пережиги, въ комнатѣ находились еще два лица: кандидатъ философіи Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ и недоросль изъ дворянъ Алексѣй Звонскій.

Беобахтеръ, маленькій и приземистый, быстрыми, но мелкими шагами ходилъ по комнатѣ, бормоталъ себѣ подъ носъ какія-то заклинанія, и при этомъ безпрестанно дѣлала рукою самое крошечное движеніе сверху внизъ, твердо намѣреваясь изобразить имъ паденіе какой-то фантастической и чудовищно-колоссальной карательной машины.

Алексѣй, вытунутый и сухой, сидѣлъ около стола и, устремивъ влажные глаза въ потолокъ, обрѣтался въ совершенномъ оптимизмѣ. Молодой человекъ размышлялъ въ эту минуту о любви къ человѣчеству и по этому случаю сильно облизывалъ себѣ губы, какъ будто послѣ вкуснаго жирнаго обѣда.

По обыкновенію, дѣло шло о вещахъ, вызывающихъ на размышленіе, и таинственный Беобахтеръ оказывался совершеннымъ подлецомъ.

— Я вамъ говорю, все они врутъ, бестія!—кричалъ Пережига:—ужъ какъ же тутъ безъ «него» обойдешься! Это

въ ихней землѣ—ну, тамъ точно... тамъ оно можно! А у насъ... да вы только сообразите, вы только подумайте!

— О, какъ это правда, о какъ это очень правда!—воскликнула Шарлотта Готлибовна, подобострастно глядя въ самое лицо своему другу и такъ близко наклонившись къ нему, какъ будто хотѣла положить ему въ ротъ длинный и сухой поцѣлуй свой.

Господинъ Бесобахтеръ самымъ мягкимъ теноромъ послѣднимъ объявить, что, несмотря на это, онъ «все-таки надѣется», и тутъ же почелъ за долгъ съ необычайной граціей отмахнуть голову какому-то фантастическому, но, тѣмъ не менѣе, закоренѣлому врагу преобразований,—преобразований таинственныхъ, но уже заранѣе во всей подробности нарисовавшихся въ его воображеніи.

— Вы матеріалистъ, Иванъ Макарычъ!—отозвался Алексисъ:—вы не понимаете, какая сладость заключается въ словѣ «надежда»! Безъ надежды холодно, сухо, безотрадно! Однимъ словомъ, безъ надежды нѣтъ любви—вотъ искреннее убѣжденіе моего сердца!

Надо сказать разъ навсегда, что Алексисъ въ стихахъ своихъ постоянно изображалъ груди, впаханныя страданіемъ, чела, взбороченныя горькою мыслью, и щеки, вскопанные тоскою, но о чемъ были эти «страданіе, горе и тоска»—тайна эта была глубоко скрыта во мракѣ его мозгового вещества.

— Пожалуй-себѣ надѣйся! Вотъ и опъ надѣется,—прервалъ Пережига, указывая на Ивана Самойлыча:—да вѣдь яйцо выведенное развѣ получить!

Всѣ взоры обратились на Мичулина. Онъ стоялъ у печки блѣдный и задумчивый, какъ будто бы самъ глубоко чувствовалъ свое ничтожество. Сначала онъ сталъ-было прислушиваться къ общему разговору, хотѣлъ-было и свое словечко какъ-нибудь вернуть; но разговоръ былъ сухой и ученый, да при томъ же къ нему и не обращался никто, какъ будто всѣ молчаливо соглашались между собой, что для ученаго разговора онъ не годится.

— Ну, что, какъ дѣлишки?—обратился къ нему Иванъ Макарычъ.

Мичулинъ не отвѣчалъ, но еще унылѣе прежняго окинулъ взоромъ компанію.

— Говорилъ я тебѣ, душа ты горькая,—продолжалъ Пережига:—говорилъ тебѣ: побякай въ деревню! ужъ гдѣ тебѣ тутъ! Сирота-сиротой выглядишь, а туда же лѣзешь!

Шарлотта Готлибовна никакъ не упустила случая, чтобы тутъ же не удивиться высокой справедливости замѣчаній своего любезнаго друга, а Beobachterъ все сильнѣе и сильнѣе наливаетъ ручонкою завитое движеніе сверху внизъ.

— А по-моему, вы очень хорошо сдѣлали, что остались здѣсь, — сказалъ онъ, быстро остановившись передъ Мичулинскимъ и пристально смотря ему въ глаза.

Постоявъ съ полминуты, онъ приложилъ палецъ къ губамъ и самымъ вкрадчивымъ тономъ продолжалъ:

— Видь въ наши дни несчастливо страданіе!

— Страданіе есть удѣлъ человѣка на землѣ, — началъ быо Алексисъ: — страдать и любить...

Beobachterъ сдѣлалъ отрицательный жестъ головою, давая тѣмъ знать, что Алексисъ совершенно не въ ту сторону перетолковывалъ слова его.

— Страданіе тѣмъ приятно, — говорилъ онъ такимъ равнодушнымъ тономъ, какъ будто дѣло шло о чрезвычайно вкусномъ обѣдѣ: — тѣмъ приятно, что вотъ, какъ тутъ прихлопнетъ, да тамъ притиснетъ, да въ другомъ мѣстѣ, тогда...

И онъ съ особеннымъ наслажденіемъ напиралъ на слова «прихлопнетъ» и «притиснетъ».

— Нѣтъ, я съ тобой никакъ не могу согласиться, — возразилъ Алексисъ, вовсе не стараясь доискиваться, что будетъ послѣ тапшественнаго «тогда».

Иванъ Самойлычъ рѣшительно не зналъ, къ чьей партіи ему пристать: къ Beobachterу ли, доказывавшему несомнѣнную полезность страданія, къ Алексису ли, тоже прописывавшему страданіе, какъ лѣкарство отъ всего, но по какому-то странному обстоятельству никакъ не соглашавшемуся съ кандидатомъ философіи, или, наконецъ, къ Перелюжнѣ, увѣрявшему по чести, что все это вздоръ, а вотъ, дескать, у него спросите, такъ онъ знаетъ.

— Любовь хорошо, отчего-жъ и не любовь? — говорилъ между тѣмъ Beobachterъ, какъ будто бы обращаясь единственно къ Ивану Самойлычу, а на самомъ дѣлѣ видимо желая уязвить Алексиса: — да любовь послѣ, а прежде-то... Вы меня понимаете? — продолжалъ онъ, еще пристальнѣе смотря въ глаза Ивану Самойлычу.

— Догадываюсь, — отвѣчалъ робко Мичулинскій.

— Отчего же послѣ любовь? — приставалъ Алексисъ. — И теперь любовь, и потому любовь! Замѣть этотъ ригоризмъ! И умолять, какъ будто бы словомъ «ригоризмъ» отъ насъ сквозь проткнулъ своего противника.

Иванъ Самойлычъ, между тѣмъ, собрался съ мыслями и замѣтилъ комбинаціи, что, конечно, можетъ-быть, любовь и страданіе—вещи полезныя и спасительныя, да обстоятельство-то его изъ рукъ вонъ плохи, умъ-то какъ помочь? Страданіе, дескать, хлѣба не даетъ, любовь тоже не кормитъ... Такъ нельзя ли ужъ что-нибудь такое придумать, что бы онъ могъ примѣнить къ дѣлу.

На это Беобахтеръ забормоталъ, что-то объ индивидуализмѣ; говорилъ, что думать о себѣ плохо; что если онъ и погибнетъ, то это ничего не значитъ, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи принесетъ несомнѣнную пользу для будущаго, какъ реактивъ.

— Да, какъ ррреактивъ! — повторилъ онъ, метая изъ прощениныхъ глазъ молнии.

Вообще, кандидатъ философін въ этомъ случаѣ совершенно не попалъ въ личности Ивана Самойлыча; но такъ какъ Алексѣй остался такимъ объясненіемъ совершенно доволенъ, то Беобахтеръ смелъ за нужное тутъ же присо-вокупить, что все-таки любовь *пошла*, а прежде...

— Да что ты ихъ слушаешь!—вступился Иванъ Макарычъ.—Нѣтъ, видно, вы и Бинбахера-то только такъ говорите, что читали! По-моему, ты просто ступай въ деревню, да храни себѣ на боку! Право славное будетъ житье! Такъ, что ли?

Иванъ Самойлычъ робко усѣхнулся; его самого ужъ давно ласкала эта лакомая перспектива.

— А то, братъ, пронадежь, ей-Богу, пронадежь! — продолжалъ Пережига:—или зашьешь съ горя—ужъ я знаю!

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія.

— Оно, конечно, водка,—снова началъ Пережига:—отчего бы и не выпить: и въ глазахъ свѣтлѣе, и на людей веселѣе смотрѣть, да и горя не чувствуешь... Да вѣдь она водка-то, воръ! она познаніе есть зла и добра!

Мичулинъ стоялъ у печки блѣднѣе прежняго; Беобахтеръ искоса поглядывалъ на него, какъ Бертрамъ на Роберта, и весьма затѣйливо улыбался; Алексѣй не слушалъ: онъ закатилъ глаза подъ лобъ и бесѣдовалъ съ человечествомъ.

— Вотъ и у насъ въ трактиръ отставной чиновникъ ходитъ,—продолжалъ Пережига:—весь трясется, такой оборванный да оципаный, и глаза гноятся, и руки дрожатъ; кажется, въ чемъ душа держится, а все пристаётъ: подвеси, дескать, Емелья водочки... Да хоть бы польза какая была, а то отъ водки-то только коробить его да жксть...

Снова минута напряженного молчания.

— А вотъ вѣдь и чиновникъ былъ, въ службѣ служилъ, мундиръ носилъ, да и не Емелей, а Даниломъ Александрычемъ прозывается, а ужъ Емелей-то это такъ постѣ, трактарные прозвали! Да вотъ выгнать былъ изъ казеннаго мѣста, выгнать его хозяинъ за неплатежъ на улицу — ну, онъ съ горя рюмочку, истомъ другую, а тамъ и пошелъ... Познаніе есть зла и добра!

Послѣдовало опять нѣсколько секундъ тягостнаго молчанія.

— А впрочемъ, по мнѣ, какъ знаешь!—продолжалъ Переклига, обращаясь къ Миучилину.—Оно, конечно, коли хочешь, онъ и счастливъ: дали ему водки — онъ и забылъ, что въ разодранныхъ сапогахъ ходить... Право, такъ!

И внезапно, по какому-то непостижимому «сдѣленію» идей, на Переклигу началъ припадокъ сентиментальности, и онъ сталъ восторгаться тѣмъ, что за минуту выставлялъ въ глазахъ Ивана Самойлыча какъ вещь, которой должно всячески остерегаться. Шарлотта Готлибовна тоже круто перемѣнила образъ мыслей и заранѣе глубоко вздохнула.

— Да? же какъ счастливъ-то,—говорилъ Иванъ Макарычъ:—лучше князя всякаго счастливъ! подитка ты, чай, какіе ему сны видятся! не надо ему ни дворцовъ, ни палатъ! Вотъ она, школа жизни-то, вотъ! А то что вы тутъ съ Бинбахеромъ! въ Сибирь его, Бинбахера, на каторгу его!

Долго еще Иванъ Макарычъ не могъ успокоить своего филантропическаго потока, долго сдѣлалъ онъ, покачивая головой и приговаривая: «право, не надобно ему ни дворцовъ, ни бархату; каждая слеза его»...

Наконецъ, все какъ будто бы притихли. Beobachterъ по-прежнему граціозно двигалъ рукою сверху внизъ, но уже скорѣе безсознательно, нежели съ намѣреніемъ; Алексисъ еще болѣе облизывалъ себѣ губы, бесѣдуя съ человѣчествомъ; Иванъ Самойлычъ конфузился и выводилъ кой-какія заключенія изъ видѣннаго и слышаннаго.

Въ это время часы ушло раззвенѣли одиннадцать. Но и часы били на этотъ разъ какъ-то особенно зловѣщно. Ивану Самойлычу показалось, будто каждое бѣненіе часового колокольчика заключало въ себѣ глубокой смыслъ и съ упрекомъ говорило ему: «каждая дуга, которую описываетъ маятникъ, означаетъ канувшую въ вѣчность минуту твоей жизни... Да жизнь-то эту на что ты употребилъ, и что такое все существованіе твое?»

Отчего же прежде никогда не говорилъ ему этого бой

часовъ? отчего прежде окружавшіе его предметы не смотрѣли на него съ такимъ вопросительнымъ, испытующимъ видомъ?

И едва начиналъ онъ въ умѣ своемъ развивать движете руки Beobachтера, какъ въ мозгу его зарождалась другая мысль, совершенно въ pendant къ этому движению— мысль страшная, давно не дававшая ему покоя, и которая была не что иное, какъ известное уже читателю изъ первой главы: «Кто ты таковъ? Какая твоя роль? Жизнь—лотерея» и проч.

И потомъ все это исчезало, и на сцену являлся полуогнившій, дрожащій старикъ и, указывая на водку, говорилъ: «познаніе есть зла и добра».

— Да вѣдь и не Емеля былъ онъ совѣтъ, а, слышь ты, Данила Александрычъ, и служилъ нѣкогда, и молодъ былъ нѣкогда, да вотъ выгнали же его изъ службы — и сталъ онъ Емелей, по милости добрыхъ людей.

Съ ужасомъ и содроганіемъ вспоминалъ Иванъ Самойлычъ этотъ странный анекдотъ; въ головѣ его вдругъ пробѣжала мысль: «а ну, какъ и я Емеля?» да тутъ же и примерзла къ мозгу — до такой степени эта мысль испугала его...

Въ такомъ именно настроеніи духа подошелъ онъ къ своей комнатѣ, какъ вдругъ за соседнею дверью, ведущей въ удивленное жилище дѣвочки Ручкиной, послышался шорохъ. Сердце его забилося; чудная нѣсенка назойливѣе прежняго зазвучала въ ушахъ, и все звала, все звала... дорогого князя...

«Идти, или не идти?»—думать Иванъ Самойлычъ.

А между тѣмъ ужъ стучался.

— Кто тамъ?—раздался за дверью знакомый свѣжесный голосокъ.

— Это я... вы не поживаете, Надежда Николаевна?

— Цѣтъ, не сплю... войдите.

Иванъ Самойлычъ вопселя; передъ нимъ стояло маленькое, уютное существо, но до того живое и вертлявое, что въ одно и то же время видѣлось во всѣхъ углахъ комнаты; существо, розовое и свѣжее, одиенное только большимъ подъ кашемиръ платкомъ, плохо скрывающимъ пріятную нѣжность ея формъ и безирестанно распахивающимся по причинѣ невозможной живости движеній маленькаго существа.

«У, какая нгривал!»—была первая и совершенно есте-

отвенная мысль Ивана Самойлыча, по мысли, подобно молнии, промелькнувшая минутой и скрывшаяся, как въ тучѣ, въ мозговомъ лабиринтѣ своего владыка.

— Что это вы сегодня такъ долго засидѣлись, Иванъ Самойлычъ?—отозвалось, между тѣмъ, маленькое существо, переходя отъ одного комода къ другому, отъ стула къ кровати, подбирая съ полу разныя ниточки, бумажки и все прибирая къ сторонкѣ, чтобы ничего не пропало вгубѣ, потому что впередъ на черный день пригодится.

— Да я такъ-съ... я насчетъ того-съ...—бормоталъ сконфуженный Мичулинъ.

— То-есть, какъ же насчетъ того? Ужъ опять не насчетъ ли прежняго? И-и-и не думайте, Иванъ Самойлычъ!

Мичулинъ молчалъ, хоть внутренне и скорбѣлъ, быть-можетъ, о томъ, что ему даже и думать было запрещено.

— А я въ театрѣ была... сегодня «Уголино» давали... до страсти люблю трагедіи... А вы?

Иванъ Самойлычъ съ любовью смотрѣлъ на Наденьку и какъ будто бы соображалъ, какимъ образомъ это крошечное, совершенно водевильное тѣльце могло до такой степени пристраститься къ трагедіи.

— Господишь Каратыгинъ игралъ... ужъ я плакала-плакала... И какой видный мужчина! Я до смерти люблю плакать...

Господишь Мичулинъ даже хихикнулъ отъ удивленія.

— Такъ вы весело провели вечеръ?—спросилъ онъ, а глаза его, между тѣмъ, все сильнѣе и сильнѣе разгорались.

— Очень весело! Я вамъ говорю, я ужаси какъ плакала... особенно, когда эта душка Вероника...

— Съ вами былъ кто-нибудь?

— Да, кавалеръ... онъ, видите, былъ прежде мой женихъ, когда я еще у родителей жила... сватался за меня... Такой тоже видный изъ себя мужчина, яблокъ намъ купилъ... Да я все плакала, мнѣ не до яблокъ было...

Мичулинъ вздохнулъ.

— Что вы сегодня такіе скучные?—спросила Наденька.

— Да я такъ-съ...—отвѣчалъ онъ, снова заппаясь:—я ничего-съ...

Но Наденька все-таки поняла, въ чемъ дѣло; она тотчасъ же, по свойственной ей подозрительности, догадалась, что все это по тому дѣлу, по прежнему.

— Итъ, пѣтъ, и не думайте, Иванъ Самойлычъ!—сказала она, волнуясь и махая руками.—Никогда, ни въ жизнь

свою не получите!.. Ужь я что сказала, такъ ужь сказала, мое слово свято: и не думайте!

И попрежнему съ невозмутимымъ равнодушиемъ маленькая женщина подбирала съ полу бумажки, перевѣшивала съ одной вѣшалки на другую разныя платья и юбки, безъ всякой, впрочемъ, совершенно надобности, а единственно изъ удовольствования живости и бойкости характера.

— Гм! въ жизни!.. А что такое *жизнь*? — спрашивалъ, между тѣмъ, господинъ Мичулинъ. — Вотъ въ томъ-то и штука, Надежда Николаевна, что такое *жизнь*?.. Не есть ли это обманъ, мечтаніе пустое?

Наденька на минуту перестала суетиться и въ изумленіи остановилась посреди комнаты.

Передъ нею стоялъ все тотъ же ординарный господинъ Мичулинъ, котораго она аккуратно видѣла каждое утро и каждый вечеръ; все такъ же гемороидалентъ былъ цвѣтъ его испещреннаго рябинами лица, только на губахъ едва замѣтно играла не лишняя фдкости и самодовольствія улыбка, какъ будто бы говорила эта улыбка: «а что, задашь я тебѣ, голубушка, затвояду: на-тка, педи, раскуси ес!»

— То-есть, какъ же обманъ?—въ свою очередь, робко и нервничательно спросила Наденька, думая, что Иванъ Самойлычъ потому, *вроптомъ*, заговорилъ объ обманахъ, что самъ намѣренъ употребить въ отношеніи къ ней какое-нибудь злостное ухищреніе.

— Да такъ-съ, обманъ, просто обманъ! Посудите сами: вѣдь если бы я въ самомъ дѣлѣ жила, я бы занимала какое-нибудь мѣсто, играла бы какую-нибудь роль!

Наденька ужь совершенно разувѣрилась и обдумывала, что бы ей такое подыять съ полу.

— Такъ вы думаете, — сказала она съ разстановкою:— что тотъ только и живетъ, кто играетъ какія-нибудь роли?

Иванъ Самойлычъ помялъ, что подъ словомъ «роли» Наденька разумѣла исключительно тѣ, которыя играетъ господинъ Каратыгинъ, и поэтому не нашелся, что отвѣчать.

— Гм!—сказала дѣвица Ручкина.

— Такъ я все вотъ насчетъ этого дѣла,—слова началъ Мичулинъ.

— То-есть, насчетъ чего же, Иванъ Самойлычъ? Если насчетъ того, то будьте совершенно покойны: ужь я что сказала, такъ ужь сказала; а если насчетъ чего другого, извольте, я съ удовольствіемъ.

Иванъ Самойлычъ не отвѣчалъ; сердце его надрывалось; слова замирали на губахъ, и даже что-то похожее на слезу сверкнуло въ глазахъ его... Въ который разъ получалъ онъ этотъ черствый отказъ!

— Оно не то, Надежда Николаевна, — говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ: — все бы еще снести можно! Да вѣдь *другіе!*.. Вѣдь другіе-то пьютъ, другіе вѣдятъ, другіе веселятся! Отчего же другіе?

Дѣйствительно ли несчастье его происходило отъ того, что другіе живутъ, другіе веселят, или просто присутствіе маленькаго существа, къ которому самъ играешь маленькую слабость, еще горѣе дѣлаетъ наше горе — какъ бы то ни было, но герою нашему дѣйствительно сдѣлалось тяжело и обидно.

А между тѣмъ Наденька тоже задумалась; она, конечно, замѣтила эту слезу, но все еще какъ-то думалось ей, что Иванъ Самойлычъ хитритъ, что все это онъ насчетъ того дѣла, насчетъ пражняго, а назначеніе и роль были тутъ только предлогомъ, чтобъ пустить ей пыль въ глаза, и, пользуясь ей ослѣпленіемъ, поставитъ-таки на своемъ.

— Да, оно, конечно, обидно, — сказала она тонко и деликатно, дѣлая видъ, какъ будто не замѣчаетъ, куда клонится рѣчь господина Мичулина: — да знаете ли, Иванъ Самойлычъ, ужъ не пойти ли вамъ спать?

Иванъ Самойлычъ сознался, что дѣйствительно ужъ поздно и что спать пора.

Лежа на одинокой постели своей, долго не могъ заснуть Иванъ Самойлычъ. Все ему чудилось живое, ползенькое личико Наденьки, и свѣтло и роскошно рисовалась и существовала передъ его глазами эта миниатюрная, уютная фигурка, вѣчно хлопочущая, вѣчно бѣгущая... И мерещится ему во мракѣ его комнаты, что вотъ сверкнула ей грудь, вотъ промелькнула около самыхъ его губъ крошечная ножка... и ловитъ онъ ее взглядомъ, и усиливается высмотрѣть въ густой темнотѣ это дорогое, мимолетное видѣніе, но тщетно! Во мглѣ тонетъ взоръ его, во мглѣ, въ глубокой, непроницаемой мглѣ, и не усиливаетъ онъ опомниться, какъ передъ нимъ стоитъ длинный и тонкій вопросъ — вопросъ насмѣшливый и недоброжелательный, составляющій все несчастье и гибель его бѣдной жизни.

И скорѣе закрывалъ онъ глаза, чтобъ не видѣть этого больного, изнеможеннаго вопроса, и началъ думать о томъ, какъ бы бы пріятно, если бы Наденька... О, если бы

Наденька!.. если бы она знала, как бьется сердце бѣднаго Ивана Самойлыча, несчастнаго Ивана Самойлыча, каждый разъ, какъ долетаетъ до него оя маленькій, незатѣйливый голосокъ, поющій маленькую, незатѣйливую пѣсенку!.. Если бы она видѣла, другими глазами видѣла, какъ судорожно и трепетно сжимается это сердце, какъ прислушивается это ухо, какъ притопывается эта нога, какъ преобразается и озаряется внезапнымъ свѣтомъ и теплою все это такъ долго зябнувшее на стужѣ и непогодѣ существо! Если бы она видѣла все это! И какъ смѣла и бойка была его мысль, какое будущее готовилъ онъ ей, этой дорогой, вѣчно незабвенной Наденькѣ! Не то чреватое горестями и лишениями будущее, которое на самомъ дѣлѣ ждало ее, а будущее ровное и спокойное, гдѣ все такъ удобно и ловко слагалось, гдѣ всякое желаніе дѣлалось правомъ, всякая мысль становилась дѣломъ... Если бы знала она!

Но по видамъ, не знала она ничего! Обидна и груба казалась ей привязанность господина Мичулина, и тщетно раскрывалось сердце скромнаго юноши, тщетно втраляло воображенію его: ему предстояла вѣчная и холодная, холодная глыба!

III.

Ужъ мозговое вещество Ивана Самойлыча подернулось пеленою, сначала мягкою и полупрозрачною, потомъ все болѣе и болѣе плотною и мутною; ужъ слуховой его органъ наполнился тѣмъ однообразнымъ и протяжнымъ дрожаніемъ, составляющимъ нѣчто среднее между отдаленнымъ звучаніемъ колокольчика и неостывшимъ жужжаніемъ комара; ужъ мимо глазъ пропосся огромный, неохватимый взоромъ городъ, съ своими тысячами куноловъ, съ своими дворцами и съѣзжими дворами, съ своими шинцами, горделиво врывающимися въ самую облака, съ своею вѣчно шумною, вѣчно хлопочущею и суетящеюся толпою. Но вдругъ городъ смѣнился деревнею съ длиннымъ рядомъ покачнувшихся въ сторону избъ, съ сѣрымъ небомъ, съ брѣвчатой и бревенчатою мостовою... Потомъ всѣ эти образы, сначала опредѣленные и различные, смѣшались: деревня украсилась дворцами, городъ обезобразился почернѣвшими бревенчатыми избами; у храмовъ привольно разрослись реліиинки и крапива; на улицахъ и площадяхъ толпились волки, голыши и бровкадные волки... и пожирали другъ друга.

Но вотъ и городъ исчезъ въ туманѣ, и деревня утонула въ синемъ, неизглядномъ озерѣ, и вошки скрылись далеко-далеко въ густые лѣса фантази Ивана Самойлыча... Но что же вдругъ такъ сладко поразило слухъ его, что защепотало вдругъ, зашесвило бѣдное его сердце? Съ тоскою и трепетомъ вслушивается онъ въ эти вѣчно милые, вѣчно желанныя звуки, съ томленіемъ и грустью вливаетъ въ себя чудную гармонию простенькой пѣсенки, ласкающей слухъ его...

— Наденька, Наденька! — молящимъ голосомъ говорить Иванъ Самойлычъ.

Но гордо и съ обиднымъ презрѣніемъ смотритъ на него, униженнаго и умоляющаго, маленькая женщина. Крошечная ироническая улыбка мелькаетъ на розовыхъ губкахъ; ея миниатюрное негодовалице слегка приподняло ея топкія поздри и окрасило пѣжкимъ пурпуромъ упругія щеки...

— Наденька! — говоритъ онъ, задыхающимся отъ волненія голосомъ: — я не виноватъ, что люблю васъ... Что же мнѣ дѣлать, если это выше силъ монаха!..

И онъ съ трепетомъ ждетъ ея слова: онъ не замѣчаетъ, что возлѣ нея стоитъ другое лицо — лицо, принадлежащее ученому другу ея, блондуруму Алексису; не замѣчаетъ, какъ томно опирается она на руку юности, какіе полные пѣжи и томленія взоры отъ времени до времени обращаетъ къ нему...

Но вотъ и на него взглянула она, но какъ-то сурово и съ недоумѣніемъ. Обиженнымъ тономъ отвѣчаетъ она ему, что удивляется, какимъ образомъ могъ онъ даже подумать сдѣлать ей такое странное предложеніе; что, конечно, онъ человѣкъ неглушій и даже начитанный человѣкъ, но что и она, съ своей стороны, дѣвушка честная, и хотя не дворянка, но не хуже иной дворянки сумѣетъ подать карету не только ему, Ивану Самойлычу, но и всякому другому, даже получше и почише его, кто осмѣлится подѣхать къ ней съ подобнымъ предложеніемъ.

И снова все исчезаетъ въ безразличномъ туманѣ: и блондуру, но нѣсколько апатичное лицо Алексиса, и миниатюрная, вѣчно тревожная фигурка Наденьки, и тоскливо звучить вдали знакомая пѣсенка о дорогомъ князѣ и золотыхъ чертогахъ...

— Что же я въ самомъ дѣлѣ такое? — спрашиваетъ себя господинъ Минчулицъ: — какое мое назначеніе, какая судьба моя?

Толпами собираются около него блѣдные призраки и насмѣшливо кричатъ ему: «охъ, усталъ, усталъ ты, бѣдный человѣкъ! разломилъ тебѣ всю голову!»

Блѣдный, трепещущій падаетъ онъ на колѣни, проситъ пощадить его, объяснить ему это страшное дѣло, не дающее ему ни дня, ни ночью покою, но падаетъ такъ неловко и неожиданно, что блѣдные призраки мгновенно исчезаютъ.

Въ комнатѣ темно; старинная кукушка жалобно прокуковала два раза и замолкла.

«Чортъ знаетъ что за дрянь въ голову дѣзетъ! — подумалъ Иванъ Самойлычъ: — а вотъ еще философы утверждаютъ»...

И онъ было-намѣревался, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія, во слѣдъ узнать, что утверждаютъ философы, какъ вдругъ за тонкою перегородкою, которая одна отдѣляла его постель отъ запертой комнатки, послышались голоса.

Иванъ Самойлычъ началъ прислушиваться.

— Ужъ я вижу, сударь, — щебетала знакомый ему голосъ: — ужъ пожалуйте, не приводите мнѣ своихъ резоновъ, ужъ пожалуйте... Я все, все насквозь вижу...

— Нѣтъ, Паденька! ты ошибаешься, другъ мой, ошибаешься, милый ты человѣкъ! — отвѣчалъ Алекснсь, стараясь придать голосу своему льстивый тонъ.

— Ужъ пожалуйте, въ чемъ другомъ, а въ этомъ не ошибусь... Стыдитесь, сударь!

— Да помилуй же, Паденька! право, я нигдѣ не былъ...

— Я вамъ говорю, что все насквозь вижу, всѣ ваши хитрости вижу, Алексѣй Петровичъ! Ужъ какъ вы тамъ меня ни называйте—образованная ли я, или необразованная—а ужъ я все-таки вижу!

Алекснсь молчалъ.

— Зачѣмъ же притворство и коварство? — продолжала, между тѣмъ, Паденька. — Ужъ скажите мнѣ лучше прямо, что я несчастливѣйшая изъ женщинъ!.. Я дѣвушка прямая, Алексѣй Петровичъ; я честная дѣвушка, Алексѣй Петровичъ, и не люблю ходить вокругъ да около... Ужъ скажите мнѣ просто, что я въ слезахъ должна проводить жизнь!

— Отчего же въ слезахъ, Паденька? — отвѣчалъ лаконически Алекснсь и потомъ прибавить: — Отчего же въ слезахъ, милый, хорошій ты человѣкъ?

И опять все смолкло вокругъ Ивана Самойлыча, но не въ головѣ его: тамъ, напротивъ, началась страшная дѣл-

тельность, начался шумъ и стукотня; мысли бѣгали по ногамъ его первамъ, перебывали другъ у друга дорогу, и вдругъ накопилось ихъ такое множество, что онъ ужъ и самъ не ралъ бытъ, что проснулся и, какъ глупая тварь, поддавая грубому и животненному инстинкту любопытства...

Не услыхъ еще онъ хорошенько сообразить, какъ бы этакъ воспользоваться недоразумѣнiемъ, хитро вырыть ближнему яму, какъ ужъ и дѣйствительно какимъ-то образомъ подкапался подъ Алексиса. Въ судьбѣ его внезапно произошла совершенно и неожиданная перемѣна; въ одно мгновение она онъ сдѣлалась рѣшительно баловнемъ фортуны; онъ ходитъ по Невскому подъ руку съ молодою женой, въ бекешѣ съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ; на лбу красуется глубокой шрамъ, полученный въ битвѣ за отечество, а на фронтѣ—огромная испанская звѣзда съ безчисленнымъ множествомъ угловъ. Онъ хвѣяется прiятною улыбкою и поклономъ съ значительными господами; онъ совершенно доволенъ своею судьбою и безпрестанно вынимаетъ изъ кармана необыкновенно массивный хронометръ, какъ будто бы для того, чтобъ узнать, который часъ, а въ самомъ дѣлѣ для того только, чтобъ показать народу: пусть-де видятъ онъ, какіе на свѣтѣ бываютъ удивительные часы и цѣпочки.

Съ презрѣнiемъ и иронически улыбаясь, смотреть онъ на проходящаго мимо и дрожащаго отъ холода, въ изношенномъ до-нельзя темно-вишневомъ съ перкою пальто, Алексиса, и дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ его. Но Алексисъ издали завидѣвъ знакому ему маленькую фигурку; онъ ужъ снѣхитъ къ ней съ обыкновеннымъ прiвѣтствiемъ: «здравствуй, Наденька, здравствуй, хорошій ты, милый человѣкъ!»—но вдругъ у самыхъ ушей его раздается грозный голосъ: «Милостивый государь, вы забываете...» и Алексисъ, поджавъ хвостъ, удаляется поспѣшными шагами во-своисп.

Но вотъ и четыре бьеть на каланчѣ думы: Иванъ Самойлычъ по привычкѣ уже чувствуетъ въ желудкѣ прiятную тоску.

— Не прикажешь ли, душа моя, зайти въ магазинъ купить чего-нибудь къ обѣду?—говоритъ онъ, обращаясь къ Наденькѣ.

— Отчего же и не зайти!—отвѣчаетъ она съ такимъ философскимъ равнодушиемъ, какъ будто бы дѣйствительно такъ и быть должно.

И въ самомъ дѣлѣ, люди богатые—отчего же и не зайти. Уже съ четверть часа стоятъ они въ великолѣпномъ магазинѣ.

Наденька, какъ существо живое и по преимуществу прожорливое, бѣгаетъ изъ одного угла въ другой, переходитъ отъ винограда къ великолѣпнымъ бонкетъенамъ, отъ превосходныхъ, подернутыхъ легкимъ пухомъ персиковъ къ не менѣе превосходному аканасу, всего отвѣдываетъ, всего откладываетъ въ свой ридикюль... Но все это въ порядкѣ вещей, все такъ и быть должно; одно только нѣсколько страннымъ кажется Ивану Самойлычу: едой и строгій приказчикъ какъ будто подозрительно, какъ будто неподобно смотритъ на всѣ эти заборы. Онъ мысленно поговудетъ на такую неумѣтную недоувѣрчивость; уже рука его протянута, чтобъ разстегнуть великолѣпное пальто и показать погодню-корыстолюбцу многоугольную испанскую звѣзду, какъ вдругъ... Но тутъ его руки опускаются, холодный потъ градомъ капить съ благороднаго чела; онъ блѣднѣетъ, осматривается, шутасть себя... Воже! нѣтъ никакого сомнѣнiя, все это было самообольщенiе: и испанская звѣзда, и пальто съ удивительно толстымъ воротничкомъ, и одутловатая шека, и гордый видъ... все, рѣшительно все исчезло, какъ по волшебному маговейю! Какъ и въ бывалое время, виситъ на немъ, какъ на подлой вѣшалкѣ, его старая и вытертая шинелька, болѣе похожая на канотъ, нежели на шинель; попрежнему желты и изрыты рябинами его щеки; попрежнему согнута его спина и униженъ и скароденъ его видъ.

Щетно толкаетъ онъ исподтишка неосторожную Наденьку, щетно мучитъ онъ мозгъ свой, стараясь выжать изъ него что-нибудь похожее на изобрѣтательность: Паденька, нисколько не конфузясь, услаждаетъ свое нѣбо дарами юга, и, тоже не конфузясь, спитъ мозгъ Ивана Самойлыча, тупо и равнодушно смотря на неимовѣрныя старанiя его выпутаться изъ бѣды и какъ будто посмѣивался надъ собственнымъ своимъ безсилiемъ...

— Десять рубликовъ и семь гривенокъ-съ!—звучитъ ему, между тѣмъ, въ самыя уши страшный голосъ приказчика.

— Серебромъ?—иссечетъ въ отвѣтъ, занкаясь и совершенно растерявшись, Иванъ Самойлычъ.

— Да, серебромъ... неужто вѣдныи?—рѣшительно и вовсе непоосрительно отвѣчаетъ тотъ же самый досадный голосъ.

Мигулинъ конфузится еще пуще.

— Тааъ-съ, серебромъ-съ... — говоритъ онъ, блѣднѣя и, между тѣмъ опущивая карманы, какъ будто отыскивая бывшія въ нихъ, неизвѣстно куда завалившіяся деньги.— Отчего же-съ, и съ удовольствіемъ... и человекъ достаточный... Скажите, пожалуйста, а я и не замѣтилъ.. Представьте себѣ, мой милый, я и не замѣтилъ, что у меня въ карманѣ дыра, и какая большая—скажите!..

Но приказчикъ только покачиваетъ головой.

— А вѣдь можете себѣ представить,—продолжаетъ Иванъ Самойлычъ тономъ соболѣзнованія:—и пальто совсѣмъ копенъское, только что съ голочки! Ужасно какъ непрочны шьютъ эти портныи! Да и не удивительно! Французы, я вамъ скажу, французы! Ну, а французъ, извѣстно, вѣтромъ подбитъ! ужъ это надія такая... Не то что нашъ братъ русский: тотъ ужъ за что примется, такъ все на славу сдѣлаетъ—нѣтъ, далеко не то!.. Скажите, пожалуйста, и данно вы торгъ ведете?

— Торгъ-то мы ведемъ давно,—отвѣчаетъ угрюмый приказчикъ:—а деньги вы все-таки отдайте!..

— Ахъ, Боже мой! право, какой скверный народъ эти французы! право, только что съ иглочки! О, премощеніи эти портныи!

— Видно, братъ, мощеніи-то ты!—неумолимо и рѣзко отвѣчаетъ угрюмый приказчикъ:—знаемъ мы васъ! у васъ у всѣхъ карманы-то съ дырками, какъ къ расплатѣ приходится! Иванъ Терентьичъ! а сходи-ко, братъ, за Федосѣемъ Лукьянычемъ! Онъ, кажется, тутъ поблизости!

Услышавъ знакомое ему имя Федосѣя Лукьяныча, Иванъ Самойлычъ совершенно уталь духомъ. Со слезами на глазахъ и униженно кланяясь, показываясь онъ сѣдому приказчику дырявые карманы своего пальто, тщетно доказывая, что не виноватъ же онъ, что за минуту передъ тѣмъ имѣлъ и бровиный воротникъ, и испанскую звѣзду, и одутловатая щеки, и что все это, по ухищреніямъ одной злобной волшебницы, которая давно ужъ денно и поцно его преслѣдуетъ, вдругъ пропало, и остался онъ дришь-дринью, что называется, голъ какъ соколъ, пушистъ какъ лягушка.

— Мамону-то послужить угвѣны!—говоритъ ему безстрастный голосъ сѣдого приказчика:—тебѣ-то поклонившись, чреву угрождаешь! А что въ священномъ Писаніи сказано, забывъ? Грѣхъ, братъ, тебѣ! стыдно, любезный!

— Послужилъ, почтеннѣйшій, попуталъ лукавый, точно,

попуталь!—отвѣчаетъ жалобнымъ голосомъ Иванъ Самойлычъ.—Да вѣдь это въ первый разъ; вѣдь другіе ѣдятъ же...

— Да другіе-то почище! Мало ли что дѣлаютъ другіе! У другихъ въ карманахъ-то не дырья!

И сѣдой приказчикъ строго покачиваетъ головой, приговаривая:

— Ишь, съ чѣмъ подѣхалъ, апаосемскій сыгъ! ишь ты; и испанская звѣзда у него была! Знаемъ, братъ, вастъ, знаемъ, чревоугодники, идолопоклонники!

А между тѣмъ Мичулинъ робко поглядываетъ на Иаденьку. Дерзко и съ презрѣніемъ глядитъ она на него, какъ будто хочетъ окончателно доканать и уничтожить несчастнаго.

— Такъ вы вотъ какъ, Иванъ Самойлычъ! — говоритъ она ему, быстро размахивая руками. — Такъ вы изволите на хитростяхъ! вы хотѣли воспользоваться моею къ вамъ откровенностью! Ужъ сдѣлайте одолженіе, я все понимаю! Можетъ-быть, я и не образованная, и не читала книгъ... Ужъ, пожалуйста, не отиравитесь: я все вижу, все понимаю, очень хорошо понимаю... все ваши коварства... Сдѣлайте одолженіе!

— Да что же я въ самомъ дѣлѣ такое? — бормочетъ, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ, очень кстатк вспомянувъ, что затрудненіе именно въ томъ и состоитъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ себѣ опредѣлить, что онъ такое:— да чѣмъ же я хуже другихъ!

— Извѣстно чѣмъ!—лаконически отвѣчаетъ сѣдой приказчикъ: —извѣстно чѣмъ! У другихъ-то въ карманахъ-то нѣтъ дырвѣвъ.

— Другіе ѣдятъ, другіе пьютъ... да и-то что-жъ?

— Извѣстно что!—звучитъ тотъ же самый жесткій голосъ:—можете смотрѣть, какъ другіе кушаютъ!—но такъ иронически звучитъ, какъ будто бы хочетъ сказать педоумѣвающиму Мичулину:—фу, какой же ты, право, глупый, не можешь никакъ понять самой пустой и обыкновенной вещи!

Иванъ Самойлычъ ужъ-было и смекнулъ, въ чѣмъ дѣло, и началъ-было углубляться въ подробное разсмотрѣніе отвѣта приказчика, какъ вдругъ слухъ его поражаетъ другой, еще страшнѣйшій голосъ—голосъ Федосѣя Лукьяныча.

Важно и не мигнувши, слушаетъ Федосѣй Лукьянычъ жалобу стараго приказчика о томъ, что вотъ, дескать, такіе-то мошенники и ирѣдальы перерыли всю лавку, паѣли на десять рубликовъ и семь гривенокъ, и теперь показываютъ только карманы съ дырками...

— Гм!—мгичитъ Федосѣй Лукьянычъ, оттопыривъ губы и обращаясь всѣмъ корпусомъ къ Мичулину:— ты?

— Да я, того,—бормочетъ Иванъ Самойлычъ: я шелъ и усталъ... освѣжиться захотѣлось... Вотъ я и зашелъ!

— Гм! ты не оправдывайся, а отвѣчай!—основательно возражаетъ Федосѣй Лукьянычъ, окидывая взоромъ всѣхъ присутствующихъ, вѣроятно, для того, чтобъ удостовѣриться, какой эффектъ производитъ на нихъ его соломоновъ судъ.

— За дѣло ему, за дѣло!—кричитъ съ своей стороны Наденька.—осрамить меня хотѣтъ!.. Ужь, пожалуйте, подалѣе съ своими резонами! Я очень хорошо все знаю и вижу!

— Фамилія?—отрывисто вопрошаетъ суровый голосъ Федосѣя Лукьяныча, снова обращаясь къ нашему герою.

— Мичулинъ,—отвѣчаетъ Иванъ Самойлычъ, но такъ робко, какъ будто бы и самъ не увѣренъ, точно ли это такъ, и не есть ли это такое же созданіе блуднаго его воображенія, какъ и теплое пальто, испанская звѣзда, одуловатая щека и проч.

— Имя?—снова вопрошаетъ Федосѣй Лукьянычъ, весьма, впрочемъ, довольный, что произвелъ робость и страхъ на истязуемомъ субъектѣ.

— Иванъ Самойловъ,—еще тише и робче отвѣчаетъ герой нашъ.

— Эй, любезный, взять его!

Последнія слова, очевидно, относились къ одному рослому мужику, какъ-то случайно тутъ же прогуливавшемуся.

И вотъ уже берутъ Ивана Самойлыча подъ руки, вотъ открываются передъ нимъ двери ада...

— Пощадите! баюшки, пощадите!—кричитъ онъ, задыхаясь отъ трепета.

— Да что это, съ ума, что ли, вы сошли Иванъ Самойлычъ?—раздается вдругъ у самаго его уха знакомый голосъ.—Совсѣмъ спать не дасте добрымъ людямъ! Вѣдь я очень хорошо понимаю, къ чему все это клонится, да ужь не бывать этому! Сказано, такъ ужь сказано, и напрасно вы беспокоитесь и изъ себя выходите!

Иванъ Самойлычъ открылъ глаза: передъ нимъ, въ заманчивомъ пегляже, стояла миловидная Наденька, та самая Наденька, которая и проч.

IV.

— А, это ты, Наденька! — бормочетъ сквозь сонъ Иванъ Самойлычъ: — что-жъ это ты не спишь, душевн-

ка? А можешь себя представить, мнѣ привидѣлось, будто Ое-до...

Наденька покачала головкой и ушла.

А между тѣмъ Лета, эта услужливая рѣка, снова зали-ваетъ волнами своими воображеніе господина Мичулина, снова начинается она шумѣть въ ухахъ его, снова бѣс-нуется и выходитъ изъ береговъ своихъ.

И вдругъ онъ опять очутился на улицѣ; но на немъ уже не прежнее щеголеватое пальто, а обыкновенная истертая его шинелька; не благовидна и не горда его осанка, какъ будто скоробился, сморщился онъ весь, какъ будто всѣ члены ему свело отъ холода и голода...

Но заглядываетъ онъ въ окна кондитерскихъ, булочныхъ и фруктовыхъ лавокъ. Сколько соблазновъ лежитъ передъ нимъ въ красиво и симметрически расположенныхъ куч-кахъ и заверто подъ замкомъ! И все это заверто, все подъ ключомъ! На все это *можете глядеть!* какъ выразился недавно съ убійственнымъ хладнокровіемъ строгій при-казчикъ...

А дома ждетъ его зрѣлище, полное жгучаго, неперено-симаго отчаянія. Въ холодной комнатѣ, въ изорванномъ платѣ, на изломанномъ стулѣ, сидитъ его жена; около нея, блѣдный, истомленный, стоитъ его сынъ... И все это про-сить хлѣба, но такъ тоскливо, такъ назойливо просятъ...

— Папа, я вѣтъ хочу, — стонетъ ребенокъ: — дай хлѣба!..

— Потерпи, дружокъ, — говоритъ мать: — потерпи до завтра, — завтра будетъ! Шинче на рынокъ все голодные волки поѣли! много волковъ, много волковъ, душенька!

Но какъ говорить она это! Твой ли это голодъ, милая маленькая Надя? тотъ ли это мелодическій, сладкій голо-сокъ, расплывавшій-себѣ беззаботно нехитрую пѣсенку, зван-шій князя въ золотые чертоги? Гдѣ твой князь, Надя? Гдѣ твои золотые чертоги? Отчего твой голосокъ сдѣлался же-стокъ, отчего въ немъ пробивается какая-то фдкала, несвой-ственная ему желчь? Надя! что сдѣлалось, что случилось съ тобой, граціозное созданіе? гдѣ веселый румянецъ твой? гдѣ беззаботный твой смѣхъ? гдѣ хлопотливость твоя? гдѣ твоя паньная подозрительность? гдѣ ты, прежняя, ненаглядная, миленькая Наденька?

Отчего глаза твои впади? отчего грудь твоя высохла? отчего въ голосѣ твоемъ дрожитъ тайная злоба? отчего сынъ твой не вѣрнѣ твоимъ словамъ... отчего это?

— Да вѣдь и вчера говорили мнѣ, — отвѣчаетъ ребе-

нось:—что все голодные волки поели; да вонь другія же дѣти сыты, другія дѣти играютъ... я ѣсть хочу, мама!

— Это дѣти голодныхъ волковъ играютъ, это они сыты!— отвѣчаешь ты, поникнувъ головою и не зная, какъ увернуться отъ вопроса ребенка.

Но напрасно стараешься ты, напрасно хочешь успокоить его: онъ не вѣрять тебѣ, потому что ему хлѣба, а не словъ надобно.

— Ахъ, отчего же я не сынъ голоднаго волка! — стонетъ дитя:—мама, пусти меня къ волкамъ... я ѣсть хочу!

И ты молчишь, подавленная и уничтоженная! Ты вдвойнѣ несчастна Надя! Ты сама голодна и подаѣ тебя стонетъ еще другое существо, стонетъ сынъ твой, плоть отъ плоти твоей, кость отъ костей твоихъ, который тоже проситъ хлѣба.

Бѣдная Наденька! что же не идетъ онъ, что не спѣшитъ онъ на помощь къ тебѣ, этотъ давно желанный, дорогой князь твоего воображенія? что не зоветъ онъ тебя въ зомой чертогъ свой?

Съ томленіемъ и непереносною тоскою смотритъ Иванъ Самойлычъ на эту сцену, и тоже утѣряетъ маленькаго Сашу, что завтра все будетъ, что сегодня все голодные волки поели. Что ему дѣлать? какъ помочь?...

И ты тоже знаешь, бѣдная Наденька, что пѣчьмакъ ему помочь; ты понимаешь, что онъ ни на колосъ не виновать во всемъ этомъ; но ты голодна, подлѣ тебя стонетъ любимое дитя твое, и ты упрекаешь мужа, ты дѣлаешься несправедливою...

— Зачѣмъ же вы женились?—говоришь ты ему жесткимъ и оскорбительнымъ голосомъ:—зачѣмъ же вы связали себя другими, когда и себѣ не въ состояніи добыть кусокъ хлѣба? Безъ васъ я была счастлива, безъ васъ я была беззаботна... я была сыта... Стыдно!

Въ свою очередь подавленный и уничтоженный, стонетъ Иванъ Самойлычъ. Онъ чувствуетъ, что въ словахъ Нади страшная правда, что онъ *долженъ былъ* подумать, и много подумать о томъ, прилично ли бѣдному человѣку любовь подить, достаточно ли будетъ на троихъ его скуднаго куска... И неутомимо, неутомимо преслѣдуетъ его это страшное «стыдно!»

А между тѣмъ въ комнатѣ все холоднѣе и холоднѣе; на дворѣ дѣлается темно; ребенокъ все такъ же стонетъ, все такъ же жалобно проситъ хлѣба! Боже! да чѣмъ же все

это кончится? куда же поведетъ это? Хоть бы поскорѣе пришелъ завтрашній день! А завтра чтò?..

Но ребенокъ ужь не стонетъ; онъ тихо склонился головкой къ груди матери, но все еще дышитъ!..

— Тихе! — едва слышно говоритъ Наденька: — тихе! Сама услытъ!..

Но чтò же за мысль гнѣздится въ головкѣ твоей, Наденька? Зачѣмъ же ты улыбаешься, зачѣмъ въ этой улыбкѣ вдругъ сверкнуло отчаянiе и злобная покорность судьбѣ? Зачѣмъ ты бережно сажаешь ребенка на стулъ и, не говоря ни слова, отворяешь дверь бѣдной комнаты?

— Наденька, Наденька, куда ты идешь! Чтò хочешь ты дѣлать?

Ты сходишь нѣсколько ступеней и останавливаешься... ты колеблешься, милос дитя! Въ тебѣ вдругъ забилось это маленькое, доброе сердце, забилось быстро и неровно... Но время летитъ... тамъ, въ холодной комнатѣ, въ отчаянiи ломаетъ руки голодный мужъ твой, тамъ умираетъ твой сынъ! И ты не колеблешься, въ отчаянiи ты махнула рукой; ты не сходишь — обжишь внизъ по лѣстницѣ... ты въ бѣль-этажѣ... ты дернула за звонокъ... Страшно, страшно за тебя, Мадя!

А онъ ужь ждетъ тебя, дряхлый, безсильный волокита; онъ знаетъ, что ты придешь, что ты *должна* придти, и самодовольно потираетъ себѣ руки, и самодовольно улыбается, поглядывая на часы... О, онъ въ подробности изучилъ натуру человека и смѣло можетъ рассчитывать на голодь!

— Я рѣшилась! — говоришь ты ему, и голосъ твой спокоснь...

Да, спокоентъ, не дрогнулъ твой голосъ, а все-таки спокоействiе-то его какъ будто мертвое, могильное...

И старикъ улыбается, глядя на тебя; онъ ласково треплетъ тебя по щекѣ и дрожащею рукой привлекаетъ къ дряхлой груди своей юный сталъ твой...

— Да какъ же ты блѣдна, душенька! — говоритъ онъ ласково: — видно, тебѣ очень кушать хочется...

Э! да онъ просто шутильк! онъ првеселый малый, этотъ маленькiй старичокъ, охотникъ до миленькихъ, молоденькихъ женщинъ!

— Да, я хочу ѣсть! — отвѣчаешь ты. — Миѣ пужно денегъ.

И ты протягиваешь руку... Стало-быть, ты еще хороша, несмотря на твое страданiе; стало-быть, есть еще въ тебѣ,

посмотря на штепуню и нищету твою, ничто зовущее, возбуждающее застывшие силы шутливого старика, потому что онъ не считая, кладезь тебѣ въ руку деньги; онъ не торгуется, хотя и знаетъ, что можетъ купить тебя за самую ничтожную плату...

— Тише!—говоришь ты мужу и сыну, бросая на столъ пулянный ужинъ, а сама садишься въ уголь.

— Это жадные волки дали, мама?—спрашиваетъ тебя ребенокъ, съ жадностью поглощая ужинъ.

— Да, это волкъ прислалъ,—отвѣчаешь ты разсѣянно и задумчиво.

— Мама! когда же убьютъ голодныхъ волковъ?—снова спрашиваетъ ребенокъ.

— Скоро, дружокъ, скоро...

— Всѣхъ убьютъ, мама, ни одного не останется?

— Всѣхъ, душенька, всѣхъ до одного, ни одного не останется...

— И мы будемъ сыты? у насъ будетъ ужинъ?

— Да, скоро мы будемъ сыты, скоро намъ будетъ весело... очень весело, другъ мой!

А между тѣмъ Иванъ Самойлычъ молчитъ, потупивъ голову, съ тайными, но неотступно гложущимъ угрызениемъ въ сердцѣ, вѣтъ онъ свою долю ужина, и не осмѣливается взглянуть на тебя, боясь увидѣть во взорѣ твоемъ безвозвратное осужденіе свое.

Но онъ вѣтъ, потому что и его мучить голодь, потому что и онъ человекъ.

Но онъ думаетъ, горько думаетъ, бѣдный мужъ твой! Страшная мысль жжетъ его мозгъ, неотступное горе сосетъ его грудь! Онъ думаетъ: «сегодня мы сыты, сегодня у насъ есть кусокъ хлѣба, а завтра? а потомъ?..» вотъ о чемъ думаетъ онъ! Вѣдь и завтра ты будешь *должна*... а тамъ опять...

Вотъ эта страшная, гложущая мысль! Наденька, Наденька! правда ли, что ты будешь *должна*?..

Ивану Самойлычу дѣлается душно; глухое рыданіе заливааетъ грудь его; голова его горитъ, глаза открыты и неподвижно устремлены на Наденьку...

— Наденька! Наденька!—стонетъ онъ, собравъ послѣднія силы.

— Да что-жъ это, въ самомъ дѣлѣ, за срамъ такой!—слышится ему знакомый голосъ.—Здѣсь я, здѣсь, сударь! что вамъ угодно? что вы кричите? Цѣлую ночь глазъ со-

мкнуть не давали! Вы думаете, что я не понимаю, вы думаете, что я не вижу... Крѣпостная я ваша, что ли, что вы на меня так грозно смотрите?

Иванъ Самойлычъ открылъ глаза; въ комнатѣ было свѣтло; у кровати его стояла Наденька въ совершеннѣйшемъ утреннемъ дезабилье.

— Такъ это... быть солнцѣ!—сказалъ онъ, едва очнувшись.—Такъ ты, того... не ходила къ старику, Наденька?

Дѣвица Ручкина взглянула на него въ недоумѣніи. Но вскорѣ все сдѣлалось для нее яснѣе, какъ на ладони; ее вдругъ обѣдила свѣтлая мысль, что все это не широта и что старикъ-то именно не кто иной, какъ самъ Иванъ Самойлычъ, но ужь если она разъ сказала: не бывать!—такъ уже и не бывать тому, какъ ни хитри и не изворачивайся волокита.

— Нѣтъ, чортъ возьми! должно же это кончиться!—сказалъ про себя Иванъ Самойлычъ, когда Наденька вышла изъ комнаты:—вѣдь этакъ просто ни за грѣхъ пропадешь!

Господинъ Мичулинъ взглянулъ въ зеркало и нашелъ въ себѣ большую перемѣну. Щеки его опали и пожелтели; ноще прежняго, лицо осунулось, глаза сдѣлались мутны; весь онъ сгорбился и изогнулся, какъ олицетворенный вопросительный знакъ.

А между тѣмъ нужно идти, нужно просить, потому что, дѣйствительно, пожалуй, ни за грѣхъ пропадешь...

Да полно, идти ли, просить ли?

Сколько времени ходилъ ты, сколько разъ просилъ и кланялся—выслушала ли кто тебя? Ой, хватъ бы тебѣ въ деревню къ отцу въ колпакъ, къ матери съ обязанной щеккой!..

Но, съ другой стороны, тутъ же рядомъ возникаетъ вопросъ, требующій безотлагательнаго объясненія.

«Что же ты такое?—говорить этотъ навязчивый вопросъ:—неужели для того только и созданъ ты, чтобъ видѣть передъ собой глухой колпакъ, глухую щеку, солить грибы и пробовать домашнія наливки?»

И среди всего этого хаоса противорѣчащихъ мыслей внезапно возстаетъ въ воображеніи Ивана Самойлыча образъ злосчастнаго Емелья... Этотъ образъ такъ ясно и отчетливо рисуется передъ глазами его, какъ будто дѣйствительно стоитъ передъ нимъ согнутый и трисушійся старикъ, и можетъ онъ его оцунать и осязать руками. Все туловище

Емели какъ будто разлѣзается въ разныя стороны, всѣ члены будто развинчены и вывихнуты; въ глазахъ слезы плывутъ и голова трясется...

Жалобно протягиваетъ онъ изнеможенную руку, дрожащимъ голосомъ выманиваетъ хоть десять копеечекъ и потомъ указываетъ на штофъ съ водкой и приговариваетъ: «спознаніе есть зло и добро!»

Иванъ Самофлячъ стоитъ какъ въ чадѣ; онъ хочетъ освободиться отъ страшнаго кошмара и не можетъ...

Фигура Емели преслѣдуетъ его, давитъ ему грудь, стѣсняетъ ему дыханіе... Наконецъ, онъ дѣлаетъ надъ собою сверхъестественное усиліе, хватаетъ шляпу и опростомышъ бѣжитъ изъ комнаты.

Но на порогѣ его останавливаетъ Беобахтеръ.

— Вы поняли, чтѣ я говорить вамъ вчера? — спрашиваетъ онъ съ таинственнымъ видомъ.

— То-есть... догадываюсь, — отвѣчаетъ Иванъ Самофлячъ, совершенно смущенный.

— Разумѣется, это были только нѣкоторые намеки, — снова начинаетъ кандидатъ философіи: — вѣдь это дѣло сложное, очень сложное, всего и не перескажемъ!

— Минутое молчаніе.

— Вотъ, возьмите это, — прерываетъ Беобахтеръ, подавая Мичулину крохотную книжонку, изъ тѣхъ, которыя въ Парижѣ, какъ грибы въ дождливое лѣто, нарождаются тысячами и продаются чуть ли не по одному сантиму.

Иванъ Самофлячъ въ недоуздѣніи беретъ книжку, рѣшительно не зная, чтѣ съ нею дѣлать.

— Прочтите, — говоритъ Беобахтеръ торжественно, но все-таки изъвычайно мягко и вкрадчиво: — прочтите и увидите... тутъ все!.. Понимаете?

Съ этими словами онъ удаляется, оставивъ господина Мичулина въ совершенномъ изумленіи.

V.

Погода на дворѣ стояла сырая и мутная; какъ и наканунѣ, сыпалось съ облаковъ какое-то невѣстное вещество; какъ и тогда, мѣняли по улицамъ грязь ноги усталыхъ пѣшеходовъ; какъ и тогда, ѣхалъ въ каретѣ закутанный въ шубу господинъ съ одутловатыми щеками, и ѣхалъ въ калашахъ другой господинъ, которому насвистывалъ въ-догошку вѣтеръ: «озибъ, озибъ, ози-я-лѣтъ, бѣдненькій человѣкъ!» Словомъ, все попрежнему, съ тѣмъ не-

значительнымъ прибавленіемъ, что всю эту неблаговидную картину обливаетъ какой-то блѣдный, мутный свѣтъ.

Навстрѣчу Ивану Самойлычу вѣхала очень удобная и покойная карета, придуманная въ пользу блѣдныхъ людей, въ которой, какъ извѣстно, за гривенникъ можно полъ-Петербурга обѣхать.

Иванъ Самойлычъ свѣтъ. Въ другое время, «при семъ удобномъ случаѣ», онъ подумалъ бы, можетъ-быть, о промышленномъ направленіи вѣка, и выразился бы одобрительно насчетъ этого обстоятельства, но въ настоящую минуту голова его была полна самыхъ странныхъ и черныхъ мыслей.

Поэтому кондукторъ не получалъ отъ него ни улыбки, ни поощренія—ничего, чѣмъ такъ щедро любятъ надѣять нано охотники до чужихъ дѣлъ.

А между тѣмъ въ карету набираются другіе господа; сперва вошла какая-то скромная дѣвушка, потупивъ глазки; вслѣдъ за нею впрыгнулъ блѣлокурый студентъ весьма пріятной наружности и свѣтъ прямо противъ нея.

— Здравія желаемъ-съ!—сказалъ блѣлокурый студентъ, обратясь къ дѣвушкѣ.

Но дѣвушка не отвѣчаетъ, а, посмотрѣвъ неподобья на юношу, подноситъ ко рту платокъ и отворачиваетъ къ окну свое личико, изрѣдка испуская изъ-подъ платка скромное «ги-ги-ги!»

— Наше почтеніе-съ!—началъ снова студентъ, обращаясь къ веселой дѣвушкѣ.

Но отвѣта и на этотъ разъ не послѣдовало; только скромное «ги-ги-ги!» выразилось какъ-то рѣзче и смѣлѣе.

— А что вы скажете насчетъ этого нововведенія?—ласково спросилъ Иванъ Самойлыча очень опрятно одѣтый господинъ съ портфелемъ подъ мышкою.

Господинъ Мичулинъ махнулъ головой въ знакъ согласія.

— Не правда ли, какъ дешево и экономически?—снова и еще ласковѣе обратился портфель, въ особенности пѣжно, хотя и безъ энергіи, наирая на слово: «экономически».

— Да-съ, выгодная спекуляція, — отвѣчалъ Иванъ Самойлычъ, уснащаясь, въ свою очередь, поощрительно улыbnуться.

— О, очень выгодно, очень экономически!—отозвался въ другомъ углу господинъ съ надвинутыми бровями и мыслящей фізіономіей.—Ваше замѣчаніе совершенно справедливо, ваше замѣчаніе выхвачено изъ натуры!

— Впрочемъ, это смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на предметъ, — глубокомысленно замѣтилъ господинъ съ огромными черными усами, и тутъ же физиономія его приняла такой таинственный видъ, какъ будто спѣшила сказать всякому: знаемъ мы, видали мы!.

— Батюшки, пустите! Да отворяй же, лакей! Батюшки! Вспотѣлъ, измучился!.. Ну, ужъ городъ! Экъ его угораадила!

Разговоръ, принимавшій нѣсколько назидательное направленіе, вдругъ прервался, и взоры всѣхъ пассажировъ обратились на толстаго господина, въ какой-то странной, лилового цвѣта, венгерскъ, который, пыхтя и крихтя, влѣзъ бокомъ въ карету.

— Ну, ужъ городъ!—говорила венгерка:—истинно вамъ скажу, Божеское наказаніе! Я, извольте видѣть, здѣсь по своему дѣлу—такъ повѣрите ли, просто, то-есть, измучили проклятые! Душу тянуть, вздохнуть не даютъ! И все этакъ въ бѣлыхъ перчаткахъ: на красную, поддець, и смотрѣть не хотятъ—за кого, дескать, вы насъ принимаете, да правосудіе у насъ не продажное! А вотъ какъ сто рублей!.. Эка бестія, эка бестія! Повѣрите ли, даже вспотѣлъ весь!

И венгерка слова начала крихтѣть и пыхтѣть, со всѣхъ сторонъ обмахиваясь платкомъ, что возбуждало немалую веселость въ скромной дѣвушкѣ, и чуть слышныя «ги-ги-ги!» снова начали вылетать изъ-подъ платка, закрывавшаго ротъ ея.

— То-есть, что же вы разумѣете подъ точкой зрѣнія?—прервалъ портфель, котораго, видимо, конфузиль сапфасонъ лиловой венгерки.—Если вы хотите сказать то, что французы такъ удачно называютъ: познь де вю, кудель!..

— Знаемъ мы! Пожили мы! И французовъ видали, да и нѣмцевъ тоже!—отвѣчали усы, и потомъ, наклонясь съ таинственнымъ видомъ и оглядываясь во всѣ стороны, прошептали въ полголоса:

— Что-то скажутъ объ этомъ извозчики!.. Вотъ что!

Присутствующіе вздрогнули; дѣйствительно, никому изъ нихъ до тѣхъ поръ и въ голову не приходило, что-то скажутъ о томъ извозчикъ, а теперь около нихъ, и сзади, и спереди, и по бокамъ, вдругъ заговорили тысячи извозничьихъ голосовъ, кивали тысячи извозничьихъ головъ, весь міръ покрылся сплошною массою воображаемыхъ извозчиковъ, тамъ и слѣгъ прерываемою... опустѣлыми извозничьими колодами.

— Да; если имѣть такого рода консидацію,—прошептавъ портфель.

— Да ужъ что тутъ! — говорили, между тѣмъ, усы еще таинственно и ударяя себя при этомъ кулаками въ грудь: — ужъ я знаю, ужъ вы *меня* спросите! Мнѣ это дѣло, какъ своя ладонь, извѣстно!

И усы, дѣйствительно, показали не мелкаго разбора голую ладонь и, еще болѣе наклонившись и предварительно оглянувшись на всѣ стороны, ихъ полтолоса приговаривали:

— Ужъ мнѣ это дѣло болѣе извѣстно... я служу *тамъ*...

— Такъ вы тоже *бюрократъ*? — спросилъ портфель, оправившись отъ перваго ошеломленія и какъ въ каменную стѣну упираясь въ слово: «бюрократъ».

— Да вѣдь это опять-таки съ какой точки зрѣнія посмотрѣть на предметъ! — лаконически отвѣчали усы.

— А я вамъ скажу, господа, что все это вздоръ! Совершенно вздоръ! — загремѣла венгерка.

Но сосѣдству чуть слышно раздалось знакомое «ги-ги-ги!» веселой дѣвушки.

— Истинно такъ! — продолжала гремѣть венгерка: — истинно такъ! Что это за народъ, хоть бы извозчики? — дрянь, осмѣлюсь вамъ доложить, просто слякоть!.. Вотъ кабы вы у насъ, въ нашей сторонѣ, побывали — вотъ народы! Тотъ такъ ужъ, дѣйствительно, усахаритъ! Вотъ природа, такъ природа! Это ужъ, истинно вамъ говорю, смотрѣть въ свое удовольствіе можно! А то что это за народъ у васъ, взглянуть не на что! Просто — дрянь, слякоть!

И венгерка тоскливо покачивала головою.

— Да; это если смотрѣть на предметъ съ одной точки, — сказалъ, между тѣмъ, портфель, улыбаясь и не обращая вниманія на нессимистское возраженіе венгерки: — но если взглянуть на дѣло, напримѣръ, со стороны эманципации животныхъ...

Усы жалобно замычали.

— Да вѣдь это все пуфъ: — сказали они: — это все французы привезли! Извозчики — вотъ главное дѣло! Извозчики — вотъ корень причины! Извозчики, извозчики, извозчики!

И снова въ глазахъ всѣхъ присутствующихъ замелькали извозчики, извозчикъ, извозчики!

— Вотъ оно дѣло-то! — продолжали усы: — вотъ онъ сытъ, пахлея — его и коломъ съ печи не своротитъ! А вотъ какъ хлѣбца-то пѣтъ — онъ в пошелъ, и пошелъ... а ужъ какъ пошелъ, такъ, извѣстно, что будеть!.. Знаемъ мы! Видали мы!

— О, ваше замѣчаніе совсѣмъ справедливо! Ваше замѣчаніе выхвачено изъ природы! — отозвались брови. — Го-

лодь, голодь и голодь—вотъ моя система! Вотъ мой образъ мыслей!

— Такъ вотъ съ какой точки зрѣнія должно смотрѣть на предметъ,—тайственно повторили усы:—а ужъ что тутъ животное! Животное, извѣстно, скотина!

— Однакожъ, читали ли вы въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» артикль?—возразилъ портфель, съ необыкновеннымъ усилемъ паширай на слово: «артикль».

— Знаемъ мы! Читали мы! Вздоръ все это, надуванціи! Гога и мадга!

— Однакожъ съ большимъ увлеченіемъ написанъ...

— Увлеченіе?—загремѣла венгерка.—Ужъ позвольте, насчетъ увлеченія...

— Ги-ги-ги!—отозвалось по сосѣдству.

— Такъ вотъ, извольте видѣть, я все насчетъ увлеченія-то!—продолжала венгерка.—Да вотъ барышенькѣ все что-то смѣшно... веселая барышенька!.. Такъ вотъ насчетъ того-то... У меня, смѣю вамъ доложить, покойникъ-батюшка, паретю ему небесное, предводителемъ былъ, такъ вотъ это увлеченіе! Какъ замахать, бывало, руками... у! Отстань-валъ, нечего сказать! Умѣлъ-таки постоять за своихъ, покойникъ! Нѣтъ, нѣтъ, таковы люди повывелись! Съ фонаремъ такихъ не отыщешь! Нѣтъ, все разбавляютъ: можетъ, дескать, и правъ!.. О-о-хъ, времена тугія признаніи!.. А барышенька-то все смѣется!.. Веселая барышенька!

— Когда же можно васъ видѣть?—говорилъ, между тѣмъ, неподдашка студентъ.

— Ахъ, какіе вы, право, странные!—отвѣчала веселая барышенька, еще цуце закрываясь платкомъ.

— Вы находите?—слова началъ студентъ.

— Разуѣтается! Ги-ги-ги!

— Отчего же разуѣтается?

— Да какъ же это можно?

— Да отчего же это не можно?

— Да нельзя!

— Странно!—сказалъ студентъ, хотя, повидимому, не отчаиваясь еще въ успѣхъ своего предпріятія.

— Главное дѣло въ томъ,—сообразилъ вслухъ усы:—чтобъ человѣку дѣла была дана, чтобъ видѣлъ человѣкъ, затѣмъ онъ существуетъ... Вотъ главное—а прочее все пустяки!

Иванъ Самойловичъ началъ прислушиваться.

— То-есть, вы разумѣете подъ этимъ-то, что у французовъ

зовется проблемою жизни?—спросил портфель, сильно на-
пряя на слово: «проблемою».

— Что французы! что немцы! — иаковически отвѣчали
усы.— Ужь повѣрите моей опытности, ужь мнѣ лучше знать
это дѣло, ужь я тамъ и служу... все это надуванція, все
гога и магога! Это дѣло мнѣ вотъ какъ извѣстно!

И снова усы показали обнаженную ладонь чрезвычайно
почтеннаго размѣра.

— Однакожь, согласитесь со мной, вѣдь и французская
нація имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства... Конечно,
это народъ вѣтреный, народъ малодушный — кто же про-
тивъ этого спорить?.. Но, съ другой стороны, гдѣ же най-
дете столько самоотверженія, того, что они сами такъ
удачно называли—разиньясьёномъ? А вѣдь это, я вамъ скажу...

— Знаемъ мы! Видали мы и французовъ, и немцевъ!
Пожили—таки на своемъ вѣку! — говорили безчувственные
усы.— Все это вздоръ! Главное дѣло — чтобъ человекъ ви-
дѣлъ, что онъ человекъ, зналъ бы цѣль!.. Цѣль-то, цѣль—
вотъ она штука, а прочее—что? Вздоръ! Все вздоръ!.. Ужь
повѣрите моей опытности...

— Вотъ вы изволили выразиться насчетъ цѣли нашего
существованія, — скромно прервалъ Иванъ Самоильгъ. —
Извольте видѣть, я самъ много занимался насчетъ этого
предмета, и любопытно бы узнать ваши мысли...

Усы задумались; Мичулинъ ожидалъ съ трепетомъ и вол-
неніемъ разрѣшенія загадки.

— Лакей! Что-жь ты, братецъ, не остановишь? Воронъ
считаешь, тунеядецъ! — загремѣла всенерка.

— Такъ и я выйду, — меланхолически сказалъ усы.

— А какъ же ваши мысли насчетъ этого обстоятель-
ства?—робко замѣтилъ Иванъ Самоильгъ.

— Все зависитъ отъ того, съ какой точки взглянуть на
предметъ!—разомъ сообразили усы.

— О, это совершенно справедливо! Ваше замѣчаніе вы-
хвачено изъ натуры! — отозвались надвинутыя брови.— Все,
рѣшительно все, зависитъ отъ точки зрѣнія...

Усы и брови выжили изъ кареты. Медленно и неповорот-
ливо ползла снова экономическій экипажъ по гладкой
мостовой.

— Когда же васъ можно видѣть?—попрежнему спраши-
валъ студентъ у веселой барышеньки.

— Ахъ, какіе вы странные! — попрежнему отозвалась
барышенька, закрывая ротъ платкомъ.

— Отчего же странный?—приставала студентъ.

— Да какъ же это возможно?

— Да отчего же это невозможно?

— Да оттого, что нельзя!

— А я такъ думаю совсѣмъ напротивъ,—отвѣчала студентъ и дернула за шнурокъ.

— Поидемте!— снова сказала юнона.

— Ги-ги-ги!

Карета остановилась; студентъ вышелъ; барышня не-множко подумала, и все-таки пошла за нимъ, сказавъ, однакожь: «Ахъ, право, какіе вы странные! Ужъ чего не вздумаютъ эти мужчины!» — но сказала она это рѣшительно только для очищенія совѣсти, потому что студентъ ужъ вышелъ и ждалъ ее на улицѣ.

Наконецъ, и Ивану Самойлычу пришлось выходить. На улицѣ, по обыкновенію, сповала назадъ и впередъ толпа, какъ будто искала чего-то, хлопотала о чемъ-то, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ равнодушно сповала, какъ будто сама не сознавала хорошенько, чего ищетъ и възъ чего бѣется.

И герой нашъ отиравался нехатъ и хлопотать, какъ и всѣ прочіе.

Но и на этотъ разъ фортуна, съ обыкновенною своею постоянностью, продолжала показывать ему несколько не благовидный задъ свой.

Какъ нарочно, лужный человекъ, къ которому ужъ въ несчетный разъ пришелъ Иванъ Самойлычъ просить себѣ мѣста, провелъ цѣлое утро на воздухѣ, по случаю какого-то торжества. Нужный человекъ былъ не въ духѣ, безпрестанно драгъ и маралъ находившіяся предъ нимъ бумаги, скрежеталъ зубами и въ сгорѣтый разъ обѣщавъ согнуть въ бараний рогъ и ушечъ «куда еще ты и не думалъ» стоявшаго предъ нимъ въ стрункѣ маленькаго человекъ съ весьма лихо вздернутымъ свѣденымъ хохолкомъ на головѣ. Лицо нужнаго человекъ было сине отъ свѣжаго еще опущенія холода и застарѣлой досады, плечи вздернуты, голосъ хрипѣлъ.

Иванъ Самойлычъ робко вошелъ въ кабинетъ и совершенно растерялся.

— Ну, что еще? — спросилъ нужный человекъ отрывистымъ и промерзлымъ голосомъ.—Вѣдь вамъ сказано?

Иванъ Самойлычъ робко приблизился къ столу, убѣдительно и мягкимъ голосомъ сталъ рассказывать стѣсенныя свои обстоятельства, просилъ хоть что-нибудь, хоть какое-нибудь, хоть крошечное мѣстечко.

— Я бы не осаждался,—говорилъ онъ, занкаясь и робѣя все болѣе и болѣе:—да вѣдь посудите сами, послѣднее издержать, вѣтъ нечего, войдите въ мое положеніе!

— Вѣтъ нечего! — возразилъ нужный человекъ, возвышая голосъ: — да развѣ виноватъ я, что вамъ вѣтъ нечего? Да что вы ко мнѣ пристаёте? Богадѣльня у меня, что ли, что я долженъ съ улицы подбирать всѣхъ оборвышей!.. Вѣтъ нечего! Вѣдь какъ нахально говоритъ! Извольте видѣть, я виноватъ, что ему вѣтъ хочется...

Сѣденькій старичокъ съ хохолкомъ тоже не мало удивился.

— Да вѣдь и я не виноватъ въ этомъ, посудите сами, будьте снисходительны,—замѣтилъ Иванъ Самойловичъ.

— Не виноваты! Вѣтъ какъ отвѣчаютъ! На отвѣты-то, братъ, всѣ вы мастера... Не виноваты! Ну, да, положимъ, что вы не виноваты, да я-то тутъ при чемъ?

Нужный человекъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ

— Ну, что же вы стоите? — сказалъ онъ, подступая къ господину Мичулину и какъ будто намѣреваясь принять его въ потасовку.—Слышите?

— Да я все насчетъ мѣста, — возразилъ Иванъ Самойловичъ, нѣсколько твердымъ голосомъ, какъ бы рѣшившись во что бы то ни стало добиться своего.

— Говорятъ вамъ, что мѣста нѣтъ! Слышите? Русскимъ языкомъ вамъ говорятъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Поняли вы меня?

— Понять-то я понялъ, — глухимъ голосомъ отвѣчалъ Мичулинъ:—да вѣдь вѣтъ-то все-таки нужно!

— Да что вы ко мнѣ привязались? Да вы знаете ли, что я васъ, какъ неблагонамѣреннаго и назойливаго, туда унесу, куда вы и не думаете! Слышите,—вѣтъ нужно! Точно я его кровостной! Ну, въ богадѣльню, любезный, идите, въ услуженіе идите... хоть къ черту идите, только не приставайте вы ко мнѣ съ вашимъ «вѣтъ нечего»!

И нужный человекъ снова началъ разминать по комнатѣ окончившіе члены.

— Тутъ цѣлое утро на холоду да на сырости... орешь, кричишь на нихъ, на бестіи, а они еще и дома покоя не даютъ...

— Да вѣдь я не виноватъ, — снова возразилъ Иванъ Самойловичъ дрожащимъ голосомъ, худо скрывая накинѣвшую въ груди его злобу:—я не виноватъ, что цѣлое утро на холоду да на сырости...

— А я виноватъ?!—съ замальчивостью закричалъ нужный человекъ, топнуть ногою и сильно понизившая плечами.—Виноваты? а? Да ну, отвѣчайте же!

Иванъ Самойлычъ молчалъ.

— Что-жь вы привязываетесь? Да нѣтъ, вы скажите, что-жь вы пристаёте-то? Виновать я, что ли, что вамъ ѣсть нечего? Виновать? а?

— Стыдно будетъ, если на улицѣ подымутъ,—замѣтилъ Иванъ Самойлычъ тихо.

— Отвяжигесь вы отъ меня!—вскричалъ нужный человекъ, теряя терпѣніе. — Ну, пусть подымутъ на улицѣ! Я вамъ говорю: нѣтъ мѣста, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Иванъ Самойлычъ всныхнулъ.

— Такъ нѣтъ мѣста!—закричалъ онъ вѣя себя, подступая къ нужному человеку: — такъ пусть на улицѣ подымутъ! Такъ вотъ вы каковы, а другимъ, небойсь, есть мѣсто, другіе, небойсь, ѣдятъ, другіе пьютъ, а мнѣ и мѣста нѣтъ!..

Но вдругъ онъ помертвѣлъ; малый-то былъ онъ смиренный и безогвѣтный, и робкая его натура вдругъ вспыхла наружу. Руки его опустились; сердце унало въ груди, колѣни подгибались.

— Не погубите! — говорилъ онъ шопотомъ. — Виновать я! Я одинъ во всемъ виноватъ! Пощадите!

Нужный человекъ стоялъ какъ оцѣпенѣлый; съ безсознательнымъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на Ивана Самойлыча, какъ будто не догадываясь еще хорошенько, въ чемъ тутъ дѣло.

— Вонъ! — кричалъ онъ, наконецъ, оправившись отъ изумленія: — вонъ отсюда! И если еще разъ осмѣлитесь... понимаете?

Нужный человекъ погрозилъ, сверкнувъ глазами и вышелъ изъ компань.

VI.

Иванъ Самойлычъ былъ окончательно уничтоженъ. Въ ухахъ его тоскливо и назойливо раздавались страшныя слова нужнаго человека:

— Нѣтъ мѣста! нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Да отчего же нѣтъ мѣста? Да гдѣ же, наконецъ, мое мѣсто? Боже мой, гдѣ это мѣсто?

И все прохожіе смотрѣли на Ивана Самойлыча, какъ будто исподлюбя и иронически поддѣвали ему: «да гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, это мѣсто? Вѣдь кто-же-нибудь да виноватъ, что нѣтъ его—мѣста-то!»

Митулннъ рѣшился немедленно обратиться съ этимъ вопросомъ къ людямъ знающимъ, тѣмъ болѣе, что его мучила

ужь не одни матеріальныя лишенія, не одна надежда умереть съ голода, но и самая душа его требовала успокоенія и отдыха отъ безпрестанныхъ вопросовъ и сомнѣній, ее осаждавшихъ.

Знающіе люди были не кто иные, какъ извѣстные ужь читателю Вольфгангъ Антоновичъ Веобахтеръ, философін кандидатъ, и Алексѣй Звонскій, недоросль изъ дворянъ.

Оба друга только что пообедали и, сидя на диванѣ, покуривали себѣ папироски. У Вольфганга Антоныча была въ рукахъ гитара, на которой онъ самымъ сладкозвучнымъ образомъ тренькалъ какую-то страшную бравуру; у Алексѣя плавала въ глазахъ какая-то мутная влага, на которую онъ безпрестанно и горько жаловался, говоря, что она мешаетъ ему прямо и бодро взглянуть въ самые глаза *холодной, безстрастной и безотрадной* дѣйствительности. Другія, казалось, были въ хорошемъ расположеніи духа, потому что говорили о будущихъ судьбахъ человѣчества и объ эстетическомъ чувствіи.

Оба друга равно стояли грудью за страждущее и угнетенное челоѣчество; разница состояла только въ томъ, что Веобахтеръ, какъ кандидатъ философін, непременно требовалъ «ррррррушенія», а Алексѣй, напротивъ того, готовъ былъ положить голову на плаху, чтобъ доказать, что періодъ разрушенія миновался и что теперь нужно *создавать, создавать и создавать...*

— Ну, кледи!—говорилъ Веобахтеръ самымъ равнодушнымъ голосомъ, дѣлая при этомъ обычное движеніе разжатой рукою сверху внизъ и ужь совсѣмъ приготовившись отмахнуть Алексису его легковѣсную голову.

Но Алексѣй головы не клалъ.

— Ужъ ты не коварствуй!—возглашала Веобахтеръ мелодическимъ голосомъ въ ту минуту, когда вошелъ Иванъ Самойлычъ: — ты не уклоняйся, а говори прямо: любишь или не любишь? Любишь—такъ прочь ихъ, съ лица земли ихъ—вотъ что! А иначе, не любишь!

— Однакожъ, за что-жъ ихъ съ лица земли?—замѣтилъ съ своей стороны Алексѣй.—Я право никакъ не могу понять этого ригоризма...

И дѣйствительно, по лицу Алексѣя можно было угадать, что онъ точно никакъ не могъ понять.

Кандидатъ философін кропотливымъ скатымъ кулачкомъ описалъ самую незамѣтную дугу.

— И знать ничего не хочу, и видѣть ничего не хочу!—

говорилъ онъ медовымъ своимъ голоскомъ:—и не представляй ты мнѣ своихъ резоновъ! Все это софизмы, любезный другъ! Не любишь, говорю тебѣ, не любишь—и все тутъ! Такъ бы и сказалъ съ перваго слова! Разрушить, говорю тебѣ, разрушить—вотъ что нужно! А прочее все вздоръ!

И господинъ Беобахтеръ сдѣлалъ нѣсколько аккордовъ на гитарѣ и запылъ совершенно особенную и крайне зачѣпчивую бравуру, но запылъ такимъ голосомъ, какъ будто глядѣлъ кого-нибудь по головкѣ, приговаривая: «наинька, душенька! умница, миленькій!»

— Странно, однакожъ!.. — замѣтилъ послѣ нѣкотораго молчанія, собравшись съ мыслями, Алексисъ.

Беобахтеръ сдѣлалъ совершенно незамѣтное движеніе плечами.

Буква *p* снова послышалась въ странномъ изобиліи.

— Странно, однакожъ! — не переставала возражать съ своей стороны Алексисъ, всякій разъ все болѣе и болѣе собираясь съ мыслями.

— Ужъ я тебя, подмена, насквозь знаю!—говорилъ Беобахтеръ.—Вѣдь ты «буржуазія», я тебя знаю...

На это Алексисъ отвѣчалъ, что, ей-Богу, онъ не «буржуазія», и что, напротивъ того, для человечества готовъ всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать, и что если ужъ на то пошло, то, пожалуй, хоть сейчасъ же, среди бѣлаго дня, пойдетъ по Невскому подъ руку съ мужикомъ.

— Ну, ужъ это будетъ не эстетически!—замѣтилъ господинъ Беобахтеръ.

— Нѣтъ, я не думаю, — отвѣчалъ Алексисъ, еще разъ собравшись съ мыслями.

— Что такое эстетическое чувство?—спросилъ господинъ Беобахтеръ, видимо нахѣреваясь дать своимъ доказательствамъ вопросительную форму, столь часто употребляемую самыми знаменитыми ораторами.

Алексисъ задумался.

— Эстетическое чувство, — сказалъ онъ, собравшись съ мыслями:—есть то чувство, которымъ въ высшей степени обладаетъ художникъ.

— Что такое художникъ?—столь же отрывисто спросилъ кандидатъ философій.

Алексисъ снова задумался.

— Художникъ, — сказалъ онъ, въ послѣдній разъ собравшись съ мыслями:—есть тотъ смертный, который въ высшей степени обладаетъ эстетическимъ чувствомъ...

— Гм! — замѣтила господинь Беобахтеръ: — прочь ихъ! съ лица земли ихъ! Нѣтъ имъ пощады!.. Я тебя знаю, всю твою душу пашковъ вижу: ты подлецъ, ренегатъ...

— Странно, однакожъ! — замѣтилъ Алексисъ.

Но Вольфгангъ Антоновичъ не слушалъ; онъ сдѣлалъ аккорды на гитарѣ и сладкимъ теноромъ запѣлъ известную: *Рагульна, свѣтла и любовна*, вслѣдствіе стараясь выразить что-нибудь удалое, отколотъ какое-нибудь отчаянное колѣнцо, но рѣшительно безъ всякаго успѣха, потому что колѣнцо оказывалось самымъ смиреннымъ и снисходительнымъ.

— А и къ вамъ, господа, насчетъ одного дѣльца, — приступись Иванъ Самойлычъ.

Беобахтеръ и Алексисъ начали вслушиваться.

Мичулинъ вкратцѣ изложилъ имъ свои утренніе похужденія, разсказалъ, какъ онъ былъ у нужнаго человѣка, какъ просилъ о мѣстечкѣ, и какъ нужный человѣкъ отвѣчалъ, что мѣста ему нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... Затѣмъ Иванъ Самойлычъ уныло поныкъ головой, какъ бы ожидая рѣшенія знающихъ людей.

Но Беобахтеръ и Алексисъ унорно молчали: первый — потому, что не вѣрять могъ отыскать въ головѣ своей неизвѣстно куда завалившуюся сильную мысль, которую онъ давно уже призналъ и которая могла однимъ разомъ сшибить съ ногъ вопрошавшаго; второй — потому, что имѣлъ благородную привычку всегда выскладать мнѣніе кандидата философіи, чтобъ тутъ же приличнымъ образомъ возразить ему:

— Да вѣдь мнѣ вѣтъ нужно, — началъ снова Иванъ Самойлычъ.

— Гм! — сказалъ Беобахтеръ.

Алексисъ началъ собираться съ мыслями.

— Конечно, онъ не виноватъ въ этомъ, — продолжалъ Мичулинъ, съ горечью вспоминая полученный утромъ отъ «нужнаго человѣка» жесткій отказъ: — конечно, жизнь лотерея, да въ томъ-то и штука, что вотъ она лотерея, да въ лотерей-то этой билета мнѣ нѣтъ...

Беобахтеръ положилъ въ сторону гитару и посмотрѣлъ ему пристально въ глаза.

— Такъ вы меня не поняли? — сказалъ онъ съ укоромъ. — А прочли вы книжку?

Иванъ Самойлычъ отвѣчалъ, что не имѣлъ еще времени. Беобахтеръ грустно покачалъ головой.

— Вы ее прочтите, — убѣждалъ онъ самымъ меланхоли-

вескимъ тономъ: — тамъ вы все узнаете, тамъ обо всемъ говорится... Все, что я вамъ ни говорилъ, — все это только предварительныя понятія, намеки; тамъ все полнѣе объяснено... Но ужъ повѣрьте, тутъ иначе и быть не можетъ! Или любите, или не любите; тутъ нѣтъ середины, я вамъ говорю!

— Однакожь, это странно! — тотчасъ же возразилъ Алексѣй, хотя и не развивалъ далѣе своей мысли.

— Такъ вы думаете? — перебилъ Иванъ Самойловичъ.

— Прочь ихъ! съ лица земли ихъ! Вотъ мое мнѣнiе! Рррр...

— А вы какъ насчетъ этого дѣла? — спросилъ Мичулинъ, обращаясь къ Алексѣю.

— Моя грудь равно для всѣхъ отверзта! — отвѣчалъ Алексѣй совершенно невинно.

За симъ подворилось глубокое молчанiе.

— Извините, что обеспокоилъ васъ, господа, — сказалъ Иванъ Самойловичъ, намѣреваясь удалиться во-свои.

На это приятели отвѣчали, что это ничего, что, *напротивъ*, они очень рады, и что если впередъ случится какой-нибудь нужда, то смѣло обращайтесь бы прямо къ нимъ. При этомъ съ немалымъ такъ же искусствомъ дано было ему замѣтить, что если между ними и существуетъ нѣкоторое разногласiе, то это только въ подробностяхъ, что въ главномъ они оба держатся однихъ и тѣхъ же принциповъ, что, впрочемъ, и самый прогрессъ есть не что иное, какъ дочь разногласiя, и если ихъ мнѣнiя не безусловно вѣрны, то, по крайней мѣрѣ, о нихъ можно спорить.

Со всѣмъ этимъ Мичулинъ, конечно, не могъ не согласиться, хотя, съ другой стороны, не могъ и не сознаться внутренне, что все это, однакожь, чрезвычайно мало подвигало его впередъ.

На столѣ у себя онъ нашелъ тщательно сложенную записку. Записка была слѣдующаго содержанiя:

«Иванъ Макарычъ Пережина, *свидѣтельствою свое совершенно почтенiе* его высокоблагородiю Ивану Самойловичу, честь имѣетъ покорнѣйше просить его высокоблагородiе, по случаю дня тезоименитства, пожаловать завтрашнiй день, въ три часа пополудни, откушать обѣденный столъ».

Съ досадою отбросилъ онъ отъ себя затѣвливую записку и легъ спать на кровать.

Но ему не спалось: кровь его волновалась; злоба кипѣла въ груди, и все нашептывать тайный голосъ какую-то вкрадчивую и вмѣстѣ съ тѣмъ страшную легенду.

Вокругъ все тихо; ни шороха не слышно въ комнатѣ сосѣди. Мичушкинъ всталъ съ постели и началъ ходить по комнатѣ—средство, къ которому прибѣгалъ онъ всякій разъ, когда что-нибудь его сильно тревожило.

А между тѣмъ вѣтеръ все шумитъ на улицѣ, все стучится въ окно къ Ивану Самойлычу и совершенно вразумительно свиститъ ему въ самыя уши: «озябъ, бѣдный вѣтеръ! нути его, добрый человѣкъ! Богъ наградитъ тебя за это!»

И герой нашъ рѣшительно не знаетъ, кому отвѣчать: предпринявшему ли вѣтру, или комоду подъ красное дерево и картиѣ, изображавшей, въ противорѣчіе свидѣтельству всей исторіи, погребеніе kota мышами, и ужъ не вѣсившей, а какъ будто бѣжавшей по стѣнѣ, потому что и комодъ и картина тоже, въ свою очередь, денекали ужасно и насмѣшливо спрашивали: «а отвѣчай намъ, отчего она лотеря? какое твоё назначеніе?»

А Наденька, между тѣмъ, вкушала въ сосѣдней комнатѣ, въ маленькой своей кроваткѣ, то удивительное кушанье, полное разныхъ десертовъ и неизвѣрно воздушныхъ прижонныхъ, которое называется сномъ. Въ ея позѣ было нѣчто необыкновенно граціозное и дѣвственное; маленькій уютный ротикъ былъ полуоткрытъ; булабочное ея сердечко быстро и усленно билось въ миниатюрной темницѣ своей.

Но она не обращала вниманія ни на страстное буйство вѣтра, который, смотря на нее изъ окошка, злился и завывалъ, ни на полный томленія взоръ молодого мѣсяца, только что скинувшаго съ себя черную занаву изъ тучъ, которая, на досаду, не давала ему до тѣхъ поръ пощеголять передъ людьми свою молодость и удалествомъ. Она спокойно спала-себѣ, какъ и всякая другая смертная, и надо же какому-то злому недругу беспокоить и будить ее въ эту сладкую минуту; надо же, чтобъ какая-то безобразная бѣлая фигура дернула ее за руку въ самый патетическій моментъ сна!..

Открывъ заспанные глаза, Наденька не мало струпила. Въ облооткѣ давно уже носились слухи насчетъ какой-то странной болѣзни, которая ходила будто бы изъ дома въ домъ въ самыхъ странныхъ формахъ, проникала въ самыя сокровенныя закоулки квартиръ и, наконецъ, очень равнодушно приглашала на тотъ свѣтъ.

Собразивъ все эти обстоятельства, Наденька сильно встревожилась, потому что была крайне животолубива и

ни за что въ свѣтъ не согласилась бы умереть. А привидѣніе, между тѣмъ, не шевелилось и молча устремило на нее глаза свои. Наденька заключила, что дѣло-то плохо, и что конецъ ей пришелъ невозвратно, и потому, простившись мысленно съ ученымъ своимъ другомъ и поручивъ, кому слѣдуетъ, свою крошечную душу, обдумала ужъ, какой дастъ тамъ отвѣтъ въ своемъ брешномъ и пѣсколкомъ легкомъ земномъ странствіи, какъ вдругъ молодой и щеколеловатый мѣсяцъ взглянулъ прямо въ лицо привидѣнію.

— Такъ вы такъ-то! — вскричала Наденька, оправившись внезапно отъ своего испуга и быстро вскочивъ съ постели, несмотря на очевидную легкость своего костюма: — такъ вы вотъ какъ! Вы не удовлетворяетесь тѣмъ, что по цѣлымъ ночамъ стонете и не даете мнѣ спать, — вы еще подсматривать вздумали! Вы думаете, что я не благодарная, не мадамъ, такъ со мною все, дескать, можно! Ошиблись, сударь, очень ошиблись! Конечно, я простая дѣвица; конечно, я русская, да не хуже иной барыни, не хуже нѣмки; вотъ что-съ!

И маленькіе глазки ея горѣли; маленькія поздры раздувались; маленькія губы дрожали отъ гнѣва и негодованія... Но привидѣніе, которое было не что иное, какъ самъ Иванъ Самойлычъ, вмѣсто отвѣта, издало чрезвычайно простой и односложный звукъ, болѣе похожий на мычанье, нежели на вразумительный отвѣтъ.

— Я все понимаю! — бойко сынала, между тѣмъ, Наденька: — все понимаю не хуже всякой другой... Везстыдникъ, сударь, срамникъ!

Иванъ Самойлычъ отвѣчалъ, но какъ-то отрывисто и несвязно; и при томъ звукъ его голоса былъ такъ сухъ и беззвучно-безстрастенъ, какъ будто ему и не шутя было больно и тошно жить на свѣтъ.

Говорилъ онъ все прекрасную исторію, что вотъ, дескать, другіе ѣдятъ, другіе пьютъ... все другіе...

Наденька слушала его въ страхъ и трепетъ; никогда она не видѣла его столь рѣшительнымъ; сердце ея упало; готовъ замеръ въ груди; она хотѣла звать на помощь и не могла; умоляя, простирая она свои маленькія ручки къ лукавому нарушителю ея спокойствія; жалобенъ и безмолвно-краснорѣчивъ былъ ея взоръ, взывавшій о кощадѣ... Привидѣніе остановилось.

— Такъ вамъ очень гадко со мною?... — сказала оно го-

лосомъ, заглушаемымъ нахлѣввшими въ груди рыданіями:— такъ я очень противенъ?..

— Оставьте меня!—едва слышно шептала Наденька.

Привидѣніе не трогалось; молча стояло оно у завѣтнаго изголовья, и невольныя слезы непризнанной горести, слезы оскорбленнаго самолюбія крадись по впадинамъ и бѣглымъ, какъ смерть, щеканъ его.

— Богъ съ вами!—сказало оно шопотомъ и медленно направило къ двери шаги свои.

Наденька вздохнула свободно. Сторяча, она хотѣла-было закричать и объявить всѣмъ и каждому, что вотъ, дескать, такъ и такъ; но—странное дѣло!—ни съ того, ни съ сего почувствовала она, какъ будто въ груди ея вдругъ зашевелилось что-то такое, что, съ одной стороны, очень и очень намекало на совѣсть; а съ другой—могло назваться, пожалуй, и жалостью. Грустно взглянула она вслѣдъ удаляющемуся Ивану Самойлычу и даже чуть-чуть не рѣшилась позвать его назадъ, чтобъ объяснить ему, что не виновата же и она, что дѣло такой оборотъ приняло... И все-таки ничего не сказала, а просто посмотрѣла, какъ онъ вышелъ изъ комнаты, заперла плотнѣе дверь: покачала головой, прибрала съ полу двѣ или три завалившіяся бумажки и снова легла почивать.

VII.

Именинный обѣдненный столъ быть устроенъ на славу. Шарлотта Готлибовна не пожалѣла ни трудовъ, ни издержекъ, чтобъ угодить своему любезному кавалеру. Она истоптала себѣ всѣ ноги, но къ тремъ часамъ все уже было готово. Даже она, сухонарая и продолговатая хозяйка, приличнымъ образомъ подкрасившись, рисовалась въ столовой, производи пріятный для слуха шумъ накрахмаленною, какъ картонъ, юбкою.

Когда Иванъ Самойлычъ явился въ столовую, вся компанія была ужъ на-лицо. Впереди всѣхъ торчали черныя, какъ смоль, усы дорогого именинника; тутъ же, въ видѣ неизбѣжнаго приложения, подвернулась и сухощавая и прямая, какъ палка, фигурка Шарлотты Готлибовны; по сторонамъ стояли извѣстные читателю: кандидатъ философіи Бесобхатеръ и обольстительный, но нѣсколько азиатскій недоросль Алексій, подъ руку съ дѣвицей Ручьиной.

Казалось, Наденька было совершенно довольна своею судьбой, потому что очень любила порядочную компанію

и вообще чувствовала некоторый недугъ къ людямъ, которые не принадлежали къ такъ-называемой швали—мастеровымъ, лакеямъ, кучерамъ и далѣе до безконечности.

Конечно, рассуждая строго, происхождение Шарлотты Готлибовны было покрыто весьма густымъ мракомъ неизвестности, но Наденька смотрѣла на этотъ предметъ снисходительно. Она, разумѣется, не могла не допустить, что Шарлотта Готлибовна, дѣйствительно, не-русская...

И теперь, какъ и всегда, Иванъ Макарычъ шутилъ надъ ученымъ Алексисомъ, приговаривая:

— А подлець Бинбахеръ-то! Знать ничего не хочеть! Ничего, говорить, не надо, все уничтожу, все съ глазъ долой! Ахъ, эти нѣмцы!

И по обыкновенію, Шарлотта Готлибовна, потупивъ глаза, отвѣчала: «О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макарычъ!» И по обыкновенію, осталось покрыто мракомъ неизвестности, кого именно разумѣлъ господинъ Пережига подъ словомъ: «Бинбахеръ».

— А не выпить ли намъ водочки, мадамъ?—возопилъ именникъ, обращаясь къ Шарлоттѣ Готлибовнѣ.—Вѣдь ничто времени-то опаснѣе? Слышь ты, холера по свѣту бродить! А вотъ мы ее, холеру, вотъ мы ее, но-своейски-то, но-нашему!

И дѣйствительно, холера, вѣроятно, сильно поморщилась, когда господинъ Пережига вытянулъ однимъ глоткомъ огромную рюмку, которую онъ не безъ вѣдкости называлъ стаканчикомъ на ножкѣ.

За обѣдомъ было очень весело: лица всѣхъ смотрѣли какъ-то благоприятно и одобрительно. Алексисъ безпрестанно, и кстатѣ, и некстатѣ, улыбался; Beobachterъ тоже не дѣлалъ обычнаго движенія рукою сверху внизъ; Пережига же всѣхъ по чести увѣрялъ, что Бинбахеръ ничего не знаетъ, потому что нѣмецъ, а вотъ у него спросите, такъ онъ русскій и знаетъ, да еще такъ знаетъ, что у Шарлотты Готлибовны отъ одной этой мысли закатывались, подъ лобъ глаза.

— У, какъ я былъ на своей-то сторонѣ!—гремѣлъ онъ съ самодовольнымъ видомъ покручивая усы.—У меня былъ дворъ... то-есть, что всѣ эти здѣшніе двory, —просто дрянь! Однихъ егерей было человекъ пятьдесятъ! Музыканты свои были! Театръ домашній былъ! Плясуньи были, комедіи представляли! Вотъ оно, какое житье-то было, —любезное житье! Конечно, Иванъ Макарычъ большую половину прихваст-

пусть, по присутствующіе изъ учтивости почли долгомъ не возражать ему, а Шарлотта Готлибовна даже совершенно была увѣрена въ истинѣ словъ своего любезнаго кавалера и съ непритворнымъ участіемъ вмѣшалась въ разговоръ, сказавъ въ скобкахъ:

— О, это, должно-быть, ужасно чудесно было!

— Ужь такъ чудесно, что просто невозможно! Ужь я вамъ скажу, такіе были актеры—просто па славу! Вся губерція създалась смѣрять—истинно вамъ говорю!

По поводу актеровъ господина Пережиги разговоръ перешелъ вообще къ оцѣнкѣ эстетическихъ и другихъ способностей человѣка, и при этомъ развивались гостями самыя мудрыя и затѣйливыя мысли.

Бесобахтеръ, махая ручонкою сверху внизъ, говорилъ самымъ пріятнымъ и вкрадчивымъ теноромъ, что оно, конечно, ничего, жить можно, а все-таки недурно и даже полезно, если «прихлопнетъ» да «притиснетъ». Буква *p*, по обыквенію, играла и тутъ весьма немаловажную роль.

Алексей боталъ во рту языкомъ и безотчетливо размахивалъ во все стороны руками.

Шарлотта Готлибовна утверждала насчетъ этого предмета что-то столь жестокое и обидное, что Наденька почла за долгъ встуниться и тутъ же колько дать ей почувствовать, что она хотя и благородная нѣмка (о! никто въ этомъ не сомнѣвается!) и хотя «всѣмъ, конечно, извѣстно», что въ *ихней* землѣ водятся дворяне, но вѣдь и въ другихъ земляхъ отнюдь не все же мастеровые или чумички какіе-нибудь... О, нѣтъ, далеко не все!

Весь этотъ шумъ покрывается густымъ басомъ Пережиги, который смѣло утверждалъ, что все это вздоръ, что тутъ, «иначе» быть нельзя, и что у него, дескать, спросите, такъ онъ знаетъ и многомъ все объяснить.

— А скажите, пожалуйста,—началъ, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ, очевидно, стараясь исподволь дать разговоръ интересующій его оборотъ:—вотъ ты, Иванъ Макарычъ, вы человѣкъ опытный, бывалый... Вотъ хоть бы у васъ вѣдь, я думаю, у cadaго изъ нихъ было свое особенное назначеніе, своя особенная, такъ сказать, роль въ жизни?..

— Разумѣется, было; чего на свѣтѣ не бываетъ!—отвѣчалъ Иванъ Макарычъ, съ частыхъ возмнній одобрительно кивая на все стороны головой.—Извѣстно—одинъ царь, другой егеръ, третій, просто, чумичка! Какъ не быть!

И опять поплали толки о трудности отыскать человѣку въ

бронной его жизни назначение. Пережига отрывался, что тут вообще «поломашь-таки себя голову», и действительно, въ то же время началъ съ такимъ рвеніемъ ломать себя голову при видѣ безпрестанно возрастающихъ и вновь отовсюду возникающихъ затрудненій, что непременно погибъ бы въ этой борьбѣ, если бы не спасъ его извѣстный старичишкѣ на ножкѣ, которому онъ не переставалъ свидѣтельствовать свое почтеніе.

— Мое тутъ мнѣніе вотъ какое,—вмѣшался господинъ Beobachter:—все это вздоръ, а нужно—вотъ...

И махнулъ рукою сверху внизъ.

Хотя послѣднія слова были сказаны особенно мелодическимъ тепорогъ, но Алексисъ не преминулъ возразить своему ученому противнику, сказавъ, что онъ не видитъ, почему непременно—«вотъ», и что гораздо лучше, если для всѣхъ равно отверзты объятія. При этомъ Алексисъ размахивалъ руками и действительно для всѣхъ отверзалъ объятія.

— Такъ вотъ вы изволили замѣтить,—снова обратился Мичулинъ къ Пережигѣ:—что одинъ чумичка, другой егеря... Ну, это понятно: они ужъ люди такіе—ну, и роли по нимъ... А вообще-то какъ вы понимаете? То-есть, вообще-то человѣку какаѣ роли предстоить въ жизни? Вотъ хоть бы мнѣ, наиримѣръ?—прибавилъ онъ въ видѣ предположенія.

И умолкъ.

И всѣ гости тоже сурово молчали, какъ будто никто и не предвидѣлъ со стороны господина Мичулина подобнаго философическаго вопроса...

— Мое мнѣніе вотъ какое,—разразился, наконецъ, сладкозвучный Beobachter:—прочь все—вотъ!...

И на этотъ разъ Алексисъ, по обыкновенію, отозвался, что *никакъ не можетъ понять этого риторизма*, и что гораздо лучше, если для всѣхъ равно отверзты объятія.

Но сомнѣніе все-таки осталось сомнѣніемъ, запутанное дѣло ни на шагъ не подвинулось впередъ.

— Такъ какъ же вы думаете, Иванъ Макарычъ?—снова назывался Мичулинъ.

— Это ужъ вы вотъ у нихъ спросите,—лаконически отвѣчалъ Пережига, закрывая глаза отъ излишества возліній.—Это имъ будетъ лучше извѣстно!

Съ этимъ словомъ Иванъ Макарычъ, а за нимъ и всѣ гости вышли изъ-за стола.

Но именинникъ сильно ошибался, если въ числѣ таинственныхъ «ихъ» разумѣлъ и ученаго Алексиса.

Алексисъ, казалось, такъ сильно желалъ всякаго счастья дорогому имениннику, что отъ полноты чувства едва могъ болтать во рту языкомъ.

— Ты не горюй, другъ,—говорилъ онъ, обращаясь къ Ивану Самойлычу:—ты другъ! я тебя знаю! ты смиренный и кроткій—вотъ!.. Вотъ онъ такъ буйный; я знаю, чего онъ хочетъ! Да вотъ не дадутъ же тебѣ ничего! да! Вотъ же, на зло тебѣ, для всѣхъ отверзты объ-я-тія!.. да... о-б-ъ-я-т-і-я...

Наденька съѣла возлѣ него, начала усовершенствовать, уговаривала, чтобъ онъ былъ хоть мало-мальски поумнѣе, но Алексисъ ничѣмъ не трогался, потому что въ петрезовомъ видѣ непремѣнно считалъ долгомъ пускаться въ конфиденціи и обнажать до-гола свою крохотную душу.

— Ты оставь, ты отойди отъ меня, хорошиі, милый ты человѣкъ!—говорилъ онъ, вертя головою.—Вѣдь я знаю, что ты про меня думаешь что и онъ... вотъ тотъ, что отъ философіи-то... Я все знаю, да плевать я... Я самъ знаю, что глупъ, самъ это чувствую, милый ты человѣкъ, самъ вижу... Ну, что-жъ! глупъ такъ глупъ... ужъ такая, видно, слабая моя голова.

И захохоталъ, какъ будто бы и самъ отъ всей души поздравлялъ себя съ тѣмъ, что глупъ и слабоголовъ.

Береобхатеръ съ своей стороны не возражалъ ничего, потому что самъ чувствовать въ сердцѣ пріятную веселость и махалъ рукою ужъ не сверху внизъ, а снизу вверхъ.

— Да ужъ ты не скрываешься... ты! философъ!—продолжалъ, между тѣмъ, Алексисъ:—вѣдь я вижу... я вижу, что ты меня презираешь... ну, презирай! Вѣдь я самъ чувствую, что достоинъ презрѣнія... др-у-угъ! Да вѣдь что-жъ дѣлать, коли голова-то слаба! Голова-то, голова, вотъ что!..

— Ну, наливался же ты, братъ!—лаконически замѣтилъ Иванъ Макарычъ.

— А еще баринъ! туда же баринкомъ зовется!—подхватила дѣвица Ручкина.

— Ужъ какой же баринъ!—жаловался въ отвѣтъ Алексисъ:—баринъ!.. Самому иногда ѣсть нечего—баринъ! Сапоговъ нѣтъ—баринъ! Пальто на плечикахъ изорванное—баринъ!.. Вотъ те и баринъ! Да ужъ я вижу, что ты меня презираешь!.. ты! философъ!

И снова воображеніе Алексиса начало рисовать ему самыя горестныя картины, и снова пуще прежняго началъ онъ жаловаться на свою слабую голову, на судьбу, на одного

таинственного знакомого, обесчелывавшего его по литературной части, и во всемо прибавилъ: — баринъ!

Наконецъ, двѣцца Ручкина почла долгомъ увести его въ свою комнату.

Уныло посмотрѣвъ Иванъ Самойлычъ вслѣдъ расходящимся гостямъ. Онъ видѣлъ, какъ Иванъ Макарычъ пошелъ подъ руку съ Шарлоттой Готлибовной, какъ Алексисъ, съ своей стороны, пошелъ съ Надежкой—тоже подъ руку... Да и философи кандидатъ Вольфгангъ Антонычъ Бесобхотеръ поспѣшно надѣлъ шинель и отправился на улицу, вѣроятно, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ пройтись съ кѣмъ-нибудь—тоже подъ руку!..

И онъ тоже шелъ подъ руку, но не съ Надежкой и даже не съ Шарлоттой Готлибовной, а съ какимъ-то безтѣлеснымъ и чрезвычайно длиннымъ существомъ, называющимся: «что ты такое? какое твое назначеніе?» и такъ даго, — существомъ уродливымъ, которое, несмотря на видимую свою безплотность, странно оттянуло ему обѣ руки.

VIII.

Разгоряченный виномъ и горькими мыслями, вышелъ Иванъ Самойлычъ на улицу. На дворѣ стоялъ трескучій морозъ, который въ Петербургѣ весьма часто слѣдуетъ за самую несносною слякотью; извозчики, слѣжившись въ клубокъ, проминались по укатанной дорогѣ и хлопали въ ладоши. Въ окнахъ высокихъ домовъ мелькали огни... Огни эти такъ гостеприимно манили къ себѣ прозябнувшаго и поспѣваго на службѣ странника, извозчики такъ тоскливо и выѣстъ недовѣрчиво смотрѣли на нихъ... Оборванному и отлюданному всегда кажется, что огонекъ какъ будто бы именно *на него* съ особенною привѣтливостью глядитъ изъ огня...

Но Иванъ Самойлычъ не думалъ ни объ огняхъ, ни объ извозникахъ. Манинально шелъ онъ-себѣ въ легкой шинеликѣ своей, какъ будто бы вовсе и не чувствовалъ холода; въ головѣ его было совсѣмъ пусто; одна только мысль чудовищно раскинулась въ его воображеніи—та мысль, что у него всего-на-все остался въ карманѣ одинъ пѣльковый, а, между тѣмъ, надо жить, надо ѣсть, надо за квартиру платить.

Но холодъ все-таки дѣлалъ свое дѣло. Какъ ни закопалъ былъ Иванъ Самойлычъ въ тройную броню неудачъ и лишений, но не могъ не почувствовать покалываній и

пощипываній своего привычнаго друга. Очнувшись невольно, онъ увидѣлъ передъ собою огромное свѣтовое пространство, болѣе похожее на поле, чѣмъ на городскую площадь. Посреди поля возвышалось великолѣпно освѣщенное каменное зданіе; у подъѣздовъ суетились кареты, сани, возки, кричали кучера и лакеи; тамъ и сямъ подъ навѣсами пылали зажеженные костры. А холодъ, между тѣмъ, щипалъ лицо, ломилъ черепъ, рѣзалъ глаза; шинелька защищала плохо и скудно...

Видъ залитаго свѣтомъ зданія сильно распаталъ вождѣніе въ очечившемъ тѣлѣ Ивана Самойлыча; онъ вспомнилъ про цѣлковый, бывшій у него въ карманѣ, и потому, по какому-то безотчетному побужденію, взглянулъ на разложенные костры... Костры пылали краснымъ пламенемъ и далеко по площади разстилали густой и ѣдкій дымъ...

«Что-жь... можно и тутъ обогрѣться!» — подумалъ Иванъ Самойлычъ.

Но странная, искусительная мысль блеснула вдругъ въ головѣ его: секунду, не болѣе какъ секунду, стоялъ онъ въ раздумьи; потомъ вынулъ изъ кармана цѣлковый, съ ожесточеніемъ взглянулъ на него, и въ одно мигновеніе она была уже у кассы театра и покупала себѣ билетъ въ пятомъ ярусѣ.

Какъ нарочно, въ этотъ день давали какую-то героическую оперу. Въ театрѣ народу была куча; съ шумомъ растворялись и запирались двери ложъ; смутный и густой говоръ носился по огромной залѣ отъ партера и до райка.

Иванъ Самойлычъ очутился посрединѣ между однимъ бравымъ офицеромъ и какою-то довольно красивою, но сильно намазаною дѣвицей.

Съ злобой смотрѣлъ онъ внизъ, на безпрестанно наполпившіяся ложи, на дамъ въ кокетливыхъ нарядахъ, которые влетали въ нихъ подобно легкимъ и призрачнымъ видѣніямъ...

Но вотъ и говоръ утихъ. Посреди всеобщаго безмолвія вдругъ послышался отдаленный горный рожокъ; въ какомъ-то полуснѣ началъ прислушиваться Иванъ Самойлычъ къ простой и жалобной мелодіи его. Въ памяти его вдругъ воскресли давнишніе годы его дѣтства, необозримыя и ровныя поляны, густой сосновый лѣсъ, синее озеро, лѣтнюю расписывавшее свои волны, и посреди всего этого самый беззвучная, глубокая тишина, и только рожокъ, именно рожокъ, ласково звучитъ въ самое ухо и именно ту же самую простую и трезвую мелодію. Но вотъ рожку начи-

наеть вторить флейточка, къ флейточкѣ нерѣшительно присоединяется скрипка, и вдругъ звуки начинаютъ расти, расти, и, наконецъ, цѣлые потоки ихъ вырвались съ шумомъ изъ оркестра и заходили по залѣ.

Загудѣли контрабасы; тоскливо жаловались нѣжныя флейточки; назойливо рвали душу скрипки; отрывисто и сухо командовалъ барабанъ.

Герой нашъ ожилъ; блѣдный, притаивъ дыханіе, упивался онъ жалобнымъ стономъ флейты, отчаяннымъ воплемъ скрипки; всѣ нервы его были въ какомъ-то болѣзненнымъ, небываломъ напряженіи, голова горѣла, губы и глаза были сухи, во всемъ существѣ его разыгралась такая же буря, какая происходила въ оркестрѣ.

— Вотъ это такъ хорошо! такъ ихъ! руби ихъ! мошеники, христо-про-давцы! — шепталъ онъ, самъ хорошенько не сознавая, почему браваурная музыка напоминала ему мошенниковъ и христопродавцевъ.

— Что-жъ, хлопайте! выражайте же свое удовольствіе! — замѣтилъ на ухо Мичулину сидѣвшій сзади какой-то сынъ природы съ огромными усами и бородой.

Занавѣсь была поднята; на сценѣ, неизвѣстно о чемъ, но очень складно, толковала густая толпа; потомъ толпа разступилась, и какой-то господинъ началъ что-то пѣть. У Ивана Самойлыча не было ни либретто, ни обязательнаго состава, поэтому онъ очень немного попялъ изъ всего этого. Однако-жъ, по всему было видно, что господинъ былъ доволенъ собою и не мало сочувствовалъ восходящему солнцу, потому что сильно разводилъ руками.

— Фразы, братья! вадоръ все это! знаемъ мы! — говорилъ господинъ Мичулипъ, на котораго видимо началъ дѣйствовать образъ мыслей Беобахтера. — Знаемъ мы эту природу! Ты намъ давай барабановъ! — вотъ что!

И барабанъ не заставилъ себя ждать; музыка снова загремѣла полнымъ оркестромъ, и снова громъ заходилъ и заколыхался волнами по залѣ.

— Выражайте же свое удовольствіе! — приставалъ упомянутый выше сынъ природы.

Опущеніе, произведенное этой громкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-стройной музыкой, было какъ-то странно и ново для Ивана Самойлыча. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ за звуками могла ему слышаться толпа — да и какая еще толпа! — вовсе не та, которую онъ ежедневно привыкъ видѣть на Сѣнной или на Конной, а такая, какой еще онъ не ви-

дывать,—и что всего страннѣе—возможность которой онъ вдругъ началъ весьма ясно и отчетливо сознавать.

«Да, дѣло-то было бы лучше!—думалъ онъ, прогуливаясь въ антрактѣ по коридору.—Тогда бы, можетъ-быть, и я»...

И онъ не оканчивалъ своей фразы, потому что и безъ дальнѣйшаго объясненія очень хорошо и отчетливо постигали, что было бы тогда.

Но вотъ оркестръ снова заигралъ. Сначала проходили неизбѣжныя объясненія любовниковъ; какая-то тощая госпожа презрѣдно передавала смирному и безответному клаврету свои чувства; клавреть слушалъ совершенно равнодушно и только ждалъ случая, чтобы дать тыгу за кулисы. Потомъ вприноръ выѣжалъ изъ-за кустовъ какъ будто нарочно тутъ же очутившійся господинъ въ бархатной кацавейкѣ...

Мичудинъ все время отрицательно кивалъ головой, находя, повидному, что все это фразы...

Но вотъ на сцену спустилась ночь; красноватая луна горѣла на холстинномъ небѣ; озеро сияло вдали; всѣ деревья будто притихли и притаились въ ожиданіи чего-то страшнаго, необыкновеннаго; нигдѣ ни шороха, ни шелеста...

И вдругъ, посреди безмолвія, раздастся окликъ, и снова все стухло; вотъ и еще окликъ, и еще, и еще... Деревья какъ будто оживились и выпрямили сонныя верхушки свои; озеро заходило холстинными волнами; луна горитъ все краснѣе и краснѣе...

Снова цѣлый громъ на сценѣ, снова все волнуется и колыхнется, и слышится Ивану Самойловичу и выстрѣлы, и стукъ сабель, и чуется ему дымъ...

Съ волненіемъ смотритъ онъ во всѣ глаза на сцену; съ судорожнымъ вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ толпы; ему и въ самомъ дѣлѣ кажется, что вотъ, наконецъ, все кончится; онъ хочетъ самъ ѣхать за толпою и поносить заодно съ нею обаятельнаго дыма... Съ особенною пѣжностью смотритъ онъ на молодого человека, раздрающимъ голосомъ молящаго оставить ему его любовь и павильный мечтаній... Онъ такъ ютъ, такъ свѣжъ еще, молодой человекъ! Ему такъ жалко вдругъ разстаться съ своими обаятельными кумирами; ему хотѣлось бы еще долго обманывать свое сердце и ублаживать себя золотою мечтой. Но тщетны всѣ его усилія: истина на-лицо; она трезво и безъ страха снимаетъ съ души его лишніе покровы... И грустно повторяетъ горное эхо вошь юноши, послѣдній вошь! . . .

Вот, что говорили звуки души Ивана Самойлыча.

Но барабаны и вышнее за обидом вино порядочно-таки распугали его воображение. Быстрыми шагами шел он по улицѣ, надѣвая какой-то вовсе недвусмысленный мотив, и сильно стараясь поддѣлаться подъ барабанъ. Рядомъ съ нимъ очутился и сынъ природы, который сидѣлъ сзади него въ театрѣ. Съ сыномъ природы шелъ еще какой-то господинъ, который безпрестанно кивалъ утвердительно головой и улыбался.

— Ну, что, какъ вамъ понравилась опера?—приступилъ сынъ природы къ Ивану Самойлычу.—Вѣдь съ перчикомъ опера-то? а? Какъ вы насчетъ этого?

— Да; я думаю, что если бы...—процѣдилъ Иванъ Самойлычъ сквозь зубы.

— Ужъ и не говорите! Я самъ объ этомъ много думалъ, а вотъ насъ-то мало... Вотъ что! А я ужъ думалъ объ этомъ, какъ не думать! Спросите вонъ хоть у него, Антоша! ну, скажи, вѣдь думать я объ этомъ?

Антоша поспѣшно кивалъ головой и выставлялъ рядъ острыхъ и длинныхъ зубовъ.

— Рекомендую вамъ его!—продолжалъ сынъ природы, подводя къ Ивану Самойлычу Антошу.—Благороднѣйшій человекъ! Я вамъ скажу, мы много съ нимъ думаемъ, чертъ возьми! Чудеснѣйшамъ дуна, и какъ сострадасть! Право, нѣкого такъ не сострадасть! Антоша! другъ! пріятель!

Антоша осклабился.

— Очень радъ!—пробормоталъ Иванъ Самойлычъ, совершенно сконфуженный такою безцеремонностью.

— Вамъ, можетъ-быть, странна такая откровенность?—говорилъ, между тѣмъ, господинъ съ усамъ и бородой.—И вамъ скажу, вы не удивляйтесь. Вѣдь и замѣчать за вами въ театрѣ-то; я видѣлъ, что подлѣ меня человекъ страдаетъ.

Молчаніе.

— Такъ какъ вы думаете, не соединиться ли намъ въ одну общія объятія? а? Вѣдь какъ заживемъ-то! лихо, ой-Богу, лихо заживемъ... Братство—каналство! братство—вотъ мой методъ! больно знать ничего не хочу! То-есть, отнимайте у меня братство—просто, ничего не останется, просто, дрянъ-дряню съѣлаюсь!.. Такъ, что ли? братство, что ли? Эхъ, каналство, да отвѣчай же, ракала, забудыга ты этакой!

И едва началъ Иванъ Самойлычъ соображать, какимъ

образомъ могъ онъ вдругъ возбудить въ постороннемъ человѣкѣ столько симпатіи къ себѣ, какъ ужь слыть природы тискалъ его въ своихъ объятіяхъ и словно жесткою щеткою дралъ ему щеки своими усами и бородою, безпрестанно приговаривалъ: «вотъ такъ люблю! разомъ тебя понялъ! разомъ увидѣлъ, что ты такое! У, да надѣлаемъ же мы имъ теперь вместе дѣла!»

— Да ну, полѣзай же!—говорилъ онъ, обращаясь къ пріятелю Антошѣ и ставившая его съ Иваномъ Самоиловичемъ.

Антоша всѣмъ тѣломъ кинулся въ объятія второпившаго героя нашего.

Путники очутились около одного дома, котораго окна были ярко освѣщены. Слыть природы остановился.

— А не запечатлѣть ли намъ?—спросилъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто у него вдругъ родилась чрезвычайно свѣтлая и благотворная мысль.—Антоша! пріятель! другъ! запечатлѣть? а?

И онъ мигалъ глазами вычурной вывѣскѣ, на которой въ живописномъ беспорядкѣ красовались бильярдъ, чашки, окоросъ ветчины съ воткнутою въ него вилкою и графины съ водкой.

Антоша три раза улыбнулся и шесть разъ кивнулъ головой.

— Ну, а ты?—обратился слыть природы къ Ивану Самоиловичу.

— Я не знаю,—борготалъ Мичулинъ:—я забылъ... я бы съ радостью, да вотъ забылъ...

— Антоша! другъ! про что это онъ говоритъ? а? Вѣдь про деньги, кажется, говоритъ, измѣиникъ, пррредатель!

— Ка...—заговорилъ Антоша и не кончилъ, а только клоннулъ кончикомъ носа въ стѣну.

Слыть природы сталъ передъ Иваномъ Самоиловичемъ, разставилъ ноги, уперся руками въ бока наподобіе ферта, взглянулъ ему въ глаза съ видомъ горько-уязвленной дружбы и съ упрекомъ замоталъ головой.

— А, такъ вотъ ты какой, предатель! Деньги! Развѣ я спрашивалъ у тебя денегъ? спрашивалъ? а? Такъ вотъ я же тебя—деньги! Антоша, другъ!

И оба друга мгновенно взяли Ивана Самоиловича подъ руки и быстро потащили его вверхъ по тускло-освѣщенной лѣстницѣ.

Мичулинъ совсѣмъ растерялся. Онъ еще въ первый разъ видѣлъ къ себѣ столько сочувствія, столько горячей симпатіи. И въ комъ?—въ людяхъ совершенно ему чужихъ, въ лю-

дяхъ, которыхъ ему довелось разъ только видѣть, и то мимоходомъ.

Половые засуетились. Машина заиграла.

— Эй, малый!—кричала сынъ природы:—да что это она, братецъ, тамъ у васъ размазня какую-то играетъ! Ты намъ давай барабаношь—вотъ что! Э? съ барабанами есть?

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчалъ половой, бодро потряхивая кудрями.

— Отчего-жъ нѣтъ?

— Да не требуется,—отвѣчалъ половой.

— Не требуется? Э, братъ, видно, къ вамъ народъ-то такой, людишки-то все такіе — размазня—ходятъ! Нѣтъ, братъ, мы вотъ втроемъ, мы души крѣпкія, закаленные... Антоша, а, Антоша! другъ! закаленные души, а?

— О-о-охъ!—жаловался сынъ природы, покручивая усы:— времена-то наши еще не пришли, а то бы чего-чего мы втроемъ ни надѣлали. Слышь ты, осель! слышишь, олухъ?—продолжалъ онъ, обращаясь къ половому.—Вотъ мы втроемъ какіе люди! Такъ ты давай намъ барабановъ, бравуру давай—вотъ что, понимаешь? Ну, проваливай, да неси скорѣе, что тамъ у васъ есть!

Черезъ минуту стоялъ былъ уставленъ бутылками, графинами и стаканами. Въ сторонѣ скромно стояла закуска.

— Ужъ я такъвоъ есть!—говорилъ сынъ природы, наливая стаканы.—Я вотъ весь тутъ на ладони, что хочешь со мною дѣлай! Любишь—другъ! не любишь—Вогъ съ тобою! А я ужъ тутъ весь, какъ есть сынъ природы! Ни лукавства, ни хитрости!

Иванъ Самофилычъ выпилъ—горько.

— Да ну, пей же! она, водка, откровенная! Вотъ и я откровенный! Вотъ и постегали меня разъ, а я все-таки откровенный — не могу, нельзя мнѣ иначе! Антоша, Антоша!—продолжалъ онъ съ укоромъ:—и ты другъ, послѣ этого? и тебѣ не стыдно, а? Даръ природы стоитъ передъ тобою, и тебѣ не совѣстно? Ай-да другъ! Ну, осрамилъ, братъ!

Антоша выпилъ однимъ разомъ...

И пили они много и долго пили. Иванъ Самофилычъ и не помнилъ счета; едва опараживалъ онъ стаканъ, какъ передъ нимъ вырастаетъ новый и совершенно полный. Смутно, какъ будто во снѣ, мерещились ему тосты, предлагаемые зычнымъ голосомъ сына природы.

Иванъ Самофилычъ потерялъ всякое чувство. Онъ видѣлъ, правда, что сынъ природы какъ будто собрался куда-то

выйти съ Антоней и что-то указывать на него половому, но ничего не понималъ изъ всѣхъ этихъ жестовъ и разговоровъ.

Когда онъ проснулся, на дворъ было ужъ свѣтло. На столѣ лежали объѣдки вчерашней закуски, стояли графины съ подоштой водкой. Въ головѣ его было тяжело; руки и ноги дрожали.

Онъ началъ принимать себя происшедшее, искалъ глазами своихъ товарищей, но въ комнатѣ не было никого. Внезапно въ душу его закралось тревожное сомнѣнiе. «Что, если это мошенники! — подумалъ онъ: — что, если они завели меня, чтобъ поужинать, да потомъ, напоявши, и оставили меня подъ залогъ?»

Эта мысль мучила его; на цыпочкахъ подошелъ онъ къ двери и приложилъ ухо къ замочной скважинѣ. Въ сосѣдней комнатѣ слышались ругающiеся голоса заспавняхъ половыхъ. Онъ вышелъ изъ засады и спросилъ шинель.

Началъ искать шинель — шинели не оказалось; Ивана Самойлыча точно варомъ обдало. Половые засуетились; поднялась бѣготня, но ничто не помогало: шинель никакъ не отыскивалась.

— Да вы съ кѣмъ приходили? — спросилъ буфетчикъ.

— Я не знаю; я въ первый разъ ихъ видѣлъ.

— Мошенники! Дивуны какiе-нибудь!

— Да какъ же я безъ шинели?

— Не знаю, — отвѣчалъ буфетчикъ съ разстановкой: — ужъ, видно, такъ, безъ шинели, придется... ночью-то оттеплено... Да вотъ еще счетецъ не заплатили...

Языкъ Ивана Самойлыча прилипъ къ нѣбу.

«Совъ въ руку!» — подумалъ онъ и всѣмъ тѣломъ затрясся.

— Такъ прощайте... и ужъ такъ, — сказала онъ, направились за двери.

— А какъ же счетецъ-то? — возразилъ буфетчикъ.

— Да я не знаю... это они! — бормоталъ Иванъ Самойлычъ и все шелъ къ двери.

Но его не пустили; Мичулинъ вздумалъ было силой прорваться на лѣстницу, но два дюжие парня крѣпко держали его за руки и не хотѣли никакъ выпустить. Началась борьба; отчаянiе, казалось, удесятерило его силы; онъ уже заносилъ ногу за порогъ, онъ былъ ужъ на лѣстницѣ, какъ вдругъ у самаго его носа, неизвѣстно откуда, выросъ удивительнаго разбѣра гороховой, а въ ухахъ неприятно зазвучало: «а куда ты, шарашига, лѣзешь?»

На такую апострофу Иванъ Самоильчъ почелъ за нужное отвѣчать, что онъ вовсе не шарамыга, а привыкъ, дескать, къ обращенію деликатному и тонкому; но городской, повидимому, и знать не хотѣлъ деликатнаго обращенія. Ему вдругъ очень ясно представилось, что шарамыга-то вѣдь грубитъ; тогда какъ на самомъ дѣлѣ Иванъ Самоильчъ только оправдывался и объявлялъ, что вотъ, дескать, такъ и такъ и больше ничего...

— А! ты еще грубитъ, ты еще разсуждаешь! Эй, кто тамъ! Взять его и распорядиться!

На успѣвъ господинъ Мичулинъ оглянуться, какъ подлѣ него очутилось три помощника, хотя и гораздо меньшихъ размѣровъ, нежели городской. Всѣ четверо схватили его и повели на улицу.

Тщетно умолялъ Иванъ Самоильчъ городского отпустить, тщетно соблазнялъ онъ его, показывая въ рукѣ уцѣлѣвшіе у него два двугривенныхъ... тщетно! Городовой безстрастно шелъ впередъ, и не только поуждалъ его за рукавъ, но даже для того, чтобъ публично выразить свое безкорыстіе, оралъ во все горло:

— И, что ты! Богъ съ тобой! Да я тебя за сто рублей не выпущу! Ты, братъ, знай свои порядки! ты, братъ, слушайся, коли начальство приказываетъ--вотъ что!

А народу собралась цѣлая толпа, а въ толпѣ-то смѣхъ, въ толпѣ-то веселье: взяли, дескать, барина въ пѣмецкомъ платьѣ!

— Эвоя!—говоритъ бородатый молодецъ, уже поднявшій было голову своего бараньяго тулупа, чтобъ утереть носъ, и оставшійся въ положеніи совершеннаго изумленія:—глянь-ка, братъ, Ванюха, глянь-ка,--кургузаго ведутъ..

— Что, видно, ваша милость прогуливаться изволите?—подхватываетъ другой, тоже, повидимому, очень бойкій молодецъ.

— Ги-ги-ги!—отозвался извѣстный Ивану Самоильчу голосъ дѣвушки, жившей своими трудами.

— Наме намъ почтеніе!—подхватилъ близъ стоявшій бѣлокурый студентъ.

— Ха-ха-ха!—раздалось въ толпѣ.

Мичулинъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Что скажутъ о немъ знакомые? А знакомые непременно все тутъ, стоять-сѣбѣ рядомъ и смотрятъ ему прямо въ лицо... Что скажетъ Наденька? А Наденька непременно здѣсь, и ужъ навѣрное думаетъ, что онъ, позабывшись, сходилъ за платкомъ, вмѣсто

своего, въ чужой карманъ... О! это очень горестно!.. И онъ снова вынималъ изъ кармана завѣтные двугривенные, снова перевертывалъ ихъ въ глазахъ городского, стараясь, чтобъ на нихъ ударилъ какъ-нибудь солнечный лучъ и сообщилъ имъ ослѣпительный, неострашимый блескъ.

Наконецъ, его втолкнули въ какую-то темную, пренеполненную тараканами каморку; но и тутъ залягтые гонители не оставили его.

— Отпустите меня!—жалобнымъ голосомъ вопіялъ Иванъ Самойлычъ одному изъ приставниковъ своихъ, называвшемуся Мазулей:—голубчикъ! почтеннѣйшій! отпустите меня! Ужъ я послѣ отблагодарю вамъ, почтеннѣйшій! Вѣчно, всю жизнь буду вамъ благодаренъ, голубчикъ!.. Посудите сами: вѣдь я не какой-нибудь...

— Ахъ, другъ ты, право, дру-угъ!—отвѣчала Мазуля тономъ, впрочемъ, довольно мягкимъ:—ну, чего ты просишь, душа ты безпардонная! Порядковъ ты не знаешь, дру-угъ! Ты сяди-ись! ты на народъ посмотри! Вѣдь тебя потреплютъ-потреплютъ—да и марши! Вотъ что, дру-угъ! то-то, другъ ты! душа безпардонная! А вѣдь мпѣ...

И сердобольный наставникъ обратился къ окошку.

— Бородаукинъ! а Бородаукинъ! кричалъ онъ стоявшему спаружи товарищу:—куда, братъ, рожекъ-то спрятали? Смерть хочется—носъ совсѣмъ свело! То-то, дру-угъ, порядковъ-то ты не знаешь! Ахти-хти!

Дверь отворилась, и просунутая дружескою рукой Бородавкина тавличка открыла дары свои охотнику до сильныхъ ощущеній Мазуль.

— Да чѣмъ же все это кончится?—спрашивалъ сквозь слезы Иванъ Самойлычъ.

— Извѣстно чѣмъ!—отвѣтилъ Мазуля флегматически:—извѣстно чѣмъ! Набольшій разъ-два стукнетъ, да и отпуститъ—вотъ чѣмъ!

Наступило молчаніе.

— А можетъ, и три стукнетъ, какъ ему вздумается!—сказалъ наставникъ, подумавъ немного.

Новое молчаніе.

Иванъ Самойлычъ былъ въ самомъ мучительномъ положеніи. Что же онъ въ самомъ дѣлѣ такое, что его судьба такъ неумолимо преслѣдуетъ? Ужъ не принцъ ли онъ какой-нибудь, свергнутый съ престола посредствомъ крамолы властолюбиваго царедворца и скитающійся теперь внигоинто? Но въ такомъ случаѣ онъ былъ готовъ сейчасъ же, и за себя,

и въ своихъ наследниковъ, отказаться отъ всякихъ претензій на всевозможныя блага, только оставили бы его въ покоѣ въ эту минуту.

А между тѣмъ вошелъ и Бородавкинъ. О, какъ жестоко онъ былъ съ Иваномъ Самоильчемъ! какъ презрительно и обидно обращался онъ съ нимъ! И первымъ оскорбленіемъ было то, что онъ, безъ всякихъ церемоній, сталъ скидать передъ нимъ свое платье, и въ сотый разъ не узналъ своей шинели, хотя въ сотый разъ ужъ держалъ ее у себя въ рукахъ; въ сотый разъ оглядывалъ и перевертывалъ ее на всѣ стороны—и все-таки никакъ не могъ узнать, и снова искалъ, и снова не находилъ.

— Да гдѣ же она?—спрашивалъ онъ самъ себя, прибавивъ къ этому нѣсколько рѣзкое выраженіе:—да куда-жъ она подѣвалась, распрямлятая?

— Да она у васъ въ рукахъ!—осмѣлился замѣтить Иванъ Самоильчъ, но осмѣлился чрезвычайно робко и мягко, какъ будто бы дѣлалъ странное преступленіе.

— Въ рукахъ,—ворчалъ Бородавкинъ себѣ подъ носъ, какъ будто и не слышалъ, что замѣчаніе неходило со стороны Ивана Самоильча:—а кто ее знаетъ, можетъ, и въ рукахъ! Вотъ какъ не нужно ее, распрямлятую,—такъ и лѣзетъ, такъ и лѣзетъ, глаза колетъ! А какъ пужда—тутъ ее и вѣтъ! Право! такъ! Хитерь, лукавъ пычке сдѣлался народъ! Ну, полѣзай! да полѣзай же, тебѣ говорятъ!

— Да когда же все это кончится?—спросилъ Мицунинъ.

Бородавкинъ пристально взглянулъ на него и отвернулся.

— Чѣмъ же я виноватъ? Посудите сами! Вѣдь я ничего, право, ничего...

Бородавкинъ не отвѣчалъ.

— Да чѣмъ же все это кончится?—слова вопіялъ Иванъ Самоильчъ.

— Ты садись!—проговорилъ Бородавкинъ законически.

— Посудите сами, почтенѣйшій! Вѣдь я, просто, такъ... за что-жъ?

— Ты, братъ, совѣмъ какъ малый ребенокъ!—возразилъ Бородавкинъ:—ничего ты не понимаешь, никакого порядка! Ну, чего ты хнычешь? Садись!

— Да посудите же сами, голубчикъ... вѣдь я человѣкъ образованный...

— Образованный! ну, какой же ты образованный, коли порядокъ не знаешь, набольшему согрѣбить? А образо-

ванный! Да ты садись, а я съ тобой и говорить-то не буду, и слушать-то тебя не хочу!

И Вородавкинъ погружился въ размышленіе.

— Вѣдь мнѣ, братъ, — вотъ что! — сказать оныя подобно Мазуль, подумавъ нѣсколько времени.

Наконецъ, Ивана Самоѣлыча повели; проводники снова шли по сторонамъ. Вели его что-то долго, очень долго, и на дорогѣ встрѣчались разныя лица, которыя оборачивались и насмѣшливо поглядывали на блѣднаго и чуть живого отъ стыда героя этой повѣсти.

— Должно-быть — мошенники! — говорилъ франтъ въ коричневомъ пальто и съ столь же коричневымъ посогъ.

— А можетъ-быть и государственный преступникъ, — отвѣчалъ господинъ съ подозрительной физиономіей, безпрестанно оглядывавшіяся назадъ.

— Мошенникъ, я вамъ говорю — мошенникъ! — возражало съ жаромъ коричневое пальто. — Просто, платки воровалъ! Посмотрите, что за рожа! За ничто, изъ одного удовольствія, готовъ зарѣзать человѣка...

Но подозрительный господинъ не утомился и все-таки стоялъ на своемъ, что это долженъ быть важный государственный преступникъ.

Много мудрыхъ рѣчей слышалъ Иванъ Самоѣлычъ во время земного странствія своего; много полезныхъ житейскихъ совѣтовъ прошло черезъ слуховой его органъ; но, постигнѣ, ничего подобнаго не могло даже и представить себѣ не совсемъ бойкое его воображеніе тому, что нарекли уста пѣвческаго. Рѣчь его была проста и безыскусственна, какъ сама истина, а между тѣмъ не лишена и нѣкоторой соли, и съ этой стороны походила на вымыселъ, такъ что представляла собою одинъ величественный синтезъ, соединеніе истины и басни, простоты и украшеннаго блестящими поэзіи вымысла.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! — говорилъ пѣвчій: — ты подумай, что ты сдѣлалъ! Ты выкинулъ въ свой поступокъ, да не по поверхности скользи, а сойди въ самую глубину своей совѣсти! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

И дѣйствительно, Иванъ Самоѣлычъ выкинулъ, и какъ-то вдругъ ему представилось, что оныя и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ ужасно гнусное преступленіе.

— Да ужь что-жъ дѣлать! — отвѣчалъ оныя, влезавшо подавленный могучею силою угрызеній совѣсти: — ужь это

грѣхъ такой случился! ужъ вы меня простите великодушно! право, простите!

Но набольшій быстрыми шагами заходить по комнатѣ, вѣроятно придумывая, какъ бы этакъ вновь еще болѣе убѣдить своего подсудимаго и окончательно вызвать въ немъ пробужденіе закосившей совѣсти.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! — сказали онѣ, спусти нѣсколько минутъ.

И снова зашагалъ по комнатѣ.

— Вы извольте сами милостиво разсудить, — началъ, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ: — вѣдь я человѣкъ благовоспитанный и одѣтъ, какъ кажется, какъ слѣдуетъ благовоспитанному человѣку, а не то чтобъ какой-нибудь мужикъ!

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! — возразилъ набольшій таинственнымъ голосомъ и покачивая головой, какъ будто въ одно и то же время и удивлялся неопытности Мичулина, и хотѣлъ ему сообщить что-то чрезвычайно секретное. — То-то вотъ неопытны! Да вы не знаете, какия дѣла на свѣтѣ дѣлаются! да иной съ бобримъ, сударь, ходитъ, по-французски, по-нѣмецки и чортъ его знаетъ еще по-каковски — а наутъ, мошенникъ, сударь! естественнѣйшій мошенникъ! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

Иванъ Самойлычъ снова понурилъ голову, и снова набольшій зашагалъ по комнатѣ.

— Что же мнѣ съ вами дѣлать? — спросилъ набольшій послѣ краткаго размышленія.

— Да ужъ будьте великодушны, простите! — замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Право, не знаю; истинно вамъ говорю — изъ презабудительное поставили вы меня положеніе! Съ одной стороны, и вѣсть жалъ: думаешь, ни за грошъ пропадетъ, но неопытныи своей, молодой человѣкъ! А съ другой стороны — примѣръ пужень, долъ повелѣваться... наша обязанность... О, вы не знаете, что такое наша обязанность!

Мичулинъ согласился, что обязанность, дѣйствительно, отвѣтственная, но все-таки просилъ великодушно отпустить его.

— Ужъ развѣ для такого дня? — сказала набольшій въ видѣ предположенія (дѣль былъ, повидимому, торжественный).

— Да, ужъ хоть для дня-то!

— Право, не знаю... дѣло-то оно такое затруднительное...

И набольній снова началъ шагать, все обдумывая, какъ бы ему выйти изъ затруднительнаго положенія.

— Ну, да ужъ Богъ съ вами — была не была, отвѣчу передъ Богомъ; ужъ, видно, дѣлать нечего — нравъ у меня такой... то-есть, повѣрите ли, послѣднюю рубанку готовъ съ себя снять, а ближняго безъ рубашки не оставлю... Нѣтъ!

Иванъ Самойлычъ, съ своей стороны, отвѣчалъ, что и онъ готовъ снять съ себя послѣднюю рубанку, чтобъ выразить господину набольшему свою чувствительнѣйшую благодарность, но что ужъ поминать оказанное благодареніе станеть по гробъ, будьте въ томъ увѣрены!

— Чтѣ мнѣ ваша память! — отвѣчалъ набольній со вздохомъ: — чтѣ мнѣ благодарность ваша! Спокойствіе совѣсти — вотъ гдѣ награда! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

IX.

Незамѣченный никѣмъ пробрался Иванъ Самойлычъ въ свою уединенную комнату. По сказавъ никому ни слова о случившемся съ нимъ происшествіи, заперъ онъ дверь и задумался, горько задумался... Происшествіе окончательно докапало его. А тутъ еще и лихорадка бьетъ, и мысли такія въ голову лѣзутъ... Тяжко, совѣмъ тяжело жить на свѣтѣ!.. А лихорадка все бьетъ! а мысли все лѣзутъ, все лѣзутъ!

И Мичулишъ думалъ, думалъ... пока не пришелъ къ нему рыжій, плечистый мужикъ съ огненною бородою, и не сталъ настоятельно требовать удовлетворенія; за мужикомъ кидалась на него, показывая самые страшные и длинные когти, Паденька и тоже искала удовлетворенія... Иванъ Самойлычъ совѣмъ растерялся, тѣмъ болѣе, что надъ всѣмъ этимъ хаосомъ возвышалось безконечное на безконечно-маленькихъ ножкахъ, совершенно подгибавшихся подъ огромною, подавлявшею ихъ тяжестью. Но всего обиднѣе то, что, вглядываясь въ это страшное, всепоглощающее безконечное, онъ ясно увидѣлъ, что оно не чтѣ иное, какъ воплощеніе того же самаго страшнаго вопроса, который такъ мучительно и настойчиво ныталъ его горькую участь.

И въ самомъ дѣлѣ, безконечное такъ странно и двусмысленно улыбалось, глядя на это конечное существо, которое, подъ фирмою «Иванъ Самойлычъ Мичулишъ» пресмыкалось у ногъ его, что бѣдный человѣкъ оробѣлъ и потерялся вконцѣ...

— Погоди же, сыгралъ я съ тобой штуку! — говорило безконечное, подпрыгивая на упругихъ ножкахъ своихъ: —

ты хочешь знать, что ты такое? Изволь: я подниму завѣсу, скрывающую отъ тебя таинственную дѣйствительность, — смотри и любуйся!

И дѣйствительно, разомъ очутился Иванъ Самоѣлычъ въ пространствѣ и во времени, въ совершенно неизвѣстномъ ему государствѣ, въ совершенно неизвѣстную эпоху, окруженный густымъ и непроницаемымъ туманомъ. Вглядываясь, однакожь, пристальнѣе, онъ не безъ удивленія замѣтилъ, что изъ тумана вдругъ начинаютъ отдѣляться безчисленное множество колоннъ, и что колонны эти, принимая къверху все болѣе и болѣе наклонное положеніе, соединяются, наконецъ, въ одной общей вершинѣ и составляютъ совершенно правильную пирамиду. Но каково же было изумленіе бѣднаго смертнаго, когда онъ, подойдя къ этому странному зданію, увидѣлъ, что образующія его колонны сдѣланы все не изъ гранита или какого-нибудь подобнаго минерала, а все составлены изъ такихъ же людей, какъ и онъ, только различныхъ цвѣтовъ и формъ, что, впрочемъ, сообщало всей пирамидѣ пріятный для глазъ характеръ разнообразія.

И вдругъ замелькали ему въ глаза различныя знакомыя лица: вотъ и Беобахтеръ, философіи кандидатъ, съ гитарою въ рукахъ, вращающійся безсознательно въ одной изъ колоннъ; вотъ и занимающійся литературою Ваня Маравъ, мужчина статный и красивый, но съ нѣсколько пьяными глазами; и все эти знакомыя лица такъ низко стоятъ, такъ безсознательно, безлично улыбаются, завидѣвъ Ивана Самоѣлыча, что ему стало совѣстно и за нихъ, и даже за самого себя, что могъ онъ водить знакомство съ такими ничтожными, не стоящими плевка людьми.

«А что, если и я...», — подумалъ онъ, да и не додумалъ, потому что мысль его замерла на половинѣ пути: такъ испугался онъ, вдругъ вспомнивъ, что этакъ и себя можетъ, пожалуй, увидѣть въ несовсѣмъ затѣливомъ положеніи...

И какъ нарочно, огромная пирамида, до тѣхъ поръ показывавшая ему, одну за другою, все свои стороны, вдругъ остановилась. Кровь несчастнаго застыла въ жилахъ, дыханіе занялось въ груди, голова закружилась, когда онъ увидѣлъ, въ самомъ низу необыкновенно объемистаго столба, такого же Ивана Самоѣлыча, какъ и онъ самъ, но въ такомъ бѣдственномъ и странномъ положеніи, что глазамъ не хотѣлось вѣрить. И дѣйствительно, стоявшая передъ нимъ масса представляла любопытное зрѣлище; она вся была со-

ставлена изъ бесчисленнаго множества людей, одинъ на другого насаженыхъ, такъ что голова Ивана Самойлыча была такъ изуродована тѣготѣницею надъ нею тяжестью, что лишилась даже признаковъ своего человѣческаго характера, а часть, называемая черепомъ, даже обратилась въ совершенное ничтожество и была окончательно выписана изъ наличности. Вообще, во всей фигурѣ этого страшнаго, мучительнаго Мичулина выражался такой умышленный лаунеризмъ, такое нравственное нищенство, что настоящему, издали наблюдающему Мичулину сдѣлалось и тѣсно, и тяжело, и онъ съ силою устремился, чтобъ вырвать своего страдающаго двойника изъ-подъ гнетущей его тяжести. Но какая-то странная сила приковала его къ одному мѣсту, и онъ со слезами на глазахъ и гложащею тоскою въ сердцѣ обратилъ взоръ свой выше.

И тѣмъ выше забирался этотъ взоръ, тѣмъ окончннѣе казалась Ивану Самойлычу люди

Онъ самъ теперь чувствовалъ, какъ страшная тяжесть давила его голову; онъ чувствовалъ, какъ, одно за другимъ, пропадали тѣ качества, которыя дѣлали изъ него человѣческой образъ... Холодный потъ обшваривалъ его тѣло; дыханіе замерло въ груди; волосы, одинъ за другимъ, повелились и вставали; весь организмъ трепеталъ въ паническомъ ожиданіи чего-то неслыханнаго... Онъ сдѣлалъ отчаянное, непопулярное усиліе и проснулся.

Вокругъ постели его, въ глубокомысленномъ безмолвіи, стояли всѣ жнаницы Шарлотты Готлибовны. Первымъ предметомъ, особенно поразившимъ его отшельнншіе отъ сна глаза, была Наденька Ручкина, та самая гордая и непоколебимая Наденька, которая столько разъ говорила ему, что ужъ если она что сказала, такъ ужъ сказала, и слова своего не перемѣнитъ ни въ жизнь, и которая въ настоящую минуту сидѣла на его постели и злобно и злобно укутывала ему ноги. Это отрадное явленіе въ одну минуту такъ поглотивало все его вниманіе, что онъ забывалъ все окружающее; въ душѣ его вдругъ мелькнуло нечто похожее на миражъ, и въ воображеніи незамѣтно начала рисоваться тихая, но полная счастья семейная жизнь съ любящею и любимою женою, съ ненаглядными дѣтьми... Онъ ужъ хотѣлъ-было весело и бодро встать съ постели, чтобъ поцѣловать эти розовыя губы, самыя розовыя, какія только возможно встрѣтить на цѣлой поверхности земнаго шара,

и потому, ловко подмигнувъ однимъ глазомъ и посмотрѣвъ подъ постель сперва съ одной, а потомъ и съ другой стороны, тутъ же сказать, какъ и подобаетъ ласковому отцу семейства: «въ куда спрятался этотъ плутъ-малышъ? Кого или хитрая дѣвочка Варенька?..»; все это уже мелькнуло было въ душѣ Ивана Самойлыча, какъ вдругъ глазами его представилась дѣйствительность — дѣйствительность самая нагая и безотрадная, какую только можно было себѣ вообразить; однимъ словомъ, дѣйствительность, составленная изъ Шарлотты Готлибовны, Ивана Макарыча, господина Безбахтера и Алексея Звонскаго.

— А мы было думали, что тебѣ ужъ того... карачунъ пришелъ! — заревѣли, какъ изъ бочки, сильный басъ друга и пріятели Ивана Макарыча надъ самымъ ухомъ Мичулина.

— Да, именно ми думалъ, что вамъ ужъ совѣмъ карачунъ, — отозвалась тонкая фигура Шарлотты Готлибовны, тонко опираясь на мощное плечо Черезыги.

— Смотри на васъ въ эту минуту, я понять, наконецъ, загадку жизни! Я видѣлъ блѣдную смерть, махающую немудримымъ лезвиемъ косы своей... О, это страшная, торжественная минута! Миѣ представлялась эта блѣдная смерть... pallida mors... Вы читали Горация, Иванъ Самойлычъ?

Такъ проговорить свое привѣтствіе господинъ Безбахтеръ, но проговорилъ его такимъ сладкимъ и пріятнымъ голосомъ, какъ будто бы дѣло шло о вещи самой обыкновенной.

— Да, мы думали, что вы ужъ совѣмъ умерли! — отозвался, съ своей стороны, апатически-законопическій Алексей.

Иванъ Самойлычъ благодарилъ собесѣдовъ за участіе, говорилъ имъ, что онъ еще совершенно живъ, въ доказательство чего и начиналъ было подниматься съ постели. Но онъ не могъ; голова его горѣла, въ глазахъ было мутно, силы ослабли, и какъ ни старался онъ казаться бодрымъ и свѣжимъ, а поневолѣ долженъ былъ снова опуститься на подушку.

— Благодари, братъ. Бога, что ты еще не околѣлъ и что тутъ не было квартальнаго надзирателя! — заревѣли снова Иванъ Макарычъ и протянулъ ужъ руку, чтобъ ударить больного, въ знакъ сочувствія, по плечу, и непремѣнно ударилъ бы, если бы не удержала его Наденька.

— Квартальный надзиратель? — прошепталъ Иванъ Самойлычъ едва слышнымъ голосомъ. — А что, развѣ я что-нибудь... того?

— Да, братъ, ужъ извѣстно... того.

— О, ви очень вольна мысль дѣлать! — прервала Шарлотта Готлибовна.

— То-есть, просто, донеси я или кто-нибудь другой, просто, найдись какая-нибудь этакая шельма, христопродавецъ — озолотятъ, ей-Богу, озолотятъ. Не будь я Иванъ Пережига!.. Ну, а тебя, извѣстно, на казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ... Ха-ха-ха! Такъ ли, Шарлотта Готлибовна?

— О, ви очень любезни калалиръ, Иванъ Макарычъ!

— Да, это ужасно! Быть закованнымъ въ тяжелыя цѣпи, осужденнымъ на вѣчную тьму, вѣчно видѣть одно и то же сухое и прозаическое лицо темничнаго стража, слышать, какъ капля по каплѣ вытекаетъ жизнь!.. О, это ужасно!.. — сказалъ господинъ Беобахтеръ, особенно нѣжно напиралъ на слова: «капля по каплѣ».

— Ужъ какъ пошелъ, братъ, по мечтанію, — снова замѣтилъ Иванъ Макарычъ: — да началъ вывертывать въ головѣ разныя этакія штуки, такъ тутъ ужъ, братъ, адъ моя плезирь, пини пропало!.. Вотъ я про себя скажу: я въ жизнь свою никогда не мечталъ, а поди-тко, пощипи другого такого молодца..

Шарлотта Готлибовна зардѣлась.

— Ну, такъ что-жь ты не вѣтаешь? — продолжалъ онъ, обращаясь къ Мичулну и сильно трясъ его за руку. — Не спать же въ самомъ дѣлѣ цѣлый день! Небойсь, раскись, укачали тебя домовые-то? Эка баба! Просто, даже смотрѣть на тебя противно.

Но Иванъ Самойлычъ молчалъ; блѣдный, какъ полотно, лежалъ онъ безъ всякаго движенія на постели: пульсъ его бился слабо и медленно; во всемъ существѣ своемъ ощущалъ онъ какую-то лебывалую, болѣзненную слабость.

Наденька Ружкина наклонилась къ нему и, взявъ его за руку, спросила, не нужно ли ему чего-нибудь, чтѣ онъ чувствуетъ, и такъ далѣе, какъ обыкновенно спрашиваютъ сердобольныя молодыя дѣвушки.

— Я не знаю... мнѣ больно, — чуть слышно отвѣчалъ Иванъ Самойлычъ: — мнѣ очень больно...

— А! небойсь, и языкъ развязался! — ревъль, между тѣмъ, Пережига: — небойсь, расшевелилася, какъ женскій-то нель подошелъ!

— Оставьте меня... я боленъ! — шепталь Иванъ Самойлычъ умоляющимъ голосомъ.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, пусть его тутъ бабится! Милости просимъ, господа, ко мнѣ.

Иванъ Самоильичъ остался одинъ на одинъ съ Наденькой; глаза его неподвижно были устремлены на нее; блѣдное, худое лицо выражало переносное страданіе; медленно взявъ онъ ея руку и долго-долго прижималъ къ губамъ своимъ.

— Наденька, добрая!—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ:— поцѣлуй меня... въ первый и въ послѣдній разъ!..

Наденька изумилась. По свойственной ей подозрительности, она начала ужъ было смекать, что все это не даромъ, что все это штука, что онъ хочетъ только усыпить ея бдительность; но когда она взглянула на это измощенное лицо, на эти глаза, обращенные къ ней съ мольбою и ожиданіемъ, ей вдругъ стало какъ-то совѣстно своихъ подозрѣній; маленькому сердцу ея сдѣлалось и тѣсно, и холодно, а при томъ и слеза, самая миньютюрная, крохотная слеза, какъ-то совершенно нечаянно навернулась на глаза и упала съ ея глазъ на раскрытую грудь Милушина. Дѣлать нечего. Наденька стерла слезу, наклонилась и поцѣловала больного. Лицо Ивана Самоильича улыбнулось.

— Что это съ вами, Иванъ Самоильичъ?— спросила Наденька:— вѣрно вы простудились?

— Охъ, вѣтъ, это все то... все по тому дѣлу... помните, по которому я къ вамъ приходилъ?

— А что, развѣ оно важное какое-нибудь дѣло, что такъ разстроило васъ?

— Да, оно знаете... дѣло капитальное!.. А какъ мнѣ больно-то, больно-то, если бы вы знали!

Наденька покачала головой.

— Не послать ли за лѣкаремъ, Иванъ Самоильичъ?

— За лѣкаремъ?.. Да, оно бы не худо! Можетъ, что-нибудь и прописалъ бы... А впрочемъ, зачѣмъ? Вѣдь дѣла-то онъ мнѣ все-таки не объяснитъ!.. Вѣтъ, не нужно лѣкаря!

— Да, по крайней мѣрѣ, онъ помогъ бы вамъ, Иванъ Самоильичъ!

— Вѣтъ, ужъ это пустое дѣло, Наденька, самое пустое! Я вамъ говорю, я знаю... Онъ, можетъ статься, и поможетъ, да толку-то въ этомъ что будетъ! Ну, выздоровлю... а потомъ-то?.. Вѣтъ, не надо лѣкаря!..

Наденька молчала.

— Да, къ тому же, лѣкарю-то вѣдь нужно денегъ; къ

обидному хороши-го и пойти не захочется... вот оно что! А какой попадетесь-то — Христоса, съ шмыг — только заму-чать... лучше уась такъ умереть!

Въ это время дверь съ шумомъ открылась и въ комнату ввалилась дебелая фигура Пережити со штофомъ въ одной и рюмкою въ другой рукъ.

А вотъ, хвати-ко, друже, бальзамчику! — ревнѣть зна-комый Ивану Самойлычу голосъ: — это, братъ, знаешь, какъ думу отведеть, ай-Богу, отведеть!.. А уаренъ, такъ, видно, такъ уась оно быть должно; видно, такъ ужъ и Богу угодно! Ну-ка, вышей. Да не морщися же, баба!

И Мичулинъ съ ужасомъ видѣть, какъ дрожащая и не-верная отъ частыхъ жергвъ Бахусу рука Пережити на-полнила рюмку жирнымъ, какъ огонь, составомъ, заключав-шимся въ графинъ. Онъ началъ-было отказываться, гово-рять, что ему легче, что бытъ слава Богу, но тѣмъ же: рюмка была уже налита, да при томъ же и Наденька сво-ими мягкими голоскомъ убивала его попробовать, авось, дескать, отъ этого нехитро и полегчить ему. Не переводя духу, вышлзъ Иванъ Самойлычъ, подавнную водку и почти безъ чувствъ унасть на постель.

— Эка водка! эка воръ-водка! говорилъ, между тѣмъ, другъ и прятель Иванъ Макарычъ, глядя на искаженное конвульсіями лицо Мичулина. — Этъ ее забррастъ, экъ ба-бираетъ! У, беснпалская водка! еще какъ опъ не захлеб-нулет! Право, такъ живучъ, живучъ! А вѣдь въ темъ дуна держите!

И Пережита съ самодовольною улыбкою любовался напе-моженемъ и страданіями Ивана Самойлыча, какъ будто хотѣлъ сказать ему: — «а что, братъ! задать я тебѣ за-дачу? Посмотришь, какъ-то ты ишь нея вышутаешься... А живучъ! живучъ!»

Дѣйствительно, вышутаться было ужъ довольно трудно. Наденька побѣжала за докторомъ и скорѣй привела ка-кого-то лѣмца въсколькю навеселъ, безпрестанно похав-шаго табакъ и плевавшато во все стороны. Лѣкаръ подо-шелъ къ больному, долго и съ напряженіемъ шуналъ ему пузель, какъ будто хотѣлъ проверить у него въ рукъ дыру, и покачалъ головой; всѣмъ высунуть языкъ, осматрѣвъ и тоже покачалъ головой; потомъ понюхалъ табаку, снова понюхалъ пузель и пристально осматрѣвъ языкъ.

— Schlecht, — сказалъ докторъ въ раздуми.

— Что-жъ, есть ли кака-нибудь надежда? — спросила Наденька.

— О, никакой, не полагайте! А впрочемъ, поднимте пациенту голову...

Голову подняли.

— Гм! никакой надежды! ужъ вы пошрьте! и ужъ знають! Вы давали ему что-нибудь?

— Да, Иванъ Макарычъ давалъ ему водку.

— Водку? Schlecht, sehr schlecht... А есть у васъ водка?

— Не знаю; спрошу у Ивана Макарыча.

— Ничь, не нужно; я такъ, болѣе изъ любви къ себѣ... А впрочемъ, ужъ если есть, такъ отчего и не вышть?

Наденька вышла в минуту черезъ пять воротилась съ графиномъ.

— Водка очень часто здорово, а очень часто и вредно, — глубокомысленно замѣтилъ медикъ.

— Что-жъ, умереть, что ли, надобно? — робко и едва слышно спросилъ Иванъ Самойлычъ.

— Да, ужъ это будте покойны: умрете, непременно умрете!

— А скоро? — снова спросилъ больной.

— Да этакъ часа черезъ два, черезъ три надо будетъ... Проидайте, почтешнннй; желаю вамъ покойной ночи!

Однако, ночь была песнокойна. Но, временами, больной, дѣйствительно, засыпалъ, но потомъ внезапно вскакивалъ съ постели, хваталъ себя за голову и жалобнымъ голосомъ сиранивалъ у Наденьки, куда дѣвался его мозгъ, зачѣмъ сдвинулъ у него душу, и проч. На это, Наденька отвѣчала, что головна его цѣла, слава Богу, а вотъ, молъ, не хо-чется ли ему вышть ромашки — такъ ромашка есть. И онъ бралъ чашку въ руку и безпререкосовно выпивалъ ро-машку.

На другой день, къ обѣду, ему сдѣлалось какъ будто и полегче: онъ былъ спокоенъ и ховъ очень слабая, но, мѣтъ, однакожъ, говорить. Онъ бралъ у Наденьки руки, прижималъ ихъ къ сердцу, цѣловалъ ихъ, прижималъ къ глазамъ, ко лбу и плакалъ... тихими, слезными слезами плакать.

И Наденька, съ своей стороны, было тоже жалъ его. Впервые она какъ будто поняла, что въ ея глазахъ умираетъ человекъ, что этотъ человекъ любилъ ее, а она жестоко и впривязчиво оттолкнула его отъ себя. Кто знаетъ, что причиною этой смерти? Кто знаетъ, можетъ-бытъ, онъ былъ бы и здоровъ, и веселъ, если бы... О, если бы ты

взглянуло, доброе, чудное существо, взглянуло глазами сострадания и сочувствия на это обращенное къ тебѣ лицо! Если бы ты могла уронить хоть одну лучъ любви на эту обѣдную, истерзанную горемъ и нуждою душу! О, если бы это было возможно!

— Послушайте!—говорилъ, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ, взявъ ее за руку:—вы забудьте, что я надобдалъ вамъ, что я оскорблялъ васъ... Оно, конечно, и много и много виновать, да вѣдь что-жь дѣлать? Вѣдь я одинъ, Наденька, совѣмъ одинъ... Вѣдь я же не виновать, что неукрасивъ и неучень,—что же мнѣ съ этимъ дѣлать? Разумѣется, и вы не виноваты, что не могли любить меня...

Больной съ трудомъ перевелъ дыханіе; грустно посмотрѣлъ онъ въ лицо Наденьки, но Наденька молчала и, опустивъ глаза, смотрѣла въ землю.

— Думается мнѣ, однакожь,—снова началъ Иванъ Самойлычъ слабымъ голосомъ:—что если бы съ дѣтства... въ то время, когда и кровь-то въ часъ тепла, если бы въ то время не положили меня подъ прессъ да не заковали, такъ, можетъ, и вышло бы что-нибудь изъ меня... Воспитали-то меня такъ, что ни къ чему негоденъ и сдѣлался... съ дѣтства такъ вели, какъ будто и цѣлый вѣкъ долженъ былъ малодумнымъ остаться да на помочахъ ходить... Вотъ какъ пришлось трудомъ кусокъ себѣ добыть---и негдѣ, и нечѣмъ... Да и тутъ, право не знаю, винить ли мнѣ кого-нибудь... Отецъ мой человѣкъ старата вѣка и необразованный, мать—тоже: они не виноваты, что не вѣдали...

— А можетъ-быть, я и самъ во всемъ виновать,---продолжалъ онъ черезъ минуту:—потому что вѣдь Богъ далъ мнѣ волю, а я дѣйствовалъ какъ грубое животное!.. Да, я виновать, да и не передъ собою однимъ виновать, а еще и Богу отвѣтъ дамъ, что допустилъ такъ насмѣяться надъ собою... А впрочемъ, я тутъ опять-таки еще Богъ знаетъ, могъ ли бы я что-нибудь сдѣлать одинъ.

И снова умолкъ Иванъ Самойлычъ, и снова, потушивъ глазки, ничего не отвѣчала Наденька.

— Такъ вотъ такъ-то, Наденька!—продолжалъ больной:—часто мы и сами во всемъ виноваты, а другихъ винимъ!

Вотъ это-то дѣло, оно-то и стѣбало меня, Наденька, въ немя-то именно и смерть моя, а совѣмъ не въ томъ, будто бы я простудился... Простудиться можетъ тѣло, про-

студу можно вытѣчь, а вотъ какъ душа-то больна, какъ сердце-то ноетъ да стонетъ, вотъ тогда-то странно, Наденька! не дай Богъ какъ странно!

Она замолчала; Наденька задумчиво опустила голову и долго о чемъ-то размышляла. Думалось ли ей, что, дѣйствительно, самъ виноватъ Иванъ Самоильчъ въ томъ, что доводитъ обстоятельства до такой степени лишить себя всякой бодрости, или она оправдывала его тѣмъ, что обстоятельства все-таки обстоятельства, какъ ни борись противъ нихъ... Это ли, другое ли ей думалось, — дѣло въ томъ, что какъ-то грустно, необычайно грустно сдѣлалось бѣдной дѣвушкѣ. Можетъ-быть, къ этимъ мыслямъ присоединилась другая, не менѣе горькая и безвыходная мысль — мысль ея собственного безотраднаго, чреватаго лишенія и трудомъ будущаго, та мысль, что и она находится въ подобномъ же положеніи, и она должна бороться... вѣчно и упорно бороться!.. И она забыла и объ Иванѣ Самоильчѣ, и объ апатически-лаконическомъ Алексѣѣ; въ воспоминаніи ея вдругъ мелькнула деревенская избашка, старый господскій домъ, залуцѣнный садъ съ поросшими травой дорожками; рѣка, вяло и какъ будто нехотя катившая свои сонныя волны въ какое-то далекое, невѣдомое государство; стая утокъ, апатически полоскавшаяся въ водѣ; толпа грязныхъ и оборванныхъ ребятишекъ, столь же апатически копанная въ грязи и навозѣ... Но все это такъ живо, такъ быстро воскресло въ ея памяти, такъ быстро одинъ за другимъ смѣнялись — и сосновый, спящій вдаль лѣсъ, и вспаханныя борозды полей, и старая деревянная церковь... Лучше ли ей было тогда? лучше ли, чище ли сама она была въ то время?... Лучше ли было бы, если бы вдругъ, по какому-нибудь волшебному случаю, ей снова пришлось воротиться къ этой давно прошедшей, давно ужъ изгладившейся изъ памяти жизни?..

А между тѣмъ на дворѣ ужъ и смерклось; въ комнатѣ тихо, ни шороха, ни звука; Наденька подумала, что Иванъ Самоильчъ заснулъ, и вознамѣрилась идти въ свою комнату. Но передъ уходомъ, чтобы ближе удостовѣриться, дѣйствительно ли спитъ больной, она наклонилась къ нему и начала прислушиваться къ дыханію. Но дыханія не было слышно... Она взяла его за руку — рука была холодна... Наденькѣ сдѣлалось страшно. Въ первый разъ въ жизни была она одинъ на одинъ съ мертвымъ человѣкомъ... а при томъ неподвижные глаза покойника такъ и смотрѣли,

такъ и смотрѣли на нее, какъ будто хотѣли сконфузить ѳдну, будто упрекали ее за какое-то страшное преступленіе... Съ невольнымъ чувствомъ содроганія набросалъ она поскорѣе на лицо усонившаго одѣяло и выбѣжала изъ комнаты.

Черезъ пять минутъ всѣ нахлѣбники Шарлотты Готлибовны, и въ числѣ ихъ сама она подъ руку съ Иваномъ Макарычемъ, явились на поклонъ къ покойнику. Толковъ было много; некоторые даже сомнѣвались, точно ли умеръ Иванъ Самофлячь. А Иванъ Макарычь даже рѣшительно утверждалъ, что это все вздоръ, что господинъ Мичулинъ не можетъ умереть, потому что вчера еще далъ онъ ему такого дѣкарства, отъ котораго и мертвый изъ гроба встанетъ.

— Надо вамъ сказать, господа, — говорилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ: — что на свѣтѣ иногда чудныя бывають штуки! Спьяна, что ли, это дѣлается, а вдругъ человекъ не пошевельнется, ни моргнетъ, а между тѣмъ живъ и все слышитъ, что вокругъ него дѣлается... Я вамъ говорю, господа, что бывали даже примѣры, что и въ землю зрывали живыхъ...

Но для того, чтобъ окончательно убѣдиться, точно ли умеръ Иванъ Самофлячь, и имѣть право развѣивать свои познанія насчетъ заживо погребенныхъ, любознательный Пережигинъ подошелъ къ нему поближе, потрясъ его за носъ — носъ былъ холодный, приложилъ руку ко рту — дыханія не оказалось.

— А кто его знаетъ, можетъ-быть и въ самогъ дѣлѣ умеръ! — сказала онъ съ убійственнымъ равнодушіемъ, отходя отъ бездушнаго трупа. — И водка не спасла тебя, бабья дум! И хорошо, братъ, сдѣлать, что умеръ!

Однакожь, такъ какъ Мичулинъ не имѣлъ совершенно никакихъ родственниковъ, ни знакомыхъ, то Шарлотта Готлибовна почла нужнымъ послать за полицейскимъ чиновникомъ, нанереть пересмотрѣть всюду, не имѣется ли чего цѣннаго. Но цѣннаго оказалось всего только поношенный сюртукъ да изъ бѣлья кое-что. Вслѣдствіе такой ѳдноты канитааовъ, всѣ нахлѣбники тутъ же рѣшились сдѣлать сквадину, чтобъ приличнымъ христіанскимъ образомъ похоронить своего собрата.

Полицейскій чиновникъ не заставлялъ долго ждать себя. Малый онъ былъ права веселого и вообще любилъ при удобномъ случаѣ пошутить, но выхода, впрочемъ, изъ предѣловъ благопристойности... О, ни-ни, какъ это возможно!

— Спешите, пожалуйста! — началъ онъ, когда объяснили ему причину его призыва: — такъ вотъ съ какой странное надъ вами стряслось дѣло! Ну, съ, дѣлать нечего, присутствующимъ къ освидѣтельствуванію; посмотримъ, не окажется ли какихъ босякихъ и насильственныхъ знаковъ!

Шарлотта Готлибовна знала, что господинъ чиновникъ не позволитъ шутить, поэтому не только не смутилась, а только сказала ему съ самою очаровательною дуликою:

— О, вы очень любезный кавалиръ, Деметрій Осипичъ!

— Да-съ, ужъ этого, извольте видѣть, и задонъ требуетъ, а я орудію, ничего, какъ ничтожное орудіе... Да-съ, посмотримъ, посмотримъ... а можетъ-быть его и отравили?... Ха-ха-ха! Можетъ-быть, у него и денги были, миллиончикъ былъ... Ха-ха-ха!

И веселый Деметрій Осипичъ заливался добродушнымъ и звонкимъ хохотомъ.

Осмотрѣвъ тѣло Ивана Самофляча и удостовѣрившись, что отравы или удушенія тутъ нѣтъ никакихъ, добродушный Деметрій Осипичъ изъявилъ желаніе освѣдомиться объ изумительнѣйшемъ покойномъ.

— Ну, давайте же намъ ихъ сюда, давайте намъ миллиончикъ! — говорилъ онъ съ обычною своею веселостью. — Видъ, неравно наследники будутъ! Ха-ха-ха!.. О, — продолжалъ онъ, перебирая pockets умершаго: — да у него цѣлыхъ шесть рубашъ было, и фуфайка теплая... а умеръ!

— Скажите же, пожалуйста, господа, — обратился онъ къ присутствующимъ: — что-жъ бы это за причина была такая, что вѣтъ жить-жить человекъ, да вдругъ и умеръ?..

— То-есть, вы хотите узнать философію смерти? — замѣтилъ Бесобахтеръ.

— Да-съ, я, знаете, люблю иногда вечеркомъ позаняться такими разными мыслями, и, признаюсь, есть вещи, которыя сильно интригуютъ меня: напримеръ, вотъ хоть и это — жить-жить человекъ, да вдругъ и умеръ!.. Странное, очень странное дѣло!

— О, это не легко объяснить себѣ! Тутъ цѣлая наука! — отвѣчалъ господинъ Бесобахтеръ. — Надъ этимъ много философы не мало трудилась... Да, это трудно, очень трудно!.. Тутъ безкопечное!

— Что тутъ трудно! — прервалъ Пережигинъ: — трудно, трудно! А дѣло-то очень просто объясняется! Извольте видѣть, ужъ какъ пошелъ человекъ по мечтанію, какъ пошелъ въ его головѣ разные штуки да закорючки выкидывать!

такъ ужъ извѣстно—плохо дѣло! Вотъ и смерть приключилась!.. Какое же тутъ безконечное? что за философія? То-то, братъ, все съ своими выморозками лѣзешь? Ужъ я говорю: растянутся и тебѣ, какъ ему! Право такъ, помани мое слово!

— То-есть, что же вы разумѣте подь словами: «пошелъ по мечтанію?»—спросилъ Дмитрій Осипычъ.

— Ну, да ужъ извѣстно что: скептицизмъ, батюшка, скептицизмъ одолевъ! Вотъ что!

— Гм! скептицизмъ,—сообразилъ Дмитрій Осипычъ.—скептицизмъ? То-есть, что же вы подь этимъ разумѣте?

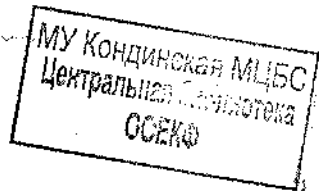
— А вотъ, примѣрно, человѣкъ съ собакой идетъ: ну, мы съ вами просто такъ и говоримъ, что вотъ, молъ, человѣкъ идетъ и за нимъ собака бѣжитъ, а скептицизмъ: нѣтъ, говоритъ, это, извольте видѣть, собака идетъ и человѣкъ ведетъ.

— Тсс, скажите! Такъ, стало-быть, покойникъ быть странный человѣкъ?—спросилъ Дмитрій Осипычъ и тутъ же съ упрекомъ покачалъ головою на Ивана Самоилыча.

— Я вамъ говорю: по мечтанію пошелъ! Ужъ какую онъ въ послѣднее время ахинею городилъ, такъ хоть святыхъ вонъ повеси: и то нехорошо, и то дурно...

— Тсс, скажите, пожалуйста!—продолжалъ Дмитрій Осипычъ, строго покачавъ головою:— а вѣдь чѣмъ была не жизнь человѣку: и сытъ былъ, и одѣтъ былъ, званіе, сударь ты мой, имѣлъ, и вотъ не усомнился же возроптать на Создателя своего!.. Честью вамъ доложу, ужъ нѣтъ въ мірѣ животнаго неблагодарнѣе человѣка. Прогрѣй его, накорми его— укуситъ, непремѣнно укуситъ. Ужъ такая, видно, его натура, господа!

64665-1-

Оглавление

I ТОМА.

Материалы для биографии М. Е. Салтыкова. <i>К. Е. Арсеньева.</i>	стр. 5
--	--------

Господа Головлевы.

I. Семейный судъ	85
II. По-родственному	139
III. Семейные итоги	183
IV. Племянюшка	230
V. Недозволенные семейные радости	276
VI. Вымерочный	303
VII. Расчетъ	336

Невинные рассказы.

I. Гегемоньевъ	377
II. Зубатовъ	385
III. Приездъ ревизора	398
IV. Утро у Христиюгина. Драматическій очеркъ	430
V. Для дѣтскаго возраста	447
VI. Маша и Ваня. Забытая исторія	460
VII. Нашъ дружескій хламъ	472
VIII. Деревенская типъ	491
IX. Святочный рассказъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника	510
X. Развеселое житье. Рассказъ	533
XI. Поездъ обѣда въ гостяхъ	560
XII. Запутанное дѣло Самой	571